

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

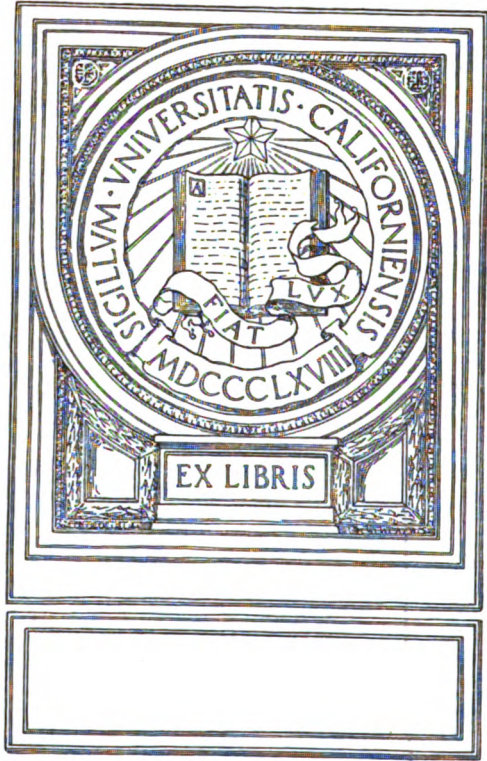
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ЧАСТЬ СІУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1859.

L451
A4
v.104

TO WHOM
IT MAY COME

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕНІЯ

ЗА АВГУСТЪ 1859 ГОДА.

32. (27 августа) *О назначеніи въ составъ народнаго просвѣщенія Варшавскаго учебнаго округа одного члена изъ юристовъ.*

По случаю развитія преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ Царства Польскаго, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на назначеніе въ составъ совѣта народнаго просвѣщенія Варшавскаго учебнаго округа особаго члена и вмѣстѣ визитатора учебныхъ заведеній сего округа изъ юристовъ, который могъ-бы давать общее направленіе преподаванію означеннаго предмета, повѣрялъ-бы на мѣстѣ, въ точности-ли исполняется программа преподаванія и вообще слѣдилъ-бы за успѣхами учениковъ, съ жалованьемъ по 1800 р. въ годъ изъ суммъ Царства Польскаго.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

ПРИКАЗЫ:

АВГУСТА 6 1859 ГОДА.

№ 31.

6 августа 1859 года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ КОМАНДИРОВКИ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ
ПР-ЦЮ:

Ординарному академику, дѣйствительному статскому со-
вѣтнику *Гамелю* — до 1 ноября 1859 года.

Ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго
университета, коллежскому совѣтнику *Каченовскому* — до 15
сентября 1859 года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЮ:

Причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія,
надворному совѣтнику *Лохвицкому* — до 28 августа 1859 года.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

№ 32.

12 августа 1859 года.

УВОЛНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦЮ:

Лектору Императорскаго Казанскаго университета, кол-
лежскій ассессоръ *Версфурдъ* — въ Англію, Германію, Фран-
цію, Италію, Швейцарію, Голландію, Велгю и соединенные
штаты сѣверной Америки, на одинъ годъ, по семейнымъ об-
стоятельствамъ и для обозрѣнія тамошнихъ учебныхъ заведеній.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Предсѣдателю комитета цензуры иностранной, дѣйствительному статскому совѣтнику *Тютчеву* — на шесть недѣль.

№ 33.

12 августа 1859 года.

ПРИКЛАСЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Старшій учитель Закавказскаго института благородныхъ дѣвицъ *Паткановъ* — съ увольненіемъ отъ настоящей должности и съ производствомъ въ чинъ титулярнаго совѣтника (1 августа 1859 г.).

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Почетный попечитель Воронежской гимназій, статскій совѣтникъ *Корсунъ* — въ той-же должности почетнаго попечителя означенной гимназій, на новое трехлѣтіе.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

МИНИСТЕРСІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА АВГУСТЪ 1859 ГОДА.

16. (24 августа) *О введеніи преподаванія Англійскаго языка въ Московской четвертой гимназіи.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи исправляющаго должность попечителя Московскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть въ Московской четвертой гимназіи, въ 1859—1860 учебномъ году, преподаваніе Англійскаго языка, для желающихъ оному обучаться, и производить преподавателю этого языка, въ видѣ платы по найму, по 250 р. сер. въ годъ, изъ общихъ остатковъ отъ суммы на содержаніе воспитанниковъ пансіона сказанной гимназіи.

17. (27 августа) *О сохраненіи статскимъ совѣтникамъ Благословенскому и Штейнману званія ординарныхъ профессоровъ.*

По представленію конференціи бывшаго главнаго педагогическаго института, принимая въ уважаніе, что ординарные профессора сего института, статскіе совѣтники *Благословенскій* и *Штейнманъ*, съ упраздненіемъ института и съ увольненіемъ ихъ отъ службы при семъ заведеніи, лишились, по причинамъ отъ нихъ независѣвшимъ, пріобрѣтенныхъ ими долговременною, отлично-усердною и полезною службою при институтѣ званія ординарныхъ профессоровъ, министръ народнаго просвѣщенія призналъ справедливымъ, по исключительности сего случая, дающаго имъ право на особое вниманіе начальства,

сохранить имъ званіе ординарныхъ профессоровъ на службѣ при С. Петербургскомъ университетѣ, по занимаемымъ ими кафедрамъ, съ правами и преимуществами, званію ординарныхъ профессоровъ присвоенными, но безъ производства положенныхъ по симъ званіямъ окладовъ содержанія, и съ тѣмъ, чтобы избраніе ихъ на вакансію ординарныхъ профессоровъ съ окладомъ содержанія оставалось за совѣтомъ университета и слѣдовало общему установленному въ уставѣ университетовъ порядку избранія профессоровъ на вакансію.

ПРИКАЗЪ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 20.

13 августа 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Директоръ училищъ Калужской губерніи, статскій совѣтникъ *Протопоповъ* — съ увольненіемъ, по прошенію, отъ настоящей должности.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Инспекторъ Московской 4-й гимназій, надворный совѣтникъ *Бибиковъ* — директоромъ училищъ Калужской губерніи.

Керчь-Еникольскій городской врачъ, лекаръ *Сезель* — врачомъ при Керченскомъ уѣздномъ училищѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Студенты главнаго педагогическаго института: старшими учителями въ гимназій: *Желоменскій* — въ 1-ю и *Дубровскій* — во 2-ю Казанскія, *Преображенскій* и *Фрязиновскій* — въ Тамбовскую, *Аструбинскій* — въ Екатеринославскую, *Соболевъ* — въ Вологодскую, *Веселовскій* — въ Воронежскую, *Грѣшищевъ* — въ Кишиневскую, *Тупылевъ* — въ Могилевскую и *Остроумовъ* — въ Олонекскую; младшими учите-

дямъ въ гимназіи: *Левицкій* — въ Орловскую, *Кедровъ* и *Скоропостижный* — въ Новгородскую, *Андреевъ* — въ Черниговскую, *Бергъ* — въ 1-ю и *Кутузовъ* — во 2-ю Каванскія, всѣ съ обязанностию прослужить во учебной части министерства народнаго просвѣщенія не менѣе 8 лѣтъ (30 іюля 1859 года).

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Давидовъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ прикладной математики.

УВОЛЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Почетный смотритель Опочецкаго уѣзднаго училища, гвардіи поручикъ *Княжнинъ*.

УВОЛЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Разумизинъ* — въ Ригу и Ревель на 29 дней.

Почетный смотритель Царевококшайскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Зиминскій* — въ Пензинскую, Тамбовскую, Саратовскую, Воронежскую и С. Петербургскую губерніи, на 4 мѣсяца.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Штатному смотрителю Тельшевскаго дворянскаго училища, надворному совѣтнику *Лукашевичу* и учителю рисованія Шавельской гимназіи *Жданко* — первому до 29 августа, а второму до 4 сентября сего года.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому совѣтнику *Козлову* — за принятое имъ на себя безмездно преподаванія открытаго при томъ университетѣ курса повивальнаго искусства для вольноприходящихъ ученицъ.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1859 ГОДА.

33. (3 августа) *О назначеніи военныхъ врачей въ университетскія и академическія клиники съ научною цѣлію.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу окончательныхъ соображеній относительно каждагоднаго назначенія военныхъ врачей на годичный срокъ въ университетскія и академическія клиники, съ научною цѣлію, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Число способнѣйшихъ врачей, которыхъ Высочайшимъ положеніемъ 29 января 1859 года предоставлено каждагодно избирать военно-медицинскому департаменту изъ войскъ и госпиталей, для научнаго усовершенствованія и преимущественно практическаго спеціальнаго образованія, должно быть не свыше 20 человекъ; посылать ихъ съ этою цѣлію въ ближайшіе къ мѣсту ихъ служенія университеты: Московскій, Казанскій, Харьковскій, Кіевскій и Дерптскій и въ С. Петербургскую медико-хирургическую академію.

2) Выборъ сихъ врачей долженъ основываться исключительно на непосредственныхъ представленіяхъ медицинскому департаменту ближайшаго ихъ медицинскаго начальства, съ личною отвѣтственностію послѣдняго.

3) Избранные врачи каждагодно прибываютъ въ университеты въ началѣ августа, а въ медико-хирургическую академію — въ концѣ того мѣсяца, т.е. къ открытію тамъ учебныхъ

курсовъ, и прикомандировываются къ клиникамъ, находясь въ главномъ вѣдѣніи совѣтовъ университетовъ и конференціи академіи и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ клиническихъ профессоровъ.

4) Врачи эти ежегодно представляютъ военно-медицинскому департаменту отчетъ о своихъ занятіяхъ, съ изложениемъ учено-критическихъ сужденій и выводовъ. Въ-теченіе годичнаго срока пребыванія въ клиникахъ, тѣ изъ сихъ врачей, которые не имѣютъ высшей ученой степени, обязаны выдержать экзаменъ на степень доктора медицины.

5) По окончаніи-же этого срока, совѣты университетовъ и конференція академіи, на основаніи отзывовъ клиническихъ профессоровъ, сообщаютъ военно-медицинскому департаменту свѣдѣнія о способностяхъ, ученомъ направленіи, прилежаніи и успѣхѣ занятій каждаго изъ сихъ врачей, для представленія отчета о томъ военному министру и для разрѣшенія относительно отправленія ихъ или къ штатнымъ своимъ мѣстамъ, или-же къ новымъ должностямъ, судя по успѣхамъ ихъ и способностямъ. Вышепомянутый годичный срокъ можетъ на нѣкоторое время быть продолженъ только съ разрѣшенія военнаго министра, и то по самымъ уважительнымъ причинамъ.

6) Медицинскій департаментъ долженъ вести отдѣльные списки этимъ врачамъ, слѣдить за дальнѣйшею ученою дѣятельностію ихъ и имѣть ихъ въ виду, для замѣщенія на открывающіяся высшія вакансіи.

7) Дабы облегчить врачамъ, командируемымъ въ клиники, не стѣсняемое недостатками на учебныя пособія, безпрепятственное выполненіе той ученой цѣли, для которой они предназначаются, имъ предоставляется получать: а) при отправленіи ихъ въ университеты и академію, и обратно къ штатнымъ мѣстамъ или-же къ новымъ должностямъ, прогоны отъ комиссаріата, на общемъ положеніи; б) во все время дѣйствительнаго нахожденія ихъ при клиникахъ, въ-теченіе годичныхъ университетскихъ и академическихъ курсовъ, порціонныя день-

ги по 1 руб. въ день, съ производствомъ сихъ денегъ, по окончаніи каждаго мѣсяца, изъ государственнаго казначейства, по требованію военно-медицинскаго департамента, по существующему нынѣ порядку, и, сверхъ-сего, в) то штатное содержаніе, какимъ они пользовались на мѣстѣ — при штатныхъ своихъ должностяхъ. Врачи, за время нахождения ихъ при клиникахъ сверхъ годичнаго академическаго и университетскаго курсовъ, не имѣютъ права на полученіе помянутыхъ порціонныхъ денегъ.

8) Врачи, за пребываніе ихъ на казенный счетъ въ клиникахъ, обязаны прослужить два года въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.

9) Тѣ медики, которые состоятъ на службѣ въ частяхъ войскъ и госпиталяхъ, расположенныхъ въ мѣстахъ нахождения университетовъ и медико-хирургической академіи, не получаютъ порціонныхъ денегъ; а медики, служащіе въ окрестностяхъ сихъ учебныхъ заведеній, пользуются только прогонами.

10) Этими правилами замѣняется 3-е примѣчаніе 1-го дополненія къ ст. 404, части IV книги III *Свод. воен. пост.*, по 8-му продолженію.

34. (2 сентября) *Объ устройствѣ при клиникѣ Харьковскаго университета отдѣленія гальвано-магнитныхъ леченій, подъ названіемъ «Маньковскаго».*

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: устроить и содержать при клиникѣ Харьковскаго университета, на-счетъ пожертвованнаго вдовою титулярнаго совѣтника *Манько* капитала, особое отдѣленіе гальвано-магнитныхъ леченій подъ названіемъ: *Маньковскаго*, а г-жѣ *Манько* за пожертваніе объявить отъ Имени Его Величества Высочайшую благодарность.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

на имя товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго со-
вѣтника *Муханова*.

Господинъ тайный совѣтникъ *Мухановъ*! Долговременная и полезная служба ваша и особые труды, понесенные вами въ текущемъ году по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ отсутствіе министра, при другихъ важныхъ занятіяхъ, довѣремъ Моимъ на васъ возложенныхъ, приобрѣли вамъ право на особенное Мое вниманіе. Изъявляя вамъ за такую дѣятельность вашу Мое благоволеніе, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

8 сентября 1859 г.

С. Петербургъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

ПРИКАЗЫ:

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

№ 34.

2 сентября 1859 года.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординарный профессоръ гражданскихъ законовъ Царства Польскаго при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ *Кржижановскій* — членомъ совѣта народнаго просвѣщенія и визитаторомъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа.

УВОЛЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный попечитель Бѣлоцерковской гимназіи, графъ *Браницкій* — на шесть мѣсяцевъ.

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Пензинскаго — коллежскій ассессоръ *Сабуровъ* и Кромскаго — коллежскій секретарь *Ржевскій*, первый на 28 дней, а послѣдній на четыре мѣсяца.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Ректору Императорскаго С. Петербургскаго университета, тайному совѣтнику *Плетневу* — по первое сентября сего года.

Почетному смотрителю училищъ Волковскаго уѣзда, титулярному совѣтнику графу *Чапскому* — на два мѣсяца.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ,

№ 35.

8 сентября 1859 года.

ПРОИЗВОДЯТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники — статскіе совѣтники: бывшій инспекторъ упраздненнаго главнаго педагогическаго института *Тихомандрицкій* и бывшій ординарный профессоръ того-же института *Воскресенскій*.

Въ титулярные совѣтники: помощникъ редактора С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ вѣдомостей и корректоръ ученыхъ изданій Императорской академіи наукъ, коллежскій регистраторъ *Лѣве*.

**ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ВЛАГОВОЛЕНІЕ:**

Почетному попечителю Виленскихъ дворянскаго института и гимназій, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, титулярному совѣтнику графу *Платеру* — за принятое имъ на себя обязательство воспитывать на свой счетъ въ Виленской гимназій 21 ученика изъ дворянъ Виленской губерніи, въ-теченіе всего времени пребыванія его въ должности почетнаго попечителя.

№ 36.

8 сентября 1859 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ статскіе совѣтники — коллежскій совѣтникъ, помощникъ попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, князь *Вяземскій*, съ оставленіемъ въ званіи камеръ-юнкера.

ВЪ МОСКВѢ,

№ 37.

12 сентября 1859 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Почетными попечителями гимназій: Вольнской — состоящій нынѣ въ этой должности, дворянинъ *Крашевскій* и Ровенской — князь *Любомирскій*, по выборамъ, на трехлѣтіе.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Вдовѣ титулярнаго совѣтника *Манько* — за пожертвованіе капитала 28,000 руб. сер. на учрежденіе при клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета заведенія гальвано-магнитныхъ леченій.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

НАГРАЖДЕНЪ:

Наперснымъ крестомъ.

Законоучитель Кадниковскаго уѣзднаго училища, священникъ *Стефанъ Кубеницкій.*

Объявлена Высочайшая благодарность.

Профессору Лейпцигскаго университета *Тшениндорфу* — за приобретенныя имъ, по порученію Русскаго правительства, въ восточныхъ странахъ рукописи (2 сентября).

МИНИСТЕРСІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА СЕНТЯВРЬ 1859 ГОДА.

П Р И К А З Ы

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 21.

3 сентября 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — надворный совѣтникъ баронъ *Розень*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Предводитель дворянства Бѣлгородскаго уѣзда, коллежскій ассессоръ князь *Салтыковъ* — почетнымъ смотрителемъ Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ *Строковъ* — почетнымъ смотрителемъ Севастопольскаго уѣзднаго училища.

Канцелярскій чиновникъ С. Петербургской таможни, коллежскій секретарь *Звѣрковъ* — почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Андреевскаго училища, съ оставленіемъ на службѣ при настоящей должности.

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета, князь *Щиринскій-Шихматовъ* — почетнымъ смотрителемъ Обоянскаго уѣзднаго училища.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Коллежскіе совѣтники, исправляющіе должность директоровъ: училищъ Самарской губерніи — *Ангерманъ* и второй Казанской гимназіи и училищъ тамошней губерніи — *Имшенникъ* — въ настоящихъ должностяхъ.

Исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ педагогіи *Тихомировъ* — исправляющимъ-же должность адъюнкта сего университета по кафедрѣ Русской словесности и исторіи Русской литературы, съ увольненіемъ отъ занимаемой нынѣ кафедры.

Адъюнктъ хирургическаго отдѣленія госпитальной клиники Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того-же университета по кафедрѣ хирургической госпитальной клиники.

ПЕРЕМѢЩАЕТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ Тамбовскаго дворянскаго депутатскаго собранія, коллежскій регистраторъ *Рубецъ* — почетнымъ смотрителемъ Тамбовскаго уѣзднаго училища.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поль* — съ званіемъ заслуженнаго профессора и съ мундиромъ, должности присвоеннымъ, и почетный смотритель Усманскаго уѣзднаго училища, штабсъ-капитанъ *Безобразовъ* — оба по прошеніямъ.

Почетный смотритель Кронштадтскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Паклинъ* — по болѣзни.

Указами правительствующаго сената произведены при отставкѣ:

1) *Отъ 4 августа 1859 г. за № 95*, коллежскіе ассессоры, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Тамскаго — *Арцы-*

бушевъ и Ново-Московского — *Мизко* — въ надворные совѣтники.

2) Отъ 18 августа за № 106, бывшіе почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Сергачскаго — надворный совѣтникъ *Класень* — въ коллежскіе совѣтники и Тамбовскаго — титулярный совѣтникъ *Коваленковъ* — въ коллежскіе ассессоры.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. Уст. о саужб. по опред. отъ прав. (изд. 1857 г.).

№ 22.

7 сентября 1859 года.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ по Русской словесности — директоръ второй С. Петербургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Вороновъ*, на три года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Членами того-же комитета на три года — состоящіе нынѣ въ этихъ должностяхъ: по новой филологіи — директоръ Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ* по древней филологіи — экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Штейнманъ* и по математическимъ наукамъ — экстраординарный профессоръ того-же университета, статскій совѣтникъ *Чебышевъ*.

УВОЛЬНЯЮТСЯ:

Отъ должности членовъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ: ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Симашко*.

УВОЛНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Варнекъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ УМЕРШІЕ:

Директоръ училищъ земли войска Донскаго, полковникъ *Поповъ* 5-й и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Островскій*.

№ 23.

21 сентября 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Видеманъ*.

ОПРЕДЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Бабанинъ* — почетнымъ смотрителемъ Суджинскаго уѣзднаго училища.

УКАЗАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

1) Отъ 25 августа 1859 г., за № 107, произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:

Въ статскіе совѣтники:

Отдѣльный цензоръ въ *Дерптѣ*, коллежскій совѣтникъ Александръ *Дела-Кроа*, съ 12 декабря 1858 года.

Въ губернскіе секретари:

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Александръ *Кедровъ*, съ 9 января 1859 года.

2) Отъ 25 августа 1859 г., за № 111, произведенъ въ титулярные совѣтники, при отставкѣ, бывшій почетный смотритель Зміевскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Михаилъ Павловъ*.

3) Отъ 25 августа 1859 г., за № 112, утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи Александръ *Горбуновъ* — по степени кандидата Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 7 февраля 1859 года.

4) Отъ 25 августа 1859 г., за № 113, переименованы:

Въ коллежскіе секретари:

Почетный смотритель Тимскаго уѣзднаго училища, отставной капитанъ арміи Александръ *Рыжковъ* — соответственно прежнему его военному чину штабсъ-капитана.

Въ губернскіе секретари:

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Рыльскаго — отставной штабсъ-ротмистръ арміи Михаилъ *Суходоловъ*, Львовскаго — отставной поручикъ арміи Михаилъ *Машкинъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной подпоручикъ арміи Викторъ *Калачевъ*, Суходоловъ — соответственно его прежнему военному чину поручика, Машкинъ — соответственно означенному его военному чину и Калачевъ — по степени дѣйствительнаго студента Императорскаго Московскаго университета.

5) Отъ 31 августа 1859 г., за № 116, произведенъ, при отставкѣ, въ титулярные совѣтники — бывшій почетный смотритель Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Тривимъ *Бленихинъ*.

6) Отъ 31 августа 1859 г., за № 117, утверждены со старшинствомъ:

Въ чинъ надворнаго совѣтника:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Филиппъ *Овсянниковъ* — по настоящей должности, съ 11 сентября 1858 г.

Въ чинъ коллежскаго ассессора:

Адъюнкты: того-же университета Робертъ *Лангель* и бывший главнаго педагогическаго института Константинъ *Скворцовъ* — оба по означеннымъ должностямъ, первый — съ 24 октября 1858 г., а послѣдній — съ 28 апрѣля 1859 года.

Въ чинъ титулярнаго совѣтника:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Орестъ *Миллеръ* — по степени магистра Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 30 апрѣля 1859 года.

Въ чинъ коллежскаго секретаря:

Причисленный къ тому-же министерству Георгій *Богушевичъ* — по степени кандидата Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 5 мая 1859 года.

7) Отъ 31 августа 1859 г., за № 118, переименованъ въ коллежскіе секретари — опредѣленный почетнымъ смотрителемъ Орловскаго (Вятской губерніи) уѣзднаго училища, отставной поручикъ корпуса гѣсничихъ Петръ *Климовъ*, соотвѣтственно означенному его военному чину.

Посему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. *уст. о службѣ по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Орнатскій* — согласно прошенію, по болѣзни.

УВОЛНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій совѣтникъ *Андріевскій-Александровичъ* — въ Московскую, Рязанскую и Тульскую губерніи, на три мѣсяца, и надворный совѣтникъ *Лохвицкій* — въ Одессу, на два мѣсяца.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Умершій помощникъ цензора Одесскаго ценсурнаго комитета, коллежскій ассессоръ *Карейша*.

№ 24. 30 сентября 1859 года.

ОПРЕДЪЛЯЮТСЯ:

Въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію: членъ и ученый секретарь главнаго медицинскаго совѣта Царства Польскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Янковскій* — ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, съ порученіемъ должности ученаго секретаря, и докторъ медицины и хирургіи Берлинскаго университета *Гойеръ* — адъюнктомъ по кафедрѣ физиологіи.

Изъ отставныхъ: гвардіи поручикъ *Бурцевъ* и подпоручикъ графъ *Толстой* — почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ, первый — Муромскаго а второй — Сергачскаго.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ по исторіи и географіи — экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Стасюлевичъ*, на три года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Дѣйствительные статскіе совѣтники, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго —

Брашманъ и Казанскаго — *Елчичъ*, въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

Исправляющій должность директора училищъ Орловской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Малиновскій* — въ настоящей должности.

Доцентъ по кафедрѣ анатоміи въ Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Корженевскій* — адъюнктомъ по той-же кафедрѣ.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, коллежскій регистраторъ *Протопоповъ* — почетнымъ смотрителемъ Казанскаго уѣзднаго училища.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ 1859 ГОДА.

35. (20 октября) *Объ учрежденіи школъ для образованія дѣтей горскихъ племенъ Кавказа.*

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго Кавказскою арміею, признавая полезнымъ и необходимымъ учредить для образованія дѣтей горскихъ туземныхъ племенъ Кавказа особыя школы, Высочайше соизволилъ утвердить, въ видѣ опыта, на 4 года, доставленные г. генералъ-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ, составленные по его порученію въ главномъ штабѣ Кавказской арміи и рассмотрѣнные Кавказскимъ комитетомъ, проекты устава и штата горскихъ школъ, предоставивъ намѣстнику Кавказскому и главнокомандующему Кавказскою арміею въ теченіе означеннаго срока дѣлать въ сихъ уставѣ и штатѣ всѣ тѣ измѣненія и дополненія, кои онъ признаетъ нужными и полезными.

36. (20 октября).

Проектъ устава горскихъ школъ, по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ, въ видѣ опыта, на четыре года. Въ Царскомъ Селѣ, 20 октября 1859 года.

Подписалъ: Статсъ-секретарь В. *Бутковъ*.

ПРОЕКТЪ

УСТАВА ГОРСКИХЪ ШКОЛЪ.

ГЛАВА I.

Число, цѣль и раздѣленіе школъ.

§ 1. Для распространенія гражданственности и образованія между покорившимися мирными горцами и для доставленія служащимъ на Кавказѣ семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ средства къ воспитанію и обученію дѣтей, учреждаются горскія школы на степени уѣздныхъ и первоначальныхъ училищъ.

§ 2. Школы эти на первый разъ учреждаются въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Окружныя школы:

- а) Во Владикавказѣ.
- б) Въ Нальчинѣ.
- в) Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Начальныя школы:

- а) Въ Усть-Лабѣ.
- б) Въ Грозной.
- в) Въ Сухумѣ.

ГЛАВА II.

ОБЪ ОКРУЖНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

§ 3. Окружныя школы состоятъ изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ одинъ есть приготовительный.

§ 4. Окружныя школы управляются на общемъ основаніи, какъ и прочія подвѣдомыя Кавказскому учебному округу уѣздныя и окружныя училища, штатными смотрителями, которые назначаются главнокомандующимъ Кавказскою арміею и намѣстникомъ Кавказскимъ, по представленію попечителя округа, изъ учителей, отличающихся педагогическими познаніями и опытностію и извѣстныхъ учебному начальству своею безукоризненною нравственностію. Штатные смотрители окружныхъ школъ избираются преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ дипломы дѣйствительныхъ студентовъ университета, или изъ кончившихъ полный курсъ наукъ въ специальныхъ классахъ Ставропольской гимназіи по педагогическому отдѣленію.

§ 5. Кромѣ штатнаго смотрителя, при каждой изъ этихъ школъ находятся: законоучители православнаго исповѣданія и мусульманскаго закона, три учителя наукъ и одинъ учитель приготовительнаго класса, которые опредѣляются, на общемъ основаніи, попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, первые два—изъ духовныхъ лицъ, а учителя наукъ и приготовительнаго класса — изъ лицъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ педагогическомъ отдѣленіи специальныхъ классовъ при Ставропольской гимназіи; или, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ и равныхъ ихъ заведеніяхъ.

§ 6. Окружныя школы хотя и открываются преимущественно для туземцевъ и дѣтей Русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, но въ нихъ могутъ обучаться мальчики и изъ всѣхъ другихъ свободныхъ сословій, безъ различія вѣроисповѣданій.

§ 7. Въ окружныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы:

а) Законъ Божій православнаго вѣроисповѣданія, т.-е. молитвы, краткій катихизисъ, краткая священная исторія и понятіе о богослуженіи православной церкви — для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія.

б) Мусуманскіе законы — для мусульманъ.

в) Русскій языкъ и Русская грамматика съ практическими упражненіями въ языкѣ.

г) Краткая географія всеобщая и Русская; послѣдняя съ статистическими свѣдѣніями объ административномъ устройствѣ имперіи вообще и Кавказскаго края въ-особенности.

д) Краткій очеркъ всеобщей и Русской исторіи.

е) Ариометика и понятіе объ алгебрѣ.

ж) Начальныя понятія о геометріи, т.-е. объясненіе линій, плоскостей и тѣлъ и важнѣйшихъ ихъ свойствъ и черченіе геометрическихъ фигуръ.

з) Чистописаніе и, если можно, рисованіе.

§ 8. Всѣ сіи предметы распредѣляются между преподавателями сколь можно уравнительнѣе, что и возлагается на обязанность штатныхъ смотрителей, которые ежегодно представляютъ распредѣленіе уроковъ на утвержденіе директора училищъ.

§ 9. Курсъ въ окружныхъ школахъ полагается годичный для каждаго класса, исключая приготовительнаго, въ которомъ дѣти могутъ оставаться два года и болѣе.

§ 10. Учебный годъ въ горскихъ школахъ начинается 15 августа, время-же ваканцій опредѣляется съ 1 іюля по 15 августа.

§ 11. Желающіе поступить въ эти школы приходящими учениками подаютъ о томъ просьбы штатнымъ смотрителямъ, и въ приѣмъ ихъ сіи послѣдніе руководствуются общими правилами, постановленными для уѣздныхъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа.

§ 12. Плата за ученіе въ этихъ школахъ полагается съ приходящихъ учениковъ по 5 руб. въ годъ. Бѣдные отъ взно-

са денегъ освобождаются не иначе, какъ по представленію педагогическаго совѣта, съ разрѣшенія мѣстнаго военнаго начальника.

§ 13. Деньги, взимаемыя съ учениковъ за право ученія, собираются и расходуются согласно съ положеніемъ, изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16 мая 1852 года на слѣдующемъ основаніи: одна половина поступаетъ на награды учителямъ, а другая дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна употребляется на пособіе бѣднымъ ученикамъ книгами и одеждою, а другая поступаетъ на улучшение учебныхъ пособій и другихъ нуждъ заведеній.

§ 14. Ученики окружныхъ школъ пользуются, по окончаніи курса, тѣми-же правами, кои присвоены обучавшимся въ уѣздныхъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа.

§ 15. Окончившіе курсъ съ хорошими успѣхами принимаются въ гимназій Кавказскаго учебнаго округа въ IV-й классъ безъ экзамена, если избираютъ отдѣлъ готовящихся на службу; но буде изъявятъ желаніе поступить по университетскому отдѣлу, то должны, по предварительному приготовленію, выдержать испытаніе въ новѣйшихъ языкахъ.

§ 16. Своекостные пансіонеры и приходящіе ученики, выдержавшіе первыми въ своемъ классѣ годичный экзаменъ или выѣющіе баллы равные балламъ, полученнымъ на экзаменѣ первымъ товарищемъ своего класса, могутъ быть зачислены пансіонерами на казенный счетъ, по представленію педагогическаго совѣта школы мѣстному военному начальнику.

ГЛАВА III.

О начальныхъ школахъ.

§ 17. Начальныя школы состоятъ изъ трехъ классовъ, изъ которыхъ одинъ приготовительный, и управляются смотрителями, опредѣляемыми попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа преимущественно изъ лицъ, получившихъ университетское

образованіе или кончившихъ курсъ въ педагогическомъ отдѣленіи специальныхъ классовъ Ставропольской гимназіи; въ должности эти могутъ быть избираемы также учителя гимназіи и уѣздныхъ училищъ, извѣстные училищному начальству своею опытностью и познаніями въ дѣлѣ воспитанія.

§ 18. Кромѣ смотрителя, при начальныхъ школахъ находятся еще два учителя наукъ, законоучитель православнаго исповѣданія и учитель мусульманскаго закона. Всѣ эти лица опредѣляются попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа на общемъ основаніи.

§ 19. Въ начальныхъ школахъ обучаются не только туземцы и дѣти Русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, но и мальчики изъ всѣхъ другихъ сословій безъ различія вѣроисповѣданій.

§ 20. Въ начальныхъ школахъ преподаются:

а) Законъ Божій православнаго вѣроисповѣданія, т.-е. молитвы, краткая священная исторія и краткое объясненіе символа вѣры и молитвы Господней по книжкѣ «Начатки христіанскаго ученія».

б) Мусульманскій законъ.

в) Русскій языкъ, чтеніе съ объясненіемъ читаемаго, письмо подъ диктовку, понятіе о составѣ рѣчи.

г) Счисленіе и первая часть ариметики.

д) Понятіе о землѣ и самый краткій очеркъ Русской географіи.

е) Чистописаніе.

§ 21. Въ числѣ уроковъ, въ распредѣленіи ихъ, во времени начала курса и ваканцій и во всемъ прочемъ, касающемся внутренняго порядка училищъ и занятій въ немъ, смотрители руководствуются общими постановленіями по первоначальнымъ училищамъ Кавказскаго учебнаго округа.

§ 22. Плата за ученіе въ начальныхъ горскихъ школахъ опредѣляется по 3 р. въ годъ, бѣдные-же отъ взноса денегъ освобождаются не иначе, какъ по представленію педагогиче-

скаго совѣта, съ разрѣшенія мѣстнаго военнаго начальника. Плата эта собирается и расходуется по правиламъ, опредѣленнымъ для окружныхъ школъ въ § 13.

§ 23. Кончившіе съ хорошими успѣхами курсъ въ начальныхъ горскихъ школахъ принимаются безъ экзамена во вторые классы уѣздныхъ училищъ и гимназій Кавказскаго учебнаго округа.

§ 24. Форменной одежды для приходящихъ учениковъ въ горскихъ окружныхъ и начальныхъ школахъ не полагается; но отличные по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію получаютъ право носить форменные полукафтаны, присвоенные воспитанникамъ пансіоновъ при этихъ училищахъ.

ГЛАВА IV.

О ПАНСІОНАХЪ ПРИ ГОРСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

§ 25. При горскихъ школахъ учреждаются пансіоны, какъ для облегченія средствъ родителямъ содержать дѣтей своихъ въ училищѣ, такъ и для того, чтобы разумнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ вкоренить въ молодомъ поколѣніи горскаго юношества истинныя правила чести, долга, трудолюбія и порядка, и чрезъ то приготовить ихъ къ той гражданственности, которая есть собственно главная цѣль ихъ образованія.

§ 26. Пансіоны эти учреждаются въ слѣдующихъ размѣрахъ:

- а) При Владикавказской школѣ—на 120 воспитанниковъ.
- б) При Нальчикской—на 65.
- в) При Темиръ-Ханъ-Шуриной — на 65.
- г) При Усть-Лабинской—на 65.
- д) При Грозненской—на 65.
- е) При Сухумъ-Кальской—на 40.

Изъ числа воспитанниковъ постоянно содержатся на-счетъ казны въ пансіонахъ: Владикавказскомъ — 80, изъ коихъ 50

горцевъ изъ лучшихъ и знатнѣйшихъ фамилій Военно-Осетинскаго округа и 30 дѣтей Русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; въ Нальчикскомъ—25, въ томъ числѣ 10 Кабардинскихъ князей и узденей (*) и 15 Русскихъ дѣтей военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ; въ Темиръ-Ханъ Шуринскомъ—40, изъ коихъ 25 горцевъ изъ почетныхъ фамилій сѣвернаго и южнаго Дагестана и 15 дѣтей Русскихъ чиновниковъ; въ Усть-Лабинскомъ — 40, изъ коихъ 25 изъ Закубанскихъ племенъ и 15 дѣтей Русскихъ чиновниковъ; въ Грозненскомъ—40, въ числѣ коихъ 25 дѣтей почетныхъ Чеченцевъ и Кумыковъ и 15 дѣтей Русскихъ чиновниковъ; въ Сухумъ-Кале—20, изъ коихъ 15 Абхазцевъ, Цебельдивцевъ и Джигетовъ и 5 дѣтей Русскихъ чиновниковъ.

§ 27. Остальные затѣмъ вакансіи замѣщаются:

а) Пансіонерами на счетъ общественныхъ суммъ, какъ на примѣръ, въ Нальчикской школѣ, гдѣ такимъ образомъ содержатся 25 дѣтей Кабардинскихъ князей и узденей.

б) Пансіонерами на счетъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго Кавказскою арміею.

в) Своёкоштными.

Примѣчаніе. Хотя въ каждой школѣ назначено извѣстное число вакансій (§ 26 и 27), замѣщаемыхъ на основаніи этого §, но вообще число пансіонеровъ, поступающихъ на изложенныхъ основаніяхъ, ограничивается исключительно помѣщеніемъ школъ.

§ 28. Годовая плата за пансіонеровъ, поступающихъ на основаніи § 27, во всѣхъ горскихъ пансіонахъ полагается по 80 руб. въ годъ.

§ 29. Всѣ воспитанники пансіоновъ носятъ форменные полукафтаны изъ темнозеленаго сукна съ таковыми-же ворот-

(*) Въ Нальчикской школѣ назначено изъ Кабардинцевъ 40 казенныхъ пансіонеровъ въ томъ вниманіи, что сверхъ этихъ 10 мальчиковъ тамъ будетъ содержаться на счетъ Кабардинской общественной суммы 25 дѣтей туземныхъ князей и узденей.

никами, съ красною выпушкою и мѣдными гладкими пуговицами, и темнозеленую фуражку съ краснымъ околышемъ. Для верхняго платья употребляется темнозеленое пальто гражданского покроя.

30. Зачисленіе въ кандидаты на казеннокоштные вакансіи и самое назначеніе предоставляется главнымъ военнымъ начальникамъ въ краѣ, для горцевъ; Русскіе-же зачисляются на мѣстникомъ Кавказскимъ, по представленію начальника края, и по очереди ихъ зачисленія принимаются въ пансіонъ педагогическими совѣтами школъ съ утвержденія мѣстнаго военнаго начальника.

§ 31. Возрастъ для поступленія въ пансіонъ на казеннокоштные вакансіи назначается не моложе 9-ти и не старѣе 15-ти лѣтъ, а именно: въ приготовильные классы дѣти могутъ поступать—до 13-ти лѣтъ, въ 1-й классъ окружныхъ школъ—до 14-ти, во 2-й—до 15-ти; перешедшіе этотъ возрастъ въ пансіоны на казенный счетъ не принимаются.

§ 32. Прошенія о зачисленіи дѣтей какъ горцевъ, такъ и Русскихъ кандидатами на казеннокоштные вакансіи подаются ближайшимъ мѣстнымъ начальникамъ или командующимъ войсками и Кутаисскому генералъ-губернатору, на своекоштныхъ же вакансіи—штатному смотрителю, на общемъ основаніи.

Примѣчаніе. Мѣстные начальники, получивъ просьбы о зачисленіи малолѣтнихъ, немедленно представляютъ о семъ на разрѣшеніе командующихъ войсками.

§ 33. Каждый воспитанникъ можетъ оставаться въ одномъ и томъ-же классѣ не болѣе двухъ лѣтъ, исключая приготовительнаго, въ которомъ воспитанники не-Русскаго происхожденія могутъ быть три года; тѣ-же, которые, по истеченіи означеннаго срока, не приобрѣтутъ достаточныхъ познаній для перехода въ вышій классъ, увольняются изъ пансіона, но имъ не воспрещается посѣщать школу въ качествѣ приходящихъ учениковъ.

§ 34. При приемѣ въ пансіоны смотрители школъ должны

объявлять родителямъ или родственникамъ принимаемыхъ дѣтей о томъ, что, въ случаѣ неуспѣшнаго ученія, на основаніи предшествовавшаго параграфа, дѣти подвергаются исключенію изъ пансіона.

§ 35. Воспитанники пансіоновъ, по окончаніи курса, возвращаются родителямъ; оказавшіе-же отличные успѣхи горцы могутъ поступать на казенный счетъ въ гимназіи по представленію главнаго военнаго начальника края съ разрѣшенія главнокомандующаго арміею; съ этою цѣлью, смотритель школы доноситъ чрезъ начальника округа объ отличныхъ воспитанникахъ, перешедшихъ въ высшій классъ, дабы они имѣлись въ виду на замѣщеніе казенныхъ вакансій для горцевъ въ гимназіи Ставропольской; а главный штабъ арміи, получая отъ попечителя округа увѣдомленіе о казенной горской вакансіи въ гимназическомъ пансіонѣ, предоставляетъ ее предпочтительно воспитанникамъ, кончившимъ съ отличнымъ успѣхомъ курсъ въ горскихъ окружныхъ и начальныхъ школахъ.

§ 36. Смотритель школы помѣщается въ томъ зданіи, гдѣ находится пансіонъ, коего онъ есть хозяинъ и непосредственный начальникъ.

§ 37. По всѣмъ дѣламъ, касающимся хозяйства пансіона, не подлежащимъ его разрѣшенію, штатный смотритель обращается къ окружному военному начальнику и проситъ его содѣйствія, а отчетъ о состояніи пансіона представляетъ чрезъ начальника военнаго округа, непосредственно главному военному начальнику края, т.-е. командующему войсками или генералъ-губернатору.

§ 38. Въ помощники смотрителю по надзору за поведеніемъ и нравственностью пансіонеровъ и за порядкомъ въ пансіонѣ избираются двое или трое, какъ назначено въ штатѣ, учителей, которые исполняютъ обязанности комнатныхъ надзирателей, и получая добавочное въ-сравненіи съ другими женованье, помѣщаются въ зданіи пансіона, а буде то окажется невозможнымъ, по тѣснотѣ помѣщенія, получаютъ квартиру

по отводу. Надзиратели, въ исполненіи своимъ обязанностей по пансіону, руководствуются общими постановленіями по министерству народнаго просвѣщенія.

§ 39. При каждомъ пансіонѣ находится опредѣленное штатомъ число унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Изъ первыхъ двое или трое назначаются смотрителемъ для дежурства при воспитанникахъ, что они исполняютъ чередуясь поденно. Во время дежурства они находятся въ полномъ распоряженіи комнатнаго надзирателя.

§ 40. Не только дежурные унтеръ-офицеры, но и комнатные надзиратели не имѣютъ права сами наказывать воспитанниковъ. Надзиратель ограничивается только выговоромъ и лишеніемъ рекреации; всѣ-же другія наказанія назначаются не иначе, какъ смотрителемъ училища, а въ важныхъ случаяхъ — педагогическими совѣтами на общемъ основаніи.

§ 41. Если педагогическій совѣтъ, по употребленіи исправительныхъ мѣръ, убѣдится въ упрямствѣ или несправимости и вредныхъ наклонностяхъ казеннокоштнаго воспитанника, то онъ можетъ удалить его изъ пансіона, но не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ разрѣшенія главнаго военнаго начальника края, о чемъ смотритель при исполненіи доноситъ директору училищъ. Своекоштныхъ воспитанниковъ смотритель исключаетъ своею властію, но также не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 42. Воспитанники, исключенные изъ пансіона за дурное поведеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаются права посѣщать школу въ качествѣ проходящихъ учениковъ и немедленно возвращаются военнымъ начальствомъ родителямъ; если-же они изъ аманатовъ, то остаются въ его вѣдѣніи, но только удаляются изъ школы.

§ 43. Обязанность эконома при пансіонѣ смотритель возлагаетъ, подъ своимъ надзоромъ и руководствомъ, на одного изъ находящихся въ его распоряженіи унтеръ-офицеровъ; но всѣ покупки, относящіяся до обмундировки воспитанниковъ и снаб-

женія пансіона необходимыми потребностями, дѣлаются по подрядамъ через педагогическій совѣтъ, или, въ случаѣ невозможности имѣть подрядчиковъ, производятся однимъ изъ членовъ педагогическаго совѣта, съ разрѣшенія военнаго начальства хозяйственнымъ образомъ.

§ 44. Содержаніе воспитанниковъ должно быть достаточно, но просто и безъ всякаго щегольства и роскоши. Главное въ пищѣ—ея доброкачественность, а въ одеждѣ—опрятность.

§ 45. Воспитанникамъ дается пища три раза въ сутки. Поутру завтракъ изъ Калмыцкаго чая съ хлѣбомъ или просто изъ хлѣба съ мѣстнымъ сыромъ, молокомъ или вареными овощами, по удобству и времени года, обѣдъ изъ двухъ блюдъ и ужинъ изъ супа съ мясомъ и овощей или каши съ масломъ и мяснаго блюда. По воскресеньямъ, праздникамъ и табельнымъ днямъ къ обѣду прибавляется еще третье блюдо.

§ 46. Воспитанники имѣютъ по два полукафтана—будничный и праздничный, двѣ пары брюкъ, къ которымъ еще прибавляются лѣтніе, по 6 перемѣнъ бѣлья носильнаго и по 3 перемѣны постельнаго, по 4 полотенца, по 6 платковъ носовыхъ и по одному пальто; сукно на кафтанахъ должно быть самое дешевое, но прочное, пальто шьются изъ солдатскаго сукна.

§ 47. Если откроется возможность имѣть при пансіонахъ учителей гимнастики, то смотрители должны озаботиться введеніемъ ея.

§ 48. Заболѣвшіе воспитанники отправляются въ мѣстные госпитали и лазареты и принимаются въ офицерскія отдѣленія.

ГЛАВА V.

Порядокъ управленія горскими школами и пансіонами при оныхъ.

§ 49. Горскія школы, находясь въ мѣстахъ, состоящихъ въ военномъ управленіи, содержатся на счетъ казны, и опре-

дѣленные на нихъ по штату суммы отпускаются военнымъ вѣдомствомъ.

§ 50. Для удобнѣйшаго надъ ними надзора, школы эти распределяются по дирекціямъ Кавказскаго учебнаго округа слѣдующимъ образомъ: окружныя школы—во Владикавказѣ, Нальчикѣ и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и начальная—въ Грозной входятъ въ составъ Ставропольской дирекціи, начальныя школы въ Усть-Лабѣ—Черноморской и Сухумъ-Кале — Кутаисской дирекціи училищъ.

§ 51. Находясь въ непосредственномъ завѣдываніи и зависимости отъ директоровъ училищъ, эти заведенія состоятъ однако подъ ближайшимъ надзоромъ мѣстнаго военнаго начальства, т.-е. начальника военнаго округа, и ввѣряются его особому попеченію преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи.

§ 52. Мѣстный военный начальникъ въ-отношеніи къ учрежденнымъ въ районѣ его управленія школамъ пользуется правами и преимуществами попечителей тѣхъ гимназій, при коихъ учреждены благородные пансіоны на счетъ дворянскихъ суммъ, съ тою только разницею, что онъ не подчиняется попечителю округа; но о всѣхъ своихъ предположеніяхъ, касающихся благосостоянія пансіоновъ, его попечительству ввѣренныхъ, входитъ съ представленіями по командѣ въ главный штабъ Кавказской арміи, который въ такихъ случаяхъ сносится съ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Если-же сей послѣдній не согласится съ предложенною штабомъ мѣрою, то представляетъ свое мнѣніе особо на усмотрѣніе намѣстника Кавказскаго.

§ 53. Мѣстный военный начальникъ, при осмотрѣ ввѣренной его попеченію школы, о замѣченныхъ имъ безпорядкахъ или неисправностяхъ немедленно увѣдомляетъ директора училищъ, и если мѣры, симъ послѣднимъ принятыя, окажутся неудовлетворительными, доводитъ о томъ до свѣдѣнія попечителя Кавказскаго учебнаго округа и проситъ его непосредственнаго распоряженія къ отклоненію замѣченныхъ безпорядковъ.

§ 54. Опреѣленные по штату на содержаніе горскихъ школъ суммы отпускаются военнымъ начальствомъ смотрителямъ училищъ по наличному числу чиновниковъ, нижнихъ чиновъ и казенныхъ пансіонеровъ, по третямъ года, за каждую треть впередъ, и хранятся, въ особомъ сундукѣ, подъ печатью смотрителя и одного изъ учителей, вмѣстѣ съ военными суммами.

§ 55. Суммы на содержаніе горскихъ школъ и пансіоновъ при нихъ расходуются и свидѣтельствуются по правиламъ счетнаго устава министерства народнаго просвѣщенія; свидѣтельство этихъ суммъ ежемѣсячно производится педагогическимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ начальника военного округа, какъ попечителя училища, или въ присутствіи лица, командироваемаго начальникомъ округа.

§ 56. Изъ остатковъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на горскія школы, образуется экономическій капиталъ этихъ школъ, который употребляется, по усмотрѣнію намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго Кавказскою арміею, или на улучшеніе упомянутыхъ заведеній, или на выдачу пособій служащимъ въ оныхъ чиновникамъ.

§ 57. Такъ-какъ суммы на содержаніе школъ и пансіоновъ при нихъ отпускаются изъ военного вѣдомства, то отчетъ въ расходованіи ихъ вмѣстѣ съ кассовыми книгами, выдаваемыми главнымъ штабомъ Кавказской арміи, смотрители представляютъ на ревизію сего штаба чрезъ мѣстнаго военного начальника, какъ попечителя своего. Главный штабъ о результатахъ ревизіи увѣдомляетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа и въ-случаѣ упущеній дѣлаетъ чрезъ него надлежащія взысканія.

§ 58. Педагогическіе совѣты школъ каждомѣсячно собираются, подъ предсѣдательствомъ начальника военного округа, какъ почетнаго попечителя, для обсужденія вопросовъ, касающихся до обученія учащихся и содержанія воспитанниковъ и надзора за ними; протоколы этихъ засѣданій представляются

главному военному начальнику края. О тѣхъ изъ постановленій педагогическихъ совѣтовъ, которыя относятся до обученія и воспитанія и которыя должны поступить на разрѣшеніе высшихъ инстанцій, смотрители входятъ съ представленіемъ къ директору училищъ. По вопросамъ-же, относящимся до хозяйственной части пансіоновъ и вообще по всѣмъ тѣмъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено военному начальству, представленія поступаютъ къ главному военному начальству края чрезъ мѣстнаго военнаго начальника, какъ попечителя школы.

§ 59. Главный военный начальникъ, т.-е. командующій войсками или генералъ-губернаторъ, какъ главный попечитель всѣхъ находящихся въ районѣ его управленія горскихъ школъ, наблюдаетъ за благосостояніемъ пансіоновъ при оныхъ; а потому отъ него непосредственно зависитъ назначеніе и увольненіе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, освобожденіе входящихъ учениковъ отъ взноса денегъ за право ученія, о чемъ поступаютъ къ нему представленія отъ штатныхъ смотрителей чрезъ посредство окружнаго военнаго начальника, какъ попечителя училища; онъ-же ходатайствуетъ о помѣщеніи кончившихъ курсъ воспитанниковъ на казенный счетъ въ гимназіи, и ему представляется ежегодно вѣдомость о результатахъ экзаменовъ и о переводахъ изъ класса въ классъ пансіонеровъ.

§ 60. Смотритель школы завѣдываетъ письменною частью оной и съ этою цѣлью одного изъ находящихся при училищѣ унтеръ-офицеровъ избираетъ въ писаря.

§ 61. Во всѣхъ прочихъ предметахъ содержанія и управленія горскихъ школъ и пансіоновъ при нихъ, смотрители руководствуются общими постановленіями объ уѣздныхъ и первоначальныхъ училищахъ и благородныхъ пансіонахъ при гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа, и во всѣхъ вопросахъ получаютъ разрѣшенія отъ тѣхъ директоровъ училищъ, коимъ подчинены.

§ 62. Директоры училищъ, ревизуя ежегодно подвѣдомыя имъ горскія школы и донося о результатахъ своей ревизіи по-

печителю Кавказскаго учебнаго округа, вмѣстѣ-съ-тѣмъ увѣдомляютъ и мѣстнаго военнаго начальника, въ какомъ состояніи они нашли школы; если-же директоръ найдетъ нужнымъ принять какія-нибудь къ улучшенію школъ мѣры, которыя касались-бы тѣхъ частей, которыя находятся въ непосредственномъ завѣдываніи военнаго начальства, то онъ проситъ въ такихъ случаяхъ содѣйствія мѣстнаго военнаго окружнаго начальника.

§ 63. Чиновники, служащіе въ горскихъ школахъ, пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными училищнымъ чиновникамъ Кавказскаго учебнаго округа. Пенсіи свои получаютъ они изъ государственнаго казначейства, куда обращаются узаконенные вычеты изъ ихъ жалованья.

Подписали: Начальникъ главнаго штаба, генераль-лейтенантъ *Милютинъ* и генераль-квартирмейстеръ генераль-маіоръ *Карлофъ*.

37. (20 октября).

Штатъ горскихъ школъ, по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ, въ видѣ опыта, на четыре года. Въ Царскомъ Селѣ, 20 октября 1859 года.

Подписалъ: Статсъ-секретарь В. *Бутковъ*.

ШТАТЪ

ГОРСКИХЪ ШКОЛЬ.

	Число чиновъ.	Классы и разряды.		Жалованья.		
		По должности.	По мундиру.	Одному.	Всѣмъ.	
				Рубли.	Рубли.	К.
<i>Начальныя школы въ Усть-Лабѣ и Грозной:</i>						
Смотритель.....	1	IX	IX	550	550	—
Два учителя надзирателя..	2	XII	X	400	800	—
Учитель приготовительнаго класса.....	1	XII	X	350	350	—

	Число чиновъ.	Классы и разряды.		Жалованья.		
		По долж-ности.	По мун-диру.	Одному.	Всѣмъ.	
				Рубли.	Рубли.	К.
Законоучитель православна-го исповѣданія.....	1	—	—	100	100	—
Законоучитель мусульман-скаго закона.....	1	—	—	100	100	—
Писарь.....	1	—	—	—	16	95
На содержаніе 40-ка воспи-танниковъ.....	40	—	—	60	2,400	—
На ремонтъ зданія, посуды и мебели.....	—	—	—	—	300	—
На отопленіе и освѣщеніе..	—	—	—	—	670	—
На библіотеку.....	—	—	—	—	30	—
На канцелярскіе расходы..	—	—	—	—	20	—
На награды ученикамъ....	—	—	—	—	20	—
Унтеръ-офицерамъ.....	4) Получаютъ присвоенное ихъ званію) содержаніе отъ своихъ командъ.				
Рядовымъ.....	10					
На награды нижнимъ чи-намъ, по усмотрѣнію на-чальника школы.....	—	—	—	—	50	—
На каждое.....	—	—	—	—	5,406	95
На два училища..	—	—	—	—	10,813	90
<i>Начальная школа въ Сухумъ-Кале:</i>						
Смитритель.....	1	IX	IX	550	550	—
Два учителя надзирателя..	2	XII	X	400	800	—
Учитель приготовительнаго класса.....	1	XII	X	350	350	—
Законоучитель православна-го исповѣданія.....	1	—	—	100	100	—
Законоучитель мусульман-скаго закона.....	1	—	—	100	100	—
Писарь.....	1	—	—	—	32	70
На содержаніе 20-ти воспи-танниковъ.....	20	—	—	60	1,200	—
На ремонтъ зданія, посуды и мебели.....	—	—	—	—	150	—
На отопленіе и освѣщеніе..	—	—	—	—	335	—
На библіотеку.....	—	—	—	—	30	—

	Число чиновъ.	Классы и разряды		Жалованья.		
		По долж-ности.	По мун-диру.	Одному	Всѣмъ.	
				Рубли.	Рубли.	К.
На канцелярскіе припасы.	—	—	—	—	15	—
На награды ученикамъ.	—	—	—	—	15	—
Унтеръ-офицерамъ.	2 5	Получаютъ присвоенное ихъ званію (содержаніе отъ своихъ командъ.				
Рядовымъ.						
На награды нижнимъ чи- намъ, по усмотрѣнію на- чальника школы.	—	—	—	—	25	—
	—	—	—	—	3,702	70
<i>Окружная школа въ Темиръ-Ханъ-Шуръ:</i>						
Штатный смотритель.	1	VIII	VIII	700	700	—
Два учителя надзирателя. . .	2	XII	X	500	1,000	—
Учитель наукъ.	1	XII	X	400	400	—
Учитель приготовительнаго класса.	1	XII	X	400	400	—
Законоучитель православна- го исповѣданія.	1	—	—	150	150	—
Законоучитель мусульман- скаго закона.	1	—	—	100	100	—
Писарь.	1	—	—	—	32	70
На содержаніе 40-ка воспи- танниковъ.	40	—	—	60	2,400	—
На ремонтъ дома, мебели и посуды.	—	—	—	—	300	—
На отопленіе и освѣщеніе. . .	—	—	—	—	670	—
На бібліотеку.	—	—	—	—	30	—
На канцелярскіе расхоры. . .	—	—	—	—	20	—
На награды ученикамъ.	—	—	—	—	20	—
Унтеръ-офицерамъ.	4 10	Получаютъ присвоенное ихъ званію (содержаніе отъ своихъ командъ.				
Рядовымъ.						
На награды нижнимъ чи- намъ, по усмотрѣнію на- чальника школы.	—	—	—	—	50	—
	—	—	—	—	6,272	70

	Число чиновъ.	Классы и разряды.		Жалованья.		
		По должности.	По мундиру.	Одному.	Всѣмъ.	
				Рубли.	Рубли.	К.
<i>Окружная школа въ Нальчикъ:</i>						
Смотритель.....	1	VIII	VIII	700	700	—
Два учителя надзирателя..	2	XII	X	500	1,000	—
Учитель наукъ.....	1	XII	X	400	400	—
Учитель приготовительнаго класса.....	1	XII	X	350	350	—
Законоучитель православнаго исповѣданія.....	1	—	—	150	150	—
Законоучитель мусульманскаго закона.....	1	—	—	100	100	—
На содержаніе 25-ти воспитанниковъ.....	25	—	—	60	1,500	—
На ремонтъ зданія, посуды и мебели.....	—	—	—	—	300	—
На отопленіе и освѣщеніе..	—	—	—	—	670	—
На библіотеку.....	—	—	—	—	30	—
На канцелярскіе расходы..	—	—	—	—	20	—
На награды ученикамъ....	—	—	—	—	20	—
Унтеръ-офицерамъ.....	4	Получаютъ присвоенное ихъ званію содержаніе отъ своихъ командъ.				
Рядовымъ.....	10					
Писарь.....	1	—	—	—	16	95
На награды нижнимъ чинамъ, по усмотрѣнію начальника школы.....	—	—	—	—	50	—
—	—	—	—	—	5,306	95
<i>Окружная школа во Владикавказъ:</i>						
Штатный смотритель.....	1	VIII	VIII	700	700	—
Три учителя надзирателя..	3	XII	X	500	1,500	—
Учитель приготовительнаго класса, онъ-же и надзиратель.....	1	XII	X	500	500	—
Законоучитель православнаго исповѣданія.....	1	—	—	150	150	—
Законоучитель мусульманскаго закона.....	1	—	—	150	150	—
На содержаніе 80-ти воспитанниковъ.....	80	—	—	60	4,800	—
На ремонтъ зданія, посуды и мебели.....	—	—	—	—	400	—

	Число чиновъ.	Классы и разряды.		Жалованья.		
		По долж-ности.	По мун-диру.	Одному.	Всѣмъ.	
				Рубли.	Рубли.	К.
На отопленіе и освѣщеніе..	—	—	—	—	1,340	—
На бібліотеку.	—	—	—	—	50	—
На канцелярскіе расходы. .	—	—	—	—	30	—
На награды ученикамъ. . . .	—	—	—	—	40	—
Эконому изъ унтеръ-офице- ровъ.	1	—	—	—	50	—
Унтеръ-офицерамъ.	4	Получаютъ присвоенное ихъ званію (содержаніе отъ своихъ командъ.)	—	—	—	—
Рядовымъ.	10					
Писарямъ.	2	—	—	16 р. 95к.	33	90
На награды нижнимъ чи- намъ, по усмотрѣнію на- чальника школы.	—	—	—	—	50	—
	—	—	—	—	9,793	90
Итого на всѣ училища. . . .	—	—	—	—	35,890	15

Примѣчанія: 1) Исчисленная по сему штату на содержаніе упо-
мянутыхъ 6-ти горскихъ школъ сумма отпускается въ нача-
лѣ каждого года изъ государственнаго казначейства въ рас-
поряженіе главнокомандующаго Кавказскою арміею, и еже-
годные остатки не показываются къ зачету, а поступаютъ,
на основаніи § 56 устава горскихъ школъ, на составленіе
экономическаго капитала этихъ заведеній.

2) На каждого изъ казеннокоштныхъ пансіонеровъ вышеупомяну-
тыхъ 6-ти горскихъ школъ отпускается ежемѣсячно изъ
мѣстнаго провіантскаго магазина солдатская дача провіанта,
муки и крупы.

Подписали: Начальникъ главнаго штаба генералъ-лейтенантъ
Милютинъ и генералъ-квартирмейстеръ генералъ-майоръ *Карлофъ*.

38. (25 октября) *Объ утвержденіи штатовъ Новочеркасской
гимназіи и окружныхъ училищъ войска Донскаго.*

Государь Императоръ, утвердивъ штаты Новочеркас-
ской гимназіи и окружныхъ училищъ войска Донскаго, согла-
сно съ положеніемъ военнаго совѣта, Высочайше повелѣтъ
соизволилъ:

1) Потребные по этимъ штатамъ новыя расходы отнести на тѣ-же источники, на счетъ коихъ нынѣ содержатся означенныя войсковыя учебныя заведенія, т.-е. на общія войсковыя суммы и на Калмыцкій капиталъ, по принадлежности; и

2) Чиновниковъ гимназій и окружныхъ училищъ удовлетворить добавочнымъ по симъ штатамъ содержаніемъ со времени Высочайшаго утвержденія штатовъ для гимназій и уѣздныхъ училищъ въ губерніяхъ, т.-е. съ 17 апрѣля сего года.

39. (25 октября).

На подлинномъ написано: «Высочайше утверждень». 25 октября 1859 года.

Подписалъ: Генералъ-адъютантъ *Сухозанетъ*.

ШТАТЪ НОВОЧЕРКАССКОЙ ГИМНАЗИИ.

	Число чиновъ.	Имъ жалованья.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Директоръ	1	800	—	800	—
Инспекторъ	1	700	—	700	—
Законоучитель	2	400	—	800	—
Сверхъ-того, за преподаваніе закона Божія въ параллельныхъ классахъ.	—	—	—	116	—
Учителей старшихъ	8	600	—	4,800	—
» младшихъ	8	550	—	4,400	—
Сверхъ-того, двумъ изъ нихъ за преподаваніе сельскаго хозяйства и счетоводства (по 53 руб. 57 коз. каждому)	—	—	—	107	14
Учитель рисованія, черченія и чистописанія	1	400	—	400	—
Учитель фехтованія	1	200	—	200	—
» гимнастики	1	200	—	200	—
Письмоводитель	1	300	—	300	—
Бухгалтеръ	1	300	—	300	—

	Число чиновъ	Имъ жалованья.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Надзирателей гимназій за приходящими учениками.....	4	300	—	1,200	—
Канцелярскихъ служителей высшаго разряда.....	2	180	—	360	—
На канцелярскіе припасы.....	—	—	—	80	—
Директору на разъѣзды.....	—	—	—	250	—
На бібліотеку и собраніе инструментовъ.....	—	—	—	350	—
На награды ученикамъ.....	—	—	—	60	—
На содержаніе дома служителей и прочіе расходы.....	—	—	—	900	—
Итого....	31	—	—	16,323	14

Примѣчанія: 1) Бухгалтеру, одному канцелярскому служителю и четыремъ надзирателямъ гимназій, жалованье, которое они получали до утвержденія настоящаго штата, должно производиться изъ экономическаго училищнаго капитала, хранящагося въ войсковомъ приказѣ, а назначаемая по штату сему добавка, равно-какъ и вся остальная сумма какъ на жалованье, такъ и содержаніе, относится на войсковыя суммы войска Донскаго.

2) Жалованье, назначаемое для учителей фехтованія и гимнастики, могутъ получать два учителя или одинъ, если онъ въ-состояніи будетъ преподавать оба искусства.

Подлинный подписали: Владиміръ *Кноррингъ*, Федоръ *Шубертъ*, Павелъ *Куренновъ*, Владиміръ *Глинка* 1-й, Петръ *Даненбергъ*, Павелъ *Ламской*, Петръ *Фроловъ* 1-й, Григорій *Яковлевъ*, Николай *Вольфъ*, Владиміръ *Назимовъ* 2-й, Максимъ *Брискорнъ*, директоръ генералъ-маіоръ *Лихачевъ* и начальникъ отдѣленія статскій совѣтникъ *Устряловъ*.

40. (25 октября).

На подлинномъ написано: «Высочайше утверждень» 25 октября 1859 года.

Подписалъ: Генералъ-адъютанъ *Сухозанетъ*.

Ц И Т А Т Ъ

О К Р У Ж Н Ы Х ъ У Ч И Л И Щ ъ В О Й С К А Д О Н С К А Г О .

	Число чиновъ.	Имъ жалованья.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Въ городъ Новочеркасскъ.</i>					
Штатный смотритель.....	1	350	—	350	—
Учителей наукъ.....	3	300	—	900	—
Учитель коммерческихъ наукъ....	1	300	—	300	—
Законоучитель.....	1	200	—	200	—
Учитель рисованія, черченія и чистописанія.....	1	200	—	200	—
На награды ученикамъ.....	—	—	—	15	—
На библиотеку и учебныя пособія...	—	—	—	85	—
На разъѣзды смотрителю.....	—	—	—	60	—
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.....	—	—	—	300	—
Итого...	7	—	—	2,410	—
<i>Прочихъ шести окружныхъ училищъ.</i>					
Штатныхъ смотрителей.....	6	350	—	2,100	—
Учителей наукъ.....	18	300	—	5,400	—
Сверхъ-того, двумъ изъ нихъ за преподаваніе практическаго счетоводства (по 85 р. 80 коп. каждому)...	—	—	—	171	60
Законоучителей.....	6	200	—	1,200	—
Учителей рисованія, черченія и чистописанія.....	6	200	—	1,200	—
На награды ученикамъ (по 15 р. въ каждое училище).....	—	—	—	90	—
На библиотеку и учебныя пособія (по 85 р. въ каждое училище).....	—	—	—	510	—

	Число чиновъ.	Имъ жалованья.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
На разъѣзды смотрителямъ (по 60 р. каждому).....	—	—	—	360	—
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы (по 300 р. въ каждое училище).....	—	—	—	1,800	—
Итого...	36	—	—	12,831	60
<i>Калмыцкаго окружнаго училища.</i>					
Учителей наукъ и Русскаго языка...	2	300	—	600	—
Сверхъ-того одному изъ нихъ за исправленіе должности смотрителя 50 р., а другому за преподаваніе закона Божія для Русскихъ учениковъ 28 р. 57 коп.	—	—	—	78	57
Учитель Калмыцкаго языка.....	1	300	—	300	—
На награды ученикамъ.....	—	—	—	15	—
На библіотеку и учебныя пособія..	—	—	—	85	—
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы.....	—	—	—	300	—
Итого...	3	—	—	1,378	57
Всего...	46	—	—	16,620	17

Примѣчанія: 1) Семь окружныхъ училищъ содержатся на счетъ войсковыхъ суммъ войска Донскаго, за исключеніемъ 143 руб., жертвуемыхъ казаками Торговаго Общества.

2) Калмыцкое окружное училище нынѣ получаетъ на содержаніе 693 р. 31 коп., отпускаемые ежегодно, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 3 іюня 1844 года, изъ суммъ, ассигнованныхъ на вспомоствованіе Калмыковъ, т.-е. изъ суммъ, принадлежащихъ Калмыцкимъ сотнямъ. Остальныя за тѣмъ деньги, сколько таковыхъ будетъ причитаться по новому штату, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 16 мая 1850 года правилъ о составленіи для Калмыковъ, принадлежащихъ къ войску Донскому, капитала, о храненіи и расходованіи онаго, должны поступать тоже изъ процентовъ съ

капитала (52,000 руб.), принадлежаго Калмыцкимъ сотнямъ.

Подлинный подписали: Владиміръ *Кноррингъ*, Федоръ *Шубертъ*, Павелъ *Купреяновъ*, Владиміръ *Глинка* 1-й, Петръ *Даненбергъ*, Павелъ *Ланской*, Петръ *Фроловъ* 1-й, Григорій *Яковлевъ*, Николай *Вольфъ*, Владиміръ *Назимовъ* 2-й, Максимъ *Брискорнъ*, директоръ генералъ-маіоръ *Лихачевъ* и начальникъ отдѣленія статскіей совѣтникъ *Устряловъ*.

41. (29 октября) *О предоставленіи генералу-отъ-артиллеріи Глинкѣ 1-му права выбора стипендіатовъ на стипендію его имени.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ на предоставленіе генералу-отъ-артиллеріи Глинкѣ 1-му права выбора стипендіатовъ на стипендію его имени, учрежденную въ Демидовскомъ лицѣѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

ПРИКАЗЫ:

ВЪ Г. КАМЕНЦѢ-ПОДОЛЬСКОМЪ.

№ 38.

1 октября 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Сверхштатный младшій учитель и комнатный надзиратель при пансіонѣ Ларинской гимназіи *Ширмагерь* — на четыре мѣсяца, по болѣзни.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Экстраординарному профессору Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскому совѣтнику *Стасюлевичу* — на семнадцать дней.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ КОМАНДИРОВКИ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ:

Адъюнкту •Императорскаго Казанскаго университета, коллежскому совѣтнику *Сутковскому* — до 22 ноября 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНИЮ:

Почетный попечитель Смоленской гимназiи, губернской секретарь *Криштафовичъ*.

ВЪ ГАТЧИНѢ,

№ 39.

29 октября 1859 года.

КОМАНДИРУЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ:

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій ассессоръ *Скобликовъ* — по 1 августа 1860 года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Членъ главнаго правленiя училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Постельсъ* — на девять мѣсяцевъ.

Почетный смотритель Тверскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Лассотовичъ* — по болѣзни, на восемь мѣсяцевъ.

Почетный смотритель Малоархангельскаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Плохово* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Почетный смотритель Ораниенбаумскаго уѣзднаго училища, губернский секретарь *Эйхлеръ* — на три съ половиною мѣсяца.

Старшій учитель состоящей при Ришельевскомъ лицей гимназiи, титулярный совѣтникъ *Деллавося* увольняется за границу на одинъ годъ, для усовершенствованiя въ наукахъ, съ зачетомъ этого времени въ дѣйствительную службу.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Почетному смотрителю Козмодемьянскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Еремьеву* — по болѣзни, на три мѣсяца.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенiя Е. Ковалевскiй.*

НАГРАЖДЕНІЯ:

а) *Установленною для домашнихъ учителей серебряною медалью на Александровской лентѣ, для кошенiя на шею.*

Домашній учитель, коллежскій регистраторъ *Сергѣй Казанскiй* — за десятилѣтнее безпорочное и усердное исправленiе обязанностей предоставленнаго ему званiя (22 октября).

б) Подарками.

Бывшій профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Крузе* — за поднесенiе Его Величеству 4-й части изданiя его: «*Seetzen's Reisen*» (29 октября); корреспонденты главной физической обсерваторiи и старшiе учителя гимназiи: Калужской — коллежскій совѣтникъ *Муромцевъ* и Тобольской — надворный совѣтникъ *Стукальскiй* — за ученые безвозмездные ихъ труды (30 октября).

в) Единовременною выдачею.

Корреспондентъ главной физической обсерваторiи, академикъ Императорской академiи наукъ, дѣйствительный статскій со-

вѣтникъ *Первощиковъ* — за ученые безвозмездные труды его (30 октября).

Объявлена Высочайшья благодарность.

Бывшему профессору Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскому совѣтнику *Толмачеву* — за поднесеніе Его Величеству сочиненія его: «Аналитическая филологія о составѣ и образованіи Русскаго языка» (29 октября).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ 1859 ГОДА.

18. (28 октября) *Объ учрежденіи при благородномъ пансіонѣ 1-й С. Петербургской гимназіи должности восьмага комнатнаго надзирателя.*

По представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при благородномъ пансіонѣ первой С. Петербургской гимназіи должность восьмага комнатнаго надзирателя, для надзора за приходящими учениками, съ производствомъ жалованья по 285 руб. 92 коп. сер. въ годъ изъ суммы, собираемой за ученіе въ этой гимназіи.

П Р И К А З Ы

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 25.

14 октября 1859 года.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, губернской секретарь *Эннатскій* — почетнымъ смотрителемъ Уфимскаго уѣзднаго училища.

ПЕРЕМѢЩАЮТСЯ:

Почетный смотритель Ораніенбаумскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Струбинскій* — почетнымъ же смотри-

телемъ Гатчинскаго уѣзднаго училища; учитель Гатчинскаго уѣзднаго училища, губернский секретарь *Эйхлеръ* почетнымъ смотрителемъ Ораніенбаумскаго уѣзднаго училища.

КОМАНДИРУЕТСЯ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Протопоповъ* — къ исправляющему должность попечителя Московскаго учебнаго округа, для исполненія его порученій по дѣламъ сего округа.

УКАЗАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1) Отъ 18 августа 1859 г. произведены за выслугу лѣтъ со старшинствомъ:

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: директоръ училищъ Тверской губерніи *Дмитрій Ржевскій* — съ 24 декабря 1858 г.; директоръ Московской четвертой гимназіи *Петръ Копосовъ* — съ 6 марта, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Алексѣй Полуницъ* — съ 16 февраля, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета *Викторъ Григоровичъ* — съ 25 февраля, адъюнктъ Императорскаго Московскаго университета *Иванъ Матюшенко* — съ 16 февраля, исправляющій должность адъюнкта того-же университета *Генрихъ Гивартовскій* — съ 16 февраля 1859 г.

Въ коллежскіе совѣтники: надворные совѣтники: директоръ второй Харьковской гимназіи *Григорій Шведовъ* — съ 28 марта 1859 г.; архитекторъ-строитель Высочайше учрежденнаго комитета для постройки зданій Ришельевскаго лицея *Александръ Шашинъ* — съ 19 октября 1858 г.; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Петръ Гельмгольцъ* — съ 14 февраля 1859 г.; экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Петръ Дубровскій* — съ 21 іюня, синдикъ Императорскаго

С. Петербургскаго университета Порфирій Кириловъ — съ 24 ноября, адъюнктъ Харьковскаго ветеринарнаго училища Георгій Палута — съ 24 октября 1858 г.

Въ надворные совѣтники: коллежскіе ассессоры: почетный смотритель Гдовскаго уѣзднаго училища, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Ѳедоръ Голохвастовъ — съ 18 февраля 1858 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Фридрихъ Эргардтъ — съ 18 января, адъюнктъ Харьковскаго ветеринарнаго училища Киприанъ Юновичъ — съ 26 января 1859 г.

Почетный смотритель Алатырскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ князь Александръ Волкомскій утвержденъ въ настоящемъ чинѣ коллежскаго ассессора со старшинствомъ съ 9 декабря 1856 г.

Во коллежскіе ассессоры: титулярные совѣтники, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Романово-Борисоглѣбскаго — Николай Скульскій — съ 13 декабря, Рыбинскаго — Алексѣй Калачевъ — съ 25 декабря, Тверскаго — Андрей Лясовтовичъ — съ 28 августа, Кашинскаго — Василій Кожинъ — съ 20 октября 1858 г., Саранскаго — Александръ Хрущевъ — съ 9 декабря 1856 г., Мѣнзелинскаго — Евграфъ Пальчиковъ — съ 6 мая 1851 г., Сорокскаго — Михаилъ Аснашевъ — съ 22 июля, Хотинскаго — Николай Сталю — съ 7 декабря, исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Казанскаго университета Андрей Чугуновъ — съ 11 августа 1858 г.; департамента народнаго просвѣщенія архитекторъ Вильгельмъ Гофманъ — съ 25 марта, старшій помощникъ столоначальника того-же департамента Александръ Икорниковъ — съ 10 марта 1859 г.

Въ титулярные совѣтники: коллежскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Остерскаго — Михаилъ Миклашевскій — съ 1 октября 1858 г., Валковскаго — князь Валеріанъ Гагаринъ — съ 18 августа 1857 г., Харьков-

скаго — Владиміръ *Тамбовцовъ* — съ 7 мая 1858 г. и Бѣлозерскаго — состоящій въ 10 классѣ Викторъ *Владимірскій* — съ 9 декабря 1856 г.

Въ коллежскіе секретари: губернскіе секретари: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Мстиславскаго — *Фаддей Чудовскій* — съ 25 ноября 1857 г., Бирскаго — Викторъ *Пальчиковъ* — съ 12 января; Кіевскихъ дворянскаго и уѣзднаго — *Федоръ Ячевскій* — съ 11 января, секретарь правленія бывшаго главнаго педагогическаго института Александръ *Яковлевъ* — съ 20 февраля 1859 г.

Въ губернскіе секретари: коллежскіе регистраторы, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Кадниковскаго — *Дмитрій Чечулинъ* — съ 12 ноября 1858 г., Касимовскаго — *Дмитрій Гаптыковъ* — съ 19 января 1859 г., Александровскаго (Владимірской губерніи) — *Петръ Степановъ* — съ 9 декабря 1856 г., Васильскаго — *Михаилъ Жадовскій* — съ 21 февраля 1857 г., Чембарскаго — князь *Валеріанъ Енгальчевъ* — съ 8 апрѣля 1858 г. и Курмышскаго — *Гавріилъ Каврайскій* — съ 27 ноября 1856 г.

2) Отъ 27 августа 1859 г., въ губернскіе секретари — канцелярскій чиновникъ комитета цензуры иностранной, коллежскій регистраторъ *Николай Душта-Душкинскій* — со старшинствомъ съ 28 мая 1858 г.

3) Отъ 31 августа 1859 г., въ коллежскіе регистраторы — учитель при городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ *Петръ Поповъ* — со старшинствомъ съ 4 мая 1847 г.

4) Отъ 1 сентября 1859 г., въ титулярные совѣтники — почетный смотритель Новгородскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Кирилянъ Камодзинскій* — со старшинствомъ съ 23 сентября 1858 г.

5) Отъ 3 сентября 1859 г., въ надворные совѣтники — цензоръ С. Петербургскаго ценсурнаго комитета, коллежскій ассесоръ *Андрей Ярославцевъ* — со старшинствомъ съ 5 мая 1859 г.

По сему предмету предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. *Уст. о служ. по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

За окончательнымъ упраздненіемъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 15 ноября 1858 г., главнаго педагогическаго института, увольняются отъ службы при ономъ съ 1 сентября сего года:

Инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомиричскій*; старшій комнатный надзиратель и ученый секретарь, статскій совѣтникъ *Смирновъ*; комнатные надзиратели: коллежскіе секретари *Шмидтъ* и *Рорбахъ* и состоящій въ 14 классѣ *Шмалъгаузенъ*; совѣтникъ правленія, надворный совѣтникъ *Дамилевскій*; секретарь правленія, коллежскій секретарь *Яковлевъ*; письмоводитель и бухгалтеръ, коллежскій секретарь *Уткинъ*, и экзекуторъ и экономъ, титулярный совѣтникъ *Ильинъ*.

№ 26.

24 октября 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Чинovníкъ канцеляріи комитета министровъ, титулярный совѣтникъ *Серно-Соловьевичъ*.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Сверхштатный старшій учитель Кіевской 2-й гимназіи, магистръ *Ренненкампфъ* — адъюнктомъ въ университетъ св. Владимира, по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, съ увольненіемъ отъ службы при гимназіи.

Студентъ Императорскаго С. Петербургскаго университета, бывшій воспитанникъ нынѣ упраздненнаго главнаго педагогическаго института, Николай *Шукинъ* — учителемъ Ачинскаго уѣзднаго училища, съ 8 сего октября, съ обязанностию прослужить по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не менѣе восьми лѣтъ.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Адъюнктъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ естественныхъ наукъ *Бекетовъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ ботаники.

Указомъ правительствующаго сената, 30 сентября 1859 г. за № 142, утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ:

Коллежскаго ассессора — адъютантъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ Сергій *Рачинскій*, по настоящей должности, съ 6 іюня 1859 года.

Коллежскаго секретаря — почетный смотритель Великоустюжскаго уѣзднаго училища, Михайлъ *Поповъ*, по степени кандидата Императорскаго Московскаго университета, съ 31 марта 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Заслуженный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Черняевъ* — за выслугою срока, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНЫ:

По Императорскому Харьковскому университету.

Въ званіи почетныхъ членовъ: членъ верхней камеры въ Лондонѣ лордъ *Маколэ*, министръ внутреннихъ дѣлъ Великобританіи сэръ Джорджъ *Льюэ*, членъ института Франціи Ипполитъ *Пасси*, профессоръ и членъ академіи надписей въ Парижѣ *Лабуле*, профессоръ въ Гентѣ *Лоранъ*, членъ нижней камеры въ Гагѣ *Торбеке*, профессоръ въ Утрехтѣ *Фреде* и профессоръ Мадридскаго университета Донъ-Мануэль *Кольмейро* (30 октября).

По Казанскому учебному округу.

Супруга Чембарскаго уѣзднаго предводителя дворянства Леониды *Владыкина* — въ званіи почетной попечительницы Чембарскаго женскаго приходскаго училища (9 октября).

УВОЛИНА:

По Казанскому учебному округу.

Супруга тайнаго совѣтника *Панчулидзева* — отъ званія попечительницы Пензенскаго женскаго училища 1-го разряда, по домашнимъ обстоятельствамъ (6 октября).

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

И Д Е Я.

Слово идея — Греч. *ἰδέα* отъ *ἰδέναι*, или *εἰδος* отъ *εἶδω* — означаетъ образъ, видъ, форму. Въ этомъ буквальномъ значеніи оно встрѣчается у Греческаго философа Анаксагора, который домірнымъ частицамъ матеріи приписывалъ нѣкую организацию, видъ, форму или идею. Если Платонъ употребляетъ это слово въ значеніи переносномъ и разумѣетъ подъ нимъ понятіе съ особеными высшими качествами, которыя мы постараемся указать ниже: то въ этомъ слововыраженіи мы можемъ видѣть какъ нѣкоторыя особенности Греческаго духа и Греческаго міросозерцанія, такъ и въ частности характеристическую черту платоническаго мышленія. Пластическій или вообще художественный духъ Грековъ не отдѣлялъ мысли отъ тапа образа, которымъ она сопровождается въ нашемъ сознаніи. Какъ мышленіе есть непосредственно разговаривающее или *диалектическое*, такъ спокойная мысль, заключенная въ законченномъ понятіи, есть вмѣстѣ образъ, подлежащій созерцанію духа. Въслѣдствіе этого настроенія Греческій духъ разсматривалъ гармоническій строй вещей, соразмѣрность ихъ элементовъ; слѣдовательно видѣн и форму вещей, какъ сторону, выдающуюся въ явленіяхъ, и болѣе существен-

ную въ сравненіи съ тѣми элементами, которые служатъ общему матерію космоса. И когда Платонъ возвысился отъ созерцанія міра чувственнаго къ признанію и познанію міра сверхчувственнаго, то и этотъ міръ открывался сознанію философа, какъ царство формъ, образовъ и первообразовъ, въ которыхъ господствуютъ правильность, гармонія и единство. Поэтому, идея, въ которой былъ данъ для мышленія этотъ высшій міръ или нѣкоторая часть его, была созерцаема умомъ такъ точно, какъ глазами созерцается явленіе идеи, или чувственный предметъ. Мышленіе есть воспоминаніе духа о томъ, что онъ созерцалъ нѣкогда въ своемъ домірномъ существованіи: посему повятіе, возникающее въ мышленіи, есть предметъ, созерцаемый умомъ, какъ духовнымъ взоромъ. Психическія событія *мышленія* и *познанія* Грекъ дѣлалъ наглядными и осязательными въ представленіяхъ *равногера* и *сиднія*.

Не легко схватить въ одномъ общемъ опредѣленіи тѣ особенности и отгѣнки, съ которыми употребляется слово *идея* въ системахъ философіи. Если оставимъ тѣ выраженія, въ которыхъ глубокое значеніе идеи измельчалъ до простаго эмпирическаго представленія, — выраженія, которыя мы встрѣчаемъ въ Англійской и Французской философіи прошлаго столѣтія: то идея, въ отличіе отъ понятія и въ значеніи самостоятельномъ, употребляется вообще тамъ, гдѣ мысль возвышается надъ механическою стороною предмета и прозрѣваетъ въ его разумную и единичную сущность. Такъ мы говоримъ объ идеѣ художественнаго произведенія, разумія подъ идеей ту единичную, нераздѣльную и цѣлостную мысль художника, изъ которой, какъ живой силы и творящей сущности, родилось, развилось и организовалось въ прекрасное цѣлое его произведеніе и которая мысль, уже поэтому, проходитъ по всѣмъ частямъ этого произведенія, свѣтитъ и дышетъ въ нихъ, связуетъ ихъ и оживляетъ. Если однако мы будемъ изучать художественную поэму филологически, изслѣдывая корни словъ, грамматическое строеніе и связь предложеній и т. д.: то здѣсь мы можемъ не

говорить объ идеѣ произведенія, потому-что грамматическія формы языка предлежали дѣятельности поэта, какъ готовый механизмъ, въ которомъ можетъ быть выражаема и всякая другая идея, — хотя, съ другой стороны, и самый механизмъ подчиняется силѣ и вліянію идеи и выражаетъ ея особенности съ большею или меньшею опредѣленностію. Далѣе, мы говоримъ, что имѣемъ понятіе о линіи, кругѣ, параллеляхъ и т. п.; но не идею: потому-что линіи, круги, параллели, какъ и всѣ предметы геометрическаго познанія, таковы, что къ нимъ вовсе непримѣнимо логическое и метафизическое различіе между внутреннимъ и вѣншимъ, сущностію и явленіемъ, дѣйствительнымъ единствомъ и феноменальнымъ множествомъ. Поэтому мы не говоримъ объ идеѣ въ природѣ, посколку природа входитъ въ математическое созерцаніе: потому-что для этого созерцанія она открывается, какъ безусловная вѣнность, въ которой пункты не выдаются другъ предъ другомъ сравнительно высшимъ достоинствомъ, или большею существенностію. Напротивъ, мы говоримъ объ идеѣ тамъ, гдѣ предметъ, подлежащій нашему изученію, находится въ развитіи изъ внутреннего во вѣннее: потому-что развитіе предмета предполагаетъ законъ и типъ, которые мы сознаемъ въ идеѣ. Мы говоримъ, что развитіе предмета нормально или не нормально; смотря по тому, соответствуетъ-ли оно идеѣ или нѣтъ. Въ показанныхъ случаяхъ идея, какъ очевидно, принимается не въ качествѣ психическаго образа, который имѣлъ бы дѣйствительность только въ насъ, а въ значеніи и достоинствѣ объективнаго дѣятеля, который завѣдываетъ происхожденіемъ и образованіемъ явленій наблюдаемой нами дѣйствительности. Поэтому мы говоримъ наконецъ объ идеѣ, гдѣ мышленіе, хотя выступаетъ за предѣлы опыта, однако, по внутренней необходимости, полагаетъ себя объективнымъ, т. е.; совпадающимъ съ тѣми предметами, которые отчасти или всецѣло не подлежатъ нашему чувственному возрѣнію. Отсюда — идея верховнаго существа, идея Человѣчества, какъ одного цѣлаго, идея міра, какъ замкну-

той полноты явленій внутренняго и внѣшняго опыта; идея нравственной дѣятельности, которая въ своей духовной чистотѣ не подлежитъ нашему опыту и т. д. Для ясности мы можемъ различить рѣзко-выдающіяся формы нашего познанія: *представленіе, понятіе и идею*. Представленіе, такъ-какъ оно образуется по субъективной ассоціаціи, имѣетъ характеръ совершенно-случайнаго образа, въ которомъ отображается не столько вещь, сколько видѣвшій и ошутившій эту вещь человекъ, или по меньшей мѣрѣ случайное отношеніе человека къ вещи. Если оно и имѣетъ свою необходимость, то эта необходимость есть *психическая*; субъективно-условленная. Въ понятіи мы имѣемъ объективное сознаніе подлежащаго намъ явленія; субъективный производъ исключается въ немъ, и на его мѣсто выступаетъ сознаніе необходимой связи и необходимаго соотношенія въ элементахъ, образующихъ явленіе. Въ представленіи мы признаемъ существеннымъ то, что значительно для воззрѣнія, въ понятіи — то, что значительно для бытія вещи. Когда отъ явленія, познанаго, въ его необходимости, мы возвышаемся къ познанію сущности его, или когда, вслѣдывая дажѣ *общую* необходимость явленія, мы находимъ въ ней и подъ ней необходимость *разумную*, которая даетъ явленію внутреннее единство, жизнь и душу: то мы переходимъ отъ понятія къ идеѣ. Въ представленіи мышленіе и бытіе встрѣчаются какъ бы случайно; представленіе обозначаетъ самое крайнее несопадѣніе мысли и предмета. Въ понятіи мышленіе и бытіе хотя связуются необходимо, однако движутся, такъ сказать, параллельно другъ къ другу: здѣсь мышленіе есть спокойный и безпристрастный зритель или наблюдатель явленія; оно познаетъ и сознаетъ событіе, которое есть для него нѣчто чуждое, нѣчто внѣшнее по содержанию и формѣ. Въ идеѣ мышленіе и бытіе совпадаютъ другъ съ другомъ: мысль или разумъ признается объективною сущностію вещей; идея познается, какъ основа, законъ и норма явленія, словомъ, разумъ полагается дѣйствительнымъ и дѣйствительность разумною. Въ представленіи мы

еще не выступаемъ изъ психическихъ ограниченій въ область опыта; въ понятіи мы движемся строго и опредѣленно въ области опыта; въ идеѣ мы выступаемъ за предѣлы опыта. Если представленіе говоритъ, что такое вещь по-отношенію къ намъ, или говоритъ о вещи, какъ нашемъ собственномъ психическомъ состояніи, если понятіе выражаетъ вещь по ея дѣйствительной, наличной натурѣ: то идея показываетъ, что такое вещь въ ея отношеніи къ безусловной основѣ явленій. Посему предположеніе идеи обозначаетъ по-преимуществу точку зрѣнія на предметы философскую, такъ-какъ философія хочетъ понять явленія внѣшняго и внутренняго опыта въ ихъ зависимости отъ безусловной основы всякой дѣйствительности. Въ идеѣ разумъ созерцаетъ внутренний складъ и строй тѣхъ явленій, наличная, наблюдаемая сторона которыхъ сознается посредствомъ понятія; въ ней онъ постигаетъ явленія — которыя въ понятіяхъ разсудка распадаются на множество разнородныхъ областей знанія — въ цѣлостномъ образѣ, въ гармоніи и полнотѣ, какъ выраженія одного начала, какъ виды и ступени одной безконечной жизни.

Такимъ образомъ, въ признаніи идеи философія поднимается на высоту, къ которой, по видимому, непривычно напе обычное сознаніе и которая можетъ показаться для науки положительной, каково въ-особенности естествознаніе, скорѣе областью человѣческихъ желаній и неопредѣленныхъ стремленій духа, чѣмъ дѣйствительныхъ познаній. Это подаетъ намъ поводъ спросить: на чемъ основывается право философіи, какъ науки, полагать или предполагать идею, какъ начало, изъясняющее ходъ явленій для нашего сознанія и вмѣстѣ обосновывающее и развивающее ихъ въ дѣйствительности?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы могли-бы сослаться на тоже общечеловѣческое сознаніе, которое нерѣдко противопоставляютъ высшимъ движеніямъ философіи. Это сознаніе не такъ рѣшительно заключено въ предѣлы опыта, не такъ сильно привязано къ изъясненію явленій изъ ихъ эмпирическихъ усло-

вѣй, чтобы въ немъ вовсе не было мѣста идеальному міросозерцанію и сообразной съ нимъ практической дѣятельности. Конечно, человекъ большею частію опредѣляется въ своей дѣятельности и въ своемъ познаніи свойствомъ и характеромъ окружающихъ его явленій. Большею частію духовное начало выступаетъ въ немъ, какъ несамостоятельное, зависящее, получающее свои опредѣленія совѣтъ. И когда намъ совѣтуютъ соразмѣрять наши нужды и желанія съ дѣйствительностію, какъ правиломъ воли, повѣрять наши понятія и познанія предметомъ, какъ критеріемъ истины, то эти совѣты не только имѣютъ достаточное основаніе въ свойствахъ нашего духа, не только оправдываются жизненными интересами, но и не стоятъ въ необходимомъ противорѣчій съ высшими духовными стремленіями, какъ это можно-бы вообразить съ платонической точки зрѣнія: потому-что едва-ли долженъ человѣческій духъ измѣнять указаннымъ требованіямъ эмпирическаго знанія и соотвѣтствующей ему дѣятельности, чтобы выступить въ качествѣ дѣятеля свободнаго, который въ себѣ находитъ высшее духовное законодательство знанія и дѣятельности. Какъ зерно въ постепенномъ развитіи даетъ плодъ, который въ свою очередь даетъ зерно, такъ, можетъ быть, человѣческій духъ въ явленіи и силою явленія воспитывается до того духовнаго самосознанія, которое носить въ себѣ сѣмена или основы всякой феноменальной жизни, которое износитъ изъ себя нефеноменальные, неизмѣняемые законы, чтобы по нимъ опредѣлять подлежащую его пониманію и дѣятельности область явленій. Когда мы говоримъ: наши дѣйствительныя душевныя состоянія, наши наклонности, влеченія и желанія, какъ и высшія явленія, которыя вызвали ихъ, несообразны съ чистѣйшими требованіями нравственнаго закона; котораго сознаніе мы носимъ въ глубинѣ нашего духа; когда мы говоримъ: это явленіе, это событіе не соотвѣтствуетъ своей идеѣ, его развитіе совершилось неправильно и не нормально: то въ этихъ ходячихъ выраженіяхъ идея полагается, какъ объективное понятіе, ко-

торое не само опредѣляется предметомъ, но напротивъ опредѣляетъ предметъ, мыслится, какъ его законъ и условіе его правильного развитія. Психологія могла-бы доказать, что то, что мы называемъ міромъ явленій, открывается первоначально нашему сознанию, какъ наше психическое состояніе, какъ испытываемое нами удовольствіе или скорбь, какъ приятное или неприятное ощущеніе. Если однакожь, при однообразномъ дѣйствіи на насъ со-сторонны міра, мы сознаемъ этотъ міръ, какъ нѣчто противолежащее нашему духу, какъ систему существъ, подчиненныхъ порядку и закону: то это, вѣроятно, доказываетъ, что этотъ міръ подчиняется духовному законодательству самосознанія раньше и прежде, чѣмъ мы отвлеченнымъ мышленіемъ пытаемся указать въ немъ присутствіе духовныхъ или идеальныхъ связей (*), — такъ-что изъясненіе міра явленій изъ идеи есть простое продолженіе той работы, которую совершаетъ духъ непрерывно въ-теченіе своего временнаго развитія. Во всякомъ случаѣ идея есть фактъ общечеловѣческаго сознанія, — фактъ, котораго необходимость также понятна, какъ понятно неотразимое стремленіе человѣческаго духа возвышаться отъ чувственнаго произвола до нравственной свободы, отъ случайныхъ представленій до необходимыхъ познаній, отъ эмпирически-опредѣленнаго сознанія до духовнаго,

(*) Изъ фактовъ, которые при этомъ мы имѣемъ въ виду, Кантъ вывелъ слѣдствіе, что наши познанія годны субъективно и не имѣютъ объективной истины. Глубочайшая основа этого вывода заключалась въ ученіи тогдашней психологіи, что духъ есть *сознаніе* и ничто болѣе: въ такомъ предположеніи общія формы возрѣнія и познанія необходимо было изъяснять, какъ дѣятельности сознанія или субъекта познающаго, какъ познающаго, такъ-что эти дѣятельности не имѣли никакого отношенія къ предмету, къ познаваемому явленію. Но, конечно, духъ есть нѣчто болѣе, чѣмъ сознаніе, чѣмъ познающая дѣятельность; онъ есть существующій предметъ, реальная субстанція, которая въ своихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ заключаетъ гораздо больше, нежели сколько можетъ войти въ сознаніе. Сознаніе не полагаетъ законовъ знанія непосредственнымъ, абсолютнымъ актомъ, не избрѣгаетъ ихъ, а находитъ въ дѣйствительномъ объектѣ, въ реально-существующемъ духѣ. Этого замѣчанія достаточно, чтобы видѣть, что субъективный идеализмъ не вытекаетъ необходимо изъ разсматриваемыхъ нами фактовъ.

наполненнаго не случайнымъ содержаніемъ самосознанія. Два разсматриваемыя нами состоянія человѣческаго духа, — опредѣляемость совнѣ и самоопредѣленіе, также предполагають другъ друга, какъ пріемлемость и самодѣятельность, какъ движеніе отъ явленія къ сущности и отъ сущности къ явленію, какъ переходъ отъ частнаго случая къ общему правилу и наоборотъ. Тщетно мы пытались-бы, во имя ученой строгости и послѣдовательности, раздѣлить эти члены одного цѣлостнаго человѣческаго міросозерпанія: въ живомъ и дѣятельномъ духѣ они также нераздѣльны, какъ душа и тѣло; идея открывается въ плоти и крови, въ жизненномъ взаимодействіи съ тою средою, въ которой воспитывается человѣческій духъ до ея сознанія. Если въ этомъ положеніи идея теряетъ нѣкоторую часть своего свѣта, то за то она выступаетъ въ дѣятельномъ духѣ съ тою жизненностію и энергіей, какихъ не достаетъ отвлеченному сознанію идеи въ наукѣ вообще и въ философій въ частности.

И такъ, если философія усиливается изъяснить явленія предлежащаго намъ или открывающагося въ насъ міра изъ идеи и посредствомъ идеи, если она разсматриваетъ явленія міра, какъ откровенія или воплощенія мысли, если для нея идея есть источникъ, основа, законъ и типъ являющейся дѣйствительности: то въ этомъ направленіи она пытается уяснить и обосновать то міросозерпаніе, котораго зачатки находятся во всякой человѣческой душѣ и которое необходимо предполагается религіозною и нравственною жизнію человѣчества. Вопросы объ основѣ и цѣли міра, объ отношеніи міра и чловѣка къ Богу, — вопросы, рѣшеніе которыхъ требуетъ предположенія идеи, волнуютъ съ неподавимою энергіей общечеловѣческое сознаніе прежде и ранѣе всякой науки; они возникаютъ въ сознаніи съ необходимостію не временнаго интереса, а какъ задача собственно-духовная, касающаяся вѣчныхъ потребностей человѣчества. Прежде, чѣмъ мы сознательно направляемъ нашу мысль на рѣшеніе этихъ вопросовъ, они уже рѣшены

въ нашей душѣ какъ-нибудь, если не строго-логически, то всегда въ соответствіи съ тѣми интересами, которые волнуютъ наше сердце; — и свѣтъ, выходящій изъ одного рѣшенія, какъ-бы ни былъ онъ возмущенъ невѣжествомъ и страстями человѣка, непримѣтно для насъ самихъ озаряетъ и окрашиваетъ подлежащую намъ дѣйствительность. Этимъ направлениемъ общечеловѣческаго сознанія доказывается право философіи на идеальное міросоверпаніе, равно-какъ отсюда-же видно, что отрицаніе идеи, какъ дѣйствительной силы міра, поставило-бы науку въ тяжелый и бесполезный для нея разладъ со всеобщими и непреложными требованіями человѣческаго духа.

Конечно, философія должна быть прежде всего наукою; а какъ трудно совмѣстить полноту общечеловѣческаго сознанія съ строгостію и основательностію ученыхъ выводовъ, это достаточно доказываетъ какъ исторія философіи, которая въ своихъ высшихъ стремленіяхъ обнаруживаетъ колебаніе, неопредѣленность и ученую несостоятельность, такъ и исторія наукъ положительныхъ, которыя развиваются тѣмъ равномернѣе, чѣмъ менѣе желаютъ онѣ проникать въ существо вещей и чѣмъ охотнѣе ограничиваются областію опыта. Это удобство, съ которымъ движется мысль въ области опыта, нерѣдко приводило къ предположенію, что наука, въ строгомъ значеніи этого слова, не имѣетъ никакого отношенія къ идеѣ, что ея сила и достоинство зависятъ отъ исключенія идеальнаго момента въ пониманіи явленій. Такъ человѣкъ, котораго привычки, наклонности и влеченія, вслѣдствіе прекраснаго душевнаго образованія, непосредственно гармонируютъ съ нравственнымъ закономъ, который для другихъ представляется какъ отдаленный, недѣйствительный идеаль, могъ-бы увѣрять насъ, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ этому идеальному закону. Мы хотимъ сказать, что уже простая возможность и дѣйствительность науки предполагаетъ идею, что по меньшей мѣрѣ этотъ продуктъ, называемый наукою, не можетъ родиться отъ столкновенія механическихъ дѣятелей.

Пока естествознаніе не изслѣдываетъ, чѣмъ началась и чѣмъ кончается разбираемая имъ ткань явленій, до-тѣхъ-поръ оно можетъ отклонять отъ себя представленіе идеи, дабы изучать натуру въ ея феноменальномъ потокѣ. Но уже въ этой строго-ограниченной сферѣ между неизвѣстнымъ началомъ и неизвѣстнымъ концомъ явленій идея предполагается, какъ начало изъясняющее, дающее свѣтъ дѣйствительности, по силѣ котораго она можетъ быть видима и доступна нашему пониманію; и когда мы рѣшаемся двигаться знаніемъ строго въ области опыта, то этою рѣшимостію мы отрицаемъ не свѣтъ идеи, который всегда необходимъ для познающаго духа, а тотъ мракъ, который извѣстенъ подъ именемъ абстракцій, фантастическихъ вымысловъ и мечтаній. Такъ-какъ въ познаніи явленій мы не въ-силахъ обойтись безъ нашего духа, безъ его формъ и законовъ, безъ тѣхъ началъ мышленія, которыя истолковываютъ явленіе: то мы вовсе не могли-бы понять и сдѣлать предметомъ науки явленіе, вполнѣ безъ-идеальное, во всѣхъ отношеніяхъ чуждое нашей мысли, или такое явленіе, которое подавало-бы намъ свои откровенія на языкѣ намъ не сродномъ и не понятномъ. Платонъ имѣлъ основаніе думать, что то, что не проникнуто идеей; — какъ бытіе вѣчно-расходящееся, не сомкнутое, не сосредоточенное, — не мыслимо и не познаваемо, не поддается ни слову, ни изъясненію, ни опредѣленію. Каждое явленіе мы разбираемъ и истолковываемъ, какъ незнакому намъ книгу. Еслибы внѣшнія формы явленія, какъ буквы и слова книги, не содержали въ себѣ никакого смысла, т.-е. не располагались въ порядкѣ, сообразномъ съ идеей, то такое явленіе осталось-бы во всѣхъ отношеніяхъ чуждо нашему сознанію и знанію: мы не имѣемъ никакого представленія о томъ, какво могло-бы быть откровеніе, посылаемое намъ подобнымъ явленіемъ. Древніе были послѣдовательны, если они необходимость, не опредѣленную мыслию и разумомъ, называли слѣпою, т.-е. такою, въ которой мышленіе не съумѣетъ *найти*сь, къ которой оно не имѣетъ доступа и

которую не может оно вовлечь въ свой свѣтлый кругъ пониманія. Если же напротивъ необходимость, завѣдывающая строе-ніемъ и ходомъ явленій природы, такъ легко и удобно переводится въ свѣтъ мысли, если она поддается пониманію духа: то это доказываетъ, что въ ней лежитъ начало не стороннее для духа, — начало, къ которому онъ также близокъ, какъ къ своему собственному идеальному содержанію. Идея, какъ основа гармоніи между мышленіемъ и бытіемъ, служитъ необходи-мымъ предположеніемъ всякой науки. Конечно, можно зани-маться наукою, не спрашивая объ условіяхъ ея возможности; *для того, чтобы знать, нѣтъ нужды имѣть знаніе о самомъ зна-ніи*: въ такомъ опредѣленномъ направленіи къ положительному знанію мы можемъ не замѣчать тѣхъ послѣднихъ условій, ко-торыя дѣлаютъ возможнымъ самое явленіе знанія и которыя лежатъ въ идеѣ, какъ единствѣ познаваемого и познающаго. Тѣмъ не менѣе въ истинѣ, какъ зрителю необходимо предле-жить міръ видимый, такъ существу разумному необходимо от-крывается міръ разума: всякій другой міръ не былъ-бы откро-вениемъ для насъ, не былъ-бы познанъ нами.

Мы можемъ познавать этотъ міръ, который предлежитъ нашему сознанію, какъ система явленій, не зависящая отъ на-шего духа, созданная и сложенная не нами. Мы воспроизводи-мъ реальныя опредѣленія бытія въ идеальныхъ опредѣле-ніяхъ мышленія. Эта дѣятельность познающаго духа была-бы иллюзіей или по меньшей мѣрѣ заключала-бы въ себѣ неизъя-снимое противорѣчіе, еслибы идея, идеальныя связи, идеаль-ный порядокъ не входили въ систему міра, какъ условія его жизни и развитія. Всякая наука утверждается на предположе-ніи, что идеальное движеніе понимающаго мышленія и реаль-ный ходъ понимаемыхъ вещей совпадаютъ другъ съ другомъ. Безъ этого предположенія мы не имѣли-бы права сдѣлать въ области опыта никакаго необходимаго вывода, мы не могли-бы изъяснить, почему слѣдствіе, выведенное изъ посылокъ иде-ально, совпадаетъ съ событіемъ, которое вытекаетъ въ дѣй-

ствительности изъ явленій, сознанныхъ въ посылкахъ. Между-тѣмъ сила знанія, какъ и возможность техническихъ изобрѣтеній, лежитъ въ этой способности человѣческаго духа дѣлать изъ опытовъ и наблюденій необходимые мысленные выводы. Только въ школахъ возникаютъ разнородныя теоріи о мышленіи, какъ субъективномъ или психическомъ процессѣ. Въ дѣйствительномъ познаніи природы и въ дѣятельности творчества и изобрѣтенія человѣкъ съ жизненною необходимостію полагаетъ и обнаруживаетъ мышленіе, какъ силу или дѣятельность предметную, имѣющую значимость не для насъ, но для объективной природы вещей, и ежедневныя усилія науки и искусства достаточно оправдываютъ это поведеніе познающаго и изобрѣтающаго человѣка.

Сообразно съ этимъ мы встрѣчаемъ въ исторіи науки фактъ, что когда естествознаніе пытается разрѣшить метафизическую задачу о началѣ и основѣ явленій міра и думаетъ при этомъ рѣшенія ограничиться представленіемъ такъ-называемаго *механическаго процесса*: то ему никогда не удастся избѣжать тѣхъ категорій, которыми предполагается объективное значеніе идеи: сознательно или безсознательно естествознаніе подчиняется въ этомъ случаѣ руководящему свѣту идеи. Для возможности познанія вообще мы должны быть въ-состояніи различать *истину* и *ложь* въ нашихъ представленіяхъ, *нормальное* и *не нормальное* въ явленіяхъ природы, законмѣрность, опредѣленныя направленія и постоянныя привычки въ ея дѣятельностяхъ. Основа всѣхъ этихъ категорій, безъ которыхъ наука не имѣла-бы содержанія, лежитъ въ представленіи идея, а не механическаго процесса. Если, напримѣръ, нѣкоторые психологи пытаются изъяснять всѣ формы, начала и основы человѣческаго мышленія изъ психическихъ процессовъ, изъ взаимнаго притяженія и смѣшенія снизу-идущихъ представленій, не допуская въ мышленіи основъ или идей первоначальныхъ, самобытныхъ, не происходящихъ феноменально въ качествѣ страдательнаго продукта: то такое строго-механическое

изъясненіе явленій мышленія уничтожаетъ всякое различіе между истинною и заблужденіемъ, не даетъ возможности что-либо утверждать или отрицать, исключаетъ всякое представленіе объ истинѣ: потому-что формы мышленія и самыя мысли, покуда они зависятъ отъ необходимаго психическаго процесса, не суть ни истинны, ни ложны; всё онѣ имѣютъ, такъ сказать, одинаковое право, потому-что всё онѣ имѣютъ достаточную причину въ предшествовавшихъ имъ условіяхъ механическаго сочетанія и взаимнаго притяженія представленій. Кто назоветъ магнитное притяженіе, электрическій токъ въ одномъ случаѣ истиннымъ, а въ другомъ ложнымъ? Спиноза, самый послѣдовательный представитель механическаго міросозерцанія, имѣлъ полное основаніе утверждать, что душа человѣка есть *мысленный автоматъ*, въ которомъ, какъ такомъ, было-бы нехорошо допускать различія истиннаго и ложнаго, добраго и злаго. Итакъ, если намъ говорятъ, если намъ выдаютъ какъ истину, что механическій процессъ, совершающійся въ области первоначальныхъ элементовъ природы, есть первая и послѣдняя основа всѣхъ явленій познаваемаго нами міра: то уже этимъ положеніемъ, этимъ простымъ призначеніемъ истины, сознаніемъ ея отличія отъ противоположаемаго ей заблужденія, изъясняется этотъ механическій процессъ, какъ дѣятель, не подчиненный идеѣ. Съ отрицаніемъ идеи происходитъ въ этомъ случаѣ то-же, что произошло-бы съ человѣкомъ, который говорилъ-бы намъ, что онъ не можетъ говорить.

Что сказано о природѣ души, то должно быть примѣнено и вообще къ природѣ, потому-что предшествующія замѣчанія относятся непосредственно къ предположенію техническаго процесса, какъ единственнаго и основнаго двигателя явленій, въ какую-бы частную область ни падали эти явленія. Согласимся, что природа не запутывается въ противорѣчія, какъ представленный нами человѣкъ; положимъ, что и въ-самомъ-дѣлѣ она не говоритъ (не являетъ идеи): но если мы, зрители природы, можемъ замѣчать въ ней этотъ недостатокъ, то этимъ

уже предполагается, что гдѣ-то однакожь было замѣчено нами явленіе говора (явленіе идеи), котораго мы не замѣчаемъ въ природѣ, и что природа, не представляющая этого явленія, есть нѣчто не полное и не совершенное, т.-е. мы имѣемъ лучший образъ дѣйствительности, съ которымъ, какъ съ идеей, сравниваемъ феноменальную натуру, чтобы понять, изучить и оцѣнить достоинство ея явленій. Скажемъ безъ образовъ: если мы допускаемъ различіе явленій нормальныхъ и не нормальныхъ, если мы замѣчаемъ въ природѣ общую законѣрность явленій и познаемъ уклоненія отъ этой законѣрности въ частнымъ случаяхъ: то всѣ эти выраженія, какъ и то объективное содержаніе, которое мы познаемъ въ нихъ, предвлагаетъ подчиненное значеніе механизма въ познаваемой нами дѣйствительности: механическій процессъ, какъ такой, безразличенъ къ явленіямъ нормальнымъ и не нормальнымъ, законѣрнымъ и не законѣрнымъ; онъ не можетъ обосновать въ природѣ направленій и привычекъ къ постоянному, опредѣленному и предпочтительно-набираемому ею образу дѣйствования.

Когда врачъ возстановляетъ здоровье и надлежащее управленіе въ поврежденномъ тѣлесномъ органѣ, то въ его дѣятельности встрѣчаются два вида познаній: познаніе механическаго процесса, которымъ условливается здоровое и болѣзненное состояніе органа, и познаніе отправленія, назначенія или идеи, которой не соответствуетъ органъ въ его настоящемъ положеніи. Физиологъ знаетъ составныя части, химическія и физическія сочетанія въ строеніи селезенки такъ-же достаточно, какъ и составъ всякаго другаго тѣлеснаго органа. Однакожь, пока для него не опредѣлено назначеніе селезенки въ цѣлой экономіи животнаго организма, пока не рѣшенъ вопросъ объ идеи и цѣли этого органа, до-тѣхъ-поръ физиологъ сознается въ недостаточности своихъ изслѣдованій и познаній. Какъ мы не можемъ утверждать, что свѣтъ пониманія разливается на явленіе только разъединенными лучами анализа, познающаго части явленія, и не дѣлается ярче отъ единичной идеи, которая

изъясняетъ части явленія синтетически изъ его цѣлостнаго и нераздѣльнаго образа, такъ мы не думаемъ, чтобы наука въ строгомъ смыслѣ не имѣла никакого отношенія къ идеѣ, или чтобы интересы науки требовали исключенія или отрицанія идеи при изъясненіи явленій. Конечно, чтобы понять идею поэтическаго произведенія, мы должны прежде всего изучитъ языкъ, на которомъ оно написано и который представляетъ въ этомъ случаѣ механическую сторону изучаемаго явленія. Но когда послѣ такого изученія мы читаемъ это произведеніе, то уже мы не можемъ сказать, чтобы каждая отдѣльная часть его была для насъ всецѣло понятна сама по себѣ; это пониманіе частныхъ возрастетъ по-мѣрѣ-того, какъ мы постигаемъ ихъ въ цѣлостномъ составѣ поэмы. Когда наконецъ нашъ умъ озаряется сознаніемъ цѣлостной идеи произведенія, то съ этой высоты исходитъ послѣдній свѣтъ на познанныя частности: только теперь мы постигаемъ окончательный смыслъ частей поэмы, только теперь проясняются для насъ прежде не сознанныя особенности въ языкѣ и слововыраженіи поэта, и такимъ образомъ самый механизмъ явленія озаряется свѣтомъ идеи. Неточность этого образа, съ которымъ мы хотѣли-бы сравнивать предлежащій нашъ міръ и способы его изученія, состоитъ въ томъ, что наше познаніе міра всегда отрывочно и неполно; что мы не въ-состояніи прочесть эту поэму отъ начала до конца и такимъ образомъ фактически изучитъ міръ какъ цѣлое, какъ единство. Но этимъ обстоятельствомъ устраняются только мнимыя притязанія философіи изъяснить всю совокупность явленій изъ положенной или предположенной идеи, и притомъ простымъ діалектическимъ или апріорнымъ разоблаченіемъ ея содержания; однако этимъ не отрицается общая возможность полагать идею, какъ достаточную основу явленій, вследствие опытовъ и наблюдений въ области доступной намъ дѣйствительности. Наши познанія о мірѣ навсегда останутся ограниченными: міросозерцаніе механическое и идеальное утверждаются одинаково на ограниченномъ числѣ опытовъ, доступныхъ человѣку.

Мы только спрашиваемъ, нѣтъ-ли въ области доступнаго намъ опыта такихъ явленій, которыхъ достаточная основа должна быть положена въ идеѣ, а не механическомъ процессѣ; и нѣтъ-ли такимъ образомъ возможности и необходимости видѣть въ мышленіи, въ разумѣ нѣчто большее, чѣмъ психическія, существенныя формы человѣческаго духа, видѣть въ немъ начало дѣйствующее и открывающееся въ обыкновенномъ мірѣ. Когда мы знаемъ механическое устройство музыкальнаго инструмента, то этимъ не доказывается-ли, что мы имѣемъ отчетливое и полное представленіе о каждомъ атомѣ и о всѣхъ тѣхъ физическихъ дѣятеляхъ, которые условливаютъ это устройство: однакожь это не мѣшаетъ намъ изъяснять это устройство изъ назначенія и идеи инструмента; мы увѣрены, что выборъ и размѣщеніе частей инструмента опредѣляются его идеей. Въ свою очередь эта идея есть ограниченный свѣтъ, который озаряетъ для насъ только этотъ частный фактъ; а не центральное свѣтило, которымъ-бы освѣщалась вся вѣдомая и невѣдомая намъ вселенная. Въ этомъ значеніи, — повторяемъ — признаніе идеи есть дѣло факта, дѣло анализа явленій, а не предположеніе такъ-называемой апріорной мысли. Выше мы пытались указать на нѣкоторыя явленія, которыя дѣлаютъ необходимымъ призваніе идеи, какъ обыкновеннаго дѣятеля. Понятіе механическаго процесса остается при этомъ въ своей истинѣ, только оно не признается понятіемъ основнымъ и первоначальнымъ. Какъ въ Богѣ, говоритъ Лейбницъ, сила опредѣляется мудростію, такъ въ природѣ механической потокъ явленій условливается первоначально цѣлю или разумными предопредѣленіями.

Безъ признанія идеи мы получили-бы такой образъ міра, къ которому не легко приучать живое и дѣятельное сознание человека: потому-что для дѣятельнаго усвоенія этого образа человѣскій духъ долженъ-бы разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ въ истинѣ никогда не можетъ разстаться: мы разумѣемъ эстетическія, нравственные и религіозныя влеченія человѣческаго духа. Міръ, который противорѣчилъ-бы этимъ влеченіемъ, не

имѣлъ-бы для человѣка никакого интереса; и мы думаемъ, что такимъ представился-бы нашему сознанию окружающій насъ міръ, еслибы въ немъ не было другихъ дѣятелей, кромѣ механическихъ. Поколикъ явленіе условливается дѣйствующими причинами, или образуется механически, оно не есть нѣчто изъ себя и отъ себя, оно есть нѣчто безусловно-страдательное, произведенное дѣятелями, которые не принадлежатъ къ существу его, не составляютъ его жизни, его души: потому-что сами эти дѣятели суть въ свою очередь не самостоятельныя, страдательныя произведенія другихъ дѣйствующихъ причинъ. Весь міръ принадлежитъ при этомъ нашему представленію, какъ вѣчно-текущая рѣка; части міра выдающіяся и поражающія насъ своею жизненностію и красотою обладаютъ въ истинѣ призрачнымъ существованіемъ воли, которыя не имѣютъ ничего самобытнаго, ничего внутренняго, ничего живаго, и которыя суть ничто предъ равнодушной силой поднимающаго ихъ и уничтожающаго потока. Вся вселенная есть безусловная внѣшность, въ которой мы напрасно искали-бы средоточныхъ пунктовъ, какъ источниковъ ея жизни и развитія, — есть дѣйствительность всецѣло страдательная, въ которой нѣтъ мѣста тому, что мы называемъ дѣйствовать, жить, наслаждаться жизнью, какъ *нашимъ* благомъ, какъ *нашимъ* сокровищемъ. Высокое созданіе, которое поражаетъ насъ богатствомъ силъ, игрою жизни, изяществомъ формъ и глубиною мысли, происходитъ отъ мертвыхъ элементовъ (атомовъ), которые совершенно-чужды своей собственной работѣ, совершенно-равнодушны къ ней: потому-что они также охотно и легко входятъ въ образованіе явленій, оскорбительныхъ для нашего чувства, болѣзненныхъ для сердца и несообразныхъ съ требованіями разума. Закономѣрное единство и пластическая дѣятельность въ натурѣ, жизненныя влеченія и цѣлесообразныя инстинкты, душа и разумъ суть феномены, которые существуютъ только въ нашемъ субъективномъ воображеніи. Природа не разсчитываетъ ни на что подобное; въ ней нѣтъ ни возможности, ни влеченія къ дѣятельности извнутри, къ живому раз-

вѣтію, къ рожденію существъ прекрасныхъ или разумныхъ. Не предопредѣленная мыслию, она сама не знаетъ, что родится изъ ея невольныхъ и не задуманныхъ движеній. Всѣ существа имѣютъ для нея одинаковое значеніе, какъ событія одинаково-необходимыя или, правильнѣе, неизбѣжныя, — какъ событія, одинаково условленныя предшествующими механическими процессами. Вѣчные дѣятели природы стоятъ къ своимъ созданіямъ въ отрицательномъ отношеніи безразличія. . . .

И этомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ дыханія жизни и въ которомъ не отражаются лучи разума, воспитываетъ насъ до чувства жизни, до совершенства существъ разумныхъ, — воспитываетъ насъ до нравственныхъ и эстетическихъ влеченій, то есть, до того, что такъ чуждо и не существенно міру. Чтобы вступить въ область неподдѣльной, существенной дѣйствительности, намъ остается одно изъ двухъ: или признать все богатство нашей духовной жизни призрачнымъ, въ истинѣ не существующимъ, или-же согласиться, что міръ, который развиваетъ нашу духовную жизнь съ ея богатствомъ, не такъ материаленъ, не такъ безжизненъ и бездушенъ, какъ онъ изображается въ механическомъ міросозерцаніи. Первое предположеніе останется ничего не значущимъ словомъ, пока намъ не удастся свести къ простымъ фізіологическимъ феноменамъ или — еще ниже — къ общимъ законамъ механики всѣ разнообразныя формы и явленія мышленія, воли и чувствованій въ человѣкѣ и все дѣло цивилизаціи въ человѣчествѣ. И кто не питаетъ мечтательной надежды, что эта задача когда-либо можетъ быть рѣшена, тотъ уже этимъ самымъ выражаетъ убѣжденіе, что міръ, который служитъ необходимымъ условіемъ и предположеніемъ духовнаго развитія человѣка и человѣчества, не есть въ своей послѣдней основѣ слѣпой механизмъ, которому было-бы несвойственно это духовное и разумное назначеніе.

Впрочемъ, міръ, независимо отъ его отношенія къ нашему духовному развитію, представляетъ такую законмѣрность въ своихъ явленіяхъ, что защитники механическаго міросозерца-

нія большею частію говорятъ о вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, которые завѣдываютъ встрѣчею, связью и расторженіемъ вѣчныхъ элементовъ природы. Только при этомъ они допускаютъ идею, которую хотѣли-бы отвергать. Откуда въ самомъ дѣлѣ эти законы природы и притомъ вѣчные? Откуда эти постоянные образы дѣятельности первоначальныхъ атомовъ? Откуда это *преданіе*, которое соблюдаетъ природа съ своимъ теченіемъ?

Когда атомъ проходитъ или испытываетъ различныя состоянія въ соединеніи съ другими атомами, то, по окончаніи этого процесса, онъ остается тѣмъ, чѣмъ былъ въ началѣ; изъ своей исторіи онъ не выноситъ никакихъ предрасположенностей или навыковъ къ опредѣленному образу дѣйствования, въ его существѣ не остается никакихъ впечатлѣній отъ того, что имъ прижито или испытано: поэтому онъ равнодушенъ къ тому продукту, въ составъ котораго ему придется вступить впоследствии; онъ не знаетъ ни выбора, ни предпочтенія. А между-тѣмъ ежедневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что природа слѣдуетъ правиламъ, что она являетъ намъ свою сущность въ однообразныхъ и неизмѣнныхъ формахъ. Можно-ли понять эту законмѣрность природы безъ идеи, которая понуждаетъ равнодушные къ своимъ будущимъ состояніямъ элементы міра вступать въ эти опредѣленные, а не другія сочетанія, то есть, — помимо собственной ограниченности, — быть не равнодушными и не безразличными къ воспроизведенію этимъ постоянныхъ и правильныхъ явленій? «Еслибы небо не имѣло разсчитывающаго ума, то могло-бы случиться, что корова родила-бы лошадь и персиковое дерево принесло-бы грушевые цвѣты». Такъ разсуждалъ одинъ древнѣйшій мудрецъ, и, конечно, это разсужденіе можетъ служить и вынѣ достаточнымъ опроверженіемъ исключительно-механическаго міросозерцанія. Тѣ, которые развивали это міросозерцаніе безпристрастно, допускали въ природѣ не вѣчные законы, а случай, который, дѣйствуя наудачу, первоначально раждалъ уродливыя явленія, людей съ ло-

шадными тѣлами, сиренѣ и другихъ чудовищъ, пока наконецъ не завязалась, также случайно и слѣпо, та обходимость, которую мы съ нашей призрачной человѣческой точки зрѣнія считаемъ закономъ, порядкомъ и гармоніей. Этотъ выводъ нашъ кажется послѣдовательнымъ. Внутреннее противорѣчіе, которое лежитъ въ основѣ механическаго міросозерпанія, оканчивается въ категоріи случая погашеніемъ и всецѣлымъ исчезновеніемъ всякой мысли и всякаго пониманія: потому-что случай и есть собственно то, что не поддается никакой мысли, что бѣжитъ отъ нея, какъ тѣнь отъ свѣта, и что всецѣло исчезаетъ тамъ, гдѣ возникаетъ мысль и пониманіе. Такъ, если можно отрицать идею, то уже въ истинѣ нельзя найти того положительнаго принципа, во-имя котораго совершилось-бы отрицаніе.

Мы хотѣли показать, какъ не легко перевести въ мысль бытіе, чуждое мысли, найти смыслъ въ произведеніи, не имѣющемъ смысла, понять явленіе, которое сложилось не сообразно съ понятіемъ. Можетъ быть, подобное сознаніе было причиною того, что философія рано поняла свою истинную задачу, рѣшеніе которой невозможно безъ предположенія и признанія идеи. Послѣ-того, какъ первые Греческіе философы, спрашивая объ основныхъ элементахъ космоса, признали въ этихъ элементахъ нѣчто божественное и разумное, или видѣли основу гармоніи явленій въ нравственныхъ мотивахъ любви и вражды; послѣ-того, какъ Эмпедоклъ основу чувственнаго космоса полагалъ въ нечувственномъ *сферосѣ*, гдѣ царствуетъ любовь, единство, бессмертіе и блаженство; послѣ-того, какъ Анаксагоръ признавалъ, что умъ есть источникъ, если не элементовъ, то гармоніи космоса, — Платонъ, какъ-бы высказывая въ ясномъ словѣ то, что не могли высказать его предшественники, какъ-бы уловляя ихъ-же задушевную мысль и износя ее во свѣтѣ самосознанія, учить, что божественное и разумное не можетъ быть не-самостоятельно, что оно не есть качество одного изъ элементовъ, что оно не нуждается въ физическихъ носите-

ляхъ и что полнота бытія не раздѣляется между нимъ и его противоположностію. Божественное и разумное самодовольно и безусловно; оно открывается нашему самосознанію, какъ первоначальная и вѣчная сущность всякой феноменальной дѣйствительности. То, что дѣлаетъ космосъ чувственнымъ и механическимъ, есть вѣчто не существенное, не существующее (μη ὄν). Истинная, неподдѣльная дѣйствительность принадлежитъ божественному и разумному, какъ такой духовной сущности, которая служитъ источникомъ бытія и его познанія. Какъ солнце есть причина того, что мы видимъ, и того, что вещи дѣлаются видимыми, такъ *Благо* подаетъ познаваемому истину, а познающему—силу знанія. И если подобное познается подобнымъ, то божественное и разумное — эта вѣчная сущность и форма всякой дѣйствительности — должно быть однородно, однокачественно съ тѣми понятіями, въ которыхъ и посредствомъ которыхъ мы познаемъ подлежащую намъ дѣйствительность; или божественное и разумное въ космосѣ есть идея. Въ идеѣ мы видимъ вещи по ихъ неподдѣльной натурѣ. Идея есть — такъ сказать — подлинное мѣсто вещей и подлинная вещь. Истинная сущность предмета познается не въ воззрѣніи на предметъ, а въ идеѣ предмета, а отсюда слѣдуетъ, что и сама она идеальна. Софоклъ—духовнѣйшій изъ поэтовъ древности—открываетъ въ сердцѣ человѣка высшія чаянія, которыя не находятъ удовлетворенія формахъ классической древности. Платонъ указываетъ въ божественной идеѣ ту дѣйствительность, куда собственно направлены эти высшія чаянія. Тамъ и здѣсь человѣкъ отторгается отъ непосредственной связи съ окружающею его средою и возвышается у поэта до ощущенія, у философа — до сознанія міра и порядка божественнаго, въ которомъ человѣкъ находитъ всецѣлое, умственное, нравственное и эстетическое удовлетвореніе.

Можетъ быть, не бесполезно будетъ прослѣдить исторически, какимъ образомъ философія двигалась на этой идеальной высотѣ и какъ воспроизводила она въ разныя времена образъ

міра при свѣтѣ идеи. Мы ограничимся при этомъ самыми замѣчательными явленіями въ исторіи философіи.

Въ философіи Платона идеальное міросозерцаніе выступаетъ со всей ивергіей первоначальнаго, юнаго и довѣрчиваго пониманія. Идея есть для Платона вся дѣйствительность; истинное не-феноменальное бытіе содержится въ идеѣ. Чтò лежатъ внѣ идеи, есть нѣчто не существующее, совершенно-неможное, стоящее въ отрицательномъ отношеніи къ истинному бытію и истинному пониманію. Феноменальная или механическая сторона космоса имѣетъ свою основу въ этомъ отрицательномъ, не обладающемъ сосредоточенностію бытія, началѣ. Бесусловная внѣшность этого начала, его равнодушіе ко всякой опредѣленности, его текучесть, не сдержанная закономъ, не знающая правила, порядка и гармоніи, образуютъ прямую противоположность съ спокойнымъ, сосредоточеннымъ и внутреннимъ бытіемъ идеи, какъ и съ ея откровеніями въ пропорціи, мѣрѣ, порядкѣ и гармоническомъ строѣ явленій. Если космосъ подлежитъ нашему созерцанію, какъ явленіе, обладающее жизнью, правильностію, красотой и добромъ, то всѣ эти совершенства онъ получаетъ отъ идеи. Отъ соединенія бѣднаго и немощнаго бытія съ богатствомъ и плодovitостію идея рождается *любовь*, какъ духъ, связующій земное съ небеснымъ, смерное съ бессмертнымъ, конечное съ безконечнымъ, — любовь, которая вѣчно влечетъ бѣдную натуру къ добру и красотѣ, къ бессмертію и богоподобію. Всѣ связи міра, всѣ его движенія сходятся въ истинѣ въ эту связь любви, въ это движеніе къ доброду, прекрасному и божественному. Какъ смертное не обладаетъ бессмертіемъ сразу и непосредственно, то оно стремится достигать бессмертія вѣчно-повторяющимся, вѣчно-обновляющимся рожденіемъ: «рожденіе есть дѣло Божіе; зачатіе и рожденіе есть вѣчное и бессмертное, доступное смертному.» Такъ понимаетъ Платонъ одинъ изъ самыхъ общихъ процессовъ природы. Когда человекъ проникается въ своей мысли и дѣятельности идеей, то онъ вноситъ въ свое бѣдное существованіе божественный свѣтъ и

божественную жизнь; онъ получаетъ способность раждать безсмертное и вѣчное; не смотря на свою ограниченность, онъ вышшеается на степень помощника Божія въ украшеніи и усовершенствованіи міра, въ образованіи его по идеѣ истины, добра и красоты. Посему, то, къ чему стремится міръ въ своемъ бессознательномъ процессѣ вѣчно-повторяющагося рожденія, а человѣкъ въ своей сознательной дѣятельности, есть опять идея, какъ вѣчный и спокойный образецъ всякаго истиннаго существованія, всего совершеннаго, добраго и прекраснаго. Идея есть начало и конецъ, основа и цѣль всѣхъ явленій въ мірѣ и человѣчествѣ. Поэтому ея полнота далеко не исчерпывается тѣми явленіями, которыя окружаютъ насъ; въ ней, — въ идеѣ, — лежитъ безконечно больше совершенствъ, чѣмъ въ цѣлости этого міра, или идея обладаетъ самобытностью, составляетъ самостоятельный міръ, наполненный безконечнымъ содержаніемъ, — міръ, въ которомъ безусловное единство идеи, не распадаясь, открывается въ безконечномъ множествѣ идей. Какъ въ человѣческомъ мышленіи множество понятій и мыслей сходятся въ одну высшую мысль, какъ эта высшая мысль проходитъ въ разнообразіи подчиненныхъ понятій, не теряя своего единства, такъ міръ идеальный существуетъ нераздѣльно въ безусловномъ единствѣ и безконечномъ множествѣ. Идея есть не только единство, но и цѣлость. Она не есть отвлеченное бытіе, которое только въ постепенномъ процессѣ достигало-бы полноты своего содержанія; первоначально и непосредственно она носитъ въ себѣ всѣ свои опредѣленія въ безусловномъ единствѣ совершеннѣйшей мысли. Это безусловное единство идеальнаго міра есть идея *Блага* или *Благо*, какъ послѣдняя цѣль бытія и мышленія, какъ та сущность, въ которой непосредственно все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно. Міръ идеальный есть поле истины, которая питаетъ боговъ и человѣковъ; здѣсь въ премірномъ мѣстѣ, или въ пространствѣ, которое есть умъ (*κόσμος νοητός*), боги и чистыя души созерцаютъ сущность безцвѣтную, безвидную, возвышенную

надъ всякимъ измѣненіемъ. Первоначальная красота существуетъ здѣсь не на иномъ живомъ существѣ, на землѣ, на небѣ или гдѣ индѣ, но безусловно сама-по-себѣ, пребывая вѣчно въ одномъ видѣ и не участвуя въ измѣненіяхъ того, что ей причастно. Такимъ образомъ міръ находится какъ-бы между двумя полюсами, отрицательнымъ и положительнымъ, чистымъ небытіемъ матеріи и безусловныхъ бытіемъ идеи. Всякая вещь, подлежащая нашимъ чувствамъ, имѣетъ двѣ стороны—идеальную сущность и ея ограниченіе небытіемъ: посему идея въ явленіяхъ связана, не свободна; ея феноменальный образъ бытія есть не первоначальный, не существеннѣйшій. Только Богъ, по благодати своей, или потому, что Онъ есть благо, которому не свойственно замыкаться въ себѣ и которое стремится сообщить блаженство жизни и ума тому, что не обладаетъ ими само въ себѣ, образовалъ немощную сущность матеріи по идеямъ; сдѣлалъ ее причастною совершенства идеи. Эту дѣятельность мірообразования Богъ совершилъ не произвольно, не безъ плана, но взирая на образецъ или на идею, которая составляетъ вѣчное содержаніе Его безконечнаго ума. Идея есть сущность и первообразъ космоса. И такъ-какъ идея, лежащая въ основѣ космоса, содержится въ божественномъ умѣ, то Богъ, обладающій *самосознаніемъ*, обладаетъ вмѣстѣ и *міросознаніемъ*, или относится къ міру, какъ его свободной правитель и промыслитель. Въ мірѣ царствуетъ не слѣпой механизмъ, но разумная необходимость идеи и свободная дѣятельность божественнаго провидѣнія.

Достоинство Платонова міросозерцанія понятно какъ для философствующаго ума, такъ въ особенности для духа, проникнутаго нравственными и эстетическими стремленіями. Идея не есть отвлеченная или теоретическая мысль; въ идеѣ лежитъ основа не только истины, но также добра и красоты. Человѣческій духъ въ сознаніи идей находитъ живое единство для своихъ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ стремленій. Знаніе есть добродѣтель и добродѣтель красота; философство-

вать значитъ искать истины, дѣлать добро и наслаждаться созерцаніемъ красоты. Красота есть форма истиннаго и добраго, и такое значеніе имѣетъ она не только въ дѣлахъ человѣка, но и въ явленіяхъ міра, котораго рожденіе совпадаетъ съ днемъ рожденія красоты (Венеры). Міръ имѣетъ цѣну не только для разума, но также для воли и сердца; онъ не чуждъ ни одного изъ тѣхъ высокихъ мотивовъ, которые такъ дороги для человѣческаго духа.

Впрочемъ, историки философіи справедливо замѣчаютъ, что Платонъ занимается больше изъясненіемъ идеи, чѣмъ изъясненіемъ явленій изъ идеи, или что у Платона истолкованіе феноменальной дѣйствительности изъ идеи недостаточно. Такъ, когда требовалось указать въ вещи ту выдающуюся сторону, которая служитъ откровеніемъ идеи, то Платонъ видѣлъ присутствіе идеи только въ общихъ родовыхъ свойствахъ вещи. Въ этомъ отношеніи онъ опредѣляетъ идею, какъ сущность *общую одному менному множеству*, или множеству однородному. Если противъ этого опредѣленія замѣтилъ впоследствии Платонъ, что идея, какъ общая сущность, не изъясняетъ возможности божественнаго промысла о частныхъ вещахъ и лицахъ: то односторонность его ярко обнаружилась уже у самого Платона — въ его идеальномъ обществѣ, гдѣ человѣкъ съ его частными интересами, семейство съ его внутренними и жизненными отношеніями исчезаетъ въ общемъ, соответствующемъ идеѣ, какъ несамобытныя страдательныя выраженія общаго, какъ матерія, не имѣющая самостоятельности предъ идеей. Индивидуальное, личное, частное должно быть подавлено общимъ, потому что только общее соответствуетъ идеѣ. Сообразно съ этимъ, Платонъ видитъ явленіе идеи только въ общихъ отношеніяхъ вещей и частей міра между собою, а не во внутреннемъ строѣ каждой вещи, каждой части міра въ ея личномъ существованіи; отсюда происходитъ у него поверхностная *темология*, признаніе внѣшней цѣлесообразности міра, по силѣ которой вещи соответствуютъ идеѣ, поколику онѣ относятся между собою какъ

средства и цѣли, такъ-что значеніе вещи самой въ себѣ остается неопредѣленнымъ. Наконецъ, если Платонъ учить, что вещи *причастны* идеѣ, то это неясное отношеніе, давая самобытность вещамъ внѣ идеи, превращаетъ самобытный міръ идей въ міръ, отрѣшенный отъ міра явленій и отдѣленный отъ послѣдняго рѣзкою чертою; отсюда возникаетъ дуалистическое представленіе двухъ міромъ, изъ коихъ чувственный по своей основѣ также самобытень, какъ и міръ идеальный. Отсюда-же возникаетъ мистическое требованіе самоотреченія и отрицательнаго отношенія къ подлежащему намъ міру, какъ условіе для перехода въ міръ другой, идеальный.

Ученикъ и противникъ Платона Аристотель обличаетъ эти именно недостатки въ философіи своего наставника. Что только общее составляетъ истинное содержаніе знанія—въ этомъ Аристотель согласенъ съ Платономъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что идея есть родовая сущность вещей. Когда въ логическомъ опредѣленіи мы приводимъ къ сознанію понятіе о вещи, то при этомъ мы различаемъ родовое или общее и видовыя особенности вещи. Когда мы опредѣляемъ опять это общее, это родовое, то оно въ свою очередь выступаетъ въ видовыхъ особенностяхъ; слѣдовательно, оно перестаетъ быть общимъ, какъ только оно понято; общее теряетъ свою общность, какъ только мы постигаемъ его; поэтому сущность вещи, идею вещи нужно искать въ ея видовыхъ особенностяхъ, которыя не даютъ ей исчезать въ общемъ, которыя дѣлаютъ изъ нея дѣйствительную и дѣятельную часть міра и которыя составляютъ основу ея самобытности и совершенства. Кругъ соответствуетъ своей идеи, не поколику онъ есть плоскость, а поколику онъ имѣетъ такія, а не другія свойства, которыя составляютъ его необходимую принадлежность и совершенство. Не общее бытіе, а совершеннѣйшее бытіе въ каждой сферѣ явленій служить откровеніемъ идеи. Общее есть простая, неопредѣленная возможность, а не сущность вещи; оно есть матерія, а не идея. Мышленіе и бытіе не расходятся при этомъ: потому-что перво-

начальная сущность есть не индивидуумъ чувственно-данный и надѣленный случайными и преходящими эмпирическими особенностями, а индивидуумъ, понятый съ необходимостію въ логическомъ опредѣленіи, который, поэтому, относится къ феноменальнымъ индивидуумамъ, какъ общее къ частному, необходимое къ случайному, совершенное къ несовершенному. Не родовое общее, а общее, какъ необходимая основа совершенствъ данной вещи, есть истинная сущность вещи. Но такимъ-же образомъ истинный предметъ знанія есть не общее само по себѣ, но общее, опредѣленное и необходимостію. Мы могли-бы сказать, что все отличие Аристотеля отъ Платона въ этомъ важномъ пунктѣ заключается въ томъ, что Аристотель созналъ глубокое значеніе для науки категоріи *необходимости*, вслѣдствіе чего онъ искалъ въ явленіяхъ не просто общаго, но того, что служитъ необходимымъ условіемъ опредѣленныхъ совершенствъ данной вещи. Идея вещи есть необходимая форма вещи, то, что даетъ вещи этотъ, а не иной образъ существованія, то, что надѣляетъ ее отличительною и опредѣленною дѣятельностію. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ отдѣлять сущность вещей отъ самыхъ вещей, не можемъ говорить о передвиженіи или переходѣ сущности изъ идеальнаго состоянія въ феноменальное. Въ этомъ предположеніи сама сущность была-бы измѣнчива, могла-бы принимать противоположные виды существованія и не имѣла-бы *необходимаго* отношенія къ тому, что она есть сущность. И такъ, сущность неотдѣлима отъ вещи, которой она есть сущность; ея истинное и первоначальное бытіе есть въ этой самой феноменальной вещи: *идея имманентна явленію*. Какъ форма составляетъ первоначальную дѣятельность вещи, такъ матерія — первоначальную возможность ея; общее въ вещи или то, почему вещь только можетъ быть, а не есть, составляетъ ея матерію, — начало способное къ принятію различныхъ формъ до противоположности. Въ человѣческой художественной дѣятельности матерія переходитъ въ форму посредствомъ посторонняго третьяго движителя; въ

природѣ это движеніе, переводящее матерію къ форму, есть внутреннее и первоначальное; форма или идея находится въ необходимомъ отношеніи къ матеріи: міръ не имѣетъ ни начала, ни конца; онъ подлежитъ нашему пониманію, какъ безконечный процессъ имманентнаго самодвиженія, въ которомъ матерія переходитъ въ форму, возможное въ дѣйствительное, и который такимъ образомъ производитъ существа природы не по ихъ родовой общности, а по ихъ конкретной дѣйствительности. Форма составляетъ *энергію* природы или ту силу, которая влечетъ матерію къ развитію и опредѣленности. Не изъ сѣмени, не изъ зародыша развивается органическое, живое существо; истинная основа его развитія лежитъ въ формѣ, потому-что само сѣмя и зародышъ предполагаютъ уже существо живое, обладающее полнотою существованія и слѣдовательно энергіей формы; только человекъ рождаетъ человекъ. Форма есть дѣйствительность вещи; но сама эта дѣйствительность, какъ не безусловно опредѣленная, есть возможность по-отношенію къ другой высшей формѣ. Такъ мѣдъ есть форма по-отношенію къ элементамъ, которые составляютъ ее, но матерія или возможность — по-отношенію къ статуѣ, которая изъ нея сдѣлана. И такъ идея есть не только основа всякаго развитія въ природѣ, но и сама она *въ области природы подлежитъ процессу развитія*. Она не обладаетъ спокойнымъ бытіемъ первообраза, которому свойственно сразу и непосредственно состояніе развитое. Вслѣдствіе этого природа подлежитъ внутреннему, непрерывному и постепенному развитію, въ которомъ то, что выступаетъ послѣднимъ по времени, есть первое по сущности: каждая послѣдующая форма, утверждаясь на предшествующей, какъ на своей матеріи, выступаетъ все въ большемъ и большемъ совершенствѣ, природа приближается постепенно къ чистой дѣйствительности, къ совершеннѣйшему акту.

Движеніе природы, какъ опредѣленное идеей, совершается не безъ плана. Какъ форма есть дѣйствительность, то въ ней стремленіе природы достигаетъ своей цѣли; форма есть вмѣстѣ

и цѣль природы. Вещь соотвѣтствуетъ своей идеѣ, когда она обнаруживаетъ внутреннюю цѣлесообразную дѣятельность. Такъ видѣніе есть форма и цѣль глаза. Безъ этой дѣятельности глазъ не есть глазъ, а простая масса матеріи. «Природа ничего не дѣлаетъ даромъ: однако она творитъ, не созерцая первообраза, но увлекаясь цѣлю;» ея развитіе есть внутренній цѣлесообразный процессъ, есть дѣятельность, опредѣленная понятіемъ. Вещь, поколику есть въ актѣ, соотвѣтствуетъ своей идеѣ: слѣдовательно все поколику есть дѣйствительно, есть разумно. Механическій процессъ въ природѣ подчиненъ понятію и не есть явленіе слѣпой необходимости. Въ цѣли лежитъ совершенство вещи, но въ ней-же и истинная дѣятельность и истинная энергія ея. Идея не рассчитываетъ въ своемъ развитіи ни на порядокъ нравственный, ни на формы эстетическія, а единственно на дѣйствительность, на актъ: и такъ, она есть идея *теоретическая* или мысль, себя полагающая, себя одѣйствляющая; она имѣетъ значеніе только для постигающаго ума, а не для дѣятельной воли и чувствующаго сердца.

Каждая ступень въ цѣлесообразномъ процессѣ природы есть основа и предположеніе ступени высшей; она входитъ въ послѣднюю по своему существенному содержанію посредствомъ снятія или отрицанія свей непосредственности. Отрицаніе есть необходимый моментъ въ развитіи природы. Идея бессильна для того, чтобы прямо изъ себя положить явленіе, или должна препобѣждать или отрицать ту неопредѣленность, которая первоначально свойственна матеріи.

Такъ-какъ движеніе есть переходъ отъ возможнаго къ дѣйствительному, то оно всегда обличаетъ несовершенство акта, присутствіе въ немъ чего-то неразвитаго, чего-то пока возможнаго. Безусловный актъ исключаетъ движеніе, какъ направленіе къ недостигнутой еще цѣли. Поэтому мышленіе, на себя обращенное, не выступающее во внѣ, мышленіе, въ которомъ мысль и предметъ тождественны, есть актъ безусловный, есть безусловная дѣйствительность и безусловная форма. Богъ есть

чистая мысль въ ея внутреннемъ имманентномъ самодвиженіи, мысль — себя мыслящая, чистый умъ, въ вѣчномъ, простомъ и неизмѣнномъ актѣ котораго субъектъ, мыслящее и мыслимое тождественны. Богъ есть безусловная дѣйствительность и дѣятельность, форма формъ и цѣль міра, и посему онъ есть Благо, источникъ всего дѣйствительнаго и всего цѣлесообразнаго въ мірѣ явленій.

Божественное мышленіе не подлежитъ процессу развитія, потому-что оно обладаетъ сразу и первоначально безусловною полнотою содержания. Уже человѣческая мысль, поколику въ ней познающее и познаваемое тождественны, не происходитъ въ процессѣ психологическаго развитія. Если нельзя сказать съ Платономъ, что душа возвышается до ума и мышленія, когда она *воспомяаетъ* идеи, которыя созерцала нѣкогда въ до-мірномъ существованіи: то, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что умъ обладаетъ спокойнымъ объективнымъ существованіемъ: онъ стоитъ выше натуральной и индивидуальной жизни души; есть *первенецъ* во всемъ существующемъ; непроходящій, вѣчный, онъ входитъ въ члѣовѣка *сознѣ*, какъ самостоятельное божественное начало. Только въ спокойномъ, созерцающемъ мышленіи члѣовѣкъ вкушаетъ блаженство божественной жизни, только въ мышленіи члѣовѣкъ достигаетъ послѣдней цѣли своего развитія — жить въ идеѣ и идеѣй, — тогда-какъ воля члѣовѣка опредѣляется не идеальными стремленіями, а благоразумной оцѣнкой феноменальной дѣйствительности и умѣньемъ находить между крайностями безопасную средину.

- Богъ есть недвижимый движитель міра. Въ своей дѣятельности Онъ относится къ себѣ самому, какъ къ лучшему и превосходнѣйшему. И такъ Богу свойственно *самосознаніе*, но не *міросознаніе*, или Богъ не относится къ міру, какъ его свободный правитель и промыслитель. Въ мірѣ явленій идея находится въ процессѣ развитія. Умъ безусловный изъять изъ этого процесса, поэтому онъ не знаетъ ни процесса, ни того міра, который подлежитъ развитію. Безконечный умъ знаетъ только без-

конечное; въ немъ нѣтъ представителя конечнаго міра. Богъ приводитъ въ движеніе міръ простымъ бытіемъ, потому-что онъ есть форма и цѣль міра: такъ картина приводитъ въ движеніе зрителя, такъ благо влечетъ волю, такъ красота рождаетъ любовь. Всякое совершенство производитъ движеніе, оставаясь само недвижимымъ. Богъ даетъ міру движеніе, жизнь, форму и цѣлесообразное строеніе, не по свободной волѣ, но по необходимости своего безконечнаго совершенства. Это необходимое отношеніе Бога къ міру есть первоначальное и вѣчное.

Противорѣчіе между Платономъ и Аристотелемъ въ опредѣленіи идеи и въ изъясненіи изъ нея міра явленій имѣетъ свою основу внутри самой-же идеи. Идея постигается, и, вѣроятно, по необходимости мышленія, съ одной стороны какъ спокойный образецъ, какъ неизмѣнный типъ волнующейся чувственной дѣйствительности, съ другой—какъ дѣятель, элементъ и живая сила міра. При всякомъ развивающемся явленіи мы мыслимъ то и другое: съ Платономъ — спокойную норму развитія, съ Аристотелемъ — разумный ходъ и цѣлесообразное движеніе его. Такимъ-же образомъ, если по Платону идея соотвѣтствуетъ *общее* въ явленіяхъ, а по Аристотелю—*особенное*, то мы съ равною легкостью сознаемъ присутствіе божественной мысли какъ въ общемъ, равномерномъ и однообразномъ движеніи частей міра, такъ и въ жизненной, смѣшанной и безпокойной игрѣ индивидуальной жизни. Конечно, Аристотель начинаетъ и окончиваетъ философію простымъ, теоретическимъ пониманіемъ дѣйствительности, не удовлетворяя другихъ столь-же существенныхъ требованій человѣческаго духа: въ этомъ мы видимъ общую судьбу строго-ученой методы, которая хочетъ давать отвѣтъ на безпокойные вопросы духа не столько полный, сколько отчетливый. Если, напротивъ, въ Платоническомъ міросозерпаніи познаніе и чаяніе, требованія умственные, нравственные и эстетическія приходятъ въ гармонію въ единствѣ идеи: то это развитіе философіи, сообразное съ требованіями не одной уче-

ной методы, но и всечеловѣческаго сознанія, основано на глубоко-вѣрномъ предположеніи, что наши вѣчныя нужды, наши духовныя требованія и стремленія должны быть составною и дѣятельною частію въ міросозерцаніи. Холодный истолкователь природы, Аристотель упрекалъ Платона въ томъ, что его идеи суть *поэтическія*; мыслитель, воодушевленный высшими стремленіями, могъ-бы сказать противное: именно это обстоятельство, что платоническая идея есть между прочимъ идея поэтическая, составляет неотъемлемое достоинство философіи Платона.

Таковыми представляются эти двѣ великія системы философіи не предъ ученой критикой, но предъ непосредственными умственными или духовными привычками, которыя не всегда, конечно, совпадаютъ съ свѣжимъ голосомъ науки. Мы предоставляемъ исторіи философіи показать, какъ духъ человѣчества, въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій оплодотворяясь этими идеальными созерцаніями, принималъ ихъ и видоизмѣнялъ, смотря по требованіямъ науки, нравственности и религіи, и переходилъ къ тому періоду философіи, когда она стала развиваться изъ фактовъ и идей, которыя частію или всецѣло были невѣдомы древности. Разумѣемъ періодъ Картезіанской философіи. Христіанское ученіе о различіи двухъ началъ въ человѣческомъ существѣ выразилось въ Картезіанской философіи убѣжденіемъ, что духъ и тѣло человѣка не находятся въ непосредственномъ и живомъ взаимодействіи другъ съ другомъ, и слѣдовательно впечатлѣнія, происходящія на тѣлесные органы чувствъ со стороны внѣшняго міра, не суть причина нашихъ представленій, понятій и идей. Это воззрѣніе господствуетъ въ Картезіанской школѣ отъ Декарта, который всѣ познанія о внѣшнемъ мірѣ нашелъ сосредоточенными въ предопытномъ представленіи протяженія, до Лейбница, котораго монада не имѣетъ *окопъ*, чтобы принимать въ себя что-либо извнѣ, и которая всецѣло замкнута для внѣшняго міра. Въ этихъ предположеніяхъ заключается необходимость ученія о врожденности идей и предопыт-

ности нашихъ познаній о мірѣ дѣйствительномъ. Идеи врождены человѣческому духу, онѣ не *воспоминаются*, какъ забытые опыты, не входятъ и *со внѣ*, какъ отличное отъ человѣческаго духа начало. Въ конечномъ человѣческомъ самосознаніи лежить необходимая и достовѣрная мысль о бытіи конечнаго духа, Бога и міра. Предопытныя идеи дѣлаютъ возможнымъ познаніе дѣйствительности, потому-что онѣ стоятъ съ ней въ гармоническомъ отношеніи: чѣмъ больше представляемой реальности въ идеѣ, тѣмъ больше существующей реальности въ бытіи, и наоборотъ; что лежитъ въ понятіи предмета, то есть въ существующемъ предметѣ; что слѣдуетъ изъ понятія о предметѣ въ мышленіи, то слѣдуетъ изъ природы предмета въ дѣйствительности. Такъ идея *субстанціи* содержитъ больше представляемой реальности, чѣмъ идея *модуса*; слѣдовательно существующая субстанція заключаетъ въ себѣ больше сущности, чѣмъ дѣйствительно существующій *модусъ*. Отсюда слѣдуетъ, что мышленіе, если только оно ясно и раздѣльно, всегда движется въ области необходимаго и дѣйствительнаго. Спиноза только углубляетъ и развиваетъ эти положенія Декарта, когда учитъ, что порядокъ вещей есть одинъ и тотъ-же, что совершенство идеи зависитъ отъ совершенства ея предмета, и слѣдовательно міръ идеальный простирается не дальше и содержитъ въ себѣ не больше, какъ сколько есть въ мірѣ реальномъ. Это положеніе, неизвѣстное древнимъ, раскрылось въ своеобразномъ и необыкновенномъ міросозерцаніи. Если идеи движутся въ такомъ-же необходимомъ порядкѣ, какъ и самыя вещи, то онѣ подлежатъ столь-же неизмѣняемому механизму, какъ соотвѣтствующія имъ явленія. Душа есть *мысленный автоматъ*: мышленіе движется въ силлогизмѣ механически-необходимомъ, который опредѣляется схемою: *или невозможно, или необходимо; что не есть невозможно, то есть необходимо*. Представленіе *возможнаго*, слѣдовательно вообще бытія *конечнаго*, которое только возможно и которое не содержитъ въ себѣ безусловной необходимости, несвойственно-мышленію; оно все-

гда обходитъ эту категорію конечнаго міра и постигаетъ всё явленія подъ *образомъ вѣчности*, т. - е. въ ихъ безусловной необходимости. Изъ опыта извѣстны намъ два вида или порядка явленій или вещей: *вещи мыслящія и вещи протяженныя*. Такъ-какъ мышленіе должно повясть эти явленія въ ихъ безусловной необходимости, то оно сводитъ оба порядка вещей мыслящихъ и протяженныхъ къ бытію одной безконечной субстанціи, которая, хотя обладаетъ безконечнымъ множествомъ *атрибутовъ*, однако нашимъ умомъ постигается подъ двумя вѣчными *атрибутами*: безконечнаго мышленія. — Представленіе конечнаго, какъ такого, принадлежитъ воображенію, а не мышленію. Изъ безконечной божественной субстанціи слѣдуетъ только то, что ей существенно, то есть, *безконечное*, какъ изъ природы треугольника вытекаетъ вѣковѣчно-имманентное ему свойство, что сумма его угловъ равна двумъ прямымъ. Богъ есть *имманентная причина міра*, т. - е., собственно не причина, а субстанція міра. Міръ имѣетъ основу не въ другой, а въ божественной субстанціи, которой свойственно полагать только безконечное. Поэтому мы не можемъ спрашивать о началѣ міра, какъ совокупности конечныхъ модусовъ, какъ мы не говоримъ о происхожденіи того, что не имѣетъ дѣйствительнаго существованія. Такъ-какъ мышленіе и протяженіе суть безконечныя *атрибуты* одной, недѣлимой, безусловной субстанціи: то въ явленіяхъ міра каждая вещь есть нераздѣльно то и другое, *модусъ* мышленія и *модусъ* протяженія, душа и тѣло, идея и предметъ, смотря потому, мыслимъ-ли мы эту вещь подъ тѣмъ или другимъ божественнымъ *атрибутомъ*; опредѣленному *модусу* протяженія соотвѣтствуетъ на данной стаціи опредѣленный *модусъ* мышленія, тѣлу — душа, явленію — идея. Дѣйствительнаго взаимодѣйствія между этими членами не существуетъ: ни идея не опредѣляетъ предмета, ни предметъ не опредѣляетъ идеи; идеализмъ и матеріализмъ равно неосновательны. Только единство безусловной субстанціи, которая въ этихъ членахъ

полагаетъ свою недѣлимую сущность, опредѣляетъ съ необходимостію ихъ взаимное отношеніе въ мірѣ явленій.

Это ученіе объ идеѣ, о которомъ также не знали древніе, замѣчательно для насъ въ томъ отношеніи, что въ немъ натуральный маханизмъ, который должна-бы преобѣдить идея, переносится на существо самой идеи: идея представляетъ другую сторону того-же механизма, который господствуетъ въ мірѣ чувственныхъ явленій. Мышленію отказывается въ способности выступать за предѣлы дѣйствительности, выдвигаться *впередъ*, чтобы отсюда, сообразно съ познаною цѣлю, предотвращать или видоизмѣнять механическій потокъ событій. Стремленіе къ идеалу, дѣятельность мышленія по цѣли есть чисто человѣческое обольщеніе. Въ безусловномъ мышленіи, такъ-какъ оно тождественно съ бытіемъ, мы не можемъ признать этого передоваго движенія идеи, которая опредѣляла-бы дѣйствительность по свободно-начертанному плану. Ни Платоническая идея художественнаго или творческаго отношенія божества къ міру, ни Аристотелевское представленіе о божествѣ, какъ безусловной цѣли міра, не изъясняютъ истинной зависимости міра отъ божества. Мы не имѣемъ логическаго перехода отъ бытія къ инобытію, отъ безконечнаго къ конечному. И если идея божества врождена намъ, то выступать за ея предѣлы, чтобы признать бытіе конечнаго міра, какъ такого, было-бы такъ-же нелѣпо, какъ еслибы математикъ допускалъ существованіе радіусовъ внѣ содержащаго ихъ круга. Въ мірѣ не заключается ничего другаго, кромѣ того, что заключается въ идеѣ безконечной субстанціи.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

И П П І А С Ъ Б О Л Ы Ш І Й.

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одно изъ собесѣдующихъ лицъ во всѣхъ діалогахъ Платона не изображается такъ выпукло и не подаетъ повода Сократу къ такой игривой, тонкой и колкой ироніи, какъ современный Платону софистъ Иппіасъ. Эта чрезвычайно-характернистическая личность въ говорливомъ и шумливомъ обществѣ древнихъ Аѳинъ отличается прежде болѣе всего хвастливымъ разглагольствованіемъ о своемъ всезнаніи. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего не зналъ Иппіасъ! Что онъ былъ знатокъ политической риторики— объ этомъ и говорить нечего; этимъ болѣе или менѣе хвалились всѣ софисты. Нѣтъ, онъ обладалъ также мудростію и ариметика, и геометра, и астронома, и грамматика, и музыканта (Protag. p. 315 B); онъ былъ силенъ и въ живописи, и въ вааяніи, и въ поэзіи (Vet. Sophist p, 495, sq. Themist. Orat. XXIX p. 345 D); онъ и шилъ, и вязалъ и вышивалъ, такъ-что иногда все, что на немъ бывало мадѣто, по его свидѣтельству, мастерили собственныя его руки. (Hipp. min. init.). Поэтому Темистій въ означенной выше рѣчи называетъ его *σφρων καὶ ἐσμὸν σφίλας*, то-есть, кучею и роємъ мудрости. При томъ объ этой всесторонней своей образованности Иппіасъ всегда говорилъ важно, съ педантствомъ, выражаясь высокимъ слогомъ и блестящими фразами, какъ-

будто въ его головѣ возсѣдалъ вдохновенный оракулъ и, по своему снисхожденію, вызывался вести человѣчество въ недоступное простымъ людямъ святилище мудрости. Между-тѣмъ весь секретъ такой всеобъемлющей эрудиціи у Иппіаса состоялъ лишь въ томъ, что его разсудокъ постоянно и строго держался области отвлеченія и обнаруживалъ свою дѣятельность только въ сферѣ общихъ мыслей о чемъ-бы то ни было. Выступить за черту этой сферы, спуститься къ частностямъ знанія, затрогивать факты науки — значило-бы для софиста потерять балансъ и упасть въ такую стихію, которая должна была обличить его въ безсиліи, въ невѣжествѣ, даже въ бездарности; потому-что, не имѣя ни малѣйшаго понятія о подробностяхъ разсматриваемаго предмета, онъ становился виѣ всякаго права на наведеніе, или, лучше сказать, самое-то наведеніе и обвиняло его во лжи, показывая, что общія его положенія не заключаютъ въ себѣ никакого содержанія и не опираются ни на чемъ реальномъ. Посему, какъ ни старайтесь всѣхъ на свѣтѣ Иппіасовъ удерживать въ предѣлахъ недѣлимостей, среди осязательныхъ фактовъ знанія, — они съ безпокойствомъ будутъ порываться къ общему и, если хотя немного ослабѣетъ ваше вниманіе, тотчасъ уйдутъ отъ васъ на высоту отвлеченія и оттуда будутъ съ презрѣніемъ смотрѣть на копотливость вашего анализа. Это — философы безъ логики, ораторы — безъ риторики, филологи — безъ грамматики, историки — безъ фактовъ. Эти люди все знаютъ, ничему не учившись.

Другою отличительною чертою Иппіаса была нарядность и изысканность во всемъ, — не только въ подборѣ словъ и выраженій, когда онъ говорилъ, но и въ самой одеждѣ и убранствѣ. Согласно съ иконографіею Платона (Hipp. maj. p. 219 A. Protag. p. 315 B), мы должны представлять его человѣкомъ блестящей наружности, выступающимъ изъ ряда людей вообще чисто-одѣтыхъ и обутихъ. Онъ, какъ видно, былъ довольно-красивъ и отъ природы, но естественную свою красоту заботливо возвышалъ еще искусствомъ, и всѣ мелочи его туалета

показывали, что онѣ являлись не случайно и не по обыкновеннымъ правиламъ приличія, а придуманы, изысканы и выставлены съ педантствомъ, съ суетностью, съ тщеславіемъ, что въ подборѣ ихъ энергически работала душа и чрезъ нихъ какъ-бы овеществлялась, въ нихъ наводила необходимый фокусъ своей жизни и любимую точку отношеній къ міру внѣшнему. Однимъ словомъ, — Иппіасъ, прежде чѣмъ узнавали въ немъ софиста по языку и образу мыслей, при первомъ на него взглядѣ, являлся уже прекрасною куклою, вычурно-причесанною и изысканно-одѣтою, являлся такою искусственною фигурою, которая невольно обращала на себя вниманіе множествомъ изящныхъ бездѣлокъ — перстней на пальцахъ, флаконовъ и щеточекъ за поясомъ, прикрасъ на обуви и т. п.

Встрѣтившись съ такимъ разукрашеннымъ мудрецомъ и силеновски поглядывая на блестящую его наружность, Сократъ весьма естественно долженъ былъ сказать: прекрасный ты и мудрый Иппіасъ! И очень кстати могъ завести съ нимъ рѣчь о прекрасномъ. Не трудно представить, что встрѣча этихъ двухъ личностей и сама по себѣ обѣщала много комизма, потому-что поставляла лицомъ-къ-лицу двѣ разительныя противоположности какъ по внѣшней, такъ и по внутренней сторонѣ ихъ. Съ одной стороны стоялъ Сократъ съ физиогноміею крайнене-привлекательною, съ другой Иппіасъ — съ наружностію весьма красивою и представительною. Тотъ обращалъ на себя вниманіе ветхостію и дырами своего плаща, а этотъ — изысканностію и богатствомъ своего наряда. Первый говорилъ просто, даже иногда тривиально, а послѣдній выражался свысока и отборными фразами. Умъ Сократа любилъ вѣдраться въ предметъ и разбирать его по атомамъ, чтобы дойти до общаго заключенія о его природѣ; а умъ Иппіаса терпѣть не могъ такого атомизма и довольствовался только переворачиваніемъ онтологическаго понятія о предметѣ, чтобы изумлять слушателей своею способностію говорить много и обо всемъ. Стало-быть, не мало забавнаго надлежало предположить и въ

одномъ сближеніи этихъ двухъ взаимно-противоположныхъ личностей. Чего-же можно было ожидать, когда они приступили къ разсужденію о прекрасномъ, котораго Иппіасъ казался живымъ олицетвореніемъ, а Сократъ—самою смѣшною каррикатурою, и когда однакожь послѣднему приходилось обличать перваго, что онъ вовсе не знаетъ, въ чемъ состоитъ прекрасное? Явно, что здѣсь открывалось Сократу обширное поле для ироніи, представлялся поводъ къ интересной игрѣ съ самохвалствомъ софиста и вмѣстѣ являлся случай разъяснить значеніе избраннаго предмета, сколько и какъ позволяла это обыкновенная Сократическая метода. Но такимъ-ли образомъ характеризуется въ своемъ развитіи и такое-ли имѣетъ направленіе рассматриваемый діалогъ Платона—Иппіасъ большой,—это мы увидимъ, если прослѣдимъ ходъ логической нити, связующей частные отдѣлы его содержанія. .

Возбуждаемый и направляемый вопросами Сократа, Иппіасъ полагаетъ, что древніе мудрецы, въ-сравненіи съ позднѣйшими софистами, ничего не значатъ, и это положеніе доказываетъ тѣмъ, что позднѣйшіе софисты своими декламациями наживаютъ огромныя суммы денегъ; больше-же всѣхъ прочихъ обогатился такимъ средствомъ онъ самъ; слѣдовательно, онъ самъ, то-есть Иппіасъ, мудрѣе не только всѣхъ древнихъ мудрецовъ, но и современныхъ ему софистовъ. Чтобы искуснѣе обличить Иппіаса, что онъ хвастается предъ древними мудрецами, не изучивъ порядочно ихъ мудрости, Сократъ спрашиваетъ его: не больше-ли, чѣмъ гдѣ-нибудь, собралъ онъ денегъ въ Лакедемонѣ? Иппіасъ, не видя цѣли этого вопроса, отвѣчаетъ отрицательно и говоритъ, что Лакедемоняне вовсе не интересовались его познаніями, повинуваясь своему закону, который запрещаетъ ихъ юношамъ получать воспитаніе иностранное. Они охотно слушаютъ только о древнихъ герояхъ и поселеніяхъ, о происхожденіи древнихъ городовъ и вообще о древности; а потому, для удовлетворенія ихъ любознательности, онъ самъ принужденъ былъ учиться всему такому. Съ этою цѣлю,

говорить, написалъ я прекрасную рѣчь о прекрасныхъ предметахъ, изученіемъ которыхъ должны заниматься юноши. Выслушавъ столь хвастливое признаніе Иппіаса, Сократъ останавливается на немъ и, ссылаясь на пыгливость вымысленнаго знакома, который будто-бы беспокоитъ его вопросами именно о такихъ предметахъ, спрашиваетъ, что есть прекрасное? Это—вступленіе въ разговоръ, оканчивающееся показаніемъ главной его задачи р. 281 А. 287 В.

Чтобы Иппіасу легче было идти къ рѣшенію предположеннаго вопроса, Сократъ старается точнѣе опредѣлить его значеніе и, различивъ два выраженія: что прекрасно почему-либо другому, и что есть прекрасное само-по-себѣ, проситъ своего собесѣдника взятую для изслѣдованія задачу о прекрасномъ понимать въ послѣднемъ смыслѣ, да такъ и рѣшать ее. Но софистъ никакъ не можетъ замѣтить различія между предметомъ и идеею предмета: ему все кажется, что прекраснаго надобно искать въ мірѣ вещей, чувствомъ постигаемыхъ, а не въ области умственнаго созерпанія; съ его формализмомъ на поприщѣ знанія всего лучше мирится матеріализмъ въ практической жизни, подобно тому, какъ нынѣшніе гегелисты по необходимости становятся самыми грубыми идонистами. Итакъ, не долго задумываясь надъ рѣшеніемъ предположеннаго вопроса, онъ просто разсѣкаетъ этотъ Гордіевъ узелъ и, не имѣя силъ приблизиться къ идеѣ, съ дѣтскою наивностію полагаетъ, что прекрасное есть прекрасная дѣвица. Сократу, конечно, не трудно было показать, сколь нелѣпо это положеніе, такъ поразительно противорѣчащее основнымъ законамъ сужденія. Ему достаточно было лишь нѣсколькихъ приемовъ наведенія, чтобы въ одномъ и томъ-же объемѣ прекраснаго поставить, какъ предметы счиненные, и лошадь, и лиру, и горшокъ, и множество другихъ вещей, когда онѣ бывають прекрасны. Иппіасъ охотно соглашается съ этимъ наведеніемъ и находитъ страннымъ только то, что прекрасный горшокъ подводится подъ одну категорію съ прекрасною дѣвицею, между-тѣмъ-какъ онъ,

сравнительно съ послѣднею, вовсе не прекрасенъ. Это недоумѣніе Иппіаса даетъ Сократу поводъ сравнить такимъ-же образомъ прекрасную дѣвицу съ красотою боговъ, и показать софисту, что, при подобномъ сравненіи, она должна явиться безобразною. Отсюда само-собою вытекало заключеніе, что пока Иппіасъ ищетъ прекраснаго въ мірѣ вещей чувствомъ постигаемыхъ, онъ будетъ встрѣчать только прекрасное относительное, которое въ другихъ отношеніяхъ покажется не прекраснымъ; прекраснаго-же, самаго-по-себѣ и для себя, чрезъ присущіе котораго всякій другой предметъ почитается прекраснымъ,—такого прекраснаго онъ здѣсь не нашелъ и не найдетъ. Но софистъ все еще, не выступая за черту явленій чувственныхъ, съ самонадѣянностію утверждаетъ, что такое прекрасное ему извѣстно, что быть прекраснымъ значитъ богатѣть, наслаждаться здоровьемъ, пользоваться уваженіемъ Эллиновъ, доживъ до старости, прекрасно украсить могилы умершихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми. Вотъ полный очеркъ человѣческаго блаженства съ языческой точки зрѣнія! Язычникъ не видѣлъ и не постигалъ ничего прекраснаго выше предѣловъ земнаго эвдемонизма, далѣе чувственныхъ наслажденій. И не удивительно: это былъ язычникъ. Гораздо удивительнѣе встрѣчать тотъ-же самый взглядъ на прекрасное у современныхъ намъ писателей и публицистовъ христіанскихъ. Впрочемъ, оставимъ боковыя свои замѣчанія: ограниченность и ребяческую поверхностность этого взгляда ясно понималъ даже язычникъ Сократъ; онъ вдругъ замѣтилъ и высказалъ Иппіасу, что такое прекрасное не всегда прекрасно: оно, на примѣръ, не было прекрасно для тѣхъ людей и героевъ, которые, по мифологическимъ сказаніямъ Грековъ, произошли отъ боговъ, и слѣдовательно не могли погребсти своихъ предковъ; а иные и сами не могли быть погребены своими дѣтьми, потому-что умерли послѣ ихъ. Этою мыслию оканчивается первая—обличительная часть діалога, состоящая въ обличеніи Иппіаса, что онъ не знаетъ прекраснаго самаго-по-себѣ,

по отношенію къ которому все другое почитается прекраснымъ.

Обличивъ Иппіаса въ незнаніи, что есть прекрасное само-по-себѣ, Сократъ начинаетъ теперь самъ дѣлать пробы въ опредѣленіи прекраснаго и, предлагая мнѣніе за мнѣніемъ, располагаетъ своего собесѣдника послѣдовательно къ согласію на каждое изъ нихъ. Но между-тѣмъ-какъ Иппіасъ то или другое мнѣніе находитъ справедливымъ, Сократъ тотчасъ показываетъ его неудовлетворительность и переходитъ къ новому, пока наконецъ софисту не наскучила эта бесѣда и пока онъ не обратился снова къ хвастливой декламации о важности ораторскаго своего таланта. Явно, что въ этой второй части разсматриваемаго діалога Платонъ имѣетъ цѣлю прослѣдить и опровергнуть всѣ, господствовавшія въ его время понятія о прекрасномъ. Эти понятія, по указанію Платона, суть слѣдующія.

Прекрасное, спрашиваетъ Сократъ, не есть-ли приличное—тò πρέπον? Иппіасъ соглашается. Но едва произнесено имъ согласіе, какъ это опредѣленіе, подъ оселкомъ эротоматическойметоды Сократа, по матеріи, тотчасъ оказывается несправедливымъ. Приличное, говоритъ онъ, есть то, что или кажется прекраснымъ, или существенно-прекрасно: но прекрасное, только кажущееся прекраснымъ, въ существѣ-же дѣла не прекрасное, не заслуживаетъ имени прекраснаго; а то, которое само въ себѣ прекрасно, скрывается отъ насъ, и потому не можетъ быть названо приличнымъ. Слѣдовательно, приличное еще не есть прекрасное. Это, вложенное въ уста Сократа опроверженіе мнѣнія о приличномъ въ значеніи прекраснаго, у Платона проведено съ такимъ искусствомъ, что однимъ и тѣмъ-же ходомъ достигаетъ двухъ цѣлей: явною и открытою стороною своего движенія оно направляется къ обличенію бездарности софиста, легкомысленно-соглашающагося на двучленное раздѣленіе понятія о приличномъ, тогда-какъ оно, по своей природѣ, должно быть трехчленное; а заднею, или сокровенною сторо-

ною позволяет угадывать истинную мысль Платона, что приличное въ явленіи будетъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасно, если окажется прекраснымъ самимъ-по-себѣ — въ бытіи (Phileb p. 64 E).

Видя, что Иппіасъ не можетъ защитить понятія о прекрасномъ въ пользу приличнаго, Сократъ переходитъ къ другому, вѣроятно, современному также взгляду, и спрашиваетъ своего собесѣдника: не слѣдуетъ-ли прекраснымъ почитать полезное? А полезнымъ признаетъ онъ способность или силу что-нибудь совершать, равно-какъ бесполезнымъ—все, что лишено такой силы. При томъ способность что-нибудь совершать можетъ быть направлена и къ добру и къ злу: но въ способности дѣлать зло нельзя допустить никакой пользы; слѣдовательно, находя прекрасное въ полезномъ, полезное надобно признать, какъ способность совершать какое-нибудь добро. На всѣ эти положенія и заключенія Сократа Иппіасъ съ удовольствіемъ соглашается. Но Сократъ вдругъ поворачиваетъ предметъ другою стороною и чрезъ постепенное изслѣдованіе находитъ, что прекрасное нельзя почитать и полезнымъ. Полезное, говоритъ онъ, направляется къ добру; но прекрасное—одно и то-же съ полезнымъ; слѣдовательно и прекрасное стремится къ совершенію добра. Если-же прекрасное производитъ добро, то первое будетъ причиною, а послѣднее—ея произведеніемъ. Но причина и произведеніе, очевидно, различны между собою; и потому прекрасное не есть доброе, а доброе не есть прекрасное, не смотря на то, что между прекраснымъ и добрымъ должна быть какая-то внутренняя связь. Итакъ прекрасное невозможно назвать и полезнымъ. Это мнѣніе объ отличіи прекраснаго полезнаго и добраго, если смотрѣть на него съ Сократической точки зрѣнія, явно противорѣчитъ ученію Сократа, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Мемог. III, 8, § 4 sqq. IV, 6, 9) доказывалъ, что прекрасное заключается въ полезномъ; не отдѣляя онъ также, говоритъ Ксенофонтъ (Мемог. III, 8, 2—8 IV, 6, 8, 9) прекраснаго и отъ добраго. Кажется, что даже и

Платонъ, въ ранніе годы своего философствованія, держался того-же Сократова взгляда на прекрасное: по-крайней-мѣрѣ, въ Горгіасѣ (р. 474 А) утверждаетъ онъ, что все прекрасное почитается прекраснымъ либо ради удовольствія, имъ доставляемаго, либо ради пользы, либо ради того и другаго; а въ Лизіасѣ (р. 216 С,) и Алкивіадѣ I (pag. 115 sqq) учить о внутреннемъ сродствѣ прекраснаго и добраго. Но позднѣе понятіе о прекрасномъ возводится у Платона выше всѣхъ категорій человѣческаго мышленія и выводится непосредственно изъ идеи добра. Clement. Alexandr. Strom. V. p. 705 ed. Pott. Phileb. p. 64 sq.

Черезъ опроверженіе втораго мнѣнія о прекрасномъ, т.-е. черезъ доказательство, что прекрасное не есть полезное, Иппіасъ приходитъ въ крайнее недоумѣніе и сознается, что въ настоящую минуту не можетъ представить, въ чемъ-бы еще надлежало полагать природу прекраснаго; но еслибы онъ поразсудилъ, говорить, объ этомъ на-единѣ—самъ съ собою, то вѣрно придумалъ-бы и осязательно показалъ, чтò есть прекрасное. Однакожъ Сократъ, не надѣясь услышать отъ него ничего дѣльнаго и въ будущемъ, предлагаетъ ему на обсужденіе новое понятіе о прекрасномъ, и спрашиваетъ, не состоитъ-ли оно въ удовольствіи, получаемомъ чрезъ зрѣніе и слухъ. Иппіасу это предположеніе понравилось тѣмъ болѣе, что льстило всегдашнему стремленію софистовъ къ чувственнымъ наслажденіямъ; но Сократъ не даетъ ему остановиться на такомъ взглядѣ и тотчасъ замѣчаетъ, что этимъ своимъ опредѣленіемъ прекрасное уничтожаетъ удовольствія, приобрѣтаемыя не чрезъ зрѣніе и не чрезъ слухъ, и совсѣмъ забываетъ о тѣхъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ чувственныхъ органовъ, каковыя, на-примѣръ, получаютъ въ области наукъ, словесныхъ произведеній, гражданскихъ законовъ и проч. Притомъ, хотя-бы мы и допустили, говорить, что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, приобрѣтаемомъ только чрезъ зрѣніе и слухъ, все еще не были-бы въ-состояніи примирить это понятіе даже съ самимъ собою.

Удовольствіе отъ удовольствія, по своей природѣ, отличаться не можетъ; слѣдовательно, источникомъ удовольствій должны быть не зрѣніе и слухъ, которые, по устройству различны, а что-нибудь другое, общее обоимъ родамъ удовольствія. Въ этомъ-то общемъ и надлежало-бы поставлять прекрасное. Но въ удовольствіи, покольку оно разсматривается, какъ нечто общее, заключающееся въ частныхъ видахъ удовольствія, прекрасное содержаться не можетъ; потому-что иначе прекраснымъ слѣдовало-бы почитать такъ-же и удовольствія, приобретаемыя прочими чувствами. Послѣ сего оставалось допустить только развѣ одно,—что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, приобретаемомъ чрезъ зрѣніе и слухъ, покольку это удовольствие полезно. Иппіасъ согласился-было и на такое ограниченіе; но Сократъ вслѣдъ за тѣмъ показываетъ невѣрность допущеннаго положенія. Полезное; говоритъ онъ, есть причина добраго: но уже прежде было доказано, что причина и произведеніе различны между собою; слѣдовательно, принявъ послѣднее мнѣніе, мы необходимо встрѣтили-бы прежнее затрудненіе, т.-е., должны были-бы согласиться, что прекрасное не есть доброе, и доброе не есть прекрасное. Это послѣднее мнѣніе о прекрасномъ, котораго софисты искали въ чувственныхъ удовольствіяхъ зрѣнія и слуха, Сократъ опровергъ совершенно согласно съ ученіемъ Платона. Платонъ въ Горгіасѣ (р. 475 А), особенно-же въ Филебѣ (р. 51 sqq), хотя и допускаетъ внутреннее сродство между прекраснымъ и удовольствіемъ, а зрѣніе и слухъ называетъ даже божественными чувствами; однакожь смотритъ на эти предметы въ вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ ихъ формахъ или идеяхъ; да и здѣсь, въ Иппіасѣ, ближайшимъ образомъ подходитъ къ тому-же заключенію и только-что не высказываетъ высокой, раскрытой въ Филебѣ истины. Этимъ оканчивается вторая, критическая часть діалога, раскрывающая значеніе и достоинство различныхъ понятій о прекрасномъ. 293 E.—304 A.

Видя, что предъ Сократовою діалектикою не устояло и по-

слѣднее мнѣніе о прекрасномъ, и не зная, какъ выйти изъ опутавшихъ его діалектическихъ сѣтей, Иппіасъ снова пускается въ хвастовство и многословіе. Все, что ты доселѣ раскрывалъ, говоритъ онъ Сократу, обличаетъ въ тебѣ чловѣка мелочнаго и ограниченнаго; все это обрывки образованія, между тѣмъ какъ чловѣкъ истинно-знающій долженъ своимъ взглядомъ обнимать всецѣлое образование и прилагать его на всякомъ поприщѣ жизни. Оставь эти пустяки, Сократъ, и обратись къ лучшему.—Блаженъ ты, Иппіасъ, отвѣчаетъ ему Сократъ, что обладаешь такимъ образованіемъ; а мнѣ опредѣлено судьбою одно—держась обычнаго способа разсужденій, вѣчно не нравиться мудрецамъ; любя прекрасное, вѣчно не знать, въ чемъ состоитъ оно. Видно справедлива старинная пословица: *χαλεπὰ τὰ καλὰ*. Таково заключеніе діалога. 304 А—Е.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ

Сократъ, Иппіасъ.

Сокр. Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ (1). Какъ давно не видно было тебя у насъ въ Афинахъ!

(1) *Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ?* Ἰππίας ὁ καλός τε καὶ σοφός. Филологи полагаютъ, что здѣсь именительный падежъ употребленъ вмѣсто звательнаго. Но такое предположеніе не можетъ быть подтверждено ни однимъ примѣромъ. Сократъ не взываетъ, а дѣйствительно называетъ Иппіаса мудрымъ и прекраснымъ. Подобнымъ образомъ и у насъ говорятъ: ты мальчикъ умный, пооди ко мнѣ. Это называется *poenominativus per appositionem*, и употребляется большею частію послѣ звательнаго. Напримѣръ ὦ ἄνδρες οἱ καρότερες. Protag. p. 337 с. *Прекрасный*—καλός у Грековъ было обыкновеннымъ выраженіемъ вѣжливости ласкателей въ отношенія къ младшимъ и къ сверстникамъ (Creuzer: ad Plot. de Pulchrit. p. XVI). Этимъ словомъ указывалось также и на изящество наряда, какъ Французскимъ *élégant*. Въ такомъ значеніи оно прилагается и къ Иппіасу, что видно изъ словъ на стр. 291 А. Hipp. Minor. p. 368 В.

Ипп. Да недосугъ, Сократъ. Элея (2), когда нужно бываетъ вступить въ сношенія съ которымъ-нибудь изъ городовъ, всегда обращается ко мнѣ первому изъ гражданъ и избираетъ меня посланникомъ—въ той мысли, что по такимъ дѣламъ, какія совершаются между всѣми городами, я — самый удовлетворительный судья и вѣстникъ. Посему часто ѣздилъ я посломъ и въ другіе города, да неоднократно, по весьма многимъ и важнѣйшимъ дѣламъ, и въ Лакадемонъ. Такъ вотъ отчего, какъ ты спрашиваешь, я не учащаю въ эти мѣста.

Сокр. Таково-то, Иппіасъ, быть поистинѣ добрымъ и совершеннымъ мужемъ. Ты, и какъ частный человѣкъ, способенъ брать съ юношей большія деньги и доставлять имъ еще больше пользы, чѣмъ сколько берешь денегъ; и опять, какъ человѣкъ общественный, способенъ благодѣтельствовать своему городу, къ чему обязанъ всякій, кто намѣренъ быть предметомъ не презрѣнія, а уваженія со-стороны народа. Однакожъ, Иппіасъ, чтобы это за причина, что тѣ древніе, которыхъ великія имена прославляются за мудрость, напримѣръ Питтакъ, Віасъ и Милетянинъ Фалесъ съ своими послѣдователями (3), также позднѣйшіе — до Анаксагора, либо всѣ, либо многіе изъ нихъ, какъ явствуетъ, удерживались отъ дѣлъ гражданскихъ (4)?

(2) Элея — отечество Иппіаса.

(3) *Милетянинъ Фалесъ съ своими послѣдователями τῶν ἀπὸ τὸν Μιλήσιον Φαλήν.* Позднѣйшіе Греки форму ἀπὸ τινὸς относили къ одному тому лицу, или къ одной той вещи, о чемъ говорится; но древніе писатели предлогомъ ἀπὸ выражали лицо, или вещь съ ихъ обстановкою. Для примѣра, на это самое мѣсто Иппіаса указываетъ Matth Gr. Gr. § 583, 2.

(4) Говоря, что древніе, упоминаемые здѣсь, мудрецы удалялись отъ дѣлъ гражданскихъ, Сократъ, повидимому, отстываетъ отъ исторической истины: ибо извѣстно, что и эти, и другіе философы древняго міра часто бывали даже законодателями и правителями отечественныхъ своихъ городовъ. Но должно замѣтить, что наставленіе гражданъ и нравственное вліяніе на ихъ жизнь и образованіе тогда не входило въ формы гражданской дѣятельности. Люди, производившіе такое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, назывались просто мудрецами и несли общественныя обязанности только въ слу-

Ипп. Что другое-то, думаешь, Сократъ, какъ не то, что они не могли и не способны были обнять умомъ то и другое, — и общее и частное.

Сокр. Такъ, ради Зевса, неужели скажемъ, что какъ прочія искусства возрасли, и древніе художники предъ нынѣшними оказываются плохими; такъ выросло и ваше искусство софистическое, и древніе, относительно мудрости, плохи въ сравненіи съ вами?

Ипп. Да; ты говоришь весьма правильно.

Сокр. Стало быть, Иппіасъ, еслибы теперь ожилъ и возвратился къ намъ Віасъ; то онъ возбудилъ-бы въ васъ смѣхъ, подобно тому, какъ говорятъ статуйщики, что еслибы теперь жилъ Дедалъ и тоже работалъ, что прославило его имя, то былъ-бы осмѣянъ.

Ипп. Это правда, Сократъ; это такъ, какъ ты говоришь. Конечно, я самъ обыкновенно хвалю древнихъ и до насъ жившихъ, — хвалю ихъ первыхъ и больше, чѣмъ нынѣшнихъ, но только — опасаясь ненависти живущихъ и страшась гнѣва умершихъ (5).

Сокр. И ты, Иппіасъ, какъ мнѣ кажется, хорошо-таки думаешь и рассуждаешь. Могу засвидѣтельствовать, что говоришь истину и что ваше искусство дѣйствительно выросло, такъ-что съ дѣлами частными можетъ совершать и общественныя. Вѣдь и этотъ Леонтинскій софистъ Горгіасъ пріѣхалъ сюда изъ дома по дѣлу общественному, въ качествѣ посланника, какъ человѣкъ самый способный исполнять общественныя порученія Леонтинянъ, а между-тѣмъ, пріобрѣвши въ народѣ мнѣніе отличнаго говоруна, онъ и частно показываетъ себя въ рассу-

чаяхъ чрезвычайныхъ. На такую-то ихъ жизнь указываетъ Сократъ, и имѣетъ въ виду — представить софисту случай высказать свое мнѣніе и презрѣніе къ древности.

(5) *Страшась гнѣва умершихъ.* Иппіасъ слѣдуетъ убѣжденію Греческаго народа, который, согласно съ мифологическими преданіями и религиозными пѣснопѣніями поэтовъ, вѣровалъ, что боги за поношеніе умершихъ и благоудныхъ имъ людей и героевъ отмщаютъ еще въ этой жизни и для отмщенія нерѣдко посылаютъ тѣни самыхъ поносимыхъ.

деніяхъ, учить юношей, и этимъ заработалъ и взялъ съ города множество денегъ. Да если хочешь, и тотъ другъ нашъ Продикъ нерѣдко бывалъ у насъ, какъ въ другія времена, по дѣламъ общественнымъ, такъ и въ послѣднее время—недавно, по общественному-же дѣлу, прибылъ съ Цеоса и очень понравился произнесенною имъ въ совѣтѣ рѣчью, а потомъ, показывая себя также частно и уча юношей, нажилъ какія-то страшныя деньги. Изъ тѣхъ древнихъ никто никогда не хотѣлъ въ вознагражденіе требовать денегъ, — не хотѣлъ и показывать свою мудрость различнымъ людямъ; такъ были они просты и не замѣчали, что деньги высоко цѣнятся: изъ этихъ-же каждый своею мудростію заработалъ денегъ больше, чѣмъ всякій другой художникъ какимъ-нибудь своимъ искусствомъ, а Протагоръ (6)—еще больше ихъ.

Ипп. И ты еще не знаешь, Сократъ, одного изъ благъ въ этомъ отношеніи. Вѣдь еслибы ты зналъ, сколько денегъ выработалъ я, то удивился бы. Оставляю другое; скажу только, что, прибывши нѣкогда въ Сицилію, гдѣ тогда жилъ, славился и былъ старѣйшимъ Протагоръ, — я, гораздо моложе его, въ короткое время выработалъ много больше ста пятидесяти минъ, даже въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ, Иникосѣ, нажилъ болѣе ста минъ. Прибывъ домой и принеся это серебро, я отдалъ его отцу, — и онъ, равно-какъ другіе граждане, удивились и были поражены. Такъ мое мнѣніе таково, что я выработалъ денегъ больше, чѣмъ взятые вмѣстѣ два, какіе тебѣ угодно, софиста.

Сокр. Ты приводишь, Иппіасъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасное и великое доказательство мудрости и твоей и нынѣшнихъ людей, показывая, какъ они превосходятъ древнихъ: ибо преж-

(6) О софистахъ Горгіасѣ, Продикѣ и Протагорѣ см. Харм. стр. 163 D. Протаг. стр. 341 A. Менон. стр. 96. D. также введенія въ діалоги Платона подъ именами Горгіаса, Протагора и Менона. О цѣнѣ, какую брали софисты за свои уроки, см. Wolf Miscell. Litt. p. 42 sqq. Athen. T. I p. 139 Sqq. Первый, начавшій брать деньги за уроки, былъ Протагоръ. Diog. L. IX, 52.

ніе (7), по твоимъ словамъ, находились въ великомъ невѣжествѣ. Вѣдь съ Анаксагоромъ случилось, говорятъ, противное тому, что съ вами: получивъ себѣ въ наслѣдство много денегъ, онъ сталъ беззаботенъ и все потерялъ. Таково-то—неразумно мудрствовать! Подобное въ этомъ родѣ рассказываютъ и о другихъ древнихъ. И такъ въ этомъ ты представляешь, мнѣ кажется, прекрасное доказательство мудрости нынѣшнихъ, сравнительно съ прежними. Да и многіе того-же мнѣнія: мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя (8); а это, стало быть, можно опредѣлить (9) такъ: когда кто выработалъ больше денегъ. Теперь удовлетворимся этимъ. Но скажи мнѣ вотъ что: какіе города, въ которыхъ ты былъ, доставили тебѣ больше денегъ? не явно-ли, что Лакедемонъ, гдѣ бывалъ ты многократно?

Ипп. О, нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? весьма мало?

Ипп. Даже вовсе ничего и никогда.

Сокр. Ты рассказываешь чудеса и невѣроятности, Иппіасъ. Скажи-же мнѣ: твоя мудрость не была-ли въ-состояніи обращающихся съ нею и учащихъ сдѣлать лучшими въ добродѣтели?

Ипп. И очень, Сократъ.

Сокр. Такъ видно Сицилійцы желаютъ сдѣлаться лучшими, а Лакедемоняне — нѣтъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія, и Лакедемоняне, Сократъ.

Сокр. Но не убѣгали-ли они отъ твоей бесѣды по недостатку денегъ?

(7) *Ибо прежде* — τῶν γὰρ προτέρων. Слѣдующія за этимъ слова перс: Ἀναξαγόρου λέγεται, хотя стоятъ во всѣхъ спискахъ, но очевидно должны быть признаны за глоссема и внесены въ текстъ e marginе; я не перевожу ихъ по-Русски.

(8) *Мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя.* Здѣсь Платонъ, кажется, указываетъ на слова Еврипида: μοῦ σοφιστῆν, βετίς οὐδ' αὐτῷ σοφός. См. Math. Fragment. Eurip. p. 368.

(9) *А это можно опредѣлить такъ,* τοῦτου δ' ἔρος ἐστὶν ἄρα. Подъ словомъ εἶρος здѣсь разумѣется не опредѣленіе, а объясняваніе. Поэтому въ слѣ-

Ипп. Ну нѣтъ; денегъ у нихъ довольно.

Сокр. Такъ что-же-бы это могло быть, что желая (сдѣлаться лучшими) и имѣя деньги, они тебя, могшаго доставить имъ великую пользу, отпустили не съ полными карманами? Не то-ли развѣ, что Лакедемоняне могутъ воспитать дѣтей своихъ лучше, чѣмъ ты? Скажемъ-ли такъ? и согласишься-ли ты?

Ипп. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Но не былъ-ли ты не въ-состояніи убѣдить юношей въ Лакедемонѣ, что, обращаясь съ тобою, они больше успѣли-бы въ добродѣтели, чѣмъ обращаясь съ своими? или, могъ-ли ты убѣдить ихъ отцовъ, что они, если сколько-нибудь заботятся о сыновьяхъ, должны вѣрить ихъ лучше тебѣ, чѣмъ пещись самимъ? Вѣдь отцы, вѣроятно, не завидовали-же своимъ дѣтямъ, что послѣднія сдѣлаются лучше ихъ.

Ипп. Не думаю, чтобы завидовали.

Сокр. И Лакедемонъ вѣдь городъ благозаконный?

Ипп. Какъ не благозаконный!

Сокр. А въ благозаконныхъ-то городахъ добродѣтель весьма уважается.

Ипп. Конечно.

Сокр. И ты умѣлъ преподавать ее другому превосходнѣе всѣхъ людей.

Ипп. И очень, Сократъ.

Сокр. Но кто умѣетъ превосходно преподавать верховую ѣзду, тотъ изъ цѣлой Эллады не въ Фессалии-ли (10) особенно бываетъ цѣнимъ и беретъ большія деньги, равно-какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ этимъ занимаются?

дующемъ дагѣ условіи: $\delta\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu$ $\kappa\lambda\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu$ $\alpha\rho\upsilon\rho\epsilon\iota\omicron\nu$ $\epsilon\rho\upsilon\alpha\sigma\eta\tau\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\nu$ употреблено вмѣсто $\acute{\epsilon}\alpha\nu$, какъ употребляется эта частица весьма нерѣдко. Theaet. p. 208 $\text{Ἐτοῦτ' ἄρα μὴ ἀποδοχόμεθα, ὅς ἂν λέγῃ συλλαβῆν μὲν ἕνωστων καὶ ῥητῶν, στοιχείων δὲ τουναντίων. т.-е. ἔαν τις.}$ Такую конструкцію допускаетъ и Латинскій языкъ. Eranus ap. Gellium VII, 17. *Et libertas est, qui pectus puram et firmum gestitat.*

(10) О достоинствѣ Фессалійскихъ лошадей и объ искусствѣ Фессалійскихъ наѣздниковъ сраж. Legg. 1 p. 626 D. Menon. p. 70 A. Athaen. XII D. 584. B.

Ипп. Вѣроятно.

Сокр. А кто умѣетъ преподавать выше всего цѣннѣяя знанія относительно добродѣтели, тотъ, еслибы захотѣлъ, былъ-бы особенно почтенъ и выработалъ-бы больше денегъ не въ Лакедемонѣ * и не въ другомъ городѣ, который между Эллинскими городами славится благозаконіемъ, а въ Сициліи, думаешь, другъ мой, и преимущественно въ Иникосѣ? этому ли должны мы вѣрить, Иппіасъ? Вѣдь если прикажешь, надобно вѣрить.

Ипп. У Лакедемонянъ не отечественно, Сократъ, трогать ихъ законы и воспытывать сыновей противно обычаямъ (11).

Сокр. Что ты говоришь? У Лакедемонянъ не отечественное дѣло правильно поступать, а отечественное — погрѣшать?

Ипп. Я не сказалъ-бы этого, Сократъ.

Сокр. Правильно-же поступали-бы они, лучше, а не хуже воспитывая юношей?

Ипп. Правда; но давать дѣтямъ воспитаніе иностранное у нихъ незаконно: ибо знай, что если кто другой могъ-бы когда-нибудь оттуда брать деньги за воспитаніе, то я бралъ-бы ихъ тѣмъ больше. Вѣдь они рады слушать меня и хвалить, да говорю, не законъ.

Сокр. А законъ порчею-ли города называешь ты, Иппіасъ, или пользою?

Ипп. Законъ постановляется, думаю, для пользы; но иногда онъ и вредитъ, если худо постановляется.

Сокр. Что? Постановители постановляютъ законъ не въ смыслѣ-ли величайшаго блага для города, такъ-что безъ него нельзя жить благозаконно?

Ипп. Ты правду говоришь.

(11) О воспитаніи юношества у Лакедемонянъ см. Xenoph. De Rep. Laced. c. 11. Plutarch. inst. Lacon § 12 Vit. Lycorg. c. 9. οὐδ' ἐπέβαινε τῆς λακωνικῆς οὐ σοφιστῆς λόγῳ, οὐ μάντις ἀγυρτικῶς, οὐχ ἑταίρων τροφῆς, ἀλλὰ δὴ νομισματος οὐκ ὄντος. Это было во времена, предшествовавшія могуществу Лакедемонской республики, и приготовившія могущество ея.

Сокр. Стало быть, когда намѣревающіеся постановить законы погрѣшаютъ противъ добра, тогда не погрѣшаютъ-ли они противъ законности и закона? Или какъ ты говоришь?

Ипп. Судя строго, Сократъ, это конечно такъ; однакожь люди обыкновенно не такъ думаютъ.

Сокр. Люди знающіе-ли, Иппіасъ, или не знающіе?

Ипп. Народъ.

Сокр. А этотъ народъ-то знаетъ-ли истинное?

Ипп. Не такъ-то.

Сокр. Однакожь, знающіе по-крайней-мѣрѣ того мнѣнія, что, въ разсужденіи истины, болѣе полезное для всѣхъ людей законѣе того, что болѣе неполезно. Или не соглашаешься?

Ипп. Да, что въ разсужденіи истины-то, соглашаюсь.

Сокр. А не такъ-ли есть и должно быть, какъ полагаютъ знающіе?

Ипп. Конечно.

Сокр. Но поэтому-то Лакедемонянамъ, какъ ты говоришь, гораздо полезнѣе было-бы давать дѣтямъ воспитаніе чрезъ тебя — иностранное, чѣмъ своё народное.

Ипп. И правду-таки говорю.

Сокр. Да вѣдь и то говоришь, Иппіасъ, что болѣе полезное больше и законно.

Ипп. Конечно, говорилъ.

Сокр. Стало-быть, сыновьямъ Лакедемонянъ получать воспитаніе отъ Иппіаса, по твоимъ словамъ, законнѣе, а отъ своихъ отцовъ не законнѣе, если ты въ самомъ дѣлѣ могъ доставить имъ величайшую пользу.

Ипп. Конечно, могъ доставить пользу, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно, не давая тебѣ денегъ и не ввѣряя своихъ сыновей, Лакедемоняне поступаютъ противозаконно.

Ипп. Въ этомъ уступаю: потому, что твоя рѣчь, кажется, говорить за меня, и я нисколько не долженъ противорѣчить ей.

Сокр. Такъ мы находимъ, другъ мой, что Лакедемоняне, кажушіеся весьма вѣрными закону, поступаютъ противозакон-

но и при томъ въ вещахъ важнѣйшихъ. Что-же такое, ради боговъ, они хвалятъ въ тебѣ, Иппіасъ, и почему рады слушать тебя? Не явно-ли, что то, что ты наилучше знаешь,—науку о звѣздахъ и небесныхъ явленіяхъ (12)?

Ипп. Отнюдь нѣтъ; этого-то они даже не терпятъ.

Сокр. Но рады слушать о геометріи?

Ипп. Никакъ; да у нихъ-то многіе, просто сказать, не умѣютъ и считать.

Сокр. Стало быть, далеко уже не въ вычисленіяхъ показывалъ ты себя, когда они терпѣли.

Ипп. Конечно, далеко не въ томъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ видно въ томъ, что ты знаешь точнѣе всѣхъ людей, т.-е., въ различеніи значенія буквъ, слоговъ, рифмовъ и гармоній?

Ипп. Какихъ, добрякъ, гармоній и буквъ?

Сокр. Но что-же это такое, о чемъ они съ удовольствіемъ слушаютъ тебя и хвалятъ? Скажи самъ, когда я не угадываю.

Ипп. Они весьма охотно слушаютъ, Сократъ, о происхожденіи героевъ и людей, о населеніяхъ, о томъ, какъ встарину созданы были города, и вообще о всей древности (13); такъ что для нихъ я самъ принужденъ былъ изучать и изслѣдовать все это.

Сокр. Клянусь Зевсомъ, Иппіасъ, хорошо еще, что Македемоняне-то не рады, когда кто перечисляетъ имъ и напихъ всѣхъ архонтовъ, начиная отъ Солона; а то ты озаботился бы изученіемъ и этого.

Ипп. Къ чему, Сократъ, одинъ разъ выслушавши пятьдесятъ именъ, я буду ихъ помнить?

(12) Иппіасъ приписывалъ себѣ познанія во всѣхъ родахъ наукъ, а особенно любилъ удивлять слушателей познаніями космологическихкими. О такой хвастливости его см. Cicero. de Orat III, 42. Hipp. Min. p. 86 D. Protag. p. 818 E.

(13) Это очень ловко схваченная характеристика Македемонянъ, державшихся старинны и сохранявшихъ народные свои обычаи. Для нихъ, конечно, ничего не могло быть поучительнѣе исторіи великихъ предковъ, прославившихъ свое отечество.

Сокр. Ты правду говоришь. Я не думалъ, что ты обладаешь искусствомъ памятованія, а теперь понимаю, что Лакедемоняне по справедливости рады тебѣ, какъ человѣку многознающему; и пользаются тобою, какъ дѣти старушками, чтобы они рассказывали имъ занимательныя басни.

Ипп. И клянусь Зевсомъ, Сократъ; недавно еще я получилъ тамъ одобреніе, разсуждая о прекрасныхъ предметахъ, которыми долженъ заниматься юноша. Вѣдь у меня сочинена объ этомъ прекрасная рѣчь (14), хорошо изложенная и съ другихъ сторонъ, и со стороны словъ. Форма и начало моей рѣчи таковы: когда Троя была взята, говорится въ рѣчи, тогда Неоптолемъ спросилъ Нестора, какіе предметы столь прекрасны, что, занимаясь ими, можно еще въ юности сдѣлаться человѣкомъ славнѣйшимъ. Послѣ сего вводится говорящимъ Несторъ и предлагаетъ ему весьма много законныхъ и превосходныхъ предметовъ. Эту-то рѣчь я тамъ произносилъ, и здѣсь намѣренъ произнести чрезъ два дня въ Филостратовомъ училищѣ. Скажу и много другаго, что стоитъ послушать: ибо объ этомъ просилъ меня Евдикъ, сынъ Апиманта. Такъ приходи и самъ ты, приведи и другихъ, способныхъ слушать и судить о томъ, что будетъ сказано.

Сокр. Это будетъ, Иппіасъ, если захочетъ Богъ. А теперь отвѣчай покороче о томъ, о чемъ самъ ты кстати напомнилъ мнѣ. Недавно, почтеннѣйшій, одинъ человѣкъ поставилъ меня въ затрудненіе, когда я, по случаю разговора, шное порицалъ, какъ постыдное, а иное хвалилъ, какъ прекрасное. Онъ почти такъ спросилъ меня, и притомъ весьма оскорбительно: откуда знаешь ты, Сократъ, что прекрасно и постыдно? Да и опять, — можешь-ли сказать, что такое прекрасное? (При этомъ вопросѣ) я, по своей неспособности, пришелъ въ затрудненіе и не

(14) Объ этой рѣчи Иппіаса упоминаетъ и Филостратъ (р. 495) *ἔτι δὲ αὐτῷ καὶ Τρωϊκὸς διάλογος εὐ λόγος.* Что у Филострата она называется диалогомъ, а не рѣчью, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: потому-что и самъ Иппіасъ намекаетъ, что его сочиненіе имѣло форму диалогическую.

могъ, какъ слѣдовало, отвѣчать ему. Поэтому, ушедши изъ собранія, я сердился на себя, досадовалъ и грозился, что какъ скоро встрѣчусь съ кѣмъ-нибудь изъ васъ мудрецовъ, тотчасъ, услышавъ, научившись и вразумившись отъ него, пойду опять къ вопрошателю и буду снова защищать свое положеніе. И такъ теперь, говорю, ты кстати пришелъ: научи меня удовлетворительно о самомъ прекрасномъ, чтò такое оно, и въ своемъ отвѣтѣ постарайся сказать мнѣ это, какъ можно точнѣе, чтобы я не былъ обличенъ и не сдѣлался смѣшнымъ въ другой разъ. Ты вѣрно ужъ знаешь, и это знаніе, вѣроятно, есть нѣчто маловажное между многими, которыя тебѣ извѣстны.

Ипп. Въ самомъ дѣлѣ маловажное, клянусь Зевсомъ, Сократъ; просто сказать, ничего не значить.

Сокр. Стало быль, я легко научусь, и никто уже не обличить меня.

Ипп. Конечно, никто: ибо иначе мое дѣло (15) было-бы пустое и глупое.

Сокр. Хорошо-же ты говоришь, Иппіасъ; клянусь Ирою, что мы возьмемъ въ руки того человѣка. Но, подражая ему, не помѣшаю ли я тебѣ, если твои отвѣты буду прерывать возраженіями, чтобы ты тѣмъ лучше вразумилъ меня? Вѣдь въ возраженіяхъ я, можетъ бы, нѣсколько опытенъ. И такъ, если для тебя нѣтъ какой-нибудь разницы, я, чтобы сильнѣе знать, хочу возражать.

Ипп. Пожалуй возражай: потому-что вопросъ, какъ я и сейчасъ сказалъ, не важенъ. Я научилъ-бы тебя отвѣчать и на вопросы гораздо труднѣе этого, такъ-чтобы никто изъ людей не могъ тебя опровергнуть.

Сокр. О, какъ хорошо говоришь ты! Но когда таково твое приказаніе,—позволь, чтобы, сколько можно болѣе представляя

(15) Мое дѣло, τὸ ἐμὸν πράγμα, т.-е., просто я. Такъ обыкновенно употреблялось это выраженіе у Грековъ. Μέρμεροςαι τοῦτο τὸ πράγματι, т.-е. порицать этотъ народъ. Такъ употребляется оно и у насъ: мое дѣло маленькое, или, мое дѣло сторуна.

того человѣка, я попытался спрашивать тебя. Вѣдь еслибы ты произнесъ ему ту рѣчь, въ которой, говоришь, излагается о прекрасныхъ предметахъ занятія; то слушая, пока ты не пересталъ-бы говорить, онъ спросилъ-бы тебя сперва не о чемъ другомъ, какъ о прекрасномъ—ужъ такой у него обычай—и сказалъ-бы: Элейскій иностранецъ! справедливые справедливы не справедливою-ли? Отвѣчай-же, Иппіасъ, такъ какъ-бы онъ самъ спрашивалъ тебя.

Ипп. Отвѣчаю, справедливою.

Сокр. Но есть-ли что-нибудь справедливость?

Ипп. Конечно.

Сокр. Не мудростию-ли также мудры мудрые, и не добромъ-ли добро доброе?

Ипп. Какъ-же не этимъ?

Сокр. И это-то есть нѣчто сущее, а не то, что не существующее.

Ипп. Конечно, сущее.

Сокр. Такъ и все прекрасное прекрасно не прекраснымъ-ли?

Ипп. Да, прекраснымъ.

Сокр. Которое тоже есть нѣчто сущее?

Ипп. Сущее. Но что-же это будетъ?

Сокр. Такъ скажи мнѣ, иностранецъ, спросить онъ, что это такое — прекрасное?

Ипп. Не то-ли ужъ нужно звать этому вопрошающему, Сократъ, что прекрасно?

Сокр. Мнѣ кажется, нѣтъ, Иппіасъ, но что есть прекрасное.

Ипп. Да чѣмъ-же это отличается отъ того (16)?

Сокр. Тебѣ кажется ни чѣмъ?

(16) Здѣсь Иппіасъ представляется такимъ эмпиристомъ, который никакъ не можетъ оторваться отъ предметовъ чувственнаго возрѣнія и возвратиться къ идеѣ ума, созерцающаго во множествѣ прекрасныхъ вещей прекрасное само-по-себѣ, какъ общій и вмѣстѣ реальный типъ ихъ.

Ипп. Нѣтъ никакого различія.

Сокр. Но явно, безъ сомнѣнія, что ты лучше знаешь. Впрочемъ, сообрази, добрякъ: вѣдь онъ спрашиваетъ тебя не о томъ, что прекрасно, а о томъ, что есть прекрасное.

Ипп. Понимаю, добрякъ, и готовъ-таки отвѣчать ему, что есть прекрасное, и никогда не буду опровергнуть. Хорошо знай, Сократъ, что прекрасное, если сказать правду, есть прекрасная дѣвица.

Сокр. Прекрасно-же, клянусь собакою, и славно отвѣтилъ ты Иппіасъ. Такъ не это-ли отвѣтъ, который, если дамъ вопросъ, будетъ рѣшень, и при томъ вѣрно, и я не буду опровергнуть?

Ипп. Да какъ могъ-бы ты быть опровергнуть, Сократъ, въ томъ-то, что всѣмъ кажется, и въ чемъ свидѣтели тебѣ—всѣ слушатели, что ты вѣрно говоришь?

Сокр. Пускай, безъ сомнѣнія! но позволь мнѣ, Иппіасъ, размыслить самому съ собой о томъ, что ты говоришь. Онъ спроситъ меня какъ-нибудь такъ. Ну-ка отвѣчай, Сократъ: все, что называешь ты прекраснымъ, не тѣмъ-ли будетъ прекрасно, что есть само прекрасное? А я тутъ и скажу, что все это тѣмъ прекрасно, что прекрасная дѣвица есть прекрасное.

Ипп. И ты думаешь еще, что онъ рѣшится опровергать тебя, какъ-бы, то-есть, то, что ты говоришь, не прекрасно? А когда и рѣшится, не будетъ-ли смѣшонъ?

Сокр. Что онъ рѣшится, чудный человѣкъ, это хорошо знаю я; а что, рѣшившись, будетъ смѣшонъ, это докажи ты. Я кочу сказать тебѣ, что именно будетъ онъ говорить.

Ипп. Скажи-ка.

Сокр. Какъ сладокъ (17) ты, Сократъ! скажетъ онъ. Прекрасная кобылица развѣ не прекрасное, когда и богъ въ ора-

(17) Какъ сладокъ ты, ὡς γλυκὸς εἶς. У Грековъ это—вѣжливое обращеніе къ такому человѣку, котораго въ собственномъ смыслѣ хотѣли-бы назвать дурачкомъ, или безтолковымъ. Такъ иногда употребляли и Римляне слово dulcis. Тегент. Rhom. 1^а, 8, 64.

кулѣ (18) хвалилъ её? Что будемъ отвѣчать, Иппіасъ? Не то ли скажемъ, что и кобылица, если только она прекрасна, есть прекрасное? ибо какъ смѣтъ намъ утверждать, что прекрасное не прекрасно?

Ипп. Ты правду говоришь, Сократъ: да и богъ сказалъ это также весьма правильно: ибо лошади у насъ (19) бываютъ очень красивыя.

Сокр. Пускай. Потомъ онъ скажетъ: что? прекрасная лира — не прекрасное-ли? Согласимся-ли, Иппіасъ?

Ипп. Да.

Сокр. А послѣ того, судя по его приемамъ, — я это, можно сказать, хорошо знаю, — онъ спроситъ: добрѣйшій ты человѣкъ! что-же? не прекрасное-ли, стало быть, прекрасный горшокъ?

Ипп. Фи, Сократъ! да кто-же этотъ человѣкъ? какъ не воспитанъ тотъ, кто осмѣливается въ важномъ дѣлѣ прозносить такія низкія пазванія!

Сокр. Таковъ онъ и есть, Иппіасъ: это человѣкъ не вытянутый, а черный, ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ истинѣ; однакожь надо отвѣчать ему. И вотъ я самъ напередъ объявлю свое мнѣніе. Если горшокъ былъ сдѣланъ хорошимъ горшечникомъ, гладокъ, круглъ и прекрасно обожженъ — иные изъ прекрасныхъ горшковъ бываютъ съ ушками, и изъ нихъ вмѣщающіе шесть кружекъ превосходны; — если онъ спрашиваетъ о такомъ горшкѣ, то его надобно признать прекраснымъ: ибо какъ намъ допустить, что прекрасное не прекрасно?

Ипп. Никакъ нельзя, Сократъ.

Сокр. Такъ и прекрасный горшокъ, скажетъ, есть прекрасное? — Отвѣчай.

Ипп. Я думаю, будетъ такъ, Сократъ. Прекрасное есть и этотъ прекрасно-отдѣланный сосудъ; но все это, въ-сравненіи

(18) Здѣсь, по всей вѣроятности, указывается на провѣщаніе, данное Мегарцамъ и записанное въ схоліяхъ Теоокрита XIV. 48. Оно начинается такъ: Γαῖος μὲν παῖς τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἄριστον, ὑπὸ τοῖς Ἑρμῆσι, Λακεδαιμόνιοι δὲ ὑναίησ.

(19) У насъ, то есть, въ Элѣ.

съ прекраснымъ въ конѣ, въ дѣвицѣ и во всемъ другомъ прекрасномъ, не стоитъ разсужденія.

Сокр. Хорошо, понимаю, Иппіасъ; предлагающему такой вопросъ надобно сказать вопреки слѣдующее: ты не знаешь, человѣкъ, хорошаго мнѣнія Ираклитова (20), что самая прекрасная обезьяна, содержась въ родѣ людей, будетъ безобразна, и самый прекрасный горшокъ, содержась въ родѣ дѣвицъ, будетъ безобразенъ, какъ говоритъ мудрый Иппіасъ. Не такъ ли, Иппіасъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ; ты правильно отвѣчалъ.

Сокр. Слушай-же. Вѣдь послѣ этого, хорошо знаю, онъ скажетъ: что-же Сократъ? еслибы кто родъ дѣвицъ ввелъ въ родъ боговъ, — не то-же-ли вышло-бы, что выходитъ, когда родъ горшковъ вводится въ родъ дѣвицъ? Самая прекрасная дѣвица не явится-ли безобразною? Не то-же-ли самое говорить и Ираклитъ, на котораго ты ссылаешься, что самый мудрый изъ людей, въ-сравненіи съ богомъ, и по мудрости, и по красотѣ, и по всему другому, является обезьяною? согласимся-ли Иппіасъ, что самая прекрасная дѣвица, въ-сравненіи съ родомъ боговъ, безобразна?

Ипп. Этому-то, Сократъ, кто сталъ-бы противорѣчить?

Сокр. Если-же мы согласимся на это, — онъ засмѣется и спроситъ: помнишь-ли, Сократъ, о чемъ тебя спрашивали? — Помню, скажу я, — о томъ, что такое прекрасное. Потомъ, бывъ спрошенъ о прекрасномъ, что такое оно, скажетъ онъ, ты отвѣчаешь, что оно, какъ самъ говоришь, не больше прекрасно, какъ и безобразно. — Выходитъ, скажу я. Или что присовѣтуешь мнѣ сказать, другъ мой?

Ипп. Я и самъ то-же сказалъ-бы. Вѣдь и дѣйствительно,

(20) Ираклитово мнѣніе, вѣроятно, выражалось такъ: «самая прекрасная обезьяна покажется безобразною въ-сравненіи съ высшимъ родомъ». Это согласно и съ кореннымъ взглядомъ Ираклита, какъ философа, который вездѣ и во всемъ видѣлъ только относительность явленій, слѣдующихъ закону постепеннаго развитія.

человѣческій родъ, въ-сравненіи съ богами-то, не прекрасенъ; онъ правду говоритъ.

Сокр. Если-же я спросилъ-бы тебя сначала, скажетъ онъ, что есть прекрасное и постыдное, и ты отвѣтилъ-бы мнѣ то-же, что теперъ,—правильно-ли отвѣтилъ-бы? Вѣдь тебѣ все еще кажется прекраснымъ то, чѣмъ украшается и отчего является прекраснымъ— все другое, какъ-скоро чему приражается тотъ родъ, будетъ-ли это дѣвица, или конь, или лира?

Ипп. Да, конечно, Сократъ, если онъ этого-то требуетъ; то всего легче отвѣчать ему, что есть прекрасное, чѣмъ украшается все прочее и отъ прирожденности чего все является прекраснымъ. Это, видно, человѣкъ самый глупый и ничего не знаетъ о прекрасныхъ приобрѣтеніяхъ. Если ты отвѣтишь ему, что прекрасное, о которомъ онъ спрашиваетъ, есть не иное что, какъ золото, то онъ остолебенѣетъ и не рѣшится опровергать тебя: вѣдь всѣ мы знаемъ, что чему оно приражается, то, хотя прежде и казалось постыднымъ, будучи украшено золотомъ, является прекраснымъ.

Сокр. Ты не испыталъ того человѣка, Иппіастъ; онъ очень упрямъ и ничего легко не принимаетъ.

Ипп. Такъ что-же это, Сократъ? Вѣдь правильно-сказанное ему необходимо или принять, или, не принимая, быть смѣшнымъ.

Сокр. А все-таки этого-то отвѣта, почтеннѣйшій, онъ не только не приметъ, но еще сильно осмѣетъ меня и спроситъ: ахъ ты сумасшедшій! думаешь-ли, что Фидіасъ былъ худымъ мастеромъ? — А я, вѣроятно, скажу: отнюдь нѣтъ.

Ипп. Да и правильно скажешь, Сократъ.

Сокр. Конечно, правильно; однакожь, какъ-скоро я соглашусь, что Фидіасъ былъ мастеръ хорошій,—онъ потомъ скажетъ: такъ того прекраснаго, о которомъ ты говоришь, Фидіасъ, думаешь не зналъ?—Какъ это? спрошу я —Такъ, скажетъ онъ, что глаза Аѳины сдѣлалъ онъ не изъ золота, да и все лицо руки и ноги,—хотя золотыя-то должны бы казаться прекраснѣйшими,—но изъ слоновой кости. Явно, что онъ ошибался въ

этомъ, не зная, что золото все, къ чему прираждается, дѣлаетъ прекраснымъ. На эти слова его что будемъ отвѣчать, Иппіасъ?

Ипп. Тутъ нѣтъ ничего труднаго. Мы скажемъ, что Фидіасъ правильно поступилъ: потому-что слоновая кость, думаю, тоже прекрасна.

Сокр. Для чего-же онъ, скажетъ, и глазныхъ зрачковъ не сдѣлалъ изъ слоновой кости, а сдѣлалъ каменные, подобравши камень, сколько можно болѣе сходный съ словою костью? Или и прекрасный камень есть прекрасное? Согласимся-ли, Иппіасъ?

Ипп. Конечно, согласимся (прибавивъ), когда онъ употребляется прилично.

Сокр. А когда не прилично,—дуренъ? согласиться или нѣтъ?

Ипп. Согласись, когда—не прилично.

Сокр. Такъ что-же? мудрецъ ты, скажетъ онъ: слоновая кость и золото, когда употребляются прилично, бываютъ, очевидно, прекрасны, а когда неприлично—дурны? Отвергнемъ-ли это, или согласимся, что онъ говоритъ правильно?

Ипп. На это-то согласимся: ибо что каждой вещи прилично, то каждую дѣлаетъ прекрасною.

Сокр. А когда у кого прекрасный горшокъ, о которомъ мы недавно говорили, стоитъ на огнѣ, полный прекрасной кашицы,—приличенъ въ немъ, спросить, золотой, или смоковничный уполовникъ?

Ипп. Ираклъ! о какомъ человѣкѣ говоришь ты, Сократъ! Не хочешь-ли сказать мнѣ, кто онъ?

Сокр. Да ты все равно не зналъ-бы его, еслибы я и сказалъ тебѣ имя.

Ипп. Но я уже знаю, что это какой-то неучъ.

Сокр. Крайне несноснѣшій, Иппіасъ. Однако, что-же мы скажемъ? который изъ уполовниковъ приличенъ кашицѣ и горшку? Или явно, что смоковничный? потому-что кашницу онъ дѣлаетъ благовоннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ мой, не разобьетъ

намъ горшка, не пролеть кашицы, не загасить огня и имѣющихъ кушать не оставить безъ этой, очень благородной пищи. А тотъ золотой могъ-бы сдѣлать все это, такъ-что смоковничный, мнѣ кажется, будетъ намъ гораздо приличнѣе золотого, если ты не иное что-нибудь полагаешь.

Ипп. Да, гораздо приличнѣе, Сократъ (сказалъ-бы я), если-бы только могъ разговаривать съ человѣкомъ, предлагающимъ такіе вопросы.

Сокр. И правильно, другъ мой. Вѣдь тебѣ-то, такъ прекрасно одѣтому, прекрасно обутому, славящемуся мудростію у всѣхъ Эллиновъ, конечно, неприлично наполняться такими именами; а мнѣ ничто не мѣшаетъ сталкиваться съ этимъ человѣкомъ. Такъ ты продолжай (21) учить меня и ради меня отвѣчай. Если смоковничный-то гораздо приличнѣе золотого, скажетъ тотъ человѣкъ, то не будетъ-ли и прекраснѣе, такъ-какъ приличное, Сократъ, ты призналъ пресраснѣйшимъ сравнительно съ неприличнымъ? Не согласимся-ли мы, Иппіасъ, что смоковничный прекраснѣе золотого?

Ипп. Хочешь-ли, я скажу тебѣ, Сократъ, какъ опредѣлить прекрасное, чтобы отдѣлаться отъ многихъ вопросовъ?

Сокр. Безъ-сомнѣнія; однако не прежде-же, чѣмъ скажешь мнѣ, который изъ двухъ, сейчасъ упомянутыхъ уполовниковъ назвать въ отвѣтъ болѣе приличнымъ и прекраснымъ.

Ипп. Отвѣчай ему, если хочешь, что сдѣланный изъ смоковницы.

Сокр. Говори-же теперь, что сейчасъ намѣренъ ты быть сказать: ибо изъ того-то отвѣта, въ которомъ я назвалъ-бы прекраснымъ золото, открывается, какъ видно, что золото нисколь-

(21) *Продолжай учить меня, проδίδασκε, т.-е. πόρρω δίδασκε: ибо проδιδάσκω значитъ учить кого-нибудь такъ, чтобы въ познаніи истины онъ шелъ впередъ. Euthyd. p. 302 C. Εὐφύμει τὸ καὶ μὴ χαλεπῶς μὲ προδίδασκε, Gorg. p. 489 D. Πραῶτερον μὲ προδίδασκε, ἵνα μὴ ἀποστερήσῃ ἀπὸ σοῦ.* Отсюда Латинское *praelectio*.

ко не прекраснѣе смоковничнаго дерева. Теперь опять, что еще назовешь ты прекраснымъ!

Ипп. Скажу тебѣ. Ты, кажется, ищешь для своего отвѣта чего-то такого прекраснаго, что никогда, нигдѣ и никому не представлялось-бы дурнымъ.

Сокр. Безъ-сомнѣнія, Иппіасъ; и ты теперь въ самомъ дѣлѣ прекрасно понимаешь.

Ипп. Слушай-же. И если этому кто-нибудь будетъ противорѣчить,—знай, я назову себя человѣкомъ, ничего не смыслящимъ.

Сокр. Такъ скажи, ради боговъ, какъ можно скорѣе.

Ипп. Говорю: всегда, вездѣ и всякому человѣку прекрасно богатѣть, быть здоровымъ, пользоваться почтеніемъ Эллиновъ, дожить до старости, прекрасно украсить могилы умершихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми.

Сокр. О, о! Иппіасъ, какъ дивно, величественно и достойно себя сказалъ ты! Клянусь Ирою, я радъ за тебя, что ты помогаешь мнѣ, кажется, такъ благоразсудительно, какъ только можешь. Однакожь вѣдь на того человѣка мы не попадаемъ; напротивъ, хорошо знай, что теперь-то онъ еще больше будетъ смѣяться.

Ипп. По-крайней-мѣрѣ, смѣхомъ негодяя, Сократъ. Вѣдь если онъ не можетъ ничего сказать на это, а смѣется; то станеть смѣяться надъ собою, и за то самъ будетъ осмѣянъ присутствующими.

Сокр. Можетъ быть такъ; а можетъ быть и то, что послѣ этого-то отвѣта, онъ, какъ я предугадываю, станеть, должно быть, не только смѣяться надъ мною, —

Ипп. А то что еще?

Сокр. Но и—если случится у него палка, и я, убѣгая отъ него, не уйду, постарается порядочно попотчивать меня.

Ипп. Что ты говоришь? Господиъ твой, что-ли, этотъ человѣкъ? и сдѣлавъ это, онъ не будетъ отведенъ въ судъ и обли-

чень? Развѣ вашъ городъ не имѣетъ законовъ и позволяетъ гражданамъ безъ причины бить другъ друга?

Сокр. Отнюдь не позволяетъ.

Ипп. Поэтому несправедливо-то бьющій тебя будетъ наказанъ.

Сокр. Мнѣ не кажется, Иппіасъ; вѣтъ, если только я дамъ этотъ отвѣтъ, — онъ, мнѣ кажется, прибьетъ меня справедливо.

Ипп. Да и мнѣ тоже кажется, Сократъ, если ты самъ такъ думаешь.

Сокр. Поэтому не сказать-ли тебѣ, отчего я думаю, что, давъ такой отвѣтъ, буду побить справедливо? Хочешь-ли и ты побить меня безъ суда, или примешь объясненіе?

Ипп. Это было-бы ужасно, Сократъ, еслибы я не принялъ; но что-же ты скажешь?

Сокр. Скажу тебѣ такимъ-же образомъ, какимъ доселѣ говорилъ, подражая ему, чтобы его словъ рѣзкихъ и злобныхъ, обращаемыхъ ко мнѣ, не относить къ тебѣ. Вѣдь онъ, хорошо знай, будетъ говорить такъ: скажи мнѣ, Сократъ, думаешь-ли, что ты несправедливо принялъ побои, когда проиѣлъ такой длинный диапрамбъ столь немзыкально и отступилъ такъ далеко отъ вопроса?—Какъ-же это, спрошу я?—Какъ? скажетъ онъ; развѣ ты не можешь помнить, что я спрашивалъ тебя о самомъ прекрасномъ, которое всему, чему бываетъ приращено, сообщаетъ красоту, —и камню, и дереву, и человѣку, и богу, и всякому дѣлу, и всякой наукѣ? Вѣдь объ этомъ-то прекрасномъ я спрашивалъ тебя, человѣкъ, что такое оно, —и ничего не могу сдѣлать съ тобою своимъ крикомъ, какъ-будто возлѣ меня сидитъ камень, и притомъ мельничный — безъ ушей и безъ мозга. Тутъ, еслибы я отъ страха послѣ этого сказалъ слѣдующее, —не разсердишься ты Иппіасъ?—еслибы, то-есть, я сказалъ: однакожь это самое называется прекраснымъ Ип-

піасъ, хотя я такъ-же спрашивалъ его, какъ ты меня, о прекрасномъ для всѣхъ и всегда; то что скажешь: не разсердишься ты?

Ипп. Но мнѣ хорошо вѣдь извѣстно, Сократъ, что прекрасное для всѣхъ есть то, что я назвалъ, — и покажется.

Сокр. Есть; да будетъ-ли также, спросить онъ? Вѣдь прекрасное-то, вѣроятно, всегда прекрасно.

Ипп. Конечно.

Сокр. Значить, оно и было, спросить онъ?

Ипп. И бымо.

Сокр. Сказалъ-ли Элейскій иностранецъ, спросить онъ, что прекрасное было и для Ахилла — быть погребеннымъ послѣ предковъ, и для его дѣда Эака, и для другихъ происшедшихъ отъ боговъ, и для самихъ боговъ?

Ипп. Что это? ну его къ богу! Эти-то вопросы того чело-вѣка даже и не благочестивы, Сократъ.

Сокр. Такъ что-жъ? отвѣчать-то на вопросъ другаго, что это такъ, конечно, не очень нечестиво.

Ипп. Можетъ быть.

Сокр. Такъ, можетъ быть, это ты, скажетъ онъ, говоришь, что прекрасное для всякаго и вездѣ есть—быть погребеннымъ дѣтми и похоронить предковъ? Развѣ Ираклъ былъ не одинъ изъ всѣхъ? и тѣ, о которыхъ мы теперь только говорили, развѣ не всѣ?

Ипп. Но я говорилъ не о богахъ.

Сокр. И не о герояхъ, какъ видно.

Ипп. Даже и не о дѣтихъ боговъ, сколько ихъ ни было?

Сокр. Но о тѣхъ, сколько которыхъ не было?

Ипп. Конечно.

Сокр. Стало-быть, по твоему-же опять, какъ явствуетъ, мнѣнію, изъ героевъ Тантагу, Дардану и Знеосу принадлежить ужасное, нечестивое и постыдное, а Пелонсу и другимъ такого-же происхожденія — прекрасное.

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ тебѣ, скажетъ онъ, кажется то, чего прежде ты не говорилъ, что, то-есть, погребать предковъ и быть погребеннымъ отъ дѣтей иногда и для нѣкоторыхъ бываетъ постыдно, — даже, какъ видно, еще болѣе; и нельзя, чтобы такое прекрасное бывало и было для всѣхъ, какъ теперь стало съ этимъ-то, или, какъ прежде съ тѣми — съ дѣвицею и горшкомъ; всего-же смѣшнѣе, что для однихъ оно оказывается прекраснымъ, а для другихъ не прекраснымъ. И такъ ты и теперь еще, Сократъ, скажетъ онъ, не въ-состояніи отвѣчать на вопросъ о прекрасномъ, чтѣ такое оно. Такія-то и подобныя оскорбленія онъ нанесетъ мнѣ справедливо, если я такъ отвѣчу ему. По большей части въ этомъ видѣ, Иппіасъ, идетъ бесѣда его со мною. Но иногда, какъ-бы сжалившись надъ моею неопытностію и неученостію, онъ самъ наводитъ меня вопросами на то, не такимъ-ли чѣмъ-нибудь кажется мнѣ прекрасное, либо что другое, о чемъ случается ему спрашивать, или что бываетъ предметомъ рѣчи.

Ипп. Какъ это понимаешь ты, Сократъ?

Сокр. Я расскажу тебѣ. Перестань-ка давать такіе отвѣты, чудный Сократъ, говоритъ онъ: ибо они слишкомъ простоваты и удобоупровергаемы. Но разсмотри слѣдующее: не покажется-ли тебѣ прекраснымъ то, съ чѣмъ мы сталкивались уже въ отвѣтъ, когда говорили, что золото, чему приличествуетъ, прекрасно, а чему не прилично, — нѣтъ? подобнымъ образомъ и все прочее, къ чему, что идетъ. Такъ разсмотри-ка это самое — приличествующее, и природу самаго приличествующаго, не оно-ли, можетъ быть, есть прекрасное? На такія предположенія я привыкъ всегда соглашаться, потому-что не могу ничего сказать. А тебѣ приличествующее кажется-ли прекраснымъ?

Ипп. Безъ-сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Разсмотримъ однакожь, чтобы намъ какъ-нибудь опять не ошибиться.

Ипп. Да, надо разсмотрѣть.

Сокр. Такъ смотри. То-ли мы называемъ приличествующимъ, что, бывъ прирождено, заставляетъ являться прекраснымъ каждый предметъ, которому бываетъ присуще, или что дѣлается такимъ? Или ни то ни другое?

Ипп. Мнѣ кажется (22) то и другое.

Сокр. Не это-ли заставляетъ являться прекраснымъ, когда кто хотя-бы былъ и смѣшонъ, является прекраснѣе, надѣвая пристойное платье или обувь?

Ипп. Да.

Сокр. Но если приличествующее заставляетъ предметъ являться прекраснѣе, нежели каковъ онъ есть, то не будетъ-ли приличествующее чѣмъ-то обманчивымъ относительно прекраснаго, и не окажется-ли не тѣмъ, чего мы ищемъ, Иппіасъ? Вѣдь мы, вѣроятно, искали того, почему бываютъ прекрасны всѣ прекрасные предметы, равно-какъ по чему велики всѣ великіе, то-есть, по избытку: ибо этимъ все велико, хотя-бы не являлось; что имѣетъ избытокъ, тому необходимо быть великимъ. Такъ тоже скажемъ и о прекрасномъ, по которому все прекрасно, является-ли нѣчто такимъ, или нѣтъ. Что могло-бы быть оно? Это будетъ не то, что приличествующее: ибо прили-

(22) *Ипп.* Мнѣ кажется, то и другое — εμοι γε δοκεῖ ἀμφότερα. Греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ очевидно перепутанъ и испорченъ. Во-первыхъ, отвѣтъ Иппіаса εμοι γε δοκεῖ не заключаетъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія; во-вторыхъ въ началѣ Сократова монолога слово πότερα стоитъ внѣ всякаго отношенія къ послѣдующему. Вмѣсто πότερα, здѣсь, по всей вѣроятности, надобно читать ἀμφότερα, и отнести его къ отвѣту Иппіаса, монологу-же Сократа начать словомъ ἀρα, — такъ чтобы вышелъ слѣдующій порядокъ рѣчи:

Ἰππ. Ἐμοι γε δοκεῖ ἀμφότερα.

Σωκρ. Ἀρά ὁ ποῖε φαίνεται καλὰ, φαίνεται;

Ἰππ. Ναί.

Σωκρ. Οὐκοῦν εἴπερ καλλίον κ. τ. λ.

чествующее, какъ ты сказалъ, заставляетъ предметъ являться прекраснѣе, чѣмъ онъ есть, а тому, что есть, являться не позволяетъ. Намъ надобно постараться, какъ я сейчасъ говорилъ, изслѣдовать то, что дѣлаетъ прекраснымъ, является-ли нѣчто, или нѣтъ. Вѣдь это мы ищемъ, если ищемъ прекрасное.

Ипп. Но приличествующее, Сократъ, своимъ присутствіемъ заставляетъ предметы и быть и являться прекрасными.

Сокр. Стало-быть невозможно въ-самомъ-дѣлѣ, чтобы предметы существенно прекрасныя, въ присутствіи того, что заставляетъ являться-то, не явились такими?

Ипп. Невозможно.

Сокр. Такъ въ томъ-ли согласимся, Иппіасъ, что всё существенно-прекрасныя учрежденія и дѣйствія всегда всѣмъ кажутся и по бытію и въ явленіи прекрасными? или, совершенно напротивъ, что мы ихъ не знаемъ и что въ разсужденіи ихъ бываетъ болѣе всего споровъ и вражды, какъ частно—между людьми, такъ и всенародно—между городами?

Ипп. Болѣе такъ, Сократъ; мы не знаемъ.

Сокр. Нѣтъ не такъ, если имъ свойственно было являться-то. А имъ это было-бы свойственно, еслибы приличествующее было прекрасное и заставляло предметы не только быть, но и казаться прекрасными; такъ-что приличествующее, какъ-скоро оно заставляетъ предметъ быть прекраснымъ, было-бы тѣмъ прекраснымъ, котораго мы ищемъ, не заставляя его уже являться. Но если опять заставляющее являться есть приличествующее, то оно не было-бы прекраснымъ, котораго мы ищемъ: потому-что приличествующее-то заставляетъ быть, заставляя-же являться и быть прекраснымъ-ли то или чѣмъ другимъ одно и то-же, вѣроятно, не можетъ. И такъ изберемъ:—является-ли прекраснымъ, по твоему мнѣнію, заставляетъ приличествующее, или быть?

Ипп. Мнѣ кажется являться, Сократъ.

Сокр. Увы! стало-быть вырвалось, Иппіасъ, и убѣгаетъ отъ насъ знаніе о томъ, что есть прекрасное, когда приличествующее показалось чѣмъ-то отличнымъ отъ прекраснаго.

Ипп. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; мнѣ и самому кажется это страннымъ.

Сокр. Впрочемъ, другъ мой, мы не должны пока оставлять своего вопроса; у меня есть еще нѣкоторая надежда вывести наружу, что такое прекрасное.

Ипп. Безъ-сомнѣнія, Сократъ; да и не трудно найти. Вѣдь хорошо знаю, что еслибы мнѣ на короткое время уединиться и размыслить съ самимъ собою,—я сказалъ-бы тебѣ это точнѣе всякой точности.

Сокр. Не много говори, Иппіасъ. Ты видишь, сколько безпокойствъ надѣлалъ уже намъ этотъ вопросъ. Какъ-бы разсердившись на насъ, онъ не убѣжалъ еще далѣе. Впрочемъ, я ничего не говорю. Ты-то думаю, когда будешь на-единѣ, конечно, легко найдешь его. Но, ради боговъ, отыскивай при мнѣ, изслѣдывай, если хочешь, какъ теперь, вмѣстѣ со мною. И если мы найдемъ,—дѣло будетъ превосходное; а когда нѣтъ,—я останусь, думаю, съ своею участію, ты-же пойдешь и найдешь. Если мы найдемъ теперь, я, безъ сомнѣнія, не буду докучать тебѣ вопросами, что такое то, что отыскалъ ты самъ-по-себѣ. И какъ смотри-же; кажется-ли тебѣ прекраснымъ слѣдующее: я-то такъ понимаю это; а ты съ особеннымъ вниманіемъ наблюдай за мною, чтобы мнѣ не сказать глупости. Пусть теперь будетъ у насъ прекраснымъ то, что полезно. Я сказалъ это, заключая изъ слѣдующаго: прекрасны, говоримъ мы, бываютъ глаза — но тѣ, которые, представляясь такими, не могутъ видѣть, а тѣ, которые способны и полезны для зрѣнія. Не такъ-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Не назовемъ-ли мы прекраснымъ поэтому и цѣлое тѣло — иное для бѣгання, иное для битвы, — прекраснымъ, и всѣхъ животныхъ — лошадь, пѣтуха, перепела, и всѣ сосуды, колесницы на сушѣ, суда и военные корабли на морѣ, и всѣ орудія — какъ для музыки, такъ и для прочихъ искусствъ, а если хочешь, и занятія, и законы? Не назовемъ-ли мы такимъ-же образомъ пресраснымъ почти все это? Смотри на каждую изъ вещей, какова она по природѣ, какова по отдѣлкѣ, въ какомъ находится состояніи, и видя, что она полезна, какъ полезна, къ чему полезна и когда полезна, мы почитаемъ ее прекрасною, а во всѣхъ этихъ отношеніяхъ бесполезную относимъ къ дурнымъ. Не такъ-ли и тебѣ кажется, Иппіасъ?

Ипп. И мнѣ.

Сокр. Стало-быть, мы теперь правильно говоримъ, что прекрасное есть болѣе всего полезное.

Ипп. Конечно правильно, Сократъ.

Сокр. Но всякая вещь не къ тому-ли полезна, что можетъ она сдѣлать, поколику можетъ, а когда не можетъ, бесполезна?

Ипп. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно мочь — прекрасно, а не мочь — постыдно?

Ипп. И очень. Намъ, Сократъ, и все другое свидѣтельствуешь, что это такъ, да и политика: ибо въ дѣлахъ политическихъ и въ городѣ — мочь есть превосходнѣе всего, а не мочь всего постыднѣе.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Не потому-ли, ради боговъ, Иппіасъ, и мудрость всего прекраснѣе, а невѣжество всего постыднѣе?

Ипп. А ты какъ думаешь, Сократъ?

Сокр. Молчи, любезный другъ; я очень боюсь: что это мы опять говоримъ?

Ипп. Чего ты боишься еще, Сократъ, когда рѣчь твоя шла впередъ такъ прекрасно?

Сокр. Хотѣлъ-бы; но разсмотри вмѣстѣ со мною слѣдующее: въ состояніи-ли кто сдѣлать что-нибудь такое, чего и не знаетъ, и вовсе не можетъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ. Какъ сдѣлать то-то, чего не можешь?

Сокр. Такъ не правда-ли, что погрѣшающіе и не-хотя совершающіе и дѣлающіе зло, никогда не сдѣлали-бы этого, если-бы не могли сдѣлать?

Ипп. Ужъ очевидно.

Сокр. Но могущіе-то могутъ конечно мочью, — вѣдь не немочью-же?

Ипп. Разумѣется.

Сокр. А могутъ-то всѣ дѣлающіе — дѣлать то, что дѣлаютъ?

Ипп. Да.

Сокр. И вотъ всѣ люди, начиная съ дѣтства, дѣлаютъ-то гораздо больше зла, чѣмъ добра, и грѣшатъ не-хотя.

Ипп. Такъ.

Сокр. Что-же? Эту мочь и ту пользу, которая полезна для дѣланія чего-нибудь злаго, назовемъ-ли прекраснымъ, или далеко нѣтъ?

Ипп. Мнѣ кажется далеко, Сократъ.

Сокр. Стало-быть, мочь и польза, Иппіасъ, у насъ, какъ видно, не есть прекрасное?

Ипп. А если мочь-то для добра, Сократъ, это будетъ полезно.

Сокр. По-крайней-мѣрѣ, просто мочь и польза есть прекрасное, — идетъ прочь. Видно наша душа то-то и хотѣла ска-

зять, что польза и мочь для дѣланія чего-нибудь добраго — это есть прекрасное.

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. А это-то полезно, или нѣтъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Значить, и прекрасныя дѣла, и прекрасныя учрежденія, и мудрость, и все, о чемъ мы теперь говорили, есть прекрасное, поколику полезное.

Ипп. Явно, что такъ.

Сокр. Стало-быть, выходить: прекрасное у насъ есть полезное.

Ипп. Безъ-сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Но полезное-то есть нѣчто дѣлающее добро.

Ипп. Конечно, такъ.

Сокр. А дѣлающее-то есть не что иное, какъ причина. Не такъ-ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, прекрасное есть причина добра.

Ипп. Конечно, такъ.

Сокр. Но причина-то, Иппіасъ, и то, чего она причина, — не одно и то-же. Вѣдь причина-то, вѣроятно, не можетъ быть причиною причины. Смотри сюда: причина является-ли дѣлающею?

Ипп. Конечно.

Сокр. Отъ дѣлающаго-же дѣлается не иное что, какъ бывающее, а не дѣлающее?

Ипп. Такъ.

Сокр. И не правда-ли, что иное есть бывающее, и иное дѣлающее?

Ипп. Да.

Сокр. Стало-быть, причина-то есть причина не причины, а того, что бываетъ отъ ней.

Ипп. Конечно.

Сокр. И такъ, если прекрасное есть причина добра, то отъ

прекраснаго можетъ произойти добро. И потому-то, какъ видно, мы стараемся о разумности и о всемъ прекрасномъ, что дѣло и порожденіе этого есть добро и что прекрасное, должно быть, находимъ въ идеѣ какого-то отца доброты.

Ипп. Безъ-сомнѣнія; ты въ-самомъ-дѣлѣ хорошо говоришь, Сократъ.

Сокр. Не хорошо-ли говорю и то, что ни отецъ не есть сынъ, ни сынъ не есть отецъ?

Ипп. Конечно, хорошо.

Сокр. И причина-то не есть бывающее, а бывающее не есть причина.

Ипп. Правду говоришь.

Сокр. Стало-быть, клянусь Зевсомъ, почтеннѣйшій, ни прекрасное не есть добро, ни добро не есть прекрасное. Не кажется-ли тебѣ, что изъ вышесказаннаго это такъ?

Ипп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не представляется.

Сокр. Такъ нравится ли намъ, и хотѣли-ли-бы мы говорить, что прекрасное не добро, и доброе не прекрасно?

Ипп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не очень нравится.

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, Иппіасъ; и мнѣ-то всего менѣе нравится то, что сказали мы.

Ипп. Выходить такъ.

Сокр. Слѣдовательно, положеніе, недавно показавшееся намъ превосходнѣйшимъ, что, то-есть, полезное, выгодное (23) и могущее сдѣлать какое-либо добро, есть прекрасное, должно быть не таково: напротивъ оно, если возможно, еще смѣшнѣе тѣхъ первыхъ, въ которыхъ прекраснымъ мы почитали дѣвизу и другіе прежде высказанные предметы.

(23) *Полезное выгодное, τὸ ὠφέλιμον καὶ τὸ χρήσιμον.* Эти слова, обыкновенно почитаемыя тождественными, филологи справедливо различаютъ. *Χρήσιμον* есть то, что можетъ способствовать также *ἐπὶ τὸ κακὸν ἐργάζεσθαι*; напротивъ *ὠφέλιμον* есть собственно полезное *καὶ τὸ θανάτων ἐπὶ τὸ ἀγαθὸν τὴ κοίτης.* Heindorf.

Ипп. Выходить.

Сокр. И теперь уже я-то не вижу, Иппіасъ, куда обратиться; я — въ недоумѣніи. А ты можешь-ли что сказать?

Ипп. Въ настоящую-то минуту, какъ я недавно говорилъ тебѣ, не могу; а разсмотрѣвши, хорошо знаю, что найду.

Сокр. Но отъ сильной жажды знать, я не въ-состояніи, кажется, ждать отъ тебя будущаго. И вотъ уже, повидимому, сейчасъ что-то открылъ. Смотри-ка, не то-ли можемъ мы назвать прекраснымъ, что заставляетъ насъ радоваться, — разумѣю не всѣ удовольствія, а только получаемыя чрезъ слухъ и зрѣніе. Какъ и чѣмъ могли-бы мы защищать это? Вѣдь всѣ прекрасные люди, Иппіасъ, всѣ украшенія и произведенія живописи и ваянія, когда они прекрасны, веселятъ наше зрѣніе. То же самое производятъ и прекрасные звуки, и всякая музыка, и рѣчи, и рассказы. Поэтому, еслибы тому дерзкому человѣку мы отвѣтили: Благороднѣйшій человѣкъ! Прекрасное есть удовольствіе, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ, то не удержали-бы мы его, думаешь, отъ дерзости?

Ипп. Мнѣ по-крайней-мѣрѣ, Сократъ, теперь кажется, что о прекрасномъ постановлено хорошо.

Сокр. Что-же стало-быть? Прекрасныя занятія и законы, Иппіасъ, назовемъ мы прекрасными потому-ли, что это доставляетъ намъ удовольствіе чрезъ слухъ и зрѣніе, или они относятся къ какому-нибудь другому роду?

Ипп. Объ этомъ, Сократъ, тотъ человѣкъ, можетъ быть, забылъ и думать.

Сокр. Клянусь собакою, Иппіасъ; полно уже мнѣ стыдиться его, дурачась и прикидываясь, будто я что-то говорю, тогда какъ ничего не говорю (24).

(24) *Ничего не говорю, μηδὲν λέγων.* Слѣдующій за этимъ текстъ: I к. τὴν αὐτοῦ Σωκρ. Σωκράτη τὸν Σωφρονίσκου, ὅς ἐμοὶ οὐδὲν ἄν μᾶλλον ταῦτα ἐπιτρέποι

Ипп. Мнѣ и самому, когда слушаю тебя, представляется, что относительно законовъ тутъ дѣло другое.

Сокр. Молчи, Иппіасъ; должно быть, съ своимъ прекраснымъ попавъ въ такое затрудненіе, въ какомъ находимся теперь, мы думаемъ, что идемъ иною, хорошею дорогою.

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, что мнѣ представляется, если только въ моихъ словахъ есть дѣло. Вѣдь что касается до законовъ и занятій, то, можетъ быть, они являются не виѣ чувства, или доходятъ до насъ чрезъ слухъ и зрѣніе. Будемъ-же отставать наше положеніе, что получаемое чрезъ нихъ удовольствіе есть прекрасное, не приводя ничего со-стороны законовъ. Но если-бы спросилъ насъ тотъ-ли, котораго я разумѣю, или кто другой: что это, Иппіасъ и Сократъ, вы отъ удовольствія отдѣляете извѣстное удовольствіе и называете его прекраснымъ, а удовольствій, получаемыхъ чрезъ другія чувства, отъ блюдъ, напитковъ, любовныхъ дѣлъ и отъ всего подобнаго не называете прекраснымъ? Неужели ни въ этомъ, ни въ чемъ другомъ, кромѣ зрѣнія и слуха, вы вовсе не признаете ни пріятности, ни удовольствія? Чтѣ скажемъ, Иппіасъ?

Ипп. Безъ-сомнѣнія скажемъ, Сократъ, что и въ другихъ ощущеніяхъ заключается очень великое удовольствіе.

Сокр. Такъ для чего-же, скажетъ, у этихъ удовольствій, которыя ничѣмъ не меньше суть удовольствія, какъ и тѣ, вы отнимаете ихъ имя и лишаете ихъ названія прекрасныхъ? — Для того, скажемъ мы, что не было-бы никого, кто не осмѣялъ-бы насъ, еслибы мы захотѣли утверждать, что ѣсть не пріятно, а

ἀνερίωντα ὄντα ραδίως λέγουσιν ἢ ὡς εἰδότες ἃ μὴ οἶδα, очевидно есть глосса, внесенная в margin; потому-что Сократъ, ссылаясь на какого-то безотвязнаго вопрошателя и разумѣя подъ нимъ самого себя, сохраняетъ это свое incognito до конца разговора; слѣдовательно здѣсь неумѣстно было ему объявлять, что тотъ вопрошатель есть не иной кто, какъ самъ онъ. Чтобы не прерывать хода діалога этою неумѣстною вставкою, я счелъ приличнымъ оставить ее безъ перевода.

прекрасно, а обонять пріятное не пріятно, а прекрасно. Что же касается до дѣлъ любовныхъ, то всё спорили-бы съ нами, что это весьма пріятно, а между-тѣмъ, кто дѣлалъ-бы подобное, тотъ долженъ былъ-бы дѣлать такъ, чтобы его никто не видѣлъ: ибо быть видимымъ тутъ очень постыдно. Тогда-какъ мы говорили-бы это, — онъ, можетъ быть, примолвилъ-бы: теперь я понимаю, Иппіасъ, что вы давно уже стыдитесь назвать эти удовольствія прекрасными потому, что они людямъ не кажутся. Но я спрашивалъ не о томъ, что только кажется прекраснымъ, а о томъ, что есть прекрасное. Послѣ сего мы, думаю, повторили-бы прежнее свое положеніе, что прекраснымъ почитаемъ часть пріятнаго, получаемую чрезъ слухъ и зрѣніе. Этимъ-ли отвѣтомъ воспользуешься ты, или отвѣтимъ что-нибудь другое, Иппіасъ?

Ипп. Судя по твоимъ-то словамъ, Сократъ, необходимо сказать это, а не что-либо другое.

Сокр. Хорошо-же говорите вы, скажетъ онъ. И такъ, если прекрасное есть пріятное, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ, то пріятное, относящееся не къ этому роду, очевидно уже не будетъ прекраснымъ? — Согласимся-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Такъ пріятное, ощущаемое чрезъ зрѣніе, скажетъ онъ, есть-ли пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ? или, ощущаемое чрезъ слухъ, есть-ли также пріятное чрезъ слухъ и зрѣніе? — Получаемое чрезъ одно которое-нибудь чувство, скажемъ мы, отнюдь не можетъ быть пріятнымъ чрезъ оба. Это тебѣ угодно такъ говорить намъ; а мы говоримъ, что и которая-нибудь изъ этихъ пріятностей сама-по-себѣ есть прекрасное, равно-какъ и обѣ. Не такъ-ли отвѣтимъ?

Ипп. Безъ-сомнѣнія.

Сокр. Но пріятное отъ пріятнаго, что-нибудь отъ чего-нибудь, скажетъ онъ, отличается-ли этимъ — пріятностію? Не то что одно удовольствіе больше или меньше, либо сильнѣе или сла-

бѣе; не различаются-ли они тѣмъ, что изъ пріятностей одна есть удовольствіе, а другая—неудовольствіе? Намъ-то это не кажется.

Ипп. Конечно, не кажется.

Сокр. Посему, скажете, изъ прочихъ удовольствій вы предъ избираете эти удовольствія ради чего-то другаго, а не ради того, что они удовольствія; вы видите въ обоихъ нѣчто такое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ, и на что смотря, называете ихъ прекрасными. Вѣроятно, не ради того прекрасно удовольствие, получаемое чрезъ зрѣніе, что оно получается чрезъ зрѣніе: ибо еслибы оно было прекрасно по этой причинѣ, то другое удовольствие, получаемое чрезъ слухъ, не было-бы прекрасно потому, что оно получается не чрезъ зрѣніе. Скажемъ-ли: правду говоришь?

Ипп. Конечно, скажемъ.

Сокр. И опять удовольствие, получаемое чрезъ слухъ, не ради того прекрасно, что получается чрезъ слухъ: ибо иначе оно не было-бы прекрасно чрезъ зрѣніе, котораго удовольствіе не чрезъ слухъ. Истину-ли, скажемъ, Иппіасъ, говорить тотъ человѣкъ, говоря такимъ образомъ?

Ипп. Истину.

Сокр. И однакожь оба эти удовольствія, какъ говорите, прекрасны. Говоримъ вѣдь?

Ипп. Говоримъ.

Сокр. Стало-быть, они имѣютъ нѣчто тождественное, что дѣлаетъ ихъ прекрасными, нѣчто общее, находящееся нераздѣльно въ ихъ обоихъ и въ каждомъ изъ нихъ порознь: ибо не иначе вѣроятно и оба они, и взятые отдѣльно, могли-бы быть прекрасными. Отвѣчай мнѣ, какъ-бы ему.

Ипп. Отвѣчаю, что и мнѣ тоже кажется, что ты говоришь.

Сокр. Стало-быть, если оба эти удовольствія, взятые вмѣстѣ, имѣютъ какое-нибудь свойство, а взятые отдѣльно не

имѣютъ его, то не по этому-ли самому свойству они будутъ прекрасны?

Ипп. Но какъ это можно, Сократъ, чтобы, тогда-какъ ни то ни другое удовольствіе не имѣютъ какого-нибудь такого свойства, то самое свойство, котораго нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ, было потомъ свойствомъ обоихъ?

Сокр. Тебѣ не кажется?

Ипп. Я никакъ не могу понять ни природы этихъ удовольствій, ни значенія настоящихъ словъ.

Сокр. Какъ пріятно, Иппіасъ! А вѣдь мнѣ, должно быть, представляется, что я что-то вижу, отчего это такъ, и что ты находишь невозможнымъ, хотя вовсе ничего не вижу.

Ипп. Не то, что должно быть, Сократъ, а въ самомъ дѣлѣ прозираешь въ предметъ.

Сокр. Правда-таки, что предъ моею душею носится много подобаго, но я не вѣрю этому; потому-что не представляешь того же ты—человѣкъ, своею мудростію выработавшій уже множество денегъ, тогда-какъ я, напротивъ, никогда ничего не выработалъ, и думаю въ себѣ, другъ мой, не шутишь-ли ты надо мною, и не забавляешься-ли обманываніемъ меня. Это мнѣ очень часто приходитъ въ голову.

Ипп. Никто лучше тебя не узнаетъ, Сократъ, шучу-ли я, или нѣтъ, если рѣшишься говорить, что носится предъ тобой. Тогда ты вѣдь откроешь, что въ твоихъ словахъ нѣтъ ничего; потому-что никогда не найдешь, чтобы, чего не имѣемъ ни ты, ни я, то самое имѣли оба мы.

Сокр. Какъ ты говоришь, Иппіасъ? Можетъ быть, твои слова и значать что-нибудь, да я не понимаю. Но послушай меня, не будетъ-ли яснѣе, что хочу я сказать. Вѣдь мнѣ представляется возможнымъ, чтобы, что не есть ни я и мнѣ не свойственно, ни ты, было свойственное обоимъ намъ. И другое опять: чтобы свойственное обоимъ намъ не принадлежало ни которому изъ насъ.

Ипп. Опять чудеса въ твоёмъ отвѣтѣ, Сократъ, и еще больше ихъ, чѣмъ передъ этимъ. Вникни-ка: если оба мы справедливы, то не каждый-ли изъ насъ то-же? или, если каждый изъ насъ несправедливъ, то не оба-ли также? либо, когда оба здоровы, то и не каждый-ли? Равнымъ образомъ, если каждый изъ насъ захворалъ, пораненъ, ушибся, либо потерпѣлъ что другое, — не потерпѣли-ли мы того-же самаго и оба? Да и это: если оба мы золотые, или серебряные, или изъ слоновой кости, или, когда угодно, благородные, мудрые, почтенные, старые, молодые, либо, что хочешь другое, между людьми бывающее; то не по крайней-ли необходимости и каждый изъ насъ есть тоже самое?

Сокр. Безъ-сомнѣнія такъ.

Ипп. Ну такъ вотъ, Сократъ; на дѣло-то въ вещахъ ты не смотришь, равно-какъ и тѣ, съ которыми у тебя обыкновенно бываетъ разговоръ. Взявъ прекрасное, вы пробуете его и каждое сущее разсѣкаете своими рѣчами. Поэтому великая и сплошная по природѣ дѣлность сущности скрывается отъ васъ. Тоже скрылось отъ тебя и теперь, такъ-что свойство или сущность ты считаешь чѣмъ-то, либо въ обоихъ находящимся, а въ каждомъ нѣтъ, либо опять въ каждомъ находящимся, а въ обоихъ нѣтъ. Такъ-то вы нелогичны, неосмотрительны, простоумны и неразсудительны!

Сокр. Наше дѣло, Иппіасъ, таково, что, по ежедневной въ народѣ пословицѣ, не то дѣлай, что хочется, а что можется (25). Но ты своими внушеніями всегда помогаешь намъ. Вотъ и теперь, прежде чѣмъ тобою внушено, что мы были простоумны,

(25) *Не то дѣлай, что хочется, а что можется*—οὐχ' οἷα βούλεται τις, ἀλλ' οἷα δύναται. Эту пословицу сохранилъ Свида: ζῶμεν γὰρ οὐκ ὡς θέλομεν, ἀλλ' ὡς δύναμεθα, и прибавляетъ, что она относится ἐπὶ τῶν μὴ κατὰ προαίρεσιν ζώντων κέρηται (τούτῳ) Πλάτων ἐν Ἰππία. Не худо замѣтить, что при этомъ противоположеніи понятій — βούλεσθαι и δύνασθαι никогда не употребляется глаголь ἐθέλειν, но всегда βούλεσθαι. Причина заключается въ самомъ значеніи этихъ глаголовъ.

я хотѣлъ показать тебѣ еще больше, сказать, какъ мы разсуждаемъ объ этомъ. Или не говорить?

Ипп. Ты будешь говорить знающему, Сократъ: потому что я знаю, каковъ тотъ, кто ведетъ свои рѣчи о чемъ-бы то ни было. Впрочемъ, если тебѣ угодно, говори.

Сокр. Ужъ конечно угодно. Вѣдь мы, умнѣйшій человекъ, были такъ не умны, пока ты не сказалъ намъ объ этомъ, что думали о мнѣ и тебѣ, будто каждый изъ насъ есть одинъ; а это значитъ, что каждый изъ насъ есть что-то, и что, следовательно, каждый не есть оба: потому что мы — не одинъ, а два. Такъ простодушны были мы! Но вотъ теперь ты уже научилъ насъ, что если мы два — оба, то необходимо быть двумя и каждому изъ насъ; а когда каждый — одинъ, необходимо быть однимъ и обоимъ: ибо сплошному бытію сущности, по мнѣнію Иппіаса, иначе быть невозможно, но, что — оба, то — и каждое, и что — каждое, то — оба. Теперь уже я сижу здѣсь, убѣжденный тобою. Напомни-же мнѣ, Иппіасъ, — одинъ-ли мы — я и ты, или ты — два, и я — два?

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. То, что говорю; ибо боюсь говорить ясно, чтобы ты не разсердился, когда что-нибудь покажется сказаннымъ на твой счетъ. Однакожь, скажи мнѣ, каждый изъ насъ — не одинъ-ли и не имѣеть-ли свойства быть однимъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Если-же одинъ, то каждый изъ насъ не есть-ли нечетъ? Или одно ты не считаешь нечетомъ?

Ипп. Считаю.

Сокр. Такъ не нечетъ-ли и оба мы — двосъ?

Ипп. Невозможно, Сократъ.

Сокр. Напротивъ, оба-то — четы. Не такъ-ли?

Ипп. Конечно.

Сокр. Но такъ-какъ оба мы четы, то и каждый изъ насъ есть четъ?

Ипп. Ну, нѣтъ.

Сокр. Стало-быть, нѣтъ крайней необходимости, какъ ты теперь-же говорилъ, чтобы, что оба, то былъ и каждый, или, что — каждый, то были оба.

Ипп. Да не это, а то, что я прежде говорилъ.

Сокр. Довольно, Иппіасъ; приятно, когда и одно такъ представляется, хотя-бы другое было и не таково. Вѣдь я уже говорилъ, если помнишь, съ чего началась эта рѣчь, что удовольствія чрезъ зрѣніе и чрезъ слухъ прекрасны не тѣмъ, что которому-либо изъ нихъ свойственно, а обоимъ нѣтъ, или что обоимъ свойственно, а которому-либо нѣтъ, но тѣмъ, что свойственно, какъ обоимъ, такъ и каждому порознь. Да ты самъ тогда соглашался, что и оба эти удовольствія, и каждое порознь — прекрасны. Посему-то я думалъ, что если оба они прекрасны, то должны быть прекрасными именно поэтому — по заключающейся въ обоихъ сущности, а не по тому, чего въ которомъ-либо изъ нихъ недостаетъ. Такъ я думаю и теперь. Скажи-же мнѣ какъ-бы сначала: удовольствіе чрезъ зрѣніе и удовольствіе чрезъ слухъ, если оба они прекрасны и каждое порознь, — не въ обоихъ-ли ихъ, и не въ каждомъ-ли порознь заключается то, что дѣлаетъ ихъ прекрасными?

Ипп. Конечно.

Сокр. И не по тому-ли они прекрасны, что какъ то и другое, такъ и оба суть удовольствіе? Или по этому-то и всѣ другія были-бы нисколько ни меньше ихъ прекрасны? Вѣдь если помнишь, послѣднія представлялись нисколько не меньше удовольствіями.

Ипп. Помню.

Сокр. А между тѣмъ мы говорили, что эти-то потому прекрасны, что получаютъ чрезъ зрѣніе и слухъ.

Ипп. Такъ и было сказано.

Сокр. Смотри-же, правду-ли я говорю. Говорено было,

сколько я помню, что приятное прекрасно, но не великое; а получасное чрезъ зрѣніе и слухъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ это-то свойство принадлежитъ ли обоимъ; а каждому порознь не принадлежитъ? ибо каждое-то изъ нихъ порознь, какъ в прежнее было говорено, бываетъ не чрезъ оба; вѣдь оба, конечно, чрезъ оба, но каждое порознь — нѣтъ. Такъ ли это?

Ипп. Такъ.

Сокр. Стало-быть каждое изъ нихъ порознь не тѣмъ прекрасно, что не принадлежитъ каждому; ибо оба не принадлежатъ каждому порознь: такъ-что самыя-то оба можно назвать прекрасными по предположенію, а каждое порознь невозможно. Или какъ скажемъ? не необходимо-ли?

Ипп. Видно.

Сокр. И такъ оба мы назовемъ прекрасными, а каждое порознь не назовемъ?

Ипп. Что же мѣшаетъ?

Сокр. Мнѣ кажется мѣшаетъ то, другъ мой, что у насъ были такія принадлежности каждому порознь, которыя, если содержатся въ обоихъ, то и въ каждомъ порознь, а когда въ каждомъ порознь, то и въ обоихъ, — вообще все, что ты изслѣдовалъ: не такъ-ли?

Ипп. Да.

Сокр. А что я-то опять изслѣдовалъ, — нѣтъ. И къ этому относился — каждое само по себѣ и оба. Не такъ-ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. На которой-же сторонѣ, Иппіасъ, кажется тебѣ, прекрасное? на той-ли, которую ты опредѣлялъ? Если то-есть я силенъ и ты, то и оба; если я справедливъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь. Такимъ-же образомъ, если я прекрасенъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь. Или ничто не мѣшаетъ, чтобы, когда оба образуютъ какой-ни-

будь четь, — взятая порознь, они образовали то нечеть, то четь, и чтобы, когда, взятая порознь, они невыразимы, — ставъ въ соединеніи обонми, сдѣлались-то выразимыми, то опять невыразимыми (26), — в такихъ вещей, какъ я сказалъ, носящихся предъ мною, безчисленное множество? Такъ на которой сторонѣ, положишь ты прекрасное? Относительно къ нему не тяжело представляется и тебѣ, что мнѣ? Вѣдь мнѣ кажется большою нелогичностію, что когда оба мы прекрасны, каждый порознь — нѣтъ, или каждый порознь прекрасенъ, а оба — нѣтъ. Равнымъ образомъ и другое подобное. Такъ-ли скажешь, какъ я, или по-прежнему?

Ипп. Такъ и я, Сократъ.

Сокр. И хорошо дѣлаешь, Иппіасъ, чтобы избавиться намъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Вѣдь если прекрасное относится къ этому, то пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ уже не можетъ быть прекраснымъ; потому-что оно чрезъ зрѣніе и слухъ дѣлается пріятнымъ оба, каждое-же порознь нѣтъ. А это, какъ я и ты — согласились, Иппіасъ, было невозможно.

Ипп. Да, согласился.

Сокр. Стало-быть пріятному чрезъ зрѣніе и слухъ нельзя быть прекраснымъ; потому-что иначе, сдѣлавшись прекраснымъ, оно представлялось-бы чѣмъ-то невозможнымъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ вы говорите опять сначала, скажетъ тотъ чужойкъ, потому-что погрѣшали въ этомъ. Что-же такое называете вы прекраснымъ въ обонхъ удовольствіяхъ, ради чего предпочитая ихъ всѣмъ прочимъ, именуете прекрасными? Мнѣ-то кажется необходимо отвѣчать, Иппіасъ, что это — самыя безвредныя и наилучшія изъ удовольствій, берутся-ли они вмѣстѣ,

(26) Понятіа: *выразимый*, *невыразимый* — $\epsilon\lambda\theta\iota\sigma$, $\alpha\iota\sigma\theta\epsilon\tau\iota\sigma$ не то, что у математиковъ величина соразмѣримая и несоразмѣримая, а скорѣе то, что на языкѣ философовъ называется истинною раціональною $\alpha\iota\sigma\theta\epsilon\tau\iota\sigma$, и не раціональною $\alpha\iota\sigma\theta\epsilon\tau\iota\sigma$ или $\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu$.

или пороки. А ты имѣешь сказать нѣчто другое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ; эти удовольствія существенно наилучшія.

Сокр. Стало быть, вы назовете также прекраснымъ и полезное удовольствіе, спросить онъ? — Выходитъ, скажу я, а ты?

Ипп. И я.

Сокр. Но полезное, скажетъ онъ, есть то, что дѣлаетъ добро; а дѣлающее и дѣлаемое, какъ уже было найдено, отличны одно отъ другаго, слѣдовательно, ваше слово не возвращается ли къ прежнему? то-есть, ни доброе не можетъ быть прекраснымъ, ни прекрасное — добрымъ, если то и другое изъ нихъ есть иное. — Всего болѣе, скажемъ мы, Иппіасъ, если только есть у насъ здравый смыслъ. Вѣдь не позволительно не соглашаться, когда говорятъ правильно.

Ипп. Но что же, наконецъ, все это значить, Сократъ? обрывки и обломки рѣчей, раздробленныхъ на малѣйшія части, какъ я прежде сказалъ. Между-тѣмъ прекрасно и весьма цѣнно то, чтобы быть въ-состояніи произнести превосходное слово, либо въ судѣ, либо въ совѣтѣ, либо въ какомъ другомъ правительственномъ собраніи, къ которому могла-бы быть обращена рѣчь, — произнести слово убѣдительное, имѣющее цѣлю принести оратору не маловажную, а величайшую награду, то-есть, спасеніе его самаго, его имущества и друзей. Къ этому надобно стремиться, распрощавшись со всѣми мелочными тонкостями, чтобы не показаться слишкомъ неразумнымъ, позволяя себѣ такія дурачества и такую болтливость, какъ теперь.

Сокр. Ахъ, любезный Иппіасъ! блаженъ ты, что знаешь, чѣмъ долженъ человѣкъ заниматься и уже, говоришь, довольно занимался. А меня, какъ видно, держитъ въ своей власти какая-то сверхъестественная судьба. Я блуждаю и вѣчно въ недоумѣніи. Когда-же свое недоумѣніе открываю вамъ мудре-

цвѣтъ, вы закидываете меня обидными словами, зачѣмъ открытъ его: ибо говорите то-же, что и ты теперь, будто я занимаюсь глупостями, мелочами и ничего не стоящимъ дѣломъ. Но если опять, убѣжденный вами, я говорю то-же, что вы, что, то-есть, гораздо лучше быть въ-состояніи составить и произнести превосходную рѣчь либо въ судѣ, либо въ другомъ какомъ собраніи, то начинаю выслушивать всевозможныя укоризны и отъ другихъ здѣшнихъ гражданъ, и отъ того, всегда обличающаго меня человѣка: ибо онъ весьма близкій мой родственникъ и живетъ въ томъ-же домѣ. Поэтому какъ скоро прихожу къ себѣ домой, и онъ услышитъ, что я это говорю, спрашиваетъ, не стыдно-ли тебѣ смѣть разговаривать о прекрасныхъ дѣлахъ, если, столь явно обличаемый, относительно прекраснаго, ты не знаешь даже того, что есть прекрасное. Какимъ образомъ будешь ты знать, прекрасно-ли кто составилъ свою рѣчь, или нѣтъ, либо какое другое дѣло, когда не знаешь прекраснаго? Если-же ты таковъ,—думаешь-ли, что тебѣ лучше жить, чѣмъ умереть? Итакъ мнѣ приходится, какъ говорю, выслушивать и отъ васъ поношенія, и отъ него укоризны. Но можетъ быть нужно терпѣть все это: ибо нѣтъ ничего страннаго, если отъ этого получу пользу. И въ-самомъ-дѣлѣ, Иппіасъ, я думаю, что бесѣда съ обоими вами мнѣ полезна; кажется, я понимаю, что значитъ пословица: прекрасное — трудно.

Перев. съ Греч. проф. **КАРЛОВЪ.**

И Д Е Я.

(Окончаніе).

Міросозерцаніе Спинозы условлено его стремленіемъ построить философію по методу математической. Когда математикъ построитъ кругъ изъ вращенія линіи около неподвижнаго пункта, то здѣсь причина круга имманентна самому кругу: поэтому здѣсь невозможно различіе между сущностію и явленіемъ; здѣсь опредѣленія всегда падаютъ въ то, чего они суть опредѣленія. У Спинозы міръ подобнымъ образомъ не есть нѣчто внѣ божественной субстанціи; въ истинѣ существуетъ только эта субстанція и ея вѣчныя опредѣленія, которыя впрочемъ, какъ такія, а не шныя, снимаются въ ея безусловномъ единствѣ. Въ созерцаніи Спинозы міръ есть какъ-бы спокойная геометрическая величина, безъ движенія, безъ развитія, безъ жизни; все въ этомъ мірѣ тихо, мертвенно; жизнь всего міра, какую мы знаемъ, привнесена здѣсь въ жертву Богу. Всемогущая сила субстанціи все охватываетъ, все смыкаетъ, не давая существамъ природы дохнуть собственной жизнію и испытать радости и скорби самобытнаго развитія. Если материализмъ мыслитъ дѣйствительность, какъ безусловный потокъ, не сдерживаемый и не управляемый идеею: то для Спинозы эта дѣйствительность есть безусловный покой, который уже поэтому не нуждается въ сдерживающей и управляющей идеѣ. Кто станетъ говорить объ идеѣ круга? Кругъ въ своемъ покойномъ существованіи заключаетъ все, что принадлежитъ къ его понятію; онъ не можетъ ни развиваться, ни усовершаться, онъ не нуждается въ

идеѣ, которая опредѣляла-бы его развитіе. Такимъ образомъ въ истинѣ Спиноза отрицаетъ самое понятіе идеи. Въмѣсто вѣчнаго бытія атомовъ, о которомъ говоритъ матеріализмъ, онъ изъясняетъ явленія изъ *физической* силы безконечной субстанціи. Но для изъясненія дѣйствительности все равно, будетъ-ли эта физическая сила принадлежать одной нераздѣльной субстанціи, или-же она будетъ раздѣлена между множествомъ вѣчныхъ субстанцій: то и другое предположеніе ведетъ къ строго-механическому міросозерпанію. Этотъ отрицательный исходъ философіи идеализма есть не единственное явленіе въ исторіи философіи; намъ придется еще разъ встрѣтить мыслителя, который, выступая изъ идеи, приходитъ въ невольномъ діалектическомъ движеніи къ ея отрицанію. Будемъ однако слѣдить за опредѣленіями идеи внутри Картезіанской школы.

Мильбраншъ уклоняется отъ рѣшительныхъ выводовъ Спинозы, прибѣгая къ христіанскому ученію о *благодати*, которымъ изъясняется для него совмѣстность міра и конечнаго духа съ безпредѣльностью и неограниченностью божественнаго существа. Затѣмъ онъ уже не боится мыслить все тѣла существующими въ божественной безпредѣльности, всѣхъ духовъ содержащими въ божественномъ духѣ. Богъ есть мѣсто міра! Его духъ — мѣсто духовъ; Его безпредѣльность — мѣсто тѣлъ; Его вѣчность — мѣсто времени: въ Богѣ живемъ, движемся и есмы. Посему въ то время, какъ намъ кажется, что мы видимъ чувственными глазами вещи внѣ насъ существующія, солнце и звѣзды на небѣ, растенія и животныхъ на землѣ, въ дѣйствительности мы видимъ все это, все вещи въ Богѣ, какъ ихъ подлинномъ мѣстѣ. Наше отношеніе къ Богу есть первоначальное и непосредственное. Чтобы мы ни познавали и къ чему-бы мы ни стремились, мы познаемъ всегда только Бога, мы стремимся всегда только къ Богу: наша свобода есть блаженная необходимость искать и любить только Бога. Въ этомъ міросозерпаніи идея признается, какъ созерцаемый, противоположный взору ума, предметъ, какъ самая вещь въ ея не поддѣль-

момъ видѣ, существующая въ ея истинномъ мѣстѣ, въ Богѣ. Какъ у Спинозы исчезаетъ представленіе идеи, изъясняющей бытіе, такъ у Мальбранша — представленіе бытія, изъясняемаго идеей. Идея не назначена къ тому, чтобы проливать свѣтъ на другія сущности; она сама есть сущность, есть прямой и ближайшій предметъ нашего познанія: вещамъ, какъ вещамъ, свойственно идеальное существованіе въ Богѣ, и никакое болѣе. Умъ, какъ способность созерцательная, минуешь явленіе; онъ относится прямо и непосредственно къ сущности, къ идѣѣ. Сообразно съ этимъ Мальбраншъ отрицаетъ всякую натуральную дѣятельность въ вещахъ и натуральную или конечную *причинность*. Богъ есть непосредственный дѣятель и непосредственная причина всѣхъ явленій, движеній и перемѣтъ въ конечномъ мірѣ: понятіе *природы* нужно отнести къ вымысламъ язычества, которые не имѣютъ мѣста въ христіанской философіи. Такъ Спиноза, отрицая идею, и Мальбраншъ, полагая идею, приходятъ къ одному и тому-же заключенію касательно отношенія конечнаго міра къ безконечной божественной субстанціи. Французы имѣютъ, конечно, основаніе, если они называютъ Мальбранша христіанскимъ Спинозою.

Дѣйствительнымъ противникомъ Спинозы былъ Лейбницъ, котораго ученіе о безконечномъ множествѣ субстанцій прямо направлено противъ ученія Спинозы объ одной безконечной субстанціи. Опровергая Локкову теорію эмпирическаго происхожденія идей, Лейбницъ самъ подчиняется ея вліянію и видоизмѣняетъ понятіе о врожденности идей сообразно съ началами внутренняго самонаблюденія и внѣшняго опыта. Идеи врождены духу человѣческому не какъ готовыя формы и опредѣленія, изъ которыхъ дѣйствительно могъ-бы образоваться *мысленный столонъ*; но какъ предрасположенія и неразвитыя основы мышленія, которое, по всей справедливости, не выходитъ изъ человѣческую душу отъ внѣшнихъ предметовъ. Такъ-какъ имманентное развитіе идей опредѣляется двумя законами — противорѣчіемъ и достаточнаго основанія, изъ коихъ первый обнимаетъ область

возможнаго; а послѣдній — дѣйствительнаго: то посему область возможнаго также есть предметъ мышленія (а не воображенія, какъ утверждалъ Спиноза), какъ и область дѣйствительнаго; или категорія возможнаго имѣетъ объективное значеніе, какое вообще свойственно мышленію. И такъ, по необходимости мышленія, мы не можемъ разсматривать дѣйствительность, какъ сплошную, крѣпко-сомкнутую массу бытія, которой некуда двигаться, некуда развиваться: есть область возможности, есть мѣсто движенію, жизни и *развитію*. По указаннымъ законамъ мышленіе развивается въ живомъ взаимодействіи съ обытомъ; разлагая сложное на простое и сводя простое къ разумному единству, мышленіе достигаетъ до сознанія идей вѣчныхъ, т.-е., такихъ, которыя имѣя основу въ умѣ Божіемъ, сами служатъ основою всѣхъ вещей въ мірѣ. Идеи, которыя мы сознаемъ не во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ, составляютъ содержаніе ума божественнаго. Наши идеи потому совпадаютъ съ дѣйствительностію, что онѣ однородны съ вѣчными идеями, по которымъ божественный умъ создалъ міръ и все въ мірѣ. Человѣческій умъ отличается отъ божественнаго не качествомъ, а степенью и достоинствомъ, какъ капля отъ океана, какъ свѣтъ возмущенный отъ свѣта чистаго и полнаго. Такимъ образомъ признается первенство мышленія надъ бытіемъ, идеи надъ явленіемъ, и для науки происходитъ требованіе повѣрять явленіе идеей, или разлагать чувственно-данный предметъ до тѣхъ-поръ, пока онъ не совпадетъ съ неизмѣняемыми законами мышленія.

Сообразно съ этимъ требованіемъ, мы не можемъ признать протяженіе сущностию матеріальнаго міра: потому что протяженіе, безразличное ко всѣмъ видамъ явленій, не содержитъ достаточной основы для разнообразныхъ формъ и существъ этого міра, и притомъ, какъ сложное и дѣлшное, оно по-необходимости отсылаетъ мысль къ простому и недѣльному. Не протяженныя субстанціи, но простыя и недѣльныя суть основы тѣлеснаго міра. Эти субстанціи не могутъ обладать

спокойнымъ, пассивнымъ существованіемъ; въ нихъ должна лежать раскрытая дѣйствительность и неразвитая возможность, какъ начало движенія, жизни и развитія, которое предполагаетъ правящую имъ и предопредѣляющую его идею. Схоластики мыслили дѣйствительность, какъ нѣчто, прибавляемое къ возможности, безъ внутренняго перехода отъ послѣдней къ первой. Такимъ-же образомъ и субстанція въ философіи Спинозы есть нѣчто, существующее непосредственно, безъ внутренняго напряженія и влеченія къ существованію. Въ такомъ качествѣ они не могли обнаруживать себя, какъ субстанція, для этого требуются два условія: во-первыхъ, она должна имѣть противъ себя бытіе, которое она могла-бы отрицать и противъ котораго могла-бы поддерживать и обнаруживать свою самостоятельность, а это предполагаетъ множество субстанцій; во-вторыхъ, она не должна быть ни простая возможность, ни готовая дѣйствительность, но *длительная сила* (*vis activa*), которой свойственно внутреннее стремленіе къ самоположенію, къ переходу изъ возможности въ дѣйствительность. Субстанція есть величина не *экстенсивная*, но *интенсивная*; все ея существо напряженно, состоитъ въ стремленіяхъ и порывахъ. Эти свойства предполагаютъ въ субстанціяхъ два дѣятельныя направленія: положеніе и отрицаніе, дѣйствительность и возможность, бытіе развитое и неразвитое; или — субстанціи свойственна сила расширяющая и сжимающая, движущая и сдерживающая, безконечность и граница, дѣятельность и страданіе. Субстанція есть сила *дѣйствовать* и *страдать*; а такъ-какъ страданіе есть въ истинѣ дѣятельность, только идущая въ обратномъ направленіи, то самая матеріальность вещей, которою обозначается для нашихъ чувствъ страдательное состояніе субстанцій, есть производный феноменъ, условленный дѣятельностію и состояніемъ въ себѣ нематеріальной субстанціи. Безконечное и конечное, положеніе и отрицаніе, дѣйствительность и возможность, безпредѣльность и предѣлъ, не суть такія опредѣленія, которыя были-бы несовмѣстны между со-

бою, какъ это утверждалъ Спиноза; напротивъ, эти опредѣленія составляютъ необходимые моменты всякой субстанціи.

Два вида дѣятельности субстанцій суть въ истинѣ то-же, что въ душѣ представленія и стремленія, Каждая субстанція есть простой духовный индивидуумъ, обладающій представленіями и стремленіями. Къ этой мысли о духовности субстанцій можно притти удобнѣе, рассматривая Картезіанское положеніе: *cogito ergo sum*. Въ этомъ положеніи мышленіе и бытіе, понятіе и воззрѣніе совпадаютъ въ одинъ нераздѣльный актъ. Но бытіе, совпадающее здѣсь съ мыслию, есть духовный индивидуумъ, имѣющій способность представленія и воли. Отсюда, вообще, только духовный индивидуумъ, надѣленный представленіями и стремленіями, есть дѣйствительность неподдѣльная, довѣряющая неизмѣняемымъ требованіямъ мышленія. Всѣ другіе виды дѣйствительности, поколику они не тождественны съ мышленіемъ, не суть первоначальныя; они обладаютъ бытіемъ феноменальнымъ. Что значитъ существовать? Что значитъ обладать жизнью? — Объ этомъ мы знаемъ только по нашему внутреннему опыту: мы испытываемъ, мы ощущаемъ существованіе и жизнь; мы познаемъ, мы проживаемъ внутри насъ то, что называется бытіемъ, дѣйствительностію, существованіемъ. И такъ, здѣсь внутри насъ мы находимъ и познаемъ подлинное бытіе: это бытіе есть духъ. Для духа всякое существо должно быть духовно; другой субстанціальности, кромѣ духовной, мы не можемъ сдѣлать предметомъ нашего знанія и мышленія; духъ, какъ духъ, не можетъ, такъ-сказать, войти въ положеніе недуховной, напримѣръ, протяженной субстанціи, онъ не можетъ испытать и познать, что въ ней собственно дѣйствительнаго и жизненнаго. И такъ, будемъ-ли мы познавать существа конечнаго міра, или существо безконечное, вездѣ, по необходимости мышленія, мы должны признать первоначальную сущность, какъ духовный индивидуумъ, обладающій представленіями и стремленіями.

Въ такомъ видѣ представляется дѣйствительность, если по-

нимать ее во свѣтъ дая, и если отрѣшится отъ нея то, что съзнается нами въ смѣшанныхъ и темныхъ представленіяхъ. Вселенная не есть одиная сущность: она есть согласное общество духовъ или душъ; каждое существо живетъ въ ней своими собственными силами; каждый атомъ наслаждается въ ней ощущеніемъ самостоятельной, эмергической, внутренней жизни. Какъ субстанція проста или есть *monade*, то внѣшній міръ не можетъ проникать въ нее и стѣснять ея развитіе. Но какъ при этомъ она есть сущность представляющая, то весь міръ содержится въ ней идеальнымъ образомъ. Каждая монада есть живое зеркало вселенной; какъ она отображается во всемъ, такъ все отображается въ ней: въ состояніяхъ этого малѣйшаго атома можно-бы прочесть все прошедшее и будущее міра. Такъ-какъ монада есть наконецъ индивидуумъ, имѣющій особенности, которыхъ нельзя найти въ цѣломъ окружающемъ его мірѣ, то въ каждой монадѣ отражается весь міръ вождь особеннымъ угломъ зрѣнія; въ другой монадѣ тотъ-же міръ дѣлается другимъ міромъ: одинъ міръ есть вмѣстѣ безконечное множество міровъ. Это присутствие монады во всемъ мірѣ и всего міра въ монадѣ, это безконечное разнообразіе при совершеннѣйшемъ единствѣ даетъ идею безусловной гармоніи міра и его безусловной цѣли. Не механическіе толчки, не притяженія и отторженія управляютъ судьбами міра, а связи и отношенія всецѣло идеальныя, которыя предполагаютъ совершеннѣйшую цѣлесообразность, существующую въ мірѣ.

Природа представляетъ восходящую лѣстницу живыхъ и одушевленныхъ существъ; каждая новая ступень въ этой лѣстницѣ есть высшее развитіе положительной силы монады и большее ограниченіе силы отрицательной, или каждая новая ступень есть выраженіе большей энергіи, болѣе развитаго состоянія и большей духовности монады. Отъ мнимо-мертваго царства неорганическаго, гдѣ духовная монада какъ-бы погружена въ глубокой сонъ, который не прерывается грезами, до бодрственнаго состоянія монады въ человѣческомъ духѣ мы

видимъ постепенное препобѣжденіе страдательности; ограниченности и матеріальности въ монады; постепенный переходъ неразвитаго, связаннаго бытія въ развитое и свободное, возможнаго въ актъ, конечнаго въ безконечное. Человѣческій духъ отличается отъ низшихъ существъ тѣмъ, что онъ сознаетъ необходимыя и вѣчныя истины; слѣдовательно на этой ступени монада приходитъ къ своему истинному содержанию; здѣсь она обладаетъ въ развитомъ видѣ тѣмъ, что составляетъ ея существо, какъ и существо всего міра; здѣсь само феноменальное бытіе есть непосредственно бытіе идеальное. Но такимъ образомъ цѣлая система монадъ и постепенное развитіе ихъ до акта и идеальнаго образа существованія предполагаетъ монаду, какъ актъ безусловный, актъ чистый, съ котораго снята всякая ограниченность, всякая страдательность. Такая монада есть Богъ, который, поэтому, мыслится нами, какъ чистый духъ. Въ существѣ Его мы напрасно искали бы представителя матеріальности и протяженности тѣлеснаго міра. Переходъ отъ конечнаго къ безконечному есть логическое движеніе мысли отъ несовершеннаго къ совершенному, — такъ что мысль движется при этомъ внутри одною и того-же содержанія, — духовной, дѣятельной монады. Субстанція первоначальная содержитъ *эманентно* совершенство, заключающіяся въ субстанціяхъ производныхъ. Богъ есть достаточная основа міра, основа его гармоніи и тѣлесообразности. Божественное творчество не противорѣчитъ самобытности монады; оно не предполагаетъ перелома или превращенія духовной идеи въ матеріальное бытіе; оно не требуетъ, чтобы идея измѣнилась или стала *инобытіемъ*, чтобы она *отчуждилась* отъ своей собственной духовной сущности, потому что всякое бытіе въ истинѣ духовно и идеально. Идея, какъ сущность вещи, не подлежитъ произволу или неограниченной волѣ Божіей; метафизическая сущность вещи вѣчна, какъ вѣченъ содержащій ее божественный умъ. Божественная воля ограничивается въ актѣ творчества вѣчными идеями: а идея, чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ

богѣ стремится къ дѣйствительному самоположенію въ бытіи, тѣмъ энергичнѣе полагаетъ она свою *метафизическую* сущность въ дѣйствительность *физическую*. Посему Богъ хочетъ творить и творить міръ *камычій* изъ возможныхъ. Свобода божественной воли и ея необходимое опредѣленіе чрезъ идею совпадаетъ въ актѣ творчества.

Мы не станемъ входить въ нѣкоторыя неопредѣленности и колебанія, которыя встрѣчаются въ ученіи Лейбница объ отношеніи Бога къ міру. Для насъ замѣчательно рѣшительное значеніе, какое даетъ Лейбницъ идеѣ и идеальному элементу въ составѣ и исторіи міра. Идея есть *метафизическая* сущность вещи; вещь въ своей истинной натурѣ идеальна; она дѣйствуетъ по идеальному началу представленія; она относится къ цѣлому міру идеально. Чтобы изъяснить исторію міра, нѣтъ нужды полагать внѣ идеи *какой* элементъ, *μῦθός* Платона, или *δύναμις* Аристотеля, нѣтъ нужды отрицать самую эту исторію и ея возможность, какъ это сдѣлалъ Спиноза, наконецъ нѣтъ нужды допускать внутри самой идеи непонятное превращеніе ея духовнаго бытія въ *мысль*. Разности возможнаго и дѣйствительнаго, которыми обуславливается движеніе, развитіе и жизнь міра лежатъ внутри идеи. Идея, какъ мыслимая, метафизическая сущность вещи, полагаетъ себя въ бытіи по мѣрѣ своей цѣлесообразности, или она есть дѣйствительное бытіе по мѣрѣ того, какъ она входитъ въ конечную цѣль міра. Все цѣлесообразное дѣйствительно, и все дѣйствительное цѣлесообразно. Міръ подчиненъ не одному логическому началу *мыслимости*, но и метафизическому началу *цѣлесообразности*. Законы природы имѣютъ въ законахъ нравственныхъ свой конецъ и завершеніе. Въ развитіи міра изъ его вѣчныхъ основъ не общее *обособляетъ* себя посредствомъ ограниченій и отрицаній, но первоначальная, индивидуальная жизнь выступаетъ все съ большей и большей духовной энергіей: самое начало ограниченія и отрицанія, свойственное конечной монадѣ, не лежитъ внѣ идеи, какъ что-то нерациональное; напротивъ,

оно опредѣлено вѣчными истинами, оно требуется вълессообразнымъ положеніемъ монады въ системѣ міра. Посему монада во всѣхъ отношеніяхъ есть нѣчто совершенно-положительное. Каждая монада имѣетъ противъ себя монаду-же; итакъ въ самыхъ противоположеніяхъ совершается въ истинѣ положеніе одной и той-же духовной сущности; ограниченіе и отрицаніе, присущее монадѣ, такимъ образомъ снимается и становится положительной стороной въ цѣлостной системѣ міра. Такъ неотрѣцимо, такъ глубоко каждое существо носитъ въ себѣ зачатки безконечной жизни! Монада носитъ въ своемъ лонѣ весь міръ, всю безкомещную дѣйствительность; не смотря на свою индивидуальность, она есть сущность *общая*, опредѣляемая общею цѣлію міра. Индивидуальная дѣятельность монады есть вмѣстѣ выраженіе міровой вълессообразности. Примиреніе общаго съ частнымъ не требуетъ уничтоженія личности и особенноти отдѣльныхъ существъ. Все въ мірѣ наслаждается чувствомъ удѣльной и самостоятельной жизни, и это чувство не есть однакожь *эгоистическое*, противное общему благу міра; именно въ немъ, въ этомъ живомъ чувствѣ самобытности, лежитъ основа для содѣйствія общему благу, лежитъ влеченіе къ осуществленію общей цѣли. Служеніе и повиновеніе раба было-бы разрушительно для общаго дѣла.

Картезіанская философія утверждалась на предположеніи, что, если внѣдній оцытъ раждаетъ въ насъ представленія, не выражающія дѣйствительной природы вещей, то за то во внутреннемъ опытѣ, внутри самосознанія мышленіе и бытіе встрѣчаются другъ съ другомъ. Изъ этого твердаго пункта мысль могла, посредствомъ прирожденныхъ идей, выступить въ міръ объективный и вступить въ міръ божественный. Но тверды-ли этотъ самый пунктъ? и достаточно-ли посредничество прирожденныхъ идей, чтобы выступить мышленію изъ тѣснаго психическаго круга въ міръ объективный? Отвѣчать на эти вопросы есть задача *критики чистаго разума*. Кантъ рѣшилъ эту задачу такъ, что опредѣленіе и понятіе идеи встрѣтило затрудненія, о

конхъ доселѣ не знало человѣческое мышленіе. Древніе признавали первоначальную объективность мышления. Такъ Платонъ въ своемъ предположеніи о *вспоминаемыхъ* идеяхъ выражаетъ ту-же мысль, какую опредѣленно высказываетъ Аристотель въ ученіи объ умѣ, *входящемъ* совнѣ. И это ученіе имѣло столь рѣшительный смыслъ, что у Платона умъ существуетъ по силѣ идеи, у Аристотеля мышленіе существуетъ по силѣ мыслимаго. Картезианцы признавали мышленіе дѣятельностію человѣческаго духа: однако эта, первоначально субъективная, дѣятельность, встрѣчаясь внутри самосознанія съ подлиннымъ бытіемъ и опредѣляясь прирожденными идеями, могла выступать въ міръ объективный, могла уловлять въ свои формы чистую, ненодѣльную дѣйствительность. Переходъ отъ первоначальнаго психическаго достоинства мышленія къ его метафизическому значенію былъ довольно легокъ: требовалось только имѣть понятія ясныя и раздѣльныя, чтобы сознать въ нихъ и чрезъ нихъ вещь, какъ она естъ въ истинѣ. Кантъ приходитъ къ убѣжденію, что мышленіе не имѣетъ никакихъ средствъ выступать изъ своей психической ограниченности въ міръ объективный: на концѣ своей работы оно имѣетъ тотъ-же недостатокъ субъективности, съ какимъ оно начинаетъ работу. Напрасно Картезианцы думали, что во внутреннемъ самовозрѣніи мысль встрѣчается лицомъ къ лицу съ бытіемъ. Ни во вѣншемъ, ни во внутреннемъ опытѣ, въ цѣломъ, мірѣ нѣтъ такого пункта, гдѣ-бы мысль застала предметъ въ его подлинной, объективной натурѣ. Въ моментъ встрѣчи съ предметомъ мысль налагаетъ на него свои собственные формы, предметъ, какъ только встрѣчается съ мыслию, перестаетъ быть предметомъ и дѣлается *представленіемъ*. Когда мы говоримъ, что наше познаніе соответствуетъ предмету, то здѣсь предметъ не есть нѣчто лежащее внѣ познанія, съ чѣмъ могли-бы мы сравнивать это познаніе: ибо то, что лежитъ внѣ познанія, — какъ это понятно само собою, — неизвѣстно намъ и слѣдовательно не можетъ быть такимъ предметомъ, съ ко-

торымъ мы могли-бы сравнивать наше познаніе. Итакъ самый предметъ, которому должно соотвѣтствовать наше познаніе, есть не что иное, какъ наше-же познаніе: такъ-что этимъ выраженіемъ обозначается только необходимость, лежащая въ мышленіи, — признать нѣчто, какъ предметъ. Такимъ образомъ вещь, предметъ есть *феноменъ* познанія, внѣ котораго эта вещь, этотъ предметъ есть нѣчто для насъ совершенно-неизвѣстное. Вмѣсто истиннаго, дѣйствительно-существующаго міра, мы вездѣ встрѣчаемъ міръ, какъ *представленіе*. Таковъ истинный смыслъ выраженія, что мы можемъ познавать *только* *явленія*. Пренніе философы имѣли самое смѣшанное понятіе о явленіи. Они противопоставляли явленіе сущности, которая рождастъ это явленіе, и забывали, что для возможности явленія необходимо предположить другое существо, въ которомъ находится истинное мѣсто этого явленія. Имъ казалось, что изъ глубины невѣдомой сущности возникаетъ явленіе, напримѣръ, блескъ, который существуетъ, прежде чѣмъ существуетъ глазъ, въ которомъ этотъ блескъ собственно могъ-бы произойти. Въ истинѣ все являющееся, все кажущееся существуетъ только въ томъ субъектѣ, которому оно является, или кажется. Міръ, какъ явленіе, имѣетъ свое подлинное мѣсто въ замѣчающемъ субъектѣ и нигдѣ болѣе. Внѣ этого субъекта онъ былъ-бы *вещь въ себѣ*, обладалъ-бы бытіемъ не поддѣльнымъ, а дѣйствительнымъ. Изъ предыдущаго однакожъ видно, что эта *вещь въ себѣ* навсегда останется для насъ неизвѣстною.

То, что называется матеріею познанія или его предметомъ, суть наши субъективныя ощущенія, напримѣръ свѣта, звука, тепла, холода и т. п., слѣдовательно наши внутреннія состоянія и видоизмѣненія. То, что называютъ формою познанія, суть опредѣленные и законмѣрные способы дѣйствованія субъекта по поводу его собственныхъ состояній и видоизмѣненій. По мѣрѣ того, какъ показанныя психическія состоянія и видоизмѣненія субъекта сводятся къ опредѣленному существу въ его-же формахъ, или по его-же внутреннимъ законамъ, про-

исходить вмѣстѣ и нераздѣльно познаніе предмета и предметъ; такъ-что не бытіемъ предмета, напередъ даннаго, условливается происхожденіе познанія, но происхожденіемъ познанія изъ показанныхъ субъективныхъ элементовъ; условливается для нашего сознанія бытіе предмета. Формы или способы дѣятельности субъекта по поводу ощущеній прежнее философы называли объективными идеями, въ которыхъ, будто, открывались намъ непосредственно и внутренно та или другая часть міра и въ которыхъ мышленіе будто познавало вещи въ себѣ. Но это предположеніе столь-же неосновательно, какъ еслибы кто сказалъ, что законы пищеваренія имѣютъ объективное существованіе внѣ желудка, переваривающаго пищу, или что самымъ предметамъ свойственны углы зрѣнія, подъ которыми глазъ видитъ эти предметы. Категоріи мышленія суть субъективныя формы или дѣятельности, въ которыхъ сравниваются и соединяются многоразличныя субъективныя ощущенія. Такъ, наприкладъ, *причинность*, *субстанціональность* всегда предполагаютъ нѣкоторыя данныя, которыя мы могли-бы сравнивать и поставятъ во взаимное отношеніе. Самы въ себѣ, какъ категоріи, онѣ не содержатъ никакого знанія.

Отсюда слѣдуетъ, что если внутри опыта возможно субъективное знаніе, т.-е. знаніе явленій: то внѣ опыта, или тамъ, гдѣ нѣтъ данныхъ для мышленія, знаніе вовсе невозможно. Человѣкъ можетъ двигаться съ своимъ знаніемъ въ мірѣ явленій, который отдѣленъ рѣзкою чертою субъективности отъ міра подлинныхъ вещей; а для познанія этого міра подлинныхъ вещей, міра сверхчувственнаго, онъ не имѣетъ никакихъ условій.

Если Картезианцы предполагали, что мышленіе можетъ выступить до объективныхъ опредѣленій, свойственныхъ предмету; то Кантъ утверждаетъ, на-оборотъ, что предметъ не можетъ выступить изъ субъективныхъ опредѣленій, свойственныхъ мышленію. Поколикъ мы познаемъ міръ, онъ есть явленіе, основа котораго лежитъ въ немъ. Поколикъ міръ обла-

даетъ истиннымъ бытіемъ; есть вещь въ себѣ, онъ остается навсегда останется недоступнымъ для нашего познанія. Мышленіе и бытіе такъ расходятся, что тамъ, гдѣ есть знаніе, нѣтъ бытія, а гдѣ есть бытіе — нѣтъ знанія.

Послѣ этого Фихте хочетъ быть только послѣдовательнымъ, если онъ утверждаетъ, что міръ полагается и существуетъ чрезъ я, въ я и для я. Кантово предположеніе *вещи въ себѣ* не имѣетъ никакихъ основаній. Справедливо, что мы имѣемъ представленіе о бытіи или о томъ, что нѣчто существуетъ. Но такъ-какъ наша мысль не встрѣчается съ бытіемъ ни въ одномъ пунктѣ, то это представленіе есть продуктъ мышленія, а не бытія: по необходимой, законѣрной дѣятельности мышленія мы полагаемъ ничто, какъ предметъ, какъ бытіе; слѣдовательно это представленіе предмета, бытія, міра, какъ чего-то объективнаго; есть представленіе субъективное. Признавать *вещь въ себѣ*, какъ объективную основу нашихъ ощущеній, значитъ вносить въ теорію знанія неразрѣшимое противорѣчіе: во-первыхъ, этимъ мы предположили-бы въ нашемъ духи нѣкоторое значеніе о *вещи въ себѣ*, которая, какъ доказано, безусловно неизвѣстна; во-вторыхъ, какъ *вещь въ себѣ* есть нѣчто внѣ мышленія, то этимъ мы допустили-бы представленіе о вещи, о которой собственно нельзя имѣть никакого представленія.

Когда наша рука движется и въ своемъ движеніи встрѣчаетъ препятствіе, то мы изъ этого заключаемъ о присутствіи внѣшняго предмета. Однакожь это препятствіе, испытываемое рукою, есть состояніе самой руки, оно существуетъ и заключается въ рукѣ; это препятствіе есть въ свою очередь движеніе руки, только совершающееся въ иномъ направленіи. Такъ точно, если мышленіе встрѣчаетъ въ своемъ движеніи препятствіе, чувствуетъ себя задержаннымъ и связаннымъ, то отсюда нельзя заключать о присутствіи чего-то посторонняго для мышленія, о существованіи независимаго отъ мысли, объективнаго бытія: потому-что это препятствіе есть опять со-

стояніе самаго мышленія, существуетъ и замѣчается въ мышленіи; оно есть движеніе мышленій, только совершающееся въ обратномъ направленіи. Такъ не основательно, такъ непонятно обычное предположеніе предмета, противолежащаго мышленію. Міръ полагается и существуетъ въ я, чрезъ я и для я.

Мы не входимъ въ ближайшее разсмотрѣніе философіи Фихте и оканчиваемъ замѣчаніемъ, что изъ его началъ возникаетъ для философіи задача неизмѣримой тяжести, — задача, которая не представлялась сознанію прежнихъ философовъ даже и въ полусвѣтъ. Философія не должна относиться къ готовому данному содержанію: мышленіе не имѣетъ предъ собою никакого предмета, о которомъ-бы оно мыслило; изъ себя, изъ собственной дѣятельности оно должно развить, положить и построить содержаніе знанія, весь міръ съ его безконечнымъ разнообразіемъ и въ его отношеніяхъ къ челѣвѣку и Богу. Гегель — и онъ одинъ — понялъ и принялъ, какъ исходную точку философіи, это ученіе о мышленіи, которое не знаетъ никакого предмета, кромѣ собственной дѣятельности.

И такъ мы имѣемъ основаніе перейти непосредственно отъ Фихте къ Гегелю. Если Шеллингъ избираетъ для изясненія дѣйствительности поочередно два исходные пункта — то мышленіе, полагающее себя въ бытіи, то бытіе, развивающееся до мышленія; если для него основа бытія и знанія лежитъ въ нераздѣльномъ единствѣ или тождествѣ идеальнаго и реальнаго; если наконецъ этотъ мыслитель говоритъ объ умственномъ *созрѣваніи*, которое помогаетъ мышленію признать объективное бытіе: то въ этомъ направленіи Шеллингъ примираетъ двѣ метафизическія точки зрѣнія, изъ коихъ одна — первоначальное признаніе бытія — принадлежитъ прежнему до Кантавскому развитію философіи. Этимъ опредѣляются вообще какъ достоинства, такъ и недостатки Шеллинговой философіи: *достойнства* — потому что мы должны напередъ надѣяться, какъ и дѣйствительно находимъ, что она есть самый обширный философскій синтезъ, какой только возможенъ для мысли-

тедѣ, обладающаго двумя борющимися въ исторіи человѣчества воззрѣніями — идеальнымъ и реальнымъ; *недостатки* — потому что эти два воззрѣнія, какъ показалъ вѣковой опытъ, не поддаются такому аналитическому единству, которое опредѣляло-бы стройный ходъ системы съ логическою необходимостію. Этой необходимости развитія мы не находимъ въ философіи Шеллинга; его идеи рождаются то какъ продуктъ творческаго гения, которому тѣсно на узкой логической дорогѣ, то какъ слѣдствіе религиозно-воодушевленнаго сознанія, которое знаетъ больше, чѣмъ обычная человѣческая наука. Мы не говоримъ, чтобы Шеллингъ не внесъ нѣкоторыхъ особенностей въ опредѣленіе идей; мы только утверждаемъ, что эти особенности не проходятъ рѣзкою и неизмѣняемою чертою въ его міросозерцаніи, что онѣ часто уступаютъ мѣсто такимъ опредѣленіямъ, которыя входятъ въ систему чисто-*синтетически*, безъ ясной связи съ предшествующими положеніями.

Для Гегеля философія тѣмъ отличается отъ другихъ наукъ, что она не имѣетъ готоваго, напередъ даннаго содержанія: она выводитъ или построяетъ а priori изъ чистаго мышленія, какъ бытіе предмета, такъ и его опредѣленія. Только духъ феноменальный, не развитый до своей истинной природы, знаетъ объ этой мнимой противоположности между мышленіемъ и бытіемъ, полагаетъ противъ себя міръ, какъ данное внѣ и прежде мысли. Въ безусловной мысли противоположность между предствленіемъ и предметомъ, знаніемъ и познаваемымъ бытіемъ снимается въ тождествѣ или единствѣ, и притомъ такъ, что вещь, предметъ, бытіе выводится изъ мысли, какъ ея моментъ, какъ ея опредѣленіе. Философія есть наука о мышленіи, по силу оно есть все бытіе въ идеѣ (въ истинѣ). Если эти положенія указываютъ на зависимость воззрѣній Гегеля отъ теорій Фихте, который разрѣшилъ предметъ знанія въ процессъ знанія; то, съ другой стороны, въ нихъ тождество мысли и бытія оворѣдено нѣсколько иначе въ сравненіи съ понятіями объ этомъ предметѣ прежняго идеализма. У Картезіанцевъ это

тожество было изъясняемо такъ, что движеніе чистой *a-приорной* мысли идетъ въ тактъ съ движеніемъ бытія, или что процессъ логическій покрывалъ собою процессъ реальный. Такъ, напримѣръ, Спиноза говоритъ, что слѣдствія, которыя вытекаютъ логически изъ понятія треугольника, существуютъ, какъ свойства въ дѣйствительномъ треугольникѣ. Поэтому всегда оставалось различіе между идеей (*idea*) и ея предметомъ (*ideatum*), между мышленіемъ и бытіемъ. У Гегеля это различіе невозможно. Идея, чистая мысль, есть абсолютное: бытіе и всѣ его опредѣленія суть моменты, содержащіеся въ идеѣ и выступающіе изъ идеи съ логическою необходимостію. Отсюда получаемъ первое характеристическое опредѣленіе, что абсолютное есть *логическая идея*, т.-е. такая *общность*, которая содержитъ въ своемъ единствѣ, какъ логическіе моменты, всѣ разности, особенности и опредѣленія мышленія и бытія. Абсолютное есть *тождественная съ собою мысль*, которая, заключая въ себѣ всѣ опредѣленія мышленія, съ этимъ самымъ непосредственно содержитъ въ себѣ всѣ опредѣленія бытія: потому-что бытіе есть мышленіе. Въмѣсто обыкновеннаго различія между *сущностью и явленіемъ*, мы должны говорить о различіи между *мышленіемъ и явленіемъ*: потому-что мышленіе наполняетъ ту область истиннаго бытія, которая прежде была наполняема сущностями, субстанціями, монадами и т. д. Эти послѣднія замѣчанія показываютъ, что общая логическая идея не есть общность *отвлеченная*, *безсодержательная*; она есть общность *конкретная*, которая содержитъ въ себѣ примерными всѣ разности и противоположности мышленія и бытія. На первый разъ можно-бы подумать, что такова была и Платоническая идея: потому-что и эта идея не была отвлеченная, и она обладала всею полнотою содержанія и она носила въ себѣ подчиненныя разности и опредѣленія всего существующаго. Однако опредѣленіе Гегелево имѣетъ ту особенность, что разности и противоположности бытія и мышленія содержатся въ общей идеѣ *снятыми* и *примиренными*; а это предполагаетъ

внутри идеи движение и развитие, въ которомъ эти разности, *сжимаясь, примиряясь*, входятъ въ идею, какъ ея конкретное содержаніе. И такъ мы не должны мыслить общую логическую идею, какъ спокойную сущность, которая сразу и непосредственно обладаетъ развитымъ содержаніемъ. Идея есть *логическій*, или, правильнѣе, *діалектическій процессъ*; только въ этомъ процессѣ абсолютное имѣетъ свою подлинную жизнь, свое истинное бытіе и свою существенную, неизмѣняемую форму: всѣ другіе виды его откровенія суть измѣнчивые, несамостоятельные моменты въ этомъ процессѣ. Въ то время, какъ другія опредѣленія абсолютнаго полагаются, отрицаются и примиряются, чтобы отсюда опять начать новую жизнь и встрѣтить новую-смерть, одинъ этотъ *діалектическій процессъ* идеи остается неизмѣннымъ и постояннымъ среди переиѣнъ рожденія и смерти, и поэтому онъ есть собственно-абсолютное, или абсолютное въ его подлинномъ, первоначальномъ и самомъ существенномъ видѣ.

Эти опредѣленія идеи такъ новы и такъ важны для нашей цѣли, что мы постараемся еще разъ обзрѣть ихъ.

Для Гегеля, какъ и для многихъ философовъ прошедшаго времени, абсолютное есть *общая сущность явленій*, т.-е. всего того, что мы знаемъ во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ. Эта общая сущность явленій есть не бытіе, не субстанція, не монада, не духъ, а мышленіе съ собою *тождественное*. Однако самое тождество мышленія не есть покой, не есть форма бытія неподвижная, всегда себѣ равная: тождественное съ собою мышленіе, которое составляетъ общую сущность явленій, есть діалектическій процессъ. Какъ однакожь возможно мышленію быть тождественнымъ съ собою и вмѣстѣ находиться въ безпокойномъ діалектическомъ процессѣ? Спиноза сказалъ: *omnis determinatio est negatio* и, сообразно съ этимъ началомъ, заключилъ, что тождественная съ собою безконечная субстанція не можетъ выступать въ явленіе, что ей несвойственно движенье, развитие и откровеніе въ конечномъ и посредствомъ конечна-

го: потому-что всё эти опредѣленія были-бы отрицаніями первоначальнаго тождества безконечной субстанціи. Но если опредѣленіе и неразлучное съ нимъ отрицаніе полагается и отрицается, то субстанція въ этихъ двухъ актахъ не теряетъ своего тождества: потому-что, если положеніе конечнаго опредѣленія нарушаетъ ея тождество, то снятіе того-же опредѣленія возстановляетъ его. Только очевидно, что эта субстанція не есть уже покоящая ея сущность, а дѣятельное мышленіе, которое, то полагая, то снимая частныя, конечныя опредѣленія, вѣчно возстановляетъ и удерживаетъ свое тождество среди безпокойствъ діалектическаго процесса. Отсюда-же дѣлаются понятныя законы этого діалектическаго процесса, который составляетъ подлинную жизнь абсолютной идеи. Изъ чистаго мышленія выступаетъ съ необходимостію логическою опредѣленіе или категорія, которая въ своей отдѣльности есть необходимо мысль о конечномъ или мысль конечная, приводящая къ нашему сознанію сущность того или другаго частнаго явленія; какъ мышленіе есть общая сущность явленій, такъ частныя опредѣленія мышленія суть частныя сущности явленій, или, что то-же, всякое опредѣленіе, выступающее изъ частнаго явленія, есть, какъ сказано, категорія конечная. Но такая категорія, уже потому, что она есть конечная, имѣетъ противъ себя другую конечную категорію, имѣетъ свою противоположность, которая и сознается нами въ этомъ качествѣ. Собственно діалектическій процессъ состоитъ въ томъ, что эти противоположности не стоятъ равнодушно одна къ другой; онѣ переходятъ одна въ другую, такъ-что только третья категорія, какъ ихъ единство, въ которомъ двѣ первыя существуютъ не по своей непосредственной натурѣ, но снятыми и примиренными, обладаетъ истинною и высшимъ достоинствомъ въ судьбахъ абсолютной идеи. Этотъ законъ положенія, отрицанія и отрицанія отрицанія есть неизмѣняемый законъ діалектическаго процесса, которымъ живетъ абсолютное. Спиноза училъ, что изъ безконечнаго слѣдуетъ или происходитъ только безконечное въ безко-

вечныхъ видахъ. По Гегелю, напротивъ, безконечное полагаетъ только конечное, и уже поэтому оно въ тотъ-же нераздѣльный моментъ снимаетъ или отрицаетъ свое собственное положеніе. Этимъ слишкомъ достаточно изъясняется измѣнчивость и текучесть вещей и явленій этого конечнаго міра; но также отсюда видимъ, что абсолютное есть не что иное, какъ форма или законъ, который завѣдываетъ и управляетъ этою текучестію и измѣнчивостію. Мы не можемъ представлять это абсолютное подъ мистическимъ образомъ *бездны*, изъ которой возникаютъ и въ которую возвращаются явленія міра; не можемъ также сознать его подъ логическимъ образомъ *носителя* явленій, который обладалъ-бы нѣкоторою независимостію или нѣкоторымъ особеннымъ содержаніемъ, не входящимъ въ потокъ явленій. Жизнь абсолютнаго болѣе проста, болѣе прозрачна, чѣмъ это казалось прежнимъ философамъ. Абсолютное обращено всецѣло къ міру явленій: оно обладаетъ существованіемъ формальнымъ, какъ логическое понятіе, какъ логическая закономерность, какъ ритмическое движеніе происходящихъ, смѣняющихся и исчезающихъ явленій. Тѣмъ не менѣе въ истинѣ существуетъ только идея, какъ діалектическій процессъ положенія и снятія всѣхъ конечныхъ опредѣленій мышленія и бытія. То, что субстанціально въ вещахъ, есть не спокойный образъ вещей, но эта вѣчная ихъ перемѣна, эта нужда происхожденія, измѣненія и исчезновенія. Вещь въ своей непосредственности не есть нѣчто существенное; она обладаетъ истиннымъ бытіемъ потолику, поколику ея непосредственность снимается, поколику она входитъ въ безпокойный процессъ идеи, какъ ея моментъ, какъ одно изъ ея несамостоятельныхъ и текучихъ опредѣленій. Если по Лейбницу индивидуальность есть существенная форма вещей, то для Гегеля общее есть то, что суть *собственно вещи*, индивидуальное есть нѣчто не разумное въ вещахъ, немислимое, существующее только для феноменальнаго духа. Здѣсь уже видимъ, какую тяжесть должна пасть эта идея на феноменальную дѣйствительность. Сама въ себѣ, въ

своей внутренней жизни, идея такъ бѣдна, что безъ постоянныхъ приношеній и жертвъ со-стороны феноменальнаго міра она не обладала-бы внутреннимъ богатствомъ. Субстанція Спинозы вовсе не выступаетъ въ область конечнаго. Идея въ философіи Гегеля всегда полагаетъ конечное, но не съ тѣмъ, чтобы она желала ему жизни и добра, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его несамостоятельнымъ моментомъ своего внутренняго діалектическаго процесса. Этотъ внутренній (имманентный) діалектический процессъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ интересы, всѣ стремленія идеи, и никакая другая жизнь не входитъ въ ея расчеты. Если по Платону Благо даетъ бытіе міру сообразное съ идеей, вслѣдствіе богатства и переполненія своего внутренняго содержанія: то по Гегелю это событіе дается міру не для міра, а для идеи; оно возникаетъ не изъ полноты, которая лежитъ въ безконечномъ, а изъ нужды, которая влечетъ безконечное полагать конечныя опредѣленія, чтобы чрезъ снятіе ихъ восполнять свою собственную, внутреннюю жизнь.

Чтобы изъяснить эту немощь безконечной идеи, которая не можетъ надѣлать существа конечнаго міра самостоятельную жизнь, не можетъ дать имъ пожить для себя, имѣть и преслѣдовать свои частныя интересы и цѣли, мы должны еще разъ всмотрѣться въ эти замѣчательныя положенія, что абсолютное, какъ общая сущность вещей, есть *логическая* идея и что оно есть *діалектический процессъ*.

Выраженіемъ *логическая идея* отрицается представленіе объ идеѣ, которая будетъ-ли врождена человѣческому духу или созерцаема имъ въ умѣ божественномъ, носила-бы въ себѣ гораздо обильнѣйшее содержаніе, чѣмъ сколько можно познать и добыть логическимъ анализомъ явленій. Хотя абсолютная идея не образуется изъ отвлеченій опыта, однако, какъ логическая, она всецѣло и кругомъ открыта для человѣческаго сознанія, въ ней нѣтъ пунктовъ непостижимыхъ, недоступныхъ нашему сознанію; и какъ наше сознаніе обращено къ міру явленій, то въ абсолютной идеѣ, которая всецѣло доступна этому созна-

нiю, нѣтъ ничего не являющагося. Сущность не содержитъ такихъ сторонъ, которыя всегда оставались-бы на днѣ ея и не выступали-бы въ явленiе. Конечно, и у Платона идея есть общая сущность явленiй, но при этомъ она есть пѣчто и для себя, въ ней содержится много такихъ сокровищъ, которыхъ она не показываетъ, не выставляетъ въ явленiяхъ, поэтому она относится къ явленiю, какъ типъ, какъ идеаль. Этого послѣдняго качества не имѣетъ идея въ философи Гегеля. Она есть общая сущность явленiй и ничто болѣе. Какъ идея логическая, она содержитъ въ логическомъ единствѣ и логической общности все то и только то, что въ мирѣ явленiй разбросано по пространству и времени въ видѣ отдѣльныхъ вещей и ихъ опредѣленiй. Такъ-какъ однакожь мышленiе есть общая сущность явленiй, то это логическое единство, эта логическая общность идеи и есть то, что существенно вещамъ, или опредѣленiя и качества вещей обладаютъ истиннымъ бытiемъ не въ своей непосредственности, а какъ логическiе моменты одной общей идеи. И если логически-невозможно, чтобы моментъ идеи существовалъ самостоятельно и независимо отъ самой идеи, былъ нѣчто для себя, а не для идеи: то абсолютная идея не можетъ надѣлять вещи самостоятельно или индивидуальной жизнью съ ея частными стремленiями и цѣлями. Вещи обладаютъ истиннымъ бытiемъ потому, поколику онѣ входятъ въ идею, какъ ея текущiе моменты.

Если Гегель говоритъ, что общая идея есть *конкретная*, то въ истинѣ это значитъ, что она въ диалектическомъ процессѣ положенiя и снятiя конечныхъ опредѣленiй непрестанно пополняетъ себя: въ противномъ случаѣ она, какъ идея Платоническая, обладала-бы непосредственно и сразу бытiемъ развитымъ, и диалектическiй процессъ не былъ-бы необходимъ для нея, какъ ея существеннѣйшiй образъ жизни. Быть конкретною непосредственно и первоначально абсолютная идея не можетъ уже и потому, что она есть *логическая*; она не можетъ носить въ себѣ своихъ опредѣленiй натурально и непосред-

ственно; какъ мысль, она обладаетъ содержаніемъ только выработаннымъ и добытымъ въ діалектическомъ процессѣ. Еслибы намъ позволено было мыслить первый, начальный или исходный пунктъ діалектическаго процесса идеи, то въ этомъ пунктѣ мы не застали-бы никакого конкретнаго опредѣленія внутри идеи, мы нашли-бы, можетъ быть, нѣкоторыя опредѣленія самыя отвлеченныя, абстрактныя и ничего не содержащія въ себѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ выводомъ мы находимъ, что первое опредѣленіе, какимъ надѣляется себя идея, вступивъ въ діалектическій процессъ, есть чистое бытіе, т.-е. такое, которое есть вмѣстѣ небытіе или ничто. Чистое бытіе или ничто—вотъ первое богатство, какое можетъ изнести изъ себя идея въ первый моментъ своего внутренняго саморазвитія. Сообразно съ этимъ качествомъ идеи Гегель основательно учитъ, что начало науки, которая совнаетъ внутреннюю жизнь идеи, должно быть самое бѣдное и безсодержательное. На основаніи этихъ изъясненій не имѣемъ-ли мы права сказать, что абсолютная идея есть въ своемъ первоначальномъ образѣ идея общая, логическая и при томъ абстрактная? Последнее выраженіе будетъ при этомъ означать не то, что идея отвлечена отъ опыта, а напротивъ, что тѣ мысленныя опредѣленія идей, въ которыхъ меньше всего содержитсяъ элементовъ, взятыхъ съ опыта, или которыя наидальше отстоятъ отъ богатаго содержанія явленій—эти опредѣленія остаются существеннымъ и первоначальнымъ богатствомъ идей, которое не увеличивается отъ опредѣленій, взятыхъ съ опыта. Гегель говоритъ, что истинное начало науки дается на концѣ, истинный принципъ въ результатѣ, а этимъ даетъ поводъ думать, что позднѣйшія, отдаленнѣйшія опредѣленія идеи болѣе сообразны съ ея существомъ, болѣе выражаютъ ея подлинную жизнь, чѣмъ опредѣленія начальные. Эти выраженія не должны однако затруднять насъ. Во-первыхъ, они имѣютъ свое полное примѣненіе къ *феноменологии духа*: начало науки, по всей справедливости, открывается только на концѣ феноменальнаго развитія духа, ис-

тинный принцип знанія дается въ результатѣ этого развитія или тамъ, гдѣ духъ разъ навсегда препобѣждаетъ свою феноменальность и приходитъ къ сознанию абсолютной идеи, которая отнынѣ есть нераздѣльно начало знанія и бытїя. Говорить о другомъ началѣ, которое опять открылось-бы только на концѣ діалектическаго процесса идеи, мы уже не можемъ: Началомъ, серединой и концомъ науки долженъ быть діалектической процессъ идеи и ничто болѣе: потому-что наука не имѣетъ другаго содержанія, кромѣ знанія объ этомъ процессѣ и его различныхъ ступеняхъ. Справедливо, что послѣдующія ступени въ развитіи идеи имѣютъ обильнѣйшее содержаніе, чѣмъ ея начальныя опредѣленія. Но все-же, какъ-бы ни богаты были всѣ дальнѣйшія опредѣленія идеи, они суть моменты ея процесса, а не самый этотъ процессъ, и потому не имѣютъ значенія начала. Будутъ-ли эти опредѣленія бѣднѣе или богаче, тѣснѣе или шире, абстрактнѣе или конкретнѣе, они не имѣютъ никакого вліянія на діалектической процессъ идеи, который рождаетъ ихъ и снимаетъ съ одинаковымъ могуществомъ. Такъ море, рождаетъ-ли оно легкую зыбь или громадныя волны, остается одною и тою-же силою, предъ которой равно несамостоятельны и легкая зыбь и громадныя волны. Намъ кажется, что эти Аристотелевскія понятія въ началѣ, которое выступаетъ на концѣ діалектическаго развитія идеи, не имѣютъ надлежащаго мѣста въ системѣ Гегеля и составляютъ только нѣкоторую уступку со-стороны философіи общечеловѣческому сознанию: потому-что, если для этого сознания нелегко начать знаніе чистымъ бытіемъ или небытіемъ, которое есть моментъ, постигнѣ самый текучій и неуловимый, то уже оно вовсе не хотѣло-бы двигаться внутри науки безъ надежды найти въ будущемъ спокойный и твердый пунктъ или сумму такихъ опредѣленій, съ которыми оно не было-бы вынуждено разстаться вслѣдствіе дальнѣйшаго движенія мысли. Изъ предыдущаго однакъ-же видно, что эта привычка общечеловѣческаго сознания не можетъ найти удовлетворенія въ системѣ Гегеля, для кото-

рой діалектической процессъ идеи есть единственная сущность во всѣхъ феноменахъ.

Абсолютное есть идея логическая, общая и *абстрактная*. Гегель признаетъ истину послѣдняго опредѣленія, когда учитъ, что метода философіи есть метода самой вещи, и такимъ образомъ бѣдныя и абстрактныя опредѣленія, которыми начинается логика свои изъясненія, суть начальныя и первичныя силы, которыми абсолютное начинается свой міросозидающій и міроснимающій процессъ. Во всѣхъ явленіяхъ природы и духа, какъ-бы ни были они полновѣсны, мы должны находить только абстрактныя категоріи логики; философія природы и философія духа не могутъ дать намъ въ истинѣ ни одной новой категоріи, которой не содержала-бы логика, какъ наука о сущности вещей, и которая въ какомъ-нибудь отношеніи пополняла-бы жизнь абсолютнаго: природа и духъ суть изъясняемыя явленія, а не изъясняющія начала. Логика есть наука объ абсолютномъ въ себѣ самомъ, въ его чистой, не феноменальной натурѣ; можно сказать, что ея содержаніе есть представленіе Бога, какъ Онъ есть въ своей вѣчности прежде созданія природы и конечнаго духа. Но логика есть при этомъ наука объ идеѣ въ *отвлеченномъ* элементѣ мышленія. Итакъ, когда мы изучаемъ идею въ *отвлеченномъ* элементѣ мышленія или идею *отвлеченную*, то мы познаемъ абсолютное въ себѣ самомъ, мы познаемъ Бога по Его вѣчному существу, какъ Онъ есть прежде созданія природы и конечнаго духа. Что говорятъ всѣ эти выраженія, если не то, что абсолютная идея въ своемъ подлинномъ, первичномъ и производномъ образѣ есть идея отвлеченная? Конкретность принадлежитъ не идеѣ въ себѣ самой, а тѣмъ феноменальнымъ ея стадіямъ, которыя обладаютъ существованіемъ зависимымъ и производнымъ. И когда мы опредѣляемъ абсолютную идею по ея различнымъ отдаленнымъ стадіямъ, то этимъ мы уже изъясняемъ не существо самой идеи, которое для насъ при этомъ должно быть известно,—этимъ мы изъясняемъ изъ идеи существо тѣхъ явленій, которыя соответствуютъ рассматри-

ваемымъ стадіямъ. Слѣдовательно здѣсь метафизическая точка зрѣнія смѣняется человѣкообразною. Переходъ отъ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія къ другой, примиреніе истины абсолютной съ истиною общою человѣческаго смысла составляетъ собственную тайну Гегелевой діалектики и дѣдаетъ его положенія, въ себѣ абстрактныя, столь полновѣсными, глубокими, много объемлющими и много изъясняющими.

Истинную жизнь имѣетъ абсолютная идея въ діалектическомъ процессѣ положенія и отрицанія своихъ собственныхъ опредѣленій. Чтобы изъяснить возможность этого процесса, Гегель приписываетъ абсолютному мышленію *самодвиженіе*, *саморазвитіе*. Безъ всякаго возбужденія со внѣ, безъ всякаго разсчета на свои будущія положенія и состоянія, идея движетъ себя, идея находится въ развитіи. Впрочемъ, истинная причина этого самодвиженія и саморазвитія идеи заключается, какъ это сказано было выше, въ томъ, что идея можетъ полагать только конечныя опредѣленія, которыя не соотвѣтствуютъ ей безконечности и которыя, поэтому, должны быть снимаемы въ діалектическомъ процессѣ: потому-что и всякая вещь на свѣтѣ приходитъ въ движеніе, если только ея положеніе несообразно съ ея натурою, или заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; для возможности такого движенія вещь, какъ очевидно, не нуждается ни въ свободной волѣ, ни въ разсчитывающемъ разумѣ.

Логика сообщаетъ намъ познаніе объ абсолютномъ въ себѣ самомъ, развивая въ положеніяхъ и отрицаніяхъ рядъ категорій, въ которыхъ мы мыслимъ конечныя явленія. Безконечное, какъ такое, не имѣетъ прямаго выраженія ни въ бытіи, ни въ познаніи. Мы должны сказать, что самый этотъ діалектический процессъ положенія и снятія конечнаго есть собственно безконечное. Такимъ образомъ Винovníкъ міра не имѣетъ покоя въ сердцѣ своемъ, потому-что его созданія не сообразны съ его творческою натурою; по той-же причинѣ онъ не даетъ покоя и своимъ созданіямъ, для которыхъ день творенія и день послѣд-

няго суда совпадаютъ въ одинъ моментъ, для которыхъ радость бытія есть вмѣстѣ и нераздѣльно предсмертная мука. Субстанція Спинозы прямо и открыто отказывается всему конечному въ дарахъ жизни. Идея Гегеля даетъ конечному такую жизнь, которая въ тотъ-же нераздѣльный моментъ есть смерть. Мы не рѣшаемъ, кто изъ нихъ дѣйствуетъ лучше—субстанція или идея.

Творчество абсолютной идеи опредѣляется не расчетомъ на прекрасныя, полныя жизни и мысли, созданія; а необходимостію. На низшей ступени развитія идея находится въ противорѣчій съ своею чистою сущностію; она испытываетъ здѣсь, такъ сказать, давленіе или неудобство. Это стѣсненное и неудобное положеніе идеи влечетъ ее на высшую ступень развитія. Съ каждымъ наступательнымъ движеніемъ идея творитъ образы прекраснѣйшіе и совершеннѣйшіе не изъ любви къ намъ, а изъ нерасположенности къ своему настоящему недостаточному положенію. Она творитъ добро, потому-что убѣгаетъ отъ зла. Отрицательное чувство неполноты, недостатка и стѣсненности есть непосредственный источникъ творчества идеи, и конечно міръ, который рождается изъ этого отрицательнаго чувства или состоянія идеи, не можетъ имѣть положительныхъ основъ жизни: оно есть весь и всецѣло нѣчто отрицательное. Такъ иной атомистъ можетъ разсуждать, что атомы не стремятся прямо и нарочито создать этотъ органическій продуктъ; только ихъ стѣсненное положеніе въ настоящемъ, неполное соотвѣтствіе ихъ настоящаго образа существованія съ ихъ собственными законами есть прямая причина ихъ движенія и сочетанія въ высшіе продукты. Въ идеѣ Гегеля, какъ въ этомъ атомизмѣ, *прогрессъ* входитъ въ *процессъ*; міръ остается въ истинѣ подъ управленіемъ дѣятеля, который не имѣетъ *радушнаго* или идеальнаго отношенія къ своей работѣ. Что однакожь выигрываетъ человѣческое сознаніе, мѣняя механическій процессъ атомовъ на логическій процессъ идеи? Тамъ и здѣсь самосознаніе и личный духъ суть произведенія позднѣйшаго и

отдаленнѣйшаго развитія основнаго начала, которое не есть въ себѣ ни самосознаніе, ни личный духъ. Тамъ и здѣсь сознающая мысль есть феноменъ такого принципа, который въ себѣ не есть сознающая мысль. Тамъ и здѣсь потокъ событій предопредѣляется *натуральною* необходимостію, а не передовою мыслию. У Гегеля, какъ у Спинозы, слѣпой механизмъ не преоблѣденъ идеей; напротивъ идея, что-бы тамъ она ни была въ себѣ, открывается въ мірѣ, какъ дѣятель механической, она не озаряетъ своихъ будущихъ путей свѣтомъ предваряющаго разума, она не избираетъ этихъ путей по любви и свободному влеченію къ созданіямъ добрымъ, совершеннымъ и разумнымъ. Если матеріализмъ развился исторически изъ философіи Гегеля: то, вѣроятно, въ этомъ случаѣ историческое явленіе было вмѣстѣ и логическое.

Тщетно мы пытались-бы, слѣдуя за Гегелемъ, вступить наконецъ въ міръ *духовный*; мы можемъ войти только въ міръ *мысли*. Но кто хотѣлъ-бы въ этомъ мірѣ мысли найти отдохновеніе отъ тревогъ міра чувственнаго, тотъ скоро пришелъ-бы къ разочарованію: потому-что и этотъ міръ есть не спокойный процессъ, и его жизнь полна измѣненій и тревогъ. Философія ищетъ неизмѣняемаго начала, чтобы снять противорѣчіе, которое заключается въ понятіи измѣняемости, свойственной чувственному міру. Къ этой-же цѣли стремится и Гегель; и онъ начинаетъ съ указанія противорѣчій въ понятіи *бываемости* или измѣненія; и онъ ищетъ начала, въ которомъ-бы снимались эти противорѣчія. Однако самое это начало подлежитъ у него вѣчному измѣненію. Итакъ, говоритъ одинъ критикъ, вмѣсто того, чтобы уврачевать недугъ міра чувственнаго, посредствомъ здравости міра сверхчувственнаго, который лежитъ въ его основѣ, Гегель нарочито сообщаетъ послѣднему болѣзненный характеръ перваго. Если при этомъ вспомнимъ, что діалектической процессъ идеи не имѣетъ ни *субстрата*, ни *субъекта* (*), тогда-какъ въ механическомъ міросозерцаніи *суб-*

(*) Въ діалектическомъ развитіи категорій Гегель не даетъ никакого

страту и *субъектъ* служить необходимымъ предположеніемъ натурального процесса, то едва-ли мы поймемъ необходимость выступать изъ міра чувственного въ міръ абсолютной идеи, едва-ли первый не представится намъ въ образѣ болѣе благоприятномъ, чѣмъ послѣдній.

Абсолютная идея находится въ такомъ внутреннемъ отношеніи съ наблюдаемою нами дѣйствительностію, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно. Школа Гегеля пользовалась этими выраженіями, давая имъ то значеніе, какое они имѣли-бы въ общемъ человѣческомъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи она значительно содѣйствовала къ разъясненію понятій о прогрессѣ, развитіи и историческомъ движеніи человѣчества. Но уже въ этомъ общемъ значеніи первое положеніе, что все дѣйствительное разумно, привело-бы насъ къ отождествленію необходимости исторической и разумной, — что противорѣчитъ истинному понятію о *прогрессѣ* и *развитіи*. Изъ этого-же положенія между прочимъ слѣдуетъ, что нашъ разумъ долженъ только понимать эту разумную дѣйствительность, а не входить въ нее въ качествѣ дѣятельной, образующей и преобразующей силы. Между-тѣмъ, мы имѣемъ достаточное основаніе сблизить поименно важныя выраженія Гегеля съ ученіемъ Спинозы, что міръ идеальный простирается не дальше и содержитъ въ себѣ не больше, какъ сколько есть дѣйствительнаго въ мірѣ реальномъ. Намъ кажется, что оба философа говорятъ одно и то-же. Все дѣйствительное разумно. Такъ-какъ абсолютная идея есть *логическая*, то это выраженіе говоритъ: все дѣйствительное опредѣляется въ своемъ движеніи и развитіи *логическою необходимостію*; дѣйствительное есть необходимый логическій потокъ, который не управляется напередъ-сознанныю цѣлію и предначертаннымъ планомъ: ибо для этого требовалось-бы, чтобы разумное выступало за предѣлы значенія ни *субъекту* сужденія, ни *субстрату* опредѣленія. Мысль, вещь содержится только въ предметѣ, который не предполагаетъ готоваго и сравнительно-спокойнаго субъекта. Эту особенность нужно имѣть въ виду, чтобы войти въ духъ и смыслъ Гегелевой диалектики.

дѣйствительнаго, было больше и обширѣе, чѣмъ дѣйствительное; а это противорѣчить положенію, что все разумное дѣйствительно. Что касается въ частности этого втораго положенія, то оно, если принять его въ общечеловѣческомъ смыслѣ, отрицаетъ самую идею развитія: ибо эта идея предполагаетъ, что разумное еще не воплотилось въ дѣйствительности, или что явленіе еще стремится стать тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по своей идеѣ. Между-тѣмъ въ предѣлахъ системы, для которой развитіе есть форма самой идеи, это отрицаніе невозможно; и такъ-какъ абсолютное есть идея логическая, то рассматриваемое положеніе означаетъ, что въ этой идеѣ не можетъ быть больше содержанія; чѣмъ въ дѣйствительности, что она—какъ логическая — не можетъ относиться къ тому, что не есть, а что еще должно быть: идея не можетъ предопредѣлить и предначертать движеніе явленій, которыя пока недѣйствительны; для этого требовалось-бы, чтобы не все разумное было дѣйствительнымъ. Повторяемъ, хотя школа успѣла сдѣлать эти выраженія полновѣсными и многозначительными, принимая разумъ и разумное въ обыкновенномъ, общеупотребительномъ смыслѣ, однако эти выраженія въ истинѣ указываютъ на бѣдность, а не на богатства дѣйствительности и идеи: первое выраженіе говоритъ, что въ дѣйствительности царствуетъ логическая необходимость, второе—что эта необходимость не есть идеаль, который предварялъ-бы и предопредѣлялъ-бы зависящую отъ него дѣйствительность. Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить, что по Гегелю прогрессъ есть въ истинѣ процессъ и сущность не имѣетъ такой глубины, которая не исчерпывалась-бы явленіемъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими изъясненіями Гегель говоритъ, что философія есть наука о мірѣ, поколику онъ законченъ, поколику процессъ его образованія завершенъ. Мыслящая натура абсолютнаго духа состоитъ въ томъ, чтобы приводить *въ свое сознаніе* (*) то, что онъ есть въ *бытіи*. Въ фило-

(*) То есть въ то сознаніе, которое абсолютный духъ имѣетъ о себѣ въ духѣ человѣческомъ.

софіи ничто не можетъ быть сознано, что еще не получило спокойнаго наличнаго существованія; мысло есть простое и не дѣятельное зеркало остановившейся и переставшей развиваться дѣйствительности. Если Платонъ желалъ, чтобы идея предопредѣляла судьбы міра, имѣла дѣятельное вліяніе на его развитіе и управляла этимъ развитіемъ по опредѣленному плану: то по Гегелю идея не имѣетъ силы выполнять это назначеніе. Явленія, не получившія бытія, не могутъ быть моментами идеи: посему идея ничего не знаетъ о томъ, что *должно* быть и слѣдовательно не есть. Напрасно мы ожидали-бы отъ философіи наставленія, какъ вести себя среди измѣнчивыхъ явленій міра: философія ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ понимаетъ уже происшедшую дѣйствительность, которая всегда предполагается разумною. Абсолютный духъ читаетъ только то, что онъ написалъ, а что впередъ можетъ или должно быть написано, объ этомъ онъ не знаетъ, пока не напишетъ. Такимъ образомъ философія, эта наука наукъ, это сознаніе абсолютнаго духа о себѣ самомъ, есть не дѣятельная сила историческаго міра, а спокойное зеркало, въ которомъ отражается этотъ міръ и его перемѣны. Исторія человѣчества раздѣляется рѣзкою чертою на двѣ области, изъ коихъ въ одной кипитъ живая работа, а въ другой совершается недѣятельное пониманіе этой работы, въ одной—жизнь безъ свѣта, въ другой—свѣтъ безъ жизни. Пониманіе дѣла всегда возникаетъ послѣ дѣла, которое такимъ образомъ не опредѣляется сознательной идеей. Таково правило всемірнаго духа, говоритъ Эрдманъ, чтобы сперва сдѣлать, а потомъ обдумать. Эти положенія противорѣчатъ самымъ простымъ опытамъ. Что великія дѣла и великія идеи падаютъ нераздѣльно въ одну историческую эпоху, что философія и ея идеи суть живые двигатели историческаго міра, въ этомъ историкъ не можетъ усомниться ни на минуту. Однако эти положенія опредѣляются съ необходимостію общимъ понятіемъ объ абсолютномъ, какъ идеѣ логической: потому-что логическая идея въ сознательномъ мышленіи есть необходимо идея *рефлексивная*, происходящая

изъ вниканія въ готовое, данное содержаніе. Философія можетъ только понимать ту логическую необходимость, которая неотрѣшимо присуща дѣйствительности, потому-что все дѣйствительное разумно; но она не можетъ воздѣйствовать на ходъ этой дѣйствительности, потому-что идея не имѣетъ лишняго содержанія въ-сравненіи съ дѣйствительностію, или потому что все разумное дѣйствительно.

Абсолютная идея есть діалектическій процессъ положенія и отрицанія конечныхъ опредѣленій; поэтому историческое событіе существуетъ въ истинѣ, т.-е., въ дѣйствительности, только тогда, когда оно снимается и становится моментомъ высшаго историческаго развитія. Такъ, напримѣръ, философія Платона имѣетъ высшее и совершеннѣйшее существованіе не въ своей непосредственности, не тогда, когда она обладаетъ плотію и кровію, дѣйствуетъ какъ новое, явившееся въ мірѣ начало; нѣтъ, непосредственность фаноменальной жизни есть нѣчто не сообразное съ идеей; только когда эта непосредственность снимается, когда эта широкая система сокращается до отвлеченнаго момента въ высшей стадіи философскаго развитія, она достигаетъ своего истиннаго существованія. Все существуетъ въ истинѣ, какъ моментъ чего-то другаго, послѣдующаго. Отсюда распространились ложныя понятія о прогрессѣ, котораго все существо состоитъ въ томъ, чтобы не стоять на одномъ мѣстѣ, какъ-бы ни было оно удобно. Между-тѣмъ, если историку не легко управиться съ разсматриваемымъ нами воззрѣніемъ, если онъ всю энергію, жизненность событія полагаетъ въ непосредственной и конкретной натурѣ его, если онъ видитъ во всякомъ событіи, какъ въ монадѣ, нѣчто ему одному свойственное, нѣчто не переходящее въ другое, видитъ глубину и безконечность, которыя уже не снимаются въ послѣдующемъ историческомъ движеніи: то вмѣстѣ съ этимъ оказывается, что діалектическая идея есть не что иное, какъ идея *критическая*: она относится къ явленію всегда критически, она имѣетъ постоянную потребность снимать и отри-

цать живую натуру явления, какъ нѣчто нелогическое. Исторія философіи въ небольшой промежутокъ времени показала, какъ могущественно дѣйствуетъ эта идея въ области критики и отрицанія. Это сближаетъ насъ съ результатомъ, къ которому пришла и школа Гегеля, что философія, опредѣляемая діалектической идеей, есть не что иное, какъ *метода*, какъ опредѣленный способъ изслѣдованія и пониманія явленій. Философія, которая въ началѣ не имѣетъ *готоваго* содержанія, есть только философская метода, которая нуждается въ *готовомъ* содержаніи.

Мы должны изясниться предъ читателемъ, что намъ пришлось выставлять въ философіи Гегеля одну и притомъ темную сторону. Этимъ мы не хотѣли отрицать достоинство великаго мыслителя нашего времени. Сообразно съ нашего цѣлю, мы должны были отрѣзать основное начало его философіи отъ тѣхъ глубокихъ идей, которыя составляютъ ея содержаніе: мы преслѣдовали простую и отвлеченную схему, не указывая, какъ и чѣмъ она наполнена. Зная односторонность основнаго начала философіи Гегеля, мы тѣмъ болѣе удивляемся геніальной наблюдательности и глубокому пониманію философа, который бросилъ въ науку столько свѣтлыхъ и истинныхъ идей. Всякая философія обязана своимъ лучшимъ содержаніемъ тѣмъ даннымъ, которыя она находитъ въ глубинѣ общечеловѣческаго сознанія. То-же самое должно сказать и о философіи Гегеля. Лучше другихъ Гегель умѣлъ наблюдать и истолковывать *феноменальную* дѣйствительность, какъ такую, глубже другихъ онъ проникалъ въ сознаніе челоуѣчества—этотъ неизчерпаемый источникъ началъ, идей и воззрѣній. Особенность его ученаго приѣма, которую мило цѣнили, состоитъ въ томъ, что абсолютная идея, прежде чѣмъ изяснить она извѣстный кругъ явленій, сама принимаетъ натуру этихъ явленій, сама является съ плотію и кровію тѣхъ существъ, копорымъ она должна дать бытіе и все богатство жизни. Такимъ образомъ спекулятивная мысль не заслоняла отъ философа феноменаль-

ной дѣйствительности: онъ наблюдалъ, сравнивалъ, истолковывалъ явленія по общей ученой методѣ, а основная идея была для него только формальнымъ началомъ изъясненія. Если Кантъ доказывалъ, что идея имѣетъ значеніе для знанія только *регулятивное*, т.-е., направляющее, а знанія дѣйствительнаго не даетъ: то мы думаемъ, что это значеніе удержала идея и въ философіи Гегеля, а частныя явленія были изъясняемы имъ изъ началъ частныхъ, заимствованныхъ изъ опыта и наблюденія. Долго философія пыталась рѣшить свою задачу *a priori*. Опытное познаніе изъясняла она, какъ процессъ *феноменологическій*, который начинался въ области общаго смысла и оканчивался у преддверія истиннаго знанія. Какъ эмпиризмъ поставлялъ мышленіе въ первоначальное отношеніе къ явленіямъ, не давая ему силы выступить въ міръ сущностей и возвыситься до идеи, такъ идеализмъ поставлялъ мышленіе въ первоначальное отношеніе къ идеѣ, къ абсолютному и надѣялся рѣшить задачу знанія, двигаясь внутри этой идеи и не сходя въ область опыта. Тамъ мысль находилась въ безконечномъ отдаленіи отъ истины, здѣсь — въ безконечной близости къ ней. Стремленіе идеализма было-бы осуществимо, еслибы мы стояли въ центрѣ вселенной, гдѣ могли-бы мы наблюдать, какъ, въ какомъ порядкѣ, по какому частному движенію идеи, по какой определенной волѣ абсолютнаго возникаютъ событія и выступаютъ въ міръ многообразныя и многознаменательныя явленія. Тогда философія имѣла-бы право изъяснять явленія непосредственно изъ абсолютной идеи; тогда она могла-бы (какъ это часто она пыталась дѣлать) разсказывать намъ со всѣми подробностями внутреннюю исторію абсолютнаго и его откровеній въ мірѣ, которой мы знаемъ изъ опыта, могла-бы представить намъ отчетливую и полную таблицу его моментовъ и опредѣленій, какъ это дѣлаетъ Гегель въ своей логикѣ. Вѣроятно однакожь, что мы находимся не въ центрѣ вселенной; вѣроятно, что свѣтъ, идущій съ высшаго міра, дѣйствуетъ на насъ, какъ говоритъ Баконъ, лучемъ преломленнымъ: посему

мы должны уловлять его, замѣчать и опредѣлять его движенія и отгѣнки въ той средѣ явленій, которая преломила его. Идея должна быть познаваема, какъ опять желаетъ Баконъ, чрезъ *истолкованіе* явленія или, по Гегелю, умъ *самосознанный* долженъ содержать въ себѣ только то, что есть въ умѣ *существующимъ*. При современномъ выясненія ученыхъ методъ кажется совершенно произвольнымъ стремленіе философіи идеализма выступить за предѣлы всякаго бытія, чтобы потомъ спросить, какъ *началось бытіе вообще*. Еще произвольнѣе и бесплоднѣе оказывается это усиліе, когда философія спрашиваетъ въ частности объ абсолютномъ, какъ оно *начинаетъ быть* (Wird). Все эти вопросы приличны не философіи, а теософіи, которая въ мистическихъ порывахъ къ безусловному и безразностному единству приходитъ къ такому-же отрицанію всего живаго и духовнаго, какъ и матеріализмъ. Какъ въ нашемъ духѣ нѣтъ потребности, такъ въ человѣческой наукѣ нѣтъ средствъ выступить за предѣлы всѣхъ формъ, очертаній, видовъ и опредѣленій существующаго и являющагося намъ міра, сосредоточиться на безформенномъ единствѣ, и отсюда, съ этой высоты, до которой мы въ истинѣ и не поднимались, слѣдить чистымъ или апіорнымъ мышленіемъ за возникновеніемъ бытія, формъ, частей и опредѣленій міра. Нашему знанію предлжить міръ, какъ данный предметъ, котораго мы вымыслить или сочинить не можемъ. Если наша воля не повторяетъ творческихъ актовъ абсолютнаго, то и мышленіе не повторяетъ сознанія этихъ актовъ. *Бытіе вообще* останется для насъ чудомъ; мы никогда не можемъ рѣшить, изъ чего, изъ какихъ элементовъ, которые не суть бытіе, сложилось-бы это бытіе. Посему теософія, какъ и матеріализмъ, говорятъ намъ о мірѣ вовсе не томъ, какой впечатлѣваетъ на насъ изъ многообразныхъ явленій внутренняго и внѣшняго опыта. Этимъ изъясняется, почему идеализмъ, который надѣется дать намъ познаніе о существѣ міра изъ началъ и идей чистаго апіорнаго мышленія, не соответствуетъ потребностямъ и нуждамъ живаго и дѣятель-

наго сознанія человѣчества: онъ не можетъ въ истинѣ достигнуть ни до какого дѣйствительнаго явленія, ни до какой живой сущности, потому-что онъ напередъ отрѣшился въ мнимо-априорныхъ формахъ отъ всего живаго и существеннаго.

Философія нашего времени приходитъ къ убѣжденію, что схоластическое различіе знанія опытнаго и предопытнаго — *a posteriori* и *a priori* несущественно, что эти противоположности суть члены одного недѣлимаго единства. Самыя отвлеченныя понятія нашего мышленія заключаютъ въ себѣ представленія, взятые изъ опыта, и обратно — непосредственное воззрѣніе имѣетъ единство, форму и необходимость, которыя составляютъ идеальнѣйшій моментъ въ пониманіи. Это убѣжденіе современной философіи не есть благоразумный выборъ золотой середины между крайностями; оно сообразно со всѣми дозволенными фактами внѣшняго и внутренняго опыта. Мы не приходимъ въ міръ съ готовымъ знаніемъ о мірѣ или какой-либо части его. Въ этомъ смыслѣ говорить о первоначальныхъ или врожденныхъ идеяхъ было-бы несообразно съ ежедневнымъ и достовѣрнымъ опытомъ. Въ этомъ смыслѣ опытъ, наблюденіе и индукція должны быть признаны источникъ всякаго знанія. Но какъ всякая вещь на свѣтѣ, такъ и наша душа имѣетъ опредѣленные законы и нормы, по которымъ обвѣривается ея дѣятельность и которые, по всей справедливости, не входятъ въ душу совнѣ, суть ея априорныя принципы. Эти априорныя принципы принадлежатъ первоначально душѣ *существующей*, душѣ, какъ дѣйствительной вещи, слѣдовательно они ни въ какомъ смыслѣ не суть идеи или познанія. Чтобы сознать и познать эти априорныя законы и нормы души познающей и волящей, мы опять нуждаемся въ опытѣ, наблюденіи и индукціи. Словомъ, притворенность формъ, законовъ и правилъ душевной дѣятельности принадлежитъ бытію души, а не ея познательному сознанію. Идеализмъ въ законной борьбѣ противъ эмпиризма, который надѣялся сложить самое существо души изъ внѣшнихъ толчковъ и впечатлѣній, сглаживалъ различіе между

сознательнѣ, въ которомъ душа познаетъ дѣйствительность, данную ей во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ, и *субстанціальною душою*, которой безспорно, какъ и всякой вещи въ мірѣ, принадлежатъ ей одной свойственные законы и образы дѣятельности.

Подобнымъ-же образомъ различіе между явленіемъ и вещію въ себѣ современная философія признаетъ *не метафизическимъ*, какъ это полагалъ Кантъ, а *гносеологическимъ*, то есть, понятіями *явленіе* и *сущность* обозначаются различныя степени и совершенства нашего знанія и пониманія; познаніе явленія становится по-мѣрѣ своего совершенства познаніемъ сущности. Какъ въ жизни нравственной, такъ и въ знаніи человѣкъ начинаетъ съ движеній и состояній субъективныхъ. Если однакожъ эти субъективныя движенія и состоянія немислимы безъ объективнаго, хотя-бы и самаго не значительнаго, содержанія: то дальнѣйшее развитіе духовной жизни постепенно снимаетъ съ нихъ первоначальную ихъ ограниченность. Эти движенія и состоянія дѣлаются мало-по-малу носителями существеннѣйшаго содержанія: въ знаніи мы наконецъ знаемъ не *себя*, а истину; въ желаніи мы наконецъ желаемъ не *себя*, а добра; наши поступки и познанія получаютъ наконецъ общечеловѣческое значеніе, имѣютъ наконецъ достоинство для всякаго духа, для духа вообще. Этимъ мы не говоримъ, чтобы наша человѣческая мысль могла стать когда-либо полнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ свѣтлымъ образомъ сущности вещей, или чтобы она достигла въ какомъ-либо направленіи безусловнаго тождества съ бытіемъ: на этой ступени она перестала-бы быть мыслию человѣческою и сдѣлалась-бы мыслию божественною. Для нашего человѣческаго сознанія всегда останется нѣчто непостижимое, всегда будетъ существовать для насъ міръ *по-ту-сторонній*. Но изъ предыдущаго слѣдуетъ, что если идея понимается нами, какъ разумная и единичная сущность вещи, то съ другой стороны она должна имѣть и значеніе *феноменальное*. Не вдали гдѣ-то, за предѣлами всякаго внѣшняго и внутренняго

опыта лежит эта идея, въ пользу которой не было-бы свидѣтельства въ подлежащемъ намъ мірѣ. Идеальныя связи и идеальныя отношенія между вещами и событіями должны быть явленіемъ и фактомъ. Идея, положенная и опредѣленная не на основаніи *своего явленія*, а только а priori, есть произвольная гипотеза. Такимъ образомъ идею мы должны находить въ дѣйствительности, какъ нѣчто данное, положительное, открываемое и познаваемое. Прежде опыта мы не можемъ имѣть знанія объ идеѣ; мы не можемъ, напримѣръ, сказать съ Гегелемъ, что эта идея должна быть логическая. Можетъ быть, въ явленіяхъ міра будутъ впечатлѣвать на насъ моменты нравственные и эстетическіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что идеализмъ человѣческаго духа есть нѣчто болѣе жизненное и болѣе существенное, чѣмъ простая логическая мысль, которая составляетъ только моментъ въ немъ; а отсюда дѣлается вѣроятнымъ, что и духъ, проникающій и опредѣляющій явленія міра, обнаруживаетъ себя многообразнѣе и богаче, чѣмъ логическая идея, которая замыкается въ скудномъ и монотонномъ процессѣ положенія и снятія своихъ опредѣленій. По этому уже мы не надѣемся, чтобы на основаніи опытовъ можно было вслѣдъ за Кантомъ разсматривать природу, какъ сумму чувственныхъ предметовъ и ничего болѣе, или видѣть вмѣстѣ съ Гегелемъ въ этой жизненной и одушевленной природѣ *неразрѣшимое противорѣчіе съ идеей*. Всѣ эти апriorныя опредѣленія изгоняютъ жизнь и духъ изъ ихъ подлиннаго мѣста и поневолѣ заставляютъ мысль искать жизни и духа въ тѣхъ отвлеченіяхъ, которыхъ прямое достоинство въ томъ и состоитъ, чтобы онѣ оставались мертвыми.

Эти простыя убѣжденія, которыя коренятся въ современной философіи, не устраняютъ однакожъ затрудненій, которыя подлежатъ этой наукѣ, а только открываютъ ихъ. По мѣрѣ того, какъ философія сводитъ идеальныя моменты, названныя въ явленіяхъ міра, къ единству начала, она оставляетъ ту прочную область *частичныхъ изслѣдованій*, гдѣ лишь на каждомъ шагѣ

поддерживается воззрѣніемъ, знаніе-привычкою, она поднимается на высоту цѣлостнаго міросозерцанія, куда воззрѣнія и опыты доходятъ только въ *цѣломъ и общемъ*, только въ неопредѣленныхъ и общихъ очертаніяхъ. Тщетно подавали-бы философія добрый совѣтъ не подниматься на эту метафизическую высоту безусловной, Божественной идеи. Какъ ни охотно она выслушиваетъ подобные совѣты, какъ ни тщательно ищетъ она опоры въ области опытовъ посредственныхъ или непосредственныхъ, ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ, во всякомъ случаѣ она не можетъ заключиться въ границахъ частичнаго изслѣдованія и изясненія опредѣленнаго круга явленій: потому-что только на высотѣ общаго и цѣлостнаго міросозерцанія философія становится въ уровень съ обыкновеннымъ человѣческимъ сознаниемъ, которое такъ неотразимо направлено къ вѣчному и Божественному. Если на этой высотѣ недоступна для философія достовѣрность знанія математическаго, которою впрочемъ не обладаетъ и самая положительная наука, какъ-только она говоритъ о живой дѣйствительности: то взаимнѣ этого знаніе поддерживается здѣсь увѣренностію, которая рождается непосредственно изъ нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ стремленій и потребностей человѣческаго духа, или знаніе встрѣчается здѣсь съ *врою*, которая въ исторіи науки есть дѣятель болѣе сильный, болѣе энергическій и болѣе существенный, нежели сколько воображаетъ себѣ исключительная эмпирія. Изъ послѣднихъ замѣчаній однакожь можно заключить, что философія, какъ *цѣлостное міросозерцаніе*, есть дѣло не человѣка, а человѣчества, которое никогда не живетъ отвлеченнымъ или чисто-логическимъ сознаниемъ, но раскрываетъ свою духовную жизнь во всей полнотѣ и цѣлостности ея моментовъ.

І. ВРИВІТЬ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ ПРАКТИЧЕСКОЮ МЕТОДОЮ ПРЕПОДАВАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА НЕЕ.

По поводу статьи г. Разина, напечатанной въ 14 № Морскаго сборника
за 1856 годъ.

Во всёхъ обнаруженіяхъ жизни практической, и даже отчасти умственной, мы находимъ рѣзко-выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней.

Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ или уличный шарлатанъ.

Вы думали-было, что вы уже убѣждены. Вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ Неба, требующій усиленной разработки. Тотъ можетъ имѣть убѣжденія, кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, кто приученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровеннымъ съ наставниками, такъ и сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностію отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Убѣдитесь, что никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтъ не въ-состояніи уничтожить вдохновеніе въ человѣкѣ... Безъ вдохновенія нѣтъ воли; безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы ничтожество и произволъ.

Нуждаясь въ сочувствіи, вы невольно думаете: можно-ли надѣяться, чтобы мнѣ сочувствовали, чтобы другіе взяли на себя трудъ узнать меня?

Но потомство — безсмертіе земли! Не должно-ли дорожить его сочувствіемъ?

Не говорите, что не всякій может дѣйствовать для потомства. Всякій въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ...

Вопросы жизни. *Пирюева*. Морск. сборн. за июль 1856 г. стр. 564, 580, 587—589.

Тупа ораторія, космоязычна поэзія, неосновательна философія, неприятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики; и хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію.

Ломоносовъ въ предисловіи своей грамматики.

Да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи чловѣчестій, въ коварствѣ козней льщенія. Вся искушающе, добрая держите.

Ап. Павелъ въ посл. къ Солун. гл. V, ст. 19. Къ Ефес. IV, ст. 14.

Въ 1856 году «Морской сборникъ» началъ рядъ статей, посвященныхъ рѣшенію весьма важныхъ вопросовъ жизни, вопросовъ о воспитаніи. Мысль счастливая и благодѣтельная. Кто, въ-особенности изъ родителей, воспитателей и наставниковъ, не знаетъ, какъ трудно и, при безконечномъ разнообразіи воспитываемыхъ личностей, для самыхъ опытныхъ педагоговъ нерѣдко какъ загадочно бываетъ великое дѣло воспитанія? Съ другой стороны, кто не понимаетъ необыкновенной важности хорошаго воспитанія, для истиннаго счастья и благоденствія не только каждаго чловѣка, каждаго семейства, каждаго общества, государства, но и всего чловѣчества?... Такъ, мысль о необыкновенной важности воспитанія сознава наконецъ (благодареніе Богу) гораздо полнѣе, глубже и живѣе прежняго нашими соотечественниками. Послѣ «Морскаго сборника», начали появляться въ большемъ количествѣ, весьма полезныя и поучительныя статьи и въ другихъ журналахъ. Наконецъ, въ 1857 году, получили начало: «Журналъ для воспитанія» и «Русскій педагогическій вѣстникъ», — періодическія изданія, исключительно посвященныя рѣшенію самыхъ многоразличныхъ и разнообразныхъ вопросовъ и недоумѣній касательно воспитанія. Какое счастье для родителей, для воспитателей и

педагоговъ! Сколько высказано уже, въ статьяхъ о воспитаніи, глубокихъ, весьма полезныхъ и въ высокой степени поучительныхъ мыслей, умныхъ и благодѣтельныхъ замѣчаній и совѣтовъ, почерпнутыхъ сколько изъ свѣтлаго и здраваго ума, столько-же изъ многолѣтняго опыта и глубокаго размышленія,—совѣтовъ, относящихся сколько къ воспитанію собственно, столько же и къ образованію молодаго поколѣнія. Въ-особенности важны въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, «Журналъ для воспитанія» и «Русскій педагогическій вѣстникъ», — повременныя изданія, имѣющія прямою своею дѣлю сообщеніе свѣдѣній о воспитаніи. Въ этихъ истинно-драгоцѣнныхъ для педагоговъ изданіяхъ мы слышимъ заслуживающіе полное вниманіе голоса какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, не только нашихъ отечественныхъ, но и иностранныхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ. Мало-по-малу, важный предметъ будетъ разсматрѣнъ съ самыхъ многоразличныхъ сторонъ. Мало-по-малу, въ этихъ изданіяхъ, каждый изъ педагоговъ найдетъ для себя то, что ему, въ извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, будетъ полезно, необходимо.

Но дѣло рукъ человѣческихъ можетъ-ли имѣть полное совершенство? Мнѣнія людей могутъ-ли быть всегда вѣрны, безошибочны? Для человѣка истина, по выраженію древнихъ, въ кладезѣ, въ пучинѣ морской, на днѣ моря (*ἡ ἀλήθεια ἐν βύθῳ*). *Помышленіе смертныхъ, по замѣчанію Премудраго, божливо, и погрѣшительна умовилетя наша* (1). Говоря искренно, можно-ли не сознаться, что, вмѣстѣ съ мыслями свѣтлыми и здоровыми, сужденіями отчетливыми и основательными, выводами точными, глубокими и поучительными, въ нѣкоторыхъ статьяхъ о воспитаніи и замѣчаніяхъ на оныя, встрѣчаемъ также мнѣнія ложныя, сужденія пристрастныя и неосновательныя, взгляды на предметъ односторонніе и невѣрные, выводы неточные и софистическіе, которые, быть можетъ, имѣютъ и несомнѣнъ благо-

(1) Премудр. Солом. гл. 9, ст. 14.

творное вліяніе на нѣкоторыхъ изъ читающей публики? Можно-ли не сознаться, что въ иныхъ статьяхъ о воспитаніи и замѣчаніяхъ на оныя случается встрѣчаться съ мыслями, которыя, по врожденному чувству истины и справедливости, далеко не возбуждаютъ и, какъ намъ кажется, не должны возбуждать общаго сочувствія? Кто, здравомыслящій и безпристрастный, согласится, напр., съ мнѣніемъ тѣхъ педагоговъ нашихъ и критиковъ, которые безусловно порицаютъ въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія все старое, потому только, что оно старо, и хвалятъ все новое, потому только, что оно ново? Какъ будто и воспитаніе и наука должны также слѣдовать какой-то прихотливой и скоропреходящей модѣ, подобно платью, а не создаваться на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ истиннаго, добраго и прекраснаго! Какъ будто предубѣжденіе въ пользу всего новаго не есть такой-же негѣпый и вредный предразсудокъ, какъ и предубѣжденіе въ пользу всего стараго! Какъ будто въ дѣлѣ воспитанія мы должны искать непременно чего-то новаго и доселѣ неизвѣстнаго, а не истиннаго, вѣрнаго, несомнѣнно-полезнаго и благодѣтельнаго!... (2) Вы ищете одного новаго; но смотрите внимательно, что вы принимаете за новое.... Известное изреченіе древняго святаго мудреца: *ничтоже ново подъ солнцемъ: уже было и речесть: се сіе ново есть: уже бысть въ стцыхъ бышихъ прежде насъ* (Еккл. I, 10), не можетъ-ли, съ большею чѣмъ когда-либо справедливостію, быть примененнымъ ко многому и въ настоящее время? Въ-самомъ-дѣлѣ, живя въ осьмомъ тысячелѣтіи отъ сотворенія міра, много-ли можемъ встрѣтить, положимъ хотя и въ дѣлѣ воспитанія, дѣйствительно-новаго? Не часто-ли старое, давно-вышедшее изъ употребленія, оставленное, отверженное какъ несовершенное, забытое, входитъ опять въ употребленіе и почитается новымъ?

(2) Въ Журн. для воспит. за 1858 г. т. III, въ статьѣ: «Особенность дѣтей при слушаніи разсказовъ», выказана по этому предмету простая, но прекрасная, здравая и справедливая мысль: «пустъ учителя богѣ заботятся о благодѣльномъ, нежели о новомъ».

Не часто-ли нѣкоторые пристрастные почитатели всякой новизны съ восторгомъ встрѣчаютъ, какъ пріятную имъ новость, то, что на самомъ дѣлѣ старо, очень старо, и многимъ давно извѣстно, а ново только для нѣкоторыхъ, ново только для нихъ, ново потому, что они этой старины не знали?... Слѣдовательно многое, принимаемое за новое, можетъ быть сколько весьма несовершеннымъ, столько же и весьма относительнымъ, а вовсе не безусловнымъ, новымъ для нѣкоторыхъ, а не для всѣхъ.... Съ другой стороны, если только какое-нибудь предубѣжденіе можетъ быть разумно, то не болѣе-ли уже окажется этой разумности на сторонѣ предубѣжденія въ пользу многого стараго? Старое есть нѣчто уже испытанное, долговременнымъ опытомъ оправданное, болѣе или менѣе прочное и совершенное. Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ области наукъ, произведеній искусствъ и словесности, слабое, дурное, видимо-несовершенное, обыкновенно не старѣется: оно умираетъ тотчасъ, или вскорѣ послѣ своего рожденія. Умная, здравая, глубокая мысль переживаетъ тысячелѣтія съ нестарѣющею свѣжестью и силою: а пустая, поверхностная, большею частію исчезаетъ мгновенно, какъ мыльный пузырь отъ слабого дуновенія вѣтра, какъ легкій туманъ при первомъ появленіи солнечныхъ лучей. Мы весьма далеки отъ мысли защищать этимъ рѣшительно все старое; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что неблагоприятно искать пристрастно одной новизны, малодушно увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія и питать безусловное предубѣжденіе въ пользу всего, мнимо-или дѣйствительно - новаго. Мы хотимъ только сказать, что, не говоря уже о вѣчныхъ истинахъ Откровенной религіи нашей, должно быть и вообще осторожнымъ въ сужденіи о настоящемъ значеніи и достоинствѣ кое-чего стараго, что не безъ большой осмотрительности, строгого предвирительнаго изслѣдованія и глубокаго соображенія должно замѣнять иноѣ старое мнимо-или дѣйствительно-новымъ. Кто усомнится предпочесть новое старому, если только первое, по надлежащемъ изслѣдованіи, окажется несомнѣн-

но и очевидно лучшимъ и полезнѣйшимъ послѣдняго?... Живо и искренно сочувствуемъ мы, съ своей стороны, возмѣщаемымъ у насъ нынѣ, всѣми и всюду, гуманности и прогрессу; думаемъ только, что на подлинной гуманности, на дѣйствительнаго прогресса, никто не станетъ полагать, между прочимъ, и въ замѣнѣ истиннаго ложнымъ, полезнаго вреднымъ.

Нужно-ли говорить, что, не смотря на видимые, неизбежныя для смертныхъ, недостатки и погрѣшности, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ статьяхъ о воспитаніи и критикахъ на оныя, не порицанія, а благородности заслуживаютъ періодическія изданія, дающія мѣсто самымъ противоположнымъ и противорѣчающимъ между собою мнѣніямъ? Война бываетъ причиною прочнаго и славнаго міра; явное заблужденіе нерѣдко бываетъ поводомъ къ открытію или утвержденію важной истины. Мудрено предпологать, чтобы кто-нибудь взялся за перо и сталъ сильно что-нибудь защищать или опровергать безъ глубокаго внутренняго убѣжденія, или, вообще, безъ особеннаго какого-нибудь побужденія.... Счастливы тотъ, чьи побужденія въ этомъ случаѣ всегда разумны, благородны, безкорыстны, возвышенны, чьи убѣжденія болѣе или менѣе непогрѣшительны, вѣрны! Но можно-ли сказать рѣшительно, что останутся безъ всякаго значенія, безъ всякихъ благихъ послѣдствій и мысли невѣрныя, высказанныя по недосмотру, по ограниченности дарованій и познаній, отъ поспѣшности литературной работы, или по какимъ-нибудь даже несовсѣмъ разумнымъ и чистымъ побужденіямъ? Вѣдь это все-же весьма любопытныя для мыслящаго наблюдателя проявленія ума, сердца и воли, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, родныхъ намъ по природѣ, ядивидуумовъ, все-же это обнаруженія бѣльшаго или меньшаго значенія той или другой стороны изслѣдываемаго предмета.... Мнѣнія дѣйствительно-невѣрныя, или только кажущіяся таковыми, быть можетъ, вызовутъ противъ себя возраженія и опроверженія, а при этомъ случаѣ могутъ быть указаны и раскрыты такія стороны, которыя безъ того могли-бы остаться незамѣченными.

Очень можетъ быть, что опровергающіе мнимо-или дѣйстви-тельно-ложныя мнѣнія другихъ, выскажутъ при этомъ слу-чай свои, новыя недосмотры; новыя погрѣшности, которыя, въ свою очередь, будутъ исправлены другими. Конечно, рядъ такихъ недосмотровъ и погрѣшностей можетъ протянуться слишкомъ далеко.... Грустно, безъ-сомнѣнія, встрѣчать такія неудачныя попытки въ открытіи истины, такія, повидимому, безотрадныя явленія; но опытный мыслитель знаетъ, что въ самомъ странномъ и неумномъ, повидимому, мнѣніи человѣка мыслящаго непременно найдется извѣстная доля истиннаго и слѣдовательно полезнаго, поучительнаго. Исторія науки наукъ— философіи, представляетъ, въ этомъ отношеніи, знатокъ дока-зательства нашихъ словъ, болѣе другихъ ясныя, очевидныя. Кто скажетъ, что въ положеніяхъ догматизма и скептицизма, мнѣніяхъ эмпиризма, мистицизма и раціонализма совсѣмъ не было и нѣтъ ничего истиннаго?..

Что достаточное знакомство съ роднымъ языкомъ есть од-но изъ первѣйшихъ условій всякаго другаго знанія; что осно-вательное изученіе этого языка должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ потребностей всякаго сколько-нибудь обра-зованнаго человѣка; что употребленіе его имѣетъ самое обшир-ное приложеніе во всѣхъ родахъ жизни и государственной службы, что поэтому онъ долженъ быть всегда однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ школьнаго обученія; что слѣдователь-но возможно-лучшій и совершеннѣйшій способъ преподаванія его долженъ быть постоянно предметомъ особенной заботливо-сти лицъ, по обязанности своей ближе стоящихъ къ этому дѣ-лу, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣти, какъ во вся-комъ случаѣ, такъ и въ изученіи роднаго языка, идутъ тѣмъ путемъ, которымъ ведутъ ихъ: наше дѣло позаботиться о томъ, чтобы вести ихъ путемъ сколько можно болѣе вѣрнымъ. Къ-сожалѣнію, мы не много нашли въ журналахъ статей, посвя-щенныхъ прямо этому предмету. Въ статьяхъ о воспитаніи, самыми замѣчательными нашими педагогами и специалистами

по Русскому языку, большею частію говорится о преподаваніи Русскаго языка кратко и какъ-бы мимоходомъ (3). Полнѣе другихъ статья объ этомъ предметѣ г. Разина, напечатанная въ

(3) Здѣсь должны быть упомянуты: 1) двѣ статьи, помѣщенные въ Морскіе сборн. за 1856 годъ: а) Дополнительныя статьи къ разсужденію Бека о воспитаніи. Орд. академикъ И. И. Давыдова (Морск. сборн. за 1856 г. № 5, мартъ), и б) Забѣтки о преподаваніи Русскаго языка и словесности Н. И. Греча. (Того-же журнала и за тотъ-же годъ № 7). Изъ первой статьи мы вспомнимъ здѣсь слѣдующее замѣчаніе: «Слово родное, разсматриваемое какъ орудіе всякой науки и какъ особая наука, и прекрасное слово Греціи и Рима, упражняя умъ, дѣйствуя на сердце и развивая изысканный вкусъ, соединяютъ въ себѣ всѣ условія основнаго элемента въ образованіи общецъ лицъ въ гармоническомъ раскрытіи и укрѣпленіи всѣхъ силъ духовнаго организма, составляющаго совершенствованіе умственное, нравственное, эстетическое». Во-второй мы считаемъ замѣчательнѣйшими слѣдующія мысли: «Когда ребенокъ выучился хорошо читать, ему слѣдуетъ заняться изученіемъ правилъ языка, съ приложеніемъ ихъ къ практикѣ, приобрѣтеніемъ искусства порядочно говорить и писать по-Русски.... Во всякомъ обученіи есть три степени: первая степень, ученіе первоначальное.... Вторая степень — ученіе стройное, присвоеніе себѣ основанія и правилъ науки въ общемъ цѣломъ, съ примѣрами и доказательствами, основанными на умозрѣніи и разумномъ употребленіи. Третья степень — преподаваніе философское... Ученіе чтенію и письму есть наглядное, просто-практическое. Съ осьмаго или девятаго года, смотря по развитію силъ и способностей ребенка, начинается ученіе стройное. При *языковеденіи* заключается въ этомъ отдѣлѣ преподаваніе правилъ и правилъ слога или словесности. Третья степень выходитъ изъ нашей рамки. Въ Высочайше утвержденномъ 24 декабря 1846 года «Наставленіи для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» (стр. 80) сказано, продолжаетъ тотъ-же авторъ, въ этомъ отношеніи великая истина: «Двигать науку дѣла академій и гениальныхъ писателей; среднія учебныя заведенія должны только пользоваться плодами трудовъ ихъ, которые приняли уже силу закона или правила».

«Русская грамматика, говоритъ затѣмъ г. Гречъ, должна быть написана въ строгомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Всякое правило должно имѣть практическую цѣль. Опредѣленія должны быть просты, кратки, удобопонятны для ребенка.... Главнѣйшимъ предметомъ при преподаваніи грамматики долженъ быть синтаксисъ. Важнѣе всего въ грамматикѣ ученіе о правильномъ, ясномъ и понятномъ изложеніи мыслей, объ отличительныхъ свойствахъ Русской рѣчи, объ употребленіи и размѣщеніи словъ». Стр. 198, 199, 199.

Сюда-же принадлежитъ статья г. Грота: «Объ элементарномъ преподаваніи Русскаго языка», помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ, по отд. Русск. яз. и слов. т. II, вып. I за 1858 годъ.

Впослѣдствіи появилось немало дѣльныхъ замѣчаній по этому предмету въ Извлеченіяхъ изъ протоколовъ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ.

14 № Морскаго сборника за 1856 годъ. Но въ статьѣ этой г. Разинъ исключительно рекомендуетъ одну *чисто-практическую* методу преподаванія Русскаго языка, объявляя страшную открытую войну и преслѣдованіе грамматикѣ.... Можно-ли безусловно согласиться съ г. Разинымъ? Нѣтъ-ли крайности въ его мнѣніи? По-крайней-мѣрѣ, намъ такъ кажется. По нашему мнѣнію, помянутая статья г. Разина весьма естественно и справедливо вызвала противъ себя умныя и весьма дѣльныя возраженія и замѣчанія, напечатанныя въ 8 № Русскаго педагогическаго вѣстника за 1859 годъ (4). Убѣжденные совершенно въ противномъ тому, что доказываетъ въ помянутой статьѣ своей г. Разинъ, съ своей стороны мы также далеко не сочувствуемъ его мнѣнію касательно значенія для дѣтей изученія грамматики отечественнаго языка, а потому, имѣя въ виду единственно истину, справедливость и благо молодаго обучающагося поколѣнія, считаемъ не излишнимъ высказать здѣсь также нѣкоторыя собственныя, почерпнутыя преимущественно изъ опыта и наблюденія, примѣчанія на его статью, при всемъ уваженіи нашемъ къ личности автора.

Главные положенія помянутой статьи г. Разина, на которыя мы обратимъ здѣсь вниманіе нашихъ читателей, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изученіе Русской грамматики для дѣтей не только совершенно бесплатно, но даже вредно; 2) полезны одни практическія занятія языкомъ, а въ-особенности простое чтеніе; 3) мѣсто преподаванія грамматики въ концѣ курса.

Сколько извѣстно, обыкновенно кака-нибудь крайность, почти по-необходимости, вызываетъ другую, ей противоположную. Въ настоящемъ случаѣ мы совсѣмъ этого не видимъ. Сомнѣваемся, чтобы кто-нибудь когда-нибудь думалъ учить Русскому или какому-бы то ни было языку единственно изъ грамматики, безъ всякой практикы; видимъ только, что въ статьѣ г. Разина ясно высказывается мысль, что можно сообщить ос-

(4) Нѣсколько словъ въ защиту грамматики. С—ды. Стр. 482—494.

новательное знаніе отечественнаго языка безъ всякой грамматики, посредствомъ одной практики. Не знаемъ, сомнѣвался-ли кто-нибудь и когда-нибудь въ извѣстной всякому пользѣ практическихъ занятій языкомъ, видимъ только, что г. Разинъ все-народно объявляетъ и доказываетъ бесполезность изученія грамматики. Хотя самъ г. Разинъ предлагаемую имъ чисто-практическую методу считаетъ у насъ *новою* (5); однако, на самомъ дѣлѣ, кажется, уже не менѣе десятилѣтія, у насъ можно считать ее, такъ сказать, *модною*, болѣе или менѣе господствующею (6). У г. Разина только яснѣе высказалась она, наконецъ, во всей своей односторонности, крайности и странности. Не пора-ли взглянуть, скажемъ и мы въ свою очередь словами г. Разина, на такъ-называемую практическую методу, безъ предубѣжденія?

Грамматика для дѣтей бесполезна! Но для кого-же и для чего постоянно писались и пишутся, печатались и печатаются у насъ, подъ разными названіями, Русскія грамматики? ужели только для взрослыхъ и стариковъ? Для чего у насъ самая академія наукъ постоянно имѣла и имѣетъ, какъ извѣстно, одною изъ важнѣйшихъ задачъ своихъ «начертаніе сколько можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія языка» (7)? Отчего, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ г. Разинъ, «въ цѣломъ образованномъ свѣтѣ, всѣ образованные люди начинаютъ изученіе отечественнаго языка съ грамматики» (8)?... Или все это, въ самомъ дѣлѣ, есть не болѣе, какъ только заблужденіе, ошибка, которой впродолженіе не вѣковъ, а цѣлыхъ тысячелѣтій замѣтить не могли?... Серьезный от-

(5) «Можетъ быть *пора*, говорить г. Разинъ, взглянуть на преподаваніе отечественнаго языка съ другой точки зрѣнія». Морск. сборн. за 1856 годъ, № 14, часть неоффиц. стр. 10.

(6) См. Программу Кіевск. учебн. окр. 1847 г. стр. 43 — 49. Замѣчанія о преподаваніи Русской грамматики. — Начертаніе Русскаго синтаксиса Пет. Перевѣскаго, 1847 г. Предисл. стр. IV.

(7) Опытъ общесравн. грам. Русск. яз. изд. 3, стр. XXX.

(8) Морск. сборн. за 1856 г. № 14, часть неоффиц. стр. 28.

вѣтъ г. Разина на эти вопросы состоитъ въ томъ, что «наука далеко еще не сбросила съ себя цѣпей схоластики»!...

Какого именно возраста дѣтей разумѣетъ г. Разинъ, когда говоритъ, что занятіе ихъ грамматикою бесполезно, а полезны только одни практическія занятія языкомъ? *Какимъ именно учебнымъ заведеніемъ* рекомендуетъ онъ свою чисто-практическую методу (духовно-учебнымъ, военно-учебнымъ, мин. нар. просв., и при томъ низшимъ-ли только, или и среднимъ)? *Какой это конецъ курса*, гдѣ можно уже преподавать Русскую грамматику, и притомъ сравнительную и общую? Г. Разинъ, быть можетъ, избѣгая цѣпей схоластики, не говоритъ объ этомъ ясно и опредѣленно. По нѣкоторымъ только выраженіямъ можно догадаться, что у него разумѣются дѣти не моложе 10 лѣтъ, ибо дѣло идетъ объ изученіи Русскаго языка въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ (9); что имѣются въ виду вообще не только низшія, но и среднія учебныя заведенія: ибо, по предположенію его, ученики отъ практическихъ занятій языкомъ должны, безъ грамматики, перейти прямо къ изученію теоріи словесности и теоріи литературы (10); что подъ концомъ курса разумѣется послѣдній высшій классъ среднихъ учебныхъ заведеній: ибо сказано, что въ концѣ *учебнаго* курса, и притомъ, никакъ не возможно предполагать, при его образѣ мыслей, чтобы онъ позволилъ изучать общесравнительную грамматику въ концѣ учебнаго курса низшихъ училищъ, т.-е. въ третьемъ или четвертомъ классѣ.... Какъ воспользоваться совѣтами г. Разина и какъ судить о вѣрности и основательности его мыслей, при такой неопредѣленности ихъ выраженія? По-крайней-мѣрѣ мы съ своей стороны считаемъ не излишнимъ объяснить,

(9) Тамъ-же стр. 22. «Въ такомъ-то классѣ пройдена этимологія, въ такомъ-то синтаксисѣ».

(10) Тамъ-же стр. 32. «Въ нѣсколько лѣтъ по 2000 строкъ, накопится въ головѣ воспитанника множество готовыхъ уже и прекрасныхъ выраженій и оборотовъ, и большой запасъ образцовъ, которые очень пригодятся для *лекцій теоріи словесности и исторіи литературы*».

какъ понимаемъ и къ какимъ дѣтямъ относимъ совѣтъ г. Разина, чтобъ не оставить въ этомъ отношеніи, въ свою очередь, въ такомъ-же недоумѣніи и нашихъ читателей. Прибавимъ и то, что въ настоящемъ разсужденіи нашемъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно воспитанниковъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній мин. нар. проsv.

Почему изученіе грамматики отечественнаго языка для дѣтей не только бесполезно, но даже вредно?

Внимательный читатель указанной нами статьи г. Разина не можетъ не видѣть, что у него слишкомъ рѣзко выдается и какъ-бы на первомъ планѣ стоитъ то основаніе безусловной похвалы практическимъ занятіямъ Русскимъ языкомъ и въ особенности занятію *чтениемъ*, что оно *пріятно* для дѣтей, и то основаніе безусловнаго также порицанія занятій грамматикою, что эти занятія *скучны* (11). Основательна-ли и справедлива-ли эта причина безусловной похвалы чтенію и порицанія занятіямъ грамматикою?... Не споримъ, что стараніе сдѣлать преподаваніе своего предмета болѣе или менѣе пріятнымъ и занимательнымъ для дѣтей весьма похвально въ наставникѣ; но слѣдуетъ-ли наставнику придавать этому обстоятельству такъ много

(11) Вотъ подлинныя слова г. Разина: «Въ тысячу кратъ полезнѣе занятій грамматикою было-бы *простое чтеніе въ классѣ*, которое обыкновенно считается недѣломъ со стороны учителя. Но воспитанники очень любятъ чтеніе, для нихъ величайшая награда, если учитель обѣщаетъ, напр., за хорошее сочиненіе вообще, въ цѣломъ классѣ, весь слѣдующій урокъ посвятить на чтеніе хотя нѣкоторыхъ сценъ изъ «Тараса Бульбы». Самые дурные и угрюмые изъ воспитанниковъ *очень рады потому, что имъ кажется, что они ничего не будутъ дѣлать въ классѣ*: это просто праздникъ. Большая часть оживлена совсѣмъ другимъ чувствомъ: они идутъ въ классъ, рассчитывая на *наслажденіе*; для нихъ это такая рѣдкость, что на лицахъ замѣтна даже преувеличенная радость. Указныя десять минутъ предъ классомъ проходятъ не въ обычномъ томительномъ ожиданіи дурныхъ баловъ, или вообще *труда*, а въ пріятномъ ожиданіи». Морск. сборн. за 1856 г. № 14, часть неоф. стр. 29.

Подобныя мысли, какъ главное доказательство особенной пользы *чисто-практической* методы преподаванія Русскаго языка и бесполезности преподаванія дѣтямъ грамматики, повторены впоследствии времени г. Редчицомъ. Журн. для воспит. за 1859 годъ, № 5.

важности и ставить это главною своею задачею? Ужели наставникъ, подобно фокусникамъ и потѣшникамъ, долженъ заботиться только о томъ, чтобы тѣшить и забавлять дѣтей, доставлять имъ удовольствіе, развлеченіе, наслажденіе? Мы думаемъ, что занятіе дѣтей только тѣмъ, что тѣшить и забавляетъ ихъ, что доставляетъ имъ наслажденіе, столько-же полезно для ихъ душевныхъ способностей и силъ, а въ-особенности для ихъ нравственности, характера, сколько лакомства, сласти полезны для здоровья ихъ организма тѣлеснаго. Одни такія занятія изнѣживаютъ и расслабляютъ ихъ духъ. Какія отъ такихъ, исключительно занятій могутъ образоваться у дѣтей склонности, желанія, привычки? Они постоянно захотятъ искать только того, что легко и пріятно,—однихъ забавъ и развлеченій; всегда станутъ скучать всякимъ дѣльнымъ занятіемъ, если только оно потребуетъ серьезнаго труда и не будетъ представлять имъ различныхъ наслажденій. Прибавьте къ этому: что обыкновенно нравится юношеству? какія обыкновенно книги, какія статьи, и безъ того, любить читать оно?

Но вы не будете занимать дѣтей чтеніемъ пустыхъ, мало-полезныхъ книгъ и статей, вы займете ихъ чтеніемъ дѣльнымъ; вы нарочно издаете для нихъ дѣтскіе журналы, нарочно приготовили весьма полезное и поучительное для дѣтей руководство («Міръ Божій»), книги, въ которыхъ они найдутъ для себя весьма важныя и назидательныя истины? Все это очень хорошо; только будутъ-ли эти книги и подобныя имъ столько занимательны для дѣтей, сколько вы того надѣетесь, желаете и предполагаете? Не найдутъ-ли въ нихъ они также много такого, что, если не для всѣхъ, то по-крайней-мѣрѣ для нѣкоторыхъ, и можетъ быть даже для большей части учениковъ покажется также весьма сухимъ, неудобопонятнымъ и очень, очень скучнымъ, скучнѣе всякой грамматики?... Такъ не оставить-ли уже по этой причинѣ и эти книги и всякое дѣльное чтеніе съ дѣтьми, а занять ихъ только чтеніемъ *того, что имъ нравится?* или, даже, не лучше-ли будетъ совсѣмъ не занимать

ихъ никакимъ дѣломъ, что, по замѣчанію самого г. Разина, еще болѣе можетъ инымъ понравиться?... (12).

Не думаемъ, чтобы на это можно было согласиться.... Слѣдовательно, не будтеъ-ли гораздо лучше и справедливѣе, во всякомъ случаѣ, заблаговременно приучать дѣтей, мало-по-малу, къ занятіямъ болѣе дѣльнымъ и серьезнымъ, приучать къ труду и терпѣнію, приучать во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни предпочитать пріятному честное, полезное и необходимое? Да и не будетъ-ли это даже болѣе сообразно съ естественными склонностями и настоящими потребностями природы человѣческой, которой, какъ извѣстно, наскучиваетъ постоянное однообразіе, для которой самыя сласти дѣлаются наконецъ приторными и возбуждаютъ отвращеніе? Не будетъ-ли полезнѣе занять не только чувство, память и воображеніе, но и мыслящую силу юныхъ отроковъ? А затѣмъ, не будетъ-ли имѣть права на вниманіе дѣтей, наравнѣ съ другими дѣльными книгами и точными науками, какова священная исторія, географія, ариметика, геометрія, катихизисъ и пр., и грамматика, хотя-бы, положимъ, она и не слишкомъ была занимательна, если только она окажется для нихъ, вопреки мнѣнію г. Разина, не только полезною, но и необходимою?

Между-тѣмъ, можно-ли ручаться г. Разину въ томъ, что непременно всякій наставникъ наводитъ скуку на учениковъ своимъ преподаваніемъ грамматики? Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, чрезвычайно много зависитъ отъ личности наставника, его способностей, наклонности, усердія, знанія своего дѣла, искусства и опытности въ преподаваніи, которыя далеко не у всѣхъ наставниковъ одинаковы. Извѣстно, что и самыя занимательныя предметы, какъ напримѣръ, исторію, географію, можно преподавать также очень сухо и скучно. Не менѣе вѣрно и то, что самыя сухіе, скучныя и неудобопонятныя для дѣ-

(12) «Самыя дурныя и угрюмыя изъ воспитанниковъ очень рады (чтенію) потому, что имъ кажется, что они ничего не будутъ дѣлать въ классѣ: это просто праздники». См. предъидущее примѣчаніе.

тей предметы; могутъ быть преподаваемы болѣе или менѣе ясно, увлекательно и занимательно (13). Самое чтеніе, рекомендуемое г. Разинымъ, какъ пріятнѣйшее препровожденіе времени съ учениками въ классѣ, кромѣ занимательности содержанія и изложенія читаемой статьи, требуетъ, по замѣчанію самого г. Разина, извѣстныхъ условій со-стороны наставника, чтобъ оно не было также не только мало-полезно, но и скучно.

«Сухость, безжизненность грамматики, говоритъ г. Разинъ, наводитъ совершенную тоску на *всякую мыслящую голову*». Признаемся чистосердечно, что намъ эта мысль въ устахъ образованнаго человѣка, а еще болѣе въ устахъ преподавателя Русскаго языка, кажется очень странною. На какую сухость и безжизненность грамматики жалуется г. Разинъ? На сухость и безжизненность содержанія грамматики? Но всякая истина сама-по-себѣ есть уже прямая, дѣйствительная жизнь нашего духа и заключаетъ въ себѣ, по замѣчанію одного изъ величайшихъ мыслителей древности, неизъяснимую прелесть для всякаго ума, дѣйствительно-мыслящаго. Если это справедливо вообще, то не болѣе-ли справедливо по отношенію къ истинамъ той науки, которая излагаетъ вѣчно-дѣйствующіе законы и формы проявленія разумной жизни нашего духа въ мысли и слова?... А что касается выраженія, то, конечно, въ грамматикѣ нельзя найти, да и не слѣдуетъ искать, витійства оратора, равно-какъ и живописи или восторженнаго паренія поэта (хотя и это все можетъ встрѣчаться тамъ, въ примѣрахъ); при всемъ томъ, какъ во всякомъ хорошемъ учебникѣ, такъ и въ хорошей грамматикѣ, вы всегда найдете то, что сообщаетъ надлежащій свѣтъ, и слѣд. животворитъ мыслящую голову, именно найдете надлежащую основательность, связность и послѣдова-

(13) Не знаю, почему можно назвать скучнымъ преподаваніе малолѣтнимъ дѣтямъ грамматики такое, напр., какого образецъ представляетъ г. Буслаевъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «О преподаваніи отечественнаго языка», въ части 1, въ статьѣ: «Начальная грамматика», стр. 215—262.

тельность изложения, а также простоту, ясность и точность выражения, лучшее видшее украшение всякаго учебника. Отъ чего-же тутъ быть тоскѣ для головы дѣйствительно-мыслящей, когда только одной запутанности, неясности, неопредѣленности и неосновательности изложения, мраку лжи и обмана, тьмѣ заблужденія, естественно производить такое тягостное состояніе духа? Прибавимъ къ этому, что всякій хорошій преподаватель, мы полагаемъ, долженъ быть, хотя это кажется и смѣшнымъ г. Разину, восторженнымъ любителемъ истинъ своей науки, какова-бы эта наука ни была; въ противномъ случаѣ, очень жаль, если онъ, для избавленія себя и своихъ слушателей отъ совершенной тоски, не промѣняетъ должности наставника юношества на какую-бы то ни было другую. Мы никакъ не можемъ вѣрить, поэтому, чтобы истины грамматики были въ самомъ дѣлѣ для всякаго безжизненны и дѣйствительно наводили тоску на всякую мыслящую голову. Мы думаемъ, напротивъ, что голова дѣйствительно-мыслящая найдетъ для себя въ грамматикѣ истины живыя и плодотворныя, важныя и занимательныя, достойныя полнаго вниманія и изученія; увѣрены, что дѣйствительно-мыслящая голова хорошаго учителя съумѣетъ понять эту важность, этотъ интересъ своей науки, съумѣетъ одѣнить его и показать ученикамъ. Въ такомъ случаѣ, не возможно, чтобы то, что живо интересуетъ учителя, не завлекло и учениковъ его. Въ преподаваніи дѣтямъ грамматики, какъ и всякаго другаго, болѣе отвлеченнаго и систематически-излагаемаго предмета, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важно, со-стороны преподавателя, знаніе: что, когда, какъ, въ какомъ объемѣ и порядкѣ сказать. Если изъ понятій и правилъ грамматики будетъ сказано ученикамъ того или другаго класса только то, что необходимо при ихъ практическихъ занятіяхъ и вполне доступно дѣтскому ихъ разумѣнію; если будетъ сказано все умѣстно и своевременно и притомъ кратко и ясно, съ объясненіемъ и оживленіемъ понятій и правилъ грамматики приличными и вполне ясными примѣрами, съ непосредственнымъ и точнымъ примѣ-

неніемъ правилъ къ практикѣ; то эти понятія и правила грамматики никогда не будутъ скучны ученикамъ, никогда не наведутъ на нихъ никакой тоски, они будутъ усвоены ими легко и съ пріятностію. Дѣти, и очень справедливо, скучаютъ тѣмъ, что для нихъ неясно: слѣд. надобно только позаботиться о всевозможной ясности и простотѣ изустнаго объясненія и приспособленія къ возрасту и степени разумѣнія письменнаго изложенія науки. Дѣти также естественно скучаютъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, бесполезно; напротивъ, сознание пользы, сознание усовершенія себя какъ вообще, такъ и въ умственномъ отношеніи, имѣетъ и для дѣтей свою неизъяснимую прелесть и для дѣтей весьма пріятно сознание, что они, посредствомъ изученія извѣстной науки, пріобрѣтаютъ новыя для нихъ свѣдѣнія, новыя истины, и притомъ такія, которыя имѣютъ постоянное, непосредственное, весьма обширное и необыкновенно-важное примѣненіе къ самымъ необходимымъ ихъ практическимъ занятіямъ (что вполне относится къ грамматикѣ роднаго языка). Такое сознание пользы пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній даетъ, въ-особенности молодымъ людямъ, силы преодолѣть всѣ трудности, побѣдить всѣ препятствія.... А затруднится-ли наставникъ показать на опытѣ живую связь между грамматическими понятіями и правилами, и практическимъ употребленіемъ изустнаго и письменнаго языка, затруднится-ли показать ученикамъ на опытѣ пользу изучаемыхъ ими правилъ грамматики, если только самъ онъ все это надлежащимъ образомъ понимаетъ и глубоко убѣжденъ въ пользѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній?... Слѣдовательно, если грамматика въ самомъ дѣлѣ наводитъ тоску и скуку на иныхъ учениковъ, то причины этому надобно искать совсѣмъ не въ самой грамматикѣ, не въ содержаніи ея, не въ истинахъ ею предлагаемыхъ, а кромѣ извѣстнаго умственнаго состоянія и настроенія учениковъ,—зависящаго очень часто именно отъ учителей и воспитателей,—въ руководителяхъ и руководствахъ по этому предмету, въ способѣ ея изложенія и преподаванія. Гдѣ пользы грамматики не видитъ самъ учитель,

тамъ, естественно, не могутъ видѣть ее и ученики. Гдѣ грамматикою скучаетъ самъ учитель, тамъ, безъ-сомнѣнія, будутъ скучать его и ученики. Гдѣ грамматику письменно излагаютъ, или изустно преподаютъ неясно, непоследовательно, безсвязно, слишкомъ пространно и подробно, а притомъ чрезмѣрно отвлеченно, безъ надлежащаго объясненія примѣрами и примѣненія правилъ ея къ практикѣ, тамъ, безъ-сомнѣнія, ученики не будутъ ни понимать ее, ни интересоваться ею (14).

Взглянемъ теперь на методу г. Разина съ другой стороны. Спросимъ: подвигаются-ли на самомъ дѣлѣ методою, рекомендуемою г. Разинымъ, т.-е. методою чисто-практическою, и преимущественно простымъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, успѣхи въ Русскомъ языкѣ такъ быстро и вѣрно, какъ онъ это утверждаетъ? Въ одной изъ критикъ, написанныхъ на изданное г. Разинымъ практическое руководство по Русскому языку, подъ названіемъ: «Міръ Божій», весьма справедливо и основательно замѣчено, что подобныя зачатія, т.-е. чтеніе и изученіе избранныхъ отрывковъ наизусть, сами-по-себѣ, безъ теоріи языка, скорѣе и гораздо бо-

(14) Весьма важно еще, по нашему мнѣнію, въ преподаваніи, какъ другихъ предметовъ, такъ и Русской грамматики, мудрое правило Квинтилиана не обременять дѣтей большими уроками, въ-особенности, если эти уроки почему-либо трудны и неудобопонятны для нихъ. Это гораздо болѣе, нежели сухость предмета, кромѣ другаго вреда, можетъ поражать настоящую тоску въ ученикахъ, въ-особенности болѣе прилежныхъ и аккуратныхъ, но, по способностямъ, слабѣйшихъ. Вообще, какъ при объясненіи, такъ и назначеніи уроковъ, я полагаю, слѣдуетъ имѣть въ виду не лучшихъ, и даже не средственныхъ, а самыхъ слабыхъ учениковъ, и стараться и имъ дать полную возможность вполнѣ понять излагаемый предметъ и успѣвать въ преподаваемой наукѣ. «Учитель, приступая къ развитію новичковъ, говоритъ знаменитый Римскій педагогъ, не долженъ тотчасъ-же обременять слабыя силы лишнимъ трудомъ, но соображаться съ ихъ понятіемъ. Какъ узкогорыя сосуды не вдругъ наполняются, но принимаютъ жидкость тогда, когда она льется тонкою струею или падаетъ по каплѣ: такъ точно дѣтскій умъ воспринимаетъ только то, что доступно его силамъ, о чемъ и слѣдуетъ заботиться; что выше понятій начинающихъ, то не войдетъ въ ихъ еще неразвитую голову» Журн. для воспит. на 1857 годъ, № 9, стр. 250—251.

лѣе могутъ приносить пользы собственно другимъ наукамъ, естественной и Русской исторіи, географіи, физикѣ, астрономіи, фізіологіи и пр., къ области которыхъ принадлежатъ, по содержанию своему, извѣстный рассказъ или статья, нежели Русскому языку собственно (15): ибо извѣстно, что при подобныхъ занятіяхъ дѣти, какъ и всѣ вообще, обыкновенно обращаютъ болѣе и почти исключительно вниманіе на содержаніе, т.-е. на мысли, чувствованія, картины воображенія, а не на форму, не на языкъ, не на строеніе періодовъ и предложеній, не на слѣвосочиненіе, слѣвуправленіе и правописаніе, за которыми внимательно слѣдитъ при чтеніи безъ особенной цѣли и побужденія всякому довольно скучно. Что-же остается у дѣтей отъ этихъ занятій собственно на долю Русскаго языка? Нѣсколько усвоенныхъ памятью словъ и выраженій,—не болѣе. Чѣмъ-же эта польза отъ чтенія и изученія избранныхъ отрывковъ разнится отъ той, какую доставляетъ Русскому языку систематическое изученіе на немъ различныхъ предметовъ, а именно закона Божія, наукъ историческихъ, словесныхъ, математическихъ и пр.? По отношенію къ содержанию, разнится тѣмъ, что изъ учебниковъ пріобрѣтаютъ ученики знаніе предметовъ, подлежащихъ изложенію ихъ, полное, стройное, связанное, послѣдовательное, а потому болѣе или менѣе отчетливое и основательное; между-тѣмъ-какъ изъ статей, составляемыхъ для легкаго чтенія, обыкновенно пріобрѣтается

(15) См. 6-й № Атеней за 1857 годъ. Вотъ подлинныя слова критика М. де-Пуле, которымъ мы вполне сочувствуемъ: «Что вы, какъ учитель Русскаго языка, сдѣлаете съ книгой для чтенія, въ которой обо всемъ говорится? Очень мало. Вы будете готовиться, положимъ, къ лекціямъ. Прекрасно! Рассказы ваши выиграютъ въ занимательности, но для языка, къ изученію котораго книга для чтенія должна служить первымъ руководствомъ, *они почти ничего не сдѣлаютъ*. Заботясь о развитіи, вы упускаете изъ виду главное. Вы предлагаете свои услуги разнымъ наукамъ, поддѣлываетесь подъ дѣтскій говоръ, между-тѣмъ-какъ вы обязаны послужить одной вашей—языку». Столь же справедливо и основательно, по нашему мнѣнію, замѣчено тамъ, что всѣ вообще практическія занятія языкомъ *«должны идти обрुकъ съ изученіемъ грамматики»*.

объ этихъ предметахъ знаніе отрывочное, энциклопедическое, поверхностное; а по отношенію собственно къ языку разнится тѣмъ, что въ хорошихъ учебникахъ этотъ языкъ обыкновенно отличается строгою точностію, ясностію и опредѣленностію, а въ статьяхъ, назначаемыхъ для чтенія легкаго, нерѣдко и не имѣеть этихъ, чрезвычайно-важныхъ, достоинствъ. Слѣдуетъ-ли, затѣмъ, учителю Русскаго языка посвящать на одно только чтеніе въ классѣ занимательныхъ для учениковъ статей такъ много времени, какъ совѣтуетъ въ помянутой статьѣ г. Разинъ, въ-особенности, если взять во вниманіе то, что учителя будутъ еще довольно заниматься чтеніемъ въ высшихъ классахъ, съ большею несомнѣнно пользою, при изученіи словесности, а также и то, что они и безъ того, по собственной охотѣ, дома, весьма довольно употребляютъ времени на чтеніе *именно того, что имъ нравится?* Не будетъ-ли это чтеніе для учителя Русскаго языка излишнею тратою времени, которое съ большею пользою могло-бы быть употреблено какъ на объясненіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ и объемѣ, теоріи (16), такъ и на другія, практическія, упражненія въ Русскомъ языкѣ?.... Само-собою разумѣется, что, какъ-бы вы много ни занимали учениковъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, все-таки они будутъ умѣть говорить только о томъ, о чемъ они учили и читали, такъ-что, если вы, имѣя въ виду одно приятное препровожденіе времени съ учениками въ классѣ, читали имъ только сказки, басни и анекдоты, то они и будутъ умѣть только это рассказывать, а для другихъ предметовъ не будетъ у нихъ ни понятій, ни представленій, ни словъ. Хотите-ли, между-тѣхъ, съ большею точностію и справедливостію оцѣнить знаніе Русскаго языка, приобрѣтенное однимъ чтеніемъ

(16) Удостоившись, замѣчаетъ г. Буслаевъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о преподаваніи отечественнаго языка, что дѣти привыкли вникать въ прочтенное, учитель въ продолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на грамматику—столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочтеннаго. Такимъ образомъ, *при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды.* См. ч. I, стр. 227, изд. 1844.

и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть? Дайте ученикамъ, которые занимались одною только этою практикою, перо въ руки, и заставьте ихъ изложить мысли свои на бумагѣ; или посмотрите, какъ излагаетъ ихъ множество людей, не получившихъ основательнаго школьнаго образованія, дѣйствительно никогда не изучавшихъ Русской грамматики, а только довольно читавшихъ и знающихъ наизусть немало отрывковъ въ стихахъ и прозѣ. Если только они въ самомъ дѣлѣ незнакомы съ грамматикою, то вы не найдете у нихъ, въ письменномъ изложеніи мыслей, ни правильнаго строенія предложеній и переводовъ, ни правильнаго согласованія и управленія словъ, ни правильной разстановки знаковъ препинанія, въ особенности-же не найдете правописанія собственно такъ-называемаго, — хотя изустно они, кажется, и не дурно пересказываютъ содержаніе выученнаго или прочитаннаго. Нерѣдко въ одномъ словѣ вы найдете у нихъ двѣ или даже три ошибки противъ правописанія. Мы утверждаемъ это, основываясь не на предположеніяхъ и догадкахъ, а на безчисленномъ множествѣ достовѣрно-извѣстныхъ намъ опытовъ.... Между-тѣмъ, всмотритесь лучше въ дѣло, и подумайте: можетъ-ли, на самомъ дѣлѣ, и это, самое простое, повидимому, и легкое практическое занятіе языкомъ, именно чтеніе и изученіе избранныхъ отрывковъ наизусть, обойтись безъ извѣстной доли теоріи языка, безъ грамматики?.... И для простаго чтенія необходимо-же знать буквы, ихъ названіе, различіе, произношеніе, сочетаніе въ слогахъ и произношеніе сихъ послѣднихъ; надо-же имѣть понятіе о надлежащемъ выраженіи мыслей живымъ голосомъ, о правильной остановкѣ въ чтеніи, слѣд. знакахъ препинанія: а все это развѣ не есть уже прямое содержаніе грамматики, какъ-бы оно ни было передаваемо ученикамъ вашимъ?.... Какой-же вы грамматики пользу отрицаете? Очевидно, что той самой, которой уроками и вы и ученики ваши постоянно пользовались и пользуетесь, безъ которой и читать не можете. Какую вы чисто-практическую методику предлагаете? Кажется,

ту самую, которая, на самомъ дѣлѣ, безъ теоріи, въ такомъ или другомъ видѣ, совершенно невозможна.

Но можно-ли практику Русскаго языка, имѣя въ виду болѣе или менѣе отчетливое и основательное знаніе его, въ самомъ дѣлѣ ограничить однимъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть? Конечно, нѣтъ. Самъ г. Разинъ прибавляетъ къ этимъ практическимъ занятіямъ еще другія, и между прочимъ: а) логическій или синтаксическій разборъ прочтаннаго, б) упражненія въ правописаніи и в) сочиненія (17). Если безъ грамматики, въ извѣстныхъ предѣлахъ, судя строго и справедливо, какъ мы уже замѣтили, и читать невозможно: то можно-ли съ успѣхомъ и пользою заниматься безъ нее этою послѣднею, высшею и болѣе искусственною, практикою? Можетъ-ли ученикъ извѣстнаго класса, въ данномъ отрывкѣ изъ сочиненія, правильно указать части періода или предложенія, а также части рѣчи съ ихъ значеніемъ и измѣненіями, если онъ не получилъ отъ васъ предварительно общаго понятія ни о частяхъ рѣчи, ни о предложеніи и періодѣ съ ихъ принадлежностями? Можно ли, не ознакомивши учениковъ съ тѣми-же правилами синтаксиса, этимологій и орфографіи, научить ихъ правильному письменному изложенію мыслей и правописанію? Рѣшительно нѣтъ. Здѣсь *практика*, какъ на это очень ясно указываетъ самое слово (*πράξις*—дѣло, дѣйствіе, занятіе), есть только дѣйствительное приложеніе, *примѣненіе къ дѣлу* предварительно-извѣстныхъ уже общихъ понятій и правилъ языка, а вмѣстѣ съ симъ — опытное, и, такъ сказать, наглядное уясненіе, оправданіе и повѣрка тѣхъ-же понятій и правилъ грамматики. Здѣсь, очевидно, практика состоитъ въ томъ, что, по выраженію нашего академика, «встрѣчающіяся выраженія подводятся подъ общія правила, и обратно, общія правила сводятся на частные случаи и примѣры» (18). Кому не понятно,

(17) Морск. сборн. за 1856 г. № 14. Статья г. Разина. Соч. его-же, Предисловіе къ книгѣ: «Миръ Божій». С. Пб. 1857.

(18) Давыдовъ въ предисловіи ко второму изданію «Опыта общесравн. грам. Русск. языка», стр. XVII, изд. 1854 г.

что ни въ синтаксическомъ и этимологическомъ разборѣ, ни въ сочиненіи и правописаніи, никто и никогда не дѣлаетъ ошибокъ противъ языка умышленно, съ какимъ-нибудь намѣреніемъ и сознаниемъ? Ошибки эти, очевидно, допускаются обыкновенно по незнанію грамматическихъ понятій, по незнанію правилъ, законовъ, которымъ должно слѣдовать въ извѣстномъ случаѣ въ практикѣ. Внимательному наблюдателю-педагогу постоянный опытъ показываетъ, что ученикъ въ этимологическомъ и синтаксическомъ разборѣ обыкновенно правильно указываетъ части предложія и періода съ ихъ значеніемъ и отношеніями, а также части рѣчи съ измѣненіями ихъ и принадлежностями, когда предварительно имѣетъ правильное общее понятіе о томъ, что называется подлежащимъ, а что сказуемымъ, что повыше-ніемъ и что пониженіемъ, какія слова бываютъ опредѣлительными и какія дополнительными, какая часть рѣчи называется именемъ, какая мѣстоименіемъ; глаголомъ, нарѣчіемъ и т. д.; что онъ правильно излагаетъ мысли свои на бумагѣ, когда, сверхъ другихъ, необходимыхъ для сего, условій, знаетъ правила синтаксиса, когда ему извѣстны законы правильного строенія періодовъ и предложій, когда знаетъ правила надлежащаго расположенія, согласованія и управленія словъ; что онъ правильно ставитъ знаки препинанія, когда хорошо знаетъ тѣже законы и формы строенія періодовъ и различнаго отношенія въ нихъ предложій, — не ошибается въ правописаніи, когда знаетъ хорошо этимологию и выведенныя изъ нея правила правописанія. Однимъ словомъ, по опыту извѣстно, что практика Русскаго языка идетъ хорошо, когда освѣщается и руководствуется достаточнымъ знаніемъ теоріи, грамматики; когда-же ученикъ плохо знаетъ теорію, то эта практика его, не смотря на частыя занятія ею, не смотря на постоянныя замѣчанія и поправки со-стороны учителя, обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе слѣпа, безотчетна, бессознательна, а потому сбивчива и неудачна.

Вникнувши глубже въ дѣло, въ настоящій характеръ соб-

ственно-человѣческой, свободно-разумной дѣятельности, мы убѣдимся, что такъ и быть должно, и иначе быть не можетъ; убѣдимся, что теорія, въ такомъ или другомъ видѣ, есть прямой руководитель во всякой нашей *практической* разумной и свободной дѣятельности, такъ-что, въ этомъ отношеніи, практика безъ теоріи будетъ слово совершенно безъ смысла, безъ значенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, естественно-ли человѣку, въ-особенности сколько-нибудь образованному и мыслящему, совершать какую-бы-то ни было свободно-предпринимаемую дѣятельность совершенно-безотчетно, бессознательно, слѣпо, наобумъ? Не предшествуетъ-ли обыкновенно всякой нашей разумной, собственно-человѣческой дѣятельности, всякому дѣлу и дѣйствию, произвольно-предпринимаемому и совершаемому, если не вполне ясное, раздѣльное и отчетливое, то, по крайней-мѣрѣ, какое-нибудь, положимъ хотя темное и смѣшанное, понятіе или представленіе *о намъ, о формѣ, пріемахъ, способахъ и правилахъ его исполненія*? Можно-ли безъ того приниматься человѣку за какое-нибудь дѣло? Одной только природѣ неорганической, неразумной, бессознательной, естественно совершать овою дѣятельность, но предписаннымъ ей законамъ, невольно, безотчетно, слѣпо. Человѣкъ, напротивъ, очень рано, по своей вышей природѣ, стремится къ дѣятельности болѣе или менѣе отчетливой, сознательной, разумной. Въ умѣ его, по врожденной ему любознательности, очень рано пробуждаются о различныхъ представляющихся ему предметахъ вопросы: что это такое? какъ это дѣлается? какъ должно дѣлаться? почему такъ? для чего такъ? и пр. Рѣшеніе-жи этихъ вопросовъ, очевидно, ведетъ къ умозрѣнію, къ теоріи, которой одно изъ важнѣйшихъ назначеній, одна изъ важнѣйшихъ услугъ въ томъ и состоитъ, что она можетъ и должна быть потомъ руководительницею въ практикѣ. Всмотритесь въ самую первоначальную, въ полномъ смыслѣ слова — дѣтскую, еще инстинктивную дѣятельность человѣка, какъ существа свободно-разумнаго, и вы замѣтите, что *представляете*, хотя и темное, неопредѣленное, *обыкновенно*

предшествуетъ всякому его стремленію къ дѣйствованію и самому дѣйствованію. Не напрасно самый органъ даже чувственаго высшаго *созерцанія* или усмотрѣнія, органъ зрѣнія и слуха, поставленъ природою впереди, выше другихъ членовъ организма нашего. Не напрасно умозрительное, теоретическое познаніе обыкновенно называется *априорическимъ*, руководительныхъ, высшимъ. Не напрасно одинъ изъ величайшихъ мыслителей древности, божественный, по выраженію Цицерона, Платонъ, давалъ такое высокое значеніе идеямъ и вообще умозрѣнію. Если вникнуть глубже, то не окажется-ли въ мнѣніи геніальнаго мыслителя гораздо болѣе основательности и справедливости, нежели какъ это съ перваго разу эмпирикамъ кажется? Такъ, по недолимому требованію самой природы нашей, по самой необходимости, мы стремимся къ знанію сверхъ-опытному, идеальному, *аподиктическому*. Опытъ показываетъ только случайное, преходящее, болѣе или менѣе ограниченное и несовершенное; а мы хотимъ знать идеально-совершенное, хотимъ знать возможное и необходимое. Опытъ показываетъ, какъ бываетъ, а мы желаемъ знать—*какъ должно быть*. Если же нѣкоторыя общія понятія, нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія, должны предшествовать самымъ обыкновеннымъ, самымъ простымъ и естественнымъ нашимъ занятіямъ и дѣйствіямъ, то не болѣе-ли *искусственнымъ*? Если безъ теоріи, въ извѣстномъ смыслѣ, судя строго, нельзя приниматься ни за какое дѣло: то можно-ли вступать безъ нее въ область высшихъ, болѣе или менѣе искусственныхъ занятій мышленіемъ и словомъ? Удивительно-ли, послѣ сего, что никакой художникъ не производилъ никогда ничего прочнаго, долговѣчнаго, достойнаго вниманія современниковъ и потомства, безъ извѣстныхъ понятій и правилъ теоріи своего искусства, въ какомъ-бы видѣ теорія эта для него не существовала?... Если-же теорія никогда не была излишнею и для великихъ, геніальныхъ художниковъ, то не болѣе-ли она нужна для обыкновенныхъ людей? Если она полезна и для опытныхъ уже въ извѣстномъ занятіи мужей, то не бо-

гѣ-ли необходима для юныхъ питомцевъ искусства? Понятно, затѣмъ, полное глубокаго смысла и значенія замѣчаніе гениальнаго мужа и великаго писателя нашего, что ни въ какомъ родѣ сочиненій нельзя упражняться съ вождельнымъ успѣхомъ безъ знакомства съ теоріею языка, что «ступа теорія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики», и что «хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію» (19).

Призывая грамматику прямою, самою полезною и необходимою руководительницею для всѣхъ вообще учениковъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, во всѣхъ практическихъ занятіяхъ Русскимъ языкомъ и словесностію, мы однакожь не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ педагоговъ нашихъ, которые полагаютъ, что ученикъ долженъ *самъ собою приходить къ выводу общихъ понятій и правилъ грамматики, законовъ языка* (20): другими словами—это значитъ почти то-же, что требовать и ожидать отъ учениковъ составленія грамматики. Это другая крайность. Скоро-ли эти правила составятся и много-ли ихъ будетъ, если предоставить эту работу малолѣтнимъ ученикамъ, само собою разумѣется, что подъ руководствомъ учителя? Что грамматическія понятія и правила должны быть объясняемы ученикамъ, въ-особенности низшихъ классовъ, преимущественно примѣрами, это вполне справедливо и необходимо; но чтобы отъ малолѣтнихъ учениковъ можно было требовать самостоятельнаго вывода грамматическихъ понятій и правилъ изъ данныхъ примѣровъ, на это согласиться невозможно. Эта послѣдняя работа рѣшительно не по силамъ дѣтямъ, въ-особенности низшаго возраста. Такая работа, даже въ об-

(19) Ломоносовъ въ предисловіи своей грамматики.

(20) См. программу Кіевск. учебн. окр., изд. 1856 и 1847 год., а также учебникъ Русскаго языка Александра Смирнова, вступл. стр. VIII.

ласти познанія видимой природы, при всей кажущейся простотѣ своей и легкости, требуетъ ума болѣе зрѣлаго и опытнаго, а кромѣ того, вниманія глубокаго; тѣмъ труднѣе она въ области познанія міра духовнаго, въ области познанія мышленія и слова. Это—работа филологовъ, лингвистовъ, академиковъ, а не малолѣтнихъ дѣтей. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, ученикъ самъ собою дойдетъ, на примѣръ, до общаго отвлеченнаго понятія о предложеніи вообще и частяхъ его, до понятія о томъ, что извѣстное слово, во всякомъ предложеніи, слѣдуетъ назвать подлежащимъ, другое сказуемымъ, одно именемъ существительнымъ, другое глаголомъ, нарѣчіемъ и т. д., однимъ словомъ, дойдетъ до *общихъ* грамматическихъ понятій и законовъ? Такъ думать—значить самого себя произвольно обманывать. Психологическія наблюденія рѣшительно этого не подтверждаютъ. Вы навязываете великодушно ученикамъ вашимъ то, что сами дѣлаете, считаете ихъ открытіемъ то, что сами имъ открываете. Вы усвоите дитяти то, что принадлежитъ зрѣлому мужу, и то не всякому. Припомните, какъ долго, по отношенію къ этимъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, весь родъ человѣческой быль, можно сказать, дитятею. Припомните, когда вниманіе самыхъ философовъ обращено было на изслѣдованіе природы нашего мышленія и слова. Посмотрите, сколько и теперь еще возникаетъ сомнѣній въ законности и основательности правилъ нашего языка, выведенныхъ изъ наблюденія надъ нимъ не учениками-дѣтьми, а глубокими знатоками этого дѣла (чит. ст. М. Михайлова: «Грамматическія сомнѣнія» «Русск. педаг. вѣстн. т. VI. 1859 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что категоріи языка, законы его развитія дѣйствительно присущи природѣ нашего духа; но легче дѣйствовать по этимъ законамъ инстинктуально, безсознательно, по привыку, нежели подмѣтить и открыть ихъ, нежели сомостоятельно составить объ нихъ точное понятіе, и выразить это понятіе приличнымъ словомъ. Такъ законы и формы мышленія присущи по самой природѣ нашему познающему ду-

ху; по нимъ мыслить в простолюднѣ, никогда не слыхавшій о существованіи науки логики; но каждый-ли способенъ самъ собою открыть эти законы и формы, показать ихъ сущность, и дать всему этому приличное названіе и объясненіе? для этого нужны были умы Платоновъ и Аристотелей, которыхъ, въ теченіе дѣлхъ тысячелѣтій, видимъ такъ немного. Если малолѣтнимъ дѣтямъ не легко, какъ полагають эмпирики, усвоить себѣ готовые, уже данныя, отвлеченныя грамматическія понятія, то не труднѣе-ли для нихъ будетъ самостоятельно составить и надлежащимъ образомъ выразить эти понятія? Да и для чего заставлять дѣтей безуспѣшно трудиться надъ самостоятельнымъ открытіемъ того, что давнымъ-давно уже открыто, готово? Какая настоятъ въ томъ нужда для учениковъ и какая предвидится отъ этого особенная польза для нихъ? Уже-ли все мы должны непремѣнно сами испытывать и открывать? Ужели безплодно должны исчезать для насъ опыты и наблюденія старѣйшихъ, даровитѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ извѣстномъ дѣлѣ нашихъ современниковъ и предшественниковъ? Мало-ли весьма полезныхъ и необходимыхъ для насъ истинъ принимаемъ мы, еще въ раннемъ дѣтствѣ, чисто по авторитету, одною вѣрою, а послѣ убѣждаемся собственнымъ опытомъ и размышленіемъ въ ихъ совершенной вѣрности, непреложности и пользѣ? Да не въ этомъ-ли и состоитъ важнѣйшая услуга всякой науки вообще, что она, въ короткое время, дѣлаетъ нашимъ достояніемъ плоды многолѣтнихъ опытовъ, наблюденій, изысканій и размышленія не только другихъ, старѣйшихъ насъ умомъ и опытностію, современниковъ нашихъ, но и даровитыхъ мыслителей многихъ вѣковъ предшествовавшихъ? Вы заботитесь объ умственномъ самодѣятельномъ развитіи дѣтей? Это прекрасно, только берегитесь, чтобы это развитіе не было преждевременно и насильственно: оно можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Упражняйте, развивайте силу мышленія и соображенія отрока, это весьма полезно и важно; но не забывайте,

что ему легка и естественна умственная работа преимущественно въ сферѣ памяти и воображенія. Дѣйствуйте по указанію самой природы, и не ошибетесь. Мы думаемъ, поэтому, что ученикъ, извѣстнаго возраста, въ-особенности на первыхъ порахъ, самъ собою, на самомъ дѣлѣ и не можетъ, и не имѣетъ никакой надобности выводить изъ данныхъ примѣровъ понятія и правила грамматики, а можетъ только, и долженъ, занимаясь, при руководствѣ учителя и учебника, практикою языка, видѣть изъ примѣровъ, на опытѣ, какъ правила эти выведены, и убѣждаться, гдѣ это возможно, что они вѣрно и основательно выведены. *Задача дѣтской ученической практики*— не составлять самостоятельно или исправлять теорію языка (эта задача имъ не по силамъ), а уяснить для себя готовую теорію и приобрести навыкъ примѣнять надлежащимъ образомъ понятія и правила этой теоріи къ дѣлу, и, такимъ образомъ, усовершенствовать себя въ языкѣ. Посредствомъ-ли изустнаго преподаванія, при помощи-ли учебника, или того и другаго виѣстѣ, только ученикъ, на самомъ дѣлѣ, долженъ получить отъ учителя грамматическія понятія и правила, какъ данное, готовое, а посредствомъ анализа, практики и примѣровъ, онъ долженъ только уяснить себѣ, сколько возможно лучше, эти правила (21). Представьте-ли вы

(21) Слѣдующій отрывокъ (изъ сочиненія г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка») можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ понимать употребленіе въ преподаваніи дѣтямъ грамматики отечественнаго языка, методы такъ-называемой эрпоаматической или сократической, показывая намъ на дѣлѣ, какихъ отвѣтовъ можетъ требовать учитель отъ учениковъ, и что долженъ предварительно самъ сказать имъ во время преподаванія. «Если я скажу только два слова: ручей течетъ—понимаете-ли, что я сказалъ? о чемъ я говорю? о ручьѣ. Что говорю я о ручьѣ? что онъ течетъ. То, о чемъ говорятъ, называется подлежащимъ; а то, что говорится о подлежащемъ, называется сказуемымъ. Ручей течетъ: которое подлежащее? которѣе сказуемое? Теперь я вамъ скажу: загорѣлся домъ; о чемъ здѣсь говорится? гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? Проголодался левъ: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, домъ, левъ—подлежащія, те-

въ учебникѣ вашемъ, или въ изустномъ преподаваніи, прежде примѣры; а потомъ выведете изъ нихъ правила и понятія грамматическія, какъ въ практическихъ грамматикахъ гг. Греча, Смирнова и Перевлѣскаго; или обратно, т.-е. представите прежде правила, а потомъ укажете примѣры, поясняющіе эти правила, какъ изложена краткая Русская грамматика Греча и сокращенная грамматика Востокова; въ томъ и другомъ случаѣ первоначально, очевидно, это будетъ работа не ученика, а составителя грамматики или преподавателя, въ томъ и другомъ случаѣ ученикъ изучаетъ готовую грамматику, а не составляетъ ее, какъ это необходимо слѣдуетъ изъ мнѣнія тѣхъ, которые усвояютъ ученикамъ-дѣтямъ *самостоятельный выводъ правилъ практическимъ путемъ*. Затѣмъ, назовете-ли вы грамматику практической, аналитической, или какъ-нибудь иначе, все-таки она есть теорія языка, грамматика, т.-е. систематическое собраніе понятій и правилъ, руководствующихъ къ основательному изученію языка, все-таки она должна быть для учениковъ чѣмъ-то *готовымъ, даннымъ*, что они должны изучать, и для того, чтобы практика языка шла хорошо, изученіе ея для дѣтей, свыше десятилѣтняго возраста, совершенно необходимо. Обыкновенный, *синтетическій способъ изложенія этой науки*, разумѣется,

четь, загорѣлся, проголодался—сказуемая; но замѣьте, что я говорю подлежащее вмѣстѣ съ сказуемымъ: ручей течетъ. Подлежащее и сказуемое, вмѣстѣ соединенныя, называются предложениемъ: слѣд. домъ загорѣлся, левъ проголодался—предложения. Такъ-какъ подлежащее есть то, о чемъ говорится, а сказуемое то, что говорится о подлежащемъ: то въ предложении мы говоримъ что-нибудь (сказуемое) о какомъ-нибудь предметѣ (подлежащее). Сколько частей узнали вы въ предложении? двѣ. Слѣд. подлежащее и сказуемое части предложения; а потому вотъ какъ надобно ихъ опредѣлять: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложении; сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ въ предложении. (См. стр. 228 части 1). Тутъ очевидно, что понятіе сперва о подлежащемъ и сказуемомъ, а потомъ о предложении вообще, даетъ ученикамъ первоначально самъ учитель, а отъ учениковъ требуется только, чтобы они усвоили себѣ эти понятія и умѣли прилагать ихъ потомъ, въ данномъ случаѣ, къ дѣлу.

съ примѣрами, по нашему мнѣнію, естественнѣе, короче и *для изученія удобнѣе и проще*. Какъ для всякаго, такъ въ-особенности для дѣтей, гораздо легче усвоить себѣ общее понятіе, и подъ это общее понятіе или правило, подъ одинъ законъ, подводить потомъ тысячи частныхъ явленій, примѣровъ и случаевъ, посредствомъ общаго понимать частное, нежели слѣдить при изученіи за множествомъ частныхъ, чтобы вывести наконецъ оттуда одинъ общій законъ, правило, общее понятіе. Не безъ основанія, всякое *общее* отвлеченное представленіе существенныхъ признаковъ предмета называется *понятіемъ*: мы посредствомъ этихъ общихъ представленій весьма легко *познаемъ*, уразумѣваемъ безчисленное множество содержащихся подъ нимъ частныхъ. Не безъ основанія самый методъ синтетическій, ведущій отъ общаго къ частному, обыкновенно называется поступательнымъ, знательнымъ, научнымъ (*methodus progressiva, scientifica*); онъ чрезвычайно-удобенъ для сообщенія, въ короткое время, многихъ, подлежащихъ изслѣдованію извѣстной науки, и притомъ отчегливыхъ и основательныхъ, свѣдѣній. Путь наведенія, анализа, напротивъ, очень продолжителенъ, а потому вообще, а тѣмъ болѣе для дѣтей, скученъ, тягостенъ, утомителенъ. Онъ совершенно-необходимъ и неизбѣженъ при первоначальномъ составленіи понятій о предметахъ, въ собраніи отдѣльныхъ правилъ, въ отыскиваніи законовъ, умѣстенъ и весьма-полезенъ въ *изученіи преподаваніи*, при объясненіи отвлеченныхъ понятій наглядными примѣрами и явленіями, при повѣркѣ составленныхъ понятій и правилъ на опытѣ, *въ примѣненіи къ практикѣ*; но не въ систематическомъ собраніи понятій и правилъ для передачи учащимся, *не въ учебной книгѣ*. Оттого самыя эти аналитическія грамматики бывають обыкновенно такъ утомительны, огромны, многотомны (22). Прекрасно однимъ педагогомъ нашимъ за-

(22) Вотъ нѣкоторыя наши практическія грамматики, ихъ внѣшній объемъ и значеніе:

мѣчено, что излагать грамматику методомъ аналитическимъ или практическимъ значитъ повторять безъ надобности *въ учебникъ приемы составленія грамматики и изустнаго ея преподаванія*, въ

Къ однимъ изъ самыхъ раннихъ и первыхъ опытовъ филологовъ нашихъ въ этомъ родѣ принадлежатъ у насъ, кажется, *Практическіе уроки Русской грамматики*, изданные Николаемъ Гречемъ, въ С. Петербургѣ, въ 1832 году. Уроки эти, какъ видно изъ предисловія самого издателя, должны были служить дополненіемъ и поясненіемъ къ изданнымъ г. Гречемъ въ 1828 и 1830 годахъ *Начальнымъ правилами Русской грамматики*, руководствуя къ повторенію и практическому употребленію оныхъ. Въ урокахъ этихъ каждая глава, каждое отдѣленіе начинается *вопросами*, съ указаніемъ на тѣ параграфы *Начальныхъ правилъ*, въ коихъ заключаются отвѣты на эти вопросы. За вопросами слѣдуютъ *задачи*, для исполненія на дѣлѣ правилъ, изложенныхъ въ предыдущихъ вопросахъ и отвѣтахъ. Для облегченія трудовъ учителя при исправленіи ошибокъ учениковъ въ рѣшеніи задачъ, приложенъ былъ къ этимъ урокамъ, въ особой книжкѣ, *Ключъ*, т.-е. рѣшеніе всѣхъ задачъ, въ этой книгѣ содержащихся.

Практическіе уроки эти, безъ сомнѣнія, бывшіе въ свое время весьма полезными для преподавателей, не лишены для нихъ и въ настоящее время своего извѣстнаго значенія и интереса, заключаютъ въ себѣ 346 страницъ въ 8-ю долю большаго листа, а *Ключъ* къ этимъ урокамъ содержитъ въ себѣ 168 такихъ-же страницъ. Обѣ эти книги, безъ сомнѣнія, послужили важнымъ пособіемъ при составленіи позднѣйшихъ, такъ-называемыхъ *практическихъ правилъ и учебниковъ Русскаго языка*. Составитель «Практическихъ уроковъ» назначалъ эту книгу, очевидно, исключительно для учащихся.

Въ изданномъ въ 1851 году тѣмъ-же Гречемъ *«Руководствъ къ преподаванію по учебной Русской грамматикѣ Николая Греча»* прямо означено, что оно предназначается для *учащихъ*. Цѣль изданія этого Руководства яснѣе обозначена въ слѣдующихъ, заслуживающихъ вниманіе, словахъ предисловія къ оному: «Составленіемъ *Учебной Русской грамматики* и особаго *Руководства* къ преподаванію по ней предполагалось дать учащимъ и учащимся способы и средства къ исполненію, *при изученіи правилъ* Русскаго языка, требованій и указаній, заключающихся въ Высочайше утвержденномъ (24 декабря 1848 года) *Наставленіи* для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Для способствованія къ достиженію цѣли, предположенной въ инструкціи, почтено за нужное изложить правила Русской грамматики въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ. Въ первой, *предназначенной къ руководству преподающихъ*, грамматика изложена подробнымъ разборомъ и истолкованіемъ предлагаемыхъ ученику примѣровъ и выводимыхъ изъ нихъ общихъ основныхъ правилъ. Къ симъ правиламъ присовокуплено и практическое ихъ приложеніе въ главныхъ чертахъ. Въ другой-же, *составленной для употребленія ея учащими*, повторены извлеченные въ Ру-

учебной книгѣ совершенно-неумѣстные, значить низводить грамматику на степень какого-то самоучителя (23).

ководствѣ выводы, съ присовокупленіемъ къ нимъ примѣровъ и исключеніемъ подробностей и исключеній».

Это *Руководство къ преподаванію Русской грамматики* и въ настоящее время, при существованіи позднѣе изданныхъ грамматикъ, весьма полезно для преподавателей, а высказанный авторомъ его, въ приведенныхъ нами словахъ предисловія, взглядъ на преподаваніе отечественнаго языка, а также на употребленіе помянутаго руководства въ обыкновенной грамматикѣ, кажется намъ самымъ естественнымъ и правильнымъ, именно, что такъ-называемая практическая грамматика годится для преподавателя и методъ ея умѣстенъ при изустномъ объясненіи законовъ и формъ языка, а для изученія самыхъ этихъ законовъ и формъ ученикамъ необходимъ другой, обыкновенный, методомъ синтетическимъ изложенный учебникъ. Руководство это, изданное въ С. Петербургѣ въ типографіи Н. Греча, заключаетъ въ себѣ 304 стр., да приложенное къ ней «Рѣшеніе задачъ учебной Русской грамматики» 110 стр., итого 414 стр., въ 8-ю долю большаго листа.

Изданное г. Перевѣлѣскимъ въ 1855 году, въ С. Петербургѣ «Начертаніе этимологіи» (часть вторая) названо прямо *Практическою Русскою грамматикою*. Это начертаніе одной только этимологіи заключаетъ въ себѣ 260 стр. мелкой печати, въ 12-ю д. л.

Наконецъ въ практической грамматикѣ г. Смирнова, изданной въ 1853 и 1854 г. (годъ 1, 2 и 3-й), всего 498 стр. въ 8-ю долю большаго листа, мелкаго убористаго шрифта. Данное этой послѣдней грамматикѣ названіе *Учебника* заставляетъ думать, что она предназначена для употребленія не только учащихъ, но и учащихся, даже преимущественно для послѣднихъ. Достоинство и польза этой книги очевидны и несомнѣны: но это болѣе руководство для наставниковъ, нежели учебникъ для учениковъ. Онъ такъ огроменъ, такъ подробенъ и полонъ, что необходимо долженъ смутить, привести въ уныніе самаго прилежнаго и даровитаго малолѣтнаго ученика низшихъ классовъ, если только ему придется изучать хотя десятую долю его, т.-е. одни выводы, положимъ даже въ теченіе трехъ лѣтъ!

(23) Намъ кажется не совсемъ удачнымъ и правильнымъ самое названіе *грамматикъ*, излагаемой аналитическимъ методомъ, *практическою*. Практическій методъ обыкновенно противопоставляется теоретическому. Грамматика, какъ грамматика, покуда излагаетъ въ систематическомъ порядкѣ извѣстныя понятія и правила, есть *теорія языка*. Значитъ, называя грамматику практическою, мы называемъ самую *теорію практическою* (?). Какъ-же назвать затѣмъ обыкновенную грамматику, излагаемую методомъ обыкновеннымъ, научнымъ, синтетическимъ? Выходитъ, что ее слѣдуетъ назвать *теоретическою*, и, такимъ образомъ, опять грамматика будетъ *теоретическою теорією* (?). Что касается того, что практическая грамматика показываетъ, какъ прила-

Невозможно согласиться и съ тѣми изъ педагоговъ нашихъ, которые, хотя и не отрицаютъ пользы для малолѣтнихъ

гать къ дѣлу правила теоріи, то это принадлежитъ болѣе или менѣе всякой, обыкновенной грамматикѣ, которая также, указаніемъ примѣровъ, обыкновенно слѣдующихъ за правилами, показываетъ на дѣлѣ приложеніе правилъ къ практикѣ. Кажется, нѣкоторые изъ самихъ составителей такъ-называемыхъ *практическихъ грамматикъ* чувствовали, что этимъ грамматикамъ не совсѣмъ прилично названіе *практическихъ*. По-крайней-мѣрѣ мы видимъ, что г. Гречъ назвалъ свою практическую грамматику, издаванную въ 1832 году, *Практическими уроками*, а издаванную въ 1851 г. — *Руководствомъ къ преподаванію*, а не практической грамматикою, точно также и г. Смирновъ назвалъ свою практическую грамматику *Учебникомъ*, хотя на X стр. своего предисловія къ 8 году и говоритъ, что наука отечественнаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ она составляетъ предметъ занятій первоначальнаго курса (т.-е. въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ее тамъ налагаетъ), по всей справедливости, можетъ быть названа *практическою грамматикою* современнаго языка».

Какъ изложеніе законовъ нашего языка методомъ аналитическимъ, такъ и *названіе грамматикъ*, изложенной этимъ методомъ, *практическою*, вошло у насъ въ особенное употребленіе вѣсть съ тѣмъ, какъ сдѣлалось моднымъ и господствующимъ самое изученіе языковъ такъ-называемое практическое, а правильнѣе сказать эмпирическое, а вѣсть съ тѣмъ и болѣе или менѣе безотчетное, бессознательное, механическое. Механизмъ новѣйшаго наученія языковъ явленъ у насъ въ-особенности на изученіи языковъ новѣйшихъ иностранныхъ. Въ 1-й классъ гимназій принимаютъ у насъ безъ экзамена по языкамъ Нѣмецкому и Французскому. Затѣмъ тотчасъ начинаютъ учить не только чтенію, но и *переводу* краткихъ фразъ учениковъ, изъ коихъ яныя, не приготовленные по этимъ предметамъ дома, не имѣютъ никакого понятія ни о букввахъ и произношеніи ихъ, ни о родахъ именъ, ни о склоненіи члена, имени существительнаго и прилагательнаго, а тѣмъ болѣе о спряженіи глаголовъ. Можно-ли ожидать успѣховъ въ языкахъ при такомъ преподаваніи! Грамматика, говорятъ, нужна только при изученіи языковъ древнихъ. Этотъ взглядъ на изученіе языковъ, по нашему мнѣнію, есть самый фальшивый! И здравый смыслъ говоритъ и опытъ показываетъ, что изученіе и иностранныхъ языковъ, какъ и отечественнаго, не сопровождаемое изученіемъ теоріи, не можетъ быть ни успѣшнымъ, ни основательнымъ и отчетливымъ. Если необходимо изученіе грамматики и такихъ языковъ, которыхъ литературу мы имѣемъ надобность только понимать, чтобъ ею пользоваться и передавать правильно своимъ соотечественникамъ на родномъ языкѣ (разумѣю литературу Греческую и Римскую): то не нужнѣе-ли знать правила употребленія тѣхъ языковъ, на которыхъ мы имѣемъ надобность говорить и писать, если только мы желаемъ говорить и

дѣтей знанія правилъ грамматики, для успѣшнаго занятія практикою Русскаго языка, не отвергають и того, что правила эти

писать чисто, ясно и правильно? Названіе нашей грамматики *практическою* вошло въ особенное употребленіе, кажется, по самой необходимости, и притомъ очень естественно и просто. Всеобщее практическое и эмпирическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе матеріалистическое и сенсуалистическое направление не могло не отразиться у насъ какъ въ воспитаніи вообще, какъ въ преподаваніи нѣкоторыхъ другихъ наукъ, такъ и въ языкознаніи: съ нѣкотораго времени у насъ стали хлопотать въ-особенности о томъ, чтобы преподаваніе языковъ главнымъ образомъ было легкое, пріятное, дѣтской лѣни и чувственности не беспокоящее, однимъ словомъ практическое, безъ всякой теоріи, безъ грамматики; а при всемъ томъ, отъ учениковъ естественно все-таки требовалось знаніе языка удовлетворительное, отчетливое. Знатокамъ дѣла было понятно, что только *посредствомъ* научиться языку безъ грамматики, такъ-называемую чисто-практическою методою, *легче и удобнѣе*, а на самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе, вѣрнѣе-же и правильнѣе сказать — основательное изученіе языка, безъ грамматики, вовсе невозможно. Чтобы не противорѣчить модѣ и господствующему направленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить требованіямъ основательнаго изученія и самой очевидной необходимости, ничего болѣе не оставалось, какъ только изложить въ существѣ своемъ ту-же *грамматикѣ*, только другимъ методомъ, перенести въ мертвую книгу предметы живаго изустнаго преподаванія, и для успокоенія и удовольствія безотчетныхъ поклонниковъ чисто-практической методы, мнимою новизны, назвать ее именемъ господствующаго направленія и моды — *практическою*. Такимъ образомъ, при пособіи-ли книги, или безъ книги, только преподавалась и преподается, изучалась и изучается, въ сущности, та-же грамматика, т.-е. наука, излагающая законы и правила языка: ибо иначе преподавать съ успѣхомъ никакого языка и невозможно; но безотчетные любители и почитатели всякихъ, шимыхъ и дѣйствительныхъ новостей, а въ томъ числѣ и практической методы, остались довольны, что по-крайней-мѣрѣ ненавистная для нихъ грамматика эта называется уже не обыкновеннымъ своимъ именемъ, а *практическою*. Чтобы убѣдиться въ истинности нашего объясненія происхожденія по-крайней-мѣрѣ позднѣйшихъ практическихъ грамматикъ, достаточно прочесть со вниманіемъ предисловія грамматикъ гг. Перевѣвскаго и Смирнова. Эти предисловія, въ угоду модѣ и духу времени, начинаются почти мыслями г. Разина, т.-е., что грамматика совсѣмъ не нужна, что беспокоить дѣтей изученіемъ ея совершенно бесполезно, что даже практическая грамматика излишняя, а оканчиваются признаніемъ, что знать правила грамматики не только полезно, но и совершенно необходимо; что изученіе грамматики роднаго языка должно предшествовать изученію грамматикъ другихъ языковъ; что Русская грамматика есть поэтому для дѣтей такая книга, безъ которой и обойтись имъ никакъ невозмож-

сообщаются ученикамъ учителемъ, а не выводятся самими учениками, думаютъ однакожь, что ученику должны быть со-

но, а потому она и издается... Вотъ что говоритъ, напримѣръ, г. Перевѣтскій въ предисловіи ко второму изданію (1847 г. Москва) своего начертанія Русскаго синтаксиса: «Этотъ синтаксисъ не *практическій*, какъ былъ прежній синтаксисъ сложнаго предложенія, ибо я теперь убѣжденъ, что *практическіе учебники* отечественнаго языка ни на что не годятся, и ни къ чему не *ведутъ* при современномъ понятіи о преподаваніи роднаго языка. Они принадлежатъ уже къ тѣмъ явленіямъ отсталымъ. Скажите, продолжаетъ г. Перевѣтскій (стр. IV), къ чему и на что намъ эти практическія грамматики, когда гимназій наши стали изучать теорію языка на чтеніи классическихъ писателей, когда классъ Русскаго языка сдѣлалъ своею прямою и единственною задачею изученіе *самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей, а не *бессмысленное затверживание правилъ*... Смыслъ этихъ словъ очевиденъ: онъ состоитъ въ томъ, что при настоящемъ, практическомъ способѣ преподаванія отечественнаго языка, *нельзя* для *детей* *вскакая грамматика*, даже практическая: ибо у насъ стало теперь единственною задачею изученіе самаго языка, а не законовъ и правилъ его употребленія. Очевидно и то, что авторъ этого предисловія одобряетъ такую методу обученія и считаетъ ее, повидимому, правильною и вполне удовлетворительною. Но для кого-же, спрашивается, и для чего издаетъ онъ свой синтаксисъ при этомъ-же самомъ предисловіи (въ 1847 г.), а потомъ (1855), не смотря на помянутыя свои убѣжденія касательно значенія практической грамматики, издаетъ и *вторую* часть именно *практической* Русской грамматики, этимологію, — если изложенныхъ въ этихъ грамматикахъ правилъ никто изучать не будетъ, и если классъ Русскаго языка сдѣлалъ прямою и *единственною* задачею своею изученіе *самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей?... Мы даже не понимаемъ, почему г. Перевѣтскій говоритъ, что у насъ стали изучать теорію на чтеніи классическихъ писателей, если, по словамъ его, классъ Русскаго языка сдѣлалъ своею прямою и *единственною* задачею только изученіе *самаго языка* (а не теоріи), въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей? Не понимаемъ и того, для какой цѣли подобно изучать дѣтямъ теорію, если только дѣйствительно на одномъ чтеніи писателей можно изучить языкъ?... Но, можетъ быть, г. Перевѣтскій издаетъ свою грамматику только для учащихъ? Нѣтъ, онъ издаетъ ее именно для учениковъ. Въ заключеніе того-же предисловія своего г. Перевѣтскій говоритъ, что выразумѣть и *изучить* *правила* роднаго языка для *учениковъ* совершенно *необходимо*; что *необходимо* поэтому *учебникъ*, и притомъ еще живой и полнѣйшій, именно учитель; что и при учительской *грамматикѣ* все-таки есть *необходимая для детей памятная книжка*. «Неужели, продолжаетъ г. Перевѣтскій, и послѣ такихъ приемовъ преподаванія, ученики не въ состояніи будутъ *выразумѣть и изучить* *правила* *грамматиче-*

общаемы эти правила въ низшихъ классахъ, напр. въ 1-мъ и 2-мъ кл. гимназій, *только изустно, безъ книгъ*, а по книгѣ они

смытъ? Въ наше время, заключаетъ наконецъ г. Перевлѣсскій, *учебникъ живой и полнѣйшій—самъ учитель*, а руководство въ рукахъ учениковъ ни болѣе ни менѣе, какъ только *памятная книжка*, съ которою *подъ-часъ надо справиться*, въ которую *порой надо заллнуть*, когда забудешь *объясненія учителя*. Можно-ли было ожидать такого заключенія въ этомъ предисловіи послѣ вышеприведеннаго вступленія?... Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этихъ послѣднихъ словъ автора, что для отчетливаго и основательнаго знанія языка *недостаточно*, выходить, *изученіе только самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей, когда, по словамъ автора, нуженъ еще, именно для учениковъ, и учебникъ, и притомъ живой и полнѣйшій, и кромѣ-того и памятная книжка? Кто не согласится съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ г. Перевлѣсскаго? Кто не согласится, что, какъ всегда бывало при хорошемъ преподаваніи, такъ и теперь,—учебникъ живой и полнѣйшій долженъ быть самъ учитель, а руководство въ рукахъ учениковъ есть *необходимая памятная книжка*? Только чтобъ, занимаясь практикой Русскаго языка, въ-особенности изложеніемъ мыслей своихъ на бумагѣ, не встрѣчать постоянно различныхъ недоумѣній и сомнѣній, и вслѣдствіе этого не ходить постоянно за учителямъ и не носиться съ этою памятною книжкою, то, очевидно, гораздо лучше усвоить себѣ памятью и разумѣніемъ содержаніе этой памятной книжки. И когда такъ легко и удобно это сдѣлать, какъ не въ дѣтскомъ возрастѣ?...

Мнѣніе г. Перевлѣсскаго, очевидно, колеблется, такъ-что онъ невольно противорѣчитъ самому себѣ: то онъ соглашается, повидимому, съ тѣми, которые утверждаютъ, что грамматика вовсе не нужна, что ее изучать совсѣмъ не слѣдуетъ; то невольно высказываетъ мысль, что знаніе правилъ грамматики необходимо, а слѣд. необходима и самая, излагающая эти правила, грамматика, а потому и самъ онъ издаетъ ее подъ разными названіями.

Подобныя противорѣчущія мысли находимъ мы и въ предисловіи къ Практической грамматикѣ г. Смирнова. Такъ въ предисловіи къ году 1-му, на страницѣ II, онъ говоритъ: «Въ настоящее время я уже не смѣю нисколько присвоивать себѣ методы (практической), по которой составленъ *учебникъ*. Многочисленные опыты другихъ преподавателей привели къ тому-же убѣжденію въ необходимости этой методы. Учебныя начальства всѣхъ вѣдомствъ свидѣлствуютъ, что преподаваніе по этой методѣ несравненно успѣшнѣе и плодотворнѣе, *нежели прежнее ученіе грамматики*». Послѣднія слова невольно заставляютъ думать, что грамматика г. Смирнова есть такая книга, по которой ученики совсѣмъ уже ничего учить не будутъ: но для чего-же она издается авторомъ, и притомъ именно подъ названіемъ *учебника*? «Заучиваніе опредѣленія и раздѣленія грамматики, продолжаетъ г. Смирновъ, произвольнаго раздѣленія буквъ, раздѣленія и подраздѣленія частей рѣчи и

должны ознакомиться съ правилами не раньше, какъ въ 3-мъ классѣ гимназiи (24). Еслибы до 3-го класса практика Русскаго языка могла ограничиваться однимъ только чтенiемъ и изученiемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, то въ такомъ случаѣ ученики немногo-бы еще теряли отъ такого способа пре-

есть грамматическия правила, приводящихъ будто-бы ученика къ правильному употребленiю языка устно и письменно, никогда не приведетъ къ этой цѣли». И здѣсь, очевидно, повторяется и болѣе усиливается та-же мысль автора, именно: что изученiе грамматическихъ понятiй и правилъ бесполезно, потому-что оно не приводитъ ученика къ правильному употребленiю языка устно и письменно: но и здѣсь также невольно и съ нашей стороны повторяется прежнiй нашъ вопросъ: для чего авторъ напрасно трудится, пишетъ и издаетъ эту свою грамматику, полную, какъ водится, опредѣленiй, раздѣленiй и правилъ изустнаго и письменнаго употребленiя языка, и притомъ издаетъ ее именно подъ названiемъ учебника?... Послушаемъ дальше автора: онъ скажетъ намъ нѣчто другое, онъ скажетъ, что изучать грамматику отечественнаго языка, при всѣхъ практическихъ занятiяхъ языкомъ, совершенно-необходимо и притомъ прежде и преимущественно предъ грамматиками всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ; что безъ грамматики отечественнаго языка обойтись нельзя, что она необходимо въ рукахъ учениковъ орудiе. Такъ на стр. X. г. Смирновъ говорить: «Общихъ опредѣленiй учитель иностранныхъ языковъ не долженъ касаться; они должны быть известны ученику изъ отечественной грамматики?... Но какъ-же они будутъ известны, если ихъ не будутъ изучать. Потому даже, на той-же страницѣ; «Заучиванiе грамматическихъ формъ въ совокупности должно слѣдовать за разборомъ приѣровъ, а не предшествовать имъ». Это правда; но здѣсь уже ясно говорится о заучиванiи формъ грамматическихъ. На стр. IV: «Правописанiе составляетъ прямую практическую цѣль изученiя этимологии... И здѣсь опять говорится объ изученiи этимологии. Наука о языкѣ, замѣчаетъ наконецъ г. Смирновъ, во всѣхъ своихъ частяхъ должна быть передана ученику въ той мѣрѣ, сколько нужно для практической цѣли — правильнаго употребленiя языка устно и письменно». Здѣсь уже говорится, что наука о языкѣ имѣетъ практическую цѣль—способствовать изучающимъ ее къ правильному употребленiю языка устно и письменно, и что она должна быть передана ученикамъ въ такой мѣрѣ, какая необходима для достиженiя этой цѣли. На страницѣ-же XIV г. Смирновъ опять повторяетъ: «рѣшъ общiя опредѣленiя, свойственныя одинаково всѣмъ языкамъ, ученикъ усвоиваетъ себѣ по классу отечественнаго языка», а въ заключенiе говорить, что учебная книга въ рукахъ ученика есть необходимое для него орудiе» (стр. 11). Можно-ли было ожидать такого заключенiя послѣ того, что сказано въ началѣ предисловія о бесполезности изученiя грамматики?...

(24) См. программу Кіевск. учебн. окр 1856 г.

подаванія; но когда къ этой практикѣ въ низшихъ-же двухъ классахъ гимназій присоединяется уже этимологическій и синтаксическій разборъ, а также упражненіе въ правописаніи, а при такихъ занятіяхъ необходимо предполагается уже знаніе главнѣйшихъ правилъ почти цѣлой грамматики: то потеря для учениковъ отъ такого способа обученія весьма немаловажна. Многие-ли изъ учениковъ, въ-особенности низшихъ классовъ, такъ внимательны, а притомъ такъ даровиты, что могутъ съ точностію замѣтить все сказанное въ классѣ учителемъ и притомъ различить въ его объясненіи главное отъ второстепеннаго, не смотря на то, что извѣстныя правила будутъ повторены ученикамъ много разъ въ классѣ, и что ученики вполне поймутъ эти правила? *Verba volant, scripta manent.* Кромѣ-того, многие-ли ученики, по обыкновенію своему, считаютъ своею обязанностію знать то, что сказано учителемъ въ классѣ, но не задано имъ выучить по книгѣ? Знаемъ, что этотъ ученическій обычай очень дурень; но онъ есть, и еще не скоро истребится. А между-тѣмъ хорошій наставникъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что у него успѣваютъ только нѣкоторые ученики: онъ старается, чтобъ успѣвали рѣшительно всѣ. Далѣе, долго-ли помнится дѣтьми только слышанное, даже надлежащимъ образомъ понятое и замѣченное, но не выученное? Гдѣ справиться, и по чемъ вспомнить забытое, а между-тѣмъ въ извѣстномъ случаѣ весьма необходимое? Если это случится дома, въ квартирѣ, ужели бѣжать къ учителю? Много-ли наконецъ пользы отъ знанія правилъ грамматики совершенно-безсвязнаго, отрывочнаго? А при плохомъ знаніи теоріи, какъ можетъ хорошо идти практика? Однимъ словомъ, мы не знаемъ основательной причины, почему-бы не слѣдовало ученикамъ давать учебной книги въ руки и указывать въ ней тѣхъ правилъ, которыя въ извѣстный день изустно предлагаются и объясняются учителемъ въ классѣ, и которыя имѣютъ постоянное примѣненіе къ практическимъ занятіямъ уче-

никовъ первыхъ двухъ классовъ гимназій: напротивъ, много видимъ причинъ, почему это невыгодно для нихъ. Поэтому мы вполне согласны въ этомъ случаѣ съ тѣми педагогами нашими, которые какъ вообще хорошій учебникъ, такъ и въ частности Русскую грамматику, считаютъ самымъ необходимымъ *орудіемъ*, необходимою *памятною книжкою* (25) въ рукахъ учениковъ, занимающихся Русскимъ языкомъ. Не даромъ существуетъ пословица: *haugit aquam cribro, qui discit sine libro*. И почему, въ самомъ дѣлѣ, бояться дать ученикамъ въ руки книгу, совершенно для нихъ необходимую, которой содержание постоянно вы передаете имъ изустно? Почему бояться указывать въ ней то, что вы передаете имъ изустно, и что знать имъ совершенно-необходимо? Почему не задавать отсюда ученикамъ 1-го и 2-го класса небольшихъ уроковъ, когда имъ, при перевѣсѣ памяти предъ другими способностями, изучать ихъ гораздо легче, нежели возрастному, и когда изученіе этой книги, кромѣ другой пользы, собственно-практической, приучаетъ дѣтей своимъ связнымъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ и точнымъ выраженіемъ заключающихся въ ней понятій и правилъ къ такому-же отчетливому, связному и послѣдовательному изложенію и точному выраженію и собственныхъ мыслей? Наконецъ, не лучше-ли, во всѣхъ отношеніяхъ, раздѣлить изученіе Русской грамматики на три года, нежели изучать ее наскоро всю въ одномъ третьемъ классѣ гимназій? Тутъ бдительное вниманіе наставника должно быть обращено только на то, чтобъ ученики не учили ненужнаго, излишняго, а въ-особенности на то, *чтобъ они вполне понимали то, что учатъ*, чтобъ не долбили однихъ словъ, не учили одной мертвой буквы. «Опытномъ дознано, замѣчаетъ одинъ изъ опытнѣйшихъ и достойнѣйшихъ современныхъ педагоговъ нашихъ, что суще-

(25) Мнѣніе Смирнова и Перевлѣскаго. См. Учебникъ перваго и Граматику послѣдняго, а также Журн. для воспит. за 1868 г. т. III.

ственнымъ условіемъ твердыхъ и прочныхъ успѣховъ ученика по какой-нибудь части служить хорошій печатный учебникъ въ рукахъ его. Какъ-бы силенъ ни былъ преподаватель въ своемъ предметѣ, какъ-бы превосходна ни была его метода, онъ все-таки чувствуетъ надобность въ такомъ пособіи (26).

(Окончаніе *среди*).

(26) См. 1-й выпускъ «Извѣст. Импер. акад. наукъ по отд. Русск. яз. и слов.» Записка *Я. К. Грота*: «Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается». То-же въ *Журн. мин. нар. пр.* за іюнь 1858 г. въ *стлси*.

Весьма справедливы, по нашему мнѣнію, слѣдующія мысли о важности и необходимости для дѣтей изученія грамматики, высказанныя учителемъ Русской словесности г. Гернавскимъ. «Нечего бояться, говорить онъ, что заучиваніе грамматическихъ формъ представить грамматику Русскую какимъ-то пугаломъ: безъ заучиванія нельзя узнать иностранныхъ языковъ; не затвердивши, ученикъ не запомнить всѣхъ историческихъ событій; заставьте ученика *безъ руководства или безъ записокъ учителя* отвѣчать по однимъ только рассказамъ преподавателя, вѣрно къ концу года окажется результатъ самый неудовлетворительный; даровитый ученикъ въ состояніи передать слышанное отъ учителя на другой урокъ; но пусть пройдетъ годъ, тогда исторія въ устахъ ученика обратится въ сказку, лишенную всякаго смысла. Если намъ гг. нужно подготовиться, идя на урокъ: то тѣмъ болѣе ученику необходимо имѣть подъ рукою книгу, по которой-бы онъ новѣрялъ себя. *Руководство по Русской грамматикѣ тогда только можетъ быть пугаломъ, если ученики будутъ зазубривать, не понимая и не применяя ее къ дѣлу. Было-бы заучиваніе разумно и понималъ-бы ученикъ заучиваемое, тогда она не напугаетъ и не повердитъ его способностямъ*». См. Циркуляръ по управл. Кіевск. учебн. окр. за 1859 годъ № 5. — Если кому, то преимущественно учителямъ словесности, занимающимся въ высшихъ классахъ исправленіемъ ученическихъ сочиненій, вполне понятны дурныя послѣдствія бѣзглаго, поверхностнаго, безкнижнаго изученія въ низшихъ классахъ Русской грамматики.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЙСТВІЯХЪ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ, ВЪ-ТЕЧЕНІЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ ЕЯ (*).

Археографическая коммиссія, имѣя честь представить вамъ, мм. гг., отчетъ о своихъ двадцатипятилѣтнихъ трудахъ по изданію памятниковъ, относящихся до Русской исторіи и права, вмѣняетъ себѣ въ священную обязанность прежде всего принести дань глубокой благодарности Вѣнценосному ея основателю, въ Бозѣ почившему Императору Николаю I, и ближайшему исполнителю Его предначертанія, бывшему министру народнаго просвѣщенія, графу Сергію Семеновичу *Уварову*, которые учрежденіемъ археографической коммиссіи упрочили въ нашемъ отечествѣ разработку его исторіи и любовь къ ней новаго поколѣнія, не только изучающаго теперь съ рвеніемъ и жаромъ историческія сочиненія, но и занимающагося въ свою очередь изданіемъ матеріаловъ болѣе или менѣе отдаленной старины. Съ другой стороны, коммиссія не можетъ не сознаться съ нѣкоторою гордостію, — и это съ тѣмъ болѣе правомъ, что такая честь принадлежитъ главнымъ образомъ уже покойнымъ ея членамъ, — что изданные ею труды служатъ въ настоящее время важнѣйшимъ пособіемъ для всѣхъ изслѣдованій по части Русской исторіи и права. Въ *пятидесяти двухъ* томахъ, изъ коихъ состоятъ ея изданія, заключается повистинѣ такая сокровищница, такая богатая руда, какую, конечно, представляютъ лишь немногія государства въ печатныхъ собра-

(*) Читанъ въ публичномъ собраніи археографической коммиссіи 27 декабря.

ніяхъ своихъ историческихъ матеріаловъ, хотя собственно постоянное изданіе ихъ у насъ правительствомъ начинается вмѣстѣ съ учрежденіемъ комиссіи, т.-е. только за двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Настоящій отчетъ содержитъ въ себѣ: обзорѣніе того, что было сдѣлано для обнародованія въ Россіи памятниковъ до образованія комиссіи; свѣдѣнія о ея учрежденіи съ изъясненіемъ предметовъ ея занятій; очеркъ ея дѣятельности и составъ отъ самаго ея начала до настоящаго времени; обозначеніе средствъ, которыми она располагаетъ, и наконецъ указаніе на изданія, которыми занимается теперь и которыя намѣрена постепенно предпринять въ будущемъ.

■.

ОБНАРОДОВАНІЕ ВЪ РОССІИ ПАМЯТНИКОВЪ ДО ОБРАЗОВАНІЯ КОММИССІИ.

Правительство и частныя лица въ Россіи начинаютъ уже съ XVIII столѣтія обращать особенное вниманіе на собраніе источниковъ отечественной исторіи. Императоръ Петръ Великій и императрицы Анна Іоанновна и Екатерина II, указами 1720, 1722, 1734, 1778 и 1791 годовъ, повелѣли собрать въ одно мѣсто всѣ историческаго содержанія рукописи, хранившіяся въ духовныхъ библіотекахъ. Впрочемъ, эти распоряженія остались, сколько извѣстно, болѣею частью безъ исполненія. Съ 1733 по 1743 родъ академикъ *Миллеръ*, путешествовавшій десять лѣтъ по Сибири, успѣлъ собрать въ тамошнихъ городскихъ архивахъ многіе драгоценныя матеріалы, находящіеся нынѣ въ Императорской академіи наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ частныхъ лицъ, *Татищевъ*, князь *Щербатовъ*, графъ *Мусинъ-Пушкинъ* и *Новиковъ* особенно замѣчательны, какъ собиратели рукописныхъ памятниковъ.

Со второй половины XVIII столѣтія начинается у насъ и самое изданіе источниковъ. Кромѣ знаменитаго *Шлецера*,

издаваго Русскую Правду и первый томъ Никоновской лѣтописи, историографъ *Миллеръ*, академія наукъ, св. сводъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія преосвященные *Амвросій* и *Евгеній*, *Карамзинъ*, *Максимовичъ* и Императорское Московское общество исторіи и древностей Россійскихъ обнародовали много матеріаловъ для Русской исторіи. При этомъ археографическая дѣятельность была обращена преимущественно на лѣтописи. Но сколько-нибудь полного и систематическаго собранія древнихъ памятниковъ мы все еще не имѣли. Это обстоятельство должно отчасти приписать характеру прежнихъ археографовъ: отыскивая съ величайшимъ раченіемъ харатейные молитвенники, надгробные камни съ надписями, которыхъ часто никто не могъ прочесть, и разныя металлическія вещицы, они обращали мало вниманія на памятники письменности, объясняющіе внутренній бытъ народа, и равнодушно проходили мимо старинныхъ архивовъ. Въ такомъ положеніи было дѣло Русской археографіи до предпріятій графа Н. П. *Румянцева*.

Извѣстно, что великолѣпное изданіе Дюмона, заключающее въ себѣ собраніе трактатовъ разныхъ Европейскихъ государствъ, подало канцлеру мысль объ изданіи подобнаго собранія договоровъ и въ Россіи. Съ этою цѣлію, въ началѣ настоящаго столѣтія, онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе комиссіи для печатанія государственныхъ грамотъ при Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, коимъ тогда начальствовалъ Н. Н. *Бактышъ-Каменскій*. Комиссія начала издавать извѣстное *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Редакторами были П. М. *Строевъ* и К. Θ. *Калайдовичъ*. Впродолженіе времени отъ 1813 по 1828 г., комиссія успѣла издать 4 тома in-fol. Первая часть, напечатанная въ 1813 г., заключаетъ въ себѣ грамоты съ 1265 по 1613 годъ. Вторая, вышедшая въ 1819 г., содержитъ грамоты съ 1229 по 1610 и служитъ дополненіемъ къ первой. Третья часть издана въ 1822 г. и состоитъ изъ актовъ 1613—1656 г. Четвертая вышла въ 1828 г., спустя уже два года по смерти графа Румян-

цова, и заключаетъ въ себѣ акты съ 1656 по 1696 г. Пятая-же часть этого изданія, которой начало также напечатано, осталась неоконченною. По изданіи перваго тома *Собранія* (1813), канцлеръ пожертвовалъ 25,000 руб. асс. и предоставилъ эту сумму въ распоряженіе академіи наукъ на изданіе лѣтописей по лучшимъ спискамъ. Въ 1836 г. означенная сумма возросла до 40 тысячъ руб. асс. и была передана въ учрежденную тогда комиссію, которая впослѣдствіи получила названіе археографической.

Какъ собиратель рукописей, графъ Румянцовъ находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ различными мѣстами и лицами, присылавшими ему со всѣхъ концовъ Россіи лѣтописи, списки грамотъ, синодиковъ и т. п. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ 732 рукописи. Въ этихъ изысканіяхъ ему дѣятельно помогали П. М. Строевъ, К. Ѳ. Калайдовичъ и протоіерей І. І. Григоровичъ. Первый, по его порученію, обозрѣлъ бібліотеки и архивы всѣхъ монастырей Московской и Калужской губерній, путешествуя по этимъ губерніямъ, на счетъ канцлера, въ 1817, 1818 и 1820 годахъ. Какъ онъ, такъ и Калайдовичъ открыли весьма важныя рукописи: Сборникъ в. к. Святослава, Судебникъ Іоанна III, сочиненія Кирилла Туровскаго, постановленія Московскихъ соборовъ 1503, 1547 и 1554 годовъ, множество актовъ XV—XVI вѣковъ и проч. На счетъ Румянцова изданы были: а) Памятники Русской словесности. XII вѣка, Калайдовичемъ, Москва, 1821; б) Судебники, — имъ и Строевымъ. М. 1819; в) Софійскій временникъ въ 2 частяхъ, Строевымъ. М., 1820 и 1821; д) Древнія государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собранныя въ Пермской губерніи, В. Берхомъ. С. Пб. 1821 г. и е) Бѣлорусскій архивъ, І. Григоровичемъ, 1824. Графъ Румянцовъ имѣлъ также намѣреніе, собрать всѣ извѣстія иностранцевъ о Россіи, сдѣлать изданіе ихъ, подъ заглавіемъ: «*Corpus auctorum rerum Moscovitarum*», которое должно было вмѣстить въ себѣ отъ 60 до 70 авторовъ, безъ измѣненія языка ихъ сочиненій. Предъ самою смертію, онъ думалъ объ

изданіи «Древнихъ путешествій Россіянь», и успѣлъ собрать многія изъ нихъ.

Археографическія поѣздки г. Строева, совершенныя имъ по порученію графа Румянцова, подали ему мысль объ археографической экспедиціи по всей Россіи. Мысль эту онъ выразилъ въ замѣчательной рѣчи своей, читанной въ засѣданіи Московскаго общества исторіи и древностей, въ 1823 г. (Труды и лѣтописи общ. ист. и др. Росс. ч. IV, кв. I. Москва, 1828 г.). «Не довольно Москвы, говорилъ онъ, для поприща нашей дѣятельности: пусть цѣлая Россія превратится въ одну бібліотеку, намъ доступную». Онъ указалъ на богатство монастырскихъ архивовъ и бібліотекъ и полагалъ раздѣлить экспедицію на три части или поѣздки. Въ *первую* онъ думалъ обозрѣть бібліотеку Софійскаго собора, губерніи: Новгородскую, С. Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, часть Пермской и чрезъ Костромскую, Ярославскую и Тверскую возвратиться въ Москву. Эту поѣздку онъ называлъ *сѣвornoю*. Вторая или *средняя* поѣздка должна была обнимать губерніи: Московскую, Владимірскую, Нижегородскую, части Казанской и Симбирской, сѣверные уѣзды Пензинской и Тамбовской, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую. Третья или *западная* поѣздка — по губерніямъ: Витебской, Могилевской, Минской, Вольнской, тремъ Малороссійскимъ, Курской и Орловской. На первую поѣздку онъ предполагалъ употребить два года, на другія двѣ — по году, и высчиталъ, что издержки на экспедицію не превзойдутъ 7,000 р асс. «Когда рукописямъ бібліотекъ, — прибавлялъ онъ, — составлены будутъ подробные каталоги, нужно обнародовать эти каталоги. Ихъ можно слить въ общую роспись, систематически расположенную, которая, при возможной краткости, представляла-бы самое полное и вѣрнѣйшее описаніе всѣхъ гдѣ-либо существующихъ памятниковъ нашей исторіи и литературы до XVIII вѣка».

Мысль почтеннаго археографа не была забыта, и

въ 1828 г. Императорская академія наукъ, по предложенію президента своего, вознамѣрилась снарядить археографическую экспедицію гораздо въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и съ болѣшими средствами, чѣмъ указывалъ г. Строевъ. Именно, на совершеніе археографическаго путешествія академія полагала около семи лѣтъ, а на путевыя издержки опредѣляла изъ собственныхъ суммъ по 10 т. руб. асс. ежегодно. Начальникомъ экспедиціи былъ избранъ самъ П. М. Строевъ. Предположенія эти удостоены Высочайшаго утвержденія 14 іюля 1828 г. За тѣмъ св. синодъ и нѣкоторыя министерства предписали, по своимъ вѣдомствамъ, о допущеніи г. Строева въ библіотеки и архивы.

Археографическая экспедиція отправилась въ путешествіе весною 1829 г. и въ томъ-же году объѣхала Архангельскую и Вологодскую губерніи. Въ первой, начальникъ экспедиціи съ двумя причисленными къ нему изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ сотрудниками осмотрѣлъ библіотеки и архивы города Архангельска и монастырей: Николаевско-Корельскаго, Архангельскаго, Крестнаго, Красногорскаго, Веркольскаго, Сійскаго, Шенкурскаго-Троицкаго и упраздненнаго Богословскаго; соборовъ: Холмогорскаго и Шенкурскаго. Въ Вологодской губерніи экспедиція осмотрѣла архивы монастырей: Спасо-Прилуцкаго, Коряжемскаго, Устюжско-Архангельскаго и другихъ, архивы въ городахъ: Вологдѣ, Тотьмѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Яренскѣ и нѣкоторыхъ волостныхъ правленій.

Съ 1830 г., когда труды г. Строева началъ раздѣлять покойный Бередниковъ, экспедиція до 1834 г. объѣхала губерніи: С. Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Казанскую и Вятскую. Старинныя бумаги Чердынскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ, Пермской губерніи, высланы были къ г. Строеву въ Москву. Тогда были осмотрѣны: 1) г. Строевымъ—а) библіотеки: Московская синодальная, Троицко-Сергіевой лавры, Московской духовной ака-

деи, Новгородскаго Софійскаго собора, и монастырей Кирилло-Бѣлозерскаго и Юсифо-Волоколамскаго; б) *архивы*: Троицко-Сергіевой лавры, монастырей: Симонова, Савво-Сторожевскаго, Ипатьевскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Толгскаго, Макарьево-Унженскаго, Суздальскихъ Покровскаго и Спасо-Евѣиміева и архивъ бывшаго Пушкарскаго приказа (при Московскомъ артиллерійскомъ депо); 2) Бередниковымъ — архивы монастырей: Соловецкаго, Валдайско-Иверскаго, Богородицко-Свѣязскаго, Макарьево-Калязинскаго, Нило-Столобенскаго, Александро-Свирскаго, Тихвино-Успенскаго, Новоторжско-Еремьевскаго, Желтоводскаго и Флорищевой пустыни.

Всего г. Островъ съ Бередниковымъ, въ продолженіе путешествія, осмотрѣли около 200 болѣе или менѣе примѣчательныхъ архивовъ и библиотекъ. Богаче всѣхъ оказались архивы духовнаго вѣдомства, именно: библиотеки Московская синодальная, Новгородская Софійская, Троицко-Сергіевой лавры, монастырей: Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго и Юсифо-Волоколамскаго. Немало актовъ извлечено изъ архивовъ Псковскаго и Нижегородскаго губернскихъ правленій, Бѣлозерскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ. Самые древніе акты уцѣлѣли единственно въ монастыряхъ, между-тѣмъ-какъ въ гражданскихъ архивахъ экспедиція почти не нашла бумагъ древнѣе XVII столѣтія. Археографическая экспедиція, обозрѣвая историческіе и юридическіе матеріалы, приготовила: 1) собраніе актовъ историко-юридическихъ и 2) каталоги манускриптамъ и старопечатнымъ книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ библиотекахъ, расположенные по алфавиту съ выписками и рецензіями рукописей, подъ названіемъ: «Матеріалы для исторіи Славяно-Русской літературы». Списывались лишь акты наиболѣе важныя въ историческомъ и историко-юридическомъ отношеніяхъ, и при списываніи строго сохранялись древнія формы языка, явныя-же ошибки писцовъ были исправляемы. Къ списываемымъ актамъ присовокуплялись палеографическія ихъ описанія (легенды).

Означенныя собранія г. Строевъ представилъ академіи наукъ при отчетѣ. Въ немъ, между прочимъ, онъ говоритъ: «Сѣверо-востокъ и часть средней Россіи осмотрѣны совершенно. Въ Москвѣ еще довольно архивовъ, въ коихъ работать недостало времени. По сей причинѣ и С. Петербургскія хранилища старины миѣ почти неизвѣстны. Въ степныхъ губерніяхъ нѣтъ жатвы археографической, по недавнему ихъ заселенію. Остаются Малороссія, Волинь, Литва и Бѣлорусскій край. Многія неудобства стѣснили меня въ шесть лѣтъ путешествія, особенно недостатокъ писцовъ, способныхъ правильно копировать рукописи. Сколько времени на сіе потеряно!» Тогда-же онъ свидѣтельствовалъ предъ академіей объ особенномъ трудолюбіи, способностяхъ и заслугахъ Берендикова, раздѣлявшаго съ нимъ, какъ онъ выразился, «труды и трудности». Матеріалы для исторіи Славяно-Русской литературы были оставлены академіею у г. Строева съ тѣмъ, чтобы онъ приготовилъ изъ нихъ *библіологическій словарь* или указатель всѣхъ сочиненій и переводовъ, извѣстныхъ въ литературѣ нашей до начала XVIII столѣтія.

Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ, покойный графъ С. С. Уваровъ понималъ, что изданіе столь важнаго собранія актовъ въ свѣтъ не можетъ быть поручено одному какому-либо ученому и что успѣшнѣе оно можетъ быть исполнено соединенными силами нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями въ Русской исторіи: въ октябрѣ 1834 г., въ бытность Государя Императора въ Москвѣ, утверждено предварительное всеподданнѣйшее представленіе его объ учрежденіи *небольшой* коммисіи для изданія въ свѣтъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ актовъ, относящихся до отечественной исторіи (въ числѣ 3000), собранныхъ археографическою экспедиціею. Министръ составилъ и *правила*, на основаніи коихъ могла быть учреждена такая коммиссія, не требуя, по-крайней-мѣрѣ на первый случай, никакой изъ государственнаго казначейства суммы. Тогда-же графъ Уваровъ представилъ Государю, что «учрежденіе сей

небольшой комиссії вмѣщаетъ въ себѣ другую мысль: по окончаніи возложенной на оную обязанности (напечатать акты, собранные Строевымъ), полагаю я, расширивъ и преобразовавъ комиссію, предназначить оную къ изданію недостающаго у насъ *систематическаго и полнаго собранія источниковъ отечественной исторіи*. О планѣ этого собранія, требовавшемъ зрѣлыхъ соображеній, министръ хотѣлъ сдѣлать особый докладъ.

III.

УЧРЕЖДЕНІЕ КОМИССИИ И ПРЕДМЕТЫ ЕЯ ЗАНЯТІЙ.

Высочайше утвержденными 24 декабря 1834 г. *Правилами, комиссіи для изданія собранныхъ археологическою экспедиціею актовъ* дано было слѣдующее устройство:

1) Она должна состоять подъ непосредственнымъ наблюдениемъ министра народнаго просвѣщенія.

2) На ея издержки опредѣляется, на первый разъ, 40-тысячный капиталъ графа Румянцова, переданный въ академію наукъ.

3) Предсѣдатель комиссіи назначается Его Императорскимъ Величествомъ, по докладу министра народнаго просвѣщенія, члены—министромъ, а письмоводитель — предсѣдателемъ. Число членовъ завистъ отъ министра.

4) На комиссію возлагается привести въ возможно-удобнѣйшую систему собранные акты и печатать ихъ.

5) Предсѣдатель, послѣ cadaго засѣданія, докладываетъ министру объ успѣхахъ трудовъ комиссіи и о предметахъ, требующихъ его разрѣшенія.

6) Сношенія министра по дѣламъ комиссіи поставлены предметомъ занятія секретарскаго стола департамента народнаго просвѣщенія.

7) Комиссія, сверхъ вышеизложенныхъ обязанностей, исполняетъ и всѣ порученія министра по предметамъ, относящимся вообще до Русской исторіи и древностей.

Въ такомъ видѣ комиссія существовала до 18 февраля 1837 г. Съ начала 1835 до начала 1837 г. она имѣла 60 засѣданій, по протоколамъ которыхъ можно слѣдить за ея занятіями. Она издала акты, собранные экспедиціею, въ 4 томахъ, и принимала мѣры къ изданію древнихъ монетъ и медалей. (См. ниже, стр. 206.)

1837 года февраля 22, комиссія имѣла свое первое засѣданіе, какъ комиссія *археографическая*. Для руководства ея изданы были *Правила, Высочайше утвержденныя въ 18 день февраля 1837 г.*, на основаніи которыхъ она дѣйствуетъ и въ настоящее время.

Правилами этими расширенъ кругъ дѣйствія, составъ и средства комиссії и — что всего важнѣе — опредѣлены тѣ источники отечественной исторіи, объ изданіи коихъ она должна была заботиться.

На основаніи § 3 означенныхъ Правилъ, источники отечественной исторіи, предназначаемые къ изданію, суть: 1) сочиненія, составляющія Славяно-Русскую литературу, собственно историческаго содержанія; 2) акты государственно-юридическіе. Къ первымъ относятся: лѣтописи, хронографы, степенныя книги, сказанія и другія рукописи, въ непосредственной связи съ исторіею состоящія. Вторые суть: грамоты, уставы, наказы, судныя дѣла, розыски и тому-подобные документы, объясняющіе законодательство, управленіе и судопроизводство, до начала XVIII столѣтія. Къ сему-же отдѣлу принадлежатъ: родословныя, разрядныя и писцовыя книги, статейные списки, и проч. Изъ членовъ комиссії были назначены два главные редактора: одинъ — лѣтописей, другой — государственно-юридическихъ актовъ.

По § 19 комиссія должна «дѣятельно заботиться объ усовершенствованіи отечественной нумизматики. Обладая нужными для того средствами, она издастъ снимки и составитъ возможно-полное описаніе Русскихъ монетъ и медалей. Она имѣетъ над-

зоръ за приготовленіемъ художниками рисунковъ печатей, почерковъ, шрифтовъ и проч.».

Къ этимъ обязанностямъ, возложеннымъ на комиссію, въ 1839 году присоединено изданіе актовъ на иностранныхъ языкахъ, для чего тогда-же былъ назначенъ особый главный редакторъ (см. ниже стр. 202 и 207.)

Въ первомъ засѣданіи археографической комиссіи, предсѣдатель ея, покойный князь *Ширинскій-Шихматовъ*, обратился къ гг. членамъ съ слѣдующими словами: «По случаю удостоенія Высочайшаго утвержденія Правилъ для руководства археографической комиссіи, которыми, во-1-хъ, упрочено ея полезное существованіе, а во-2-хъ, предоставлены новыя преимущества принадлежащимъ къ ней лицамъ, г. министръ народнаго просвѣщенія поручилъ мнѣ, мм. гг., объявить вамъ, что онъ считаетъ себя въ полномъ правѣ надѣяться, что мы, недавно еще награжденные лестными знаками Монаршаго благоволенія, не будемъ щадить никакихъ усилій, чтобы заслужить столь щедро изливныя на насъ милости Государя Императора усерднымъ и совокупнымъ стремленіемъ къ достиженію цѣли учрежденія археографической комиссіи. Его высокопревосходительство станетъ слѣдить занятія каждаго изъ насъ и думаетъ, что онъ будетъ дѣлать это всегда съ удовольствіемъ, потому-что отнюдь не предполагаетъ замѣтить въ комъ-либо развлеченія, медленности или холодности при исполненіи высокаго нашего назначенія. Мнѣ остается присовокупить съ своей стороны, что вы найдете во мнѣ, какъ и прежде, дѣятельное орудіе просвѣщеннаго и благонамѣреннаго министра, ревностнаго сотрудника и безпристрастнаго цѣнителя трудовъ вашихъ».

При этомъ присутствовали: члены *Сербиновичъ*, *Устряловъ*, *Коловскій*, *Кравскій* и *Березниковъ* и правитель дѣлъ *С. Строевъ*.

III.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Дѣятельность комиссіи съ ея учрежденія по настоящее время заключалась: 1) въ розысканіяхъ матеріаловъ для изданія; 2) въ самомъ изданіи этихъ матеріаловъ въ свѣтъ.

А. ПРИВЕДЕНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ ВЪ ИЗВѢСТНОСТЬ.

Выше было сказано, что археографическая экспедиція не успѣла обозрѣть архивы и библіотеки Петербургскіе. Потому, прежде нежели изданы были акты экспедиціи, она признала необходимымъ поручить члену своему *Бередиикову* (1835 г.) осмотръ Императорской публичной библіотеки, Румянцовскаго музея и библіотекъ: академіи наукъ и армитажной. Извлеченными изъ сихъ хранилищъ документами значительно пополнилось собраніе актовъ экспедиціи. По изданіи этого собранія (1836 г.), комиссія обратила вниманіе на тѣ библіотеки и архивы, которые или вовсе не были посѣщены экспедиціею, или были осмотрѣны только отчасти. На этомъ основаніи комиссія опредѣлила вытребовать въ Петербургъ всѣ старинные акты, хранящіеся въ провинціальныхъ архивахъ. Члену *Бередиикову* поручено было представить свои соображенія по этому предмету. Онъ донесъ комиссіи, что: «1) грамоты и столбцы находятся исключительно въ архивахъ губернскихъ правленій, казенныхъ и гражданскихъ палатъ, уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, ратушъ и нѣкоторыхъ удѣльныхъ конторъ и волостныхъ правленій. При преобразованіи управленія въ XVIII и началѣ XIX вѣка и при учрежденіи губерній, въ архивы губернскихъ правленій и уѣздныхъ судовъ поступили дѣла бывшихъ воеводскихъ канцелярій, а въ казенныя палаты переданы были грамоты и отчинные документы монастырей, остававшіеся въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи и экономическихъ управленій монастырскими имѣніями. Важнѣйшіе, по многочисленности грамотъ и столбцевъ, архивы въ губерніяхъ, посѣщенныхъ экспедиціею, суть: гу-

бернскихъ правленій Псковскаго и Нижегородскаго и уѣздныхъ судовъ Бѣлозерскаго, Олонецкаго и Соликамскаго. Архивъ Бѣлозерскій, особенно многочисленный столбцами, во время пребыванія экспедиціи, помѣщался въ особомъ деревянномъ домѣ, на чердакѣ, и не былъ тогда приведенъ въ порядокъ 2) Археографическою экспедиціею не осмотрѣны были губерніи: С. Петербургская (кроме одного Зеленецкаго монастыря), Смоленская, Калужская, Орловская, Курская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Пензинская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Земля Войска Донскаго и губерніи западныя. 3) Въ Сибири библіотеки и архивы духовнаго вѣдомства не были осмотрѣны академикомъ *Миллеромъ*.

Согласно означенному выше предположенію, въ концѣ 1836 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе на имя министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о доставленіи въ археографическую комиссію старинныхъ актовъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ означенныхъ министровъ, что желательно-бы было, чтобы по сему предмету преимущественно обращено было вниманіе на тѣ губерніи, въ которыхъ экспедиція не успѣла сдѣлать розысканій. Тогда-же, по мысли *Берднникова*, министерство народнаго просвѣщенія просило епархіальныя начальства въ неосмотрѣнныхъ экспедиціею губерніяхъ и Сибири увѣдомить комиссію: вѣтъ-ли по вѣдомству ихъ старинныхъ рукописей, также грамотъ и столбцевъ въ архіерейскихъ домахъ, консисторіяхъ, духовныхъ правленій, семинаріяхъ, монастыряхъ, пустыняхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ, не исключая и сельскихъ, нѣкогда обращенныхъ въ приходы изъ бывшихъ монастырей.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій, разныя присутственные мѣста выслали хранящіеся въ нихъ акты, отягощенные ко времени до Петра Великаго или начала XVIII вѣка. Такимъ образомъ поступили въ комиссію:

а) По духовному вѣдомству:

Изъ Могилевской и Полоцкой духовныхъ консисторій; изъ архивовъ: Минскаго епархіальнаго и Виленскаго капитула; изъ библиотекъ Кіевской духовной академіи и Могилевской семинаріи.

б) По гражданскому вѣдомству изъ архивовъ:

а) *Бѣлостокскаго областного правленія* и бывшаго *Виленскаго трибунала*.

б) *Губернскихъ правленій*: Астраханскаго, Тульскаго, Иркутскаго, Черниговскаго, Харьковскаго, Подольскаго и Якутскаго областного правленія.

в) *Казенныхъ и гражданскихъ палатъ*: Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Курской, Полтавской, Тамбовской, Оренбургской, Витебской, Кіевской и Черниговской.

г) *Упядныхъ судовъ*: Бѣлозерскаго, Яренскаго, Петрозаводскаго, Бѣжецкаго, Муромскаго, Тамбовскаго, Кунгурскаго, Кузнецкаго, Соликамскаго, Чердынскаго, Верхотурскаго, Полтавскаго, Мглинскаго, Мстиславскаго, Волковыйскаго, Слонимскаго и Владиміро-Волынскаго.

д) *Городническихъ правленій*: Кольскаго, Обоянскаго и Канирскаго.

е) *Нерчинскаго городского управленія*.

ж) *Городовыхъ магистратовъ*: Брестскаго, Бѣльскаго, Велижскаго, Оршинскаго, Гродненскаго, Ковенскаго, Кременецкаго, Лидскаго, Рославльскаго, Мезенскаго, Тотемскаго, Каргопольскаго, Вятскаго, Устюжно-Желѣзопольскаго и Шуйскаго.

з) *Думъ и ратушь*: Калужской, Кіевской, Лальской, Погорѣльской (Тверской губ.), Черниговской, Могилевской, Олицкой и Переяславской.

Въ то-же время нѣкоторымъ членамъ и корреспондентамъ поручаемо было разсмотрѣніе разнаго рода актовъ на мѣстахъ не только въ Россіи, но и за границей. Именно:

Въ 1837 г. корреспондентъ комиссіи *Невгровъ* старался получить доступъ въ Любекскій архивъ, но тамошнее правительство, не смотря на ходатайство нашего консула, не допустило любознательнаго путешественника къ осмотру этого архива. Болѣе посчастливилось ему въ Гамбургѣ, гдѣ извѣстный ученый Лаппенбергъ доставилъ ему возможность осмотрѣть тамошній архивъ; впрочемъ, *Невгровъ* мало нашелъ въ немъ актовъ, относящихся до Россіи. Въ государственномъ Берлинскомъ архивѣ оказалась лишь одна грамота в. к. Василя Ивановича, относящаяся къ 1518 г. Въ то-же время другой путешественникъ, бывшій правителемъ дѣлъ комиссіи, *Сергій Строевъ*, какъ корреспондентъ ея, доносилъ изъ Парижа, что онъ являлся тамъ къ министру народнаго просвѣщенія Сальванди и получилъ отъ него дозволеніе осмотрѣть Славянскія рукописи, находящіяся въ королевской библіотекѣ. Тамъ, между *восточными* рукописями имъ были найдены, къ удивленію библіотекарей, нѣсколько памятниковъ Славянской письменности, которые тогда-же были имъ описаны (*).

Въ Россіи, старшій учитель Астраханской гимназіи, а впоследствии корреспондентъ и чиновникъ комиссіи *Матвеевъ* приступилъ къ розысканіямъ въ архивѣ Астраханскаго губернскаго правленія, откуда и было доставлено много любопытныхъ актовъ.

Въ томъ-же 1837-мъ году членъ *П. М. Строевъ* началъ осмотръ архива Старыхъ Дѣлъ, состоящаго при сенатѣ въ Москвѣ. Въ немъ онъ нашелъ 800 подлинныхъ актовъ и двѣ книги. «Здѣсь, — говоритъ г. *Строевъ* въ своемъ письмѣ, — совершенная бездна: кромѣ тѣхъ актовъ, кои внесены въ реестры, бывшіе въ комиссіи, находится неописанныхъ, примерно, до 10 тысячъ».

Въ 1838 году *П. М. Строевъ* осматривалъ тотъ-же ар-

(*) Описаніе это издано въ свѣтъ, въ 1841 году, подъ заглавіемъ: «Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы».

живъ, съ спеціальною цѣлію — дополнить составленный имъ во время археографической экспедиціи *каталогъ настоятелямъ монастырей и архіереевъ*. Такое обозрѣніе сего архива было продолжаемо имъ и въ слѣдующихъ годахъ.

Въ ноябрѣ 1838 г. проф. Александровскаго университета *Соловьевъ* прислалъ въ археографическую комиссію, для доведенія до свѣдѣнія министра, свой проектъ *Скандинавской экспедиціи*. Онъ вызывался быть начальникомъ этой экспедиціи и просилъ командировать къ нему помощника и писца, для переписки Русскихъ актовъ. Издержки экспедиціи были разсчитаны имъ въ 12,000 руб. асс. Собранные акты предполагалъ онъ издавать при археографической комиссіи, подъ его главнымъ наблюдениемъ. Этотъ проектъ, осуществленіе котораго привнесло огромную пользу Русской исторіи, обратилъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія (графа Уварова). Благодаря его ходатайству, весною слѣдующаго 1839 г. *Соловьевъ* отправился въ Швецію съ пособіемъ отъ правительства въ 3,000 р. асс. Въ концѣ 1839 г. онъ уже доносилъ комиссіи, что имъ осмотрѣнъ королевскій тайный архивъ, при содѣйствіи тамошняго архиваріуса, профессора *Мазусена*. Кромѣ-того, цѣлый мѣсяцъ пробылъ онъ въ Упсалѣ и списывалъ рукопись Котошихина. Въ числѣ важнѣйшихъ открытій его — была находка въ государственномъ Стокгольмскомъ архивѣ давно отыскиваемого Делгардіевскаго собранія актовъ, вывезенныхъ изъ Новгорода въ началѣ XVII столѣтія. Вообще-же въ первыя двѣ поѣздки *Соловьева* имъ осмотрѣны были слѣдующія публичныя и частныя бібліотеки и архивы:

а) *Въ Швеціи* :

1) *Въ Стокгольмѣ* бібліотеки: королевская, Шведской академіи, академіи наукъ, академіи словесности, исторіи и древностей.

2) *Въ провинціяхъ* : Скуклестерская графа Браге съ архивомъ, Упсальская университетская, Линнеевская, Вестеросская гимназическая, Тидѣская барона Риддерстольпе, Линчепинг-

ская, Векшеская и Кольмарская гимназическія; въ Скони— архивъ и библіотека Деллагардіевскіе.

б) *Въ Дани:*

Въ Копенгагенъ: Большая королевская библіотека, тайный архивъ, библіотеки университетская и Классенская.

Находки г. *Соловьева* въ Швеціи заслуживаютъ особеннаго вниманія: довольно вспомнить, что онъ открылъ тамъ уставную грамоту XII вѣка, драгоценное сочиненіе Котошихина о Россіи въ XVII вѣкѣ и цѣлую массу документовъ, объясняющихъ исторію Русскаго сѣвера во-время междуцарствія, чтобы оправдать слѣдующія слова археографа о себѣ самомъ: «Кромѣ неотъемлемаго у меня внутренняго самодовольствія о совершившихся, могу сказать, надеждахъ на несомнѣнныя пріобрѣтенія въ пользу комиссіи, утѣшаюсь еще особенно тѣмъ, что я первый изъ Русскихъ указалъ моимъ соотечественникамъ на историческія богатства Скандинавіи и проложилъ вѣрную тропу къ дальнѣйшимъ открытіямъ всѣмъ, желающимъ послѣдовать за мной на этомъ новомъ археологическомъ поприщѣ». Многіе изъ найденныхъ г. *Соловьевымъ* актовъ были привезены имъ въ Россію и впоследствии пріобрѣтены отъ него комиссіей.

Въ 1842 году, кромѣ члена *Строева*, продолжавшаго свои занятія въ сенатскихъ архивахъ, корреспондентъ *Мельниковъ* осматривалъ архивы Нижегородскихъ присутственных мѣстъ.

Въ 1845 и 1846 годахъ, членъ *Строевъ* обозрѣвалъ архивъ Московской дворцовой конторы и преимущественно то отдѣленіе его, гдѣ помѣщаются столбцы, поступившіе туда изъ архива Оружейной палаты, а членъ кн. *Оболенскій* занимался разсмотрѣніемъ для комиссіи актовъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тамъ-же занимался чиновникъ комиссіи *Калачовъ*, который, находясь въ Москвѣ до 1853 г., доставлялъ оттуда списки съ актовъ, хранящихся въ семь архивѣ и въ Московской синодальной библіотекѣ.

Въ 1852 г. корреспондентъ комиссіи *Зубрыцкій* доставилъ

коллекцію собранныхъ имъ западно-Русскихъ актовъ, а членъ *Терещенко* сообщилъ свѣдѣнія о многихъ важныхъ актахъ и дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Астраханскаго губернскаго правленія.

Въ 1853 и 1854 г. членъ *Калачовъ* совершилъ археографическое путешествіе по губерніямъ: Владимірской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензинской, Саратовской, Сибирской, Тамбовской, Тверской и Ярославской, гдѣ онъ осматрѣлъ какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и фамильные архивы нѣкоторыхъ помѣщиковъ и любителей отечественной старины. Особенное вниманіе его обратилъ на себя архивъ полковника *Головина*, въ Москвѣ: въ этомъ архивѣ, въ числѣ множества актовъ XVI и XVII столѣтій, нѣкоторые дополняютъ свѣдѣнія о жизни князей Пожарскаго и Трубецкаго и Авраамія Палицына. Другіе документы того-же архива, съ копій доставлены были г. *Калачовымъ* точные списки, относятся къ XIV и XV столѣтіямъ. По отзыву г. *Бередникова*, эти акты—*рѣдчайше изъ рѣдкихъ*.

Въ 1855 году членъ *Калачовъ* занимался въ Московскомъ главномъ архивѣ выписками изъ Грузинскихъ статейныхъ списковъ и нѣкоторыхъ другихъ рукописей на Русскомъ языкѣ, относящихся до сношеній Россіи съ Грузіею (кромѣ подлежащихъ особой тайнѣ).

Всѣ исчисленныя розысканія, сопровождавшіяся доставленіемъ въ комиссію подлинныхъ актовъ или списковъ, имѣли своимъ результатомъ сосредоточеніе въ ней чрезвычайно-богатаго собранія документовъ, которые, по своему обилію, не могли быть издаваемы по мѣрѣ ихъ поступления. Поэтому въ 1858 г. предсѣдатель комиссіи А. С. *Норовъ* поручилъ разборъ и приведеніе ихъ въ порядокъ правителю дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ въ то-же время занялся составленіемъ не только полнаго и точнаго реестра рукописямъ, принадлежащимъ комиссіи, но и описи тѣхъ книгъ и документовъ, которые сообщены комиссіи для пользованія при ея изданіяхъ.

Количество столбцовъ, находящихся въ настоящее время въ распоряженіи комиссіи, простирается до 15,000. Съ цѣлю ввести нѣкоторый порядокъ въ это собраніе матеріаловъ (поступившихъ изъ присутственныхъ мѣстъ бѣльшую частію безъ описей) и опредѣлить время, къ которому относится каждый актъ—предположено столбцы комиссіи разобрать на коллекціи, по архивамъ, изъ коихъ они поступили, и разложить ихъ, по годамъ, въ картонны, причемъ каждый актъ долженъ имѣть свою обертку; на ней означается названіе акта и годъ его составленія. Въ настоящее время наполнено такимъ образомъ 220 картоновъ, въ которыхъ помѣщены акты: Якутскаго областного правленія, Астраханскаго, Иркутскаго, Тульскаго, Новгородскаго и Черниговскаго губернскихъ правленій; Верхотурскаго, Бѣлозерскаго, Муромскаго, Арзамасскаго, Кунгурскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ; Черниговской казенной палаты; Нерчинскаго и Каширскаго городскихъ управленій и Великолукскаго магистрата, и акты, пріобрѣтенныя отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

Въ дополненіе отчета о розысканіяхъ, имѣвшихъ цѣлю пріобрѣтеніе матеріаловъ для изданій комиссіи, здѣсь прилагаются: таблица тѣхъ библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ заимствованы акты, уже напечатанные комиссіею, и перечень лицъ, которыя доставляли свои фамиліальные документы, также помѣщенные въ изданія комиссіи.

Библіотеки и архивы, изъ коихъ акты заимствованы комиссіею въ ея изданія.

І. СТОЛИЧНЫЕ:

Императорская публичная библіотека.

Библіотека Императорскаго эрмитажа.

- » академіи наукъ.
- » Московская синодальная.
- » С. Петербургской духовной академіи.
- » Московской духовной академіи.

Библіотека Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Румянцева музей.

Московскіе сенатскіе архивы.

Московскій главный архивъ министерства иностр. дѣлъ.

Архивъ Московскаго артиллерійскаго депо.

- » Московской оружейной палаты.
- » Литовской метрики при 3 департаментѣ правит. сената.
- » департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, при министерствѣ внутр. дѣлъ.
- » департамента народнаго просвѣщенія, по отдѣленію эдукационнаго фондуша.
- » бывшихъ Греко-Уніатскихъ митрополитовъ, при св. синодѣ.
- » генеральнаго штаба.

Главный архивъ Царства Польскаго, въ Варшавѣ.

II. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

A. Духовнаго вѣдомства.

1. *Епархіальныя*:

Библіотеки: Кіевской духовной академіи и Могилевской семинаріи; архивы: Виленскаго капитула, Астраханскій, Вологодскій, Иркутскій, Минскій, Могилевскій, Олонецкій, Рязанскій и Ярославскій; архивы духовныхъ консисторій: Архангелогородской, Полоцкой и Могилевской.

2) *Монастырскіе*:

Алексѣевскій Углицкій, Антоніевскій Краснохолмскій, Антоіевскій Сійскій, Архангелогородскій Архангельскій, Архангельскій Устюжскій, Архангельскій Юрьево-Польскій, Благовѣщенскій Вязниковскій, Благовѣщенскій Муромскій, Боголюбовъ Владимірскій, Богословскій Важскій (упраздн.), Богословскій Рязанскій, Богородицкій Свіажскій, Борисоглѣбскій Новоторжскій, Вознесенскій Борколабовскій, Вознесенскій Великолуцкій, Воскресенскій Новоторжскій, Вяжицкій, Вязниковская

Благовѣщенская пустынь, Даниловъ Переяславскій, Деревяницкій, Зилантовъ, Иверскій, Ипатьевскій, Иоанно-Предтеченскій Псковскій, Иосифовъ Волоколамскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Корельско-Николаевскій, Коряжемскій, Красногорскій, Крестовоздвиженскій Слободской, Макаріевъ Желтоводскій, Макаріевъ Унженскій, Нило-Столбенскій, Новгородскій Хутынский, Оршанскій Кутейнскій (женск. м.), Отрочъ, Печерскій Нижегородскій, Покровскій Суздальскій, Савво-Вишерскій, Савво-Сторожевскій, Селижаровскій, Симоновъ, Соловецкій, Солотчинскій, Спасо-Евѣиміевъ, Спасо-Елеазаровъ, Спасо-Прилуцкій, Спасскій Каргопольскій, Срѣтенскій Кашинскій, Супряельскій, Толгскій, Троице-Сергіевская лавра, Троицкій Калязинскій, Троицкій Селенгинскій, Успенскій Владимірскій, Успенскій Тихвинскій, Флорищева пустынь, Юрьевъ, Теодоровскій Переяславскій, Оерапонтовъ (упраздн.).

3) *Соборные и церковные:*

Соборы: Архангельскій Шенкурскій, Благовѣщенскій Казанскій, Богоявленскій Вятскій, Введенскій Солъвычегодскій, Воскресенскій Великолуцкій, Воскресенскій Череповецкій, Дмитріевскій Владимірскій, Софійскій Новгородскій, Софійскій Кіевскій, Спасо-Преображенскій Тверской, Спасо-Преображенскій Углицкій, Троицкій Вятскій, Успенскіе: Верховажскій, Астраханскій, Суздальскій и Холмогорскій. Церкви: Воскресенская Солигалицкая, Крестовоздвиженская въ Усть-Желзопольской, Николаевская Чухломская, Спасо-Преображенская въ Великихъ Лукахъ, церковь Вятской губ. въ бывшемъ городѣ Шестаковѣ, Учемскій погостъ, Углицкаго уѣзда.

Б. Гражданскаго вѣдомства:

а) *Губернскія правленія:* Архангельское, Астраханское, Вятское, Иркутское, Нижегородское, Псковское, Черниговское.

б) *Областное правленіе:* Якутское.

в) *Казенныя палаты:* Вологодская, Вятская, Киевская, Новгородская, Псковская, Черниговская.

г) *Гражданскія палаты*: Кіевская, Оренбургская.

д) *Приказъ общественнаго призрѣнія*: Астраханскій.

е) *Суды уездныя и окружныя*: Арзамасскій, Бѣлозерскій, Верхотурскій, Вятскій, Инсарскій, Каширскій, Кузнецкій, Кунгурскій, Мезенскій, Мстиславскій, Нерчинскій, Олонецкій, Петрозаводскій, Полоцкій, Соликамскій, Слонимскій, Углицкій, Устюжно-Желѣзопольскій, Яренскій.

ж) *Городовыя суды*: Кузнецкій, Нерчинскій.

з) *Городническія правленія*: Кашырское, Яренское.

и) *Городовое управленіе*: Нерчинское.

і) *Земскій судъ*: Нерчинскій.

к) *Городскія думы*: Кіевская, Лальская, Могилевская, Черниговская.

Мал)гистраты: Бѣжецкій, Велижскій, Вятскій, Галицкій, Гродненскій, Каргопольскій, Мезенскій, Муромскій, Невельскій, Оршанскій, Романо-Борисоглѣбскій, Рыбинскій, Углицкій, Устюжно Желѣзопольскій, Шуйскій, Юрьево-Польскій.

м) *Удѣльная контора*: Владимірская.

н) *Удѣльныя приказы*: Рыбнослободскій (Переяславль-Залѣскаго уѣзда), Тавренскій (Вологодской губ.)

о) *Волостныя правленія*: Каринское (Вятской губерніи), Толвуйское.

III. ИНОСТРАННЫЕ:

Ватиканская Римская библіотека, королевская Парижская, архивъ Французскаго министерства иностр. дѣлъ, архивы и библіотеки Шведскіе (см. выше стр. 182 и 183); архивы: Турунскій, Висмарскій, Бременскій, Гамбургскій, Тайный Кенигсбергскій, Львовскій городской, Львовскій Греко-Унѣтской капитулы; библіотека института графа Оссолинскаго въ Львовѣ; архивъ Перемышльскій епархіальный; Львовскій ставропигіальный институтъ; архивы частныхъ лицъ въ Галиціи: графа Александра Пршездѣцкаго, гр. Фел. Тарновскаго въ Дзиковѣ, графовъ Дѣдушицкихъ, господъ Сенявскихъ.

Перечень лиц, доставивших въ комиссію матеріалы для изданій:

Абрамовъ, штатный смотритель Тюменскихъ училищъ; *Актова*, надв. совѣтница; *Балашовъ*, колл. асс.; *Бальзеръ*, чин. горнаго вѣдомства; *Алябьевъ*, Ф. В.; *Бибиковъ*, В. А., ген.-маіоръ; *Борисовъ*, Шуйскій мѣщанинъ; *Бутковъ*, дѣйств. тайн. сов.; *Белюстинъ*, І. С., священникъ; *Блѣевъ*, И. Д.; *Бычковъ*, А. Ф., членъ комм.; *Варадиновъ*, Н. В., ст. сов.; *Васильевъ*, отст. колл. совѣтн.; *Воздвиженскій*, проф. Демид. лица; *Вольскіе*; *Выдомскій*, отст. гвардіи-прапорщикъ; *Геркены*; *Головинъ*, Н. Г., полковникъ; *Григоровичъ*, І. І., протоіерей, чл. комм. (*); *Губерти*; *Гльбовъ-Стрѣшневъ*, гвардіи-капитанъ; *Грушецкій*, Псковскій уѣздн. предводитель дворянства; *Дмитрій С.*, священникъ Мценской Крестовоздвиженской церкви; *Елагинъ*, чиновн. деп. нар. проsv.; *Даниловичъ*, профессоръ; *Дохтуровъ*, С. Д.; *Жедринскій*, Саратовскій помѣщикъ; *Закревскій*, колл. асс.; *Зубрыцкій*, корр. комм.; *Ивановъ*, ст. сов.; *Иваковъ*, П. И.; *Игнатъевъ*, колл. секр.; *Кавелинъ*, К. Д.; *Калачовъ*, Н. В., членъ коми.; *Каховскій*, Ф. А.; *Калугинъ*, отст. подпор.; *Карамзина*, дѣйств. ст. совѣтница; *Киндяковъ*, В. С.; *Коблуковъ*, В. В.; *Крупскій*, тит. сов.; *Кузмищевъ*, капитанъ надъ Арханг. портомъ; *Куникъ*, академикъ, чл. комм.; *Лашкаревъ*, сенаторъ; князь *Лобановъ-Ростовскій*; *Любавскій*; *Лпуновъ*, ст. сов.; *Ланскоѣ*, Владимірскій гражд. губернаторъ; *Либенау*, Д. И.; *Мельниковъ*, Частопольскій купеч. сынъ; графъ *Мусикъ-Пушкинъ*; *Мацкевичъ*, надв. сов.; *Молдинскій*, Ф. П., чин. арх. ком.; *Мотоховъ*, дьяконъ Устьвымской Михайловской церкви; *Мльшковъ*, надворн. сов.; *Надежинъ*, корр. арх. комм.; *Наумовъ*, И. М., придв. протоіерей; *Нечасевъ*, С. Д., синодальный оберъ-прокуроръ; *Никитинъ*, А. С.; князь М. А. *Оболенскій*, чл. комм.; *Побѣдоносцевъ*, С. П.; *Панасевъ*, В. И., тайн.

(*) Имъ пожертвованъ въ комиссію второй томъ архива Бѣлорусскихъ грамотъ, который и вошелъ въ изданіе Западно-Русскихъ актовъ.

сов.; *Пажманъ*, проф. Харьк. унив.; *Протасовъ*, тит. сов.; *Райскій*, учитель Якутскаго училища; *Раевскій*, С. А.; *Рагозины*, Влад. г. Гороховецкаго уѣзда; *Савваитовъ*, П. И., чл. комм.; *Савиновъ*, протоіерей; *Савельевъ*, П. С.; *Смирновскій*, чин. деп. нар. пр.; *Снегиревъ*, И. М., ст. сов.; *Соловцовъ*, А. А.; *Соловьевъ*, корресп. комм.; *Страховъ*, Н. С.; графиня С. В. *Строганова*; *Строевъ*, П. М., чл. комм.; *Талызинъ*, ст. сов.; *Танъевъ*, А. С., статсъ-секретарь; *Тяпковъ*, надв. сов.; графы С. С. и А. С. *Уваровы*; *Ундольскій*, В. М., надв. сов.; *Фаворскій*, адъюнктъ медико-хирург. академіи; *Филимоновъ*, Д. И.; *Царскій*, корресп. комм.; *Чертковъ*, А. Д.; *Шафарикъ*, корр. комм.; *Шеншинъ*, В. А.; *Ширренъ*, проф. Дерптск. унив.; *Ястребцовъ*, дир. Динабургской гимназіи; *Юматовъ*, И. П.

Б. ИЗДАНІЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Изданія археографической комиссіи подраздѣляются на изданіе *Актвъ* и на изданіе *Лѣтописей*; но съ 1858 года, благодаря увеличенію средствъ комиссіи, найдено возможнымъ приступить къ изданію *Писцовыхъ книгъ*. Сверхъ того въ 1837 году, по Высочайшему повелѣнію, на комиссію возложено было изданіе *медалей и медальоновъ*; въ 1840 и 1859 годахъ она напечатала извѣстное сочиненіе *Котошихина*; въ 1844 году иждивеніемъ почетнаго гражданина *Царскаго*, членомъ *Строевымъ* изданы *Выходныя книги Русскихъ царей*, а въ 1848 году комиссія выпустила въ свѣтъ первый томъ *Писемъ Русскихъ государей*.

І. ИЗДАНІЕ АКТОВЪ.

Результаты описанныхъ выше обзорѣній архивовъ и библіотекъ и пожертвованія частныхъ лицъ доставили комиссіи возможность обнародовать около 9,000 актовъ самаго разнообразнаго содержанія. Съ 1836 г. она издала слѣдующія собранія: а) *актовъ историческихъ* и б) *актовъ юридическихъ*.

а) *Собрания актовъ историческихъ* (*).

1) *Акты, собранные въ библиотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою экспедиціею Императорской академіи наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною комиссіею.* Изданы въ 1836 году. Т. I заключаетъ въ себѣ акты 1294—1598 годовъ (редакторъ *Бердниковъ*); т. II—акты 1598—1613 (редакторъ *Устряловъ*); т. III—акты 1613—1645 (редакторъ *Сербиновичъ*); т. IV — акты 1645—1700 (редакторъ *Краевскій*). Въ 1838 г. изданъ Указатель къ симъ актамъ.

2) *Акты историческіе.* Изданы въ 1841 и 1842 годахъ. Т. I заключаетъ въ себѣ акты 1334—1598; т. II — акты 1598—1613 (редакторъ *Григоровичъ*); т. III — акты 1613—1645 (редакторы: сначала *С. Строевъ*, а по смерти его *Коркуновъ*); т. IV — акты 1645—1676 (редакторъ *Григоровичъ*); т. V — акты 1676—1700 (редакторъ *Коркуновъ*). Въ 1843 году изданъ Указатель къ симъ актамъ.

3) *Дополненія къ актамъ историческимъ.* Т. I содержитъ въ себѣ документы X вѣка—1613 г.; т. II — 1613—1645; т. III—1645—1654; т. IV—1655—1664; т. V—1665—1669; т. VI — 1670—1675; т. VII — 1676—1677. Редакторами этихъ томовъ, вышедшихъ въ свѣтъ: т. I и II-й—въ 1846 г., т. III-й—въ 1848 г., т. IV-й—въ 1851 г., т. V-й—въ 1853 г., т. VI-й — въ 1857 и т. VII-й—въ 1859, были: *Бердниковъ* и *Коркуновъ* (т. I, II и V), *Коркуновъ* (III, IV и VI) и *Калачовъ* (т. VII).

4) *Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи.* Западный край Россіи, вслѣдствіе особаго распоряженія правительства, остался неосмотрѣннымъ археографическою экспедиціею. Тѣмъ не менѣе комиссія съ самаго учрежденія своего не переставала заботиться о собраніи памятниковъ письменности, сохранившихся въ архивахъ западныхъ губерній.

(*) На основаніи предисловія къ I т. Актовъ Экспедиціи, къ актамъ историческимъ относятся всѣ акты, поясняющіе съ одной стороны событія историческія, а съ другой—государственное устройство и управленіе.

Посему она распорядилась о передачѣ ей старинныхъ бумагъ изъ западно-Русскихъ архивовъ и библиотекъ и успѣла приобрести большія коллекціи актовъ. Въ то-же время приняты были мѣры къ обозрѣнію въ обѣихъ столицахъ нѣкоторыхъ архивовъ, гдѣ, по предположенію, могли находиться остатки письменности, объясняющіе исторію западнаго края. Всѣ эти дѣйствія дали комиссіи возможность издать отдѣльное собраніе документовъ этой коллекціи.

I томъ *Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи*, содержитъ въ себѣ документы 1340—1506 г.; II т. — 1506—1544; III т. — 1544—1587; IV т. — 1588—1632; V т. — 1633—1699 г. Редакторомъ всѣхъ этихъ томовъ, изданныхъ: I-й—въ 1846, II-й и III-й—въ 1848, IV-й—въ 1851 и V-й—въ 1853 году, былъ членъ *Григоревичъ*; только послѣдній томъ, за смертію его, былъ оконченъ приглашеннымъ для сего комиссіею дѣйств. статскимъ совѣтникомъ *Тарнавою-Боричевскимъ*.

5) *Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ д. с. с. Тургеневымъ*. Изданы въ 1841 и 1842 годахъ. Т. I заключаетъ въ себѣ выписки 1075—1584 г., относящіяся до Россіи. Началомъ сему собранію послужили извѣстныя выписки, сдѣланныя ученымъ аббатомъ *Альбертранди* изъ Ватиканской и другихъ Римскихъ библиотекъ на Латинскомъ, Италіанскомъ и Польскомъ языкахъ для историка *Нарушевича*, по желанію Польскаго короля Станислава Августа. Экземпляръ ихъ, писанный рукою Альбертранди, подаренъ былъ королемъ тогдашнему Русскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. *Булакову*, а отъ него впоследствии достался А. И. *Тургеневу*. Кромѣ выписокъ Альбертранди, здѣсь помѣщены и другіе акты, извлеченные *Тургеневымъ* изъ различныхъ библиотекъ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи. Т. II заключаетъ въ себѣ: 1) выписки изъ означенныхъ выше архивовъ и библиотекъ 1584—1719 г., относящіяся до Россіи; 2) прибавленіе, содержащее въ себѣ акты, относящіеся до другихъ Славянскихъ земель, 1231—1308 г., и 3) акты, относящі-

еся до Россіи, извлеченные изъ архивовъ и библіотекъ Англіи и Франціи, съ 1557 по 1679 г. Редакторомъ обоихъ томовъ иностранныхъ актовъ былъ А. Х. *Востоковъ*.

Въ 1848 г. издано *Supplementum ad Historica Russiae monumenta*. Здѣсь помѣщены акты, относящіеся до Россіи, на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ, Италіянскомъ, Нѣмецкомъ и Польскомъ. Основаніе сему изданію положено графомъ С. С. *Уваровымъ*, который приобрѣлъ въ 1844 г., въ Римѣ, дипломатическія бумаги Поссевина. Томъ этихъ дополненій напечатанъ подѣ наблюденіемъ членовъ *Григоровича* и *Кожовскаго*.

Къ этому-же разряду актовъ слѣдуетъ отнести и изданный въ 1851 году томъ *Сказаній иностранныхъ писателей о Россіи*. Желаніе сдѣлать общедоступными иностранные источники Русской исторіи выразилъ еще *Шлецеръ*. Извѣстно, что ему не удалось склонить современниковъ даже къ изданію полнаго собранія Русскихъ лѣтописей. Потому не удивительно, что и предложеніе приступить къ отысканію и изданію иностранныхъ источниковъ на восточныхъ и Европейскихъ языкахъ было принято тогдашними учеными довольно холодно. Въ 1813 г. академикъ *Кружъ* предложилъ употребить такъ-называемый Румянцовскій капиталъ на изданіе иностранныхъ источниковъ въ томъ случаѣ, если изданіе лѣтописей будетъ отложено. Археологическая комиссія рѣшилась удовлетворить этой потребности. Оставляя источники на восточныхъ языкахъ, Греческіе и Исландскіе, она положила ограничиться актами и памятниками, писанными на языкахъ Латинскомъ и нарѣчійхъ Западно-Славянскихъ, Романскихъ и Германскихъ. Эти источники весьма многочисленны. По соображеніямъ главнаго редактора актовъ на иностранныхъ языкахъ *Кунтика* оказалось, что если составить изъ нихъ одно собраніе, то выйдетъ болѣе 50 томовъ in 4°. Это обстоятельство побудило комиссію печатать означенные матеріалы по самомъ тщательномъ и строгомъ выборѣ. Много лѣтъ сообщаемыя *Кунти-*

комъ литературныя свѣдѣнія объ источникахъ Русской исторіи на иностранныхъ языкахъ и библиографическій перечень ихъ (*) еще не приведены къ желаемой полнотѣ. По предложенію его комиссія рѣшилась приостановить изданіе актовъ на иностранныхъ языкахъ и издать прежде всего собраніе иностранныхъ источниковъ, собственно историческаго содержанія, относящихся къ XVII вѣку. Донесенія изъ Россіи и описанія ея, сдѣланныя иностранцами, весьма разнообразны. Нѣкоторые имѣютъ исключительно интересъ библиографическій, другія-же суть или повтореніе описаній предшественниковъ или автобіографіи. Но нѣкоторые изъ памятниковъ этого рода представляются живыми комментаріями отечественныхъ источниковъ исторіи. Такъ напр. весьма важны отысканныя г. *Соловьевымъ*: «Путешествіе герцога Іоанна въ Россію», 1602 г.; «Реляція Датскаго посланника Мальте Юльса», 1631 г.; «О мятежѣ въ Новгородѣ и Псковѣ», 1630; «Донесенія Датскаго посланника Габеля», 1676 г.; «О стрѣлецкомъ бунтѣ, 1682 г.» и другіе. Все это составитъ содержаніе особаго изданія комиссіи, подъ названіемъ «Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи». Въ первомъ томѣ этого изданія помѣщены на Нѣмецкомъ языкѣ хроника Конрада Буссова и находящіяся съ нею въ связи мѣста изъ лѣтописи Петрея о событіяхъ 1601—1613 г.

6) *Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ* (съ 8 литографированными снимками); изд. въ 1857 г. Извѣстный учеными трудами по части Ливонской исторіи К. Э. *Наніерскій*, въ Ригѣ, при составленіи своихъ богатыхъ собраній, нашелъ въ архивѣ Рижскаго магистрата важные документы, въ числѣ коихъ оказались вовсе донинѣ неизвѣстныя грамоты XII и слѣд. вѣковъ, писанныя въ Ригѣ, Полоцкѣ и другихъ Русскихъ городахъ. Однѣ изъ нихъ сохранились въ подлинникахъ, другія — въ древнихъ спискахъ. Какъ корреспондентъ комиссіи, г. *На-*

(*) См. *ero Analectes historiques ou choix de matériaux pour servir à la connaissance des sources de l'histoire russe.*

тирскій, передалъ ей свое замѣчательное собраніе грамотъ и регестовъ для изданія. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, комиссія убѣдилась, что при изданіи грамотъ недовольно имѣтъ въ виду лишь однихъ историковъ, и потому рѣшилась издать нѣкоторыя изъ нихъ въ литографированныхъ снимкахъ, какъ важный матеріалъ для Русской палеографіи и филологіи. Въ числѣ грамотъ, здѣсь помѣщенныхъ, должно особенно указать: 1) на договорную грамоту Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича съ Нѣмецкими послами, около 1195 г.; 2) на грамоту князя Гердена 1264, какъ на древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ документовъ в. к. Литовскихъ, писанныхъ на Русскомъ языкѣ, и 3) на *правую грамоту* в. к. Смоленскаго Θεодора Ростиславича, 1284 г., какъ древнѣйшую изъ памятниковъ этого рода. Грамоты приготовлены къ изданію подъ наблюденіемъ членовъ *Коркунова* и *Куника*, который дополнилъ и хронологическія объясненія *Напѣрскаго*. Снимки съ подлинниковъ сняты чиновникомъ комиссіи *Бермелъевымъ*.

б) *Собраніе актовъ юридическихъ* (*).

1) *Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства*. Изданіе это вышло въ 1838 г. въ одномъ томѣ, подъ редакціею *Бердникова*; акты помѣщены въ ней подъ рубриками: выборы, выписи, грамоты, записи и памяти.

Въ томъ-же году изданъ Указатель къ симъ актамъ.

2) *Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи*. Этого изданія вышелъ I-й томъ въ 1857 году, подъ редакціею члена *Калачова*. Онъ отличается отъ предыдущаго собранія съ одной стороны тѣмъ, что въ него включенъ особый разрядъ актовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *грамотъ*, а въ XVII столѣтіи также *указовъ* и *отписокъ*, и помѣщены старинныя *дѣла* въ томъ видѣ, какъ они производились въ древности; а съ другой стороны тѣмъ, что документы, входящіе въ составъ этого

(* Подъ актами юридическими комиссія разумѣетъ съ одной стороны образцы формъ стариннаго дѣлопроизводства, съ другой — акты, поясняющіе частныя отношенія и вообще частный бытъ нашихъ предковъ.

изданія, расположены въ алфавитномъ порядкѣ названій, приданныхъ имъ въ свое время ихъ составителями. На основаніи этого правила, I-й томъ разсматриваемыхъ актовъ заключаетъ въ себѣ документы слѣдующихъ названій: *выборы, выписи, грамоты, данныя, доклады, допросы, досмотры, дозды, духовныя, дѣла, дѣльныя, записи, записки, извѣты.*

II. ИЗДАНИЕ ЛѢТОПИСЕЙ.

Правилами, изданными для руководства комиссіи 18 февраля 1837 года, возложено на нее изданіе въ свѣтъ полнаго собранія отечественныхъ лѣтописей. Для достиженія этой цѣли комиссія обратилась къ П. М. *Строеву*, составлявшему библиографическій словарь Русско-Славянской литературы, съ просьбою указать мѣста храненія лѣтописей. Тогда-же правительство сдѣлало распоряженіе о передачѣ въ вѣдѣніе комиссіи рукописныхъ лѣтописей, хранившихся въ библіотекахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Вслѣдствіе сего поступили въ комиссію: изъ Императорской публичной библіотеки—*пятьдесятъ одна*, Московской синодальной—*двадцать*, Троицкой лавры—*шесть*, Новгородскаго Софійскаго собора—*пять*, С. Петербургской духовной академіи—*пять*, Супрясльскаго монастыря—*одна*, академіи наукъ—*двадцать три*, Московскаго общ. ист. и древн. Рос.—*одна* и главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ—*двадцать четыре* лѣтописи. Сверхъ-того доставлены отъ д. с. сов. Карамзиной—*девять*, графа Мусина-Пушкина—*три*, ст. сов. Снегирева—*два*, колл. сов. Строева—*пять* и почетнаго гражданина Царскаго—*шесть*; приобрѣтено покупкою *два* и пожертвовано частными лицами *пять*. Число всѣхъ лѣтописей, поступившихъ въ комиссію и признанныхъ нужными къ употребленію при изданіи, простиралось до 168.

Согласно съ 11 § Правиль, изданныхъ для руководства комиссіи, всѣ лѣтописи, поступившія въ нее, были тщательно рассмотрѣны и приведены въ порядокъ, то-есть: 1) неудобные къ употребленію списки, снятые въ новѣйшее время съ болѣе или

менѣ испорченныхъ подлинниковъ, также историческія рукописи, собственно не относящіяся къ лѣтописямъ, исключены изъ числа списковъ, назначенныхъ къ печатанію; 2) по раздѣленіи прочихъ списковъ на *временники* и *лѣтописные сборники*, лѣтописи, которыя должны войти въ составъ полного собранія, приведены въ порядокъ, соотвѣтствующій ихъ изданію, и 3) опредѣлены основные и побочные списки съ выборомъ текстовъ и назначеніемъ рукописей, изъ которыхъ должны быть заимствованы варианты для большей части лѣтописей.

Временникъ Нестора, поступившій въ комиссію въ числѣ 53 списковъ, представлялъ четыре текста: *древній*, *средній*, *новый* и *сокращенный*. Археографическая комиссія, раздѣливъ сообразно съ этимъ списки, признала необходимымъ издать временникъ Нестора не въ общемъ ихъ сводѣ, но такъ, чтобы каждый текстъ былъ напечатанъ отдѣльно, кромѣ сокращеннаго, который положено было употребить для вариантовъ. Не смотря на разновременность происхожденія означенныхъ текстовъ, сначала предполагалось напечатать ихъ въ I-мъ томѣ «Полнаго собранія лѣтописей», одинъ вслѣдъ за другимъ въ видѣ вступленія къ Лаврентьевской лѣтописи; но какъ оказалось, что такимъ порядкомъ изданія нарушился-бы составъ этой лѣтописи, въ которой древній текстъ Нестора сливается съ ея продолженіемъ, средній-же и новый тексты встрѣчаются въ разновременныхъ Софійскомъ и Патріаршемъ спискахъ, то и положено, въ предохраненіе Лаврентьевской лѣтописи отъ посторонней примѣси, напечатать ихъ отдѣльно при каждой изъ сказанныхъ лѣтописей, въ первомъ, пятомъ и седьмомъ томахъ «Полнаго собранія».

При изданіи лѣтописей археографическая комиссія положила наблюдать слѣдующія правила: 1) Каждую лѣтопись печатать отдѣльно по основнымъ и побочнымъ спискамъ, не смѣшивая текста ея съ другими лѣтописями. 2) Выбравъ лучший списокъ по каждому разряду лѣтописей, принимать текстъ его за основу изданія, а изъ побочныхъ списковъ заимствовать варианты и помѣщать въ подстрочныхъ выноскахъ, съ повторе-

ніемъ въ нужныхъ случаяхъ словъ главнаго списка, разнящихся съ побочными. 3) Такъ-какъ большая часть древнихъ лѣтописей повторяется въ позднѣйшихъ спискахъ точными словами или съ подновленіемъ слога, то: а) подобныя мѣста, въ которыхъ древній текстъ удержанъ слово отъ слова, не повторять въ послѣдующихъ по ходу изданія лѣтописяхъ, но ссылаться на предыдущіе томы, гдѣ помѣщены тѣ изъ нихъ, къ которымъ означенныя мѣста относятся, и б) не исключать изъ печатнаго изданія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ изложеніе древнихъ подлинниковъ переименовано или подновлено, но въ концѣ такихъ статей обозначать мелкимъ шрифтомъ томъ и страницу, на которыхъ находятся точныя слова означенныхъ подлинниковъ. 4) Явно испорченныя выраженія основныхъ списковъ исключать изъ печатнаго текста и показывать въ вариантахъ, замѣнъ-же такихъ выраженій вносить въ текстъ исправнѣйшія изъ побочныхъ списковъ; равнымъ образомъ, ошибки въ собственныхъ именахъ, историческія, хронологическія и проч., исправлять въ подстрочныхъ выноскахъ особыми примѣчаніями, съ соблюденіемъ возможной краткости. 5) Въ случаѣ такихъ уклоненій побочныхъ списковъ отъ основнаго, которыя по обширности своей не могутъ быть отмѣчены въ вариантахъ безъ особеннаго увеличенія подстрочныхъ выносокъ, печатать означенныя мѣста въ текстѣ двумя колоннами, изъ которыхъ въ первой помѣщать слова основнаго, а во второй—побочныхъ списковъ, съ означеніемъ послѣднихъ въ концѣ колонны начальными буквами. 6) Пространныя вводныя статьи, не состояція въ связи съ изложеніемъ событій, какъ-то: повѣсти, житія святыхъ, гомилетическіе отрывки и проч., исключать изъ текста, но помѣщать въ дополненіе къ тѣмъ спискамъ, въ которыхъ они встрѣчаются.

При размѣщеніи лѣтописей въ печатномъ изданіи, съ самаго начала было опредѣлено наблюдать по-возможности послѣдовательный порядокъ, принимая во вниманіе достоинство ихъ въ-отношеніи древности, важности содержанія и исправности списковъ.

Руководствуясь этими правилами, археографическая комиссия выпустила въ свѣтъ восемь томовъ *Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей*, коихъ содержаніе составляютъ :

Т. I. 1) *Лаврентьевская лѣтопись*, и именно: а) *древній текстъ лѣтописи Нестора* (по рукописи, принадлежавшей прежде графу А. Н. Мусину-Пушкину и хранящейся въ Императорской публичной библиотекѣ) съ вариантами изъ Ипатьевской, Хлѣбниковской, Радзивиловской и Троицкой I-ой рукописей. Здѣсь событія доведены до 1110 г. б) *Продолженіе Лаврентьевской лѣтописи* съ вариантами изъ Лаврентьевской, Радзивиловской и Троицкой I-ой рукописей. Описываетъ событія отъ 1112 по 1305 годъ.

2) *Троицкая лѣтопись* по рукописи Троицкой Сергіевой лавры № 5/182, писанной въ XV вѣкѣ. Здѣсь излагаются событія отъ 1206 по 1419 годъ.

Къ Лаврентьевской лѣтописи присовокуплены прибавленія: 1) изъ хронографа Георгія Амартола, 2) изъ Софійскаго харатейнаго Номоканона, 3) изъ харатейнаго Паремейника и 4) изъ Патерика Печерскаго. Прибавленія сіи напечатаны по 13 рупиямъ, означеннымъ въ предисловіи къ I тому «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей».

Т. II. 1) *Ипатьевская лѣтопись* по списку конца XIV или начала XV в., хранящемуся въ библиотекѣ академіи наукъ подъ № 6. Варианты взяты изъ Хлѣбниковскаго и Ермолаевскаго списковъ. Излагаетъ событія отъ 1111 года по 1305. Какъ прибавленіе къ ней: 2) *Густинская лѣтопись* по рукописи, писанной скорописью XVII в. и принадлежащей Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ, съ вариантами изъ рукописей Мгарскаго монастыря и Московскаго главнаго архива министр. иностр. дѣлъ (Арх. VIII). Рассказываетъ событія до 1597 года.

Т. III. 1) *Новгородская первая лѣтопись* — напечатана по тремъ соединеннымъ спискамъ: начинается *Синодальнымъ* (Синод. библ. № 617/786, первой половины XIV вѣка) съ 1016 г. и продол-

жается до 1333, потомъ доводится *Академическимъ* (Академ. II, XV — XVI в.) до 1441 и оканчивается по *Толстовскому* (Толст. IX, принадл. публ. библ.; писан. скорописью XVIII в.) 1444 годомъ.

2) *Новгородская вторая летопись* по списку, принадлежащему главному архиву мин. ин. д. (арх. XX), исхода XVI или начала XVII в. Обзорѣваетъ время съ 911 г. по 1587 г. Какъ прибавленія къ ней напечатаны: а) *Роспись или краткій летописецъ Новгородскихъ владыкъ*, по четыремъ рукописямъ. б) *Отрывокъ изъ разряда Новгородскихъ летописей*, по Арх. XX списку.

3) *Новгородская третья летопись* по слѣдующимъ рукописямъ: 1) Румянцовскаго музеума, XVIII в. 2) Строева, конца XVII в. 3) Имн. публ. библ. (Толст. XIV), начала XVIII в. 4) Моск. синод. библ. (Сун. XII) половины XVIII в. 5) Кіевской духов. акад., XVIII в. 6) Колобова, новѣйшій списокъ. 7) Академія наукъ № 21 (Акад. I), XVI в. и 8) Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ № 5 (Арх. III), XVIII вѣка. Обнимаетъ время отъ крещенія Русь до 1716 г. Какъ прибавленіе къ сей летописи, помещено *Извлеченіе изъ рукописи объ осадѣ Тихвинскаго монастыря Шведами въ 1613 году*.

Т. IV. 1) *Новгородская четвертая летопись* по спискамъ: 1) Строева, конца XV или начала XVI в. 2) Акад. I, XVI в. 3) Синод. V, 1544 г. 4) Публ. библ. I, XVI в. 5) Синод. библ. № 280, начала XVI в. (хрон. XXIII) и 6) Толст. XX, конца XV или начала XVI в. Излагаетъ событія отъ 1113 по 1496 годъ.

2) *Псковская первая летопись* по спискамъ: 1) Арх. IV, XVII в. 2) Строевск. II, исхода XVI в. 3) Эрмитажн., XVII в. 4) Арх. XIX, XVI в. 5) Карамз. I, XVI в. 6) Акад. XVIII, XVIII в. 7) Снѣгиревск. II, XVII в. и 8) Бальзеровск., исхода XV в. Излагаетъ событія отъ 859 по 1650 г.

Т. V. 1) *Псковская вторая летопись* — по Синодальной рукописи конца XV или начала XVI в. Излагаетъ событія отъ 854 по 1486 г.

2) *Прибавленія къ Псковскимъ лѣтописямъ.*

3) *Собійская первая лѣтопись* по слѣдующимъ спискамъ: 1) Толст. II, конца XV или начала XVI в. 2) Царск. II, XVI в. 3) Карамз. IV, исхода XV или начала XVI в. 4) Оболенск. I, XV в. 5) Горюшкинск. (принадлеж. г-жѣ Карамзиной), XVIII в. 6) Воронцовск., XVI в. 7) Бальзеровск., XV в. Доводить событія до 1471 года.

Т. VI. 1) *Продолженіе первой Собійской лѣтописи* по Бальзеровскому и Горюшкинскому спискамъ. Лѣтопись оканчивается 1509 годомъ.

2) *Прибавленія къ Собійской первой лѣтописи.*

3) *Собійская вторая лѣтопись* по Воскресенскому Ново-іерусалимскому списку, начала XVII в., и по XVI Архивской рукописи, XVI вѣка. Излагаетъ событія съ 1392 по 1552 г.

4) *Прибавленія къ Собійской второй лѣтописи.*

Т. VII заключаетъ въ себѣ *Лѣтопись по Воскресенскому списку* (1-ю половину) по рукописямъ: 1) Воскресенск. (Акад. XII), конца XVI в. 2) Алатырск. (Акад. XIII), конца XVI или начала XVII в. 3) Карамз. II, XVII в. 4) Синодальной, конца XVI в. и 5) Архивск. III, XVII в. Здѣсь излагаются событія съ 1075 по 1353 г.

Т. VIII заключаетъ въ себѣ *Продолженіе лѣтописи по Воскресенскому списку* (2-ю половину), по рукописямъ: 1) Парижской, XVI вѣка, 2) Синодальной, конца XVI в. и 3) Карамзинской II, XVII в. Излагаетъ событія съ 1353 по 1541 годъ.

Исчисленные томы лѣтописей изданы: I-й—въ 1846 году, II-й—въ 1843, III-й—въ 1841, IV-й—въ 1848, V-й—въ 1851, VI-й—въ 1853, VII-й—въ 1856 и VIII-й—въ 1859 году.

Редакторомъ I—VI томовъ былъ *Бредниковъ*; онъ-же началъ VII томъ, оконченный, за его смертію, членомъ *Бычковымъ*, который былъ редакторомъ и VIII тома.

III. Изданіе сочиненія Котошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Сочиненіе это было открыто въ 1839 году профессоромъ Императорскаго Александровскаго университета *Соловьевымъ*, въ библиотекѣ Упсальскаго университета; имъ-же еще прежде того найденъ Шведскій переводъ его, сдѣланный Баркгузеномъ въ 1682 году, въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ. Изъ предисловія къ сему послѣднему, а также изъ подлинной рукописи и матеріаловъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ извѣстно, что Котошихинъ былъ въ 1660-хъ годахъ подъячимъ посольскаго приказа; въ 1664 году онъ бѣжалъ въ Польшу, а отсюда въ Швецію, гдѣ въ спорѣ закололъ переводчика Русскаго языка Анастасіуса, за что и казненъ. Упомянутое выше сочиненіе написано имъ въ 1666 и 1667 годахъ въ Стокгольмѣ и содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о юридическомъ бытѣ Россіи XVII вѣка. Первое изданіе его напечатано комиссіею въ 1840 году, съ указателемъ его содержанія и перечнемъ старинныхъ словъ; второе-же вышло въ 1859 году: противъ перваго оно дополнено предисловіемъ Баркгузена, запискою составленною Котошинимъ о себѣ въ Польшѣ для представленія королю, и свѣдѣніемъ о службѣ его въ посольскомъ приказѣ, и снабжено болѣе подробнымъ указателемъ.

Редакціей перваго изданія этого сочиненія занимался *Бердниковъ*; редакціей втораго *Коркуновъ*.

IV. Изданіе писемъ Русскихъ государей.

Изданіе писемъ государей и другихъ особъ царскаго семейства предпринято комиссіею по представленію ея члена, управляющаго Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князя *М. А. Оболенскаго*, принявшаго издержки печатанія ихъ на свой счетъ. Подлинныя письма, ко-

торыя должны войти въ это изданіе, хранятся въ означенномъ архивѣ, и въ первомъ томѣ онаго, изданномъ въ свѣтъ въ 1848 году, помѣщены древнѣйшія изъ нихъ, относящіяся къ 1526—1638 годамъ, именно: пять писемъ в. к. Василія Іоанновича къ супругѣ его Еленѣ Васильевнѣ; переписки царя Михаила Ѳеодоровича, царицы Евдокіи Лукіановны, патріарха Филарета и великой инокини Марѣы Іоанновны, во время путешествія царскаго семейства для богомоленій въ Макаріевъ Унженскій, Николаевскій и Троицкій Сергіевъ монастыри, 1619—1631 г.; письмо царю Михаилу Ѳеодоровичу царицы инокини Даріи Алексіевны, благодарительное за присланные ей подарки, по случаю царскаго бракосочетанія, 1624 г.; переписка патріарха Филарета съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и царицею Евдокіею Лукіановною, во время путешествія его въ Саввинъ Сторожевскій и Пафнутіевъ Боровскій монастыри и въ г. Владимірѣ, для поклоненія мощамъ св. князя Александра Невскаго, 1630 г.; письма патріарха Никова царю Алексѣю Михайловичу, 1652—1658 г.

V. Изданіе писцовыхъ книгъ.

Коммиссія начала обдумывать изданіе писцовыхъ книгъ еще съ 1848 года, по-поводу записки объ этомъ предметѣ, переданной въ коммиссію по приказанію министра народнаго просвѣщенія. *Бердниковъ*, разсматривавшій означенную записку по порученію коммиссіи, задалъ себѣ вопросъ: какъ издавать писцовыя книги? Онъ разсуждалъ такъ: «Большая часть писцовыхъ книгъ утрачены, а въ уцѣлѣвшихъ замѣтны: 1) недостатокъ хронологической послѣдовательности и 2) относительная неполнота свѣдѣній для древней географіи Россіи.... Печатать всѣ эти рукописи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся, было бы бесполезно: ибо возможно-ли, напр., издать всѣ приходо-расходныя книги, хотя-бы въ нихъ и скрывались историческія данныя. Въ Англіи, Франціи и Германіи въ этихъ случаяхъ

прибѣгаютъ къ «извлеченіямъ», которыя не исключаютъ возможности спеціальнаго знакомства съ рукописями такого рода въ архивахъ». Къ обсужденію этого вопроса присоединился и П. М. Строевъ. Результатами сихъ соображеній было слѣдующее: 1) Писцовыя книги надлежитъ издать въ видѣ извлеченій или таблицъ. 2) Способъ ихъ изданія можетъ быть двоякій: а) *хронологическій* и б) *синхронистическій*. По первому способу извлеченія или таблицы располагаются по времени составленія самыхъ книгъ, т.-е. изъ каждой выпишутся названія городовъ, селеній, урочищъ и проч. въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ самыхъ книгахъ. Каждый отдѣлъ извлеченій или таблицъ, заключаая въ себѣ выписку изъ какой-либо писцовой книги, представитъ картину Россіи, или цѣлыхъ областей, въ то время, къ которому относится означенная книга; изъ совокупности отдѣловъ составитъ историческая Русская географія съ XV по XVIII вѣкъ. По другому способу берутся во вниманіе мѣстности, т.-е. области, съ городами и селеніями; топографія каждой изъ нихъ извлечется изъ писцовыхъ книгъ разнаго времени. 3) Имена жителей полагалось исключать, показывая лишь общій счетъ народонаселенія въ концѣ извѣстныхъ отдѣловъ. Отсюда не трудно видѣть, что *Бередицковъ* смотрѣлъ на писцовыя книги, какъ на матеріалъ, замѣчательный лишь со стороны сообщаемыхъ ими географическихъ свѣдѣній о древней Россіи.

Вопросъ объ изданіи писцовыхъ книгъ окончательно разрѣшенъ былъ комиссіею только въ послѣднее время. Именно, въ 1858 году, когда средства комиссіи увеличились, положено было немедленно приступить къ изданію писцовыхъ книгъ. Имѣя въ виду, что для начертанія системы этого изданія необходимо было предварительно собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ, по-возможности, писцовыхъ книгахъ, которыя хранятся въ извѣстныхъ комиссіи архивахъ, и что прежде всего слѣдовало разсмотрѣть эти книги на мѣстѣ, комиссія командировала члена своего *Саввантова* въ Москву, для обозрѣнія писцовыхъ книгъ

хранящихся въ тамошнихъ архивахъ—главномъ министерства иностр. дѣлъ и вотчинномъ при правит. сенатѣ. *Савваитовъ*, прибывъ изъ Москвы, донесъ комиссіи, что, по осмотрѣ писцовыхъ книгъ въ означенныхъ архивахъ, оказалось слѣдующее: Въ архивѣ иностр. ин. дѣлъ хранятся немногія, но по времени древнѣйшія и по мѣсту замѣчательнѣйшія книги Новгородскія и Псковскія; въ архивѣ вотчиннаго департамента при сенатѣ—менѣе древнія, но обнимающія собою почти все области древней Россіи. Число первыхъ не достигаетъ и 30, число-же послѣднихъ доходить въ подлинникахъ до 500 и въ спискахъ до 1000. Впрочемъ, послѣднее число значительно сокращается тѣмъ, что писцовыя книги нѣкоторыхъ мѣстностей являются въ двухъ и даже трехъ спискахъ. Древнѣйшія изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ относятся къ 1495 году; Псковскія начинаются съ 1500, Тверскія—съ 1540, Казанскія—съ 1566, Московскія—съ 1586 годовъ.

Комиссія положила начать изданіе писцовыхъ книгъ съ Новгородскихъ конца XV вѣка, за тѣмъ печатать Новгородскія-же писцовыя книги XVI и XVII вѣковъ, послѣ чего перейти къ изданію книгъ другихъ областей.

Первый томъ этого собранія уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ первую половину *перписной оброчной книги Деревской пятины*, составленную около 1495 года. Редакторомъ ея былъ членъ *Савваитовъ*.

Вмѣстѣ съ началомъ изданія писцовыхъ книгъ Русскихъ, комиссіи представилась возможность приступить къ изданію такихъ-же книгъ на Шведскомъ языкѣ, относящихся къ нѣкоторымъ областямъ древняго Новгорода за то время, когда онѣ находились подъ Шведскимъ владычествомъ. Одна изъ нихъ, 1618—1623 годовъ, была сообщена комиссіи *Гильдебрантомъ*, директоромъ королевскаго миѣцкабинета въ Стокгольмѣ, который предлагаетъ также доставить писцовыя книги и другихъ годовъ, хранящіяся въ Шведскихъ архивахъ. Сверхъ-того въ военно-топографическомъ депо главнаго штаба военнаго мини-

стерства найдено нѣсколько томовъ подробнаго атласа Ингерманландіи съ объяснительнымъ текстомъ, составленнаго въ 1676 году Шведскими землемѣрами и выданнаго нашему правительству на основаніи Ништадскаго мира, въ 1825 году.

По важности этихъ официальныхъ памятниковъ, комиссія положила приступить немедленно къ напечатанію означенныхъ книгъ, начавъ изданіе ихъ съ писцовыхъ книгъ Ижорской земли. Въ настоящее время уже вышелъ въ свѣтъ первый отдѣлъ ихъ, напечатанный подъ наблюденіемъ главнаго редактора *Кумика*.

VI. Изданіе выходныхъ книгъ.

Выходныя книги, хранящіяся въ архивѣ оружейной палаты въ Москвѣ, содержатъ въ себѣ отъ 1613 года до начала XVIII стол. записки платья, какое государи надѣвали при выходахъ торжественныхъ и обыкновенныхъ. Имѣя въ виду, что, не смотря на сухость этихъ записокъ, онѣ представляютъ любопытныя указанія, археографическая комиссія, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія, поручила напечатать ихъ члену своему *Строеву* на сумму, пожертвованную на этотъ предметъ корреспондентомъ ея И. Н. *Царскимъ*. Вслѣдствіе этого *Строевъ* издалъ въ 1844 году выходныя книги съ 1632 года по 1682 годъ, подъ заглавіемъ: «Выходы государей, царей и великихъ князей Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михайловича; Ѳеодора Алексіевича, всеа Русіи самодержцевъ», съ указателемъ историческимъ, топографическимъ, реальнымъ и филологическимъ.

VII. Изданіе медалей и медальоновъ.

Археографическая комиссія, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, предписывающихъ ей занятія отечественной нумизматикой, предприняла въ 1840 году изданіе по возможности полнаго собранія Русскихъ медалей. На сей конецъ членъ комиссіи *Рейхель*, обладавшій весьма полнымъ по этой части собраніемъ, изъявилъ готовность служить ей своимъ нумизма-

тическимъ кабинетомъ. Независимо отъ этого, археографическая комиссія обратила вниманіе на подобныя собранія въ Императорскомъ эрмитажѣ, академіи наукъ, университетахъ, и вошла въ сношеніе съ частными владѣльцами замѣчательнѣйшихъ нумизматическихъ коллекцій. Дабы медали были переданы сколь можно вѣрнѣе, она приняла для гравированія ихъ извѣстный способъ *Колласа*, усовершенствованный Англійскимъ художникомъ *Бетомъ*. Гравированіе медалей комиссія поручила художнику своему *Н. Менцову*, который, съ цѣлію изученія способа Бета, былъ предварительно отправленъ на казенный счетъ въ Лондонъ. Описанія медалей составлялъ на Нѣмецкомъ языкѣ членъ *Рейхель*, а переводъ составленныхъ имъ описаній на Русскій языкъ былъ порученъ члену *С. Строеву*.

Все *Собраніе Русскихъ медалей* состоитъ изъ пяти выпусковъ:

Вып. I, 1840 г., заключаетъ въ себѣ медали: а) бывшія до времени Петра Великаго, б) относящіяся къ Петру I, с) — къ Екатеринѣ I.

Вып. II, 1840 г., обнимаетъ царствованія Петра II, Анны, Елисаветы и Петра III.

Вып. III, 1841 г. — царствованія Екатерины II и Павла I.

Вып. IV, 1843 г. — царствованія Александра I и Николая I.

Вып. V, 1846 г. — а) медали въ честь достопамятныхъ мужей Русскихъ и б) дополненіе къ предыдущимъ выпускамъ.

Къ тому-же разряду принадлежатъ выпущенные въ свѣтъ комиссіей въ 1838 году «Медальоны въ память военныхъ событій 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, изобрѣтенные графомъ *Толстымъ*». Медальоны эти выгравированы на стали, по способу *Бета*, художникомъ *Менцовымъ*.

IV.

СОСТАВЪ КОМИССИИ.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, археографическая комиссія должна состоять изъ предсѣдателя,

главнаго редактора лѣтописей, главнаго редактора актовъ, членовъ, правителя дѣлъ, корреспондентовъ и чиновниковъ. Къ этимъ должностямъ присоединена въ 1839 году должность главнаго редактора актовъ на иностранныхъ языкахъ. Въ настоящемъ отдѣлѣ отчета будетъ упомянуто о лицахъ, принадлежавшихъ въ разное время къ комиссіи въ томъ или другомъ изъ означенныхъ званій, съ краткимъ указаніемъ на занятія тѣхъ изъ умершихъ ея членовъ, которые заслуживаютъ особенной признательности. Для бѣльшей удобности этотъ перечень изложится по рубрикамъ, для которыхъ принято управленіе комиссіею ея предсѣдателями.

1) *Предсѣдательство князя П. А. Ширинскаго-Шихматова.*

Князь Платонъ Александровичъ *Ширинскій-Шихматовъ* былъ назначенъ предсѣдателемъ археографической комиссіи при самомъ учрежденіи ея въ 1834 и не оставилъ этого званія до назначенія своего, въ 1850 году, министромъ народнаго просвѣщенія. Шестнадцатилѣтнее управленіе его комиссіею составляетъ не только первый, но и важный періодъ ея существованія (*). Князь принималъ самое близкое участіе въ трудахъ комиссіи, распредѣлялъ работы между членами, соглашалъ мнѣнія, рѣшалъ споры, однимъ словомъ, смотрѣлъ на археографію, какъ на трудъ, требующій постояннаго и самаго строгаго вниманія, сносився съ корреспондентами комиссіи и непрерывно заботился о присканіи неизданныхъ актовъ. Для успѣшнаго хода занятій и для скорѣйшаго разрѣшенія недоумѣній и затрудненій, могущихъ при нихъ встрѣтиться, онъ назначилъ постоянныя еженедѣльные засѣданія комиссіи; для сокращенія-же ея дѣлопроизводства, испросилъ у министра дозволеніе представлять къ докладу подлинныя ея протоколы, и потомъ утверждаемыя министромъ

(*) Князь П. А. *Ширинскій-Шихматовъ* родился въ 1790 г.; въ 1807 окончилъ курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; скончался 5 мая 1853 года.

статьи этихъ протоколовъ, требующія дальнѣйшаго производства, сообщать въ выпяскахъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы члены имѣли возможность работать для комиссіи у себя дома. Въ то же время и самъ онъ занимался разсмотрѣніемъ актовъ, поступавшихъ въ комиссію, и даже критической ихъ разработкой,—чему свидѣтельствомъ служитъ написанная имъ статья о кончинѣ Астраханскаго митрополита Іосифа, читанная въ академіи наукъ. Наконецъ нельзя отказать князю въ умѣнны находить себѣ опытныхъ и горячо-преданныхъ дѣлу комиссіи помощниковъ.

При учрежденіи своемъ комиссіа состояла изъ четырехъ членовъ: *К. С. Сербиновича*, *П. М. Строева*, профессора *Н. Г. Устрялова* и *Я. И. Берединова*. Личность послѣдняго, уже сошедшаго въ могилу, вполне заслуживаетъ особаго вниманія: ибо если комиссіа существуетъ 25 лѣтъ, то *Берединовъ* былъ душею всѣхъ работъ ея въ продолженіе *двадцати* лѣтъ.

Яковъ Ивановичъ *Берединовъ* родился въ С. Петербургѣ, 7 октября 1793 г., и учился въ здѣшней 2-й гимназіи. Въ исходѣ 1811-года, не окончивъ гимназическаго курса, онъ уѣхалъ къ семейству своему въ Тихвинъ. Въ 1813, 14 и 15 годахъ посѣщалъ лекціи Казанскаго университета, потомъ слушалъ въ Москвѣ *Каченовскую*. Первымъ мѣстомъ службы его былъ Новгородъ: 26-ти лѣтъ отъ роду онъ опредѣлился чиновникомъ въ тамошнюю казенную палату. Въ 1825 поступилъ въ канцелярію дежурнаго генерала главнаго штаба Е. И. В.; въ мартѣ того же года перешелъ въ инспекторскій департаментъ, на службѣ въ которомъ однако оставался недолго. Потомъ служилъ онъ въ Одессѣ въ канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора и опять въ Новгородской казенной палатѣ. Не чувствуя въ себѣ особеннаго расположенія къ канцелярскимъ дѣламъ и не видя въ занятіяхъ своихъ исхода тому, чего ожидалъ жадный специальныхъ свѣдѣній умъ его, Берединовъ рѣшился навсегда покинуть гражданскую службу и поселился въ Тихвинѣ, 21 февра-

ля 1827 года. Тамъ въ первый разъ нашелъ онъ доступъ въ одинъ монастырскій архивъ—это было преддверіемъ его будущихъ археографическихъ занятій. Въ 1830 году Бередниковъ поступилъ въ сотрудники къ П. М. Строеву, обозрѣвавшему тогда Россію въ качествѣ начальника археографической экспедиціи, и былъ зачисленъ по службѣ въ комитетъ правленія академіи наукъ съ чиномъ коллежскаго регистратора. Чего не испытали оба путешественника въ четыре года ихъ странствованій! «Иногда, — говоритъ одинъ изъ біографовъ Бередникова, вспоминая рассказы его объ этой эпохѣ, — приходилось имъ въ отдаленныхъ пустыняхъ списывать древніе памятники въ ризницахъ и церквахъ, въ холоду, на морозѣ, питаться скудною монашескою пищею и трястись по проселочнымъ дорогамъ въ непогоду». По возвращеніи изъ экспедиціи, Бередниковъ назначенъ былъ членомъ комиссіи для изданія собранныхъ актовъ. Не смотря на то, что въ скоромъ времени онъ получилъ и другія должности (въ 1835 г. онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а въ 1841 году — адъюнктомъ въ академію наукъ, гдѣ впослѣдствіи занималъ мѣсто ординарнаго академика), онъ такъ усердно продолжалъ свои занятія по комиссіи, что нельзя было не удивляться, откуда доставало у него на все досуга. Въ настоящемъ отчетѣ только отчасти упомянуто въ разныхъ мѣстахъ о его розысканіяхъ и трудахъ по части изданія актовъ и лѣтописей. Но тотъ, кто хотѣлъ-бы ближе узнать изумительную дѣятельность его по комиссіи, долженъ просмотрѣть болѣе 200 протоколовъ ея засѣданій: тамъ безпрестанно встрѣчаются или отзывы его объ ученыхъ сочиненіяхъ по Русской исторіи, или донесенія о рассмотрѣнныхъ имъ рукописяхъ, или заключенія о планѣ изданія той или другой лѣтописи. Въ то-же время занимаясь въ академіи наукъ, онъ и здѣсь трудился для комиссіи, принявъ на себя разборъ портфелей Миллера, въ коихъ заключаются чрезвычайно важные акты для исторіи Сибири и которыми съ-тѣхъ-поръ комиссія постоянно пользуется для своихъ изданій.

Наконецъ Бередниковъ дѣятельно помогаль П. М. Строеву въ дополненіи составляемаго послѣднимъ каталога монастырскимъ настоятелямъ и архіереямъ съ XIV вѣка по XVIII. Изъ различныхъ плановъ, представленныхъ имъ комиссіи относительно изданій, нельзя не упомянуть объ одномъ его предположеніи, встрѣтившемъ тогда-же и сочувствіе комиссіи и согласіе министра народнаго просвѣщенія. Въ 1838 году онъ сдѣлаль предложеніе составить палеографическія таблицы по богатымъ коллекціямъ актовъ комиссіи, со всѣми измѣненіями и оттѣнками почерковъ; къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ предпріятіе это не приведено въ исполненіе. Бередниковъ умеръ 21 сентября 1854 года, среди археографическихъ занятій. Послѣднимъ трудомъ его было изданіе VII т. лѣтописей, коего 15 первыхъ листовъ напечатаны подъ его наблюденіемъ.

Въ половинѣ 1835 года П. М. Строевъ вышелъ изъ комиссіи и опредѣленъ членомъ ея чиновникъ редакціи Журнала министерства народн. просвѣщенія, А. А. Краевскій. Тогда-же поступилъ въ комиссію чиновникъ канцеляріи министра, кандидатъ словесныхъ наукъ *Сергій Строевъ*.

Опять замѣчательное имя! Послѣдователь профессора своего *Каченовскаго*—Сергій Михайловичъ *Строевъ* (болѣе извѣстный подъ именемъ *Скромненки*) провель скептической взглядъ тогдашней Московской школы въ диссертациі своей, писанной на золотую медаль: «Объ изученіи Русской исторіи въ связи со всеобщей». Въ 1835 г., по случаю выхода изъ комиссіи старшаго брата его П. М. *Строва*, комиссіа положила поручить ему должность члена, которую онъ и исправляль до декабря слѣдующаго года. Съ переименованіемъ комиссіи, въ 1837 г., въ археографическую, онъ назначенъ былъ въ должность правителя дѣлъ ея. Въ 1837-же году *Строевъ* путешествоваль за границей и въ письмахъ своихъ, на имя предсѣдателя комиссіи, изъ Парижа, Кенигсберга, Берлина, Вѣны, Зальцбурга, общаль и о западныхъ ученыхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Русскому или вообще Славянскому міру, и объ

осмотрѣнныхъ имъ рукописяхъ и древностяхъ. Скептическое направление проглядываетъ и въ этихъ письмахъ, исполненныхъ, впрочемъ, самаго живаго интереса. Возвратившись изъ-за границы въ ноябрѣ 1838 г., онъ былъ опредѣленъ членомъ комиссіи; но здоровье его, разстроенное занятіями еще въ университетѣ, уже и тогда внушало серьезныя опасенія. 6 февраля 1840 г. онъ въ послѣдній разъ присутствовалъ въ засѣданіи комиссіи, а въ мартѣ уже былъ такъ слабъ, что не могъ принять на себя надзора за печатавшимся въ то время сочиненіемъ Котошихина. Въ послѣднее время жизни онъ переводилъ составляемыя членомъ *Рейхелемъ*, на Нѣмецкомъ языкѣ, описанія Русскихъ медалей.

Въ декабрѣ 1836 г., надв. сов. К. С. *Сербиновичъ* уволенъ отъ должности члена комиссіи съ приглашеніемъ присутствовать въ ея засѣданія. Въмѣсто его назначенъ правитель дѣлъ главнаго управленія цензуры, надв. сов. В. Д. *Коловскій*.

Въ 1838 г. составъ комиссіи увеличился назначеніемъ ея членами протоіерея церкви собственнаго Его Величества дворца *Григоровича* и начальника типографическаго отдѣленія экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и чиновника особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, колл. сов. Я. Я. *Рейхеля*.

Потомокъ Георгія Конисскаго, Іоаннъ Іоанновичъ *Григоровичъ* родился 1792 г., въ Могилевской губерніи, и окончилъ курсъ кандидатомъ въ С. Петербургской духовной академіи, въ 1819 г. Служа постоянно въ Могилевѣ, Витебскѣ и Гомелѣ, онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ занимался языкомъ и исторіею тамошняго края; а впослѣдствіи сблизился съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, расположеніемъ котораго пользовался до самой кончины сего послѣдняго. Глубокія познанія о Григоровича въ древностяхъ западнаго края дѣлали его незамѣнимымъ, какъ редактора западно-Русскихъ источниковъ. Изъ трудовъ его, изданныхъ въ свѣтъ, въ «Бѣлорусскомъ архивѣ», были помѣщены документы, которые впослѣдствіи включены имъ самимъ

въ собраніе актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи. Протоіерей Григоровичъ скончался 1 ноября 1852 г. въ Петербургѣ, также среди занятій на пользу комиссіи.

Въ декабрѣ 1838 г. членъ А. А. *Краевскій* уволенъ, по прошенію, отъ должности, а вмѣсто его назначенъ членомъ (во второй разъ) П. М. *Стровъ*—въ февралѣ 1839 г.

Въ ноябрѣ того-же года, по случаю доставленія въ комиссію актовъ на иностранныхъ языкахъ, найденныхъ *Тургеневыхъ*, былъ назначенъ въ комиссію особый редакторъ актовъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ. Выборъ министра народнаго просвѣщенія, для замѣщенія этой должности, палъ на бібліотекаря Имп. публичной бібліотеки и старшаго бібліотекаря Руминцовскаго музеума, колл. сов. А. Х. *Востокова*.

Въ сентябрѣ того-же года опредѣленъ членомъ комиссіи главный смотритель комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, на дв. сов. князь М. А. *Оболенскій*.

Въ половинѣ 1840 г. исправлявшій, послѣ С. М. Строева, должность п. авителя дѣлъ комиссіи, *Коркуновъ*, назначенъ членомъ, съ оставленіемъ и въ должности правителя дѣлъ. Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ родился 2 сентября 1806 г., въ Перми (отецъ его былъ тамъ берггешвореномъ), учился въ семинаріи, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Съ 1828 по 1836 г. былъ преподавателемъ разныхъ предметовъ въ томъ-же университетѣ, дѣятельно участвуя въ трудахъ тамошняго Общества исторіи и древностей, которое избрало его въ февралѣ 1836 г. въ свои дѣйствительные члены. Поступивъ въ 1837 г. въ археографическую комиссію, онъ съ-тѣхъ-поръ, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1858 году 13 января, былъ самымъ дѣятельнымъ ея членомъ, не смотря на свои неутомимыя занятія, въ послѣдніе годы, и по званію ординарнаго академика.

Въ 1845 г., вмѣсто А. Х. Востокова, уволеннаго отъ должности члена комиссіи, опредѣленъ главнымъ редакторомъ по изданію актовъ на языкахъ иностранныхъ членъ комиссіи,

д. с. с. В. Д. *Коловскій*, а въ 1849 г. эту должность занялъ адъюнктъ академіи наукъ, надв. сов. А. А. *Куникъ*.

Въ предсѣдательство князя Ширинскаго-Шихматова слѣдующія лица удостоены были званія корреспондентовъ археографической комиссіи:

1837—1838 г. *Мацлевскій*, извѣстный авторъ исторіи Славянскихъ законодательствъ.

» *Напѣрскій*, Рижскій ученый.

» *Соловьевъ*, профессоръ Александровскаго университета.

1839 г. *П. И. Ивановъ*, извѣстный описаніями Московскихъ сенатскихъ архивовъ.

» *Шафарикъ*, собиравшійся тогда издавать «*Monumenta Illyrica*».

1840 г. почетный гражданинъ и благотворитель Имп. Общ. исторіи и древн. Росс. *И. Н. Царскій*, за сообщеніе члену комиссіи П. М. Строеву весьма важнаго содержанія сборника, проливающего свѣтъ на состояніе дѣлъ Русской митрополіи въ половинѣ XV вѣка.

1841 г. Старшій учитель Нижегородской гимназіи *П. И. Мельниковъ*.

1842 г. *А. Старчевскій*.

» *Діонисій Зубрыцкій*, извѣстный изслѣдователь исторіи Червонной Руси (*).

1848 г. ст. сов. *Хавскій*.

Изъ чиновниковъ комиссіи и другихъ лицъ содѣйствовали членамъ въ трудахъ по перепискѣ и изданію актовъ: губернской секретарь *Н. Менцовъ*, колл. асс. *Григоровичъ*, *Поревъ*, старшій учитель Астраханской гимназіи *Матвеевъ*, чиновникъ департамента *Михайловскій*, колл. асс. *Онацевичъ*, колл. асс. *Терещенко*, секретарь совѣта С. Петербургскаго универ-

(*) Зубрыцкій съ 1843 г. постоянно и безмездно сообщалъ комиссіи древніе южно-Русскіе, Латинскіе и Польскіе документы XV и слѣд вѣковъ, извлеченные имъ изъ Львовскихъ архивовъ и фамильныхъ библиотекъ По докладу о семъ министра народнаго просвѣщенія, ему пожалована большой величины золотая медаль, установленная для иностранныхъ ученыхъ.

ситета тит. сов. *Михайловскій*, и поступившіе въ 1841 г. изъ Московскаго университета чиновниками комиссіи *Бычковъ* и *Калачовъ*, а съ 1849 г. чиновникъ *Тимофеевъ*.

2) Предсѣдательство В. Д. Комовскаго.

По случаю назначенія князя Ширинскаго-Шихматова въ званіе министра народнаго просвѣщенія, Высочайше назначенъ былъ предсѣдателемъ комиссіи, 31 января 1850 г., директоръ канцеляріи министра, д. с. с. *Комовскій*. Въ кратковременное управленіе его комиссіею, занятія ея продолжались по прежде-данному имъ направленію.

Василій Дмитріевичъ Комовскій родился отъ дворянской фамиліи въ 1802 г. По окончаніи курса ученія въ Царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ, выпущенъ оттуда въ 1821 г. съ чиномъ коллежскаго секретаря и тогда-же поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія; занималъ должность секретаря С. Петербургскаго ценсурнаго комитета; въ 1826 году былъ опредѣленъ столоначальникомъ главнаго ценсурнаго комитета, а въ 1828 г. — правителемъ дѣлъ этого комитета; въ 1831 г. поступилъ въ должность секретаря канцеляріи министра для иностранной переписки; въ 1833 г. былъ библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки, а въ 1838 г. назначенъ директоромъ канцеляріи министра и въ этой должности скончался 15 юня 1851 года. Труды его въ должности члена комиссіи относились къ изданію актовъ на языкахъ иностранныхъ.

3) Предсѣдательство А. С. Норова.

14 августа 1851 года, по всеподданнѣйшему докладу князя Ширинскаго-Шихматова, предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ *Норовъ*. Это званіе сохранилъ онъ и по назначеніи его министромъ. Въ апрѣлѣ 1858 г. вновь назначенный министромъ

народнаго просвѣщенія *Е. П. Ковалевскій* увѣдомилъ члена государственнаго совѣта, д. т. сов. Авраама Сергѣевича, что Государю Императору благоугодно было соизволить, чтобы его высокопревосходительство, съ увольненіемъ отъ званія министра народнаго просвѣщенія, сохранилъ званіе председателя археографической комиссіи.

Съ 1851 года въ составѣ комиссіи произошли слѣдующія перемѣны:

Въ 1851 г. чиновникъ комиссіи, надв. совѣтникъ *Терещенко* и профессоръ Московскаго университета (также чиновникъ комиссіи) *Калачовъ* опредѣлены членами.

Въ 1854 году служащій во II-мъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи, старшій бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, колл. сов. *Бычковъ* назначенъ членомъ-же и главнымъ редакторомъ Русскихъ лѣтописей.

Въ 1858 г., по смерти правителя дѣлъ комиссіи *М. А. Коркунова*, въ эту должность назначенъ членъ комиссіи и главный редакторъ государственныхъ и юридическихъ актовъ *Калачовъ*. Въ томъ-же году опредѣлены членами: помощникъ редактора Журнала министерства народнаго просвѣщенія *И. Д. Галанинъ* и профессоръ С. Петербургской духовной семинаріи *П. И. Савваитовъ*, а въ 1859 году — д. ст. сов. *П. И. Севастьяновъ* и ст. сов. *П. В. Павловъ*.

Удостоены званія корреспондентовъ комиссіи: профессоръ Дерптскаго университета *Ширренъ*, Московскій купецъ *Надежинъ* и г. *Шафферъ*.

Опредѣлены чиновниками: колл. асс. *Труворовъ* и кандидатъ С. Петерб. университета *Горбуновъ*.

V.

СРЕДСТВА АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

По учрежденіи археографической комиссіи, капиталъ, положенный въ государственный заемный банкъ графомъ Ру-

манцовымъ на предметъ печатанія Русскихъ лѣтописей, препровожденъ былъ въ комиссію для изданія собранныхъ археологическою экспедиціею актовъ. Капиталъ этотъ состоялъ изъ 21,337 р. 88¹/₄ коп. асс. и изъ процентовъ на эту сумму, нараставшихъ съ 1813 г.

§ 7 Высочайше утвержденныхъ правилъ для руководства комиссіи назначено къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства по 4000 руб. асс. Сверхъ-того, на расходы комиссіи въ 1842 и 1843 г. отдѣлено, въ августѣ 1841 г., изъ Ларинскаго капитала 18,000 р. с., съ предоставленіемъ ей изъ того-же назначенія покрыть передержку въ 1841 г.

Въ 1853 г., на расходы комиссіи въ 1853, 1854 и 1855 годахъ, назначено было 10,000 р. с. изъ остаточныхъ суммъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ.

Въ 1858 г. Государь Императоръ, въ уваженіе полезныхъ трудовъ комиссіи, по всеподданнѣйшему докладу ходатайства предсѣдателя ея А. С. Норова, повелѣлъ: въ добавокъ къ отпускаемой уже, ежегодно, изъ государственнаго казначейства на содержаніе комиссіи суммѣ 1572 руб. 17 к. назначить къ ежегодному отпуску изъ того-же источника по 3,427 р. 83 к.

Недостаточность средствъ комиссіи пополнялась отчасти денежными пожертвованіями. Выше было сказано о напечатаніи *Выходныхъ книгъ* на сумму, пожертвованную почетнымъ гражданиномъ *Царскимъ*, и *Писемъ Русскихъ государей*, изданныхъ иждивеніемъ члена комиссіи князя *Оболенскаго*. Въ 1857 году членъ *Калачовъ* употребилъ 1,000 руб. сереб. на напечатаніе перваго тома «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи». Въ томъ-же году корреспондентъ *Надежинъ* принесъ въ даръ комиссіи 650 руб. сер., имѣя въ виду, чтобы эта сумма была употреблена для 2-го изданія *Котошичина*. Въ 1858 г. Московскій купецъ И. Я. *Балашовъ* препроводилъ въ комиссію 150 руб. с., а Московскій-же купеческій сынъ Д. А. *Соколовъ*, по убѣжденію кор-

респондента комиссіи Надежина, пожертвовалъ въ пользу ея 200 р. Въ текущемъ году Московскій купецъ В. Н. *Киселевъ* принесъ въ даръ комиссіи 150 руб., а машинистъ Императорскихъ театровъ А. Ф. *Шафферъ* пожертвовалъ для ея архива и бібліотеки два шкафа и 100 картоновъ; онъ-же употребилъ 300 р. с. на покупку для комиссіи рукописей и книгъ покойнаго члена Коркунова, чѣмъ положено основаніе бібліотекъ комиссіи, состоящей нынѣ изъ 180 названій, въ числѣ которыхъ есть всѣ важнѣйшія пособія для занимающихся историческими изслѣдованіями. Наконецъ, по случаю празднованія комиссіей двадцатипятилѣтія со-времени ея учрежденія, почетный гражданинъ *Лыткинъ* принесъ ей въ даръ *пять тысячъ* руб. сер., на каковое пожертвованіе опредѣлено продолжать изданіе актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи.

Другаго рода пожертвованія заключаются въ книгахъ и историческихъ рукописяхъ, полученныхъ комиссіею, въ разное время, отъ ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, и въ актахъ, изъ коихъ въ-особенности заслуживаютъ вниманія акты XV, XVI и XVII вѣковъ, принесенные въ даръ комиссіи священникомъ *Белюстинымъ*, въ числѣ 42, и предоставленное корреспондентомъ *Зубрицкимъ* въ распоряженіе комиссіи, приготовленное имъ къ изданію, собраніе грамотъ и другихъ документовъ, относящихся къ исторіи Черной Руси съ XII по XVII вѣкъ, подъ заглавіемъ: «Codex diplomaticus Galiciensis». Здѣсь заключаются жалованныя грамоты Польскихъ королевъ и другихъ лицъ Галицкимъ православнымъ владыкамъ, монастырямъ, церквамъ, городамъ и частнымъ лицамъ. Акты эти представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія древняго быта Русиновъ и бросаютъ яркій свѣтъ на судьбу Черной Руси и послѣдующія смуты, волновавшія ее въ религіозномъ и политическомъ отношеніи; встрѣчаются также свѣдѣнія о Галицкихъ дворянскихъ родахъ Русскаго и Польскаго происхожденія.

Предложенныя вниманію вашему, мм. гг., занятія и изданія комиссіи составляютъ, по всей вѣроятности, лишь первый періодъ ея дѣятельности. Обиліе матеріаловъ, которые она обязана собирать, приводить въ порядокъ и обнародывать, не дозволяетъ рассчитывать на какой-либо кратковременный срокъ для выполненія порученной ей важной задачи. Если другія мѣста и лица, конхъ труды пользуются общею извѣстностію, поддають ей руку помощи въ этомъ дѣлѣ (*): то, принимая съ благодарностію такое содѣйствіе, комиссія тѣмъ не менѣе имѣетъ въ виду столь обширныя изданія, частію уже ею начатыя, а большею частію еще предстоящія ей въ будущемъ, что ни средства, ни составъ ея не представляютъ возможности заняться ими одновременно. И такъ она обязана лишь постепенно переходить отъ первыхъ изданій ко вторымъ, употребляя въ то-же время всѣ усилія къ тому, чтобы тѣ и другія, по своей исправности, могли замѣнять собою подлинныя рукопися, которыя съ каждымъ годомъ изглаживаются отъ ветхости. На этомъ основаніи, ближайшими занятіями комиссіи будутъ: продолженіе изданія «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», окончаніе «Дополненій къ актамъ историческимъ», продолженіе «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи», «Писцовыхъ книгъ», «Актовъ на иностранныхъ языкахъ» и «Сказаній иностранныхъ писателей о Россіи». Въ будущемъ-же ей предстоятъ: изданіе хронографовъ, степенныхъ книгъ, сказаній и другихъ рукописей, состоящихъ въ непосредственной связи съ Русскою исторіей; далѣе—изданіе родословныхъ и уже предположеннаго описанія актовъ, хранящихся въ настоящее время въ комиссіи, съ извлеченіями изъ нихъ мѣстъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія; нако-

(*) Здѣсь должно въ-особенности упомянуть о второмъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи, которое занимается изданіемъ разрядовъ и статейныхъ списковъ, о Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ и о комиссіяхъ для изданія древнихъ актовъ Кіевской и Виленской, которыя уже издали въ свѣтъ нѣкоторыя лѣтописи и нѣсколько томовъ актовъ.

нецъ изданіе новой серіи актовъ западно-Русскихъ. Еслибы комиссія удалось окончить съ честью всё эти труды, то она могла-бы считать себя удовлетворившею тому назначенію, для котораго она учреждена мудрымъ правительствомъ; но она понимаетъ вполне, что порученное ей важное дѣло можетъ быть совершенно успѣшно и слѣдовательно съ честью лишь при строгомъ выполненіи требованій, какія можетъ и должна дѣлать ей наука, а эти требованія всего лучше выражаются въ критическихъ разборахъ изданій археографіи. Вотъ почему, мм. гг., представляя вамъ вышедшіе вновь томы своихъ изданій, комиссія, въ заключеніе своего отчета, обращается къ вамъ съ просьбою, не только разсмотрѣть ихъ внимательно, но и сказать въ-отношеніи къ нимъ поучительное слово критики, которое и будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что заботѣ правительства объ изданіи памятниковъ соотвѣтствуетъ вполне сочувствіе къ нимъ общества и его содѣйствіе трудамъ комиссіи.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ ПРАКТИЧЕСКОЮ МЕТОДОЮ ПРЕПОДАВАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА НЕЕ.

По поводу статьи г. Разина, напечатанной въ 14 № Морскаго сборника за 1856 годъ.

(Окончаніе).

Выслушаемъ еще нѣкоторыя возраженія г. Разина противъ грамматики.

Считая бесполезнымъ для дѣтей изученіе правилъ грамматики вообще, онъ въ-особенности нападаетъ на бесполезность изученія *формъ грамматическихъ*, именно *склоненій* и *спряженій*, не находя никакого примѣненія къ практикѣ этого знанія. «Къ чему, говоритъ онъ, убивать время на *правила*, на *склоненія*, *спряженія* и т. п. Такія занятія бесполезны. Никто и никогда не въ-состояніи показать, продолжаетъ онъ, для чего бѣдному ребенку, который учитъ склоненія, впоследствии понадобится знаніе склоненій» (27). Послѣ того, что мы сказали выше объ отношеніи теоріи Русскаго языка, или грамматики, ко всѣмъ вообще практическимъ занятіямъ этимъ языкомъ, намъ кажется излишнимъ вновь раскрывать здѣсь невѣрность этихъ мыслей г. Разина, ничѣмъ у него основательно не доказанныхъ, а только явно обличающихъ односторонній, пристрастный, а

(27) Морск. сборн. за 1856 годъ, № 14, статья г. Разина.

потому и невѣрный взглялъ его, съ одной стороны, на значеніе Русской грамматики, а съ другой—рекомендуемой имъ чисто-практической методы преподаванія Русскаго языка. Мы повторимъ здѣсь только ту нашу мысль, которую старались раскрыть и доказать выше, именно, что всё вообще школьныя практическія занятія языкомъ, безъ теоріи, правильными и успѣшными быть не могутъ, а потому изученіе грамматики для дѣтей не только полезно, но и необходимо. Польза изученія дѣтьми *грамматики вообще*, для всякаго свѣдущаго, внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя очевидна изъ того, что каждое правило ея, надлежащимъ образомъ усвоенное, предостерегаетъ знающаго оное отъ множества ошибокъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Что-же касается *склоненій и спряженій въ частности*, то польза этого знанія для учениковъ, какъ при занятіяхъ ихъ этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ, такъ въ-особенности при упражненіи въ правописаніи и сочиненіи, мы полагаемъ, также весьма понятна для всякаго знающаго, въ чемъ именно состоятъ эти практическія упражненія въ языкѣ. Кому не извѣстно, что при изученіи какъ всѣхъ вообще языковъ, такъ и отечественнаго, для правильнаго употребленія его въ разговорѣ и письмѣ, въ-особенности важно изучить *свойства и различныя перемѣны именно изменяемыхъ частей рѣчи?* эти перемѣны откуда-же и узнаются съ точностію, какъ не изъ склоненій и спряженій? Безъ грамматики, по навыку, можно измѣнять окончанія именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ и правильно и неправильно, а по грамматикѣ только правильно. Мы по опыту слишкомъ хорошо знаемъ, что ученики не только не знающіе, но даже знающіе, только плохо, склоненія и спряженія, постоянно ошибаются какъ при этимологическомъ и синтаксическомъ разборѣ, такъ и въ разговорѣ, а въ-особенности ошибаются въ письмѣ, отчего самая рѣчь дѣлается неправильною, темною, а слѣдовательно и дурною. Наибогѣе терпѣть отъ незнанія склоненій и спряженій *правописаніе*, котораго правила имѣютъ

прямымъ основаніемъ своимъ законы этимологіи и таблицы склоненій и спряженій съ ихъ замѣчаніями и исключеніями. Ученики, не знающіе склоненій и спряженій, и вообще этимологіи, какъ извѣстно, обыкновенно пишутъ: въ доме вмѣсто въ домѣ, людѣй вм: людей, добрейшій вм. добрѣйшій, новыя книги вм. новыя книги, я знаю самого себя вм. самого себя, въ нихъ самыхъ вм. самихъ, плещѣ вм. плешь, пишмшь вм. пишешь, будммъ читать вм. будемъ читать, они вышуть вм. они пишутъ, идить вм. идите, слѣдовало выразится вм. слѣдовало выразиться и т. д. Сотни разъ исправите вы ученикамъ вашимъ эти и подобныя ошибки, но они не перестанутъ повторять ихъ, если только вы имъ не укажете окончаній въ табличкахъ склоненій и спряженій, съ относящимися къ нимъ исключеніями и примѣчаніями, если не заставите ихъ замѣтить твердо эти формы и правила, чтобъ руководствоваться ими потомъ въ практикѣ. Безъ этого знакомства съ грамматикою не поймутъ они сознательно ни вашихъ поправокъ въ тетрадяхъ, ни своихъ ошибокъ. Только достаточно ознакомивши съ правилами грамматики вообще, и въ частности со склоненіями и спряженіями, вы дадите ученикамъ вашимъ полную возможность понять, такъ сказать, наглядно и осязательно, какъ ошибки ихъ съ причинами оныхъ, такъ и ваши поправки съ ихъ основаніями, а лучше сказать, вы сдѣлаете гораздо больше, именно дадите имъ полную возможность совсѣмъ не ошибаться въ извѣстныхъ случаяхъ, а говорить и писать всегда правильно. Въ подтвержденіе истинности словъ нашихъ мы ссылаемся на безчисленное множество опытовъ, особенно хорошо извѣстныхъ преподавателямъ Русскаго языка и Русской словесности, имѣющимъ нелегкую обязанность перечитывать и исправлять письменныя ученическія упражненія въ этимологическомъ и синтаксическомъ разборѣ, а также упражненія въ писаніи по диктовкѣ и въ сочиненіи. Ошибочно мнѣніе, что изученіе склоненія, спряженія и вообще правилъ грамматики нужно только при изученіи иностранныхъ языковъ, въ-особенности древнихъ; напро-

тивъ, оно несравненно нужнѣе для желающаго знать основательно языкъ природный: большинство, даже людей ученыхъ и образованныхъ, изучаетъ иностранные языки, какъ древніе, такъ и новѣйшіе, только для того, чтобъ понимать при чтеніи и переводить произведенія иностранной словесности; а природный языкъ всѣ мы изучаемъ не для того только, чтобы понимать его, но непременно и для того, чтобы правильно употреблять въ живой и письменной рѣчи. Такимъ образомъ, вышеприведенное замѣчаніе г. Разина имѣетъ для насъ слѣдующій смыслъ: «Къ чему трудиться надъ изученіемъ правилъ грамматики, склоненій, спряженій и т. под.? Лучше говорить и писать неправильно, и во всѣхъ вообще практическихъ занятіяхъ Русскихъ языкомъ постоянно ошибаться». Такой совѣтъ не стоитъ благодарности.

Что касается того замѣчанія г. Разина, что грамматика для нѣкоторыхъ правилъ своихъ не можетъ представить другаго достаточнаго основанія, кромѣ того, что *такъ принято* (стр. 16, 17); то оно далеко не имѣетъ того значенія и важности, въ-особенности по отношенію къ дѣтямъ, какую придаетъ ему г. Разинъ, и изъ него совсѣмъ не слѣдуетъ выводимое имъ заключеніе, что грамматика для дѣтей бесполезна. Согласимся съ г. Разинымъ, что грамматика для нѣкоторыхъ правилъ своихъ не можетъ представить основанія вполне удовлетворительнаго; что она не въ нѣкоторыхъ, а во многихъ даже случаяхъ учить говорить и писать такъ, а не иначе, потому только, что *такъ принято*; ужели въ самомъ дѣлѣ будетъ слѣдовать отсюда, что грамматика для дѣтей бесполезна? Ужели, не только для дѣтей, но даже и для взрослыхъ, дѣйствительно бесполезно знать, *какъ принято* говорить и писать, и *какъ не принято*?... Но не бесполезнѣе-ли будетъ въ такомъ случаѣ предлагаемая г. Разинымъ метода чисто-практическая, а въ-особенности такъ много рекомендуемое имъ чтеніе? Посредствомъ одного чтенія можно научиться говорить и писать *и такъ, какъ не принято*: ибо не все-же читаемое нами обыкновенно

венно бываетъ написано такъ, какъ лучшими, образцовыми писателями принято.

Что сказать о мысляхъ г. Разина, что *«каждое Русское дитя очень правильно говорить по-Русски, и что писать правильно очень легко выучиться безъ грамматики»* (стр. 11)? Обѣ мысли не вѣрны. Невольно подумаешь, что авторъ при первой мысли имѣлъ въ виду не болѣе, какъ одну только развѣ Московскую или Петербургскую губернію, а также дѣтей однихъ вельможъ и людей высшаго и болѣе образованнаго класса. Но и въ такомъ случаѣ мысль его будетъ вѣрна не безъ ограниченій. И въ Московской или Петербургской губерніи не все-же говорить языкомъ совершенно-чистымъ и правильнымъ; а дѣти вельможъ и вообще людей высшаго общества нерѣдко говорятъ у насъ, къ-сожалѣнію, лучше по-Французски или по-Нѣмецки, нежели по-Русски. Что-же сказать о дѣтяхъ родителей, живущихъ въ отдаленныхъ отъ столицъ провинціяхъ обширной Руси? Что сказать о дѣтяхъ родителей различныхъ, въ-особенности низшихъ, бѣднѣйшихъ и менѣе образованныхъ, званій и состояній? Мысль г. Разина не имѣетъ къ нимъ рѣшительно никакого примѣненія. Нужно-ли замѣчать при семъ, что говорить хорошо природнымъ языкомъ и *правильно писать* на немъ—дѣло весьма различное! Последнему, какъ извѣстно, не совсѣмъ легко выучиться даже и при помощи какъ грамматики, такъ и долговременной и самой разнообразной практики. Довольно вспомнить здѣсь извѣстное мнѣніе объ этомъ Карамзина: «Вольтеръ сказалъ справедливо, замѣчаетъ онъ въ своемъ сочиненіи объ авторствѣ, что въ 6 лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному» (28).

Находя бесполезною, даже вредною для дѣтей грамматику въ началѣ и въ продолженіе учебнаго курса, утверждая, что можно и безъ нее знать во всѣхъ отношеніяхъ правильно родной

(28) Сочин. Карамзина т. III, изд. 1848 г. «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

языкъ, г. Разинъ даетъ ей однакожь мѣсто въ концѣ курса. «Грамматика, говоритъ онъ, есть теорія языка, мѣсто ея въ концѣ курса, и тамъ грамматика уже можетъ быть сравнительная и общая. Надо сначала выучиться хорошо ходить, бѣгать, прыгать, а потомъ уже можно изучать теорію хожденія». Для чего необходимо изучать грамматику отечественнаго языка въ началѣ общаго курса ученія, мы понимаемъ; но для чего изучать ее въ концѣ курса, не знакомясь съ нею раньше, не знаемъ. Ужъ не для того-ли, чтобъ ученики, послѣ многолѣтней слѣпоты, прозрѣли наконецъ, и увидѣли свое жалкое положеніе, увидѣли въ полномъ свѣтѣ погрѣшности свой съ ихъ причинами и могли наконецъ сами и пожалѣть о томъ, что ихъ дурно учили, не ознакомивши въ свое время, а именно въ началѣ общаго курса ученія, съ благодѣтельными правилами грамматики?... Или сухость и безжизненность грамматики въ концѣ учебнаго курса не наведетъ уже тоски на всякую мыслящую голову, и эта ненавистная грамматика, бывши до того времени совершенно излишнею и бесполезною, чудеснымъ образомъ сдѣлается тамъ полезною и необходимою?... Но всѣмъ-ли ученикамъ низшихъ классовъ придется видѣть конецъ учебнаго курса и воспользоваться тамъ общесравнительною грамматикою? Всѣмъ-ли столько-же нужна грамматика сравнительная и общая, сколько полезна и необходима всякому, сколько-нибудь образованному, частная грамматика роднаго языка? Будетъ-ли достаточно понятна и полезна воспитанникамъ, въ концѣ курса, общая грамматика безъ частныхъ? Можетъ-ли обойтись до конца учебнаго курса изученіе всѣхъ иностранныхъ языковъ безъ всякой грамматики? Не должно-ли изученіе грамматики начать именно съ грамматики отечественнаго языка, такъ, чтобъ она могла служить главнымъ общимъ руководствомъ и при изученіи другихъ языковъ съ ихъ грамматиками? Безъ грамматики можно-ли сколько-нибудь правильно и послѣдовательно перейти къ изученію риторики и вообще теоріи словесности? Важнѣе-же другихъ все-таки прежній вопросъ: можно-ли,

въ самомъ дѣлѣ, безъ грамматики, доконца курса, съ успѣхомъ заниматься многоразличною въ Русскомъ языкѣ практикою?

Если грамматика, по мнѣнію г. Разина, бесполезна въ началѣ курса, потому-что каждое Русское дитя, какъ замѣчаетъ онъ, очень правильно говорить по-Русски по навыку, а писать правильно также очень легко выучиться безъ грамматики: то не болѣе-ли она будетъ излишею въ концѣ курса, когда, по его-же началамъ, тѣ-же дѣти, тѣмъ-же навыкомъ и упражненіемъ, къ концу учебнаго курса должны гораздо болѣе усовершенствоваться въ языкѣ? Если-же грамматика не излишня и въ концѣ учебнаго курса, то не болѣе-ли она необходима въ началѣ, какъ руководство и пособіе дѣтской неопытности, при употребленіи разговорнаго и письменнаго языка? Скажемъ нашу мысль яснѣе. Важность каждой теоріи, каждой науки справедливо оцѣнивается примѣненіемъ ея къ практикѣ, къ дѣлу. Правила грамматики или имѣютъ приложеніе къ практикѣ, т.-е. могутъ руководствовать изучающихъ ее къ правильному употребленію разговорнаго и письменнаго языка, или не имѣютъ такого приложенія. Если грамматика не имѣетъ приложенія къ практикѣ, то нельзя не согласиться, что напрасно наши грамматисты такъ много хлопочуть о ней, и что ее не стоитъ изучать ученикамъ ни въ началѣ, ни въ концѣ курса; а если она имѣетъ приложеніе, если руководствуетъ къ правильному употребленію языка въ разговорѣ и письмѣ, то ее надобно изучать какъ можно раньше, дабы ученики какъ можно раньше приобрѣли этого руководителя въ употребленіи языка и не имѣли времени, случаевъ, возможности утвердиться въ употребленіи языка неправильномъ. Но мы видѣли выше, какое имѣютъ приложеніе правила грамматики къ практикѣ; видѣли, что практика въ Русскомъ языкѣ безъ теоріи правильною и успѣшною быть не можетъ: слѣдовательно грамматика должна быть изучаема какъ можно раньше, именно въ началѣ общаго курса ученія.

Для лингвистовъ и филологовъ — составленіе грамматики, изложеніе законовъ и формъ правильнаго употребленія языка

есть *цѣль* филологическихъ и лингвистическихъ наблюдений надъ составомъ сего послѣдняго; но для дѣтей и вообще для учениковъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мы выше это замѣтили, такая задача вовсе не во силамъ. Для сихъ послѣднихъ грамматика должна быть готовымъ даннымъ пособіемъ, вспомогательнымъ *средствомъ* къ успѣшному занятію практикою, къ усовершенію ихъ въ языкѣ. Средство обыкновенно предшествуетъ цѣли и скорѣе можетъ быть излишнимъ по достиженіи оной; слѣд. изученіе грамматики гораздо естественнѣе и необходимѣе въ началѣ, нежели въ концѣ курса ученія; скорѣе можно согласиться, что оно излишне въ концѣ курса. Воспользуемся сравненіемъ самого же г. Разина. Выучившись хорошо ходить, бѣгать, прыгать, имѣю-ли я надобность изучать потомъ теорію хожденія?... Къ чему она мнѣ тогда? Напротивъ, я самъ могу уже учить тогда другихъ, самъ могу преподавать правила этого искусства, и служить образцомъ для подражанія. Но въ томъ-то и дѣло, что невозможно выучиться *хорошо* ходить, бѣгать и прыгать, безъ учителя гимнастики, безъ руководителя, который не учить-же, конечно, безъ всякихъ *правилъ* и *объясненій*, одними нѣмыми жестами, пантомимами. Или, можетъ быть, вы разумѣете подъ *хорошимъ* хожденіемъ всякое умѣнье передвигать ноги? Но и въ такомъ даже случаѣ, какъ извѣстно, дѣло не обходится у насъ безъ чужой помощи. И тутъ, какъ знаемъ по опыту, для человѣка, въ дѣтскомъ возрастѣ, недостаточно бываетъ, какъ для другихъ животныхъ, одного слѣпаго истинника.

Да и какая основательная причина можетъ мѣшать изучать въ началѣ курса грамматику роднаго, самаго необходимаго и съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни употребляемаго языка? Уже-ли, въ самомъ дѣлѣ, грамматика отечественнаго языка не можетъ быть иная, какъ только не понятная для дѣтей, сравнительная, общая, философская? Уже-ли понятія и правила грамматики не могутъ быть изложены письменно и переданы изустно, подобно содержанию другихъ наукъ, такъ, чтобъ они были

совершенно понятны и полезны не только въ концѣ, но и въ началѣ учебнаго курса? Желая заблаговременно положить прочное основаніе истинному счастью и благополучію нашихъ дѣтей, справедливо опасаясь, чтобъ они, по обыкновенной слабости и слѣпотѣ разума человѣческаго въ познаніи духовныхъ и божественныхъ предметовъ, не слѣбались вольнодумцами, индифферентистами, безбожниками, для ознакомленія ихъ съ священными и спасительными истинами вѣры нашей, мы не ждемъ-же того времени, когда дѣтамъ нашимъ можно будетъ предложить уже волную богословскую систему вѣроученія нашего; напротивъ, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ ихъ мы умѣемъ ознакомить ихъ съ этими истинами посредствомъ символа вѣры, десятословія и молитвы Господней, поясняя все это вполне-понятными и занимательными для дѣтей разказами и наглядными живописными изображеніями: старшіе знакомятся у насъ съ тѣми-же истинами религіи, уже съ большею полнотою и отчетливостію, въ краткомъ катихизисѣ; наконецъ, вполне-приготовленнымъ предлагается полное, подробное и всестороннее развитіе истинъ вѣры нашей со всѣми основаніями и доказательствами, въ различныхъ частяхъ православнаго христіанскаго богословія. Очевидно, во-первыхъ, что въ символѣ вѣры, десятословія и молитвѣ Господней передается уже дѣтямъ нашимъ все въ христіанствѣ для знанія существенно-важное и необходимое; во-вторыхъ, что каждое послѣдующее, болѣе подробное и отчетливое знаніе непременно преподагаетъ уже предшествовавшее, элементарное; въ-третьихъ, что каждое изъ этихъ знаній имѣетъ свое значеніе, свою цѣну и пользу, свое примѣненіе къ практикѣ,—каждое въ свое время благодѣтельно, необходимо. Большой части христіанъ извѣстны только въ первомъ, самомъ краткомъ видѣ правила ихъ вѣры и христіанской дѣятельности, между-тѣмъ сколько очевидной пользы отъ этого знанія!... Почему-же невозможно подобнымъ образомъ и въ подобномъ видѣ передавать дѣтямъ и теорію отечественнаго языка, когда отъ знанія этой теоріи не менѣе

будеть пользы въ извѣстномъ кругу умственной дѣятельности? Для чего до конца курса оставлять ихъ ходить въ области языкознанія въ потьмахъ, ошупью, безъ свѣта и руководства, для чего позволять имъ, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тысячи разъ ошибаться и безпрестаннымъ повтореніемъ ошибокъ все болѣе и болѣе привыкать къ нимъ? Почему самыхъ существенныхъ и необходимыхъ для руководства въ практикѣ понятій и правилъ грамматики не передать дѣтямъ кратко, просто и ясно въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, не дожидаясь времени, когда имъ можетъ быть понятна уже грамматика сравнительная, общая, философическая? Мы знаемъ многихъ дѣтей десятилѣтняго возраста, которымъ вполне опытные и свѣдущіе наставники еще въ домѣ родителей умѣли передать всѣ существенно-необходимыя для правильнаго изустнаго и письменнаго употребленія роднаго языка понятія и правила грамматики, ознакомивъ ихъ и съ самою книгою гг. Греча или Востокова; эти дѣти всегда превосходно успѣвали потомъ въ учебныхъ заведеніяхъ по Русскому языку. Самые даровитые и прилежные мальчики, безъ грамматики, такъ-называемою *чисто-практическою* методою приготовленные, всегда далеко отставали отъ нихъ по этому предмету.

Понятно затѣмъ, отчего, какъ выражается г. Разинъ, грамматика въ большомъ почетѣ, отчего, по его-же замѣчанію, въ цѣломъ образованномъ свѣтѣ всѣ образованные люди начинаютъ изученіе языка съ грамматики. Виною тому, очевидно, всѣмъ не схоластика, такъ странно понимаемая г. Разинымъ, а извѣстная цѣлому образованному свѣту, всѣмъ образованнымъ людямъ, польза грамматики и особенная польза ея именно въ началѣ общаго курса ученія. Грамматика имѣетъ очевидное основаніе не въ схоластикѣ, а въ коренныхъ требованіяхъ нашего ума, ищущаго во всемъ единства, одной общей высшей руководительной идеи, одного общаго закона, которому подлежатъ частныя явленія. Посему, какъ мы это выше замѣтили, самый дѣтскій умъ требуетъ ее невольно, самъ собою. Если вы своею заботливостію не предупредите, то дождетесь,

что дѣтя, занимающееся грамотностію, по врожденной любознательности, по инстинктуальному требованію своей разумной природы, само спроситъ васъ: *какъ должно* называть и понимать извѣстный предметъ; *какъ слѣдуетъ* произносить извѣстную букву, слогъ и цѣлое слово; *какъ слѣдуетъ* оставиваться при чтеніи; гдѣ и какой *должно* ставить знакъ препинанія и т. д. Настало, наконецъ, время, когда болѣе образованные и даровитые люди ясно сознали это естественное требованіе нашего ума и старались, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, удовлетворить ему. Такимъ образомъ, грамматика есть признакъ не достойной порицанія схоластики, какъ утверждаетъ г. Разинъ, а признакъ вообще извѣстной уже степени умственного совершенства какого-либо народа и его языка, доказательство успѣховъ у него какъ образованія вообще, такъ и филологіи въ частности. Грамматика, какъ извѣстно, появилась на свѣтъ не вдругъ и не у всѣхъ народовъ; составленіемъ ея занимались обыкновенно умы не второстепенные. Составленіе хорошей грамматики, какого-бы то ни было языка, и теперь есть дѣло сколько важное, столько-же и трудное. Грамматика должна служить руководствомъ въ употребленіи извѣстнаго языка, а потому составленіе ея предполагаетъ внимательное, полное и всестороннее наблюденіе явленій извѣстнаго языка, предполагаетъ изученіе его не поверхностное, а глубокое и основательное. Понимаемъ послѣ сего, почему всегда такъ мало было хорошихъ грамматикъ; почему составленіемъ грамматики занимались такіе мыслители, каковъ Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ; почему посвятилъ ей часть своихъ трудовъ гениальный нашъ Ломоносовъ; почему потомъ составленіе грамматики отечественнаго языка стало постоянною и важнѣйшею задачею первенствующаго ученаго сословія въ нашемъ отечествѣ.

Не менѣе страннымъ кажется намъ мнѣніе г. Разина о значеніи въ наукѣ *опредѣленій*, которыя также считаетъ онъ признакомъ схоластики. Каждому не поверхностно-образованному весьма понятно и извѣстно, что опредѣленія сколько неизбѣж-

ны, столько-же и необыкновенно важны въ извѣстныхъ наукахъ, а въ томъ числѣ и въ грамматикѣ. Хорошее и правильное опредѣленіе въ немногихъ словахъ даетъ ясное, и, что всего важнѣе, самое точное и самое вѣрное понятіе о предметѣ. Поэтому въ наукѣ оно безконечно важнѣе всякаго другаго многословнаго объясненія. Дѣло только въ томъ, что, какъ извѣстно, представить въ наукѣ точныя и правильныя опредѣленія весьма не легко. По нашему мнѣнію, это-то и составляетъ важнѣйшій недостатокъ нѣкоторыхъ учебниковъ нашихъ, по извѣстнымъ предметамъ, что въ нихъ недостаетъ правильныхъ и точныхъ опредѣленій *тамъ именно, гдѣ они совершенно необходимы*. Немало имѣемъ мы оцѣтовъ, какъ иной составитель учебника наговоритъ объ извѣстномъ предметѣ своего изслѣдованія много, укажетъ разныя неважныя стороны, разныя случайныя принадлежности его, а сущности дѣла не скажетъ, не дастъ точнаго и правильнаго понятія о предметѣ своего изслѣдованія. Не все то, что, по всей справедливости и очевидной разумной необходимости, принадлежитъ ученію и *школь*, есть уже схоластика, въ дурномъ смыслѣ понимаемая. По-крайней-мѣрѣ мы не думаемъ, чтобъ этимъ именемъ справедливо можно было называть правильныя, *вполнѣ умѣстныя и очевидно-необходимыя научныя опредѣленія*, которыхъ никакой другой способъ изъясненія понятій въ наукѣ замѣнить не можетъ. Извѣстно, что неточныя понятія о предметѣ изслѣдованія, изъясняемая нерѣдко такъ-называемыми *риторическими* опредѣленіями или описаніями, обыкновенно бываютъ причиною вывода неправильныхъ слѣдствій и заключеній. Поэтому-то, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ мыслящихъ головъ, еще задолго до собственно такъ-называемой схоластики, весьма справедливо и основательно замѣтила, что опредѣленія весьма умѣстны и необходимы бываютъ не только въ учебныхъ книгахъ, имѣющихъ важнѣйшею задачею своею сообщеніе точныхъ и правильныхъ понятій о предметахъ своего изслѣдованія, но и въ обыкновенныхъ разсужденіяхъ, что они должны даже служить главнымъ основаніемъ и

точкою отправленія сихъ послѣднихъ. *Omnis, quae a ratione suscipitur de aliqua re institutio*, замѣчаетъ Цицеронъ, *debet a definitione proficisci, ut intelligatur, quid sit id, de quo disputetur* (29). Не думаемъ поэтому, чтобы въ грамматикѣ, какъ учебной книгѣ для дѣтей, и при томъ именно въ грамматикѣ отечественнаго языка, которая должна служить пропедевтикой при изученіи грамматикъ всѣхъ другихъ языковъ, можно было признать въ самомъ дѣлѣ излишними опредѣленія, положимъ; самой грамматики и ея частей, опредѣленіе предложенія и его частей, опредѣленіе частей рѣчи, склоненія, спряженія и т. под. Самыя опредѣленія, въ исторіи, родовъ правленія, въ географіи—горы, холма и т. д., на которыя указываетъ г. Разинъ, какъ на несомнѣнное доказательство господства еще у насъ схоластики, едва-ли можно считать излишними въ той учебной книгѣ, въ которой ученики въ первый еще разъ встрѣчаются съ этими терминами. Звѣдемъ, что и безъ опредѣленій горы и холма ученикъ можетъ имѣть уже представленіе объ этихъ предметахъ; но развѣ всякое представленіе есть уже и правильное понятіе? не говорю о томъ, что можно правильно понимать какой-нибудь предметъ и при всемъ томъ не уиѣть еще точно и правильно высказать свое понятіе о немъ. Цѣлый нашъ академическій словарь Церковно-Славянскій и Русскаго языка, — необходимая и безцѣнная настольная книга для всякаго истинно-образованнаго и мыслящаго соотечественника нашего, — есть не что иное, какъ только собраніе опредѣленій значенія терминовъ, словъ, составляющихъ родной языкъ нашъ. Повидимому, это тоже схоластика; повидимому—это не болѣе, какъ сухая и тощая номенклатура, сборникъ однихъ только употреблявшихся и употребляемыхъ у насъ словъ; а на самомъ дѣлѣ это богатая и безцѣнная сокровищница краткаго, но точнаго, по-возможности, знанія не только словъ, но и самыхъ предметовъ, ими означаемыхъ, такъ-что на разумно-употребля-

(29) Cic. de offic. lib. 1.

ющемъ эту книгу вполне сбываются слова древняго славнаго мудреца: «Кто знаетъ названія, тотъ знаетъ и вещь» (30). Само-собою разумѣется, что всѣ вообще научныя опредѣленія должны быть, гдѣ это возможно и нужно, постоянно сопровождаемы нагляднымъ указаніемъ самыхъ предметовъ опредѣляемыхъ, или примѣрами. Для малолѣтнихъ дѣтей, живущихъ и дѣйствующихъ преимущественно въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ, памяти и воображенія, это особенно важно и совершенно необходимо.

Но мы еще долго, долго не кончили-бы, еслибы стали подробно разбирать и опровергать всѣ такъ-называемыя бойкія, но невѣрныя мысли г. Разина, съ ихъ софистическими доказательствами. Такъ, напр., въ заключеніе своего разсужденія, онъ представляетъ слѣдующее, по его словамъ, чрезвычайно-важное возраженіе противъ грамматики. «Грамматика считаетъ себя въ-правѣ поправлять Гоголя, Лермонтова, Пушкина, всѣхъ: право завидное; но это—яица курицу учать. Грамматика забываетъ, откуда она взялась. Она рабскій регистраторъ всѣхъ распоряженій начальства, а начальство ея—Карамзинъ, Фонъ-Визинъ, Жуковский, Крыловъ, Русскій народъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь». (стр. 33). Но не справедливѣе-ли будетъ обратное примѣненіе приведенной здѣсь г. Разинымъ Русской пословицы? Грамматика давно уже существовала у насъ, когда не было еще ни Гоголя, ни Лермонтова, ни Пушкина и, кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти писатели изучали Русскій языкъ не безъ пособія грамматики. Да не забываетъ-ли и самый тотъ писатель, который доказываетъ теперь бесполезность грамматики, кто ему помогъ выучиться правильно употреблять родной языкъ?... Правда-ли и то, что грамматика есть *рабскій регистраторъ* Русскаго народа и нашихъ писателей? Развѣ у каждаго изъ этихъ писателей, равно-какъ и въ этой живой рѣчи Рус-

(30) ὅς ἐν τὰ ὀνόματα εἶδη, εἴσεται καὶ τὰ ὑπόκριατα. Πλάτων.

скаго народа, нѣтъ своихъ погрѣшностей, которыхъ здравый смыслъ и образованный вкусъ не позволяютъ считать правиломъ для другихъ? Кому-же рѣшить, что у Русскаго народа и образцовыхъ его писателей правильно и хорошо, и что худо; какъ должно писать и говорить, и какъ не слѣдуетъ? Лучше-ли будетъ предоставить это произволу каждаго? Конечно, гениальный писатель знаетъ самъ непосредственно, что въ языкѣ другихъ правильно и прекрасно; силою своихъ дарованій онъ открываетъ самъ даже лучшее, удачнѣйшее употребленіе языка: но много-ли геніевъ? не могутъ-ли и они погрѣшать, и не имѣютъ-ли нужды въ руководствѣ людей опытнѣйшихъ и знатоковъ дѣла, въ-особенности на первыхъ порахъ?... Само-собою разумѣется, что составителемъ грамматики, какого-бы то ни было языка, долженъ быть, если не гениальный писатель, то по-крайней-мѣрѣ человекъ съ талантомъ, вполне образованный, истинный знатокъ дѣла, глубокій филологъ, специалистъ въ извѣстной области познаній, а еще лучше, — цѣлое собраніе такихъ мужей, дабы ихъ голосъ могъ имѣть справедливый авторитетъ для желающихъ научиться правильному употребленію какого-либо языка. Извѣстно также и то, что грамматика должна внимательно слѣдить за непрерывнымъ движеніемъ впередъ и развитіемъ живаго и письменнаго языка и своевременно замѣнять вышедшія изъ употребленія правила другими совершеннѣйшими.

Мы выше замѣтили, что предлагаемая г. Разинымъ чисто-практическая метода преподаванія отечественнаго языка не безъ притязаній на новостъ и современность.... Нова-ли она въ самомъ дѣлѣ, и много-ли общааетъ истиннаго прогресса? Если взглянете на нее внимательно и безпристрастно, то легко убѣдитесь, что на самомъ дѣлѣ въ ней, кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ крайностей и странностей, рѣшительно нѣтъ ничего; что, напротивъ, это метода для нашего времени слишкомъ уже старая, слишкомъ отсталая, въ точномъ смыслѣ слова допотопная. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта метода

существовала на земномъ шарѣ задолго до появленія на немъ не только какой-либо грамматики, но и самой грамотности, письма, и, по-необходимости, была тогда единственною. Вся сущность метода г. Разина сокращается въ слѣдующее очень простое правило: говори и пиши, какъ *другіе говорятъ и пишутъ*, безъ дальнѣйшей заботы и размышленія о томъ, что правильно въ живой и письменной рѣчи другихъ и что неправильно, чему слѣдуетъ подражать и чему не слѣдуетъ. Другими словами: говори и пиши, нимало не заботясь слѣдовать какимъ-либо правиламъ; говори и пиши наудачу, какъ попало, какъ случится (31). Очевидно, что эта метода изученія роднаго языка искони была въ ходу какъ вездѣ, такъ и у насъ, у низшаго, во все *необразованнаго и полуобразованнаго, класса въ народѣ*, который, дѣйствительно, говорить, какъ случится, а затѣмъ, научившись чтенію и письму (послѣдняго однакожь, очевидно, не возможно уже сдѣлать безъ нѣкотораго участія грамматики), читаютъ и пишутъ наудачу, какъ попало (32). Какъ вѣрно и успѣшно, и какъ далеко ведетъ эта чисто-практическая метода изученія отечественнаго языка, и достаточно-ли знаніе этого языка, приобретаемое ею, для человѣка, который считается получившимъ надлежащее, основательное образованіе, кажется, всякому понятно (33).

(31) «Если разспросить многихъ людей, пишущихъ очень порядочно (?), въ какой мѣрѣ была имъ полезна въ дѣтствѣ грамматика отечественнаго языка, то большая часть отвѣчаетъ: грамматикѣ я никогда не учился или учился плохо, а правильно пишу *такъ какъ-то, самъ собою, по наемку*. Вотъ исходная мысль г. Разина о методѣ преподаванія Русскаго языка. Что значать въ выраженіи: *такъ какъ-то, самъ собою*? *такъ какъ-то*, т.-е. безъ всякой причины?... *самъ собою*—даже безъ подражанія живой и письменной рѣчи другихъ?.. Отвѣтъ—вполнѣ достойный тѣхъ, которые всему учатся одною методою чисто-практическою.

(32) Самъ г. Разинъ, на стр. 26, говорить: «*Безчисленное множество народа* говорить и пишетъ безъ грамматической таблички», т.-е. вообще безъ грамматики.

(33) «Практическія занятія, говорить г. Разинъ въ другомъ мѣстѣ въ объясненіе своей методы, состоятъ въ томъ, чтобы указать воспитанникамъ на *даль*, а не въ теоріи, какъ слѣдуетъ читать, говорить и писать». Это зна-

Не нова и самая мысль о бесполезности грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она современна самой грамматикѣ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ не могло быть недостатка въ людяхъ, которые, довольствуясь кой-какимъ, поверхностнымъ знаніемъ роднаго языка, скучали его грамматикой и считали ее наукою пустою, бесполезною. По-крайней-мѣрѣ вотъ достовѣрное объ этомъ свидѣтельство Квинтиліана: «Можно-ли извинить, говорить онъ, легкомысліе тѣхъ, которые грамматику почитаютъ наукою пустою, и только малостями занимающеюся» (34)?... Этому свидѣтельству и справедливому приговору знаменитаго педагога проповѣдникамъ и защитникамъ чисто-практической методы—почти двѣ тысячи лѣтъ до насъ....

Не такъ-ли иной затѣйливый мыслитель минувшаго столѣтія, боясь упрека въ отсталости и мечтая о мнимомъ прогрессѣ, безотчетно и простодушно слѣдовалъ самъ и проповѣдывалъ другимъ гибельное материалистическое ученіе, разлившееся тогда бурнымъ потокомъ всепожирающаго пламени въ отечествѣ обезсмертившихъ себя позоромъ легкомыслія энциклопедистовъ, почитая такое ученіе, быть можетъ, новымъ и величайшимъ открытіемъ, вовсе не думая о пагубныхъ слѣдствіяхъ онаго, вовсе не подозрѣвая того, что оно такъ несообразно съ природою человѣческой, такъ глубоко унижаетъ ее и такъ далеко отодвигаетъ назадъ успѣхи разума человѣческаго, — что этимъ ученіемъ начались первыя попытки разума человѣческаго въ области филозофій, что оно слишкомъ давно извѣстно, давно понято и оцѣнено, давно забыто?...

Чуждаясь предубѣжденій въ пользу старины и новизны,

читать, что метода г. Разина основывается на *безотчетномъ подражаніи*: ибо какъ-же можетъ быть отчетливость безъ теории? Что такъ именно слѣдуетъ понимать его чисто-практическую методу, видно изъ того, между прочимъ, что онъ потому именно и считаемъ грамматику бесполезною, что она, по его словамъ, *не доводитъ до отчетливаго и сознательнаго употребленія языка* (стр. 22 и 17). Понятно, что метода обученія языку, основанная на *безотчетномъ подражаніи*, есть метода не человѣческая.

(34) Риторич. наставл. Квинтил. кн.1, гл. IV.

какъ предразсудковъ, затмѣвающихъ глаза изыскателю и мѣшающихъ ему познать чистую истину, мы столько-же далеки отъ мысли безусловно слѣдовать въ настоящемъ изысканіи нашему чьему-либо авторитету. Безусловное и безотчетное вѣрованіе въ какой-бы то ни было человѣческой авторитетъ есть также предразсудокъ, — для желающаго познать истину вредный и въ изыскателѣ разумномъ неинтересный. Мы старались высказать здѣсь о лучшемъ, по нашему мнѣнію, способѣ преподаванія роднаго языка преимущественно то, въ чемъ убѣждаетъ насъ собственное наше немаловременное наблюденіе и соображеніе. Но можно-ли не согласиться, что есть авторитеты, такъ сказать, законные и справедливые, чьихъ голосъ въ настоящемъ случаѣ оставить безъ вниманія было-бы, можетъ быть, не безъ ущерба истинѣ? Это голоса людей, которые, при очевидныхъ для всякаго дарованіяхъ и основательномъ знаніи дѣла, глубоко вдумывались въ предметъ нашего изслѣдованія, какому-бы времени люди эти ни принадлежали. Мы считаемъ не излишнимъ поэтому указать здѣсь мнѣніе о преподаваніи роднаго языка въ некоторыхъ замѣчательнѣйшихъ специалистовъ по этому предмету, чьихъ мнѣніе болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ отношеніи, согласно съ собственными нашими убѣжденіями.

Вотъ что говорить о грамматикѣ роднаго языка одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ древности, Квинтиліанъ, для котораго, какъ мы выше замѣтили, совсѣмъ не было новостію мнѣніе о ней нынѣшнихъ нашихъ любителей чисто-практической методы. «Какъ скоро, говорить онъ, мальчикъ выучится читать и писать, тотчасъ слѣдуетъ занять его грамматикой. Ежели она для будущаго оратора не положитъ твердаго и надежнаго основанія, то, при всемъ стараніи, замышляемое нами зданіе разрушится. Грамматика, продолжаетъ онъ, *необходима дѣтямъ*; она, изъ всѣхъ родовъ упражненій, можетъ быть, одна заключаетъ въ себѣ больше существеннаго, нежели блестящаго.... Какъ всякая рѣчь, замѣчаетъ онъ далѣе, должна имѣть

три совершенства, т.-е. должна быть правильною, ясною и красивою; такъ и противоположныхъ недостатковъ въ ней можетъ быть столько-же: это покажетъ грамматика; ибо правила, какъ-исправно говорить, составляютъ первую часть оной. *Во грамматикѣ вредно только то, что излишне.* Цицеронъ, прибавляетъ наконѣцъ тотъ-же знаменитый риторъ, развѣ долженъ почитаться уже не столь великимъ ораторомъ потому, что и самъ весьма тщательно наблюдалъ правила грамматики и отъ сына своего, какъ видно изъ его писемъ, строго требовалъ такой-же исправности» (35). Это мнѣніе великаго педагога о значеніи грамматики и времени преподаванія оной дѣтямъ, высказано, какъ и самъ онъ это замѣчаетъ въ своихъ наставленіяхъ, послѣ *двадцати-лѣтней практики* въ преподаваніи соотечественникамъ ораторскаго искусства (36).

Не тѣ-же-ли, въ сущности, мысли о пользѣ и необходимости благовременнаго изученія грамматики отечественнаго языка находимъ мы, по истеченіи потомъ многихъ вѣковъ, у замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ мыслителей, ученыхъ, литераторовъ и педагоговъ, нашихъ отечественныхъ и иностранныхъ? Такъ Англійскій философъ Локкъ, который, какъ эмпирикъ, вообще не слишкомъ выгодно думалъ о грамматикѣ, въ замѣчательномъ сочиненіи своемъ «О воспитаніи дѣтей», касательно изученія роднаго языка говоритъ, между-прочимъ, слѣдующее: «Тѣмъ, которыхъ большая часть занятій въ здѣшнемъ мірѣ состоитъ въ составленіи рѣчей или въ изложеніи своихъ мыслей на бумагѣ, прилично, если не необходимо, умѣть говорить и писать *совершенно понятно и правильно*, дабы чрезъ то успѣшнѣе вселять свои идеи въ умы слушателей и сильнѣе дѣйствовать на сердца ихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что способъ изложенія мыслей, только лишь вразумительный, нельзя полагать еще до-

(35) Риторич. наставл. Квинтил. кн. 1, гл. IV.

(36) У того-же писателя чит. предувѣдомленіе къ 12 кн. «Риторич. наставленій».

статочнымъ для джентльмена. Онъ *долженъ*, трудясь надъ правильнымъ изложеніемъ своей рѣчи, *не забывать и грамматики, которая-бы объясняла ему его природный языкъ* — тотъ, на которомъ онъ говоритъ, чтобъ онъ могъ владѣть свободно рѣчью и, обращаясь къ слушателямъ, выражаться краснорѣчиво, а *не поражать ихъ или солецизмами и явными неправильностями*. Для этой цѣли *грамматика необходима*. Недостатокъ правильности въ языкѣ и грамматической точности считается весьма неприличнымъ между джентльменами, и на тѣхъ, которые въ этомъ погрѣшаютъ, обыкновенно навлекается худое мнѣніе, что пренебрегали ихъ воспитаніемъ. Если это такъ (какъ я предполагаю, оно и есть), то надо удивляться, зачѣмъ молодыхъ людей принуждаютъ изучать грамматики иностранныхъ и мертвыхъ языковъ, и никогда не только не говорятъ имъ о грамматикѣ отечественнаго языка, но даже не стараются узнать, есть-ли тамъ что-либо полезное для нихъ, а еще менѣе считаютъ своею обязанностію открыть имъ эту пользу. А между тѣмъ въ родномъ языкѣ эти молодые люди повседневно имѣютъ нужду, и нерѣдко, въ продолженіе всей послѣдующей ихъ жизни, они оцѣниваются смотря потому, изящно или нѣтъ употребляютъ они свое родное слово».

О томъ, когда именно слѣдуетъ изучать грамматику, Локкъ говоритъ: «Если грамматика какого-либо языка должна изучаться, то не ранѣе того, какъ на томъ-же языкѣ *научаются уже говорить* (37); иначе, конечно, нельзя и изучать ее. По крайней-мѣрѣ примѣромъ этому служатъ умные и ученые люди древности. У нихъ грамматика входила въ курсъ образова-

(37) Правило это, очевидно, вѣрно только по отношенію къ родному языку. Грамматики иностранныхъ языковъ, безъ-сомнѣнія, должны быть изучаемы у насъ на языкѣ нашемъ отечественномъ и къ изученію ихъ необходимо приступить при самомъ началѣ изученія языка, если только мы желаемъ, чтобы изученіе его было человѣческое, сознательное, а не механическое. Да откуда-же, въ самомъ дѣлѣ, узнать самыя буквы какого-либо языка и произношеніе ихъ, если не изъ грамматики этого языка? Само-собою разумѣется, что теорія иностраннаго языка постоянно должна идти объ-руку съ практикой.

нія, но собственно для того, чтобы совершенствовать *свой родной языкъ*, а не языки иностранные. Греки признавали всѣ другіе народы за варваровъ и пренебрегали ихъ языками. У Римлянъ хотя изученіе Греческаго языка было весьма уважаемо при концѣ существованія ихъ республики, все-же однако языкъ Римскій былъ господствующимъ при воспитаніи: такъ-какъ они должны были всегда говорить на своемъ родномъ языкѣ, то и требовалось, чтобъ они преимущественно изучали его и въ немъ совершенствовались». Далѣе потомъ Локкъ прибавляетъ: «Грамматика составляетъ *овденіе въ риторику*. Когда находимъ, что уже пора обратить вниманіе на образованіе языка, чтобъ очистить его отъ грубыхъ выраженій невѣжества, тогда значить пора учиться правиламъ грамматики».... (38).

«Польза, которую доставляетъ намъ изученіе грамматики, замѣчаетъ Гегель, неощѣнима: ибо здѣсь полагается начало логическому образованію....»

Такому мнѣнію знаменитыхъ чужеземныхъ педагоговъ объ особенной пользѣ и необходимости своевременнаго изученія грамматики отечественнаго языка сочувствовалъ, какъ мы выше видѣли, Ломоносовъ (39); его подтверждалъ Карамзинъ (40); его всегда раздѣляли, и, сколько намъ извѣстно, теперь раздѣляютъ всѣ истинно-свѣдущіе и опытные педагоги наши, его подтверждаетъ и наша академія наукъ, которая постоянно имѣла и имѣетъ въ виду, между-прочимъ, начертаніе *возможныхъ простѣйшихъ правилъ языка* и которая говоритъ ясно, что грамматика отечественнаго языка должна служить не окончаніемъ только, но и *началомъ общаго курса ученія* (41).

Итакъ, не практической-ли методѣ преподаванія обязаны мы тѣми неудовлетворительными успѣхами какъ въ языкозна-

(38) См. Русск. педаг. вѣстн. 1858 г. № 11, стр. 195—196.

(39) См. эпиграфъ: тупа ораторія и пр.

(40) Чит. рѣчь Карамзина, произн. въ торжеств. собраніи Импер. Росс. академіи 5 декабря 1818 года.

(41) Общесравн. грам. стр. XVIII, XXX, изд. 1854 года.

ни вообще, такъ и въ знаніи отечественнаго языка въ частности, на которые нерѣдко слышимъ справедливыя жалобы и нареканія, и которые примѣчаются не только въ домашнемъ воспитаніи, но и въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ? Съ глубокимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на долговременномъ, внимательномъ и безпристрастномъ наблюденіи, мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно (42). При этой методѣ обученія, самая малая, самая незначительная доля законовъ правильнаго употребленія языка, и то большею частію въ смѣшенныхъ и сбивчивыхъ представленіяхъ, переходитъ въ головы учениковъ, а большая часть изустно сообщаемыхъ наставникомъ понятій и правилъ остается только въ головѣ учителя да въ учебникѣ. А при слабомъ, сбивчивомъ знаніи теоріи, можетъ-ли успѣшно идти практика?... Тщетны усилія заботливаго наставника отечественнаго языка и словесности поправить въ высшихъ классахъ то, что потеряно, въ этомъ отношеніи, въ низшихъ. Всему своя пора. Въ высшихъ классахъ воспитанники изучаютъ уже теорію словесности, а самое благоприятное время для изученія теоріи языка—безплодно потеряно. Безъ руковод-

(42) Нельзя не сознаться, что программы, безусловно-требовавшія у насъ, съ нѣкотораго времени, болѣе или менѣе такого преподаванія языковъ, можно сказать, связывали руки свѣдущимъ и опытнымъ наставникамъ и немало мѣшали вести дѣло обученія какъ вообще языкамъ, такъ и отечественному въ частности, съ надлежащимъ успѣхомъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду преимущественно особыя замѣчанія при изданныхъ программахъ, которыми навязывается наставнику самая метода преподаванія языковъ. Къ-счастью, у насъ проходитъ, кажется, время безусловнаго вѣрованія въ непогрѣшимость этихъ программъ и безусловную ихъ обязательность. Начинаютъ лучше сознавать немаловажную въ педагогіи истину, что наставникъ не только можетъ, но и долженъ имѣть голосъ въ разсужденіи о планѣ и способахъ преподаванія его предмета. Извѣстнымъ знаменитымъ педагогомъ нашего времени весьма справедливо замѣчено, что у хорошаго учителя должны быть въ головѣ своя программа и своя метода. Несомнѣнно, что тотъ и самъ поневогѣ станетъ держаться чужой программы, кто чувствуетъ, что онъ не въ-состояніи выработать своей, лучшей. Съ другой стороны вѣрно и то, что хорошей, предписанной начальствомъ программѣ, каждый наставникъ охотно станетъ слѣдовать. Но кому-же и выработать эту хорошую программу и хорошую методу, если не самимъ-же преподавателямъ извѣстныхъ предметовъ?

ства грамматики ходя ощупью въ области практическихъ занятій языкомъ, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ученикъ такъ успѣваетъ утвердиться въ своихъ ошибкахъ частымъ ихъ повтореніемъ, что дѣлается наконецъ неисправимымъ. Опытнымъ педагогамъ хорошо извѣстно, что худо-приготовленнаго ученика труднѣе переучить, нежели вновь чему-нибудь выучить. Начала во всемъ только повидимому незначительны, а на самомъ дѣлѣ чрезвычайно важны. Чтò корень въ деревѣ, чтò основаніе въ зданіи, то первоначальное обученіе въ дѣлѣ воспитанія. Здравый разумъ учить прилагать всевозможное стараніе, чтобъ этотъ корень будущаго древа познанія былъ крѣпокъ и здоровъ, чтобъ основаніе какъ воспитанію вообще, такъ и образованію полагаемо было прочное и вѣрное. Слѣдуетъ строить на камнѣ, а не на пескѣ.

Пора, кажется, повторимъ опять въ заключеніе нашего разсужденія, пора понять намъ односторонность, пустоту и невыгоды такъ-называемой чисто-практической методы, методы Жакото и подобныхъ ей (43). Пора понять, что въ изученіи какъ всѣхъ другихъ языковъ, такъ и отечественнаго, настоящая, рациональная, истинно-полезная практика, въ чемъ-бы ни состояла она, возможна только въ-соединеніи съ теоріею. Пора убѣдиться, что безъ серьезнаго труда и терпѣнія никакое знаніе истинно-дѣльное и прочное не пріобрѣтается; что обѣщаніе научить дѣтей нашихъ *основательному знанію* какого-бы то ни было языка такъ-называемою *чисто-практическою* методою, очень легко и скоро, *безъ всякой грамматики, посредствомъ одной практики, одного легкаго чтенія*, — есть или странное недоразумѣніе, или чистое шарлатанство.

Укажемъ кратко положенія, какъ тѣ, которыя мы старались выше раскрыть и доказать, такъ и тѣ, которыя не излишнимъ считаемъ высказать въ дополненіе нъ нашему разсужде-

(43) О методѣ Жакото чит. статью Константина Ушинскаго въ «Журн. для воспитанія» за 1857 годъ, № 7, стр. 41—44.

нію о лучшемъ, по нашему мнѣнію, именно — болѣе правильномъ и естественномъ, а потому и болѣе успѣшномъ способѣ преподаванія Русскаго языка.

1) Такъ-называемая *чисто-практическая* метода преподаванія какъ всякаго вообще языка, такъ и отечественнаго, есть метода фальшивая, односторонняя, неполная, и для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, въ которыхъ предполагается сообщить твердое, основательное и отчетливое знаніе языка, есть метода недостаточная

2) Естественная, правильная, несомнѣнно-полезная метода преподаванія какъ всякаго вообще, такъ и отечественнаго языка есть теоретическая и крактическая вмѣстѣ. Теорія безъ практики, безъ примѣровъ и приложенія правилъ къ дѣлу, неудобопонятна и бесполезна; а практика безъ теоріи, судя строго, даже не возможна, а при слабomъ знаніи теоріи—болѣе или менѣе слѣпа, безотчетна, безсознательна, сбивчива. Слѣдовательно: теорія, для основательнаго изученія и правильнаго употребленія языка, не только существенно-полезна, но и совершенно-необходима (44).

3) Не вѣрно мнѣніе, будто грамматика отечественнаго языка заняла свое мѣсто въ курсахъ встарину, потому-что изученіе мертвыхъ языковъ по-необходимости начиналось съ ихъ грамматики (45). Какъ встарину, такъ и въ новѣйшія времена, всѣ здравомыслящіе и истинно-свѣдущіе педагоги и вообще образованные люди очень ясно сознавали и сознаютъ ту

(44) Отношеніе грамматики къ практическимъ занятіямъ языкомъ довольно удачно обозначено въ слѣдующемъ замѣчательномъ отрывкѣ. «Языкознаніе — теорія, а искусство владѣть рѣчью — практика. Словомъ, всякое знаніе, а слѣд. и филологія — имѣютъ свою практическую сторону, которую невозможно оторвать, не дѣлая науку мертвымъ капиталомъ; оставляя-же одну практику безъ теоріи, останется взятый въ долгъ капиталъ, употребляемый на неясно-понимаемая спекуляціи. Это будетъ яонѣ, если мы прибавимъ, что *теорія есть идея, или планъ практики, или, еще вѣрнѣе, теорія и практика одно и то-же въ двухъ различныхъ моментахъ*». Жур. для воспит. за 1857 г. № 3, стр. 363.

(45) Морск. сборн за 1856 г. № 14. Статья г. Разина.

истину, что изученіе теоріи отечественнаго языка гораздо нужнѣе, нежели изученіе теоріи всѣхъ другихъ, не только мертвыхъ, но и живыхъ, иностранныхъ языковъ, по той простой причинѣ, что иностранные языки, даже новѣйшіе, большинство самыхъ образованныхъ людей имѣетъ надобность только *поминать*, а языкъ отечественный каждый имѣетъ надобность не понимать только, но и *изустно и письменно* употреблять. Кроме-того, грамматика отечественнаго языка должна служить главнымъ общимъ руководствомъ и при изученіи грамматикъ всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ (46).

4) Изученіе теоріи отечественнаго языка гораздо нужнѣе въ началѣ, нежели въ концѣ учебнаго курса. Въ гимназіяхъ изученіе грамматикъ отечественнаго языка слѣдуетъ начинать съ 1 класса, раздѣливъ ее на 3 года такъ, чтобы въ 4 классѣ она была уже совершенно окончена. Предметомъ занятій перваго года можетъ быть логическій составъ рѣчи, втораго — этимологія, третьяго — синтаксисъ (47). Практическія занятія должны постоянно сопровождать изученіе теоріи: они будутъ уяснять правила теоріи и развивать въ ученикахъ самостоятельность ума, наблюдательность, соображеніе, изобрѣтательность и свободное владѣніе языкомъ. Особенное вниманіе должно быть обращено на изученіе тѣхъ формъ и правилъ грамматикъ, противъ которыхъ ученики, по мѣстному употребленію живой рѣчи, наиболѣе погрѣшаютъ (48). Въ учителѣ весьма важ-

(46) «Для насъ лишь только грамматика отечественнаго языка есть собственно наука, а не грамматика иностранныхъ языковъ». Общесрави. грам. стр. XVI.

(47) Прекраснымъ руководствомъ для учителей, при этомъ преподаваніи, могутъ служить:

1) «О преподаваніи отечественнаго языка, *Ф. Буславъ*, и 2) «Учебникъ Русскаго языка, составленный Александромъ *Смирновымъ*». (Москва, 1853 г.). Весьма полезно было-бы имѣть сокращеніе послѣдняго, собственно для учениковъ, которое, какъ мы полагаемъ, должно быть изложено методомъ синтетическимъ, для изученія удобнѣйшимъ.

(48) Такъ напр. въ Малороссіи особенно часто ошибаются дѣти, какъ въ живой рѣчи, такъ и на письмѣ, въ окончаніи 3 лица ед. и мн. числа наст. и

но, между прочимъ, умѣнье отличить, какъ въ изустномъ преподаваніи, такъ и въ учебной книгѣ, главное, существенно-необходимое, отъ второстепеннаго. Первое ученики его должны изучать, второе должны умѣть, по-крайней-мѣрѣ, отыскать въ учебникѣ, въ-случаѣ надобности и справокъ. Такимъ образомъ вся теорія отечественнаго языка, которую надобно изучать ученикамъ первыхъ трехъ классовъ гимназій, можетъ быть сокращена, со всѣми примѣрами и табличками, въ 40 или 50 страницъ, не болѣе. На 3 года это будетъ немного; но если изучать все это въ-теченіе одного года, въ одномъ третьемъ классѣ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ доселѣ, то будетъ много и для учениковъ обременительно.

Слѣдуетъ-ли переучивать теорію отечественнаго азыка въ другой разъ, въ высшихъ классахъ гимназій? Слѣдуетъ пополнять, гдѣ нужно, но не переучивать. Учебникъ долженъ оставаться одинъ и тотъ-же, который можетъ быть краткій и пространный, подобно извѣстной грамматикѣ Востокова. Ученикъ 7 класса гимназій долженъ доказать свое знаніе языка преимущественно практикою, для которой собственно и изучалась теорія.

Изученіе такъ-называемаго высшаго курса грамматикѣ отечественнаго языка должно принадлежать филологическому факультету высшихъ учебныхъ заведеній. Различныя лингвистическія и филологическія тонкости и подробности, не имѣющія очевиднаго приложенія къ практикѣ, излишни и обременительны для учениковъ не только низшихъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній.

5) Не естественно и не справедливо требованіе тѣхъ педагоговъ, которые хотятъ, чтобъ ученики сами собою выводили изъ данныхъ примѣровъ правила грамматикѣ: это не по силамъ дѣтямъ. Грамматическія понятія и правила должны быть для дѣтей готовымъ даннымъ. Задача ихъ практиче-

буд. врем. изъяс. накл., именно пишутъ и произносятся: онъ ходитъ, сидитъ, читаетъ, вы. ходитъ, сидитъ, читаетъ.

скихъ занятій языкомъ—не составлять грамматику, а понять надлежащимъ образомъ правила ея и приобрѣсть навыкъ при- мѣнять эти правила къ дѣлу, какъ въ этимологическомъ и син- таксическомъ разборѣ, такъ и въ разговорѣ и писъмѣ.

6) Не возможно согласиться и съ тѣми, которые полага- ютъ, что ученики низшихъ двухъ классовъ гимназiи должны изу- чать грамматику безъ книги. Безкнижное ученiе, какому-бы то ни было предмету, чрезвычайно-много мѣшаетъ успѣхамъ уче- никовъ. Хорошіе печатные учебники по всѣмъ предметамъ — это вопiющая потребность учебныхъ заведенiй, заслуживаю- щая полное и особенное вниманiе училищнаго начальства.

7) Учебникъ Русскаго языка, собственно для учениковъ, можетъ быть изложенъ кратко и ясно, методомъ синтетиче- скимъ, а не аналитическимъ. Лучшими въ этомъ отношенiи кни- гами все еще остаются у насъ пока извѣстныя грамматики гг. Греча и Востокова. Такъ-называемыя практическія граммати- ки болѣе полезны для учителей, нежели для учениковъ. Для нихъ-же собственно важны грамматики историческія, обще- сравнительныя, философическія и другія подобныя (49). Уче- никамъ гимназiи достаточно имѣть отъ наставника правильное

(49) Мы находимъ весьма справедливымъ слѣд. замѣчаніе одного педаго- га нашего (А. К...ва. Журн. для восп. за 1858 г. т. III: «О преподаванiи Рус- скихъ глаголовъ Русскими дѣтямъ») *о нашихъ грамматикахъ и значенiи ихъ.* «Всѣ грамматики могутъ быть раздѣлены на два главные отдѣла: *учебныя и учебныя.* Послѣднія, въ свою очередь, можно подраздѣлить на руководства для учащихся и руководства для учащихся. Всѣ грамматики, появившіяся въ наше время, какъ грамматика *Смирнова, Переллосаго, Классическаго* и др., от- носятся къ руководствамъ для учащихся, а не для учащихся. Онѣ могутъ служить *прекраснымъ пособіемъ наставнику* при преподаванiи отечественнаго языка, а потому заслуживаютъ полнаго вниманiя всѣхъ соотечественниковъ. Но какъ руководство для дѣтей, ни одна изъ этихъ грамматикъ не достигаетъ своей цѣли, и можно положительно сказать, что мы не имѣемъ до-сихъ-поръ удовлетворительнаго руководства для учащихся, для дѣтей. Руководство это по нашему убѣжденiю (говорить авторъ помянутой статьи), *должно догматиче- ски излагать только результаты,* а не самый методъ изложенiя; дѣло учи- теля довести учениковъ до сознанiя этихъ результатовъ путемъ практи- ческимъ. Учебникъ между-тѣмъ долженъ имѣть подъ руками книгу, въ ко- торой онъ могъ-бы справиться въ случаѣ надобности.

понятіе объ употребленіи сихъ послѣднихъ грамматикъ, чтобы они, въ случаѣ надобности, умѣли пользоваться ими.

8) Какое-же значеніе, при первоначальномъ обученіи отечественному языку, имѣеть *чтеніе*? Конечно, весьма важное. Читая, а еще болѣе, изучая наизусть, образцы правильнаго, чистаго, яснаго выраженія мыслей, дѣти усвоятъ себѣ способность и навыкъ выражаться такимъ-же образомъ объ извѣстныхъ предметахъ. Но все это получаетъ высшее, настоящее значеніе въ языкознаніи тогда, когда занятія эти сопровождаются надлежащею отчетливостію, анализомъ, приведеніемъ въ сознаніе законовъ и формъ языка и совершенствъ слововыраженія, — что, очевидно, не возможно уже безъ участія теоріи, сперва — языка, а потомъ — и словесности.

Гораздо важнѣе, какъ мы думаемъ, польза чтенія другаго, собственно изученію Русскаго языка не близкая, съ другими науками болѣе или менѣе общая. Всѣ науки, кромѣ ближайшей и частной цѣли своей — сообщенія точныхъ и основательныхъ свѣдѣній о предметахъ своего изложенія, необходимо должны имѣть въ виду и другую, болѣе отдаленную, всѣмъ имъ общую, а между-тѣмъ весьма важную, имено — содѣйствіе самостоятельному, самодѣтельному развитію душевныхъ способностей, въ чемъ собственно и состоитъ *образованіе*. Необыкновенно важно въ этомъ отношеніи какъ изученіе теоріи языка, такъ и всѣхъ вообще систематически-излагаемыхъ наукъ, съ различнымъ примѣненіемъ ихъ къ практикѣ, прямо и вѣрно *способствующее развитію всѣхъ познавательныхъ способностей*, а въ особенности памяти и соображенія: но едва-ли не важнѣе будетъ, собственно для дѣтей и юныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, такъ-называемое *легкое чтеніе*, въ-особенности произведеній *въ строгомъ смыслѣ изящной*, классической словесности. Оно можетъ сильно содѣйствовать *всестороннему развитію и образованію* читающихъ, образованію не только *изъ ума, но и сердца, и воли*. Это настоящая энциклопедія всесторонняго, — умственнаго, нравственнаго и эстетическаго образованія нрав-

ственно-разумной природы человѣческой. Но чтенія въ этомъ смыслѣ, очевидно, никакъ нельзя ограничить только *классомъ* Русскаго языка, или даже Русскаго языка и словесности, гдѣ, при этомъ занятіи, не возможно выпустить изъ виду своей специальной цѣли—возможно-полнаго теоретико-практическаго изученія произведеній слова человѣческаго, съ цѣлю сознательно совершенствовать собственный даръ слова. Чтеніе, въ этомъ смыслѣ, есть *болѣе домашнее занятіе*. Въ классѣ Русскаго языка, а потомъ Русскаго языка и словесности, должно быть прочитано все болѣе необходимое, важное и существенное, все въ литературномъ отношеніи болѣе замѣчательное, а между-тѣмъ для домашняго чтенія почему-либо трудное и неудобное. За тѣмъ наставникомъ должно быть только указано все преимущественно достойное чтенія молодыхъ людей, должно быть указано, *что* они должны читать, и какъ должны читать. Не всякое чтеніе полезно. Есть чтеніе, которое составляетъ не болѣе, какъ пустую трату времени. Иное чтеніе можетъ быть для молодыхъ людей не только бесполезно, но и положительно-вредно. Въ самыхъ образцовыхъ произведеніяхъ литературы нашей, оригинальной и переводной, не все можно читать дѣтямъ, въ-особенности въ первомъ ихъ возрастѣ. Отсюда видно, какъ важны въ литературѣ нашей, въ этомъ отношеніи, такъ-называемыя христоматіи, книги для чтенія и упражненій въ словесности учениковъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, книги для дѣтскаго чтенія, дѣтскіе журналы и другія подобныя изданія. Но изданіе этихъ книгъ требуетъ не только глубокаго и основательнаго знанія дѣла и высокой благонамѣренности, но и крайней осторожности, чтобъ не сообщить дѣтямъ, хотя-бы то и ненамѣренно, чего-либо вреднаго, ихъ умъ и сердце растлѣвающего. Горе тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ. Къ-счастью, у насъ все болѣе и болѣе появляется полезныхъ книгъ въ этомъ родѣ.

9) Можно-ли, при первоначальномъ обученіи у насъ дѣтей Русскому языку, выпустить изъ виду чтеніе *Славянское*, раз-

умѣемъ новѣйшее, въ настоящее время въ православной церкви нашей употребляемое? Это была-бы не маловажная ошибка. Не только по особенно-благодѣтельному вліянію на развитіе всѣхъ вообще душевныхъ нашихъ силъ, но и для основательнѣйшаго изученія самаго языка Русскаго, чтеніе это совершенно-необходимо. Извѣстно, какъ думали объ этомъ Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Петровъ, Карамзинъ, Шишковъ, Мерзляковъ и другіе лучшіе знатоки какъ Русской, такъ и церковно-Славянской письменности нашей (50). Если мы считаемъ не излишнимъ, и справедливо, изученіе Славянскихъ литературъ другихъ, соплеменныхъ намъ народовъ, то какое должно быть обращено у насъ вниманіе на изученіе языка собственно Церковно-Славянскаго? Съ нимъ слѣдуетъ знакомить Русскихъ съ самаго ранняго дѣтства. Это священный языкъ вѣры нашей, это одинъ изъ коренныхъ элементовъ настоящей народной рѣчи нашей. Безъ ранняго и своевременнаго знакомства съ нимъ не только не возможно достаточно понимать языка богослуженія нашего (въ которомъ слышимъ мы столько истинно-высокаго и восторгающаго превыше всего земнаго безсмертный духъ нашъ, столько глубоко-поучительнаго для ума, неизъяснимо-сладостнаго, отраднаго и утѣшительнаго для сердца, въ которомъ возвѣщается намъ столько несомнѣнныхъ залоговъ и вѣчнаго блаженства, и временнаго истиннаго счастья и благополучія), но и самаго языка Русскаго. Такъ-какъ языкъ этотъ

(50) «Священныя писанія, замѣчаетъ Шишковъ, необходимы намъ какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ для нравственности, столько-же и для словесности: ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познаемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Духовныя творенія наши, продолжаетъ онъ, принуждаютъ насъ о каждомъ выраженіи, о каждомъ словѣ размышлять, умствовать, раждаютъ въ насъ чувство, разсудокъ, вкусъ, и часто научаютъ насъ тому, чего мы прежде не знали, и чего никакія книги иностранныя показать намъ не могли». Разсужд. о краснорѣчій свящ. писанія, чит. 3 декабря 1810 года. Сп. разсужд. Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ. Чит. Полн. Русск. христом. А. Галахова, ч. III. о Карамзинѣ. Опытъ исторической грамматики Русск. языка, Ф. Буслаява §§ 17 и 14.

можно считать въ нѣкоторомъ отношеніи какъ-бы окончен-нымъ и мертвымъ, а потому мы имѣемъ болѣе надобность понимать его, нежели употреблять въ живой и письменной рѣчи: то, безъ-сомнѣнія, изученіе его въ дѣтскомъ возрастѣ гораздо важнѣе практическое, состоящее собственно въ чтеніи и разумнѣнн читаемаго, нежели теоретическое. Последнее важно для дѣтей собственно только для достиженія первой цѣли. Для упражненія въ Славянскомъ чтеніи малолѣтнихъ дѣтей также необходима хорошая, съ полнымъ знаніемъ дѣла составленная, Славянская книга для чтенія, или христоматія, каковой, можно сказать, мы еще не имѣемъ. Въ высшихъ классахъ гимназій необходимо знакомить, кромѣ позднѣйшаго Славянскаго, и съ древнѣйшимъ церковно-Славянскимъ, а также со стариннымъ Русскимъ языкомъ, для чего мы имѣемъ превосходную ручную книгу—«Историческую христоматию» Галахова. Кажется, не излишне было-бы требовать, чтобы поступающія въ учебныя наши заведенія дѣти могли читать не по-Русски только, но и по-Славянски.

Впрочемъ, дѣтское и вообще ученическое чтеніе, какъ Русское, такъ и Славянское, есть, какъ мы думаемъ, предметъ, заслуживающій болѣе подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія и обсужденія педагоговъ нашихъ (51),—предметъ, по важности и обширности своей, выходящій изъ предѣловъ настоящаго разсужденія нашего. Здѣсь мы имѣли въ виду сказать только нѣсколько словъ собственно въ защиту грамматики отечественнаго языка нашего отъ неумѣренныхъ и несправедливыхъ на нее нападеній, показать невыгоды такъ-называемой чисто-практической методы преподаванія, а также неизбежное участіе, въ завятіи съ дѣтьми отечественнымъ языкомъ, теоріи, если только мы желаемъ своевременно сообщить имъ знаніе этого язы-

(51) Какъ о преподаваніи Русскаго языка вообще, такъ и о чтеніи въ частности много прекрасныхъ мыслей высказано въ известномъ сочиненіи г. О. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка», изд. въ Москвѣ 1844 г.

ка правильное, не шаткое, а болѣе или менѣе твердое, отчетливое и основательное.

Окончимъ нашу апологію грамматики относящимся сюда словами одного писателя нашего :

Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
 Чтобъ жить съ грамматикой всегда въ связи и дружно.
 Являютъ опыты, что безъ науки сей
 Калѣвка иль слѣпецъ несчастный грамотѣй!
 Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
 О чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ;
 Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеститъ.
 Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленіемъ зритъ
 Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
 Премѣны дивныя и чудное устройство!
 Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
 Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
 И слава громкая повсюду возвѣщается:
 Такого-то писца ужъ всякой понимаетъ (52)...

АМ. ДОБРОТВОРСКІЙ.

(52) Нахимовъ въ предисловіи къ Россійской грамматикѣ.

III.

ИЗВЪСТІЯ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

ВЫПИСКИ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

Засѣданіе 18 ноября 1858 г.

Читано прошеніе Московскаго купческаго сына Д. А. Соколова, на имя г. министра народнаго просвѣщенія, о принятіи жертвующихъ имъ въ пользу комиссіи двухъ-сотъ рублей серебромъ. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что г. министромъ уже изъявлена письменно благодарность г. Соколову за его пожертвованіе.

— Читано донесеніе на имя комиссіи машиниста Императорскихъ театровъ А. Ф. Шаффера слѣдующаго содержанія:

«Труды археографической комиссіи уже давно обращаютъ на себя вниманіе и горячее къ ней сочувствіе любителей старины. Предпріятыя ею вновь изданія съ продолженіемъ прежнихъ заставляютъ думать, что ей нужны значительныя средства для успешнаго исполненія ея трудовъ. Кромѣ-того было-бы желательнo, чтобы комиссія имѣла свою бібліотеку историческихъ книгъ и рукописей. Въ такомъ убѣжденіи, желая по-возможности содѣй-

Часть CIV. Отд. III.

ствовать этому важному учрежденію, я обратился къ г. правителю дѣлъ комиссіи съ просьбою, чѣмъ-бы я могъ быть ей полезнымъ. Онъ указалъ мнѣ на необходимость имѣть шкафы и картонны для рукописей и дѣлтъ и сверхъ-того на собраніе книгъ и рукописей, принадлежавшихъ покойному члену и правителю дѣлъ комиссіи М. А. Коркунову, которыя ей было-бы желательно приобрести. Вслѣдствіе сего я заказалъ два шкафа, полки и 100 картоновъ, которые уже мною доставлены въ комиссію; а при семъ честь имѣю представить въ ея распоряженіе двѣсти рублей серебромъ на покупку рукописей и книгъ г. Коркунова. Сверхъ-того честь имѣю сообщить, что, по любви моей къ древностямъ, я готовъ и на будущее время дѣлать посильныя пожертвованія и склонять къ тому-же другихъ любителей старины». При семъ правитель дѣлъ представилъ списокъ книгъ, отобранныхъ имъ на означенную сумму изъ бібліотеки М. А. Коркунова.

Положено: благодарить г. Шаффера за его усердіе къ комиссіи, и имѣя въ виду, что доставленными имъ средствами на приобретение книгъ полагается основаніе бібліотекъ комиссіи, а сдѣланное имъ пожертвованіе шкафовъ и картоновъ даетъ возможность къ устройству ея архива; также основываясь на томъ, что онъ убѣждаетъ и другихъ дѣйствовать въ пользу комиссіи, просить г. министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи г. Шафферу званія корреспондента комиссіи; книги-же, отобранныя правителемъ дѣлъ изъ собранія М. А. Коркунова, сдать въ бібліотеку комиссіи.

— Членъ П. И. *Савваитовъ* представилъ въ даръ комиссіи facsimile двухъ разныхъ редакцій договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича, заключеннаго въ 1228—1229 годахъ.

Положено: хранить въ бібліотекѣ комиссіи.

— Правитель дѣлъ, представляя отпечатанные листы 2-го изданія сочиненія Котошикина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», довелъ до свѣдѣнія членовъ, что для окончанія этого изданія недостаетъ: 1) предисловія и 2) указателя. Для составленія перваго въ комиссіи находятся матеріалы, пополняющіе свѣдѣнія о Котошикинѣ, сообщенныя въ первомъ изданіи его сочиненія, которыми онъ и воспользуется; что-же касается до указателя, то указатель предметовъ, помѣщенный въ началѣ 1-го изданія Котошикина, и другой—въ концѣ его подъ названіемъ «Перечень старинныхъ словъ», далеко не соотвѣтствуютъ современ-

нымъ требованіямъ науки отъ трудовъ сего рода; почему онъ полагалъ-бы полезнымъ во 2-мъ изданіи замѣнить ихъ новымъ указателемъ, въ которомъ вкратцѣ, но безъ важныхъ опущеній, должны быть помѣщены не только собственныя имена, но и замѣчательныя термины, встрѣчающіеся въ сочиненіи Котошихина, съ обозначеніемъ страницъ, гдѣ они находятся въ новомъ изданіи.

Положено: согласно съ мнѣніемъ г. *Калачова*, замѣнить во второмъ изданіи Котошихина прежніе два указателя однимъ новымъ, болѣе подробнымъ и точнымъ, коего составленіе и предоставить ему по его усмотрѣнію.

— Главный редакторъ А. А. *Куцкиъ* представилъ сообщенныя ему Дерптскимъ профессоромъ *Ширреномъ* матеріалы XIV вѣка, относящіяся до военныхъ дорогъ и тайныхъ путей изъ владѣній Прусскаго ордена чрезъ Литву и Самогитію, съ предисловіемъ и объясненіями Ширрена, подъ заглавіемъ: «Kriegs-und Schleichwege aus den preussischen Ordensländern durch Litauen und Samogitien, erläutert vom Prof. C. Schirren».

Положено: признавая эти матеріалы весьма важными по древности, напечатать ихъ въ Ливонскихъ актахъ, издаваемыхъ комиссіею подъ редакціей г. *Куника*.

— Главный редакторъ А. Ѳ. *Бычковъ* представилъ на обсужденіе комиссіи вопросъ: не слѣдуетъ-ли къ издаваемому подъ его редакціей VIII тому «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», который будетъ содержать въ себѣ вторую половину Воскресенскаго списка, приложить указатель собственныхъ именъ и техническихъ словъ, встрѣчающихся какъ въ этой половинѣ, такъ и въ первой половинѣ Воскресенской лѣтописи, составляющей VII томъ этого изданія, въ томъ вниманіи, что такіе указатели въ высшей степени облегчаютъ пользованіе матеріалами, а составляемый членомъ комиссіи П. М. *Строевымъ* указатель относится только къ первымъ шести томамъ «Полнаго собранія лѣтописей».

Положено: поручить составленіе означеннаго указателя къ VII и VIII томамъ «Полнаго собранія лѣтописей» главному редактору *Бычкову*.

Засѣданіе 22 декабря.

Читано отношеніе г. министра юстиціи отъ 7 декабря 1858 г. къ г. министру народнаго просвѣщенія съ увѣдомленіемъ, что най-

денные членомъ археографической комиссіи *Калачовымъ* въ Курмышскомъ уѣздномъ судѣ старинные документы разобраны директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, который и доставилъ составленныя этимъ документамъ общее обзорѣніе и опись, почему означенныя обзорѣнія и опись и препровождаются. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что Курмышскіе акты, о коихъ идетъ рѣчь въ настоящемъ отношеніи г. министра юстиціи, весьма любопытны, какъ успѣлъ онъ въ этомъ удостовѣриться просмотромъ ихъ на мѣстѣ,—что и подтверждается доставленными нынѣ въ комиссію обзорѣніемъ ихъ и описью; но что этѣ послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить собою подлинныхъ актовъ, которые должны быть издаваемы комиссіей, почему слѣдуетъ, по его мнѣнію, обратиться къ г. министру юстиціи съ просьбою о доставленіи самыхъ актовъ Курмышскаго уѣзднаго суда, тѣмъ болѣе, что оглавленія этихъ актовъ, составленныя безъ сличенія содержанія ихъ и формъ съ актами, уже изданными комиссіей, не могутъ служить достаточнымъ указаніемъ для того, чтобы, на основаніи ихъ однихъ, окончательно рѣшить, какіе изъ документовъ, къ которымъ они относятся, должны быть признаны необходимыми для комиссіи и какіе напротивъ того не заключающими въ себѣ ничего особенно-замѣчательнаго.

Положено: просить г. министра народнаго просвѣщенія отнестись къ г. министру юстиціи о доставленіи въ археографическую комиссію подлинныхъ актовъ Курмышскаго уѣзднаго суда; сообщенныя-же имъ обзорѣніе и опись оставить пока въ комиссіи, для отиѣтки въ нихъ тѣхъ актовъ, которые назначены будутъ къ напечатанію.

— Читано членомъ комиссіи П. И. *Савваитовымъ* слѣдующее свѣдѣніе о найденномъ имъ матеріалѣ, заключающемъ въ себѣ любопытное дополненіе къ лѣтописнымъ извѣстіямъ и къ Писцовымъ книгамъ:

«Въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVII столѣтія встрѣчается запись:

«О святѣй соборнѣй церкви Софіи Премудрости Божіи, иже въ Велицѣмъ Новѣградѣ, и о Новгородкихъ чудотворцѣхъ, идѣже койждо лежитъ.

«Въ Велицѣмъ Новѣградѣ въ каменномъ градѣ соборная церковь каменная Софія Премудрость Божія, о 6 версѣхъ; болшая

глава золочена; а празнують Успенію Пресвѣтей Богородицы. Величество же ея, кромѣ папертей, отъ входныхъ западныхъ дверей до царскихъ вратъ 9 сажень, а отъ южныхъ до сѣверныхъ дверей 12 сажень.

«А отъ митрополича двора съ приходу паперть каменная; двери у ней мѣденые со святыми Корсунскіе. И въ той паперти на лѣвой странѣ лежатъ создатели святаго храма того: благовѣрный князь Владимиръ въ каменномъ гробѣ наверхъ земли цѣлъ и нетлѣнецъ, да благовѣрная великая княгини мати его Анна, да за стѣною, въ придѣлѣ архидіакона Стефана, великая княгиня его Александра (*). Да въ Корсунской же паперти лежатъ мнози епископы и архіепископы и митрополитъ Исидоръ и митрополитъ Макарій.

«А отъ южные страны паперть нарицаетца Мартирьевская; а въ ней лежатъ архіепископы: Лука архіепископъ нетлѣненъ, а иные недовѣдомы, Марти(рі)й и прочіи, и митрополиты Александръ и Варлаамъ.

«Да въ ту же паперть вшедъ въ позлащенные въ рѣзные двери направо предѣлъ—церковь во имя Пречистые Богородицы честнаго ея Рождества; а въ ней лежатъ благовѣрные князи Мстиславъ Ростиславичъ во аспидномъ гробѣ; рука у него аки въ защищеніе поднята надъ персами; а гроба аспидного уголь отколотъ. А въ повѣстѣхъ обноситца, слышачи отъ древнихъ, что де приходилъ Полотцкой князь изгономъ на Великій Новгородъ, и спрашивалъ, гдѣ лежитъ Мстиславъ Ростиславичъ, и указаша ему, и онъ де извлекъ мечъ и хотѣлъ тять по мертвомъ тѣлеси для того, будто де мати его родила отъ него Мстислава, и въ тѣ де поры Мстиславъ рукою своею подялъ во гробѣ, и мечъ де ударился въ аспидной гробъ его, и тѣмъ де обычаемъ уголь гроба отшибенъ. А писанія о семъ у Софій не сыскано. Да въ томъ же предѣлѣ у Рождества Пречистей на лѣвой странѣ князь другой Мстиславъ, да князь Ѳеодоръ Ярославичъ нетлѣненъ, великому князю Александру Невскому братъ родной, а положенъ ту во владѣнье Нѣмецкое, въ лѣто 7122 году; а принесенъ изъ Юрьева монастыря самъ другъ. Про другаго же имени не обрѣтохомъ. Той престаива я младъ, лѣтъ въ 13 (**). А лежали въ Юрьевѣ во единомъ гробѣ въ соборномъ

(*) О придѣльномъ храмѣ архіепископа Стефана см. у *П. Соловьева* въ «Опис. Новгор. Соф. соб.» С.Пб. 1858 г., стр. 13 и 103, въ подстрочн. примѣч.

(**) Должно быть въ 23. См. Полн. собр. Русск. лѣтоп. т. 1, стр. 188 подъ 6727 г. и стр. 220 подъ 6741 г.; см. *Лихач.* Родосл. госуд. Рос. ст. 11. Спб. 1838.

храмъ святаго Георгія. И во обдержаніе безбожныхъ Нѣмецъ того князя Ѳедора Ярославича Ягановы садаты Нѣмецкіе люди гробъ скрывъ, приставили къ стѣнѣ. И свѣдавъ про се Исидоръ, Новгородскій митрополитъ, и испросилъ у Нѣмецкаго воеводы у Якова Пунтусова волю, да повелитъ ему взяти мощи ихъ изъ Юрьева монастыря; и взятъ самъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ честныя ихъ мощи и привезъ къ Софiei и положилъ съ надгробнымъ пѣніемъ честне въ церкви предреченной Рожества Пресвятой Богородицы налѣвъ въ Софійскомъ предѣлѣ.

«А изъ Мартирьевской паперти вшедь въ соборную церковь направо въ предѣлъ святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны храмъ на подписа; а въ немъ лежатъ мощи чудотворца Никиты епископа, по воспріятіи крещенія Рускія земли отъ перваго епископа Іоакима по числу шестый; а лежали подъ спудомъ 450 лѣтъ; а обрѣтены быша честныя мощи его въ лѣто 7000, блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при архіепископѣ Великаго Новаграда и Пскова владыцѣ Пиминѣ; и нынѣ лежатъ чудотворныя мощи его въ древяной рацѣ нерушимы и все тѣлы, и вси православніи христіане прикасаютца имъ невозбранно, и исцѣленіе подаваетъ съ вѣрою приходящимъ и доднесь. Свидѣтелствованъ; и поютъ ему службу болшую съ поіелеосомъ трижды годомъ. Служба тутъ вседневная.

«Да съ сѣверныя страны соборныя церкви придѣлъ—церковь во имя честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, усѣкновение честныя его главы; и въ той церкви есть темница, идѣже лежатъ многочисленныя мощи иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа Великаго Новаграда, въ рацѣ глубоко. Поютъ ему службу съ поіелеосомъ. Служба тутъ вседневная. Да въ той же темницѣ на другой странѣ гробъ брата его Григорія архіепископа; не свѣдѣтелствованы. Да внѣ темницы той церкви Іоанна Предтечи гробъ Серапіона, архіепископа Новгородскаго, позади темницы.

«Да съ сѣверныя же страны паперть словеть Богословская. А идучи въ соборную церковь тою папертью, налѣвъ придѣлъ не малъ—церковь святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. А въ той Богословской паперти направъ положенъ князь Михайло Петровичъ Катыревъ, самъ-третей, со княгинею своею и со дщерію, во 115 году.

«А надъ всѣми надъ тремя папертми—надъ Корсунскою, надъ

Мартирьевскою, надъ Богословскою, вверху около соборныя церкви полаты велики зѣло. А столповъ 11 въ церкви, а въ олтари 2 столпы.

«Въ Великомъ же Новѣградѣ, на посадѣ: на Софейской сторонѣ, на Яковлевѣ улицѣ, въ церкви святаго великомученика Пантелемона мощи Николая Кочанова, подъ спудомъ. Поютъ ему съ поліелеосомъ.

«Да на Торговой сторонѣ, на посадѣ, на Ярославѣ дворищи, мощи преподобнаго Арсенія Новгородскаго, подъ спудомъ; положенъ въ часовнѣ близъ Рождства Пречистые Богородицы; не свѣдѣтелствованъ.

«Да на Торговой же сторонѣ, на Лубяницѣ улицы, у великомученика Георгія въ торгу, мощи блаженнаго Фодора Новгородскаго, подъ спудомъ, въ часовнѣ; не свѣдѣтелствованы.

«Да въ Новгородской пятинѣ Обонѣжской, на рѣкѣ на Волховѣ, близъ города, въ Онто(но)вѣ монастырѣ, въ церкви Рождства Пречистой Богородицы преподобнаго игумена Антонія Римлянина многочисленныя мощи наверхъ земли въ рацѣ, во плоти. Службу поютъ болшую.

«Въ Веденьскомъ погостѣ, за семь поприщъ отъ Великаго Новаграда, въ Хутынскомъ монастырѣ, на Волховѣ же, въ церквѣ у всемилостиваго Спаса боголѣпнаго Преображенія чудотворныя мощи преподобнаго Варлаама игумена, Новгородскаго чудотворца, подъ спудомъ. Службу поютъ болшую дважды годомъ.

«Въ Волотовскомъ погостѣ, за семь поприщъ отъ Великаго Новаграда, на рѣкѣ на Вѣшерѣ, въ монастыри въ церкви Покрова Пресвятой Богородицы чудотворныя мощи преподобнаго Савы, Новгородскаго чудотворца, подъ спудомъ. Службу поютъ съ поліелеосомъ.

«Въ Мытенскомъ погостѣ, за тридцать поприщъ отъ Великаго Новаграда, въ Отенскомъ монастыри, въ церкви Іоанна Предтечи чудотворныя мощи Іоны, архіепископа Новгородскаго, наверхъ земли, въ рацѣ древянѣ. Поютъ ему службу съ поліелеосомъ.

«Въ Обонѣжской пятинѣ, въ Александровѣ пустынѣ, отъ Свѣри рѣки поприща 4 въ дебрь, въ церкви Живоначальныя Троицы мощи преподобнаго Александра, чудотворца Новгородскаго, подъ спудомъ. Поютъ службу съ поліелеосомъ.

«Въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Спаскомъ погостѣ, за два девяностя поприщъ отъ Великаго Новаграда, въ Боровицкомъ монастыри, въ

церкви Сошествія Святаго Духа мощи чудотворца Іякова Боровицкаго лежать навѣрхъ земли въ раѣхъ древянѣхъ. Поють службу съ поіелеосомъ.

«Въ Деревской пятинѣ, за 4 поприща отъ Великаго Новаграда, въ монастыри на Сквородкѣ, въ церквѣ Архангела Михаила мощи архіепископа Новгородскаго Моисѣя, подъ спудомъ. Поють съ поіелеосомъ.

«Въ Вотцкой пятинѣ, за десять поприщъ отъ Великаго Новаграда, въ Вяжицкомъ монастыри, въ церкви великаго Еуеимія новаго мощи чудотворныя Еуеимія, архіепископа Новгородскаго, подъ спудомъ. Поють ему службу съ поіелеосомъ.

«Въ Шелонской пятинѣ, за 15 поприщъ отъ Великаго Новаграда, на рѣкѣ на Веряжи, въ церкви Живоначалныя Троицы мощи преподобнаго Михаила Клопскаго, Новгородскаго чудотворца, государскаго сродича, подъ спудомъ. Поють службу съ поіелеосомъ.

«Въ Перекомскомъ монастыри, за 20 поприщъ отъ Великаго Новаграда, на озерѣ Ильменѣ, въ церкви Николы чудотворца мощи преподобнаго Ефрема, Новгородскаго чудотворца, подъ спудомъ. Поють службу съ поіелеосомъ.

«Въ Обовѣжской пятинѣ, въ Соловецкомъ монастыри у боголѣпнаго Преображенія Спасова многоцѣлебныя мощи преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Поють имъ службу съ поіелеосомъ»».

«Изъ этой записи мы узнаемъ нѣкоторыя обстоятельства, пропущенныя въ другихъ, извѣстныхъ намъ, источникахъ. Если указанное въ ней мѣстное преданіе о нападеніи на Новгородъ Полоцкаго князя и о послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ достоверно, то въ этомъ преданіи представляется какое-то особенное отношеніе между князьями Новгородскимъ и Полоцкимъ; имъ-же дополняется неконченное сказаніе лѣтописей.

«Для объясненія этого обстоятельства, должно имѣть въ виду, что Новгородъ имѣлъ двухъ князей Мстиславовъ Ростиславичей, слѣдовавшихъ вскорѣ одинъ за другимъ.

«Первый *Мстиславъ Безокий* былъ внукомъ Юрьевъ. Новгородская I лѣтопись говоритъ о немъ: «Въ лѣто 1177... на зиму приде князь Мстиславъ съ братомъ Яропѣкомъ въ Новгородъ, и посадиша Новгородци Мстислава на столѣ, а Яропѣка на Новѣмъ тѣргу, а Ярослава на Ламьскѣмъ волоцѣ; и тако ся управи-

ша по воли. Въ лѣто $\frac{6688}{1178}$, индикта 10 мѣсяца априля въ 20, преставися князь Мьстиславъ, сынъ Ростиславль, а вѣнукъ Гюргевъ, и положиша и въ святѣй Софіи въ притворѣ». Такъ и въ Новгородской IV лѣтой, съ прибавленіемъ: «въ гробница Володимирѣ Ярославлича». Но въ III Новгород. лѣтописи сказано: «Въ лѣто $\frac{6688}{1178}$, іюня въ 4 день, преставися князь Мстиславъ Ростиславичъ, братъ Ярополковъ, внукъ Юрьевъ; и положиша у святѣй Софіи въ притворѣ, въ Новѣгородѣ, въ гробницѣ Володимировѣ Ярославича, у Богородицы честнаго ея Рождества, и устроиша гробъ аспидной, идѣже и донынѣ лежитъ». Последняя прибавка въ этой лѣтописи производитъ въ ней разногласіе съ I и IV лѣтописями: это произошло, какъ должно полагать, отъ ошибки писца, который, смѣшавъ одного Мстислава съ другимъ, сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ пропускъ. Такимъ образомъ слова: «у Богородицы честнаго ея Рождества, и устроиша гробъ аспидной, идѣже и донынѣ лежитъ» должно относить къ другому Мстиславу, котораго новая гробница и нынѣ стоитъ на томъ же аспидномъ гробѣ, на южной сторонѣ собора, въ придѣлѣ Рождества Богородицы; а Мстиславъ, внукъ Юрьевъ, покоится въ Мартирьевской паперти, въ первомъ отдѣленіи ризницы.

«Второй *Мстиславъ*, прозванный *Храбрымъ*, былъ внукъ Мстиславовъ. Къ нему-то и относится разбираемое нами извѣстіе. Вотъ что говоритъ о немъ I-я Новгородская лѣтопись: «Въ лѣто $\frac{6687}{1177}$... иде Романъ изъ Новагорода Смольньску. Тѣгда же Новгородци послашася по брата его по Мьстислава въ Русь и вѣниде Мьстиславъ въ Новѣгородъ мѣсяца ноября въ 1, на святую безмезднику Къзмы и Даміана, а на зиму иде Мьстиславъ съ Новгородци на Чюдь, на Очелу, и пожже всю землю ихъ, а сами отбѣгоша къ морю; нѣ и ту ихъ досыти паде. Въ лѣто $\frac{6688}{1178}$, преставися кнѣзь Мьстиславъ Новѣгородѣ Ростиславиць, вѣнукъ Мьстиславль, мѣсяца іюня въ 14, и положиша и въ святѣй Софіи у святыя Богородица». Тоже говорится и въ IV-ой лѣтописи, только съ бѣльшими подробностями. Здѣсь важно для насъ слѣдующее мѣсто: «Въ лѣто $\frac{6688}{1178}$... Мьстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новгородъ, и взялъ іерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погостъ единъ завелъ за Полтескъ. Мьстиславъ же все то хотя оправити Новгородцкую волость и обиду, и пришедшу ему на Лу-

ки съ вои Новгородскими, ту присла къ нему изъ Смоленска братъ его Романъ мужъ свой, рекъ ему тако: не ходи на Всеслава, обиды ти до него нѣтъ; но оже идеши на него, то первое ти поити на мя. Онъ же не хотя вередити сердца брату своему старѣйшему, возвратися въ Новгородъ, и уя его болѣзнь крѣпка, и преставися іюня 14, внукъ Мъстиславичъ, и положенъ бысть у святѣй Софѣи въ святѣй Богородици». На этомъ и останавливаются лѣтописи. Но мѣстное Новгородское преданіе, приводимое въ нашей записи, дополняетъ извѣстія лѣтописцевъ: оно говоритъ, что Полоцкій князь, конечно собравшій рать, чтобы отразить нападеніе Новгородскихъ силъ, по смерти Мстислава, приходилъ изгономъ на Великій Новгородъ, вошелъ въ него и проч. По соображенію историческихъ обстоятельствъ времени, этотъ Полоцкій князь былъ не другой кто, какъ послѣдній изъ князей Полоцкихъ, зять (мужъ сестры) Мстислава Новгородскаго—*Всеславъ*, сынъ Василька Полоцкаго, внукъ Рогволода, правнукъ Всеслава (*), ограбившаго въ 1066 году Новгородскій Софійскій соборъ и захватившаго одинъ изъ Новгородскихъ погостовъ (см. Новгород. I лѣтоп. подъ 6574 и III лѣтоп. подъ 6569 г.). Подробное изслѣдованіе этого дѣла и объясненіе кровной вражды Полоцкаго князя къ Новгородскому есть дѣло исторической критики.

«Обращаясь къ нашей рукописи, указываемъ въ ней другое замѣчательное извѣстіе—объ открытіи мощей благовѣрнаго князя Феодора Ярославича и о торжественномъ перенесеніи ихъ изъ Новгородскаго Юрьева монастыря въ тамошній Софійскій соборъ. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ мы это любопытное извѣстіе.

«Наконецъ, не говоря о другихъ замѣткахъ этой записи, обращаетъ вниманіе на сдѣланное въ ней указаніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Новгородскихъ пятинахъ. Лучшее въ своемъ родѣ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ безспорно принадлежатъ *Несомому*; но, ограниченное временемъ и источниками, оно не могло обнять всѣхъ мѣстностей обширной Новгородской области: такъ напр. въ немъ совсѣмъ не упоминается о Вагѣ или Важеской десятинѣ, составлявшей большую половину Обонежской пятины, самой обширной изъ пятинъ Новгородскихъ. Наша рукопись указываетъ въ этой пятинѣ Соловецкій островъ съ монастыремъ Преображенія Спасова и Александрову пустынь съ церковію Живоначальныхъ Трои-

(*) *Личач.* Родос. госуд. Росс. ст. 7—10; см. *Стресса* Ключъ къ II. Г. Р., Родосл. росн. II, ст. 7—10.

цы, въ Бѣжецкой—Спаскій погостъ съ монастыремъ въ Боровичахъ, въ Деревской—Сковородскій монастырь, въ Вотской—Вязицкій монастырь, въ Шелонской—церковь Живоначальной Троицы на р. Веряжи и монастырь Перекомскій».

Положено: сообщенную П. И. *Савваитовымъ* запись вмѣстѣ съ примѣчаніями его помѣстить въ протоколѣ сего засѣданія коммисіи.

— Правитель дѣлъ представилъ коллекцію актовъ, полученную имъ отъ бывшаго профессора Казанскаго, а нынѣ профессора Харьковскаго университета С. В. *Пахмана*, состоящую изъ царскихъ грамотъ и юридическихъ документовъ, которые находились вѣкогда въ архивѣ Ядринской воеводской канцеляріи; при чемъ изъяснилъ словесно, что эти акты писаны въ XVII вѣкѣ и въ первой четверти XVIII и доставлены въ количествѣ не менѣе ста, но многіе неполные (безъ начала или безъ конца), почему изъ нихъ можетъ быть только сдѣлано извлеченіе данныхъ, имѣющихъ важность въ отношеніи историческомъ или юридическомъ; изъ тѣхъ-же, которые сохранились въ цѣлости, до тридцати актовъ могутъ быть, по его мнѣнію, напечатаны въ изданіяхъ коммисіи. Въ числѣ этихъ матеріаловъ г. Пахманомъ сообщена рукопись, писанная въ 8 долю листа, на 10 листкахъ, по черкомъ половины XVII вѣка, слѣдующаго содержанія:

«Сказаніе о прихоженіи Крымскаго царя и Турскихъ людей и о ихъ приступехъ ко граду Азову. Списокъ съ записки съ роспросныхъ рѣчей.

«150 октября въ 28 день, приѣхали ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи, къ Москвѣ, съ Дону изъ Азова города Донскіе казаки, атаманъ Наумъ Васильевъ да ясаугъ Ѳеодоръ Ивановъ, а съ ними 24 человекъ казаковъ, которые сидѣли въ Азовѣ въ осадѣ. И въ посольскомъ приказѣ про всякіе вѣсти они разпрашиваны, и въ розпросѣ сказали: въ прошломъ де во 149-мъ году, іюня въ 24 день, присылагъ Турской Абрагамъ салтанъ царь подъ Азовъ городъ четырехъ пашей: Усенка да Капитана да Мустофу да Ибрейма, а съ ними де Турскихъ и розныхъ 12 земель всякихъ воинскихъ людей 200000 человекъ, да Крымской царь, да братъ его Нурадынъ, да Крымъ Гирей царевичъ, а съ ними Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ 40000, да Горскихъ Татаръ Черкасъ 30000; да съ ними жъ были Нѣмецкія люди городоимцы и приступные и подкопные вымы-

шленики, Шпанцы, Таліяня, Фрянууженя, Виницѣяне, которые умѣють всякіе приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненые (*); а пушекъ съ ними было 120, а у пушекъ было ядро пуда въ полтора и въ два, а прикованы всѣ были на чепяхъ. А были съ Турскими пашами розныхъ земель люди: Турки, Греки, Серби, Арапы, Можары, Буданы, Абашняки, Арнауты, Волохи, Мутьяня, Черкасы Горскія, и всего съ Крымскимъ царемъ и съ братьями его и съ Турскими пашами Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ и Турскихъ всякихъ людей, опричь вымышлениковъ, 250,000; а собирали-де-ся онѣ на ту войну 4 года, а на пятой годъ, іюня въ 24 день, пришли подъ Азовъ городъ, а на другой день къ городу приступали 2-жъ; а изъ города были выведены подкопы тайныя, и въ приступное время подкопы запапали, и на тѣхъ приступехъ многихъ людей подкопами и вылазками побии и Турского царя самое большое знамя у нихъ взяли. И послѣ того Турскіе пѣшіе люди привели близъ города земляной валъ, въверхъ 7 сажень, а по валу поставили снарядъ пушечной, и били изъ того снаряду по всему городу день и ночь безпрестани, 16 дней; а въ сутки выстрѣловъ 1700; и всѣ городовые стѣны и башни они поганіи и церковь Ивана Предтечи и полаты всѣ сбили по подошву, а церковь Николы чудотворца разбили вполы, потому что стояла внизу. А они атама(ны) и казаки сидѣли, вкопався въ ямы, и сдѣлали въ землѣ дворы тайныя; а которыми мѣсты Турскія люди приступали, и подъ тѣ мѣста подъ земляной ихъ валъ подвели казаки 2 подкопа; а таборы ихъ, гдѣ Турскія люди стояли толко отъ города пол-2 версты, и подъ тѣ ихъ таборы атаманы и казаки подвели 28 подкоповъ, и тѣми подкопами и вылазками въ приступное время Турскихъ и всякихъ людей, безчисленно побии. А послѣ де того Турскіе люди и Нѣмецкіе вымышленники къ земляному валу и подъ городъ подводили 17 подкоповъ: и милостію Божію и пречистые Его Матере и молитвамъ(и) Ивана Предтечи, тѣхъ Турскихъ и Крымскихъ и Нагайскихъ и иныхъ розныхъ земель людей подкопъ ни одинъ не удался, толко въ тѣхъ подкопахъ атаманы и казаки ихъ же побивали. А было де къ городу Азову всѣми людьми 24 приступа; а ядра огненные чиненые и всякія приступные мудрости въ городъ къ нимъ метали и тѣмъ ихъ атамановъ и казакъ многихъ побивало и палило; и послѣ де того онѣ въ городъ къ нимъ на стрѣлахъ стрѣляли многія гра-

(*) Въ подл. киненые.

мотки, чтобъ они атаманы и казаки то Азовское сбитое пустое мѣсто отдали имъ Турскимъ людямъ, и они де Турскіе люди дадутъ имъ за то городовое мѣсто многую казну; и они де атаманы и казаки, видя милость Божію и заступленіе свѣтилника свѣту Иванна Предтечу, имъ Турскимъ людямъ въ томъ отказали, многіе тмочисленные казны у нихъ не взяли. А какъ они въ осадѣ сидѣли, и они имѣли постъ и моленіе веліе и чистоту душевную и тѣлесную, и многіе искусные люди видяху во снѣ и внѣ тонка сна ово жену прекрасну въ багряницѣ, ово мужа древна, власата и боса и ихъ атамановъ и казаковъ отъ поганыхъ иноплеменниковъ заступающе, а на паганые помагающе; а то они атаманы и казаки многія видѣли явно отъ образа Иванна Предтечи отъ суха древа течаху многія слезы аки струя. И всего они атаманы и казаки сидѣли въ осадѣ въ Азовѣ іюня со 24 числа сентября по 26 число; и сентября со 27 числа, въ ночи, ихъ Турскихъ и Крымскихъ безбожныхъ агарянъ и всякихъ поганскихъ людей, незнающимъ Бога, вниде ужастъ въ кости, а трепетъ въ застѣнные ихъ души, и за 4 часа до свѣту возмутяся побѣжали никимъ гонимы, съ вѣчнымъ позоромъ, и пошли въ катаргахъ и конные люди; и въ тѣ же поры на ихъ отходѣ атаманы и казаки ходили за ними изъ Азова въ погоню, и у нихъ у поганыхъ людей отгнали они многіе лошади. А всѣ де языки, которые они имали въ Азовѣ, сказывали имъ, что побито подъ Азовымъ на приступахъ и на вылазкахъ и подкопами Турскихъ и всякихъ людей болши 90000 человекъ; а ихъ де атамановъ и казаковъ въ осадѣ сидѣло 5367 человекъ, а побито ихъ болши 3000 человекъ, а дасталные переранены».

Положено: изъявить г. *Пазману* благодарность комиссіи за сообщенные имъ акты; изъ нихъ тѣ, которые отобраны правительемъ дѣлъ, напечатать въ изданіяхъ комиссіи, изъ другихъ-же предоставить ему сдѣлать извлеченія, какія онъ признаетъ нужными, и за тѣмъ возвратить акты по принадлежности.

— Читано членомъ *Калачовымъ* слѣдующее донесеніе:

«Имѣю честь представить 28 актовъ, присланныхъ мнѣ соборнымъ священникомъ въ Калязинѣ *І. С. Белоустинымъ*, слѣдующаго содержанія:

1) 1500 г. ноября 27. Правая грамота по спорному дѣлу между *Симоновымъ* монастыремъ и крестьянами *Суохской* волости о пожнѣ села *Ватолинскаго*.

2) 1523 ноября 11. Данная (вкладная) Троицко-Сергіеву монастырю на село Леднево въ Юрьевскомъ уѣздѣ.

3) 1531 мая 15. Правая грамота по спорному дѣлу между Благовѣщенскимъ Киржачскимъ монастыремъ и Облязомъ Лодыгинымъ о землѣ деревни Кипрей.

4) 1549. Данная (вкладная) Ивана и Андрея Бѣловыхъ Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины князя Алексѣя Юрьевича Сидкаго, въ Рязанскомъ уѣздѣ.

5) 1554. Купчая на два сельца, Князчино и Тинкино, въ Московскомъ уѣздѣ, проданныя Васильемъ Захарьинымъ Чудову монастырю.

6) 1560. Данная (вкладная)... Воронцова Троицко-Сергіеву монастырю на село Фроловское съ деревнями, въ Кашинскомъ уѣздѣ.

7) 1569. Данная (вкладная) Петра Кренева Макаріеву Калязинскому монастырю на деревни въ Кашинскомъ уѣздѣ.

8) 1569 апрѣля 2 (безъ конца). Жалованная грамота митрополчѣнимъ крестьянамъ Борисоглѣбской слободки, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, объ освобожденіи ихъ отъ платежа всякихъ поборовъ и податей, съ нѣкоторыми ограниченіями.

9) 1573. Данная (вкладная) Перфірія Рожнова Троицко-Сергіеву монастырю на село Юрьевское съ деревнею и пустошами, въ Кашинскомъ уѣздѣ.

10) 1577 апрѣля 1. Правая грамота по спорному дѣлу Воскресенскаго Терехова монастыря съ бортниками села Ижевскаго (въ Рязан. уѣздѣ) о сѣнокосныхъ лугахъ (тутъ-же и позднѣйшій списокъ этой грамоты).

11) 1579. Данная (вкладная) Троицко-Сергіеву монастырю священника Акинфія на дворъ его въ г. Владимірѣ.

12) 1593 іюля 14. Грамота воеводѣ Переяславля-Рязанскаго Ивану Милюкову, объ отдачѣ крестьянину окольничаго Клешина Григорью Бирюку въ оброчное содержаніе рыбныхъ ловель на Богородицкомъ озерѣ, на рѣкѣ Воронежѣ и въ др. мѣстахъ.

13) 1593 прежде августа 7. Грамота къ нему же, объ отдачѣ крестьянину Зоту Андрееву въ оброчное содержаніе рыбныхъ ловель на р. Пронѣ.

14) 1598 іюня 25. Выпись изъ Рязанскихъ писцовыхъ книгъ 1596 и 1597 г., данная Θεодосіевой пустыни на озерѣ Вельѣ.

15) 1614 генваря 29 (безъ начала). Жалованная тарханная грамота Іосифову Волоколамскому монастырю на его вотчины.

16) 1614 марта 11. Жалованная подтвердительная грамота Добренскому монастырю на село Добренское съ деревнями въ Лихвинскомъ уѣздѣ.

17) 1617 сентября 25. Выпись изъ дозорныхъ книгъ на вотчины Рязанскаго архіепископа.

18) 1618 мая 26. Выпись изъ дозорныхъ книгъ о Тереховскомъ монастырѣ и еѳо вотчинахъ.

19) 1623 мая 4. Жалованная льготная грамота (въ спискѣ) Рязанскому Благовѣщенскому монастырю на вотчины и угодья, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ всякихъ податей и сборовъ.

20) 1630 іюля 5. Выписка изъ Угличскихъ (приправочныхъ) книгъ о помѣстьяхъ Любима Муринова.

21) 1632 апрѣля 14. Жалованная грамота (безъ начала), данная Ананію... на село Ясенево съ пустошами.

22) 1646 ноября 23. Грамота жалованная (вотчинная) Новоспасскому монастырю на деревни и пустоши въ Ярославскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ.

23) 1670 декабря 14. Запись Петра Завороткова, кою онъ прекращаетъ спорное дѣло съ Троицко-Сергіевымъ монастыремъ о сѣнныхъ покосахъ по р. Андомѣ въ Костромскомъ уѣздѣ.

24) 1684 апрѣля 17. Жалованная подтвердительная грамота приписанной къ Николаевскому монастырю Тихоновской пустыни, въ Луховскомъ уѣздѣ, на вотчины и угодья.

25) 1698. Выпись изъ межевыхъ Рязанскихъ книгъ, данная Рязанскому митрополиту Аврамію на дугъ Буяновскій, приписанный къ церкви Іоанна Златоустаго.

Безъ означенія года:

26) Мѣновная вел. кн. Дмитрія Іоанновича, кою уступается Чудову монастырю село Ермолинское въ замѣнъ села Шубачѣвскаго.

27) Правая грамота по спорному дѣлу между архимандритомъ Чудова монастыря Теофаномъ и Вашутою о рыбной ловлѣ въ монастырскомъ озерѣ и рѣчкѣ Вашкѣ.

28) (Царствов. Михаила Θεодор.). Выпись (безъ конца) изъ писцовыхъ книгъ на вотчины князя Алексѣя Юрьевича Сицкаго въ Рязанскомъ уѣздѣ.

Положено: сообщенные священникомъ *Белостыннымъ* акты принять въ собственность комиссіи.

Засѣданіе 16 февраля 1859 г.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Севастьяновъ* представилъ десять фотографическихъ снимковъ съ жалованныхъ грамотъ Аѳонскимъ монастырямъ царями Іоанномъ Васильевичемъ (1571 г. въ мартѣ), Феодоромъ Іоанновичемъ (1575 въ ноябрѣ и 1585 г. декабря 25), Борисомъ Феодоровичемъ (1624 г. апрѣля 30) и Алексѣемъ Михайловичемъ (1652 въ сентябрѣ, 1655 октября 3 и 1658 въ юнѣ), именно восемь съ лицевой стороны этихъ грамотъ и два съ оборота; при чемъ предложилъ сообщать въ комиссію и на будущее время снимки съ тѣхъ актовъ, которые будутъ имъ вновь открываемы на Аѳонѣ, и съ этою цѣлью просилъ, если предложеніе его будетъ принято, снабдить его правилами, какими онъ долженъ руководствоваться для того, чтобы его снимки могли быть помѣщаемы въ изданіяхъ комиссіи.

Положено: изъявить г. Севастьянову благодарность за сообщеніе означенныхъ снимковъ, самые-же снимки списать и помѣстить ихъ содержаніе въ изготавляемомъ правителемъ дѣлъ описаніи актовъ, хранящихся въ археографической комиссіи. Въстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что на Аѳонѣ могутъ быть, безъ сомнѣнія, открыты неизвѣстные доселѣ, относящіеся до Россіи документы какъ на Русскомъ языкѣ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, обратиться съ просьбою къ г. министру народнаго просвѣщенія объ опредѣленіи г. Севастьянова членомъ археографической комиссіи, и затѣмъ снабдить его правилами, какихъ онъ долженъ держаться при изготовленіи снимковъ, которые будутъ имъ доставляемы въ комиссію.

— Читано главнымъ редакторомъ *Куникомъ* слѣдующее предложеніе:

«Профессоръ всеобщей статистики и географіи при Дерптскомъ университетѣ *Ширренъ* сдѣлался извѣстнымъ, въ-теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, разными историческими трудами, напечатанными отдѣльно или въ запискахъ Рижскаго Общества исторіи Остзейскихъ губерній. Съ особенною ревностью занимается онъ объясненіемъ исторической топографіи Лифляндіи и смежныхъ съ ней Литовскихъ и Русскихъ земель, собирая отовсюду источники для этого предмета. Между прочимъ онъ обратилъ особенное вниманіе на хранящееся въ Кенигсбергскомъ тайномъ

архивъ описаніе военныхъ и тайныхъ путей изъ владѣній Тевтонскаго ордена въ Литву. Уступивъ это описаніе и составленный имъ самимъ подробный на него комментарий для собранія Русско-Ливонскихъ актовъ, профессоръ Ширренъ приобрѣлъ особенное право на признательность комиссіи. Въ знакъ этой признательности, я полагаю-бы умиѣстнымъ удостоить г. Ширрена званія корреспондента археографической комиссіи, о чемъ и имѣю честь предложить на благоусмотрѣніе комиссіи».

Положено: просить г. министра народнаго просвѣщенія о оставленіи г. Ширрену, согласно предложенію главнаго редактора Кунка, званія корреспондента археографической комиссіи.

— Читано отношеніе въ комиссію директора Вологодской гимназіи, которымъ онъ извѣщаетъ, что акты, доставленныя коихъ изъ Устьсысольской общественной бібліотеки обращалась къ нему комиссія (на основаніи протокола ея засѣданія 28 мая 1858 г.), по справкѣ оказались принадлежавшими коллежскому ассессору Андрею *Шопову*, но что, за смертію его, они не могли быть найдены въ его бумагахъ.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что онъ окончилъ разсмотрѣніе представленной въ комиссію членомъ ея *Савваитовымъ* коллекціи актовъ, собранныхъ имъ въ Вологодской губерніи. Коллекція эта весьма замѣчательна въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ разнообразныя матеріалы, поясняющіе духовное управленіе въ древней Россіи XVI, XVII и начала XVIII столѣтій, и въ томъ числѣ дѣла, производившіяся въ духовныхъ судахъ. Числомъ ихъ 1315 и всѣ они почти исключительно юридическаго содержанія, почему самыя важныя изъ нихъ отдѣлены для помѣщенія въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи». Имѣя это въ виду, правитель дѣлъ находитъ весьма полезнымъ приобрести всю разсмотрѣнную имъ коллекцію для археографической комиссіи.

Положено: по взаимному соглашенію съ членомъ *Савваитовымъ*, означенныя акты принять въ собственность комиссіи, съ порученіемъ правителю дѣлъ составить имъ опись вмѣстѣ съ другими актами.

— Главный редакторъ *Бычковъ* представилъ двадцать три акта, полученные имъ отъ Н. В. *Варадинова*, для принесенія въ

даръ археографической комиссіи, съ изъясненіемъ, что, по его мнѣнію, въ числѣ ихъ есть документы, заслуживающіе быть напечатанными по заключающимся въ нихъ свѣдѣніямъ, любопытнымъ въ отношеніи юридическомъ, и что г. Варадиновъ предлагаетъ, если сообщаемые имъ акты будутъ признаны полезными, представить еще нѣсколько другихъ, ему принадлежащихъ.

Положено: благодарить г. *Варадинова* и просить о сообщеніи обѣщанныхъ актовъ.

Засѣданіе 3 апрѣля.

Читано прошеніе Московскаго купца В. И. *Киселева*, отъ 14 марта сего года, на имя г. министра народнаго просвѣщенія, о принятіи въ распоряженіе комиссіи, для ея изданій, ста пятидесяти рублей серебромъ. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что его высокопревосходительствомъ уже изъявлена письменно благодарность г. *Киселеву* за его пожертваніе.

— Читана правителемъ дѣлъ инструкція, данная г. министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи предварительнаго обсужденія членовъ комиссіи, дѣйствительному статскому совѣтнику П. И. *Севастьянову*, относительно занятій его на Аѳонской горѣ, въ званіи члена-же комиссіи, слѣдующаго содержанія:

«По случаю отъѣзда вашего превосходительства на Аѳонскую гору, для разысканій и работъ въ тамошнихъ монастыряхъ по части фотографіи, поручаю вамъ имѣть при этомъ въ виду присканіе такихъ матеріаловъ, которые могли-бы быть помѣщены въ изданіяхъ археографической комиссіи. Правила, какими было-бы желательно, чтобы вы при семъ руководствовались, нисколько не отвлекаясь отъ способа, избраннаго вами для снятія снимковъ съ подлинниковъ, суть слѣдующія:

«Археографическая комиссія нуждается преимущественно въ такихъ документахъ, которые относятся до Россіи, начиная съ древнѣйшаго времени по 1700 годъ включительно. Сюда принадлежатъ встрѣчающіяся въ Аѳонскихъ монастыряхъ грамоты, жалованныя имъ Русскими царями, и матеріалы о пріѣздѣ оттуда въ Россію иноковъ, пребываніи ихъ у насъ, содержаніи ихъ и одареніи этихъ обитателей. Но сверхъ-того комиссія могла-бы воспользоваться для своихъ изданій также актами, касающимися до другихъ Славянскихъ земель. Драгоцѣнные образчики ихъ член ы

комиссии видѣли въ числѣ снимковъ вашей коллекціи. Нѣтъ сомнѣнія, что полное, по-возможности, собраніе такихъ матеріаловъ было-бы весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для науки, ибо нѣкоторые изъ принадлежащихъ сюда актовъ восходятъ, какъ извѣстно, къ глубокой древности. Наконецъ, для пополненія изданія актовъ, относящихся до Россіи, на иностранныхъ языкахъ, было-бы также полезно дѣлать снимки и съ документовъ этого рода.

«Такимъ образомъ изъ фотографическихъ снимковъ, которые будутъ изготовлены вами для археографической комиссіи, составятся три коллекціи: а) коллекція собственно Русскихъ актовъ, б) коллекція актовъ, относящихся до другихъ Славянскихъ странъ, и в) коллекція актовъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ. Въ той или другой коллекціи каждый актъ, для удобства дальнѣйшей рассортировки по хронологическому порядку, слѣдуетъ снимать на отдѣльномъ листѣ, съ означеніемъ, вверху или внизу, года и числа, когда подлинникъ составленъ; здѣсь-же или на особомъ листѣ слѣдуетъ отмѣчать, къ лицевой сторонѣ или къ обороту подлиннаго акта относятся снимокъ, какой имѣетъ видъ или форматъ пергаминъ или бумага, на которыхъ онъ писанъ, размѣръ ихъ въ длину и ширину, изъ сколькихъ листовъ подлинникъ состоитъ и сверхъ-того, въ-отношеніи къ актамъ, писаннымъ на бумагѣ, какіе знаки въ этой послѣдней.

«Хотя фотографіей подлинныя рукописи передаются съ совершенною точностью, тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе: 1) различіе между ними, смотря по тому, писаны-ли онѣ на пергаминѣ или на бумагѣ, и неодинаковый видъ, въ какомъ подлинная рукопись сохранилась; 2) встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ актахъ заставки, фигуры и буквы, писанныя притомъ иногда съ употребленіемъ красокъ и золота; 3) находящіяся при актахъ различнаго состава, цвѣта и формы печати и шнуры,—необходимо всѣ эти принадлежности каждого акта изъяснять отчетливо въ особомъ къ нему описаніи. Описаніе это должно быть утверждено вашею подписью.

«Въ-заключеніе, принимая живое участіе въ той части вашего предпріятія, которое касается непосредственно археографической комиссіи, я нахожу неизлишнимъ прибавить, чтобы вы сообщали оной объ успѣхѣ вашихъ занятій, по мѣрѣ дѣлаемыхъ вами открытій».

—Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что получены вновь отъ священника *Белюстина* акты слѣдующаго содержанія:

1) Около 1445 г. Жалованная грамота вел. князя Дмитрія Юрьевича, о предоставленіи Чудову монастырю исключительнаго владѣнія рыбными ловлями въ рѣкѣ Великой Шерѣ.

2) 1473 г. Жалованная грамота вел. князя Іоанна Васильевича Троицко-Сергіеву монастырю, объ освобожденіи живущихъ въ селѣ Кучкѣ съ деревнею, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, людей отъ дани и пошлинъ, о неподсудимости ихъ Юрьевскимъ намѣстникамъ и тиунамъ, о запрещеніи ѣздокамъ у нихъ ставиться и проч.

3) 1517 августа 20. Мѣновая князя Юрья Ивановича съ Калязинскимъ монастыремъ.

4) 1521 марта 2. Розъѣзжая на спорную деревню Усову, присужденную во владѣніе Чудову монастырю.

5) 1526 октября 12. Жалованная грамота князя Юрья Ивановича Макаріеву Калязинскому монастырю на два поля и на починокъ Крутицу.

6) 1529 марта 21. Мѣновая князя Юрья Ивановича съ Отрочимъ монастыремъ на земли въ Кашинскомъ уѣздѣ.

8) 1540 февраля 2. Грамота объ отдачѣ Никольскому монастырю, на устьѣ Двины, въ Корѣльскомъ уѣздѣ, на оброкъ Кудма озера съ пожнями.

8) 1555 мая 7. Правая грамота о спорной землѣ Рязанскихъ посадскихъ людей съ архіепископскими крестьянами.

9) 1556 августа 10. Розъѣзжая на спорныя земли Чудова и Угрешскаго монастырей.

10) 1557 сентября 3. Розъѣзжая земель Тверскаго архіепископа и Троицко-Сергіева монастыря.

11) 1560. Купчая на деревню Неѣлову, въ Кашинскомъ уѣздѣ, проданную Васильемъ и Михайломъ Борисовыми Макаріеву Калязинскому монастырю.

12) 1564 декабря 2. Грамота Радонежскому и Пердобашскому прикащикамъ, о невзиманіи подводъ съ крестьянъ Троицко-Сергіева монастыря.

13) 1582 г. Запись Казарина Херова, о вкладѣ ииъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь 300 руб., за которую сумму уступлено ему въ пожизненное владѣніе сельцо Сергѣйково съ деревнями.

14) 1616 октября 27. Списокъ (безъ начала) съ жалованной грамоты Тверскому Желтикову монастырю на вотчины.

15) 1617 іюля 30. Жалованная тарханная грамота Старицкому Успенскому монастырю на вотчины въ Старицкомъ и Тверскомъ уѣздахъ.

16) 1620 марта 15. Грамота архіепископа Суздальскаго Арсенія духовному причту церкви Рождества Богородицы на половину села Весокъ съ деревнями.

17) 1623 іюня 26. Грамота Переяславль-Рязанскому воеводѣ Ивану Головину, объ отводѣ Рязанскому Спасскому монастырю дворовыхъ мѣстъ въ новомъ острогѣ.

18) 1626 августа 14. Правая грамота, данная Московскому Златоустовскому монастырю, по спорному дѣлу съ Коломенскимъ епископомъ Рафаиломъ о землѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ.

19) 1640 г. декабря. Жалованная грамота Симонову монастырю на слободку Судогду съ деревнями, во Владимірскомъ уѣздѣ.

20) 1671 января 13. Жалованная грамота патріарху Московскому Іоасафу на рыбныя ловли въ озерѣ Селигерѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ.

21) 1678 ноября 26. Жалованная грамота Тверскому Аванасьевскому дѣвичью монастырю, что въ Твери, на вотчины въ Тверскомъ уѣздѣ.

Положено: изъявить благодарность священнику *Белюстину* за сообщенные имъ акты, которые и принять въ собственность комиссіи.

— Читаны отношенія г. министра юстиціи къ г. министру народнаго просвѣщенія: 1-е — отъ 8 марта 1859 г., въ коемъ онъ увѣдомляетъ о данномъ имъ предписаніи директору Московскаго архива министерства юстиціи, касательно высылки въ археографическую комиссію старинныхъ книгъ Алатырскаго уѣзднаго суда, значащихся по описи, составленной онымъ въ упомянутомъ архивѣ, подъ №№ 6, 7, 8, 9, 10, 12, 16, 17, 19, и 23; 2-е — отъ 17 марта того же года, о сдѣланномъ имъ предписаніи г. директору того же архива, касательно высылки въ археографическую комиссію подлинныхъ документовъ, найденныхъ въ Курмышскомъ уѣздномъ судѣ; 3-е — отъ того же мѣсяца и числа, съ приложеніемъ описи документамъ, найденнымъ въ Корсунскомъ уѣздномъ судѣ.

Положено: первая два отношенія принять къ свѣдѣнію; описе же документамъ Корсунскаго уѣзднаго суда разсмотрѣть правителю дѣлъ, для отмѣтки тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ имѣть мѣсто въ изданіяхъ комиссіи.

— Читано отношеніе въ археографическую комиссію директора Московскаго архива министерства юстиціи, отъ 23 марта 1859 г., о препровожденіи имъ въ комиссію, изъ числа книгъ и дѣлъ, присланныхъ изъ Алатырскаго уѣзднаго суда, для храненія въ означенномъ архивѣ, документовъ подъ №№ 6, 7, 8, 9, 10, 12, 16, 17, 19 и 23.

Положено: рассмотреть главному редактору *Калачову* присланные г. *Ивановымъ* документы и съ тѣхъ изъ нихъ, которые онъ признаетъ удобнымъ помѣстить въ изданіяхъ комиссіи, сдѣлать снимки; по минованіи-же въ нихъ надобности, возвратить оныя по принадлежности.

Засѣданіе 22 мая.

Читавы: 1) отношеніе г. министра юстиціи на имя г. министра народнаго просвѣщенія отъ 29 апрѣля 1859 г., въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что, по донесенію, полученному имъ отъ директора Московскаго архива министерства юстиціи, акты, переданные въ сей архивъ изъ Курмышскаго уѣзднаго суда, препровождены имъ, г. директоромъ, 9 апрѣля сего-же года, при особой описи, въ археографическую комиссію, и 2) отношеніе въ археографическую комиссію директора Московскаго архива министерства юстиціи, дѣйств. ст. сов. *Иванова*, отъ 9 апрѣля 1859 г., съ препровожденіемъ, при особой описи, означенныхъ документовъ Курмышскаго уѣзднаго суда.

Положено: отношенія принять къ свѣдѣнію, опись-же документамъ Курмышскаго уѣзднаго суда и самыя акты передать правителю дѣлъ для переписки тѣхъ изъ сихъ актовъ, которые онъ признаетъ нужнымъ помѣстить въ «Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ» и въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи».

— Читано отношеніе корреспондента *Надежина* съ представленіемъ имъ въ распоряженіе комиссіи трехъ слѣдующихъ рукописей: 1) «Кринець»; 2) «Основательное разностей показаніе между православною Греческою и Римскою папскою церковію, сочиненное въ самой краткости, 1741 г. сентября», и 3) «Житіе игумена Кирилла Бѣлаго Новоезерскаго новаго чудотворца».

Положено: первыя двѣ рукописи передать члену П. И. *Савитову*, а третью члену А. Ѳ. *Бычкову*, для представленія о

нихъ отчета въ слѣдующія засѣданія комиссіи; г-ну же Надежину изъяснить благодарность за присланныя имъ рукописи.

— Читано отношеніе на имя археографической комиссіи профессора Дерптскаго университета *Ширрена*, въ коемъ онъ изъясняетъ благодарность за назначеніе его корреспондентомъ комиссіи и сообщаетъ о своей готовности содѣйствовать ея ученымъ дѣламъ.

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія членовъ, что въ письмѣ къ нему члена комиссіи князя М. А. *Оболенскаго*, отъ 4 апрѣля 1859 г., находятся указанія на нѣкоторыя изданія, въ коиъ между прочимъ помѣщены акты историческаго и юридическаго содержанія, относящіяся до Россіи; почему онъ считаетъ не бесполезнымъ имѣть въ виду сіи указанія при пополненіи составляемаго комиссіей реестра книгамъ и изданіямъ, содержащимъ въ себѣ акты, относящіяся до Русской исторіи и права.

Отредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе 24 іюля.

Читанъ правителемъ дѣлъ докладъ г. предсѣдателя о дѣйствіяхъ археографической комиссіи со времени отъѣзда его въ сокопревосходительства за границу въ маѣ 1858 по іюль мѣсяць 1859 г., при чемъ представлены имъ отпечатанные листы приводимыхъ къ окончанію: 1) VIII тома «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 2) VII т. «Дополненій къ актамъ историческимъ», 3) I т. «Писцовыхъ книгъ» и 4) «Русско-Ливонскихъ актовъ».

Положено: докладъ правителя дѣлъ хранить при дѣлахъ комиссіи.

— Читано правителемъ дѣлъ составленное имъ предисловіе ко 2-му изданію сочиненія Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

Положено: Имѣя въ виду, что въ настоящемъ предисловіи г. *Калачовъ* предполагаетъ ограничиться главнымъ образомъ извлеченіемъ изъ матеріаловъ, относящихся до самого Котошихина, въ чемъ согласенъ съ нимъ и г. предсѣдатель и прочіе члены, обратиться къ посланнику Россійскаго Императорскаго Двора въ Швецію объ исходатайствованіи у Шведскаго правительства высылки въ комиссію сдѣланнаго Баркгузеномъ перевода сочиненія

Котошихина, (который, какъ извѣстно, хранится въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ,) гдѣ въ предисловіи помѣщены біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, писанныя частію имъ самимъ, частію-же переводчикомъ.

— Читано слѣдующее донесеніе главнаго редактора *Кунника*:

«Имѣю честь довести до свѣдѣнія археографической комиссіи, что разрядъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ неожиданно дополняется новыми источниками того-же рода. Мнѣ уже давно было извѣстно, что Шведское правительство, въ періодъ съ 1618 по 1700 г., заботилось о приведеніи въ извѣстность внутренняго состоянія Ингерманландіи изи древней Ижорской земли, отторгнутой отъ Россіи во время Самозванцевъ; но только въ послѣднее время мнѣ удалось получить достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи писцовыхъ книгъ Ижорской земли на Шведскомъ языкѣ. Въ моихъ рукахъ теперь находятся:

«1) *Ingermanlandsboken pro 1618—1623*, т.-е. перепись податныхъ сословій Ижорской земли съ 1618 по 1623 годъ. Изъ этого сборника, къ-сожалѣнію, сохранилась одна только IV-я часть, обнимающая округи (*Län*) городовъ Копорья, Ями и Ивангорода. Подлинникъ этой части я недавно получилъ изъ архива Шведской камеръ-коллегіи.

«2) Нѣсколько томовъ (огромнаго формата) такъ-называемой *Kartaebok* или подробнаго атласа Ингерманландіи, съ объяснительнымъ текстомъ. Карты эти составлены около 1676 г. Шведскими землемѣрами и выданы были нашему правительству, на основаніи Ништадскаго мира, только въ 1825 году. Теперь весь атласъ находится въ архивѣ военно-топографическаго депо департамента генеральнаго штаба.

«3) Указатель къ писцовой книгѣ Ижорской земли, 1696 года.

«Кромѣ-того мнѣ извѣстно, что въ архивѣ Шведской камеръ-коллегіи находится еще подобная-же писцовая книга 1699 года.

«Представляя при семъ 2 тома изъ этихъ различныхъ сборниковъ, служащихъ не только дополненіемъ, но и объясненіемъ древнихъ писцовыхъ книгъ Вотской пятины, я вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ-бы, чтобы археографическая комиссія приняла нужныя мѣры къ перепискѣ и изданію этихъ драгоценныхъ оффиціальныхъ матеріаловъ на Шведскомъ языкѣ, съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ на Русскомъ».

Положено: поручить главному редактору *Куннику* приступить

немедленно къ напечатанію писцовой книги Ижорской земли, 1618—1623 г.

— Членъ *Галанинъ* представилъ «Реестръ изданіямъ, въ коихъ заключаются акты, относящіеся до Россіи», дополненный имъ на основаніи указаній, полученныхъ отъ членовъ комиссіи.

Положено: напечатать, согласно прежнему предположенію комиссіи, 150 экземпляровъ этого реестра и, переплести ихъ бѣлыми прошивными листами, разослать лицамъ, извѣстнымъ своими библиографическими трудами.

— Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія г. предсѣдателя и членовъ, что 24 декабря сего 1859 года минетъ 25 лѣтъ существованію археографической комиссіи, учрежденной 24 декабря 1834 года, въ подтвержденіе чего прочталь указъ правительствующаго сената 26 марта 1837 г., при коемъ приложены Высочайше утвержденныя 18 февраля того-же года правила для руководства комиссіи.

Положено: представить о семъ г. министру народнаго просвѣщенія и просить его разрѣшенія почтить означенный день (24 декабря 1859 г.) публичнымъ собраніемъ, съ тѣмъ, чтобы представить въ ономъ полный отчетъ о дѣйствіяхъ археографической комиссіи въ минувшее двадцатипятилѣтіе и къ тому-же сроку выпустить въ свѣтъ всѣ печатаемые нынѣ томы разныхъ изданій комиссіи.

Засѣданіе 2 октября.

Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія гг. предсѣдателя и членовъ, что г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждено предположеніе комиссіи почтить 24 число декабря 1859 года, въ которое совершится 25 лѣтъ существованію археографической комиссіи, публичнымъ собраніемъ, и что имъ разрѣшено представить въ ономъ полный отчетъ о дѣйствіяхъ комиссіи за истекшій срокъ, съ выпускомъ къ тому-же времени въ свѣтъ всѣхъ печатаемыхъ нынѣ изданій комиссіи. Вслѣдствіе сего правителемъ дѣлъ предъявленъ планъ предполагаемаго отчета, который долженъ быть прочитанъ въ собраніи 24 декабря.

Положено: составить означенный отчетъ, согласно плану, представленному правителемъ дѣлъ.

— Читано отношеніе посланника Россійскаго Императорскаго

двора въ Швеціи на имя г. предсѣдателя, о препровожденіи имъ въ археографическую комиссію принадлежащаго Стокгольмскому государственному архиву Шведскаго перевода сочиненія Котошихина, сдѣланнаго Баркгузенемъ, — причѣмъ правитель дѣлъ представилъ и означенную рукопись.

Положено: предисловіе перевода Баркгузена, заключающее въ себѣ прошеніе Котошихина къ Шведскому королю и свѣдѣнія переводчика о самомъ авторѣ, помѣстить въ текстѣ предисловія ко 2-му изданію сочиненія Котошихина въ переводѣ, а подъ чертою текста въ подлинникѣ.

— Читано главнымъ редакторомъ *Куникомъ* слѣдующее заявленіе:

«Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія археографической комиссіи, что недавно мнѣ посчастливилось сдѣлать находку по части Русской исторіи XIII вѣка. Желая окончательно рѣшить вопросъ о такъ-называемыхъ двухъ редакціяхъ договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича 1229 года, я вытребовалъ изъ архива Рижскаго магистрата всѣ до насъ дошедшіе списки этого акта. Ихъ прислано было 6. Предоставляя себѣ дать объ нихъ отчетъ впослѣдствіи, я пока извѣщаю комиссію, что изъ числа этихъ 6 списковъ одинъ оказался особою до-сихъ-поръ неизвѣстною Русскою грамотою, данною какимъ-то Смоленскимъ княземъ. По своему содержанію, эта грамота есть торговый договоръ Смоленскаго князя съ Ригею и Готландіею, заключенный между 1230 и 1250 годами. Вотъ почти единственное мѣсто, указывающее на генеалогическое родство князя, даващаго эту грамоту, съ другими Смоленскими князьями:

«Како боудѣтъ Немьцьскыи гѣсть Смоленськѣ, а почнѣтъ ся «кто отъ нихъ просити вьнуюю землю, то како то было при моемъ «отци при Мьстиславѣ при Романовици и при моемъ братѣ при «Мьстиславѣ».

«Подробный разборъ этого мѣста я отлагаю до печатанія при-
бавленій къ Русско-Ливонскимъ актамъ».

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Читано главнымъ редакторомъ А. Θ. *Быковымъ* слѣдующее донесеніе о рукописномъ житіи Кирилла Новозерскаго, принесенномъ въ даръ археографической комиссіи корреспондентомъ ея Надежинимъ:

«Переданная мнѣ на разсмотрѣніе рукопись, которую принесъ въ даръ археографической комиссіи г. Надежинъ, содер-

жить въ себѣ «Житіе и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Кирилла Бѣлаго Новозерскаго новаго чудотворца» и писана скорописью, въ концѣ прошедшаго столѣтія, на 49 листахъ, въ 4-ю д. л. На первыхъ девяти листахъ находится внизу подпись: «книга преподобнаго Кирилла Новозерскаго чудотворца, подписалъ игумень Лука», а на оборотной сторонѣ послѣдняго листа, также внизу, вкладная: «сію книгу положилъ въ обитель Кирилла Новозерскаго чудотворца, по обѣщанію, церкви Покрова Богородицы, что въ Мандрѣ, священникъ Козма Семеновъ, 1782 года марта 17 дня». Житіе начинается слѣдующими словами: «Единородный сынъ Слово Божіе, собезначальный и соприисусущный Отцу и соестественный неизреченнымъ своимъ челоуѣколюбіемъ, благоволеніемъ отчимъ и дѣйствіемъ святаго духа воплотися и вочелоуѣчися отъ пречистыя Богородицы Маріи.....»

Имя составителя житія неизвѣстно, хотя въ введеніи къ нему онъ о себѣ упомянулъ: «.... повелѣвъ бывъ сего святаго отца житіе списати на общую пользу». Настоящій списокъ житія св. Кирилла Новозерскаго отличается отъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ описаніе чуда (исцѣленіе Бориса Сергѣева Фрягина, одержимаго нечистыми духами), которое совершилось въ 1754 году и котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ.

«Вообще — повторю уже всѣмъ извѣстное—рукописныя житія Русскихъ святыхъ представляютъ разнообразный и очень важный матеріалъ для нашей исторіи: они, сверхъ разбросанныхъ въ нихъ народныхъ преданій, повѣрій и обычаевъ, которые въ настоящее время уже исчезли или постепенно исчезаютъ, сверхъ біографическихъ и хронологическихъ данныхъ для жизнеописаній святыхъ, иногда заключаютъ въ себѣ такіе историческіе факты которыхъ мы не находимъ въ лѣтописяхъ. Хотя въ недавнее время г. *Муравьевъ* и напечаталъ по рукописямъ житія святыхъ Російской церкви, но трудъ его по многимъ причинамъ не удовлетворяетъ ученымъ требованіямъ, между прочимъ и потому, что весьма многія черты, драгоцѣнныя для историка, или изложены имъ съ исключительной точки зрѣнія, или даже совершенно опущены (*).

(*) Такъ напр. при описаніи житія преподобнаго Геннадія Костромскаго и Любимградскаго чудотворца (въ Обзорѣ Русс. духов. литературы преосв. Филарета, архіепис. Харьковскаго, онъ именуется Геннадіемъ Любомірскимъ) г. Муравьевъ не помѣстилъ слѣдующаго характеристическаго мѣста изъ сказанія игумена Спасо-Геннадіевскаго монастыря Алексѣя, которое въ

«Разсмотрѣнное мною житіе, съ точки зрѣнія историческаго матеріала, представляетъ слѣдующія данныя:

«Св. Кириллѣ Новозерскій родился въ Галичѣ, въ 1466 (6974) году; прибылъ въ Вологодскій Корниліевъ Комельскій монастырь и воспріялъ мнишескій образъ въ 1481 (6989) году; оставилъ Корниліевъ монастырь въ 1497 (7005) году; послѣ 20-лѣтняго скитальчества пришелъ на Красный островъ, на Новомъ озерѣ, 4 марта 1517 (въ рукописи по ошибкѣ 7085 вмѣсто 7025), и здѣсь въ 1518 (переписчикъ ошибочно написалъ вмѣсто 7026—7086) году соорудилъ двѣ деревянныя церкви: во имя Воскресенія Христова и во имя пресвятыя Богородицы Одигитріи; преставился 4 февраля 1537 (7045) года (*). 7 ноября 1648 (7157) года (**), при копаніи рва для новой церкви, обрѣтены его мощи нетлѣнными, которыя царь Алексѣй Михайловичъ, по докладу о томъ боярина Морозова, повелѣлъ освидѣтельствовать Вологодскому и Великопермскому архіепископу Маркеллу; 22 августа 1652 (7160) года мощи были перенесены изъ ветхой деревянной церкви въ новую каменную, построенную на иждивеніе Морозова, а 11 сентября 1722-года переложены въ новую кипарисную раку.

«Передъ блаженною своею кончиною св. Кириллѣ произнесъ слѣдующее предсказаніе, перешедшее потомъ изъ житія угодника Божія во многіе сборники: «Братіе мои и отцы! се убо время мятежъ въ людяхъ будетъ, будетъ бо бѣда велія на земли нашей и гнѣвъ велій на людехъ, и падутъ отъ острей меча, и плѣнены будутъ отъ языкъ, и трусы, и глади и моры будутъ велиціи, яко же яви

спискахъ первой редакціи сочиненнаго имъ житія преп. Геннадія предшествуетъ житію: «. . . . яко дымъ прогоняетъ пчелы, такъ и пьянство Святаго Духа отгоняетъ отъ челоуѣковъ; сей же преподобный авва Геннадіе чюжалася пьянства. Нѣцы братія наша любятъ пьянство, яко же и азъ. ѿ ни же игумены малыхъ обителей желаютъ в великия обители на игуменство. Яко како в день ярости господня не ползуетъ челоуѣка многое имѣние, тако же и насъ не ползуетъ в великихъ обителяхъ игуменити: ему же дано много и много ся и възыщеть. Миѣ глаголаъ самодержецъ великоросійскій православный царь і великій князь Иванъ Васильевичъ: «Живи ты, игумень, да имѣй расходъ по приходу; аще ли не по приходу расходъ, и ты ска-терти урѣжь». Кромѣ житія, игумень Алексѣй сочинилъ и канонъ препод. Геннадію.

(*) Въ слѣдованной псалтыри годъ кончины св. Кирилла показанъ 1532 (7040); этотъ-же годъ принять и г. Муравьевымъ.

(**) Въ исторіи Росс. іерархіи т. IV, стр. 514 и у г. Муравьева годъ обрѣтенія мощей показанъ ошибочно 1649-й.

миѣ Господь». И тогда ко блаженному приступи ученикъ его, именемъ Діонисій, начать вопрошати преподобнаго, глаголя: потомъ, отче, что будетъ? Онъ же рече ему: абіе видѣхъ на престолѣ царя сѣдяща и предъ нимъ стояща два отрока храбра зело и умилена, имуща на главахъ вѣнцы царскія, и вда имъ Господь оружія на противныя враги и побѣждени будутъ врази ихъ, и поклонятся ему вси языцы, и будетъ царство наше умирено Богомъ и устроено; вы же, отцы и братія, молитесь со слезами Господу Богу и пречистѣй его Богоматери о державѣ царства Россійскія земли». Въ царствованіе Іоанна IV Васильевича обвалилась одна изъ дворцовыхъ палатъ, которую царь имѣлъ обычай ежедневно посѣщать, при чемъ весьма много людей лишилось жизни. Вслѣдствіе этого происшествія былъ вызванъ, по повелѣнію царскому, въ Москву Новозерскій игуменъ, которому, при его отпускѣ, Іоаннъ IV даровалъ церковную утварь, 1,000 рублей на монастырское строеніе и сверхъ-того повелѣлъ придать къ давнію своего отца, пожаловавшаго на прокормленіе братіи двѣ деревни Кобылино и Шведнево, во всѣ стороны отъ означенныхъ деревень по три версты всякихъ угодій въ вотчину. Царская жалованная грамота на эту землю хранилась въ монастырѣ въ то время, когда было составлено житіе. Въ это-же царствованіе свирѣпствовала повсюду въ Россіи болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ *жельмы*, а въ 1581 (7089) году народъ сильно страдалъ отъ злаго кашля.

«Въ 1648 (7156) году былъ мятежъ въ Москвѣ и возстаніе на боярина Бориса Морозова, который бѣжалъ изъ столицы и укрылся въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; отсюда онъ посѣтилъ Новозерскую обитель и при этомъ посѣщеніи далъ обѣщаніе создать въ ней каменную церковь, «аще бы его Господь молитвами угодника своего безвредна и цѣлоздравственно сподобилъ видѣти домъ свой и получити первый свой чинъ».

«Наконецъ, въ наставленіи, данномъ св. Кирилломъ въ 1620 (7128) году женѣ священника селенія Кема Антонинѣ, во время ея сна, есть нѣсколько указаній на обычай и образъ жизни Русскихъ въ началѣ XVII-го вѣка: «Чадол! не вели мужу твоему въ церковь четверобрачникомъ и трожепловъ мужеска полу ни женска пущати, или аще кто съ кѣмъ проу имѣетъ и не простася да не внидетъ въ церковь. Видиши ли Божіе посѣщеніе и наказаніе елико Богъ наказуетъ міръ сей многими казнями, ово находженіемъ рати иноплеменныхъ, ово же голодомъ, иногда же моромъ че-

ловѣческаго ради невоздержанія, понеже праздники Божія презирають, среды и пятки не постанутъ и Воскресеніе Христово не почитаютъ, живутъ скотски, аки свини въ калѣ валяются».

По прочтеніи сего донесенія, г. предсѣдателемъ была заявлена мысль, что онъ признаетъ весьма полезнымъ имѣть въ археографической комиссіи собраніе житій святыхъ, какъ въ древнихъ рукописяхъ, такъ и въ спискахъ, съ тою цѣлю, чтобы они могли служить пособіемъ при изданіи лѣтописей и даже актовъ, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ значеніе и самостоятельнаго матеріала для занимающихся отечественными древностями. Съ своей стороны А. Θ. Бычковъ предложилъ представлять комиссіи отъ времени до времени отчеты о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему въ рукописяхъ «Житіяхъ святыхъ».

Положено: донесеніе А. Θ. Быčkova о житіи Кирилла Новозерскаго помѣстить въ протоколѣ сего засѣданія и такимъ-же образомъ печатать и на будущее время отчеты о тѣхъ житіяхъ, которыя онъ будетъ представлять въ засѣданія; согласно-же предложенію г. предсѣдателя, озаботиться членамъ составленіемъ перечня тѣмъ житіямъ, которыя имъ извѣстны въ рукописяхъ, для того, чтобы поручить сдѣлать съ нихъ списки.

— Читано членомъ П. И. Савваитовымъ слѣдующее донесеніе о рукописи, принесенной въ даръ комиссіи корреспондентомъ ея *Надежинымъ*, подъ заглавіемъ: «Книга, глаголемая Кринецъ, еже есть Цвѣтецъ. Начертаніе отъ различныхъ книгъ снискателно отъ глубочайшаго сокровеннаго разума богомудрыхъ отецъ». Содержаніе этой рукописи (въ 4-ку, л. 1—142) слѣдующее:

«Л. 1—19 об. отвѣты на различные вопросы, сперва духовнаго содержанія, напр. *Вопр.* 1: что въ богословіи заповѣдаетъ исповѣдывати, а не пытати? *Вопр.* 2: како правомудрствовати въ вѣрѣ, еже бы не впасти въ ересь? *Вопр.* 3: како сокрыто есть Божество въ челоуѣчествѣ? *Вопр.* 8: что свѣтъ первый, что второй? *Вопр.* 9: ровни ли суть небесни чини приближеніемъ и просвѣщеніемъ, и гласомъ ли поють или предстояніемъ? *Вопр.* 11: кій есть составъ существа ангельскаго? *Вопр.* 14: что у херувима верхніе крилѣ статы, нижніе статы, средніе же простерты? *Вопр.* 19: колико небесъ есть? Съ этого вопроса начинается изслѣдованіе о предметахъ видимой природы: о небѣ, планетахъ, поясахъ планетныхъ, о облацѣхъ, о росѣ, инѣ, градѣ и голоти, о стихіяхъ міра, о молніи и громѣ, о вѣтрехъ и о трусѣ земнѣмъ, о столпѣхъ яже проходятъ

по воздуху, о знаменіяхъ небесныхъ, о гибели солнца, о гибели луны, о звѣздѣ-комитѣ, о денницахъ, о вѣдѣхъ седмичныхъ. Вслѣдъ за этимъ разрѣшаются вопросы (27—31): чѣмъ ангеломъ чловѣкъ равенъ, чѣмъ болши, чѣмъ менши? который въ чловѣкѣ тричный образъ? колючастна душа и колико ея чюствъ различіе? что зрительное, что дѣятельное и что истинное философіе? что ты, что тебе, что отъ тебе? Изъясненіемъ словъ «покрывая водами превыспрѣнняя его» оканчивается это отдѣленіе.

«Л. 19 об.—31 об. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго слово о вочловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа. *Нач.* Воистинну намъ явися Христова благодать и просія намъ благочестія сила.

«Л. 31 об.—35. Сказаніе о вѣрѣ и о благочестіи святаго Анастасія, патриарха Александрѣскаго. Въ вопросахъ и отвѣтахъ.

«Л. 35—38 об. Толкованіе молитвы Господней «Отче нашъ».

«Л. 39—42 об. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, сказаніе како предувѣде Богъ, яко Адаму преступити заповѣди. *Нач.* Мнози глаголють, не увѣде ли Богъ, яко согрѣшитъ Адамъ; азъ же глаголю, яко не токмо предвѣдаше, но и по преступленіи яко воздвигнетъ его Господь смотрѣніемъ.

«Л. 42 об.—44 об. О преступленіи Адамовѣ и о измѣненіи твари, яко суетъ тварь не волею повинуся. *Нач.* Егда убо Адамъ преступи заповѣдь Божию, паде паденіемъ велимъ.

«Л. 44 об.—45 об. О души Адама, како отъ Бога создася. *Нач.* Нѣцѣи же рѣша безумнѣ.

«Л. 45 об.—56. О чловѣчестѣмъ строеніи, что есть чловѣкъ. *Нач.* Вильшннн глаголють: чловѣкъ есть животно словесно, мертвоно, ума и художества пріятно.... *мы же* не отъ онѣхъ уставъ да полагаемъ.

«Л. 56—59. О основаніи добродѣтельномъ. *Нач.* Аще кто назидаетъ на основаніи семьъ злато, сребро, каменіе честно и проч. (1 Кор. 3 глава, бесѣда 9) съ толкованіемъ.

«Л. 59—62 об. О раздѣленіи чина и устава Божія рая и ко глаголющимъ, яко рай не чюственъ мящесе быти составленъ. *Нач.* Рече божественный Еоремъ... л. 61. Божественный бо Иринеи Лугдонскій...

«Л. 62 об.—64 об. О зачатіи и составленіи тѣлесъ младенческихъ во утробѣхъ женскихъ, и како растеть и питается и оживляется. Отвѣты на три слѣдующіе вопроса: како тѣлеса младенецъ состав-

ляются въ женахъ и оживляются? Како ны разумѣти: почему ражаются младенцы ово мужескъ полъ, ово женескъ, а истечение отъ мужа всегда одинако, такоже и цвѣтъ отъ жены одинакъ, а родство младенцемъ разво? что ради ражаются человекы неравни — инии велицы, инии менши, а инии и тѣхъ менши, а инии висоцы, а инии толсти?

«Л. 64 об.—66. О возрастѣхъ и средовѣчии временъ человѣческихъ. Описывается восемь седмиць (седмилѣтій) возрастѣ человекаго.

«Л. 66—68. О душевномъ тричастіи, преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина. *Нач.* Душа раздѣляется на словесное и яростное и похотное. Тутъ-же «о чюствахъ душевныхъ и тѣлесныхъ».

«Л. 64—84 об. Уставъ человекескаго существа. Здѣсь, между прочимъ, разсуждается о разумѣ и о крѣпости, въ коемъ мѣстѣ лежитъ у человека; о питіи; о самовластіи человекестѣмъ; о нравѣхъ человекескихъ и о возрастѣхъ; о разсужденіи вещей и т. п.

«Л. 85—89 об. О церкви Софіи Премудрости Божіи въ Царѣградѣ. *Нач.* Царь Устиніанъ великій сей созда церковь, храмъ Бога нашего—небо нижнее мню.

«Л. 89 об.—90 об. Повѣсть о созданіи церкви святыа Сооея Премудрости Божіи, иже въ Великомъ Новѣградѣ. *Нач.* Благовѣрный в. кн. Ярославъ и сынъ его в. кн. Владиміръ Ярославичъ поставиша церковь св. Союю.

«Л. 90 об.—92 об. О чюдномъ видѣніи Спасова образа, како явися благовѣрному царю Греческому Мануилу, еже написа своею рукою. Извѣстное сказаніе о Димитріи Ласкиревѣ.

«Л. 93—102 об. О поставленіи Дохіарскаго монастыря. Чюдо о отроцы, еже содѣяся сентября въ 6 день. Св. Четъ-Мин. подъ 6 числомъ сентября, и Барскаго ч. II, стр. 692 и 683.

«Л. 102 об.—106 об. О Ватопедскомъ монастырѣ, иже во Святѣй горѣ. *Нач.* Нѣкій купецъ въ кораблѣхъ ходя, случися ему пристати край моря въ рѣку малу воды для пресныа.

«Л. 106 об.—107 об. Воздаяніе грѣшникомъ противъ дѣломъ ихъ.

«Л. 107 об.—112. Слово Іоанна Златоустаго о еже како челять имѣти. *Нач.* Аще кто отъ васъ, братіе, имать рабы и рабыни, да учите я.

«Л. 112 - 118. Поученіе святаго Василия Великаго къ лѣннвымъ и не хотящимъ дѣлати своимъ руками, и похвала къ дѣлателемъ ко всѣмъ добрымъ. *Нач.* Не хотѣвшу ми, братіе, о сихъ глаголати

къ вамъ, но боюся рекъшаго, якоже рече: убужайте спящія и на дѣло понужайте лѣнныя.

«Л. 118—123. Слово о женѣ, коже обрѣте блаженный отецъ Маркъ во китровѣ морскомъ съ сыномъ своимъ. *Нач.* Блаженный отецъ нашъ Марко черноризецъ повѣдаше.

«Л. 123—125. Слово Іоанна Златоустаго о гордыни. *Нач.* Яко же бо садъ не потребляемъ отъ хвастія не можетъ расти, тако и человекъ гордъ не можетъ спастися, аще не смиреніемъ гордость потребить.

«Л. 125—127 об. Слово Іоанна Златоустаго о Іудѣ. *Нач.* Уже помыслите, братіе, донелѣже живи есмы, како страхъ имамы пріяти въ день судный.

«Л. 127 об.—131 об. Слово о нѣкоемъ воинѣ, именемъ Пракъсіотѣ, воскресшемъ изъ мертвыхъ. *Нач.* Не умолчу бывшія благодати Божія на родѣ человеческомъ.

«Л. 131 об.—134 об. Поученіе къ царемъ и къ княземъ, къ епископомъ и попомъ и ко всѣмъ христіаномъ, еже не упиватися. Русское сочиненіе—отличное по простотѣ и искренности убѣжденія. *Нач.* Благословеніе отца духовного о Господѣ къ дѣтемъ. О чада! вѣдите иже ми далъ есть Богъ талантъ, егоже хощеть отъ мене и истязати.

«Л. 134 об.—137 об. Слово Іоанна Златоустаго, яко подобаетъ оставити дѣло и ити къ церкви христіаномъ, егда время приспѣеть. *Нач.* О семъ убо, друзи и братія, глаголю вамъ азъ, яко день отъ дне богъ собиратися людемъ въ церковь.

«Л. 137 об.—140 об. Братъ вопроса отца Нила—о помыслахъ въ сердцѣ.

«Л. 140 об.—142 об. О воспоминаніи смерти и ненавидѣти міра и яже въ мірѣ. *Нач.* Братіе и отцы! коль добро поученіе, коль на пользу воспоминаніе, во еже подвизатися и бдѣти намъ.

«Л. 142 об. Отъ старчества. Краткія поучительныя изреченія.

«Какъ содержаніе, такъ и самое заглавіе разсматриваемой рукописи показываетъ, что она принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ Цвѣтниковъ, или сборниковъ, составленныхъ преимущественно изъ статей духовно-нравственнаго содержанія. Такіе сборники распространены въ великомъ множествѣ между извѣстнымъ классомъ народа и хранятся имъ съ особеннымъ уваженіемъ. Они разныхъ редакцій; помѣщаемыя въ нихъ статьи не всегда принадлежатъ дѣйствительно тѣмъ лицамъ, которымъ усвояются

—иногда по невѣжеству, а иногда и съ особеннымъ намѣреніемъ составителей. Нѣкоторые Цвѣтники напечатаны; но болѣе любопытны тѣ, которые остаются въ рукописяхъ. По своеобразности воззрѣній на разные предметы вѣрованія и знанія, по встрѣчающимся въ нихъ историческимъ свѣдѣніямъ, даже по самому изложенію они замѣчательны и могутъ служить богатымъ пособіемъ для изученія духовной жизни Русскаго народа. Впрочемъ, нашъ Крипецъ или Цвѣтецъ — не изъ лучшихъ: въ немъ недостаетъ многого, что можно найти въ другихъ сборникахъ этого рода.

Положено: Отчетъ г. *Саввантова* помѣстить въ протоколѣ сего засѣданія; поученіе-же о томъ, еже не упиватися, на которое онъ указываетъ какъ на Русское произведеніе, заслуживающее вниманія, напечатать въ приложеніи къ сему-же протоколу.

— Читано отношеніе непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ о предложеніи королевскаго университета въ Христіаніи доставить оному полное собраніе лѣтописей, изданныхъ археографическою комиссіею, въ замѣнъ какого-либо изъ изданій Норвежскаго правительства. При семъ г. предсѣдатель обратилъ вниманіе на то, что съ недавняго времени въ комиссіи устроилась бібліотека, которая, благодаря частнымъ приношеніямъ, постепенно увеличивается, такъ-что уже теперь въ ней находятся многія важнѣйшія изданія для занимающихся Русскою исторіею и правомъ; почему онъ полагае-бы полезнымъ, для пополненія недостающихъ въ числѣ книгъ комиссіи изданій какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, которыя могутъ имѣть значеніе для археографическихъ изысканій, обратиться въ тѣ бібліотеки, архивы и другія мѣста, которымъ принадлежатъ таковыя изданія, о высылкѣ по одному экземпляру оныхъ въ обмѣнъ за соотвѣтствующія изданія археографической комиссіи; что-же касается до предложенія университета въ Христіаніи, то послать ему требуемый экземпляръ Русскихъ лѣтописей, съ просьбою въ замѣнъ того доставить въ археографическую комиссію изданіе подъ названіемъ: «*Diplomatarium Norvegicum*».

Положено: Составить списокъ тѣмъ изданіямъ, которыя могли-бы быть приобрѣтены комиссіею, на основаніи предложенія г. предсѣдателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

«Поученіе къ царемъ и княземъ, къ епископомъ и попомъ и ко всемъ христїаномъ, еже не упиватися».

«Благословеніе отца духовного о Господѣ къ дѣтемъ. О чада! вѣдите иже ми далъ есть Богъ талантъ, егоже хочетъ отъ мене и истязати на страшнемъ судищи. Что же есть талантъ? еже есть пещися вашими душами и сѣяти въ ваша душа сѣмя божественное. Егда бо ходите въ законѣ Господни, тогда ми радуется сердце; а егда вижу вы преступающа заповѣдь Господню, тогда печаль снѣдаетъ мя. Того ради и написахъ си, чада моя, въ показаніе вамъ къ вашему послушанію, да не злымъ піанствомъ побѣждаетесь; рече бо великій Апостолъ Павелъ, яко піяницы не наследятъ царства небснаго, но уготована имъ мука вѣчная съ разбойники и съ татии и съ прелюбодѣи. Въ первыхъ родѣхъ проявлено отъ Бога, яко велицы мужіе и угодницы Божїи піанствомъ погибша, царїи отъ царства изринушася, святители святителство погубиша, сильны силу свою испровергоша, храбрїи мечю предашася, а богатїи обнищаша, многолѣтнїи живше скоро изомроша; безъ Божїа бо суда вскорѣ піяницы умирають яко удавленницы. Аще кто въ піанствѣ умреть, то самъ себѣ врагъ и убійца, и приношеніе по немъ ненависть Богу. Сыне! въ нынѣшнемъ родѣ не возревнуй злымъ чловѣкомъ, ни княземъ, живущимъ въ грѣхолюбїи и въ скверности: вся бо сія мерзостна Богу; но внимати намъ гѣпо, что намъ содѣваетъ беззаконное піанство: умъ убо погубляетъ, орудіе же портитъ, прибитки теряетъ, піанство княземъ пусту землю сотворяетъ и людей работы доводитъ, а простымъ людямъ долги содѣваетъ, хитрымъ мастеромъ питіе хитрость портитъ, казитъ ему умъ, не дойдетъ смыслити дѣла своего, а простымъ людямъ сотворяетъ болѣзни и срамоту и безчестїе и убожество, зло наводитъ, братїю сваживаеъ злое питіе въ свары и тяжбы, жены отъ мужей своихъ отлучаетъ, дѣтей работы доводитъ, ногамъ болѣзни творить, рукамъ дрожаніе, зракъ отъ очю погубляетъ, піанство въ церковь ити возбраняетъ и не пуститъ молитися Богу, книгъ чести не дастъ, страхъ Божїй отъ сердца отгонитъ, смерти предаеъ, во огнь вѣчный посылаетъ, піанство красоту погубляетъ, смѣхъ трезвымъ сотворяетъ. Кому молва? піяницы; кому синїи очи? піяницы; кому охъ и кому горе и люте? піяницы; кому рано ясти? піяницы; кому заутрени

проспати? пѣяницы; всякъ бо пѣяница отлучится отъ Бога и отъ людей и облечется въ раздранная рубища. Да се вѣдуще, братіе, останемся пѣяства злаго и запойства. Еще же слышите Господня Апостола Павла, самого сосуда избраннаго, глаголюща къ Тимоѣю: мало вкушай питія, да будетъ ти души спасеніе. Братіе, будите трезви: яко убо супостатъ нашъ діаволъ трезвъ есть, а не пѣянтъ, иже ищетъ впоглотити всѣхъ пѣяныхъ. О, братіе, како утаитися пѣянымъ, а лежащимъ аки мертвымъ, и отъ Бога отбѣгшимъ пѣяства ради, и отъ Святаго Духа удалившимся смрада ради пѣяственнаго, слова Божія не имуще во устѣхъ своихъ гнилости ради пѣяственныхъ, ангелу хранителю плачущу пѣяства ради, бѣсомъ же веселящимся и радующимся о пѣяницахъ, и приносятъ къ діаволу жертву пѣяственную; и діаволъ, радуясь, глаголетъ, яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвѣхъ поганыхъ челоуѣкъ, якоже убо о пѣяныхъ христіянехъ, въ пѣяницахъ бо вся воля моя; лучше поганіи пѣяницъ, яко и поганыхъ Богъ снабдитъ, а пѣяницъ ненавидитъ и гнушается, яко пѣяніи мои суть, а трезвіи Божіи. И сія изглаголавъ діаволъ, рече бѣсомъ: идите и поучайте христіянь на пѣяство и на всю волю моего хотѣнія. Святіи же ангели, приходяще къ святымъ отцемъ, сія вся повѣдаху съ великою печалію о всемъ томъ, дабы отлучили христіянь отъ злаго пѣяства и запойства, а не отъ питія, иже въ славу Божію и въ подобно время и въ законъ. Святіи же отцы написавше сіе честное и святое писаніе и правовѣрное ученіе, предаша святымъ церквамъ на слышаніе христіяномъ, на угожденіе жизни вѣчныя и причастіе царства небеснаго, да аще кто послушаетъ и поживетъ въ трезвѣхъ умѣ, дѣла творя угодная Богу правила сего святыхъ и богоносныхъ отецъ, житель будетъ вѣчныя жизни и наслажденія неизреченныхъ благъ; а иже не послушаетъ сего праваго ученія, то осуженъ будетъ со діаволомъ въ вѣчную муку, отъ неяже да избавитъ ны Христось Богъ нашъ, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ».

Засѣданіе 5 ноябръ.

Представлены правителемъ дѣлгъ матеріалы, собранныя для отчета за двадцатипятилѣтіе существованія археографической комиссіи.

Положено: Помѣстить всѣ эти матеріалы въ предполагаемомъ отчетѣ.

— Представлено главнымъ редакторомъ А. Ф. Бычковымъ составленное имъ, на основаніи рукописи Императорской публичной библіотеки, извлечение изъ «Житія преподобнаго Иринарха Ростовскаго».

Положено: Помѣстить это извлечение въ приложеніи къ протоколу настоящаго засѣданія.

— Представленъ главнымъ редакторомъ А. А. Куникомъ отпечатанный набѣло листъ издаваемой имъ, по порученію комиссіи, Писцовой книги 1623 г. на Шведскомъ языкѣ. При семъ, въ доказательство важнаго значенія Писцовой книги Ижорской земли 1640 года въ топографическомъ отношеніи, издатель обратилъ вниманіе гг. предсѣдателя и членовъ на слѣдующія разрѣшенія, предлагаемыя означенною рукописью, двухъ вопросовъ, относящихся къ названіямъ Петербургскихъ мѣстностей:

«Въ Переписной окладной книгѣ 1500 года по Новгороду Вотьской пятины значится

«Село на Ооминь острову на Невѣ у моря».

Покойный *Бутковъ* полагалъ, что подъ названіемъ «Ооминѣ» разумѣлись всѣ острова, составляемые протоками Невы при ея устьѣ». *Гиллисъ*, не рѣшаясь положительно утверждать, что село Оомино было именно тамъ, гдѣ нынѣ Кронштадтъ, нашелъ однако это предположеніе весьма правдоподобнымъ. Обладая большимъ запасомъ рукописныхъ матеріаловъ для исторической топографіи Невскаго побережья, я со своей стороны убѣдился, что подъ именемъ «Ооминъ островъ» подразумѣвали какой-нибудь изъ Петербургскихъ острововъ. Писцовая книга 1640 года окончательно рѣшаетъ этотъ вопросъ. Въ ней пишется:

Phomin-Ostroff eller Koyfussari,

т.-е. Ооминъ островъ или Койвусари, а Койвусари (= Березовый островъ) есть старинное Финское названіе нынѣшней Петербургской стороны.

Покойный *Бутковъ* рѣшительно утверждаетъ (см. Труды Россійской академіи, часть I), что нынѣшній *Васильевскій островъ* получилъ свое названіе отъ имени бомбардирскаго поручика *Василія Корчмина*, когда онъ, командуя баттареею на Стрѣлкѣ (близъ биржи), получалъ отъ Петра Великаго указы, съ надписью: *Василью на островъ*. Это преданіе, какъ мнѣ давно казалось, не за-

служиваетъ вниманія. И дѣйствительно, мы читаемъ въ Писцовой книгѣ 1640 года:

Wassili-Ostroff eller Hirfwisari,

т.-е. Васильевскій островъ или Хирвисари, а Хирвисари (= Лосый островъ) до-сихъ-поръ въ употребленіи у Финскихъ крестьянъ для означенія Васильевского острова».

Положено: принять къ свѣдѣнію.

— Правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія гг. предсѣдателя и членовъ, что имъ получено отъ корреспондента *Шаффера сто руб. сер.* на покупку книгъ изъ библіотеки покойнаго М. А. *Коркунова* для увеличенія библіотеки комиссіи.

Положено: изъяснить корреспонденту *Шафферу* искреннюю признательность комиссіи за его новое пожертвованіе въ ея пользу; а правителю дѣлъ поручить изъ библіотеки М. А. *Коркунова* отобрать на означенную выше сумму тѣ книги, которыя онъ признаетъ наиболѣе полезными для комиссіи, и списокъ ихъ представить г. предсѣдателю на утвержденіе.

— Представлены правителемъ дѣлъ полученные имъ отъ корреспондента археологическаго общества К. Н. *Тихонравова* въ даръ комиссіи пять древнихъ Русскихъ монетъ, изъ коихъ одна Новгородская и четыре Московскія, великихъ князей Ивана Васильевича и Василія Ивановича.

Положено: благодарить г. *Тихонравова* за это пожертвованіе, а монеты хранить при библіотекѣ комиссіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жигіе преподобнаго Иринарха Ростовскаго содержитъ въ себѣ весьма много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній изъ смутнаго періода (*). Въ рукописи оно имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Мѣсяца

(*) При описаніи сего житія г. Бычковъ пользовался рукописью Императорской публичной библіотеки изъ древлехранилища М. П. Погодина (№ 724), писанною полууставомъ второй половины XVII вѣка, въ 4-ку, на 63 листахъ. Въ ней, впрочемъ, недостаетъ въ срединѣ трехъ листковъ. Нач. Сей отецъ нашъ Иринархъ града Ростова родися веси Кондакова отъ христіяну родителю, отца благочестива, именемъ Анкидина, и матери Ирины....

генваря въ 13 день житіе и подвижи отца нашего воздержателя, столпа крѣпка, страдальца, и наставника, и учителя, и затворника Борисоглѣбскаго монастыря на Устьѣ, старца, праведна мужа Иринарха, списано бысть тоя же обители ученикомъ его старцомъ Александромъ, иже бысть съ нимъ тридесять лѣтъ при животѣ его».

Преп. Иринархъ родился Ростовской области въ деревнѣ Кондаковѣ и при святомъ крещеніи нареченъ Иліею. Имѣя 18 лѣтъ отъ роду, по случаю голода, бывшаго въ деревнѣ, онъ оставилъ домъ родительскій и удалился въ Нижній Новгородъ, гдѣ прожилъ три года. Вскорѣ послѣ своего возвращенія домой, преп. Иринархъ переселился въ Ростовъ и занялся тамъ торговлею. Впрочемъ, такой образъ жизни онъ велъ недолго и, не смотря на слезы матери, постригся въ иноки въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что на рѣкѣ Устьѣ, подъ именемъ Иринарха. Вслѣдствіе гоненій игумена, онъ перешелъ изъ Борисоглѣбскаго монастыря въ Ростовскій Аврааміевъ Богоявленскій, гдѣ былъ назначенъ келаремъ. При исправленіи этой должности онъ замѣтилъ, что «житиліе монастыря того, братія и прочіи служившіе, взимаше монастырскія всякія потребности безъ воздержанія и безъ боязни, и множествомъ много домъ тощаше». Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Аврааміевской обители, пр. Иринархъ возвратился въ монастырь Борисоглѣбскій, по приглашенію его настоятеля Варлаама. Во время литургіи сей послѣдній «ударилъ основою (посохою) своимъ» старца Никифора, укорявшаго строителя за то, что онъ снова принялъ въ монастырь Иринарха. Содѣлавшись затворникомъ, Иринархъ слышалъ отъ блаженнаго Іоанна юродиваго прореченіе, что «для того беззаконнаго пїянства наведеть Господь Богъ на землю иноплемєнныхъ». По навѣтамъ братіи, игуменъ Гермогенъ (у Муравьева Германъ. См. Жит. святыхъ Русскихъ, мѣс. янв. стр. 339) выгналъ изъ монастыря преп. Иринарха, нашедшаго убѣжище въ Ростовѣ у Лазаря великаго; здѣсь онъ пробылъ годъ и 2 недѣли и снова, по просьбѣ игумена, вернулся въ мѣсто своего постриженія.

«О видѣніи Московскаго царства и о раззореніи и о посѣченіи и иныя градовъ во 116 году.»

«Въ нѣкое время спящу ему (пр. Иринарху) на постели своей въ тонцѣ снѣ, и видѣ Москву градъ посѣчену отъ Литвы и все

Россійское царство поплѣнено и позжено по мѣстомъ. И восприявъ отъ сна своего, и нача плакати и рыдати велики, что быти царству Московскому поплѣнено отъ Литвы, и домоу святыиъ, и церквамъ и всей Россійской землѣ, и едва отъ слезъ и отъ рыданія утѣшися. И облистая свѣтъ праведный на долгъ часть, и изъ свѣта бысть ему гласъ свыше: «поѣди къ Москвѣ, повѣжда сѣ да будетъ тако». Дважды осѣнялъ себя преподобный крестнымъ знаменіемъ, но и въ третій разъ услышалъ то же повелѣніе: «призови игумена, и благословися у него поѣди къ Москвѣ, и возвѣсти царю Василю Іоанновичю яко быти царству Московскому плѣнено отъ Литвы и всей Россійской земли». По дорогѣ къ Москвѣ, преп. Иринархъ пріѣхалъ въ Переяславль и остановился у Никитскаго монастыря на конюшенномъ дворѣ, откуда послалъ за діакономъ (Онуфріемъ), который «въ то время велики изнемогаше студению трясовичною, и не могій терпѣти студени власяше въ печь; по напущенію врага противяся добродѣтели, что онъ діаконъ сотворилъ по ево старцову благословенію и велѣнію, что бысть во градѣ Переяславлѣ камень за Борисомъ и Глѣбомъ въ потокѣ, въ немъ же вселися демонъ, мечты творя, и привлекая къ себѣ изъ Переяславля мужей и женъ и дѣтей ихъ, и разсѣвая сердца въ праздникъ великихъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и онѣ слушаху его и къ нему стекахуся зъ году на годъ, и творяху ему почестъ, онъ же старецъ Иринархъ повелѣ тотъ камень вринуть въ яму, чтобы родъ христіанскій тако не творили и къ камню не приходили».

«О пріѣздѣ къ Москвѣ».

«И пріѣхавъ къ Москвѣ со ученикомъ своимъ Александромъ за часть дни, и на утро прииде старецъ со ученикомъ своимъ въ соборную церковь пречистыя Богородицы Успенія, и помолися Богородицѣ и великимъ чудотворцемъ Петру митрополиту и Іонѣ. И нѣкто сынъ боярской, именемъ Симеонъ, поиде ко царю и возвѣсти о пришествіи старца. И царь радостенъ бысть и повелѣ итти ко Благовѣщенію пречистыя Богородицы, старецъ же прииде во церковь, и помолися Богородицѣ, и благослови царя крестомъ и цѣлова царя Василя Іоанновича, а царь цѣлова его любовію и подивися великимъ трудомъ его. И рече старецъ царю Василю Іоанновичу: откры ми Господь Богъ, грѣшну старцу, что видѣлъ

градъ Москву плѣнену отъ Литвы и все Російское царство, и азъ оставя многолѣтное въ темницѣ сидѣніе и труды, и самъ къ тебѣ пришелъ возвѣстити, и ты стой о вѣрѣ Христовѣ мужествомъ и храбрствомъ. И извѣстя, самъ же изыде изъ церкви; царь же Василій взя старца подъ руку, а ученикъ его подъ другую».

«О благословеніи царицы».

«И рече царь ко старцу: благослови царицу; старецъ же, не ослушався, ни вопреки глагола, поиде со царемъ ко царицѣ въ полату, и благослови царицу Марію Петровну, и благослова изыде изъ полаты. Царица же посла старцу два полотенцу; старецъ же не хотя взяти; царь же Василій заклиная его Богомъ живымъ: воами Бога ради. Старецъ же рече царю: азъ пріѣхалъ возвѣстити тебѣ правду; царь же проводи его до дворца изъ полаты, и приказа болярину потчивати. И повелѣ царь дати возокъ свой и конюха, и велѣлъ проводити до монастыря святыхъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба; и старецъ ѣтчи хлѣба у болярина данова, а всево пребысть на Москвѣ 20 часовъ, и поѣхалъ съ Москвы и пріѣдѣ въ монастырь ко святымъ страстотерпцомъ Борису и Глѣбу... а конюха государева и возокъ отпустилъ съ миромъ къ Москвѣ».

«О нашествіи Литвы».

«И по малѣ времени прииде Литва, злые и свирѣпые и немилостивые сѣкатели, въ Рускую землю, и почали безъ милости плѣнити и посѣкати, и многіе грады повоеваша, села и деревни пожгоша, и крестьяномъ великую бѣду нанюшаху, и градъ Дмитровъ взяли и огнемъ сожгли, а Московскую силу и посадныхъ людей и женъ ихъ и дѣтей посѣкли, и церкви Божіи осквернили, и крестьянъ въ нихъ сѣкли, и престолы Божіими поколебали и одѣяніе съ нихъ испограбили, и съ иконъ склады одирали и иконы метали, и книги испограбили, и церкви пожгли. И многія крестьяня, посѣченія ихъ убоявса, и дань имъ и кормъ даваше и многіе грады имъ покорялися. И во 117 году градъ Ростовъ повоеваша и поплѣниша и пожгоша, и соборную церковь Успенія Богородицы осквернили, мужей и женъ, отроковицъ и дѣвицъ испосѣкли, и раки великихъ чудотворцовъ Леонтія и Исаія и все церковное зданіе и всякую казну испограбили, и многими грады владѣли, и налогу великую роду христіанскому чинили, и многіе грады отъ нихъ учали запиралися».

«О испытаніи вѣры ко старцу Литовскихъ людей по наученію діаволу».

«И нѣкто приде воевода бѣ золь и немилостивъ, именемъ Микулинской, и повоевалъ градъ Ростовъ, и подъ Ярославлемъ посады пожгли и людей многихъ посѣкли, такоже и Угличъ пожгли и многихъ людей посѣкли, и послѣ того приде въ монастырь Борисоглѣбской на Устьѣ. И приде панъ Микулинской ко старцу со многими паны и нача его старца о вѣрѣ испытovati: въ коего же ты вѣруешъ? И старецъ рече ему: азъ вѣрую во святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нераздѣльную, распятаго на крестѣ и воскресшаго въ третій день. Онъ же рече: а земнаго царя кого имѣешъ? и старецъ гласно ему проглагола: азъ имѣю Рускаго царя Василая Іоанновича: живу въ Руси Рускаго царя и имѣю, а иного никого не имѣю царя, ни короля Литовскаго, ни царя Крымскаго, ни прелестниковъ міра сего. Отвѣщавъ же ему панъ именемъ Амсай: и ты старецъ измѣнникъ, въ нашего короля, ни въ Дмитрея не вѣруешъ; и отвѣщавъ ему старецъ: я вашего меча тлѣннаго никако не боюся и вѣры своя Рускаго царя не здамъ И бысть нужда належаше отъ Литвы велика во весь годъ о спытованіи вѣры».

«О приходѣ князя Михаила Васильевича Скопина съ ратію въ Колязинъ монастырь».

«И по нѣкоемъ времени приде князь Михайло отъ Новаграда съ ратію, и ста въ Колязинѣ съ Рускими людьми и съ Нѣмцы противу Литвы. И приде панъ Сопѣга отъ Троицы противу его со всею же ратію. И Божією помощію и молитвами пречистыя Богородицы и великихъ чѣдотворцевъ умоленіемъ и словомъ старцовымъ побили Московская рать Литву, и панъ Сопѣга отвороти прочь со всею ратію и ста за два наслѣга до монастыря, въ селѣ Покровскомъ, и нача мыслити, чтобы имъ монастырь Борисоглѣбской на Устьѣ пожечи и братію побить. И бысть въ то время кручина велика, и нача братія прощатися другъ со другомъ, и нача старецъ учениковъ своихъ Александра и Корнилія утѣшати: да не убояйся иновѣрныхъ пожженія..... И въ то время приде нѣкто панъ, именемъ Кирбирски, рохмистръ, и приде въ кѣлію ко старцу, и благословися у него и подивися старцовымъ трудомъ, и шедъ повѣда Сопѣгѣ: азъ нашелъ въ монастырѣ у Бориса и Глѣба трехъ старцовъ скованыхъ».

«*О пришествіи пана Сопѣги въ монастырь ко старцу*».

«И посла впереди себя пана и повелѣ приходѣ свой повѣдати, и старецъ рекъ: аще поидеть посѣтити въ темницѣ, онъ по своей воли придетъ къ намъ. И Сопѣга слышавъ отъ пана старцовы глаголы и приѣде въ монастырь ко старцу, и вшедъ въ кѣлію и рече: благослови, батко! какъ сію великую муку терпишь. И отвѣщавъ ему старецъ: Бога ради сію темницу и муку терплю въ кѣльѣ сей. И почали многіе паны говорить Сопѣгѣ: сей старецъ за нашего короля и за Дмитрея Бога не молитъ, а молитъ Бога за Шуйского. И отвѣщавъ старецъ: я въ Руси рожденъ и крещенъ, и азъ за Рускаго царя и Бога молю. И отвѣща Сопѣга: правда въ баткѣ велика, въ коей землѣ жити, тому царю и примити. И рече паны: тебя, господине, наши ограбили; и отвѣщавъ старецъ: приѣхавъ панъ лють Сущинской и пограбилъ весь монастырь, не токмо меня грѣшнаго старца. И отвѣща Сопѣга: и за то панъ Сущинской повѣшенъ; и рече старецъ пану Сопѣгѣ: возвратися, господине, во свою землю, полно тебѣ въ Руси воевать, аще не изыдеши изъ Руси, или опять возвратиши въ Русь и не послушаешь Божія слова, то убиенъ будеши въ Руси. И панъ Сопѣга умилися душею о словеси и рече: чѣмъ мнѣ тебя даровать? я такова батка нигдѣ здѣсь, ни во иныхъ земляхъ, крѣпка и безбоязна отъ нашего меча, не наѣхалъ. И рече старецъ: я Святому Духу не указникъ, я отъ Святаго Духа и питаюся, какъ тебя Святой Духъ научить, такъ и сотвориши по его святой волѣ. И Сопѣга рече старцу: прости, батко! и поклонився изыде съ миромъ; и присла старцу на милостыню 5 рублей денегъ и не велѣ монастыря тронути ничѣмъ, и поиде Сопѣга съ ратію въ Переаславль.....»

«*О благословеніи князя Михаила Васильевича Скопина во 112 году (*)*».

«Поиде князь Михайло за Литвою и прислалъ ко старцу по благословеніе изъ Переаславля, и старецъ Илинархъ послалъ ему благословеніе и просфиру да крестъ, велѣлъ ему итти за Литвою: дерзай, да Богъ поможетъ ти. И посла князь посылку въ слободу Александрову, и тутъ Божіею помощію побили Литву. И по малѣ и самъ князь приде и ста въ слободѣ, и почали безбожнии Агаряне, Литва, противу его изъ подъ Троицы и изъ подъ Москвы

(*) Въ другомъ спискѣ сего житія болѣе правильно: во 118 году.

збиратися всѣми людьми. И слышавъ князь Михайло, и печаленъ бысть о томъ, и присла гонца ко старцу, и старецъ посла ко князю благословеніе и просѣиру, и рекъ: дерзай князь Михайло и не убойся, Богъ ти поможетъ. И побилъ князь Литву. И потомъ посла князь воеводу къ Троицѣ и преподобному Сергію Давыда съ радостію, и воевода приде въ монастырь здравъ. И князь Михайло присла ко старцу гонца и дары, и старецъ посла благословеніе. И поиде подъ Троицу, и слыша Сопѣга поиде къ Дмитреву. И приде князь къ Троицѣ здравъ, и вшедъ въ монастырь и помолися Троицѣ и преподобному отцу Сергію, и воздавъ славу Богу и пречистой Богородицѣ и Рускимъ чудотворцемъ, и посла князь рать подъ Сопѣгу, и въ Дмитровѣ побилъ Литву, и Сопѣга побѣжалъ подъ Іосифовъ монастырь, а изъ Тушина побѣжалъ прелестникъ въ Колугу и тамо его убили; а князь Михайло отъ Троицы самъ приде къ Москвѣ, и вшедъ въ соборную церковь и помолися Богородицѣ и цѣлова образъ иконы Владимирскія и чудотворцовы раки, и поиде въ домъ свой».

Тогда преп. Ирнархъ послалъ своего ученика Александра къ князю Михайлу взять у него обратно данный ему крестъ на прогнаніе Литвы, который князь и возвратилъ съ челобитьемъ и дарами. Вскорѣ послѣ этого умеръ князь Михайлъ, а самого Ирнарха постигли разныя напасти. Во 112 году (*) былъ присланъ въ монастырь отъ патриарха Гермогена игумень Симеонъ «лютъ и немилостивъ, свирѣпъ и пьянчивъ, и невоздержателенъ на добро». Сей игумень ограбилъ у Ирнарха весь запасъ и былъ причиною, что у него выломили лѣвую руку. Какъ бы въ наказаніе за это, игумень Симеонъ былъ изгнанъ изъ монастыря.

«О приходѣ Литвы подъ Москву и о сданіи Москвы на прелестъ».

«И увѣдали Литва смерть князя Михаила Скопина возвратишася къ Москвѣ и ста подъ Москвою, и взяли лѣстію Москву и царство злымъ умышленіемъ, и царя Василія Іоанновича имъ врагомъ здаща и сослали его въ Литву, и 119 году царство Московское поплѣниша и людей множество посѣкли...»

«О приходѣ пановъ въ монастырь на Устьѣ во 120 году и о исповѣданіи (смерти) пана Сопѣги».

Въ нѣкое время, въ осень, послѣ Дмитріева дни Селунского,

(*) Въ другомъ спискѣ житія: во 118 году.

пришла Литва въ Ростовъ, и въ то время игумень побѣждалъ со всею братією на Бѣлоозеро отъ пановъ, убоявся ихъ посѣченія, а старецъ Илинархъ со ученики своими пребысть въ кѣліи своей, моляся Богу беспрестанно. И пришедъ Литва въ монастырь и пребысть въ монастырѣ 10 недѣль. И пришедъ панъ ко старцу въ кѣлію и рече: благослови батко; а Сонѣга убиенъ бысть подъ Москвою по твоему словеси. И рече старецъ къ пану: подите и вы во свою землю и вы живи будете, аще не изыдите изъ нашия земли, то и вамъ быть такожде побитымъ. И шедъ панъ повѣда всѣмъ паномъ слово старцово, и почали паны ко старцу по вся дни приходити, и старецъ нача имъ глаголати: подите и вы во свою землю, аще не поидете во свою землю, то побиты и вы будете. И приде ко старцу воеводинъ сынъ, именемъ Воинъ, и благословися у старца итти во свою землю, и старецъ благослови его итти во свою землю изъ Рускія земли. И воеводинъ сынъ поклонився до земли и поиде ко отцу своему, и повѣда ему о благословеніи. И отецъ его то слышавъ умилися, и самъ Іоаннъ, Каменской воевода, приде ко старцу въ кѣлію и поклонися старцу до земли: благослови батко и меня итти во свою землю, какъ еси благословилъ сына моего. И старецъ благослови его и рече: толко не трони монастыря и братіи и града Ростова. Онъ же отъиде отъ старца и поиде во свою землю со всею ратію, и не сотвори зла, по благословенію, граду Ростову и монастырю ничесоже....»

«О благословеніи князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго да Нижегородца посадкаго челоуѣка Козмы Минина».

«И въ то время на Москвѣ молва бысть и кручина велика въ земли, что Литва сидитъ на Москвѣ, и молишася Нижегородцы, чтобы Господь Богъ далъ милость свою и очистилъ бы градъ Москву отъ великія скорби. И бысть въ Нижнемъ князь Дмитрій Пожарской, и почали Нижегородцы бити челоуѣ, чтобы шелъ къ Москвѣ и очистилъ бы градъ Москву отъ великія скорби, и даша ему на рать подмогу, на ратныя люди денги и запасъ. И нача ему помогать всѣми городами, и нача ему Богъ помощь свою подавать, и силы умножилося. И къ нему выбрали Нижегородца торговаго челоуѣка Козму Минина, и почалъ онъ въ совѣтѣ быть заодно, и нача Господь милость свою подавать, и пошли они ко граду Ярославлю со всею ратію, и ста во градѣ Ярославлѣ, и почали къ нимъ ратныя люди со всѣхъ градовъ Русскихъ збиратися и за

вѣру стояти и за святѣя Божія церкви умирати. И услыша князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой пришествіе князя Дмитрія Пожарского и Козмы Минина въ Ярославль со всею ратію, и присла къ нимъ гонца, чтобы шли подѣ Москву спѣшно. А князь Дмитрей Михайловичъ да Козма Мининъ, помышляя и бояся итти подѣ Москву Іоанна Заруцкого, что онъ Іоаннъ убилъ подѣ Москвою воеводу Прокопія Петровича Ляпунова, того ради не смѣя итти подѣ Москву съ ратію, а посла старецъ къ нему благословеніе и просфиру, и имъ повелѣвая итти подѣ Москву со всею ратію не бояся Іоанна Заруцкого и гдѣ ли будетъ Іоаннъ Заруцкой, и узрите славу Божию. И радъ бысть князь о томъ словеси, и поиде со всею ратію не бояся Іоанна Заруцкого къ Москвѣ, и прииде князь Дмитрей Михайловичъ да Козма Мининъ по благословеніе сами ко старцу Илинарху; старецъ же ихъ благословилъ итти подѣ Москву и далъ имъ крестъ свой на помощь, и поиде князь радуясь взявъ благословеніе и крестъ у старца, и поиде въ Переаславль, изъ Переаславля къ Троицѣ, и сталъ у Троицы и помолился святой Троицѣ и чудотворцу Сергію, и посла воеводу князя Дмитрія Лопатина подѣ Москву ко князю Дмитрію Тимофѣевичю Трубецкому, и онъ радъ бысть, а Заруцкой по благословенію старцову изъ подѣ Москвы побѣжалъ, гонимъ Божіею благодатію, силою невидимою, а Литва прибылые люди идутъ зъ запасы къ Москвѣ къ сидѣльцемъ. И слышавъ князь Дмитрій Трубецкой, прислалъ гонца ко князю, чтобы шелъ на спѣхъ на помощь подѣ Москву со всею ратію, и въ другій день придоша Литовскіе люди подѣ Москву, и воеводы помоляся святѣй Троицѣ и Московскимъ чудотворцемъ, и далъ имъ Богъ помощь свою на Литовскія люди, и Литву побили. И стоя князь Дмитрій подѣ Москвою, и Божіею помощію взяли градъ Китай, и Литва сѣли въ Кремль градъ и по малѣ сидѣльцы здалися, и князь Дмитрій вниде въ Москву въ Кремль градъ и помолился пречистѣй Богородицѣ и Московскимъ чудотворцемъ. И бысть радость на Москвѣ веіа, что Господь Богъ очистилъ градъ Москву отъ Литовскихъ людей, а въ монастырѣ у Бориса и Глѣба на Устьѣ кручина великая, что правятъ кормы на ратныхъ людей, а въ монастырѣ отъ раззоренія Литовскихъ людей нѣтъ ничево. И игумень прииде зъ братіею и крестьяны, и почали бити челомъ старцу, чтобы отпустилъ къ Москвѣ бити челомъ ученика своего Александра; и старецъ не презрѣ моленія ихъ и постави на ихъ волѣ, и

отпустилъ ученика своего Александра къ Москвѣ бити челомъ, и повелѣлъ взяти у князя Дмитрія Михайловича честный крестъ, что данъ на помощь. И ученикъ Александръ приѣде къ Москвѣ, и бысть въ то время на Москвѣ радость, что король Литовской побѣжалъ во свою землю изъ Вязьмы, и ученикъ старецъ Александръ приде ко князю и привезе ему отъ старца благословеніе и просфиру, и князь радъ бысть и далъ ему грамоту, что не давать на ратныхъ людей корму, никакихъ запасовъ, за роззореніе Литовское. И ученикъ взя грамоту и честный крестъ возвратися въ монастырь и даде игумену грамоту, и игумень радъ бысть; а старецъ Александръ приде въ кѣлію ко учителю своему Илинарху и далъ ему честный крестъ и отъ князя исправилъ челобитье».

«О государь царь и великомъ князь Михайль Феодоровичъ всеа Росіи».

«По устроенію Божію и по приговору всей земли, князей, и бояръ, и воеводъ, и преосвященныхъ митрополитовъ, архимандритовъ и игуменовъ, во 121-мъ году излюбленъ бысть государь царь и великій князь Михайло Феодоровичъ всеа Росіи и поставленъ бысть во цари на Москвѣ, надо всѣми ордами и надъ цари и надъ короли, и царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ, и бысть радость объ немъ государѣ во всей Російской землѣ. И еще бысть кручина велика на Угличѣ и на Вологдѣ и во иныхъ окольныхъ градѣхъ отъ казаковъ, много христіанскіе крови лилося и многіе грады и села отъ нихъ запусѣли. И благовѣрный государь царь и великій князь Михайло Феодоровичъ всеа Росіи послалъ боярина своего и воеводу князя Бориса Михайловича Лыкова казаковъ смиряти, и послалъ его въ Ярославль, и далъ ему рати 7 городовъ».

«О благословеніи князя Бориса Лыкова».

«И въ то время приде Литва съ Черкасы въ село Даниловское, и князь прислалъ старца Іоакима ко старцу Илинарху по благословенію. И старецъ посла ко князю просфиру и благословенію и повелѣ итти за Литвою; и взя князь просфиру съ радостію и поиде за Литвою. И иде за ними двѣ недѣли, и сниде ихъ за Костромю, не доходя Нижнево, и тамо ихъ Божією милостію побили и многіе языки поймали, и послалъ ко государю царю къ Москвѣ. А самъ князь возвратися къ Вологдѣ со всею ратію, и поиде на казаки, что овѣ плѣнять Вологотской уѣздъ и Бѣлоезерской,

и онъ начатъ ихъ гонити Божіею милостію и старцовою Илинарховою молитвою и благословеніемъ; и они отъ него побѣжали на Бѣлоезеро, и онъ посла за ними посылку, и они побѣжали на Угличъ и стояли 2 недѣли, и онъ послалъ подъ нихъ посылки, и казаковъ гонили Божіею милостію и старцовою молитвою».

«О приходѣ князя ко старцу».

«И онъ посла ратныхъ людей подъ Москву, а самъ приде ко стратотерпцомъ Христовымъ Борису и Глѣбу молиться и у старца Илинарха благословиться, и взя самъ князь Борисъ у старца благословеніе и поиде къ Москвѣ со всею ратію, и тамо ихъ принималъ и привеле ко государю. И бысть радость велія, что Богъ подалъ милость свою, и заступленіемъ и молитвами пречистыя Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ и слезами и моленіемъ и благословеніемъ Илинарховымъ, что раззорился казачей злой совѣтъ, и плѣненіе и грабежъ по дорогамъ, и оттолѣ бысть отъ нихъ тишина....»

За симъ слѣдуютъ: описаніе 9-ти чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ при своей жизни (въ 3-мъ разсказывается о исцѣленіи боярскаго сына Матвѣя Тюхменева, который былъ въ монастырѣ воеводою, «а въ то-же время шелъ изъ Суждаля панъ Лисовской»), и повѣствованіе о кончинѣ Иринарха, послѣдовавшей 13 января 1616 (7124) года, и о его погребеніи, отправленномъ, по повелѣнію митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Кирилла, Борисоглѣбскимъ игуменомъ Петромъ съ другими лицами. Преп. Иринархъ провелъ въ мирѣ 30 лѣтъ, а въ иноческихъ подвигахъ 38 лѣтъ и 4 мѣсяца, слѣдовательно жилъ 68 лѣтъ и 4 мѣсяца. Житіе оканчивается описаніемъ 13 чудесъ, которыя совершены преп. Иринархомъ надъ больными послѣ его преставленія.

Нѣсколько выписокъ изъ сего житія, впрочемъ изъ рукописи весьма неисправной и подновленной въ языкѣ, помѣстилъ В. М. *Ундольскій* въ «Библиографическихъ розысканіяхъ» (Москвит. 1846, т. VI, стр. 187 — 193); часть этихъ-же выписокъ перепечаталъ графъ М. *Толстой*, въ статьѣ: «Древнія святыни Ростова Великаго» (Чтенія Москов. Общ., годъ третій, № 2, стр. 63—67).

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

ОБЗОРЪ

БОЛЬШИХЪ БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ

ВЪ НАЧАЛѢ 1859 ГОДА.

Императорская Публичная Библиотека, одно изъ полезнѣйшихъ учреждений въ Россіи и одно изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ, была постояннымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся учеными трудами. Въ послѣднее время, когда Библиотека привела прежнія сокровища свои въ стройный порядокъ и обогатилась множествомъ новыхъ книгъ, публика стала такъ усердно посѣщать ее, что читальная ся зала, нѣкогда просторная до избытка, сдѣлалась недостаточною для принятія новыхъ своихъ посѣтителей. Внутреннія силы Библиотеки продолжаютъ расти и развиваться, но проявленія ихъ, въ-отношеніи къ публикѣ, парализируются читальною залой, несоотвѣтствующей дѣйствительной потребности. Желаящіе работать приходятъ въ нее съ опасеніемъ не найти пустаго стула, или уголка стола, на которомъ можно было-бы раскрыть книгу. Въ зимніе вечера въ-особенности случалось видѣть пришедшихъ туда заняться дѣломъ и ухившихъ, не потребовавъ даже книгъ за недостаткомъ мѣста. Такое положеніе дѣлъ читальной залы нашей Библиотеки давало публикѣ

право роптать на то, что учрежденіе, открытое правительствомъ для общей пользы, не выполняетъ своего назначенія: пользы достигалъ только тотъ, кто успѣвалъ въ-время запастись мѣстомъ. Но публика не роптала: она привыкла знать, что управленіе Библиотеки не упускаетъ ничего, что можетъ доставить удобство посѣтителемъ ея.

Ожиданія публики сбылись. Для новой читальной залы на 250 человекъ составленъ проектъ, и на выполнение его Государь Императоръ повелѣлъ отпустить 150,000 р. сер. При зданіи Библиотеки находится довольно обширный дворъ, котораго часть будетъ занята новымъ сооруженіемъ. Мѣстность опредѣлила размѣры и даже нѣкоторыя части во внутреннемъ расположеніи; но, кромѣ постройки зданія для читальной залы, нужно было позаботиться о внутреннемъ ея устройствѣ, о множествѣ тѣхъ мелочей, которыя въ совокупности составляютъ гармонію многосложнаго механизма, необходимаго при удовлетвореніи разнородныхъ посѣтителей Библиотеки.

Въ 1853 году, когда въ Лондонѣ предпринята была постройка знаменитой ротонды для читателей библиотеки Британскаго музея, назначенная для этого коммиссія входила въ сношенія со всѣми лучшими библиотеками Европы и просила сообщить ей свѣдѣнія о существующемъ въ нихъ порядкѣ. При этомъ коммиссія просила, если письменныя объясненія окажутся затруднительными, присылать въ Лондонъ на-счетъ Англійскаго правительства спеціальныхъ людей; которые могли-бы словесно и наглядно объяснить все что нужно. Такого рода мѣры приняты были для собранія свѣдѣній необходимыхъ къ лучшему устройству читальной залы, и ротонда Британскаго музея составляетъ теперь предметъ удивленія просвѣщенныхъ путешественниковъ вообще и всѣхъ библиотечарей въ-особенности.

Приступая въ С. Петербургѣ къ постройкѣ большой читальной залы, нельзя было не желать ознакомиться съ подобнаго рода залами, существующими въ Европѣ и въ особенности съ тѣми результатами, для достиженія которыхъ Англичане употребляли такія усилія и пожертванія. Необходимость была признана и, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, рѣшено было, меня, какъ будущаго строителя читальной залы Императорской Публичной Библиотеки, послать для изученія порядка, существующаго, относительно публики, въ извѣстнѣйшихъ библиотекахъ, а именно: въ

Лондонѣ, Парижѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и проч. Сверхъ-того мнѣ, какъ библіотекарю, поручено было обратить вниманіе на формы каталоговъ и порядка храненія книгъ. Пробывъ за границею два мѣсяца, февраль и мартъ, я, при помощи желѣзныхъ дорогъ, успѣлъ объѣхать всѣ упомянутые города, и осмотрѣть до двадцати библіотекъ. Изъ всего видѣннаго мною наиболѣе замѣчательны библіотеки Лондона, Парижа и Мюнхена; но для полноты свѣдѣнія я представлю въ краткомъ очеркѣ все, что видѣлъ, и въ томъ порядкѣ, какъ видѣлъ.

Вѣнская публичная библіотека, носящая названіе придворной (Hof-Bibliothek), произвела самое невыгодное впечатлѣніе на меня, привыкшаго видѣть кипучую дѣятельность нашей Императорской Публичной Библіотеки. Внѣшность зданія изящна и даже роскошна, архитектуры временъ Людовика XIV, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то мрачна и пустынна. Предъ главнымъ фасадомъ обширная, безлюдная площадь, а въ самомъ зданіи не видно входа: его надобно искать гдѣ-то въ углу. По холодной парадной лѣстницѣ, высланной, для сбереженія ступеней, досками, я вошелъ въ холодную пріемную, откуда меня ввели въ главную, также холодную, залу библіотеки. Зала эта громадна разиѣрами: шириною своею она занимаетъ всю глубину строенія и тянется по всей длинѣ главнаго фасада. Она раздѣлена на три части, изъ которыхъ средняя имѣетъ овальную форму, что не мѣшаетъ однакожь, съ перваго шага, видѣть всю ея длину и весь художественный ея эффектъ. Какъ архитектурное произведеніе, главная зала Вѣнской придворной библіотеки весьма замѣчательна. Въ ней художникъ развилъ много фантазіи и вкуса. Убранство залы великолѣпно: скульптура, позолота, превосходная живопись на плафонахъ, все это такъ хорошо, что въ художественномъ отношеніи зала можетъ удовлетворить самого взыскательнаго судью, но за то въ-отношеніи практическомъ, какъ помѣщеніе для библіотеки, она не можетъ служить образцемъ современному намъ архитектору. Переходя отъ архитектуры залы къ шкафамъ и къ книгамъ, глазъ встрѣчаетъ прежде всего ряды громадныхъ приставныхъ лѣстницъ, разставленныхъ повсюду во множествѣ. Лѣстницы эти очень вредятъ убранству залы, но онѣ необходимы. Шкафы раздѣлены на два яруса, каждый аршинъ 8 вышины. Верхній ярусъ устроенъ на широкой галереѣ съ мраморными колоннами, также загроможденной приставными лѣстницами. Нѣ смотря на прочность этихъ

лѣстницъ и на ихъ грозную величину, библіотекари должны имѣть много отваги, чтобъ доставать книги съ верхнихъ полокъ.

Книги въ шкафахъ разставлены въ такомъ-же порядкѣ, какъ у насъ, т. е. раздѣлены на главные предметы и поѣтомъ подобраны по величинамъ. Эта система разстановки, какъ мы уже знаемъ по опыту, значительно облегчаетъ отыскиваніе книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность красиво располагать ряды переплетовъ. Въ главной залѣ книги въ старыхъ Французскихъ переплетахъ дополняли-бы эффектъ роскошной архитектуры, еслибъ не скучные ряды приставныхъ лѣстницъ. Въ легіонахъ томовъ, наполняющихъ шкафы главной залы, *стоитъ* собраніе болѣе 100,000 гравюръ. Ящики, въ которыхъ онѣ хранятся, сдѣланы въ видѣ переплетенныхъ фоліантовъ и поставлены на полкахъ наравнѣ съ книгами. Мнѣ не случилось видѣть, чтобы эстампы, наклеенные на отдѣльныхъ листахъ, стояли какъ книги: они отъ собственной тяжести опускаются и гнутся.

Кромѣ главной залы, я видѣлъ еще двѣ небольшія комнаты: въ одной изъ нихъ хранятся старопечатныя книги (*incunabula*), а въ другой — рукописи. Библіотека такъ мало оживлена внутреннею дѣятельностью, что обѣ эти комнаты остаются постоянно съ закрытыми ставнями. По моей просьбѣ ихъ открыли и дали подивиться множеству вещей, замѣчательныхъ въ высшей степени. Древнѣйшія, начиная съ IV вѣка, рукописи, дѣлныя книги палимпсестовъ, ксилографы, рѣдчайшія инкунабулы — все это наполнялось здѣсь вѣками, все это краснорѣчиво повѣствуетъ о блистательномъ прошедшемъ Вѣнской библіотеки.

Въ холодномъ зданіи библіотеки для читателей натолены двѣ небольшія комнаты, но натолены невыносимо. Кромѣ слишкомъ высокой температуры, въ нихъ чувствуется какая-то неприятная сухость, очевидно отъ дурнаго устройства печей, которыя, какъ я вообще замѣтилъ въ Вѣнѣ, служатъ для временнаго нагрѣванія. По вечерамъ, когда въ библіотекѣ никого нѣтъ, читальныя комнаты такъ-же холодны, какъ и прочія. Комнаты для чтенія отдѣлены отъ залы книгохранилища приемою. Въ одной изъ комнатъ публика занимается печатными книгами, въ другой — рукописями и рѣдкими экземплярами печатныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ читателями сидятъ и библіотекари: Барчъ, Миклосичъ, Вольфъ и др. Читателей я населъ не болѣе 10 человекъ. Въ связи съ читальными находится еще третья, также теплая комната, въ которой работаютъ младшіе библіо-

текари и стоятъ ряды картонныхъ ящиковъ съ карточками каталога. Каталоговъ я видѣлъ два: алфавитный, общій всей библиотекѣ, написанный на карточкахъ и хранящійся въ тщательно-закрытыхъ картонахъ, и инвентарный, списанный въ книгахъ и переплетенный какъ у насъ. Мнѣ показывали старый алфавитный каталогъ, который былъ написанъ на тетрадахъ и переплетенъ со множествомъ запасныхъ, бѣлыхъ листовъ для вписыванія дополненій. Опытъ доказалъ, что никакіе запасы бѣлой бумаги недостаточны для дополненій; вслѣдствіе чего, старый каталогъ, переписавъ на карточки, отложили, какъ бесполезную вещь. Публика вообще къ каталогамъ не допускается, но ученымъ, умѣющимъ цѣнить библиографическую работу, не запрещается дѣлать въ нихъ свои розысканія. Систематическаго каталога еще нѣтъ, и мнѣ сказали, что онъ дѣлается, но едва-ли онъ нуженъ при такомъ незначительномъ числѣ читателей. Въ Вѣнѣ есть нѣсколько библиотекъ доступныхъ публикѣ,—библиотекъ, богатыхъ новыми книгами, гдѣ можно, на извѣстныхъ условіяхъ, получать книги даже для занятій дома. Удивительно-ли послѣ этого, что главная библиотека, обставленная строгими формальностями и открытая не болѣе 4-хъ часовъ въ день, мало посѣщается публикой?

Разсматривая каталогъ, я замѣтилъ въ немъ, между прочимъ, два экземпляра перваго изданія (*editio princeps*) Герберштейна, Вѣна 1549. Я попросилъ показать мнѣ оба экземпляра и мнѣ достали ихъ въ минуту. Одинъ изъ нихъ оказался съ собственноручными замѣтками автора, но замѣтки эти не что иное, какъ корректурныя поправки. Для ученаго, пользующагося сочиненіемъ Герберштейна, поправки его не могутъ имѣть никакого значенія: онѣ любопытны только какъ автографъ знаменитой личности.

Говоря о Вѣнской библиотекѣ, я не могу не упомянуть о радужіи и любезности одного изъ ея библиотечарей, знаменитаго Миклосича. Узнавъ, что я Русскій онъ принялъ меня не какъ соплеменника, а какъ земляка, и самъ показалъ мнѣ свое отдѣленіе во всей подробности. Памятниковъ Славянской письменности у него много, но Русскій только одинъ: Октоихъ съ нѣсколькими главами изъ Евангелія, рукопись уставнаго письма XIII вѣка на пергаментѣ. Разсуждая о значеніи публичныхъ библиотекъ, о пользѣ, которую онѣ приносятъ наукѣ, Миклосичъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій съ нимъ въ одной библиотекѣ,—случай, показывающій какъ иногда хранители бываютъ завистливы и злобно вре-

дять людямъ, совѣстливо служащимъ наукѣ. Одинъ путешественникъ, придя въ Вѣнскую библіотеку и встрѣтясь съ Миклосичемъ, рассказалъ ему, между прочимъ, что въ одной изъ Германскихъ библіотекъ онъ видѣлъ очень древнюю рукопись и замѣтилъ на поляхъ ея надписи: *de rebus bulgaricis* и *de rebus rassicis*. Рукопись эта Миклосичу не была извѣстна и рассказъ путешественника возбудилъ въ немъ, очень-естественно, живѣйшее любопытство. Воспользовавшись первымъ досугомъ, Миклосичъ отправился въ извѣстную ему библіотеку, явился къ хранителю и сказалъ что ему нужно, упомянувъ простосердечно о надписяхъ на поляхъ. Хранитель попросилъ подождать и, спустя нѣсколько времени, принесъ желанную рукопись, но, пересматривая ее, Миклосичъ указанныхъ надписей на поляхъ не нашелъ. Онъ сказалъ объ этомъ одному изъ бывшихъ тутъ служителей библіотеки, и узналъ, по секрету, что хранитель, прежде нежели выдастъ ему рукопись, отыскалъ самъ надписи и соскоблилъ ихъ. Тогда Миклосичъ сталъ искать соскобленныхъ мѣстъ, нашелъ то, что ему было нужно, не встрѣтилъ въ указанныхъ мѣстахъ ничего особенно любопытнаго, но долго удивлялся тому, что встрѣтилъ въ самомъ хранителѣ. Скромный Миклосичъ, рассказывая мнѣ объ этомъ, не назвалъ ни путешественника, ни библіотеки, ни рѣдкаго въ своемъ родѣ хранителя рукописей.

Кромѣ Hof-Bibliothek я видѣлъ въ Вѣнѣ еще двѣ библіотеки: академіи наукъ и статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ. О первой изъ нихъ сказать нечего: она, при нынѣшнемъ обновленномъ управленіи академіи, возстаетъ изъ хаотическаго состоянія, въ которомъ до-сихъ-поръ находилась. Библіотека статистическаго отдѣленія есть собраніе всего печатаемаго во владѣніяхъ Австріи. На обязанности полиціи лежитъ наблюденіе на непремѣнно доставкою сюда всякаго печатнаго произведенія, выходящаго изъ Австрійскихъ типографій. Начальникъ этого отдѣленія, г. Вурцбахъ фонъ-Танненбергъ, просматриваетъ внимательно всѣ новыя книги и газеты, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ рецензій, изображаетъ духъ и направленіе современной письменности и особыми рапортами доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра. Вслѣдствіе этого составляются въ существующемъ при министерствѣ *bureau de la presse* (такъ назвалъ г. Вурцбахъ) статьи для газетъ, которыми иное ученіе опровергается, другое поддерживается, третье перетолковывается и такимъ образомъ,

по собственному выраженію г. Вурцбаха, правительство держитъ постоянно въ рукахъ возжу, которою даетъ сообразное съ своими цѣлями направленіе всѣмъ стремленіямъ Австрійскихъ умовъ. Библіотека статистическаго отдѣленія имѣетъ совершенно особенный характеръ. Она не очень велика и состоитъ изъ книгъ болѣею частью брошированныхъ, которыя были прочитаны одинъ только разъ для отчета. Порядокъ ея и каталоги просты и удобны какъ въ большой Hof-Bibliothek, но поучительнаго ничего не представляютъ.

Хотя данное мнѣ порученіе касалось только библиотекъ, и въ обзорѣ моемъ я ни о чемъ другомъ не долженъ-бы говорить, но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ одномъ Вѣнскомъ учрежденіи, замѣчательномъ въ высшей степени, это — государственная типографія (Staatsbuchdruckerei). По степени совершенства работъ своихъ, типографія это есть лучшая, а по устройству единственная въ Европѣ. Кромѣ типографскихъ станковъ, въ ней есть литографія, гальванопластическое отдѣленіе съ различными примѣненіями къ искусству тисненія, фотографія со всѣми современными усовершенствованіями и множество другихъ вспомогательныхъ техническихъ производствъ. Все заведеніе устроено и поддерживается такъ, чтобы предположенныя цѣли были достигаемы вполне. Нѣтъ излишествъ, нѣтъ и недоудѣлокъ ни въ чемъ. Во всѣхъ мастерскихъ приборы и инструменты расположены удобно, одно другому не мѣшаетъ; не замѣтно ни гдѣ нечистоты, которая вредила-бы опрятности работъ, но нѣтъ также нигдѣ и педантской чистоты, которою иногда щеголяютъ управляющіе, чтобъ показать, какъ говорится, лицомъ свое заведеніе и между тѣмъ забываютъ о существенномъ. Все заведеніе расположено въ очень небольшомъ строеніи въ шести этажахъ и, при сложности своей, производитъ такое множество работъ, что въ настоящее время касса типографіи имѣетъ запаснаго капитала болѣе 3 милліоновъ гульденовъ (около 2,000,000 рублей серебромъ). Причины этихъ результатовъ очевидны. Правительство, основавъ типографію, назначило директоромъ ея г. Ауера. Выборъ этотъ былъ удаченъ какъ нельзя больше. Г. Ауеръ, дѣйствительный членъ Вѣнской академіи наукъ, занимаясь своимъ дѣломъ съ любовью, улучшилъ и развилъ ввѣренное ему заведеніе до цвѣтущаго состоянія. Отдавая правительству отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, онъ не нуждается однакожь въ разрѣшеніяхъ прибавить ту или другую ма-

стерскую, усилить или уменьшить какое-нибудь производство. Дѣйствуя независимо онъ ищетъ только улучшать и развивать свое заведеніе, употребляетъ данныя ему средства съ знаніемъ дѣла и пришелъ къ тому, что государственная Вѣнская типографія, въ техническомъ отношеніи, не имѣетъ себѣ равной и, сверхъ-того, экономическія суммы ея считаются милліонами. Г. Ауеръ не перестаетъ дѣйствовать энергически и съ своимъ капиталомъ онъ предполагаетъ завести еще обширную типографію на совершенно новыхъ основаніяхъ, съ новыми цѣлями. Главная особенность его будущей предполагаемой типографіи будетъ состоять въ томъ, что онъ устроитъ ее въ связи съ большою бумажной фабрикой. Соединеніемъ этимъ г. Ауеръ надѣется достигнуть никому еще неизвѣстныхъ выгодъ. На бумажной фабрикѣ, которая будетъ работать исключительно для одной типографіи, сохранятся всѣ расходы на сушку, обрѣзываніе, укладываніе въ дести и стопы, увязываніе, нагрузку, перевозку и проч. Весь этотъ трудъ будетъ составлять чистый барышъ соединенія бумажной фабрики съ типографіей. Г. Ауеръ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о замыслаемомъ имъ предпріятіи, но я не считаю себя въ правѣ высказывать ихъ преждевременно.

Въ Вѣнской государственной типографіи съ особеннымъ вниманіемъ я рассматривалъ фотографическую мастерскую, имѣя въ виду будущую фотографическую мастерскую нашей Императорской Публичной Библиотеки. Нѣкоторыми замѣченными мною подробностями я постараюсь воспользоваться при устройствѣ фотографическаго заведенія у насъ, но главная особенность, замѣченная мною въ Вѣнѣ, останется у насъ не примѣнимою по причинѣ климата, это — мастерская поверхъ крыши. Я былъ въ Вѣнской типографіи $\frac{5}{17}$ февраля и безъ верхняго платья простоялъ на платформѣ крыши съ четверть часа, не чувствуя особеннаго холода. Правда, что это было въ тихую, ясную погоду и въ полдень. Здѣсь при мнѣ дѣлали негативы съ рисунковъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и то, что они сдѣлали въ 2—3 минуты, мы, подъ нашимъ февральскимъ небомъ и подъ стеклянною крышею, едва-ли успѣемъ сдѣлать въ 2—3 часа.

Изъ Вѣны я отправился въ Прагу и попалъ въ совершенно иной міръ: здѣсь если не пахнетъ Русью, то можно сказать, что Прага дышетъ Русью. Патриархъ чешской націи, В. В. Ганка, принялъ меня радушно и самъ показывалъ мнѣ Чешскій музей,

который находится въ его завѣдываніи. Дѣятельность его замѣчательна. Иноплеменное владычество внесло свой элементъ въ Чешскую землю, но Ганка стоитъ на стражѣ и посвящаетъ всѣ свои усилія тому, чтобъ поддержать національность Чеховъ. Его молитвенники, въ которыхъ часто упоминается Чешская земля, его собранія національныхъ пѣсень, въ которыхъ вспоминаются славныя прошедшія времена Чехіи, его учебныя книги Чешскаго языка, все это расходитя издаваніе за издаваніемъ и популярность маститаго Ганки поддерживается и даже растетъ. Въ настоящее время онъ усердно занимается издаваніемъ въ свѣтъ книжки богослуженія Греко-восточной церкви на Чешскомъ языкѣ. Трудно понять, что побудило его предпринять это издаваніе въ католической странѣ, но у него есть мысли, которыхъ онъ не высказываетъ. Въ Прагскомъ университетѣ, по требованію правительства, всѣ курсы читаются на Нѣмецкомъ языкѣ, а Ганка, одинъ Ганка читаетъ исторію Чешской литературы на чешскомъ и читаетъ безмездно, только-бы говорить съ молодымъ поколѣніемъ Чеховъ на ихъ родномъ языкѣ. На всѣ официальные Нѣмецкія бумаги, присылаемыя ему властями, какъ къ начальнику музеума, онъ отвѣчаетъ на Чешскомъ и, когда однажды ему это было постановлено на видъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не отваживается писать дѣловыхъ бумагъ на языкѣ для него чуждомъ, потому что опасается или употребить неприличное выраженіе, или исказить смыслъ дѣла, и тѣмъ повредить себѣ или музеуму.

Въ Чешкомъ музеумѣ книги поставлены также, какъ и въ Вѣнѣ, т.е. не по содержанію, а по форматамъ, но такъ-какъ бібліотека музеума богата больше бібліографическими рѣдкостями, нежели количествомъ книгъ, то каталоги ея не представляютъ ничего любопытнаго или назидательнаго. Витрины съ рукописями и икунабулами очень немного, но за то онѣ переполнены. Все выставленное въ нихъ расположено такъ, что обозрѣвающій ихъ не перемѣняя мѣста, видитъ вдругъ множество вещей. При всѣхъ выставленныхъ предметахъ находятся объяснительныя карточки, писанныя рукою Ганки. Между прочими рѣдкостями я видѣлъ пергаменный листъ Чешкой рукописи, которая по почерку и золотой заглавной буквѣ можетъ-быть отнесена къ XIII столѣтію. Листъ этотъ подаренъ музеуму однимъ врачомъ, получившимъ его въ Грацѣ (Штирійскій Градецъ) отъ одной торговки, которая продала ему кусокъ сыру и завернула въ этотъ листъ. Врачъ, раз-

смотря въ дома обертку, воротился немедленно къ торговкѣ, чтобъ купить у нея драгоценный памятникъ старины, но та сказала, что этотъ листъ былъ послѣдній и что она берегла его потому только, что на немъ есть золотая буква, но по недостатку оберточной бумаги она рѣшилась и его употребить, чтобы завернуть проданный господину доктору кусокъ сыру.

Прагская публичная библіотека есть библіотека университетская. Она состоитъ подъ управленіемъ знаменитаго Шафарика. Зданіе, въ которомъ она помѣщается, принадлежало прежде іезуитскому коллегіуму. Въ двухъ залахъ и теперь еще сохранились слѣды богатства и роскоши іезуитскаго ордена: изысканная архитектура XVII в., скульптура, позолота, живопись, зеркальныя стекла въ нѣкоторыхъ шкафахъ, все показываетъ, что прежніе владѣльцы зданія не были чужды желанія блеснуть внѣшностью. Прочія залы, очень просторныя и свѣтлыя, не убраны вовсе. Кромѣ читальной залы, гдѣ работаютъ и библіотекари, во всемъ остальномъ помѣщеніи библіотеки холодно. Библіотека раздѣлена на двѣ главныя части: національную, которая пополняется новыми приобрѣтеніями, и на рядъ отдѣльныхъ библіотекъ, которыя были въ различныя времена даримы коллегіуму и потомъ университету и сохраняютъ до-сихъ-поръ первоначальную свою цѣлость. Национальная библіотека раздѣлена на 44 отдѣленія. Книги стоятъ не по содержанію или алфавиту, а по величинамъ. Каждое изъ 44 отдѣленій и каждая изъ отдѣльныхъ библіотекъ имѣютъ особыя алфавитныя каталоги, написанныя въ книгахъ. При такомъ мелкомъ подраздѣленіи каталоги эти замѣняютъ отчасти систематическій. Кромѣ этихъ каталоговъ, есть еще общій алфавитный, написанный на карточкахъ, и инвентарный, въ которомъ, кромѣ главнаго слова (Stichwort), нѣтъ ничего. При всей краткости своей, каталогъ этотъ удовлетворителенъ вполне. Общій алфавитный каталогъ находится въ читальной залѣ, но не въ той части ея, гдѣ сидятъ приходящіе читатели, а за балюстрадомъ, гдѣ занимаются библіотекари. Здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, карточки для каталоговъ предпочитаютъ книгамъ. Всѣ приращенія вписываются въ каталогъ не разрушая его формы. Карточки каталога поставлены въ деревянные выдвигаемые ящики съ наклеенными бумажными этикетками, на которыхъ означены части алфавита, находящіяся въ каждомъ ящикѣ.

Относительно посѣтителей, занимающихся въ читальной залѣ,

въ Прагской библиотекѣ не существуетъ никакого порядка. Всѣ входящіе работаютъ вмѣстѣ съ библиотекарями, получаютъ и отдаютъ книги безъ всякихъ формальностей. Противъ злонамѣренныхъ читателей принята одна только предосторожность, но и та слишкомъ слабая: въ-виду всѣхъ читателей сидитъ на скамейкѣ столѣтній ветеранъ и наблюдаетъ за ними, но едва-ли онъ что-нибудь видитъ.

Дрезденская библиотека, послѣ прагскихъ патриархальныхъ, была для меня явленіемъ совершенно-новымъ и очень-любопытнымъ. Она помѣщается въ красивомъ зданіи, извѣстномъ подъ названіемъ *Jarapicshes Palais*. Изъ обширныхъ и совершенно-безполезныхъ сѣней, похожихъ на галерею, я взомелъ на парадную лѣстницу, отличающуюся крайнею неопрятностью. Въ передней, за низкой рѣшеткой, сидятъ директоръ и библиотекари. Слѣдующая затѣмъ, довольно-обширная зала назначена для читателей, которыхъ я засталъ немного, потому, что здѣсь безъ труда можно получать книги на домъ: библиотека ежегодно отпускаетъ такимъ образомъ болѣе 15,000 сочиненій. Въ читальной залѣ въ шкафахъ разставлено до 10,000 сочиненій, постоянно требуемыхъ посѣтителеми, т.-е. разнаго рода словарей, энциклопедій, каталоговъ и проч. Книги эти выдаютъ сію-же минуту каждому посѣтителю, но на домъ ихъ не отпускаютъ.

Разстановка книгъ библиотеки и форма каталоговъ показались мнѣ крайнѣ-неудовлетворительными, послѣ всего, что я видѣлъ до Дрездена. Книги въ шкафахъ размѣщены по системѣ довольно-странной. Самый обширный отдѣлъ библиотеки есть исторія, раздѣленная по государствамъ. Отдѣлъ этотъ оказался главнымъ потому, что въ Дрезденской библиотекѣ исторія принимается не въ томъ смыслѣ, какъ вездѣ: въ исторію входятъ тамъ сочиненія всѣхъ другихъ наукъ, имѣющія отношенія къ каждому изъ государствъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ исторіи Россіи, я встрѣтилъ Паласа *Flora rossica*. Смѣшанныя такимъ образомъ книги всѣхъ наукъ стоятъ въ каждомъ отдѣлѣ по старшинству изданій и каждый отдѣлъ начинается, конечно, съ самыхъ старыхъ викунабулъ. Особого опредѣленія старопечатныхъ книгъ въ Дрезденской библиотекѣ нѣтъ. Систематическій каталогъ написанъ совершенно въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ книги стоятъ на полкахъ. Этотъ же каталогъ служитъ вмѣстѣ и инвентаремъ библиотеки. Заведенный съ незапамятныхъ временъ инвентарно-систематическій каталогъ по-

полняется наравнѣ съ библіотекою и на нѣкоторыхъ страницахъ дополненія вписаны такъ тѣсно, что вставить еще что-нибудь нѣтъ никакой возможности. Я спросилъ библіотера: что они дальше будутъ дѣлать? и узналъ, что есть предположеніе приступить къ переписыванію всего каталога. Въ какомъ видѣ онъ будетъ переписанъ, это еще неизвѣстно. При этой разстановкѣ книгъ помѣщеніе вновь-поступающихъ сочиненій есть дѣло не легкое. Получивъ, напримѣръ, книгу о скотоводствѣ въ Англіи, библіотекаръ записываетъ ее въ инвентарно-систематическій каталогъ, въ исторію Великобританіи, въ то мѣсто, гдѣ по году изданія книга должна стать, означая на ней номеръ предъидущаго сочиненія, съ прибавкою одной или двухъ буквъ, по системѣ Эберта, потомъ съ этимъ-же указаніемъ мѣста вноситъ заглавіе книги въ алфавитный каталогъ и наконецъ идетъ въ библіотеку, чтобъ поставить книгу на указанное каталогомъ мѣсто, можетъ быть рядомъ съ Лингардомъ или Макоулеемъ. Если случится, что сосѣднія книги можно раздвинуть, то новая ставится безъ хлопотъ; но если на полкѣ тѣсно, то библіотекаръ или втискиваетъ книгу такъ, что ее вынуть трудно, или наконецъ поставить сзади, во второй рядъ, но непременно противъ того мѣста, гдѣ-бы ей слѣдовало стоять въ первомъ ряду. Мнѣ случилось видѣть книги и сжатые до нельзя и стоящія въ два ряда.

Кромѣ отдѣленія всеобъемлющей исторіи, есть отдѣленія и другихъ наукъ: естествознанія, математики, искусствъ и проч. Въ этихъ отдѣленіяхъ система столько-же необыкновенна, какъ и въ исторіи. Технологія, напримѣръ, отнесена къ математикѣ, и вслѣдствіе этого поваренныя книги очутились возлѣ астрономіи. Въ естествознаніи можно встрѣтить того-же Палласа, который стоитъ въ исторіи Россіи. Это допускается въ томъ случаѣ, если библіотека имѣетъ два экземпляра одного и того-же сочиненія. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ два экземпляра собранія Византійскихъ историковъ въ двухъ разныхъ залахъ: одинъ въ отдѣленіи филологіи, а другой — исторіи восточной имперіи. Въ Дрезденской библіотекѣ по каталогамъ считается до 500,000 сочиненій; но въ этой цифрѣ заключается и большое количество дублетовъ, которые, какъ я сказалъ выше, размѣщены по разнымъ отдѣленіямъ. Въ верхнемъ этажѣ есть комната совершенно-темная по причинамъ зависящимъ отъ фасада зданія, чему есть примѣры и у насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ: архитекторъ нашелъ

необходимымъ украсить фасадъ барельефомъ и загородить имъ окна. Воспылавъ желаніемъ помѣстить на фасадѣ барельефъ, архитекторъ совершенно упустилъ изъ виду, что внутренность зданія лишается свѣтлой, просторной залы. Въ архитектурѣ есть множество средствъ для того, чтобы раскрыть и обдѣлать отверстія для свѣта; но строителя Jарапischen Palais обуялъ барельефъ, и оттого Дрезденская библіотека имѣетъ очень обширную комнату безъ оконъ. Комната эта назначена для твореній Поль-де-Кока, Февала, Дюма и множества другихъ современныхъ намъ знаменитостей, блистающихъ тамъ во мракѣ.

Въ одной изъ залъ библіотеки есть витрины съ рѣдкостями, между которыми много мѣста занимаютъ Мексиканскія іероглифическія рукописи. Здѣсь, между прочимъ, я видѣлъ написанное рукою Альберта Дюрера цѣлое сочиненіе его Proportionen des menschlichen Kõrpers; рисунки въ этомъ сочиненіи, дѣланные имъ же, отличаются удивительною отчетливостію.

Едва-ли найдется путешественникъ, который, прїѣхавъ въ Дрезденъ, не посѣтитъ его знаменитой картинной галереи, не остановится съ сосредоточеннымъ вниманіемъ передъ Сикстинской Мадонной? Я вкусилъ этого наслажденія, но и въ галереѣ я занялся особенно предметомъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ моему порученію—устройствомъ отдѣленія эстамповъ. Въ нижнемъ этажѣ зданія, занимаемаго галереей, есть особое помѣщеніе для храненія эстамповъ и рисунковъ. Для входа туда раздается столько билетовъ, сколько позволяетъ просторъ помѣщенія. Все собраніе расположено въ двухъ залахъ: въ большой хранятся эстампы, а въ малой — рисунки. Шкафы сдѣланы очень изящно и даже роскошно, но, къ-сожалѣнію, съ глухими филиченчатыми дверцами. Несмотря на красивый рисунокъ шкафовъ и на отличную ихъ отдѣлку, все-таки скучно и утомительно видѣть большія площади дерева. Еслибы дверцы были со стеклами, то красивые портфели съ надписями значительно оживили-бы залу. Около столбовъ, поддерживающихъ своды, шкафы сдѣланы аршина въ 1½ вышины и надъ ними устроены витрины въ видѣ рамокъ со стеклами; за которыми выставлено множество превосходныхъ гравюръ XVI и XVII столѣтій. При гравюрахъ нѣтъ никакихъ объяснительныхъ надписей, и я нашелъ, что это очень хорошо потому, что гравюры много выигрываютъ отъ совершенно-чистаго грунта. При мнѣ было челоуѣкъ 20 — 25 любопытныхъ, разсматривавшихъ порт-

фели съ гравюрами; но художниковъ, которыхъ легко отличить на этомъ дѣлѣ, было 5 — 6. Не безъ зависти смотрѣлъ я на посѣтителей, бережно пересматривавшихъ гравюры, и съ грустью вспомнилъ о нѣкоторыхъ роскошныхъ изданіяхъ нашей Библиотеки, преждевременно состарѣвшихся въ незрѣлыхъ рукахъ нѣкоторыхъ нашихъ гостей. Я попросилъ собранія старыхъ гравюръ неизвѣстныхъ художниковъ и мнѣ дали изящный портфель, сдѣланный въ видѣ переплетенной книги. Гравюры прикрѣплены слегка на бумажныхъ ленточкахъ къ подкладкамъ изъ довольно плотной бумаги и такой величины какъ сами гравюры, а подкладки приклеены къ толстымъ картоннымъ большимъ листамъ такой-же величины, какъ портфель. Листы эти толщиной своей защищаютъ гравюру при просматриваніи и перекладываніи, а бѣлизною даютъ чистый грунтъ, на которомъ гравюра отлично отдѣляется. Всѣ портфели въ шкафахъ лежатъ, а не стоятъ, какъ въ Вѣнской библиотекѣ. Для каждого портфеля сдѣлана особая выдвигаемая полка точно такъ-же, какъ у насъ. У хранителей т.-е. у директора Грунера и его сотрудниковъ, находятся подъ-рукой всѣ ученые пособія для опредѣленія и описанія эстамповъ. Bartsch, Nagler, Brulliot, Weigel и множество другихъ извѣстныхъ сочиненій по этой части стоятъ въ шкафахъ, помѣщенныхъ въ переходѣ изъ залы гравюръ въ залу рисунковъ. Очевидно, что эта знаменитая Дрезденская коллекція гравюръ приведена въ порядокъ недавно и далеко еще не окончательно. На листахъ, гдѣ наклеены эстампы, нѣтъ ни надписей ни нумеровъ. Каталоги еще не составлены, но они дѣлаются и, какъ я замѣтилъ, очень основательно и съ знаніемъ дѣла. Есть инвентарь всей коллекціи, но слишкомъ краткій: въ немъ показаны только количества эстамповъ каждого гравера въ-особенности. При собраніи эстамповъ въ отдѣльныхъ листахъ есть и довольно богатая библиотека книгъ съ эстампами. Библиотека эта хранится тутъ-же въ особой комнатѣ, гдѣ работаетъ директоръ Грунеръ и куда посторонніе посѣтители не допускаются, но для меня, какъ для собрата, сдѣлано было исключеніе. Не только портфели съ отдѣльными эстампами, но и всѣ иллюстрированныя книги не поставлены а положены на полкахъ. Это, конечно, требуетъ больше мѣста, но нельзя-же не сдѣлать этой жертвы для сбереженія вещей истинно-драгоценныхъ.

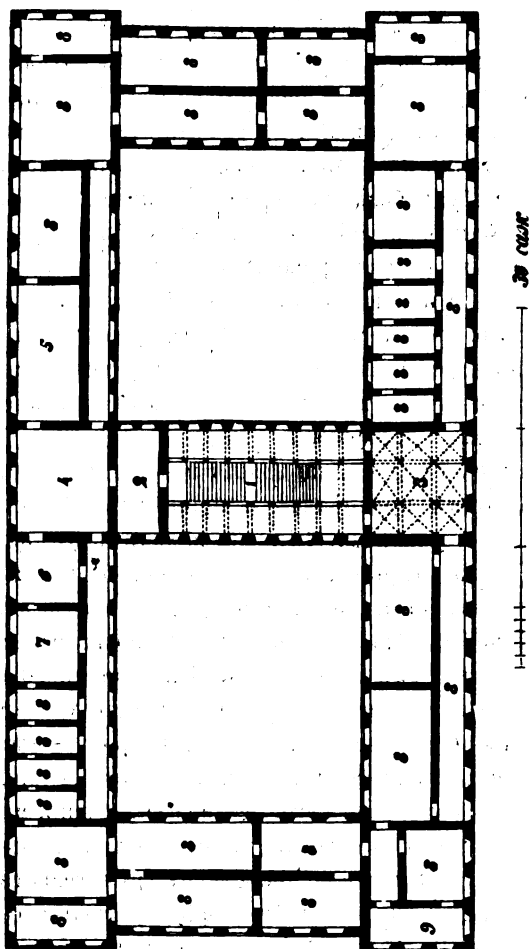
Все зданіе Дрезденской галлерей отапливается водой. Въ подвалѣ поставленъ большой трубчатый котелъ съ тремя топками.

Вода, нагрѣтая въ котлѣ, поднимается по чугуннымъ трубамъ, которыя проходятъ подъ полами нижняго и средняго этажей. Въ полахъ сдѣланы отверстія, прикрытыя чугунными рѣшетками, пропускающими теплоту, отдѣляющуюся отъ нагрѣтыхъ трубъ. Верхній этажъ нагрѣвается безъ трубъ: сквозь отверстія, сдѣланныя въ потолкахъ средняго этажа, теплота свободно поднимается. Этому обращенію воздуха много способствуютъ двѣ внутреннія, довольно просторныя лѣстницы и повсемѣстное отсутствіе дверныхъ притворовъ: двери запираются только при входѣ съ парадной лѣстницы. Вообще отопленіе Дрезденской галереи очень просто, но устройство его у насъ въ С. Петербургѣ было-бы сопряжено съ слишкомъ большими издержками.

Въ Мюнхенѣ я нашелъ библіотеку въ полномъ развитіи дѣятельности. Но прежде, нежели я займусь самою библіотекою, мнѣ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о зданіи, въ которомъ она помѣщается. Какъ произведеніе новѣйшаго искусства, оно заслуживаетъ внимательнаго обзора. Хотя зданіе это построено собственно для библіотеки, но оно не имѣетъ приличнаго своему назначенію характера. По довольно-гладкому фасаду и по скромнымъ, небольшимъ окнамъ въ трехъ этажахъ его, можно предположить на первый взглядъ, что это какое-нибудь учебное заведеніе, но никакъ не библіотека, для которой особенно-приличны и удобны обширныя и высокія залы съ большими окнами, всегда дающими фасаду крупныя и строгія формы. Отдѣлка внѣшности превосходна. Карнизы, пояски, наличники и вообще всѣ подробности отлично нарисованы и очень тонко выполнены. Этому много способствуютъ мѣстные матеріалы. Все, что мы въ С. Петербургѣ дѣлаемъ изъ извести и алебаstra и выставляемъ въ температуру, переходящую по термометру 60°, здѣсь дѣлается изъ камня, хотя почти не знаетъ, что такое морозъ. Наши глѣные карнизы, фризы, консоли и проч. хороши только въ первое лѣто, когда ихъ поставятъ, а въ Мюнхенѣ и вообще въ Германіи и Франціи всѣ эти мелочи дѣлаются изъ камня и сохраняютъ свою чистоту и оконченность въ продолженіе вѣковъ. Памятники христіанской архитектуры около 1000 лѣтъ сохраняютъ свои первоначальныя формы, а мы не знаемъ того даже, что дѣлали наши дѣды.

При входѣ въ вестибюль законическая надпись, привѣшенная къ столбу, предупреждаетъ всякаго, что куреніе табаку и какое-бы то ни было употребленіе огня въ зданіи библіотеки строго

запрещено. Внявъ предостереженію, я остановился, чтобъ посмотрѣть на великолѣпный вестибюль. Въ архитектурномъ отношеніи онъ едва-ли не лучшая часть всего зданія. Парадная лѣстница напомнила мнѣ нашъ Императорскій музейъ и я воображалъ, что великолѣпіе зданія Мюнхенской королевской библіотеки поразитъ меня, но блескъ кончился тутъ-же на парадной лѣстницѣ. Приемная оказалась очень простою залою, читальная еще проще, а внутреннее помѣщеніе библіотеки до такой степени просто, что въ немъ нѣтъ ни одного штриха художественности: это отлично-свѣтлыя, просторныя и удобныя кладовыя. Шкафы вездѣ сдѣланы въ два яруса съ галереєю и оба яруса такъ невысоки, что книги съ самыхъ верхнихъ полокъ можно доставать не употребляя приставной лѣстницы. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ двери, ведущей въ приемную, стоятъ двѣ колоссальныя мраморныя статуи герцога Альберта V, основателя библіотеки, и короля Людвига I, соорудившаго нынѣшнее ея помѣщеніе. Для монарховъ и создателей библіотеки мѣсто на парадной лѣстницѣ, у входа въ приемную, можетъ быть и не совсѣмъ прилично, но, въ декоративномъ отношеніи, лѣстница есть лучшая часть зданія, и слѣдовательно единственное мѣсто, гдѣ можно было ихъ поставить. Если на верхней площадкѣ парадной лѣстницы, не входя въ приемную, пойти назадъ по боковой галереѣ, то можно видѣть еще одну залу, имѣющую значеніе художественное, но за то никакого другаго. Въ залѣ этой нѣтъ столько мебели, чтобъ можно было сказать, что она меблирована; кромѣ овальнаго стола и нѣсколькихъ креселъ въ ней нѣтъ ничего—ни шкафовъ, ни книгъ. Она не имѣетъ никакого назначенія или дѣйствительнаго употребленія. Самое названіе ея Prinzen-Saal ничѣмъ не объясняется и ничему не соответствуетъ, а между-тѣмъ зала прекрасная, съ гранитными колоннами, мраморными капителями и расписанными сводами. Строитель обдѣлалъ эту залу очевидно для того, чтобѣ ея закончить архитектурную средину зданія, состоящую изъ вестибюля, превосходной лѣстницы и залы принцевъ. Для молодыхъ архитекторовъ Мюнхенская библіотека можетъ служить поучительнымъ примѣромъ. Первый ошибочный взглядъ на значеніе зданія можетъ иногда обезсмыслить окончательно весь проектъ, и потомъ уже никакія ухищренія, никакая обдѣлка не могутъ исправить первоначальной ошибки.

Предлагаемый здѣсь планъ средняго этажа показываетъ все расположеніе зданія: 1) лѣстница, 2) пріемная, 3) зала принцевъ, 4) читальная зала, 5) комната для каталоговъ, 6) кабинетъ библіотекарей и каталогъ всего поступающаго въ библіотеку (Accessions-katalog), 7) комната для чтенія журналовъ, 8) залы библіотеки и 9) хранилище рѣдкостей.

Въ общемъ расположеніи зданія я замѣтилъ странную особенность. Зданіе построено въ три этажа, изъ коихъ нижній занятъ государственнымъ архивомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ библіотекою, которая размѣщена надъ нимъ въ

двухъ верхнихъ этажахъ. Парадная лѣстница ведетъ только до средняго этажа и кромѣ этой лѣстницы нижній этажъ не имѣетъ никакихъ сообщеній съ верхними, а верхніе этажи соединены между собою только узкими деревянными лѣстницами, устроенными позади шкафовъ. Лѣстницы эти удобны только для внутренней службы библіотеки; но еслибы понадобилось пронести въ верхній этажъ какую-нибудь большую вещь, то пришлось-бы тащить ее въ окно. Посѣтителей, обозрѣвающихъ библіотеку, хотя-бы они были вѣнценосцы, нельзя провести въ верхній этажъ иначе какъ позади шкафовъ и почти въ потьмахъ. О случаяхъ пожара и подумать страшно: крыша черепичная, на деревянныхъ стропилахъ, вездѣ деревянные потолки, и ко всему этому между верхними этажами узкія деревянные лѣстницы, удаленныя отъ каменной парадной и спрятанныя за шкафами.

Архитектурные недостатки зданія не мѣшаютъ однакожъ Мюнхенской библіотекѣ процвѣтать и приносить обществу большую пользу. Ученые и учащіеся Мюнхена находятъ въ ней много пособій. Библіотека открыта, правда, только три дня въ недѣлю отъ восьми часовъ утра до часу пополудни, но въ эти часы дѣятельность въ ней кипитъ. Еслибы публика пользовалась только въ читальной залѣ, то 15-ти часовъ въ недѣлю, конечно, было-бы очень мало; но коренными законами дозволено выдавать книги на-домъ, и потому читальная зала имѣетъ уже второстепенное значеніе. Для отпуска изъ библіотеки и обратнаго приѣма книгъ есть особый секретарь, которому, какъ я видѣлъ, очень много работы. Книги изъ библіотеки отпускаются съ большими ограниченіями. Чтобы получить книгу, нужно представить ручательство или очень извѣстнаго лица, или какого-нибудь государственнаго учрежденія, и притомъ получать можно такія только книги, которыя не находятся въ большомъ и общемъ употребленіи; каковы напримѣръ разнаго рода справочныя книги, словари и т. д. За всѣмъ тѣмъ публика беретъ и возвращаетъ ежегодно отъ 10 до 12,000 сочиненій.

Для занимающихся въ самой библіотекѣ есть двѣ читальныя залы: одна для книгъ и рукописей, а другая только для журналовъ и газетъ. Въ первой изъ нихъ порядокъ очень простъ. Желающій читать обращается къ сидящему на видномъ мѣстѣ приставу (Angestellte), получаетъ отъ него приготовленные уже заранѣе однообразной величины лоскутки чистой бумаги, пишетъ на нихъ заглавія нужныхъ ему книгъ, подписываетъ свое имя (дѣйстви-

тельное или вымышленное — это все равно) и отдает пристава. Требования эти переходят тотчас-же въ отдѣленіе каталоговъ и, если спрошенныя книги находятся въ библиотекѣ, то на требованіяхъ отжѣчаются *Signaturen* т.-е. означенія, въ какихъ залахъ и въ какихъ шкафахъ книги стоятъ, требованія передаются служителю (*Bibliothekdiener*), который немедленно направляется по указанію и приноситъ книги; если-же книгъ въ каталогѣ не оказывается, то требованія въ ту-же минуту возвращаются съ отвѣтомъ требователю. Принесенная въ читальную залу книга вручается безъ всякихъ формальностей требователю, а записка съ его подписью остается у пристава и возвращается читателю тогда только, когда онъ возвратитъ книгу. Если читатель, возвращая книгу, скажетъ, что она ему нужна будетъ и въ слѣдующій читальный день, то приставъ означаетъ на лоскуткѣ бумаги имя читателя, втыкаетъ его въ книгу, а требованіе, подписанное читателемъ, возвращаетъ ему до слѣдующаго его появленія. Остающіяся до-времени книги сохраняются въ читальной залѣ въ особомъ шкафу за проволочной сѣткой и подъ ключемъ пристава, гдѣ онѣ ставятся въ алфавитный порядокъ по именамъ читателей. Все это кажется очень просто, хорошо и удобно; но съ этой простотой приходящіе читатели дѣлаютъ библиотекѣ больше вреда, нежели тѣ, которые требуютъ книги домой. Это дѣлается также очень просто. Приходящіе читатели не оставляютъ своего верхняго платья у швейцара, а приносятъ все съ собой въ читальную залу и тутъ-же вѣшаютъ на приготовленныя мѣста. Читатель, имѣющій преступныя намѣренія, получивъ у пристава книгу, и оставивъ у него требованіе съ подписаннымъ псевдонимомъ, выжидаетъ только минуты, когда тотъ займется съ другими посѣтителеми, кладетъ безъ церемоніи книгу въ карманъ и, взявъ шляпу, уходитъ. Этотъ простой маневръ очень трудно подмѣтить въ безпрестанномъ движеніи приходящихъ и уходящихъ въ читальную залѣ. Выслушавъ отъ библиотекаря Видмана жалобу на приходящихъ читателей, я замѣтилъ ему, что зло это происходитъ отъ невнимательности библиотечки къ публикѣ, а именно: еслибы приходящій читатель былъ избавленъ отъ труда вѣшать свое пальто и свою шляпу на указанное мѣсто, а отдавалъ-бы ихъ швейцару, получалъ отъ него красивый металлическій номерокъ и приносилъ-бы его вмѣстѣ съ своимъ требованіемъ пристава, то такая предупредительность библиотечки избавляла-бы порядочныхъ

людей отъ хлопотъ съ верхнимъ платьемъ, а желающій унести книгу былъ-бы нѣсколько стѣсненъ тѣмъ, что нумерокъ отъ пальто и шляпы его находится у пристава. Видманъ такъ былъ пораженъ простотою этой гарантіи, что, я увѣренъ, замѣчаніе мое не останется безъ послѣдствій.

Въ читальной залѣ открыта книга для записыванія заглавій такихъ сочиненій, которыя были требованы въ чтеніе и въ библиотекѣ не оказались. Эти desiderata записываются приходящими читать и получающими книги на-домъ. Страницы въ этой книгѣ раздѣлены на 5 столбцовъ, въ которыхъ означается: число, когда дзедирать записать, заглавіе его, имя записавшаго, резолюція директора: купить или не купить книгу и наконецъ число, когда положена резолюція.

Тамъ-же есть другая книга, въ которую вписываются всѣ приобрѣтенія библиотеки. Она ведется въ систематическомъ порядкѣ. Трудно однакожь сказать, чтобы книга эта была полезна, когда есть полный каталогъ, доступный всякому порядочному посѣтителю.

Читальная зала для журналовъ есть преполезнѣйшее учрежденіе въ Мюнхенской библиотекѣ. Кромѣ всѣхъ Баварскихъ журналовъ и газетъ, библиотека получаетъ болѣе ста иностранныхъ, исключительно ученыхъ. Всѣ газеты и журналы разложены по картонамъ, стоящимъ на полкахъ съ надписями. Здѣсь нѣтъ никакихъ приставовъ и надсмотрщиковъ: приходящіе берутъ и читаютъ что кому угодно, но приходящіе эти — члены академіи наукъ и профессора университета и только. Никто другой не имѣетъ доступа въ журнальную комнату. Такъ сказано въ законѣ.

Непосредственно возлѣ читальной залы находится отдѣленіе каталоговъ, Katalogzimmer. Здѣсь занимаются библиотекари и здѣсь хранятся каталоги всей библиотеки. Всѣ шкафы этой довольно обширной залы наполнены всякаго рода справочными книгами, которыя безпрерывно нужны и самимъ библиотекарямъ и читателямъ. Средина залы занята рядомъ высокихъ столовъ въ видѣ монторокъ, на которыхъ лежатъ 57 томовъ общаго алфавитнаго каталога всей библиотеки, написаннаго довольно чисто на бумагѣ большаго формата. Съ 1840 года въ каталогъ эртъ книги больше не вносятся. Все, что поступило въ библиотеку съ этого года, вносятся въ подвижной каталогъ, въ родѣ нашего. Итакъ, это уже третья большая библиотека, которую я видѣлъ въ моемъ путеше-

ствѣ, гдѣ каталоги въ переплетенныхъ томахъ оставляются и замѣняются карточками (Вѣна, Прага и Мюнхенъ).

Заглавія, списанныя на карточкахъ, хранятся въ картонахъ, стоящихъ на нижнихъ полкахъ тѣхъ-же столовъ, или конторокъ, на которыхъ лежитъ и старая переплетенная часть каталога. Всѣ 57 томовъ лежатъ по алфавитному порядку одинъ за другимъ, и параллельно ихъ алфавиту стоятъ на полкахъ картоны съ карточками. Если бібліотекаръ отыскиваетъ заглавіе книги, то онъ справляется прежде въ переплетенной книгѣ каталога и, если тамъ нѣтъ, то достаетъ картоны.

Кромѣ алфавитнаго каталога, есть еще и инвентарный, т.-е. опись книгъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ въ шкафахъ. Прежде нежели говорить объ этомъ каталогѣ, я нахожу болѣе удобнымъ разсказать то, что я видѣлъ на полкахъ. Послѣ того мнѣ останется уже сказать объ инвентарѣ только два—три слова.

Мюнхенская бібліотека раздѣлена на 12 главныхъ частей по наукамъ, а эти части въ свою очередь раздѣлены на 180 мелкихъ подраздѣленій, а именно:

1) энциклопедія —	11	подраздѣленій,
2) филологія —	18	»
3) исторія —	40	»
4) математика —	8	»
5) естествознаніе —	13	»
6) астрономія —	4	»
7) философія —	3	»
8) эстетика —	15	»
9) политика —	6	»
10) медицина —	8	»
11) правовѣдѣніе —	16	»
12) богословіе —	38	»

Сверхъ этихъ 12 частей есть еще отдѣльныя собранія, какъ-то: 1) книги, относящіяся до Баваріи (Bavaria), 2) диссертациі, 3) инкунабулы, 4) книги, печатанныя на пергаментѣ, 5) ксилографы, 6) эстампы, 7) книги на восточныхъ языкахъ, 8) собраніе разныхъ изданій «Пляски мертвыхъ», 9) рѣдкія книги (rariora), 10) эротическія сочиненія и 11) дублиеты.

Оставивъ въ сторонѣ отдѣльныя собранія, раздѣленные и разставленные каждое сообразно своему назначенію, я представлю порядокъ главнаго тѣла, раздробленнаго на 180 подраздѣленій.

Подраздѣленія эти существуютъ и въ шкафахъ, гдѣ, сверхъ-того, каждое изъ нихъ распадается на три главные формата; книги же каждаго формата стоятъ въ алфавитномъ порядкѣ. Такимъ образомъ все, что раздѣлено на 12 частей по наукамъ, имѣетъ на полкахъ 540 алфавитовъ. При разстановкѣ библіотеки въ новомъ зданіи, библіотекари имѣли въ виду долговременное ея существованіе и не забывали также и о томъ, что она будетъ увеличиваться. Съ этою цѣлью они ставили книги такъ просторно, что и теперь на полкахъ вездѣ много пустаго мѣста. Служители, занимающіеся отыскиваніемъ книгъ по отмѣткамъ, даваемымъ изъ каталога, привыкли къ этой разстановкѣ и такъ изучили мѣстность, что могутъ найти въ потьмахъ каждое изъ 540 подраздѣленій. Инвентарный каталогъ сдѣланъ точно въ томъ-же порядкѣ, какъ поставлены книги, т.-е. въ немъ есть всѣ 540 подраздѣленій, каждое въ алфавитномъ порядкѣ. Положимъ, что 540 частей не могутъ имѣть вреднаго значенія въ такой библіотекѣ, гдѣ количество сочиненій доходитъ, какъ мнѣ сказали, до 700,000; но зачѣмъ онѣ стоятъ въ алфавитномъ порядкѣ, когда есть общій алфавитный каталогъ, въ которомъ при каждой книгѣ означено мѣсто, гдѣ она стоитъ — этого я понять и оцѣнить не могу. Всѣ книги перенумерованы, однакожь простой серіи номеровъ нѣтъ нигдѣ: рѣдкій номеръ не имѣетъ добавочныхъ буквъ, но и буквы не ставятся въ сплошномъ порядкѣ азбуки, а съ промежутками, въ ожиданіи будущихъ приращеній. На первой страницѣ инвентаря по отдѣленію искусствъ я замѣтилъ слѣдующій порядокъ: № 1. Adhemar. Die Perspective. № 1 h. Agincourt. Histoire de l'art. № 1 hm. Agincourt. Denkmäler. № 1 m. Albertoli. Ornamenti и такъ далѣе въ этомъ-же родѣ. Увидѣвъ такой мудреный и вмѣстѣ съ этимъ младенческій порядокъ и вспомнивъ, что въ этой библіотекѣ нѣкогда работалъ Шреттингеръ, я не могъ понять, что случилось съ его удивительнымъ принципомъ составленія каталоговъ, — принципомъ, такъ удачно привившимся у насъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Мнѣ показали систематическій каталогъ, писанный рукою Шреттингера, и недоумѣнія мои разрѣшились скоро. Воспитанный на алфавитахъ Шреттингеръ вводилъ систематическій порядокъ въ алфавитный, потому, наоборотъ, алфавитный въ систематическій, запутался въ придуманныхъ имъ формахъ каталоговъ и зашелъ въ страшную глушь. Преемники его не имѣли бодрости за нимъ туда слѣдовать

и безусловно отреклись отъ всего, что онъ придумалъ. Кто не знаетъ простоты и ясности систематическаго порядка въ каталогахъ? Человѣкъ знакомый съ наукою, взглянувъ на любую систему, тотчасъ почувствуетъ, гдѣ бьется тотъ пульсъ организма, котораго онъ ищетъ. Шреттингеръ не могъ не знать этой простой истины и за всѣмъ тѣмъ, раздѣливъ историческое отдѣленіе по научной, весьма дѣльной системѣ, поставилъ всѣ свои подраздѣленія въ алфавитный порядокъ, и такимъ образомъ запуталъ нить системы до того, что распутать было невозможно и его огромный трудъ совершенно оставленъ и никѣмъ не продолжается.

Мнѣ показывали карточки, изобрѣтенныя и писанныя Шреттингеромъ для Real-Index, т.-е. для указателя предметовъ къ систематическому каталогу. Подобный указатель былъ-бы удивительнымъ пособіемъ для библиотекарей и для всѣхъ ученыхъ, работающихъ въ большой библиотекѣ, но это утопія — такъ крайней-мѣрѣ мнѣ кажется. Одно только изъ начинаній Шреттингера не оставлено его преемниками, поддерживается ими и приносить пользу — это алфавитный каталогъ біографій. Каталогъ этотъ есть нѣчто въ родѣ отрывка систематическаго каталога, котораго въ Мюнхенской библиотекѣ нѣтъ.

Лучшая и, по моему мнѣнію, достойная подражанія часть устройства Мюнхенской королевской библиотеки есть Accessions-katalog. Имъ завѣдуетъ библиотекарь Видманъ. Надъ столомъ, гдѣ онъ работаетъ, возвышается нѣсколько полокъ съ рядами небольшихъ картонныхъ ящичковъ, въ которыхъ стоятъ, въ алфавитномъ порядкѣ, карточки съ заглавіями всѣхъ купленныхъ въ его время книгъ. На каждой карточкѣ означено: кому изъ книгопродавцевъ и когда книга была заказана, когда она вступила въ библиотечку, сколько за нее заплачено и наконецъ гдѣ книга стоитъ въ библиотекѣ. На нижней полкѣ три картона, стоящіе въ ряду прочихъ, отличены двѣтомъ оклейки. Въ этихъ картонахъ, находящихся подъ-рукой у Видмана, стоятъ картонки съ заглавіями книгъ заказанныхъ, но еще не поступившихъ. На карточкахъ означено имя книгопродавца, которому книга заказана, число когда заказъ сдѣланъ и опубликованная цѣна. Если кто-нибудь изъ библиотекарей или посѣтителей читальной залы предлагаетъ къ покупкѣ новую книгу, то Видманъ дѣлаетъ заказъ не иначе, какъ справясь въ своемъ подвижномъ каталогѣ, и очень часто

открываетъ, что предлагаемая книга или уже куплена, или заказана. Кромѣ подвижнаго каталога, ведутся еще особые счета всѣхъ прибрѣтеній. Счета эти пишутся въ книгахъ, особо для каждаго книгопродавца. При множествѣ книгопродавцевъ, съ которыми Мюнхенская бібліотека ведетъ дѣла, счета ихъ составляютъ довольно длинный рядъ книгъ, стоящихъ въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ книгопродавцевъ. Въ счетахъ этихъ я замѣтилъ нѣкоторую неконченность порядка. Заказы записываются исправно, но объ исполненіи ихъ не дѣлается никакихъ замѣтокъ, такъ-что въ каждомъ счетѣ видно только заказанное, а еслибы потребовалось указать чего книгопродавецъ не дослалъ, то нужно было-бы справляться въ алфавитномъ каталогѣ. Такого простаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого удобнаго каталога прибрѣтеній я нигдѣ до Мюнхена не видѣлъ.

Мюнхенская бібліотека издерживаетъ на новыя книги ежегодно 18,000 гульденовъ (около 11,000 р. сер.).

Обходя многочисленныя залы Мюнхенской бібліотеки, я не разъ позавидовалъ простору ея помѣщенія. Кромѣ множества пустыхъ мѣстъ на полкахъ—слѣдствія систематической разстановки книгъ, я видѣлъ нѣсколько залъ съ совершенно-пустыми шкафами.

Въ ряду залъ средняго этажа есть одна съ желѣзными, крѣпкими дверьми. Здѣсь хранятся всѣ рѣдкости бібліотеки, здѣсь-же и выставки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мюнхенская бібліотека очень богата рѣдкостями разнаго рода, но выставки ея такъ незначительны и такъ мало обдѣланы, что кажется будто онѣ вынуждены необходимостью, а не избыткомъ богатствъ, достойныхъ удивленія. Автографы съ портретами, украшающіе всѣ шкафы великолѣпнаго хранилища рукописей Императорской Публичной Библиотеки, это гигантъ въ сравненіи съ крошечными ящичками, видѣнными мною въ Мюнхенѣ. Всѣ выставленные предметы замѣчательны въ высшей степени, но они нѣмы: на нихъ лежатъ этикетки съ безсмысленными нумерами и посѣтители должны прислушиваться къ затверженной рѣчи служителя (Bibliothekdiener), который, какъ по книгѣ, въ тысячный разъ повторяетъ свою повѣсть, быстро переходя отъ предмета къ предмету. Тутъ некогда остановиться надъ словами, начертанными рукою той или другой міровой знаменитости, — Bibliothekdiener говоритъ вамъ уже другое, онъ торопится покончить поскорѣе съ вами, чтобъ идти доставать книги для докучливыхъ читателей. Небольшая витрина наполнена рѣдкими переплетами. Кромѣ ихъ матеріальной цѣн-

ности — кованныго золота и драгоценныхъ камней, каждый изъ нихъ имѣеть и важное историческое значеніе. Между иноязычными рѣдкими рукописями выставленъ псалтырь на бумагѣ, кириловскаго уставнаго письма. Bibliothekdiener въ разсказѣ своемъ отнесъ его къ XIII столѣтію. Можетъ быть, онъ и правъ, но почему же рукопись написана на бумагѣ? Тутъ-же выставлено собраніе матеріаловъ письменности (Schreibmaterialen), но оно далеко не такъ богато и разнообразно, какъ въ нашей Императорской Публичной Библиотекѣ: нѣтъ рисовой бумаги, бересты, шелку, свинца, такъ-называемой человѣческой кожи (peau humaine), мрамора и другихъ матеріаловъ. Ксилографъ выставленъ одинъ, а ихъ въ библиотекѣ больше двадцати. Скупо, очень скупо дѣланы въ Мюнхенѣ выставки.

По дорогѣ между большими библиотеками Мюнхена и Парижа мнѣ случилось посѣтить небольшую публичную библиотечку во Франкфуртѣ. Начальникъ этой библиотечки Бѣмеръ, старикъ дряхлый, очень недоволенъ ея помѣщеніемъ. Впрочемъ, онъ, кажется, недоволенъ всѣмъ на свѣтѣ, потому-что онъ самъ слабъ и боленъ. Встрѣтивъ меня, онъ сказалъ, что библиотечка мнѣ не понравится: въ ней и тѣсно и темно. Я вошелъ въ залы и нашелъ совершенно противное. Вся библиотечка, имѣющая не съ большимъ 40.000 сочиненій, размѣщена въ трехъ очень свѣтлыхъ, просторныхъ и очень красиво-обдѣланныхъ залахъ. Книги разставлены по величинамъ переплетовъ, т.е. по новой системѣ, полный алфавитный каталогъ написанъ на карточкахъ и поставленъ въ очень красивыхъ картонахъ. Есть краткій инвентаръ, въ который записаны всѣ книги въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ на полкахъ. Однимъ словомъ, библиотечка находится въ отличномъ порядкѣ. Въ ней нѣтъ, правда, систематическаго каталога, но его нѣтъ вообще ни въ одной изъ библиотекъ мною видѣнныхъ. Д-ръ Бѣмеръ жалуется на тѣсноту помѣщенія, потому-что для новыхъ книгъ онъ вынужденъ былъ поставить низкіе шкафы въ срединѣ одной залы; но это нисколько не отняло свѣта и не повредило эффекту: зала просторная, высокая, въ два свѣта, съ двумя ярусами шкафовъ и съ красивою галереєю.

Здѣсь есть также и выставки, но онѣ не велики, какъ и самая библиотечка: въ нѣсколькихъ рамкахъ за стеклами выставлены два письма Лютера, предписаніе Валленштейна, письмо Меланхтона, листъ Мазариновской библии, напечатанный на пергаменѣ,

и нѣсколько кусковъ Египетскаго папируса съ иероглифами. Въ шкафахъ за стеклами выставлено нѣсколько рѣдкихъ книгъ, между которыми отличается превосходный экземпляръ Мазариновской библии на бумагѣ.

Читающихъ я засталъ не много, но это былъ часъ дня, въ который библиотеку запираютъ. Выходя изъ библиотеки, я подошелъ къ г. Бёмеру, чтобы проститься съ нимъ и выслушалъ отъ него еще, если не жалобу, то покрайней-мѣрѣ сожалѣніе и о чемъ же? — о нашей Императорской Публичной Библиотекѣ. Пока я оставался въ залахъ, г. Бёмеръ досталъ только-что поступившую къ нему книгу *Memoirs of libraries by Edwards. London 1859*, отыскавъ въ ней главу о нашей библиотекѣ и на приложенномъ планѣ успѣлъ замѣтить, что зданіе наше очень мало и что въ немъ нѣтъ нигдѣ сводовъ. Взглянувъ на планъ, я увидѣлъ, что г. Эдвардсъ въ своей новой книгѣ изобразилъ нашу Библиотеку такою, какъ она была при Александрѣ I. Чтобы разсвѣять тревожныя мысли почтеннаго Бёмера, я разсказалъ ему о нынѣшнемъ объемѣ нашей Библиотекы, о ея сводахъ, о способѣ отопленія и наконецъ о новомъ предположеніи сдѣлать пристройку также со сводами.

Библиотека, которую я осматривалъ послѣ небольшой Франкфуртской библиотеки, была громаднѣйшая Парижская *Bibliothèque Impériale*. Первая личность, которую я совершенно случайно здѣсь встрѣтилъ на первомъ шагѣ, былъ директоръ ея, г. Ташро (*Taschereau*). Услышавъ мое имя, извѣстное уже ему по сочиненію моему «*Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques*» (*), сообщенному ему моимъ начальствомъ чрезъ Французскаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, онъ принялъ меня отлично и проводилъ въ свой кабинетъ. Наговоривъ множество похвалъ моему сочиненію, которое, какъ я послѣ узналъ, онъ тщательно спряталъ и, до пріѣзда моего, никому изъ библиотечарей еще не показывалъ, г. Ташро непосредственно перешелъ къ жалобамъ на воровство, непрерывно продолжающееся во ввѣренный ему библиотекѣ. Въ тотъ самый день, когда онъ принималъ меня, въ библиотекѣ открыто слѣдующее похищеніе. Какой-то господинъ, читая сочиненія Поля

(*). См. Ж. м. в. пр. Ч. С. отд. II, статью: *Объ устройствѣ общественныхъ библиотекъ и составленіи изъ каталоговъ.*

Лакруа: «Histoire de l'imprimerie», нашелъ тамъ извѣстiе объ одной очень любопытной афишѣ временъ кардинала Мазарини. Афишу эту авторъ самъ видѣлъ въ Императорской Парижской библиотекѣ и положительно говорить, что она вклеена въ такую-то рукопись, у листа подъ такимъ-то номеромъ. Читатель, желая видѣть описываемую имъ афишу, спросилъ рукопись, но при указанномъ листѣ нашелъ только слѣды, доказывающiе, что тутъ прежде было что-то приклеено, но афиши не оказалось. Очевидно, что кто-то раньше прочелъ «Histoire de l'imprimerie» и навѣдался уже въ указанной рукописи. Ташро съ презрѣнiемъ отзывается о ворихкахъ, которые ищутъ стащить обыкновенную книгу, иногда не для содержанiе ея, а только для хорошаго переплета, и въ то-же время горько жалуется на ученыхъ воровъ, которые таскаютъ изъ библиотеки величайшiя рѣдкости и отнимаютъ у грядущихъ поколѣнiй важнѣйшiя пособiя науки. Афишу временъ Мазарини не могъ утащить пошлый ворихка: она находилась въ рукописи, рукописи-же выдаются не первому пришедшему, а людямъ извѣстнымъ или по ученымъ трудамъ или по-крайней-мѣрѣ по своему положенiю въ обществѣ. Раздѣливъ искренно печаль почтеннаго Ташро, я попросилъ у него позволенiе осмотрѣть всю библиотеку и ознакомиться съ ея устройствомъ. Онъ далъ мнѣ проводника, молодого и мастерски-говорящаго *des tiens* Парижанина.

Первый предметъ, на которомъ я остановилъ особенное вниманiе, была читальная зала, гдѣ я засталъ человекъ полтора ста публики, довольно неопрятной. Я слышалъ прежде объ этой обширной залѣ, о сидящемъ въ срединѣ ея библиотечарѣ, съ которымъ всѣ приходящiе совѣтуются насчетъ выбора книгъ, и который, сидя на возвышенiи, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ читальной залѣ. По этимъ слухамъ я составилъ себѣ такое понятiе, къ которому дѣйствительность не подошла на очень далекое разстоянiе. Подъ влiянiемъ бесѣды г. Ташро, взглянувъ на обстановку читальной залы, я почувствовалъ что-то въ родѣ того, что мы чувствуемъ видя въ рукахъ дитяти дорогую и хрупкую вещь. У входа въ зданiе библиотеки привѣшено извлеченiе изъ правилъ для посѣтителей, гдѣ сказано: «въ чтенiе не выдаются книги противныя нравственности; театральныя пьесы; сочиненiя авторовъ, находящихся въ живыхъ (1); романы, какъ отдѣльно изданные, такъ и помѣщенные въ собранiяхъ сочиненiй; изданiя съ иллюстрацiями; всѣ журналы и перiодическiя изданiя за послѣднiя 20 лѣтъ;

брошюры юмористическія и имѣющія отношеніе къ современности; книги адресовъ; всякаго рода учебныя книги и вообще все, что можно легко получить во всѣхъ библіотекахъ для чтенія (*cabinets de lectures*). Никакое новое сочиненіе не выдается до истеченія года со дня появленія его въ свѣтъ».

Ограниченія эти такъ эластичны, что Императорская Парижская библіотека не даетъ своимъ посѣтителемъ никакихъ новыхъ книгъ; за всѣмъ тѣмъ въ читальной залѣ всегда пропасть читателей, которые требуютъ исключительно старыя и часто очень рѣдкія книги. Въ правилахъ сказано еще (§ 73): «молодые люди до 20 лѣтъ имѣютъ доступъ въ читальную залу не иначе, какъ по особому позволенію директора.» Ташро рассказывалъ мнѣ, что во все время его управленія онъ далъ позволенія только двоимъ, не дожившимъ до 20 лѣтъ, и то вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ ихъ родственниковъ, людей извѣстныхъ съ отличной стороны; но молодые люди оправдали смыслъ закона и ихъ послали прогуляться: одинъ спросилъ *Les fables de Lafontaine*, которыя можно купить у всякаго книжника за полфранта, а другой — *l'histoire de Cartouche*.

Являющіеся въ читальную залу *habitués* берутъ приготовленные для нихъ печатные бланки, пишутъ заглавія того что имъ нужно, подписываютъ свое имя (какъ и въ Мюнхенѣ) и отдають библіотекарю, сидящему на возвышеніи. Библіотекаръ принимаетъ требованія, глубокомысленно ставитъ на всѣхъ одинъ и тотъ-же значекъ и передаетъ ихъ служителямъ (*garçons*), которые стоятъ противъ кассеры библіотекаря и имѣютъ въ своемъ распоряженіи кожаные ящики, поднимающіеся и опускающіеся на веревкахъ между верхнимъ этажемъ или, лучше сказать, между чердакомъ и нижнимъ этажемъ, гдѣ находятся каталоги. Принявъ отъ библіотекаря требованіе, *garçon* кладетъ его въ ящикъ и отправляетъ вверхъ за книгою. Если книги не найдутъ, то требованіе возвращается въ читальную залу съ извѣстной отиѣткой, и отправляется внизъ къ каталогамъ, откуда оно или возвращается въ чердакъ съ отиѣткою по каталогу, или приходитъ въ читальную залу съ отказомъ, выраженнымъ многозначительнымъ словомъ *absent*. Если книга отыщется, то какая-бы она ни была рѣдкая, библіотекаръ вызываетъ лицо, подписавшее требованіе, вручаетъ ему книгу, а требованіе оставляетъ у себя. Нужно-ли повторять то, что я слышалъ въ Мюнхенѣ? Можно-ли предполагать, чтобы

Французъ въ-отношеніи къ книгѣ былъ менѣе чувствителенъ, нежели Баварецъ? Ташро говорилъ мнѣ, что онъ занимается составленіемъ новыхъ правилъ для читальной залы. Отъ всей души желаю ему наилучшаго успѣха, а нынѣшнихъ правилъ Императорской Парияжской библіотеки никому не совѣтую принимать за образецъ.

Поль Лакруа (Bibliophile Jacob) въ сочиненіи своемъ: «Reforme de la Bibliothèque du Roi» рассказываетъ, что читальную залу публика усерднѣе посѣщаетъ зимой и именно потому, что зала эта отапливается и въ ней можно погрѣться. Въ сильные холода тамъ бываетъ такъ людно, что найти свободный стулъ нѣтъ никакой возможности. Очень многіе читаютъ или стоя или прохаживаясь, а болѣе смышленные люди, сверхъ небольшихъ книгъ, предположенныхъ для чтенія, требуютъ еще le Moniteur universel за нѣсколько лѣтъ, или другіе какіе-нибудь старые фоліанты: изъ большихъ книгъ они устраиваютъ себѣ сидѣнья, а небольшія читаютъ и такимъ образомъ благоденствуютъ въ нагрѣтомъ пространствѣ.

Читальная зала такъ длинна, что ее можно назвать галереей, и такъ узка, что въ ней стоитъ одинъ только столъ во всю ея длину. Библіотекаръ, находящійся въ срединѣ, хотя сидитъ и на нѣкоторомъ возвышеніи, но хотя-бы онъ обладалъ самыми зоркими глазами, ему нельзя наблюдать за дѣйствіями чтецовъ, да кромѣ того онъ занятъ безпрестанно дѣланіемъ своего значка на требованіяхъ. При такой обстановкѣ любители чтенія совершенно свободны въ своихъ поступкахъ съ книгами.

Видѣвъ простоту процесса полученія въ читальную залу книгъ, я не могъ однакоже замѣтить, скоро-ли исполняются требованія, и попросилъ позволенія испытать лично этотъ процессъ. Проводникъ мой очень обязательно предложилъ мнѣ бланкъ и я написалъ: «Kojałowicz. Historia Lithuana»; бібліотекаръ сдѣлалъ на моей запискѣ свой вѣчный значекъ и записка отправилась въ чердакъ. Потребованная мною книга, какъ извѣстно, не есть рѣдкость, то она имѣетъ одну особенность: авторъ, написавъ девять книгъ своей исторіи Литвы, напечаталъ ихъ въ 1650 г., какъ оконченное сочиненіе, въ одномъ томѣ, а девятнадцать лѣтъ спустя. т.-е. въ 1669 г., издалъ еще восемь книгъ. Любопытно было знать, что мнѣ выдадутъ. Проводникъ очевидно тревожился, ожидая отвѣта. Спустя 10—15 минутъ книгу спустили въ ящикъ.

Проведникъ мой вынулъ ее оттуда и съ сіяющимъ лицомъ показалъ мнѣ заглавный листъ, по судьбѣ не угодно было продлить его радость: зная загадку, я раскрылъ книгу въ срединѣ, гдѣ на каждый страницъ повторено pars II. Я не настаивалъ на полученіи перваго тома и попросилъ позволенія потребовать еще Польскую книгу, мотивируя свое желаніе тѣмъ, что въ ней говорится о Кояловичѣ. Явился новый бланкъ и я написалъ: *Lelewela (Joachima), bibliograficznych ksiag dwoje*. Требованіе мое ходило такъ долго, что мы ушли осматривать другія залы бібліотеки, и когда воротились въ читальную, то оказалось, что, побывавъ въ чердакѣ и внизу, требованіе мое воротилось со стереотипнымъ отвѣтомъ: *absent*.

Возлѣ большой читальной есть особая зала для чтенія роскошно-изданныхъ книгъ. Тамъ въ полу сдѣланы два очень большія круглыя отверстія, въ которыхъ укрѣплены громадныя глобусы: земной и небесный. Одна гемисфера каждого глобуса находится въ нижнемъ этажѣ. Для науки глобусы эти совершенно бесполезны: они сдѣланы лѣтъ полтораста тому назадъ. Какъ диковинки, они интересовали-бы публику, еслибы устроены были гдѣ-нибудь въ проходной залѣ, но туда, гдѣ они стоятъ, всѣхъ не пускаютъ.

Я нѣсколько разъ упомянулъ о чердакѣ, откуда присылаются въ читальную залу книги. Выраженіе это можетъ показаться страннымъ, по выражаемое есть дѣйствительно чердакъ подъ крышей Мансаровской конструкціи. Чердакъ по всему зданію раздѣленъ поперечными шкафами, въ довольно близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Въ срединѣ проходъ во всю длину чердака. Свѣтъ получается сквозь небольшія окна, сдѣланныя въ крышѣ при каждомъ промежуткѣ шкафовъ. Чердаки такъ длины и шкафовъ въ нихъ такъ много, что, по соображенію моему, они вмѣщаютъ не менѣе 300,000 томовъ. Полы въ чердакахъ сдѣланы вездѣ изъ небольшихъ осмиугольныхъ кирпичей. Въ бельэтажѣ много большихъ залъ, убранныхъ очень роскошно во вкусѣ Louis XIV: шкафы и галереи на нихъ прекрасно нарисованы и украшены превосходнѣйшею рѣзбой. Рѣшетки подъ поручнемъ на галереяхъ вездѣ желѣзныя, самыхъ затѣйливыхъ формъ и очень изящнаго рисунка. Замѣчательна рѣшетка на парадной лѣстницѣ. Она нарисована и сработана такъ хорошо, что ее можно назвать образцовымъ произведеніемъ орнаментной скульптуры изъ желѣза.

Но все это давно уже стоит безъ починки: вездѣ не видно признаковъ заботы человѣка. Малыя лѣстницы, ведущія на галереи и въ чердакъ, отъ долгаго употребленія такъ истерялись, что по нимъ нужно ходить съ большою осторожностью.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною залъ богаче и роскошнѣе убраны: кабинетъ медалей и галерея Мазарини. Въ кабинетѣ медалей превосходная картина, вставленная въ плафонъ, и нѣсколько портретовъ, замѣчательныхъ какъ художественныя произведенія. Всѣ монеты, медали и антики расположены въ богатыхъ съ зеркальными стеклами шкафахъ. Всѣ собранія находятся въ отличномъ порядкѣ.

Галерея Мазарина такъ хороша въ архитектурно-декоративномъ отношеніи, что, при предполагаемой сноскѣ всего стараго зданія и постройки новаго, ее сохранять въ цѣлости и реставрируютъ. Все зданіе библиотеки очень хорошо и могло-бы еще существовать вѣка. Оно даже не лишено изящества ни въ формахъ, ни въ украшеніяхъ, но только съ внутренней стороны т.-е. со двора. Дворъ очень обширный; на немъ разведенъ садъ и устроены фонтанъ, который постоянно пушенъ, по-крайней-мѣрѣ поутрамъ, когда я его видѣлъ. Зато по улицѣ Ришелье зданіе библиотеки болѣе, нежели некрасиво. Скудная, глухая, безъ оконъ, безъ архитектуры стѣна тянется безконечно. Но о строеніи мы поговоримъ послѣ. Кончимъ прежде обзоръ внутренняго расположенія, которое скоро исчезнетъ подъ мановеніемъ архитектора Лабруста.

Книжныя богатства Парижской библиотеки поразительны. Она виѣщаетъ, какъ говорятъ, болѣе милліона сочиненій, которыя составлены преимущественно въ систематическомъ порядкѣ. Есть и отдѣльныя собранія, составляющія цѣлыя библиотеки. Мнѣ показывали, напримѣръ, собраніе книгъ, напечатанныхъ на пергаментѣ. Это не маленькая коллекція, какія я видѣлъ въ другихъ библиотекахъ, почему даже и не упоминалъ о нихъ, какъ о предметахъ незамѣчательныхъ—это библиотека, содержащая въ себѣ до 3000 томовъ разныхъ форматовъ, отъ фоліантовъ до самыхъ миниатюрныхъ книжекъ. Всѣмъ этимъ богатствамъ есть, говорятъ, каталоги, но я ихъ не видалъ. Мой молодой проводникъ такъ ловко умѣлъ меня провести, что я всегда былъ далеко отъ залы каталоговъ. Можетъ-быть, исторія Кояловича заставила его остерегаться меня; но такъ или иначе, а только я не нашелъ удобнымъ

настаивать на обзорѣнн каталоговъ и долженъ былъ удовольствоваться внѣшнимъ обзоромъ. Впрочемъ, всѣмъ извѣсто, что Императорская Парижская библіотека не можетъ гордиться своими каталогами, и мнѣ, послѣ Германіи, тутъ нечему было учиться.

Выставки въ отдѣленіи печатныхъ книгъ очень не многочисленны. Если вспомнить, какъ велики сокровища Парижской библіотеки, можно было-бы сдѣлать гораздо больше. Однакожь и то, что я нашелъ, чрезвычайно примѣчательно: такъ наприм. я видѣлъ рядъ любопытныхъ произведеній тисненія, представляющій исторію типографскаго искусства. Рядъ начинается одною страницей изъ грамматики Доната, — ксилографомъ, возлѣ котораго положена доска, давшая этотъ рѣдкій оттискъ. Потомъ идутъ ксилографы съ рисунками, одинъ листъ Апокалипсиса, различныя рѣдкія инкунабулы и дагѣ, примѣчательныя произведенія Европейскихъ типографскихъ станковъ разныхъ столѣтій, до современныхъ роскошнѣйшихъ изданій. Не менѣе любопытна выставка переплетовъ, среди которыхъ мое вниманіе особенно остановила Русская біблія XVII столѣтія въ старинномъ Русскомъ переплетѣ.

Для обзорѣнія всѣхъ залъ библіотеки публика допускается два раза въ недѣлю: по вторникамъ и пятницамъ, отъ 10 до 3 часовъ. Это дѣлается тамъ не такъ, какъ у насъ: всякій, кто пожелаетъ, обходитъ залы безъ проводника и то только въ бель-этажѣ, и разумѣется ничего не видитъ, кромѣ угрюмыхъ рядовъ старыхъ книгъ и двухъ небольшихъ выставокъ, о которыхъ я говорилъ. Посѣтители, желающіе обзорѣвать Императорскую Публичную Библіотеку въ С.-Петербургѣ, пользуются большимъ вниманіемъ: для приѣма ихъ назначенъ часъ, въ который ихъ принимаетъ и ведетъ по всѣмъ заламъ не простой проводникъ, но ученый библіотекаръ, бесѣдующій съ ними и останавливающій ихъ вниманіе на предметахъ, выставленныхъ въ витринахъ. Такое посѣщеніе Библіотеки нашей ощутительно-полезно для публики: посѣтители, обходя залы Библіотеки, не теряютъ время по напрасну, но приобрѣтаютъ запасъ полезныхъ знаній.

Въ кабинетъ медалей публику не пускаютъ, да и что ей тамъ дѣлать? Знатокъ, которому любопытно видѣть рѣдкія медали, монеты, камеи и проч., всегда найдетъ возможность проникнуть въ ихъ хранилище: начальникъ кабинета Шабулье — просвѣщенный и очень любезный человѣкъ, помощники его — Парижане — с'est

tout dire. Если-же фланеру захотѣлось-бы употребить съ пользою свой досугъ и наглядно изучить нѣкоторыя изящныя формы антиковъ, то въ Парижѣ, кромѣ библіотеки, есть много къ тому средствъ. Великолѣпныя Луврскія залы и галереи, наполненныя чудесными картинами, статуями, камнями и древностями, открыты для всѣхъ ежедневно. Ступайте, смотрите, наслаждайтесь, учитесь и, если устанете ходить и стоять, то можете отдохнуть на покойныхъ диванахъ, для васъ поставленныхъ. Тамъ управленіе приготовилось принимать гостей всѣхъ разрядовъ и употребило всѣ средства къ тому, чтобы гости эти могли на все только смотрѣть, но ни къ чему не прикасаться. Въ Императорской библіотекѣ на это также обращено вниманіе: посѣтителю не могутъ подходить близко къ шкафамъ: ихъ не допускаютъ желѣзные прутья, протянутые гдѣ нужно. Кромѣ-того въ каждой залѣ скачуютъ, сидя на стульяхъ, ветераны въ треугольныхъ шляпахъ и лѣнливо посматриваютъ на проходящую публику, которая впрочемъ не очень тѣснится: я былъ въ часы, когда библіотека открыта для обозрѣнія, и не встрѣтилъ ни души. Такъ-ли бываетъ всегда — я не знаю.

Хранилище рукописей занимаетъ нѣсколько просторныхъ залъ, бывшихъ нѣкогда помѣщеніемъ какого-нибудь баловня судьбы. Плафоны и карнизы сохранили первобытную великолѣпную отдѣлку, которая однакожь сильно пострадала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оттого, что вѣроятно крыша на зданіи не всегда была исправна. Штукатуры, задѣлывая отпавшую на плафонахъ штукатурку, не слишкомъ бережно обращались съ нимфами и амурами, населявшими жилище сибарита, и трубою кистью замазали имъ то головы, то ноги. Подъ карнизами замѣтны слѣды дорогихъ шелковыхъ обоевъ. Хранилище рукописей устроено очевидно не въ ту эпоху, когда была меблирована вся библіотека. Здѣсь шкафы не красивы, сдѣланы изъ простыхъ досокъ и кое-какъ выкрашены. Въ одной изъ залъ я нашелъ человекъ 20 посѣтелей, занимающихся рукописями.

Отдѣленіе эстамповъ Императорской Парижской библіотеки, по богатству своему, не имѣетъ себѣ подобнаго нигдѣ. Оно разиѣщено въ нижнемъ этажѣ подъ галерею Мазарини, во всю ея длину, и кромѣ-того занимаетъ еще нѣсколько небольшихъ залъ, наполненныхъ эстампами до тѣсноты. Хранители Парижской коллекціи

эстамповъ сами положительно не знаютъ сколько у нихъ эстамповъ, но утверждаютъ, что есть больше милліона.

Посторонніе посѣтители допускаются только въ первую залу, которая параллельна галереѣ Мазарини. Здѣсь на шкафахъ и стѣнахъ развѣшаны въ отдѣльныхъ рамахъ за стеклами перла коллекціи: самыя рѣдкія гравюры знаменитѣйшихъ художниковъ въ числѣ 413. Отъ начала XV столѣтія до нашего времени всѣ эпохи исторіи гравюры имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Гравюръ XV столѣтія выставлено 35. Изъ нихъ самая древняя св. Христофоръ 1423 года и вѣсколько произведеній другихъ неизвѣстныхъ художниковъ, потомъ Мазо Финигверра, Перегрини, Бачо Бальдини, Палайоло и др. Столѣтіе XVI начинается Альбертомъ Дюреромъ. Изъ его произведеній выставленъ св. Губертъ, который находится въ числѣ выставленныхъ гравюръ и въ нашей Императорской Публичной Библиотекѣ. Бывшій хранитель эстамповъ Парижской библиотеки Дюшенъ (J. Duchesne aîné) издалъ подробное описаніе всѣхъ выставленныхъ произведеній.

У насъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ С. Петербургѣ есть также, сравнительно, небольшая коллекція эстамповъ, изъ которой выбраны и выставлены замѣчательныя вещи Марка Антонія, Мартина Шена, Мантеньи, Дюрера и другихъ; но мы брали и выставяли то, что у насъ есть, а въ Парижѣ выборъ сдѣланъ изъ громаднхъ запасовъ и для выставки взяты самыя лучшіе оттиски; въ отличнѣйшихъ экземплярахъ, превосходно-сохранившихся и съ большими полями. Такихъ выставокъ я нигдѣ не видывалъ, но за то я не видывалъ нигдѣ и такой бѣдной обстановки. Эстампы вставлены въ такія плохія рамки, какихъ въ Парижѣ и за деньги достать нельзя. Самая лучшая рамка и самое лучшее стекло сдѣланы къ гравюрѣ Дюпона съ картины Поль-Делароша, извѣстной подъ названіемъ *hémicycle*. Гравюра эта есть недавнее приобрѣтеніе въ Парижской коллекціи изъ числа экземпляровъ *avant la lettre*, которые цѣнятся очень высоко; но еще выше цѣнятся экземпляры, извѣстные подъ названіемъ *dernières épreuves d'artiste*, т.-е. оттиски, дѣлаемые для самого гравера до печатанія экземпляровъ *avant la lettre*. По этимъ оттискамъ граверъ просматриваетъ свое произведеніе прежде, нежели даетъ окончательное разрѣшеніе печатать. Они дѣлаются обыкновенно въ очень небольшомъ количествѣ и раскупаются, какъ говорится, на-расхватъ

богатыми любителями гравюръ. Отличительныя качества ихъ: чистота, свѣжесть и, если можно такъ выразиться, бархатность штриха. Гравированная доска, не напитанная еще массою чернилъ, что дѣлается съ нею по сдѣланіи нѣсколькихъ десятковъ оттисковъ, производитъ на первыхъ экземплярахъ необыкновенно-отчетливые штрихи. Однимъ изъ такихъ экземпляровъ обладаетъ наша Императорская Публичная Библиотека и въ этомъ отношеніи она первенствуетъ надъ Парижскою. Этимъ приобретениемъ мы обязаны просвѣщенной щедрости члена нашей Библиотеки графа Н. А. Кущелева-Безбородко, лично купившаго этотъ эстампъ у самого издателя, въ бытность мою въ Парижѣ.

Мнѣ нельзя было позволить себѣ наслаждаться разсматриваніемъ и изученіемъ сокровищъ Парижской коллекціи эстамповъ: у меня впереди было слишкомъ много дѣла и слишкомъ мало времени; но я не могъ не посмотреть на тѣ вещи, которыхъ въ жизни никогда больше мнѣ не удастся видѣть, если я еще разъ не побываю въ чужихъ краяхъ. Мнѣ хотѣлось видѣть старыхъ Италіанскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, которые очень рѣдки. Я спросилъ *Vassio Baldini* и мнѣ подали не одну или двѣ гравюры, а цѣлый томъ. Я назвалъ *Girolamo Moceto* и мнѣ дали еще цѣлый томъ. *Andrea Mantegna*—тоже. *Martin Schön*—тоже. Наконецъ я попросилъ показать мнѣ какія у нихъ есть нѣли и мнѣ принесли опять цѣлый томъ. Я принялся пересматривать и видѣлъ 65 отличнѣйшихъ нѣлей, изъ коихъ пять на серебрѣ. Я полюбопытствовалъ узнать сколько у нихъ гравюръ старыхъ неизвѣстныхъ мастеровъ и мнѣ указали цѣлые ряды томовъ по каждой школѣ. Работы Алб. Дюрера занимаютъ цѣлую полку. Если такія рѣдкости считаются въ Парижской коллекціи сотнями и тысячами, то можно-ли сомнѣваться, что она имѣетъ всѣхъ эстамповъ больше милліона?

Вся коллекція находится въ отличномъ порядкѣ. Рѣдкія гравюры, видѣнныя мною, монтированы очень тщательно. Для этого въ библиотекѣ есть особые мастера, которые, кромѣ чистки и монтированія эстамповъ, ничѣмъ другимъ не занимаются. Коллекція раздѣлена на школы, а работы неизвѣстныхъ художниковъ разложены въ систематическомъ порядкѣ. Всей коллекціи каталога нѣтъ, но отдѣленія портретовъ и топографій, т.-е. видовъ и плановъ городовъ, мѣстностей, извѣстныхъ зданій и т. под., имѣютъ особые алфавитные каталоги.

Я видѣлъ здѣсь въ большомъ употребленіи особаго рода переплеты на винтахъ, такъ-называемые *подвижные переплеты* (*reliures mobiles*). Они изобрѣтены переплетчикомъ Веберомъ (2, rue Hautefeuille), получившимъ на нихъ привилегію. Они очень немногосложны и для храненія эстамповъ очень удобны. Весь механизмъ находится въ корешкѣ переплета и состоитъ изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, между которыми вставляются листы съ наклеенными эстампами. Одинъ изъ брусковъ прикрѣпленъ къ папкѣ переплета, а другой привинчивается къ первому нѣсколькими винтами: тремя, четырьмя, смотря по величинѣ формата листовъ. На листахъ, вставляемыхъ между брусками, сдѣланы вырѣзки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются съ винтами, такъ-что бруски сжимаютъ края листовъ всею своею толщиной. Винтъ приводится въ движеніе такимъ ключемъ, какіе дѣлаются для большихъ часовъ.

Въ отдѣленіи географическихъ картъ такой-же отличный порядокъ, какъ и въ отдѣленіи эстамповъ. Хранители работаютъ надъ каталогами. Тамъ я видѣлъ небольшую, но очень-полезную для обозрѣвающихъ посѣтителей, выставку рельефныхъ картъ. Если онѣ и не математически-точны, то все-таки, при довольно-большомъ масштабѣ, наглядно даютъ полное понятіе въ-особенности объ относительной величинѣ и формахъ горъ.

При Парижской библиотекѣ есть свои переплетчики. Управленіе библиотеки не ведетъ счета работѣ и, платя 15,600 фр. жалованья мастерамъ, кромѣ издержекъ на матеріалы, не знаетъ положительно во что обходится ей каждая переплетенная книга. Переплетныя работы раздѣлены на три мастерскія: въ первой переплетаютъ книги, во второй чистятъ и монтируютъ эстампы и наконецъ въ третьей работаетъ одинъ человекъ, *artiste*, какъ его называютъ, занимающійся единственно починкою старинныхъ переплетовъ. Последняя мастерская есть доказательство просвѣщенной заботливости управленія. Дѣланіе новыхъ переплетовъ есть обычная, вызываемая необходимостью работа, но возобновленіе такихъ переплетовъ, которыхъ въ наше время ни одинъ мастеръ не возмется сдѣлать, — это заслуга, которую будутъ достойно цѣнить наши потомки. Мастеръ, починивающій старые переплеты, истинный артистъ. Приступая къ реставраціи переплета, онъ прежде совѣстливо его изучаетъ, присматривается къ другимъ пере-

плетамъ той-же эпохи, лучше сохранившимся, и принимается за работу съ полнымъ пониманіемъ того, что онъ долженъ сдѣлать.

Въ мастерской, гдѣ переплетаютъ книги, работу производятъ мужчины и женщины, раздѣляя ее между собой сообразно роду переплета и искусству работника. Тутъ дѣлается все такъ, какъ библиотекѣ нужно: ручныя книги переплетаются очень прочно и даже красиво, менѣе употребительныя переплетаются въ каленкорь, а иные просто картонируются. Какъ удобно подобное заведеніе для библиотечарей и хранителей. Иногда нужно перенести заглавіе изъ одного экземпляра въ другой, вклеить карту или эстампъ, приклеить этикетъ, напечатать надпись. Поручая вольнымъ переплетчикамъ исполненіе всѣхъ этихъ мелочей, нужно отправлять книги изъ библиотечки, записывать, принимать ихъ, а имѣя переплетную мастерскую подъ руками, все это можно сдѣлать въ минуту встрѣтившейся потребности, рассказать на словахъ, что и какъ сдѣлать. Во всѣхъ мастерскихъ работаютъ 8 мастеровъ и 6 мастерицъ.

Число служащихъ при Парижской библиотекѣ слѣдующее:

Библиотечарей, хранителей, помощниковъ ихъ и писцовъ	68
Мастеровыхъ переплетчиковъ	14
Старшій служитель	1
Привратникъ	1
Привратницъ	2
Служителей (garçons)	23
Чернорабочій	1
Работницъ	2

Всего 112

На жалованье имъ расходуется ежегодно 257,250 франковъ по декрету 23 августа 1858 года. На покупку книгъ не ассигнуется особыхъ суммъ, но, по мѣрѣ надобности, онѣ испрашиваются у министра народнаго просвѣщенія. Веденіе счетоводства въ Парижской библиотекѣ облечено въ такія простыя формы, что казначей (tresorier), исполняя эту должность безъ помощниковъ и оставаясь въ библиотекѣ не болѣе 5 часовъ въ день, можетъ вести всѣ дѣла по bureau des entrées т.-е. по приему всѣхъ поступающихъ въ библиотеку книгъ. Для выдачи жалованья ежемѣсячно составляется

списокъ, въ которомъ поименовывается отдѣльною статьею каждый изъ 112 служащихъ, означается въ графѣ количество слѣдующихъ къ выдачѣ денегъ и оставляется графа для подписей всѣхъ получателей. Списокъ этотъ утверждается директоромъ и казначей, идучи на слѣдующій день въ библиотеку, заходитъ въ казначейство, чтобъ получить то, что указано закономъ и подтверждено директоромъ. Получивъ деньги, казначей является въ библиотеку, раздаетъ всѣмъ служащимъ, что имъ слѣдуетъ; они, каждый противъ своей статьи, подписываютъ только свою фамилію и казначей остается безъ денегъ, или, лучше сказать, избавляется отъ хлопотъ беречь казенныя деньги. Въ тотъ-же день списокъ отсылается въ контроль и, кромѣ этого списка, нѣтъ ни шнуровыхъ книгъ, ни предписаній, ни отчетовъ годовыхъ и мѣсячныхъ, ни ревизій суммъ, однимъ словомъ, ничего того, на что надо было-бы терять золотое время. Казначей оставляетъ у себя черную копию списка, но это онъ дѣлаетъ собственно для своихъ справокъ, а не для храненія въ архивѣ, котораго тоже нѣтъ и онъ вовсе ненуженъ. По другимъ расходамъ операція совершается такъ-же просто. Напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія, по представленію директора библиотеки, разрѣшаетъ купить книги. Казначей съ разрѣшеніемъ министра является въ казначейство и получаетъ деньги. Книгопродавецъ представляетъ счетъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ на гербовой бумагѣ. Счетъ этотъ, съ распиской книгопродавца въ полученіи денегъ, отсылается въ контроль, а другой экземпляръ, на простой бумагѣ, остается въ библиотекѣ для ученой потребности т.-е. для записки и храненія въ bureau des entrées. Точно также просто дѣлаются всѣ уплаты по содержанію библиотеки.

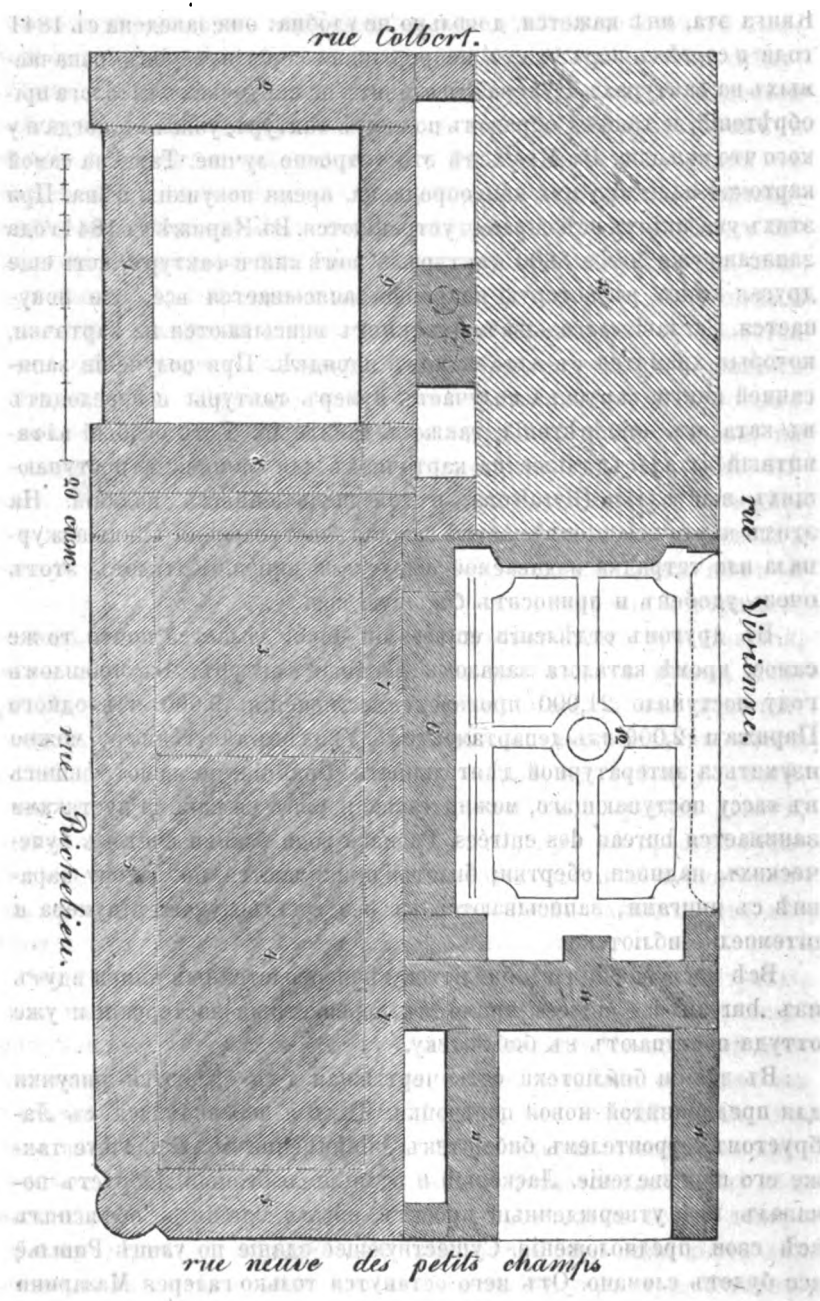
Bureau des entrées, или отдѣленіе для записки всего поступающаго въ библиотеку, соотвѣтствуетъ каталогу приращеній (Accessions-katalog), о которомъ я говорилъ при описаніи Мюнхенской библиотеки. Оно организовано нынѣшнимъ его начальникомъ (онъ-же и казначей) Olivier Barbier. Bureau раздѣлено на двѣ части: въ одну поступаютъ всѣ новыя пріобрѣтенія (acquisitions), а въ другую все, что печатается во Франціи и получается по закону изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ префектовъ всѣхъ департаментовъ (entrées du dépôt). Въ acquisitions есть одна книга для записыванія всѣхъ книгопродавческихъ фактуръ т.-е. счетовъ.

Книга эта, мнѣ кажется, довольно не удобна: она заведена съ 1841 года и съ тѣхъ-поръ идетъ непрерывная серія номеровъ, означаемыхъ на фактурахъ. Нумера эти ставятъ на карточкахъ каталога приобрѣтений, и такимъ образомъ по книгѣ фактуръ узнаютъ когда и у кого что куплено. Въ Мюнхенѣ это устроено лучше. Тамъ на самой карточкѣ написано имя книгопродавца, время покупки и цѣна. При этихъ указаніяхъ всѣ справки устраниаются. Въ Парижѣ съ 1841 года записано уже болѣе 3900 фактуръ. Кромѣ книги фактуръ, есть еще другая книга, въ которую подробно записывается все, что покупается. Заглавія заказываемыхъ книгъ вписываются на карточки, которыя хранятся въ алфавитномъ порядкѣ. При полученіи записанной книги, карточка получаетъ номеръ фактуры и переходитъ въ каталогъ приобрѣтений, также алфавитный. Есть особый алфавитный каталогъ, также на карточкахъ для сочиненій, поступающихъ выпусками (*livraisons*) и для повременныхъ изданій. На этихъ карточкахъ отмѣчается каждая поступающая книжка журнала или тетрадка издаваемой выпусками книги. Каталогъ этотъ очень удобенъ и приноситъ большую пользу.

Въ другомъ отдѣленіи *entrées du dépôt* дѣлается почти то-же самое, кромѣ каталога заказовъ и книги фактуръ. Въ прошломъ году поступило 21,000 произведеній тисненія: 9,000 изъ одного Парижа и 12,000 изъ департаментовъ. Увидѣвъ такую цифру, можно изумиться литературной дѣятельности Франціи, но, всмотрѣвшись въ массу поступающаго, можно также изумиться какими пустяками занимается *bureau des entrées*. Разнаго рода бланки счетовъ купеческихъ, надписи, обертки, билеты принимаются по закону наравнѣ съ книгами, записываются въ реестры, получаютъ номера и штампель библіотеки.

Всѣ поступающія въ библіотеку переплетенныя книги идутъ изъ *bureau des entrées* прямо въ переплетныя мастерскія и уже оттуда поступаютъ въ библіотеку.

Въ зданіи библіотеки есть чертежная, гдѣ дѣлаются рисунки для предпринятой новой постройки. Тамъ я познакомился съ Лабрустомъ, строителемъ библіотекъ: *bibliothèque Ste. Geneviève* также его произведеніе. Ласковый и отлично-любезный Лабрустъ показалъ мнѣ утвержденный проектъ новаго зданія и объяснилъ всѣ свои предположенія. Существующее зданіе по улицѣ Ришльѣ все будетъ сломано. Отъ него останутся только галерея Мазарини

и зала съ глобусами, о которой я говорилъ выше. Кромѣ-того останется еще корпусъ, выходящій на пересѣченіе улицъ Vivienne и rue Neuve des petits champs. Тамъ живетъ Ташро и нѣкоторые изъ библиотечарей, помѣщаются переплетныя мастерскія и залы для публичныхъ лекцій. По плану очень легко составить себѣ понятіе о зданіи Парижской библиотеки.

1) Колоннада, по которой публика будетъ проходить въ библиотеку; 2) зала читальная для всей публики; 3) зала для работъ ученыхъ; 4) зала для помѣщенія 600,000 старыхъ книгъ; 5) помѣщеніе для новыхъ книгъ и bureau des entrées; 6) галерея Мазарини въ бельэтажѣ для рукописей, а подъ нею зала для занятій эстампами; 7) галереи для эстамповъ; 8) внизу, залы для книгъ и надъ ними кабинетъ медалей и древностей; 9) географическія карты; 10) зала глобусовъ; 11) корпусъ гдѣ живутъ служащіе, помѣщаются мастерскія переплетчиковъ и залы для публичныхъ лекцій; 12) садъ; 13) дома постороннихъ владѣльцевъ.

Въ новомъ строеніи предполагается читальная зала для публики на 300 человекъ, съ большой библиотекой такихъ книгъ, которыя могутъ быть полезны и нужны для такъ-называемыхъ любителей чтенія. Въ другую, большую читальную залу будутъ допускаться только люди, являющіеся не для чтенія, а для ученой работы. Любопытно знать, какъ въ Taschenreue, въ составляемыхъ имъ правилахъ, разграничить читателей и опредѣлить права тѣхъ избранныхъ, которые будутъ входить въ залу, назначаемую для ученыхъ работъ. По существующимъ теперь правиламъ, выдача книгъ посѣтителемъ производится съ такими ограниченіями, въ которыхъ остается чистая область науки, и за всѣмъ тѣмъ нынѣшняя читальная зала постоянно полна. Шкафы во всѣхъ залахъ библиотеки будутъ желѣзные, по примѣру Британскаго музеума. Большая зала 56 метровъ (около 70 арш.) длиною, и 28 метровъ (40 арш.) шириною и 20 метровъ (28 арш.) вышиною, будетъ освѣщена сверху: весь плафонъ ея представитъ одно громадное окно. Шкафы въ нѣсколько ярусовъ займутъ всю площадь залы, но въ срединѣ ея останется широкій въ 6 метровъ (8½ арш.) проходъ. Галереи у каждого яруса шкафовъ будутъ сдѣланы сквозныя, какъ въ Британскомъ музеумѣ, и слѣдовательно самыя нижніе ярусы получатъ достаточно свѣту. Вышина каждого яруса предполагается 2,1 метра (около 3 арш.) т.-е. самая удобная для доставанія

книгъ съ верхнихъ полокъ безъ помощи приставныхъ лѣстницъ. Для помѣщенія книгъ опредѣлено 60 томовъ на квадратный метръ. Предѣленіе это такъ широко, что если, основываясь на немъ, предполагается въ большой залѣ поставить 600,000, то нѣтъ сомнѣнія, что тамъ свободно станетъ 800,000. Изъ ученой читальной залы сквозь большія арки видна будетъ большая зала библиотеки. Люди, работающіе въ читальной залѣ, смотря сквозь арки на сотни тысячъ книгъ, будутъ проникаться мыслью, что труды ихъ слабы, ничтожны въ сравненіи съ тѣми, что еще остается имъ увидѣть и прочесть. Мысль эта будетъ одушевлять работающихъ. Такъ думаетъ *mr. Labrouste*; но, вѣдь онъ художникъ, слѣдовательно фантазіи ему позволены.

Полы въ читальныхъ залахъ будутъ выстланы коврами изъ гутта-перчи, смѣшанной съ порошкомъ пробки, какъ въ Британскомъ музеумѣ. Отопленіе предполагается пневматическое т.е. калориферами, которые будутъ стоять въ подвалахъ. Калориферы будутъ размѣщены такъ, чтобы въ самое холодное время можно было нагрѣвать читальныя залы и всѣ отдѣленія библиотеки, въ которыхъ постоянно занимаются библиотекари, до -14° , а *derôt*, т.е. залы, собственно для храненія книгъ назначенныя, до -10° по Реометру.

Зданіе *Bibliothèque Ste. Geneviève*, построенное Лабрустомъ, есть осязательнѣйшее доказательство ума и таланта этого почтеннаго художника. Библиотека эта находится въ *quaiier latin*, въ центрѣ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому вѣчно наполнена читателями. Если сказать, что въ читальной залѣ ея ежедневно пребываетъ не менѣе 1000 человекъ, то нужно-ли говорить, что она находится въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Студенты сосѣднихъ школъ и коллегій хорошо изучили ея каталоги и толпами идутъ работать въ читальной залѣ, какъ у себя дома, зная навѣрное, что все записанное въ каталогъ будетъ имъ выдано тотчасъ-же. Она открыта ежедневно два раза: утромъ отъ 10 до 3 и вечеромъ отъ 6 до 10 часовъ. Залы въ обоихъ этажахъ нагрѣваются калориферами. Читальная зала занимаетъ весь бель-этажъ. Она имѣетъ 80 метровъ (112 арш.) длины и 16 метр. (22 арш.) ширины. Въ ней приготовлено 400 мѣстъ для читателей. По-вечерамъ она освѣщается газомъ. Я былъ въ ней два раза: въ первый день, когда было до 300 занимавшихся, а въ другой вечеромъ, когда не было ни одного пустаго

стула. Запоздавшие студенты уходили съ недовольнымъ видомъ. Сколько было такихъ несчастныхъ—я не знаю, но вечеръ великъ и, я думаю, ихъ было немало. Такой людной читальной залы я нигдѣ не видалъ. Говорятъ, что она бываетъ совершенно-пуста гѣ-томъ, когда въ школахъ и коллегіяхъ студенты распущены на канвулы.

Вышнее устройство въ *Bibliothèque Ste. Geneviève* очень хорошо. Начиная съ гѣстницы виденъ смыслъ обстановки и украшеній. Надъ площадкой гѣстницы поставлена хорошая копія съ извѣстной картины Рафаэля «Аѣинская школа». Нельзя придумать украшенія болѣе приличнаго для гѣстницы, по которой ходятъ преимущественно юноши. Я увѣренъ, что не одинъ молодой человѣкъ останавливался передъ «Аѣинской школой» и задумывался надъ углубившимися въ науку Архимедомъ, Евклидомъ, Сократомъ. Многіе изъ учащихся не имѣютъ 20 гѣтъ и Императорская библіотека для нихъ недоступна; впрочемъ, она и отдалена отъ *quartier latin* на добрый часъ ходьбы. Пришедшій въ читальную залу встрѣчаетъ, прежде всего, стоящую противъ входа трибуну старшаго библіотекаря, обставленную каталогами. Это мозгъ всего организма библіотеки. Кромѣ старшаго библіотекаря, здѣсь-же въ залѣ сидятъ еще, за особыми столами, шестеро младшихъ библіотекарей, завѣдывающихъ каждый особою частью библіотеки. Всѣ они постоянно заняты удовлетвореніемъ читателей.

Внутренній порядокъ очень простъ и удобенъ. Вся библіотека, состоящая изъ 200,000 слишкомъ томовъ, раздѣлена на пять главныхъ отдѣленій: богословіе, правовѣдѣніе, исторія, науки и искусства (*sciences et arts*) и изящная словесность. Сверхъ-того есть особое отдѣленіе справочныхъ книгъ, подобно тому, какъ я видѣлъ въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Отдѣленіе это помѣщается въ среднихъ шкафахъ читальной залы, такъ-что находится у всѣхъ подъ-рукою. Есть особья собранія рукописей, икунабулъ, Альдовъ, Эльзевировъ, эстамповъ и дублетовъ. Въ этихъ собраніяхъ свой особый порядокъ въ каждомъ. Главные пять отдѣловъ библіотеки подраздѣлены на 27 частей; изъ нихъ каждое означено буквой алфавита (на буквы В. С. и Z есть по два подраздѣленія). Книги раздѣлены на два формата, которые поставлены на полкахъ безъ всякаго порядка. Въ каждомъ форматѣ своя серія нумеровъ и вновь-поступающія книги ставятся въ концѣ серіи подъ слѣдующими по порядку ну-

мерами. Въ читальной залѣ шкафы построены въ два яруса и всѣ наполнены книгами. Нижний ярусъ выступаетъ настолько, что позади шкафовъ сдѣланъ корридоръ съ полками по обѣимъ сторонамъ на всемъ протяженіи залы. Тамъ есть еще много незанятаго мѣста, гдѣ и ставятся новыя книги. Книги отыскиваются очень скоро, потому-что каталогъ указываетъ букву подраздѣленія, форматъ и номеръ. Съ этими указаніями бібліотекаръ въ минуту достаетъ и всякую большую книгу, и всякую незначительную брошюру. Прочитанныя книги ставятъ на мѣста не бібліотекари, а надсмотрщики (*surveillants*), люди простые. Привычные читатели знаютъ, въ которой части залы находится какое отдѣленіе. Приходя въ бібліотеку, они направляются сами къ тому роду книгъ, который имъ нуженъ. Бібліотекари, знакомые съ своимъ отдѣленіемъ, достаютъ книги безъ помощи каталога; но если случается, что бібліотекаръ не знаетъ положительно гдѣ книга стоитъ, то, не теряя времени въ поискахъ и не задерживая требователя, онъ отсылаетъ его къ трибунѣ каталоговъ, гдѣ ему даютъ указаніе, или отвѣтъ, что книги нѣтъ въ бібліотекѣ. Каталоговъ здѣсь два: алфавитный и систематическій. Первый написанъ въ переплетенныхъ книгахъ, а послѣдній на карточкахъ, вставленныхъ въ особаго рода приборы, состоящіе изъ ящичковъ въ видѣ переплетенныхъ книгъ. Всѣ карточки одного формата и сдѣланы изъ довольно-толстой бумаги. На нижнихъ краяхъ ихъ есть круглыя отверстія, сквозь которыя продѣты желѣзные прутья. Одни концы прутьевъ укрѣплены въ стѣнку ящика, а другіе сдѣланы въ видѣ ушка иголки. Въ эти ушки продѣвается поперечный желѣзный пруть съ замкомъ на одномъ концѣ. Приборъ этотъ очень замысловатъ, но удобнымъ его назвать нельзя.

Кромѣ этого систематическаго каталога, я видѣлъ еще и другую, также систематическій, написанный въ книгѣ, который есть не что иное, какъ обширный *Real-index*. Онъ сдѣланъ для одного отдѣленія философіи. Каталогъ этотъ очень хорошъ, но, кажется, можно навѣрное сказать, что для другихъ отдѣленій такихъ никогда не сдѣлаютъ. Книги въ немъ записаны въ систематическомъ порядкѣ, и кромѣ-того при немъ есть въ концѣ указатель, гдѣ показаны имена авторовъ и самые отвлеченные предметы науки. Такъ, на примѣръ, подъ словомъ *Aristote* исчислены всѣ его сочиненія, всѣ комментаріи на него, критики, опроверженія, однимъ сло-

вомъ все, что касается Аристотеля въ области науки. При каждой статьѣ означены страницы каталога, на которыхъ записаны соотвѣтствующія сочиненія. Подъ словомъ *Ame* исчислены всѣ сочиненія о душѣ во всѣхъ отношеніяхъ и также означены страницы. Подобные каталоги очень были-бы хороши, еслибъ библіотека не увеличивалась; но вписывать всѣ новыя книги и разносить по *table des matières* всѣ ихъ содержанія, это слишкомъ хлопотливо и въ очень большой библіотекѣ почти невозможно.

Старшій библіотекаръ Пенсонъ (*Pinson*) показывалъ мнѣ свою попытку фотографировать каталоги. Въмѣсто списыванія заглавій, съ нихъ можно дѣлать фотографическіе снимки. На списанныхъ карточкахъ не видно шрифта печати и иногда переписчики дѣлаютъ ошибки, а фотографія даетъ вѣрныя снимки, на которыхъ виденъ не только шрифтъ, но даже всѣ типографскія украшенія. Пенсонъ увѣрялъ меня, что если съ cadaго заглавія дѣлать не менѣе десяти снимковъ, то, при нынѣшнемъ состояніи фотографіи, каждый снимокъ будетъ стоить отъ 3 до 4 су ($3\frac{3}{4}$ — 5 коп.). Мысль эта хороша, но фотографированныя карточки могутъ быть удобны тогда только, когда онѣ не велики, а снимки съ большихъ фоліантовъ и *Quartato* дадутъ такія обширныя поверхности, съ которыми мудрено будетъ справиться. Впрочемъ, мысль Пенсона найдетъ, можетъ-быть, исполнителей, а они придумаютъ, какъ-бы устранить неудобства.

Отдѣльныя собранія *Bibliothèque Ste. Geneviève* размѣщены въ нижнемъ этажѣ. Вся библіотека не очень велика, слѣдовательно и коллекціи ея также не поражаютъ численностью, но въ нихъ есть замѣчательныя вещи. Внизу я нашелъ нѣсколько постороннихъ людей, занимающихся рукописями и эстампами. Тамъ я видѣлъ на обширной платформѣ планъ Рима, какъ его называютъ, но это не планъ, а прекрасная модель вѣчнаго города. Тутъ-же показали мнѣ единственную во всей библіотекѣ Русскую книгу—библію, напечатанную въ Москвѣ въ 1698 году.

Книги не переплетенныя составляютъ особый отдѣлъ. Въ *Bibliothèque Ste. Geneviève*, какъ и вездѣ впрочемъ, принято за правило не давать въ чтеніе книгъ брошюрованныхъ. Такъ-какъ библіотека не имѣетъ довольно средствъ чтобъ переплести тотчасъ-же все, что въ нее поступаетъ, то взъ непереплетенныхъ книгъ образовалось особое отдѣленіе и, хотя книги внесены въ каталогъ, но тамъ

вмѣсто означенія мѣста гдѣ книга стоитъ, сдѣланы отмѣтки — *broché*. Библіотека получаетъ отъ правительства по бюджету 80,000 франковъ, которые всѣ почти расходуются на жалованье служащихъ и прислуживающихъ, такъ-что на покупку и переплетъ книгъ и на хозяйственныя нужды: отопленіе, освѣщеніе и т. п. остается не болѣе 5,000 фр. Правительство дѣлаетъ иногда единовременныя пособія, но рѣдко. Штатъ бібліотеки состоитъ изъ:

хранителей	6
библіотекарей	6
подбибліотекарей	6
писцовъ	8
надсмотрщиковъ	8
привратниковъ	2
полотеровъ	2
ламповщикъ (<i>allumeur</i>)	1
истопникъ	1

Всего 40 челов.

При всей скудости средствъ и незначительности приращеній, *Bibliothèque Ste. Geneviève* приноситъ большую пользу учащемуся поколѣнію. Ея порядокъ, ея дѣятельность, даже ея строеніе и ея читатели все это такъ свѣжо, такъ молодо и полно жизни, что нельзя не пожелать ей большаго вниманія правительства.

Bibliothèque de l'Institut, по составу своему, есть нѣчто въ родѣ бібліотеки нашей Императорской академіи наукъ. Она считается въ числѣ публичныхъ, но не каждый желающій можетъ ею пользоваться: нужно быть рекомендованнымъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ Института. Собраніе книгъ этой бібліотеки, состоящее изъ 250,000 томовъ, имѣетъ совершенно-особенный характеръ. Въ ней нѣтъ бібліографическихъ рѣдкостей, древнихъ рукописей, инкунабулъ, Альдовъ, Эльзевировъ — т. е. всего того, что собираютъ бібліофилы: *bibliothèque de l'Institut*, въ тѣсномъ смыслѣ, есть ученое пособіе. Она основана членами Института и получаетъ новыя книги отъ нихъ-же. Такимъ-образомъ, не принадлежа правительству, она не принадлежитъ никому, а между-тѣмъ приноситъ пользу всѣмъ ученымъ, имѣющимъ мѣсто въ Институтѣ или знакомымъ съ его членами. Ею завѣдываютъ начальникъ (*chef*) г. Ландрессъ (*Landresse*), два бібліотекаря и два подбибліотекаря. Для

содержанія въ порядкѣ библиотеки, вмѣщающей 250.000 томовъ и находящейся въ постоянномъ употребленіи у ученыхъ, этихъ лицъ слишкомъ мало. Проходя по заламъ, я видѣлъ въ шкафахъ систематически-разставленные книги, находящіяся въ отличномъ порядкѣ, но за то всѣ столы, всѣ низкіе шкафы завалены новыми книгами, не внесенными въ каталоги. Библиотекари по навыку находятъ въ этомъ хаосѣ все, что нужно. Такъ, напримѣръ, я спросилъ записки нашей академіи и гг. Landresse, не затрудняясь, показали мнѣ въ двухъ залахъ кучи переплетенныхъ тетрадей въ знаемыхъ мнѣ оберткахъ. Въ этой библиотекѣ два каталога, оба написанные въ книгахъ: одинъ алфавитный, а другой систематическо-инвентарный т.-е. составленный въ томъ порядкѣ, какъ книги стоятъ. Библиотека бываетъ ежегодно ревизуема по этому каталогу, такъ мнѣ сказалъ гг Landresse. О ревизіи массъ, лежащихъ на столахъ и не внесенныхъ въ каталоги, я не спрашивалъ, да и не нужно было спрашивать. Библиотеку посѣщаетъ мало читателей, но, какъ пособие современной науки и богатая новѣйшими учеными сочиненіями, она находится въ большомъ употребленіи у членовъ Института и у другихъ извѣстныхъ имъ лицъ. Они берутъ изъ библиотеки все, что имъ нужно, и работаютъ въ тиши своихъ кабинетовъ.

Въ томъ-же зданіи Института, только съ другаго двора, я прошелъ въ библиотеку Мазарини. Въ ней считается болѣе 150.000 томовъ книгъ, по-преимуществу старыхъ. Новаго тамъ очень мало. Правительство отпускаетъ ежегодно на содержаніе ея около 30.000 фр., которые почти всѣ расходуются на жалованье семерымъ библиотекарямъ: на покупку и переплетъ книгъ не остается и 2.000 фр. Библиотека эта открыта ежедневно отъ 10 до 3 дня всѣхъ желающихъ, но легіоны старыхъ книгъ не привлекаютъ многихъ: я засталъ человекъ 10 — 12 ищущихъ свѣдѣній. Они сидѣли въ одной залѣ и почти за однимъ столомъ съ библиотекаремъ. Помѣщеніе библиотеки нехорошо. Главная старая масса ея размѣщена въ двухъ очень хорошихъ залахъ, съ красивыми старинными шкафами и галереями, но позднѣйшія приобрѣтенія стоятъ въ чердакѣ, обдѣланномъ въ томъ-же родѣ, какъ и въ Императорской библиотекѣ. Тамъ-же хранятся рукописи и библиотеки монастырей, уничтоженныхъ во время первой Французской революціи.

Каталоги алфавитный и систематическій, оба написанные въ

книгахъ, стары какъ сама библіотека. Инвентаря нѣтъ и обрѣзывать библіотеку невозможно; между-тѣмъ извѣстно, что Либри, знаменитый хищникъ книгъ, произвелъ здѣсь значительныя опустошенія. Еслибы былъ инвентарь, то можно было-бы вдругъ обнаружить все, чего недостаетъ. По алфавитному каталогу, это также можно сдѣлать, но не вдругъ, а въ нѣсколько лѣтъ. Mr. Lalanne, редакторъ журнала *Revue contemporaine*, безмездно предпринялъ совершить эту сложную работу и теперь работаетъ усердно.

Находясь въ Парижѣ, нельзя было не осмотрѣть арсенальную библіотеку, богатую, какъ извѣстно, рѣдкостями. На краю города, за Бастильскою площадью, среди казармъ, я съ трудомъ отыскалъ эту библіотеку, открытую для публики, какъ и всѣ предъидущія. Публика, какъ мнѣ показалось, не очень стремится сюда. Есть-ли это слѣдствіе большой отдаленности библіотеки отъ центра города или другихъ причинъ, я навѣрное сказать не могу, но въ читательной залѣ я засталъ только трехъ человѣкъ и то, не знаю, посторонніе-ли они или служащіе при библіотекѣ. Чтобы увидѣть рѣдкости арсенальной библіотеки, надобно употребить средства посылнѣе моей визитной карточки, которая открывала мнѣ самыя завѣтныя двери во всѣхъ другихъ библіотекахъ. Меня допустили обойти библіотеку, но, вмѣсто человѣка, который могъ-бы со мною бесѣдовать и дать вѣрное о ней понятіе, я имѣлъ проводникомъ гарсона. Увлекаемый историческими воспоминаніями, онъ постоянно говорилъ мнѣ не о библіотекѣ, а о маршалѣ Сюлли. Зданіе, въ которомъ библіотека помѣщается, было прежде жилищемъ знаменитаго сподвижника Генриха IV и, благодаря патріотическимъ чувствамъ гарсона, я знаю теперь, гдѣ маршалъ Сюлли принималъ гостей, давалъ балы и праздники, гдѣ потѣшался домашними спектаклями, гдѣ работалъ, гдѣ спалъ, однимъ словомъ гарсонъ показалъ мнѣ домъ Сюлли, а библіотеку я самъ увидѣлъ.

Слушая рассказы гарсона, я отъ времени до времени дѣлалъ вопросы о томъ, что меня интересовало, и узналъ, что библіотека, состоящая изъ 300,000 томовъ, раздѣлена только на пять частей: богословіе, правовѣдѣніе, исторія, искусства и словесность. Каждая часть стоитъ отдѣльно въ алфавитномъ порядкѣ и по форматамъ. Кромѣ этого раздѣленія нѣтъ больше никакой системы ни на полкахъ, ни въ каталогѣ. Въ отдѣленіи богословія, слушая рассказъ гарсона о роскоши Сюлли, я сталъ всматриваться въ книги,

стоявша ближе ко мнѣ и, встрѣтивъ хроники Фруассара, превалъ словоохотливаго рассказчика: «Это развѣ у васъ считается божественной книгой? — Pardon, msieu, c' est à cause des réparations de l'année passée. По случаю бывшихъ въ прошломъ году капитальныхъ починковъ, порядокъ библиотеки потерпѣлъ много. Почти все, что я встрѣналъ на полкахъ не на своемъ мѣстѣ; гарсонъ относилъ къ починкамъ, но иногда и къ принятой въ библиотекѣ системѣ; такъ, напримѣръ, въ отдѣленіи исторіи увидѣлъ legionsъ томовъ Journal des savants и увналъ, что по системѣ bibliothèque de l'arsenal журналы и энциклопедии отнесены къ исторіи. Есть, конечно, такой взглядъ на дѣленіе библиотекъ, по которому журналы должны стоять въ исторіи; но мнѣ это показалось страннымъ: я привыкъ къ иному дѣленію. Въ арсенальной библиотекѣ есть одинъ только алфавитный каталогъ; онъ списанъ въ книги, переплетенъ и поставленъ въ читальной залѣ, на конторкѣ библиотекаря, выслушивающаго требованія читателей и удовлетворяющаго ихъ съ помощію гарсоновъ. При библиотекѣ находится 12 библиотечарей. Въ одной залѣ стоитъ столъ съ принадлежностями для письма и съ кучами брошюръ. За этимъ столомъ работаетъ Поль Лакруа (Bibliophile Jacob); но, къ сожалѣнію, его не было въ библиотекѣ въ то время, когда я ее осматривалъ. Онъ занимается разборомъ и каталогизированіемъ брошюръ, вышедшихъ въ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія, и относящихся болѣею частію къ событіямъ первой революціи.

Въ залѣ, гдѣ хранятся рукописи, я нашелъ трохъ хранителей (conservateur), грѣвшихъ передъ каминомъ. Видно, что Французы смотрятъ на огонь иначе, нежели Германцы: въ Мюнхенѣ, всякаго являющагося въ библиотеку на первомъ шагу встрѣчаетъ запрещеніе курить табакъ или дѣлать изъ огня какое-бы то ни было другое употребленіе, и въ bibliothèque de l'arsenal, въ хранящихъ рукописей шylaетъ каминъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій я подалъ мою карточку. Она произвела желаемое дѣйствіе и меня приняли очень дружелюбно: Я рассказалъ, что, обойдя всю библиотеку, я видѣлъ въ общихъ массахъ ея богатства, но что мнѣ желательно было-бы взглянуть на Славянскія рукописи. Мнѣ сказали, что въ библиотекѣ есть Славянская рукопись и всѣ трое хранителей только одни начали искать ее въ одномъ шкафу, но не нашли. Гарсонъ, покойно стоявшій во время поисковъ и какъ буд-

то считавший себя: не въ правѣ вѣшиваться на въ свое дѣло, подошелъ наконецъ къ одному изъ хранителей, сказалъ ему что-то и, получивъ отвѣтъ, ушелъ въ сосѣдную комнату. Черезъ минуту онъ воротился съ рукописью, которую мнѣ тотчасъ-же и далъ. Рукопись оказалась Латинская, но хранители утверждали, что въ ней есть Славянскій текстъ. Пересмотрѣвъ страницу за страницей, я нашелъ наконецъ одну исписанную текстомъ Кирилловскаго письма, но не на Славянскомъ языкѣ. Пройдя внимательно всѣ слова одно за другимъ, я не встрѣтилъ ни одного Славянскаго корня. Я указалъ хранителямъ, что это, вѣроятно, какое-нибудь изъ Румынскихъ нарѣчій, но они стояли на своемъ и утверждали, что Мицкевичъ и Père Martynoff видѣли эту рукопись и признали ее за Славянскую. Но прочли-ли они эту страницу? спросилъ я. Оказалось, что Мицкевичъ и Père Martynoff только видѣли ее, но не разбирали. Я посоветовалъ-было обратиться къ Миклосичу и послать ему фотографическій снимокъ съ нестолкованной страницы, но они начали меня спрашивать: кто такой Миклосичъ и гдѣ онъ?

Въ Парижѣ, кромѣ библиотекъ публичныхъ, я имѣлъ случай видѣть еще двѣ не публичныя: одну въ Луврѣ, а другую въ законодательномъ собраніи. Обѣ онѣ одинаково блестящи, но совершенно-различны по содержанию. Луврская библиотека, предназначенная для употребленія правителей Франціи, обладаетъ такими экземплярами, которые могутъ приобретать только государи. Тамъ есть множество книгъ, изданныхъ съ гравюрами, новѣ такихъ экземплярахъ, въ которыхъ къ гравюрамъ приложены рисунки, служившіе образцами для гравюръ. Экземпляры эти имѣютъ такое-же значеніе, какъ оригинальныя картины. Нѣкоторые изъ нихъ поднесены правителями Франціи самими авторами, а нѣкоторые куплены за баснословныя цѣны. Вотъ нѣкоторые изъ купленныхъ: *Redouté. Arbres et arbustes*—за 80,000 франковъ; того-же автора *Roses*—за 15,000 фр.; *Féruac. Mollusques*—за 48,000 фр.; *Musée des armes du Duc de Bouillon*—за 35,000 фр., и множество тому подобныхъ. Изъ подаренныхъ особенно замѣчательны: *Bardi. Galerie Pitti*. Съ приложенными къ гравюрамъ рисунками она получила такой объемъ, что, вмѣсто 4 томовъ, ее раздѣлили на 8. *Victoires et conquêtes de Napoléon*—извѣстное роскошное изданіе съ гравюрами aqua tinta. Въ Луврскомъ экземплярѣ рисунки здѣланы сепіей. Есть также множество рукописей, поднесенныхъ авторами и оставшихся не изданными. Между ними

я видѣлъ двѣ изъ Россіи: собраніе чертежей всѣхъ построекъ и проектовъ генерала Базена, въ двухъ томахъ, и сочиненіе архитектора Монферрана съ изображеніемъ печальной церемоніи, происходившей въ Римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ по случаю кончины короля Людовика XVIII.

Вся Луврская библіотека состоитъ изъ книгъ въ отличнѣйшихъ и богато-переплетенныхъ экземплярахъ; но въ то время, когда я ее видѣлъ, часть ея стояла во временномъ помѣщеніи, а часть оставалась еще въ корзинахъ въ ожиданіи окончанія залы, назначенной въ Луврскомъ дворцѣ для библіотеки. Зала эта есть новѣйшее воспроизведеніе тѣхъ неудобствъ, которыя я видѣлъ въ Вѣнѣ, но за то она и размѣрами и украшеніями совершенно соответствуетъ своему назначенію—быть хранилищемъ библіотеки правителей Франціи. Живопись на плафонахъ, скульптура въ аркахъ и карнизахъ, рѣзные орѣхового дерева шкафы—все это задумано широко и исполнено мастерски. Жаль, что архитекторы рѣдко бываютъ знакомы съ тѣми условіями, которыя необходимы для удобства библіотеки. Шкафы сдѣланы изящные, но непоумѣрно-высокіе и полки приготовляются такъ, что книги будутъ стоять въ два ряда: задній нѣсколько выше передняго. Впрочемъ, такія библіотеки, какъ Луврская, назначаются не для того, чтобы въ нихъ ученые работали и требовали много книгъ, какъ въ библіотекахъ публичныхъ: библіотекарю рѣдко придется приставлять лѣстницу, чтобы достать книгу съ верхней полки, или снимать съ передней полки книги для того, чтобы вытащить что-нибудь изъ задняго ряда (*).

Библіотека законодательнаго собранія существуетъ, какъ пособіе для работъ членовъ собранія. Объемъ ея (до 200,000 томовъ) слишкомъ великъ по ея назначенію, но за то она преимуществен-

(*) Чтобы показать всю библіотеку, меня сводили и на чердакъ, гдѣ я видѣлъ ряды корзинъ, наполненныхъ тщательно-уложенными книгами. Здѣсь я пораженъ былъ неожиданностью. Корзины, въ которыхъ лежатъ книги, испещрены именами разныхъ южныхъ мѣстностей Крыма. По странному стеченію обстоятельствъ, корзины эти, служившія Французской арміи въ Крыму, употреблены для переноски книгъ Луврской библіотеки. По окончаніи войны, онѣ проданы были съ публичнаго торга и потомъ перешли въ руки къ тому подрядчику, который принялъ на себя отдѣлку въ Луврѣ залы для библіотеки и, между прочимъ, и переноску книгъ.

но богата всё-таки темъ, что можетъ быть нужно для справокъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Книжки въ ней размѣщены систематически, и сдѣланъ полный алфавитный каталогъ, который, впрочемъ, никогда почти не употребляется: члены собранія требуютъ почти исключительно только то, что есть новаго, живаго въ наукѣ государственной, а это все библиотекари знаютъ наизусть. Для помѣщенія библиотеки была первоначально приготовлена обширная зала, съ тремя куполами, съ живописью, позолотой, скульптурой, однимъ словомъ роскошная, но послѣдовавшія приращенія завладѣвали понемногу сосѣдними мелкими комнатами и теперь помѣщеніе ея сдѣлалось втрое больше первоначальнаго.

(Окончаніе впереди).

ОБЗОРЪ

БОЛЬШИХЪ БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ

въ началѣ 1859 года.

(Окончаніе).

Послѣ Парижскихъ библиотекъ мнѣ предстояло увидѣть предметъ удивленія всего просвѣщеннаго міра — ротонду читальной залы Британскаго музеума въ Лондонѣ. Описанія которыя мнѣ довелось читать, рассказы, которые мнѣ случилось слышать объ этомъ удивительномъ сооруженіи, не были пополнены необходимыми въ этихъ случаяхъ рисунками, и потому не дали мнѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что я встрѣтилъ въ дѣйствительности: читальная зала Британскаго музеума была для меня совершенная новость. Все, что я читалъ, все, что я слышалъ, было не что иное, какъ похвалы, но похвала не есть судъ, не есть критика. Ротонда Британскаго музеума задумана смѣло, исполнена добросовѣстно. На постройку и обдѣлку ее употреблено около 150,000 фунтовъ стерлинговъ (*) (до 1,000,000 руб. сер.). Если-же принять въ соображеніе, что постройка производилась при содѣйствіи Англійскихъ заводовъ и что при этомъ употреблена была въ дѣло вся техническая опытность Англичанъ, то нельзя не предполагать, что отъ соединенія всѣхъ этихъ условій вышло произведеніе удивительное, но, какъ всякое произведеніе рукъ человѣческихъ, нѣсколько нѣкоторые недостатки. Еслибы Англичанамъ пришлось удовлетворять подобной-же потребности и строить еще другую большую читальную залу, то я увѣренъ, что они сдѣлали-бы ее еще лучше, еще удобнѣе. Главнѣйшая особенность ротонды, чтобы не

(*) Times 21 April 1857.

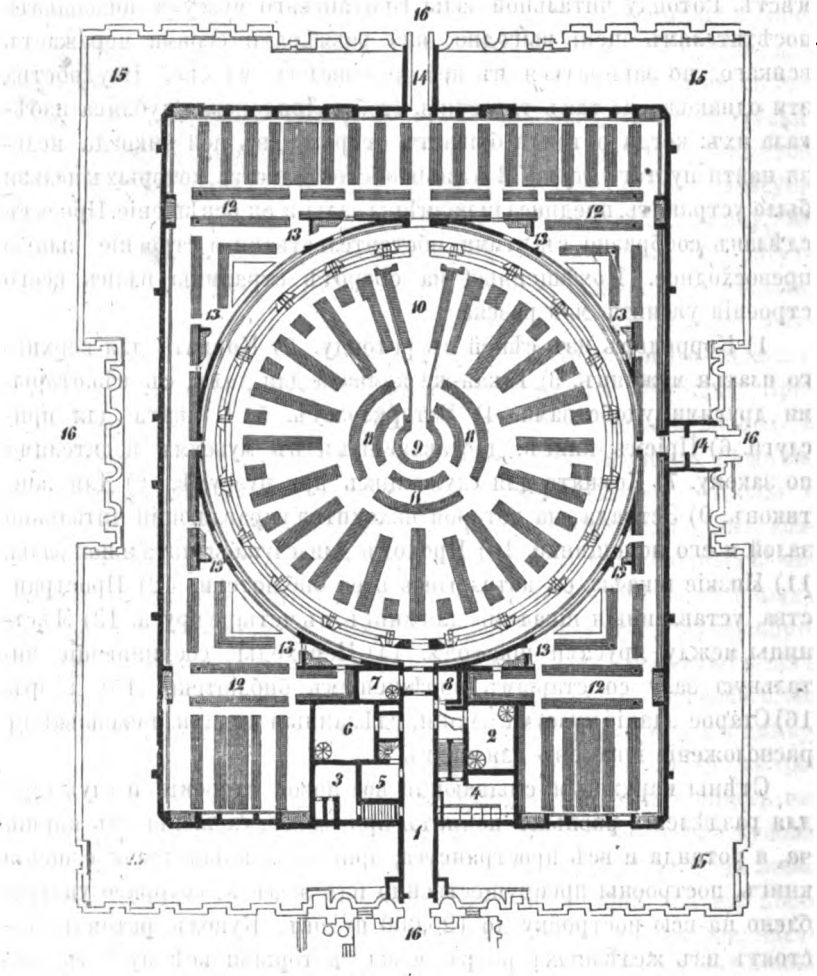
сказать главнѣйшее достоинство ея, есть величина. Эта особенность должна поражать всякаго входящаго въ первый разъ. Изъ сѣней музеума нужно пройти по довольно узкому и довольно длинному корридору, отворить низкую дверь и очутиться вдругъ въ круглой залѣ почти такой величины, какъ Римскій Пантеонъ. Ротонда Британскаго музеума уступаетъ ширинѣ Пантеона только 2 футами и разница эта при 140 футахъ діаметра нисколько незамѣтна; но Пантеонъ построенъ не для ученыхъ занятій, которыя требуютъ безмятежной тишины и уютнаго уголка, а не круглой площади въ 20 саженой поперечника, гдѣ движется постоянно болѣе 300 человекъ. Въ ротондѣ Британскаго музеума нѣтъ шума, это правда: всѣ посѣтители наблюдаютъ тишину, не говорятъ громко, не расхаживаютъ безъ нужды; но гдѣ присутствуютъ 300 человекъ не притаившихся, а занимающихся дѣломъ, тамъ непремѣнно есть гулъ неумолкающій и, слѣдовательно, отвлекающій вниманіе работающихъ. Это я замѣтилъ самъ и слышалъ сужденія нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей ротонды. Британскій музеумъ для всѣхъ своихъ посѣтителей отдалъ ротонду и ни для кого не дѣлаетъ изъятія. Ученый, занимающійся важнѣйшими разысканіями, не можетъ проникнуть дальше ротонды и найти себѣ пріютъ въ другихъ залахъ или кабинетахъ. Онъ долженъ занять мѣсто наравнѣ съ тремястами разнородныхъ читателей и пользоваться предоставленными ему удобствами наряду съ такими посѣтителями, которые хотя и не производятъ шума, запрещеннаго законами, но шарятъ въ книгахъ, перелстываютъ ихъ и однимъ словомъ дѣлаютъ то, что не даетъ покоя. Человекъ, занимающійся ученой работой, привыкаетъ обыкновенно къ свѣту, падающему изъ окна въ его мирномъ кабинетѣ, а придя въ ротонду Британскаго музеума, онъ встрѣчается съ освѣщеніемъ необыкновеннымъ: 20 оконъ, расположенныхъ въ основаніи купола, даютъ ему свѣтъ со всѣхъ сторонъ вдругъ и кромѣ того въ зенитѣ купола сдѣлано большое круглое отверстіе арш. 15 въ поперечникѣ. Въ ротондѣ очень свѣтло, это правда; но ученые, часто люди старые, недовольны этимъ обиліемъ свѣта, не имѣющаго опредѣленнаго направленія. Кромѣ этихъ неудобствъ, просторная зала бываетъ обыкновенно неразлучна еще съ однимъ неудобствомъ, едва-ли не самымъ важнымъ, это — теченіе воздуха. Въ ротондѣ Британскаго музеума превосходно устроены отопленіе и вентиляція, но оба эти процесса не могутъ совершаться иначе, какъ

производя движеніе въ воздухѣ. Во всякой небольшой комнатѣ процессы эти совершаются точно такъ-же, какъ и въ обширномъ пространствѣ, но при небольшой массѣ воздуха они почти не чувствительны, а въ просторной залѣ ихъ нельзя не почувствовать, особливо челоуѣку, сидящему долго и почти неподвижно на одномъ мѣстѣ. Ротонду читальной залы Британскаго музея показывать посѣтителямъ очень выгодно: она размѣрами своими поражаетъ всякаго, но заниматься въ ней не совсѣмъ удобно. Неудобства эти однакожь не такъ тягостны, чтобы Лондонская публика избѣгала ихъ: когда ротонда бываетъ открыта, въ ней никогда нельзя найти пустаго стула. Мѣстные обстоятельства, которыхъ нельзя было устранить, предписали размѣры залы и ея освѣщеніе. Проектъ сдѣланъ сообразно съ этими обстоятельствами и строеніе вышло превосходное. Помѣщенный на оборотѣ страницы планъ всего строенія уяснить мой рассказъ:

1) Корридоръ изъ сѣней въ ротонду. 2) Комната для верхняго платья мужчинъ. 3) Такая-же комната для дамъ, съ нѣкоторыми другими удобствами. 4) Ватерклозетъ. 5) Комната для прислуги. 6) Приемъ книгъ, доставляемыхъ въ музей издателями по закону. 7) Комната для служащихъ при музеемъ. 8) Для зонтиковъ. 9) Эстрада, на которой находится управляющій читальной залой и его помощники. 10) Проходъ для службы читальной залы. 11) Низкіе шкафы съ каталогомъ всей библіотеки. 12) Пространства, уставленные шкафами для книгъ въ четыре яруса. 13) Лѣстницы между ярусами шкафовъ. 14) Переходы, соединяющіе читальную залу со старымъ помѣщеніемъ библіотеки. 15) Дворъ. 16) Старое зданіе музея. Линіи, сдѣланныя рядами, показываютъ расположеніе шкафовъ для книгъ.

Стѣны наружныя, смыкающія все новое строеніе и служащія для раздѣленія разныхъ комнатъ при входѣ, сложены изъ кирпича, а ротонда и всѣ пространства, приготовленныя для помѣщенія книгъ, построены преимущественно изъ желѣза, котораго употреблено на всю постройку до 125,000 пудовъ. Куполь ротонды состоитъ изъ желѣзныхъ ребръ, между которыми всѣ пустоты (паруса) сдѣланы изъ кирпича. Внутренность купола не блещетъ убранствомъ. Известно, что фантазія Англичанъ не паритъ въ области изящнаго. Они, правда, не дѣлаютъ ничего уродливаго, но за то рѣдко создаютъ что-нибудь увлекательное по красотѣ. Гдѣ нужно украшеніе они не придумываютъ формъ, а прибѣгаютъ къ

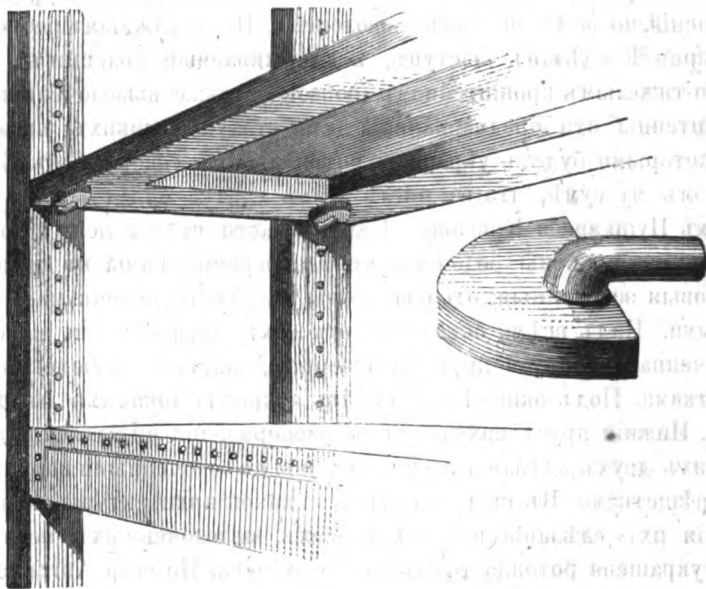
золоту, къ краскамъ и, употребляя то и другое, не руководствуются чувствомъ вкуса, которое незнакомо ихъ натурѣ: если нужно украсить богаче, они употребятъ побольше золота. Построивъ изумительныхъ размѣровъ ротонду для приѣма публики, имъ захотѣлось украсить ее побогаче и они раззолотили въ ней все, что можно

было раззолотить, не впадая въ сѣшное. Куполь состоитъ изъ 20 ребръ, которыя въ основаніи своемъ имѣютъ до 12, а въ вершинѣ до 6 вершковъ ширины. Ребра эти не имѣютъ архитектурныхъ украшеній, но выдочены отлично. Пространства между

ребръ, сдѣланныя изъ кирпича, раздѣлены просто на три рамки со впадинами. Здѣсь фантазія строителя также не разыгралась и онъ вызолотилъ рамки, а впадины выкрасилъ голубой краской (encausto). Карнизъ, въ который упираются ребра купола, имѣетъ довольно крупныя формы, лишенные всякихъ архитектурныхъ украшеній, но за то онъ весь вызолоченъ. Подъ каждымъ ребромъ въ карнизѣ сдѣланъ выступъ, поддерживаемый большимъ, довольно-тяжелымъ кронштейномъ (console), также вызолоченнымъ. Кронштейны эти предназначены для статуй великихъ писателей, которыми будетъ украшена ротонда. Миѣ говорили въ Британскомъ музеумѣ, что въ числѣ этихъ статуй будутъ и статуи нашихъ Пушкина и Крылова. Гладкія части стѣны между кронштейнами украшены золочеными алагреками. Рамы въ окнахъ бронзовыя золоченныя; откосы оконъ раздѣлены рамочками золоченными. Надъ всѣми окнами въ откосахъ сдѣланы для выхода испорченнаго воздуха круглыя отверстія, закрытыя золочеными рѣшетками. Подъ окнами всѣ стѣны покрыты шкафами въ три яруса. Нижний ярусъ находится въ распоряженіи читателей, а для верхнихъ двухъ сдѣланы легкіе балконы съ золочеными поручнями и рѣшетками. Въ шкафахъ нѣтъ никакой архитектуры, но раздѣленія ихъ сдѣланы изъ бронзовыхъ вызолоченныхъ полосъ. Такъ украшена ротонда Британскаго музеума. Но если Англичане не могутъ очаровывать своею изобрѣтательностью въ дѣлѣ вкуса, за то тамъ, гдѣ дѣйствуетъ практичный умъ, они превосходятъ всѣхъ. Я не могу описывать здѣсь всего сооруженія ротонды и окружающихъ ее хранилищъ для книгъ: это можетъ быть предметомъ отдѣльнаго и довольно большаго сочиненія; но я возьму для примѣра одну полку, которыхъ въ новомъ строеніи Британскаго музеума я видѣлъ десятки тысячъ. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ книжныхъ шкафахъ полки кладутся обыкновенно концами своими на перекладки, вставляемыя въ зубчатки, находящіяся въ бокахъ шкафа. На такихъ полкахъ переплетъ крайней книги непремѣнно страдаетъ, особливо если книги поставлены тѣсно. Когда случается надобность поднять или опустить полку, то приходится иногда, или употребить инструментъ, чтобъ вынуть присохшую перекладку, или посылать за столяромъ. Англичане устранили всѣ эти неудобства слѣдующимъ способомъ. Въ бокахъ шкафовъ сдѣланы вертикальныя ряды круглыхъ отверстій въ $\frac{1}{4}$ дюйма ширины, въ разстояніи $\frac{3}{4}$ дюйма отъ одного центра отверстія

до другаго. У каждаго конца полки есть два ряда отверстій: одинъ у передняго края полки, а другой у задняго. Въ отверстія вкладываются отлитыя изъ мѣди лопаточки съ круглыми шипами, тол-

щины равной ширинѣ отверстія. Здѣсь представлена лопаточка въ натуральную величину и особо часть шкафа съ отверстіями, въ которыя вкладываются лопаточки. Для каждой полки въ отверстія вкладываются четыре такіа лопаточки. На нижней сторонѣ полки вырѣзаны углубленія такой-же величины и формы, какъ лопаточки. Полка, положенная на такихъ лопаточкахъ, лежитъ очень плотно, не опрокидывается, какъ это часто случается на перекладинахъ, и ее нельзя сдвинуть, потому-что лопаточки въ нее углублены. Когда нужно полку опустить или поднять, то это можно сдѣлать, не снимая книгъ, стоитъ только переставить поочередно всѣ четыре лопаточки. Если полку нужно поднять не болѣе какъ на $\frac{3}{8}$ дюйма, то лопаточки, находящіяся въ такомъ положеніи, какое представлено на рисункѣ, слѣдуетъ перевернуть такъ, чтобы круглый шипъ пришелся къ низу; если-же нужно, напротивъ-того, опустить на $\frac{3}{8}$ д, то лопаточки слѣдуетъ также перевернуть и притомъ переставить въ слѣдующія нижнія отверстія. Подъ словомъ полка мы обыкновенно разу-

нѣмъ гладкую доску, т.-е. часть матеріала годнаго для различнаго употребленія, а въ Британскомъ музеумѣ полка не есть простая доска, но предметъ сложный, на сдѣланіе котораго употреблены разнородные матеріалы. Она состоитъ изъ дубовой рамки, покрытой гальванизированнымъ листомъ желѣза и сверху обтянутой кожей. На переднемъ краю полки прибита занавѣска изъ нарочно для того сдѣланной двойной клеенки. Занавѣска эта шириною не болѣе 2 вершковъ, украшенная золотой каемкой, закрываетъ промежутокъ между полкой и вершинами книгъ, стоящихъ на слѣдующей нижней полкѣ, и тѣмъ предохраняетъ книги отъ пыли. На рисункѣ верхняя полка представлена безъ занавѣски, а нижняя съ занавѣской. Въ новомъ строеніи приготоовлено 44,000 такихъ полокъ, составляющихъ 37,71 верстъ протяженія, на которомъ можно поставить 1,500,000 томовъ. По вѣрнѣйшему исчисленію извѣстно, что въ стойкахъ шкафовъ* просверлено 2,750,000 отверстій для вкладыванія мѣдныхъ лопаточекъ. Каждая стойка шкафовъ сдѣлана изъ двухъ брусковъ желѣза, между которыми проходитъ дубовый брусокъ съ отверстиями для мѣдныхъ лопаточекъ. Шкафы сдѣланы вышиною въ 8 футовъ и расположены въ четырехъ ярусахъ хранилицъ, окружающихъ ротонду. Весь нижній ярусъ приходится ниже пола ротонды или, по нашему, въ подвалѣ. Свѣтъ въ нижній ярусъ проникаетъ сверху сквозъ переходы между шкафами, гдѣ полы состоятъ изъ желѣзныхъ полосъ, положенныхъ на ребро, на разстояніи 2—2½ дюймовъ одна отъ другой. Ходить по этимъ рѣшеткамъ не совсѣмъ удобно, но онѣ положены не для прогулокъ. Если бібліотекарю встрѣчается надобность заниматься у самаго шкафа, то для него кладутъ на рѣшетку что-то въ родѣ циновки, сплетенной изъ камыша. Не смотря почти на постоянно-туманную погоду Лондона, въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ такъ свѣтло, что можно читать. По рассказамъ мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы свѣтъ изъ окна въ потолокъ, пройдя сквозъ три желѣзныя рѣшетки, былъ достаточно для того, чтобы можно было читать; но, осматривая все устройство въ натурѣ, я нашелъ, что это очень просто, потому что рѣшетки, замиѣняющія полы между шкафами, сдѣланы по-Англійски: полосы всѣхъ рѣшетокъ расположены такъ равномерно, что въ вертикальномъ смыслѣ онѣ приходятся одна надъ другою почти съ математическою точностію и слѣдовательно промежутки между полосами, представляющіе пути для свѣта, расположены съ такою-же точностію. Если

бы верхнія рѣшетки сдвинуть на дюймъ въ разныя стороны, то внизу сдѣлалось-бы темно. Во всѣхъ частяхъ библиотеки, окружающей ротонду, потолки сдѣланы изъ матовыхъ стеколъ, вставленныхъ въ двойныя рамы. На все строеніе употреблено до 60,000 квадратныхъ футовъ стекла. Англичане употребили на сооруженіе ротонды сумму, равняющуюся почти 1,000,000 руб. серебр.; но еслибы подобная постройка предпринята была у насъ, то мы, не имѣя такихъ какъ Англія заводовъ, не сдѣлали-бы ее и за два милліона. Чтобъ доказать это, стоитъ одѣлать по нашимъ цѣнамъ одну полку. Разсматривая эту вещь въ натурѣ и перелагая на наши деньги всѣ матеріалы, изъ которыхъ она сдѣлана, и время, которое долженъ на это употребить нашъ ремесленникъ, работающій кое-какими инструментами, я нашелъ, что у насъ каждая полка обошлась-бы не менѣе 4-хъ руб., а все количество ихъ, сдѣланное для новой части зданія Британскаго музея, болѣе 175,000 р. Что-же могло-бы стоить все строеніе, для котораго употреблено желѣза, въ тысячахъ различныхъ видовъ, до 125,000 пудовъ.

Въ Британскій музей допускаются для занятій люди только рекомендованные. Желающій заниматься проситъ, не иначе какъ письменно, дозволенія главнаго библіотекаря, означаетъ свое званіе или положеніе въ обществѣ и свой адресъ и прилагаетъ письменную рекомендацію (*). Строгость эта можетъ показаться стѣснительною для публики, особливо для тѣхъ, кто знакомъ съ либеральностію другихъ библіотекъ, а въ томъ числѣ и нашей Императорской Публичной Библіотеки, потому-что либеральность въ дѣлѣ науки или занятій хороша и всякій порядочный человекъ пользуется ею приличнымъ образомъ; но есть люди и непорядочные, которые, прикрываясь любознательностію, входятъ безъ всякихъ формальностей въ читальную залу, рожются небрежно въ приготовленныхъ для порядочныхъ людей справочныхъ книгахъ, вырываютъ оттуда гравюры, требуютъ десятки томовъ журналовъ за прошлые года, читаютъ въ нихъ повѣсти, или, подмѣтивъ интересную для нихъ статью, вырываютъ ее цѣликомъ, не думая о томъ, что статья эта можетъ быть полезна ихъ правнукамъ, которые не

(*) Въ законѣ сказано: Any person desiring to be admitted into the Reading Room is to apply *in writing*, addressed «To the Principal Librarian of the British Museum», and not otherwise, specifying his description and place of abode and accompanying his letter *with a written recommendation*, satisfactory to an Officer of the Museum.

сыскавъ ея нигдѣ, придуть въ публичную библіотеку, но и тутъ не найдуть ея потому, что прадѣдъ ихъ былъ такой варваръ, что для личнаго своего удобства, или изъ лѣни списать статью, унесъ ее изъ библіотеки и лишилъ своихъ потомковъ возможности почерпнуть нужное свѣдѣніе. Строгость Британскаго музеума не можетъ быть стѣснительна ни для одного порядочнаго человѣка, какового бы званія онъ ни былъ. Трудно придумать такое положеніе человѣка, въ которомъ онъ, имѣя нужду въ книгахъ для доброй цѣли, не нашелъ-бы въ кругу своемъ личности достойной уваженія и способной сказать о немъ доброе слово.

Зная объ этой строгости, я, съ перваго шагу, адресовался къ главному библіотекарю г. Паницци съ рекомендательными письмами отъ моего начальника барона М. А. Корфа и отъ нашего посланника въ Лондонѣ барона Ф. И. Бруннова, но по-случаю дѣятельности въ пользу Неаполитанскихъ выходцевъ, бывшей въ Лондонѣ въ мое время, г. Паницци рѣдко бывалъ въ музеумѣ и я его не засталъ. Придти къ самой ротондѣ Британскаго музеума и уйти не выдавъ ее, было выше силъ моихъ. Я попросилъ проводить меня къ директору отдѣленія печатныхъ книгъ, показалъ ему мою карточку и объяснилъ цѣль моего путешествія. Всѣ строгости и формальности были отложены и я нашелъ возможность отдать г. Паницци рекомендательныя письма тогда уже, когда не только читальная зала, но и библіотека и весь музеумъ были мнѣ знакомы.

Прежде мнѣ казалось, что строгость Британскаго музеума къ посѣтителямъ читальной залы есть не что иное, какъ черта консервативнаго духа Англичанъ; но когда я ознакомился ближе съ предметомъ, такъ бережливо охраняемымъ, то нашелъ строгость эту разумною и необходимою. Музеумъ открытъ для пользы націи. Значеніе этой прекрасной и достойной учрежденія цѣли, нельзя принимать безусловно. Если въ головѣ медика родится мысль, могущая, по его мнѣнію, измѣнить современный ему взглядъ на какой-нибудь предметъ науки, или механикъ откроетъ новую двигающую силу, удивительную по его теоріи, и оба они захотятъ повѣрить свои соображенія со всѣмъ, что было до того времени сдѣлано другими по ихъ предметамъ, то неужели занятія этихъ людей можно сравнить съ внимательнѣйшимъ чтеніемъ старыхъ путешествій, которому предается какой-нибудь господинъ, единственно для того, чтобы провести свободные отъ обычныхъ сво-

ихъ занятій часы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не берутъ ни за книгу, данную для чтенія, ни за стулъ, на которомъ онъ сидитъ, ни за тепло, въ которомъ онъ благоденствуетъ. Медику и механику не трудно попасть въ читальную залу Британскаго музеума: имъ легко въ своей средѣ найти голосъ, который раздастся въ ихъ пользу и раскроетъ завѣтныя двери, а простой любитель чтенія пройдетъ мимо этихъ дверей, и въ одной изъ частныхъ библиотекъ, за самую ничтожную плату, выберетъ книгу по своему вкусу, унесетъ ее домой и, засѣвъ въ свое покойное кресло, къ которому онъ привыкъ, забудетъ о строгостяхъ музеума.

Британскій музеумъ, сообразно своему назначенію, такъ устроилъ читальную залу, что для людей, занимающихся съ опредѣленною цѣлью, она служитъ превосходнѣйшимъ пособіемъ; но за то люди праздношатающіеся ни подѣ какимъ видомъ не впускаются въ эту залу. Лица рекомендованныя получаютъ билеты на шесть мѣсяцевъ. Сообразно предположенной цѣли ихъ занятій, они могутъ, по прошествіи шестимѣсячнаго срока, или возобновлять свои билеты, если первоначальная рекомендація даетъ имъ на то право, или искать новой рекомендаціи. Не смотря на то, что въ читальную залу Британскаго музеума допускаются посѣтители не иначе какъ съ рекомендательными письмами, въ ней ежедневно бываетъ такъ много читающихъ, что отъ 12 до 3 часовъ нельзя найти свободнаго мѣста. Начальникъ отдѣленія печатныхъ книгъ Mr. Winter Jones говорилъ мнѣ, что недостатокъ мѣстъ для читателей начинается сильно озабочивать управленіе. Приходящій въ залу, избравъ мѣсто, отправляется въ центръ залы къ каталогу. Въ центрѣ залы, на круглой, возвышенной эстрадѣ, находится управляющій читальною залою (Superintendent), помощникъ его (Clerk) и нѣсколько служителей (Attendants). Эстрада окружена двумя рядами низкихъ шкафовъ, въ которыхъ, на двухъ полкахъ, поставленъ полный алфавитный каталогъ всей библиотеки музеума, списанный на карточкахъ, наклеенныхъ въ книгахъ, и составляющій до 500 томовъ in-folio, отлично-переплетенныхъ. Томы эти снимаются съ полокъ и ставятся обратно такъ часто, что никакая кожа на краяхъ ихъ переплетовъ не уцѣлѣла-бы въ теченіе одного мѣсяца. Для этого нижніе края переплетовъ обдѣланы бѣлымъ листовымъ желѣзомъ. Надъ каталогомъ на столахъ приготовлены чернила, перья и протечная бумага, и тутъ-же на крючкахъ висятъ карточки для писанія заглавій требуемыхъ книгъ. Читатель пи-

шетъ заглавіе, означаетъ изъ каталога мѣсто, гдѣ книга въ библиотекѣ стоитъ, подписываетъ свою фамилію, извѣстную управляющему по рекомендаціи, отмѣчаетъ номеръ мѣста, которое онъ занялъ войдя въ залу, и приготовленное въ такомъ видѣ требованіе отдаетъ управляющему, а самъ отправляется на свой стулъ, гдѣ и ожидаетъ покуда книгу привесутъ къ нему. На требовательныхъ карточкахъ можно писать заглавія тѣхъ только книгъ, которыя внесены въ каталогъ. Такъ - какъ каталогъ составленъ полный всей библиотекѣ и въ него постоянно вносятся всѣ вновь-поступающія книги, то писать на карточкѣ заглавіе, непоказанное въ каталогѣ, значитъ требовать то, чего нѣтъ въ библиотекѣ музеума. Въ такихъ случаяхъ, когда требователь не помнитъ имени автора и слѣдовательно не можетъ найти нужной ему книги въ алфавитномъ каталогѣ, или просто не знаетъ заглавія книги, онъ обращается за совѣтомъ къ управляющему и тогда принимаются другія мѣры къ удовлетворенію требованія; но мѣры эти принимаются дѣйствительно, а не только для соблюденія приличія, изъ вѣжливости. Въ управляющіе читальную залу выбираются люди способные и хорошо знающіе библиотечку музеума. На нихъ, по закону, лежитъ обязанность оказывать читателямъ помощь въ ихъ разнообразныхъ разысканіяхъ.

Читатель, отдавъ управляющему требованіе, не обязанъ оставаться на своемъ мѣстѣ и ждать покуда книгу найдутъ и принесутъ: въ это время ему есть чѣмъ заняться. Нижній ярусъ шкафовъ, по всему кругу залы, на протяженіи слишкомъ 170 аршинъ, вмѣщаетъ болѣе 20,000 томовъ ручныхъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Вся эта масса книгъ приготовлена для приходящихъ. Они могутъ брать съ полку все, что имъ угодно, уносить на свои столы и опять ставить на полки. Ожидая потребованныхъ сочиненій можно-ли скучать въ такомъ громадномъ обществѣ самыхъ нужныхъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка книгъ? Съ перваго взгляда кажется труднымъ ознакомиться съ библиотечкою въ 20 слишкомъ тысячъ томовъ, но умное управленіе позаботилось объ этомъ. Ходящіе по залѣ встрѣчаютъ почти на каждомъ шагу развѣшенные планы залы, отпечатанные красками. Весь кругъ залы имѣетъ 122 шкафа, которые наполнены книгами въ систематическомъ порядкѣ и всѣ перенумерованы съ № 2,000 до 2,121. Вотъ какія тамъ отдѣленія и какое количество шкафовъ:

ШКАФЫ.

Богословіе	16
Правовѣдѣніе	4
Философія	12
Искусства	2
Біографіи	7
Словесность	5
Поэзія	2
Библиографія	3
Классики	5
Путешествія и географія	5
Топографія	6
Исторія	19
Ученые журналы	16
Энциклопедіи	11
Лексиконы	6
Календари и разныя справочныя книги	3

Эти главные отдѣленія отмѣчены на планѣ особыми красками и подраздѣлены на мелкія части такъ, что замѣтивъ подраздѣленіе и номеръ шкафа, въ которомъ оно стоитъ, можно тотчасъ найти что нужно. Особый служитель, снабженный инвентаремъ этой подручной бібліотеки, наблюдаетъ постоянно за порядкомъ ея и, если случается, что посѣтитель по ошибкѣ поставитъ книгу не на свое мѣсто, то служитель возстановляетъ порядокъ. Хотя въ читальную залу допускаются люди только рекомендованные, но случается также, что ручныя книги исчезаютъ. Служитель доноситъ объ этомъ кому слѣдуетъ и новый экземпляръ является на мѣстѣ исчезнувшаго. Такіе случаи бывають здѣсь нерѣдко, но управленіе музеума, обладая обширными средствами, мало обращаетъ на нихъ вниманія и считаетъ ихъ мелочнымъ расходомъ.

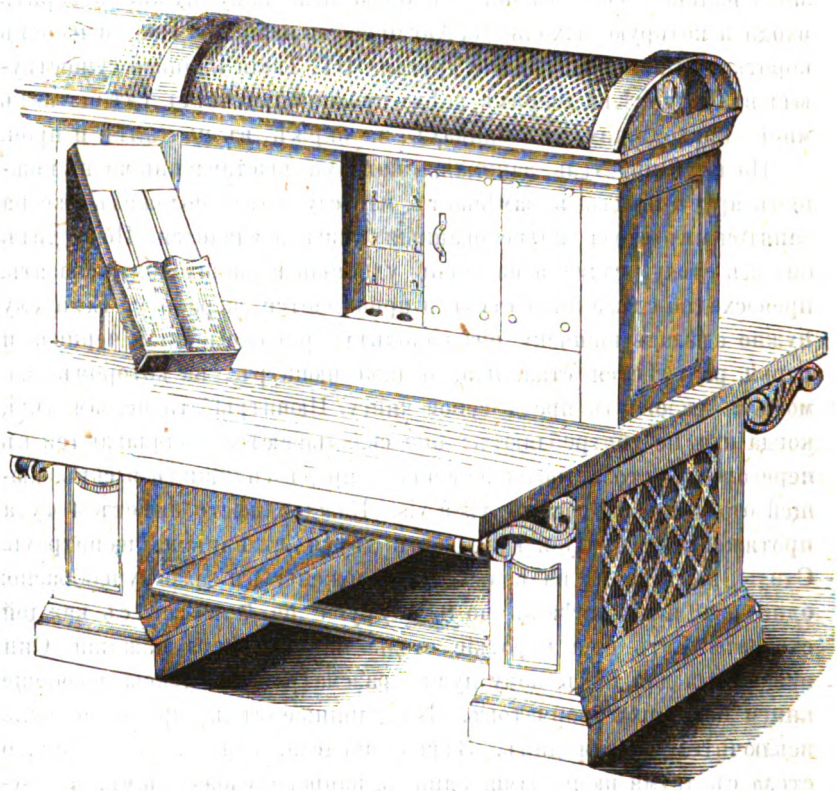
Въ читальной залѣ Британскаго музеума, какъ и во всѣхъ другихъ бібліотекахъ, вовсе запрещено говорить, чтобы не отвлекать вниманія читающихъ. Чтобы заглушить шаги ходящихъ по залѣ, полъ устланъ ковромъ изъ каучука, смѣшаннаго съ порошкомъ пробки Кемпталікон. Входная дверь, при постоянномъ множествѣ приходящихъ и уходящихъ, отпирается и запирается непрерывно, но не производитъ ни малѣйшаго шума. Въ ней нѣтъ ни замка, ни щеколды, которые обыкновенно щелкають каждый разъ, когда дверь

запирается. Обѣ половинки дверей навѣшаны на петляхъ съ пружинами и отпираются въ обѣ стороны такъ, что, подойдя къ двери, ее нужно толкнуть и она отворится безъ всякаго шума и потомъ сама заперется. Кромѣ того приняты мѣры, чтобы проходящіе въ дверь не сталкивались при встрѣчѣ: на обѣихъ половинкахъ сдѣланы надписи, указывающія которую половинку нужно отворять входя и которую выхода. На Англійскомъ языкѣ эти надписи очень коротки: одна говоритъ IN, а другая OUT. Такія надписи существуютъ въ Лондонѣ на дверяхъ всѣхъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ бываетъ много приходящихъ: въ банкахъ, на биржѣ, въ почтамтѣ и проч.

Но вотъ читатель, занимаясь книгами, выставленными въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ, замѣчаетъ, что служитель положилъ уже на занятой имъ столѣ потребованныя книги и удалился. Подходить онъ къ столу, садится на очень удобный и, мимоходомъ сказать, превосходно-сдѣланный стулъ и принимается за работу. Если ему нужно сдѣлать выписку, онъ находитъ приготовленные чернила и перья, разумѣется стальные, и даже пюпитръ, на которомъ онъ можетъ разогнуть предъ собой книгу. Пюпитры эти не замѣтны, когда ихъ не употребляютъ: они складываются и скрываются въ перегородкѣ стола, возвышающейся предъ сидящимъ и скрывающей отъ него его сосѣда *vis-à-vis*. Каждое мѣсто имѣетъ 4 фута протяженія по столу и каждое съ двумя складными пюпитрами. Столы, какъ видно на планѣ, расположены въ залѣ лучеобразно: одни изъ нихъ имѣютъ по 8, а другіе по 7 мѣстъ съ каждой стороны. Есть еще короткіе столы на два мѣста каждый. Они назначены для тѣхъ, кому нужно разсматривать атласы и вообще книги большихъ форматовъ. Два длинные стола предназначены исключительно для дамъ. Здѣсь представлена часть длиннаго стола съ двумя пюпитрами: однимъ, направо, сложеннымъ, а другимъ, налѣво, раскрытымъ.

Валикъ подъ столомъ, на который читающій кладетъ свои ноги, состоитъ изъ желѣзной трубы, нагрѣтой пропущеннымъ въ нее изъ печи горячимъ воздухомъ. Перегородка, стоящая на столѣ, покрыта въ видѣ свода проволоочной сѣткой, подъ которою также проходятъ трубы, нагрѣтыя горячимъ воздухомъ и сообщающія теплоту залѣ. Сквозь рѣшетку, вставленную съ боку въ ножку стола, получается чистый воздухъ слегка нагрѣтый. Для выхода испорченнаго воздуха отверстія устроены въ откосахъ оконъ, прорѣзанныхъ въ парусахъ купола, о которыхъ я говорилъ

выше. Эти трубы для горячаго воздуха, рѣшетки, сѣтки, столярная работа столовъ все это сдѣлано и отдѣлано просто, но съ удивительною отчетливостью.

Отопленіе, которое я видѣлъ въ Дрезденской галереѣ, устроено превосходно, но сопутствуемое водой, оно не можетъ быть признаваемо простымъ, удобнымъ и безопаснымъ. Въ Британскомъ музеемъ это устройство несравненно лучше: здѣсь дѣйствуетъ не вода, а воздухъ. Нагрѣтый въ печи онъ проходитъ по множеству желѣзныхъ трубъ, расположенныхъ равномерно на всемъ пространствѣ залы и посредствомъ внѣшнихъ ихъ плоскостей передаетъ воздуху залы одну только теплоту, не сообщая ему своихъ

качества, зависящихъ отъ исправности печи въ извѣстную минуту. У насъ въ Россіи въ большомъ употребленіи воздухонагрѣвательныя печи, но онѣ дѣлаются обыкновенно съ душниками, которые проводятъ въ комнаты нагрѣтый воздухъ прямо изъ печей. Душники эти опасны потому, что при малѣйшемъ поврежденіи печи они распространяютъ запахъ иногда только неприятный, а иногда и вредный. Душники есть зло, у насъ покуда неизбѣжное. Если печь исправна, то, не принося запаха, они приносятъ воздухъ нагрѣтый насильственно и слѣдовательно измѣнившій свое естественное соединеніе. Предоставляю медикамъ опредѣлить въ какой степени воздухъ этотъ вреденъ для дыханія, а я, какъ практикъ по части строительной, могу только сказать, что никакая мебель, сдѣланная изъ самаго сухаго дерева, не можетъ устоять противъ дѣйствія нашихъ воздухонагрѣвательныхъ печей: отъ нихъ все трескается, все коробится и сжимается. Кромѣ отопленія зимняго, въ ротондѣ устроено еще отопленіе лѣтнее, служащее для освѣженія воздуха во время жаровъ. Трубы съ горячимъ воздухомъ, о которыхъ я говорилъ, дѣйствуютъ зимой; въ лѣтнее-же время нагрѣваются особыя трубы, опоясывающія въ нѣсколько рядовъ большое отверстіе, находящееся въ землѣ купола. Трубы эти нагрѣваются паромъ, который проходитъ въ нихъ изъ особаго паровика, устроеннаго въ подвалѣ. Разрѣжаемый этими трубами воздухъ вылетаетъ сквозь верхнее отверстіе и замѣняется свѣжимъ воздухомъ, входящимъ сквозъ рѣшетки, устроенныя подъ столами. Превосходное отопленіе, которое я видѣлъ въ Британскомъ музее, не можетъ быть употреблено въ нашемъ климатѣ безъ нѣкоторыхъ измѣненій важныхъ, но тѣмъ не менѣе возможныхъ.

Почему-же вы, сврсыяте меня, не сдѣлаете этихъ измѣненій, если они возможны, и не введете или, по крайней мѣрѣ, не испытаете у насъ того, что вы видѣли въ Англіи? На такой вопросъ я съ грустью долженъ отвѣтить, что хотя у насъ найдутся люди съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ по части отопленія, но они по многимъ причинамъ не могутъ заняться примѣненіемъ къ нашему климату тѣхъ усовершенствованій, которыя существуютъ въ Англіи. Для этого: примѣненія необходимы опыты: нельзя поручиться, что составленная по извѣстнымъ даннымъ теорія дастъ на практикѣ съ одного разу всѣ результаты, которыхъ мы отъ нея ожидаемъ. Для опытовъ нужны во-первыхъ деньги, во-вторыхъ мѣсто и наконецъ техническія

средства. Положимъ, что наши заводы, наши мастеровые сѣумѣютъ сдѣлать то, что имъ закажетъ и укажетъ мастеръ, но они должны дѣлать и, можетъ быть, нѣсколько разъ передѣлывать заказанное, чтобы, по требованіямъ опытовъ, довести все устройство до известной степени совершенства. На это нужны деньги, а ихъ у насъ никто не захочетъ тратить на дѣло, которое еще, Богъ знаетъ, удастся или нѣтъ. Желѣзныя дороги вездѣ существуютъ и постоянно строятся новыя, а у насъ и теперь еще многіе покачиваютъ головою на громадное предпріятіе, начатое въ Россіи. Еслибы и нашелся человѣкъ съ знаніемъ и деньгами, выдумалъ-бы и приспособилъ хорошее отопленіе, въ которомъ мы такъ нуждаемся въ нашемъ климатѣ, то и тогда всѣ стали-бы приглаждаться и разузнавать: хорошо-ли оно и главное, дешево-ли стоитъ его устройство. При томъ о дороговизнѣ и дешевизнѣ мы имѣемъ не совсѣмъ вѣрное понятіе. У насъ во всеобщемъ употребленіи находятся Голландскія печи, и онѣ были-бы очень хороши, но невѣрное понятіе о дешевизнѣ довело ихъ до такого состоянія, что, кромѣ названія, въ нихъ ничего не осталось Голландскаго. Домовладѣлецъ, отдающій въ наймы квартиры, старается употреблять на ремонтъ дома какъ можно меньше денегъ и, вслѣдствіе того, если встрѣчается надобность передѣлать печь, то онъ ищетъ печниковъ, которые берутъ за передѣлку дешевле и, заплативъ 5 руб., остаются въ совершенномъ невѣдѣніи какъ печь передѣлана. Между-тѣмъ печникъ, работая за 5 руб., помышляетъ и о своей семьѣ и объ оброкѣ и о разныхъ житейскихъ нуждахъ и, вслѣдствіе этихъ помышленій, такъ дурно передѣлаетъ печь, что изъ ничтожной платы у него остается хорошій барышъ. Домовладѣлецъ однакожь доволенъ, что дешево отдѣлался. Онъ не думаетъ о томъ, что чрезъ годъ, а много чрезъ два, онъ долженъ будетъ на эту-же печь истратить еще 5 руб. Само собою разумѣется, что еслибы печникъ, вмѣсто 5, получилъ 15 руб. и исполнилъ дѣло свое добросовѣстно, то чистой прибылью ему пришлось-бы гораздо больше, а домовладѣлецъ 15 лѣтъ не имѣлъ-бы надобности передѣлывать печь: очевидно, что обоимъ имъ было-бы выгоднѣе и жилецъ былъ-бы здоровѣе въ теплой и сухой комнатѣ; но всѣ эти выгоды усматриваются въ будущемъ, а мы этого не любимъ и находимъ гораздо выгоднѣе выплатить какъ можно меньше въ настоящемъ. При такомъ взглядѣ на экономію, взглядѣ общемъ во всѣхъ почти классахъ нашего общества, трудно найти чело-

вѣка, который рѣшился-бы предпринять дѣло, общающее отдѣленные выгоды.

Наконецъ, для производства опытовъ нужно мѣсто. Еслибы частный человекъ, располагающій достаточными для опытовъ средствами, предпринялъ дѣлать опыты у себя, то небольшіе аппараты, давшіе удовлетворительный результатъ въ его небольшомъ помѣщеніи, не дали-бы его въ такомъ пространствѣ, какъ читальная зала Британскаго музеума. У насъ есть, конечно, большія залы, но кто-же позволить дѣлать въ нихъ опыты отопленія? Хорошее отопленіе у насъ будетъ, но не теперь, когда едва-ли десятая часть нашихъ печниковъ умѣютъ читать по складамъ, а такихъ, которые могли-бы съ толкомъ прочесть то немногое, что у насъ написано о печахъ, такихъ нѣтъ почти ни одного.

Невѣрно-понимаемая экономія даетъ намъ не однѣ дурныя печи; она производитъ еще и дурныхъ печниковъ. Я знаю по опыту, что у насъ въ С. Петербургѣ *нѣтъ* (буквально) ни одного мастера, который съумѣлъ-бы сдѣлать *хорошо* простую Голландскую печь. Дешевизна задѣльной платы довела печниковъ до такого проворства, что ловкій парень можетъ сложить средней величины печь въ *одниъ день*. Наши мастера, работая такъ быстро, дѣлаютъ печи такъ дурно, что изъ рукъ вонь. Еслибы какой-нибудь врагъ неразумной экономіи пожелалъ имѣть печь, сдѣланную какъ должно, то ни за какія деньги онъ не получилъ-бы того, что ему нужно. Самый честный мастеръ, за двойную, даже за тройную плату не сдѣлаетъ печи хорошо, потому-что ни онъ самъ никогда хорошо ихъ не дѣлалъ и никогда ему не могло случиться видѣть какъ должно дѣлать печи. Наши мастера знаютъ и отлично знаютъ конструкцію печей, но, при хорошей конструкціи, должно быть и хорошее исполненіе, на которое нужно употребить много времени; а мы, платя дешево за печную работу, покупаемъ у печника слишкомъ мало его времени.

Внимательность и заботливость управленія Британскаго музеума о посѣтителѣхъ простирается до того, что дамы, приходящія заниматься въ читальной залѣ, имѣютъ особый пріютъ, гдѣ, отдѣленные отъ общества мужчинъ, онѣ могутъ отдохнуть, поправить свой туалетъ. Въ корридорѣ, ведущемъ изъ парадныхъ сѣней въ читальную залу, есть одна дверь съ надписью: Ladies room (на планѣ № 3). Войдя въ эту дверь, посѣтельница находитъ покойную, удобно-меблированную комнату и прислужницу,

ожидающую ее и готовую ей услужить. Даже въ читальной залѣ для дамъ назначены самыя удобныя мѣста. Столы, съ надписями *for ladies*, находятся на сторонѣ противоположной входу и стоятъ у самаго прохода, соединяющаго центральную эстраду читальной залы съ внутреннимъ помѣщеніемъ библіотеки. Проходъ этотъ огражденъ сплошнымъ рядомъ большихъ полированныхъ стеколъ, вдѣланныхъ въ бронзовую золоченную раму. Стекла этой перегородки такъ чисты, что ихъ не замѣтно, но между-тѣмъ за ними не слышенъ свободный говоръ прислуги читальной залы.

Говоря объ особыхъ удобствахъ, нельзя не упомянуть о комнатахъ съ ватерклозетами для публики (на планѣ № 4). Если вспомнить, что въ Британскомъ музеумѣ бываетъ ежедневно болѣе 500 постороннихъ людей и 259 служащихъ, то можно представить себѣ, какое большое употребленіе дѣлается изъ этой комнаты; за всѣмъ тѣмъ опрятность въ ней необыкновенная и, при хорошей вентиляціи, воздухъ всегда чистъ. Мнѣ случилось видѣть, какъ, по уходѣ публики, служитель убиралъ эту комнату, или, вѣрнѣе сказать, какъ онъ ее *выполаскивалъ*. Привинтивъ къ крану длинный и гибкій рукавъ, съ мѣдною трубкой на концѣ, онъ пускалъ быструю струю воды повсюду, гдѣ замѣчалъ слѣды посѣщеній. Полъ комнаты устланъ свинцомъ, прочіе-же предметы сдѣланы или изъ металла, или изъ фаянса такъ, что они очевидно приготовлены для того, чтобъ ихъ можно было обливать водой. Комната имѣетъ двѣ двери: одну для входа, а другую для выхода; чтобы предупредить столкновение идущихъ, въ двери, назначенной для входа, вставленъ такой приборъ, сквозь который можно войти, но никакъ нельзя выйти. Если разсѣянный человекъ, желая выйти, направится къ входной двери, то приборъ его остановитъ и, возбудивъ такимъ образомъ его вниманіе, заставитъ пойти къ другой двери съ надписью: *OUT*.

Выше сказано мною, что книги, отданныя въ распоряженіе посѣтителей, стоятъ въ шкафахъ, имѣющихъ номера 2,000—2,121. Когда меня ввели изъ читальной залы во внутреннее помѣщеніе библіотеки, я замѣтилъ, что на первомъ шкафу привѣшено № 2,136. Я спросилъ, гдѣ-же № 2,135 и узналъ, что онъ покуда не существуетъ, а будетъ существовать тогда, когда наберется такое количество новыхъ книгъ, которое наполнитъ всѣ промежуточные шкафы, начиная съ послѣдняго шкафа читальной залы, имѣющаго № 2,121 до № 1,236 и притомъ книгъ такого содержанія, какому посвященъ № 2,121, т. е. календарей, альмана-

ховъ, адресныхъ книгъ и проч. Нужно замѣтить, что въ промежуткѣ номеровъ нѣтъ пустыхъ шкафовъ, и, если дѣйствительно потребуются занять календарями шкафы подъ № 2,122, то для этого нужно будетъ переставить книги всѣхъ шкафовъ, начиная съ № 2,136, и такимъ образомъ очистить № 2,122. Въ новомъ помѣщеніи бібліотеки запасныхъ шкафовъ очень много: оно устроено на 1½ милліона книгъ. Библіотека поставлена въ систематическомъ порядкѣ, съ большими промежутками пустыхъ шкафовъ и еще съ большими промежутками въ ряду номеровъ. При такой разстановкѣ въ передвиженіи старыхъ книгъ можетъ встрѣтиться надобность очень не скоро, но все-же она можетъ встрѣтиться. Безпорядка отъ передвиженія книгъ не будетъ никакого: всѣ шкафы построены совершенно одинаковой ширины, полки можно передвигать вверхъ и внизъ по произволу; слѣдовательно все, что стоитъ въ одномъ шкафу, можетъ быть переставлено въ другой, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Все это придумано прекрасно; но переставлять книги, чтобъ очистить мѣсто для другихъ, вовсе непрактично, и въ этомъ я не узнаю Англичанъ; между-тѣмъ эта система вѣчной перестановки громко названа expensive-system.

Порядокъ полокъ во всѣхъ бібліотекахъ считается снизу вверхъ. Происхожденіе этого обычая можно искать въ систематической разстановкѣ, гдѣ книги, раздѣленные по предметамъ, подраздѣляются всегда на форматы, изъ коихъ фоліанты занимаютъ первое мѣсто и, какъ болѣе тяжелые, ставятся всегда внизу. Британскій музей, вопреки всеобщему обычаю, полки считаетъ сверху.

Въ Британскомъ музеумѣ есть особое отдѣленіе для составленія каталоговъ. Заглавія пишутся довольно пространно на карточкахъ, по четыре экземпляра вдругъ. Это дѣлается по методѣ Веджвуда. Между четырехъ листовъ бумаги, на которой пишутъ, прокладываются пластинки, напитанныя веществомъ, окрашивающимъ черною краскою. Для писанія употребляется заостренная палочка. Когда пишутъ ею на первой страницѣ, то на всѣхъ слѣдующихъ, проложенныхъ пластинками листахъ, отпечатывается отчетливо все написанное. Для этого бумага употребляется очень тонкая. Написанныя для каталоговъ карточки наклеиваются на бѣлыя страницы книгъ. Четыре экземпляра карточекъ, получаемыхъ съ каждаго заглавія, назначаются: 1-й для инвентаря, 2-й для алфавитнаго каталога, употребляемаго публикой въ читальной залѣ, 3-й для того-же каталога, находящагося въ бібліотекѣ, и 4-й для будущаго си-

стематическаго каталога, который до-сихъ-поръ еще не составляется потому, какъ говорятъ, что лица, стоящія въ главѣ управленія Британскаго музеума, не согласны во мнѣніяхъ на-счетъ системы, которую слѣдуетъ принять.

Карточки для каталоговъ пишутся слишкомъ широко: наклеенныя въ книгахъ онѣ занимаютъ очень много мѣста и дѣлаютъ объемъ каждаго тома каталога огромнымъ. Редакція карточекъ не соответствуетъ ихъ назначеніямъ; такъ покрайней мѣрѣ мнѣ кажется: для инвентаря онѣ слишкомъ пространны, а для систематическаго каталога слишкомъ кратки. Вообще форма каталоговъ библиотеки Британскаго музеума не довольно обдуманна со стороны практической. Карточки пишутся въ четырехъ экземплярахъ въ одно время, и это, съ перваго взгляда, кажется удивительною экономіей; но, переложивъ на деньги время, употребляемое для писанія, разрѣзыванія и наклеиванія и исчисливъ расходъ на бумагу, Веджвудовы средства и на переплетъ экземпляра алфавитнаго каталога, находящагося въ библиотекѣ, едва-ли не выгоднѣе было-бы написать одинъ экземпляръ заглавія пространно и на плотной бумагѣ для каталога систематическаго, одинъ экземпляръ сокращенно, на плотной-же бумагѣ, для каталога алфавитнаго библиотеки, а другой такой-же, на тонкой бумагѣ, для такого-же каталога читальной залы, гдѣ, для удобства дублики, онъ можетъ быть наклеенъ, и наконецъ написать два-три слова въ готовой переплетенной книгѣ инвентаря. При такихъ формахъ каталоговъ расходы на время и бумагу были-бы тѣ-же, а формы удобнѣе. Инвентарь сдѣлался-бы въ 10 разъ меньшаго объема; алфавитный каталогъ библиотеки, оставаясь на карточкахъ ненаклеенныхъ, былъ-бы также несравненно меньше и сверхъ-того могъ-бы увеличиваться до самыхъ большихъ размѣровъ, не требуя перепаски и передѣлки переплетовъ. Во многихъ большихъ библиотекахъ опытомъ дознано, что алфавитные каталоги въ книгахъ дѣлаются современнымъ негодными къ употребленію и это въ такихъ библиотекахъ, гдѣ новыхъ книгъ поступаетъ далеко не такъ много, какъ въ Британскомъ музеумѣ, истрачивающемъ на этотъ предметъ ежегодно 10,000 фунт. стерлинговъ (болѣе 60,000 р. сер.)

Наклеиваніе карточекъ, приготовленныхъ по способу Веджвуда, производится также и для читальной залы, при выдачѣ книгъ въ чтеніе. Въ отдѣленіяхъ, при отпускѣ книги, пишутся сокращенно три карточки и наклеиваются въ книги: одна въ отдѣленіи, другая

въ читальной залѣ, а третья на кусокъ картона, который остается на томъ мѣстѣ, гдѣ книга стояла. Эти куски картона приготовлены очень аккуратно, концы ихъ обдѣланы краснымъ сафьяномъ и украшены золотыми каемками. Вся эта процедура показывается, какъ много мелкихъ работъ производятъ переплетчики въ Британскомъ музеумѣ. Въ переплетныхъ мастерскихъ, находящихся въ самомъ зданіи музеума, работаютъ 98 человѣкъ. Работы ихъ не производятся *à discretion*, какъ въ большой Парижской библиотекѣ, а поштучно, и для этого установленъ подробный тарифъ. Въ прошломъ 1858 году музеумъ издержалъ на одни переплеты 8000 фунт. стерл. При всемъ обиліи средствъ музеума такой расходъ считается тамъ чрезмѣрнымъ, и дѣйствительно трудно представить себѣ, какія переплетныя работы могли быть произведены на 50,000 руб. сер., однакожъ онѣ произведены въ самомъ дѣлѣ. Такая громадность расхода дѣлается понятною, если обратить вниманіе на то, что въ Британскомъ музеумѣ нѣтъ ни одной не переплетенной книги, что всѣ географическія карты, планы и т. п. наклеены на каленкоръ и обдѣланы съ большою тщательностью, что для монтированія эстамповъ приготовлены сотни книгъ въ большой листъ, сдѣланныхъ изъ превосходной бумаги и переплетенныхъ въ сафьянъ. Всѣ эти работы, исполненныя въ огромныхъ размѣрахъ и съ роскошью, должны были поглотить тысячи фунтовъ стерлинговъ. Вообще все устройство и содержаніе музеума обнаруживаетъ необыкновенное обиліе средствъ, для этого употребляемыхъ. При всѣхъ отдѣленіяхъ музеума считается 259 человѣкъ, занимающихъ разныя должности. При библиотекѣ музеума находятся 3 библиотекаря, 25 помощниковъ, 13 писцовъ и до 50 служителей. Для содержанія въ порядкѣ читальной залы и для удовлетворенія требованій читателей употребляется 14 человѣкъ. Въ устройствѣ разныхъ частей наблюдателя поражаетъ вездѣ такая совѣстливая обдѣлка, такая законченность, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ отдѣленіи географическихъ картъ сдѣланы шкафы съ выдвижными полками, на которыхъ расположены карты въ географическо-систематическомъ порядкѣ. Я уже сказалъ, что всѣ карты наклеены на каленкоръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно-большихъ размѣровъ, навернуты на валики и укрѣплены на длинныхъ полкахъ, выдвигающихся изъ шкафовъ. Надъ устройствомъ этимъ очевидно останавливался практическій умъ техника и сдѣлалъ именно то, что нужно и удобно. Всѣ части внутреннія и наружныя этихъ

шкафовъ сдѣланы изъ дубоваго дерева и съ тою тщательностью, которая характеризуетъ всякую Англійскую работу. Изящества и вкуса здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ. Витрины, въ которыхъ выставлены въ большихъ залахъ библіотеки эстампы и разнаго рода библіографическія и рукописныя рѣдкости, далеко не такъ художественно сдѣланы, какъ въ Дрезденѣ, но за-то здѣсь вездѣ полированные стекла и вообще объемъ выставокъ очень великъ. Онѣ расположены въ тѣхъ залахъ стараго зданія музея, гдѣ стоитъ библіотека, собранная королемъ Георгомъ III и подаренная музею Георгомъ IV, вслѣдствіе чего залы эти называются королевскою библіотекою. Выставки раздѣлены на четыре главных отдѣленія: 1) автографы и рукописи, 2) рисунки и гравюры, 3) печатныя книги и 4) переплеты. Во всѣхъ витринахъ выставлено до 1,000 такихъ предметовъ, изъ коихъ каждый знатока можетъ привести въ восторгъ. Не вдаваясь въ подробности, я назову только слѣдующіе роды выставленныхъ вещей: рукописей и автографовъ 239, рисунковъ знаменитыхъ художниковъ 145, гравюръ 279, нелей 25, изъ коихъ 7 на серебрѣ и 6 сѣрныхъ оттисковъ (Teichdruck), ксилографовъ 24, инкунабуль и другихъ рѣдкихъ печатныхъ книгъ 172, переплетовъ 37. Эстампы, положенныя на бѣлую бумагу и прижатые стекломъ, размѣщены въ рамкахъ, стоящихъ вертикально на стативахъ, а рукописи лежатъ въ витринахъ, устроенныхъ на столахъ. Въ тѣ дни, когда публика не входитъ въ залы, всѣ выставки закрываются, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія свѣта: рамки съ эстампами просто завѣшиваются, а въ ящикахъ витринъ сдѣланы внутри, подъ стеклами, сторы, которыя открываются и закрываются помощію валиковъ, приводимыхъ въ движеніе ключемъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются для большихъ часовъ. Въ хранилищѣ рукописей художники занимаются копированіемъ красками миниатюръ со старинныхъ манускриптовъ. Работы этой обыкновенно не любятъ вообще всѣ хранители рукописей, потому-что художники иногда недовольно осторожно обращаются со своими оригиналами. Но въ Британскомъ музеумѣ желающіе копировать манускрипты работаютъ очень свободно, а между-тѣмъ сохранность манускриптовъ обезпечена: раскрытая книга вложена въ стеклянный ящикъ и копирующій не можетъ не только повредить, но даже прикоснуться къ лежащему предъ нимъ оригиналу.

Кромѣ покупаемыхъ книгъ, на которыя Британскій музеумъ

может издерживать 10,000 фунт. ежегодно, библиотека его обогащается еще всѣми книгами, печатаемыми во владѣніяхъ Англіи и доставляемыми въ музеумъ по закону безмездно. Издатели обязаны, до выпуска книги въ свѣтъ, представить по одному экземпляру: въ Британской музеумъ, въ Оксфордскій, Кембриджскій и Эдинбургскій университеты и въ Дублинскую школу адвокатовъ. За непредставленіе одного изъ этихъ экземпляровъ издатель подвергается большому денежному штрафу; но этой строгости законовъ не подвергается никто, потому-что у Англичанъ есть своего рода національное чувство: издатели считаютъ за честь себѣ представлять экземпляры въ государственныя учрежденія, гдѣ книги ихъ вѣрнѣе сохранятся для отдаленнѣйшаго потомства, нежели въ рукахъ какого-бы то ни было частнаго человѣка и болѣе нежели гдѣ-нибудь принесутъ пользы странѣ. Я посѣтилъ отдѣленія, гдѣ принимаются доставляемыя издателями книги. 14/2 марта было уже принято 5582 книги, считая съ новаго года. Процессъ приема книгъ очень простъ. Предъ регистраторомъ лежитъ книга, состоящая изъ бланковъ квитанцій, по нѣскольку на каждомъ листѣ. На первой раскрытой страницѣ бланки не подписанныя, а на второй у каждаго экземпляра есть подпись директора библиотеки печатныхъ книгъ Winter Jones. Листы проложены черною пластинкою. Регистраторъ, принявъ принесенную книгу, списываетъ заглавіе ея на неподписанной квитанціи, означаетъ нумеръ и число, и, перевернувъ страницу, находитъ такой-же экземпляръ квитанціи подписанной, которую онъ вырѣзаетъ и отдаетъ принесшему книгу, а на книгу накладываетъ штемпель, показывающій число мѣсяца, когда она принесена въ музеумъ.

Для книгъ покупаемыхъ есть особое отдѣленіе, которымъ завѣдываетъ Mr. Watts, человѣкъ замѣчательный по богатству библиографическихъ свѣдѣній и по знанію множества языковъ. Онъ читаетъ библиографическія извѣстія и рецензіи на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, заказываетъ чрезъ управленіе музеума все, что находитъ достойнымъ приобрѣтенія и, при полученіи книгъ, вноситъ ихъ въ каталогъ приобрѣтеній, что Нѣмцы называютъ Accessionskatalog. Съ этимъ сопряжена довольно большая переписка: книгопродавцы не высылаютъ иногда всего, что имъ заказано, или присылаютъ не то, что заказано. Всѣ хлопоты по этимъ дѣламъ лежатъ на Уатсѣ. Дѣятельность его очень велика. Каталогъ приобрѣтеній, который онъ ведетъ, очень похожъ на то, что я ви-

дѣлъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ, но имѣеть одно несовершенство: онъ не отвѣчаетъ на вопросъ: что именно заказано и еще не доставлено? Каталогъ пріобрѣтеній ведется на карточкахъ, въ которыхъ подъ общимъ алфавитомъ смѣшано все, что получено и что заказано. Свѣдѣнія о неисполненныхъ заказахъ нужно, въ случаѣ нужды, искать въ перепискѣ съ книгопродавцами. Это очень удобно, если нужно знать, напримѣръ, чего не исполнилъ нашъ Смирдинъ, съ которымъ однимъ Британскій музей ведетъ дѣла по части Русскихъ книгъ; но еслибы нужно было узнать, заказана-ли какая-нибудь Нѣмецкая книга, одному изъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ корреспондентовъ Британскаго музея, то справку можетъ сдѣлать одинъ только Уатсъ, обладающій удивительнѣйшею памятью.

Кромѣ чудесной библіотеки, которую Winter Jones и Watts показывали мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, съ особенною любезностью и обязательностью, свойственною однимъ только Англійскимъ джентельменамъ, я видѣлъ и другія отдѣленія Британскаго музея. Богатства коллекцій каждаго отдѣленія могутъ удивить всякаго ученаго специалиста. Въ устройствѣ всего этого на каждомъ шагу встрѣчаются подробности, краснорѣчиво выражающія практической умъ Англичанъ. По недостатку времени, я не могъ внимательно осмотрѣть всѣ части музея и долженъ былъ удовольствоваться обзоромъ поверхностнымъ и даже слишкомъ поверхностнымъ въ отношеніи къ значенію предмета. Британскій музей, какъ и Луврская галерея въ Парижѣ, доступенъ всѣмъ классамъ публики и для человѣка, незнакомаго съ этими обычаями, посѣтители музея представляютъ немало интереса. Залы съ древностями, медалями, монетами, камнями и пр., конечно мало интересуютъ простой народъ, но за то какъ людны залы естественной исторіи и этнографіи. Группы слушателей тѣснятся около людей бывалыхъ и словоохотливыхъ. Слушая эти импровизированныя лекціи, народъ, посѣщающій музей, безъ сомнѣнія, уноситъ оттуда большіе запасы свѣдѣній. Богъ знаетъ на что пригодятся эти свѣдѣнія, но подкрѣпленные нагляднымъ изученіемъ выставленныхъ въ музейнѣ предметовъ, они просвѣщаютъ умы, производятъ въ нихъ движеніе, даютъ предметы для разговоровъ и изъ всего этого нечувствительно вырабатывается то, что мы разумѣемъ подъ словомъ *цивилизация*. Эта возвышенная форма народнаго образованія не вливается въ него обильнымъ потокомъ, —

потоки, и въ особенності обильные, разрушаютъ иногда самыя прочныя организмы, — но всасываются какими-то незамѣтно-малыми путями, разливаются по всему организму общества и превращаются въ питательные для всего тѣла соки.

Въ Лондонѣ есть одна небольшая quasi-публичная библиотека. Она принадлежитъ обществу любителей чтенія и носитъ простое названіе Лондонской библиотеки (London library). Многочисленные члены этого общества вносятъ ежегодно очень небольшую сумму на покупку книгъ и содержаніе библиотеки и за то пользуются правомъ брать изъ библиотеки домой всякаго рода книги. Библиотека существуетъ уже очень давно и, обогащаясь понемногу, представляетъ теперь массу въ 200,000 томовъ. Рѣдкихъ книгъ въ ней нѣтъ и они тамъ вовсе ненужны, но за то тамъ есть все, что нужно для пользы и удовольствія въ практической жизни человѣка. Сколько у насъ, и вездѣ есть охотниковъ почитать чужую книжечку. Охотниковъ этихъ нельзя укорять тѣмъ, что они сами не покупаютъ книгъ: у инаго есть большая охота прочесть какъ можно больше хорошаго, но иногда нѣтъ средствъ купить все это, даже нѣтъ мѣста гдѣ поставить купленное. Охотники эти съ удовольствіемъ заплатили-бы какую-нибудь бездѣлицу, чтобъ получить право прочесть хорошую книгу. Еслибъ подобныя охотники собрались да сложили тѣ бездѣлицы, которыхъ они не пожалѣли-бы за чтеніе хорошихъ книгъ, то и у насъ можно было-бы основать общую библиотеку; но множество разнообразныхъ общественныхъ условій затрудняютъ у насъ образованіе подобныхъ обществъ, а въ Англіи эти условія таковы, что если одинъ человѣкъ высказалъ хорошую мысль, то общество, не раздѣленное по званіямъ и чинамъ на множество степеней, оцѣняетъ эту мысль и вотъ вслѣдствіе того London library разливаетъ въ населеніи Лондона свѣтъ знанія.

Не смотря на поспѣшность, съ которою я дѣлалъ мое путешествіе и на то, что въ Лондонѣ я могъ остаться только семь дней, мнѣ удалось побывать въ Оксфордѣ и видѣть тамошнюю университетскую библиотеку; извѣстную подъ названіемъ Bodleiana. Въ Оксфордѣ нѣсколько библиотекъ. По статутамъ своимъ ни одна изъ нихъ не называется публичною, но между-тѣмъ всѣ онѣ публичныя. Большинство населенія Оксфорда состоитъ изъ ученыхъ и учащихся, и слѣдовательно имѣетъ такую публику, для которой не можетъ быть закрыта ни одна библиотека въ мірѣ, кромѣ тѣхъ,

разумѣтся, которыя составляютъ частную собственность. Для цѣли моего путешествія Оксфордъ не представлялъ ничего интереснаго: все, что тамъ построено и устроено, принадлежитъ временамъ давно-прошедшимъ, все это изучено и примѣнено въ библиотекахъ новыхъ, которыя я осматривалъ, но, находясь въ двухъ часахъ отъ знаменитой библиотеки Бодлея и не видѣть ее было-бы непрестительно. Основаніе и обогащеніе этой библиотеки есть результатъ любви къ родинѣ и любви къ наукѣ. Она составлена изъ нѣсколькихъ библиотекъ, собранныхъ ученѣйшими людьми, занимавшимися различными специальными предметами; по этому каждая часть ея, кромѣ библиографическихъ достоинствъ, представляетъ собраніе важнѣйшихъ источниковъ для ученыхъ изслѣдованій. Первое собраніе книгъ, послужившее основаніемъ библиотеки Оксфордскаго университета, открыто для общей пользы Бодлеемъ въ 1602 году. Оно извѣстно ученому міру по каталогу, изданному нѣсколько разъ. Прочія собранія были или завѣщаны собирателями или куплены на деньги, завѣщанныя другими лицами, понимавшими пользу, которую наука можетъ принести ихъ отечеству. Всѣ сокровища Оксфордской университетской библиотеки и всѣ ея средства для новыхъ приращеній, доходящія до 6000 фунтовъ (около 38,000 р.), состоятъ изъ такихъ пожертвованій, за которыя никто не надѣялся получить ни креста, ни титула, питающихъ суетное тщеславіе, ни даже громкой, но въ сущности пустой и ничтожной похвалы современниковъ. Есть особенныя чувства, особенныя побужденія, свойственныя только людямъ, понимающимъ значеніе цивилизаціи и порождающія такія явленія, какъ библиотека Оксфордскаго университета. Люди эти не суютъ свой мозгъ надъ изобрѣтеніемъ разрушительныхъ снарядовъ, дающихъ перевѣсъ въ бою съ менѣе искуснымъ врагомъ, но приготавливаются всю жизнь свою къ тому, чтобы завѣщать своимъ соотечественникамъ источники силы нравственной, предъ которою умолкаетъ всякое оружіе, стихаютъ всякіе буйные порывы.

Въ этой библиотекѣ есть также читальная зала, но устройство ея и весь порядокъ не могутъ служить образцемъ ни для какой другой библиотеки, кромѣ университетской, гдѣ большинство читающихъ состоитъ изъ профессоровъ, берегущихъ книги лучше всякаго приставленнаго хранителя. Зала довольно большая, по обѣимъ сторонамъ раздѣленная поперечными шкафами, между которыми устроено 12 кабинетовъ. Въ каждомъ изъ нихъ за однимъ

столонъ могутъ свободно помѣститься четыре человѣка. Прочія залы, въ которыхъ размѣщены всѣ собранія книгъ, не имѣютъ общаго стройнаго порядка. Видно, что не все зданіе было построено нарочно для библіотеки и что она, увеличиваясь, распространялась въ прилежавшія къ первоначальному ея помѣщенію комнаты. Но это отсутствіе общаго эффекта исчезаетъ совершенно при обзорѣннн порядка библіотеки, стройнаго, но совершенно-особеннаго. Посѣтитель, обзорѣвающий Оксфордскій университетъ и библіотеку, не встрѣтитъ отдѣленій богословія, исторіи и проч. Здѣсь ему говорятъ: вотъ собраніе восточныхъ рукописей Сельдена (Selden), вотъ библіотека Еврейскихъ книгъ Оппенгеймера, Санскритскія рукописи Уильсона, вотъ еще Еврейская библіотека Мичельса, вотъ собраніе рукописей лорда Ферфакса (Fairfax), вмѣстѣ съ рукописями Роджера Додсворта (Dodsworth), относящимися исключительно до исторіи Англїи, и такъ далѣе.

Монументальное зданіе, въ которомъ помѣщена библіотека, и именно часть, занимаемая собраніемъ Бодлея, по происхожденію своему имѣетъ много общаго съ библіотекою: оно построено насчетъ частнаго человѣка. Гомфрей, герцогъ Глостерскій заложилъ его около 1445 года для духовнаго училища (Divinity School).

Возвращаясь изъ Англїи и проѣзжая черезъ Брюссель, я успѣлъ взглянуть на тамошнюю публичную библіотеку. Она довольно велика (до 300,000 томовъ), и столько-же дѣятельна, какъ сама Бельгїя. Прежде она была раздѣлена на три отдѣльныя части, съ особымъ на каждой изъ нихъ каталогомъ, а именно: старую городскую библіотеку, б) собраніе книгъ фанъ-Гультема и в) новыя прїобрѣтенія. Каталоги были написаны въ книгахъ, которыя по неудобству оставлены и теперь составляются новые общіе каталоги на карточкахъ. При этомъ всѣ три библіотеки назначено слить въ одно цѣлое. Каталоги дѣлаются въ трехъ видахъ: алфавитный и систематическій на карточкахъ, а инвентарный въ тетрадахъ. Бельгїя очень близка къ Англїи, однакожь Веджвудовъ способъ писанія нѣсколькихъ экземпляровъ карточекъ въ одно время не признанъ здѣсь удобнымъ и каждая карточка пишется отдѣльно.

Въ собраніи старопечатныхъ книгъ я замѣтилъ особенность, которой въ другихъ библіотекахъ не видагъ. Изданія разставлены по городамъ, въ которыхъ они вышли въ свѣтъ, и по каждому городу приведены въ хронологическій порядокъ. Библіографически-

ми рѣдкостями Брюссельская библіотека не богата, но въ ней есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ вещей, подаренныхъ большею частію библіофилами-патріотами. Я видѣлъ, напримѣръ, ложи Рафаеля, изданныя Мейлеместеромъ съ гравюрами и съ акварельными рисунками, дѣланными съ самыхъ картинъ Рафаеля, со множествомъ неизданныхъ рисунковъ, и ми. др.

Читальная зала не очень велика и посѣтителей въ ней бываетъ мало, потому-что книги изъ библіотеки отпускаются на домъ на извѣстныхъ условіяхъ. Библіотекаръ, къ величайшему моему удивленію, началъ вдругъ говорить мнѣ, что обычай этотъ очень вредитъ библіотекѣ. Я ожидалъ по этому началу, что онъ скажетъ что-нибудь о пропаяннѣ отпускаемыхъ книгъ, но услышалъ совершенно другое: публика портитъ переплеты, связывая веревками получаемыя книги. Я очень удивился этимъ жалобамъ. Причину ихъ такъ легко устранить: стоило-бы только къ условіямъ отпуска книгъ прибавить еще одно, чтобы получатели книгъ непременно уносили и приносили ихъ въ мѣшкахъ изъ кожи или клеенки, для предохраненія отъ веревокъ и кстати уже и отъ дождя, тогда все зло однимъ разомъ было-бы устранено. Но не смотря на то, что публика портитъ веревками переплеты, библіотека не отступаетъ отъ обычая отпускать книги, такъ много приноситъ онъ пользы наукѣ.

Въ Брюссельской библіотекѣ есть небольшой кабинетъ эстамповъ, которыхъ считается до 30,000. Собраніе это находится въ отличномъ порядкѣ и, не смотря на скудость средствъ библіотеки, всѣ эстампы монтированы на хорошей картузной бумагѣ, а для рѣдкихъ вещей употреблена Бристольская. Эстампы монтированы такъ, что они соединяются съ толстою бумагой особыми тонкими бумажными ленточками: если встрѣчается надобность снять эстампъ и прикрѣпить къ другому листу, то произвести эту операцію можно безъ всякаго вреда эстампу. Все собраніе разложено по именамъ гравировъ и раздѣлено на школы. Портретамъ составленъ алфавитный каталогъ по именамъ лицъ, изображенныхъ на портретахъ. Чистка и монтированіе эстамповъ производится въ самой библіотекѣ, въ особой мастерской, гдѣ постоянно работаютъ четыре переплетчика. Люди эти всегда заняты дѣломъ. Всѣ мелкія переплетныя и футлярныя работы, а также обыкновенные переплеты книгъ производятся здѣсь-же на глазахъ библіотекарей. Переплетчики работаютъ поденно, но у Бельгійцевъ есть своя осо-

бенность въ правахъ, вслѣдствіе которой этотъ порядокъ употребленія мастеровыхъ признается выгоднымъ и для библіотеки и для мастеровыхъ; между-тѣмъ въ Парижѣ управление Императорской библіотеки, при своей системѣ, не знаетъ положительно во что обходится извѣстная единица переплетной работы. Тамъ на вопросъ мой объ этомъ предметѣ отвѣчали подниманіемъ плечъ или начинали фразу: *ah bah, vous savez*, при чемъ ничего путнаго не было сказано; въ Брюсселѣ-же я получилъ положительный отвѣтъ, доказавшій мнѣ, что всѣ картонныя работы и простые переплеты въ самой библіотекѣ дѣлать гораздо выгоднѣе, и что постороннимъ мастерамъ слѣдуетъ заказывать только особенныя, лучшія работы.

Реестры поступающимъ книгамъ ведутся въ тетрадяхъ. Эта часть въ Брюссельской библіотекѣ устроена не такъ хорошо, какъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ. Въ 1838 году библіотека начала-было издавать ежегодно алфавитные каталоги своихъ приобрѣтеній, но въ 1856 году, по недостатку средствъ, должна была прекратить это изданіе. Ежегодные каталоги приобрѣтеній очень полезны для жителей того города, гдѣ библіотека находится, и почти необходимы для тѣхъ, кто постоянно пользуется библіотекою, но такихъ потребителей не можетъ быть много. Еслибы они всѣ покупали каталогъ, то этотъ ничтожный доходъ никогда не могъ-бы покрыть издержекъ, сдѣланныхъ на изданіе, и потому библіотека должна-бы постоянно жертвовать нѣкоторую сумму для пользы и удобства своихъ посѣтителей. Брюссельская библіотека 18 лѣтъ дѣлала эту жертву, но наконецъ должна была отъ нее отказаться по совершенному отсутствію денежныхъ средствъ.

Послѣдняя библіотека, которую я видѣлъ въ моемъ путешествіи, была Берлинская. Она помѣщается въ зданіи, нарочно для нея построенномъ, но зданіе это очень уже старо и недостаточно для помѣщенія наличныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году предполагалось построить новые шкафы въ нѣсколько ярусовъ поперегъ одной большой залы бель-этажа. Въ наше время библіотеки растутъ быстро и требуютъ строеній обширныхъ. Вслѣдствіе этого Британскій музей приготовилъ въ своей библіотекѣ помѣщеніе на 1,500,000 томовъ, но, придетъ время, что и этого не будетъ достаточно. Прусское правительство сознаетъ потребность построить новое зданіе для библіотеки. Мѣстность для него уже избрана и при первой возможности приступлено будетъ къ по-

стройкѣ. Такъ говорятъ библіотекари, но дѣло, какъ видно, находится еще только въ зародышѣ: мѣстность выбрана, но проекта еще нѣтъ.

Зданіе Берлинской библіотеки отличается тою непрактичностью, которая характеризуетъ всѣ въ этомъ родѣ сооруженія прошлаго столѣтія: эффекту пожертвовано всѣмъ — и обиліемъ помѣщенія книгъ и удобствами. Прямая линія въ прошломъ столѣтіи считалась чѣмъ-то неприличнымъ: все изгибалось и приводилось въ формы противныя здравому смыслу. Вслѣдствіе этого и зданіе Берлинской библіотеки, безъ всякой надобности, сдѣлано дугой. Залы въ обоихъ этажахъ расположены амфиладою, но это не замѣтно для глазъ, потому-что рядъ ихъ представляетъ дугу. Верхній этажъ, гдѣ помѣщена библіотека, не нагрѣвается зимою, а внизу, залы читальныя и въ которыхъ занимаютъ библіотекари, нагрѣты калориферами почти до избытка. Противъ зданія библіотеки стоитъ театръ (Орегн-Хаус), освѣщаемый газомъ. Сосѣдство это внушаетъ опасеніе управленію библіотеки и оно приняло предосторожности: въ чердакѣ устроены большой резервуаръ съ водою, а въ залахъ проведены мѣдныя трубы, снабженныя длинными, гибкими рукавами, посредствомъ которыхъ, въ-случаѣ несчастія, можно лить воду вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность.

Тѣснота книжныяго помѣщенія очень замѣтна: во многихъ мѣстахъ книги поставлены въ два ряда, между-тѣмъ шкафы не кажутся полными, потому-что въ разстановкѣ книгъ принятъ порядокъ систематическій и слѣдовательно форматы книгъ смѣшанны. Въ ряду старыхъ книгъ in-8° и другихъ меньшихъ форматомъ одно какое-нибудь новое сочиненіе, изданное въ одномъ томѣ, но въ большую осьмушку, заставило поднять слѣдующую полку и подъ нею во всю ея длину оказалась пустота. Книги въ библіотекѣ перенумерованы особыми серіями номеровъ по каждому подраздѣленію систематическаго порядка, но не сплошь, а съ большими интервалами для будущихъ приращеній. Въ каталогѣ означено у каждаго заглавія: въ какомъ подраздѣленіи и подъ какою нумеромъ находится книга. При нумераціи съ интервалами отыскиваніе книгъ требуетъ нѣкотораго навыка. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ библіотекарей, г. Притцель, искалъ книги для выдачи читателямъ по письменнымъ ихъ требованіямъ. Ему не нужно было никакихъ номеровъ, онъ знаетъ отлично всю библіотеку и за каждой книгой идетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ она стоитъ.

Но г. Притцель жаловался на свое здоровье и я невольно подумалъ о томъ, что будутъ дѣлать читатели тогда, когда г. Притцель перестанетъ искать для нихъ книги? Систематическій порядокъ на полкахъ есть результатъ теоріи, рожденной наукой и умомъ, но самая лучшая теорія представляетъ иногда тѣму неудобствъ на практикѣ. Систематическій порядокъ былъ еще хорошъ гдѣ сто тому назадъ, но вѣдь въ-теченіе ста гдѣтъ какое-же и развитіе получило книгопечатаніе и какую массу книгъ дало оно библіотекамъ, и продолжаетъ давать. Будетъ-же давать—еще больше.

Доставая книги, г. Притцель нашелъ, что одной не было на мѣстѣ. Не затрудняясь нисколько, онъ написалъ на требовательномъ листкѣ: *выдаю* (*verliehen*) и отправился дальше. Я спросилъ его: кому-же и когда она выдана?

— Объ этомъ можно справиться въ читальной залѣ.

Ну, а если она по ошибкѣ поставлена не на свое мѣсто?

— Этого не можетъ случиться.

Я не сталъ спорить, но по опыту знаю, что это очень можетъ случиться, знаю также и то, что подобную ошибку въ систематической разстановкѣ исправить очень трудно.

По регламенту Берлинской королевской публичной библіотеки въ читальную залу ея могутъ входить люди только рекомендованные, какъ и въ Британскомъ музеумѣ. Для этого заготовлены и билеты, но на практикѣ они признаны пустою формальностью, годною только для того, чтобы узнать, сколько лицъ пользуется ежегодно библіотекой, вслѣдствіе чего билетовъ никому не даютъ, а въ читальную залу являются всѣ кому угодно. Требования пишутся на отдѣльныхъ листкахъ за подписью того, кто требуетъ, и книги выдаются на его имя. Кромѣ читальной залы, книги отпускаются изъ библіотеки и на-домъ, но для этого нужно имѣть дѣйствительно хорошую рекомендацію. Листки, по которымъ книги требуются на домъ, отдаются также въ читальную залу, откуда получаютъ требователями и самыя книги. Библіотека открыта для публики только по утрамъ и требованія удовлетворяются только два раза: въ 11 часовъ утра и въ часъ по-полудни. Если кто пожелаетъ оставить свое требованіе вечеромъ, чтобы на другое утро, придя въ библіотеку, найти уже приготовленные книги, тотъ можетъ опустить свою записку въ ящикъ, выставленный у входа. Ящикъ этотъ удобенъ въ особенности для тѣхъ, кто получаетъ

книги на домъ: записку можно прислать съ слугой или по городской почтѣ и потомъ явиться, чтобъ получить требуемое. Книги, выдаваемые для занятій въ библиотекѣ, записываются въ особый реестръ въ читальной залѣ. Въ тотъ день, когда я посѣтилъ читальную залу, было выдано 85 сочиненій. Возвращаемыя изъ читальной залы въ библиотечку книги вычеркиваются въ реестръ. Въ канцеляріи, гдѣ производится отпускъ книгъ на-домъ, ведется алфавитный реестръ всему, что отпускается, но при возвращеніи въ библиотечку въ реестръ этомъ возвращаемое не вычеркивается. Такимъ образомъ, о книгѣ, не оказавшейся на мѣстѣ, очень мудро сдѣлать справку, какъ мнѣ предлагалъ-было г. Притцель.

Читальная зала раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ читаются печатныя книги, во второмъ рукописи, а въ третьемъ журналы, которыхъ библиотечка получаетъ до 400. Для входа въ это послѣднее отдѣленіе билеты выдаются самимъ директоромъ библиотечки г. Перцемъ; на полученіе ихъ имѣютъ право только извѣстные ученые.

Каталогъ Берлинской библиотечки составленъ такъ сложно, что, при всемъ навыкѣ моемъ въ этомъ дѣлѣ, я не вдругъ уразумѣлъ его порядокъ. Во-первыхъ, меня поразила объемъ каталога: 762 тома in-folio, изъ коихъ 669 вмѣщаютъ всѣ заглавія книгъ въ порядкѣ алфавитномъ, а въ остальныхъ 93 тѣ-же заглавія расположены по предметамъ. Въ алфавитной части для каждаго имени автора употреблено поллиста. Фамиліи Вагнеровъ, Миллеровъ, Шмидтовъ и т. под. раздѣлены по именамъ и для каждаго имени отведенъ особый полулистъ. Если авторъ писалъ много и о разныхъ предметахъ, то сочиненія его записаны въ систематическомъ порядкѣ. Передъ статьями такихъ авторовъ сдѣланъ алфавитный указатель предметовъ, о которыхъ писалъ авторъ. Такой указатель очень хорошъ въ систематическомъ каталогѣ, но въ алфавитномъ едва-ли можно сдѣлать изъ него какое-нибудь употребленіе, потому что алфавитный каталогъ употребляется обыкновенно для отысканія извѣстной книги, а не предмета. Допустивъ эту смѣсь систематическаго порядка съ алфавитнымъ, библиотечкарь, составлявшій каталогъ, произвелъ своего рода безпорядокъ. Напримѣръ въ статьѣ Шиллера, которую я раскрылъ, въ самомъ началѣ стоятъ не *его* сочиненія, а *другихъ* авторовъ, писавшихъ о немъ. Зачѣмъ все это сдѣлано, когда есть каталогъ систематическій? Сочиненія анонимныя записаны не такъ, какъ принято вез-

дѣ, т.-е. не по первому существительному имени въ текстѣ заглавія, а по главному слову. Напримѣръ: сочиненіе «Castelnaud, — Essai sur l'histoire et statistique de la Nouvelle Russie» записано въ своемъ мѣстѣ подѣ Castelnaud, но, какъ анонимное, оно показано и въ другомъ, но не подѣ Essai, а подѣ Histoire, потому-что Essai признано слишкомъ общимъ словомъ, какъ будто слово Histoire менѣе общее. Первые листы каждаго тома каталога посвящены ссылкамъ (referata), которыя не могли занять мѣста въ общемъ порядкѣ алфавита: потому-что, какъ сказано выше, тамъ назначено по двѣ страницы для каждаго автора, слѣдовательно для ссылокъ мѣста нѣтъ. Часть каждаго тома каталога, предназначенная для ссылокъ, отдѣлена перегородкой изъ толстой синей бумаги. Между ссылками я замѣтилъ одну слѣдующую: *Rusia vide Russia*. Кому можетъ пригодиться подобная ссылка я не знаю, развѣ Испанцу, но и то такому, который не знаетъ ни одного языка, кромѣ Испанскаго. Страницы каталога раздѣлены на три графы. Въ первой показано, откуда книга поступила въ бібліотеку (?), во второй — сокращенное заглавіе книги, и наконецъ въ третьей — означеніе мѣста, гдѣ книга стоитъ въ бібліотекѣ. Означеніе мѣста не такъ коротко и просто, какъ у насъ: здѣсь, кромѣ номера, обозначены подробно названія отдѣленій и подраздѣленій систематическаго порядка.

Каталогъ приобрѣтеній (*Accessionskatalog*) есть не что иное,, какъ хронологическій реестръ всѣхъ вступающихъ въ бібліотеку книгъ. Серія номеровъ въ этомъ реестрѣ началась съ 1811-го года и, продолжаясь непрерывно, дошла уже и теперь до цифры 170,000. На вступающія книги накладывается штемпель: *Bibliothecae Berolinensis*. Еслибы вмѣсто этихъ словъ на штемпелѣ былъ годъ, мѣсяцъ и число вступленія книги, какъ въ Британскомъ музеумѣ, то не нужно было-бы ни безконечной серіи номеровъ въ реестрѣ, ни первой графы во всѣхъ 762 томахъ каталоговъ. При составленіи формы реестра вступленій составитель очевидно не обращалъ вниманія на цѣль и занялся только формою, но занялся такъ усердно, что она вышла удивительно-сложная. Обѣ страницы разогнутой книги реестра раздѣлены не десять графъ, въ которыхъ означается много бесполезныхъ свѣдѣній. Въ первой графѣ мѣсяцъ и число вступленія; во второй — номеръ по порядку, начиная съ 1811 года; въ третьей — имя автора сочиненія; въ четвертой — заглавіе; въ пятой — имя книгопродавца, у котораго книга куплена;

въ шестой—сколько за книгу заплачено иностранною монетою; въ седьмой—та-же цѣна на Прусскую монету; въ восьмой—имя переплетчика, которому отдана книга для переплета; въ девятой—номеръ, подъ которымъ книга записана въ счетѣ переплетчика. Десятой графъ не придумано никакого употребленія. Въ ней-бы можно было означать, въ какое отдѣленіе библиотеки книга вошла, но это не признано нужнымъ и графа оставлена для особыхъ замѣчаній, которыя однакожь не дѣлаются, потому-что они тутъ не нужны. При реестрѣ вступленій ведутся и счета отдаваемыхъ переплетчикамъ книгъ съ особыми въ каждомъ счетѣ сериями номеровъ, также бесполезными.

Какъ уже выше было сказано, цѣль моего путешествія состояла въ изученіи: читальныхъ залъ, порядка составленія каталоговъ, вступленія храненія и выдачи книгъ. Оцѣнивая все, что мнѣ удалось видѣть въ лучшихъ библиотекахъ Европы и безпристрастно сравнивая видѣнное съ устройствомъ, существующимъ у насъ, я могу съ чувствомъ весьма отраднымъ сказать, что если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ библиотечнаго механизма мы не сравнили еще съ другими такого-же рода учрежденіями Европы, за то есть предметы, о преимуществѣ которыхъ у насъ мы можемъ еще поспорить. Посѣтители наши пользуются такою либеральностью, какая не допускается въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Лице, являющееся въ Библиотеку нашу, какого-бы званія оно ни было, не встрѣчаетъ никакихъ формальностей, обыкновенно все излишнихъ и только отнимающихъ время. Право входа въ читальную залу, процессъ требованія и полученія книгъ, упрощены у насъ до возможности. Есть, конечно, и у насъ нѣкоторыя формальности, но онѣ зависятъ не отъ начальства Библиотеки, и, во всякомъ случаѣ, не идутъ дальше канцелярш, т.-е. того члена Библиотеки, которымъ она связана съ общимъ организмомъ государственнаго устройства. Посѣтитель Библиотеки не имѣетъ никакихъ сношеній съ канцеляріей и идетъ прямо къ книгамъ, въ область науки. Кто является для серьезной ученой работы, тотъ входитъ въ непосредственное сношеніе съ библиотекарями и получаетъ свободный доступъ даже далѣе читальной залы, въ самыя отдѣленія Библиотеки, гдѣ, не стѣсняемый никакими формальностями, онъ находитъ полную готовность удовлетворить всякому его требованію. Въ отдѣленіяхъ нѣтъ формальностей даже между библиотекарями, и если во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно за-

имѣть нѣкоторыя проявленія іерархическихъ началъ, какое-то преобладаніе однихъ надъ другими, то на это преобладаніе въ Библиотекѣ нашей даютъ право не чины или гѣта службы, а личныя, неотъемлемыя достоинства людей — способности и познанія. Однимъ словомъ, Императорская Публичная Библиотека, со-сторонны дѣятельности своей въ-отношеніи къ публикѣ, есть учрежденіе, вошлѣ стоящее въ уровень съ нашею современностью, и съ этой стороны она едва-ли можетъ позаимствовать что-нибудь изъ обычаевъ тѣхъ библиотекъ, которыя я видѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ читальныхъ залахъ я нашелъ весьма важную особенность, которой мы еще не имѣемъ, это — богатыя собранія справочныхъ книгъ. Посѣтители Императорской Публичной Библиотеки имѣютъ для своего употребленія въ нашей читальной залѣ два справочные стола, на которыхъ прикрѣвлено простыиъ, но очень удобнымъ механизмомъ и предложено для всеобщаго употребленія 112 томовъ календарей, лексиконовъ на разныхъ языкахъ, библиографическихъ указателей и вообще справочныхъ книгъ. Собраніе это однакожь далеко не такъ богато, какъ оно должно-бы быть, но въ будущей читальной залѣ предполагается организовать такое отдѣленіе справочныхъ книгъ, которое богатствомъ своимъ не уступитъ существующимъ въ лучшихъ библиотекахъ Европы. Читальная зала Британскаго музея отличается полнымъ алфавитнымъ каталогомъ всей библиотеки, который находится въ распоряженіи читателей. Этого имѣть нигдѣ, въ томъ числѣ и у насъ; но наши посѣтители, имѣющіе спеціальныя серьезныя цѣли занятій, едва-ли могутъ жаловаться на отсутствіе каталога въ читальной залѣ: допускаемые безпрепятственно въ отдѣленія, они пользуются нашими каталогами едва-ли не съ большимъ удобствомъ, нежели посѣтители Британскаго музея, гдѣ есть одинъ только алфавитный каталогъ, а мы многимъ и именно наиболѣе важнымъ отдѣленіямъ можемъ предлагать и каталоги систематическіе. Въ ротондѣ Британскаго музея есть полный алфавитный каталогъ теперь, но всегда-ли онъ будетъ тамъ полный, это еще вопросъ, который разрѣшить намъ время. Известно, что пополненіе алфавитныхъ каталоговъ, написанныхъ въ книгахъ, дѣлается современемъ невозможнымъ. Британскій музей, истрачивая ежегодно до 60,000 р. на приобрѣтеніе книгъ, едва-ли долго будетъ вмѣсывать ихъ въ тѣ 500 фоліантовъ, которые стоятъ въ его ротондѣ. Намъ можно было-бы

поставить въ читальную залу наши каталоги написанные на карточкахъ (листкахъ), но это очень трудно по слѣдующимъ причинамъ: каталоги постоянно нужны въ отдѣленіяхъ самимъ библіотекарямъ для удовлетворенія требованій публки, приходящей въ читальную залу; они нужны также многимъ ученымъ, занимающимся въ отдѣленіяхъ и наконецъ они нужны для библіотечныхъ собственно работъ. Можно было-бы, конечно, списать другой экземпляръ каталога для читальной залы и постоянно пополнять его, но для этого у насъ пока нѣтъ еще довольно матеріальныхъ средствъ. Еслибы, наконецъ, эти средства даже и были, то для существованія каталога въ читальной залѣ есть еще одно важное препятствіе. Либеральность правилъ нашей читальной залы даетъ доступъ въ нее всякому прилично-одѣтому человѣку. Если каталогъ, написанный на карточкахъ, будетъ отданъ для употребленія всѣмъ приходящимъ, то какую участь будетъ онъ терпѣть, когда между читателями нашими случаются охотники вырывать изъ книгъ гравюры, служащія поясненіемъ къ тексту, вырѣзывать листы и даже цѣлыя главы или статьи самаго текста. Библіотека дѣлала-бы, можетъ быть, для своихъ посѣтителей очень многое, чего до-сихъ-поръ еще не сдѣлано, но она не можетъ этого дѣлать, по частымъ печальнымъ доказательствамъ тому, что, кромѣ истинныхъ служителей науки, въ читальную залу являются люди, непонимающіе значенія слова *варваръ*, которые, дѣлая все, что можно сдѣлать тайкомъ во-вредъ книгамъ и изданіямъ, этимъ самымъ близкимъ орудіямъ науки, добровольно навлекаютъ на себя страшное для образованнаго ума имя *варвара*. Людей этихъ никакъ нельзя сравнить съ тѣми, которые уносятъ цѣлыя книги, вынимаютъ изъ рукописей афиши Мазариновскихъ временъ. Послѣдняго рода похищенія, если ихъ нельзя оправдать страстью къ книгамъ и къ библіографическимъ рѣдкостямъ, оставляютъ по крайней мѣрѣ какую-то тѣнь утѣшенія, что похищенная цѣликомъ вещь будетъ хранима человекомъ знающимъ ей цѣну и можетъ быть не погибнетъ безвозвратно для науки. Но книга съ вырваннымъ чертежомъ, съ вырѣзанною статьею есть вѣчная рана, которую ничто не залечить: она отзовется болью въ самомъ отдаленномъ потомкѣ, которому доведется раскрыть изуродованную книгу. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе люди составляютъ самый малый процентъ въ массѣ посѣтителей читальной залы; но пока процентъ этотъ не будетъ у насъ окончатель-

но израсходованъ благотворнымъ дѣйствіемъ общей образованности, Библиотека наша должна быть разборчива въ удовлетвореніи публики, должна остерегаться ея. Сознаніе грустное, но тѣмъ не менѣе присущее нашему времени. Еслибы каталогъ, написанный на карточкахъ, былъ выставленъ въ нашей читальной залѣ, то нашлись-бы вѣроятно такіе избранные, которые стали-бы вынимать изъ него карточки, чтобъ дѣлать изъ нихъ закладки въ книгахъ, или писать на оборотѣ ихъ какія-нибудь замѣтки, и неразмягченный умъ ихъ никогда не почувствовалъ-бы, что они обрываютъ единственную нить, по которой лучший нежели они чловѣкъ можетъ дойти до разрѣшенія очень, можетъ быть, важнаго для науки вопроса.

Между формою каталоговъ нашихъ и большей части иностранныхъ, главная разница состоитъ въ томъ, что у насъ заглавія книгъ написаны преимущественно на карточкахъ, которыя мы приводимъ въ порядокъ: одни въ алфавитный, а другія въ систематическій; въ большинствѣ-же библиотекъ, видѣнныхъ мною въ чужихъ краяхъ, заглавія книгъ вписываются на страницахъ переплетенныхъ книгъ. Наши каталоги на карточкахъ, съ увеличеніемъ количества книгъ, будутъ, не измѣняя своей формы, расти до тѣхъ предѣловъ, какія укажутъ будущія судьбы нашей Библиотеки, а въ переплетенныя книги иностранныхъ каталоговъ можетъ войти только то количество новыхъ заглавій, какое вмѣстятъ свободныя части страницъ, послѣ чего каталоги эти должны быть переписаны или въ новыя тетради или на карточки, чему я видѣлъ примѣры въ Вѣнѣ, Прагѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Брюсселѣ. Преимущество карточекъ не столько важно въ алфавитномъ каталогѣ, сколько въ систематическомъ. Порядокъ алфавитный останется вѣчнымъ, какъ сама азбука, но система наукъ измѣняется съ ихъ развитіемъ. Во Франціи до-сихъ-поръ еще есть въ библиотекахъ такое раздѣленіе, въ которомъ, кромѣ исторіи, математики и проч., встрѣчаются особенныя части, носящія названіе: *науки и искусства* (sciences et arts), какъ будто исторія, математика и проч. не науки. Въ Мюнхенской библиотекѣ есть большой отдѣлъ, которому дано названіе *антропологии*. Ученый библиотечаръ въ короткое время можетъ начертить систему, сообразную съ современнымъ взглядомъ на науку, но переставить сотни тысячъ книгъ по новой системѣ и дать уразумѣть, что заключается въ sciences et arts, или въ антропологии, нельзя въ

короткое время. Наши карточки, разложенныя по системѣ, признаваемой ясною и правильною въ наше время, могутъ быть потому очень удобно расположены по иной системѣ, какую укажетъ будущее время. Для этого нужно будетъ только измѣнить порядокъ въ каталогѣ уже готовомъ, не переѣлывая и не переписывая его.

Кромѣ общихъ замѣчаній, которыя я здѣсь изложилъ, мною сдѣланы и нѣкоторыя спеціальныя, касающіяся мелкихъ подробностей устройства Императорской Публичной Библиотеки вообще и читальной ея залы въ-особенности, но замѣчанія эти составляютъ предметъ официальнаго моего донесенія начальству.

В. СЕБОЛЬЩИКОВЪ.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

IX. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ И КРИТИКА.

Въ отдѣлахъ критики явились слѣдующія статьи: *Тысяча душъ. Романъ А. Писемскаго*, С. С. Дудышкина (Отеч. зап. № 1); *Исторія Русской словесности. Ч. III. Лекціи С. Шевырева* (ibid.); И. П. Некрасова (Атен. № 1); М. Н. Лонгинова (Русск. газ. № 9); *Стихотворенія Аполлона Майкова*, Ред. (Библи. для чт. № 1); *О дѣловомъ романѣ*, Н. П. Анненкова (Атен. № 2); *Утро*, Я. И. Вейнберга (ibid. № 3).

Къ теоріи словесности принадлежитъ статья: *Вопросъ о критикѣ* (Отеч. зап. № 1), написанная по-поводу изданій объ эстетикѣ Рудольфа Готшала, Фишера и Роберта Циммерманна. Статья эта, какъ хорошо составленный очеркъ сочиненій этихъ писателей, не безъ достоинствъ.

X. БИБЛІОГРАФІЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ Библиографическихъ запискахъ помѣщены слѣдующія статьи: *Новые матеріалы для біографіи Д. И. Фонъ-Визина*, А. Н. Аванасьева (№ 1); *Стихотворенія М. Ю. Лермонтова* (ibid.); *Объ изданіяхъ жизнеописанія Ваньки Каина*, Григорія книжника (ibid.)

Грамота Петра Великаго (ibid.); *Ученіе и хитрость ратнаго строе- нія пѣхотныхъ людей*, И. Е. Забѣлина (№ 2); *Анекдоты изъ жизни В. В. Капниста* (ibid.); *Распачинскія афишки* (ibid.); *Переводы сочиненій Пушкина*. Указатель, составленный Г. Н. Геннадъ (№ 1, 3 и 4); *Замѣтка* (№ 2); *Еще нѣсколько свѣдѣній о Н. И. Новиковѣ и С. И. Гамальѣ*, Н. Рябова (№ 3); *Письмо Е. А. Болховитинова къ С. И. Селивановскому* (ibid.); *Новое изданіе Бореццо-Борецки*, М. П. Полуденскаго (ibid.); *Вариантъ одной басни Крылова* (ibid.); *Письма Н. В. Гоголя къ разнымъ лицамъ* (№ 4); *На какомъ языкѣ писанъ Наказъ императрицы Екатерины II о сочиненіи проекта новаго уложенія?* М. А. Дмитриева (ibid.); *Россійское библейское общество* (ibid.); *Проза А. С. Пушкина, стихотворенія А. С. Пушкина*. Библиографическія замѣчанія по-поводу послѣдняго изданія сочиненій поэта (№ 5 и 6); *Лицейское стихотвореніе Дельвига* (№ 5); *Поверженныя изданія въ 1858 г.* (№ 5 и 6); *Карамзинская публичная бібліотека* (№ 6); *Письмо А. С. Грибоедова къ С. Н. Бышчеву* (№ 7); *Георгій Дандоло, Русскій лексикографъ и переводчикъ прошлаго столѣтія*, Н. А. Попова (ibid.); *Ненапечатанная статья изъ «Ревизора» Гоголя*, сообщ. П. А. Кулишъ (ibid.); *Письма М. Т. Каченовскаго и Ш. Н. Сандунова къ Н. Θ. Грамматику*, сообщ. В. А. Борисовымъ (№ 8); *Слово о играхъ и плясаніи* (ibid.); *Письма и записки отъ разныхъ лицъ къ графу Д. М. Хвостову*, сообщ. И. Е. Забѣлинымъ (ibid.); *Неизданныя записки о Пушкинѣ*, Е. И. Якушкина (ibid.); *Дополнительная замѣтка* (ibid.).

— «Проза А. С. Пушкина». — Прозаическіе сочиненія Пушкина, невошедшихъ въ VII томъ изд. г. Анненкова, очень немного. Въ настоящей статьѣ приводится нѣсколько отрывковъ, важныхъ для будущаго біографа поэта. Изъ дневника, веденнаго въ Кишиневѣ и уничтоженнаго самимъ поэтомъ, вѣроятно къ началу 1826 года, сохранились два замѣчательные отрывка. Первый изъ нихъ содержитъ слѣдующее: «9 апрѣля. Утро провелъ съ П—: умный чело- вѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Во второмъ отрывкѣ Пушкинъ бѣгло излагаетъ свой взглядъ на царствованія преемниковъ Петра I и на историческое значеніе аристократіи и духовенства: «По смерти Петра I, говоритъ онъ, движеніе, переданное сильнымъ чело- вѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ госу-

дарства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны нѣтъ, воспоминаія старины мало-по-малу исчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и Русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на Нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ Европейскимъ, часть-отъ-часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластическій педантизмъ по-прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу; отечественные таланты стали нрѣдка появляться и щедро были награждаемы—..... наслѣдники Сѣвернаго Исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностью подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между-тѣмъ-какъ Азіатское невѣжество обитало при дворѣ». Далѣе Пушкинъ говоритъ о неудавшихся попыткахъ аристократіи усилить свою власть. «Это (т.-е. неуспѣхъ такихъ попытокъ), говоритъ онъ, спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ.» Взглядъ Пушкина на историческое значеніе аристократіи въ Россіи показываетъ въ немъ высокій политическій смыслъ и рѣдкое безпристрастіе. Извѣстно, что Пушкинъ еще на лицейской скамейкѣ не былъ чуждъ тѣхъ аристократическихъ понятій и предразсудковъ, которые встрѣчаются въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ въ тридцатыхъ годахъ. Тѣмъ дороже для насъ отрывокъ, сохранившійся изъ его прежнихъ записокъ, въ которомъ онъ говоритъ, что честолюбивые замыслы аристократіи въ случаѣ успѣха губельно отозвались-бы на народной жизни, затруднили-бы или уничтожили всѣ способы разрѣшить крестьянскій вопросъ, «ограничили-бы число дворянъ и заградили-бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ». — «Нынѣ-же, говоритъ Пушкинъ, желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, и твердое мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ наряду съ просвѣщенными народами Европы». Замѣчательно, что это желаніе было высказано Пушкинымъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда уже было довольно людей, думавшихъ одинаково съ нимъ о крѣ-

стьянскомъ вопросѣ, но когда еще очень немногіе изъ самыхъ образованныхъ, передовыхъ людей того времени имѣли такой правильный взглядъ на историческое значеніе Русской аристократіи. Далѣе Пушкинъ чрезвычайно жестоко отзывался о придворныхъ нравахъ времени Екатерины II. Духъ дворянства упалъ; «стоитъ только вспомнить, говоритъ Пушкинъ, о пощечинахъ, щедро ими (временщиками) раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, и славной роспискѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства, объ обезьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и проч.... Они (временщики) не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколита все крадо и все было продажно». Приведемъ наконецъ изъ этихъ записокъ замѣтку Пушкина по-поводу ограниченія монастырскихъ доходовъ; рѣчь идетъ о недостаткѣ духовнаго просвѣщенія: «Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ; многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ... и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ Русскихъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего... Жаль, ибо Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ вамъ особенный національный характеръ». Въ Россіи вліяніе духовенства столь-же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ Римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло новое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ того, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человекомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ». Приведемъ то мѣсто изъ путевыхъ записокъ, гдѣ Пушкинъ говоритъ о проповѣдываніи Евангелія на Кавказѣ въ томъ видѣ, какъ это мѣсто было первоначально написано

авторомъ (въ изданіи Анненкова оно сокращено): «Вліяніе роскоши можетъ благоприятствовать ихъ (Черкесовъ) укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка, но объ этомъ средствѣ Россія донинѣ и не подумала. Терпимость сама-по-себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ нею несовѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ снудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ нихъ не подумалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донинѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ мужъ вѣры и смиренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а за-тѣмъ, нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣнности легче, въ замѣнъ слова живаго, вырѣзывать мертвыя буквы и посылать вѣмья книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ Римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестятъ велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и вѣрно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ Черкесскимъ негодованиемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается».

Статья Пушкина: «Мысли на дорогѣ» написана въ опроверженіе книги Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Радищевъ представляется какимъ-то совершенно-одинокимъ явленіемъ въ Русской литературѣ XVIII столѣтія. Воспитанный за границую въ то время, когда старый порядокъ вещей уже былъ осужденъ безвозвратно на гибель, авторъ «Путешествія» до такой степени проникся новыми началами, убѣжденіемъ въ необходимости преобразованій и въ ихъ несомнѣнной силѣ, что всякая уступка отживающему порядку вещей, всякая сдѣлка съ устарѣвшими понятіями стали для него невозможны. Ни одинъ Русскій

писатель не представляет такого цѣльнаго характера. Въ то время, когда другіе, увлеченные сначала тѣмъ-же умственнымъ движеніемъ, стали мало-по-малу мириться съ дѣйствительностью, или вдалились въ мистицизмъ — это убѣжище для утомленныхъ борьбою, — Радищевъ сохранилъ прежнюю твердость вѣрованій, удивляя другихъ «молодостью своихъ сѣдинъ», какъ говорить объ немъ Пушкинъ. Въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» онъ до такой степени вѣренъ своему вѣку, что, разбирая его книгу, критикъ имѣетъ дѣло не съ личнымъ взглядомъ автора, а съ нравственными требованіями его вѣка. Иначе смотрѣлъ на него Пушкинъ. Въ біографіи Радищева онъ говоритъ, что въ авторѣ «Путешествія» отразилась вся Французская философія его вѣка въ искаженномъ видѣ, что онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. На все, высказанное Радищевымъ, смотритъ онъ, какъ на капризъ раздраженнаго человѣка, какъ на личныя мнѣнія, имѣющія мало общаго съ требованіями вѣка. Когда Пушкинъ писалъ разборъ «Путешествія», его направленіе значительно уже измѣнилось, но далеко не получило той твердости, о которой говоритъ г. Анненковъ (см. т. VI, стр. 110). Мысли на дорогѣ показываютъ напротивъ, что убѣжденія автора были очень нетверды. Иначе какъ объяснить себѣ, что Пушкинъ, говоря объ одной картинѣ изъ крѣпостнаго быта, мастерски начерченной Радищевымъ, увлекается ею до того, что соглашается съ нимъ, не замѣчая даже, что впадаетъ черезъ это въ противорѣчіе съ своими собственными словами, высказанными за нѣсколько страницъ. Не говоримъ уже о слабости возраженій Пушкина; самая нетвердость убѣждений ставятъ его несравненно ниже Радищева, котораго не останавливаетъ никакой выводъ, который говоритъ, какъ человѣкъ, непризнающій даже и возможности ошибиться; до такой степени онъ исполненъ вѣры въ свои «мечтанія», какъ называетъ его убѣжденія Пушкинъ. — Статья «Шоссе» (изд. г. Анненкова, т. VI, стр. 75) служитъ введеніемъ къ разбору «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»; изъ нея выпущены слѣдующія мѣста: Не знаю, кто изъ насъ—Иванъ, или я—согрѣшили передъ Богомъ, но путешествіе наше было неблагополучно» (стр. 75). «Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тягостныхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частію предлогъ къ угнетеніямъ и взяткамъ. Возьмите перваго мужика....» и т. д. (стр. 76). «Лѣтъ сорокъ тому назадъ одинъ воевода, вмѣсто рововъ, надѣлалъ

парапеты, такъ-что дороги сдѣлались ящиками для грязи». (Фраза эта замѣнена другой, сходною съ нею. — Стр. 76.... «пѣшеходы, гуляя по парапетахъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Напечатано: пѣшеходы.... благоденствуютъ. Стр. 76. (Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно)».... «у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія; народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣнливо, а иногда и неохотно» (стр. 76). Конецъ этой первой главы также не былъ напечатанъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, съ эпаграфомъ:

Чудище обло, озерно, огромно, стоѣнно и лаяй!

Телемахида, книга XVIII, стр. 514.

Книга — нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ бородатаго разнощика. Я искренно благодарилъ** и взялъ съ собою *Puteshesstwie*. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ «Москвы въ Петербургъ». Вторая глава (*Москва*) начинается въ рукописи такъ: «Москва! Москва! восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское. Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего сопутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полу-истины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ Московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! Ямщикъ, погонай! Москва, Москва! — Много пережилось со времени Радищева....» Далѣе слѣдуетъ такъ, какъ напечатано (стр. 78 и слѣд.); только одно мѣсто нѣсколько измѣнено. Приводимъ его согласно рукописи Пушкина: «Онъ (Петръ I) оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, прѣстора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣя-

тельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть-было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодаго Петра II снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права» (стр. 80). Слѣдующее сравненіе Московской литературы съ Петербургскою выпущено изъ статьи самимъ Пушкинымъ: «Признаюсь въ моей слабости: Московскую словесность я всегда предпочиталъ Петербургской, и охотнѣе читаю Вѣдомости кн. Шаликова, нежели Сѣверную Пчелу. Московская словесность выше Петербургской. Г. А. заводитъ журналъ, потому-что онъ отставленъ отъ выгоднаго мѣста. Г. В. пишетъ романъ, потому-что романы въ цѣнѣ. Критики пишутся потому, что по краямъ газетнаго листа нуженъ фельетонъ въ 1½ вершка, какъ кайма для шали. Даже въ ** журналѣ Московскомъ, принадлежащемъ къ предпріятіямъ чисто-торговымъ, даже и тутъ перевѣсъ на сторонѣ Московскаго издателя. Какая смышленность въ выборѣ переводныхъ статей! Какая оборотливость въ сужденіяхъ о предметахъ, вовсе чуждыхъ понятіямъ критика! Какое бойкое шарлатанство. Куда Петербургскимъ торгошамъ угоняться за нашими». Вторая глава кончается въ рукописи слѣдующими словами: «Кстати я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ....» Намъ неизвѣстно, что это за статья и сохранилась-ли она, или нѣтъ. Третья глава (Ломоносовъ) начинается у Пушкина такъ: «Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ *Русскаго Пиндара*. Достойно замѣчанія и то, что Р. тщательно прикрылъ это намѣреніе удочками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ, на которую напалъ съ такою безумною дерзостью. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ похвалами стихотворцу, ритору и грамматикѣ, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки: «Мы желаемъ показать, что «въ отношеніи Русской словесности тотъ, кто путь къ храму славы «проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя-бы «онъ войти въ храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій недостойнъ «развѣ напоминанія, что могъ только сказать, какъ можно размно- «жать науки? Не достойны развѣ признательности мужественныя

«писатели, возстающіе на губительство и веселіе, для того, что не могли избавить человѣчество изъ оковъ и плѣненія? И мы не почитимъ Ломоносова, для того, что не разумѣлъ правилъ позорнаго стихотворенія и томился въ эпоху, что чуждъ былъ въ стихахъ «чувствительности, что не всегда проицателенъ въ сужденіяхъ, и «что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщаль иногда болѣе словъ, нежели «мыслей»? — «Ломоносовъ былъ великій человѣкъ и т. д.» (стр. 81). Въ этой-же главѣ выпущены слѣдующія строки: «Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ-же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ свои оды высокопарною хвалою...» и т. д. (стр. 88). Между главами: о Ломоносовѣ и о ценсурѣ—въ рукописи есть еще шесть главъ, съ слѣдующими названіями, взятыми изъ книги Радищева: Черная Грязь, Клянь, Городня, Тверь, Мѣдное и Вышній Волочекъ. Эти пропущенныя главы помѣщены въ Библиогр. запискахъ.

Въ прочихъ журналахъ и газетахъ къ матеріаламъ исторіи отечественной словесности принадлежатъ слѣдующія статьи: *Сенковскій — дилеттантъ Русской словесности*, С. С. Дудышкина (Отеч. зап. № 2); *Воспоминаніе*, А. Стороженко (ibid. № 4); *Воейковъ съ его сатирою «Домъ сумасшедшихъ»*, Е. Я. Колбасина (Совр. № 1); *Литературныя мелочи прошлаго года*, — — бова (ibid. и № 2); *Воспоминанія о Пушкинѣ* (Библи. для чт. № 4); *Преданія и пѣсни Уральскихъ козаковъ*, І. И. Желѣзнова (Русск. вѣстн. № 7 и 8); *Воспоминанія о Сергѣѣ Тимофеевичѣ Аксаковѣ*, М. Н. Лонгинова (ibid. № 8); *Два образчика Старорусскаго эпоса*, Н. Бунакова (Русск. слово № 1); *Письмо Гоголя къ Прокоповичу* (ibid.); *Взглядъ на Русскую литературу со смерти Пушкина*, Ап. Григорьева (ibid. № 2 и 3); *О народной поэзіи въ древне-Русской литературѣ*. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, 12 января, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Русской словесности. Ѳ. И. Буславымъ (Моск. вѣд. № 12—14); *Еще нѣсколько свѣдѣній о Н. И. Новиковѣ и С. И. Гамальѣ*, Г. Н. Рябова (ibid. № 18); *Клятва Дашкова — директоръ академіи наукъ*, Д. И. Иловайскаго (ibid. № 52); *Встрѣча съ Гоголемъ*, П. К. (Русск. дневн. № 10).

— «Сенковскій—дилеттантъ Русской словесности.» — Авторъ характеризуетъ учено-литературную дѣятельность Сенковскаго слѣдующимъ образомъ: «Сенковскій былъ *дилеттантъ въ Русской наукѣ и въ Русской литературѣ*. Дилеттантомъ не называется

только человѣкъ, что-нибудь поверхностно-знающій—нѣтъ, дилеттантъ въ наукѣ и тотъ, кто рѣшаетъ ея вопросы, не потому, что они живутъ, движутъ общество, что рѣшеніе ихъ можетъ принести пользу, а потому, что рѣшеніе ихъ пріятно для дилеттанта, что оно занимаетъ его умъ, доставляетъ ему удовольствіе. Чѣмъ богаче одаренъ способностями дилеттантъ, тѣмъ больше вопросовъ его интересуется, точно-такъ, какъ физическій нашъ организмъ, чѣмъ крѣпче и здоровѣе, тѣмъ больше выноситъ удовольствій. Пока востокъ доставлялъ новую и пріятную пищу, онъ занимался имъ съ увлеченіемъ, и бросилъ его, когда извлекъ изъ него пріятность новизны. Что ему за дѣло, что, занимаясь востокомъ, онъ могъ-бы принести пользу Русской исторіи, по-крайней-мѣрѣ, такую-же, какую принесъ Фрэнъ? Это для него вопросъ неважный, это уже касается науки, общества, а не его лично. Трудъ этотъ скученъ, невыгоденъ, не на виду, а уже въ самомъ дѣлѣ трудъ. А между дилеттантомъ и ученымъ вся въ этомъ разница: одинъ работаетъ для науки и общества и приноситъ имъ себя въ жертву; за то и благодарное общество никогда его не забываетъ. Другой, можетъ быть, такой-же ученый, дѣлаетъ это только до-тѣхъ-поръ, пока ему пріятно его занятіе, и потому общество его знать не хочетъ. Это серьезное пониманіе своего труда, какъ общественнаго дѣла, соединяющее литературныя кружки, т.-е. образующее около замѣчательнаго ученаго цѣлыя маленькія общества, которыя идутъ вмѣстѣ къ одной задуманной цѣли. Какое связующее звено съ другимъ можетъ быть у дилеттанта, который хлопочетъ о собственномъ удовольствіи? Что побудило Сенковского взяться за Русскую литературу? По-Русски онъ писалъ въ то время хуже, чѣмъ по-Турецки и Арабски, входилъ онъ въ литературу, не внося съ собою новой животворной идеи, и долженъ былъ самъ это чувствовать лучше, нежели кто-нибудь другой, потому-что одаренъ былъ способностями рѣдкими. Словесности Русской онъ не любилъ. И однакожъ онъ вступилъ на поприще, долгое время ему чуждое. Занятіе этой литературой, сочиненіе критикъ и повѣстей льстило ему, потому-что незрѣлая публика еще смотрѣла только на остроуміе, на потѣху, которую онъ постоянно поддерживалъ своими шутками, и не обращала вниманія на то, что кроется подъ всѣмъ этимъ. Остроуміе доставляло ему и деньги и извѣстность; а какое ему дѣло до того, что онъ спутывалъ понятія незрѣлаго общества

и производилъ какую-то постоянную сумятицу въ умахъ читателей! Какіе-бы то ни были умы — ему дѣла до нихъ не было: ему нужно было, чтобы они любовались имъ и называли его великимъ писателемъ. Что ему за дѣло, что онъ могъ представить въ сибирскомъ видѣ какого-нибудь Шампольйона? лишь-бы его познанія считали выше Шампольйоновыхъ. Дилеттантъ за все хватается съ единственной цѣлью—выставить себя. Это не то, что истинный ученый, который проводитъ года въ кабинетѣ, никѣмъ незнаемый, и въ тиши готовитъ свой трудъ. Дилеттанту нужно, чтобы имъ любовались, восхищались; ему прежде всего нужно занимать общественное мнѣніе; а что касается до того, какимъ образомъ занимать—ему нѣтъ дѣла. Для этого онъ готовъ пожертвовать и своими убѣжденіями и острить даже надъ тѣмъ, что онъ любитъ, чему онъ, можетъ быть, вѣрить, лишь-бы постоянно быть по вкусу большинству. Отъ этого дилеттанту нравится литературный скандалъ, говоръ, произведенный въ обществѣ статьей, а не убѣжденіе. Для истиннаго литератора и ученаго это невозможно; для дилеттанта—легко. Оказывается — если только можно вѣрить словамъ дилеттантовъ—что онъ и уважалъ тогдашнихъ государственныхъ людей Франціи... но какая ему будетъ польза отъ этого уваженія? А вотъ, если онъ будетъ трунить надъ всѣмъ этимъ, онъ будетъ имѣть успѣхъ. Все для себя и ничего для пользы науки и литературы. Польза науки требуетъ, для разъясненія еще темныхъ вопросовъ — споровъ: истина старая, какъ потопъ. Сенковскій избѣгалъ споровъ, какъ дѣти бѣгутъ школы. Почему? боялся высказать свою несостоятельность? уронить себя въ спорѣ? Очень и очень вѣроятно, мы даже не сомнѣваемся въ этомъ. А что хуже для дилеттанта, какъ паденіе въ общественномъ мнѣніи! Что значать для него истины науки, успѣхи литературы? Вотъ почему Сенковскій придумалъ теорію: не отвѣчать на возраженія противъ его статей, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ возраженіяхъ заключалась брань! И это говоритъ Сенковскій, котораго вся критическая и повѣствовательная дѣятельность можетъ быть названа продолжительною бранью... Но не возражать на мнѣніе противника — это такъ снисходительно, такъ дышетъ презрѣніемъ къ другимъ.... Нѣтъ, это не можетъ умалить общественнаго уваженія. По молодости-ли нашей литературы, по присущему-ли ей внутреннему благородству, такія явленія, какъ Сенковскій, у насъ рѣдки... и даже небывалы. Явленіе и успѣхъ Сенковского въ на-

шей литературѣ напоминаетъ старческія эпохи другихъ литературъ. Это въ своемъ родѣ литература Греческихъ софистовъ, послѣдовавшая за разложеніемъ Греческаго общества; это что-то пришлое, а потому невозможное у насъ, въ Россіи. Мы не дожили, и далеко еще намъ до этой умственной и литературной безнравственности — безразличія; такія явленія возможны только въ обществахъ, долго-жившихъ и пережившихъ себя и свои основы. Еслибы умъ Сенковского въ молодости всосалъ въ себя Русскую жизнь, Русскія чувства, Русскую натуру, онъ не былъ-бы Сенковскимъ — онъ былъ-бы однимъ изъ замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ и принесъ-бы несомнѣнную пользу. При томъ-же положеніи, въ которомъ онъ выросъ и которымъ былъ окруженъ, онъ старался только доставить себѣ комфортъ, роскошь, наслажденіе жизнью, но для общества былъ чужимъ. Онъ не вѣрилъ вліянію журналовъ, и издавалъ журналъ; онъ отвергалъ значеніе газетъ, и дважды просилъ разрѣшенія издавать газету. На дѣло общественное онъ смотрѣлъ, какъ на дѣло частное, и свою неутомимую дѣятельность посвятилъ личной своей выгодѣ. Между нимъ и обществомъ не было связи, и вотъ почему Русскій всегда чувствуетъ какую-то внутреннюю безжизненность, прочитывая самыя веселыя шутки барона Брамбеуса. Вотъ почему общество такъ скоро, по видимому такъ безжалостно забыло Сенковского. Въ этомъ случаѣ нужно вѣрить, что гласъ народа — гласъ Божій. Никакія хитро-исплетенныя теоріи не закроютъ сущности вещи: никто не будетъ спорить, что Сенковский замѣчателенъ по своимъ способностямъ, но никогда и никто не докажетъ, что его сочиненія полезны Русской публикѣ; напротивъ—они вредны. Рецензія сочиненій писателя, сошедшаго въ могилу, должна быть поученіемъ, а не панегирикомъ. Есть сочиненія, которыя поучительно хвалить, чтобы о нихъ постоянно напоминать публикѣ; есть сочиненія, которыя преслѣдовать полезно. Дѣятельность Сенковского поучительна въ высшей степени въ томъ отношеніи, что она показываетъ, во-первыхъ, чего долженъ избѣгать писатель; показываетъ, что для дѣятельности литератора есть законы, что не прихоть должна руководствовать имъ, а требованіе литературы и общества, и, во-вторыхъ, забытая дѣятельность Сенковского доказываетъ, что Русская литература, какъ ни молода она, имѣетъ свою внутреннюю жизнь, свой организмъ, который выбрасываетъ изъ себя все мертвое, бесполезное для своихъ соковъ. Въ этой литературѣ есть

вопросы, которые стоятъ на очереди; если имъ служить талантливый писатель, онъ дѣлается историческимъ двигателемъ, а если презираетъ ихъ, дѣлается лишнимъ. Такіе отрицательные симптомы, въ родѣ полузабытой дѣятельности Сенковского, въ этомъ отношеніи чрезвычайно-поучительны. Они доказываютъ, что съ Русской литературой нельзя уже обращаться произвольно; въ ней, какъ во всемъ живомъ, есть свои органическіе законы, которыми должно повиноваться, и этотъ-то результатъ многолѣтняго ея существованія долженъ составлять нашу гордость. По этимъ признакамъ вы только узнаете, что Русская литература не есть агрегатъ всякой всячины, всего наноснаго и пришлога, но что, напротивъ, въ ней есть нѣчто развивающееся по органическимъ законамъ. Загроможденная страстишками иностранныхъ романовъ, подѣлками подъ умъ иностранныхъ ученыхъ статей, компиляциями всѣхъ возможныхъ системъ, невидимая даже подъ этимъ наплывомъ, она въ то-же время имѣетъ свою особенную натуру, свои потребности, свою жизнь. Точно набѣги совершаютъ на нее разные рыцари литературные и нелитературные, и стараются изврѣтить ее; но не ограбить ея имъ — у нея есть будущность.

— «Два образчика изустнаго старо-Русскаго эпоса». — Г. Бунаковъ, сообщая эти образчики, говоритъ, что первый изъ нихъ можно внести въ рядъ такъ-называемыхъ *историческихъ* пѣсенъ, которыми такъ обильны эпохи князя *Владимира Солнышко* и царя *Ивана Васильевича Грознаго*. Первая пѣсня относится къ послѣдней эпохѣ. Знакомый г. Бунакова, котораго записки перешли къ нему, говоритъ, что записалъ ее въ Вологдѣ и слышалъ отъ старожиловъ, что лѣтъ 70 тому назадъ она пѣлась въ народѣ. Складъ и языкъ пѣсни обнаруживаютъ ея давнее происхожденіе, не смотря на несомнѣнныя измѣненія, искаженія и обновленія. Вотъ эта пѣсня:

«Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
 Въ Насонѣ было городѣ,
 Гдѣ доселѣ-было грозный царь
 Основать хотѣлъ престольный градъ,
 Для свово-ли для величества
 И для царскаго могущества;
 Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
 Со высокими со башнями,
 Съ неприступными бойницами.

Посреди онъ града церковь склалъ
 Церковь лѣпую, соборную,
 Что во нѣя Божьей Матери,
 Ея чистаго успѣнія;
 Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
 Со собору со Успѣнскаго.
 Стѣны града поднимались —
 Христіане утѣщались.
 Ужъ какъ стали дослѣ сводъ сводить,
 Туда Царь самъ не посмѣлъ ходить,
 Надзираетъ онъ надъ всенники,
 Чтобы Божій храмъ не клада храмъ,
 Не жалѣли-бъ плины красной
 И той извести горючія.
 Когда царь о томъ кручинился
 Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ,
 Какъ изъ свода туповатова
 Упадала плинеа красная
 Во головушку во буйную
 Въ мудру голову во царскую.
 Какъ нашъ грозный царь прогибвался
 Вволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 Закипѣла молодецки грудь,
 Ретиво сердце взыгралось;
 Выходилъ изъ храма новаго,
 Онъ садился на добра коня,
 Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 Насонъ городъ проклинаячи
 И съ рѣкою славной Вологдой.
 Отъ того проклятья царскаго
 Мать сыра земля трехнулась,
 И въ Насонъ градъ гористоемъ,
 Стали блата быть тонучія,
 Рѣка быстра, славна Вологда
 Стала быть рѣкой стоячею,
 Водой мутною, вонючею,
 И накрытая все темною,
 Скверной зеленью со плесенью.

Къ исторіи литературы иноземной принадлежатъ слѣдующія

статьи: *Иоакимъ Лелевелъ и его ученая дѣятельность*, П. П. Дубровскаго (Отвѣтъ № 2); *Современное состояніе вопроса о происхожденіи «Илиады и Одиссеи»* (ibid.); *Новые матеріалы для біографіи Мицкевича*, П. П. Дубровскаго (ibid. № 4); *Гизо и его «Записки»* (ст. 4, II томъ), I. И. Ш. (ibid.); *Объѣдъ въ обществѣ Англійскаго литературнаго фонда*, И. С. Тургенева (Библи. для чт. № 1); *Чосеръ*, О. Шау (ibid. и № 4); *Алексисъ Токвилъ*, Некрологъ М. Е. Теокистова (Русск. вѣстн. № 7); *Братья Гриммы*, Ю. К. Фелькея (Атен. № 1); *Георгъ Форстеръ*, А. И. Кроненберга (ibid. № 2); *Марло, одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. Очеркъ изъ исторіи Англійской драмы*, С. Уварова (Русск. слово № 2 и 3); *Славянская литература* (С. Пб. вѣд. № 87); *Изъ Императорской публичной бібліотеки*, Бар. М. Корфа (ibid. № 89); *Нравоописательный романъ въ Испаніи* (ibid. № 29, 31 и 32); *Столѣтняя годовщина рожденія Шиллера*, А. Н. Я. (ibid. № 85); *Польскій юмористъ Вильконьскій*, В. И. Веселовскаго (ibid. № 92 и 93).

XI. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворную часть изящной словесности составляли слѣдующія произведенія:

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Горькія слезы*, И. Никитина (№ 1); *Дѣтство веселое, дѣтскія грезы*, его-же (ibid.); *Весна*, М. П. Розенгейма (ibid.); *Элея*, Н. П. Грекова (№ 3); *Думъ моихъ грустныхъ истома*, его-же (ibid.); *Поча*, его-же (ibid.); *Рукою невидимой Бога*, его-же (ibid.)

Въ Современникѣ: *О погоду*, Н. А. Некрасова (№ 1); *Нимфа и молодой сатиръ*, А. А. Фета (ibid.); *Грезы*, его-же (№ 2); *Еврейскія мелодіи*. Изъ Байрона. Д. М—х—л (ibid.); *До-сумерекъ*, Н. А. Некрасова (ibid.); *Стихотвореніе А. С. Пушкина, въ первый разъ являющееся въ печати* (ibid.); *Сумерки*, Н. А. Некрасова (№ 3); *Бѣлое покрывало* (старинная баллада, изъ Мориаца Гартмана), М. Л. Михайлова (ibid.); *Старый комедіантъ*. Съ Нѣмецк. А. Н. Плещеева (№ 4); *Въ Италіи*. Два стихотворенія, съ Италіянскаго *** (ibid.).

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Два стихотворенія*, А. А. Фета (№ 1); *Ночью въ каютѣ*, П. А. Вейнберга (ibid.); *Сцены изъ драмы Шекспира: Ромео и Юлія*, Н. П. Грекова (ibid.); *Юлій Цезарь*. Трагедія Шекспира. Перев. А. А. Фета (№ 3); *Еврейскія мелодіи*

Лорда Байрона, П. К.—ва (ibid.); *Три стихотворенія*, Н. П. Грекова (№ 4).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Кадриль*, К. К. Павловой (№ 1, 2, 3 и 4); *Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ*, А. А. Фета (№ 4); *Въ лѣса безлюдной стороны*, его-же (ibid.); *Свѣтло, тепло; пылаетъ каминъ*, А. А. Жемчужникова (ibid.); *Бальныя грёзы* (Октавы), Н. О. Щербины (№ 5); *Къ...* (Изъ Лорда Байрона), К. К. Павловой (№ 6); *Тоска по родинѣ*. Изъ Эйхендорфа. М. А. Михайлова (№ 7); *Сонетъ*. Изъ Филикайя. Н. В. Берга (ibid.); *Весна*. Изъ Гейне. М. Л. Михайлова (№ 8).

Въ Атенеѣ: *Стрѣлокъ* (10-й сонетъ изъ Мицкевича), Н. Луговскаго (№ 3); *Новый годъ*. Старая гѣсня, Т. Пилянкевича (ibid.).

Въ Русскомъ словѣ: *Сны*. Поэма А. Н. Майкова (№ 1); *Утрата*, Я. П. Полонскаго (ibid.); *Молитва*, его-же (ibid.); *Италія*, А. А. Фета (ibid.); *На озеръ*. Изъ Гёте, его-же (ibid.); *Графиня Монтеаль*, легенда А. Мея (ibid.); *Сабина*, А. Фета (ibid.); *Похороны*. Изъ Рюккерта, М. Михайлова (ibid.); *Газель Джелаледдина-Рюми*, его-же (ibid.); *Хандра*, Я. П. (ibid.); *На берегахъ Италіи*, Я. П. Полонскаго (№ 2); *Война*, В. Ахшарумова (ibid.); *Птичка*, Н. Кроля (ibid.); *Антоній и Клеопатра*, Шекспира. Перев. А. Фета (ibid.); *Кузнечекъ-музыкантъ*. Шутка въ видѣ поэмы, Я. П. Полонскаго (№ 3); *Ийду на встрѣчу къ нимъ знакомою тропюю*, А. Фета (ibid.); *Пѣсня про княжню Ульяну Андреевну Вяземскую*, А. Мея (ibid.).

Въ Народномъ чтеніи: *Радость и кручина*, И. Никитина (№ 1); *Два стихотворенія* Н. Цыганова (ibid.); *Народныя пѣсни* (№ 2); *Дѣдушка*, И. Никитина (ibid.); *Пѣсни бобыля*, его-же (ibid.); *Ива*, Майкова (ibid.); *Пѣсня Ивана Бѣльева* (ibid.).

Въ Сынѣ отечества: *Привѣтъ старому 1858 году*, В. Бенедиктова (№ 1); *На новый 1859 г.*, М. Розенгейма (№ 3); *Школьный учитель*. Изъ Беранже. А. Мея (№ 5); *Пять стихотвореній*. Изъ Гейне. Юліи Жадовской (№ 6); *Петруша удалой*. Изъ Беранже, А. Баженова (№ 7); *Академія и погребокъ*. Изъ Беранже, его-же (№ 8); *Алымъ*. Крымская быль. И. Затыркевича (№ 9); *Пѣсня*, А. Мея (№ 10); *Зяблику*, А. Мея (№ 16); *Отвѣтъ*, В. Бенедиктова (№ 17).

Въ Шехерезадѣ: *Призракъ*. (Изъ Мицкевича). Посвещ. К. И. Званцову, М. Рудневича (№ 2); *При отъѣздѣ*, его-же (№ 3); *Цыганка*, В. (№ 4); *Стихотворенія*, Н. Б. Куроѣдова (№ 5);

Въра въ Провидѣніе, А. Попова (№ 6), *Праздникъ Вахха на островѣ Патмостъ*, М. Рудневича (№ 7); *Стихотворенія*, Н. Курофдова и В. (№ 8); *Отрывокъ изъ поемы Мицкевича «Помишки усонихъ»* (Dziady), перев. М. Рудневича (№ 9); *Приближеніе бури*, П. Полеваго (№ 10); *Первая сцена пятаго дѣйствія драмы Шекспира «Венеціанскій купецъ»*, Ев. Уш—вой (№ 11); *Стихотвореніе* К. Павловскаго (№ 12); *Утро*, М. Рудневича; *Поэзія*, Бернета (№ 14); *Чертова башня*, В. Бенедиктова (№ 15); *Стихотвореніе* А. Граве (№ 16).

Прозаическія произведенія изящной словесности въ обзорѣваемый періодъ были слѣдующія:

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Обломовъ*. Романъ И. А. Гончарова (№ 1, 2, 3 и 4); *Студенческія воспоминанія о Московскомъ университетѣ*. (Посвящены Дмитрію Дмитріевичу Кожухову (№ 1); *Деревенскіе очерки*, М-ль Катинь, Ф. Ромеза (№ 2); *Деревенскія письма*, П. С. (№ 3); *Изъ моего прошлаго* I. *Поручикъ Сверчковъ*. П. Аннушка, Куку (ibid.); *Дантисты*. Забѣтки человѣка, страдавшаго зубами (ibid.); *Экономистъ*. Сцены изъ современной жизни, В. П. (№ 4).

Въ Современникѣ: *Дворянское гнѣздо*, И. С. Тургенева (№ 1); *На яву и во снѣ*, Новаго поэта (ibid.); *Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ* (ibid. и № 4); *Очерки народнаго быта*. VI. *Ночь подъ свѣтлымъ днемъ*. VII. *Сельская аптека*, Н. В. Успенскаго (№ 2 и 4); *Развеселое житіе*. Разсказъ Щедрина (ibid.); *Рыба Керженецъ*, А. А. Потѣхина (ibid. и № 3); *Петербургская жизнь*. Забѣтки Новаго поэта (№ 2 и 4); *Новѣйшій оракулъ*. Комедія въ 5 дѣйств. А. А. Потѣхина (№ 3); *Села Сорокопановка*. Разсказъ А. Скавронскаго (№ 4); *Губернскія и уездныя сцены*: 1) *Пріемный домъ начальника губерніи*, 2) *Пріездъ начальника губерніи на ревизію*, — — ва (№ 4).

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Воспитанница*. Комедія А. Н. Островскаго (№ 1); *Сила солому ломитъ*. Разсказъ Ольги Ю. (ibid.); *Баричъ*. Разсказъ дворника, П. Ермолаева (ibid.); *Три смерти*. Разсказъ графа А. Н. Толстаго (ibid.); *Впечатлѣнія перваго боя*. Эпизодъ изъ военной жизни, Владиміра *** (№ 3); *Война и плѣнь*. Очерки жизни на Малаховомъ курганѣ, М. А. Венецкаго (ibid.); *Сосѣди*, А. Н. Стороженко (ibid.); *Дикобразъ* (провинціальныя сцены); А. А. Иванова (№ 3).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Майоръ*. Повѣсть П. А. Кулиша

(№ 1, 2 и 3); *Козачка*. Малороссійскій разсказъ Марка Вовчка (№ 3); *По дорожъ*, А. Д. З. (№ 4); *Изъ провинціальной галереи портретовъ. Выдержка на-пробу*, Кохановской (№ 5); *Дѣль маменьки*. Повѣсть Н. Николаенко (№ 6); *Семейное счастье*, гр. А. Н. Толстаго (№ 7 и 8).

Въ Атенеѣ: *Три дня охоты изъ Тифлиса*, А. И. (№ 4); *Ороскопъ*. Притча Х. Курца (№ 6).

Въ Русскомъ словѣ: *Кормилица*. Очеркъ М. Михайлова (№ 1); *Разсказъ вдовы*, О—а (ibid.); *Обязательный человекъ*, М. Михайлова (ibid.); *Безталанный*. Повѣсть изъ престопаднаго быта, Н. П—т—х—на (№ 2); *Дядюшкинъ сонъ*. Изъ Мордасовскихъ гѣтописей. Повѣсть Достоевскаго (№ 3); *Дуня*. Разсказъ Петра Кроля (ibid.).

Въ Народномъ чтеніи: *Надежда*, Марка Вовчка (№ 1); *Отставной солдатъ Захаровъ*, Маева (ibid.); *Разсказъ за чаемъ*, Н. Успенскаго (ibid.); *Кіевскіе богомольцы*, П. Кулиша (№ 2); *Катерина*, Марка Вовчка (ibid.).

Въ Сынѣ отечества: *Протекціи*, А. Голосова (№ 1); *Экскружной* (ibid.); *Матушка-старина*, И. Кушнерева (№ 2); *Блѣдный* (ibid.); *Сльдственное дѣло о нѣкоемъ Павлѣ Чичиковѣ*. Записки становаго пристава, В. Савинова (№ 3, 4 и 5); *Страшная доля*. Разсказъ П. Гайдебурова (№ 6); *Ниночка*. Повѣсть Н. Викторовой (№ 7, 8 и 9); *Замѣтка*, И. Кушнерева (№ 10); *Петръ Петровичъ Петроколенко* (отставной комиссіонеръ). Его личность, теорія и практика, А. А. (№ 16); *Самовольная порубка*. Очеркъ Ив. М—ва (№ 17).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Нѣсколько сутокъ на шоссейной дорожъ*, И. С—ва (№ 36 и 57); *Матеріалы для физиологій провинціального общества* (№ 7); *Замѣтки провинціального чиновника*, Н—скаго (№ 41 и 42); *Разсказы изъ вседневной жизни* (№ 56, 64, 69, 72, 76, 91, 94 и 98); *Старая пьсня на новый ладъ*, Ф. Сбоева (ibid. № 59 и 60).

Въ Одесскомъ вѣстникѣ: *Физиологическіе очерки*, Чибасова (№ 7, 11 и 30); *Романтическіе типы старосвѣтской Украйны*, Г. П. Данилевскаго (№ 21—22).

Въ газетѣ Кавказъ: *Очеркъ жизни Русскихъ чиновниковъ въ Закавказскомъ краѣ* (№ 6); *Путевыя замѣтки* (№ 9, 14, 15 и 16).

Въ Русскомъ дневникѣ: *Очеркъ землию дня*, С. Т. Аксакова (№ 1); *Записки провинціала* (№ 4 и 5); *Поѣздка по Волжѣ* (№

16, 17, 18, 19 и 20); *На станціи*. Разсказъ Печерскаго (№ 21); *Письма изъ Брусникова*, Н. Н. Г. (№ 23); *Разсказы знакома*, А. Утморта (№ 24 и 86); *Голосъ изъ провинціи*, К. (ibid. № 37); *Украинскіе сады*, Г. П. Данилевскаго (ibid. № 40); *Отрывочныя воспоминанія*, Н. Варадинова, Сергѣя Жихарева, Т. К. (№ 53, 54, 55, 56, 57 и 58); *Письма къ автору «Записокъ провинціала»*, Я. Ж. (№ 62); *Услонъ*, Н. Б. (ibid. № 64); *Архангельскіе очерки*, В. Андреева (№ 75); *Народныя посьрья* (№ 83).

Въ Русской газетѣ: *Изъ воспоминаній охотника* (№ 3 и 4); *Долгій извощикъ*, Е. Маркова (№ 7); *Мои первыя строки въ Москвѣ*, А. Надеждина (№ 10); *Деревенскія легенды*, Кривичкаго (№ 12, 13 и 15).

Въ Шехеразадѣ: *Новый годъ*. Фантазія (№ 1 и 2); *Что такое жизни?* (№ 1); *Маска*. Разсказъ Н. С. (№ 6); *Замужняя дѣвушка*. Романъ въ 3 частяхъ, Е. Н. Бутковскаго (№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16); *Масляница прогресса* (№ 7); *Первые уроки всеобщей науки*. Повѣсть П. Дмитріева (№ 10 и 11); *Этюды изъ обыденной жизни нашего губернскаго города Мытиновска*, А. Станицкаго (№ 16).

Въ Читеніи для солдатъ: *Разговоръ на завалинкѣ*, К. Т. (кн. 1); *Праздникъ Георгиевскихъ кавалеровъ*, В. К. (ibid.); *Письма гвардейскаго унтеръ-офицера къ старому товарищу отставному однополчанину* (ibid.); *О прежнемъ и настоящемъ довольствіи солдатъ* (разговоръ Чесменскаго инвалида съ сыномъ гвардейскимъ фельдфебелемъ) (кн. II); *Воспоминаніе о Кавказской боевой жизни* (ibid.)

Изъ переводныхъ сочиненій замѣчательны слѣдующія: *Изъ реимстратуры*. Разсказъ Конрада Эрнста (Отеч. зап. № 1); *Глупости*. Разсказъ Темме (ibid. № 2); *Каторжникъ*. Изъ разсказа Диккенса (ibid.); *Леди Лодлоу*. Романъ изъ журнала Диккенса (№ 3 и 4); *Элиза Мери*. Письма трехъ дѣвушекъ. Повѣсть Эрнеста Серра (Совр. № 2); *Пустой домъ*. Новый святочный разсказъ Диккенса (№ 3); *Утрата*. Разсказъ изъ Диккенсова журнала (ibid.); *Корсисъ*. Повѣсть Жоржа Санда (№ 4); *Два свѣта*. Повѣсть Крашевскаго (Библ. для чт. № 1); *Контрасты*. Разсказъ Гартмана (ibid.); *Исторія Маши Леско и кавалера де-Григ*. Романъ въ 2 частяхъ аббата Прево (ibid.); *Ромео и Джульета въ деревнѣ*. Пов. Готфрида Келлера (ibid.); *Мышки и патенты*. Романъ Жюля Сандо (ibid. № 4); *Пельямъ или приключенія джеггльмена*. Романъ Эдуарда Бульвера, перев. съ Англ. (ibid. № 4); *За плугомъ*

Романъ Леопольда Комперта (Русск. вѣст. № 1, 2, 3 и 4); *Одно въ другомъ*. Повѣсть Фернана Кавальеро, съ Испан. (ibid. № 5 и 6); *Бобъ-Рокъ*. Эпизоды изъ времени освобожденія Техаса 1832 году, Чарльза Сильсфильда (№ 7 и 8); *Великій трагикъ*. Разсказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ», Аполл. Григорьева (Русск. слово № 1); *Мать-магометанка*. Разсказъ Англичанина (Моск. вѣд. № 51); *Гизола Кочьянимико*. Болонская хроника XIII столѣтія (Шехер. № 1, 2, 3, 4, 5 и 6); *Шиффонета*. Повѣсть Луи Эне (№ 4 и 5); *Напасти на аптекаря*. Разсказъ В. Эртеля (№ 8); *Полицейскій комиссаръ* (№ 13); *Человѣкъ съ правилами*. Разсказъ изъ Шведскаго быта (№ 4); *Сцены изъ Фламандской жизни Консьянса*: 1) *Бѣдный дворникъ*. 2) *Дочь лавочника*. — *Зиска фонъ-Роземаль* (Разсвѣтъ № 1); *Героиня романа Эмили Карленъ*. Перев. съ Шведскаго Н. Шпилевской (ibid. № 2); *Староста Олштынскій*, А. Косиньскаго (№ 2); *Милочка*, де-сенъ-Жермена (ibid.).

XII. СВОБОДНЫЯ ХУДОЖЕСТВА.

По части свободныхъ художествъ явились слѣдующія статьи: *Нѣсколько словъ о покойномъ академикѣ П. А. Федотовѣ* (От. зап. № 1); *Объ Ивановѣ и его картинѣ*, П. М. Ковалевскаго (ibid. № 3); *Классическая археологія*, К. К. Герца (Атен. № 3); *Объ отношеніи содержанія и формы въ искусствѣ*, Ф. Фишера (ibid.); *Левъ св. Марка въ Венеціи* (ibid. № 5); *Мнѣніе иностранцевъ о картинѣ Иванова: «Явленіе Христа народу»* (Сынъ от. № 6); *Лекціи г. Спрова о музыкѣ*, Юлія Арнольда (ibid. № 10); *Воскресенскій монастырь, именуемый Новымъ Иерусалимомъ* (Жив. библи. № 2); *Воздвиженіе креста*. Снимокъ съ стѣннаго образа въ Исакиевскомъ соборѣ (ibid. № 2); *Главный храмъ въ Новомъ Иерусалимѣ* (ibid. № 3); *Воспоминаніе объ артисткѣ Раиселі* (ibid. № 6); *Іоаннъ Себастьянъ Бахъ* (ibid. № 7); *Иностранное описаніе Русскихъ сокровищъ искусства* (ibid. № 11); *Конкурсъ на проектъ памятника тысячелѣтія Россіи* (Сѣв. пч. № 19); *Художественная выставка въ залахъ Московскаго училища живописи и ваянія*, Н. О. фонъ-Крузе (ibid. № 26 и 28); *Гольбергъ, сатирикъ и основатель театра въ Даніи* (ibid. № 79); *Нѣсколько словъ о выставкѣ академика Шебуева* (Русск. газ. № 65).

— «Нѣсколько словъ о покойномъ академикѣ П. А. Федотовѣ».

—Изъ этой довольно живой и бойкой, хотя и коротенькой, біографіи представителя нашей натуральной школы живописи, заимствуемъ для нашихъ читателей отрывокъ, въ которомъ вѣрно изображены достоинства произведеній этого художника. «Поэзія живописи Федотова—поэзія отрицательная. Какъ человѣкъ образованный, онъ слѣдилъ за вѣкомъ, и въ то время, когда въ нашей литературѣ образовалась натуральная школа, въ живописи явился Федотовъ съ своимъ разумнымъ жанромъ. Говорю *разумнымъ*, потому что изображенія харчевни или рынка и т. п. произведенія считаю только рабскимъ подражаніемъ природѣ, безъ всякой цѣли; при всемъ мастерствѣ кисти и нѣрности рисунка, такія картины не имѣютъ значенія истинно-художественныхъ произведеній. Во всякомъ художественномъ произведеніи должна быть идея, и въ этомъ-то отношеніи особенно замѣчательнъ П. А., хотя кисть его не отличается особенною живостью и блестящимъ колоритомъ. Каждое, даже самое ничтожное изъ его произведеній имѣетъ прекрасную цѣль и проникнуто живою мыслью. Оттого-то въ его картинахъ нѣтъ ничего необъяснимаго, ничего не нужнаго или эффектнаго; все просто, естественно, понятно каждому; каждое лицо, каждый аксессуаръ необходимы и служатъ другъ другу дополненіемъ и объясненіемъ. Любопытно было прислушиваться къ молвѣ народной около его картинъ на выставкѣ. Каждый могъ объяснить ихъ, разбирая всѣ лица и не упуская изъ виду главной идеи. Самъ Федотовъ любилъ для своихъ соображеній бывать въ этой толпѣ и слышать ея толки. Помню, какъ однажды мы застали его на выставкѣ дежурнымъ. Около его картинъ стояла толпа народа. Его лицо сіяло удовольствіемъ—это было торжество его. Онъ провелъ нашихъ дамъ впередъ и въ стихахъ сталъ рассказывать содержаніе каждой картины на радость всѣхъ зрителей. Удовольствіе его было особенно понятно тому, кто зналъ, чего стоили ему его работы, какъ долго онъ ихъ задумывалъ, обдумывалъ, компоновалъ, наконецъ, сколько употреблялъ на нихъ чисто-механическаго труда: ибо, прежде чѣмъ перенести какой-нибудь предметъ на полотно, онъ рисовалъ его нѣсколько разъ съ натуры. Мельчайшіе аксесуары: дерево, бронзу, хрусталь онъ изучалъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и любовью. Сбираясь писать картину «Пріѣздъ Государа Императора въ институтъ», чтобы лучше изучить освѣщеніе и расположить группы, онъ склеилъ модель залы изъ картона, а институтками служили горошины: каждую гороши-

ну онъ перетягивалъ ниткой къ бумажкѣ, низъ которой подрѣзалъ вокругъ и распускалъ въ видѣ юбки. Такихъ горошинъ онъ наготовилъ до сотни и, устанавливая ихъ различными группами въ своей аршинной залѣ, любовался игрою свѣта и тѣни при перемѣщеніи куколокъ, а лицо своей вдовушки, въ картинѣ того-же имени, передѣлалъ по-крайней-мѣрѣ разъ двадцать. «Живопись требуетъ добросовѣстности», говорилъ онъ. «Пожалуй, я настолько съумѣю, чтобъ обмануть глазъ другихъ, но не всѣхъ и не самого себя. Всякая невѣрность рѣжетъ мнѣ глаза. Чтобъ картина была хороша и не конфузила художника, нужно, чтобъ она была вѣрна по мысли и по кисти. Терпѣть не могу напихъ портретовъ: они всѣ невѣрны; развѣ рѣдкіе, писанные великими мастерами. Можно-ли уловить душу человѣка, пришедшаго именно съ тою цѣлью, чтобъ съ него писали портретъ? Что такое выражаетъ лицо его во-время сеанса? Чѣмъ онъ занятъ, чѣмъ развлеченъ? Сидитъ, не смѣя шевельнуться. Великіе художники имѣютъ способность прозирать и улавливать душу даже въ такіе глупые моменты бессмысленной неподвижности. Впрочемъ, я все-таки полагаю, что портретъ долженъ быть историческою картиной, въ которой изображаемое лицо было-бы дѣйствителемъ: тогда только въ немъ будетъ смыслъ, жизнь и видѣнъ характеръ того, съ кого пишутъ». Кажется, П. А. дѣлалъ опыты въ этомъ родѣ и написалъ прекрасную семейную картинку: отецъ, куря папирску, пускалъ шутя дымъ въ своего ребенка, а мать, смѣясь, разгоняетъ этотъ дымъ, чтобъ дитя не закашлялось. По-поводу портретовъ Федотовъ рассказывалъ презабавный случай, какъ однажды онъ взялся написать портретъ какого-то господина. Этотъ пріѣхалъ къ художнику одѣтый въ лучшее платье, завитой, напомаженный, съ великолѣпною булавкой на галстухѣ, съ драгоценными запонками на манишкѣ и брильянтовымъ перстнемъ на рукѣ. Федотовъ, усаживая его, сложилъ ему руки нарочно такимъ-образомъ, что спряталъ блестящій перстень, и ожидалъ, что изъ этого выйдетъ. «Не успѣлъ я взяться за шѣлкъ», говорилъ П. А., «гляжу, а великолѣпный палецъ какъ будто нечаянно выползаетъ наружу и наконецъ выползъ совершенно. Вонъ какъ эти люди понимаютъ искусство!» Самъ П. А. понималъ искусство такъ, какъ понимаютъ его немногіе изъ Русскихъ художниковъ. Кромѣ природнаго ума и прекрасной души, этому много способствовало образованіе, котораго почти не имѣютъ наши живописцы, и чтеніе, которому посвящалъ онъ время,

не позволявшее заниматься живописью. Тутъ онъ становился поэтомъ и часто перомъ досказывалъ то, чего нельзя передать кистью. Многія изъ стихотвореній его весьма удачны, и такова судьба его поэтическихъ произведеній, что его стихи нравились величайшему изъ нашихъ живописцевъ, Брюлову, а картины—знаменитому писателю Гоголю. Гоголь долго стоялъ надъ ними, какъ рассказывалъ самъ П. А., и находилъ ихъ совершенно-оригинальными, а Брюловъ сначала даже разсердился на художника за то, что онъ пишетъ перомъ въ то время, когда ему слѣдуетъ писать кистью, и, вѣроятно, какіе-нибудь дожинные стишонки. «Но я не оробѣлъ, рассказывалъ П. А., а попросилъ позволенія прочесть. Брюловъ слушалъ внимательно и наконецъ помирился съ моими стихами». Я думалъ, что хуже, сказалъ онъ, но у тебя есть талантъ; и хотя кистью владѣешь ты лучше, однако этакіе стихи писать не грѣшно. Кромѣ поэзіи, Федотовъ любилъ и музыку. Онъ игралъ довольно-пріятно на гитарѣ, съ аккомпаниментомъ которой пѣлъ романсы своего сочиненія и солдатскія пѣсни, оставшіяся по немъ вѣчною памятью въ 1-г. Финляндскомъ полку. Голосъ у него былъ баритонъ сильный и пріятный; пѣлъ онъ однакожь не такъ хорошо, какъ декламировалъ стихи: въ этомъ искусствѣ онъ былъ неподражаемъ. У него не было ни жестовъ, ни неистовыхъ криковъ, но самая благородная манера передавать чрезвычайно-выразительно смыслъ каждаго стиха, силу каждаго слова. Впрочемъ, онъ болѣе любилъ декламировать что-нибудь сатирическое, нежели трагическое; всего-же лучше рассказывалъ басни Крылова и многія изъ своихъ стихотвореній. Такія способности, всѣ касавшіяся области изящнаго, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на поминаніе искусства. Искусство было для него святыня, требующая отъ жрецовъ своихъ евангельской чистоты. Умъ и душа художника должны быть яснымъ зеркаломъ, отражающимъ все созданіе Божіе, но остающимся всегда яснымъ и чистымъ, несмотря на тѣ темныя стороны, которыя придется узнать ей при изученіи челоуѣства. Всѣ чувства, всѣ страсти, всѣ слабости людскія должны быть доступны и извѣстны поэту, но единственно для того, чтобъ онѣ показали ему, какъ долженъ дѣйствовать божественный талантъ на пользу ближняго, доставляя ему своими созданіями эстетическое наслажденіе, возвышающее умъ и душу. Но, при такомъ взглядѣ на искусство, положительный путь труденъ; для него нужно быть гениемъ. П. А. понималъ это и не бывалъ на Олимпѣ, даже

не рѣшался брать серьезныхъ, историческихъ сюжетовъ, не желая быть похожимъ на тѣхъ художниковъ, которые, написавъ румяную, полногрудую дѣву, готовы вѣрить, что это Венера Медицейская, а торсъ дюжого натурщика выдавать за Геркулеса Фарнезскаго. Онъ занимался сначала только тѣмъ, что было ему по силамъ — сюжетами, развитію которыхъ способствовалъ его природный сатирическій умъ и наблюдательность, и помогала та степень образованности, какой могъ онъ достигнуть, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ и довершая его чтеніемъ книгъ на досугѣ. Такимъ разумнымъ выборомъ сюжетовъ лучше всего доказывается его уваженіе къ искусству и талантъ. Посредственность всегда гонится за тѣмъ, чего не можетъ понять и выполнить, но его картины возбуждаютъ смѣхъ не безъ цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе-продолжительной дѣятельности, онъ возвелъ-бы свой *жанръ* на степень современной исторической живописи, въ полномъ смыслѣ слова, и своими произведеніями, вмѣсто смѣха, вызвалъ-бы изъ глазъ соотечественниковъ благородныя слезы: по-крайней-мѣрѣ, послѣдняя его картина, «Вдовушка»; дѣйствуетъ именно такимъ образомъ; но и въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ своемъ родѣ, между нашими художниками ему нѣтъ соперниковъ. Все, что подражало ему, илишло съ нимъ по одной дорогѣ, не могло съ нимъ сравниться. Онъ нашъ первый оригинальный Русскій жанристъ, самобытный талантъ, одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которая въ нашъ коммерческій вѣкъ была способна отрѣшиться отъ всякихъ почестей и выгодъ ради искусства. Покойный Императоръ много помогалъ бѣдному художнику. Находясь въ отставкѣ, Федотовъ получалъ содержаніе изъ государственнаго казначейства, пользовался деньщикомъ и такимъ образомъ могъ существовать почти безбѣдно, что давало ему возможность слѣдовать своему призванію. Безъ такого пособія, его талантъ, можетъ быть, остался-бы неразвитымъ, и Россія не имѣла-бы одного изъ своихъ замѣчательныхъ художниковъ. Она и то лишилась его рано, безвременно. Въ альбомѣ П. А. была картинка, подъ заглавіемъ «Федотовъ въ старости». Онъ изобразилъ себя больнымъ, обвязаннымъ тряпками и пишущимъ вывѣски для прокормленія своего многочисленнаго семейства, наполняющаго бѣдную комнату. Но судьба его едва-ли не ужаснѣе. Онъ — сошелъ съ ума!»

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ, мы замѣтимъ слѣдующія: *Вѣсти отовсюду, М.*

Равнапорта (№ 1, 3—11, 13, 15 и 16); А. Н. Верстовскій (№ 1); Карлъ-Маріа Веберъ (№ 2, 6, 8 и 10); Лекціи Сьрова (№ 2); Библиографія Донъ-Жуана, К. Званцова (№ 6, 7, 8 и 9); Юность Бетховена (№ 11 и 12); Викторъ Чесотъ (№ 15); Критическія замѣтки, А. Г—фова (№ 16).

ХІІІ. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Въ Журналѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій помѣщены слѣдующія статьи: Мостъ чрезъ р. Вислу въ Диршау и чрезъ р. Ноатъ въ Маріенбургъ (№ 1); Кругобайкальская дорога, Штукенберга (ibid.); О существующихъ и вновь предполагаемыхъ телеграфныхъ линіяхъ въ Россіи (ibid.); О новыхъ товарныхъ паровозахъ на Николаевской желѣзной дорогѣ (ibid.); Состояніе работъ на Рижско-Динабургской желѣзной дорогѣ (ibid.); О работахъ, произведенныхъ въ 1858 г. по устройству Московско-Нижегородской желѣзной дороги (ibid.); Вѣсти по строительной части съ Кавказа (ibid.); Перестройка Каменноостровскаго моста въ С. Петербургѣ (ibid.); Лекціи объ электрическихъ телеграфахъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія (ibid.); Дневное лоцмана (ibid.); Правила для пассажировъ на частныхъ рѣчныхъ пароходахъ (ibid.); Рѣчь, произнесенная г. Фербекомъ въ Британскомъ обществѣ развитія наукъ, въ Лидсѣ (ibid.); Усовершенствованіе электромагнитнаго телеграфа Морзе (ibid.); Прогарныя трубки изъ мѣди и желѣза (ibid.); Обзоръ внутренняго судоходства въ Россіи за 1858 годъ (ibid.); Свѣдѣнія о движеніи по Николаевской желѣзной дорогѣ, за январь 1857 г. (ibid.); Проектъ дороги чрезъ хребетъ Кавказскихъ горъ между урочищемъ Квишеты и станціею Коби, Статковскаго (№ 2); Общія соображенія къ проектированію деревянныхъ мостовъ раскосной системы Гау съ желѣзными поясами, Журавскаго (ibid.); О желѣзныхъ дорогахъ съ крутыми скатами и машинахъ, употребляемыхъ на этихъ дорогахъ, Шуберскаго (ibid.); О гидротехническихъ работахъ къ улучшенію судоходства въ устьяхъ Дуная, Тизенгаузена (ibid.); Статистическій очеркъ мѣстъ находженія, добыванія и доставки, употребляемыхъ въ Таврической губерніи, Соханскаго (ibid.); О произведенныхъ въ 1858 г. работахъ для улучшенія Маріинской системы (ibid.); О предполагаемомъ пониженіи горизонта Чудскаго озера

(*ibid.*); *Выводы опытовъ, произведенныхъ на Александровскомъ главномъ техническомъ заводу надъ сопротивленіемъ разрыву котельнаго желѣза* (*ibid.*); *Чугунныя трубы на Тульскомъ шоссе* (*ibid.*); *Опытъ устройства торцовой мостовой въ Варшавѣ* (*ibid.*); *Судоходная карта верховьевъ рѣки Волги* (*ibid.*); *Водоснабженіе С. Петербурга* (*ibid.*); *О работахъ, произведенныхъ въ 1858 г. на Петергофской желѣзной дорогѣ въ 1858 г.* (*ibid.*); *Извлеченіе изъ отчета общества Царскосельской желѣзной дороги за 1858 годъ* (*ibid.*); *Извлеченіе изъ отчета правленія общества Рижско-Динабургской желѣзной дороги* (*ibid.*); *Некрологъ инженера Дарси* (*ibid.*); *Новости по части телеграфовъ въ Россіи* (*ibid.*). Сверхъ-того въ отдѣлѣ библіографіи этого журнала разсмотрѣно пять новыхъ изданій по строительному искусству и практической механикѣ на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

— «О существующихъ и вновь предполагаемыхъ телеграфныхъ линіяхъ». — «Къ концу 1855 года у насъ находились въ дѣйствиіи, кромѣ телеграфа, собственно Николаевской желѣзной дорогѣ принадлежащаго, слѣдующія электромагнитныя линіи:

1) Отъ Петербурга до Кронштадта въ два провода на протяженіи.....	44 ¹ / ₂ версты.
2) Отъ Петербурга до Гатчины, въ три провода, отъ Гатчины чрезъ Динабургъ и Ковно до Маріамполя, въ два провода и далѣе до Варшавы одинъ проводъ.....	1,075 »
Отъ Маріамполя до Прусской границы при Эйдкуненѣ, въ одинъ проводъ.....	41 верста.
3) Отъ Варшавы до Австрійской и Прусской границы, при станціи Границѣ, въ два провода..	302 ¹ / ₂ »
4) Отъ Динабурга до Риги, въ одинъ проводъ.	220 »
5) Отъ Гатчины чрезъ Нарву до Ревеля, въ одинъ проводъ.....	340 »
6) Отъ С. Петербурга до Москвы, въ одинъ проводъ, и оттуда, чрезъ Довскъ, Кіевъ, Кременчугъ и Николаевъ до Одессы, въ одинъ проводъ.....	2,184 ¹ / ₄ »
7) Отъ Николаева чрезъ Перекопъ до Симферополя, въ одинъ проводъ.....	340 »
8) Отъ Петербурга чрезъ Выборгъ, Коувалу и Ментселе до Гельсингфорса, въ одинъ проводъ.	447 ³ / ₄ »

9) Для сообщенія Императорскихъ дворцовъ и вспомогательныхъ линій.....	13 $\frac{1}{2}$	верста.
Итого на протяженіи...	5,008 $\frac{1}{2}$	версты.
Проводовъ.....	6,166 $\frac{1}{4}$	»
Станцій.....	26	»

Съ 1855 года по настоящее время устроены еще:

1) Второй проводъ по С. Петербурго-Московской линіи 614 верстѣ и новая вѣтвь этой линіи въ Кремлевскій дворецъ, въ три провода.....	6 $\frac{2}{3}$	версты.
2) Вѣтвь отъ Николаево-Перекопской линіи къ Херсону, въ два провода.....	3 $\frac{1}{2}$	»
3) Второй проводъ отъ Гельсингфорса до Ментселе 65 верстѣ и новая линія отъ Ментселе чрезъ Тавастгусъ до Або, въ одинъ проводъ....	234	»
4) Новая линія отъ Москвы чрезъ Владимірѣ до Нижняго-Новгорода, въ одинъ проводъ, на протяженіи.....	379	»
5) Отъ Москвы чрезъ Тулу до Орла, въ одинъ проводъ.....	340	»
6) Отъ Кіева чрезъ Житомирѣ и Ровно до Радзивилова на Австрійской границѣ, въ одинъ проводъ.....	403	»
7) Отъ Ревеля чрезъ Ригу и Лябаву до Палангена на Прусской границѣ, въ одинъ проводъ.	683	»
8) Между Царскимъ Селомъ, Краснымъ Селомъ и Гатчиною.....	77	верстѣ.
9) Отъ Краснаго Села до Петергофа, для передачи депешъ въ лагерное время.....	20	»
10) Второй проводъ отъ Маріамполя до Прусской границы при Эйдкуненѣ.....	102	»
11) Вѣтвь отъ С. Петербурго-Варшавской линіи къ Пскову, въ четыре провода.....	6	»
12) Второй проводъ отъ Житомира до Ровно 172 версты и новая линія отъ Ровно до Варшавы.	444	»
13) Отъ Житомира до Одессы, въ одинъ проводъ.....	497	»
Итого новыхъ линій...	3,093 $\frac{1}{6}$	верстѣ.
Проводовъ.....	4,080	»
Станцій.....	24	»

Всѣ эти нынѣ дѣйствующія-телеграфныя линіи соединяють съ С. Петербургомъ и съ заграничными линіями 17 губернскихъ городовъ: Ревель, Ригу, Митаву, Псковъ, Ковно, Варшаву, Владимірь, Нижній-Новгородъ, Тулу, Орелъ, Тверь, Москву, Черниговъ (*), Кіевъ, Житомиръ, Херсонъ и Симферополь.

Общее протяженіе всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время телеграфныхъ линій	8,101 $\frac{2}{3}$	версты.
Проводовъ	10,246 $\frac{1}{3}$	»
Станцій	50	»

Сверхъ-того нынѣ устраиваются и разрѣшены уже къ устройству новыя телеграфныя линіи:

1) Отъ Орла чрезъ Курскъ, Харьковъ и Полтаву до Кременчуга, въ одинъ проводъ	612	версть.
2) Отъ Херсона, по прибрежью Азовскаго моря, до Новочеркасска въ одинъ проводъ	687	»
Итого	1,299	версты.

Общее протяженіе предполагаемыхъ на 1859 и 1860 годы новыхъ телеграфныхъ линій составить	6,944	версты.
Добавочныхъ проводовъ по столбамъ существующихъ линій	2,165	»
Станцій	58	»

Въ совокупности-же съ телеграфами, существующими и нынѣ уже устраиваемыми, будетъ:

Линій	16,344 $\frac{2}{3}$	версты.
Проводовъ	20,654 $\frac{1}{3}$	»
Станцій	121	»

Къ отдѣлу математическихъ наукъ относятся также статьи: *Новое усовершенствованіе паровой машины*, Я. И. Вейнберга (Атен. № 4); *Автоматическій пишущій телеграфъ*, Чарльса Уитстана (Русск. дневн. № 36).

XIV. Военныя науки.

Въ Военномъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Сраженіе при Альмъ*, Енишерлова, изъ соч. Герѣна перев. съ

(*). Въ Черниговѣ нѣтъ еще телеграфной станціи, но предполагено устроить такуюю.

Француз. (№ 1); *Отвѣтъ Вуншу*, Кирьякова (№ 1); *Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ*. Изъ составленной Богдановичемъ по Высочайшему соизволенію «Исторія войны 1812 года» (ibid.); *Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Англантъ*, Окольниковъ (ibid. № 2, 3 и 4); *О сбереженіи оружія* (ibid. № 1); *О необходимости измѣненія правилъ ремонта кавалеріи*, командира кавалерійскаго полка (ibid.); *Записки кавалериста. Походъ*, Безъимяннаго (ibid. № 2); *Письмо изъ Хивы*, Н. Загѣсова (№ 1); *О новомъ способѣ отопленія, хлѣбопеченія и приотворенія пиши*, Н. Крита (ibid. № 2); *Нѣсколько словъ по поводу лекцій Киттары* (№ 1); *Военное обозрѣніе*, Х. Г. Окерблома и Н. Глиноецкаго (ibid. № 2, 3 и 4); *Нѣсколько словъ о кавалеріи вообще и о Русской въ-особенности*, барона Н. Медема (№ 2); *О принятыхъ въ Европѣ системахъ довольствія войскъ обмундированіемъ и о применимости ихъ къ Россіи*, М. Аполева (ibid.); *Мысли по поводу статьи г. Анчикова: «О способахъ снабженія войскъ обмундированіемъ»*, Александра Митропича (ibid.); *Копія съ письма, писаннаго генераломъ Коновницкимъ, января 1816 года, Изъ Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу* (ibid.); *Правила для обхожденія съ нижними чинами 12-й пѣхотной дивизіи*. Приказъ начальника 12-й дивизіи, генералъ-лейтенанта, графа Михаила Семеновича Воронцова (ibid.); *Взглядъ на постепенное образованіе рекрута и солдата*, В. П. (ibid.); *Военныя силы Германіи и развитіе ихъ въ новѣйшее время*, соч. Ю. Виккеде. Перев. съ Нѣмецкаго фонъ-Гильденштуббе (ibid.); *Кое-что о грамотности въ войскахъ*, А. М. (№ 3); *Изъ замѣтокъ пролѣжаго* (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу статьи, помѣщенной во 2-мъ № Военнаго сборника 1858 г., «О пользѣ грамотности Русскаго войска*, Ополченца (ibid.); *Еще нѣсколько словъ по поводу статьи № 3 Военнаго сборника 1858 г. «Объ устройствѣ школъ въ войскахъ»*, его-же (ibid.); *Подъ Карсомъ со 2-го августа по 1-е декабря 1858 г.* И. Писарскаго (ibid.); *О введеніи наръзнаго оружія въ Кавказской арміи*, В. Г. . . на (ibid.); *Объ искусствѣ фектованія пикой*, А. Деюлина (ibid.); *Солдатскій сапожный товаръ*. Выдѣлка сапожнаго товара, его свойства, раскройка и прѣемка. (Извлеченіе изъ чтеній проф. Киттары) (ibid. № 4); *Публичныя бесѣды при артиллерійской академіи 1859 г.*, Николая (№ 8); *Нѣсколько словъ о вліяніи новаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія на*

артиллерію (ibid.); *Краткій обзоръ военныхъ дѣйствій въ Верхней Венгріи, отъ времени вѣнцательства Россіи до положенія оружія Венгерскими войсками при Виллагосъ*, Артура Гергея (ibid.); *Встрѣча со старымъ знакомымъ*, В. В....а (ibid.); *Предложенія о лучшемъ устройствѣ Русскаго войска, сдѣланныя съ начала XVIII столѣтія*, К. Кемница (№ 4); *Описаніе Севастополя и его окрестностей* (ibid.); *Замѣтки о Крымской войнѣ*, А. Циммермана (ibid.); *Переводъ письма генерала кн. Петра Дмитриевича Горчакова, къ автору «Сочиненія о Крымской войнѣ» Герену* (ibid.); *Очеркъ изъ быта войскъ въ военное время*, П. Лѣновскаго (ibid.); *О перевозѣ командъ изъ нижнихъ чиновъ на пароходахъ обществъ: Кавказъ, Меркурій и Самолетъ* (ibid.); *Отвѣтъ на нѣсколько замѣчаний г. Павловскаго на статью «О полковыхъ и баталіонныхъ инструкторахъ»*, Н. Островерхова (ibid.); *Ведень* (ibid.).

— «Взглядъ на постепенное образованіе рекрута и солдата». — Въ этой замѣчательной статьѣ, авторъ, исчисляя причины, препятствующія образованію рекрута, между прочимъ говоритъ: «На обращеніе начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ съ рекрутами прежде всего имѣетъ значительное вліяніе примѣръ начальниковъ — офицеровъ. Недостаточно-развитые въ нравственномъ отношеніи, многіе изъ нихъ весьма неясно понимаютъ чувства снисходительности и необходимаго терпѣнія при обученіи рекрутъ. Считая ихъ ниже себя потому только, что они полные невѣжды въ знаніи служебныхъ обязанностей и фронтовомъ образованіи, они, и въ особенности унтеръ-офицеры, часто позволяютъ себѣ обращаться съ рекрутами съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и нерѣдко, безъ всякаго сожалѣнія, назначаютъ ихъ во всѣ трудныя и непріятныя работы. Поднять взглядъ такихъ начальниковъ, достаточно объяснить имъ весь вредъ подобнаго обращенія, — конечно, первая обязанность завѣдующаго рекрутскою школою. Къ-сожалѣнію, до-сихъ поръ еще многіе изъ насъ, сами весьма снисходительные и благо-разумно-терпѣливые, весьма дорожатъ и крѣпко держатся за такихъ усердныхъ унтеръ-офицеровъ, и, сдерживая себя, сквозь пальцы смотрятъ на ихъ крутое и рѣзкое обращеніе съ нижними чинами. Но такъ искренно, хотя иногда, можетъ быть, и тщетно, желая умѣренности въ обращеніи своихъ начальниковъ, такъ часто осуждая за несдержанность въ выраженіяхъ при замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ намъ другими, не слѣдуетъ-ли и намъ самимъ, въ свою очередь, позаботиться о такой-же умѣренности въ подчи-

ненныхъ намъ начальникахъ изъ нижнихъ чиновъ, тѣмъ болѣе, что на строгое обращеніе ихъ почти никогда не приносится жалобъ, особливо рекрутами, и весьма часто узнаешь о немъ только изъ слѣдственнаго дѣла по случаю побѣга, словомъ, когда эта неразборчивая строгость принесла уже очень невыгодные результаты. Говоря вообще о должномъ обращеніи начальниковъ съ подчиненными, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что начальникъ — офицеръ-ли онъ, или изъ нижнихъ чиновъ — никогда не долженъ быть злопамятенъ. Взыскавши съ подчиненнаго за какой-бы то ни было проступокъ, не слѣдуетъ, вспоминая о немъ, попрекать провинившагося. Ничто такъ разрушительно не дѣйствуетъ на возможность исправленія солдата, какъ частые попреки. Вообще требованія, доведенныя до мелочности и придирчивости, только раздражаютъ подчиненнаго, а это раздраженіе, безъ сомнѣнія, должно имѣть вліяніе и на весь правильный ходъ и исполненіе служебныхъ обязанностей. Мы думаемъ, что для успѣшнаго и естественнаго исполненія своихъ обязанностей, весьма еще мало, если подчиненные уважаютъ въ начальникѣ только начальника, т.-е., чинъ и званіе. Чтобы весьма важное это дѣло шло хорошо, ровно и разумно, надобно нѣчто болѣе наружнаго уваженія, а чтобы пріобрѣсти такое необходимое условіе, не бесполезно, конечно, заботясь о своихъ подчиненныхъ, позаботиться и о самомъ себѣ и имѣть столько твердости и благоразумія, чтобы безпристрастно обсудить и взвѣсить то, что, такъ или иначе, можетъ нарушить нравственныя отношенія начальника со своими подчиненными, тѣмъ болѣе, что «боятся себя заставишь, а любить не принудишь». Какъ рѣзко-вопіющее обыкновеніе противъ только-что нами высказаннаго, мы должны выставить пагубную привычку нѣкоторыхъ имѣть наушниковъ, или тайныхъ пересказывателей и наперсниковъ. Желая ближе ознакомиться со своими подчиненными, войти въ нѣкоторыя подробности ихъ домашняго быта и даже образа мыслей, и не умѣя пріискать для этого другихъ болѣе приличныхъ средствъ, иногда прибѣгаютъ именно къ такому неблагонамѣренному способу, считая его легчайшимъ, и не обращая вниманія на то, что подобное пересказываніе, вредя нравственно подчиненному и самому начальнику, допускающему его еще больше вредить общему порядку и тѣмъ нравственнымъ отношеніямъ, о необходимости которыхъ мы только-что говорили, потому-что надо быть весьма недалководиднымъ, чтобы безотчет-

но положиться на слова одного лица, часто изъ-за какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей и личныхъ непріятностей дѣйствующаго враждебно противъ людей, безупречно-честныхъ и совершенно-безвинныхъ. Всякое неудовольствіе, каждая жалоба должны быть громко высказаны подчиненнымъ предъ начальникомъ, и никакіе наговоры и секретныя сообщенія не должны имѣть мѣста въ этомъ случаѣ. Приучая подчиненныхъ нижнихъ чиновъ къ возможной откровенности, не слѣдуетъ, конечно, добиваться ее какими-бы то ни было крутыми мѣрами и вообще принужденіемъ, тѣмъ болѣе, что такой способъ скорѣе всего поведетъ къ еще большому отчужденію и скрытности, и что сближенія съ ними и откровенности можно достигнуть, только входя въ ихъ бытъ, стараясь узнать ихъ нужды и потребности, — словомъ, умѣя завести съ ними не только служебныя, но и человѣческія отношенія. Такимъ образомъ, слѣдуя высказаннымъ нами правиламъ, можно надѣяться, что и рекрутъ скорѣе привыкнетъ къ новому для него военному быту, и искреннѣе и тверже привяжется къ своимъ ближайшимъ начальникамъ».

Въ Военномъ журналѣ (№ 1) напечатаны слѣдующія статьи: *Матеріалы для исторіи войны 1812 года; Суворовъ въ Италіи и въ Швейцаріи* (изъ записокъ графа К. Ѳ. Толія); *Приказъ генерала Коновницкина войскамъ, расположеннымъ лагеремъ при Бьлицѣ, августа 26-го 1811 года; Индія въ послѣдніе два года; Военныя силы Франціи, Австріи, Германскаго союза и Швейцаріи; Новая нарпъзная пушка во Французской арміи; Пушка Армстронга*. Въ отдѣлѣ библіографіи рассмотрѣно шесть новыхъ изданій по военнымъ наукамъ на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

— «Военныя силы Франціи, Австріи, Германскаго союза и Швейцаріи». — Вотъ общіе выводы, извлеченные изъ настоящей статьи:

Составъ Французской арміи:	
Разрядовъ прежде 1858 г.	428,600
Въ отпуску	133,800
Разрядовъ 1858 г.	60,000
всего	672,400

Дѣйствующая Австрійская армія имѣетъ:

На мирномъ положеніи	348,052 чел. и 62,384 лошади.
На военномъ	» 674,079 » 100,224 »

Въ эти числа не включены ни комитетъ, ни штабъ артиллеріи. Военныя силы Германскаго союза въ мирное время простираются до 604,651 человекъ. Швейцарская армія, состоящая исключительно изъ милиціи, раздѣляется на три части: 1) отборныя федеральныя войска; 2) федеральный резервъ; 3) ландверъ. Собственно дѣйствующею арміею признаются войска отборныя и резервъ. Численность отборныхъ войскъ простирается до 70,000 и резервъ до 35,000. Слѣдов. Швейцарія можетъ выставить на границахъ своихъ 105,000 чел., и при-томъ въ весьма короткое время. Ландверъ состоитъ изъ людей, которые, достигнувъ сорокаго года, отчисляются отъ резерва.

— «Пушка Армстронга». — У Англичанъ есть теперь своя пушка. Генералъ Пиль, военный министръ, представивъ въ нижній парламентъ бюджетъ по своему департаменту, требовалъ, между прочимъ, ассигнованія 13,000 фунтовъ стерлинговъ (около 100,000 р. с.) для производства опытовъ надъ новыми пушками и надъ карабинами новаго образца. Министръ говорилъ, при этомъ случаѣ, много о пушкѣ капитана Армстронга, возбуждающей въ Англіи величайшій энтузіазмъ. Орудіе это, 18-фунтоваго калибра, есть нарѣзная пушка, изъ кованаго желѣза, вмѣющая только третью часть вѣса орудій нынѣ употребляемаго калибра; она заряжается съ казенной части и дѣйствуетъ сплошными и пустотѣлыми снарядами особенной формы и особеннаго свойства. Металлъ представляетъ необыкновенное сопротивленіе. Генералъ Пиль, неоднократно присутствовавшій при опытахъ, свидѣтельствуеетъ, что изъ Армстронговой пушки сдѣлано *тысяча триста* выстрѣловъ, безъ малѣйшаго поврежденія орудія. По отзыву министра, дальность новаго орудія, 32-фунтоваго калибра, при зарядѣ въ пять фунтовъ пороха, превосходитъ пять съ четвертью миль (около 4,250 сажень), при необыкновенной вѣрности дѣйствія. На разстояніи 3,000 ярдовъ дѣйствительность Армстронговой пушки относится къ дѣйствительности обыкновеннаго орудія, одинаковаго съ нимъ калибра, стрѣляющаго съ дистанціи 1,000 ярдовъ, какъ 7 къ 1. На разстояніи-же въ 1,000 ярдовъ, всякій выстрѣлъ попадаетъ въ цѣль, тогда-какъ изъ обыкновеннаго орудія, съ той-же дистанціи, попадаетъ, среднимъ числомъ, изъ 57 выстрѣловъ — одинъ. Къ этимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ генераломъ Пилемъ въ парламентскомъ засѣданіи, прибавлены подробности, которыя извлечены изъ Англійскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ.

По словамъ Англійскихъ журналовъ, пушка Армстронга есть такое изобрѣтеніе, которое можетъ произвести въ военномъ искусствѣ переворотъ равносильный произведенному паровыми машинами въ мореплаваніи и ударными замками въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи. Устройствомъ своимъ эта пушка походитъ на увеличенный карабинъ. Она легче и удобоподвижнѣ полевого орудія, хотя и длиннѣе его. Бросаемый ею снарядъ есть 18-фунтовое чугунное ядро, особеннымъ образомъ вставляемое въ другой металлъ, чтобы предохранить орудіе отъ вреднаго тренія. Прицѣльный выстрѣлъ равняется 1,000 локтямъ; но сила и скорость, сообщаемыя ядру, таковы, что, на разстояніи 9,000 локтей (почти 4 Англійскихъ миль или 6 нашихъ верстъ), оно пробиваетъ самыя толстыя дубовыя щиты. Другое важное достоинство Армстронговой пушки заключается въ поразительной мгновенности выстрѣловъ и точности прицѣливанія, достигаемой механическими средствами. На разстояніи 3,000 локтей попадали, довольно мѣтко, въ изображеніе всадника, а на разстояніи 1,000 локтей — въ сердце мишени, имѣвшее 9" въ діаметрѣ. Такъ-какъ Армстронгова пушка прицѣливается совершенно механическими средствами, и послѣ cadaго выстрѣла сама собою входитъ въ прежнее положеніе, то, извѣдавъ первыми выстрѣлами дальность обстрѣливаемого предмета, можно тотчасъ засыпать его градомъ снарядовъ, бросаемыхъ быстро, одинъ за другимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ, атака укрѣпленныхъ пунктовъ много выиграетъ отъ такого страшнаго орудія. Въ сраженіяхъ оно будетъ дѣйствовать, на разстояніи 1,000 локтей, съ убійственною мѣткостью штуцера Минье, да и на морѣ окажетъ, вѣроятно, существенныя, нынѣ еще не испытанныя, услуги».

Въ Инженерныхъ запискахъ (№ 1) помѣщены: *Нѣсколько словъ о производствѣ траншейныхъ работъ*, А. Снарскаго; *Краткое описаніе способа, употреблявшагося съ Севастополь для отрытки каменистаго грунта при возведеніи оборонительныхъ построекъ*, Н. Вошинна; *Австрійскій способъ воспламененія разрывныхъ снарядовъ*, кн. А. Гинглатта; *Разборъ сочиненія Прусскаго генерала Фрома: «Handbuch des Ingenieur-Dienstes»* (Berlin 1854), Эрнеста Эвертца; *Замѣчанія на статью Инженернаго журнала: «Древляныя батареи, покрытыя желѣзомъ»*, П. Рерберга; *О гальваническихъ проводникахъ*; *Замѣчанія на статью: «Новая система устройства каменныхъ приморскихъ батарей»*, помѣщенную въ Инженер-

номъ журналъ за 1858 г. № 3, Л. Жвирждовскаго. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено пятнадцать статей.

Въ Артиллерійскомъ журналѣ напечатаны: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета* (№ VI 1858 г. и № 11, 1859 г.); *Перечень засѣдацій артиллерійскаго отдѣленія* (№ VI, I и II); *Перечень засѣдацій комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей* (№ I и II); *Военныя извѣстія съ Кавказа* (№ VI, № I и II); *Замѣтки о плшней артиллеріи*, Миронича (№ VI); *Артиллерійскія лекціи* (окончаніе), Плятова (ibid.); *Теоретическое изслѣдованіе условій механизма ружейнаго замка*, Чебышева (ibid.); *Еще нѣсколько мыслей объ образованіи артиллерійскихъ офицеровъ на службу*, С. Слудскаго (ibid.); *О значеніи и достоинствѣ учебниковъ по предмету артиллеріи*, его-же (ibid.); *Артиллерійскіе опыты, произведенныя въ саперномъ лагерѣ подъ Петергофомъ*, Югансена (№ I); *Обзоръ опытовъ надъ картечными гранатами, произведенныхъ для розысканія причинъ разрыва изъ въ каналъ орудія*, Михайловскаго (ibid.); *Объ опредѣленіи тяжести лафета*, А. Горяева (ibid.); *Переписка Наполеона съ начальникомъ артиллеріи великой арміи въ 1809, 1811 и 1812 годахъ* (ibid. № II); *Литые мелкіе орудія въ Россіи*, Николая Шрамченко и Александра Энгельгардта (№ II); *Наръзные орудія*, В. (ibid.); *О выраженіи сопротивленія воздуха движенію сферическихъ снарядовъ*, Маіевскаго, перев. В. Бестужева-Рюмина (ibid.); *Объ однообразіи измѣтосленія пороха; вліяніе работы на вѣрвы; прессованіе*, Энгельгардта (ibid.). Сверхъ-того въ отдѣлѣ смѣси помѣщено тринадцать статей, а въ отдѣлѣ библіографіи разсмотрѣно четыре новыя изданія.

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Народная война въ 1812 году* (№ 541); *Военныя силы Китая* (№ 542); *Третья достоправная эпоха великой борьбы Александра I съ Наполеономъ въ 1812 г.* (№ 544, 545, 546 и 547).

Въ Чтеніи для солдатъ: *О томъ, какъ ротный командиръ училъ свою роту цифирной мудрости*, А. III. (кн. I); *Воспоминаніе о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма* (кн. II); *Бесѣда о законахъ вообще, о военныхъ въ-особенности и о томъ, какъ необходимо изъ узнать, помнитъ и исполнять*, А. М. (ibid.).

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ военнымъ наукамъ относятся: *Очеркъ военныхъ дѣйствій на Кавказъ за 1858 годъ* (От. зап. № 1); *Замѣтка на статью графа Ржевскаго*, С. С. Громеки

(Русск. вѣст. № 2); *Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказъ за истекшее лѣто*, Я. Ѳ. Данилевскаго (ibid. № 3); *Выдержки изъ военныхъ записокъ и воспоминаній служиваго прежнихъ лѣтъ*, Анонима (Амен. № 1); *По поводу полемики, возбужденной «Изнамкой Крымской войны»*, А. Чужбинскаго (ibid. № 6); *Событія на Кавказъ въ 1858 г.* (Живоп. библ. № 1); *Обзоръ распоряженій по продовольствію нашихъ войскъ въ Венгріи въ 1849 году* (Русск. инв. № 81; 82, 88 и 89); *Завоеваніе Лифляндіи генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ въ 1710 году*, барона Э. фонъ-Тизенгаузена (Моск. вѣд. № 21); *Въ защиту «Военнаго сборника»*, Г. Н. Трусова (ibid. № 76); *Воспоминаніе старожила о 1812 г. въ страннопріимномъ домѣ графа Шереметьева*, Г. Лукьянова (ibid.); *Осада Вены* (Одесск. вѣст. № 34, 35, 40 и 45); *Письмо изъ отряда* (Кавказъ № 30).

(ibid.) XV. Науки, относящіяся къ мореплаванію.

Въ Морскомъ сборникѣ явились статьи: *Денежное счетоводство Французскаго морскаго вѣдомства*, М. Рейтерна (№ 1); *Между дѣломъ*, Excelsior (ibid.); *Замѣтки о службѣ на Вольтъ, на коммерческомъ буксирномъ пароходѣ*, А. С. З. (ibid.); *Экспедиція въ при-Амурскомъ краѣ*, Бошняка (ibid. № 2 и 3); *Дневникъ Мирчинга, спутника капитана Макъ-Клора, отправленнаго для поисковъ за Франклиномъ въ 1850 г.* (ibid.); *Письмо съ фрегата «Аскольдъ»* (ibid. № 1); *Лоцманскія замѣтки* (ibid. № 2, 3 и 4); *Путешествіе по Вольтъ отъ истоковъ до Нижняго-Новгорода*, А. Островскаго (№ 2); *Поездка по низовьямъ Днѣпра*, Аванасьева-Чужбинскаго (ibid. № 4); *Матеріальное счетоводство Французскаго морскаго вѣдомства*, М. Рейтерна (№ 2); *Спускъ фрегата «Генералъ-Адмиралъ»*, Н. Можайскаго (ibid.); *Плаваніе шитовата парохода «Самолетъ», по рѣкамъ, озерамъ и каналамъ изъ С.-Петербурга въ Архангельскъ въ 1858 г.*, шкипера парохода «Самолетъ» (ibid.); *Матеріалы для исторіи Русскаго морскаго законодательства* (ibid.); *Объ устройствѣ фарватера между Астраханью и Каспійскомъ моремъ*, Н. Бочечкарова (ibid.); *Воспоминаніе о Парижѣ*, П. Кузнецова (ibid.); *Руководство къ ученымъ изысканіямъ: XIII Этнографія*, перев. Шишкова (ibid.); *О судовой отчетности*, Жандра (№ 3); *Замѣчанія на предыдущую*

статью, Шестакова и Можайскаго (ibid.); *О назрваніи паровыхъ котловъ*, Л. Пономарева (ibid.); *Устройство и употребленіе вертикальнаго круга Репсольда*, А. Ульскаго (ibid.); *Счетководство Прусскаго морскаго вѣдомства*, Рейтерна (ibid.); *Литые орудія въ Американскихъ Штатахъ*, Можайскаго (ibid. № 4); *Русскій коммерческій флотъ по 1-е января 1858 г.*, В. Мельницкаго (ibid.); *Адрессъ Британскихъ судовладельцевъ и шкиперовъ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Адмиралу* (№ 3); *Морская записка во Франціи*, кн. Львова (№ 4); *Духовая сила, какъ движитель*, С. Барановскаго (ibid.); *О лагахъ и лотахъ*, Н. Коргуева (ibid.); *Преобразованія въ Англійскомъ флотѣ въ теченіе нынѣшняго столѣтія, въ отношеніи размѣреній, формъ и способовъ движенія судовъ и средствъ для нападенія и обороны*, съ Англ. С. Елагина (ibid.); *Очеркъ исторіи нѣкоторыхъ судовъ Русскаго флота*, Зейделя (ibid.); *Замѣчанія при плаваніи отъ острововъ Тсусима до Николаевска*, К. А. Кузнѣцова (ibid.); *Участіе пароваго флота въ континентальныхъ войнахъ*, съ Франц. П. Г—на (ibid.). Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено шестьдесятъ статей, а въ отдѣлѣ библиографіи разсмотрѣно двадцать одно новбе изданіе на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

— «Участіе пароваго флота въ континентальныхъ войнахъ». — Во введеніи къ этой замѣчательной статьѣ авторъ ея, U. de-Mars, говоритъ слѣдующее: «Великія перемѣны готовятся въ военномъ искусствѣ. Девятнадцатому вѣку, въ первые годы свои бывшему свидѣтелемъ достопамятныхъ войнъ, которымъ подобныхъ мы напрасно стали-бы искать въ исторіи, — девятнадцатому вѣку суждено видѣть новыя соображенія, новыя правила, вводимыя въ военную науку гениемъ человѣка. Лѣтъ триста или четыреста тому назадъ, изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія произвело всеобщій переворотъ; не въ правѣ-ли мы ожидать подобныхъ же результатовъ отъ нашихъ штуцеровъ и орудій, дѣйствующихъ такъ вѣрно и на такое огромное разстояніе? Развѣ не въ такой же степени важно примѣненіе къ военному дѣлу электрическихъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ судовъ? Легко понять, что должно произойти отъ этихъ открытій, дающихъ военнымъ операціямъ точность и быстроту, до-сихъ-поръ невѣданныя, тогда-какъ примѣненіе этихъ усовершенствованій не въ одинаковой степени доступно всѣмъ народамъ. Военныя предпріятія, нѣсколько лѣтъ тому казавшіяся невыполнимыми, дѣлаются те-

перь не только возможными, но даже и вовсе не трудными. Широкое поле открыто для составленія плановъ также вѣрныхъ, какъ и неожиданныхъ, способныхъ разстроить всѣ соображенія, сдѣланныя въ видахъ защиты государства и основанныя на указахъ прежняго времени. Эти новыя изобрѣтенія уже въ нѣкоторой степени освящены опытомъ. Новыя орудія, отъ которыхъ такъ много ожидаютъ, еще не выдержали испытанія; но за то штуцера уже успѣли доказать свое превосходство и въ Африкѣ, и въ Римѣ, и въ Крыму, и въ Индіи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что введеніе новыхъ орудій и штуцеровъ будетъ имѣть огромное вліяніе на будущій составъ войскъ и на ихъ операціи. Желѣзныя дороги уже доказали, чего можно отъ нихъ ожидать для быстраго сосредоточенія войскъ на данныхъ пунктахъ. Электрическій телеграфъ даетъ средство главному начальнику быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подчиненными ему отдѣльными частями, и на будущее время, электрическая проволока будетъ неразлучною спутницею армій, какъ это уже было у Англійскихъ войскъ во время возстанія въ Индіи. Одновременно направляя къ общей цѣли дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, разъединенныя усилія которыхъ, или невѣрно-разсчитанныя движенія, неминуемо дали-бы неприятельскимъ массамъ большое преимущество, — электрическій телеграфъ, быть можетъ, столько-же содѣйствовалъ побѣдѣ, какъ и геройское мужество Англійскихъ солдатъ. Но драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній, по нашему мнѣнію — это паровой флотъ, самое сильное, самое дѣйствительное, по тому содѣйствію, которое флотъ этотъ можетъ оказывать сухопутнымъ арміямъ, и на этомъ именно содѣйствіи мы хотимъ остановить вниманіе нашихъ читателей. Кто повѣрилъ-бы, гдѣтъ сорокъ тому назадъ, что сильная армія будетъ имѣть возможность неожиданно ударить на любой пунктъ Европейскаго материка, одержать тамъ рѣшительный успѣхъ надъ неприятелемъ, неприготовленнымъ отразить нападеніе, удержаться тамъ, опираясь на море, и пользуясь неисчерпаемыми средствами, имъ доставляемыми, парализировать силы могущественнаго государства? Этотъ новый и великій подвигъ былъ совершенъ въ Крыму. Воспоминаніе о немъ еще не изгладилось изъ памяти; но среди случайностей, сопровождавшихъ эту громадную борьбу, увлекаясь потрясающимъ интересомъ этой кровавой драмы, быть можетъ, общее вниманіе не довольно слѣдило за самыми средствами, съ по-

моцію которыхъ была ведена эта война, на берегахъ, такъ удаленныхъ отъ Франціи; быть можетъ, недостаточно схвачены особенности, ее характеризующія, и бывшія однакожь главнѣйшими причинами ея блестящихъ результатовъ». Съ этою цѣлію авторъ собралъ факты и вывелъ изъ нихъ заключенія.

XVII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ помѣщены слѣдующія статьи: *Конрадъ Гесснеръ*, Вольфа (№ 1); *Нѣкоторыя замѣчанія о большой кометѣ 1858 года*, Б. Я. Швейцера (ibid.); *Приливъ и отливъ*, Гартвига (ibid.); *Зубръ*, С. А. Усова (ibid.); *Естественно-историческія извѣстія* (ibid. № 2, 3 и 4); *Антропоморфныя животныя Африки*, В. М. Радокова (№ 2, 3 и 4); *Жизнь ягелей*, К. (№ 2); *Образованіе кристалловъ* (ibid.); *Инфузоріи*, О. Шмидта (ibid.); *О парфеногенезѣ у растений*, С. А. Рачинскаго (ibid.); *Теченіе Миссисипи*, Лейсла (№ 3); *Морскія теченія*, Гартвига (ibid.); *Канадскій лусъ*, Одубона (ibid.); *Вальтеръ*, И. И. Тихѣева (ibid.); *Морскіе гады*, Гартвига (№ 4); *Измѣреніе скорости свѣта*, Я. И. Вейнберга (ibid.); *Перепелятники* (ibid.); *Дикая канарейка*, Карла Боле (ibid.).

Въ Химическомъ журналѣ напечатаны: *О современномъ направленіи химіи*, Н. Соколова (№ 1, 2 и 3); *Объ амидахъ неорганическихъ кислотъ*, А. Энгельгардта (№ 1 и 2); *О водородѣ въ органическихъ соединеніяхъ*, Н. Соколова (№ 2 и 4); *Разборъ сочиненія Джонсона: «Химическія свѣдѣнія и проч.»*, Н. Соколова (№ 2); *О дѣйствии мѣди на углекислоту* (ibid.); *О водородѣ въ органическихъ соединеніяхъ*, Н. Соколова (№ 2); *О двойной соли глицеро-вокислой извести съ хлористымъ кальціемъ* (ibid.); *О сѣрнисто-экантолевой кислотѣ*, Д. Менделѣева (ibid.); *Замѣчаніе редакціи къ предыдущей статьѣ* (ibid.); *Анализъ венеры* (ibid.); *Оксидъ глицероля* (ibid.); *О клѣтчаткѣ, крахмалѣ, пектинѣ и целлюлинной кислотѣ* (ibid.); *Дѣйствіе іодистаго метила, этила и амила на цианистые металлы* (ibid.); *Опредѣленіе мѣди* (ibid.); *О каменныхъ угляхъ Русскихъ мѣсторожденій*, Н. Лаврова и Ф. Короваева (№ 3); *О дѣйствии водорода подъ различными давленіями на нѣкоторые металлическіе растворы*, Н. Бекетова (ibid.); *Объ амидахъ бензойнаго*

альдегида, А. Энгельгардта (ibid.); *О дѣйстви іодистаго этилла на бензоильанилиды* (ibid.); *О нѣкоторыхъ соединеніяхъ ванадія* (ibid.); *О нѣкоторыхъ соединеніяхъ бора* (ibid.); *О Виртембергскомъ военномъ порохѣ* (ibid.); *О возстановленіи хлористаго барія, стронція и кальція натріемъ. Сплавы этихъ металловъ* (ibid.); *О фосфористомъ хромѣ* (ibid.); *О двойныхъ соляхъ хлористаго висмута съ хлористымъ калиемъ и хлористоводороднымъ амміакомъ* (ibid.); *О дѣйстви хлористой сѣры на амилевый алкоголь* (ibid.); *Объ ангидридъ сѣрной кислоты* (ibid.); *О соединеніи газовъ подъ вліяніемъ электричества* (ibid.); *О приотвленіи платиноціанистаго калия* (ibid.); *О двухъ новыхъ летучихъ кислотахъ, полученныхъ изъ рѣбиновыхъ мюдь* (ibid.); *Объ образованіи сложныхъ спиртовыхъ амміаковъ* (ibid.); *О дѣйстви окиси углерода на натровый алкоголь* (ibid.); *Объ образованіи сѣроціанистыхъ эвировъ* (ibid.); *О дѣйстви азотнокислаго этилла на іодистый калий* (ibid.); *Объ оксамидѣ* (ibid.); *О селеноціанистомъ аллиль* (ibid.); *Статья г. Страхова о простыхъ тѣлахъ* (ibid.); *О приотвленіи валеріановой кислоты, Н. Лаврова и Н. Яцуковича* (№ 4); *Объ азотистомъ нобль* (ibid.); *О саконитѣ* (ibid.); *О продуктахъ разложенія ціануроваго эвиръ и о діэтильціануровой кислотѣ* (ibid.); *О дѣйстви хлора на эвиръ* (ibid.); *О двухъ новыхъ производныхъ сахарной кислоты* (ibid.); *О глицериновой кислотѣ, какъ продуктъ добровольнаго разложенія нитроглицерина* (ibid.); *Объ открытіи мочевоы кислоты* (ibid.); *О дѣйстви брома и хлора на метилевый алкоголь* (ibid.).

Химическій журналъ представляетъ отрадное явленіе въ ученой нашей литературѣ. Цѣль его — бевпрестанно сообщая всѣ новѣйшія открытія по химіи, облегчить возможность слѣдить за ея успѣхами для специально-занимающихся этою наукою, и, сколько можно видѣть изъ четырехъ первыхъ книжекъ этого журнала, онъ вполне достигаетъ этой цѣли.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ естественнымъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *Появленіе кометы Энке въ 1858 году*. Ф. А. Б.—на (От. зап. № 1); *Астрономическія открытія въ 1858 году* (ibid.); *Плутонисты и нео-нептунисты* (ibid. № 2); *О различіи между челоькомъ и животнымъ*, Т. С. Бишофа (Атен. № 1); *О погодѣ и возможности ея предвѣщанія*, Я. И. Вейнберга (ibid. № 2); *Вліяніе луны на температуру* (ibid. № 3); *Ключъ науки*, доктора Брухера (ibid. № 4); *Русская ботаническая литература*, П. Страхо-

ва (ibid. № 5); *Эпоха образованія Урала*, Г. Е. Щуровскаго (ibid. № 6); *Съверное сяннє*, Я. И. Вейнберга (ibid.); *Жизнь пчелъ въ теченіе года*, Г. Пеше (ibid.); *Воздухъ въ городъ и въ деревнѣ* (ibid.); *Общій взглядъ на геонотическій составъ почвъ Казанской губерніи*, Вагнера (Учен. зап. Казан. унив. № 1); *Миръ до сотворенія міра* (Сынъ от. № 4); *Натуралистъ Іоаннъ Миллеръ* (Моск. вѣд. № 8); *О Тифлисскихъ минеральныхъ источникахъ* (Кавказъ № 23 и 24).

XVII. МЕДИЦИНСКІЯ НАУКИ.

Въ Военно-медицинскомъ журналѣ напечатаны: *Отчетъ по Лезинскому отряду за 1857 годъ*, Минкевича (№ 1); *Курсъ лекцій физиологій и патологій центральной нервной системы*, Броунъ-Секара (ibid. № 2, 3 и 4); *Замѣтки о хирургической пластикѣ*, Ю. Шимановскаго (№ 2); *Случай врожденной атрофіи глазъ* (microphthalmus congenitus), при которой изслѣдованіе глазнымъ зеркаломъ открыло раздвоеніе сосудистой съчатой оболочки, Фребелиуса (ibid.); *Изслѣдованія Клодъ-Бернара надъ образованіемъ сахара и крахмала въ печени животныхъ*, Н. Шестова (ibid.); *Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи за 1857-58 учебный годъ* (№ 3); *Объ изслѣдованіи матки по мѣстности маточнаго зонда*, проф. А. Красовскаго (ibid. № 3); *О бронхотоміи и показаніяхъ къ ней*, проф. Пята (№ 4); *Нѣсколько хирургическихъ операцій, произведенныхъ въ Старорусскомъ военномъ госпиталѣ*, Вильчковскаго (ibid.); *Судебно-медицинскій случай докторовъ Деранжа и Лафариа*, И. Разказова (№ 2); *Руководство къ изученію ветеринарныхъ операцій*, Эдуарда Геринга (ibid. № 3 и 4). Въ отдѣлѣ смѣси этого журнала помѣщено двадцать три статьи, а въ отдѣлѣ библиографіи разсмотрѣно шесть новыхъ изданій на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; сверхъ того въ приложеніи помѣщенъ: *Уставъ о морскихъ военныхъ госпиталяхъ* (№ 1).

Въ Московскомъ врачебномъ журналѣ (книжка 5) явились статьи: *Историческое описаніе Московскихъ больницъ*; *Больница для чернорабочаго класса людей*; *Больница градская*; *Леченіе холодныхъ карывовъ въ госпитальной хирургической клиникѣ*, проф.

Х. Я. фонъ-Гюббенета; *Льченіе косыхъ переломовъ костей нижнихъ конечностей посредствомъ новаго вытягивающаго снаряда*, проф. Думрейхера; *О спасеніи утопившихъ*, Сыпянко; *О ночномъ недержаніи мочи*, его-же; *Отчетъ по акушерской клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, за октябрь, ноябрь и декабрь 1858 года*; *Некрологъ ординарн. профессора Московскаго университета М. Ѳ. Спасскаго*, А. П. Полунина; *Протоколы засѣданій физико-медицинскаго Общества при Московскомъ университетѣ*; въ Приложеніи: *Целлюлярная патологія, основанная на гистологіи физиологической и патологической. Двадцать лекцій проф. Р. Вирхова. Лекціи I—VII. Сообщены въ извѣщеніи А. Полунинымъ.*

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ здравія, замѣтимъ слѣдующія: *Необыкновенныя приемы морфина въ нервно-желудочной боли*, Скоковскаго (№ 1 и 2); *О вторичномъ осприиваніи* (№ 1); *Новыя подробности о жизненномъ узлѣ* (№ 2); *О леченіи воспаленій посредствомъ прижатія артерій пальцемъ*, Vanzetti (№ 3); *Солитеръ у ребенка двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ*, Виноградова (№ 4); *Излеченіе общаго паралича гидропатическимъ способомъ*, Г. Гржимало (№ 5); *Изслѣдованія касательно этиологіи натуральной и коровьей оспы* (№ 7); *Опыты К. Бернара противъ degeneratio spontanea* (ibid.); *Историческое развитіе гидротерапіи*, Г. Гржимало (№ 6 и 8); *Практическія разсужденія о запорѣ на низѣ и о способахъ его леченія*, Caffè (№ 9); *Замѣчанія объ одномъ случаѣ врожденной глухонѣмоты, полуизлеченной посредствомъ фардизаціи мышцъ слуховыхъ косточекъ и барабанной струны*, Duchonne (№ 10); *Мозгovidный ракъ глазнаго яблока; вылученіе его; благоприятное теченіе; выздоровленіе*, Кіановскаго (№ 16).

Въ Московской медицинской газетѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *О внутреннемъ употребленіи уксуснокислаго цинка*, проф. Ѳ. Иноземцова (№ 1, 5, 6, 8 и 10); *О предѣлахъ и значеніи популярной медицины въ Россіи*, С. (№ 1 и 2); *Два случая успѣшнаго употребленія іодистаго потассія въ острыхъ переносныхъ воспаленіяхъ сердца*, М. Штейгардта (№ 2); *Общее обзорніе медицинскаго ученія и практики въ Бельгіи*, проф. Пласса (ibid. № 4); *О фибринозной крапѣ, по целлюлярной теоріи Вирхова*, М. Б—ва (№ 3 и 4); *Нѣсколько словъ о главнѣйшихъ причинахъ, препятствующихъ водворенію въ простонародь истинной медицины*, И. Н. (№ 3 и 4); *Случай повтореннаго посягательства на самоубійство во время беременности*, Линдегрена (№ 5); *По-*

раженіе печени при перемежающихся лихорадкахъ. Меланэмиче-
ская печень. По Фрериксу. А. Захарьина (№ 6, 9 и 10); Нѣкоторыя
причины большой смертности дѣтей въ воспитательныхъ до-
махъ (ibid. № 7); Русская баня, А. З—на (ibid. № 8); Употре-
бленіе паутины въ перемежающихся лихорадкахъ, Флорентинскаго
(№ 9); Нѣкоторыя замѣчательныя наблюденія, сдѣланныя
спроложеніе двухлѣтней практикѣ въ провинціи, Алессі (№
10 и 11); Плькстао, его послѣдствія и шіеническое леченіе, Л. Зис-
сермана (ibid.); О леченіи конституціональной сифилитической бо-
лезни посредствомъ сифилизации, А. Спиро (№ 11); О простона-
родныхъ средствахъ, употребляемыхъ противъ цынги въ Енисей-
скомъ округѣ, М. Θ. Кривошапкина (№ 11 и 13); О вліяніи блу-
жающихъ нервовъ на движеніе сердца у птицъ, Эйбродта (№
16 и 17); Угаръ и его леченіе (№ 17).

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ по медицинскимъ
наукамъ явились слѣдующія статьи: *Попѣдка во внутреннюю*
Киргисъ-Кайсацкую орду съ ветеринарною цѣлію (Журн. мин.
вн. дѣл № 1 и 2); *О новомъ желѣзномъ источникѣ* (№ 1);
*Наблюденія за курсомъ леченія больныхъ при лечебномъ заведе-
ніи Чокраскихъ минеральныхъ грязей и источниковъ* (ibid.
№ 3); *Очерки главнѣйшихъ публичныхъ лечебныхъ заведеній объ-
ихъ столицъ, Загѣскаго* (Учен. зап. Казан. унив. № 1); *Гиіена*
и діететика дѣтей и матерей (Сынъ отеч. № 3); *Искусствен-
ные члены Пальмера* (ibid. № 16); *Колдуны, знахари и ихъ*
лекарства. Изслѣдованія и наблюденія Русскаго врача (ibid.); *Го-
меопатія и ея оцѣнщики* (СПб. вѣд. № 79); *Нѣсколько словъ о*
пользѣ гимнастики вообще, Д-ра Бибергайля (Моск. вѣд. № 62 и
78); *Плькстао, его послѣдствія и шіеническое леченіе*, Г. Л. Зис-
сермана (ibid. № 65); *Движеніе, какъ лечебное средство*, Редлиха
(ibid. № 83); *О мѣрахъ предохраненія отъ скотскихъ падежей*
(Вил. вѣстн. № 28 и 29); *О туземной медицинѣ и врачехъ-*
туземцахъ въ Закавказьи (Кавказъ № 26); *Объ успѣхахъ ле-
ченія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ 1858 году* (ibid.
№ 32 и 33); *Солталичскія минеральныя воды* (Русск. дневн.
№ 5); *Кумысо-лечебное заведеніе доктора Пощникова близъ Са-
мары* (ibid. № 45); *Сергѣевскія минеральныя воды* (ibid. № 63
и 64); *Первая Монтионовская премія, присужденная Н. М. Яку-
бовичу*, Ю. (ibid. № 79).

XVIII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТЕХНОЛОГІЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Укажемъ на болѣе замѣчательныя статьи, явившіяся въ специальныхъ газетахъ и журналахъ, по разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности, а именно:

— По теоретической части сельскаго хозяйства: *Климатическія условія земледѣлія* (Ж. м. г. им. № 1); *Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во оторой половинѣ XVIII вѣка*, П. Мулова (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 3 и 4).

— По земледѣлію: *Матеріалы для земледѣльческой статистики Оренбургской губерніи*, В. Новикова (Зап. Имп. Каз. экон. общ. № 2 и 4).

— По скотоводству: а) по скотоводству вообще: *О кормленіи домашнихъ животныхъ*, И. Палимпсестова (Зап. Имп. Общ. с. х. южн. Р. № 3); *Рукой ветеринарный лечебникъ*, Г. Ярона (ibid. № 1 и 4); *Холмогорскій скотъ* (Земл. газ. № 2); б) по овцеводству: *Записки объ улучшенныхъ породахъ овецъ, разводимыхъ въ слободѣ Вейделевкѣ, Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда, графа В. Н. Панина* (ibid. № 9); в) по коннозаводству: въ Журн. коннозав. и охоты: *Лекціи проф. Гуелля* (№ 2); *Французское коннозаводское управленіе* (ibid.); *Взглядъ на лошадиныя породы въ Бретани* (№ 4); *Кормленіе лошадей давленными овсомъ и рьзаннымъ фуражемъ* (№ 1 и 4); г) по части охоты: *Охота и охотники въ окрестностяхъ Парижа* (Журн. конноз. и ох. № 4); *Аниконда* (Журн. ох. № 1); *Изъ разсказовъ стараго охотника* (ibid. № 1, 2, 3); *Охота на льва въ южной Америкѣ* (ibid. № 1); *Охота въ окрестностяхъ Устьсысольска*. Ст. П. Черныя утки, Ф. Арсеньева (ibid. № 2); *Какъ мы рыболовствовали и какъ охотились въ Канадѣ* (ibid.); *Разсказъ о томъ, какъ я пристрастился къ охотѣ и о первыхъ моихъ охотничьихъ похожденияхъ* (ibid. № 3); *Вечерніе разказы охотниковъ* (ibid. № 4); *Охота Государя Императора въ Виленской губерніи* (ibid.); *Охота на медвѣдя въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи* (ibid.); *Историческій очеркъ охоты въ царствѣ Польскомъ до XIV столѣтія* (Газ. лѣс. и ох. № 1); *Охота въ Оренбургскомъ краѣ*, Ѳ. Конева (ibid. № 1, 12); *Охота въ царствѣ Польскомъ съ XIV столѣтія по 1776 годъ*, В. Г. (ibid. № 13).

— По лѣсоводству: *Развитіе лѣснаго законодательства въ Россіи*, С. (Ж. м. г. им. № 2); *Краткій сравнительный очеркъ раз-*

личныхъ таксаціонныхъ методовъ, съ примѣненіемъ о введеніи лѣсоустройства въ Закавказь (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 2 и 3); въ Газ. лѣсов. и охоты: *О почвоосушительныхъ канавахъ* (№ 1, 2); *Карачевскія лѣса* (№ 3, 4, 6); *О Маймоксскихъ лѣсопильныхъ заводахъ*, С. Рожновскаго (№ 2, 3); *О преобразованіи лѣснаго хозяйства въ Россіи*, С. Анненкова (№ 4); *Изъ Саксоніи. Изъ Бельгій. Изъ Франціи. Изъ Баваріи*, Н. Шелгунова (№ 5, 7, 9, 10, 11, 12, 15, 18); *Значеніе осины въ Русскомъ лѣсоводствѣ*, В. Гребнера (№ 8, 9); *Указатель статей лѣснаго журнала (1833—1851), имѣющихъ значеніе по настоящее время* (№ 11, 15, 18).

— По садоводству: *Описаніе деревъ и кустарниковъ сада въ Путьковль*, А. Муравьева (Ж. с. х. № 2); *Эккурси въ Медокъ*, В. Неннингера (Зап. Кавк. Общ. с. х. № 1 и 2); въ Журн. садов.: *О размѣщеніи въ садахъ цвѣтковыхъ растений* (№ 1); *Устройство воздушныхъ садовъ*, О. В. (№ 1, 3 и 4); *Способъ увеличивать нормальный объемъ плодовъ* (№ 1); *Замѣтки о воспитаніи растений тепличныхъ и оранжерейныхъ*, К. Энке; *Химіе лѣса и разведеніе хины на о. Ява* (№ 2); *О составленіи букетовъ* (№ 3); *О вліяніи тропическаго климата на растенія умѣренныхъ полей*, С. Шомбурга (№ 4).

— По технологіи: *Замѣчательнѣйшіе заводы и фабрики Костромской губерніи*, И. Визинскаго (Ж. м. и т. № 1); *Техническія записки*, М. Скобликова (ibid. № 1 и 3); *Письма изъ-за границы*, А. Рейхеля (ibid. № 2 и 4); *Обзоръ литературы писчебумажнаго производства* (ibid. № 2); *Консерваторія искусствъ и ремеслъ въ Парижѣ*, А. Шерера (ibid. № 3); *Горчичный заводъ братьевъ К. Ф. Глизъ, въ Сарептѣ* (ibid.); *Краткій обзоръ технической литературы за вторую половину 1858 г.* (ibid. № 4); *Лекціи о кожевенномъ производствѣ*, М. Китгары (Пром. лист. № 5, 6, 7).

— По хозяйству вообще: *Константиноградскій округъ Полтавской губерніи*, А. Дьякова (Журн. м. г. им. № 3); *Урожай 1858 года въ губерніяхъ: Вологодской, Воронежской, Калужской, Кіевской, Костромской, Курской, Нижегородской, Полтавской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Черниговской и Ярославской* (Ж. с. х. № 1); *Сельско-хозяйственное описаніе селъца Павликова*, А. Палицына (ibid. № 2, 3); *О бумажныхъ и глиносоломенныхъ крышахъ*, А. Высотскаго (ibid. № 2); *Сто лѣтъ назадъ* (Зап. Имп. Кав. эк. Общ. № 1, 2); *Комитетъ акклиматизаціи растений и его записки* (ibid. № 1); *Англійскія*

конныя грабли, И. Палимпсестова (Зап. Имп. Общ. с. х. южн. Р. № 4); *Русская печь, какъ средство къ приготовленію консервовъ*, М. Киттары (Пром. лист. № 11, 12, 13, 15, 16).

— По разнымъ и нѣсколькимъ виѣстѣмъ отраслямъ хозяйства и промышленности: *О поселеніи колонистовъ въ Саратовскомъ краѣ* (Ж. м. г. нн. № 2); *Объ успѣхахъ благосостоянія сельскихъ работниковъ въ Анліи* (ibid. № 4); *Замѣтки во время лѣтнихъ поѣздокъ въ Тульскую, Рязанскую и Владимирскую губерніи, С. Мавлова* (Ж. с. х. № 1); *Объ открытіи въ г. Смоленскѣ Общества сельскаго хозяйства* (ibid.); *Записки Юрьевского Общества сельскаго хозяйства* (ibid. № 2); *Историческія свѣдѣнія о Московской земледѣльческой школѣ* (ibid. № 4); *О заграничномъ торфяномъ производствѣ* (ibid.); *Вятская очередная выставка сельскихъ произведеній въ 1858 г.*, Н. Барановскаго (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 1—4); *Отчетъ Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества за 1858 г.* (ibid. № 3); *Взглядъ на движеніе промышленности въ Россіи въ 1858 году*, В. Тятаринова (Ж. м. и т. № 2); *Очеркъ торговли съ западнымъ Китаемъ*, С. Тарасова (ibid. № 4); *Первыя и послѣднія задушевныя мечты Новороссійскаго старожила*, П. Скаржинскаго (Зап. Имп. Общ. с. х. южн. Р. № 1); *Гласность на управляющихъ имѣніями, его-же* (ibid. № 2); *Нѣсколько словъ объ экономическихъ проектахъ г. Кокорева* (Земл. газ. № 4); *О воспитаніи въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ*, М. Киттары (Пром. лист. № 1); *Англійская промышленность въ 1858 г.* (ibid. № 4); *Какую можно развитъ промышленность въ Печерскомъ краѣ* (ibid. № 27).

— По части распространенія грамотности въ простомъ народѣ и улучшенія быта крестьянъ помѣщены въ Земл. газ.: *Отвѣтъ на статью: «Нѣсколько словъ о первоначальномъ обученіи дѣтей грамотѣ»* (№ 5); *Мысли по поводу статьи: «Откуда взять учителей для сельскихъ школъ»* (№ 6); *О сельскихъ училищахъ* (№ 17); *Ничто о распространеніи грамотности въ народѣ*, К. Петрушевскаго (№ 23); *Необходимость образованія въ сельскомъ населеніи. Объ улучшеніи его нравственности. Нѣсколько данныхъ по поводу того и другаго* (№ 23); *О томъ, что сельское хозяйство у крестьянъ можетъ подняться только отъ распространенія просвѣщенія между ними*, В. Переговскаго (№ 28); *Всѣ ли крестьянскія семейства будутъ пользоваться усадебною осплостью* (№ 7); *По предмету сближенія дворянства съ духовенствомъ*, И. и А. Чика-

чевыхъ (№ 13); *Объ отношеніи помѣщиковъ и духовенства къ поселянамъ* (№ 14); *О крестьянскихъ усадьбахъ* (№ 15).

— «Климатическія условія земледѣлія». — Статья эта извлечена изъ прекраснаго сочиненія *Лекутѣ* (Ed. Lecouteux): «*Traité des entreprises de culture améliorante ou principes généraux d'économie rurale. Paris 1857*». Дабы познакомить съ содержаніемъ этой замѣчательной статьи, какъ нельзя болѣе доказывающей важность примѣненія метеорологическихъ знаній къ дѣлу сельскаго хозяйства, мы сообщаемъ здѣсь вступленіе въ эту статью и заключеніе ея: «Совершаясь на открытомъ полѣ, земледѣльческій промыселъ подчиненъ попеременно дѣйствію солнечнаго жара или мороза, сухости или влажности, дѣйствію вѣтровъ, бурь и снѣга. Тщетны были-бы усилія бороться съ этими дѣятелями; земледѣльцу гораздо выгоднѣе имѣть времена года своими союзниками, чѣмъ противниками, и потому необходимо блюсти климатическіе законы, т.-е. приноровлять хозяйство къ климатическимъ условіямъ. Достаточно, впрочемъ, замѣтить распредѣленіе на материкѣ Европы полевоздѣлываемыхъ растений, чтобы убѣдиться въ томъ, что вездѣ земледѣліе, рано или поздно, приходитъ въ согласіе съ метеорологическими условіями и располагается полосами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои характеристическія растенія, рѣзко-отличающія ее отъ другихъ, хотя и не исключаютія въ ней вовсе иныхъ, полезныхъ человеку растеній. Обращаясь здѣсь только къ области воздѣлыванія хлѣбовъ, мы различаемъ въ Европѣ шесть главныхъ земледѣльческихъ полосъ, а именно:

1) Полоса маслины.....	} На югѣ и юго-востокѣ или въ странахъ жаркаго и сухаго климата.
2) — винограда и кукурузы..	
3) — сухихъ пастбищъ и восточныхъ степей.....	
4) — хлѣбовъ въ собственномъ смыслѣ.....	} Въ центральной и умѣренной Европѣ.
5) — холодныхъ и сырыхъ пастбищъ.....	} На сѣверѣ и сѣверо-западѣ, на высокихъ горахъ; въ странахъ холоднаго и влажнаго климата.
6) — хлѣсовъ и лѣтнихъ паствъ.....	

«Это раздѣленіе Европы на земледѣльческія полосы очень близко подходитъ къ раздѣленію, принятому г. Гаспареномъ, отличаясь лишь тѣмъ, что г. Гаспаренъ принимаетъ только *одну полосу пастбищъ*, подраздѣленную на три категоріи. Оттого-то ему

и нужно было одну изъ этихъ категорій, именно *подполосу сухихъ* или *земныхъ пастбищъ*, помѣстить на югѣ, между-тѣмъ-какъ остальная двѣ — *подполосы постоянныхъ* и *лѣтныхъ пастбищъ* — приходятся: первая преимущественно въ Англіи, а вторая въ холодныхъ, полярныхъ странахъ или на высокихъ горахъ. Но такъ-какъ, безспорно, не можетъ быть сходства ни въ температурѣ, ни въ землѣдѣліи столь рѣзко-отличающихся климатовъ, то, соображаясь впрочемъ съ указаніями самого г. Гаспарена, *подполоса сухихъ пастбищъ* южно-Европейскихъ странъ и возведена здѣсь на степень самостоятельной землѣдѣльческой полосы. Фактъ перво-степенной важности, обуславливающей весь порядокъ землѣдѣлія этихъ климатическихъ полосъ, — это то, что нѣкоторыя растенія, напр. виноградная лоза, маслина и шелковица, заключены въ опредѣленныхъ метеорологическихъ границахъ, которыя они не могутъ переступить; между-тѣмъ-какъ необходимѣйшія для человѣка колосовыя и кормовыя растенія могутъ, напротивъ, произрастать на всѣхъ широтахъ, такъ-что человѣкъ находитъ вездѣ средства пропитанія, и повсюду можетъ слѣдовать за нимъ домашній скотъ, потому-что вездѣ могутъ произрастать для него кормовыя травы. Итакъ, произрастаніе масличнаго дерева и виноградной лозы въ извѣстной полосѣ не исключаетъ вовсе въ ней ни колосовыхъ, ни кормовыхъ растеній, — что, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но, съ другой стороны, и въ этомъ состоитъ главный результатъ метеорологическихъ изслѣдованій г. Гаспарена, если полевоздѣлываемое растеніе упрочивается въ извѣстной странѣ, если произведенные надъ нимъ опыты акклиматизація удачны, и если затѣмъ оно выдерживаетъ крайности температуръ различныхъ временъ года, значитъ — оно отвѣтствуетъ мѣстному климату. Такъ-что если это растеніе виноградная лоза или масличное дерево, то землѣдѣльцу предстоитъ борьба съ лѣтнею засухой и жарамъ, а потому ему нужно для травяныхъ растеній выбирать почву, мѣстоположеніе, защиту и способы воздѣлыванія такого рода, чтобы они предохраняли ихъ отъ рѣзкихъ уклоненій температуры. Но изъ всѣхъ землѣдѣльческихъ условій, зависящихъ отъ климата, всего рѣзче выказывается то, которое относится къ произведенію кормовыхъ травъ. Взгляните на Фламандскія системы полеводства: почти всѣ онѣ основываются на разведеніи корнеплодныхъ, клевера, однолѣтнихъ кормовыхъ травъ и люцерны; естественныхъ-же луговъ найдется въ нихъ лишь самая

малая доля. И все это оттого, что плугъ дѣйствуетъ здѣсь подѣ равномерно-влажнымъ небомъ, оттого что орудіемъ этимъ можно работать круглый годъ, а сѣять и жать во всякую пору. Но переправьтесь чрезъ Альпы, остановитесь въ другой классической странѣ улучшеннаго земледѣлія — въ Ломбардіи, и что представится вамъ здѣсь? Огромныя каналы, орошающія поля и луга о трехъ укосахъ, дающіе съ гектара отъ 12 до 15,000 килограммовъ сухаго сѣна (800—1000 пудъ съ десятины); другіе — орошаемые въ зиму и доставляющіе зеленый кормъ скоту въ продолженіе 10 мѣсяцевъ въ году, благодаря снимаемымъ съ нихъ семи покосамъ и производительности, простирающейся до 80,000 килограммовъ—20,000 к. въ сухомъ видѣ (около 5,335 пудъ съ десятины, или 1,333 пуда сѣна). Въ Пиемонтѣ, въ нѣкоторыхъ долинахъ южной Франціи и вездѣ въ странахъ съ кустарною растительностію, поразитъ васъ всеобщее предпочтеніе долголѣтнихъ кормовыхъ травъ. Въ этой-то противоположности сѣвера и юга и заключается условіе, которое никакъ не должно упускать изъ виду при выборѣ той или другой системы полеводства. Понятно, что исключительныя сторонники Фламандской школы вовсе отвергли естественныя луга, но, напротивъ-того, рациональнымъ практикамъ нежныхъ странъ слѣдовало-бы, кажется, всѣми силами стараться объ увеличеніи пространства такихъ пастбищъ во всѣхъ мѣстностяхъ, дозволяющихъ орошеніе. Временныя, переходящія условія могли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поставить земледѣліе наперекоръ естественнымъ законамъ распредѣленія полезныхъ растений; но въ томъ именно и должна состоять заслуга нашего времени, чтобы впредь наилучше согласить воздѣлываніе разныхъ растений съ климатическими условіями, обезпечивающими успѣшное ихъ разведеніе. Изъ этого видно, какое значеніе имѣетъ ближайшее изученіе различныхъ полосъ земледѣлія, къ которому мы теперь и перейдемъ, начиная съ полосы хлѣбовъ, потому что метеорологическія условія ея наиболѣе приносятся къ нормальному порядку сельскаго хозяйства, какъ относительно работъ, такъ и урожая и доходовъ, а слѣдовательно и потому, что, предварительнаго устройства остальныхъ полосъ по образцу первой, нужно знать: въ чемъ онѣ съ нею болѣе сходствуютъ и въ чемъ различаются». — Въ заключеніи этой статьи сказано: «Спеціальное изученіе каждой изъ земледѣльческихъ полосъ Европы, какъ оно выше представлено, дока-

зываетъ, что отнынѣ метеорологія призвана все болѣе и болѣе точными своими наблюденіями оказать земледѣлію большія услуги. Заслуга систематизаціи началъ и популяризованія этой новой отрасли знанія принадлежитъ преимущественно г. Гаспарену, который значительно расширилъ своими изслѣдованіями вопросъ о земледѣльческихъ климатахъ. До него агрономическая литература едва лишь коснулась обширныхъ странъ, лежащихъ за сѣвернымъ предѣломъ винограда. Тогда рѣчь шла только о хозяйственныхъ системахъ Фландріи, Эльзаса, Бельгіи, Англіи и Германіи, потому что эти страны были отечествомъ славныхъ корифеевъ науки: Артура Юнга, Синклера, Тэра, Шверца, которые, наблюдая земледѣльческіе факты подъ вліяніемъ извѣстныхъ климатическихъ условій, не могли однакожь вывести изъ нихъ началъ, примѣнимыхъ къ положенію южныхъ странъ. Правда, что Артуръ Юнгъ, по возвращеніи изъ своихъ знаменитыхъ агрономическихъ поѣздокъ, обратилъ вниманіе современниковъ на изслѣдованіе климатическихъ законовъ; онъ даже начерталъ на картѣ границы растительности, оставшіяся классическими. Но было недостаточно этихъ указаній человѣка, привыкшаго къ сравнительной методѣ, и нужны были иныя изслѣдованія, чтобы южное земледѣліе, вмѣсто рабскаго подражанія, своими собственными силами двинулось впередъ на пути прогресса. Испытанный предварительнымъ изученіемъ трудовъ Араго, Пулье, Беккереля, Кемца и размышленіями о путешествіяхъ Гумбольдта, Шауа, Буха, Артура Юнга, г. Гаспаренъ понялъ, изъ длиннаго ряда имъ самимъ совершенныхъ путешествій, чтеній и наблюденій, что дабы сдѣлаться болѣе Европейскою, болѣе всемірною, земледѣльческая наука должна искать одну изъ своихъ точекъ опоры въ фактахъ метеорологическихъ. Онъ предугадывалъ будущее: онъ предвидѣлъ умноженіе желѣзныхъ дорогъ и развитіе огромныхъ морскихъ предпріятій, не сомнѣваясь, что результатомъ всѣхъ этихъ удобствъ мѣны продуктовъ всѣхъ краевъ земли долженъ быть переворотъ и въ самомъ хозяйствѣ. Рано или поздно, полагалъ онъ, должны исчезнуть эти аномальныя культуры, упроченныя системою запрещенія даже въ такихъ странахъ, которыя созданы и для иныхъ земледѣльческихъ производствъ. Тогда въ Европѣ рѣзче опредѣлятся границы полосъ масличныхъ деревьевъ, виноградной лозы, хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и лѣсовъ,—обширныхъ естественныхъ полосъ,

изъ которыхъ каждая имѣетъ свои, такъ-сказать, спеціальныя земледѣльческія наклонности, которыя будутъ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ лучше человѣкъ съумѣетъ согласить ихъ съ климатическими условіями. Пусть сѣверное земледѣліе удерживаетъ за собою свои особенности и пользуется лѣсами въ своихъ крайнихъ предѣлахъ; пусть, подъ пасмурнымъ небомъ Шотландіи, Голландіи и другихъ сходственныхъ въ метеорологическомъ отношеніи странъ, оно займется разведеніемъ на пастбищахъ скота, а въ равномѣрномъ климатѣ полосы хлѣбовъ пусть опирается на распашкѣ земли, доведенной до возможно-высшей степени, и прилагаетъ тѣ удивительныя плодоперемѣнныя системы полеводства, которыя допускаютъ возможность паханія и засѣванія почвы почти круглый годъ: — все это логично. Но не слѣдуетъ, чтобы подъ палящимъ южнымъ солнцемъ, въ земляхъ, гдѣ почва лѣтомъ дѣлается тверда, какъ кирпичъ, чтобы здѣсь, говоримъ мы, дѣйствовали по примѣру хозяевъ сѣвера: ибо климатъ этого не дозволяетъ, и чтобы дѣло шло успѣшно, земледѣлецъ долженъ соображаться съ временемъ года. Но что-же дѣлать въ такомъ случаѣ? Г. Гаспаренъ говоритъ, что надо обратиться не исключительно, но преимущественно къ разведенію древовидныхъ растений, къ виноградной лозѣ, къ шелковицѣ, масличнымъ и фруктовымъ деревьямъ; которыя, погружая свои корни въ глубину почвы, между-тѣмъ-какъ плоды на ихъ вѣтвяхъ требуютъ жара палящаго солнца, суть поэтому растенія, предназначенныя самимъ Провидѣніемъ для этихъ жаркихъ климатовъ. Есть еще одно пособіе—орошеніе, доставляющее богатство Верхней Италіи и совмѣстнымъ дѣйствіемъ воды съ солнечнымъ жаромъ производящее урожай, изобиліе которыхъ всегда будетъ составлять монополію южныхъ странъ, доступныхъ орошенію. Безъ-сомнѣнія, г. Гаспаренъ не требовалъ, чтобы важная земледѣльская полоса заключалась въ болѣе или менѣе тѣсный кругъ тѣхъ растений, которыя ею спеціально усвоены. Онъ не упустилъ приписать долю вліянія высотѣ положенія, защитѣ отъ вѣтровъ, сосѣдству моря, народонаселенію, сбыту произведеній, и такимъ образомъ во всѣхъ этихъ полосахъ доказалъ возможность разведенія, при извѣстныхъ условіяхъ, колосовыхъ хлѣбовъ и кормовыхъ растений, вездѣ необходимыхъ для человѣка. Но онъ умѣлъ, съ другой стороны, постановить рѣзкое отличіе между постоянными и временными вліяніями, дѣйствующими на

земледѣльческую производительность; и онъ былъ, конечно, правъ, возвѣстивъ близость той эпохи, когда, для извлеченія всей возможной выгоды изъ своихъ производительныхъ средствъ и географическаго положенія, сельскіе хозяева должны будутъ точнѣе прежняго блюсти неизмѣнный климатическій законъ. «Каждая страна, говорить въ заключеніе г. Гаспаренъ, имѣетъ свою спеціальность; только оставаясь вѣрною самой себѣ, она можетъ достигнуть полнаго своего развитія, и тогда только народы будутъ получать каждое произведеніе по наддешевѣйшей цѣнѣ. Уклоненіе отъ этого правила, желаніе производить все наперекоръ условіямъ, указаннымъ природою, — вотъ-что породило надобность протекціонныхъ мѣръ, которыя, въ большей части случаевъ, суть не что иное, какъ премія, дарованная ложнымъ спекуляціямъ, какъ поощреніе къ плохому дѣлу и извращенію естественнаго порядка и закона природы». Нельзя найти лучшихъ выраженій и убѣдительнѣйшихъ доводовъ въ пользу экономической солидарности различныхъ культурныхъ поясовъ. Въ этой метеорологической опѣлкѣ г. Гаспарена всецѣло содержится ученіе свободной мѣны, и счастлива будетъ земледѣльческая и промышленная Европа, если она сдумаетъ и сможетъ устроиться въ духѣ этихъ либеральныхъ идей! Необходимость и нужда уже наталкиваютъ ее на эту дорогу».

— «Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка» (*). — «Подъ этимъ заглавіемъ, говорить г. Мулловъ, мы намѣрены представить полный, по-возможности, обзоръ статей, касающихся этого предмета, помѣщенныхъ въ разныхъ Русскихъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ второй половины прошлаго столѣтія. Такой обзоръ, какъ намъ кажется, кромѣ удовлетворенія любознательности, будетъ и полезенъ отчасти въ настоящую пору, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, при будущемъ устройствѣ нынѣ-крѣпостнаго населенія. Многія мѣры, которыя предпринимаются въ настоящее время для улучшенія быта поселенъ, предлагались уже въ прошломъ столѣтіи; можетъ-быть, най-

(*) Независимо отъ этой статьи, г. Мулловымъ уже приготовленъ къ печати алфавитно-систематическій указатель сочиненій и статей, касающихся крѣпостнаго состоянія въ Россіи, напечатанныхъ до 1858 года. Указатель этотъ будетъ изданъ отдѣльною брошюрою и разошлетъ подписчикамъ «Записокъ Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества».

дуются и такіе вопросы, занимавшіе людей минувшаго времени, которые, будучи полезны, ускользаютъ отъ вниманія современныхъ намъ дѣятелей на пользу низшихъ слоевъ общества. И въ прошломъ столѣтіи были люди, которые горячо сочувствовали бѣднымъ классамъ народа, глубоко скорбѣли объ общественныхъ недостаткахъ, искренне желали оказать имъ помощь и словомъ и дѣломъ. И тогда были свѣтлыя и просвѣщенные умы, мнѣнія которыхъ заслуживаютъ вниманія современныхъ писателей; и тогда были благородныя личности, дѣла которыхъ заслуживаютъ полной благодарности потомства, совѣтами которыхъ не грѣшно воспользоваться и намъ. Нехудо оглянуться назадъ и послушать, что говорили, какъ думали умные люди стараго времени, когда крѣпостное право было въ Россіи, такъ-сказать, въ зрѣломъ возрастѣ, или, правильнѣе, когда рабство крестьянъ, съ укрѣпленіемъ ихъ, по политическимъ видамъ, къ землѣ, введено было въ обычай и этотъ обычай, утвердись временемъ, сдѣлался уже священнымъ (*). Съ другой стороны, такой полный обзоръ литературы второй половины прошлаго столѣтія, по избранному нами предмету, послужитъ будущимъ изслѣдователямъ матеріаломъ для исторіи сословій — дворянскаго и крѣпостнаго. Во всякомъ случаѣ думаемъ, что трудъ нашъ, какъ-бы онъ ни былъ малоцѣненъ, все-таки не будетъ бесплоднымъ и бесполезнымъ. Въ нашей литературѣ существуетъ еще огромный недостатокъ — недостатокъ обстоятельныхъ библиографическихъ обзорѣній. Хотя мы и имѣемъ уже указатели къ нѣкоторымъ періодическимъ изданіямъ, но они весьма недостаточны, отчасти по самой формѣ своей, отчасти по чрезвычайной краткости. Вотъ съ этой стороны, по-крайней-мѣрѣ, настоящая статья будетъ полезна. Въ ней читатели найдутъ не одинъ только перечень статей (который часто не имѣетъ никакого смысла и значенія), но и подробное изложеніе самаго содержанія ихъ. Такое изложеніе можетъ иногда замѣнить самые подлинники, которые, по ихъ рѣдкости, не всегда можно достать, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ библиотекъ (на-

(*) Мысль, высказанная въ 1803 году въ государственномъ совѣтѣ генералъ-прокуроромъ Троицкимъ, при обсужденіи представленнаго графомъ Румянцовымъ проекта объ учрежденіи въ Россіи класса свободныхъ хлѣбопашцевъ. См. статью г. *Вешнякова*: «Крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ», въ 12 *М. Ж.* м. г. м. 1858 г. стр. 231.

примѣръ, такихъ, какія существуютъ въ университетскихъ городахъ). На первый разъ мы беремъ для обзора «Труды вольнаго экономическаго Общества», журналъ специальный, посвященный «поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства». Считаемъ также нужнымъ предварительно замѣтить здѣсь, что, въ большей части случаевъ, содержаніе статей, для краткости, мы будемъ излагать своими словами, сохраняя, насколько нужно и возможно, первоначальный ихъ смыслъ; но нѣкоторыя мѣста, наиболѣе выпуклыя и оригинальныя, мы будемъ приводить въ подлинникѣ, изъ опасенія, чтобы, чрезъ переводъ на современную рѣчь, не утратился или не измѣнился первоначальный ихъ типъ. Мы не боимся, что, вслѣдствіе такихъ выдержекъ, наша статья, быть можетъ, покажется нѣкоторымъ нѣсколько растянутою: принятый нами порядокъ вѣрнѣе приведетъ насъ къ предполагаемой цѣли — ближе познакомить читателей съ содержаніемъ статей, писанныхъ въ прошломъ столѣтіи по предмету улучшенія быта поселянъ. Послѣ такого обзора литературы легко можно будетъ сдѣлать общій выводъ — въ какомъ положеніи, въ концѣ истекшаго столѣтія, находился вопросъ объ уничтоженіи въ Россіи крѣпостнаго состоянія, или, по-крайней-мѣрѣ, видѣть, что сдѣлала въ этомъ случаѣ литература, какихъ именно мнѣній и взглядовъ была она проводникомъ». Нельзя не одобрить прекрасную мысль г. Муллова.

— «О вліяніи тропическаго климата на растенія умѣренныхъ поясовъ». — «Извѣстно, сколько было говорено о возможности акклиматизаціи растений въ такихъ странахъ, которыхъ климатъ значительно отличается отъ климата, указаннаго имъ природою, и сколько есть еще людей, вѣрующихъ въ возможность подобной акклиматизаціи: посему необходимо поставить на видъ наблюденія, сдѣланныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сень-Доминго. Изъ этихъ наблюденій видно, что растенія холодныхъ странъ не могутъ акклиматизироваться въ странахъ тропическихъ, и наоборотъ, растенія тропическаго пояса не могутъ свыкнуться съ холоднымъ климатомъ. Замѣтимъ, что наблюденія эти принадлежатъ ботанику, уже извѣстному по своей строгой наблюдательности и по своимъ физиологическимъ познаніямъ, и потому относительно своей точности отнюдь не могутъ быть заподозрѣны. Ботаникъ этотъ есть сэръ Робертъ Шомбургъ, извѣстный по изслѣдова-

нѣявъ своимъ въ Англійской Гвіанѣ. Онъ сообщилъ свои наблюденія въ Общество любителей садоводства въ Лондонѣ, въ 1852 г., и хотя съ-тѣхъ-поръ прошло уже болѣе шести лѣтъ, сообщенныя имъ свѣдѣнія до настоящаго времени еще сохраняютъ весь свой интересъ. Хотя городъ Сенъ-Доминго, говорить г. Шомбургъ, есть самый древній изъ городовъ новаго свѣта, однакожь онъ не можетъ похвалиться большими и хорошо устроенными садами; но за то любовь Испанцевъ къ цвѣтамъ доходитъ здѣсь до страсти. Около каждаго дома, какъ-бы бѣденъ онъ ни былъ, есть свой садъ, засаженный розами, гвоздиками и гелиотропами. Испанки къ своимъ любимымъ цвѣтамъ причисляютъ розы, изъ которыхъ здѣсь воспитываются слѣдующія разновидности: мѣсячная Дамасская роза, роза центифольная (бѣлая разновидность встрѣчается весьма рѣдко), многоцвѣтныя розы Банка и Индіи. Недавно разведены на здѣшнемъ островѣ три разновидности чайной розы: роза *Devoniensis*, генералъ Ламаркъ и Магнолія. Всѣ три растутъ весьма хорошо и обильно цвѣтутъ, въ-особенности роза *Devoniensis*, благоуханіе которой, кажется, болѣе увеличилось въ тропическомъ климатѣ. Красота цвѣточныхъ метелокъ *Lagerstroemia indica* превосходить все, что могутъ вообразить себѣ особенно тѣ, которые привыкли судить объ этомъ прекрасномъ растеніи по бѣднымъ экземплярамъ нашихъ теплицъ. Здѣсь, въ Сенъ-Доминго, это растеніе достигаетъ средней высоты дерева (*). Испанцы называютъ это растеніе *Almiga*. Къ числу другихъ воспитываемыхъ здѣсь цвѣтовъ принадлежатъ: бальзамины, всевозможныя разновидности ночной красавицы, калупдины, обыкновенная гвоздика, барвинокъ розовый и бѣлый, Индійская роза, Китайскія астры, хризантемы, цинніи, туберозы, *Amayllis formosissima* и еще нѣсколько луковичныхъ тропическихъ растеній. Всѣ эти растенія можно считать за освоившіяся съ здѣшнимъ климатомъ; но ни одно изъ нихъ по происхожденію своему не принадлежитъ къ странѣ, которую можно было-бы назвать холодною по климату. Уѣзжая изъ Англии въ 1848 г., я получилъ отъ дирек-

(*) То-же бываетъ на югѣ Франціи, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить *Lagerstroemia* въ 5 и 6 метровъ высоты, со стволомъ толщиною въ ногу человѣка. Ничто не можетъ сравниться въ красотѣ съ этимъ великолѣпнымъ растеніемъ въ то время, когда оно въ цвѣту.

тора королевскаго ботаническаго сада зъ Кью коллекцію такихъ растений, которыя могли-бы съ наибольшимъ успѣхомъ акклиматизироваться на Антильскихъ островахъ. Но прежде нежели войду въ подробности объ участи, постигшей эти растенія, я долженъ напередъ сказать, что занимаемый мною домъ консула находится въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ моря, и что довольно узкая полоса земли, отведенная мною подъ садъ, состоитъ изъ раковистаго известняка, покрытаго почти на глубину фута слоемъ хорошей земли. Такъ-какъ эта известковая отмѣль довольно рыхла и во многихъ мѣстахъ растрескалась, то корни растеній могутъ легко проникать сквозь нее, и потому опускаются довольно глубоко. Средняя годичная температура воздуха равняется здѣсь 78° по Фаренгейту (отъ 23 до 26° Ц.), а средняя температура почвы, на глубинѣ нѣсколько болѣе одного фута, равняется 73° Ф. (отъ 25 до 24° Ц.). Этихъ приблизительныхъ увазаній достаточно, чтобы дать понятіе объ условіяхъ температуры, при которыхъ производились мои опыты. Всѣ мои растенія были уложены въ ящикъ Варда. Между ними находилось нѣсколько фуксій, которыя, за исключеніемъ одной, прибыли на мѣсто въ цѣлости. Мы посадили ихъ со всевозможнымъ стараніемъ, но, не смотря на это, всѣ онѣ погибли прежде, чѣмъ зацвѣли. Пеларгонія постигла та-же самая участь. Впрочемъ, одна изъ нихъ, именно Томъ-Пусть, дала побѣги и цвѣла нѣсколько разъ, но затѣмъ пожелтѣла и погибла, какъ и всѣ остальные. Розы бѣлая и красная Китайская, Бугé (?), *Devoniensis*, Прованская (?), Поль Жозефъ и ла-Биржъ (?) прибыли на мѣсто въ совершенной сохранности; Прованская роза дала нѣсколько побѣговъ, потомъ заболѣла и погибла. Между-прочимъ замѣчу, что мнѣ ни разу не случалось встрѣчать этой розы на Антильскихъ островахъ, равно-какъ и тѣмъ изъ здѣшнихъ жителей, съ которыми я говорилъ объ этомъ растеніи. Все, что удалось сдѣлать здѣсь относительно Прованской розы, это — поддержать ея существованіе въ-теченіе двухъ, много трехъ лѣтъ, но потомъ это растеніе, ни разу не давши цвѣту, погибло. Съ красными и бѣлыми Китайскими розами случилось совершенно противное: онѣ растутъ здѣсь необыкновенно сильно и круглый годъ находятся въ цвѣту. Сначала бѣлая разновидность казалась довольно слабою, но когда пересадили ее на мѣсто болѣе открытое для солнца, то она окрѣпла, и теперь не проходитъ дня безъ того, чтобы она

не распустила нѣсколькихъ новыхъ цвѣтовъ. Пока она не была еще подвержена дѣйствию солнечныхъ лучей, цвѣты ея издавали сильный запахъ. Розы Поль Жозефъ и Буге погибли прежде, чѣмъ зацвѣли, а роза ла-Биржъ такъ сильно растеть въ стволъ, что ей недостаетъ силы выкинуть цвѣтовые бутоны. Перегибаніе вѣтвей, обрѣзка, обрываніе листьевъ и другія средства, которыя обыкновенно употребляютъ для того, чтобы заставить цвѣсть розы, не имѣли при этомъ никакого успѣха. Изъ всего этого видно, что климатъ Антильскихъ острововъ въ высшей степени благопріятствуетъ только чайнымъ розамъ, которыя цвѣтутъ здѣсь, такъ сказать, непрерывно. Изъ другихъ растений, которыя точно также въ совершенной цѣлости достигли въ Сень-Доминго, я назову *Ихога Bandhussa*, которая почти въ-теченіе цѣлаго года покрыта своими великолѣпными зонтиками изъ красныхъ цвѣтовъ. Но досихъ-поръ всѣ попытки мои размножить этотъ цвѣтокъ черенками оказались тщетными. *Ихога alba* хворала въ-теченіе двухъ лѣтъ, но наконецъ оправилась и теперь образуетъ здоровый кустарникъ, но еще ни разу не зацвѣтала. *Gardenia Fortunei*, едва прозябавшая въ продолженіе двухъ лѣтъ, теперь совершенно погибаетъ. *Dillenia speciosa* въ 1849 имѣла шесть дюймовъ росту; теперь представляетъ кустарникъ въ 10 футовъ вышины, который досихъ-поръ еще не цвѣлъ. *Ardisia Wallichii*—это растение пока живеть еще; оно правильно теряло свои листья по два раза въ годъ, но послѣ каждой такой потери замѣтно слабѣло и побѣги его становились все менѣе и менѣе сильными. Я почти не надѣюсь сбредить его. *Coelebogone ilicifolia* — это растение хорошо перенесло первые восемь мѣсяцевъ, но потомъ пожелтѣло, потеряло листья и окончательно засохло. *Combretum comosum* — прохворало въ продолженіе трехъ лѣтъ, но теперь кажется стало укрѣпляться; еще ни разу не цвѣло; напротивъ *Eranthemum coccineum* укрѣпилось и легко размножается черенками; его прекрасные пунцовые цвѣтки теряютъ часть своего эффекта вслѣдствіе того, что сидятъ на своихъ длинныхъ колосьяхъ слишкомъ далеко другъ отъ друга. *Noronha chartacea* пережило здѣсь только нѣсколько мѣсяцевъ; *Blaragopus* (?) *periiifolius* — это растение цвѣло только одинъ разъ, но потомъ быстро ослабѣло, и въ настоящую минуту имѣеть только одну живую вѣтку. *Kigelia* (?) *pinnata* значительно выросло и теперь имѣеть около двухъ метровъ высоты, но еще не цвѣло.

Изъ вывезенныхъ мною растений удачнѣе всѣхъ была выбрана *Hibiscus Rosa sinensis* съ махровыми цвѣтами; теперь это растеніе представляетъ прекрасный кустарникъ ростомъ въ 4 метра; ежегодно онъ покрывается обильнымъ запасомъ своихъ большихъ красныхъ цвѣтовъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ отъ 6 до 7 дюймовъ въ діаметрѣ и служатъ предметомъ удивленія для здѣшнихъ дамъ, которыя называютъ его *Flor de la Reina Victoria*. Это растеніе легко принимается черенками, и такъ-какъ я щедро раздаю эти черенки, то теперь оно распространилось во всѣхъ сколько-нибудь поддерживаемыхъ садахъ Сенъ-Домингской республики. Во время церковныхъ празднествъ цвѣты украшаютъ алтари, а на балахъ покрываютъ роскошные черные волосы прекрасныхъ *señoritas*. Другой цвѣтокъ, дорого-цѣнный здѣшними дамами, есть *Galphimia*; это прекрасное растеніе съ своими золотыми цвѣтками я перевезъ изъ Амайки въ Сенъ-Доминго, и въ память обо мнѣ его называютъ здѣсь *Consulita*—цвѣтокъ консула. Говорятъ, что баронъ Вимпфель первый въ 1789 привезъ на островъ нарциссы, гіацинты, тюльпаны и фіалку. Но за исключеніемъ фіалки, которая цвѣтетъ здѣсь довольно хорошо, всѣ эти растенія исчезли, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; впрочемъ, теперь дознано, что луковичныя растенія не живутъ здѣсь. Не такъ давно мнѣ удалось получить нѣсколько стебельковъ резеды, которые цвѣли; но ни одинъ изъ нихъ не далъ сѣменъ. Надо полагать, что это растеніе цвѣло здѣсь въ первый разъ, потому-что одна дама, страстная любительница цвѣтовъ, сказывала мнѣ, что подобной удачи съ резедею не было ни въ Порто-Рико, ни на островѣ св. Томы, ни въ другихъ частяхъ Антильскихъ острововъ. Моя резеда была менѣ пахуча, чѣмъ та, которую привыкли видѣть въ Англіи; левкой лѣтній, столь уважаемый въ Европѣ, растетъ здѣсь только въ листъ. Досихъ-поръ это растеніе еще не цвѣло и постепенно начинаетъ принимать складъ левкой зимняго. Въ настоящее время у меня есть стебли 15-мѣсячнаго возраста, слѣдовательно пережившіе уже два тропическіе сезона; но, не смотря на это, они нисколько не подвинулись впередъ. Далѣи, вывезенныя изъ Европы, въ первый годъ растутъ здѣсь довольно хорошо, но, по прошествіи этого времени, цвѣты начинаютъ постепенно уменьшаться въ величинѣ, изъ махровыхъ дѣлаются простыми, потомъ корни вянутъ и растенія погибаютъ. Встрѣчается иногда, хотя рѣдко, пасси-

Флоры и подсолнечники, это послѣднее преимущественно въ округѣ Цибао, который расположенъ на высотѣ пяти или шестисотъ футовъ надъ уровнемъ моря. Въ долину Констанца,—которая лежитъ уже такъ высоко надъ уровнемъ моря, что въ ней нерѣдко бываютъ морозы и холодъ довольно часто убиваетъ молодые побѣги деревь и падаетъ только жесткіе листья хвойныхъ деревь, встрѣчаются гвоздики и подсолнечники въ столь-же цвѣтущемъ состояніи, какъ и въ Англіи. Я видѣлъ въ этой самой долину кучи бѣлыхъ и красныхъ гвоздикъ, которыя, вырвавшись изъ какого-нибудь сада, безъ всякой помощи челонѣка размножились до того, что заняли собою обширный участокъ земли и на большое пространство вокругъ наполняютъ атмосферу своимъ благоуханіемъ. Здѣсь эти гвоздики совершенно акклиматизировались; но должно замѣтить, что мѣстный климатъ этой долины немногимъ отличается отъ климата той страны, откуда первоначально происходитъ родъ этого растенія. Всѣ эти наблюденія совершенно согласуются съ наблюденіями другихъ путешественниковъ. Опыты Пуато доказали намъ, что плодовые деревья Европы остаются безплодными въ тѣхъ климатахъ, гдѣ теплота не прерывается; это несомнѣнно зависитъ отъ того, что растительность такихъ деревь постоянно находится въ возбужденномъ состояніи и никогда не приостанавливается или не имѣетъ отдыха, —что не согласно съ природою этого рода растеній. Скажемъ болѣе: часто оказывается, что растенія, перенесенныя далеко отъ родины или отъ того мѣста, гдѣ они уже акклиматизировались, вслѣдствіе долготнаго воздѣлыванія, не растутъ или растутъ дурно подъ тѣми-же самыми широтами, изъ-подъ которыхъ взяты эти растенія. Таковы, напримѣръ, виноградъ и оливковое дерево, пересаженные въ южныя Американскіе Штаты, гдѣ средняя температура одинакова съ температурою южной Европы и сѣверной Африки. Все это даетъ поводъ думать, что природа разсыяла свои дары по земному шару, что она падѣлила каждую страну свойственными ей продуктами для того, чтобы заставить людей взаимно одолжать другъ друга и не скрываться въ одиночествѣ. Это разнообразіе продуктовъ было и будетъ всегда великимъ двигателемъ, великой цѣлью путешествій и самой прочной международной связи, которая рано или поздно соединитъ всѣ націи, различныя по праву, происхожденію и языку, въ одну великую семью».

— «Парижская консерваторія искусствъ и ремеслъ». — Въ числѣ общепользныхъ заведеній Франціи, расширенныхъ и преобразованныхъ въ новѣйшее время, согласно нынѣшнимъ требованіямъ науки и распространяющагося во всѣхъ классахъ народа просвѣщенія, — такъ называемая *консерваторія* или хранилище *искусствъ и ремеслъ* занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Начавъ съ существенныхъ улучшеній, касающихся общаго устройства и внутренняго управленія и имѣющихъ цѣлю возстановить первоначальное назначеніе консерваторіи на болѣе прочномъ и широкомъ основаніи, Французское правительство теперь, кажется, намѣрено приступить, такъ сказать, къ внѣшнимъ преобразованіямъ этого заведенія въ-такихъ же огромныхъ размѣрахъ, въ какихъ были задуманы имъ всѣ прочія новыя общественныя зданія и сооруженія, возникшія съ изумительною скоростію и обращающія на себя всеобщее вниманіе и громадностію своею, и изяществомъ наружныхъ формъ. Познакомившись съ Парижскимъ хранилищемъ искусствъ и ремеслъ въ тридцатыхъ годахъ, когда посѣщеніе нѣкоторыхъ публичныхъ лекцій заставляло автора этой любопытной статьи, А. А. *Шерера*, бывать въ его амфитеатрахъ регулярно по нѣскольку разъ въ недѣлю; прослѣдивъ затѣмъ съ особымъ любопытствомъ за всѣми главными переворотами, которымъ подвергалось оно въ сороковыхъ годахъ, вынѣ, къ немалому удовольствію, авторъ имѣлъ случай познакомиться въ подробности съ теперешнимъ его состояніемъ и убѣдиться лично въ замѣчательныхъ усовершенствованіяхъ и въ томъ могучемъ развитіи по всѣмъ его частямъ, которыя составляютъ дѣйствительную заслугу настоящаго управленія хранилища и вообще нынѣшняго порядка вещей во Франціи. Предоставляя для пользы публики всѣ свои сокровища, консерваторія сдѣлалась однимъ изъ привлекательнѣйшихъ для любознательности иностранцевъ предметовъ, и нерѣдко удостоивается посѣщенія и высочайшихъ особъ. Г. Шереръ излагаетъ начало, значеніе, средства и пользу этого техническаго заведенія, которое заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ можно-бы было предполагать, судя по названію, нѣсколько странному и не совсѣмъ удачному. «Мы уже имѣли случай, говоритъ онъ, представить краткое описаніе Парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ, напечатанное въ «Журналѣ мануфактуръ и внутренней торговли», въ 7 номерѣ 1835 года, — гдѣ, между прочимъ, говорили о преобразова-

ніяхъ, которымъ подверглась консерваторія въ то время, и о блестящей будущности, ее ожидающей. Теперь мы можемъ прибавить, что блестящая буцность эта осуществляется лишь нынѣ и притомъ въ размѣрахъ, какіе Французамъ въ царствованіе Людовика-Филиппа казались вовсе несбыточными». Изложивъ въ особой главѣ начало и постепенное развитіе консерваторіи искусствъ и ремеслъ, авторъ въ слѣдующей главѣ разсматриваетъ теперешній составъ консерваторіи, относительно средствъ къ достиженію предназначенныхъ ей общепользительныхъ цѣлей, для чего источникомъ послужилъ ему новѣйшій регламентъ министерства торговли и земледѣлія, состоявшійся вслѣдствіе вышеупомянутаго императорскаго декрета отъ 10 декабря 1853 года, — а затѣмъ въ особыхъ главахъ разсматриваетъ отдѣльно публичные курсы, равно-какъ коллекціи и собранія, составляющія въ совокупности музеумъ консерваторіи. Въ первомъ отдѣлѣ означеннаго регламента о публичныхъ курсахъ, профессорахъ и совѣтѣ императорской консерваторіи постановлено, чтобы публичные курсы искусствъ и ремеслъ читались въ продолженіе 6 мѣсяцовъ, съ 8 ноября по 30 апрѣля. Въ концѣ октября профессора обязаны представлять программы будущихъ своихъ лекцій на обсужденіе совѣта. По утвержденіи совѣтомъ, программы эти печатаются въ особыхъ объявленіяхъ. Каждый профессоръ читаетъ 2 раза въ недѣлю; лекціи продолжаются отъ 1¼ до 1½ часа, отнюдь не долѣе. По истеченіи 20 лѣтъ, каждый профессоръ имѣетъ право требовать адъюнкта (*suppléant*), которому онъ передаетъ или весь курсъ, или часть его; адъюнкту выплачивается половина жалованья того профессора, при которомъ онъ состоитъ, остальною-же половиною заслуженный профессоръ пользуется въ видѣ пенсіи. Сверхъ-того, для всѣхъ кафедръ назначаются министромъ, по представленію директора, постоянные помощники — подготовители (*préparateurs*). Для каждого профессора, вблизи той аудиторіи, въ которой онъ преподаетъ, устривается особый рабочій кабинетъ или лабораторія съ отопленіемъ. При химическихъ лабораторіяхъ могутъ состоять нѣсколько препараторовъ, по усмотрѣнію профессора. Совѣтъ консерваторіи, подъ предсѣдательствомъ директора, состоитъ изъ профессоровъ и членовъ помощниковъ (*membres adjoints*) изъ постороннихъ лицъ, извѣстныхъ въ ученое или промышленное мѣрѣ; число ихъ однакожь не должно превышать числа профессо-

ровъ (*). Должность члена совѣта почетная. Собранія совѣта бываютъ, по меньшей мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ въ продолженіе курсовъ; затѣмъ въ экстренныхъ случаяхъ — по приглашенію предсѣдателя или вице-предсѣдателя. Посторонніе члены-помощники собираются при совѣщаніяхъ о годичномъ бюджетѣ, разборѣ программъ и предложеній насчетъ увеличенія коллекцій и предметовъ публичнаго преподаванія, равно-какъ при разсмотрѣніи предлагаемыхъ средствъ и мѣръ къ преуспѣванію туземной промышленности вообще; наконецъ, при преніяхъ о выборѣ кандидатовъ на вакантныя кафедры. На обсужденіе-же совѣта, въ неполномъ или половинномъ его составѣ (въ-присутствіи однихъ только профессоровъ консерваторіи), поступаютъ вопросы: 1) о подробностяхъ бюджета: постановленія совѣта по этому отдѣлу препровождаются на утвержденіе министра; 2) о наивыгоднѣйшемъ употребленіи денежныхъ средствъ, назначенныхъ по бюджету на музеумъ; 3) о систематическомъ распредѣленіи собраній и предметовъ, и предложенія насчетъ удобнѣйшаго и наиболѣе поучительнаго пользованія ими со-стороны публики; 4) о преподаваніи въ маломъ училищѣ. Кромѣ-того, мнѣніе совѣта отбирается насчетъ слѣдующихъ специальныхъ вопросовъ: 1) устройства промышленнаго обученія; 2) средствъ къ усиленію полезнаго вліянія курсовъ и вообще учебныхъ пособій заведенія на успѣхи промышленности; 3) предложеній, имѣющихъ предметомъ сохраненіе коллекцій, ихъ приращеніе и выгоднѣйшее пользованіе оными со-стороны публики, и 4) по вопросамъ, поступающимъ на обсужденіе совѣта отъ министра земледѣлія, торговли и публичныхъ работъ. Во второмъ отдѣлѣ регламента, кромѣ указаній о составѣ коллекцій, въ-подробности обозначаются права и обязанности администраціи консерваторіи. Коллекціи консерваторіи, по уставу, состоятъ изъ всѣхъ снарядовъ, чертежей, книгъ и образцовъ, находящихся въ заведеніи и отгѣченныхъ въ инвентаряхъ. Всѣ галереи для публики открыты (безмездно) по воскресеньямъ и четвергамъ отъ 10 до 4 часовъ пополудни. По вторникамъ, средамъ, пятницамъ и суббота-мъ посѣтители допускаются лишь съ особаго разрѣшенія ди-

(*) Министерскимъ постановленіемъ отъ 24 декабря 1858 года членами-помощниками назначены: гг. Понселе, генераль Шнейдеръ, Лежантиль, Мари, Кушъ, Дальи, Фере Ессонскій, Берювиль, Фроманъ, Дютерле и Гуель.

ректора. Библиотека открыта для публики ежедневно, за исключеніемъ понедѣльника, отъ 10 до 3 часовъ, точно также, какъ и хранящіяся въ особой залѣ коллекція *промышленной портфели* (чертежи и рисунки) и собраніе привилегій. Управление консерваторіи состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: директора, инженера вице-директора, контролера по счету отдѣленію (*agent comptable*), консерватора коллекцій, библиотекаря, помощника библиотекаря, хранителя промышленной портфели и необходимыхъ для дѣлопроизводства чиновниковъ, число коихъ опредѣляется министромъ. Директоръ, имѣющій казенную квартиру въ самомъ заведеніи, слѣдитъ за порядкомъ публичныхъ курсовъ и завѣдуетъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ. Онъ ведетъ переписку съ министромъ по всѣмъ предметамъ консерваторіи и наблюдаетъ за исполненіемъ всѣхъ постановленій, равно-какъ и обязанностей состоронѣ профессоровъ и всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ и чиновниковъ. Утверждая всѣ расходы, директоръ скрѣпляетъ подписью своею всѣ счета; онъ-же предварительно составляетъ годичный бюджетъ, поступающій на обсужденіе совѣта и за тѣмъ на окончательное утвержденіе министра, съ особымъ съ его стороны мнѣніемъ. Въ рукахъ его находятся также копіи со всѣхъ инвентарей; тѣ и другіе повѣряются въ положенные сроки и о послѣдствіяхъ таковыхъ ревизій директоръ доноситъ министру. Инженеръ вице-директоръ наблюдаетъ, по порученію директора, надъ курсами и надъ внутреннимъ управленіемъ. Ему подлежатъ въ-особенности всѣ исправленія по зданіямъ и галереямъ; онъ-же распоряжается всѣми публичными опытами и особыми работами, производимыми въ консерваторіи по требованію министра. Имѣя также казенную квартиру въ зданіи консерваторіи, онъ исполняетъ всѣ обязанности директора въ-случаѣ продолжительнаго его отсутствія.

Четырнадцать публичныхъ лекцій читаются нынѣ въ амфитеатрахъ консерваторіи. Для чтенія лекцій назначено вечернее, какъ свободное для рабочаго класса, время, за исключеніемъ четырехъ курсовъ, которые, по неимѣнію пока достаточнаго числа амфитеатровъ, читаются по-утрамъ. Каждая лекція (чтеніе производится съ октября до исхода апрѣля) продолжается, какъ выше сказано, отъ 1¼ до 1½ часа. Вотъ перечень преподаваемыхъ предметовъ и краткая каждая изъ нихъ программа:

- 1) *Прикладная геометрія*: по воскресеньямъ и четвергамъ,

утромъ въ 12 часовъ; профессоръ баронъ Карлъ Дюпенъ (Dupin), котораго уже болѣе 20 лѣтъ замѣняетъ товарищъ г. Ришаръ (Richard). *Программа*: Перечень работъ, предпринятыхъ для опредѣленія формы земнаго шара. Краткій обзоръ тригонометріи прямой и сферической. Практическая геодезія; описаніе, способъ употребленія и повѣрка инструментовъ; съемки общія и спеціальныя; нивелированіе. Очертаніе возвышенностей почвы; изготовленіе чертежей и картъ; гномоника; опредѣленіе времени, долготы и широты.

2) *Начертательная геометрія*: по вторникамъ и четвергамъ, вечеромъ въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ; профессоръ Делагурнеря (De la Gournerie). *Программа*: основныя начала начертательной геометріи и приложенія оной; главнѣйшіе снаряды, употребляемые въ архитектурѣ и при исполненіи публичныхъ построекъ.

3) *Прикладная механика*: по воскресеньямъ въ часъ по-полудни и по четвергамъ въ 7 $\frac{1}{4}$ часовъ вечеромъ: профессоръ Треска (Tresca). *Программа*: общія разсужденія о механической работѣ и исполненіи оной машинами. Теоретическія и практическія изслѣдованія о произведеніи паровъ и употребленіи ихъ въ паровыхъ всякаго рода устройствахъ.

4) *Строительное искусство*: по средамъ и субботамъ вечеромъ въ 7 $\frac{1}{4}$ ч.; профессоръ Трела (Trélat). *Программа*: составъ различныхъ построекъ въ отношенія назначенія, исполненія и экономіи зданій; разборъ приложеній теоретическихкихъ правилъ къ постройкамъ жилымъ, муниципальнымъ, земледѣльческимъ и фабричнымъ.

5) *Прикладная физика*: по воскресеньямъ въ 11 $\frac{1}{2}$ ч. утра и по средамъ въ 8 $\frac{1}{2}$ вечера; профессоръ Беккерель (Besquerel). *Программа*: образованіе электричества; приложенія электрической силы къ искусствамъ. Вольтовъ столбъ, электрическій свѣтъ, гальванопластика, золоченіе, телеграфія, электрическіе часы, индуктивныя снаряды и различныя электромагнитныя машины. Главнѣйшія качества свѣта; устройство важнѣйшихъ оптическихъ инструментовъ; химическія дѣйствія свѣта, фотографія. Курсъ прикладной физики читается въ двухъ отдѣленіяхъ; изложенная программа принадлежитъ второму году; въ первомъ излагаются основныя начала и примѣненія прочихъ физическихъ силъ и явленій.

6) *Пряденіе и ткачество*: профессоръ Альканъ (Alcan). *Программа*: ткачество гладкое и узорчатое на высокоосновномъ станкѣ.

Матеріи вязанія. Классификація и отличительныя качества каждаго класса. Разборъ различныхъ системъ ткацкихъ станковъ до-временъ Жакарда и послѣ него. Употребленіе папки, дерева, бумаги и пр. Машинная отдѣлка или апретурa тканей: теорія вообще; отдѣлка безворсныхъ тканей и матерій съ ворсомъ. Разборъ спеціальныхъ вопросовъ, относящихся до ткацкихъ фабрикъ. Проектъ устройства ткацкихъ заведеній. Предметы этого курса распредѣлены на два года: вышеизложенная программа относится ко второму году; въ первомъ преподается искусство пряденія въ соотвѣтственномъ объемѣ.

Прикладная химія, въ-отношеніи собственно къ искусствамъ (*chimie appliquée aux arts*): по воскресеньямъ утромъ въ 2 часа и по четвергамъ вечеромъ въ 8³/₄ ч.; профессоръ Пелиго (Péligot). *Программа*: общія явленія при химическомъ соединеніи и разложеніи. Химическая номенклатура. Эквиваленты. Классификація металловъ; сравненіе физическихъ и химическихъ качествъ. Добываніе и свойство главнѣйшихъ металловъ. Золото, серебро, платина. Пробирное искусство. Ртуть. Мѣдь. Свинѣцъ. Скормъ. Висмутъ. Олово. Алюминій. Цинкъ. Хромъ. Кобальтъ. Никкель. Марганецъ. Желѣзо. Изложеніе главнѣйшихъ сплавовъ, употребляемыхъ въ промышленности.

8) *Прикладная химія*, собственно въ-отношеніи къ промышленности (*chimie appliquée à l'industrie*): по вторникамъ и субботамъ въ 8¹/₂ ч. вечера; профессоръ Пайенъ (Payen). *Программа*: сѣра, добываніе ея и очищеніе. Сѣрнистый углеродъ. Зажигательныя треніемъ спички; опасность отъ употребленія ихъ. Каучукъ и гутта-перча. Сѣрная и сѣрнистая кислота; предосторожности. Азотная кислота. Водохлорная кислота. Хлоръ и хлорныя соединенія; приложенія. Сѣрнокислый и кислый сѣрнокислый натръ. Искусственная сода; очищеніе. Кислая углекислая сода. Искусственныя воды. Сода самородная. Поташъ. Мыло. Варекская сода. Іодъ и бромъ. Буровская кислота въ лагунахъ Тосканскихъ. Бура. Гипсъ. Воды, содержащія селеній. Гигіена и народное продовольствіе (*alimentation publique*). Смолы и мастики, непроницаемыя водою. Освѣщеніе и отопленіе газомъ; предохранительныя снаряды.

9) *Крашеніе, апретурa и набиваніе тканей*: по понедѣльникамъ и пятницамъ, вечеромъ въ 8¹/₂ часовъ; профессоръ Персо (Persoz). *Программа*: о красящихъ веществахъ или пигментахъ вообще. О

крапѣ, кошенили и индиго въ-особенности. Химическое изслѣдованіе волоконъ разныхъ употребляемыхъ въ ткацествѣ матеріаловъ. Количество воды, содержащееся въ нихъ; опредѣленіе степени влажности шелка и шерсти (*conditionnement des soies et des laines*). Обзоръ операціи крашенія и набиванія нитей и тканей. Бѣленіе. Крашеніе. Набиваніе; узоры, формы. Отдѣлка или апретъ. Анализъ пигментовъ. Этотъ курсъ также читается въ продолженіе 2 лѣтъ; первая часть программы принадлежитъ первому году, послѣдняя — второму.

10) *Земледѣльская химія*: по воскресеньямъ въ 10¹/₂ ч. и по четвергамъ въ часть. Профессоръ Буссенго (*Boussingault*). *Программа*: основныя свѣдѣнія геологическія и метеорологическія въ-примѣненіи ихъ къ земледѣлію. Удобреніе. Питательныя начала. Броженіе спиртовое. Практическое изложеніе опытовъ и химическихъ анализовъ, въ примѣненіи къ веществамъ, производимымъ земледѣліемъ или употребляемымъ въ ономъ.

11) *Земледѣліе*: по понедѣльникамъ и средамъ въ 7¹/₂ ч. вечера; профессоръ Молль *Программа*: теорія дѣленія земли на разныя нивы; плодоперемѣнныя системы; переходъ отъ одной системы къ другой. Управление сельскимъ хозяйствомъ: вступленіе во владѣніе; употребленіе капиталовъ; выборъ элементовъ произведенія; распредѣленіе и надзоръ за рабочими людьми; покупка и продажа; отчетность; устройство откупныхъ владѣній.

12) *Прикладная зоологія*, въ-примѣненіи къ земледѣлію и промышленности: по вторникамъ и субботамъ въ 7¹/₂ ч. вечера; профессоръ Бодеманъ (*Vaudement*). *Программа*: изученіе домашнихъ животныхъ. Приложеніе основныхъ правилъ зоотехники къ улучшенію Французскихъ породъ. Ныѣшняя пропорція домашнихъ животныхъ въ-сравненіи съ употребленіемъ. Обзоръ породъ, предположенныхъ къ акклиматизаціи во Франціи.

13) *Промышленное законодательство*: по вторникамъ и пятницамъ въ 7¹/₂ ч. вечера; профессоръ Воловскій (*Wolowski*). *Программа*: художество и промышленность. Важность законовъ, защищающихъ художественную и промышленную собственность. Искусство рисованія: образцы и узоры фабричныя. Клейма и имена фабричныя. Надписи. Вѣроломное совмѣстничество. Преступленія въ-отнoшеніи выдѣлки и продажи товаровъ. Поддѣлка. Фабричныя секреты. Коалиціи. Синдикаты. Общества взаимнаго вспомо-

ществованія. Контракты съ лицами, принимаемыми на обученіе. Работа дѣтей на фабрикахъ. Расчетныя книги для рабочихъ. Наемная работа. Ткачество и напудиваніе. Опредѣленіе степени влажности шелка. Совѣтъ присяжныхъ (conseil des prud' hommes).

14) *Администрація и статистика промышленности*: по средамъ и субботамъ, вечеромъ въ 8½ часовъ; профессоръ Бюра (Bürgat). *Программа*: общія понятія о физической и коммерческой географіи. Разборъ въ-отношеніи къ произведенію, торговли и потребленію: а) земледѣльческихъ произведеній: топлива, хлѣба, скота, сахара, вина и прочихъ напитковъ; б) произведеній минеральныхъ и металлическихъ произведеній: каменнаго угля; желѣза, драгоценныхъ и другихъ металловъ; в) произведеній мануфактурныхъ, въ-особенности хоопчатобумажныхъ, льняныхъ, сеньковыхъ, шелковыхъ, (гливодѣльныхъ) искусствъ и издѣлій промышленности собственно Парижской.

Наконецъ, какъ предметъ болѣе или менѣе публичнаго преподаванія, г. Шереръ присоединяетъ сюда уроки рисованія и черченія первоначальнаго и въ-особенности машиннаго, при содѣйствіи двухъ профессоровъ и особаго преподавателя для изложенія основныхъ началъ геометріи. Эти уроки (съ платою) пока еще входятъ исключительно въ составъ такъ-называемой «малой школы» приписанной къ консерваторіи.

Изъ вышеизложеннаго перечня преподаваемыхъ предметовъ и краткихъ программъ можно видѣть объемъ, цѣль и направленіе публичнаго преподаванія. Приложенія къ фабрикамъ, искусствамъ и ремесламъ составляютъ при этомъ исходную точку, а потому объясненія на практикѣ, гдѣ только оказывается возможность, играютъ главную роль. Теоріи, въ тѣсномъ значеніи слова, придается лишь второстепенное значеніе: она излагается въ основныхъ ея началахъ настолько, сколько необходимо нужно для полного уразумѣнія практическихъ данныхъ. За тѣмъ во всѣхъ случаяхъ обращается особое вниманіе на настоящее положеніе и дальнѣйшее преуспѣяніе туземной промышленности. Всѣ занятія по этимъ предметамъ профессора, — вообще извѣстные практическимъ направленіемъ ученыхъ своихъ трудовъ, — считаютъ долгомъ передавать на лекціяхъ собранныя ими во-время промышленныхъ поѣздокъ по Франціи, равно-какъ и по другимъ странамъ, полезныя свѣдѣнія и наблюденія. На этотъ конецъ правительство щедро открываетъ

имъ нужны къ тому средства. Преподаваніе химіи преобладаетъ надъ всѣми прочими предметами, согласно важности и значенію химическихъ познаній для всѣхъ почти отраслей мануфактурнаго дѣла. Кромѣ двухъ курсовъ, посвященныхъ собственно прикладной химіи, учреждены особыя лекціи для бѣленія, крашенія и набиванія, равно-какъ и для земледѣльческой химіи, получившей столь замѣтное развитіе въ наше время. Повторенія одного и того-же предмета въ различныхъ этихъ курсахъ избѣгаютъ сколь возможно, чѣмъ и объясняется произвольное раздѣленіе статей преподаванія между гг. Пелиго и Пайеномъ, а потому отличительныя названія ихъ курсовъ: «*въ приложеніи къ искусствамъ и въ приложеніи къ промышленности*» не выдерживаютъ критики. Установивъ особый курсъ для прикладной зоологіи, слѣдовало-бы, кажется, открыть подобную кафедру и для прикладной ботаники, что вѣроятно и будетъ сдѣлано при предстоящемъ увеличеніи консерваторіи. Металлургія отчасти уже нашла мѣсто въ прикладной химіи для искусствъ; но и для этой важной вѣтви не излишне было-бы учредить особое преподаваніе, при пособіи имѣющейся уже богатой коллекціи промышленныхъ металловъ и горнозаводскихъ продуктовъ и устройствъ. Изъ числа механическихъ производствъ, въ составъ публичнаго преподаванія вошли пока только пряденіе и ткачество, излагаемая подробно г. Алканомъ, который впервые, сколько намъ извѣстно, успѣлъ ввести механическую технологию въ разрядъ публично-преподаваемыхъ наукъ. Одновременно съ важнымъ этимъ нововведеніемъ, учреждены и послѣднія двѣ кафедры: промышленнаго законодательства и промышленной администраціи и статистики, въ-замѣнъ курса политической экономіи въ полномъ ея составѣ. Въ пособіе при преподаваніи прикладной химіи имѣются двѣ лабораторіи, въ которыхъ готовятся всѣ необходимыя для лекцій препараты и производятся опыты по требованію высшаго начальства. Обѣ эти лабораторіи, оставшіяся въ первобытномъ видѣ, внутреннимъ устройствомъ не вполне соотвѣтствуютъ современному состоянію науки; онѣ будутъ перестроены и увеличены, коль-скоро будутъ утверждены всѣ предположенія насчетъ расширенія круга дѣйствій консерваторіи. При каждомъ профессорѣ состоитъ особый помощникъ — препараторъ (*préparateur*); онъ передъ началомъ лекціи требуетъ отъ консерватора коллекцій необходимыя при чтеніи предметы, и служить

ассистентомъ при производимыхъ во-время лекцій опытахъ. По положенію, преподаватель не можетъ замѣнить профессора; въ-случаѣ-же продолжительнаго отсутствія послѣдняго, на его мѣсто поступаетъ постороннее лицо, избираемое на этотъ случай управленіемъ консерваторіи, съ утвержденія совѣта и министерства. Наконецъ, къ числу вспомогательныхъ для профессоровъ средствъ должно отнести рабочіе ихъ кабинеты, положенные по уставу и предоставляемые въ полное ихъ распоряженіе. Для публичныхъ лекцій въ настоящее время имѣются двѣ залы, въ которыхъ свободно помѣщается до 300 слушателей; впрочемъ, нынѣ устраивается еще третій амфитеатръ. При консерваторіи, какъ сказано выше, состоитъ такъ-называемая малая школа (*petite école*), для обученія рисованію, въ которую допускаются ученики четырнадцати-лѣтняго возраста и притомъ съ извѣстною платою. Она до-сихъ-поръ остается въ-томъ же положеніи, въ какомъ была при первоначальномъ учрежденіи, въ 1819 году. При предстоящемъ увеличеніи консерваторіи она будетъ замѣнена публичными классами бесплатнаго преподаванія рисованія и черченія въ-примѣненіи къ промышленности, и притомъ въ размѣрахъ, соответственныхъ всѣмъ прочимъ учрежденіямъ консерваторіи и, болѣе или менѣе, по образцу подобныхъ школъ, учрежденныхъ въ новѣйшее время въ Англіи и Германіи.

Объяснивъ начало и постепенное развитіе консерваторіи, изложивъ въ общихъ чертахъ содержаніе и направленіе публичнаго преподаванія, и обозрѣвъ многоразличныя средства къ наглядному обученію, авторъ, заканчиваетъ очеркъ свой замѣчаніемъ, что и это полезное созданіе, — какъ всякое человеческое предпріятіе, находитъ немалое число противниковъ, не столько въ самой Франціи, сколько въ просвѣщенной Германіи, и при томъ со-стороны нѣкоторыхъ ученыхъ и свѣдущихъ профессоровъ-технологовъ. Неблагопріятные эти отзывы касаются въ-особенности значенія, пользы и устройства галерей и отдѣльныхъ коллекцій. Какъ-бы пугаясь учебно-промышленнаго заведенія, задуманнаго въ такихъ широкихъ, небывалыхъ до-сихъ-поръ размѣрахъ, и слишкомъ уже упирая на приписываемое Французамъ отличительное качество народнаго ихъ характера, — т.-е. на ихъ тщеславіе, они утверждаютъ, во-первыхъ, что консерваторія Парижская вмѣщаетъ въ себѣ слишкомъ большое число разнородныхъ предметовъ, а пото-

му въ послѣдствіи, если уже и не теперь, для надлежаго управленія и надзора потребуетъ невозможныхъ усилій; во-вторыхъ, что пополненіе и соразмѣрное, съ предстоящимъ развитіемъ промышленности, увеличеніе коллекцій окажется несбыточнымъ, по причинѣ недостатка помѣщеній; въ-третьихъ, что предлагаемое наглядное обученіе, имѣя правда свою блестящую, заманчивую сторону, удовлетворяетъ одному лишь праздному любопытству массы, и отнюдь недостаточно для надлежащаго образованія ремесленнаго сословія, такъ-какъ въ галереяхъ не имѣется, да и нельзя имѣть, соразмѣрнаго числа толкователей, всегда готовыхъ для необходимыхъ на этотъ счетъ объясненій; въ-четвертыхъ, что напередъ слѣдовало-бы рѣшить вопросъ, справедливо-ли вообще поступаетъ правительство, жертвуя столь огромныя суммы для односторонней лишь цѣли, въ пользу одного только класса народа, и какъ-бы въ ущербъ всѣмъ прочимъ; и наконецъ, въ-пятыхъ, что даже при положительномъ рѣшеніи этого вопроса, всѣ другія государства, еслибы захотѣли послѣдовать данному примѣру, едва-ли найдутъ необходимыя на-то денежныя средства. На это г. Шереръ замѣчаетъ слѣдующее: «Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ есть своя доля истины; тѣмъ не менѣе однакожь мы позволимъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія. Что касается перваго пункта, то нынѣшнее управленіе доказываетъ возможность преодоленія столь обширнаго труда и, вѣроятно, успѣетъ въ томъ и при предстоящемъ увеличеніи всѣхъ учебныхъ средствъ консерваторіи, хотя, конечно, выборъ вполне способныхъ лицъ всегда представить не малыя затрудненія, тѣмъ-болѣе, что лица эти, по существу дѣла, непременно должны пользоваться неограниченнымъ, въ кругу своихъ занятій, довѣріемъ правительства. Признавая также и съ своей стороны затрудненія, упомянутыя во-второмъ пунктѣ, мы должны замѣтить, что на первое время въ зданіяхъ консерваторіи не окажется недостатка въ помѣщеніяхъ, коль скоро требуемые прибавочные кредиты будутъ утверждены правительствомъ, и что даже въ будущемъ, еслибы когда-либо ощутилась тѣснота залъ и галерей, всегда откроется возможность исключить многіе предметы, устарѣлыя и неимѣющіе надлежащей цѣнности, и замѣнить ихъ новыми приобрѣтеніями. Оговорку въ третьемъ пунктѣ мы понимаемъ очень хорошо, потому-что въ Германіи, по-крайней-мѣрѣ въ тамошнемъ техниче-

скихъ и вообще общественныхъ заведенiяхъ, даже понятiя не имѣютъ о той доступности, какую пользуются въ залахъ консерваторiи, а при такихъ условiяхъ наглядное обученiе можетъ-быть достигнуто во Францiи въ гораздо высшей мѣрѣ, чѣмъ это возможно было-бы въ Германiи, и можетъ вполне удовлетворять потребностямъ ремесленника и фабриканта, въ-особенности, если онъ, не довольствуясь объясненiями служителей, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляетъ безъ вниманiя и другой способъ обученiя, открытый для него въ публичныхъ чтенiяхъ. По четвертому пункту дозволено имѣть всякому свое мнѣнiе, это дѣло чисто-условное; однакожь нельзя не напомнить о художественныхъ музеяхъ и галереяхъ, считающихся нынѣ за необходимую принадлежность не однѣхъ только первоклассныхъ, но и многихъ второстепенныхъ столицъ и городовъ, гдѣ на учрежденiе и пополненiе ихъ расходуется нерѣдко по нѣскольку десятковъ милiоновъ рублей. На нихъ также можно смотрѣть съ двухъ сторонъ, какъ кто хочетъ: или они создаются для однихъ лишь художниковъ, и въ такомъ случаѣ можно-бы также считать несправедливымъ пожертвованiе такихъ суммъ въ пользу одного и самаго малочисленнаго класса народа; если-же они назначаются для всей публики, то въ этомъ случаѣ про нихъ можно сказать, что и они удовлетворяютъ одному только праздному любопытству массы: потому-что и здѣсь нельзя имѣть постоянныхъ толкователей, которые объясняли-бы несвѣдущему отличiе одной школы отъ другой, стиля одного художника въ-сравненiи съ другимъ, которые-бы обращали вниманiе посѣтителя на начала составленiя красокъ, на всю трудность воспроизведенiя извѣстныхъ эффектовъ освѣщенiя и пр. и пр. Съ однимъ пятымъ пунктомъ мы болѣе или менѣе вполне согласны, полагая также, что если дѣло идетъ объ основанiи учрежденiя, подобнаго Парижской консерваторiи искусствъ и ремеслъ, заведенiя, надъ возрожденiемъ и постепеннымъ развитiемъ котораго трудились, безъ малаго сто лѣтъ, первоклассные ученые, все ремесленное и мануфактурное сословіе и даже многіе государственные сановники Францiи, и въ дальнѣйшемъ преуспѣянiи котораго принимали одинаково ревностное участiе почти всѣ смѣнявшiяся правительства во Францiи,—заведенiя, поступившаго теперь подъ особое покровительство нынѣшняго властелина Французской имперiи; что если дѣло идетъ о сооруженiи подобнаго монумента

тальнаго заведенія, то, допустивъ даже возможность осуществленія этого, дѣйствительно, потребныя на то денежныя средства могутъ показаться слишкомъ обременительными для бюджета большей части Европейскихъ государствъ. Сумма, въ которой и теперь еще нуждается управленіе консерваторіи для окончательнаго ея устройства — 18.000,000 Франковъ, можетъ служить тому доказательствомъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ.

Начала политической экономіи. Соч. *Ивана Горлова*.
Томъ I, in 8°. 493 стр. С. Пб. 1859 г.

Оригинальное сочиненіе по предмету политической экономіи, на Русскомъ языкѣ, составляетъ замѣчательное явленіе въ Русской жизни настоящаго времени. Давно-ли наше общество, чуждое всѣхъ великихъ стремленій современной эпохи, равнодушное ко всѣмъ славнымъ и благотворнымъ проявленіямъ человѣческаго духа, оставалось безразличнымъ ко всему, что занимаетъ и тревожить пылливый умъ человѣка развитаго? Нынѣ не то. Теперь нѣтъ ни одного, самаго даже незначительнаго, по-видимому, и мелкаго обстоятельства, на которое не обратило-бы вниманіе, на которое не откликнулось-бы общественное мнѣніе, этотъ великій современный судья.

Всѣ стороны жизни сдѣлались предметомъ самаго тщательнаго изслѣдованія, самаго строгаго анализа. Разработка всѣхъ, самыхъ даже, по-видимому, маловажныхъ вопросовъ общественной жизни, стала важнѣйшею заботою общества. Нравственный, юридическій, общественный и домашній бытъ, послужили обильнымъ матеріаломъ для содержанія многихъ прекрасныхъ разсужденій, въ которыхъ раскрывались слабыя стороны общественной организаціи и придумывались средства отвратить ихъ проявленіе на будущее время.

Въ этомъ общемъ благородномъ порывѣ обновить нашу задремавшую жизнь, въ этомъ стремленіи улучшить нравственныя, юридическія, общественныя и домашнія отношенія, — хозяйственныя условія страны, конечно, не могли быть забыты, не могли не

обратить на себя полнаго вниманія литературы. И она дѣйстви-тельно оказала имъ уже много существенной пользы: можетъ быть, ни одна сторона общественной жизни не разъяснилась въ настоящее время въ такой степени для Русскаго общества, какъ сторона хозяйственная.

Экономическая дѣятельность, бывшая прежде, по какому-то странному предразсудку, долго господствовавшему, въ совершенномъ пренебреженіи, стала мало-по-малу выходить изъ мрака, который окружалъ ее. Можно положительно сказать, что до послѣдняго времени экономическія явленія, совершающіяся въ мірѣ, были вовсе незнакомы Русскому обществу, которое имѣло о нихъ самыя превратныя понятія. Хотя и въ настоящую эпоху они далеко не успѣли вполне просвѣтлѣть, но, по-крайней-мѣрѣ, интересы хозяйственные мало-по-малу начинаютъ занимать даже тѣхъ, кто прежде никогда и не думалъ о нихъ.

Такимъ счастливымъ измѣненіемъ обстоятельствъ общество наше обязано литературѣ, которая приняла на себя великую обязанность познакомить его съ той идеей, выработанной наукою, что хозяйственныя явленія, подобно всѣмъ другимъ, подчиняются въ своемъ развитіи тѣмъ-же неизмѣннымъ, непреложнымъ и вѣчнымъ законамъ, которые начертаны мудрою рукою Провидѣнія и измѣнить которые не въ-силахъ никакая человѣческая власть. Но литература, столь благотворно дѣйствовавшая на экономическое образованіе общества, не достигала еще вполне своей цѣли—основательнаго и полнаго ознакомленія съ хозяйствомъ страны и условіями его развитія. Средства ея были для этого недостаточными. Онѣ ограничивались краткими и неполными замѣтками о томъ или другомъ экономическомъ явленіи, по поводу его дѣйствительнаго проявленія. Въ этихъ статьяхъ не преобладала общая мысль, общее направленіе, не было науки, въ истинномъ и полномъ ея значеніи, не было знанія, которое одно можетъ дать истинное понятіе о великихъ всемірныхъ законахъ, движущихъ человѣческими обществами и направляющихъ ихъ къ единой цѣли — совершенству. Слѣдовательно обществу оставалось желать появленія въ Россіи, подобно другимъ странамъ, экономической науки въ полномъ ея составѣ и обширности, науки Русской, приуроченной къ нашимъ понятіямъ, къ нашимъ потребностямъ, объясняющей явленія, родственныя нашему быту, близкія нашему существованію. Такое изложеніе науки появилось въ послѣднее время въ сочиненіи про-

ессора Горлова: «Начала политической экономии», первая часть котораго вышла въ свѣтъ.

Сочиненіе г. Горлова есть собственно второе оригинальное, на Русскомъ языкѣ, появившееся въ продолженіе всего настоящаго столѣтія: первое изъ нихъ было сочиненіе, Бутовскаго: «Опытъ о народномъ богатствѣ». Сочиненіе-же Шторха написано на Французскомъ языкѣ и слѣдовательно не для всѣхъ доступно, а «Новый опытъ о богатствѣ народовъ», Каменскаго, есть не иное что, какъ искаженный переводъ знаменитаго Англійскаго курса политической экономии извѣстнаго экономиста Д. С. Милля.

Независимо отъ самаго появленія новаго курса политической экономии, который, при рѣдкости оригинальныхъ трактатовъ, по предмету государственнаго хозяйства, составляетъ важное пріобрѣтеніе для нашей экономической литературы, рассматриваемое сочиненіе Русскаго профессора отличается такимъ существеннымъ характеромъ, который не позволяетъ сомнѣваться въ достоинствѣ труда его. Главнѣйшій отличительный признакъ его — необыкновенная, рѣдко-встрѣчаемая въ хозяйственныхъ сочиненіяхъ практичность. Позволяемъ себѣ нѣсколько подробнѣе распространиться о достоинствахъ этого рода.

Человѣческій умъ, точно также, какъ и взоръ его, въ обширномъ горизонтѣ, представляющемся его наблюденію, начинаетъ съ того, что обнимаетъ всю совокупность явленій и только въ послѣдствіи, когда предъ нимъ открываются всѣ частности, всѣ отдѣльныя явленія созерцаемой имъ картины, онъ начинаетъ разсматривать во всей подробности каждый предметъ особо. Человѣкъ начинаетъ всегда съ теоріи міра, который ему еще неизвѣстенъ; сдѣлавшись болѣе опытнымъ и образованнымъ, онъ начинаетъ изслѣдовать внутреннія тайны созданія, открываемыя ему микроскопомъ. Въ этомъ отношеніи нравственныя науки испытываютъ ту-же судьбу, какъ и науки естественныя. Астрономія, физика, химія, минералогія, геологія, ботаника и другія вытекли послѣдовательно изъ изученія природы вообще и развились въ отдѣльности только вслѣдствіе болѣе сосредоточеннаго вниманія на томъ или другомъ явленіи природы. Нравственныя наука также отдѣлились одна отъ другой по-мѣрѣ обращенія исключительныхъ заботъ на тотъ или другой родъ знаній.

Политическая экономія въ числѣ этихъ наукъ получила жизнь недавно, ибо вниманіе людей позже обратилось на мирныя занятія

земледѣльца, или ремесленника, нежели на замѣтїя война или легиста.

Правда, что и прежде разсуждали о торговлѣ, земледѣліи и промыслахъ, писали сочиненїя, заключавшія въ себѣ истинно-здравыя экономическія понятїя; но экономическая наука въ собственномъ смыслѣ появилась только съ того вренени, когда возникла теорїя производства, развитая фізіократами, дополненная и расширенная Ад. Смятомъ. Съ этого достопамятнаго времени экономическая наука прїобрѣла права гражданства между науками и существованіе ея не можетъ быть болѣе оспориваемо; что-же касается до самой методы ея изслѣдованїя, то она, напротивъ, можетъ подвергаться сомнѣніямъ. Можно спорить о достоинствѣ различныхъ способовъ изслѣдованїя экономическихъ явленїй, можно принимать много различныхъ методъ, можно идти разными путями къ одной и той-же цѣли. Физика призываетъ на помощь свою и опытъ и математическія вычисленїя, — отчего-же политической экономїи также точно не прїобѣгать къ пособію абстрактной и опытной методы, опираясь съ одной стороны на философію; съ другой — пользуясь историческими опытами? Обѣ эти методы всегда имѣли мѣсто въ экономическихъ изслѣдованїяхъ; однако философское начало всегда пользовалось преимуществомъ до послѣдняго времени и имѣло большее число приверженцевъ. Фактъ этотъ нисколько не удивителенъ. Наука можетъ существовать только подъ условїемъ обладанїя извѣстными, опредѣленными началами; ей необходимо правило, знамя, за которое бьются ея адепты; ей необходимо такъ-называемое *profession de foi*, которое показываетъ въ чемъ она состоитъ, или по-крайней-мѣрѣ чѣмъ хочетъ быть она.

Такое стремленіе выразили въ XVIII столѣтїи фізіократы. Были великія заблужденїя въ ихъ ученїя, но все-таки ученїе ихъ было основано на положительномъ основанїи — свободѣ. Ученїе это, развитое Шотландскимъ экономистомъ, дѣлается все истиннѣе и обширнѣе и наука уже въ настоящее время обладаетъ извѣстнымъ числомъ истинъ доказанныхъ. Но, между-тѣмъ, такая система имѣетъ свои недостатки. Удерживая науку въ области чистаго размышленїя, можно потерять изъ виду землю и всѣ случайныя явленїя дѣйствительности, столь прихотливыя и столь мало по-видимому раціональныя. Этою методою придаетъ наукѣ единство, но часто въ ущербъ жизни, разнообразїю и правдѣ. По

всѣмъ этимъ причинамъ развѣ не будетъ болѣе дѣйствительно для успѣха науки внести въ область изслѣдованія извѣстные, совершающіеся факты? Общественное устройство постоянно измѣнялось и продолжаетъ измѣняться ежедневно вмѣстѣ съ общими успѣхами идей и богатства. Необходимо наукѣ почерпать въ философскихъ разсужденіяхъ начало развитія обществъ, которое есть свобода, трудъ и уваженіе къ собственности, какъ первое ея слѣдствіе. Но въ то-же самое время наукѣ необходимо не забывать и міръ, который она многому научила, но отъ котораго и сама не мало приобрѣла свѣдѣній. Заключаясь сама въ себѣ, она теряетъ достоинство дѣйствительности, она дѣлается ложною и ей, какъ средневѣковой схоластикѣ, можно будетъ сдѣлать заслуженный упрекъ въ отвлеченности.

Такихъ-то практическихъ цѣлей наука можетъ достигнуть только посредствомъ опытной методы, посредствомъ исторіи и изъ этого является въ современномъ состояніи экономической науки необходимость для нея исторической методы, принятіемъ которой обусловливается практическій характеръ экономическихъ истинъ. Ежедневно миліоны людей движутся и работаютъ, и дѣятельность ихъ порождаетъ различныя отношенія производства и потребленія. Какое обширное поле для наблюдателя, и можетъ-ли экономистъ не научиться многимъ полезнымъ вещамъ посредствомъ этого наблюденія?

Такимъ образомъ истинное мѣсто политической экономіи, — между философіею и исторіею. Опираясь на ту и на другую, она не можетъ бояться камней преткновеній на своемъ пути и паденія. Исторія поддерживаетъ ее въ предѣлахъ возможнаго и истиннаго и научаетъ ее тому разнообразію непрерывно-измѣняющихся формъ, въ которыхъ дѣятельность челоука создаетъ богатства; философія возвышается надъ этимъ разнообразіемъ и въ законахъ, которые она открываетъ, показываетъ развитіе разумной силы и приложеніе вѣчныхъ законовъ нравственныхъ.

Такова современная и болѣе рациональная метода разработки экономической науки, признаваемая лучшими ея представителями

Сознавая законность и необходимость исторической методы въ изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ, мы не думаемъ приписывать этому способу изысканія истины исключительное значеніе, которое придавали нѣкоторые писатели послѣдняго времени системѣ опыта, также точно мы не можемъ согласиться съ тѣми, ко-

торыя утверждаютъ, будто способъ изслѣдованія историческій исключительно принадлежить Нѣмецкому экономисту Рошеру, который приложилъ его къ экономической наукѣ, подобно тому, какъ другой Нѣмецкій ученый, Савиньи, употребилъ его въ области юридической науки.

Относительно перваго вопроса слѣдуетъ замѣтить, что методы различаются между собою не столько по формѣ, сколько по содержанію. Конечно, величайшій переворотъ произошелъ въ области физики и астрономіи, когда онѣ приняли за исходную точку свою опытъ, наблюденіе; но въ настоящее время напр. Экономическій фактъ и экономическое начало, имъ управляющее, не суть ли одно и то-же элементарное данное? Нѣтъ размышленія, которое не основывалось бы на фактахъ, потому что, вообще, всякая раціональная метода, есть въ то-же время и метода историческая. Съ другой стороны и самые факты нельзя ни соединить, ни раздѣлить иначе, какъ помощію отвлеченныхъ приѣмовъ. Потому вся сущность и самой исторической методы есть собственно раціонализмъ: ибо когда поставляютъ факты въ различныя отношенія, то этимъ самымъ совокупаютъ, или раздѣляютъ самыя идеи, выражаемыя ими. Историческая метода, какъ мы уже упоминали, заслуживаетъ полнаго вниманія. Факты служатъ для нея главнымъ матеріаломъ, необходимымъ основаніемъ всякаго научнаго построенія; она есть логическое слѣдствіе и прямое приложеніе великаго философскаго ученія о постоянномъ прогрессѣ. Если дѣйствительно всѣ вещи и всѣ познанія находятся въ состояніи постояннаго и возрастающаго развитія, то недостаточно преслѣдовать формулу абсолютной истины, не прилагаемой, какъ говорятъ, непосредственно къ дѣйствительности. При этомъ должно изучать въ измѣнчивой картинѣ исторіи совокупность различныхъ явленій и ихъ взаимныя отношенія, посредствомъ которыхъ проявлялась общественная организація, слѣдовать за ихъ постепеннымъ развитіемъ и отсюда уже придти къ основному закону. Все это совершенно справедливо, но при такой методѣ, повторяемъ, нельзя забывать и болѣе простой способъ изслѣдованія, посредствомъ логическихъ выводовъ и заключеній.

Относительно втораго вопроса, именно чести приложенія исторической методы къ экономическимъ изслѣдованіямъ, приписываемой исключительно нашему времени, мы должны замѣтить, что такой взглядъ едва ли справедливъ. Историческая метода давно

существовала и Адамъ Смитъ уже съ пользою употреблялъ ее; то-же самое должно сказать и о Росси, который строго различалъ практику отъ теоріи науки. Кромѣ-того, историческая метода, при крайнемъ ея приложеніи, можетъ сопровождаться слѣдующимъ невыгоднымъ послѣдствіемъ: она, какъ извѣстно, заимствуетъ свои факты изъ предшествовавшаго нашей эпохѣ времени и выводитъ изъ нихъ истину, часто являющуюся уже отжившей въ настоящій моментъ. Исходная-же точка рациональной методы заключается въ самыхъ высшихъ возрѣніяхъ современной эпохи, она основывается на убѣжденіяхъ, стремленіяхъ и предчувствіяхъ избранниковъ эпохи, и потому ея заключенія стремятся выразить идеалъ, осуществленіе котораго можетъ выразиться въ будущемъ, тогда-какъ исторія смотритъ всегда назадъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту мысль, приведемъ примѣръ. Политическая экономія родилась въ XVIII столѣтіи. Физиократы видѣли, какъ публичная власть захватила въ свои руки всю экономическую дѣятельность народа, весь трудъ, всю землю, какъ власть тяготѣла надъ мыслями и дѣйствіями людей, и такая система въ царствованіе Людовика XIV достигла апогея своего развитія. Царствованіе это однако считалось всѣми самымъ славнымъ, и вся Европа съ удивленіемъ взирала на кажущееся благосостояніе Французскаго народа. Видя всѣ такія послѣдствія системы, физиократы могли-бы заключить, что факты должны привести къ признанію за идеалъ экономическаго совершенства централизацію и деспотизмъ, прилагаемые къ промышленности, но на мѣсто того Кене и его ученики провозглашаютъ знаменитое *laissez-faire*, право cadaго надъ произведеніемъ своего труда, уничтоженіе всѣхъ стѣсненій и полную свободу. И факты впоследствии подтвердили вполне ихъ ученіе, казавшееся тогда утопіею,—и оставаясь въ идеалѣ и теоретической отвлеченности, они въ дѣйствительности провозгласили великую историческую истину эпохи.

Такимъ образомъ въ окончательномъ выводѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что историческая метода чрезвычайно полезна и благотворна, если ею пользуются съ извѣстными ограниченіями, если ее употребляютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такой точно взглядъ на исторію въ экономическихъ дѣлахъ обнаружился и въ рассматриваемомъ нами сочиненіи.

Авторъ его, г. Горловъ, прибѣгаетъ, и весьма часто, къ указаніямъ историческаго опыта, какъ вообще говорить, непреложнаго и

непогрѣшимаго указателя состоятельности того или другаго факта, въ извѣстную эпоху и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; но въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ также не отвергаетъ и рациональной мѣтоды, столь-же полезной и производительной.

Такое историческое приложеніе фактовъ дѣйствительнаго міра къ подтвержденію отвлеченной истины дѣлаетъ науку практической, отстраняетъ всякій поводъ сомнѣваться въ ея истинѣ и упрекать ее въ идеализаціи и мечтательности, несообразныхъ въ такомъ серіозномъ предметѣ, каково государство и его хозяйство.

Другая замѣчательная особенность новаго сочиненія г. профессора Горлова, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, для доказательства отвлеченныхъ истинъ науки, онъ беретъ дѣйствительные факты и данныя изъ экономической исторіи нашего отечества. Прежніе экономисты во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ прибѣгали къ пособію данныхъ, заимствуемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій и относящихся къ главнѣйшимъ Европейскимъ и Американской державамъ. Правда, что такое предпочтеніе фактовъ иностранныхъ государствъ имѣло немаловажное основаніе: страны Европы пользуются болѣе продолжительною жизнью, чѣмъ наша юная Россія; онѣ успѣли прожить и испытать болѣе какъ политическихъ, такъ и хозяйственныхъ переворотовъ; опытъ жизненный, испытанный въ-теченіе ихъ долговременной и трудной жизни, богатъ указаніями для новаго, только-что вступающаго на подприще исторической жизни государства, и потому онъ можетъ быть истинно-благодѣтеленъ для новыхъ народовъ. Онъ научаетъ этихъ послѣднихъ, къ чему должны они стремиться, чего избѣгать, указываетъ путь, который наилучше и вѣрнѣе ведетъ къ желанной цѣли, къ достиженію высшаго развитія и благосостоянія. Поэтому понятно, почему наука экономическая прибѣгала преимущественно къ указаніямъ Англійскихъ, Французскихъ и другихъ источниковъ. Кромѣ-того, статистическія Русскія свѣдѣнія, какъ извѣстно, столь бѣдны, столь недостаточны, что полагать на нихъ единственную надежду и не возможно и не практически. Только въ настоящее время, при общемъ пробужденіи нашей науки, при порывистомъ и не сдерживаемомъ ничѣмъ стремленіи ея къ усовершенствованію появляются начала рациональной ея разработки и позволяютъ надѣяться, что со-временемъ и мы будемъ имѣть статистическую литературу, полную интереса и важности. Но, такъ-какъ съ одной стороны иностранныя свѣдѣнія болѣе спо-

способны служить фактическимъ подтвержденіемъ истинъ, обнаруживающихся въ тѣхъ странахъ, къ которымъ онѣ непосредственно относятся, а съ другой стороны, такъ-какъ Россія является уже вполне сложившимся организмомъ государственнымъ и все-таки, хотя слабо, но жила экономически, въ ней все-таки развивались и совершенствовались хозяйственныя учрежденія, — то всякая попытка извлечь свѣдѣнія о нихъ изъ готовыхъ уже матеріаловъ, или предпринять собственное изслѣдованіе, заслуживаетъ самой живѣйшей благодарности, со стороны всѣхъ, коимъ нечужды родные интересы; и потому мы должны виѣннить автору «Началъ политической экономіи» въ важную заслугу попытку подобнаго рода. Она чрезвычайно знаменательна въ настоящее время. Независимо отъ того важнаго обстоятельства, что разсмотрѣніе экономического быта Россіи въ дѣйствительномъ его проявленіи, въ теченіе вѣковъ, присоединить новое доказательство неизмѣнности и вѣчности великихъ законовъ, управляющихъ экономическую жизнью человѣческихъ обществъ, во всеобщности и повсемѣстности ихъ, — независимо, повторяемъ, отъ этого обстоятельства, разработка отечественнаго экономического быта знакомитъ съ хозяйственною исторіею страны, а что можетъ представлять болѣшій интересъ, какъ не эта исторія, раскрывающая, какъ трудился народъ въ теченіе своего историческаго поприща, какъ страдалъ и благоденствовалъ, какіе способы употреблялъ для достиженія цѣли своего существованія. Мы ничего не знаемъ интереснѣе таковаго изложенія исторіи, которая, къ-счастію, вышла изъ тѣхъ тѣсныхъ предѣловъ, которыми она прежде ограничивала себя, которая нынѣ не довольствуется разсказами о войнахъ и придворныхъ интригахъ, а рассказываетъ краснорѣчивую повѣсть вѣковаго служенія народа великимъ идеямъ истины и добра. Разъяснивъ такимъ образомъ прежній бытъ народа, она тѣмъ даетъ возможность ближе ознакомиться и съ современнымъ бытомъ работника, — бытомъ, въ которомъ экономическій элементъ играетъ такую существенную роль. Этотъ бытъ почти вовсе намъ неизвѣстенъ; огромныя пространства, на которыя раскинуто наше отечество, трудность сообщеній, необщительность самаго народа — все это содѣйствуетъ малому успѣху экономического познанія тѣхъ основаній, на которыхъ покоится жизнь Русскаго крестьянина и ремесленника, и между-тѣмъ сколько представляетъ она интереса, сколько заключается въ ней поучительныхъ истинъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ опытъ самостоятельной разработки экономическаго быта Россіи такимъ строгимъ и положительнымъ умомъ, какимъ обладаетъ г. профессоръ Горловъ, есть чрезвычайно-отрадное обстоятельство. Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего обозрѣнія книги профессора мы остановимъ вниманіе читателей на этомъ свойствѣ сочиненія и постараемся въ подробности представить воззрѣніе автора на существенныя стороны вопроса; теперь-же мы ограничиваемся только указаніемъ на эту отличительную черту его изложенія.

Кромѣ указанныхъ нами характеристическихъ особенностей «Началъ политической экономіи», мы не можемъ пройти молчаніемъ новую отличительную черту сочиненія—именно современность его.

Г. Горловъ не ограничился въ своемъ изложеніи, какъ мы упоминали выше, однимъ теоретическимъ представленіемъ научной системы; его книга заключаетъ въ себѣ много практическихъ указаній на различныя современныя экономическія явленія въ западныхъ государствахъ. Но что особенно замѣчательно и оригинально — это разсмотрѣніе хозяйственныхъ преобразованій, готовыхъ совершиться въ нашемъ отечествѣ, и объясненіе какъ смысла будущей реформы, такъ и возможныхъ и вѣроятныхъ ея послѣдствій. Такимъ образомъ, авторъ подвергаетъ строгому анализу начало и основаніе общиннаго владѣнія, породившаго такіе продолжительные и многочисленные споры въ нашей литературѣ, разсматриваетъ съ практической точки зрѣнія и въ примѣненіи къ Россіи интересный вопросъ о свободѣ торговли, наконецъ дѣлаетъ много вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній о предстоящемъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости населенія нашего отечества. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай въ большей подробности познакомить читателей съ воззрѣніями автора на главнѣйшія существенныя задачи современной жизни Россіи. Изъ этого разсмотрѣнія мы убѣдимся, что все высказанное г. Горловымъ относительно экономическаго быта Русскихъ поселянъ отличается самою строгою практичностью, совершеннымъ безпристрастіемъ и полнымъ отсутствіемъ духа партій, который такъ часто мѣшаетъ изысканію и достиженію истины. Положенія г. Горлова, относительно общиннаго владѣнія, свободы торговли и другихъ вопросовъ, основаны на самой строгой научной истинѣ, приобрѣтшей непреложный авторитетъ въ наукѣ; эта одна истина, почерпнутая изъ политической

экономіи, служатъ мѣриломъ достоинствъ самыхъ учреждений, ихъ практической и теоретической состоятельности и пользы. Имѣя такія строгія непоколебимыя основанія, положенія автора не могутъ подвергаться сомнѣнію и могутъ выдержать самую строгую критику.

Изложивъ въ общихъ чертахъ характеръ новаго сочиненія г. Горлова, намъ предстоитъ теперь сдѣлать обзоръ болѣе подробное отдѣльныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ частей его.

Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ слѣдующіе предметы: народное имущество, экономическое состояніе народа и теорію мѣновой цѣнности. Отсюда выводитъ онъ самый предметъ политической экономіи, важность этой науки, достовѣрность ея истинъ и наконецъ представляетъ ея раздѣленіе.

Народное имущество, состоящее, по мнѣнію автора, какъ въ вещественныхъ предметахъ, удовлетворяющихъ нуждамъ, пользѣ и удовольствію челоуѣка, и въ орудіяхъ, служащихъ для производства хозяйственныхъ предметовъ, такъ и въ физическихъ и умственныхъ силахъ народа, можетъ находиться въ равновѣсїи съ потребностями, или превышать ихъ, или быть для нихъ недостаточнымъ. Первое изъ этихъ состояній можно назвать достаточностію, второе богатствомъ, третье бѣдностію. Такому теоретическому понятію о бытїи народа соответствуютъ разныя историческія явленія. Формы, въ которыхъ выражается богатство, бываютъ очень измѣнчивы и различны, завися отъ духа времени и образованія; но при томъ слѣдуетъ принимать во вниманіе слѣдующія обстоятельства: народы тѣмъ богаче, чѣмъ у нихъ болѣе нуждъ матеріальныхъ и духовныхъ и средствъ для ихъ удовлетворенія, чѣмъ предметы эти правильнѣе распредѣлены во всѣхъ классахъ общества, и наконецъ, экономическое состояніе народа зависитъ отъ обезпеченія самаго возобновленія производства. Таково понятіе о значеніи народнаго богатства.

Теперь слѣдуетъ намъ остановить вниманіе на предметѣ, который съ перваго взгляда можетъ показаться не важнымъ и не стоящимъ подробнаго рассмотрѣнія, между-тѣмъ-какъ въ сущности онъ чрезвычайно важенъ. Мы разумѣемъ опредѣленіе науки политической экономіи. Опредѣленіе науки вообще имѣетъ существенное значеніе: оно указываетъ предметъ и предѣлы ея изслѣдованія, и одно простое измѣненіе въ немъ можетъ дать особый

характеръ цѣлому изложенію знанія. Такая важность опредѣленія еще значительнѣе въ наукахъ новыхъ, не успѣвшихъ принять окончательныя формы, а такова политическая экономія. Въ ней необходимо точно и вѣрно обозначить предметъ изслѣдованія. Но при важности опредѣленія, оно представляетъ часто непреодолимыя трудности, и потому не удивительно встрѣтить иногда неправильности въ немъ.

Мнѣнія большей части экономистовъ относительно сущности и предмета политической экономіи можно раздѣлить на двѣ группы: первую составляютъ тѣ, которые даютъ ей обширный смыслъ; подъ словомъ «богатство» разумѣютъ удовлетвореніе какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ и нравственныхъ потребностей человѣка. Вторая группа заключаетъ въ себѣ тѣхъ, которые ограничиваютъ задачу науки единственно предметами матеріальными. Последнимъ напр. принадлежитъ опредѣленіе науки, которое, какъ извѣстно, выражается въ слѣдующей формулѣ: «политическая экономія есть наука о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ». Опредѣленіе это, хотя точное въ своемъ основаніи, слишкомъ матеріализируетъ предметъ. Можно подумать, что богатство состоитъ единственно въ матеріи и что оно имѣетъ побужденіемъ своимъ исключительно матеріальные интересы. Нѣкоторые писатели этой-же группы называютъ политическую экономію теоріею цѣнностей. Этимъ самымъ они чрезвычайно ограничиваютъ науку и исключаютъ изъ области ея естественное богатство. Первая группа писателей, хотя въ своихъ опредѣленіяхъ не придаетъ богатству исключительно матеріальнаго характера и не ограничиваетъ его, однако за то часто впадаетъ въ другую крайность: признаетъ, какъ напр. Шторхъ и Сисмонди, предметомъ ея вообще цивилизацію. Но, какъ извѣстно, понятіе о цивилизаціи заключаетъ въ себѣ много элементовъ, которые не могутъ войти въ область политической экономіи.

Наиболѣе признаваемое въ настоящее время опредѣленіе нашей науки есть слѣдующее: «Политическая экономія есть наука о законахъ человѣческаго труда и человѣческой промышленности».

Профессоръ Горловъ въ своемъ сочиненіи не даетъ прямого опредѣленія наукѣ; онъ выводитъ его изъ разсмотрѣнія всей системы хозяйственной дѣятельности народа.

Всякій народъ, говоритъ онъ, имѣетъ многочисленныя, частныя хозяйства. Науки, которыя занимаются изученіемъ этихъ

частныхъ хозяйствъ, суть науки техническія. Онѣ разсматриваютъ частные промыслы въ ихъ частныхъ результатахъ; такъ напримеръ устройство паровыхъ машинъ разсматривается въ промышленной механикѣ; она предлагаетъ самыя удобныя и выгодныя способы ихъ устройства, выгодныя для хозяина и его промысла. Но какія послѣдствія для общественнаго благосостоянія и экономическаго развитія народа, особенно для рабочаго класса, могутъ имѣть машины, объ этомъ механика не разсуждаетъ. Между тѣмъ, весьма важно и поучительно показать отношенія, въ которыхъ промыслы состоятъ къ народному благосостоянію, равно представить взаимную органическую связь, въ которой они состоятъ между собою. Эту-то задачу и беретъ на себя политическая экономія. Она разсматриваетъ промышленность со стороны общественной и народной, въ-отношеніи къ благосостоянію жителей. Мы находимъ въ дѣйствительности подтвержденіе такому двойственному взгляду на промышленность, какъ со стороны технической, такъ и общественной. Такъ въ Англіи промыслы, въ-отношеніи техническомъ, доведены до высшей степени совершенства, между тѣмъ, въ-отношеніи къ народу, къ его благосостоянію, они не обнаруживаютъ столь счастливаго вліянія и существованіе многочисленнаго класса бѣдныхъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, служить доказательствомъ, что бѣдность можетъ существовать въ народѣ наравнѣ съ необыкновеннымъ усовершенствованіемъ механическаго производства. Чтобы объяснить такое общественное явленіе, нужно посмотрѣть на частныя хозяйства во взаимной связи ихъ и въ-отношеніи къ народному обогащенію. Во всѣхъ промыслахъ, кромѣ-того, есть своя особенная хозяйственная часть, отличная отъ технической, которая по-даетъ поводъ къ новымъ свѣдѣніямъ, объясняя свойство капиталовъ, трудовой платы, дохода. Нравственныя начала также имѣютъ большое вліяніе на успѣхи хозяйства, напр. возбужденіе трудолюбія экономическими способами составляетъ важный копросъ, который не разсматривается въ техническихъ наукахъ, а входитъ въ область государственной экономіи, которая такимъ образомъ есть наука, разсматривающая хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, насколько онѣ заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности.

Такіе выводы изъ разсмотрѣнія всей хозяйственной дѣятельности народа совершенно ясно опредѣляютъ задачу политической

экономіи. Она есть наука о хозяйственныхъ условіяхъ благосостоянія. Какъ видно, авторъ, по отношенію къ тѣмъ группамъ, которыя мы установили выше, принадлежитъ къ первой, т.е. онъ придаетъ болѣе обширный смыслъ наукѣ народнаго хозяйства; но въ понятіи его предметъ политической экономіи не столь безграниченъ, какъ напр. у Шторха и другихъ, которые считаютъ за этотъ предметъ вообще цивилизацію. Г. Горловъ строго опредѣляетъ, что политическая экономія занимается только *хозяйственными* условіями. Съ другой стороны экономисты второй группы, сильно ограничивающіе предметъ своего изслѣдованія и заключающіе его въ тѣсныя предѣлы, напр. производство цѣнности, мѣны и пр., забываютъ человѣка и его благосостояніе, къ которому окончательно стремится хозяйственная дѣятельность, забываютъ, по выраженію Дроза, что произведеніе создано для человѣка, а не человѣкъ для произведенія.

Въ опредѣленіи профессора Горлова и этотъ недостатокъ устраненъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе. Въ опредѣленіи предмета политической экономіи профессоръ Горловъ часто употребляетъ названіе: государственная экономія; но идея государства, вообще говоря, находится внѣ области политической экономіи. Экономическіе законы проявляются во всей своей силѣ вездѣ, гдѣ есть разумная хозяйственная дѣятельность, гдѣ есть трудъ и мѣна и общественныя отношенія; поэтому, какъ намъ кажется, правильнѣе употреблять названіе: «общественная экономія», которое можетъ быть удобно отнесено какъ къ обществамъ, наиболѣе развитымъ, такъ и къ недостигшимъ еще полнаго успѣхія.

Разсматривая другіе предметы введенія, мы не можемъ не остановиться на чрезвычайно-вѣрныхъ и практическихъ замѣчаніяхъ автора о сомнѣніи нѣкоторыхъ лицъ въ достовѣрности истинъ политической экономіи. Г. Горловъ такъ объясняетъ причины этихъ сомнѣній. Метода извлеченія общихъ началъ изъ достаточнаго ряда частныхъ событій, которой слѣдуетъ политическая экономія, какъ и всѣ прочія опытные науки, даетъ ей такую достовѣрность, какая только возможна для человѣческихъ познаній. Но иногда, правда, эмпирики, занимающіеся экономическими вопросами, придаютъ излишнее значеніе своимъ собственнымъ наблюденіямъ и чрезъ то впадаютъ въ односторонность и эта первая причина несовершенства положеній науки. Далѣе, вопросы политической

экономіи касаются предметовъ, которые совершаются въ виду всѣхъ, а потому всякій составляетъ о нихъ мнѣніе, хотя наименѣе къ тому призванъ своимъ образованіемъ. Поэтому, на основаніи только своихъ ошибочныхъ мнѣній, дѣлаютъ и ложныя заключенія о началахъ, по которымъ дѣйствуетъ общество. Но особенно мѣшаютъ успѣху науки личныя выгоды. Экономическія начала такого свойства, что осуществленіе ихъ на практикѣ, не смотря на общественную пользу, можетъ причинить значительныя убытки цѣлому классу жителей. Ослѣпленные однимъ своими выгодами, они употребляютъ всѣ тонкости софизмовъ, чтобы воспрепятствовать отмигнѣнію прибыльныхъ имъ постановленій: разумѣется, чрезъ это лишаютъ довѣрія и теорію.

Относительно раздѣленія политической экономіи авторъ замѣчаетъ, что такъ-какъ народное хозяйство имѣетъ цѣлью чрезъ экономическую дѣятельность обезпечить народъ, то оно производитъ продукты хозяйственной дѣятельности, которые послѣ своего появленія распредѣляются между различными классами жителей, или поступаютъ въ продажу и въ ней состоитъ до-тѣхъ-поръ, пока явятся потребители. Эти четыре главные момента хозяйства даютъ начало четыремъ частямъ государственной экономіи: производству, обмѣну, распредѣленію и потребленію.

Въ первой и второй частяхъ, которыя составляютъ содержаніе вышедшей книги, рассматривается производство и обмѣнъ.

Что касается производства, то дѣятелей его авторъ раздѣляетъ на слѣдующіе классы: самъ человѣкъ, природа и капиталъ и рассматриваетъ каждую изъ этихъ силъ.

Останавливаясь на рассмотрѣніи человѣка, какъ экономической силы, г. Горловъ различаетъ силу его механическую и умственную. Показавъ такимъ образомъ, въ чемъ состоитъ хозяйственный трудъ, авторъ переходитъ къ цѣлямъ этого труда—производить предметы полезныя для человѣка,—и обозрѣваетъ значеніе промышленности и невещественнаго производства. Принимая двѣ силы человѣческаго труда, — механическую и умственную, мы видимъ, что первая зависитъ отъ числа жителей, а вторая отъ промышленнаго образованія. Развивая эти вопросы, авторъ неизбѣжно приходитъ къ рассмотрѣнію населенія, по его экономическому составу и движенію и экономическому образованію.

Прежде всего онъ обозрѣваетъ отношеніе половъ, возрастовъ и наконецъ говоритъ о тѣхъ несчастныхъ членахъ, которые отъ

рожденія или по другимъ обстоятельствамъ, не способны къ полезной дѣятельности, какъ-то: умалишенныхъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ. Послѣ предварительныхъ изысканій о составѣ народа, г. Горловъ развиваетъ хозяйственныя причины приращенія народнаго, т.-е. теорію населенія, и въ этомъ отношеніи придерживается ученія Мальтуса. Извѣстно, что знаменитая теорія Англійскаго мыслителя наша въ послѣднее время значительныхъ противниковъ въ нѣкоторыхъ экономистахъ, особенно въ Кере и Бастіа. Хотя ученіе ихъ не могло совершенно испровергнуть теорію Мальтуса, тѣмъ не менѣе они представили много справедливыхъ и дѣльных замѣчаній, способствующихъ значительно къ разясненію темныхъ сторонъ вопроса. Мы были чрезвычайно удивлены, встрѣтивъ въ новомъ курсѣ г. профессора Горлова только указаніе на этотъ интересный споръ между учеными.

Изложивъ въ ученіи о народонаселеніи теорію Мальтуса, авторъ переходитъ къ развитію другаго вопроса труда, именно умственного его элемента, который въ свою очередь зависитъ отъ образованія народнаго; онъ касается при этомъ раздѣленія занятій и переходитъ наконецъ въ 5-й главѣ своего курса, къ разсмотрѣнію нравственныхъ и общественныхъ условій производства. Первые причины, т.-е. физическія, заключающіяся въ средствахъ существованія и опредѣляющіяся числомъ жителей, и умственныя, обусловливающіяся народнымъ образованіемъ, суть причины непосредственныя. Второй-же разрядъ ихъ, къ которому относятся нравственныя и общественныя условія, суть посредственныя. Остановимся въ настоящемъ случаѣ преимущественно на обзорѣнн общественныхъ условій успѣховъ производства, ибо при этомъ авторъ касается интереснаго современнаго вопроса о рабствѣ.

Право на личность, т.-е. на самого себя и на свой собственный трудъ, говоритъ авторъ, принадлежитъ къ самымъ неотъемлемымъ правамъ. Человѣкъ вмѣстѣ съ жизнію подчиняется разнымъ нуждамъ, онъ имъ долженъ удовлетворять подъ страхомъ болѣзней и смерти. Для этого удовлетворенія природа одарила его разными способностями, а потому онъ имѣетъ на нихъ неоспоримое, естественное право. Но народъ, чтобы достигнуть подобнаго сознанія правъ человѣка, долженъ много прожить. Прежде чѣмъ онъ созналъ эти права, онъ долженъ пережить нѣсколько формъ порабощенія, которыя обыкновенно существуютъ въ первомъ періодѣ

исторiи. Главнѣйшія формы этого рабства заключаются собственно въ невольничествѣ и такъ-называемомъ крѣпостномъ положеніи.

Исторія Европейскихъ государствъ показываетъ, что невольничество не переходило прямо въ свободное рабочее состояніе, но что между тѣмъ и другимъ существовала посредствующая организациія труда, которая заключала въ себѣ много преимуществъ и облегченій сравнительно съ невольничествомъ, но не обезпечивала еще вполне хозяйственной дѣятельности. Такое положеніе и называлось крѣпостнымъ. Положенія его главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ: личность работника обезпечена закономъ, который опредѣляетъ денежный или рабочій оброкъ крестьянъ; семейный союзъ ихъ сохраняется неприкосновеннымъ, разлученіе дѣтей съ родителями воспрещается, переходъ отъ одного владѣльца къ другому дозволяется только съ землею. При такихъ обстоятельствахъ человѣкъ не имѣетъ полного значенія гражданина, ибо не можетъ входить въ сдѣлки и не отвѣтствуетъ предъ закономъ въ платежѣ повинностей. При видимомъ успѣхѣ такого хозяйственнаго улучшенія сравнительно съ рабствомъ, нельзя однакожь не видѣть въ этомъ порядкѣ значительныхъ недостатковъ, которые всѣмъ извѣстны и о которыхъ нѣтъ нужды распространяться въ настоящемъ случаѣ. Взглянемъ лучше на важныя послѣдствія крѣпостнаго положенія, въ-отношеніи къ механической и умственной силѣ человѣка, которое, какъ мы видѣли, обуславливаетъ успѣхъ хозяйства и благосостояніе человѣка. При этомъ въ новомъ сочиненіи г. Горлова представлено много чрезвычайно-интересныхъ свѣдѣній, на которыя мы считаемъ не бесполезнымъ обратить вниманіе читателей нашихъ. Всѣ недостатки, все зло крѣпостнаго состоянія, правда, извѣстны въ настоящее время всѣмъ и каждому, но часто они высказываются чисто-апріорически, тогда-какъ для полной достовѣрности и положительности своей они нуждаются въ болѣе твердомъ основаніи, и въ этомъ отношеніи статистическія свѣдѣнія, заслуживающія довѣрія, чрезвычайно важны и существенны. Трудъ, какъ механическая сила, находитъ свое выраженіе въ численности народа, а какъ умственное начало—въ народномъ образованіи. Экономисты давно уже сознавали, что, при крѣпостномъ порядкѣ, народное приращеніе происходитъ медленно, чѣмъ при свободномъ хозяйственномъ устройствѣ. Шторхъ говорилъ, что въ Нѣмецкихъ провинціяхъ Австрійской имперіи, гдѣ народъ свободенъ отъ крѣпости, на кв.

милю приходится 2,566 жителей, а въ Венгріи, гдѣ тогда (въ 1815) было крѣпостное положеніе,—только 1589, не смотря на то, что страна эта превосходила плодородіемъ всѣ Австрійскія провинціи. Въ наше время этотъ важный предметъ можно повѣрить фактами: сравненіе числа мужчинъ по 8-й и 9-й ревизіи открываетъ, что по 8-й ревизіи помѣщичьихъ крестьянъ было 10,872,229; по 9-й-же 10,708,900; слѣдовательно убыль равнялась 163,329, или $1\frac{1}{2}\%$. Въ то-же самое время между казенными крестьянами обнаружилась прибыль и довольно значительная, именно на 1,050,475, или 13%. Эти факты неопровержимы и ихъ должно приписать, какъ то доказано самыми точными статистическими данными, именно свойству крѣпостнаго состоянія. Что касается до умственного элемента труда, то, конечно, онъ гораздо ниже въ крѣпостномъ положеніи, нежели при полной свободѣ. Земледѣлецъ работаетъ безъ одушевленія и искусства, ничто его не побуждаетъ къ дѣятельности, никакой интересъ не руководитъ его. По всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ причинамъ обязательный трудъ значительно уменьшаетъ производство и правительства стараются объ его уничтоженіи, какъ-скоро обнаруживаются признаки, свидѣтельствующіе, что система эта отжила свое время. Признаки эти бываютъ какъ нравственные, и заключаются въ успѣхахъ просвѣщенія, такъ и экономическіе, и заключаются въ увеличеніи населенія.

Опредѣливъ такимъ образомъ основной характеръ организаціи труда, на крѣпостной зависимости построенной, авторъ переходитъ къ обзорѣнью отмѣны крѣпостныхъ отношеній въ главнѣйшихъ государствахъ Европы. Въ Испаніи число крѣпостныхъ начало уменьшаться въ XII столѣтіи, а въ XV Галламъ говоритъ объ Италіи, какъ о странѣ, въ которой не было крѣпостныхъ. Въ Англіи, при королевѣ Елисаветѣ, встрѣчаются слабыя слѣды крѣпостнаго положенія. Во Франціи въ 1779 г. при Некерѣ уничтожены послѣдніе слѣды крѣпостнаго права. Въ Германіи эманципація послѣдовала въ ближайшемъ къ намъ времени, въ Австріи въ 1782, въ Пруссіи въ 1807, въ Саксоніи въ 1832, въ Ганноверѣ въ 1833.

Остановившаяся на двухъ первыхъ Германскихъ государствахъ, какъ такихъ, о которыхъ имѣются наиболѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, авторъ рассматриваетъ мѣры, принятыя въ нихъ правительствомъ къ освобожденію подданныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Интересно привести нѣкоторыя положенія прежняго Прусскаго крѣпостнаго права, для сравненія ихъ съ положительнымъ Русскимъ законодательствомъ о крѣпостной зависимости. Замѣчательная черта въ личныхъ обязанностяхъ Прусскихъ крестьянъ, отличная отъ обязанностей существующихъ въ Россіи, заключалась въ томъ, что обязанности эти происходили изъ принадлежности крестьянъ имѣнію. Сообразно съ этимъ крестьяне обязывались исправлять по господскому имѣнію только такія работы, которыя необходимы для сельско-хозяйственнаго пользованія имъ, а не другія какія-нибудь. Крестьянъ нельзя было принуждать къ работѣ въ другихъ имѣніяхъ, хотя-бы они принадлежали тому-же господину. Совсѣмъ иное положеніе существуетъ въ Россіи, ибо крѣпостной можетъ быть принужденъ работать на всякомъ мѣстѣ, ходить на барщину во всякое, даже отдаленное имѣніе, можетъ быть передаваемъ другому владѣльцу безъ спроса объ его согласіи, тогда-какъ въ Пруссіи безъ имѣнія крестьяне не могли быть отчуждаемы. Относительно повинностей, Прусскіе крестьяне также значительно отличались отъ нашихъ. Господинъ не могъ самовольно увеличить платежа и службы ихъ. Повинности опредѣлялись служебными книгами, экземпляръ которыхъ сохранялся въ общинномъ судѣ.

Въ-отношеніи правъ по имуществамъ, крестьяне до Уложенія 1807 разсматривались въ Пруссіи, какъ дѣйствительные собственники. Земля ихъ для каждаго составляла отдѣльный участокъ, называвшійся крестьянскимъ прокормленіемъ. Помѣщикъ на эту землю имѣлъ мало власти: онъ не могъ присоединить ее къ господской, даже произвести перемѣнъ въ ея составѣ. Крестьянинъ только не могъ уступить ее другимъ безъ согласія владѣльца.

Такимъ образомъ мы видимъ, что организація сельскаго труда въ Пруссіи представлялась въ смягченной формѣ, чего мы не видимъ у насъ въ Россіи. Подобныя сближенія, которыхъ чрезвычайно много въ изслѣдованіи г. Горлова, весьма полезны и интересны для сравненія вліянія обязательной формы, существовавшей въ Пруссіи и имѣющей мѣсто въ Россіи. Этими-же самыми обстоятельствами объясняется и легкость, съ которою обязательныя отношенія уничтожились въ Пруссіи. Впрочемъ, уничтоженію ихъ тоже содѣйствовали важныя побочныя обстоятельства; борьба съ Наполеономъ заставила Прусское правительство исправить недостатки своей государственной организаціи, вліяніе университет-

скаго образованія, успѣхи философіи склоняли общественное мнѣніе къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ крѣпостной зависимости. Все это содѣйствовало тому, что въ 1807 г. изданъ былъ эдиктъ, по которому подвластное состояніе крестьянъ съ 1810 г. должно было прекратиться; эдиктомъ 1811 г. постановленія эти были дополнены въ томъ отношеніи, что крестьяне получили право выкупать поземельные участки. Это вознагражденіе помѣщикамъ производилось различными способами: землею, денежными капиталами, денежною рентою и хлѣбною рентою. Земли предоставлено крестьянамъ 356,000 десятинъ, денегъ 17,061,184 р., денежной ренты 1,471,992, хлѣбной ренты 419,460 четвериковъ. Въ такомъ положеніи было освобожденіе поземельной собственности до 1848 г., когда Европа подверглась волненіямъ, коснувшимся и Пруссіи. Здѣсь законодательство было обвиняемо въ реакціи противъ широкихъ началъ выкупа закона 1811 года. Чтобы успокоить волненіе, издано было два закона, изъ коихъ первый обезпечивалъ крестьянамъ право откупаться отъ повинностей, отъ которыхъ они по прежнимъ правиламъ не могли освободиться, а вторымъ утверждались рентные банки, которые позволяли осуществиться этому праву.

Мы привели только самыя существенныя положенія автора о выкупѣ крѣпостныхъ правъ въ Пруссіи. Изъ краткаго обзорѣнія нашего видно, что, послѣ всѣхъ многообразныхъ мѣръ, правительство не могло избѣгнуть пособія кредита, этой могущественной современной силы, и должно было основать рентные банки, которые представляютъ единственное спасеніе въ многотрудномъ и великомъ дѣлѣ выкупа.

Въ Австрійскихъ владѣніяхъ личная зависимость крестьянъ уничтожена еще въ прошедшемъ столѣтіи. По закону Іосифа II, крѣпостная зависимость перешла въ подданничество; но при этомъ тягости, лежавшія на землѣ, оставались въ прежней силѣ и отиѣнены только въ 1848 г.; за нѣкоторыя права назначили вознагражденіе, за другія никакого. Безденежно отиѣнены: 1) права, происходившія изъ личной подчиненности, 2) изъ судейской власти и нѣкоторыя другія. За деньги уничтожены: 1) барщина, 2) сборъ деньгами, или натурой, 3) *laudemium*, т.-е. платежъ господамъ въ случаѣ перехода земли отъ одного лица къ другому.

Другія повинности были подвержены болѣе правильной оцѣнкѣ посредствомъ кадастра. Изъ $\frac{2}{3}$ назначенной цѣнности платель-

щихъ долженъ былъ внести $\frac{1}{3}$, остальная треть уплачивалась изъ провинціальныхъ источниковъ. Вознаградительная рента можетъ быть обращена въ капиталъ чрезъ уничтоженіе ея въ 20 разъ. Для облегченія этой операціи учрежденъ въ 1851 г. выкупной фондъ. Въ него поступаютъ ренты и капиталы отъ обязанныхъ лицъ, прибавочныя подати, наконецъ денежные суммы, платимыя казною для этой операціи. Общая сумма, необходимая для вознагражденія въ 1851 г., показана въ 134 мил. р. с.

Мы нѣсколько распространились о всѣхъ этихъ данныхъ, въ видахъ особаго интереса въ настоящее время для Россіи всякихъ полезныхъ опытовъ, предпринятыхъ въ другихъ государствахъ для совершенія и окончанія великаго дѣла эманципаціи. Надѣмся, что свѣдѣнія, заимствованныя нами у проф. Горлова, не будутъ лишены интереса для Русскихъ читателей.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вліяніе общественныхъ условій на народное хозяйство, авторъ переходитъ къ обзорѣнью вліянія природы на производство.

Эта глава сочиненія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ-какъ въ ней чрезвычайно много новыхъ и интересныхъ замѣтокъ относительно нашего отечества. Въ ней довольно подробно раскрывается все вліяніе природныхъ условій климата, почвы и атмосферы на хозяйство Русскаго народа. По новости выводовъ и непосредственной важности ихъ, мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на этой главѣ. Скажемъ нѣсколько словъ предварительно о вліяніи природы на хозяйственные условія народной экономіи.

Сравнивая экономическія условія, среди которыхъ живетъ человѣкъ въ различныхъ странахъ, нельзя не быть пораженнымъ различіями, проистекающими отъ вліяній почвы и климата, какъ въ-отношеніи нуждъ его, такъ и средствъ для ихъ удовлетворенія.

Потребность одежды, жилища не столь значительны въ странахъ теплыхъ, подъ тропиками, какъ въ холодныхъ и даже умеренныхъ климатахъ.

Также точно жителю полуденныхъ странъ потребно не столь много пищи, какъ жителю холоднаго климата, который требуетъ не только питательной, но и согрѣвательной пищи. Когда мы будемъ разсматривать различныя части земли, съ точки зрѣнія средствъ, удовлетворяющихъ человѣческія нужды, т.-е. съ точки

зрѣнія промышленныхъ условій, мы увидимъ также чрезвычайное разнообразіе какъ въ созданіи, такъ и въ сохраненіи богатствъ. Въ каждой странѣ есть минералы, растенія, животныя, которыя ей свойственны, и въ каждой мѣстности человекъ овладѣваетъ этими растеніями и животными съ большею или меньшею легкостью. Житель странъ близкихъ къ сѣверу занимается рыбною ловлею и охотою, онъ содержитъ оленей и производитъ ячмень. Приближаясь къ экватору, мало-по-малу мы замѣчаемъ появленіе злаковъ, хлопчатника, сахарнаго тростника. Точно то-же должно сказать и о животныхъ: послѣ оленя выступаетъ на сцену лошадь, быкъ, овца, верблюдъ, слонъ. Появленіе ихъ столь сильно опредѣляется и зависитъ отъ мѣстности, что можно сказать, будто Провидѣніе запретило имъ переходъ за извѣстный предѣлъ.

Различіе климата и почвы имѣетъ не меньшее вліяніе на сохраненіе производимыхъ богатствъ. Сохраненіе пищи и одеждъ болѣе обеспечено на сѣверѣ, гдѣ холодъ содѣйствуетъ ему; близъ тропиковъ, напротивъ, произведенія скорѣе портятся. Самые даже металлы испытываютъ вліяніе климата. Отъ такихъ обстоятельствъ неизбѣжно возникаютъ и различія въ системахъ обработки, въ искусствахъ, даже въ самомъ общественномъ положеніи, привычкахъ и нравахъ народовъ.

Всѣ факты эти слѣдовательно несомнѣнны, вліяніе ихъ неотразимо и неизбѣжно; между-тѣмъ были экономисты, которые сомнѣвались въ такой очевидности и утверждали, что вліяніе естественныхъ причинъ на результаты труда человѣческаго столь ничтожно, что его не слѣдуетъ почти принимать въ соображеніе и говорили, что главную, существенную роль въ производствѣ играетъ трудъ человека. Природа, говорятъ они, даетъ даромъ матеріалъ и онъ приобретаетъ цѣнность и значеніе только подѣ условіемъ труда.

Какъ ни важно значеніе труда въ хозяйственномъ быту народа, но тѣмъ не менѣе вліяніе природы несомнѣнно и писатели, утверждавшіе противное, впадали въ крайнюю односторонность и исключительность. Въ этомъ вполне согласенъ и авторъ разсчитываемаго нами сочиненія, и, для опроверженія такой ложной мысли, представляетъ много фактическихъ данныхъ, которыя, какъ мы упоминали, большею частію относятся къ хозяйственнымъ условіямъ Россіи и потому заслуживаютъ, чтобы о нихъ было упомянуто. Конечно, мы не можемъ въ настоящемъ случаѣ

вполнѣ познакомить читателей со всѣми изслѣдованіями нашего политико-эконома. Остановимся только на нѣкоторыхъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ признаваемое авторомъ положеніе о вліяніи естественныхъ условій на успѣхи хозяйства.

Первый всѣмъ извѣстный фактъ, представляющійся при этомъ, есть урожай. С. Петербургская, Новгородская, Псковская губерніи даютъ $3\frac{1}{2}$ и 4 урожая, тогда-какъ южныя губерніи производятъ 6 и 8, гдѣ однако землю менѣе обрабатываютъ, и гдѣ слѣдовательно трудъ не столь значителенъ. Доказательства вліянія климата еще поразительнѣе являются въ полярныхъ странахъ Россіи, гдѣ трудъ при всѣхъ усиліяхъ ничего не производитъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что климатъ имѣетъ существенное отношеніе къ производству; кромѣ-того, онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе и на самое хозяйство страны, земледѣльческую, мануфактурную и торговую ея промышленность. Дѣйствіе это чрезвычайно обширно. Особенности континентальнаго климата Россіи, углубленіе ея внутрь Европейскаго материка, имѣетъ вліяніе какъ на земледѣліе, такъ и на самый ходъ народнаго развитія. Съ сѣверной стороны отечество наше примыкаетъ къ негостепримному океану, съ восточной оно соприкасается съ Азіатскими пустынями, съ западной имѣетъ немного моря, только на югѣ омываютъ ее моря Каспійское и Черное, но и тѣ бываютъ закрыты нѣсколько мѣсяцевъ для судоходства. Сознавъ истину о невозможности получить значеніе морскаго вліянія, Россія заводитъ теперь желѣзныя дороги, и нѣтъ сомнѣнія, что это единственный способъ сближенія ея съ Европою. Вотъ одна изъ существенныхъ причинъ необходимости для нашего отечества желѣзныхъ путей.

Такимъ образомъ неопровержимо открывается, что климатическія и топографическія условія имѣютъ вліяніе на хозяйство и вообще цивилизацію народовъ.

Развивая далѣе ученіе о производительныхъ силахъ, содѣйствующихъ успѣхамъ человѣческой промышленности, авторъ говоритъ, что два разсмотрѣнные способа этого производства—собственныя силы человѣка и внѣшняя природа, недостаточны для достиженія полнаго результата, имъ преслѣдуемаго.

Для успѣховъ промышленности необходимы, кромѣ-того, различныя орудія, запасы и другіе предметы, усиливающіе хозяйственную дѣятельность и составляющіе то, что называютъ капиталомъ, т.-е. совокупность средствъ, происшедшихъ отъ дѣйствія природы и человѣка

и *могутъ быть употребленными на производство*. Опредѣливъ сущность капитала, г. Горловъ переходитъ къ разсмотрѣнію личныхъ родовъ его и наконецъ останавливается на способахъ происхожденія его, т.-е. бережливости и накопленія. Расположеніе къ бережливости, говоритъ онъ, находится въ связи съ гражданственностію общества; она зависитъ отъ умственного и нравственного развитія народа.

Наблюденіе надъ бытомъ необразованныхъ народовъ показываетъ, что они никакъ не могутъ возвыситься до предусмотрительности, тогда-какъ народы образованные напротивъ не заключаютъ свою мысль въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящаго, ихъ планы простираются и на отдаленную будущность. Изъ такого положенія о происхожденіи капиталовъ прямо вытекаетъ необходимость обезпеченія всякой собственности и возникаетъ важный вопросъ о правѣ собственности.

Вопросъ этотъ, подвергавшійся такимъ обширнымъ спорамъ въ наукѣ и сопровождавшійся многими важными практическими послѣдствіями, въ настоящее время рѣшенъ окончательно, и потому странно было-бы въ современную эпоху доказывать законность права собственности. Между-тѣмъ, нѣкоторые писатели, извѣстные подъ именемъ социалистовъ и коммунистовъ, отвергли его. Г. Горловъ, дойдя до ученій этихъ новѣйшихъ мыслителей, дѣлаетъ имъ краткій обзоръ. Намъ кажется, что современный и чрезвычайно-интересный вопросъ о школахъ социалистовъ и коммунистовъ заслуживалъ-бы болѣе подробнаго изложенія, особенно для Русской публики, которая съ этимъ вопросомъ менѣе знакома, чѣмъ со всякихъ другимъ. Кромѣ-того, самое свойство таланта автора, его строгое, практическое воззрѣніе на экономическія явленія, служитъ ручательствомъ, что вопросъ о социальныхъ школахъ былъ-бы разсмотрѣнъ имъ со всею желаемою основательностію и строгостію анализа. Къ-сожалѣнію, въ книгѣ г. Горлова мы не встрѣчаемъ подобнаго изслѣдованія; авторъ ограничился краткими замѣчаніями о направленіи и сущности новаго ученія, едва-ли вполне понятными для непосвященныхъ въ таинства этого сложнаго вопроса.

Но, разсмотрѣвъ недовольно подробно теоріи противниковъ современнаго устройства собственности, авторъ, въ-замѣнъ того, представляетъ любопытный очеркъ одной изъ формъ коммунизма, именно общиннаго владѣнія землею, имѣющаго практическую важ-

ность для Россіи, въ настоящее время. Хотя вопросъ этотъ, въ теченіе долгаго времени, былъ предметомъ изслѣдованій Русскихъ экономистовъ, породилъ обширную литературу, однако споры объ относительномъ достоинствѣ полной собственности и общиннаго владѣнія еще не прекратились и общинная форма, какъ существенно-важная черта современной организаціи поземельнаго богатства нашего отечества, не могла потерять интереса и доннынѣ. Потому мы, пользуясь новыми, чрезвычайно-дѣльными и основательными воззрѣніями на этотъ вопросъ автора, рѣшаемся представить ихъ.

Фактъ общиннаго владѣнія землею, какъ то неопровержимо доказываетъ историческій опытъ, есть фактъ всеобщій, повсемѣстный у кочевыхъ народовъ. Свидѣтельства Рошера и Ганзена не позволяютъ нисколько сомнѣваться въ существованіи такого способа владѣнія въ Германіи, даже до послѣдняго времени. То-же самое замѣчается и въ Россіи, гдѣ патриархальный обычай распредѣлять землю міромъ удержался до настоящаго времени. Главныя основанія Русской общины, по изложенію г. Горлова, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Міръ распредѣляетъ по жребію находящуюся въ его владѣніи землю между такими членами, которые въ-состояніи нести подати и повинности. Послѣ этого надѣла образуются временныя учатки, которые, по общему предположенію, равны между собою достоинствомъ: мірская земля, какъ извѣстно, не бываетъ одинаковою по плодородію. Это различіе въ производительной ея силѣ заставляетъ разбивать ее на такъ-называемые клинья, и въ каждомъ клинѣ стараются отвести каждому тяглу слѣдующую ему пропорцію земли. Такимъ образомъ, это стремленіе къ справедливости надѣла порождаетъ неизбежно черезполосность, т.-е. разбросанность полосъ, лежащихъ въ разныхъ клинѣяхъ. 2) Такой надѣлъ земли не есть постоянный; онъ имѣетъ только временное значеніе. Главнѣйшій поводъ къ его измѣненію есть ревизія. При ней обыкновенно оказываются измѣненія въ личномъ составѣ семействъ. Сообразно съ этимъ производится новое образованіе тяголъ; то-же самое бываетъ и при убыли и прибыли тяголъ. Такой порядокъ раздѣла земли составляетъ существенный характеръ общиннаго владѣнія. Въ немъ заключаются слѣдующія три отличительныя черты: равномерность надѣла, которая есть только мнимая справедливость: всѣ члены общины, въ силу ея, получаютъ равныя участки, тогда-какъ, по нравственному

достоинству своему, далеко не имѣютъ на то равнаго права, и слѣдовательно такое дѣйствіе несомнѣнно съ строгою справедливостію. При этомъ можетъ случиться, что люди лѣнливые, не радѣющіе о своей собственности, въ силу передѣла получаютъ такіе же участки, какъ и отличные хозяева. Слѣдовательно, первые выигрываютъ насчетъ послѣднихъ, и такое обстоятельство есть настоящая «*exploitation de l'homme par l'homme*», о которой проповѣдывали социалисты.

Разбросанность полей производитъ потерю рабочей силы и времени. Конечно, это послѣднее невыгодное обстоятельство можетъ существовать и при полной собственности, но тогда оно есть случайность, могущая быть отстранена законодательными мѣрами, тогда-какъ, при общинномъ владѣніи, она, напротивъ, есть необходимость.

Что касается до неизвѣстности сроковъ передѣла, то она можетъ лишитъ всякаго хозяина охоты къ улучшеніямъ. На это могутъ возразить, что фермеръ въ западныхъ странахъ тоже не имѣетъ на землю полнаго права, а между-тѣмъ постоянно улучшаетъ ее. Но это возраженіе ничего не доказываетъ: фермеръ знаетъ срокъ договора и рассчитываетъ дѣлаемые имъ улучшенія; общинникъ-же лице совершенно пассивное, необезпеченное ничѣмъ, относительно срока пользованія. Въ этомъ отношеніи, съ общинниками могутъ быть сравнены только развѣ такъ-называемые наемщики по волѣ въ Англій (tenant at will), о которыхъ Макъ-Коллохъ отзывался весьма неблагопріятно.

Замѣтимъ, въ заключеніе, о весьма важномъ недостаткѣ общиннаго владѣнія—о недостаткѣ нравственномъ: при началѣ общиннаго владѣнія, человѣкъ никогда не можетъ выйти изъ тѣхъ тѣсныхъ отношеній, въ которыя ставитъ его мѣръ. Во всѣхъ промыслахъ, челоуѣхъ, начиная съ ничтожныхъ вознагражденій, можетъ честнымъ и упорнымъ трудомъ достигъ до вознагражденія значительнаго, и слѣдовательно улучшить свое положеніе, разбогатѣть и возвыситься на общественной лѣстницѣ: при общинномъ владѣніи, человѣкъ неподвиженъ, онъ въ безвыходномъ положеніи.

Мы разсмотрѣли самыя главныя, самыя существенныя условія общины, и вездѣ видѣли, что они отрицаютъ нравственное начало и противны народному благосостоянію и хозяйственному успѣху. Всѣ эти выводы, какъ замѣчаетъ авторъ, не суть одни логическія

построенія, напротивъ, какъ онъ утверждаетъ, они составляютъ плодъ его личныхъ, непосредственныхъ наблюденій. Впродолженіе долгаго времени занимаясь изслѣдованіемъ быта нашего поселенна, онъ нигдѣ не встрѣчалъ богатаго крестьянина-земледѣльца; Русскіе поселяне разживаются отъ промысловъ и торговли.

Признавая вполнѣ справедливыми всѣ замѣчанія г. профессора Горлова о недостаткахъ современной общины Россіи, въ экономическомъ отношеніи, мы не можемъ въ настоящемъ случаѣ отказать отъ одного замѣчанія, которое считаемъ чрезвычайно важнымъ.

Извѣстно, что въ настоящее время экономическая наука признаетъ въ числѣ условій, содѣйствующихъ успѣхамъ производства, новое и важное начало ассоціаціи, которое состоитъ въ совокупности стремленій различныхъ лицъ къ извѣстной цѣли, какъ-бы она ни была разнообразна, какихъ-бы предметовъ она ни касалась. Начало это, во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ, во многомъ содѣйствуетъ успѣхамъ богатствъ; безъ ассоціаціи, безъ товариществъ, какъ доказано, самая свобода человѣка не дѣйствительна. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ господствуетъ духъ ассоціаціи, всякая настоятельная нужда мгновенно удовлетворяется и, кромѣ этого, товарищество всегда сопровождается другими, не менѣе важными результатами. А такъ-какъ при общинномъ способѣ владѣнія, существующемъ въ Россіи, возникло и развивается, хотя слабо и незначительно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, начало этой новой и могучей силы: то, какъ мы думаемъ, очищенное отъ всѣхъ чуждыхъ сущности ея элементовъ, какъ-то: принужденія, обязательности, стѣсненія личнаго произвола, начало ассоціаціи должно быть всѣми средствами поддерживаемо, развиваемо и поощряемо. Поэтому-то тѣ многоразличные сельскіе обычаи и привычки, которые касаются администраціи и самаго быта населенія, при самомъ даже уничтоженіи настоящей формы пользованія землею, должны и могутъ быть сохранены, но по-возможности—усовершенствованы. Эти отношенія, какъ заключающія въ сущности своей великое начало общности, ассоціаціи, но которое извращено насиліемъ, принужденіемъ, отсутствіемъ свободы, должны быть очищены отъ несродныхъ имъ наростовъ, свобода, личный произволъ должны заступить мѣсто обязательности, какихъ-бы сферъ жизни они ни касались. Тогда-то общественное начало ассоціаціи, получивъ истинный характеръ, можетъ принести неисчислимыя благо-

дѣянiя, какъ по-отношенiю къ семейству, такъ и цѣлому обществу. А что эти благотворныя послѣдствiя постоянно, всегда и вездѣ, имѣютъ мѣсто при приложенiи начала, о которомъ мы говоримъ, то въ этомъ не можетъ быть ни тѣни сомнѣнiя. Приведемъ одинъ примѣръ. Извѣстно, что общественное вниманiе сильно было занято въ послѣднее время во Францiи и Швейцарiи возникшими въ нихъ сельскими ассоциациями, о которыхъ съ увлеченiемъ говорилъ замѣчательный писатель, Росси. Упомянемъ объ одной изъ такихъ ассоциаций, учредившейся въ департаментѣ Франшъ-Конте и состоящей изъ земледѣльцевъ, соединившихъ произведенiя свои, животнаго царства, въ одно общее цѣлое и разрабатывающихъ ихъ подъ наблюдениемъ знающаго специалиста. Общества эти главнѣйшимъ образомъ занимались произведенiемъ разныхъ продуктовъ изъ молока и при этомъ каждый мелкiй хозяинъ, имѣвшiй одну корову, извлекалъ изъ нея значительныя выгоды. Изъ отчетовъ общества видно, что одна корова доставляла 110 фр. 75 сант.; произведенiя-же Швейцарскихъ коровъ давали двойную выручку.

Въ мануфактурной промышленности ассоциация, прилагаемая къ капиталамъ, позволяетъ существовать мелкимъ заведенiямъ и фабрикантамъ, которые иначе должны дѣлать значительныя издержки и пользоваться ничтожными вознагражденiями.

Профессоръ Горловъ, разсмотрѣвъ сущность и значенiе учреждений, содѣйствующихъ поощренiю труда и бережливости и состоящихъ въ полной и ненарушимой собственности, переходитъ въ 9-й главѣ къ подобнымъ-же учреждениямъ, но исключительно принадлежащимъ настоящему времени, — мы разумѣемъ сберегательныя кассы. Учрежденiе это играетъ чрезвычайно-важную роль въ современной жизни Европейскихъ народовъ. Обязанныя происхожденiемъ своимъ послѣднему времени и порожденныя великою филантропическою идеею, сохранныя кассы исполняли и продолжаютъ исполнять въ обществахъ роль пособiя и поддержки для нуждающихся лицъ, въ трудныя минуты ихъ жизни. Онѣ развиваютъ и возбуждаютъ чувства предусмотрительности и воздержанiя; независимо отъ такого нравственнаго влiянiя, кассы имѣютъ еще двойное значенiе, по'отношенiю къ личному интересу человѣка и цѣлаго общества. Производительный трудъ, этотъ главный источникъ благосостоянiя человѣка, возможенъ только подъ условiемъ обладанiя силами и здоровьемъ; онъ дѣлается невозможнымъ старости, при болѣзняхъ и другихъ несчастiяхъ. Естественною,

что человекъ, котораго постигнуть подобныя бѣдствія, дѣлается безпомощенъ и часто падаетъ при вліяніи неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ.

Въ этомъ-то отношеніи и открываются благотвѣтельные результаты сбереженія и обезпеченія себя въ будущемъ извѣстнымъ денежнымъ фондомъ. Посредствомъ такихъ накопленій денежныхъ средствъ человекъ увеличиваетъ свою силу, которая, опираясь на сохраненный имъ капиталъ, продолжаетъ поддерживать его существованіе, даже въ трудныхъ и неблагоприятныхъ для него обстоятельствахъ. Кромѣ-того, замѣтимъ, что не только въ матеріальномъ, но, что гораздо важнѣе, и въ нравственномъ отношеніи денежные сбереженія имѣютъ значеніе,—они особенно гарантируютъ свободу человека, величайшее его земное благо. Исторія положительно доказала, что первымъ источникомъ рабства была бѣдность. Да и въ наше время, когда общественными усиліями столько уже сдѣлано на пользу страждущаго человечества, развѣ мы не видимъ, что отсутствіе матеріальныхъ средствъ заставляетъ часто бѣдняка лишаться всего, что дорого для него, забывать свое человеческое достоинство, отказываться отъ самостоятельности и свободы. Наконецъ, обществу сберегательныя кассы доставляютъ также огромную выгоду, слагая съ него бремя вспоможеній, которыя оно, въ противномъ случаѣ, должно-бы было оказывать немущимъ. Число нуждающихся, кромѣ-того, обыкновенно, дѣлается менѣе, при распространеніи порядка и бережливости въ рабочемъ классѣ, наконецъ и самые вклады, вносимые въ сохранныя учрежденія, увеличиваютъ количество дѣйствующихъ капиталовъ, которые безъ того не могли-бы образоваться.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находятся эти благотвѣтельныя учрежденія въ главнѣйшихъ государствахъ. Профессоръ Горловъ приводитъ данныя о числѣ кассъ и количествѣ вкладовъ, но, къ-сожалѣнію, довольно скудныя. Мы позволяемъ себѣ, въ видахъ живаго интереса подобныхъ учреждений, дополнить ихъ новѣйшими и болѣе подробными свѣдѣніями. Въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи число вкладчиковъ къ 1857 г. было 1,366,000 и общее количество вкладовъ, считая въ числѣ ихъ вклады въ «Общества взаимной помощи», равнялись 37,200,000 ф. стерл.

Въ Австріи, къ 1858 году состояло 153,000 книжекъ и общая сумма вкладовъ равнялась 20,008,000 флориновъ. Среднимъ числомъ на книжку приходилось 181 флоринъ.

Въ Пруссіи къ 1857 г. было 463,431 вкладчика, внесшихъ 32,342,706 талеровъ. На каждую книжку причиталось 69 талеровъ.

Въ Бельгіи къ 1857 г. было 25,806 вкладчиковъ, съ капиталомъ 1,228,000 франковъ.

Во Франціи къ 1 января 1857 число кассъ было 373; впродолженіе года число это увеличилось 6 и такимъ образомъ возрасло до 379. Эти 379 кассъ имѣли 179 отдѣленій и обладали капиталомъ въ 278,921,229 фр., раздѣленнымъ на 978,802 книжки.

Въ Сѣверной Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, къ 1857 г. 203,904 было вкладчика и 41,400,000 долларовъ вклада.

Если теперь посмотримъ на другіе отдѣльные города, то увидимъ напр. въ Невшателѣ 10,300 вкладчиковъ, обладающихъ 8,595,000 фр., въ Бернѣ 2,965,000 франк., принадлежащихъ 7,303 вкладчикамъ (*).

Что касается до сохранныхъ кассъ Россіи, то мы имѣемъ о нихъ очень слабыя свѣдѣнія; но тѣмъ не менѣе въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о сберегательныхъ учрежденіяхъ, и эти данныя могутъ быть полезны.

Изъ отчета министра финансовъ видно, что въ сберегательныхъ кассахъ къ 1859 г. оставалось въ обращеніи, съ накопившимися процентами, 3,634,220 р. Число книжекъ, выданныхъ вкладчикамъ, составляло 46,644,

Кромѣ этихъ кассъ, существующихъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, кассы находятся еще при многихъ приказахъ общественнаго призрѣнія и съ 1849 г. постоянно открываются. Со времени учрежденія кассъ по 1857 г. внесено въ нихъ вкладовъ 87,178, на сумму 4,352,548 р. 88 $\frac{3}{4}$ к., истребовано 36,255 на сумму 2,604,624 р. 57 к., и остается къ 1857 г. 50,923 вклада на сумму 1,747,924 (**).

Независимо отъ всѣхъ исчисленныхъ нами кассъ, въ Россіи есть еще спеціальныя кредитныя учрежденія, существующія въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ. По учрежденіи министерства, найдено было, что развитію благосостоянія сельскихъ обывателей, какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго, препятствуютъ затрудненія въ пріисканіи денегъ, для удовлетворенія разныхъ срочныхъ платежей въ казну, или на покупку необходимыхъ потребностей хозяйства, а равно неизмѣніе способовъ, въ случаѣ нѣкотораго избытка у поселянъ денегъ, сохранить ихъ съ

(* Annuaire de l'Есon. polit., 1859, p. 571 и 113.

(**) Отчетъ мин. внутр. дѣлъ, за 1857 г.

выгодою. Недостатокъ подобныхъ учреждений влечетъ за собою неудобства еще другаго рода: крестьянинъ, увлекаясь потребностями настоящаго времени, употребляетъ часто остатокъ этотъ на предметы, для него ненужные, или даже на удовлетвореніе порочныхъ склонностей. Въ отвращеніе такихъ неудобствъ, признано было необходимымъ, указомъ 10 іюня 1859 г., учредить всеногательныя кассы.

Вспомогательныя кассы имѣютъ цѣлью доставить государственнымъ крестьянамъ способы къ приобрѣтенію, заимообразно суммъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ хозяйственныхъ нуждъ. Капиталъ этихъ кассъ составляетъ изъ суммъ, принадлежащихъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, а равно и изъ капиталовъ, вносимыхъ сельскими обществами въ сберегательныя кассы, для храненія. Извѣстно, что помѣщеніе капиталовъ есть одно изъ важныхъ обстоятельствъ въ администраціи сохранныхъ кассъ. Въ Англии и Франціи капиталы кассъ употребляются на покупку государственныхъ фондовъ, въ Германскихъ владѣніяхъ они ввѣряются банкирамъ. Но извѣстно, что публичныя фонды часто могутъ подвергаться колебаніямъ въ курсѣ и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ представляется часто невозможность удовлетворить требованія массъ, обращающихся въ кассы, и потому способъ этотъ употребленія капитала не вполне безукоризненъ. Напротивъ, при порядкѣ, принятомъ въ управленіи государственныхъ имуществъ и состоящемъ въ томъ, что сбереженія крестьянъ употребляются на ихъ-же нужды, не можетъ быть никакихъ затрудненій. Особенно желательно, чтобы вспомогательныя кассы оказывали большую помощь поземельному кредиту, могущественному двигателю сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Количество ссудъ, дѣлаемое одному хозяину, не можетъ быть менѣе 1 и болѣе 60 р. с. Ссуда не можетъ простираться менѣе, какъ на 6 мѣсяцевъ, и не болѣе, какъ на 3 года. Проценты, вносимые заемщикомъ, равняются 6.

Сберегательныя кассы предназначены для доставленія вѣрнаго способа сохраненія и приращенія процентами денежныхъ суммъ всѣхъ жителей казенныхъ селеній. Кассы эти, учреждаемыя въ волостяхъ, гдѣ находятся вспомогательныя учрежденія, принимаютъ вклады не менѣе 1 руб. на срочное, или безсрочное время, по желанію вкладчика, и уплачиваютъ послѣдному 4%.

Въ 1857 году всѣхъ кассъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ,

Малороссійскихъ и Новороссійскихъ числится 1342, въ томъ числѣ сберегательныхъ 460. Количество обращающихся капиталовъ: въ вспомогательныхъ кассахъ было 3,026,520 р. 90 $\frac{1}{2}$ к., въ сохранныхъ—1,196,208 р. 39 $\frac{3}{4}$ к. Самое значительное число кассъ перваго рода находилось въ губерніяхъ Черниговской, Пермской, Харьковской, Орловской, Тамбовской, Екатеринославской; меньше всего было въ губерніяхъ: Астраханской, Воронежской, Псковской (*).

Профессоръ Бабстъ въ статьѣ своей (**), отдавая полную справедливость полезному и благодѣтельному учрежденію кассъ, замѣчаетъ въ правилахъ, которыми они руководствуются, одно довольно стѣснительное, именно поручительство. Заемщикъ долженъ представить въ исправности платы займа одного, или нѣсколькихъ поручителей, чтобы на каждого изъ нихъ приходилось не болѣе 5 р. «Намъ кажется, говоритъ г. Бабстъ, что поручительство это лишнее; чѣмъ шире и богаче кредитъ, тѣмъ результаты его обширнѣе; кромѣ-того для операций вспомогательныхъ кассъ, находящихся въ отдѣльныхъ волостяхъ, не можетъ быть опасности, ибо состояніе крестьянскихъ средствъ можетъ быть тамъ положительно извѣстно».

Въ Саксоніи, продолжаетъ тотъ-же авторъ, поручительство замѣнено очень остроумною мѣрою, именно: комитетъ, избранный изъ опытныхъ членовъ, составляетъ особыя таблицы, въ которыхъ опредѣляется степень возможнаго довѣрія къ каждому члену и размѣръ ссуды, по его честности, состоятельности и знанію.

Мы нѣсколько подробно изложили значеніе и дѣйствительное состояніе сохранныхъ казнь въ нашемъ отечествѣ потому, что, какъ выше замѣтили, онѣ составляютъ настоятельную потребность для нашего хозяйства, и потому весьма желательно видѣть возможно большее развитіе этихъ полезныхъ учреждений, особенно въ эпоху, когда готово совершиться великое преобразованію въ бытѣ Русскихъ крестьянъ.

Отъ вопроса о сохраненіи капиталовъ, авторъ разсматриваемыхъ нами: «Началъ политической экономіи» переходитъ къ вопросу объ опасностяхъ, которымъ могутъ подвергаться накопленные уже капиталы, или отъ самаго человѣка, или отъ враждеб-

(*) Журн. мин. г. имущ. 1858, № 3 и 4.

(**) Записки Имп. Каз. экон. общ. 1857, № 2.

ныхъ и непреодолимыхъ силъ природы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, для народнаго хозяйства весьма важно быстрое ихъ возстанвленіе, и потому г. Горловъ 10 главу своего сочиненія посвящаетъ ученію о различныхъ средствахъ этого возстановленія. Главнѣйшее изъ нихъ есть страхованіе, при которомъ потери, претерпѣваемыя однимъ частнымъ лицомъ, разлагаются на нѣсколько лицъ. Наблюденіе показываетъ, что различныя общественныя явленія подлежатъ въ своемъ развитіи правильнымъ законамъ, особенно это можно сказать о массѣ однородныхъ явленій. Такъ напр. рожденія, браки, смерть, подобно многимъ другимъ фактамъ, представляютъ извѣстное постоянное движеніе. Это-то наблюденіе правильности въ воспроизведеніи явленій дало начало закону среднихъ чиселъ, отъ которыхъ событія въ данное время отклоняются очень немного. На этихъ началахъ основывается и страхованіе, которое относится, по своему началу, къ XVIII столѣтію, когда въ 1705 открыта была пожарная касса въ Бранденбургѣ.

Страхованіе, какъ извѣстно, бываетъ двухъ родовъ: 1) посредствомъ акціонерныхъ обществъ и 2) такъ-называемое взаимное. Остановимся на послѣднемъ способѣ, какъ обращающемъ на себя всеобщее вниманіе въ настоящее время и во многихъ мѣстахъ употребляемомъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что владѣльцы зданій извѣстнаго города составляютъ между собою общество, котораго члены раскладываютъ между собою денежную сумму, составляющую потерю пострадавшихъ отъ огня, и выплачиваютъ имъ эту сумму. Въ 1855 г., въ Германіи было застраховано въ акціонерныхъ обществахъ на сумму 4 т. милліоновъ, во взаимныхъ-же учрежденіяхъ на 500 м. р. Въ Англіи цѣнность застрахованныхъ зданій составляла въ 1849 г. 4.537 $\frac{1}{4}$ милліоновъ, въ Пруссіи 650 мил., въ Бельгіи 273 мил.

Взаимное застрахованіе, этотъ новый способъ обезпеченія собственности, имѣетъ цѣлью не извлеченіе дохода, что преслѣдуется преимущественно въ акціонерныхъ страховыхъ обществахъ; но взаимную пользу. Оттого и взносы премій въ послѣднихъ бываютъ значительнѣе.

Взносы эти двоякіе: пропорціональные, сообразные съ убытками, причиненными пожарами, и постоянные, употребляемые на расходы управленія. Первые въ Парижѣ, напр., составляютъ 1,64 сантимы на 1000 франковъ, а послѣдніе 0,06 сантимовъ на ту-же

сумму. Но, не смотря на такую ничтожную премію въ системѣ взаимнаго застрахованія, премія эта часто значительно возвышается, а иногда влечетъ за собой даже банкротство; но опытъ показалъ, что, не смотря на такой недостатокъ системы взаимнаго страхованія, она можетъ существовать съ пользою совмѣстно съ кампанейскимъ страхованіемъ, которое часто пользуется болѣе значительными средствами.

Другой способъ поддержанія и увеличенія капиталовъ есть соединеніе ихъ, изслѣдованіемъ котораго профессоръ Горловъ занимается въ XI главѣ своего курса. Тутъ онъ исчисляетъ различные роды товариществъ: 1) полное, 2) на вѣрѣ и 3) безымянное. Сущность всѣхъ этихъ обществъ болѣе или менѣе извѣстна; замѣтимъ только, что предметъ этотъ, т.-е. акціонерная дѣятельность, заслуживала-бы, по нашему мнѣнію, болѣе обширнаго разсмотрѣнія, чѣмъ то, какое встрѣчаемъ мы въ новомъ сочиненіи г Горлова, особенно по отношенію къ нашему отечеству въ настоящее время. Давно-ли всѣ съ восторгомъ привѣтствовали развившійся духъ промышленности въ Россіи, радовались возникновенію многочисленныхъ компаній и обществъ; теперь положеніе пережилось: свѣтлыя надежды многихъ исчезли, обаятельныя мечты уничтожились и нынѣ ежедневно мы встрѣчаемъ грустныя объявленія о несостоятельности той, или другой компаніи, о ликвидаціи обществъ, по пѣли своей, заслуживающихъ полнаго вниманія. Интересно, слѣдовательно, было-бы познакомиться съ общими и высшими причинами такого неблагоприятнаго положенія дѣлъ, часто встрѣчаемаго, къ-сожалѣнію, въ современной промышленной жизни. Какъ намъ кажется, успѣхъ, или неудача предпріятія отчасти зависятъ отъ самой формы товарищества; будетъ-ли оно полное, на вѣрѣ или анонимное общество. Но этихъ современныхъ важныхъ вопросовъ мы не можемъ касаться въ подробности; скажемъ только о двухъ важнѣйшихъ условіяхъ твердости и успѣха промышленныхъ компаній; условія эти, какъ доказалъ опытъ надъ Русскими акціонерными предпріятіями, состоятъ: во-первыхъ, въ полномъ знакомствѣ учредителей съ предпріятіемъ, въ которое они приглашаютъ вкладчиковъ помѣстять свои капиталы, часто составляющіе плодъ долгихъ и трудныхъ сбереженій, особенно для недостаточныхъ людей, и во-вторыхъ, безграничная гласность дѣйствія управленій. Этихъ-то истинно-настоятельныхъ условій, къ-несчастью, по признанію всѣхъ, и не существуетъ у насъ въ на-

стоящее время. Отъ этого-то замѣчается весь неуспѣхъ обществъ и ихъ несостоятельность, разоряющая акціонеровъ и лишаящая государство пользы, которую оно отъ нихъ могло ожидать.

Обозрѣвъ, какъ мы видѣли, значеніе и дѣйствіе трехъ, главнѣйшихъ агентовъ производства: человѣка, съ его физическими, умственными и нравственными силами, капиталъ и силы природы, авторъ, въ 12-й главѣ, разсматриваетъ взаимное дѣйствіе этихъ силъ, которыя часто встрѣчаются соединенными въ промышленности, ибо послѣдняя не можетъ съ успѣхомъ осуществить свои виды, ограничиваясь пособіемъ одной только природы, или одного труда и капитала.

Первый вопросъ, представляющійся вниманію въ означенной главѣ, есть вопросъ о мѣрѣ участія, каждой отдѣльной силы въ производствѣ. Въ первоначальномъ состояніи обществъ, капиталовъ обыкновенно бываетъ мало, и потому человѣкъ болѣе пользуется силами природы и, сдѣлавшись земледѣльцемъ, находитъ предъ собою готовый фондъ, никому не принадлежащій. При такомъ изобилии земли, естественно, онъ избираетъ для посѣва лучший участокъ и обрабатываетъ его малыми и слабыми орудіями, но, не смотря на то, дѣвственная земля даетъ обильный урожай; когда-же эта земля черезъ нѣсколько лѣтъ истощается, земледѣлецъ покидаетъ ее и переходитъ на другой участокъ. Изъ такого положенія, логичность котораго не можетъ быть сомнительною, прямо и непосредственно вытекаетъ подтвержденіе дѣйствительности того порядка обработки земли, который признавалъ Рикардо въ своей знаменитой теоріи.

Установивъ такое начало земледѣлія, профессоръ Горловъ представляетъ дальнѣйшій ходъ его. Изъ прекраснаго изложенія этого мы видимъ, какъ не основательны, нелогичны упреки тому, или другому времени, той или другой мѣстности въ слабомъ и незначительномъ развитіи сельскаго промысла въ данный моментъ. Успѣхи сельскаго промысла положительно зависятъ отъ тѣхъ общихъ условий, которыя имѣютъ мѣсто въ каждомъ родѣ промышленности, т. е. отъ количества капиталовъ, которые не создаются мгновенно, но образуются вѣками, и отъ самаго труда, развитіе котораго слѣдуетъ за преуспѣяніемъ общаго образованія. Можно-ли, слѣдовательно, при существованіи неблагоприятныхъ для земледѣлія условий упрекать его въ неподвижности и рутинѣ? Рутинѣ эта и неподвижность зависятъ отъ тѣхъ-же грустныхъ об-

стоятельствъ, которыми обусловливается всякая общественная невзгода — отсутствіемъ благодѣтельной свободы и образованія.

Когда, съ теченіемъ времени, народъ размножается, земля переходитъ въ частную собственность, государственныя учрежденія улучшаются, земледѣіе теряетъ характеръ подвижности, возникаетъ вторая форма обработки—трехпольная система, и она имѣетъ точно такой-же характеръ необходимости, какой имѣла и первая въ предшествовавшемъ періодѣ. Наше отечество, въ-отношеніи системъ обработки, находится въ настоящее время въ періодѣ господства трехпольной системы, которая повсюду распространена въ Россіи. Система эта требуетъ уже болѣе капитала и труда; но въ такой системѣ, сравнительно съ болѣе улучшенною, въ которой преимущественно преобладаетъ капиталъ, все-таки мало продуктовъ, значительнаго количества которыхъ можно достигнуть при господствѣ плодоперемѣнной системы. Такимъ образомъ мы изъ всего видимъ, что различныя силы производительныя различно участвуютъ въ томъ, или другомъ періодѣ обработки и обусловливаютъ собою большее, или меньшее развитіе земледѣлія и вообще цивилизаціи.

Примѣръ классическаго Англійскаго хозяйства вполне подтверждаетъ такой теоретическій выводъ. Тамъ только недавно стали вводить значительныя улучшенія и наконецъ появился знаменитый Норфолькскій сѣвооборотъ, состоящій, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ порядкѣ посѣва: 1) годъ корневыя растенія, 2) яровые хлѣба, 3) кормовыя травы и 4) озимая пшеница. Кромѣ такого совершеннаго способа обработки, въ Англійскомъ хозяйствѣ замѣчается и другое важное условіе развитія земледѣлія—распространеніе скотоводства. Изъ 17 м. десятинъ обработанной земли занято лугами почти 10 м. Въ Англіи каждый хорошій фермеръ располагаетъ капиталомъ въ 47 р. с. на десятину и земля тамъ цѣнится вообще 700 р. за ту-же мѣру. Все нами сказанное относится къ обыкновенному порядку хозяйства, повсюду существующему; то-же, что называется «high farming», представляетъ истинныя чудеса сельской экономіи. Требовать такого состоянія земледѣлія отъ странъ бѣдныхъ капиталами, мало населенныхъ, съ слабыми и неразвитыми учрежденіями, чрезвычайно странно и нелогично. Все возможно въ извѣстное время, все зависитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Стремиться приблизить это лучшее

время, вызвать эти благія обстоятельства, вотъ истинная цѣль какъ частной, такъ и общественной дѣятельности.

Заводская промышленность, также точно, какъ и земледѣіе, имѣетъ свои предѣлы, которыхъ обойти невозможно, хотя были писатели, которые, какъ напр. Листъ, настаивали на введеніи мануфактурной промышленности повсюду. Преувеличенныя идеи Листа нашли послѣдователей и въ Россіи. Заводская промышленность, въ смыслѣ дѣятельности, видоизмѣняющей продукты, существуетъ у народовъ самыхъ грубыхъ; народъ пастушескій дѣлаетъ въ ней нѣсколько болѣе успѣховъ, еще болѣе развитія въ ней замѣчается у осѣдлаго народа, гдѣ мануфактуры соединяются съ земледѣіемъ; но мало по-малу промышленность удаляютъ изъ селъ въ города и дѣлаютъ самостоятельнымъ промысломъ. Такое отдѣленіе мануфактуръ отъ сельскаго хозяйства сопровождается значительными успѣхами для первыхъ. Итакъ, мануфактурная промышленность устраивается постепенно, и тѣ, которые, при первыхъ формахъ народнаго хозяйства, непременно настаиваютъ на заведеніи фабрикъ, противорѣчатъ естественнымъ законамъ общественной экономіи. У насъ въ Россіи, по словамъ профессора Горлова, преобладаетъ форма соединенія промышленности съ земледѣіемъ. Эта промышленность, крѣпкая своимъ основаніемъ, лежащая въ исторіи, народныхъ нравахъ и внѣшней природѣ, пустила у насъ глубокіе корни и служитъ важнымъ пособіемъ въ благосостояніи сельскихъ жителей. Подлѣ нея развивается искусственнымъ образомъ фабричная система крестьянъ, работающихъ на фабрикахъ, въ городахъ; здѣсь крестьяне разлучаются съ своими семействами и хотя снова къ нимъ возвращаются, но съ прежними-ли силами и нравственностью, это вопросъ. Авторъ не высказываетъ, что надо дѣлать въ подобномъ случаѣ; но намъ кажется, что самое дѣйствительное и вѣрное средство есть именно стремленіе поддержать и охранить существующій въ селахъ обычай занятія промыслами и только развить его болѣе. Отъ этого, по увѣренію многихъ заслуживающихъ довѣрія авторитетовъ, произойдутъ выгоды неисчислимыя: Русскій народъ будетъ заниматься пригодными и свойственными ему промыслами, онъ сохранитъ дорогую и важную для него осѣдность, села современемъ превратятся въ мануфактурные центры, чему мы видимъ примѣры и въ настоящее время, напр. на селѣ Ивановѣ; при всемъ томъ не нарушатся прежнія мирныя привычки сельской жизни, городской

развратъ и пороки не проникнуть въ домашній бытъ и не нарушать его правильнаго теченія, хотя и привыются къ нему элементы, нынѣ чуждые, по малому его развитію.

Въ началѣ статьи нашей мы замѣтили, что 4 главнѣйшіе момента народнаго хозяйства: производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе богатствъ даютъ начало 4 частямъ государственной экономіи.

Разсмотрѣвъ первую часть—производство, авторъ переходитъ ко второй—къ изслѣдованію законовъ мѣны. Въ этомъ отдѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ глава: «объ экономическихъ системахъ международной торговли и преимущественно ученіе о свободной мѣнѣ». Не останавливаясь на теоретической части разсмотрѣнія этого вопроса, какъ такого, который подвергался уже многимъ изслѣдованіямъ въ нашей литературѣ, займемся главнѣйшею практической его частію въ примѣненіи ея къ Россіи. Въ этомъ отношеніи авторъ «Началъ политической экономіи» представилъ много новыхъ и важныхъ данныхъ, касательно вліянія свободнаго торга и протекціонизма на Русскую промышленность. Всѣ взгляды и положенія его отличаются строгою истинною и совершенною практичностью, что придаетъ особый интересъ 2 главамъ 2 книги новаго его сочиненія.

Въ настоящемъ трактатѣ вопросъ о примѣненіи началъ свободной торговли къ Россіи представленъ въ сокращенной и сжатой формѣ; во всей-же подробности разсмотрѣнъ онъ въ статьѣ того-же автора: «Протекціонизмъ и свобода труда въ Россіи» (*). Имѣя въ виду чрезвычайную важность подобныхъ изслѣдованій, мы позволяемъ себѣ взложить взгляды автора на необходимость свободы торговли для Россіи нѣсколько подробнѣе.

Признавая необходимость покровительственной системы для нашего отечества, нѣкоторые Русскіе экономисты, и преимущественно г. Ушинскій, написавшій сочиненіе: «О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи», которое послужило поводомъ къ статьѣ г. Горлова, объясняютъ подобную необходимость слѣдующими обстоятельствами: 1) Онъ находитъ, что земледѣліе, хотя оно считается главнымъ промысломъ, на которомъ основывается благосостояніе Россіи, не можетъ давать такихъ заработковъ, какіе предоставляетъ мануфактурная промышленность. Для вычисле-

(*) Библіотека для чтенія, 1858 г. № 4.

нія дохода земледѣльца предполагается крестьянская семья изъ 2 душъ мужскаго пола и 2 женскаго, имѣющихъ въ самыхъ богатыхъ губерніяхъ 9 десятинъ земли и 7 десятинъ луговъ. Оно получаетъ, за вычетомъ посѣва, 9 четвертей ржи и 18 овса. Это количество хлѣба, при цѣнѣ 4 р. за рожь и 2 за овесъ, представляетъ сумму въ 72 р. Изъ общаго количества 700 пудовъ сѣна въ продажу идетъ 350 пудъ, по 15 к. и получается съ сѣна $52\frac{1}{2}$ р. Всего же 124 р. 50 к. на 4 души или по $31\frac{1}{4}$ на душу, тогда какъ постоянные работники на бумажныхъ фабрикахъ выручаютъ въ сложности 120 р., а работающіе по домамъ 60 р., слѣд. первые вчетверо, а вторые вдвое получаютъ противъ того, сколько крестьяне отъ земледѣлія. На таковой съ перваго взгляда поражающій фактъ, авторъ приводитъ возраженія, съ которыми нельзя не согласиться. Оставляя въ сторонѣ неточность представленнаго вычисленія, какъ касательно доходовъ земледѣльца, такъ и заводскаго работника, г. Горловъ справедливо замѣчаетъ, что, при опредѣленіи доходовъ сельскаго работника, не приняты въ соображеніе второстепенные доходы, также выручки отъ разныхъ зимнихъ работъ, а доходы мануфактуристовъ вычислены въ одномъ исключительномъ промыслѣ, который никакъ не можетъ служить общимъ примѣромъ. Далѣе, авторъ говоритъ, что если сельскій хозяинъ доведетъ свое хозяйство до того, что оно принесетъ 25% болѣе хлѣба и слѣдов. дохода, то это увеличиваетъ какъ благосостояніе, такъ и благосостояніе цѣлаго общества. Но если сельскій хозяинъ, производя то-же количество произведеній, продаетъ ихъ 25% дороже, то это будетъ выгодный оборотъ только для него, но никакъ не для общества. Это-то обыкновенно и бываетъ, при искусственно-утвержденной мануфактурной промышленности. Цѣны на издѣлія возвышаются оттого, что иноземныя издѣлія допускаются только въ ограниченномъ количествѣ. Это не болѣе, какъ выгода одного привилегированнаго класса насчетъ всѣхъ и преимущественнаго насчетъ бѣднаго класса народа. Кромѣ-того, даже и тогда, когда признаемъ значительность доходовъ отъ фабрикъ, она нисколько не доказываютъ преимущества заводской промышленности предъ земледѣліемъ. Это не болѣе какъ результатъ тарифнаго постановленія.

2) Протекціонисты доказываютъ, что выгоды мануфактурной промышленности выражаются въ увеличеніи населенія; но изъ самыхъ достовѣрныхъ данныхъ 8 и 9 ревизій, видно, что въ ману-

фактурныхъ губерніяхъ оказались самыя слабыя успѣхи населенія.

Такъ, во Владимірской губерніи, по 8 ревизіи было жителей 535,821, по 9-й—548,596, разница составляла 12,775, или 2,3%; въ Московской губерніи, по 8 ревизіи считалось 616,518, которые къ 9-й возрасли до 624,975, или увеличились на 8,475, равнымъ 1,3%. Въ Ярославской разница была 3,006, т.-е. 0,7. Въ губерніяхъ-же земледѣльческихъ разница была: Вятской губерніи 22%, Екатеринославской 17%, Вологодской и Херсонской 16% (*). Факты эти лучше всего подтверждаютъ неосновательность мнѣній протекціонистовъ.

3) Защитники покровительства считаютъ дороговизну Русскихъ мануфактурныхъ произведеній за ничто. Авторъ основательно возражаетъ на положеніе, будто дешевизна Россіи ненужна, потому что она не торгуетъ своими издѣліями за границей; она, напротивъ, настоятельно необходима для благосостоянія 68 м. самихъ Русскихъ.

4) Наконецъ, протекціонисты увѣряютъ, что задѣльная плата сельскихъ работниковъ чрезвычайно низка у насъ, и потому въ этомъ отношеніи мануфактурная система можетъ имѣть вліяніе на земледѣіе. Эти-же писатели утверждаютъ, что цѣна хлѣба у насъ низка и цѣна на землю также незначительна. По этому еслибы была развита мануфактурная промышленность, то многие не занимались-бы сельскимъ хозяйствомъ и уменьшенное количество хлѣба продавалось-бы по высшей цѣнѣ. Но возвышеніе цѣнъ хлѣбныхъ, какъ замѣчаетъ г. Горловъ, во многихъ мѣстахъ можетъ быть тягостно, напр. въ губерніяхъ Эстляндской, Лифлянской, Ковенской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, въ которыхъ рожь стоитъ отъ 5 до 6 р. 50 к.; дальнѣйшее повышеніе цѣнъ было-бы стѣснительно. Есть у насъ, правда, и такія губерніи, гдѣ цѣна дѣйствительно низка. Конечно, еслибы въ этихъ губерніяхъ вдругъ, безъ всякихъ пожертвованій, могла появиться мануфактурная система, и хлѣбъ, сало и другія произведенія поднялись-бы въ цѣнѣ,—это было-бы полезно для націи; но такое обстоятельство не болѣе какъ мечта протекціонистовъ. Мануфактурная система создается не вдругъ и появленіе ея не можетъ произойти безъ жертвъ: для нея нужны капиталы; которыхъ образованіе задерживается протекціонизмомъ; протекція поощряетъ отсталость.

(*). Кошпеевъ: «Девятая ревизія», 1857 г.

5) Последній доводъ защитниковъ запрещеній состоитъ въ томъ, что въ Россіи зимой земледѣльческія работы прекращаются, и потому необходимо, чтобы крестьяне находили занятія на фабрикахъ. Конечно, это такъ, но не видно, почему крестьянинъ не можетъ найти заработковъ внѣ фабрикъ. Въ Россіи находится много крестьянскихъ промысловъ. Эти промыслы существуютъ издревле. Стоитъ взглянуть только на Нижегородскую губернію, чтобы убѣдиться въ истинно-народномъ значеніи крестьянскихъ промысловъ, возникшихъ и развивающихся безъ всякаго тарифнаго покровительства. Но на это намъ могутъ возразить, говоритъ г. Горловъ, что великая нація не можетъ удовольствоваться выдѣлкою напр. дегтя, деревянной посуды и прочихъ издѣлій, изготовляемыхъ въ деревняхъ. На такое возраженіе мы отвѣтимъ, что самыя даже эти незначительныя промыслы способны къ большому развитію; самое добываніе дегтя, чтобы оно было рационально и слѣд. выгодно, требуетъ познаній въ химіи. Противники свободы неосновательно утверждаютъ, что только хлопчатобумажная промышленность и шелковое производство ведутъ къ промышленному успѣху и образованію.

Таковы главнѣйшія положенія, представленныя ученымъ авторомъ, относительно вліянія протекціонизма на Русское хозяйство. Всѣ взгляды г. профессора Горлова на этотъ важный и существенный вопросъ отличаются строгою практичностью и совершеннымъ безпристрастіемъ и положительно доказываютъ необходимость примѣненія къ отечеству нашему началъ свободнаго торга. Необходимость эта особенно подтверждается тѣми великими опытами, которые имѣли мѣсто въ Англіи. Не будемъ распространяться о вѣхъ благодѣтельныхъ результатахъ реформъ Хускиссона, Кобдена и Р. Пиза; замѣтимъ только, что народное благосостояніе начительно возрасло въ Англіи, со-времени таможенныхъ преобразованій, въ духѣ свободной торговли. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія статистическія данныя: въ 1842 г. дореформы ввозъ въ Англію равнялся 65,2 мил. ф. стер., въ 1853 г онъ достигъ 123 мил. слѣд. увеличеніе было въ 57,8 мил. или 8⁰/₀ въ 11 лѣтъ, 8⁰/₀ ежегодно. Цѣнность вывоза была въ 1842 г. 47,3 мил., въ 1853 г. она была 98,7 или увеличилась на 100⁰/₀ въ 11 лѣтъ и возвышалась каждый годъ на 10⁰/₀. Таможенный доходъ 1854, не смотря на значительныя сбавки, равня-

шіяся впродолженіе 30 лѣтъ, съ 1824 г. по 1854, свыше 19 м. ф. стерл., равенъ былъ въ послѣднемъ году 132,102,000 руб. сер., тогда-какъ по вычисленіямъ онъ долженъ былъ равняться только 48,121 м. р. с. Что касается до народнаго потребленія, то оно въ-теченіе 10 лѣтъ представляетъ огромное развитіе:

	1844.	1854.	%.
Сахаръ, пуд.....	13,630	27,270	86.
Чай.....	1,461	2,359	61.
Шерсть.....	1,807	2,910	61.
Шелкъ.....	114	207	81.
Бумага сырецъ.....	15,281	24,404	59.

Пшеницы привозимо было съ 1841 по 1845 ежегодно по 2,536,000 четвертей, а съ 1851—1855 по 5,992,000 четвертей.

Эти блистательные результаты кратковременнаго дѣйствія тарифной свободы въ Англии могутъ поощрить и прочія Европейскія законодательства выйти на новый широкій путь, который открыла экономическая наука (*).

Подобныя финансовыя реформы проявляются и въ другихъ государствахъ, конечно, въ значительно-меньшей мѣрѣ, и сопровождаются постоянно такими-же благотѣльными послѣдствіями относительно народнаго благосостоянія. Все это неопровержимо свидѣтельствуетъ, что истины, проповѣдуемыя наукой, не суть бредни утопій, не суть мечтательныя иллюзіи, но неопровержимая дѣйствительность, противъ которой ничтожны и слабы всѣ доводы грубаго и односторонняго эмпиризма.

Въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ второй части «Ничаль политической экономіи», авторъ излагаетъ весьма важное ученіе о цѣнѣ. Всѣ предметы, въ-отношеніи ихъ цѣнности, могутъ быть раздѣлены на 2 класса: первые могутъ быть размножены за одинаковые расходы производства, вторые-за высшіе. Къ первому классу относятся обработанныя издѣлія, ко второму—сельскіе продукты и вообще сырые матеріалы, доставляемые землею. Развивая ученіе о продуктахъ этого послѣдняго рода, г. Горловъ излагаетъ знаменитую теорію ренты Рикардо. При этомъ мы не можемъ не

(* *Горловъ*. Обзоръ успѣховъ свобод. тарифа въ Англии. Бб. для чтенія 1857 № 12.

замѣтить, что, къ-сожалѣнію, авторъ вовсе оставилъ безъ вниманія замѣчательныя возраженія двухъ писателей, которымъ нельзя отказать въ достоинствѣ, именно Керей и Бастіа, противъ теоріи Англійскаго экономиста. Они отвергали существованіе ренты, какъ отдѣльнаго дохода, и смѣшивали ее съ задѣльной платой, капитальными процентами и доходами предпринимателя. Главнымъ основаніемъ своихъ мнѣній они выставляли тотъ фактъ, что во всѣ времена трудъ и капиталъ были употребляемы въ такомъ количествѣ, что безъ вліянія ихъ не могло быть доходовъ собственно отъ земли. Но такое положеніе слишкомъ абсолютно; всѣмъ извѣстно, что существуютъ земли, напр. лѣса и выгоны, которыя даютъ значительную ренту, не смотря на то, что на обработку ихъ не употреблено ни капитала, ни труда. Къ такому-же разряду принадлежатъ и городскія земли, которыхъ положеніе обуславливаетъ доходъ и самую цѣнность. Бастіа считалъ открытіе свое о несуществованіи ренты особенно важнымъ, потому-что этимъ, какъ онъ полагалъ, отнимается характеръ монополіи отъ земли, съ другой-же стороны, коммунисты обезоруживаются. Очевидно, при этомъ Бастіа не достигъ цѣли: коммунисты отвергаютъ не только существованіе ренты, но и сомнѣваются въ законности процентовъ и задѣльной платы. Аргументы Керей основаны на порядкѣ обработки земли: онъ думаетъ, вопреки Рикардо, что обработка земли начинается съ наихудшихъ земель. Предложеніе это неосновательно. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что, по-мѣрѣ развитія земледѣльческой науки, можно изъ худыхъ земель сдѣлать хорошія; но такого положенія никто не отвергалъ. Самъ Рикардо признавалъ дѣйствія сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Керей приводитъ фактъ, что населеніе въ среднія вѣка селилось преимущественно на мѣстахъ возвышенныхъ и съ нихъ впоследствии сходило въ равнины, и въ этомъ положеніи находитъ важное подтвержденіе своей теоріи. Но на это можно отвѣтить, что во-времена, когда обезпеченія личности и собственности гораздо легче было достигнуть на возвышенныхъ мѣстахъ и въ окрестностяхъ замковъ, очень можетъ быть что такія возвышенныя мѣстности считались землями самаго лучшаго достоинства, сравнительно съ равнинами, въ которыхъ земледѣліе было невозможно. То-же самое было до введенія въ Англій, Бельгіи и Франціи дренажа: многія земли, считающіяся нынѣ очень благопріятными для земледѣлія, не пользовались тогда такой славой. Впрочемъ, для истинности тео-

ри Рикардо нѣтъ надобности доказывать порядокъ обработки; положеніе земель, опредѣляющее ренту, отъ этого не измѣнится.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго ясно, что теорія Рикардо не разрушается подобными возраженіями; но тѣмъ не менѣе, возраженія эти, разобранныя столь основательнымъ и практическимъ умомъ, какимъ обладаетъ авторъ. «Началъ политической экономіи», могли-бы представить большой интересъ, особенно въ Россіи, гдѣ публика мало знакома съ экономической литературою.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія г. Горловъ занимается изслѣдованіемъ измѣненій и движенія цѣнъ. Всѣ предметы, по-отношенію къ измѣненію цѣнъ, могутъ быть подведены подъ 3 разряда: 1) заключаетъ въ себѣ предметы, цѣна которыхъ возрастаетъ; 2) тѣхъ, коихъ цѣна падаетъ; 3) содержитъ въ себѣ предметы, цѣна которыхъ не представляетъ опредѣленнаго движенія. Сельская и вообще извлекательная промышленность доставляетъ предметы, постоянно-возвышающіеся въ цѣнѣ, какъ скоть, рыбы, дровяной и строевой лѣсъ. Напр. въ старой Англіи мясо вообще стоило очень дешево, теперь-же оно значительно вздорожало. Лѣса также въ первобытныя времена имѣютъ ничтожную цѣнность, а потомъ поднимаются въ цѣнѣ. Въ Новгородской губ. 15 лѣтъ тому назадъ продавались дрова въ лѣсахъ по 30 к. с. Если принять, что на душу среднимъ числомъ необходима $\frac{1}{4}$ десятины, тогда выйдетъ, что потребна для лѣса слѣд. часть пространства, при населеніи:

1,000 человекъ на кв. милю.	$4\frac{4}{5}$ %
2,000 » » » »	$9\frac{3}{5}$ %
4,000 » » » »	$19\frac{1}{3}$ %

Сообразно съ этимъ увеличеніемъ народа возвышаются и цѣны на лѣсъ.

Цѣна хлѣба принадлежитъ къ такимъ, которыя постоянно возвышаются. Возвышеніе цѣны хлѣба исторически доказано для всѣхъ странъ:

	Англія.	Франція.
	Кварт.	Гектолитръ.
1751—1760	1 ф. 17 ш. 10 п.	15 ф. 38 с.
1801—1810	4 ф. 3 ш. 11 п.	19 ф. 87 с.
1851—1855	2 ф. 16 ш. 0 п.	22 ф. 92 с.

Изъ всего этого видно, что предметы, въ производствѣ которыхъ главный дѣятель есть природа, постоянно поднимаются въ цѣнѣ. Предметы-же, одолженные своимъ существованіемъ труду и капиталу, въ цѣнѣ своей падаютъ.

Сравненіе цѣнъ 1696 г. въ Англіи, съ цѣнами 1831 г., принявъ первыя за 100, приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Шерстяные товары.	86	%
Мѣдные	»	83
Льняные	»	62
Бумажные	»	89

Присоединимъ къ этому замѣчаніе, что иногда въ-теченіе извѣстнаго періода обнаруживается общее возвышеніе цѣнъ; оно происходитъ отъ различныхъ обстоятельствъ: такъ въ 50-хъ годахъ въ Европѣ замѣтно было всеобщее возвышеніе цѣнъ, которое объясняютъ значительнымъ приливомъ золота, неурожаемъ, войною и другими обстоятельствами.

Приведемъ данныя о цѣнахъ, существовавшихъ въ Германіи и Англіи съ 1856 по 1858 г. (*).

Сравнительно съ 1831—40 годомъ цѣны въ Германіи были слѣдующія въ процентномъ разчетѣ, принявъ первыя за 100:

	1856.	1857.	1858 г.
Пшеница.....	206,9	144,4	133,3
Рожь.....	191,5	154,4	133,3
Масло коровье...	154.	155.	152.
Солонина.....	172.	175.	168.
Сахаръ.....	122,6	127,3	105,6
Кофе.....	86,2	95,4	79,3
Вино.....	189,7	197,3	188,3
Хлопч. бумага...	84,1	105,3	94.
Шерсть.....	102,9	109,9	92,7

Въ Англіи съ 1849 по 1858:

		%
Пшеница.....	43 ш.	45
Масло коровье.....	70 ш. 8 п.	109,3

(*) Жур. Акціонеровъ, 1859 г. № 127 и 130.

Свинина.....	54 ш. 3 п.	61,3	123
Сахарь.....	23 ш. 10 п.	23,6	100
Сало.....	39 ш. 10 п.	53,4	133
Кофе.....	55 ш. 6 п.	60,9	103
Шерсть.....	12 ф. 17 ш. 5 п.	14 ф. 3,9	110
Бум. праж.....	10 ш.	11 ¹ / ₂	ш. 103

Въ началѣ отчета нашего о новомъ сочиненіи профессора Горлова мы высказали мысль, что оно преимущественно отличается какъ методомъ, такъ и необыкновенно-строгимъ практическимъ характеромъ. Мысль эту мы старались подтвердить фактами, рассматривая въ подробности замѣчательные отдѣлы «Началъ политической экономіи» и преимущественно указывая на эти оригинальныя черты. Какого-бы вопроса мы ни касались, вездѣ видѣли правильные и возвышенные взгляды автора, вытекающіе не изъ поверхностнаго изученія, но изъ серьезнаго и основательнаго изслѣдованія предмета.

Такое блистательное начало новаго курса г. Горлова позволяетъ надѣяться, что и дальнѣйшее продолженіе его будетъ отличаться не меньшимъ достоинствомъ. Автору предстоитъ въ будущихъ частяхъ рассмотретьъ два существенные и важнѣйшіе вопроса: о распредѣленіи и потребленіи богатства. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія труда почтеннаго автора, чтобы повтѣрить ему отъ лица Русскаго общества ту глубокую признательность, которую онъ долженъ вызвать со стороны каждаго, понимающаго значеніе матеріальнаго благосостоянія для Россіи и желающаго правильной, строго-научной его разработки.

Д. Ш.

Воспоминанія поклонника святаго гроба. *С. Петербургъ.*
1859.

Въ этой книгѣ г. Викторъ Каминскій представляетъ свои воспоминанія о двукратномъ странствованіи въ Палестину. Вслѣдствіе того и самая книга раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая содержитъ описаніе пребыванія автора въ Святой Землѣ въ 1850—1851 годахъ, вторая-же часть говоритъ о пребываніи

его въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ въ 1856 — 1857 годахъ. Въ оба раза авторъ провелъ въ Иерусалимѣ Пасху, самое важное для поклонника время: остальные три мѣсяцы употреблены г. Каминскимъ на разъѣзды по Палестинѣ и на поклонение въ другихъ святыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ всѣ воспоминанія представляютъ слѣдующія подраздѣленія:

1) Слѣдованіе въ Святую Землю. 2) Пребываніе въ центрѣ Святой Земли. 3) Разъѣзды по Святой землѣ. 4) Препровожденіе великихъ дней въ Иерусалимѣ. 5) Возвращеніе въ отечество. 6) Странствованіе на Синай и по Каменистой Аравіи. 7) Вторичная бытность въ Святой Землѣ. 8) Слѣдованіе въ Солунь и на святую Аѳонскую гору. 9) Посѣщеніе обителей святой Аѳонской горы. 10) Возвращеніе съ востока на сѣверъ Россіи.

Изъ этого обзорѣнія уже можно понять, что авторъ ограничивается только фактическимъ изложеніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, замкнувшись въ тѣсный кругъ интересовъ паломника; но мы уже имѣемъ сочиненія въ такомъ родѣ, и послѣ книгъ гг. Муравьева и Норова описанія и воспоминанія Виктора Каминскаго теряютъ много, тѣмъ болѣе, что новый поклонникъ Святой Земли не владеетъ ни ученостью А. С. Норова, ни одушевленнымъ изложеніемъ А. Н. Муравьева. Г. Каминскій могъ-бы придать своей книгѣ болѣшую цѣну, еслибъ онъ захотѣлъ хотя немного предаться изысканіямъ о томъ пути, по которому онъ прошелъ, или хотя нѣсколько отлѣлится отъ интересовъ простаго паломника. Въ предметахъ того и другаго рода нѣтъ недостатка: не говоря о старинномъ вопросѣ относительно права первенства въ Святой Землѣ, о которомъ такъ много писали католики, почему-бы напримѣръ не обратить вниманіе на незначительность нынѣшняго плодородія и на каменистость почвы въ Иудеѣ? Г. Викторъ Каминскій поражается страшной картиной дикой природы при самомъ вступленіи въ Палестинскіе предѣлы (стр. 42), но оставляетъ свое впечатлѣніе безъ всякаго изслѣдованія и отчета. Такъ-какъ этотъ предметъ очень интересенъ самъ по себѣ, то мы приведемъ здѣсь изысканія о немъ одного изъ западныхъ паломниковъ, посѣтившаго Палестину въ послѣднее время.

Есть странствователи, которые, проѣзжая эту сухую, невоздѣланную и печальную страну, спрашиваютъ себя: та-ли это страна, дивное плодородіе которой хвалятъ намъ священные писатели, и они противопоставляютъ настоящее состояніе ея, какъ обличеніе

во лжи, словамъ священнаго писанія. Другіе приписываютъ эту безплодность единственно безпечности правительства и бездѣйствію жителей, не сознавая очевиднаго исполненія пророчествъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько указаній, которыя свидѣтельству ютъ прежнее плодородіе Палестины, и покажемъ дѣйствительную причину ея настоящаго запустѣнія. Въ этомъ найдемъ новое доказательство истины библійскихъ сказаній.

Библия часто говоритъ объ удивительномъ плодородіи Іудей. Всѣ знаютъ выраженіе, часто повторяемое священными писателями: «Земля текущая млекоу и медомъ». Моисей обѣщаетъ Израильскому народу, что Іегова введетъ его въ превосходную землю, въ землю потоковъ и ручьевъ, стремящихся съ горъ въ долины; въ землю ячменя, пшеницы, винограда, смоквъ и гранатъ въ землю масла и меда; Израильтяне будутъ ѣсть хлѣбъ, не зная нужды, и ни въ чемъ не имѣя недостатка....

Іудея прежде производила въ изобиліи всѣ эти плоды, которыя Моисей обѣщаетъ своему народу. Она снабжала Тиръ значительнымъ количествомъ пшеницы. Ячмень служилъ тогда, какъ и теперь, для корма лошадей. Эта страна была знаменита обработкою винограда. Патріархъ Іаковъ, въ благословленіи, которое на смертномъ одрѣ онъ давалъ двѣнадцати сыновьямъ своимъ, говоритъ объ изобиліи винограда въ Іудеѣ. Виноградники Енгадди славятся въ священномъ писаніи. Оттуда это выраженіе, такъ часто повторяемое въ Библии: «Каждый сидитъ подъ своимъ виноградомъ и подъ своей смоковницей». Оливковыя деревья покрывали прежде, какъ и теперь, всѣ косогоры Палестины. Моисей сказалъ, говоря объ Ассерѣ, что онъ будетъ купать ноги свои въ маслѣ. Іудей вывозили много масла въ Египетъ и Финикію. Пальма прежде была однимъ изъ самыхъ лучшихъ украшеній Іудей. Въ самой глубокой древности Іерихонъ былъ названъ городомъ пальмъ. Существовали даже великолѣпные лѣса этой царицы растительнаго царства. На монетахъ Макавеевъ видна пальма, какъ эмблема Іудей. Гранатное дерево было въ Палестинѣ также очень обыкновенно, какъ это показываетъ имя Реммонъ (граната) — названіе, которое носили нѣсколько мѣстностей въ Іудеѣ.

Эти произведенія Святой Земли доказываютъ первоначальное плодородіе почвы. Свидѣтельство свѣтскихъ писателей согласуется съ словами священныхъ книгъ. Тацитъ и Юстинъ описываютъ намъ эту страну, какъ очень плодородную, и хвалятъ ея кра-

соту. Одинъ Греческій писатель, Гекотей, говоритъ, что Евреи живутъ въ отличной землѣ, которая изобилуетъ произведеніями разнаго рода. Историкъ Іосифъ неоднократно представляетъ замѣчательную и интересную картину плодородія этой страны, и утверждаетъ, что она удобна для обработки произведеній всякаго рода. Страбонъ, правда, противорѣчитъ, повидимому, этимъ извѣстіямъ. Онъ говоритъ, что страна, гдѣ находится Іерусалимъ, бесплодна, камениста и не стоитъ, чтобы за нее сражались. Но страна Іерусалимская еще не вся Палестина, и притомъ этотъ географъ зналъ Іудею очень недостаточно, какъ это доказываютъ важныя ошибки, встрѣчающіяся въ его сочиненіи. Картина, которую представляетъ намъ Плиній старшій о роскошной растительности Палестины, особенно по берегамъ Іордана, очень похожа на ту, которую оставилъ историкъ Іосифъ, его современникъ. Тамъ, говоритъ онъ, растетъ бальсамное дерево, которое не удостоиваетъ расти въ другихъ мѣстахъ, и жидкость, которая течетъ изъ него, предпочитается всѣмъ другимъ духамъ; Іудея единственная страна, которую природа наградила имъ. Императоры Веспасіанъ и Титъ первые показали въ Римѣ, принеся съ триумфомъ этотъ драгоценный кустарникъ, сдѣлавшійся, какъ и народъ, данникомъ нашей имперіи. Іудеи хотѣли уничтожить его, какъ они уничтожали себя: Римляне защитили его и сражались за кустарникъ».

Различныя медали, чеканенныя государями Сирийскими, пока владая они Іудею, Маккабсеями и Римлянами, подтверждаютъ эти разныя свидѣтельства сиѣтскихъ авторовъ и священныкъ писателей Іудея на нихъ представлена со всѣми символами плодородія; здѣсь она, плѣнная, горюетъ подъ тѣмью пальмы; тамъ она представляетъ глазамъ нашимъ свои оливковыя и бальсамныя деревья; на однихъ видны сомы ржи; на другихъ виноградныя вѣтви или грозды винограда, на нѣкоторыхъ есть рогъ изобилія, наполненный главными плодами этой страны. Очевидно, что тѣ, которые чеканили эти монеты, хотѣли изобразить ее съ тѣми атрибутами, которые ей больше всего приличествуютъ, и все это вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что это была страна замѣчательная по удивительному богатству почвы.

Другое доказательство плодородія Палестины — многочисленное народонаселеніе ея. Мы видимъ, по переписи, сдѣланной во времена Давида, что тогда считалось тамъ 1,300,000 мужчинъ, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, — что заставляетъ предполагать

населеніе до шести милліоновъ человѣкъ. Это много, безсонибнѣя, для страны въ 1,300 квадратныхъ миль; но Палестина производила довольно для нихъ. По описанію Иудеи во времена Тита, которое самъ Вольней находитъ довольно вѣрнымъ, эта страна должна была содержать въ ту эпоху четыре милліона жителей. Впрочемъ, безчисленные развалины, которыя встрѣчаются на каждомъ шагѣ, показываютъ, какъ многолюдна была Иудея.

Но чѣмъ сдѣлалась теперь эта страна, бывшая прежде такою богатою и плодородною? Она лежитъ теперь безъ обработки и поражаетъ всѣхъ путешественниковъ наготой и своимъ печальнымъ и дикимъ видомъ. Горы, лишенные прекрасныхъ лѣсовъ, которые ихъ покрывали, показываютъ со всѣхъ сторонъ голыя и сухія скалы. Бека ихъ прорыты обильными зимними дождями; стѣны, поддерживавшія помѣщенные на холмахъ террасы, опрокинуты, и черноземъ, болѣе ничѣмъ не удерживаемый, унесенъ водами. Обширныя равнины, которыя простираются вдоль Средиземнаго моря и по обѣимъ берегамъ Іордана, не обработаны; потоки изсякли, роса уже не такъ обильна, и температура, во время лѣта, сдѣлалась знойнѣе вслѣдствіе безлѣсья горъ. Пальма дѣлается рѣдкою; съ великимъ трудомъ можно найти знаменитое бальсамное дерево, которое составляло богатство Іерихона. Виноградниковъ встрѣчается мало; поля оставлены; пастбища пастырей опустѣли, и не слышно болѣе веселой пѣсни пастуха. Конечно, существуютъ еще нѣкоторые сады, какъ наприм. въ Яффѣ, въ сосѣдствѣ Виллема, есть нѣсколько рѣдкихъ долинъ, которыя даютъ обильный урожай, нѣсколько полей, которыя покрываются прекрасною жатвою; но это, какъ оазисы въ сей пустынной странѣ; они служатъ только вывѣской первоначальнаго плодородія почвы.

Знаменитый путешественникъ, подробно обозрѣвшій Палестину, Вольней, начерталъ картину, которая поражаетъ точностью и правдивостію: онъ представляетъ въ такихъ выраженіяхъ бѣдственное состояніе угнетенной страны:

«Плени, владѣя большею частью земель, отдають ихъ на очень тягостныхъ условіяхъ: они требуютъ половину и даже двѣ трети жатвы; они захватываютъ сѣмена и скоть, такъ-что клѣбопашцы принуждены платить за нихъ выше ихъ стоимости. Послѣ жатвы они цѣпляются за пропажи, за мнимыя кражи; и такъ-какъ сила въ ихъ рукахъ, то они берутъ все, что хотятъ. Если случится неуро-

жаи, то они тѣмъ не менѣе требуютъ свои задатки, и чтобы заплатить ихъ, заставляютъ мужика продать все, что онъ имѣеть. Къ обычнымъ притѣсненіямъ присоединяются тысячи случайныхъ обидъ: то облагаютъ данью цѣлую деревню за дѣйствительное или воображенное преступленіе, то вводятъ тажкую работу новаго рода. Требуютъ подарки при вступленіи каждаго губернатора; надо давать содержаніе всѣмъ солдатамъ, которые проходятъ или приносятъ приказы; и губернаторы заботятся о томъ, какъ-бы умножить эти порученія, которые для нихъ очень выгодны, а для мужиковъ разорительны. Деревни трещатъ при появленіи каждаго леванда: это настоящій разбойникъ подъ именемъ солдата; онъ прѣбываетъ завоевателемъ, повелѣваетъ господиномъ, облагаетъ и грабитъ. Напрасно мужики жалуются на несправедливость; соболя налагаетъ молчаніе. Протестъ долженъ идти далеко, труденъ и могъ-бы даже одѣлаться опаснымъ. Что-же происходитъ отъ всѣхъ этихъ грабительствъ? Деревни разоряются и превращаются въ пустыни: и этой причинѣ надо приписать бѣдность и безлюдность земли. Также и хлѣбодашество въ пенальномъ состояніи: вслѣдствіе бѣдности, хлѣбодашецъ или вовсе не имѣеть, или имѣеть очень худыя орудія; плугъ часто ни что иное, какъ раздвоенный сукъ дерева, безъ колесъ. Пахутъ ослами, коровами, и очень рѣдко волами; послѣдніе означаютъ уже большой достатокъ. Въ странѣ, доступной для Арабовъ, надо сѣять съ ружьемъ въ рукѣ. Только-что рожь пожатѣтъ какъ ее срѣзываютъ, чтобы спрятать въ матмурахъ или подземныхъ погребахъ. Оставляютъ какъ можно меньше для посѣва, потому-что едва сѣютъ столько, сколько нужно для продовольствія; однимъ словомъ ограничиваютъ промышленность удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Но чтобъ имѣть немного хлѣба, луку, худую синюю рубашку и шерстяной передникъ не требуется большаго развитія промышленности. Мужикъ живетъ въ бѣдности; но по-крайней-мѣрѣ онъ не обогащаетъ тирановъ своихъ, и скупость деспотизма наказана своимъ собственнымъ грѣхомъ.

Тотъ-же писатель показываетъ намъ почву Палестины сухой, каменной, лишенной воды, безлюдной, покрытой развалинами и безъ обработки. Когда онъ видитъ Іерусалимъ, среди страны еще болѣе сухой и скалистой, окруженный рытвинами и скалистыми высотами, наполненный развалинами, онъ спрашиваетъ себя, это-ли, тотъ знаменитый епархіальный городъ, который нѣкогда боролся

съ сильнѣйшими имперіями; который одно мгновеніе противостоялъ усиліямъ самаго Рима, благоговѣніемъ и уваженіемъ котораго, по странному повороту судьбы, какъ выражается Вольней, Іерусалимъ пользуется теперь послѣ своего паденія. «Я прошелъ ее, прибавляетъ онъ въ своихъ *Scenes*, эту разоренную землю! Я посѣтилъ эти мѣста; которыя служили сценою для такого великолѣпія, и я видѣлъ только запустѣніе и безлюдность. Я искалъ древнихъ обитателей и ихъ произведеній, и видѣлъ слѣды ихъ, подобно тѣмъ, которые нога прохожаго оставляетъ на песокѣ. Храмы развалились, дворцы ниспровергнуты, пристани завалены, города разрушены, и земля, лишенная жителей, ни что иное, какъ печальное мѣсто погребенія. Великій Боже! откуда такіе ужасные перевероты? По какимъ причинамъ судьба странъ такъ переижилась? Зачѣмъ столько городовъ разорено?»

Прошло довольно времени съ тѣхъ-поръ, какъ Вольней посѣтилъ Палестину, и угнетеніе Турецкое и беспорядокъ управления только увеличились: онустоженіе страны возрастаетъ съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, какъ-бы въ оправданіе пророчествъ Исаія и Іереми; пустыри умножаются, камни и скалы растутъ. Древней Іудей узнать нельзя.

Намъ кажется, что книга г. Каминскаго выиграла-бы въ интересѣ содержанія, если-бы авторъ постарался обогатить ее изысканіями въ родѣ приведеннаго нами изслѣдованія западнаго паломника; г. Каминскій при этомъ нисколько даже не вышелъ-бы изъ того круга, въ которомъ онъ желаетъ остаться.

I. БРИТІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ
ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

I. Богословіе.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: преп. Нила Синайскаго, *Письма къ разнымъ лицамъ* (Тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); св. Іоанна Златоустаго: *Бесѣды на 2-е посланіе къ Фессалоникійцамъ*, 3—5-я (Христ. чт. май); *Бесѣды на посланіе къ Коринѳамъ*, 13—27 (*ibid.* май—авг.); *Бесѣды на 1-е посланіе къ Тимоѳею* (*ibid.* іюнь—авг.); св. Димитрія Ростовскаго, *Канонъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ Антонію и Θεодосію Кіевопечерскимъ* (*ibid.* іюнь); *Сочиненія* преп. Макарія Грека (Правосл. соб. май—авг.); св. Льва, папы Римскаго, *Слово на вознесеніе Господне* (Воскр. чт. № 6).

— По церковному краснорѣчію: высокопреосв. Филарета, митрополита Московскаго: *Бесѣда въ день Благовѣщенія пресв. Богородицы*; *Бесѣда въ пятокъ Пасхи и въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича*; *Статья на рѣчь бывшаго ректора Московскаго семинаріи, архимандрита Леонида, при нареченіи его во епископа Дмитровскаго*; *Речь къ сему послѣднему*; *Бесѣда по освященіи храма въ Спасопреображенскомъ Гуслицкомъ монастырѣ* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); архимандрита Леонида, бывшаго ректора Московскаго семинаріи, *Речь при нареченіи его во епископа Дмитровскаго* (*ibid.*); преосвящ. Макарія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, *Речь въ день Вознесенія Господня* (*ibid.* іюль); *Слово при отступленіи на кatedру Харьковской епархіи* (*ibid.* авг.); преосв. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго: *Слово, про-*

изнесенное послѣ литургіи въ церкви Горыгорецкаго института (Дух. бес. № 30); Слово въ день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (Воскр. чт. № 12); Слова въ недѣлю 8, 10, 12, 13-ю по пятидесятницѣ (ibid. № 15, 18, 20, 21); преосвящ. Теофана, епископа Тамбовскаго и Шацкаго, Слово въ день рожденія Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны (Дух. бес. № 34); архіеп. Георгія Конисскаго, Слово въ ден. пресвѣтлаго Христова Воскресенія (Воскр. чт. № 2); преосв. Филарета, архіеп. Харьковскаго и Ахтырскаго, Слово по освященіи храма (ibid. № 5); преосв. Антонія, епископа Чигиринскаго, Слово въ понедѣльникъ св. сорокадесятиницы (ibid. № 8); протоіерея Іоанна Скворцова, Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (ibid. № 6); Слово въ день св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра (ibid. № 19); іеромонаха Славявстрѣя: Изученіе въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова (ibid. № 7); Беседа въ день пятидесятницы (ibid. № 11). Сверхъ-того: Слово при погребеніи ординарнаго профессора С. Петербургской духовной академіи А. И. Мичина (Христ. чт. июль); Слово въ день преп. и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго (Воскр. чт. № 13); Общественному направленію церковной проповѣди (ibid. № 21).

— По духовной исторіи: Максимъ Грекъ Святгорецъ (Прпб. и тв. св. отца въ Русск. пер. кн. 2); Свѣдѣніе объ освященіи Спасо-Преображенскаго Гусляцкаго монастыря (ibid.); О прощеніи Монгаловъ Бурятцевъ Тукумискаго иеродическаго вѣдомства, въ Иркутской губерніи (ibid.); Рязанскіе іерархи (Христ. чт. май); Усыпани православною церковью Русскою въ періодъ Меньшиковскій (ibid. июнь); Общественныя отношенія между христіанствомъ и философіею въ первые три столѣтія христіанской церкви, И. Чистовича (ibid. июль); Блестящія христіанскаго общества по изображенію его въ соборномъ посланіи апостола Іакова (ibid.); Христіанство (ibid. авг.); Вліяніе положенія церкви въ общество въ первые три столѣтія христіанства (ibid.); Дьянія вселенскихъ соборовъ: соборъ Никейскій, вселенскій первый (Правосл. соб. май, июнь); соборъ Константинопольскій первый, вселенскій второй (ibid. июль, авг.); Древній правила церковнаго суда (ibid. май); Взглядъ древнихъ Русскихъ митрополитовъ на событія міри (ibid. май, авг.); Библиотѣка Соловьевскаго монастыря (ibid.); Нисходо митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго из Ка-

закскому митрополиту Тихону (ibid.); Памятники древне-Русской духовной письменности: Житіе преп. Трифона Печенискаго, просвѣтителя Ложарей; Житіе преп. Зосимы и Савватія и похвальныя слова въ память ихъ; Слово черноризца Зиновія на память преп. Зосимы Соловецкаго (ibid. май—авг.); О времени празднованія пасхи, Матвѣя Властаря (ibid. іюнь, іюль); Рескриптъ императрицы Екатерины II Веніамину, архіепископу Казанскому (ibid. іюнь); Посланіе Веніамина къ своей пастырь (ibid.); Изъ исторіи Русскаго раскола: діаконъ Ѳеодоръ, его сочиненіе и ученіе (ibid. іюль, авг.); Св. апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ (Дух. бес. № 19, 20); О духоворизцахъ Мелитопольскаго уѣзда Таверической губерніи (ibid. № 21, 22, 23); Первый праздникъ пятидесятицы въ апостольскомъ вѣкѣ (ibid. № 22, 24); О историческомъ призваніи Симона Петра къ апостольству (ibid. № 26); Участіе общества въ дѣль распространенія христіанства (ibid. № 28); Сведенборгъ и его ученіе (ibid. № 29); Патріархъ Кирилль Лукарскъ и его значеніе въ исторіи восточной церкви (ibid. № 31); Явленіе воскресшаго Господа великому союму отрующахъ (Воскр. чт. № 2); Пророческое благодословеніе св. Петра митрополита, данное Москвѣ и роду Московскихъ князей (ibid. № 5); Воскресеніе и вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа, по сказанію четырехъ евангелистовъ (ibid. № 8, 9, 10); О состояніи рабовъ у Вереговъ по закону Моисея (ibid. № 14); Отечество, спасенное въ безгосударственное время силою четыъ православной (ibid. № 16, 19); Иночество на Авоинъ (ibid. № 17, 20).

— «Объ отношеніи между христіанствомъ и философіею въ первые три вѣка христіанской церкви». — Познакомимъ съ содержаніемъ этого историческаго очерка г. Чистовича. «Христіанство есть предметъ вѣры и сообразной съ нею жизни, а не философскихъ изысканій и научной разработки. Но, если при самомъ появленіи христіанства, въ то время, какъ одни изъ учениковъ Христовыхъ принимали спасительную истину въ простотѣ сердца, другіе старались приблизить ее къ понятіямъ естественнаго разума; тѣ съ продолженіемъ времени тѣмъ больше должны были развиться отношенія между вѣрою и знаніемъ, между христіанствомъ и философіею, чѣмъ больше и разнообразіе становилось христіанское общество и чѣмъ больше развивалась мысль, возбужденная къ дѣятельности новымъ, невѣдомымъ древнему міру, ученіемъ Евангелія, Этому сближенію христіанства съ философіею

и развитію философской дѣятельности въ нѣдрѣхъ христіанства способствовало; 1) то, что учителя христіанской церкви находили въ философіи такое или другое ученіе о Богѣ и мірѣ, о назначеніи человѣка и другихъ предметахъ христіанскаго вѣроученія и — съ одной стороны какъ проповѣдники и охранители истины, съ другой — какъ обличители лжеученія, омрачавшаго язычниковъ и смущавшаго вѣрныхъ, — не могли не обратить на него вниманія при раскрытіи христіанскихъ догматовъ. 2) Христіанская церковь, постоянно распространяясь, нерѣдко пріобрѣтала новыхъ членовъ изъ ученыхъ язычниковъ, получившихъ образованіе въ языческихъ училищахъ и принадлежавшихъ къ той или другой философской школѣ. Ставъ христіанами, эти люди не могли совершенно отрѣшиться если не отъ началъ той философіи, которой долго слѣдовали, то по крайней мѣрѣ отъ способа убѣжденія къ истинѣ путемъ размышленія и науки. 3) Кроме того еретики и ученые язычники, нападая на христіанство, старались опровергнуть истины вѣры по своимъ философскимъ началамъ. Это заставляло отцовъ и учителей церкви, при защищеніи христіанства, знакомиться съ разными философскими ученіями того времени, чтобы побѣждать противниковъ ихъ же орудіемъ. Наконецъ 4) по самому существу христіанскаго ученія, сближеніе его съ философіею было весьма-естественно. Предлагая разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго ума, христіанство тѣмъ самымъ возбуждало мыслящую силу человѣка къ дѣятельности и сознательному усвоенію божественнаго ученія. При такомъ сближеніи христіанства съ философіею, отцы и учителя церкви, люди болѣею частью высокообразованные, не могли обойти вопроса объ отношеніи между христіанствомъ и философіею, между вѣрою и знаніемъ, и не разрѣшить его такъ или иначе, по крайней мѣрѣ для собственнаго руководства. Но мысли ихъ объ этомъ предметѣ были не одинаковы. Одни, имѣя въ виду разумъ человѣческій въ томъ его состояніи, когда онъ гордо отвергаетъ всякой авторитетъ и себя признаетъ независимымъ источникомъ вѣдѣнія, — и философію понимая, какъ стремленіе рѣшить важнѣйшіе вопросы и раскрыть всю истину, не замѣтвая ничего изъ божественнаго Откровенія, — утверждали, что естественный человѣческій умъ не способенъ къ познанію истины и что философія, какъ произведеніе сего ума, не даетъ истиннаго вѣдѣнія, и потому есть наука бесполезная для христіанъ, которыми истина сообщается во всей

полнотѣ спасительнымъ ученіемъ Христовымъ, принимаемымъ въ прѣстолѣ вѣры. Появленіе ересей, какъ плода суемудрія челоуѣческаго, совмѣстно съ философіею дѣйствовавшихъ противъ христіанства, еще болѣе усилило нерасположеніе къ ней. Ее считали причиною ересей. Даже диалектика, наука часто-формальная, не избавилась отъ порицаній, по тому поводу, что еретики пользовались ею оружіемъ противъ христіанства. Другіе отцы и учителя церкви, — смотря на разумъ въ томъ его состояніи, когда онъ подчиняется божественному Откровенію, и на философію, какъ на плодъ умоарбія, руководимаго вѣроу, — были снисходительнѣе къ философіи и смотрѣли на нее, какъ на науку, полезную въ христіанскомъ мірѣ. Отношеніе ея къ христіанскому ученію они опредѣляли слѣдующимъ образомъ. Они выходили изъ той мысли, что челоуѣческій умъ одними собственными силами и средствами не можетъ вполне и совершенно познать истину, но что христіанство съ божественнымъ авторитетомъ предлагаетъ челоуѣку истину, которая восполняетъ недостатки естественнаго ума. Въ частности, по двоякому содержанію истинъ, заключающихся въ христіанскомъ ученіи, отношеніе къ нимъ естественнаго ума должно быть двоякое, именно: въ христіанскомъ Откровеніи предлагается ученіе о нѣкоторыхъ предметахъ естественнаго разума, болѣе полное и совершенное, нежели какое можетъ дать самая возвышенная философія, каново ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ міру и объ отношеніи міра къ Богу. Но, кромѣ сихъ истинъ, въ Откровеніи предлагаются такія, которымъ нѣтъ ничего соответствующаго въ философіи, каново все ученіе о таинствѣ искупленія. Посему обязанность философіи въ отношеніи къ истинамъ перваго рода состоятъ въ томъ, чтобы принять и поставить ихъ на мѣсто соответствующаго философскаго ученія; въ отношеніи къ истинамъ втораго рода — въ томъ, чтобы ввести ихъ въ кругъ челоуѣческаго познанія, какъ существенную составную его часть, и защитить отъ возраженій еретиковъ и язычниковъ. Такъ разуждѣли это дѣло, такъ и дѣйствовали восточные писатели первыхъ вѣковъ христіанской церкви. Они знали, что божественное ученіе, преподанное въ Откровеніи, предлагается вѣрѣ, а не ученому наслѣдованію разума, — что храненіе и раскрытіе его вѣрено не философіи, а церкви; но, обращаясь съ людьми, которые, присоединяясь къ обществу вѣрующахъ, приносили съ собою свою пытлиность въ отношеніи къ божественному ученію, и отражая против-

никовъ христіанства, нападавшихъ на него съ оружіемъ науки и знанія, они считали не только не лишнимъ, но справедливымъ и необходимымъ также пользоваться пособіями науки и знанія. Съ этою цѣлю истины перваго рода, поставленныя на мѣсто недостаточнаго или ложнаго философскаго ученія, они защищали и доказывали ученымъ образомъ, опровергая противоположныя имъ заблужденія; а собственно христіанское ученіе старались, по крайней-мѣрѣ, защищать отъ возраженій и нападеній язычниковъ и лжеучителей. Раскрывая этотъ взглядъ, по которому философія въ-отношеніи къ христіанству имѣетъ значеніе хотя подчиненное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное, отцы и учителя церкви старались доказать, что философія не только не противоположна христіанскому ученію, но напротивъ происходитъ изъ одного съ нимъ источника, и посредственно руководствуетъ къ той-же цѣли, къ которой христіанство ведетъ непосредственно. Въ доказательство перваго положенія, что философія происходитъ изъ одного источника съ божественнымъ ученіемъ, они: 1) старались показать *историческую* связь философіи съ Откровеніемъ и говорили, что истина, которую по частямъ можно находить въ разныхъ философскихъ ученіяхъ, заимствована изъ божественнаго Откровенія, хотя и обезображена и омрачена примѣсью человѣческаго заблужденія. Это мнѣніе раздѣляли многіе церковные писатели древности. 2) Старались доказать *смысленную* связь философіи съ Откровеніемъ, полагая ее въ томъ, что они равно суть дѣло божественнаго Промысла, который научалъ людей истинѣ и добродѣтели и приготовлялъ къ принятію христіанства частію непосредственно — чрезъ откровеніе своей воли и своихъ путей въ законѣ, данномъ Иудейскому народу, частію посредственно — чрезъ руководство естественнаго разума, выражавшаго, послѣ безуспѣшныхъ покушеній познать истину, твердую надежду, что Богъ не оставитъ наконецъ просвѣтитъ родъ человѣческій свѣтомъ вѣдѣнія божественной истины, которое дѣйствительно и открылось въ христіанствѣ. Климентъ Александрійскій въ своихъ сочиненіяхъ очень-часто раскрывалъ ту мысль, что философія была дѣломъ божественнаго Промысла и руководила къ истинѣ и справедливости язычниковъ, какъ законъ — Иудеевъ. Такимъ-образомъ философія существенно входила въ планъ божественнаго промысла о спасеніи человѣческаго рода. Дѣйствіе ея было двойное: положительное — распространять между людьми понятія объ истинѣ

и добродѣтели, и отрицательное — разрушать заблужденія язычества и оченчать путь христіанству. «Тотъ-же божественный Промыслъ, который открывалъ волю свою Иудеямъ, открывалъ ее — хотя не такимъ вышнимъ образомъ — и язычникамъ». «Философія не можетъ быть произведеніемъ зла: потому-что злое ведетъ къ злону, а философія научаетъ людей добродѣтели; сдѣловательно она есть дѣло всеблагаго Бога, который одинъ есть источникъ всякаго блага. И сообщена она была не худшимъ людямъ, но лучшимъ изъ Еллиновъ, которые способны были руководить другихъ людей къ справедливости. Итакъ ясно, откуда она происходитъ. Винovníкъ ея божественный Промыслъ, который даетъ всякому то, что ему нужно по его особенному свойству. Иудеямъ до явленія Господня данъ былъ законъ, а язычникамъ — философія; но послѣ явленія Господня всѣ призываются къ оправданію чрезъ ученіе вѣры, составляя одинъ народъ правды, такъ-какъ одинъ Богъ обоихъ, Еллиновъ и варваровъ, или, лучше, всего человѣческаго рода». «До пришествія Господня философія необходима была Еллинамъ для справедливости; теперь она полезна для богопочтенія и благочестія тѣмъ, которые усвоятъ вѣру чрезъ доказательства. Нога твоя не споткнется, если ты будешь производить всякое благо отъ Бога, будетъ-ли то Еллинское, или наше. Ибо Богъ есть причина всѣхъ благъ, и тѣхъ, которыя непосредственно (*προϋοισίως*) ведутъ ко спасенію, — какъ ветхаго и новаго Заветъ, и тѣхъ, которыя ведутъ къ нему посредственно (*κατ'επακολουθήσια*), — какъ философіи. Можетъ-быть даже, что и философія дана была Еллинамъ въ томъ первомъ смыслѣ (*εφεστυοισίως*), прежде нежели Господь призвалъ ихъ; воеліку она также руководствовала къ христіанству Еллиновъ, какъ законъ Иудеевъ. Итакъ, философія предуготовляла тѣхъ, которыхъ Христосъ призвалъ къ совершенству». Въ разсужденіи правды, о которой говоритъ Климентъ, можно сдѣлать то замѣчаніе, что онъ разумѣетъ не правду оправдывающую (*δικαιοσύνη*), т.-е., доставляющую чловѣку всѣ необходимыя силы и средства къ достиженію своего назначенія, но правду, руководствующую (*χριστιανική*) къ оправданію чрезъ вѣру. Очень естественно, что язычники не соглашались на подчиненное я, по ихъ мнѣнію, униженное значеніе разума: потому-что смотрѣли на христіанство не какъ на божественное Откровеніе, но какъ на одно изъ философскихъ ученій. «Ненѣріе, говорилъ Тертуліанъ, убѣждаемое собственнымъ опытомъ

въ превосходствѣ христіанства, не перестаетъ утверждать, что въ немъ нѣтъ ничего божественнаго и что оно есть не что иное, какъ секта философіи, подобно другимъ ея сектамъ. Сущности отвѣтовъ на это христіанскій учитель заключалась въ томъ, что христіанство есть божественное Откровеніе, и потому выше разума, и должно быть принимаемо вѣрою. А въ доказательство его божественнаго происхожденія указывали на чудеса и пророчества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что изысканіе философы, по крайней мѣрѣ Александрійской школы, не отрицали чудесъ, и усвоили вдохновенность даже основателю христіанской вѣры; но понимали то и другое, и чудеса и вдохновенность, несогласно съ христіанскимъ ученіемъ. Была и еще точка зрѣнія на взаимное отношеніе философіи и христіанства, съ которой смотрѣли на философію, какъ на дополненіе къ христіанскому Откровенію. Основаніе этого взгляда заключается, по мнѣнію лицъ, раздѣлявшихъ его, частію въ популярномъ образѣ представленія и наложенія христіанскаго ученія, скрывающемъ подъ внѣшнюю простоту и изобразительность глубокой внутренней смыслъ, который открывается только философскому изслѣдованію, частію въ самомъ содержаніи христіанскаго ученія, которое можетъ быть раскрываемо и правдиваемо научнымъ образомъ. Это составляетъ общій характеръ гностика (γνώσις). Изложивъ сущность этого ученія, г. Чистовичъ продолжаетъ: «Въ противоположность ложному гносику, отцы и учителя церкви старались раскрыть ученіе объ истинномъ христіанскомъ знаніи (γνώσις), полагая въ основаніе его вѣру (πίστις). Вѣра есть основаніе жизни для всѣхъ христіанъ, — есть союзъ, соединяющій всѣхъ людей, не смотря на различіе ихъ умственныхъ дарованій и умственнаго образованія, въ одно общество, въ одно царство Божіе на землѣ. Единство церкви и согласіе вѣрующихъ, утверждаемое сею вѣрою, они противопоставляли раздѣленію и несогласіямъ гностическихъ школъ. Объясняя слова Господни: *ищите и обрящите*, Тертуліанъ говоритъ: «надлежитъ искать того, чему учили Иисусъ Христосъ, пока не найдете, и до тѣхъ поръ, какъ найдете. Вы нашли, когда увѣровали; потому что не увѣровали бы, если бы не нашли. Какъ вы искали для того, чтобы увѣровать, то, найдши и увѣровавши, вы должны прекратить всѣ ваши исканія. Если же потому только, что одни преподаютъ одно, а другіе другое, захотимъ мы вѣчно искать, то мы въ опасности всегда искать

и никогда не увѣрвать. Какой-же послѣ сего будетъ предѣлъ нашихъ исканій и открытій? Ставемъ искать у Маркіона? Но Валентинъ съ своей стороны говоритъ: ищите и найдете (истину у меня). Будемъ искать у Валентина? Но Апеллесъ повторяетъ то же самое. Евѳонъ, Симонъ и всѣ другіе употребляютъ ту же хитрость, чтобы привлечь меня на свою сторону. Какого свѣта ожидать тамъ, гдѣ все тьма? Поведемъ у себя и у своихъ, но поведемъ только того, что служить къ разрѣшенію вопроса, не нарушая правила вѣры. Климентъ Александрійскій такъ объясняетъ отношеніе между вѣрою и вѣдѣніемъ: христіанская вѣра и вѣдѣніе имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ — священное писаніе и преданіе. Но вѣрѣ принадлежитъ принятіе и усвоеніе истинъ, открываемыхъ въ христіанствѣ, и направленіе вѣдѣнія къ его истинной цѣли; вѣденію же — уясненіе и раскрытіе полного содержанія и внутренней связи христіанскаго ученія, равно-какъ его научное построеніе и защищеніе отъ возраженій и нападеній противниковъ истины — еретиковъ и языческихъ философовъ. Вѣра предшествуетъ вѣдѣнію и всѣмъ доказательствамъ истины, происходящимъ отъ вѣдѣнія; это есть практическое пониманіе божественной истины, возникающее изъ врожденнаго человѣку чувства истины. Вѣдѣніе же слѣдуетъ за вѣрою и, на основаніи ея, съ помощію внѣшнихъ пособій выискиваетъ и раскрываетъ глубокое содержаніе христіанскаго ученія. Къ сему взаимному отношенію между вѣрою и вѣдѣніемъ онъ примѣняетъ слова пророка Исаи: *аще не утѣрпите, никакъ не можете разумѣти* (Ис. 7, 9), если не увѣруете въ Евангеліе, не уразумеете его духа и силы. Вѣра также необходима для духовной жизни христіанина, какъ воздухъ для жизни чувственной. Какимъ образомъ изъ вѣры возникаетъ глубокое вѣдѣніе предметовъ вѣры, это онъ объясняетъ тѣмъ, что глубокое пониманіе и раскрытіе смысла св. писанія или ученія вѣры происходитъ изъ жизни по вѣрѣ. «Вѣра, говоритъ онъ, какъ-бы сообщаетъ человѣку новыя силы созерцанія божественныхъ вещей», — и примѣняетъ къ сему слова пророка Исаи и апостола Павла: *се азъ творю новая* (Ис. 48, 19), *и: еже око не видѣтъ, ухо не слышитъ, и еже на сердце человеку не выидоша* (2 Кор. 5, 17). Что можетъ быть видимо новымъ окомъ, слышимо новымъ слухомъ и воспринимаемо новымъ сердцемъ, то открывается духовно-видящимъ, духовно-слышающимъ и духовно-дѣлающимъ ученикамъ Господнимъ, чрезъ вѣру и вѣдѣніе. Слѣдовательно, христіанское

вѣдѣніе, по разумѣнію Климента, не есть дѣло одного умозрѣнія, но исходитъ изъ всего порядка жизни, иррелигиозной вѣры. «Порядокъ жизни, говоритъ Климентъ, ясно облачаетъ тѣхъ, которые познали заповѣди. Ибо каково ученіе, такова жизнь. Дерево узнается по плодамъ, а не по цвѣтамъ, листьямъ и дѣтвямъ. Такъ и вѣдѣніе (γνώσις) познается отъ плодовъ и устройства жизни, а не отъ одного ученія и цвѣтовъ. Посему, мы и говоримъ, что вѣдѣніе не есть только ученіе, но какъ-бы нѣкоторое божественное разумѣніе (τὴν ἀπιστήνῃ δίδων), тотъ свѣтъ, который возникаетъ въ душѣ изъ повиновенія заповѣдямъ, который дѣлаетъ видимымъ для человѣка и все (виѣшнее) находящееся въ твореніи, и его самого, научая его самопознанію и общенію съ Богомъ. Вѣдѣніе въ душѣ то-же, что глазъ въ тѣлѣ». «Безъ жизни по вѣрѣ не можетъ быть знанія божественныхъ вещей, которое происходитъ отъ вѣры: знаніе и жизнь здѣсь одно. Только *чистіи сердцемъ Бога узрять*». Но вѣра есть внутреннее, подлежательное (субъективное) условіе вѣдѣнія; виѣшнее и подлежательное (объективное) или источникъ познанія есть св. писаніе. Хотя вѣрующій обладаетъ какъ-бы нѣкоторымъ особливимъ чувствомъ истины въ-отношеніи къ божественнымъ вещамъ, такъ-что ему открывается то, что отъ невѣрующихъ сокрыто, но одного внутреннего чувства истины недостаточно для поднаго уразумѣнія, изъясненія и защищенія всѣхъ истинъ св. писанія. Для сего нужно: 1) изученіе св. писанія, полное раскрытіе его содержанія, сличеніе и сравненіе различныхъ мѣстъ. Оваго между собою, изъясненіе однихъ другими, выводъ изъ нихъ слѣдствій, однимъ словомъ — приведеніе истинъ св. писанія въ нѣкоторый научный видъ, и 2) нужна помощь науки и содѣйствіе научнаго образованія. «Миѣ не безъизвѣстно», говоритъ Климентъ, «что повторяютъ часто нѣкоторые неразумные писатели, будто вѣра должна довольствоваться необходимѣйшимъ и существеннымъ и оставить все чуждое и лишнее, что насъ напрасно развлекаетъ и отклоняетъ отъ главной дѣлы». И въ другомъ мѣстѣ: «Нѣкоторые, считая себя разумными, не хотятъ и коснуться ни философіи, ни діалектики, не хотятъ учиться естественному созерцанію, но ищутъ одной простой вѣры: не употребивши никакой заботы о виноградной лозѣ, уже хотятъ получать съ нея грозды. Подъ образомъ виноградной лозы представляется намъ Господь. Мы должны собирать съ нея плоды съ разумною заботливостію и съ

искусствомъ виноградаря. Нужно окопать ее, перевязать, подрѣзывать и все прочее сдѣлать, — нужно употребить и серпъ, и заступъ, и другія земледѣльческія орудія, чтобы виноградникъ произрастил намъ обильный плодъ». Устраняя или опровергая естественное при этомъ возраженіе, будто божественное Откровеніе не есть достаточный источникъ истины, когда при немъ необходимы еще внѣшняя наука и внѣшнее образованіе, Климентъ говоритъ: «если для тѣхъ, которые склонны къ порицанію, нужно точно опредѣлить, что мы разумѣемъ, когда называемъ философію вспомогательною и содѣйствующею причиною истиннаго разумѣнія; то мы скажемъ, что считаемъ ее руководствомъ (*προκατάβασις*) къ вѣдѣнію, причиною вспомогательною, а не главною, — содѣйствующею, а не производящею. Не то значить, что безъ философіи не могло бы и быть истины; поелику самая большая часть насъ не получили энциклопедическаго научнаго образованія и не изучали Еллинской философіи, а нѣкоторые даже не умѣютъ ни читать, ни писать, но, подвигшись божественнымъ любомудріемъ, которое возвѣстили люди не образованные, а наученные премудрости Божіей, они сломъ вѣры усвоили ученіе о Богѣ. Итакъ ученіе Спасителя само въ себѣ совершенно и самодовольно, какъ сила и мудрость Божія; и привходящая Еллинская философія не дѣлаетъ истины сильнѣе, но дѣлаетъ только безсильными софистическіе на нее нападки, отвращаетъ враждебные подкопы подъ истину, и потому можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника. Къ такой защитѣ философіи, кромѣ убѣжденія въ ея собственномъ достоинствѣ и происходящей отъ нея пользѣ, Климента могъ располагать и тотъ историческій фактъ, что въ его время многіе образованные язычники принимали христіанскую вѣру вслѣдствіе разумаго изслѣдованія и убѣжденія въ ея истиннѣ; при чемъ философское образованіе было какъ-бы руководствомъ къ познанію истины. Что нужды, что въ философіи истина часто омрачена была примѣсью заблужденій? Какъ законъ не потерялъ своей силы и своего назначенія оттого, что Іудейскіе писатели примѣшали къ нему свои чувственныя толкованія; такъ и философія не лишается своего достоинства оттого, что человекъ примѣшалъ къ ея истиннѣ свои заблужденія. Климентъ сравнивалъ философію съ дикою маслиною, въ которой обращаются крѣпкіе и плодотворные, но острые и неудобоваримые соки. Когда привьютъ къ ней вѣтвь, взятую отъ благороднаго дерева, то маслина сдѣлается питатель-

ною и здоровою. Такъ точно и философія, эта дикая маслина, сдѣлается питательною и плодотворною, когда она оживится вѣрою. Оригенъ, въ опредѣленіи отношенія между вѣрою и вѣдѣніемъ (γνῶσις), склонялся къ идеямъ Александрійской философіи. По его понятію, вѣдѣніе состоитъ въ совершенномъ пониманіи духа и внутренней силы христіанскаго ученія, между-тѣмъ-какъ вѣра довольствуется простымъ принятіемъ истины. Въ этомъ отношеніи Оригенъ допускаетъ между вѣрою и вѣдѣніемъ постепенность, близкую къ противоположности. «Тѣ, говоритъ онъ, которые пріяли даръ вѣдѣнія и премудрости, живутъ уже не вѣрою, но созерцаемъ: это тѣ духовно-наученные люди, которые, окончивъ странствованіе въ тѣлѣ, (возвысились надъ буквою Писанія) вселились уже въ дому Господнемъ. Но тѣ еще пресельничаютъ въ тѣлѣ и еще не вошли въ домъ Господень, которые не разумѣютъ духовнаго смысла Писанія, но вращаются въ его буквѣ. Господь Духъ есть; посему тотъ, кто не пріялъ животворнаго духа и духовнаго смысла Писанія, далекъ отъ Господа и живетъ еще вѣрою». Легко видѣть, что это мнѣніе есть прямое слѣдствіе изъ началъ, принятыхъ въ Александрійской школѣ и раскрытыхъ Климентомъ и Оригеномъ относительно истолкованія св. писанія, и принадлежитъ къ частнымъ мнѣніямъ писателя, несправедливо восвысившаго личное разумѣніе и истолкованіе св. писанія предъ общимъ разуміемъ и истолкованіемъ его въ церкви, или предъ авторитетомъ церковнаго преданія».

— «Взглядъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ на событія міра». — На какой-бы степени развившагося сознанія ни стоялъ человѣкъ, духъ его неодолимо стремится извѣдать минувшее и удержать въ памяти его образъ. Кромѣ этого естественнаго стремленія, силою котораго преданія всякаго рода идутъ преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, — Русскихъ лѣтописцевъ побуждали къ труду другія, высшія чувствованія. Важныя дѣла св. церкви и христіанскаго государства, въ которыхъ очевиднымъ образомъ проявляется божественный Промыслъ, нравственные подвиги достославныхъ лицъ, по своей возвышенности, святости и вліянію на общество, воспламеняли въ свидѣтеляхъ этихъ дѣлъ ревностное желаніе — передать въ родъ и родъ память о нихъ. «Мы грѣшніи рабы Христови, говоритъ лѣтописецъ послѣ разсказа о спасеніи земли Русской отъ страшнаго завоевателя Тимура, слышавше сіе удивленіе Господа нашего Іисуса Христа, пречистой Его

Матери Богородицы, понудихъ сія писанія предати во славу имени Господа Иисуса и пречистой Его Матери, Владычицы и Заступницы нашей Богородицы. Богу нашему слава» и проч. По словамъ другаго лѣтописца, «добродѣяннѣ во вѣки святятся, записанныя въ хронографъ въ память дѣтямъ». Отличаясь по природѣ своей практическимъ направленіемъ, Русскій человекъ выражалъ его во всякой отрасли древней письменности. Не говоря объ обилии древнихъ поученій, церковныхъ бесѣдъ и другихъ статей нравоучительнаго содержанія, въ самыхъ народныхъ произведеніяхъ повѣствовательнаго рода отразилось нравоучительное направленіе: имъ проникнуты и всѣ лѣтописи. Увѣковѣчивая замѣчательныя явленія церкви и отечества, Русскіе лѣтописцы руководились въ своихъ трудахъ главнымъ образомъ желаніемъ — способствовать нравственному усовершенію современниковъ и потомковъ: «дѣло Божіе и святыхъ его, говорили наши предки, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко съ высокимъ проповѣданіемъ и извѣщеніемъ возглашать во общію пользу и спасеніе всѣмъ Христоименитымъ людямъ». Въ самомъ началѣ Софійскаго временника, лѣтописецъ обращается къ современникамъ: «вамъ молю, стадо Христово, съ любовію преклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбораняху Русская земля и иныя страны приимаху подъ ся. Ти бо князи не собираху многа имѣнія не творимыхъ вирь, ни продахъ вскладаху на люди... не кладаху на своя жены златыхъ обручей... Да отсегъ, братія моя возлюбленная, останемся отъ несытства своего; довольни будете уроки вашими... никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсть Божіи и правовѣрніи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добръ проживемъ и тамо вѣчнѣй жизни причастницы будемъ». Священная забота — увѣковѣчить въ назиданіе потомства память о благодѣянїяхъ Божїихъ, явленныхъ церкви Русской, и о доблестныхъ подвигахъ ревнителей вѣры и благочестія, не исключала другой заботы — ознакомить роды иные съ поступками худыми и небеснымъ наказаніемъ порока. — Писатель отдѣльной повѣсти «о нашествїи водномъ» признается, что «старые лѣтописцы къ нашему наказанію писаны», приводитъ слова Соломона: «се же есть мудръ, еже вѣсть древняя повѣсти» и говоритъ въ заключеніе своей статьи: «для того мы приложили во свидѣтельство страшное чудо и необычайное наводненіе, чтобъ водрузилось въ мысляхъ слышащихъ и предносылалось частою памятью къ

потомкамъ, и такъ въ родъ и родъ, по Давиду: восхвалять дѣла Божія и силу Его возвѣстать. Видѣвъ, братіе, божественную силу и уразумѣвъ страшное наказаніе долготерпѣливаго Владыки Христа, убоимся и вострепещемъ, вспоминая это, и позаботимся сохранить Его заповѣди: кто зло дѣлаетъ, пусть обратится, а кто въ добрѣ и правдѣ стоитъ, не разлѣнится». — Послѣ повѣствованія о нашествіи Едигея, есть любопытная приписка: «сія вся написанная, аще и нелѣпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей земли, не сладостная намъ и не уласканная изглаголавшимъ, но възутительная и къ пользѣ обрѣтающаяся, и возставляющая на благая у не забытая; мы бо не досаждающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ таковая вчвнихомъ, якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Кіевскаго, иже вся времена бытства земская не обинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володиміръ Мономахѣ онаго великаго Сильвестра выдобичскаго не украшая пишущаго, да аще хоцещи прочти тамо прилежно, да почетъ почіеши». Если переписываніе и распространеніе книгъ считалось въ древней Руси дѣломъ высокой важности и заслуги, то трудъ составленія лѣтописи, назначаемый съ прямою цѣлю — утвердить соотечественниковъ въ вѣрѣ и благочестіи, — являлся и въ мнѣніи лѣтописцевъ и въ глазахъ современниковъ особенно богоугоднымъ и спасительнымъ подвигомъ. Это также было немалымъ побужденіемъ посвящать время и стараніе на благочестивое занятіе составленія лѣтописи. «Се азъ игуменъ св. Махаила Селивестръ, написахъ книги сіи лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милости пріяти... а иже чтутъ книги сія, то буди ми молитва ихъ». Движимые такими высокими побужденіями и руководимые такою святою цѣлю, лѣтописцы заботились давать религіозно-нравственный смыслъ и самымъ описываемымъ событіямъ, и въ этомъ смыслѣ излагали свои мнѣнія и сужденія о нихъ. Можно сказать, что въ лѣтописяхъ довольно полно отразился взглядъ ихъ составителей на происшествія міра. Русскіе лѣтописцы, воспитанные почти исключительно ученіемъ слова Божія и твореній св. отецъ, усвоили библейскій взглядъ на событія міра, тѣмъ болѣе на явленія въ исторіи церкви отечественной. Этотъ взглядъ болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ Русскихъ лѣтописяхъ». Вотъ тема, такъ сказать, этой статьи, сдержаніе которой и составляетъ развитіе этой темы.

— По предметамъ христіанскаго ученія: *О будущемъ воскресеніи нашего тѣла* (Христ. чт. май); *Церковныя постановленія о священствѣ* (Правосл. соб. іюнь, іюль); *Обзоръ постановленій о бракѣ въ православной церкви* (ibid. авг.); *Ученіе о воскресеніи мертвыхъ, предложенное въ первомъ посланіи св. апостола Павла къ Коринѳянамъ* (гл. XV) (Дух. бес. № 17, 18); *Святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія окружное посланіе къ Александрійскому и прочимъ восточнымъ патріаршимъ престоломъ, занимающимся рѣшеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ и тѣмъ, что не должно говорить: «Духъ исходитъ отъ Отца и Сына», но только: «отъ Отца»* (Дух. бес. № 19, 20); его же *Письма* (ibid. № 22, 23, 29, 31, 34); *Посланіе блаж. Іоанна, папы Римскаго, къ святѣйшему Фотию, патріарху Константинопольскому, о прибавкѣ къ символу вѣры (Filioque)* (ibid. № 27); *Обзоръ суточнаго богослуженія православной церкви* (ibid.); *Латинянинъ. Разговоръ, составленный Маркомъ, митрополитомъ Ефесскимъ, о прибавкѣ въ символъ вѣры (Filioque) «и Сына»* (ibid. № 29); *Значеніе совѣсти для вѣры и дѣятельности христіанина* (ibid. № 30); *Богослуженіе церкви Армянской* (ibid. № 33, 34); *Изъясненіе текста: Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши оубо челоувѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 19) (Воскр. чт. № 3); *О воскресеніи, какъ доказательствѣ божественности Іисуса Христа* (ibid.); *Крестъ — Божія сила и премудрость* (ibid. № 17).

— Изъ назидательныхъ размышленій укажемъ на слѣдующія: *Нѣсколько словъ о невѣрїи нашихъ дней* (Христ. чт. май); *Утѣшеніе и совѣтъ изъ опыта для страждущихъ и печальныхъ* (ibid. іюнь); *Доброе стѣмя и плевелы. Евангельская притча* (Правосл. соб. іюль); *О прямотѣ и искренности характера* (ibid. № 21); *О достоинствѣ трудовъ и дѣятельной жизни* (ibid. № 25); *Назначеніе христіанскаго семейства* (ibid. № 27); *Объ индифферентизмѣ и вѣротерпимости* (ibid. № 31 и 32); *О молитвѣ* (ibid. № 32 и 33); *О трудностяхъ служенія пастырей православной церкви* (ibid. № 32); *Мысли объ уединеніи* (ibid.); *О причинахъ ненависти міра къ истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ* (ibid. № 33); *Взглядъ христіанина на смерть* (Воскр. чт. № 3); *Разумное поклоненіе Богу* (ibid. № 14); *Христіанскіе праздники и потребность матеріальнаго труда* (ibid. № 18); *Какъ долженъ быть внимателенъ священникъ къ своей обязанности — напутствовать умирающихъ*

(*ibid.* № 20): на текстъ: *Правда возвышаетъ языкъ: умоляютъ-же племена грѣси.* Притч. 14, 34 (*ibid.* № 7).

Сверхъ-того помѣщены слѣдующія статьи полемическаго содержания и другія: *Отвѣтъ на письма князя-писателя относительно Латинскаго ученія о папѣ; Свѣдѣніе о новомъ сочиненіи: «Отвѣтъ міряннина на книгу: Станетъ-ли Россія католическою»* (Берлинъ, 1854) (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Разборъ суждений новѣйшихъ естествоиспытателей о земномъ шарѣ сравнительно съ ученіемъ Слова Божія о видимомъ мірѣ* (Христ. чт. авг.); *Духовное званіе въ Россіи*, Григорія Грекова (Дух. бес. № 17); *Нѣсколько словъ по поводу писемъ изъ Польши* (*ibid.* № 18); *Мое обращеніе и мое призваніе, соч. отца Шувалова, Барнабита* (Парижъ, 1859), гр. Толстаго (*ibid.* № 19); *Отзывъ Англійскаго журнала о православномъ сочиненіи* (*ibid.* № 22); *Сужденіе протестанта о св. крещеніи по чину православному чрезъ погруженіе* (*ibid.* № 24); *Духовное званіе въ Россіи* (*ibid.* № 28); *Нѣсколько словъ по поводу газетныхъ суждений о христіанскомъ обычаѣ украшать въ Троицынъ день дома и церкви зелеными древесными вѣтвями* (*ibid.*); *О положеніи нашихъ священниковъ въ современномъ обществѣ* (Воскр. чт. № 11); *Священноучители народа* (*ibid.* № 12, 13); *Неизмѣнность св. вѣры и значеніе ея для человека* (*ibid.* № 15).

— «Священники — учителя народа». — «Между многими вопросами (такъ начинается статья эта), поднятыми въ послѣдніе годы въ Русской литературѣ, умы многихъ занимаѣт и занимает доселѣ вопросъ о грамотности и сельскихъ народныхъ школахъ. Общественное мнѣніе признало великимъ благомъ для народа распространеніе въ немъ грамотности, и выразило желаніе, чтобы это благое дѣло, при сочувствіи къ нему народа и правительства, болѣе и болѣе подвигалось впередъ и приносило съ собою въ народную жизнь ожидаемые отъ него плоды. Въ то-же время неоднократно выражено было въ журналахъ горькое сожалѣніе о томъ, что состояніе грамотности у насъ въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, что наши сельскія школы далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію и не приносятъ желанныхъ плодовъ. Отыскивая причину этого, обратили вниманіе на сельскихъ учителей, ближайшихъ служителей дѣла народнаго просвѣщенія; и такъ-какъ эта обязанность у насъ возложена главнымъ образомъ на священниковъ, то сказано было много не очень лестныхъ, уко-

ризенныхъ словъ касательно педагогическихъ способностей нашихъ пастырей и ихъ образованіи вообще. Конечно, не напрасно и не безъ основанія поднялись толки о недостаткахъ учителей-священниковъ; въ нихъ несомнѣнно есть доля правды. Но намъ кажется, что въ общемъ итогѣ ихъ много скороспѣлыхъ заключеній, въ общемъ составѣ ихъ много недоразумѣній, отъ недостатка близкаго знакомства съ дѣломъ, отъ недодуманнаго рѣшенія важнаго вопроса, и еще болѣе отъ сословнаго предубѣжденія противъ духовенства. Мы хотимъ съ возможнымъ безпристрастіемъ присмотрѣться поближе къ ходячему вопросу о школьномъ учительствѣ священниковъ, и долю своего личнаго разумѣнія принести въ общую сумму многообразныхъ разсужденій о немъ. Статья эта раздѣлена на двѣ части: въ первой опровергается несообразность мнѣнія, что для пользы дѣла слѣдуетъ устранить священниковъ отъ обязанности учителей въ сельскихъ школахъ; а во второй доказывается, что не священники виною тому, что обученіе въ сельскихъ школахъ идетъ малоуспѣшно. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ первой части статьи. «Священники должны быть учителями въ сельскихъ школахъ прежде всего *по своему званію* своему. Если кому, то пастырямъ церковнымъ преимущественно прилична эта должность; съ ихъ саномъ, съ ихъ обязанностями она какъ-бы сама собою соединяется. Священники, по своему званію, для своихъ прихожанъ главнымъ образомъ *учители* вѣры и евангельской нравственности; ихъ преимущественное дѣло — наставлять своихъ пасомыхъ, благовременно и безвременно въ церкви и дома учить ихъ истинамъ христіанской мудрости и правиламъ христіанскаго благоповеденія. Цѣль ихъ служенія — образовать своихъ прихожанъ въ мужей совершенныхъ, развить благородныя потребности души человѣческой. Сущность и цѣль пастырскаго служенія не обязываетъ священниковъ прямо и непосредственно учить своихъ прихожанъ грамотѣ и заниматься съ дѣтьми ихъ въ школахъ. Но если личное усердіе захочетъ расширить мѣру пастырскаго долга, если священнику нужно приложить къ обязательному занятію другое, болѣе сродное, близкое его должности, болѣе полезное для его цѣли, то на первомъ планѣ является учительство въ школѣ, какъ дополненіе его главнаго груза. Грамотность — главное средство къ духовному образованію человѣка; въ ней лежитъ начало, на которомъ можетъ развиваться и созидаться нравственная личность наша. Она облегчаетъ

способы къ приобрѣтенію познаній, этихъ сокровищъ нашего сознанія, безъ которыхъ человѣкъ всегда бѣденъ и ничтоженъ; она помогаетъ человѣку преуспѣвать въ вѣрѣ, знакомиться со всѣмъ святымъ достояніемъ церкви; чрезъ нее дѣлаются доступными для простолюдина всѣ назидательныя сказанія о достоподражательныхъ подвигахъ святыхъ, до которыхъ онъ такой охотникъ и которыя могутъ имѣть большое нравственное вліяніе на его быть и его внутреннія расположенія. Священнику, духовному воспитателю своихъ прихожанъ, весьма естественно вводить ихъ во владѣніе всеобщимъ средствомъ духовнаго образованія. Устное слово, мгновенно-являющееся и тотчасъ-же исчезающее въ воздухъ и слышное въ одномъ какомъ-нибудь тѣсномъ углу, нуждается въ частомъ и усиленномъ повтореніи для того, чтобы изъ этого сѣмени, бросаемаго трудолюбивою и неутомимою рукою, возникло потомъ благоплодное древо христіанскаго знанія и христіанской жизни. Съ другой стороны, исходя изъ души, проникнутой живымъ убѣжденіемъ, оно можетъ дѣйствовать на сердце слушателя сильнѣе слова книжнаго; но, лежащее на воспріимлющемъ сознаніи не со всею членораздѣльною ясностію слова письменнаго, а общностію заключенной въ немъ мысли или возбуждаемаго чувства, оно даетъ просторъ всѣмъ смутнымъ и неопредѣленнымъ представленіямъ, ничѣмъ не защищаетъ своего содержанія отъ произвольныхъ толкованій и превратныхъ искаженій. Еслибы простолюдинъ владѣлъ грамотою, еслибы книга была доступна ему, то онъ самъ могъ-бы продолжать свое религиозное образованіе; священнику оставалось-бы указывать ему назидательныя писанія и быть его руководителемъ при толкованіи ихъ. Его слово тогда было-бы разумнѣе и съ меньшимъ усиленіемъ достигало-бы большихъ слѣдствій. Темные толки, распространяющіеся отъ нетвердаго слова, разогналъ-бы ясный свѣтъ для всѣхъ раздѣльной и одинаково-видимой буквы. Священникъ послѣ сего долженъ быть первымъ ревнителемъ распространенія грамотности въ своемъ приходѣ, и онъ, въ своихъ чисто-духовныхъ пастырскихъ видахъ, можетъ и долженъ стараться обучать своихъ пасомыхъ этому средству духовнаго образованія. Но школы, какъ-бы ни были ограничены по своему устройству, не могутъ ограничиваться однимъ механическимъ обученіемъ; въ нихъ образуется и воспитывается молодая, еще не установившаяся и не опредѣлившаяся душа. Въ нихъ посѣваются сѣмена или духовныя начала нашей

послѣдующей нравственности: изъ нихъ выносить человѣкъ на поприще жизни зародыши тѣхъ убѣжденій и расположеній, изъ которыхъ впоследствии составляется личный взглядъ и личный характеръ. Направленіе всей жизни и всей духовной жизнедѣятельности можетъ начинаться и дѣйствительно начинается въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ проведена первая молодость. Какъ-бы ни былъ слабъ учитель въ сельской школѣ, онъ не можетъ быть простымъ механическимъ орудіемъ, чрезъ которое школьники узнаютъ грамоту и знакомятся съ азбукой: онъ хотя что-нибудь да скажетъ, передастъ хотя одно правило жизни, дознанное опытомъ или гдѣ-нибудь слышанное; его чувства и убѣжденія болѣе или менѣе непремѣнно отразятся на мягкихъ сердцахъ тѣхъ неразвитыхъ натуръ, которыя безотвѣтно подчинены его образующему вліянію и постоянно окружаютъ его, смотря на него, какъ на представителя людей высшаго разряда, какъ на великаго знатока всѣхъ вещей, далекаго отъ всѣхъ заблужденій. Священнику, своимъ званіемъ обязанному трудиться надъ нравственнымъ развитіемъ своихъ прихожанъ и устроить ихъ жизнь по закону евангельскому, нужно заботиться о томъ, чтобы въ самомъ первомъ возрастѣ не было внушаемо юнымъ душамъ какихъ-нибудь началъ и правилъ, не совсѣмъ согласныхъ съ тѣмъ христіанскимъ ученіемъ, которое онъ проповѣдуетъ всѣмъ въ церкви. Иначе возрастутъ на доброй почвѣ посѣянные плевелы, и когда будетъ сѣяться слово Божіе, оно можетъ остаться безплоднымъ: потому-что ему не дастъ взойти прежде посѣянное терніе; оно подавитъ и заглушитъ ростокъ, хотя-бы даже дуновение благодати и вѣяло еще по-временамъ. Если и не будетъ такого сильнаго дѣйствія со-стороны не церковнаго начала, могущаго возникнуть въ школѣ, во всякомъ случаѣ оно можетъ положить препятствіе къ христіанскому развитію человѣка и затруднить священника въ его служеніи: онъ долженъ будетъ напрасно тратить время и силы на борьбу съ такимъ вліяніемъ, котораго вовсе могло-бы не быть, и которое извнѣ чрезъ школу навѣяно на окружающее его общество. Кому-же посѣвать первыя начала воспитанія въ общественной школѣ, если это воспитаніе не должно быть въ разладѣ съ воспитаніемъ церковнымъ, если жизнь, здѣсь начинающаяся, должна стройно развиваться подъ вліяніемъ церкви? Кому, если не священнику? И гдѣ, съ другой стороны, пастырь церкви найдетъ болѣе удобное мѣсто

для успѣшнаго дѣйствія на свою паству, какъ не въ школѣ, гдѣ начинается первоначальная жизнь человѣка, откуда получается направленіе для жизни, и пробуждаются зародыши нашихъ склонностей и силъ? Здѣсь онъ можетъ положить краеугольной камень для зданія живой церкви Богу; здѣсь онъ можетъ создать людей обновленія, по духу святыни Господней. Пропустить онъ удобное мѣсто и время, — начальный камень будущей жизни его юной паствы положится кѣмъ-нибудь другимъ, и, можетъ быть, тогда этотъ начальный камень будетъ вовсе не такой, какой долженъ лежать въ основѣ нашей духовной жизни. Въ этомъ случаѣ не одному священнику придется пожалѣть о допущенномъ промахѣ, но будетъ поздно. Важное значеніе школы для нравственнаго воспитанія общества въ нашемъ отечествѣ чувствовали и понимали издавна: это былъ тотъ-же храмъ, въ которомъ назидается человѣкъ въ жизнь вѣчную, только храмъ приготовительный. Потому школы всегда являлись у насъ при церквахъ и монастыряхъ. И нынѣ школа достигаетъ своего значенія только тогда, когда въ ней вѣетъ духъ церкви, и когда она существуетъ подъ ея кровомъ. Учителей-священниковъ въ сельскихъ школахъ требуетъ самое свойство образованія, какого желаетъ и въ какомъ нуждается нашъ простой народъ. Это образованіе религіозно-нравственное. Народъ нашъ въ вѣрѣ и религіи полагаетъ свѣтъ истиннаго, полнаго и нужнаго ему знанія; и чувство сердца и соображенія разсудка говорятъ ему, что онъ тогда будетъ надлежащимъ образомъ просвѣщенъ наукою, когда будетъ знать, что открылъ Богъ о своемъ существѣ и судьбѣ міра, что заповѣдалъ намъ дѣлать для нашего спасенія, и что ожидаетъ насъ въ будущемъ за предѣлами гроба. Потому онъ цѣнитъ выше всего образованіе и знаніе религіозное; которое удовлетворяетъ религіозной пытливости его духа и имѣетъ нравственное вліяніе на его сердце и дѣятельность, считая прочее заморскою, мало-интересною для него, хитростію. И въ самомъ-дѣлѣ, религіозное просвѣщеніе можетъ обнимать собою полноту необходимаго для крестьянина образованія. Оно даетъ простые, ясные, но многосодержательные отвѣты на всѣ существенные вопросы нашего духа; оно способствуетъ нравственному развитію человѣка, возбуждая въ его душѣ любовь и уваженіе къ добродѣтели, укрѣпляя его въ борьбѣ съ искушеніями; оно вводитъ въ жизнь простолюдина источникъ неземнаго высшаго утѣшенія и сглаживаетъ небесною надеждою

всѣ тернія, какими усѣянъ путь труда, подлежащій бѣдному крестьянину. Специалистомъ въ какой-нибудь отрасли знанія сельская школа не въ-состояніи сдѣлать крестьянина; да это совершенно и ненужно для него. Если полезны для крестьянина нѣкоторыя знанія изъ исторіи отечественной, географіи, ариеметики, входящія въ кругъ общаго, самаго неприхотливаго воспитанія, то эти предметы знанія не опредѣляютъ собою отдѣльнаго характера въ преподаваемомъ сельскими школами воспитанія, отлично отъ общаго религіозно-нравственнаго его направленія. Кому-же быть религіозно-нравственнымъ воспитателемъ народа, какъ не священнику? И кто можетъ лучше удовлетворить и желанію народа и нуждѣ общества, при потребности нравственнаго образованія поселянъ, если не священникъ, ихъ духовный пастырь, самымъ саномъ своимъ обязанный просвѣщать ихъ вѣрою и руководить на пути добродѣтели? Самое чувство народа въ этомъ случаѣ смѣло рѣшаетъ вопросъ и въ одномъ священникѣ желаетъ видѣть то лицо, которое можетъ доставить воспитаніе его дѣтямъ. Еслибы онъ могъ выражать свои желанія и ими опредѣлять обстоятельства, его окружающія, то онъ скорѣе всего обратился-бы въ этомъ случаѣ къ духовному наставнику и руководителю своему». За симъ весьма-много справедливаго высказано касательно предубѣжденія Русскаго простоядина къ людямъ въ свѣтской одеждѣ, вслѣдствіе чего мало обѣщаетъ успѣха замѣна священниковъ въ сельскихъ школахъ учителями свѣтскими; кромѣ первой, нравственной причины, эта замѣна также затруднительна по причинѣ матеріальной, денежной. «Для священника, получающаго содержаніе отъ главной своей должности, не потребуется за учительство, — эту, такъ сказать, второстепенную для него должность, такого жалованья, какое нужно для обезпеченія нарочитаго учителя. Получая доходъ за священство, за учительскую обязанность, онъ будетъ доволенъ и умѣреннымъ прибавленіемъ къ главному своему содержанію. Мы можемъ сказать еще, что въ этомъ случаѣ притязанія священниковъ на вознагражденіе за трудъ всегда меньше, чѣмъ притязанія людей, вышедшихъ изъ городовъ и воспитанныхъ въ такихъ школахъ, гдѣ много блеска и роскоши, и гдѣ привыкли слишкомъ высоко цѣнить всякую долю труда. Предоставьте мѣста учителей въ сельскихъ школахъ свѣтскимъ людямъ и обѣщайте имъ такое вознагражденіе, какимъ довольствуются священники, вы увидите здѣсь такое отребіе, какому не куда уже дѣваться, и которое

не надѣется найти порядочной службы въ городѣ. Отъ подобныхъ учителей не ожидайте ни усердія къ своему дѣлу, ни успѣшнаго выполненія своихъ обязанностей». Равнымъ образомъ во второй части статьи очень-много высказано справедливаго при разсмотрѣніи вопроса о томъ, что виною у насъ медленнаго движенія народной грамотности и народнаго образованія и отчего сельскія школы не приносятъ желанныхъ плодовъ.

II. Философія.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Сочиненія католическихъ мыслителей нашего времени: Ботана, Землера, Штекля* (От. зап. № 5); *Практическая философія Гегеля*, П. А. Лаврова (Биб. для чт. № 5); *Рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ*, Н. Г-ва (Русск. бес. № 3); *Философъ Шеллингъ* (Русск. жив. биб. № 14).

— «Рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ». — Эта статья составляетъ замѣчательное явленіе въ области философіи; она сдѣлала-бы честь любому Германскому мыслителю, если бы была написана на Нѣмецкомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, предѣлы нашего обозрѣнія не дозволяютъ намъ сообщить содержаніе ея въ подробности. Вотъ какъ разумѣетъ авторъ рационализмъ философіи. «Сознаніе различаетъ міръ внутренній и внѣшній. Оно различаетъ также двоякое ихъ взаимодействіе: духовное—сферу знанія и желанія, химико-физическое — сферу такъ-называемой животной жизни. Задача высшей мысли объяснить это явленіе и выразумѣть связь двухъ міровъ, или — что то-же — отыскать ихъ общее начало. Само въ себѣ, сознаніе довольствуется тѣмъ, что признаетъ это начало. Это признаніе дано ему вмѣстѣ съ нимъ самимъ, является присущимъ въ самый первый мигъ различенія себя или своего внутренняго міра отъ внѣшняго, словомъ въ самый мигъ возникновенія сознанія; или, точнѣе сказать, это признаніе и составляетъ сознаніе. Сознаніе, именно, и есть не что иное, какъ постоянно-свѣтящійся вопросъ: что? присущій духу, при каждомъ его актѣ — при каждой мысли, при каждомъ изволеніи. Каждый актъ мысли и воли полагаетъ что-нибудь; сознаніе заявляетъ вопросъ о каждомъ что? И этимъ самымъ составляетъ Духовность дѣйствія. Мысль и изволеніе становятся чрезъ это предъ сознаніемъ какими, и положеніе въ нихъ этого качества и есть сознаніе. Словомъ,

мысль и изволеніе сами суть въ силу того, что суть что-нибудь. Различеніе этого *суть* отъ него и есть сознание. Въ общемъ своемъ видѣ, оно есть простая увѣренность въ существованіи этого *что*, необходимое его требованіе и предположеніе при всемъ мысленномъ и дѣйствуемомъ, и при всякомъ мышленіи и дѣйствіи въ сферѣ знанія, оно специализируется какъ требованіе истины, въ сферѣ дѣйствія—какъ требованіе природы. И такъ сознание само въ себѣ, какъ мы сказали, довольствуется тѣмъ, что признаетъ различаемымъ собою явленіямъ общее начало, заявляя свое признаніе постояннымъ требованіемъ субстрата, непремѣнно одного и непремѣнно внутренняго, къ чему-бы ни относилась всякая множественность и внѣшность. Но мысль ищетъ не только признать, но и знать это, глухо, только по своему бытію заявленное въ сознаніи начало. Она хочетъ знать, чѣмъ оно есть само въ себѣ и какъ изъ него выходитъ все разнообразіе и къ нему относится. Если къ неотразимымъ стремленіямъ духа принадлежитъ потребность при всемъ предположить *что*, то столь-же въ немъ неотразима потребность положить и каково что. Это—сфера разума, сфера логическихъ опредѣленій, различительныхъ категорій,—множественности и частности, навертываемымъ на основу, непремѣнно требуемую сознаниемъ. Рѣшая этотъ вопросъ о началѣ всѣхъ явленій въ своей сферѣ, разумъ дѣйствуетъ только отрицательно и, по существу своему, не можетъ дѣйствовать иначе. Онъ не зрѣтъ непосредственно вещей. Такое зрѣніе принадлежитъ чувствамъ и изъ ихъ цѣльныхъ представленій снимаетъ онъ порознь отвлеченныя качества, которыя и складываетъ потомъ различнымъ образомъ. А высшаго всеначала не зрѣтъ внѣшнія чувства; о немъ только глухое сознание. И такъ изъ этихъ двухъ матеріаловъ разумъ долженъ созидать свой отвѣтъ на вопросъ о разъясненіи всего начала и естественно можетъ дать отвѣтъ только отрицательный. Онъ можетъ сказать только то, что оно не есть, а не то, что есть. Всѣ пути къ нахожденію предметовъ для начала всѣхъ вещей, столь подробно обозначенные, бывало, въ схоластическихъ системахъ, въ сущности сводятся къ этому одному,—къ пути *negationem*. Однимъ словомъ, все разъясненіе всеначала ограничивается простымъ перенесеніемъ факта, утвержденного сознаниемъ, въ сферу разума—превращеніемъ его изъ непосредственной внутренней увѣренности въ объектъ для мысли. Ничего положительнаго тутъ собственно не прибудетъ; останется то-же знаніе,

какое дано первоначальнымъ свидѣтельствомъ сознанія, только съ постановкою предъ нимъ того, что искомое начало не есть ни міръ ви́шній, ни міръ внутренній. И какъ мы сказали уже, логической способности разума ничего не остается болѣе дѣлать. Заключение одно: или искомое знаніе для насъ вовсе недоступно, или—доступно, но можетъ быть достигнуто только совсемъ инымъ путемъ, путемъ непосредственнаго реального соотношенія съ предметомъ знанія. Не всегда однако, при рѣшеніи сказанной задачи, мысль охотно приходитъ къ такому заключенію. Гораздо чаще являлась мечта положительно обнять искомое начало однимъ ви́шнимъ знаніемъ, то есть тѣмъ, которое собирается отъ непосредственнаго наблюденія надъ явленіями опыта въ томъ и другомъ мірѣ, духовномъ и вещественномъ. А при этомъ естественно должны отвергнуться, вопреки сознанію, какъ нейтральность искомага начала, такъ и противоположность двухъ подчиненныхъ міровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ допустится ихъ отождествленіе или — что то-же — скрытное или явное отрицаніе одного изъ нихъ. Иначе, начало не могло явиться знанію единымъ и внутреннимъ, что составляетъ однако неотразимо-неизбѣжное, прежде всѣхъ данное требованіе сознанія. Такимъ образомъ, являлся болѣе или менѣе обширный антропоморфизмъ или перенесеніе явленій нашего духовнаго міра на міръ природы и объясненіе послѣдняго тѣми-же самими дѣятелями, какіе подымѣаемъ въ нашей душѣ. Вся природа такому созерцанію представляется одухотворенною; въ каждой стихіи, въ каждой отдѣльной вещи живетъ совершенно такое-же существо, какъ и мы; вмѣстѣ съ тѣмъ и верховному началу вполне усвоилось все человѣческое. Такимъ-же образомъ являлся болѣе или менѣе проведенный механико-материализмъ, или перенесеніе, наоборотъ, явленій природы на міръ духовный, и затѣмъ — на высшее начало. Въ томъ и другомъ возрѣніи, перенесеніе явленій съ одного міра на другой, очевидно, равносильно было отрицанію того изъ нихъ, который объясняется предметами противоположнаго. Приписывая чему-нибудь то, чѣмъ оно ни есть, какъ то, что оно есть, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ бытіе его, какъ его. И это есть именно отрицаніе, а не простое незнаніе: ибо въ сознаніи постоянно неотразимо заявляется различіе отождествляемыхъ міровъ. Незнаніе есть совершенное отсутствіе вещи въ сознаніи; а отрицаніе есть именно противопоставленіе тому, что есть въ сознаніи, его противоположности. Такой-же точно характеръ имѣетъ

и рационализмъ,—третье воззрѣніе, истекшее изъ того-же предположенія возможности положительно обнять высшее всеначало внѣшнимъ знаніемъ. Здѣсь является то-же перенесеніе, но уже не внутренняго міра на внѣшній и наоборотъ, а перенесеніе на тотъ и другой самаго взаимодѣйствія между ними, и именно — въ сферѣ знанія. Словомъ, рационализмъ есть признаніе безграничныхъ правъ логическаго разума, и отождествленіе его со всѣмъ міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и скрытое отрицаніе того и другаго, а съ ними и самаго ихъ общеначала. Какъ антропоморфизмъ, вопреки сознанію, жертвуетъ всѣмъ для представленія человѣческой личности; какъ механико-материализмъ хочетъ вездѣ видѣть то, что, по свидѣтельству сознанія, свойственно только неодупевленной природѣ; такъ точно рационализмъ, вопреки неотразимо-ясному внутреннему свидѣтельству, игнорируетъ все ради самаго знанія. Рационализмъ возникъ изъ положеннаго Декартомъ въ новую философію начала сомнѣнія. «Начало знанія есть сомнѣніе»: коль-скоро высшее мышленіе начинаетъ этимъ свою работу; коль-скоро, съ перваго раза, оно раздѣляетъ такимъ образомъ нераздѣльную, вѣчно-присущую увѣренность сознанія, то, естественно, въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ, оно должно прійти къ отрицанію всего кромѣ себя самого. При такомъ началѣ, для него и нужно постороннее увѣреніе въ истинѣ сознанія; а сознаніе неспособно ни къ какой аргументаціи; оно нераздѣльно, и эта та нераздѣльность собственно и составляетъ его силу. Если мы отдѣлимъ мысленно самое сознаніе отъ сознаваемого, и станемъ спрашивать о его истинѣ, то мы должны за отвѣтомъ обратиться опять къ тому-же сознанію и къ его нераздѣльности искать себѣ успокоенія. Словомъ, мы не имѣемъ, ни для чего, въ себѣ другаго свидѣтельства, кромѣ сознанія, или если разъ отложимъ то, что оно свидѣтельствуется, то намъ уже не къ чему будетъ обратиться, что-бы могло свидѣтельствовать о необходимости снова положить отложенное. Въ насъ существуютъ различныя созерцанія, представленія, понятія, — словомъ, въ насъ существуетъ сознаніе, это несомнѣнно. Но соотвѣтствуетъ-ли всему этому что-нибудь и въ самой дѣйствительности, и если соотвѣтствуетъ, то въ какой именно мѣрѣ?—Естественно, что при началѣ философіи, которое положено Декартомъ, и которое хорошо пришлось къ требованіямъ мысли, приготовленнымъ Европейскою жизнію, — этотъ вопросъ долженъ быть ставъ, отселѣ, главнымъ вопросомъ выс-

шаго мышленія, и имъ должно было, отсегъ, опредѣляться все содержаніе философіи». Авторъ не упоминаетъ здѣсь ни о методологін Бэкона, ни о мистическомъ идеализмѣ Мальбранша, ни о механическомъ идеализмѣ Лейбница, ни о попыткѣ демонстративно-философскаго метода въ идеалистическомъ пантеизмѣ Спинозы. Къ тому окончательному развитію, въ какомъ явился раціонализмъ въ послѣднія времена, все это имѣетъ слишкомъ отдаленное отношеніе. Самый главный толчокъ, по мнѣнію автора, сообщившій наиболѣе сильное движеніе раціонализму, данъ былъ рѣшеніемъ, какое предложено было на сказанный вопросъ Локкомъ и Юмомъ. Затѣмъ онъ излагаетъ ученіе сихъ двухъ мыслителей и переходитъ къ системамъ Германскихъ мыслителей: Канта, Фахте, Шеллинга и Гегеля.

III ПЕДАГОГИКА.

Къ области педагогики принадлежатъ слѣдующія статьи: *Мысли о воспитаніи въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. 1815—1822.* А. Иванова (Совр. № 8); *Письма къ читателю о народномъ образованіи. Необходимъ-ли пригтовительный курсъ въ университетѣ?* Н. Я. Бунге (От. зап. № 5); *Вопросъ о преподаваніи Латинскаго языка* (ibid. № 7); *Нѣсколько словъ о духовныхъ училищахъ* (ibid. № 8); *Преподаваніе географіи и ея недостатки* (ibid.); *Педагогическія замѣтки изъ Веймара, В. А...ой* (Библ. для чт. № 5); *Нужны-ли у насъ училища для крестьянскихъ дѣвицъ*, Б. (Русск. вѣстн. № 15); *Чему мы, женщины, учились*, Надежды Д... (Русск. бес. № 3); *Нѣсколько словъ по вопросу: должно-ли окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ подвергать испытанію въ университетѣ?* (ibid. № 5); *Нужны-ли особые переводные экзамены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?* А. Воронова (ibid. № 175); *Замѣтка о семинаріяхъ* (Сѣв. пч. № 174); *Объ устройствѣ учебныхъ заведеній*, П. Крапивина (Русск. дневн. № 90); *Праздникъ студентовъ въ Самарѣ* (ibid. № 94); *Нѣсколько словъ о положеніи приходскихъ учителей*, Приходскаго учителя (Моск. вѣд. № 116); *Педагогическія письма I. N* (№ 121); *Воспитаніе въ одномъ уездномъ городѣ*, И. П. (Моск. вѣд. № 126); *О духовныхъ уездныхъ училищахъ*, А. Весскаго (ibid. № 170); *Открытое испытаніе воспитанниковъ В...ской семинаріи*, К. П.—а (ibid. № 186); *По поводу нашего воспитанія*, В. Чыбсова (Одесск. вѣстн. № 79); *Замѣтка на предвидущую статью*, И. Перетца (ibid.

№ 82), Голубовой (ibid. № 85); *Нѣмецкое реальное училище въ Одессѣ*, И. Иванова (ibid. № 94); *Актъ Кіевской духовной академіи* (Кіев. телегр. № 3); *О воспитаніи въ деревнѣ* (ibid. № 7); *Еще объ образованіи Кавказскихъ горцевъ* (Кавк. № 39); *О публичномъ воспитаніи въ Англіи* (Сынъ от. № 27 и 28); *Иезуитскія училища въ Австріи* (ibid. № 32).

— «О публичномъ воспитаніи въ Англіи». — «Если внимательнѣе разсмотримъ то вліяніе, которое имѣютъ высшіе классы общества въ Англіи на судьбы этой страны, и если поискать причинъ этого явленія, единственного среди новѣйшихъ Европейскихъ обществъ, — то окажется, что эти причины преимущественно заключаются въ существующей тамъ системѣ воспитанія. Эта система, свободная и совершенно-независимая отъ правительственныхъ дѣйствій, — относится не только къ привилегированнымъ сословіямъ государства, но присуща цѣлой націи. На твердой землѣ, большею частію, подъ названіемъ «высшихъ классовъ Англіискаго общества» подразумеваютъ наследственную аристократію, не замѣчая того, что она составляетъ только одну часть верхняго общества. Правда, что наследственное дворянство, будучи, такъ-сказать, составною частію конституціонной монархіи, представляетъ въ ней довольно-значительную власть, не только черезъ посредство своихъ членовъ въ палатѣ лордовъ, но еще и по тому вліянію, какое они имѣютъ на выборахъ, какъ владѣтели огромныхъ, неотъемлемыхъ отъ нихъ, владѣній. Между-тѣмъ, если обратить вниманіе на то, что обыкновенно только старшій сынъ въ семействѣ имѣетъ право засѣдать въ этомъ аристократическомъ собраніи, и что другіе сыновья пера должны слиться, безъ титула и почти безъ состоянія, съ толпою народа, то легко понять, что палата лордовъ, одна, не олицетворяетъ еще собою высшихъ классовъ Англіискаго общества. Два другіе элемента, болѣе могущественные, перевѣшиваютъ политическую силу наследственнаго дворянства; это, во-первыхъ, народныя выборы въ палатѣ общинъ, и, во-вторыхъ, право, предоставленное коронѣ, возводитъ происходящія изъ народа фамиліи въ наследственное достоинство перовъ. Изъ этого краткаго объясненія можно видѣть, что высшіе классы общества, въ Англіи, не ограничиваются однимъ только титулованнымъ дворянствомъ, какъ было это во Франціи, Германіи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи до 1789 г. Всякій членъ народа можетъ, съ своей стороны, добиваться участія въ дѣлѣ управленія страной, если онъ имѣетъ

способы, посредствомъ своего образованія и способностей, попасть въ этотъ классъ людей, на долю которыхъ выпало управленіе политическими дѣлами націи. Этотъ фактъ, имѣющій свою основу въ либеральныхъ учрежденіяхъ Англіи, необходимо долженъ былъ озабочивать тѣхъ, которые, въ предшествовавшія столѣтія, предлагали особенныя старанія къ основанію учреждений для воспитанія, подвергавшихся довольно-частымъ преобразованіямъ, сообразно требованіямъ времени, но никогда не измѣнявшихся въ самыхъ существенныхъ своихъ началахъ. Четыре или пять обширныхъ учреждений принимаютъ, каждый годъ, дѣтей почти безъ исключенія всѣхъ достаточныхъ фамилій страны, предоставляя имъ образованіе одинаково, какъ нравственное, такъ и физическое, подъ руководствомъ нѣсколькихъ избранныхъ членовъ Англійскаго духовенства. Школы въ Винчестерѣ, Итонѣ, Харровѣ и Ругби—главнѣйшія. Остальныя, какъ учрежденія довольно уже древнія, лишились нынче своего первоначальнаго значенія. Изъ этихъ школъ или училищъ, Англійское юношество переходитъ, для окончательнаго образованія, въ университеты Оксфордскій или Кембриджскій, или въ подобныя имъ, болѣе новѣйшія учрежденія въ Лондонѣ, Шотландіи и Ирландіи. Въ 1441 году, при послѣднихъ лучахъ того свѣта, который на минуту разсвѣлялъ мракъ среднихъ вѣковъ, въ царствованіе Генриха IV, основаны были школы — въ Итонѣ и королевская въ Кембриджѣ. Еще ранѣе ихъ, въ концѣ 1387 года, Вильгельмъ Уикгэмъ (Wycliffe), епископъ Винчестерскій, основалъ въ епархіальномъ городѣ Винчестерѣ училище въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ двѣ, воспитанники которыхъ должны были получать окончательное воспитаніе въ новой коллегіи въ Оксфордѣ. Это училище или школа, открытая 28 мая 1393 г., состояла изъ одного *warden'a* — директора, 10 *fellows* — подканониковъ, 3 капеляновъ, одного учителя, одного помощника учителя, 70 учениковъ и 16 пѣвчихъ, всего 105 лицъ, составлявшихъ такъ-называемое основаніе (*foundation*) школы. Нынѣ, кромѣ этого числа особъ, болѣе ста дѣтей живутъ и воспитываются въ ней за довольно-умѣренную плату. Каждый годъ *warden* — директоръ школы, съ своимъ помощникомъ *sous-warden*, начальникомъ и двумя подканониками—*fellows* Оксфордской коллегіи, дѣлаютъ выборъ учениковъ, изъ т.-н. основанія школы, для замѣщенія на слѣдующій годъ вакантныхъ мѣстъ въ коллегіи. Учениками основными именуются тѣ, которые происходятъ въ прямой или побоч-

ной линіи отъ фамиліи основателя, или, находясь въ родства, заслугами своихъ отцовъ приобрѣли право на занятіе мѣста въ *оско-ваніи*. Статуты этихъ двухъ учреждений, т.-е. школы Винчестерской и Оксфордской коллегіи, послужили основой для школы въ Итонѣ и королевской Кембриджской коллегіи, основанныхъ Генрихомъ IV. Итонъ (Eton) находится на лѣвомъ берегу р. Темзы, у подножія тѣхъ игривыхъ холмовъ, надъ которыми возвышается величественный Виндзорскій замокъ, резиденція королей Англій. Его великолѣпная часовня и зданіе, въ которомъ помѣщаются учителя и ученики, считаются, по-справедливости, самыми превосходными памятниками Англійской архитектуры XV столѣтія. Безконечныя аллеи изъ столѣтнихъ тополей, обширные луга, ограниченные берегами Темзы, и близкое сосѣдство деревни, — немало благоприятствуютъ развитію нравственныхъ и физическихъ способностей свободныхъ дѣтей великой націи. Удобства, которыя представляетъ помѣщеніе въ деревнѣ главныхъ учреждений для воспитанія, такъ очевидны, что нѣтъ никакой необходимости оспаривать ихъ. Тамъ только Англійское юношество, совершенно-свободное и предоставленное самому себѣ, безъ надзирателей расходится по обширнымъ полямъ, такъ сказать, пріучая себя къ началамъ этого *self-government*, которое, къ великому удивленію чужестранцевъ, управляетъ судьбами своей страны. Когда благодѣтельная сѣмена этой системы, ограниченной только правилами благочинія, но свободной въ самой сущности, — западаютъ въ великіе умы, они, естественно, производятъ поколѣніе людей, которые, будучи назначены судьбою управлять свѣтомъ, соединяютъ съ превосходнѣйшимъ образованіемъ огромный навыкъ къ дѣламъ. Все, что мы сказали объ этомъ, относится въ равной степени къ школамъ въ Харровѣ и Ругби. Первая изъ нихъ основана въ 1598 году Жаномъ Лиовъ (Luw) съ цѣлю воспитанія маленькихъ мальчиковъ Арровскаго прихода; но такъ-же, какъ и всѣ учрежденія подобнаго рода, оно расширило свою дѣятельность. Вторая школа основаніемъ своимъ обязана королевѣ Елисаветѣ. Харровская школа (Harrow), славная извѣстность которой началась уже давно, покрылась въ нашъ вѣкъ новымъ блескомъ, давъ Англій Байрона и Роберта Пиля. Расположенная на вершинѣ одного изъ живописныхъ косогоровъ графства Мидльсекскаго, она владѣетъ богатою деревнею и огромными лугами, на которыхъ ученики предаются играмъ, берущимъ свое начало изъ преданій Ста-

рой-Англіи. Школа въ Ругби (Rugbi), знаменитая въ наше время докторомъ Томасомъ Арнольдомъ, ея начальникомъ, представляетъ, въ меньшихъ разиѣрахъ, тѣ-же удобства, о которыхъ мы упоминали при обзорѣ другихъ школъ. Итонская и Винчестерская школы — учрежденія временъ католицизма; двѣ другія, не смотря на то, что основаны послѣ реформаціи, кажутся, въ общихъ чертахъ, какъ-бы моделями первыхъ. Статуты, правила для приѣма, дисциплина почти монастырская, метода обученія, въ которой преобладаетъ классическій элементъ, — съ малыми различіями одни и тѣ-же — такъ-что, прослѣдивъ систему одной школы, можно составить себѣ по ней довольно-вѣрное понятіе объ остальныхъ. Намъ достаточно будетъ рельефнѣе показать основаніе этой методы воспитанія, которую, не взирая на множество объ ней разсужденій иностранцевъ, очень мало кто знаетъ во всѣхъ ея подробностяхъ. Древнія постановленія этихъ школъ составляютъ, такъ-сказать, святилище, къ которому никто не смѣетъ прикоснуться. Юношество, воспитывающееся въ этихъ стѣнахъ, никогда не подумаетъ тщеславиться своимъ высокимъ происхожденіемъ въ присутствіи славныхъ преданій, составляющихъ наслѣдіе этихъ великолѣпныхъ зданій. Такъ-же, какъ всякій человѣкъ гордится своимъ происхожденіемъ изъ какой-нибудь знаменитой фамиліи, такъ-точно и всякій членъ древняго и знаменитаго учрежденія для воспитанія гордится тѣмъ, что принадлежитъ ему съ самой юности и провелъ первые годы своей жизни въ этихъ мѣстахъ, вызывающихъ отовсюду славныя воспоминанія. Молодой человѣкъ понимаетъ такимъ-образомъ ту часть отвѣтственности, которая падаетъ на него. Честь, слава этого священнаго мѣста дѣлаются священнымъ для него наслѣдіемъ, которое онъ обязанъ хранить и, если возможно, увеличить въ свою очередь. Изъ уваженія къ столь чтимому мѣсту естественно рождается уваженіе и къ тѣмъ постановленіямъ, которыя служили ему началомъ, и къ той системѣ воспитанія, которая начертана была основателями его. Для учителя вопросъ не состоитъ въ томъ, чтобы знать, существуетъ-ли болѣе лучшая система воспитанія, но въ томъ, чтобы извлекать полезнѣйшую, по-возможности, часть изъ существующей и, преобразовывая ее сообразно требованіямъ времени, никогда не измѣнять цѣлаго въ сущности. Система можетъ быть измѣнена въ своихъ второстепенныхъ частяхъ; но общія начала должны оставаться нетронутыми. Такимъ-образомъ необходимость примѣнять ко всякому различному случаю общій законъ

встрѣчается гораздо-чаще въ этихъ школахъ, нежели въ гимназіяхъ континентальныхъ. Отношенія учителей къ ученикамъ становятся поэтому совершенно-одинаковыми и въ другихъ отношеніяхъ общественной жизни, т.-е. свободными и полными уступокъ: ибо они основываются на уваженіи личности каждаго ученика, отдѣльно взятаго. Изъ тройственнаго соединенія отношеній симпатическихъ между учителемъ и ученикомъ, свободы дѣйствій умственныхъ и физическихъ, любви, благоговѣнно сохраняемой къ преданіямъ школы—рождается это чувство собственнаго достоинства и благородной гордости, которое бываетъ очень часто источникомъ великихъ дѣлъ. Это чувство еще болѣе усиливается публичнымъ мнѣніемъ о школахъ,— мнѣніемъ, которое, будучи создано подъ вліяніемъ невинныхъ внушеній молодого еще поколѣнія, не причиняетъ заблужденій, которыя такъ легко принимаются обществомъ, менѣе благовоспитаннымъ. Внимательный наблюдатель можетъ видѣть, какъ мужество, великодушіе и всѣ вообще добрыя качества поощряются тамъ, и какъ низость, ложь и лицемеріе, хотя и являющіяся довольно-рѣдко, преслѣдуются и презираются. Законъ чести, никѣмъ не писанный, но съ которымъ безмолвно соглашается всякій, служитъ путеводителемъ одинаково и для сына патриція, и для сына богатаго банкира. Чувство общаго равенства и справедливости, готовое всегда наказывать глупцовъ, безъ затрудненія освобождаетъ ихъ отъ сословныхъ предразсудковъ и дѣлаетъ ихъ мужественными и благоразсудными,— однимъ словомъ тѣмъ, что именуютъ Англичане словомъ Gentleman. Когда подобныя начала руководятъ молодое поколѣніе великой страны, то легко понять, что никогда не можетъ быть недостатка въ людяхъ съ возвышенными чувствами, и что Веллингтонъ, доживъ до славной старости, посѣщая Итоувъ, имѣлъ право сказать: «Именно здѣсь-то и была выиграна битва при Ватерлоо». Англійскія школы имѣютъ одну и ту-же систему основанія, тотъ-же порядокъ устройства и ту-же методу воспитанія. Въ нѣкоторыхъ школахъ можно отличить нѣсколько особенныхъ различій отъ остальныхъ, но основаніе учреждений и главныя начала направленія воспитанія вездѣ одни и тѣ-же. Главное, основное начало, направляющее воспитаніе къ предназначенной ему цѣли, есть евангелическая религія. Идея христіанской школы есть, такъ сказать, результатъ той идеи, которая вызвала основаніе самой школы. Образованіе умственное, конечно, не пренебрежено, механизмъ

школы свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — но все это подчинено великой религіозной идеѣ, которая служитъ правиломъ и цѣлью, положенными въ основаніе національнаго воспитанія и образованія. Дѣти, безъ всякаго сомнѣнія, считаются только учениками, но такими, изъ которыхъ прежде всего должны сдѣлаться люди-христиане. Однимъ словомъ, эта система воспитанія не имѣетъ въ своемъ основаніи исключительно одну религію, но она сама по себѣ *религіозна*, — такимъ образомъ, что, среди безконечнаго разнообразія въ средствахъ и занятіяхъ, всегда существуетъ удивительное единство, подкрѣпляющее самую систему въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно требованіямъ времени, приходится вводить въ ней необходимыя измѣненія. Не трудно понять, сколько надо усилій, чтобы поддерживать это единство и, смотря по необходимости, отдѣлять части одну отъ другой, безъ нарушенія гармоніи въ цѣломъ. Благодарительныя послѣдствія подобнаго устройства такъ очевидны, что часто ученикъ, сдѣлавшись взрослымъ, не въ состояніи дать себѣ отчета, что имѣло болѣе вліянія на его воспитаніе, — обученіе въ школѣ, проповѣди, читаемыя съ кафедръ, или семейныя бесѣды въ частной жизни. Во всѣхъ главнѣйшихъ школахъ Англіи существуетъ обыкновеніе, освященное временемъ и неизмѣнно-соблюдаемое; слѣдуя этому обычаю, ученики, независимо отъ власти начальства, раздѣляются на старшихъ, среднихъ и младшихъ. Старшій классъ, кромѣ-того, что каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ для прислуги одного воспитанника изъ нижняго класса, держитъ подъ своей неограниченной властью этотъ послѣдній. Воспитанники средняго класса, хотя и не имѣющіе такой власти надъ младшими, кака у первыхъ, кромѣ находящихся при ихъ особѣ въ качествѣ служащихъ, освобождены отъ всѣхъ повинностей. Такимъ образомъ ученики нижняго класса — такъ-сказать рабы, парни школы; древній обычай обязываетъ ихъ подчиняться всевозможнымъ капризамъ ихъ тирановъ и переносить безъ жалобы самое дурное съ ними обращеніе, доходящее, во многихъ случаяхъ, до жестокости. Прослѣдимъ теперь курсъ образованія, который принять въ Харрровскомъ училищѣ. Понедѣльники, среды и пятницы — дни, посвященные занятіямъ въ школѣ; вторники, четверги и субботы — полувакантные. Въ воскресенье собираются въ школу для религіозныхъ поученій отъ 8 до 9 часовъ; въ другіе дни, исключая четверга, воспитанники начинаютъ занятія въ 7½ часовъ. Каждый урокъ продолжается одинъ часъ, кромѣ перваго, который

занимаетъ полтора часа. Начальникъ училища имѣетъ право держать пансіонерами нѣсколькихъ учениковъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ихъ исключительнымъ опекуномъ. Помощникъ начальника школы и ихъ помощники могутъ брать учениковъ къ себѣ на домъ и давать имъ частные уроки. Кромѣ-того, подѣ управленіемъ лицъ, постороннихъ школѣ, и большею частію дамъ, находится нѣсколько пансіоновъ для дѣтей; эти пансіоны находятся подѣ надзоромъ начальника и его помощниковъ, избираемыхъ имъ самимъ, для которыхъ эти заведенія должны быть открыты въ каждый часъ дня и ночи. Плата за воспитаніе различна, смотря по тому, гдѣ живетъ ребенокъ. Въ домѣ частнаго наставника она простирается до 120 гиней въ годъ за содержаніе и образованіе, 10 гиней начальнику школы, одну—подать въ школу, всего 131 гинеею. Въ домѣ самаго начальника издержки простираются только до 101 гиней. Въ другихъ платятъ обыкновенно эту послѣднюю сумму. Въ Харровскомъ училищѣ на 300 учениковъ только 15 основныхъ, единственное различіе которыхъ отъ другихъ состоитъ въ томъ, что они освобождены отъ уплаты 11 гиней въ пользу школы. Школа раздѣляется на *seiforms* или классы, которые подраздѣляются еще на другіе, наз. *shells* или *removes*. Въ высшихъ классахъ экзамены дѣлаются письменные, по тѣмъ предметамъ, которые были проходимы впродолженіе года. Направленіе образованія въ высшей степени классическое, и языки Греческій и Латинскій изучаются въ полномъ объемѣ и охотно. Воспитанники 5 и 6 классовъ считаются кандидатами на 5 ваканцій или *scholarships* въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, т.-е. ученику, получившему эту премію, платятъ 15 гиней въ годъ, впродолженіе 4 лѣтъ, послѣ чего онъ отправляется оканчивать курсъ наукъ въ одномъ изъ двухъ университетовъ. Экзамены для полученія этой преміи, или на этотъ конкурсъ, производятся каждый годъ въ мартѣ мѣсяцѣ; два экзаменатора назначаются начальникомъ школы или выбираются изъ *fellows* Кембриджскаго университета, третій изъ Оксфордскаго. Вотъ какая была программа этого воспитанія для одного изъ послѣднихъ годовъ: первая книга Геродота, *Финикияне* Эврипида, пятая книга Тита-Ливія, пятая *Энеиды*, Евангеліе св. Луки, первая двѣ книги Эвклида; по Римской исторіи: Цацерона, *Pro Milone*; Саллюстія, война Катилины; Титъ-Ливій, *Летопись* Тацита; по Греческой поэзіи— Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, Аристофанъ, Теокритъ, Аполлоніусъ Ро-

досскій и Калимахъ; для Греческой философіи — защитительные слова или апологіи Сакрата, Ксенофонтъ, Аристотель и др. По риторикѣ — полный трактатъ о *пѣткѣ* или *стихотворномъ искусствѣ*; Плутарха *De audiendis poetis*; Лонглоа — *Разсужденіе объ изящномъ*; для Латинской поэзіи: *Виргилій*, *Горацій*, *Ювеналъ* и выдержки изъ другихъ, менѣ замѣчательныхъ поэтовъ. Часы, проводимые въ школѣ, посвящаются совокупно повтореніямъ уроковъ и движенію курса впередъ. Уроки и темы готовятся ученикомъ у себя и повѣряются частнымъ наставникомъ передъ тѣмъ, чтобы показать учителямъ въ классѣ. Начальникъ школы обязанъ выслушивать повторенія уроковъ, по одному разу въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Переходъ изъ одного класса въ другой происходитъ послѣ изустнаго экзамена, и подъ наблюденіемъ начальника школы. Дисциплина въ школѣ очень сурова, и налагаемая на учениковъ наказанія выполняются безъ всякаго послабленія. Если ребенокъ окажется виновнымъ въ какомъ-нибудь важномъ моральномъ проступкѣ, то его переводятъ ниже классомъ; за проступокъ менѣ важный, но такого-же качества, его сажаютъ на послѣнее мѣсто въ классѣ. Если воспитанникъ замѣченъ въ лѣности уже по второму разу, то подвергается полученію по плечамъ нѣсколькихъ легкихъ ударовъ палкой, что наз. *flogged*, и отдѣляется отъ класса; то-же самое повторяется и въ 3-й 4-й и 5-й разы, только съ каждымъ разомъ число ударовъ увеличивается. Дисциплина имѣетъ усердныхъ помощниковъ въ такъ-называемыхъ монитерахъ, которые, будучи избираемы изъ старшихъ воспитанниковъ 6-го класса, имѣютъ право наказывать учениковъ ниже 5-го класса, если они нарушаютъ права школы. Школы имѣютъ библіотеки, которыя считаются почти собственностью монитеровъ, имѣющихъ право не только распоряжаться книгами для своей нужды, но ссужать ими своихъ товарищей въ нижнихъ классахъ. Эти библіотеки поддерживаются частными пожертвованіями; кромѣ-того, существуетъ давній обычай, по которому принято, чтобы воспитанники, при нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлали приношенія новыми книгами. Въ Харровскомъ училищѣ существуютъ 4 годичныя преміи за лучшія сочиненія по Латинскому и Греческому языкамъ: золотая медаль, учрежденная езромъ Робертомъ Пилемъ, и три другія преміи, учрежденныя начальствомъ школы за лучшія подражанія Латинскимъ гекзаметрамъ и Греческимъ ямбами. Кромѣ этихъ годичныхъ премій, существуетъ рядъ

небольшихъ денежныхъ премій, присуждаемыхъ начальствомъ въ продолженіе курса за лучшія сочиненія, читанныя въ классахъ. Въ день публичнаго экзамена, или, какъ его называютъ на схоластическомъ языкѣ, *audit-day*, начальникъ школы, въ читаемой имъ рѣчи на Латинскомъ языкѣ, дѣлаетъ обзоръ замѣчательныхъ событій, въ продолженіе всего года, въ странѣ и школѣ. Нѣсколько извѣстныхъ дней назначено для упражненія въ ораторскомъ искусствѣ; въ этихъ-то логическихъ спорахъ самыя замѣчательныя ораторы Англіи дѣлали первые опыты».

Дѣтская литература приобрѣла слѣдующія статьи: въ Журналѣ для дѣтей: *Изъ записокъ Французскаго миссіонера съ Техась* (№ 17 и 18); *Разказы изъ Русской исторіи* (№ 18 и 19); *Іовъ, свободное подражаніе священной книгъ Іова*, Ф. Глинки. Разборъ (№ 19); *Греческая идиаллія*. (Изъ путешествія Діона Хризостома) (№ 20); *Боа* (*ibid*); *Цыгане*. Повѣсть (№ 21, 22, 23 и 24); *Внутреннее состояніе Англіи въ концѣ XVII столѣтія* (№ 24 и 25); *Языческое жертвоприношеніе*. Повѣсть изъ Славянскихъ преданій (№ 26, 27, 28 и 29); *Семейство козодойныхъ* (№ 30); *Шесть Китайскихъ пьесъ* (*ibid*); *Бѣшеная Нолла* (№ 31 и 32); *Дѣя басни Крылова: Водовозы и Свиныя подъ дубомъ*. Разборъ (№ 32); *Баснословное сказаніе о скворцѣ* (*ibid*); *Новое примѣненіе паровъ* (*ibid*); (№ 33); *Гоненіе на Библию и за Библию* (№ 33 и 34); *Ловля черепахъ*, изъ Одюбона (№ 34 и 35); *Взятіе Магдебурга въ тридцати-лѣтнюю войну* (№ 35).

Въ Звѣздочкѣ: *Мой дѣдушка и моя бабушка*, А. Вороновой (№ 5); *Маменькины уроки или всеобщая исторія въ разговорахъ для дѣтей* (*ibid*.) (№ 7); *Бѣлая душа Негра* (№ 5); *Любовь и уваженіе дѣтей къ родителямъ у краснокожихъ Индійцевъ* (*ibid*); *Раковина и морской орелъ* (*ibid*); *Прогулка по желѣзной дорогѣ*, въ Англіи М. С. (№ 6 и 7); *Англійскій языкъ для дѣтей по методу Робертсона*. Урокъ XXXI (*ibid*); *Разказы изъ географіи и путешествій* (*ibid*); *Рыбная ловля* (№ 7); *Даніель Фоз* (*ibid*.) — Для младшихъ читателей: *Хлѣбъ нашъ насыщенный даждь намъ днесь* (№ 5); *Дѣя сказочки* (№ 6); *Братъ и сестра*. Съ Нѣм. О. П. (№ 7).

Въ Лучахъ: *Щебра въ горахъ Юры*. Съ Нѣм. Маріи С—ской (№ 5); *Паскаль и его сестры*. Съ Фран. Е. Б. (*ibid*. и № 6); *Исторія Рима до Р. Х.*, С. Барановскаго (№ 5); *Мать Вашингтона* (*ibid*); *Энциклопедія для дѣвицъ* (*ibid*. и № 6); *Всенощное бдѣніе*

свящ. В. Гречулевича (*№* 6); *Суэзскій переищекъ или омнибусы въ пустынь*. Съ Фран. (*ibid.*); *Удивительныя приключенія одной скрипки* (*ibid.*); *Выставка художественныхъ произведеній въ академіи художествъ* (*ibid.*); *Любовь христіанки*. Съ Англ. (*№* 7); *Отрывокъ*, Лузиковъ (*ibid.*); *Отвѣтъ христіанина*, его же (*ibid.*); *Страшный разсказъ* (*ibid.*); *Отдыхъ для глазъ* (*ibid.*); *Письмо изъ Тифлиса*, Габо (*ibid.*).

Въ Часѣ досуга, въ отдѣлѣ «Увеселятельное чтеніе»: *Наковая куртка и пальто изъ трико* (*№* 5); *Эдемъ въ Петербургѣ* (*ibid.*); *Феллахи* (*ibid.*); *Трудъ и довольство* (*ibid.*); *Руной заяцъ* (*№* 6); *Кавказскій Прометей* (*ibid.*); *Электрическій миражъ* (*ibid.*); *Новый Икаръ* (*ibid.*); *Похожденія хохлатки* (*ibid.*); 25 іюня 1859 года. Отрывокъ изъ письма очевидца (*№* 7); *Различные газы* (*ibid.*); *Казакъ-охотникъ* (*ibid.*); *Морская прогулка по Морбиану въ Бретани* (*ibid.*); *Ловкость и сила Индійцевъ* (*ibid.*); *Татуированіе* (*ibid.*); *Мушоловка* (*ibid.*); *Бананъ* (*ibid.*); *Кокосовое дерево* (*ibid.*); *Баумачникъ-ботаникъ* (*№* 8); *Эпизодъ изъ охоты на медвѣдя* (*ibid.*); *Зоологическая диковинка* (*ibid.*); *Июлка* (*ibid.*); *Польза птицъ* (*ibid.*); *Изражденіе Иванова дня* (*ibid.*); *Рыбы-близнецы* (*ibid.*); *Драгоценный перстень* (*ibid.*). Сверхъ-того въ журналѣ этомъ помѣщены: по отдѣлу «Игры и разныя упражненія» — двадцать статей, по отдѣлу «Фокусы» — двадцать семь, по отдѣлу «Картонажи» — четырнадцать, по отдѣлу «Рабочій столикъ и туалетъ» — шестнадцать, по отдѣлу «Мастерства и искусства» — девять, и по отдѣлу «Сѣнякъ» — тридцать статей (*№* 5—8).

Въ Подсѣжникѣ: *Собраніе чудесъ*. Повѣсти, заимствованныя изъ міеологіи (часть первая), сочиненіе Американскаго писателя Натаніэля Готорна: V. *На склонѣ холма*. — *Волшебная кружка*. — VI. *На вершинѣ холма*. — *Химера Минотавръ*. — *Пигмей* (*№* 5—8); *Пижонъ и Тифонъ*, Арт. Ризникова (*№* 5 и 6); *Сказка естествоиспытателя*. Съ Нѣмецк. (*№* 5); *Остатки Оисъ Египетскихъ* (*ibid.*); *Фривкликъ* (*ibid.* и *№* 6); *Лисица*, Д. Михайлова (*№* 5); *Разказы о древнихъ Русскихъ паломникахъ*. Окончаніе втораго разсказа Н. С.—на (*№* 6); *Маленькій музыкантъ*. Съ Нѣмецк. (*ibid.*); *Ночь у пирамидъ*. Изъ записокъ Нѣмецкаго путешественника (*ibid.*); *Сѣрый медвѣдь*. По разсказу Ферри (*№* 7); *Похожденія стараго фишляра*. Разсказъ Шарля Дели (*ibid.*); *Неаполь въ половинѣ XVII вѣка*, Н. Лыткина (*ibid.* и *№* 8); *Каменное сердце*. Повѣсть Гауфа (*№* 8); *Русскіе на Шницбергенѣ или*

Грумантъ (ibid.); *Орангутанъ* (ibid.); *Безпредѣльность вселенной* (ibid.); *Кольбергъ* (ibid.).

Въ Дѣтскомъ журналѣ: *Жаворонокъ и лилія*, М. Котельникова (№ 3); *Моей матери*, Софьи Уид... (ibid.); *Оселъ*, басня М. Котельникова (ibid.); *Бѣдный Генрихъ*, Ф. Кейзера (ibid.); *Дѣтскіе годы*, М. Котельникова (ibid. и № 4); *О странствованіяхъ въ природѣ*. По Шлейдену (№ 3); *Алексѣй Николаевичъ Верстовскій* (ibid.); *Остатки* (ibid.); *О голодь и ея недостаткахъ* (№ 3); *Кое-что о вѣншиности молодого человека* (ibid.); *Молитва*, М. Котельникова. Изъ Виктора Гюго (№ 4); *Ангелъ милосердія* (ibid.); *Невольница*. Изъ Гюго, М. Котельникова (ibid.); *Повѣсть о скупомъ Абдаллѣ*, П. Сперясова (ibid.); *Воздушное электричество* (ibid. и № 5); *М. И. Глинка* (№ 4); *Очеркъ художнической дѣятельности А. А. Иванова и ея картина: «Явленіе Христа народу»* (ibid.); *Птица-муха*, М. Котельникова (№ 5); *Изъ воспоминаній Павла Гаврилыча Батырева* (ibid.); *Еще урокъ не доучили* (ibid.); *Секина*. Эпизодъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ. Съ Нѣмецк. Бѣляева (ibid.); *Убіеніе Аскольда и Дира*, Т. Пилянкевича (ibid.); *Уильямъ Шекспиръ* (ibid.); *Жанъ-Баттистъ-Лулла* (ibid.); *Начало Русскаго театра*. Драматическое представленіе въ 2-хъ актахъ, В. И. Р. (ibid.); *Кое-что о первомъ шагѣ въ общественной жизни* (ibid.).

Въ Собесѣдникѣ: *Дикій островъ* (№ 5); *Мудрый судья и великодушный халифъ* (ibid.); *Страусъ* (ibid.); *Черезъ мракъ къ свѣту*, Франца Гофмана: 1) *Злодѣй ищетъ зла*. 2) *Избалованный мальчикъ*. 3) *Страшное разочарованіе*. 4) *Глубокая тѣма*. 5) *Покорность*. 6) *Школа*. 7) *Быство*. 8) *Преданъ и проданъ*. 9) *Старушка Бетти*. 10) *Свѣтъ* (ibid. и № 6 и 7); *Микроскопъ* (№ 5); *Черногорцы* (ibid.); *Фосфоръ и зажигательныя спички* (ibid.); *Потребленіе табаку въ Англіи* (ibid.); *Эвиризація* (ibid.); *Мексиканская животная муха* (ibid.); *Сухія чернила* (ibid.); *Примѣры долговѣчности* (ibid.); *Необыкновенная кража* (ibid.); *Бланда Рудзгеймъ* (№ 6); *Наказанная скупость* (№ 7); *Дѣвъ личинки*. Аллегорія (ibid.); *Яковъ Іоаннъ Одюбоиъ* (ibid.); *Сусанинъ* (ibid.); *Изгнанники въ льсу*. 23) *Пара тихоходовъ*. 24) *Каскариллеры или собиратели хинной коры*. 25) *Пума и большой муравейдѣ*. 26) *Нападеніе бѣлыхъ муравьевъ*. 27) *Муравьевелевъ*. 28) *Броненосецъ и мертвый олень*. 29) *Охота за армадилломъ*. 30) *Оцелотъ*. 31) *Семейство ягуаровъ*. 32) *Шлотъ*. 33) *Покровительство брата*. 34) *Вампиръ или кровососъ*. 35) *Маримонды*. 36) *Маримонда мать*. 37) *Неожиданный гость*. 38) *Мор-*

скія свинки и крокодилъ. 39) Ягуаръ и крокодилъ (ibid. и № 8); Желтая перчатка (№ 8); Фердинандъ Кортесъ или покореніе Мексики Испанцами (ibid.).

IV III. ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Въ Журналѣ министерства юстиціи явились слѣдующія статьи: Литературная разработка и общая характеристика уложенія 1649 г., Я. Г. Есиповича (№ 1); Сенатъ при Петрѣ Великомъ, П. И. Иванова (ibid.); Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ которомъ былъ разрѣшаемъ вопросъ о порядкѣ примѣненія законовъ о земской давности къ дѣламъ о пожизненномъ владѣніи (ibid.); О воровствѣ-кражѣ, В. Д. Спасовича (№ 2); Изложеніе рѣшенія по спору о силѣ и значеніи составленныхъ Матреною Б-вою въ 1806 и 1828 годахъ актовъ на передачу правъ ея на имущество (ibid.); Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ которомъ разрѣшаемъ былъ вопросъ о порядкѣ примѣненія законовъ о земской давности къ дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ (ibid.); Процессъ по обвиненію Гагсана въ поджигательствѣ (ibid.); Судное дѣло надъ сенаторомъ барономъ Шафировымъ и оберъ-прокуроромъ сената Скорняковымъ-Писаревымъ, П. И. Иванова (№ 3); Очеркъ судебнаго управленія въ Англии, В. Берви (ibid.); Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ коемъ разрѣшаемъ былъ вопросъ о случаяхъ недѣйствительности публичной продажи имущества (ibid.).

«Журналъ министерства юстиціи» началъ издаваться съ іюля мѣсяца; помѣщенные въ трехъ первыхъ книжкахъ этого журнала статьи служатъ доказательствомъ, что редація съ умѣньемъ и знаніемъ дѣла пользуется богатствомъ находящихся въ распоряженіи ея матеріаловъ. Не надобно однакожь забывать, что это журналъ министерскій, а потому редація ея дѣйствуетъ въ извѣстныхъ предписанныхъ ей предѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, она вполне заслуживаетъ благодарность: статья проф. Спасовича о воровствѣ-кражѣ — замѣчательная ученая монографія; процессы иностранные выбраны съ умѣньемъ и хорошо изложены; статьи по Русской судебной практикѣ изложены также хорошо, но только жаль, что не такъ подробно, какъ-бы слѣдовало; нельзя также не замѣтить, что отдѣлъ библіографіи и критики чересчуръ сжатъ и кратокъ. Слѣдовало-бы, по нашему мнѣ-

нію, отдѣлъ части оффиціальной: постановленія по судебной части» не ограничивать однимъ только изложеніемъ современныхъ постановленій, но и присовокуплять указанія на связь ихъ съ предшествовавшими законами и на причины и обстоятельства, побудившія правительство издавать новый законъ. Не мѣшало-бы также ввести отдѣлъ критическаго обзора замѣчательныхъ современныхъ постановленій важнѣйшихъ Европейскихъ государствъ — Франціи, Пруссіи и Англіи по всѣмъ отраслямъ законодательства. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ этотъ журналъ, безъ сомнѣнія, принесетъ свои плоды: онъ послужитъ средствомъ къ практическому образованію нашихъ молодыхъ юристовъ, если только будетъ помѣщаемо больше процессовъ и не однихъ гражданскихъ, но и уголовныхъ (въ трехъ первыхъ книжкахъ не было помѣщено ни одного рѣшенія по уголовному дѣлу).

Въ прочихъ журналахъ къ правовѣдѣнію принадлежатъ слѣдующія статьи: *Перечень правительственныхъ распоряженій по устройству помѣщичьихъ крестьянъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 7); *Объяснительная записка содержанія и расположенія свода законовъ гражданскихъ*, графа М. М. Сперанскаго (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи кн. 2); *Историческое обзорнѣе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ*, его-же (ibid.); *Опытъ юридическаго комментарія на нѣкоторыя статьи законовъ о завѣщаніяхъ*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *О дѣловомъ многописаніи*, Н. И. Ланге (ibid.); *Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ*, Н. В. Калачова (ibid.); *Обзорнѣе новыхъ законовъ* (ibid.); *Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе*, И. Д. Бѣляева (ibid. № 1); *Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* Н. И. Костомарова (ibid.); *Оффиціальная бумага Г. Р. Державина* (ibid.); *Письмо къ редактору*, кн. М. А. Оболенскаго (ibid.); *Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *Объ отдѣленіи вопросовъ о дѣлѣ и правѣ въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ*, С. И. Заруднаго (ibid.); *Очная ставка и очной сводъ*, П. А. Мулова (ibid.); *Поручительство въ дѣлахъ уголовныхъ*, его-же (ibid.); *Объ идеальныхъ воззрѣніяхъ на общество и государство* (изъ Моля), А. Н. Стоянова (ibid.); *Лондонскіе полицейскіе суды* (ibid.); *О крѣпостныхъ людяхъ*, графа М. М. Сперанскаго (ibid. кн. 3); *О государственныхъ установленіяхъ*,

его-же (ibid.); *Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію царя Алексѣя Михайловича*, П. Д. Колоссовскаго (ibid.); *Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, сочиненіе Б. Чиригина*, Н. В. Калачова (ibid.); *Древніе акты въ родословныхъ*, А. В. Толстова (ibid.); *Западно-Русскія купчая и мѣновал*, сообщ. А. П. Зернинымъ (ibid.); *О единокласіи и разногласіи въ рѣшеніяхъ*, графа М. М. Сперанскаго (ibid.); *Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе*, П. А. Муллова (ibid.); *О суммахъ въ совершеніи актовъ и рѣшеніи дѣлъ*, Х. П. Козлова (ibid.); *Замѣтка на рѣшеніе одного изъ вопросовъ по завѣщаніямъ*, К. С. У. (ibid.); *О правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи*, Н. Ренненкампа (ibid.); *Процессъ графа Монталамбера* (ibid.); *Изслѣдованіе объ узоловномъ правѣ Русской Правды*, Н. И. Ланге (ibid.); *Взглядъ на Русское судоустройство и судопроизводство*, ч. II, М. Филиппова (Совр. № 7 и 8); *О соотношеніи правъ вотчиннаго и крѣпостнаго*, А. Ворошилова (От. зац. № 7); *Карлъ Миттермайеръ*, Д. Саранчова (ibid. № 8); *О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ*, К. П. Побѣдоносцева (Русск. вѣстн. № 12, 13 и 14); *О дворянскихъ опекахъ*, Н. Е. (ibid. № 15); *Обозрѣніе XXXI тома Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи* (Русск. бес. № 4); *Отрывки изъ записокъ* (СПб. вѣд. № 144); *О юридическомъ положеніи Береевъ въ Германіи въ средніе вѣка* (Моск. вѣд. № 186 и 187); *Фактъ изъ Русской жизни*, Колмогорова (Сынъ от. № 25); *Замѣчанія о несовершенствѣ законовъ и о возможности примѣненія ихъ по произволу судьи* (ibid.); *Уплата долгу*, Свѣшнікова (ibid. № 27 и 33); *Нѣсколько юридическихъ словъ о началѣ или производствѣ тяжбы и исковъ судомъ по формѣ* (ibid. № 36); *Невыпрятная теорія* (ibid.).

— «О крѣпостныхъ людяхъ». — Статья эта, какъ и всѣ сочиненія незабвеннаго въ лѣтописяхъ исторіи нашего законодательства гр. Сперанскаго, отличается свѣтлымъ взглядомъ на предметъ, свойственною ему особенною ясностью и точностью изложенія. Онъ сначала разсматриваетъ крѣпостное состояніе во времена Уложенія и потомъ измѣненіе въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ Уложенія и новый крѣпостной порядокъ.

Состояніе крестьянъ по уложенію. «Крестьяне-раздѣлились на два вида: одни жили на земляхъ помѣстныхъ и назывались *людьми и крестьянами помѣщичьими*; другіе жили въ вотчинахъ и назывались *крестьянами вотчинными* или просто кре-

стьянами. Вотчинныхъ крестьянъ можно было продавать и закладывать, но не иначе, какъ вотчиною. Нѣтъ никакого слѣда въ Уложеніи продажи крестьянъ безъ земли. Крестьянъ помѣстныхъ нельзя было ни продавать, ни закладывать; но можно было самыя помѣстья, вмѣстѣ съ ними, мѣнять и сдавать другому. Право имѣть вотчины и крестьянъ принадлежало: государю, дворянству монастыря и именитымъ Строгановымъ.

Состояніе дворовыхъ людей по Уложенію. Дворовыхъ людей было три рода: 1) старинные, полные холопы; 2) кабальные люди; 3) дѣловые люди. — Старинные полные холопы были собственность господина и причислялись къ *животамъ* его т.-е. къ движимому имуществу. — Кабальныхъ людей нельзя было ни продавать, ни закладывать; по смерти владѣльца, они были свободны, хотя-бы отданы были и въ приданое, и, освободясь отъ одной кабалы, могли вступить въ другую. — Дѣловые люди были крестьяне, коихъ помѣщики, вмѣсто пашни, брали на господское дѣло и употребляли къ ремесламъ въ сельскомъ хозяйствѣ необходимыми. Для сихъ ремеслъ въ помѣстьяхъ, вотчинахъ и особливо въ монастыряхъ учреждаемы были такъ-называемыя *дѣловые дворы*. Сей разрядъ людей предъ закономъ ничѣмъ существенно отъ крестьянъ не различался.

Измѣненіе въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ Уложенія и новый крѣпостной порядокъ. До 1719 г., или до первой ревизіи, всѣ прямыя подати и повинности, казенныя и частныя, утверждались на землѣ. Ревизія все основала на лицѣ; подати большею частію стали личными, а съ земли положенъ новый оброкъ; служба обращена въ рекрутство, не по землѣ, а по числу лицъ. Сверхъ-сего, въ писцовыхъ книгахъ вносимы были одни только крестьяне, на земляхъ живущіе, и никогда не смѣшивались съ ними ни полные холопы, ни кабальные люди; всѣ сіи званія смѣшались во-едино, всѣ положены въ одинаковый окладъ и въ рекрутство. Такимъ образомъ, съ первой ревизіи 1719 г. возникли новыя понятія о крѣпостномъ личномъ правѣ: 1) что крестьяне и холопы предъ правительствомъ суть одно и то-же; 2) что тѣ и другіе равно суть принадлежность лица, а не земли: ибо не на землю и не по землѣ, но за помѣщикомъ они положены въ ревизіи. Въ послѣдующихъ ревизіяхъ, и особливо во второй 1743 г., понятія сія еще болѣе утвердились. Не только частныя владѣльцы, но и правительство нахо-

дѣло въ нихъ свои пользы: вѣрность въ расчетѣ подушныхъ податей и особенно вѣрность въ рекрутской повинности. По одному ревизскому счету можно было-бы съ точностію напередъ исчислить и государственный доходъ и количество рекрутъ. А какъ въ обоихъ сихъ расчетахъ для правительства не составляло никакой разности, на нашѣ-ли состоятъ люди, или во дворѣ, ибо крестьяне и дворовые равно обложены податью и равно подлежатъ рекрутству: то и не представлялось тогда никакой причины ограничивать число дворовыхъ людей или различать ихъ отъ крестьянъ. Для вѣдома только велѣно писать ихъ особою статьею. До ревизіи жалованы были отъ государей въ собственность вотчины. Подъ симъ пожалованіемъ всегда раумѣлась земля; люди-же, на ней живущіе, не числомъ душъ, но вообще считались ея принадлежностію. Напротивъ, въ указахъ и грамотахъ послѣ ревизіи жаловали уже прямо числомъ душъ, а земля считалась принадлежностію жалуемой вотчины. Такимъ образомъ предметомъ жалованія, а слѣд. и правомъ собственности, были уже прямо люди, а косвенно земля, на коей они жили. Сообразно сему понятію, измѣнена правительствомъ и форма купчихъ крѣпостей: ибо помѣщикъ могъ продавать только то, чѣмъ онъ владѣлъ, и что ему было пожаловано; а онъ владѣлъ и былъ жалованъ людьми. Открытіе заемныхъ банковъ распространило сія понятія и на крѣпости закладныя. Правительство не могло вѣрить своихъ капиталовъ подъ залогъ земель, коихъ цѣна не опредѣлена; посему оно утвердило займы на томъ, что составляетъ цѣнность земля, — на людяхъ. Всѣ сіи причины въ совокупности измѣнили крѣпостное личное право, въ Уложеніи постановленное, и образовало право новое, отъ прежняго отличное, хотя столько же законное: ибо какъ прежнее, такъ и настоящее равно основаны на точныхъ словахъ и разумѣ законовъ.—Нельзя утверждать, чтобъ неудобства, соединенныя съ таковымъ порядкомъ вещей, были сокрыты отъ правительства или имъ пренебрегаемы. Но связь сего порядка съ государственнымъ доходами, съ состояніемъ помѣщиковъ и съ рекрутствомъ; особенно-же связь его съ порядкомъ повиновенія всегда представляли опаснымъ всякое быстрое въ немъ потрясеніе. Тѣмъ не менѣе однакоже къ исправленію его принимаемы были по-временамъ разныя мѣры. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ: Въ 1771 г. запрещено людей продавать съ молотка (5 авг. 1771 г. № 13634).

Разными узаконеніями дозволено отпускать людей на волю безошлинно, и отпущеннымъ дано право не записываться ни въ какое состояніе до ревизіи. Въ 1797 г. принята несравненно еще важнѣйшая мѣра: установленъ трехдневный порядокъ крестьянскихъ работъ, и слѣд. въ первый разъ закономъ признано: 1) что власть помѣщика надъ крестьяниномъ ограничена половиною силъ его; 2) что другая половина его принадлежитъ ему, а не помѣщику; 3) что посему крестьянинъ можетъ имѣть собственность, и самъ ничѣю полною собственностію быть не можетъ. Хотя-же сіи послѣдствія съ точностію и не опредѣлены закономъ, но они всѣ содержатся въ его смыслѣ. Въ 1801 г. запрещено объявлять о продажѣ людей въ вѣдомостяхъ. Въслѣдствіи воспрещено было продавать ихъ на ярмаркахъ, и вообще по вѣрющимъ письмамъ. Воспрещено укрѣплять дворянамъ подъ видомъ найма и другихъ сдѣлокъ. Открытъ новый способъ увольненія крестьянъ цѣлыми деревнями — учрежденіемъ состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ. Людей, отыскивавшихъ свободу и разъ оную получившихъ, запрещено возвращать помѣщикамъ. По мѣрѣ доходившихъ свѣдѣній о жестокостяхъ, пресѣкаемы онѣ были строго и неупустительно. Генераль-губернаторамъ и отчасти губернаторамъ подтверждена власть брать имѣнія въ опеку. Главная-же мѣра въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ состояла въ томъ, что все прекращена раздача деревень въ собственность. Затѣмъ многократно помышляемо было о пресѣченіи продажи людей безъ земли, но мѣра сія по разнымъ уваженіямъ всегда была отлагаема. — Между-тѣмъ однакожь время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство съ одной стороны менѣе жестокимъ, а съ другой и менѣе необходимымъ. По-мѣрѣ населенія возвышается цѣна на земли, умножается количество рукъ, умѣряется цѣна вольныхъ работъ и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей съ ихъ потомствомъ день-ото-дня становятся тягостнѣе и несноснѣе. Такимъ образомъ каждый день стираются прежніе побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія. По сему естественному движенію и наклонности почти общей, правительство почти одно можетъ дать надлежащую благовременность и успѣшное направленіе. — Два рода мѣръ къ сему представляются нужными: однѣ — первоначальныя и основныя, другія — постепенныя, на нѣсколько

лѣтъ въ связи расположенныя». Затѣмъ исчисляются тѣ и другія мѣры и излагается значеніе и послѣдствіе ихъ.

— «О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ». — Идеаль для государства есть право. Въ немъ состоитъ драгоцѣннѣйшее достояніе общества и главная основа внутренняго (а слѣд. и внѣшняго) его благосостоянія. Чѣмъ свѣтлѣе хранится этотъ идеаль въ сознаниіи обществомъ, — тѣмъ болѣе правды въ обществѣ, тѣмъ болѣе безопасности для гражданина. Для того, чтобы право не было однимъ только словомъ, для того, чтобы внѣшнее выраженіе его — законъ не былъ только обманчивой фразой, для того необходимъ *правый судъ*. Только посредствомъ суда законная правда осуществляется, переходитъ въ дѣйствіе. Нѣтъ праваго суда, нѣтъ и правды общественной: невозможно ожидать исполненія законовъ и водворенія законности, если нарушитель ихъ на дѣлѣ всегда имѣетъ средство уклониться отъ отвѣтственности; невозможно невинному быть увѣреннымъ въ оправданіи, а преступнику бояться наказанія, если обвиненіе и оправданіе становятся дѣломъ произвола, формы и обрядности; невозможно гражданину быть увѣреннымъ въ своей собственности и положить на слово и дѣйствіе своихъ согражданъ, если таковъ механизмъ гражданского правосудія, что защищать и отыскивать свое право во многихъ случаяхъ тягостнѣе, нежели отъ него отказаться. «Ничто такъ ко управленію государства нужно есть какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ». Этими словами Петра выражается основное правило государственнаго устройства. Твердое храненіе правъ гражданскихъ для правительства есть необходимѣйшее условіе успѣшной дѣятельности на пользу общественную, для народа — условіе матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Твердое храненіе правъ гражданскихъ устанавливаетъ между гражданами, такъ же, какъ между народомъ и правительствомъ, прочную связь, основанную на взаимномъ довѣрїи гражданъ другъ къ другу, правительства къ народу и народа къ правительству. Не можетъ быть общаго уваженія къ законамъ безъ твердаго ихъ храненія: «всѣе законы писать, если не исполнять ихъ». Право собственности — разумѣя это слово въ обширномъ смыслѣ — есть центръ, къ которому тяготеютъ и около котораго развиваются всѣ явленія общественной жизни гражданъ. Для развитія всякой жизни нужно движеніе; для человѣка

движеніе не возможно безъ свободы, свобода-же, какъ скоро она будетъ предоставлена многимъ, требуетъ порядка. Этими свойствами обладаетъ гражданское общество въ такомъ только случаѣ, когда каждый гражданинъ можетъ спокойно и свободно располагать въ предѣлахъ закона своими матеріальными и духовными силами и развивать ихъ посредствомъ труда; а трудъ можетъ быть плодоносенъ тогда лишь, когда трудящемуся обеспечено спокойное пользованіе плодами его трудовъ, когда всякое насиліе и посягательство на собственность, съ чьей-бы стороны ни послѣдовало, является дѣломъ необыкновеннымъ, исключеніемъ изъ общаго порядка, и немедленно уничтожается примѣненіемъ закона, примѣненіемъ правильнымъ, послѣдовательно-единообразнымъ и одинаково-доступнымъ для каждаго, имѣющаго право. Какъ-бы ни была полна и совершенна система гражданскихъ законовъ въ государствѣ, законы остаются безъ дѣйствій, и законность не прививается къ народному сознанію, если существующій порядокъ судопроизводства не предоставляетъ гражданамъ вѣрнаго средства доказать и защитить свое право и получить безотлагательное его разрѣшеніе, не обеспечиваетъ имъ скорого и точнаго исполенія по рѣшенію. Напротивъ, не смотря на недостаточность и несовершенство законовъ гражданскихъ, дѣйствіе ихъ оказывается благотворнымъ, и вліяніе прочнымъ, если оно обеспечено правильнымъ, единообразнымъ и скорымъ дѣйствіемъ правосудія».

IV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Къ политическимъ наукамъ принадлежать слѣдующія статьи: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* (Журн. мин. вн. д. № 5 и 6); *Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1858—1859 году* (ibid. № 7 и 8); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ, въ С. Петербургъ и Москву, съ марта по іюль 1859 года* (ibid.); *Цѣна на хлѣбъ и фуражъ по главнѣйшимъ городамъ имперіи по іюль 1859 г.* (ibid. № 5 и 6); *Вѣдомость о продажѣ скота въ Петербургѣ* (ibid. № 5); *Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министерства внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ* (ibid. № 6 и 7); *О Сибирскомъ народодствѣ Тюменско-Томской водяной системы* (ibid. № 6); *Самарская пристань въ началѣ навигаціи текущаго года* (ibid.); *Лошади Томской губерніи* (ibid.); *Свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ на*

земли (ibid. № 7 и 8); Мнѣнія иностранцевъ о земледѣліи и скотоводствѣ въ Россіи (ibid. № 7); Краткій обзоръ управленія Царства Польскаго (ibid. № 8); Статистическія замѣтки о Петроваводскомъ уездѣ (ibid.); Кіевская Крещенская контрактная ярмарка въ 1859 году (ibid.); Извѣстія о пребываніи за границею съ ученою цѣлію младшаго редактора центрального статистическаго комитета фонъ-Бушена (ibid.); Скотопромышленность въ Тобольской губерніи (ibid.); Еще о лошадяхъ въ Томской губерніи (ibid.); О торговлѣ въ Россіи съ среднею Азіею (ibid.); Отчетъ экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства за 1855 годъ, академикъ Бэра (Журн. мин. гос. им. № 5 и 6); Статистическое и хозяйственное описаніе Астраханской губерніи, И. Черкасова (ibid. № 5, 7 и 8); Бѣлопашцы и обильные вотчинники и крестьяне, В. И. Вешнякова (ibid. № 5 и 6); Хлѣбный кризисъ и его причины (ibid. № 5); Споръ между защитниками подвижныхъ пошлей (échelle mobile) и поборниками постоянного таможеннаго сбора съ привознаго и вывознаго хлѣба (ibid.); Община и общинныя земли во Франціи (ibid. № 6); О современномъ состояніи земледѣлія въ Великобританіи (ibid.); О Французскомъ и Англійскомъ долгахъ и ихъ распространеніи (ibid. № 7); Очеркъ исторіи и статистики дренажа въ западной Европѣ, А. Н. Козловскаго (ibid. № 8); Сельско-хозяйственные очерки Франціи, А. де-Лаверня. Изъ Journ. des Econom. (ibid.); Нужно-ли облагать пошлинами произведенія механическаго искусства, ввозимыя въ Россію, X. (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Росс. кн. 2); Нѣсколько словъ по-поводу статей г. Власовскаго и Шокорскаго-Жоравко, Н. И. Ланге (ibid.); О нищенствѣ и разныхъ видахъ благотворительности, Н. Е. Бочечкарова (ibid. № 3); Англійская коммерческая политика. Истор. очеркъ Б. Б. Калиновскаго (Совр. № 5); Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ, В. П. Безобразова (ibid. № 6 и 8); Устройство банка помѣщичьихъ крестьянъ (ibid. № 6 и 7); Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокуренія изъ хлѣба, К. И. Холотина (ibid. № 7); Освобожденіе негровъ, Д. Г. (Отеч. зап. № 5 и 6); Объ экономическихъ отрицаніяхъ общиннаго земледѣлія, М. Юрьина (ibid. № 5); Политическое обозрѣніе (ibid. и 6 — 8; Русск. вѣств. 9—16); Вѣсти по крестьянскому дѣлу (ibid. № 5); Нижегородская губернія и вопросъ о земскихъ сборахъ (ibid. № 5); Гласность и прогрессисты (ibid.); Распространеніе трезвости (ibid.); Еще нѣ-

сколько словъ о продажѣ государственныхъ имуществъ (ibid. № 6); Объ осмотрѣ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній въ Петербургѣ (ibid.); Голосъ Русскаго въ Европейской распрѣ (ibid.); Развитие явлений общественнаго быта, П. Г. Славинскаго (ibid. № 7); Предположеніе о преобразованіи государственнаго контроля (ibid.); По вопросу о наемныхъ слугахъ въ Петербургѣ (ibid.); Экономическій кризисъ 1857 года, Н. Х. Бунге (ibid. № 8); Обзорныя главнѣйшихъ причинъ всеобщей дороговизны, Д. М. (ibid.); Свобода труда и цехи (ibid.); Отчеты кредитныхъ установленій за 1858 годъ (ibid.); Еще о распространеніи трезвости (ibid.); Однообразная монетная система, Генриха Бишопа (ibid.); Мысли свѣтскаго челоуька о книгѣ «Сельское духовенство» (ibid.); Вопросъ о невольничествѣ въ Северо-Американскихъ штатахъ, Ф. В. Тернера (Библи. для чт. № 5); Крестьянскія земли, крестьянскія повинности и примѣненіе земскаго кредита къ необязательному выкупу тѣхъ и другихъ, Ф. Г. Тернера (ibid. № 6); Вопросъ о Кубѣ (ibid. № 7); Объ измѣненіи существующей системы снабженія войскъ вещами, В. П. Каменскаго (Рус. вѣст. № 9); Письма о земледѣліи и крестьянахъ во Франціи, Евгенія Бонмера (ibid. и № 10, 15 и 16); Гониміе на Евреевъ въ Одессѣ (ibid. № 9); Объясненіе, М. П. Погодина (ibid.); Изъ Америки, Г. Матія (ibid. № 10 и 16); Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ палатѣ общинъ (ibid. № 10, 11 и 12); Отзывъ на замѣчаніе гражданскаго чиновника, С. С. Громекн (ibid. № 10); Аристократія и интересы дворянства, В. П. Безобразова (ibid. № 11); Итальянскій вопросъ, Н. Ф. Павлова (ibid. № 13); М. Погодина (Рус. бес. № 3); Речь императора Французовъ, Н. Ф. Павлова (ibid.); Продажа государственныхъ имуществъ, какъ одно изъ средствъ для удовлетворенія современнымъ финансовымъ потребностямъ Россіи, Ю. А. Микшевича (ibid. № 15 и 16); Два слова по поводу современныхъ обстоятельствъ, М. П. Погодина (Рус. бес. № 4); Австрія, его-же (ibid.); Главнѣйшіе экономическіе вопросы, въ Русскихъ журналахъ прошлаго года (Моск. обзор. кн. 1); О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ (ibid. кн. 2); Замѣчанія на статью газеты «Производитель и промышленникъ» (С. Пб. вѣд. № 92); Къ Обличительному долгу (ibid.); Мѣдныя деньги и ассинаціи (ibid. № 98); Труденъ-ли выкупъ земли? (ibid. № 101); Нѣчто о частномъ кредитѣ (ibid. и № 185); Обличительное дълo (ibid. № 104, 120, 129); Нѣсколько словъ по поводу пониженія биржеваго курса (ibid. № 26); О возможности

соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ (ibid. № 151); *О табакъ* (ibid. № 164); *Нѣсколько словъ объ акціонерныхъ обществахъ и главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ* (ibid. № 176); *Объ отставныхъ чиновникахъ*, С. Черепанова (ibid. № 185); *Англійскій таможенный тарифъ* (Рус. Инв. № 98); *О тюрьмахъ вообще и Московскихъ тюрьмахъ въ особенности* (ibid. № 160); *Опыты улучшенія тюремной системы въ Твери* (Сѣв. пч. № 101); *Отчего бѣднѣютъ уѣздные города?* (ibid. № 120); *Днѣпровская желѣзная дорога*, А. А. Скальковскаго (Русск. дневн. № 93); *Кіевское крестьянское ремесло*, К. Семеновскаго (ibid. № 95); *О численном неравенствѣ мужскихъ и женскихъ рожденій*, А. П. Рославскаго-Петровскаго (ibid. № 96); *Золотопробыльность въ восточной Сибири за 1855 годъ* (ibid. № 98); *9 и 10 народныя переписи въ округахъ государственныхъ имуществъ Пензенской губерніи*, В. Волкова (ibid. № 99); *О вспоможеніи бѣднымъ въ г. Могилевѣ* (ibid. № 100); *С. Петербургъ въ статистическомъ отношеніи*, Е. П. Карновича (ibid. № 101, 102); *Нѣсколько словъ по-поводу гласности*, А. Чужбинскаго (ibid.); *Дѣйствительное населеніе Одессы въ 1858 г.*, А. А. Скальковскаго (ibid. № 105); *Астраханская губернія въ 1858 году* (ibid. № 106); *Лѣсная торговля на рр. Волга и Камь*, Степана Мельникова (ibid. № 115); *Судоходство по Ивановскому каналу* (ibid. № 17); *Исторія и составъ Парижской общины* (Моск. вѣд. № 108); *Нѣчто о дорогахъ вообще и пароходствѣ по верховьямъ въ особенности*, Донскаго казака (ibid. № 163); *Гласность въ провинціи* (ibid. № 107); *О необходимости ценса въ городскихъ выборахъ*, Б. В—на (ibid. № 113); *Рекрутскія повинности въ древней Россіи*, А. (ibid. № 114); *Большая желѣзная дорога въ Китай и къ Тихому океану*, М. (ibid.); *По поводу письма 18-ти дворянъ Калужской губерніи* (ibid. № 117); *Мнѣнія Англичанъ и Американцевъ о Русскомъ владычествѣ на Амуръ* (ibid.); *По-поводу статей объ Италіи*, Н. Ч. (Моск. вѣд. № 122); *Замѣтка о хлѣбной торговлѣ внутри Россіи*, Г. А. Кузмина (ibid.); *Распространеніе трезвости* (ibid. № 103, 105, 106, 107, 123); *О ходѣ откуповъ Царицинскаго и Зарайскаго за первую треть 1858 г.*, В. А. Кокорина (ibid. № 124); *Экономическія понятія въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка*, М. Г. Щепкина (ibid. № 117); *Проектъ новаго складочнаго магазина для хлѣба въ Одессѣ*, К. Витгефта (Одеск. вѣст. № 47); *Движеніе Одесской торговли за апрѣль 1859 года* (ibid. № 54); *Нѣсколько словъ по-поводу разграниченія Черноморіи*, П.

Ст—ча (ibid. № 55); *О блокадѣ, Н. М—ва* (ibid. № 56); *О недостаткѣ матросовъ, какъ препятствіи къ развитію правильнаго торговаго судоходства на Югѣ Россіи*, П. Безсонова (ibid. № 65); *Взглядъ на общественное устройство городовъ* (ibid. 84); *Нѣсколько словъ о таксѣ, Шостенскаго* (ibid. № 86); *Нѣсколько словъ о податныхъ недоимкахъ* (Кіев. телегр. № 6); *Мысль о всеобщемъ застрахованіи домовъ въ Кіевѣ* (ibid. № 15); *Золотопромышленность въ В. Сибири* (Кавказ. № 43); *О металахъ съ Уральскихъ частныхъ заводовъ въ 1858 году* (ibid. № 44); *Поиски золота въ Амурской области и въ Олонекской губерніи* (ibid. № 64); *Еще о главномъ банковомъ и торговомъ обществѣ* (ibid. № 66); *Морская торговля въ Прикаспійскомъ краѣ и дѣйствіе Петровскаго порта въ 1858 году* (ibid. № 67); *Сльднія о дѣйствіяхъ частныхъ золотыхъ промысловъ въ восточной и западной Сибири и на Уралѣ и о количествѣ добытаго золота въ 1858 году* (Зол. руно № 17, 19—23); *Мысли Уильяма Чаннинга о трезвости* (ibid. № 19 и 20); *Золотые прииски въ Зауральской площади* (ibid. № 21 и 22); *Лучше-ли для государства имѣть процентный долгъ въ 500 мил. руб. или-же на 500 мил. денегъ*, Н. Бунге (Журн. для акціон. № 121); *Война и финансы* (ibid. и № 122, 124); *По вопросу о пониженіи золота* (ibid. № 124); *Какого рода компаніи дадутъ самый вѣрный и наибольшій дивидентъ*, Н. Бунге (ibid. № 125); *Жельзные дороги въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ* (ibid.); *Дѣтъ недѣли изъ биржевой жизни* (ibid. № 126); *Финансовое положеніе Французскихъ колоній жельзныхъ дорогъ* (ibid.); *Лондонскіе акціонерные банки* (ibid.); *Цѣны прежде и послѣ торговаго кризиса* (ibid. № 27); *Всемирное общество Суэзскаго канала* (ibid. № 137); *Отчеты государственныхъ кредитныхъ установлений* (ibid. № 124); *Посльдній Французскій заемъ* (ibid. № 131); *Жельзная дорога* (ibid. № 134); *Объ устройствѣ новаго открытаго Ладожскаго канала* (ibid.); *Главное банковое и торговое общество въ С. Петербургѣ*, Н. Бунге (ibid. № 135); *По вопросу о продовольствіи войска частно-промышленнымъ способомъ* (ibid. № 136); *Французское общество поземельнаго кредита* (ibid.); *Финансовое положеніе Пруссіи* (ibid.); *Обезоруженіе Франціи* (ibid. № 137); *Финансы войны*, Горна (Сынъ отеч. № 18); *Австрія и Италія передъ лицемъ Европы* (ibid. № 19 и 20); *Женскій трудъ* (ibid. № 21, 22 и 23); *Посльднія средства Австріи*, Горна (ibid. № 23, 25); *Какъ великъ поземельный налогъ въ Ломбардіи?* (ibid. № 23); *Вой-*

на и участіе Европы въ Италіянскомъ вопросѣ (ibid. № 26 и 27);
 О таксѣ на хлѣбъ, Моливари (ibid. № 29); Италіянскій вопросъ.
 Изъ Westminster Review (ibid. № 29 и 32); Объ устройствѣ цент-
 ральной Италіи послѣ Виллафранкскаго мира (ibid. № 5);
 Австрійская система вмѣшательства (ibid. № 35 и 37); Объ уни-
 чтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, Моливари (ibid. № 38)

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1858—1859 году:

	Привезено то- варовъ.	Продано.
По Ирбитской, въ Пермской губер.	44,789,100 р.	42,628,200 р.
— Маслянской, въ г. Ромнѣ, Пол- тавской губ.....	4,209,700 «	1,341,557 «
— Алексѣевской, въ г. Котельничѣ, Вятской губ.	1,214,850 «	841,650 «
— Никольской, въ г. Ишимѣ, То- больской губ.....	2,661,065 «	2,417,780 «
— Васильевской, въ г. Тюмени, То- больской губ.....	512,000 «	210,070 »
— Никольской, въ г. Таганрогѣ....	595,000 «	100,000 «
— Никольской, въ мѣстечкѣ Кахов- кѣ, Днѣпр. у. Тавр. губ.....	501,600 «	130,750 «
— Троицкой, въ г. Лебедяни, Там- бовской губ.....	840,725 «	397,050 «
— Троицкой, въ г. Корсунѣ, Сим- бирской губ.....	666,787 «	399,274 «
— Троицкой, въ г. Гомелѣ, Могилев- ской губерніи.....	207,460 «	148,240 «
— 1 Коренной, въ г. Курскѣ.....	8,307,900 «	5,001,700 «
— Никольской, въ селѣ Большомъ- Токмакѣ, Бердян. у. Тавр. губ..	544,490 «	193,357 «
— Кіевской Крещенской контрак- товой ярмаркѣ.....	2,521,695 «	679,330 «

По этой послѣдней ярмаркѣ въ сравненіи съ прошедшимъ го-
домъ было болѣе по привозу на 594,525 р., а по сбыту на 243,080
руб. Въ числѣ привезенныхъ товаровъ было: отечественныхъ—на
1,108,495 р. и иностранныхъ—на 1,413,200 р.; противъ прошлаго
года болѣе: первыхъ—на 308,330 р., послѣднихъ—на 286,195 р. Изъ

проданныхъ товаровъ было: отечественныхъ—на 318,030 р. и иностранныхъ—на 361,300 р.; сравнительно съ прошлагодной ярмаркой болѣе: первыхъ—на 192,155 р., послѣднихъ—на 50,925 р.».

—«О Французскомъ и Англійскомъ долгахъ и ихъ распредѣленіи».—Эта статья заимствована изъ «Semaine financière». Вотъ общіе ея выводы: «Изъ сравненія ренты за послѣднее время, платимой Англією и Францією по своимъ займамъ, можно вывести слѣдующее заключеніе: вся сумма отверженнаго Англійскаго долга составляетъ 19,502,993,050 франк., распредѣленнымъ между 268,995 лицами, т.-е. по 72,500 франк. на каждое. Вся сумма Французскаго долга равняется 8,422,096,700 фр., распредѣленнымъ между 1,008,682 лицами, т.-е. на каждое по 8,600 франк. Англійскій долгъ выплачиваетъ всего процентовъ 689,411,574 франк., или 2,550 франк. каждому предъявителю; во Франціи этотъ процентъ составляетъ всего 310,880,000 франковъ, а на каждого рентьера по 300 фр. Эти факты даютъ возможность объяснить разность въ стоимости публичныхъ фондовъ, въ данномъ случаѣ. Такъ напр. еще недавно Французскіе фонды упали на 5%, тогда-какъ Англійскіе понизились только на 1%. Предполагали вообще, что для народа благоприятно чрезвычайное раздробленіе его долга: чѣмъ болѣе кредиторовъ у государства, тѣмъ болѣе людей, имѣющихъ прямую выгоду поддерживать правительство. Въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, и съ этой точки зрѣнія раздробленіе долговыхъ обязательствъ выгодно; но съ другой стороны оно представляетъ и неудобства. Конечно, для 1,008,682 лицъ, внесшихъ только по 8,600 фр., тревожные слухи объ упадкѣ общественнаго кредита чувствительнѣе, нежели для 121,910 лицъ, участвующихъ въ долгѣ каждое на 72,500 фр., т.-е. на долю, которая-бы приходилась, еслибы Французскій долгъ былъ такъ-же распредѣленъ, какъ Англійскій. Ибо когда проявляется недовѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ, оно всегда болѣе со-стороны владѣтелей мелкихъ знаковъ, нежели крупныхъ вкладчиковъ. Для націи есть, конечно, выгода въ распредѣленіи государственнаго долга между многими лицами; но есть въ этомъ и та дурная сторона, что кредитъ страны легче подвергается колебанію именно въ ту минуту, когда всего болѣе нужна его твердость. Слѣдовательно сомнительно, чтобы, при одинаковыхъ условіяхъ, государственный долгъ, раздробленный на мелкія облигаціи, стоялъ-бы такъ высоко въ цѣнѣ, какъ тотъ, который раздѣленъ на болѣе крупныя доли. Одно то обсто-

ательство, что облигація мелкія подвержены болѣе быстрымъ и болѣе значительнымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, уже должно заставить предпочесть первый родъ займа второму. Одна изъ главныхъ причинъ твердости облигацій заключается въ постоянствѣ биржевой ихъ цѣны, и нѣтъ сомнѣнія, что какъ Англійскіе фонды обладаютъ этимъ качествомъ въ высшей степени, то и цѣна на нихъ такъ высока. Есть и другія этому основанія, и самое важное лежитъ въ безграничномъ кредитѣ, которымъ пользуется страна, и кромѣ-того обязанность trustees и другихъ назначаеваемыхъ судебнымъ порядкомъ администраторовъ помѣщать капиталы опекаемыхъ ими лицъ и подвѣдомственныхъ имъ учрежденій не иначе, какъ на покупку государственныхъ облигацій. Не смотря однакожь на быстрое увеличеніе Французскаго долга и значительное уменьшеніе Англійскаго, послѣдній слишкомъ вдвое болѣе перваго».

— «Обозрѣніе главнѣйшихъ причинъ всеобщей дороговизны». — Авторъ излагаетъ сначала общія намъ съ западною Европою причины дороговизны: «Явленія всеобщей и повсемѣстной дороговизны, выразившіяся въ западно-Европейскихъ обществахъ, одновременно проявились и въ нашемъ отечествѣ. Извѣстно, что сила и степень возвышенія цѣнъ на главнѣйшіе предметы потребленія обуславливаются обыкновенно экономическимъ состояніемъ общества въ данную эпоху, и потому, чѣмъ общество это менѣе-хозяйственно развито, менѣе пользуется тѣми учрежденіями, которыя составляютъ принадлежность прогрессивнаго состоянія народной экономіи, тѣмъ сила и дѣйствіе причинъ дороговизны болѣе-значительны и сопровождаются бѣльшимъ вліяніемъ. Вслѣдствіе такого обстоятельства, Россія, которая не достигла еще той степени экономическаго преуспѣнія, на которой уже стоятъ многія западныя государства, должна испытывать дороговизну въ болѣе-значительной степени. И, дѣйствительно, самое поверхностное наблюденіе надъ состояніемъ многочисленныхъ классовъ бѣднаго населенія Россіи свидѣтельствуетъ, что отъ постоянно-возрастающей дороговизны положеніе ихъ представляется въ самомъ неутѣнительномъ видѣ. Лишенія поражаютъ неумолимо бѣднаго человѣка и силою своего неотразимаго дѣйствія препятствуютъ постоянно его развитію. Такое грустное обстоятельство, конечно, не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія всѣхъ, кто не чуждъ общественныхъ интересовъ, кто имъ сочувствуетъ и кого тревожатъ

и занимаютъ они. Экономисты признаютъ, что постоянное возвышеніе цѣнъ на главнѣйшіе предметы народнаго потребленія, какъ-то на хлѣбъ и другія произведенія, завися отъ неравнобѣрнаго плодородія земли и постоянно-увеличивающагося населенія, есть явленіе постоянное, неизмѣнно-совершающееся въ теченіе вѣковъ; что дороговизна на эти предметы, усилившись, въ свою очередь, влечетъ возвышеніе цѣнъ и на другіе предметы, и, такимъ образомъ, всѣ начинаютъ чувствовать всеобщую дороговизну. Многие видятъ въ такомъ воззрѣніи на ходъ экономическихъ явленій грустный, неутѣшительный взглядъ, приписываютъ его исключительно такъ-называемой Англійской школѣ и, опровергая его, доказываютъ, напротивъ, что общества постоянно идутъ къ совершенству, знаменуютъ свое развитіе всестороннимъ прогрессомъ, и что, слѣдовательно, онъ долженъ одновременно проявляться и въ хозяйственной дѣятельности, какъ во всѣхъ другихъ. Противъ этого скажемъ, что какъ мыслители Англійской школы, такъ и всѣ здравомыслящіе экономисты далеки отъ мысли опровергать или даже уменьшать, хотя на малѣйшую долю, благодѣтельныя дѣйствія всеобщаго развитія; они твердо вѣрують и убѣждены, что все идетъ къ совершенству, все подвержено развитію, но тѣмъ не менѣе, признаютъ, что фактъ дороговизны, самъ-по-себѣ, проистекая отъ естественныхъ причинъ, остается неизмѣннымъ. и если мы замѣчаемъ нѣкоторыя улучшенія въ бытѣ народовъ, то этимъ мы обязаны благимъ учрежденіямъ, предпринимаемымъ правительствами, и улучшеніямъ, играющимъ такую важную роль въ экомическомъ бытѣ страны. Можно положительно сказать, что всѣ чрезвычайныя бѣдствія, постигающія народъ, проистекаютъ или отъ недостатка раціональной дѣятельности, или отъ ошибокъ. Симый фактъ дороговизны, признанный нами вѣчнымъ и неизмѣннымъ, силою этихъ улучшеній можетъ быть если не совершенно отстраненъ, то дѣйствіе его значительно уменьшено. Возможность-же этихъ улучшеній зависитъ прежде всего отъ генія человѣка, свободно-развивающаго и направляющаго свою дѣятельность на общую пользу, и потому всякое препятствіе его развитію, всякое замедленіе быстрого его хода непременно отражаются на благѣ и на счастіи человѣка, какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ. Тѣ писатели, которые высказали вышеприведенный взглядъ на ходъ хозяйства, никогда не думали отвергать дѣйствія открытій, улучшеній и усовершенствованій: они всегда признавали вели-

кое дѣйствіе ихъ, и знаменитый Рикардо, основавшій свою теорію поземельной ренты на началѣ постоянной дороговизны жизненныхъ продуктовъ, которая позволяетъ прибѣгать къ разработкѣ земель худшаго качества или находящихся въ менѣе благопріятныхъ отношеніяхъ, вполне и твердо признавалъ вліяніе развитія науки и всѣхъ усовершенствованій на цѣну произведеній. Рикардо прямо говоритъ, что «гдѣ богатство возрастаетъ съ большою скоростью (чѣмъ рента), т.-е., въ странахъ, пользующихся большимъ количествомъ плодородной земли, свободной торговли, *сельскими улучшеніями*, тамъ возрастаніе ренты медленно». Эти слова прямо и неопровержимо доказываютъ значеніе, которое придавалъ Англійскій экономистъ сельскимъ улучшеніямъ. И дѣйствительно, только въ странахъ варварскихъ, невѣжественныхъ сельское хозяйство не подвигается впередъ, капиталъ не возрастаетъ, между тѣмъ-какъ населеніе увеличивается, и при этомъ одномъ доходъ съ земель различнаго качества можетъ имѣть разницу значительную, цѣны и рента возвышаются и, какъ выразился Бастіа, богатые могутъ богатѣть, а бѣдные дѣлаться еще бѣднѣе. Въ странахъ же, шествующихъ по пути прогресса, гдѣ искусства совершенствуются, капиталы накопляются, цѣны необходимо должны уменьшиться и рента падать. Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго мы видимъ, что дороговизна не есть случайный, мѣстный, частный фактъ: она есть постоянное и неизбѣжное явленіе. Претендовать, жаловаться на ея проявленіе такъ-же незаконно, какъ безразсудно возставать противъ какого-либо естественнаго явленія, какъ-бы ни были губительны его послѣдствія; можно только сожалѣть о томъ, что тѣ обстоятельства, которыя уменьшаютъ цѣны и вслѣдствіе этого увеличиваютъ относительное благосостояніе большинства, не имѣютъ мѣста, можно только желать и содѣйствовать полнѣйшему ихъ проявленію. Отсюда понятно теперь, почему, въ странѣ малоразвитой, неусвоившей себѣ всѣхъ признаковъ новѣйшей цивилизаціи, дѣйствіе дороговизны, которое можетъ быть уменьшено, или уничтожено только ихъ помощію, должно быть всегда значительнѣе, чѣмъ въ странахъ болѣе образованныхъ. Потому общая, главная и существенная причина дороговизны въ странахъ этого послѣдняго рода есть недостатокъ образованія, малое развитіе хозяйственной дѣятельности. Къ такому роду странъ отчасти принадлежитъ въ настоящее время и наше отечество. Такова первая и главная причина сравнительно-большаго

вздорожанія Русскихъ произведешій. Далѣе затѣмъ слѣдуютъ частныя причины, обусловившія собою дороговизну въ Россіи въ періодъ времени отъ 1847 по 1857 годъ. Мы здѣсь только исчислимъ изслѣдованныя авторомъ причины. «Онѣ зависѣли отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) отъ неудовлетворительнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства; 2) отъ чрезвычайной неравномѣрности существующихъ у насъ цѣнъ на хлѣбныя произведенія относительно различныхъ мѣстностей; 3) а) отъ неравномѣрности нашихъ урожаевъ, которые въ Россіи значительно измѣнились, чѣмъ въ другихъ странахъ, б) отъ трудности сообщенія вслѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ, с) отъ огромныхъ разстояній, отдѣляющихъ главные хлѣбные рынки, d) отъ слишкомъ сжатаго круга, въ которомъ заключается наша хлѣбная торговля; 4) нельзя также не обратить вниманія на другую важную отрасль народнаго хозяйства — на его мануфактурную промышленность, и въ современномъ состояніи ея искать причинъ слабого ея развитія и повышенія даже цѣнъ на произведенія фабричныя и ремесленныя; 5) отъ несовершенства механизма нашей торговли вообще». Наконецъ авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на тѣхъ частныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, которыя имѣли мѣсто въ разсматриваемый періодъ времени. Обстоятельства эти были слѣдующія: 1) война, 2) неурожай въ западной Европѣ и 3) состояніе нашей монетной системы.

Сюда-же принадлежатъ слѣдующія статьи по поводу новыхъ изданій: *Чичеринъ, какъ публицистъ* (Очеркъ Англіи и Франціи, соч. Б. Чичерина. Москв. 1859 г.) Н. Г. Чернышевскаго (Совр. № 5); *Семейная община Южныхъ Славянъ*, соч. Утешеновича, К. (Русс. бес. № 4).

V. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества напечатаны слѣдующія статьи: *Отчетъ о дѣятельности Кавказскаго отдѣла Общества* (№ 5); *О движеніи народонаселенія въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ девятилѣтіе 1841—1850 г.*, свящ. А. Луканина (ibid. в № 6); *Островъ Ямайка* (№ 5); *Обзорныя Русской географической литературы 1858 г.* (ibid. в № 6); *Результатъ барометрической нивелировки, произведенной между Оренбургомъ и Аральскимъ моремъ въ 1858 г.* астрономомъ Струве,

состоявшимъ при нашей линіи въ Хивъ (№ 5); Замѣтки о Соноръ (ibid.); Замѣчанія г. Эренберга (ibid.); Въ память А. фонъ-Гумбольдта (ibid.); Отчетъ секретаря Имп. Русскаго геогр. Общества о занятіяхъ его за границу въ 1857—58 г. (№ 6); Собраніе историческихъ свѣдѣній о Новоурдукъ, со смерти Свентарога (1270), М. Дмитріева (ibid.); Печелійскій заливъ и рѣка Пейхо (ibid.); Записка Е. И. Чирикова о работахъ Русской коммисіи для опредѣленія Персидско-Турецкой границы (ibid.); Краткій археологическій взглядъ на западную часть Багдадскаго пашалыка, его-же (ibid.) Ученые путешественники въ 1858 и 1859 г. (ibid.); Изысканія въ восточной Африкѣ, капитановъ Бюртона и Спика (ibid.); Англійская торговля съ Китаемъ (ibid.); Краткій взглядъ на возможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ (ibid.); Глазовскій уездъ, В. Шестакова (№ 7 и 8); Народонаселеніе земнаго шара, по его количеству, племеннымъ различіямъ и происхожденіямъ, Дитеричи (ibid.); Черный лѣсъ и его окрестности, Иващенкова (№ 7); Внутренность Австраліи, Петерманна (ibid.); Горное дѣло въ южной Австраліи и открытіе золота на Мурррей (ibid.); Путешествіе доктора Гана по Европейской Турціи въ 1858 г. (ibid.); Характеристика различныхъ народностей Австрійской имперіи. Записка г. Чернига, читанная въ Вѣнской академіи наукъ (ibid.); Некрологъ: Дитеричи (ibid.); Отчетъ начальника Хоросанской экспедиціи (№ 8); Отчетъ г. Ленца (ibid.); Сказаніе о Дванадцати Тревовицахъ (ibid.); Письмо графа М. Головкина къ герцогу Бироку объ Оренбурѣ 1739 г. Сообщ. В. И. Ламанскимъ (ibid.); О древнѣйшихъ населеніяхъ своестроителей по разнымъ Швейцарскимъ озерамъ, К. Риттера (ibid.); Этнографическій очеркъ восточной Галиціи, Циммерманна (ibid.); Статистическій очеркъ Французскихъ колоній (ibid.).

— «Характеристика различныхъ народностей Австрійской имперіи». — Чернигъ характеризуетъ различныя народности Австріи, между-прочимъ, слѣдующими чертами: «Нѣмцы густо населяютъ Альпійскія земли и сѣверныя пограничныя горы, однако частью крѣпкими колоніями, частью отдѣленными населеніями, втершись между другими племенами, живутъ по всей государственной территоріи на сѣверъ до Альповъ и простираются до Адриатическаго моря, такъ-что почти на всемъ пространствѣ имперіи преобладаетъ Нѣмецкій языкъ, употребляемый Нѣмцами. Еще далѣе однако простираются власть и вліяніе Нѣмецкаго языка, такъ-какъ

онъ языкъ войска, на сѣверъ отъ Альповъ языкъ правительства, высшихъ сословій и вообще образованнаго общества, по преимуществу языкъ ученой и художественной литературы, языкъ высшаго преподаванія, промышленности, торговли и всѣхъ административнымъ учреждений. И въ Австріи Нѣмецъ является необыкновенно-способнымъ къ колонизаціи; его скорость въ изученіи иностранныхъ языковъ и въ присвоиваніи чужихъ принадлежностей образуютъ изъ него по-преимуществу пионера образованности. Нѣмцы Австрійскіе по большей части изъ племени верхне-Нѣмецкаго и раздѣляютъ его свойства. Вступая въ ближайшее общеніе съ другими народностями, они выигрываютъ относительно ловкости, подвижности и предприимчивости, но теряютъ зато въ національности, легко принимаютъ чужіе нравы и чужую одежду, наконецъ и самый чужой языкъ, не теряя вмѣстѣ-съ-тѣмъ и прочихъ своихъ Нѣмецкихъ особенностей и только постоянный наплывъ новыхъ соплеменниковъ служитъ причиною тому, что положеніе ихъ жилищъ остается однимъ и тѣмъ-же, такъ-какъ послѣднія то сзуживаются, то расширяются. На отдѣльныхъ личностяхъ въ ихъ прикосновеніи съ чужими народностями всего болѣе оказывается малая способность Нѣмцевъ къ противудѣйствию. Всего легче они мѣшались съ Мадьярами, дворянство коихъ приняло въ себя много Нѣмецкихъ семействъ и Нѣмецкой крови, города которыхъ имѣютъ населеніе, стоящее между Мадьярами и Нѣмцами. Также и Славянскому, именно сѣверному, племени подчиняется Нѣмецъ; Чехи и Поляки укрѣпляются Нѣмцами и прежняя связь Нѣмецкихъ колоній въ верхней Венгріи уже давно разорвана Словаками, многіе тамъ Нѣмцы ословачились. У Словенцевъ тоже происходитъ подобное; въ южной Сиріи есть края, гдѣ Словенскіе мужики часто носятъ Нѣмецкія имена, слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія. Съ Хорватами Нѣмцы имѣютъ мало сношеній, съ Сербамъ также, такъ-какъ Нѣмцы на югъ отъ Венгерскихъ земель болѣе обращены къ Мадьярамъ. Въ собственной Италіи стихія Нѣмецкая никогда не могла пустить глубокихъ корней; даже въ южномъ Тиролѣ, хотя болѣе по причинѣ вѣшнихъ обстоятельствъ, подвигается Италіянская стихія все далѣе на сѣверъ и всегда Нѣмецъ легче подчиняется всему Италіянскому и скорѣе его принимаетъ, нежели Италіянецъ Нѣмецкому. Еще больше разстоянія между Нѣмцемъ и Валахомъ, которые, находясь въ частыхъ сношеніяхъ, никогда почти не смѣшиваются.

Нижне-Нѣмецкіе Саксы въ Седмиградіи отличаются однако большою крѣпостью въ сохраненіи своей народности; оттого и могли они удержаться при всемъ своемъ одиночествѣ, хотя и они далеки отъ стремленія къ размноженію. Италіяны Ломбардо-Венеціанскаго королевства сохраняютъ всѣ преимущества современныхъ Италіянцевъ и частью даже въ высшей степени, чѣмъ всѣ другіе. Ясный, проникательный умъ облегчаетъ имъ пониманіе всѣхъ обстоятельствъ; подвижной духъ съ удивительною личною ловкостію ведетъ ихъ раньше другихъ къ избранной ими цѣли. Наслѣдіе старой образованности, тонкое общественное образование, мягкость въ самыхъ даже низшихъ классахъ вмѣстѣ съ прекрасною наружностію открываютъ имъ общественные круги, точно такъ-же, какъ и характеристическое ихъ занятіе изящными искусствами, опредѣляемое нѣжнымъ климатомъ и врожденною техническою способностію, и понынѣ образуютъ изъ Италіи великую художественную школу всѣхъ другихъ народовъ. Упорство въ стремленіи къ приобрѣтенію, замѣчательно-соединенное съ привычкою къ самопожертвованію и къ благотворительности, эти качества сопровождаютъ ихъ повсюду и дома проявляются въ усердномъ, неумолимомъ прилежаніи въ занятіяхъ земледѣльческихъ и мромышленныхъ. Извѣстно, на какой высокой степени стоитъ земледѣіе въ Ломбардіи, чему благоприятствуютъ не столько солнце и равномѣрное плодородіе почвы, сколько преимущественно Ломбардское трудолюбіе. Такія блестящія качества нѣсколько затѣваются темными сторонами, по большей части слѣдствіями старой образованности. При выборѣ средствъ къ достиженію всѣхъ цѣлей онѣ не исключаютъ хитрости и обмана, но онѣ далеки отъ грубости и (если не возбуждены въ немъ страсти) отъ насилія. Характеръ Италіянца отличается индивидуализмомъ; какъ индивидуумъ, какъ отдѣльное лицо, онъ совершаетъ весьма много, но по большей части ему недостаетъ общаго смысла, охоты къ совокупному дѣйствию для достиженія великихъ цѣлей и только исторически-образовавшійся муниципальный смыслъ приводитъ къ великимъ національнымъ предпріятіямъ. Съ Нѣмцами Италіяны сжѣшиваются не легко, такъ-какъ Нѣмцы мало обладаютъ силою противудѣйствія; со Славянами чаще у нихъ случается взаимное проникновеніе, такъ напримѣръ попадаютъ въ Истрію ославяненные Италіяны и италянизированные Славяне. Какъ прежде сжѣнивались, такъ и теперь мѣшались Италіяны съ Мадырами еще

легче, нежели со Славянами. Совершенно особымъ образомъ занимаютъ Магьяры средину между народами восточными и западными. Посреди народовъ Индо-Европейскаго корня образуютъ они наибольшій этнографическій островъ въ Европѣ, занимая собою равнину Венгрии и оттуда распространяясь во все стороны. Живя вообще плотно, они вездѣ однако, за исключеніемъ Язигии и Кунавии, вступаютъ въ прикосновеніе съ народами чужаго языка и самаго разнороднаго образованія. И несмотря ни на это многообразное развѣтвленіе, ни на обширныя сношенія съ чужеземниками, это объединенное племя ничего не потеряло въ своемъ составѣ, напротивъ даже усилилось поглощеніемъ въ себя чужихъ стихій и возвысилось до народа образованнаго. Оно тѣмъ обязано богатымъ жизненнымъ силамъ, бьющимъ въ его жилахъ, и горячему народному чувству, которое, не отклоняясь ни отъ какого вліянія, ставитъ однако свой народъ выше всего на свѣтѣ. Эта любовь къ своей народности, въ-соединеніи съ твердостью въ сохраненіи своихъ воззрѣній, составляетъ отличительнѣйшую черту характера Магьяръ; любовь эта покоится на нѣжномъ чувствѣ и пламенной фантазій, пробуждавшей народъ къ самымъ великимъ, героическимъ подвигамъ, точно такъ-же, какъ и приводившей его къ внутреннимъ раздорамъ, которые неразъ угрожали истребленіемъ внутренней силы государства. Великая народная семья *Славянъ* занимаетъ въ Австріи обширнѣйшую площадь и, за исключеніемъ Ломбардіи, Тироля, Зальцбурга и верхней Австріи, распространяется по всемъ имперскимъ землямъ. Эта народная семья одарена отъ природы не столько блестящими, сколько прочными и многообѣщающими въ будущемъ качествами; хотя ея члены и находятся на различныхъ ступеняхъ образованности, отчего и происходитъ замѣчательное въ нихъ разнообразіе, тѣмъ не менѣе она сохранила всю первоначальную силу, и благодаря упругости своего характера, не зазнающагося въ счастіи, не упадающаго въ бѣдѣ, она нѣсколько разъ являлась въ опаснѣйшія минуты опорой имперіи и твердыми столбами порядка. По большей части живя плотными массами, хотя и съ многочисленными, спорадическими выселками раздѣляется Славянское племя на двѣ большія, пространственно другъ отъ друга отдѣльныя вѣтви, — на сѣверныхъ и южныхъ Славянъ. Въ этихъ самыхъ отдѣлахъ обнаруживаются свои значительныя разности, опредѣляемыя географическимъ положеніемъ и исторіею. Очень давно вступившіе въ прикосновеніе съ Нѣмец-

кою образованностью Чехи рано ее приняли и потому поднялись въ разрядъ образованнаго народа, вліяніе котораго далеко простирается за предѣлы ихъ отечества. Они особенно отличаются рѣзкимъ умомъ, преимущественно располагающимъ ихъ къ точнымъ наукамъ, чрезвычайнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, большимъ упорствомъ и прилежаніемъ въ избранныхъ занятіяхъ и стародавнюю любовь къ сельскому хозяйству; ихъ словесность, самая образованная у Славянъ, рано украсилась прекраснѣйшими плодами. Открытые со всѣхъ сторонъ Нѣмецкому вліянію, они неослабно сохранили свою народность, что еще гораздо вѣрнѣе относительно Чешскаго племени, нежели Моравскаго, тогда-какъ Словаки, болѣе удаленные отъ дѣйствій цивилизаціи и еще болѣе неблагоприятствуемые неплодородіемъ своей почвы, отличаются передъ всѣми другими племенами богатою силою творчества. Польская вѣтвь въ Галиціи раздѣлила судьбы Польскаго королевства, вліяніе котораго на народныя особенности несомнѣнно. Въ то время, какъ нижніе классы народа весьма мало пользовались благодѣяніями образованности, высшія сословія рано стали подражать сперва Нѣмцамъ, а потомъ Французамъ, отчего и образовались въ общественныхъ отношеніяхъ потокъ и движеніе, вообще чуждые Славянскимъ племенамъ, бывшіе причиною, правда, многихъ блестящихъ явленій, цвѣтущаго состоянія литературы, но за то и послѣдующихъ государственныхъ потрясеній и частой перемѣны точки тятотѣнія въ народныхъ стремленіяхъ. *Русское* племя (Ruthenischer Stamm), съ незапамятныхъ временъ угнетенное крѣпостнымъ правомъ и удаленное отъ средоточія образованности, только отъ будущаго ожидаетъ своего общественнаго развитія, сохранивъ много первобытной свѣжести и здоровыхъ силъ для возрожденія. Изъ южныхъ Славянъ *Словенцы* раньше другихъ поселились въ нынѣшнихъ своихъ жилищахъ. Они жили совершенно замкнуто до новѣйшаго времени, когда обнаружились въ нихъ бодрая жизнь и замѣтное пробужденіе народнаго духа. Менѣе другихъ Славянскихъ племенъ обладая силою сопротивленія, они много потеряли на сѣверѣ въ-отношеніи къ Нѣмцамъ и на востокѣ въ-отношеніи къ Хорватамъ. Вся нынѣшняя область Хорватской провинціи (Кроаціи), нѣкогда принадлежавшая къ Виндской маркѣ, была прежде населена Словенцами, которые тамъ охорватились и выродились въ какихъ-то Словено-Хорватовъ, которые вообще однако этнографически ближе къ Словенцамъ, чѣмъ

къ Хорватамъ. Въ настоящее время Нѣмецкая образованность начинаетъ имѣть благотѣльное вліяніе на Словенцевъ, писатели которыхъ знакомятъ своихъ соотечественниковъ на родномъ языкѣ съ Нѣмецкими произведеніями. Замѣчательное явленіе представляютъ собою Хорваты и Сербы—два племени, тѣсно-сродныя между собою, говорящія однимъ языкомъ, съ небольшими отгѣнками говора, но со вступленія своего на историческое поприще отдѣленные другъ отъ друга и имѣстѣ однако выславшія большія народныя поселенія съ Карпатовъ къ берегамъ Адриатическаго моря. При всѣмъ своемъ сродствѣ, эти два племени впрочемъ отличаются другъ отъ друга болѣе, чѣмъ однимъ названіемъ. Хорваты обладаютъ болѣе постоянствомъ характера и болѣе крѣпостью быта; вступленіе ихъ на поприще образованности идетъ съ недавняго времени, хотя отдѣльныя личности изъ этого народа, далеко опередивъ свое время, уже давно блистали въ литературѣ. Сербское племя, надѣленное болѣе подвижностью, остроуміемъ и особеннымъ поэтическимъ дарованіемъ, представляетъ собою въ тѣсныхъ предѣлахъ двѣ крайнія ступени образованности: рядомъ съ первобытнымъ состояніемъ Истрийскихъ и Далматскихъ Морлаковъ богатую политическую и литературную жизнь прежней республики Дубровницкой, гдѣ счастливое сочетаніе Славянской твердости съ Италіянскою гибкостью рано породило такую образованность, которая и понынѣ представляетъ блестящую точку въ исторіи этихъ народовъ. Въ сношеніяхъ съ другими народностями сохраняютъ Славянскія племена врожденную имъ силу сопротивленія. Чехи въ Богеміи, почти окруженные Нѣмецкимъ поселеніемъ, въ продолженіе столѣтій почти неизмѣнно удержались въ своихъ прежнихъ границахъ, и что они потеряли тамъ и самъ въ пространствѣ, было значительно вознаграждено замѣчательными талантами и характерами, которыми позаимствовались, Нѣмцы сильно укрѣпились въ Богеміи. Географическое положеніе Моравіи, также-какъ и стремленіе тамошнихъ хозяйственныхъ интересовъ въ Вѣну, открываютъ тамъ обширный просторъ Нѣмецкому вліянію. Словаки, напротивъ-того, все болѣе и болѣе стремятся на югъ, занимая отдѣльные края, пограничныя жилищамъ Нѣмцевъ, Мадыаръ, Поляковъ и Русскихъ. Полаки на западныхъ границахъ въ-отношеніи къ Нѣмцамъ и Чехамъ остаются въ одномъ положеніи, но, какъ народъ образованный, подобно Нѣмцамъ, уже рано подвинулись на востокъ и заняли Рус-

скую область рядомъ поселеній, гдѣ важнѣйшій оконечный пунктъ — главный городъ Львовъ. Русскіе должны были потерять на Польско-Славянской границѣ, но въ-отношеніи къ Валахамъ неизмѣнно удержали свои жилища въ сѣверо-восточной Венгріи и въ Буковинѣ. Уже выше было упомянуто о томъ, какъ Словенцы вообще теряютъ на Нѣмецкой границѣ, а на востокѣ должны были уступить значительную часть своей области Хорватамъ; здѣсь слѣдуетъ еще присовокупить, что въ Венеціанскомъ Фурлянскѣ (Фриулѣ) какъ въ самой области, такъ и въ-связи жилищъ они подвергаются постояннымъ потерямъ, въ Крайнѣ-же, напротивъ-того, сохраняютъ всю полноту жизненныхъ силъ. Хорваты оказали Мадьярской стихіи сильное сопротивленіе въ то время, какъ она получила перевѣсъ и въ своей области они все болѣе вытѣсняють отдѣльныя Мадьярскія поселенія; выше было замѣчено, какъ выигрываютъ они на-счетъ Словенцевъ. Безспорное вліяніе Италіянцевъ тамъ, гдѣ они входятъ въ соприкосновеніе съ Хорватами, болѣе оказывается духовнымъ вліяніемъ образованности, нежели вытѣсненіемъ Хорватской народности, что происходитъ отчасти только на берегахъ Истріи. Кромѣ Истріи и Далмаціи, находятся Сербы въ сношеніяхъ съ чужими народностями только въ южной Венгріи; но тамъ они начались слишкомъ недавно для того, чтобы возможно было указать на вѣроятныя ихъ послѣдствія, на морскомъ-же берегу подчиняются Сербы Италіянскому вліянію болѣе нравственно, чѣмъ матеріально. *Восточные Романцы* или *Валахи* съ небольшимъ числомъ Молдаванъ въ Буковинѣ живутъ сплоченною массою на дальнемъ юго-востокѣ имперіи. Какъ по языку, такъ и по духовнымъ способностямъ они близко сродны съ западными Романцами, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ однако относительно образованія цѣлая пропасть. *Борки*: вотъ племя, которое не выступаетъ на этнографической картѣ, но по своему количеству и значенію заслуживаетъ упоминанія. Они живутъ почти во всѣхъ коронныхъ земляхъ, менѣе въ Альпійскихъ, наиболѣе въ сѣверно-Славянскихъ и въ Венгріи, но жилища ихъ такъ разбиты, что они нигдѣ почти не выражаются этнографически. Также и относительно языка не образуютъ они одного цѣлаго, но обыкновенно принимаютъ языкъ народа господствующаго, хотя на сѣверъ отъ Альповъ Нѣмецкій языкъ у нихъ преобладаетъ.

Въ прочіихъ журналахъ и газетахъ къ географіи и этнографіи Россіи принадлежатъ слѣдующія статьи: *Очеркъ Васюганской*

тундры (Журн. мин. вн. дѣлг № 7); *Островъ Сара*, Н. Бочечкарова (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. 2); *Старина въ г. Зарайскѣ и его уездѣ*, І. Ф. Диттеля (ibid.); *Матеріалъ для исторіи г. Камышина*, сообщ. В. Г. Варенцовымъ (ibid.); *Мозырщина* (изъ путешествія по западно-Русскому краю), В. М. Шпилевскаго (ibid. № 3); *О глиняныхъ заводахъ Гжельскаго приказа* (замѣтки проѣзжаго), А. С. Ершова (ibid.); *Очерки восточной Сибири*, барона Ө. А. Бюлера (Отеч. зап. № 7); *Попѣдка по сѣвернымъ рѣкамъ* (изъ путевыхъ воспомнаній), С. В. Максимова (Библ. для чтенія № 7, и Сынъ от. № 25, 26); *Ростовъ и Таганрогъ*. Замѣтки туриста. Кн. М. Г. Голицына (Библ. для чт. № 7); *Народные предразсудки*, И. И. Михайлова (ibid. № 8); *Путевыя письма изъ Новгородской губерніи*, П. И. Якушкина (съ предисловіемъ отъ Редакціи) (Русск. бес. № 4); *Отъ Саратова до Петербурга* (С. Пб. вѣд. № 123); *Воспомнаніе изъ путешествія по южной части Семипалатинской области* (Русск. инв. № 110); *Краткое сказаніе о мѣстности, называемой Сибирью въ Смоленской губерніи* (№ 185); *Архангельскіе очерки*, В. Андреева (Русск. дневн. № 84); *Отъ Ставрополя на Донъ* (ibid. № 88); *Метлица на рѣкѣ Шекснѣ* (ibid. № 89); *Народные промыслы Архангельской губерніи* (ibid. № 91); *Письмо изъ Ярославля* (ibid.); *Зима и вскрытіе водъ въ Новгородѣ*, И. Лѣневскаго (ibid. № 92); *Отрывки изъ путевого дневника*, Д. Исаева (ibid.); *Народныя преданія Олонецкой губерніи*, К. Петрова (ibid. № 93); *Провинціалыныя письма* (ibid. № 95); *Попѣдка въ низовое поволожье*, А. Ф. Леопольдова (ibid. № 96); *Корелія и Корелы*, В. Чернышева (ibid. № 97); *Письма проѣзжаго*, И. Пасмурнаго (ibid. № 98); *Почтовые тракты*, М. Борисова (ibid.); *О кладбищахъ въ Украйнѣ* (ibid.); *Волочебники въ Витебской губерніи* (ibid. № 101); *Прогулка изъ Новгорода въ Старую Русу и ея окрестности*, Н. К. Отто (ibid. № 106 и 114); *Очеркъ Семенова*, Е. Протасова (ibid. № 113); *Кирожачъ, заштатный городъ Владимирской губерніи*, К. Н. Тихонравова (ibid. № 114); *Курмышскіе Чуваши*, П. Ар—ва (ibid. № 116); *Крымскія письма*, Фр. Д—сни (ibid. № 117); *Природа и люди въ Мезенскомъ уездѣ* (Моск. вѣд. № 128); *Путевыя замѣтки о Черноморіи*, А. Скобина (Одесск. вѣстн. № 6 6); *На южномъ берегу* (изъ статьи: «Обычай Крымскихъ Татаръ»), В. Кондараки (ibid. № 68 и 69); *По пути изъ Одессы въ Кіевъ*. Путевыя замѣтки Дн—аго (ibid. № 72 и 76); *Очерки Бессарабіи*, К. А. (ibid. № 76); *Очерки Кавказской жизни*, А. Т. (ibid. № 88); *Письма изъ*

Ялты (ibid. № 93); *Предубѣжденіе противъ Евреевъ* (Кіев. тел. № 1, 2, 17 и 18); *Свадьба на Польсьи* (ibid. № 19, 20 и 25); *Гансаль* (Русск. жив. библ. № 15).

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: *Лондонскія замѣтки*, М. А. Михайлова (Совр. № 6, 7 и 8); *Очерки современной Италиі: Пьемонтъ* (Отеч. зап. № 8); *Ионическіе острова* (Библ. для чт. № 6); *Письмо изъ Ліона*, В. И. Водовозова (ibid. № 8); *Изъ Бѣлграда, Милитевича* (Русск. вѣстн. № 10); *Великія географическія открытія послѣдьяго десятилѣтія* (ibid. № 13 и 14); *Изъ Японіи*, А. Корнилова (ibid. № 13); *Пользка въ отрядѣ Гарибальди*, Н. В. Берга (ibid. № 14 и 15); *Боснія, путевыя замѣтки*, А. Θ. Гильфердинга (Русск. бес. № 2); *Письмо изъ Бѣлграда, М. Милитевича* (ibid.); *Примѣчаніе къ предыдущему письму отъ редакціи* (ibid.); *Іерусалимъ* (С. Пб. вѣд. № 180); *Мальта* (Русск. днев. № 100, 107 и 112); *Характеристика племени Австрійской имперіи* (ibid. № 109); *Новѣйшія изслѣдованія внутренности Австраліи и Африки* (№ 114); *Новѣйшія свѣдѣнія объ Японіи и Японцахъ* (Сѣв. пч. № 125); *Открытіе Китая*, В. П. Васильева (Русск. днев. № 84); *Артезіанскіе колодцы въ Сагаръ* (Моск. вѣд. № 122); *Заграничныя письма въ редакцію Московскихъ вѣдомостей* (ibid. № 104, 113, 114 и 125); *Изъ записокъ туриста, П. Сокальскаго* (Одесск. вѣстн. № 37 и 58); *Чархъ-и-Пагу. Горная легенда* (Кавк. № 56); *Арабская пляска* (Живоп. Русск. библ. № 11); *Краснокожіе Индійцы* (ibid. № 12); *Событія и достопамятности въ Японіи* (ibid. № 14); *Разказы о землѣ, Лучвицкаго* (Народн. чт. кн. IV).

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

VII. ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (кн. 2) помѣщены слѣдующія статьи: *Гусъ и Лютеръ (Вліяніе Гуса и Чешскаго епроисповіднаго движенія на Лютера и вообще на Нѣмцевъ)*. Е. Новикова; *Царскія грамоты на Корочу воеводамъ и челобитныя Корочанъ царямъ, черезъ Короченскаго воеводу Ив. Милославскаго, съ общимъ обзорѣніемъ и описью ихъ, составленными директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, П. И. Ивановымъ*. Сообщ. современатель Общества Ѳ. Зайцевъ; *Открытія въ древней столицѣ Болгарской Терновъ, со снимкомъ*. Письмо къ О. М. Бодянскому, Х. С. Данилова; *Лѣтопись Теофана*. Пер. съ Греч. проф. В. И. Оболенскаго; *Мнѣнія адмирала Мордвинова: О продажѣ людей безъ земли Объ оскорбленіи величества и по дѣлу отставнаго поручика Рыбусова; О разореніи Переславскаго Данилова монастыря и вотчинъ его Поляками и Литовцами*, А. Свирѣяна; *О содержаніи Данилова монастыря въ Переславль-Залъскомъ, его-же; Семинарія въ Переславскомъ Даниловъ монастырь, его-же; Князь Иванъ Петровичъ Борятинскій; Акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ въ XVII вѣкѣ*, сообщ. Вл. Борисовъ; *Объ исправленіи ветхостей въ храмѣ Василія Блаженнаго въ Москвѣ въ 1688 г.*, сообщ. П. И. Ивановъ; *Краткое описаніе происшествій въ столицѣ въ Москвѣ въ 1812 году*, соч. А. Д. Бестужева-Рюмина, сообщ. В. Чарыковымъ; *Сльдѣніе о сочинителѣ «Краткаго описанія происшествій въ Часть CIV. Отд. VI.*

Москва, въ 1812 году», составл. Н. С. Калетовымъ и сообщ. П. И. Ивановымъ; *Разсказъ Москвича о Москвѣ во время пребыванія въ ней Французовъ въ первыя три недѣли сентября 1812 г.*, сообщ. кн. М. А. Оболенскій; *Замѣчанія преосвященнаго Теофилакта на конспектъ философскихъ наукъ Феслера*; *О Кантовой философіи*, его-же; *Мнѣніе сенатора Новосильцева, поданное въ совѣтъ коммисіи составленія законовъ 1809 г., о наследованіи имуществомъ въ Россіи*; *Мысли о упрѣдлѣ и точности въ судопроизводствѣ, и о умѣреніи наказаній за вины и преступленія*; *Жалоба секретаря академіи наукъ Волкова на дѣйствія оной противъ него, правительствующему сенату*, сообщ. П. И. Ивановъ; *О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ, во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 году. Донесеніе члена вотчиннаго департамента А. Д. Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи И. И. Дмитріеву*, сообщ. кн. М. А. Оболенскій; *Протоколь засѣданія Общества исторіи и древностей Россійскихъ марта 7 дня 1859 года*.

— «Гусъ и Лютеръ». — Въ этой послѣдней статьѣ замѣчательнаго труда авторъ изслѣдуетъ вліяніе Гуса и Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія на Лютера и вообще на Нѣмцевъ. «Если, въ заключеніе, спросимъ самихъ себя,—говоритъ авторъ—къ чему служили герою Нѣмецкой реформаціи знакомство съ Славянскимъ преобразователемъ и сближеніе съ Чехами? отвѣтъ наготовѣ. Это знакомство было не случайное; оно условлено было не столько историческою преемственностію явленій, вытекающихъ одно изъ другаго, сколько особеннымъ дѣйствіемъ Промысла въ недовѣдомыхъ судьбахъ религіозной жизни человѣчества. Что же роковое постоянно сближало этихъ двухъ человѣкъ, столь различныхъ духомъ, свойствами, вѣрованіями, отдѣленныхъ въ пространствѣ и времени всею бездною историческаго призванія двухъ великихъ народностей. Не даромъ говорилъ Лютеръ, что «значеніе Гуса несравнено важнѣе по смерти, чѣмъ могло быть при жизни мирно оконченной въ Чехіи». Въ трехъ великихъ мгновеніяхъ Лютеровой жизни совершилось преображеніе Гуса. Онъ указалъ преобразователю истинное значеніе папства и разорвалъ оковы, привязывавшія его къ западной церкви. Онъ спасъ его въ Вормсѣ, въ торжественнѣйшую минуту событія; онъ оборотилъ его Нѣмецкую фізіономію къ отдаленному востоку, и тѣмъ отвращалъ его отъ скользкаго пути реформаціи въ одинокомъ развитіи его западной личности. Эти три задачи могъ совер-

шить только Гуса, а не кто другой изъ предшественниковъ Лютера. Онъ былъ посланъ ему въ невидимые спутники, руководить, наставить, предохранить его отъ заблужденій. Онъ дѣйствовалъ на него примирительно, а Лютеръ обратилъ его въ орудіе казни. Онъ не понялъ учителя, или, лучше, не захотѣлъ итти по его указаніямъ. Въ его реформациіи есть что-то *недопѣланное*, чего онъ самъ не въ-силахъ былъ довершить, а завѣщалъ потомству. Въ новѣйшее время Нѣмецкая наука взялась пополнить его созданіе, обратившись съ жаромъ къ изученію Гуса, пока однакожь безплодному Желательно, чтобъ она не остановилась на полдорогѣ, или обратилась вспять, заглядываясь слишкомъ на *своеземные* образцы, пуще всего была-бы безпристрастной, безъ чего все будетъ трудиться надъ прочнымъ созданіемъ. Въ вѣроисповѣдной жизни не намъ, Славянамъ, принимать наставленія отъ Нѣмцевъ нынѣ, когда мы, въ лицѣ Гуса, давали ихъ уже Лютеру за три столѣтія».

— «О продажѣ людей безъ земли». — Это замѣчательное мнѣніе государственнаго мужа раздѣляется на двѣ части: I. Изслѣдованіе различія правъ собственности надъ вещами отъ правъ распоряженія зависимыми людьми и II. Отвѣтъ на возраженіе, сдѣланное противъ этого мнѣнія. Приводимъ изъ этого мнѣнія слѣдующій отрывокъ: «Право собственности надъ вещами есть право *естественное*; право распоряженія зависимыми людьми есть право *гражданское*. Первое предшествовало второму и дало основаніе сему: ибо первое есть законъ Творца, второе — законъ человѣческой. Творецъ всего далъ человѣку право обладанія надъ вещами; между человѣками-же положилъ взаимную зависимость: чада зависятъ отъ родителей, жена отъ мужа, слабый отъ сильнаго, скудоумный отъ разумнаго. Какъ право собственности распространяется токмо на вещи, то *человѣкъ не можетъ быть собственностію другаго челоуька, но можетъ быть зависимымъ, подвластнымъ другому*, и въ семъ законъ гражданскій согласуется въ естественнымъ. Какъ вещь различна въ качествахъ своихъ отъ челоуька, такъ и собственность различна отъ зависимости. Право собственности даетъ неограниченное обладаніе надъ вещами, право начальства имѣетъ свои предѣлы и взаимное нравственное соотношеніе между повелителемъ и повинующимся, между господиномъ и слугою. Въ древнія времена и нынѣ въ Азіи и Африкѣ невольничество су-

ществуетъ, но въ Европѣ и въ самой Россіи человѣкъ не есть собственности другого человѣка, но человѣки зависятъ одинъ отъ другого, и сія зависимость различна въ каждой землѣ, по степени ея населенія. Родъ правленія можетъ увеличить сію зависимость, ибо самодержавное, общее надъ всѣми, необходимо требуетъ правъ начальства и между частными людьми въ высшей степени, нежели они существуютъ при другихъ родахъ правленія. Зависимость человѣка отъ человѣка, или степень оной, сопряжены съ политическимъ, физическимъ, нравственнымъ и статистическимъ состояніемъ каждой особо земли; степень зависимости для блага общаго и частнаго должна согласоваться съ онымъ. По малонаселенію въ Россіи, по великому пространству ея, по различію почвъ земли, тощихъ и плодородныхъ, по различію климатовъ холодныхъ и теплыхъ, по степени просвѣщенія, по недостатку капиталовъ для заплаты посѣва прежде снятія съ полей урожая, зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть, для общаго благосостоянія, въ высшей степени, нежели существуетъ она въ Англіи, Швейцаріи, Италіи. Но зависимость сія въ Россіи крестьянъ отъ помѣщиковъ не есть неограничена. Законы существующіе полагаютъ ей предѣлы. Законы въ Россіи дали надъ вещами, какъ и вѣздѣ, неограниченное обладаніе. Въ Россіи, какъ и вѣздѣ, мы владѣемъ вещью, пользуемся оною, образуемъ оную, раздѣляемъ, раздробляемъ и сокрушаемъ по волѣ нашей. Надъ подвластными же намъ человѣками мы имѣемъ ограниченную власть. Предъ законами нашими крестьяне, въ отношеніи помѣщиковъ ихъ, суть домочадцы. Никакого уязвленія, никакого нравственнаго оскорбленія дѣлать имъ не дозволительно. Жалобамъ ихъ открыты суды; чиновники гражданскіе поставлены имъ покровителями и за поступки, противныя благодѣянію, за нерадѣніе о ихъ благосостояніи, помѣщикъ лишается права власти надъ подчиненными ему крестьянами, и съ лишеніемъ сей власти лишается даже права владѣнія той земли, на коей оскорбленные имъ крестьяне жительство имѣютъ. Наказаніе строгое и ограждающее въ сильной мѣрѣ благосостояніе зависимыхъ крестьянъ. Всѣ законы, взирающіе на подвластныхъ намъ крестьянъ и слугъ, яко домочадцевъ нашихъ, будутъ благотворны и сообразны съ правомъ естественнымъ и съ настоящимъ гражданиномъ Россіи состояніемъ».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ отечественной

исторіи принадлежатъ слѣдующія статьи: *Описаніе лѣтописныхъ сборниковъ съ картинами, находящихся въ археографической коммисіи*, Н. В. Калачова (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. II); *Третья книга путешествія въ Россію Олеарія* (съ предисловіемъ Н. И. Костомарова), главы I—V, перев. А. Михайлова (*ibid.* № 3); *Отвѣтъ г. Костомарову*, М. П. Погодина (*ibid.*); *Два слова М. Ш. Погодину*, Н. И. Костомарова (*ibid.*); *Извѣстіе о Россіи*, сообщ. К. Тихонравовымъ (*ibid.*); *Памятникъ думнаго дьяка Украинцева*, А. С. (*ibid.*); *Русское старобродство*, М. Н. Лонгинова (Русск. вѣстн. № 9); *Авдотья Ѳедоровна Лопухина*, посвящ. В. П. Водовозову, М. И. Семеваго (*ibid.* № 10); *Записка Льва Николаевича Энгельгардта* (*ibid.* № 14); *Крестьяне на Руси* (Исторія крестьянства въ Россіи), И. Д. Бѣляева (Русск. бес. № 2, 3 и 4); *Русское государство въ половинѣ XVII вѣка*. Рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича, открытыя Безсоновымъ (*ibid.*); *Современное состояніе Русской исторіи, какъ науки* (Москов. обзор. кн. I); *Воображаемый подлогъ бывшаго кабинетъ-министра императрицы Анны Іоанновны Волинскаго*, И. Пекарскаго (*ibid.* № 17); *Нѣсколько словъ о Хорватъ*, Ф. Воронова (Одесск. вѣстн. № 88); *Повѣсть о южной Руси*, П. Кулшна (Народн. чт. кн. III); *Разсказъ изъ Русской исторіи*, И. Бѣляева (*ibid.* кн. IV); *Нѣсколько словъ о Кузьмѣ Мининѣ Сухорукомъ* (*ibid.*).

— «Авдотья Ѳедоровна Лопухина». — Мы приводимъ изъ этой замѣчательной біографіи весьма интересный отрывокъ. «1718 годъ былъ самый черный, самый ужасный въ злополучной жизни Авдотьи Ѳедоровны. 3 февраля былъ обнародованъ манифестъ. Въ немъ объявлялись всѣ вины царевича; все подведено было къ одному заключенію, — къ отрѣшенію его отъ престола. Въ началѣ сего акта государь, оправдывая себя, говоритъ, что имъ употреблены были всѣ возможныя мѣры къ приготовленію достойнаго себѣ преемника. Всѣ эти заботы, по словамъ манифеста, не повели ни къ чему, вслѣдствіе постоянной конверсаціи Алексѣя съ людьми злы и непотребными. Не послужили къ исправленію ни гнѣвъ ни милость, ни отческія показанія, ни любовное супружество съ Шарлотой Софіей. Не смотря на то, что послѣдняя была ума довольнаго и обхожденія честнаго, Алексѣй жилъ съ нею въ явномъ несогласіи, попрежнему окружалъ себя людьми съ замержлыми и грубыми обыкнностями, и наконецъ, имѣя жену, взялъ къкую бездѣльную и работную дѣвку — съ оною жилъ явно безза-

конно. Манифестъ объявлялъ Алексѣю виновникомъ преждевременной смерти Шарлоты, обвинялъ въ скрытности, неблагодарности, въ обманѣ, съ которымъ изъяснялъ онъ желаніе идти въ монастырь, наконецъ въ *измѣнническомъ бѣгствѣ* къ государю чужеземному «съ женой съ Евросиньей, съ которою онъ незаконно сваялся. И хотя онъ за все вышереченное *достоинъ былъ лишена живота*, однакожь мы отческимъ сердцемъ о немъ собогѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ». Но желая спасти государство отъ правителя недостойнаго, Петръ лишилъ сына всѣхъ правъ на престолъ, даже и въ томъ случаѣ, *еслибы им одной персоны съ царской фамиліи не осталось*. Въ день объявленія сего манифеста, подсудимый царевичъ предсталъ въ кремлевскихъ палатахъ предъ отца, грознаго судью своего, въ торжественномъ собраніи свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Царевичъ, упавъ на колѣни, подалъ повинную во всемъ, присягой подтвердилъ свое отреченіе отъ престола, присягнувъ новому наследнику престола четырехлѣтнему царевичу Петру Петровичу, наконецъ обѣщавъ выдать всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Послѣ причащенія св. тайнъ, царевича отвезли въ Преображенское. Здѣсь устроили комиссію; ее наименовали вышнимъ судомъ. Слѣдователями и судьями Алексѣя были вѣригѣйшіе, покорнѣйшіе слуги его отца: тайный совѣтникъ П. А. Толстой, гвардіи майоръ Ушаковъ и капитанъ Румянцовъ. Къ нимъ привозили всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сообщничествѣ съ Алексѣемъ; они строго допрашивали ихъ, производя надъ несчастными жесточайшія неописанныя истязанія. Между-тѣмъ государь, въ самомъ разгарѣ сего дѣла, не упустилъ изъ виду и царицу Авдотью Ѳеодоровну. Для развѣданія о ея положеніи посланъ былъ искуснѣйшій надсмотрщикъ и вывѣдчикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ. Посланный донесъ, что инокиня Елена въ стѣнахъ уединенной обители живетъ совершенно свободно, что она самовольно назвалась прежнимъ именемъ Евдокіи, что во время литургіи имя ея, какъ царицы, упоминается послѣ имени государя; что она ходитъ въ свѣтскомъ платьѣ и повелѣваетъ всѣми, какъ государыня. Въ ея кельяхъ, доносилъ Писаревъ, собирались на долгія и таинственныя бесѣды епископъ Ростовскій Досифей, духовникъ ея Пустынной, казначей монастыря, управитель его Сурминъ и нѣкоторыя изъ монахинь. Окруживъ себя людьми преданными, Авдотья Ѳеодоровна отдала свое сердце генералъ-майору Степану Богдановичу Глѣ-

бову, человѣку безграмотному (о чемъ есть свидѣтельство самого Петра), но мужественному, предприимчивому. съ красотою физическою соединявшему ненависть къ преобразованіямъ и нововведеніямъ. Всѣ монахини и упомянутыя лица подъ конвоемъ отправлены въ Преображенское. Еще съ дороги царица послала повинную, въ ней сознавала себя виновною въ ношеніи свѣтскаго платья, и съ чувствомъ собственного достоинства просила прощенія, «дабы не умереть безгодною смертію». На повинную не было обращено вниманія: начались пытки и допросы. *Дознано* было, что инокиня Елена держала себя постоянно гордо, непослушныхъ грозила будущимъ государемъ Алексѣемъ Петровичемъ; ее уличили въ любви къ Глѣбову, въ томъ, что она любила проводить съ нимъ вечера въ продолжительныхъ бесѣдахъ. Открылось, что протопопъ Пустынной еще въ 1707 году представилъ Глѣбова инокинѣ Еленѣ, что старица Каптелина (Капитолина) была вѣрною служницею ихъ, что епископъ Досиѣей зналъ о возникшей дружбѣ; онъ же уговаривалъ Елену скинуть *невольническія* ризы. Тотъ-же Досиѣей увѣрялъ, будто слышалъ разные голоса отъ чудотворцевъ, что Евдокія снова воцарится и что воцареніе это воспослѣдуетъ въ тотъ-же годъ. Когда приходило назначенное время, и слова святыхъ не оправдывались, епископъ относилъ это къ грѣхамъ покойнаго боярина, отца царицы, Федора Лопухина, будто-бы глубоко погрязшаго въ аду. Обѣщалъ за него молиться, бралъ на украшеніе храма Господня деньги, и ежегодно доносилъ, что его предстательствомъ у алтаря Всевышняго Лопухинъ вышелъ изъ ада по плечи, чрезъ годъ по поясъ, чрезъ годъ по колѣна и т. д. Протопопъ Пустынной показалъ, что епископъ часто заходилъ къ Суздальскому митрополиту Иларіону, что послѣдній не разъ укорялъ его въ безвременномъ вечернемъ посѣщеніи Евдокіи. «Еще дѣ ты человѣкъ молодой, говорилъ Досиѣею Иларіонъ, и случаевъ всякихъ не знаешь». Иностранные писатели увѣряютъ, что епископъ хотѣлъ обвинять Глѣбова съ Авдотьей Федоровной. Царевна Марья Алексѣевна (род. 1660 года 18 января), уличенная въ перепискѣ съ Лопухиной, показала на Ростовскаго епископа, будто не разъ онъ увѣрялъ ее въ ночныхъ видѣніяхъ ему царевича Дмитрія; при чемъ передавалъ пророчества св. Дмитрія о близкой смерти государя и пр. Преданный пыткамъ съ воска, огня и желѣза, Досиѣей сознался, что во всѣхъ предсказаніяхъ лгалъ на святыхъ напрасно. О царицѣ Евдокіи наведены были самыя тща-

тельные справки. Едва-ли не со всѣхъ лицъ, чаще другихъ видѣвшихъ ее во время ея заточенія, съ 1699 по 1718 годъ, были сняты самыя подробныя показанія; во всѣ мѣста, во всѣ монастыри, куда только ѣздила она на богомолье изъ Суздаля, всюду были разосланы шпіоны для развѣданій и допросовъ. До какихъ мелочныхъ подробностей требовались показанія, образчикомъ можетъ служить показаніе Симона, игумена Кузьмина монастыря Владимірской губерніи. «Въ бытность мою, писалъ Симонъ, игуменомъ въ Кузьминѣ монастырѣ, пріѣзжала туда бывшая царица два раза лѣтнимъ временемъ; какого года, мѣсяца и числа, того онъ не упомнитъ; но во второй разъ, лѣтъ пять спустя послѣ перваго пріѣзда. А предъ пріѣздомъ царицы пріѣзжали ея слуги и кельи для нея очищали, и въ церкви мѣста приготавливали, и монахамъ изъ келій выходить не приказывали. Въѣзжала бывшая царица въ монастырь въ каретѣ за стеклами послѣ полуденъ, подъѣзжала къ самой соборной церкви, входила въ нее ограждена красными сукнами скрытно: ни онъ, Симонъ, и никто изъ монаховъ того монастыря бывшую царицу никогда не видали. Въ церкви слушала вечерни, затѣмъ въ закрытой каретѣ подъѣзжала къ кельямъ, и туда входила, огражденная сукнами. Въ первый пріѣздъ останавливалась бывшая царица въ его игуменскихъ кельяхъ. Во второй разъ — въ братскихъ кельяхъ. Въ ночное время входила въ церковь, отправляла все ночное пѣніе и литургію, а были-ль молебны, того онъ, Симонъ, не вѣдаетъ, потому что ни его, ни другихъ монаховъ монастыря въ то время къ церкви не подпускали. Отправлялъ ту службу пріѣхавшій съ царицею города Суздаля деркви Петра и Павла, попъ Гаврила Ѳедоровъ, бывшаго Суздальскаго собора ключаря Ѳедора Пустыннаго сынъ, на крылосѣ пѣли монахини, также пріѣзжавшія съ бывшей царицей, а числа и именъ монахинь онъ не знаетъ. Въ ея бытности онъ игуменъ отправлялъ вечерню, утреню и литургію въ другой трапезной церкви; послѣ литургии, не выпуская его, Симона съ братіей, въ тоя трапезѣ кормил, по приказу бывшей царицы, рыбою, повили медомъ, а какія были другія питья, того онъ не упомнитъ. Подчивали служители бывшей царицы Никита Клениковъ, Григорій Стахѣвъ; остальныхъ не знаетъ. При выходѣ изъ трапезы служители приказывали монахамъ съ игуменомъ кланяться по трижды въ землю, по направленію къ кельямъ, гдѣ останавливалась бывшая царица; тогда-же давали игумену по

гривнѣ, а монахамъ по шести денегъ. Онъ Симонъ, въ тѣ оба прїѣзда носилъ въ навечеріи хлѣбъ, по приказу бывшей царицы, принимали отъ него монахини. Во второй прїѣздъ пущень былъ онъ предъ нею, и она, бывшая царица, спрашивала на какіе деньги строень иконостасъ; на что Симонъ донесъ, что строень иконостасъ мірскимъ подаваніемъ и келейными деньгами; бывшая царица поблагодарила его за то и отпустила немедленно; а у руки ея онъ, Симонъ, не былъ; царица была одѣта тогда въ черномъ камчатномъ *мірскомъ* платьѣ, въ шубкѣ или кунтушѣ, того не усмотрѣлъ, да въ.... шапкѣ. При выѣздѣ царицы изъ монастыря, игумень съ монахами провожали кареты за ворота, кланялись вслѣдъ по трижды въ землю, а дѣлали то по приказу служителей *спроста*. Да слышалъ де онъ отъ стороннихъ, что она бывшая царица была пострижена, и въ монахиняхъ было ей имя Елена; а знали ль о томъ монахи, того Симонъ не вѣдаетъ. А какъ де упомянутые слуги давали имъ милостыню и въ то время приказывали имъ молить Бога о здравіи великаго государя царевича Алексѣя Петровича; а чтобъ молить Бога о ней бывшей царицѣ, и о томъ, также и о *другихъ* ничего не приказывали. На эктоніяхъ и молитвахъ онъ игумень ея, бывшую царицу, не поминалъ, равно не поминали іеромонахи и іеродіаконы того монастыря, и приказу о томъ ни отъ кого не было. Вкладовъ въ монастырь отъ царицы при немъ, Симонѣ, не было. А слышалъ онъ отъ гробоваго отъ старца Іоны, который умре назадъ тому лѣтъ десять, что до его игуменства бывшая царица прїѣзжала въ Кузьминъ монастырь; но сколько разъ, когда именно и что дѣлала въ томъ монастырѣ, того Іона не сказывалъ. Прїѣзжали съ царипей слугъ челоувѣкъ десять; а кто такіе, какихъ чиновъ люди, того не знаетъ. Онъ, Симонъ, въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичь монастырь, къ ней, бывшей царицѣ, никогда ни зачѣмъ не приходилъ и митрополитъ Иларіонъ къ ней ни зачѣмъ не прїѣзжалъ. Да обносиалась де рѣчь, сторонняя, что бывшая царица ѣздила въ Боголюбовъ монастырь, и къ Николѣ на Вилосово, а бывала ль въ другихъ мѣстахъ, того не слышалъ; и больше сказаннаго здѣсь, о ней, бывшей царицѣ, ничего онъ, Симонъ не знаетъ».

Къ исторіи иностранной принадлежатъ слѣдующія статьи: *Гизо и его записки* (Отеч. зап. № 5 и 6, Русск. вѣстн. № 10); *Австрія и ея военное могущество въ Италіи* (Отеч. зап. № 5, Библ. для чт. № 5); *Ультра-роллисты и либералы во Франціи 1815—*

1830 (Отеч. зап. № 5); *Германское общество въ XVI и XVII столѣтіяхъ* (ibid.); *Возрожденіе Австріи въ послѣднія десяти лѣтъ* (ibid. № 6); *Римская имперія и христіанство въ IV вѣкѣ* (ibid. № 7); *Эпизодъ изъ исторіи Нидерландовъ* (Библи. для чт. № 5, 6, 7 и 8); *Гарибальди* (ibid. № 6); *Князь Меттернихъ*. Некрологъ. Изъ Гёте (Русск. вѣстн. № 10); *Г. Абу о Римскомъ вопросѣ*, Е. М. Теокистова (ibid. № 14); *Записки протоіерея Матвѣя Ценнадовича* (Русск. бес. № 2); *Обозрѣніе дѣятельности независимыхъ Грековъ въ 1858 г.*, Г. С. Дестуниса (ibid.); *Голосъ Грека въ защиту Византіи*, Ю. С. Дестуниса (ibid.); *По поводу предыдущей статьи*, отъ редакціи (ibid.); *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ*. Періодъ второй (976—1019), А. Θ. Гильфердинга (ibid. № 3 и 4); *Историческій очеркъ Сербской православной общины въ Рагузѣ*, К. В. Петковича (ibid. № 4); *Римъ и Іудея* (Москов. обозр. кн. II); *Допъ аудіенціи Меттерниха у Наполеона* (Русск. инв. № 154); *Наполеонъ II* (Сѣв. пч. № 184 и 185); *Историческій очеркъ судьбы Италіи съ конца XVIII столѣтія* (Моск. вѣд. № 112, 115 и 120); *Революція у Негровъ* (ibid. № 118 и 119); *Новая Сербія*, Ф. Воропонтова (Одесск. вѣстн. № 82); *О Гуннахъ Дагестана* (Кавк. № 34, 36 и 38); *О событіяхъ въ Грузіи и Арменіи до заложенія Тифлиса* (ibid. № 51); *Италія и дома Савойскій и Австрійскій* (Сынъ отеч. № 22, 23 и 25); *Нѣсколько словъ о Славянскихъ народахъ въ Австріи и Турціи*, Александра Ѳедорова (Народн. чт. кн. 4).

VIII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (т. VIII, вып. II), къ языкознанію принадлежатъ статьи: *Описаніе рукописей Воскресенскаго монастыря, писанныхъ на пергаментъ и бумагу*; *Дополненія къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка*, И. И. Срезневскаго; *Библейскія книги 1507 года*, сообщ. архіеп. Филаретомъ; *Три житія изъ харатейной Минеи монастыря св. Прохора Пчинскаго у Враны*; *Начало помѣника монастыря Гречаницы*, сообщ. С. Верковичемъ; *Фотографическіе снимки съ рукописей Воскресенскаго монастыря*. Замѣтка И. И. Срезневскаго; *Продолженіе 2-го тома Церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова.

— «Дополненія къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка». — Авторъ говоритъ въ этой статьѣ, между-прочимъ, слѣдующее: «Учитель, стараясь утвердить въ своихъ ученикахъ знаніе общественнаго языка, долженъ обращать вниманіе на мѣстный говоръ учащихся, безъ сомнѣнія не возбуждая къ нему ихъ отвращенія, но и не допуская смѣшенія съ нимъ языка общественнаго. Такое смѣшеніе всегда болѣе или менѣе отвратительно. Не все, впрочемъ, въ общепринятомъ языкѣ образованнаго общества равно достойно уваженія, если онъ и чистъ отъ примѣси мѣстнаго говора. На него можетъ налечь какая-нибудь внѣшняя, чуждая сила, мертвящая его внутреннюю жизненную силу, и тѣмъ не менѣе поддерживаемая на-время прихотями общества. Подъ тяготѣніемъ этой силы языкъ искажается. Чѣмъ менѣе самостоятельности въ образованности народа, тѣмъ эти искаженія разнообразнѣе и сильнѣе, обаятельнѣе. Заставлять дѣтей изучать эти искаженія бесполезно и вредно: бесполезно, потому-что значительная доля этихъ временныхъ искаженій съ каждымъ поколѣніемъ смѣняется другими, такъ-что дѣти, выросши, должны будутъ, не смотря на всѣ внушенія учителей, отречься отъ нихъ; вредно, потому-что всѣ такія скаженія мѣшаютъ учащимся проникнуться духомъ языка и воспользоваться имъ для развитія умственныхъ силъ. Свѣтъ науки и здраваго народнаго смысла, освѣщая основные законы языка, долженъ всегда стоять на стражѣ противъ прихотей моды, вводящихъ въ языкъ эти искаженія. Источникъ законовъ языка — народъ, разумѣется, весь въ цѣлости, а не какая-нибудь доля его, живущая въ томъ или другомъ краѣ: здравый смыслъ и наука учатъ имъ пользоваться, и дѣйствуютъ счастливо, если дѣйствуютъ окончательно и безпристрастно; никогда не могутъ вполнѣ возобладать прихотями моды, но тѣмъ не менѣе никогда не должны отступать отъ своихъ обязанностей. Всего болѣе должны быть исполняемы эти обязанности въ литературѣ, въ ученыхъ обществахъ и въ училищахъ. А такъ-какъ и литература нерѣдко сама подчиняется прихотямъ моды и содѣйствуетъ временнымъ искаженіямъ языка, то на ученыхъ обществахъ и училищахъ однихъ остается вся ноша служенія языку. Обязанность тяжелая, но столько-же необходимая, сколько и уважаемая самимъ обществомъ. Оно само чувствуетъ необходимость противоборствующей силы, и признаетъ ее; не оспариваетъ, а даже поддерживаетъ ее инстинктивно. Учитель, понимая свое святое

призваніе, съ помощію науки и ума, найдетъ въ себѣ силы не поддаваться влеченіямъ моды. Конечно, это вовсе не то, что при- держиваться понятій отсталой старины: и встарину были также свои модныя прихоти, искажавшія языкъ, и брошены, какъ бро- шены будутъ и новыя. Есть что передать учащимся и безъ этихъ временныхъ прихотей: довести ихъ до разумнаго чутья языка, до правильнаго, непринужденнаго употребленія его главныхъ бо- гатствъ. — будетъ всегда стоить труда не малаго, по-крайней-мѣрѣ съ тѣми изъ учащихся, которые не одарены особенными да- рованиями. Глядя такъ, я думаю, что нѣтъ никакой необхо- димости, а подѣ-часъ и никакой возможности придерживаться въ общемъ преподаваніи языка новѣйшей литературы. Говорю это не по отношенію къ новѣйшей литературѣ нашей Рус- ской, а вообще; потому-что не говорю объ исключеніяхъ, а объ общемъ правилѣ. Нигдѣ не изучаютъ языка только по новѣйшимъ писателямъ, хотя вездѣ, насколько нужно, поль- зуются и тѣми фактами языка, которыми они воспользовались: это плодъ об- ей опытности; противъ которой едва-ли можно стоять съ какимъ-нибудь надежнымъ щитомъ. Можно еще до- пустить, при какой-нибудь особенной цѣли, изученіе языка такъ- называемыхъ классическихкихъ писателей, какъ языка неизмѣннаго, опредѣленнаго; но какъ-же съ этимъ сравнить обязательность изученія языка однихъ новѣйшихъ писателей, каковы-бы онъ ни былъ?» «Къ чему литературный языкъ тѣмъ дѣтямъ, которыя учатся языку вовсе не для литературныхъ цѣлей? а такіе ученики составляютъ главную массу. Для жизни, къ которой они готовят- ся, нуженъ имъ языкъ не новѣйшихъ писателей, а просто чистый, правильный языкъ, нужна ловкость употреблять его, какъ орудіе мысли и общительности, какъ орудіе общее всего образующагося общества, а не однихъ писателей. Этого и надобно достигать въ училищѣ, не увлекаясь никакими посторонними цѣлями. Съ достиженіемъ главной, общей цѣли достигаться будутъ въ нѣко- торой мѣрѣ и всѣ побочныя. Если она будетъ достигнута вполне, то достигшіе будутъ съ тѣмъ вмѣстѣ обладать и силою достичь любую изъ цѣлей побочныхъ, когда это окажется имъ нужнымъ, и останутся вмѣстѣ съ тѣмъ свободны во взглядѣ на все то, что въ языкѣ является на короткое время».

Въ прочихъ журналахъ къ языкознанію относятся слѣдую- щія статьи: *Объ историческомъ изученіи Русскаго языка.* (Опытъ

исторической грамматики Русскаго языка, сост. Ф. Буслевымъ), М. И. де Пуле (Совр. № 8); *Памятники древней Вавилонской письменности*, Д. Х. Хвольсона (Русск. вѣстн. № 9—11).

IX. КРИТИКА.

Въ отдѣлахъ критики словесныхъ произведеній явились между прочимъ слѣдующія статьи: *Что такое обломовщина?* (Обломовъ, романъ И. Гончарова «Отеч. зап.» 1859 г. № I—IV), Н. Б—ва (Совр. № 5); *Темное царство*. (Сочиненія А. Островскаго. Два тома), Н. Б—ва (ibid. № 7); *Великосвѣтскій романъ въ Англии* (Моск. вѣд. № 127 и 128).

X. БИБЛИОГРАФІЯ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

По отдѣлу библиографіи явились слѣдующія статьи: *Библиографическій указатель*. Исторія. — Изящная словесность. — Государственная наука. — Исторія литературы. — Философія и сочиненія разнаго содержанія (Моск. обозр. кн. I и II); *Библиографическія замѣтки*, Г. Н. Геннадіи и М. Н. Лонгинова (Моск. вѣд. № 109); *Библиографическія записки о новыхъ книгахъ*, И. И. Срезневскаго (Изв. Имп. акад. наукъ по отд. Русск. яз. и слов. т. VIII, вып. II).

Къ исторіи Русской литературы принадлежатъ слѣдующія статьи: *Ученническія тетради Лермонтова*, С. С. Дудышкина (Отеч. зап. № 7); *Некрологъ: С. Т. Аксаковъ и П. С. Савельевъ* (Биб. для чт. № 6); *Сенковский, журналистъ и повѣствователь*, Н. М. Лонгинова (Русск. вѣст. № 13); *Матеріалы для исторіи Русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка*, его-же (ibid. № 15); *Записки Гаврилы Романовича Державина* (Русск. бес. № 2, 3 и 4); *Письмо Василія Андреевича Жуковскаго о бракѣ его съ дѣвицею фонъ-Рейтернъ* (№ 3); *Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина* (Моск. обоз. т. II); *Неизданныя записки о Пушкинѣ*, Е. И. Якушкина (Моск. вѣд. № 107); *Послѣ похоронъ С. Т. Аксакова*, А. М. Жемчужникова (ibid. № 112); *О. М. Сомовъ* (Зол. руно № 22).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Имп. академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (т. VIII, вып. II), къ исторіи отечественной литературы принадле-

жать двѣ: *Планъ академическаго изданія сочиненій Державина*. Записка Я. К. Грота; *Замѣтка о В. К. Тредьяковскомъ*, И. А. Чистовича.

Къ исторіи литературы иностранной принадлежать слѣдующія статьи: *Чосеръ*, Шау (Библи. для чт. № 7); *Токвилъ*, (ibid. № 8); *Словенцы*. Очеркъ исторіи ихъ словесности, д-ра Клауна (Русск. бес. № 2); *Библиографическій обзоръ современной Славянско-й журналистики въ Австріи*, М. П—го (ibid. № 3); *Очерки современной 'Польско' литературы и журналистики*, В. И. Веселевскаго (ibid.); *Грузинская литература* (Кавк. № 42, 43, 49 и 50); *Король Лиръ по анализу Гервинуса* (Зол. руно № 17); *Натуральная школа въ Англіи* (Сынъ от. № 34).

XI. Изящная словесность.

Стихотворенія въ обозрѣваемый періодъ были слѣдующія: въ Современникѣ: *Сумасшедшій*, Я. П. Полонскаго (№ 5); *Подозрѣніе*, Н. О. Щербинны (ibid.); *Новая вѣсна*. Изъ Гейне, М. А. Михайлова (ibid.); *Черлы и пѣски*. Съ Нѣмецк. А. Н. Плещеева (ibid.); *«Кричатъ перепела, трещатъ коростели»*, А. А. Фета (№ 6); *Юность и старость*. Изъ Роберта Прутца, А. Н. Плещеева (ibid.); *Во снѣ*, Я. П. Полонскаго (№ 7); *Женщина*, его-же (ibid.); *Шаризма*, Поэма Байрона. А. А. Григорьева (№ 8).

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Эхъ-ма горе-доля*, М. А. Розенгейма (№ 6); *Послѣ избранія Саула*, Всеволода Крестовскаго (№ 8); *Побѣда Зоровавеля*, его-же (ibid.); *Къ Италіи*, П. М. Ковалевскаго (ibid.).

Въ Библиотекѣ для чтенія: *Стихотвореніе*, А. А. Фета (№ 5); *Избраніе Саула*. Съ Еврейскаго, Всеволода Крестовскаго (ibid.); *Сцены изъ трагедіи Шекспира: Отелло*, П. И. Вейнберга (ibid.); *Ледъ идетъ, рѣка тронулась*. Н. В. Берга (№ 5); *Вчера изъ оконъ мнѣ...* Н. Грекова (№ 6); *Дѣя эпиграммы*, Е. А. Баратынскаго (ibid.); *Къ Нинль* (изъ Альфреда Мюссо), П. Вейнберга (№ 7); *Берекскія мелодіи*, П. К—ва (ibid.); *Фейерверкъ*, Л. А. Мея (№ 8).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *леія*, М. П. Розенгейма (№ 9); *Не разъ, въ дурнѣ, познавшей смѣло*, К. К. Павловой (№ 10); *Б. У.* ея-же (№ 12); *Дѣя кометы*, ея-же (№ 14); *Что склонилась ты надъ рѣкою*, В. З. (№ 15); *На берегу Женевскаго озера*, А. Комарова (ibid.); *Скучно что-то стало по свѣту толкаться*, его-же

(*ibid.*): *Письмо къ ****, В. А. Жуковского (*№* 16); *Не отъ гоненій, не отъ злобы*, гр. А. К. Толстаго (*ibid.*); *Изъ Гервета*, его-же (*ibid.*); *Раскольникъ*, М. П. Розенгейма (*ibid.*).

Въ Русской бесѣдѣ: *Спасиба злобѣ хлопотливо!*, Е. Баратынскаго (*№* 2); *Подвигъ есть и въ сраженіи*, А. С. Хомякова (*ibid.*); *Два образа*, А. И. Одоевскаго (*ibid.*); *Далекій путь*, его-же (*ibid.*); *Путь ужь не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покою*, гр. А. Толстаго (*ibid.*); *Сижу да глжжу я все, братцы, въ эту сторонку*, его-же (*ibid.*); *И. С. Аксакову*, его-же (*ibid.*); *Старые листья* (*Изъ Салзета*), К. П. (*ibid.*); *Неизданное стихотвореніе Пушкина* (*№* 3); *Неизданное стихотвореніе Н. М. Языкова* (*ibid.*); *Я-ну, раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры*, А. И. Одоевскаго (*ibid.*); *Поле мертвыми костями...* А. С. Хомякова (*ibid.*); *Два Малороссійскія стихотворенія...* Т. Ш. (*ibid.*); *Одичалый...* О-ва (*ibid.*); *Заря*, Сь Хорватскаго М. П. (*ibid.*); *Славянскій поэтъ Русскому*, Сь Польскаго неизданнаго подлинника М. П. (*ibid.*); *Безумецъ! для чего намъ знать твои страданья*, М. П. (*ibid.*); *Неизданное стихотвореніе Жуковскаго* (*№* 4); *Совѣты*, К. С. Аксакова (*ibid.*); *Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ*, гр. А. К. Толстаго (*ibid.*); *Къ страданіямъ чужимъ ты жалости полна*, его-же (*ibid.*); *О еслибъ ты могла хотѣть на единый мнѣ*, его-же (*ibid.*); *Туманъ встаетъ на днѣ стремкииъ*, его-же (*ibid.*); *Обычной полная печалью*, его-же (*ibid.*); *А. Н. Вульфъ*, неизданное стихотвореніе Н. М. Языкова (*ibid.*); *Славянскія дѣвы*, А. И. Одоевскаго (*ibid.*); *А. Д. Б—ой*, К. К. Павловой (*ibid.*); *Много, сынъ мой, разныхъ книгъ*, Сь Чешскаго М. П. (*ibid.*).

Въ Сѣверной пчелѣ: *В. Г. Веббу*, Сь Англ. Ольги П. (*№* 168).

Въ Кіевскомъ телеграфѣ: *Усмарь*, старинное преданіе. Н. Слупскаго (*№* 13).

Въ Золотомъ рунѣ: *Молящейся дѣвущкѣ*, Ал. Сл. (*№* 18); *Несговорчивый дѣдушка*, Бочарова (*№* 19).

Въ Сынѣ Отечества: *Морской призракъ*, Изъ Гейне, Л. Мея (*№* 18); Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: *Панъ Тадеушъ*, его-же (*№* 22); *Облава*, Изъ Пана Тадеуша, его-же (*№* 23 и 24); *Канарейка*, Л. Мея (*№* 28); *Разбитый кумиръ*, В. Бенедиктова (*№* 36); *Свободный*, Переводъ изъ Беранже Л. Мея (*№* 37); *Аполлонъ*, Изъ Гейне, его-же (*№* 38); *Метла*, Переводъ изъ Беранже, его-же (*№* 39).

Въ Народномъ чтеніи: *Сплетня*, И. Ниятина (кн. 3);

Садокъ вишневымъ коло лати (ibid.); *Переводъ того же стихотворенія*, Л. Мея (ibid.); *Онъ у мене буѣзъ коняка*, Щоголева, съ переводомъ Л. Мея (ibid.); *Хустыча*, съ переводомъ того же автора (ibid.); *Разсказъ ящичка*, И. Никитина (ibid.); *А и красно ты солнце тыннее* (книжк. IV); *Народныя пьски Сербская и Литовская* (ibid.).

Прозаическую часть изящной словесности составляли слѣдующія оригинальныя произведенія:

Въ Современникѣ: *Московский кулець Яковлевъ* (Воспоминанія), А. И. Халютина (№ 5); *Винный акцизъ*, А. Панкратьева (ibid.); *Губернский карнавалъ* (ibid. и № 6); *Замѣтки новаго поэта* (№ 5, 6, 7 и 8); *Свои рубашка*. Разсказъ С. Т. Слоутинскаго (№ 6); *Очерки Кавказской военной жизни*, Н. С—ва (№ 7); *Дѣя жены*. Сцены С. Н. Федорова (ibid.); *Необыкновенный случай*. Быль И. В. Селъванова (№ 8); *Темникъ*. Разсказъ А. Ѳ. Полонскаго (ibid.).

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Сельцо Лысково*. Пов. И. Весеньева (№ 5); *Ловкіе люди*. I. *Саранча*. II. *Блѣмый*. III. *Экзотической*. И. М. (ibid.); *Деревенскія письма*, VII, VIII, П. С. (№ 6); *Первый день службы*. Сцены изъ Петербургской жизни (ibid.); *Изъ моего прошлаго* (ibid.); *Мертвое тѣло*. Разсказъ И. Салова (№ 7); *Ученье — свѣтъ, неученье — тѣма*. Сцены В. Осипова (ibid.); *Зайчиковъ*. Разсказъ Куку (№ 8); *Записки покойнаго*. Военный бытъ. Кн. Р. Имеретинскаго (ibid.).

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Исторія одной хлѣбной операціи*, А. Д. Юдина, (№ 6 и 7); *Война и плынь*, М. А. Венецкаго (№ 6); *Зерловскій*. Пов. Ив. Весеньева (№ 8); *Любовь дворовыхъ*. Разсказъ Всеволода Крестовскаго (ibid.).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Гора Космай*, П. С. Сретъковича (№ 9); *Миражъ*, Ольги Н. .. (ibid. и № 10); *Женщина и любовь по понятіямъ г. Мишле*, Евгениі Туръ (№ 11); *Картины прошлаго*, Штрафной (ibid.); *Родственники*. Повѣсть Н. И. О—ова (№ 12 и 13); *Блѣдность*. Повѣсть Н. Николаенко (№ 14); *Любовь или дружба?* Отрывокъ изъ воспоминаній моей знакомой. Камской (№ 13); *Изъ Московскихъ записокъ*, Н. Ф. Павлова (ibid.); *По дороге*, А. Д. З. (№ 16).

Въ Русской бесѣдѣ: *Годы въ школь* (184... года), Н. Бницина (№ 2); *Маша*. Разсказъ Марко Вовчка (ibid.); *Изъ «Книги объ умирающихъ»*: *Госпожа Шадейкова*, Н. Щедрина (ibid.).

Въ Сѣверной пчелѣ: *Недоразумѣніе* (№ 97—100, 102 п

104); *Загробный скупецъ*. Разсказъ (№ 138); *Встрѣча на островѣ Тиволи* (№ 176, 177, 178 и 179).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Спеціалисты*, Г. П. Иванова (№ 111); *Разсказы изъ всенедневной жизни*, Г. Е. Гордѣнко XXI—XXII, (ibid. и № 118).

Въ Одесскомъ вѣстникѣ: *Сцены подь Одессою* (№ 49 и 50); *Отставной Одесситъ*, Днѣстровскаго (№ 78); *Изъ воспоминаній старожила*, А. (№ 85).

Въ Кіевскомъ телеграфѣ: *Ростовщики* (№ 11).

Въ Золотомъ рунѣ: *Любовь и смерть*. Разсказъ И. III—на (№ 19—23).

Въ Сынѣ отечества: *Современный очеркъ* (№ 18); *Напрасная печаль* (№ 20, 21 и 22); *Нахльбникъ* (№ 23); *На чужой коровой рта не разъвай* (№ 24); *Альбомъ* (№ 26); *Съ натуры* (№ 27); *Внучка* (№ 28); *Не все то—золото, что блеститъ* (№ 29); *Червоточина* (№ 34); *Ключница*. Разсказъ (№ 35); *Сельскіе очерки* (№ 37); *Разсказы изъ народнаго быта* (№ 39).

Въ Русской живописной библиотекѣ: *Приключеніе охотника*. Сказка (№ 19).

Въ Народномъ чтеніи: *Какъ быть съ дорогой водной*, А. Разина (кн. 3); *Саша*, Марко Вовчка (ibid.); *Крестьянскія письма* (ibid.); *Шелковый платокъ*. Деревенская быль М. Михайлова (кн 4).

Изъ переводныхъ произведеній укажемъ на слѣдующія:

Въ Современникѣ: *Виргинцы*. Романъ В. М. Тэккерера (№—58).

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Леди Ледлоу*. Романъ изъ журнала Диккенса (№ 5); *Повѣсть о двухъ городахъ*. Романъ Чарльза Диккенса (№ 6 и 8); *Местъ и примиреніе*. Пов. Адама Веттерберга (№ 7); *Адамъ Бидъ*. Романъ Джорджа Эліота (№ 8).

Въ Библиотекѣ для чтенія: *Маргарита Готье*. Романъ А Дюма—сына (№ 5); *Тадеушъ безыменный*, Соч. Юсифа Корженевскаго. Переводъ съ Польскаго (№ 6); *Подъ липами*. Романъ. Соч. Альфонса Карра (№ 7); *Карлъ Второй и его дворъ*. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. А. Мюльбаха. Перев. съ Нѣмцакаго (№ 8).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Бобъ-Рокъ*. Эпизодъ изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году. Соч. Чарльза Сильсфильда. VI—XVI (№ 9—11); *Адамъ Бидъ*. Романъ Джоржа Эліота (№ 14 и 16).

XII. Свободныя художества.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи. *Художественная выставка въ С. Петербургѣ*, М. (Совр. № 7);

Сербская церковная музыка и Сербскій композиторъ Корнелій Станковичъ. Письма въ редакцію изъ Вѣны С. Павловича и Родолюбца (Русск. бес. № 3); *Значеніе Византійской живописи въ исторіи искусства*, Э. Д. М. (съ примѣчаніемъ отъ редакціи) (ibid. № 4); *Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея графа Ѳ. П. Толстаго*, 16 мая 1859 г. (С. Пб. вѣд. № 113); *Три картины Михаила Никифоровича Воробьева* (ibid. № 116); *Письмо изъ Авиня* (ibid. № 118); *Профессоръ Рамазановъ* (Русск. инв. № 117); *Мозаика* (Сѣв. пчела № 141); *Живописное обозрѣніе*, А. Б—скаго (Одесск. вѣстн. № 47); *Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской академіи художествъ* (Зол. руно № 19); *О памятникахъ Минину и князю Пожарскому въ Нижнемъ-Новгородѣ* (Сынъ от. № 37); *Характеристика музыканта*, Ф. Листа (Русск. жив. библ. № 17 и 18).

Въ театральномъ и музыкальномъ вѣстникѣ помѣщены: *Театральная летопись*, А. Г—фова и М. Раппапорта (№ 17, 18, 19, 20, 22, 33, 34, 37 и 38); *Полина Віардо Гарсія*, Ф. Листа (№ 17, 18 и 19); *Мазена*, А. Сѣрова (№ 18); *Фридрихъ Флотовъ*, А. В. (№ 19 и 20); *Характеристика современныхъ артистовъ С. Петербургскихъ театровъ*, Ф. В. (№ 20); *Гамлетъ*, Лудвига Берне (№ 21); *Мейерберъ* (№ 21 и 22); *Нѣсколько словъ старому театру* (№ 21); *Матеріалы къ исторіи и теоріи смычковыхъ инструментовъ* (№ 22 и 27); *Шопенъ* (№ 22); *Заграничныя письма*, А. Сѣрова (№ 23, 24, 25, 28 и 31); *Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій* (№ 24); *Любовь артиста* (№ 25); *Воспоминанія музыканта Адольфа Адана* (№ 26, 29—35); *Замѣтки Берліоза* (№ 27); *Моцартъ и Лерхенфельдскій арфистъ* (№ 27); *Путевыя замѣтки*, М. Раппапорта (№ 28 и 30); *Гендель* (№ 32); *Счастливая минута въ жизни Бетховена* (ibid.); *Густавъ Рожсе* (№ 33); *Женки Лилдъ* (ibid.); *Размышленія и софты объ искусствѣ пльня* (№ 37); *Робертъ Францъ* (ibid.).

— «Значеніе Византійской живописи въ исторіи искусства». — «Живопись древне-христіанская, до начала VII вѣка, была одна, какъ для восточной имперіи, такъ и для Италіи. Съ этого времени, или еще со второй половины VI, измѣняется положеніе вещей. Въ царствованіе Юстиніана, востокъ получилъ тотъ порядокъ и видъ, въ которомъ остался и въ послѣдующіе вѣка, а духовный строй Византіи принялъ извѣстныя, опредѣленныя формы, которыя сохранились за церковью навсегда. Для Италіи, напротивъ, насту-

пило время самого глубокаго униженія. Побѣдамъ Юстиніана надъ Остъ-Готами послѣдовало вторженіе Лонгобардовъ и самое насильственное раздѣленіе страны: Лонгобардамъ досталась середина полуострова, а къ Византіи отошли важнѣйшіе берега съ приморскими городами и острова. Угрожаемые безпрестанно Лонгобардами, они принуждены были все болѣе и болѣе прилѣпляться къ Византіи, которая одна могла защитить ихъ. Въ это-то несчастное время туземное просвѣщеніе Италіи и искусство унали до того, что необходимо было заимствовать и возобновлять ихъ съ востока; вотъ почему стиль, который господствовалъ съ VII вѣка въ Римѣ и Неаполѣ, въ Апуліи, Калабріи и Сициліи, въ Равеннѣ и Пентаподіи, въ Генуѣ (временно), въ рождающейся и впослѣдствіи столь важной въ искусствѣ Венеціи,—былъ Византійскій. Византійскіе художники приходили для работъ на западъ; всѣ церковные заказы, отъ церковныхъ подсвѣчниковъ и капителей колоннъ до иконъ, были дѣланы въ Византіи; особенно расходились живописныя работы изъ монастырскихъ мастерскихъ Константинополя, Фессалоники и Аѳонской горы. Многіе западные художники учились въ этихъ школахъ и приносили съ собою на родину то же искусство. Такую связь между Италіей и Константинополемъ нисколько не поколебали и не ослабили завоеванія Карла Великаго, тѣмъ болѣе, что вся южная Италія и Венеція оставались недоступными его оружію. Невозможно допустить, чтобы въ это время искусство туземное вымерло совершенно; а потому и Византійское вліяніе, хотя неоспоримо и ясное, въ разныхъ мѣстахъ и въ разные времена высказывалось съ болѣею или меньшею силой. И если мы не можемъ считать всѣ произведенія, отъ VII до IX вѣка, за совершенно, исключительно-Византійскія, то въ IX вѣкѣ, положительно, всѣ мозаическія работы въ Италіи прекратились, а когда вновь пробудилась потребность искусства, ей нужно было прибѣгать къ Византіи. Обыкновенно Византію обвиняютъ за то, что она смотрѣла на искусство, какъ на ремесло. Но такой взглядъ не есть исключительно-Византійскій, и онъ не былъ новостью VII вѣка: мозаика, главная живопись тѣхъ временъ, и прежде исполнялась ремесленниками, по свойству самихъ мозаикъ. И при томъ надо замѣтить, что отъ VI до XI и даже до XII вѣка, ни пониманіе искусства, ни его техника, нигдѣ не были выше; что если въ Византіи не было художниковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова то не было и не могло ихъ быть нигдѣ: художникъ безъ націо-

нальной почвы не можетъ явиться. Конечно, не монастыри, а національности должны быть мастерскими челоѣчества,—но ихъ-то и недоставало тогда. Именно, съ того времени, какъ въ XI вѣкѣ установилась народность Германіи, или какъ въ XII вѣкѣ Римляне, приправленные восточными и сѣверными толпами, перебродили въ Итальянцевъ, а Римская почва въ Романскую, и возникло тамъ и тутъ національное искусство, — прямое вліяніе Византіи слабѣетъ и служитъ только грунтомъ, которымъ народъ, какъ художникъ, пользуется уже самобытно, хотя болѣе или менѣе удачно. Нѣмецкіе писатели не отдають должной справедливости Византійской живописи. Куглеръ видитъ въ ней только онѣмѣніе и омертвѣніе. Шпрингеръ, въ своихъ Kunst-historische Briefe, смотритъ на вещи безпристрастнѣе и говоритъ: «судьба Византійскаго искусства была связана съ судьбою Византійскаго царства; въ своемъ отечествѣ оно погубило отъ варварства, уступивъ на западѣ движеніямъ національнымъ. Но оно воспрепятствовало совершенному прекращенію художественной дѣятельности и спасло какъ внѣшнее мастерство, такъ и идеальные типы. Въ этомъ главная его заслуга, его историческій смыслъ—смыслъ церковно-архаистическаго искусства». Дѣйствительно, еслибы судьба Византійскаго царства была подобна судьбѣ Италіи, гдѣ, какъ мы видѣли, искусство поддерживалось Византіей, и еслибы просвѣщеніе, а съ нимъ и живопись, не укрылись въ монастыри, которые сохранили духовную жизнь, сохранили технику, сохранили типы, то, конечно, и судьба новаго искусства была бы инокъ, оно не могло бы подняться въ XVI вѣкѣ на ту высоту, на которой мы его находимъ. Это истина, не подлежащая сомнѣнію. Кромѣ-того, что надо было бы еще отыскивать и разрабатывать внѣшнюю, матеріальную часть искусства, но и внутреннее его содержаніе надо было бы вновь разглядѣть, вновь прочувствовать и опредѣлить, что въ XVI вѣкѣ, какъ болѣе удаленномъ отъ начала новой жизни челоѣчества, было бы гораздо труднѣе, нежели въ VI. Представимъ совершенное прекращеніе искусства на два столѣтія, и мы увидимъ себя въ полномъ разрывѣ со всѣмъ прошедшимъ, которое навсегда останется для насъ непонятнымъ. Такъ христіанскіе типы, созданные въ IV и V вѣкахъ, сохраненные ремесленниками, вновь могли воскреснуть подъ кистью художниковъ XV и XVI вѣковъ. Прослѣдимъ нѣкоторые изъ нихъ. Типъ апостола Петра въ первый разъ опредѣляется въ Равеннскомъ соборѣ (V вѣк.). Тутъ онъ

представленъ старцемъ, но еще безъ характеристической его лысины. На мозаикѣ SS. Cosma e Damiano, въ Римѣ (526—530) онъ уже съ лысиной и съ знаменательнымъ клокомъ волосъ на лбу. Такимъ узнаемъ мы его опять на всѣхъ картинахъ новаго искусства. Ключи у Петра—либо у Павла встрѣчаются въ V вѣкѣ, на мозаикѣ San Paulo fuori le mura, въ Римѣ (440—462), тутъ же въ первый разъ представлены ангелы крылатыми юношами въ долгой одеждѣ. Образы ангеловъ вообще очень рѣдки въ древне-христіанской живописи. Въ SS. Cosma e Damiano апостолъ Павелъ изображенъ съ короткими темными волосами и темной бородой. Не такимъ-ли представленъ апостолъ языковъ, напр.: въ картинѣ св. Цецилія Рафаэля, или въ знаменитой картинѣ Ефесской проповѣди Ле-Сюэра? Типъ Христа въ живописи первыхъ вѣковъ согласенъ съ письмомъ Лентула къ Римскому сенату: «Онъ человѣкъ высокаго роста, съ лицомъ строгимъ и величественнымъ, внушающимъ любовь и страхъ; его волосы цвѣта вина (вѣроятно, очень темный цвѣтъ), ровны и гладки до самыхъ ушей, оттуда-же ниспадаютъ волнообразны и блестящи; они раздѣлены на головѣ по обычаю Назореевъ. Лобъ ровный и ясный, лице безъ пятенъ, съ пріятнымъ умѣреннымъ румянцемъ. Выраженіе его благородно и привлекательно; носъ и ротъ безпорочны, борода густая и темная, одного цвѣта съ волосами головы, раздвоена по срединѣ, глаза голубые, блестящіе.... Онъ лучше всѣхъ сыновъ человѣческихъ». Не такимъ-ли воскресаетъ этотъ типъ въ Христѣ Тиціана или въ знаменитой Тайной Вечери Леонарда? Древне-христіанскую живопись можно сравнить съ цвѣткомъ, засушеннымъ въ монастырскомъ архивѣ, но который опять ожилъ, какъ только повѣяло новой художественной жизнию. Высыхая, онъ, безъ сомнѣнія, постоянно терялъ свою свѣжесть и могъ-бы совершенно превратиться въ пыль, еслибы.... не было новой исторіи. Но и новая исторія, безъ сѣмянъ этой сухой травки, не скоро-бы выросила свое великолѣпное дерево! Этого, однако, мало. Сохраненіе техники и идеальныхъ типовъ, признанное Шпрингеромъ за Византійскимъ искусствомъ, не единственная его заслуга, и намъ кажется, что именно въ это болѣзненное время, въ этотъ періодъ ремесленный совершилась надъ нимъ та существенная и окончательная операція, которая изъ древняго искусства сдѣлала его новымъ, что тутъ только освободилось оно вполне отъ элементовъ античныхъ, не прежде и не послѣ. Если прежде, то когда-же? въ періодъ симво-

лическихъ агнецвъ, Меркуріевъ и Орфеевъ? и не послѣ XII вѣка, потому-что въ вѣкѣ XIII снова воскресаетъ древній міръ для человечества, а для живописи наступаетъ время изученія антиковъ, которое придало искусству великую силу, но за то смѣшало пророковъ съ сибиллами. Переворотъ, совершившійся для живописи въ періодъ Византійскій, былъ не внѣшній, не техническій, но внутренній, въ самомъ содержаніи искусства. Византія подарила живописи цѣлый легендарный, своеобразно-поэтический міръ монаховъ, отшельниковъ, пустынниковъ, затворниковъ, столпниковъ, блаженныхъ; пустынническую жизнь со всѣми ея созерцаніями и чудесами, тотъ міръ, который далъ обильную пищу всему новому искусству, и безъ котораго не обходится ни одна картинная галерея въ Европѣ. Монаховъ и пустынниковъ мы, правда, находимъ на мозаикахъ V и VI вѣковъ, но ихъ изображали не иначе, какъ уже просвѣтленными, блаженными: они предстоятъ престолу Христа, а не въ минуту ихъ подвига. Мы видимъ ихъ спокойные лики, но не видимъ ихъ жизни. Они окружены вѣнцами славы, но мы еще не знаемъ, за что? Они для насъ лица, ничѣмъ съ нами не связанныя. Дѣла жизни въ подвигѣ еще нѣтъ нигдѣ, смыслъ пустынь и смыслъ самой жизни христіанской впервые получаетъ свое выраженіе въ живописи Византійской, вмѣстѣ съ подвигами мученичества. Но это уже показываетъ цѣлое новое начало искусства, духовное, которое мы, для большей опредѣленности, назовемъ *началомъ страданія*: потому-что оно проявляется для человѣка въ борьбѣ и въ подвигѣ надъ самимъ собой. Хотя эта черта, какъ фактъ, не ускользнула отъ вниманія ученыхъ Нѣмцевъ, хотя и они замѣтили въ древне-христіанской живописи одно проявленіе, а не самую борющуюся жизнь, — но не воздали ей должной чести, между-тѣмъ-какъ она-то и составляетъ *все и единственное* отличіе не только Византійскаго, но и нашего искусства отъ античнаго. Полнота внѣшней красоты, гармонія формъ, духъ заколдованный формой, равновѣсіе внутренняго и внѣшняго человѣка — таковъ характеръ древняго искусства. Образы его всегда радостно-покойны, движеніе ихъ плавно и важно, они довольны собой, своимъ процвѣтаніемъ, имъ хорошо. Они рѣдко дѣйствуютъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы въ античномъ искусствѣ не было сильной драмы, но художественное и религиозное чувство довольствовались статуарно-покойнымъ изображеніемъ божества: въ его внѣшнемъ видѣ ясно и полно высказывалось его внутреннее бы-

тіе. Боги и полубоги въ величіи спокойномъ наслаждаются славою, счастьемъ и силою жизни; когда-же страдаютъ они, то внѣшнимъ страданьемъ и отъ внѣшней причины боли; художникъ-же заставляетъ ихъ страдать только для того, чтобы яснѣе и разительнѣе показать все совершенство ихъ чудныхъ членовъ и всю внѣшность ихъ мученій. Какъ судьба замѣняла волю въ древней трагедіи, такъ внѣшній случай есть причина страданій въ античной пластикѣ. Новое искусство первыхъ вѣковъ, еще не освободившееся отъ вліянія прежняго, представляло и христіанскія лица не иначе, какъ прославленными, статуарно-покойными, блаженными. Еще художественное сознаніе не вмѣщало перехода отъ славнаго полубога къ безславному, страдающему Богу, между-тѣмъ-какъ нравственный идеаль челоуѣка давно уже измѣнился. Христіанское ученіе о неполнотѣ земаго существованія, о разладѣ души и тѣла, о тщетѣ міра и его сокровищъ, о лишеніяхъ, о самонсправленіи испытаніями, о жертвѣ, необходимости исканія лучшаго міра и т. д. высказалось только въ Византійской живописи, въ ней-же и первое распятіе. Куглеръ очень справедливо говоритъ: «было въ природѣ молодого искусства, только-что оторваннаго отъ языческаго служенія, выставлять преимущественно не страданіе, но всемогущество новаго Бога». Но странно, что онъ не сдѣлалъ дальнѣйшаго вывода изъ своихъ-же словъ, т.-е. что окончательное, внутреннее освобожденіе искусства отъ язычества совершилось только въ Византіи и, именно въ изображеніи жизни, подвиговъ, мученій и распятія! Уже внѣшнее прославленіе красоты челоуѣческаго тѣла не имѣло смысла; совершился основной переворотъ въ понятіяхъ объ изящномъ и не изящномъ: красота внутренняя стала выше наружнаго совершенства и преобразовала его; въ грубой оболочкѣ ницется возвышенный духъ, въ переходящемъ непреходящее, вѣчное достоинство челоуѣка. Но въ чемъ-же преимущественно выражается внутреннее достоинство: въ поступкѣ, въ жизни. Что можетъ говорить воображенію истощенный, сосредоточенный, смиренный, бѣдный, невпдный и еще умышленно-скрывающийся образъ христіанскій, если онъ не представленъ въ такомъ подвигѣ, который превышаетъ его видимую силу? Въ такомъ взглядѣ на вещи заключается уже невозможность широкаго развитія скульптуры въ новомъ искусствѣ, огромный перевѣсъ надъ нею живописи, меньшее значеніе челоуѣческаго лица, т.-е. внѣшняго его вида, бѣльшее значеніе жизни. Но *первая* поняла это Византія,

не художественно, правда, но для искусства: она дала искусству тему, предоставивъ исполненіе будущимъ художникамъ».

XIII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Въ Журналѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій явились слѣдующія статьи: *О Бальтійскомъ портѣ и учрежденіи тамъ военной гавани*, барона Розена (книж. 3); *Тріестскій портъ*, Гейдателя (ibid.); *Кремлинскій виадукъ*, Шуберскаго (ibid.); *Аркольскій мостъ чрезъ Сену въ Парижъ*, его-же (ibid.); *О вычисленіи разстояній на земной поверхности по географическимъ координатамъ*, В. Шереметевскаго (ibid.); *Объ устройствѣ новаго открытаго Ладожскаго канала* (ibid.); *Перестройка наменнаго моста въ Мвчикос* (ibid.); *Новыя улучшенія въ телеграфъ Морзе* (ibid.); *О соединеніи Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ посредствомъ водянаго сообщенія* (ibid.); *Литоеническія постройки по способу Робателя* (ibid.); *Сборъ въ пользу города Перми съ судовъ и пароходовъ* (ibid.); *Способъ экономическаго распредѣленія матеріаловъ при устройствѣ высокихъ каменныхъ опоръ* (ibid.); *Испытаніе желѣзныхъ мостовъ* (ibid.); *Пропитываніе дерева для предохраненія его отъ гніенія* (ibid.); *Сопротивленіе трубъ поперечному сдавливанію* (ibid.); *Тарифъ на перевозку различныхъ грузовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ товарныхъ поездахъ, на все разстояніе отъ С. Петербурга до Москвы, или отъ Москвы до С. Петербурга* (ibid.); *Перечень важнѣйшихъ сооружений и работъ, производящихся въ 1859 г. по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій* (ibid.); *Составъ новѣйшихъ системъ мостовъ, ихъ размѣры, прочное сопротивленіе и цѣнность* (ibid.); *Свѣдѣнія о судоходствѣ по Невѣ со времени открытія навигаціи, т.-е. съ 15 апрѣля по 1 августа 1859 г.* (ibid. в кв. 4); *Движеніе товаровъ и грузовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ мартъ, апрѣль, май и іюнь мѣсяцахъ 1859 г.* (ibid.); *О гидротехническихъ работахъ къ улучшенію судоходства въ устьяхъ Дуная*, бар. Тизенгаузена (кн. 4); *Изнашиваемость рельсовъ Николаевской желѣзной дороги и о приблизительномъ исчисленіи количества, потребнаго для ежегоднаго ремонта*, Серебрякова (ibid.); *Устройство и ремонтъ мостовъ Американской системы Гау на желѣзныхъ дорогахъ Германіи*, Шуберскаго (ibid.); *Матеріалы для исторіи строительнаго дѣла въ Россіи*, Дурова (ibid.); *Теорія и устройство электромагнитныхъ телеграфовъ*, М. Паррота (ibid.); *Позолота мѣдныхъ листовъ для кровель Петропавловскаго собора въ С. Петербургской крѣпости*, Арнольда

(*ibid.*); *Венеція* (*ibid.*); *О завалахъ съ горы Казбека* (*ibid.*); *Краткій общій обзоръ дѣйствій и положенія XII округа путей сообщенія, за 1858 г.* (*ibid.*); *Конководныя машины* (*ibid.*); *Средство для очистки мелей на фарватеръ Волги* (*ibid.*); *Извлеченіе изъ отчета главнаго общества желѣзныхъ дорогъ за 1858 г.* Въ отдѣлѣ Библиографіи разсмотрѣны три новыя изданія на Французскомъ языкѣ (кн. 3 и 4).

— «О Балтійскомъ Портѣ и учрежденіи тамъ военной гавани». — «Въ верстахъ 45 отъ Ревеля, на самомъ берегу Финскаго залива, у бухты, называемой Рогервикъ, лежитъ Балтійскій Портъ, заштатный городокъ Эстляндской губерніи, имѣющій 413 жителей обоего пола, 82 небольшихъ довольно-обветшалыхъ домовъ, изъ которыхъ только 60 въ такомъ еще положеніи, что могутъ быть обитаемы, и двѣ церкви: православную, съ приходомъ не болѣе 53 душъ, и лютеранскую, съ приходомъ нѣсколько болѣе. Мѣстоположеніе городка и окрестностей плоско и однообразно; бесплодная равнина, по большей части пустопорожнія, только мѣстами обросшія кустарникомъ или рѣдкимъ мелкимъ лѣсомъ, стелятся кругомъ; вдали виднѣтся нѣсколько жилыхъ и нѣкоторыхъ другихъ строеній. Но это, какъ казалось-бы не щедро надѣленное судьбою мѣсто, замѣчательно однако, въ нѣкоторой степени, небольшою деревянною гаванью, доступною въ большую часть зимы для кораблей. Рогервикская бухта весьма короткое время бываетъ покрыта льдомъ, а въ иные годы даже вовсе не замерзаетъ, поэтому гавань приноситъ нѣкоторую пользу торговлѣ, и даже торговлѣ самой столицы, служа пристанищемъ и мѣстомъ перезимовки для купеческимъ кораблей, которые раннеею весною или позднею осенью, за льдами, не могутъ достигать Кронштадта или Ревеля. Товары, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно выгружаются и доставляются въ столицу гужемъ, какъ это бываетъ съ привозными свѣжими фруктами и устрицами. Продукты эти являются на Петербургскихъ рынкахъ въ такое время, когда Кронштадтскій портъ еще закрытъ для входа судовъ. Несравненно въ высшей степени замѣчательна бухта сама по себѣ. Устроенный въ ней небольшой портъ остался единственнымъ полезнымъ результатомъ обширныхъ работъ, предпринятыхъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія императоромъ Петромъ Великимъ и продолжавшихся послѣ него въ царствованія императрицъ Елисаветы и Екатерины, съ цѣлію учредить здѣсь главную военную гавань Россіи, а бухту

обратить въ удобный и безопасный рейдъ. Дѣйствительно, едва ли сыщется рейдъ удобнѣе здѣшняго, не только въ Балтійскомъ морѣ, но даже во всей Европѣ. Бухта столь обширна, что можетъ вмѣщать огромнѣйшіе флоты. Грунтъ для якорной стоянки наилучшій: вязкая глина зеленоватаго цвѣта съ иломъ и пескомъ. Сюда заходитъ, или, лучше сказать, пробирается, во время осенней навигаціи, значительное число кораблей, чтобы укрыться отъ бурь и выждать лучшаго времени; но не было примѣра, чтобы хотя одинъ изъ нихъ сорвался съ якоря даже при жестокихъ сѣверныхъ вѣтрахъ, противъ которыхъ мѣстность представляетъ всего менѣе защиты. Авторъ описываетъ съ подробностію эту бухту; потомъ излагаетъ ходъ работъ, произведенныхъ въ прошломъ столѣтіи, въ исторической ихъ послѣдовательности, и описываетъ проекты и родъ предполагавшихся построекъ; на послѣдокъ объясняетъ причины безуспѣшности ихъ выполнения и собственныя его предположенія, какими способами можно осуществить имѣвшееся въ виду великое предпріятіе, при всѣхъ трудностяхъ, противопоставленныхъ природою и мѣстностью. Статья заключена слѣдующимъ выводомъ: «Балтійскій портъ безспорно есть пунктъ, превосходящій всѣ другіе въ выводахъ учрежденія главнаго военнаго порта на Балтійскомъ морѣ, не смотря ни на большія мѣстныя трудности, неодолимыя для прежнихъ строителей, ни на многіе недостатки и на важное обстоятельство, что одного изъ главнѣйшихъ строительныхъ матеріаловъ, дѣса, вовсе не имѣется вблизи его».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ математическимъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Астрономическія и геодезическія работы въ Россіи* (Русск. инв. № 141); *Зрительныя трубки и астрономическія открытія, совершенныя посредствомъ ихъ* (Журн. военно-учебн. зав. № 550).

XIV. Военныя науки.

Въ Военномъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Походъ въ 1845 году въ Дарго*, А—Д. Т. (№ 5); *Замѣтка по поводу статьи: «О производствѣ въ чины во Франціи»*, Н. О. (ibid.); *Назначенія, данныя графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ и офицерамъ 12-й пѣхотной дивизіи*. Сообщ. г. Д. (ibid.); *Нѣсколько мыслей объ организаціи пѣхоты*, А. Р. Д.—на (ibid.); *Еще нѣсколько словъ по поводу статьи: «О пользѣ обученія всей массы*

Русскихъ войскъ, помѣщенной во 2 № «Военнаго сборника» 1858 г., И. И. (ibid.); *Опытъ первоначальнаго обученія казаковъ въ г. Уральскѣ*, А. Чеботарева (ibid.); *О снабженіи войскъ лошадьми*, М. Золотарева (ibid.); *Замѣтки о продовольствіи кавалеріи фуражемъ*. А. С. (ibid.); *Воспоминанія о Балаклавскомъ дѣлѣ 13 октября 1854 г.* Разсказъ очевидца. Корнбутъ-Кубитовича (ibid.); *Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ стрѣлковой офицерской школѣ въ 1858 и 1859 годахъ*, Островерхова и Ларионова (ibid. и № 6, 7 и 8); *Обзоръ сѣверной Италіи*, Н. Глинцецаго (№ 5); *Военное обозрѣніе*, его-же (ibid. и № 6, 7 и 8); *Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ. Гергебиль, Низовое и Зырянны. Околыничаго* (№ 6); *О конной артиллеріи*, Л. Штурмера (ibid.); *Полковыя библіотеки на Кавказѣ*, Н. Абельдяева (ibid.); *Историческое преданіе о событіи 1757 года*, М. Семевскаго (ibid.); *Офицерскіе столы въ Пруссіи*. Извѣстіе изъ Берлина (ibid.); *Разсказъ пастуна*. Изъ былаго. Петра Андреевича (ibid.); *Французскія военныя школы*. Письма изъ Парижа, Л. де—Р. (ibid.); *О сближеніи Горцевъ съ Русскими на Кавказѣ*, С. Иванова (ibid.); *Очерки хозяйства армейскаго пѣхотнаго полка*, М. Аполева (№ 7); *О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ, приведенныхъ въ правильную систему и примененныхъ къ дѣйствіямъ армій вообще и нашихъ Русскихъ въ-особенности*, кн. Голицына (ibid.); *Нѣсколько словъ о распространеніи коннозаводства въ Россіи*, Кавалериста (ibid.); *Замѣтка по поводу статьи: «О снабженіи войскъ лошадьми»*, Коннозаводчика (ibid.); *Экспедиція въ Аргунское ущелье съ 15 января по 18 апрѣля 1858 года*, К. Дидимова (ibid. и № 8); *Краткій обзоръ дѣйствій комитетовъ, учрежденныхъ при военномъ министерствѣ, съ 1854 по 1858 годъ* (№ 7); *Французскіе офицеры* (Письмо изъ Парижа), Л. де—Р. (ibid.); *Случай изъ солдатской жизни*, Вольноопредѣляющагося Н. Карзунова (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу статьи г. А. Орда, помѣщенной въ 4 № журнала «Военный сборникъ» 1858 г. подъ заглавіемъ: «Замѣтки инженера о причинахъ взятія Малахова кургана»*, Артиллериста (ibid.); *По поводу статьи: «О сближеніи Горцевъ съ Русскими на Кавказѣ»*, Н. Августиновича (ibid.); *Французскій солдатъ* (Письма изъ Парижа), Л. де—Р. (№ 8); *Нѣсколько словъ о системѣ обороны Севастополя, по поводу статьи: «Замѣтки о Крымской войнѣ»* (ibid.); *Замѣчанія по поводу статьи: «Нѣсколько словъ объ организаціи пѣхоты»*, Стрѣлка (ibid.); *Объ отношеніяхъ покупки ремонтовъ къ современному со-*

стоянтію нашего коннозаводства, М. Гечевича (ibid.); *Человѣкъ съ честными намѣреніями* (ibid.); *Принцъ Нассау-Зигенъ*, М. Ф. Б. (ibid.).

— «Французскія военныя школы».—Въ этомъ письмѣ авторъ говоритъ объ *Ecole de Saint-Syr*, *Ecole Polytechnique*, *Ecole d'Etat de major*, и, кромѣ описанія характеристическихъ чертъ домашняго ихъ быта, указываетъ въ нихъ на явленія и типы, которые встрѣчаются и въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. «*Сенъ-Сирская школа*, основанная Наполеономъ I, имѣла цѣлью приготовленіе офицеровъ для пѣхоты и артиллеріи. Во время реставраціи она также подверглась измѣненіямъ и стала готовить только пѣхотныхъ офицеровъ; желающіе служить въ кавалеріи должны были, по пробытіи двухъ лѣтъ въ училищѣ, провести еще два года въ Сомиюрѣ для изученія верховой ѣзды въ тамошней школѣ, и послѣ этого уже производились въ офицеры. Въ настоящее время Сенъ-Сирская школа состоитъ изъ 2 частей, пѣшей и конной, недавно учрежденныхъ маршаломъ Сенъ-Арно. Поступающіе въ школу должны выдержать установленный экзаменъ и имѣть не менѣе 16 и не болѣе 20 лѣтъ (*). Только имѣющіе степень *bachelier des sciences* (извѣстная степень, даваемая при выпускѣ изъ коллегій) допускаются къ экзамену. Сенъ-Сирская школа находится подъ управленіемъ генерала и въ строю составляетъ баталіонъ (**). Воспитанники дѣлятся на двѣ категоріи: 1) на старыхъ (*les anciens*), т. е. пробывшихъ уже одинъ годъ въ школѣ и находящихся во 2 классѣ (старшемъ); они составляютъ въ строю 1-й полубаталіонъ; 2) на рекрутъ (*les recrues*), находящихся въ 1 классѣ (младшемъ); они составляютъ въ строю 2-й полубаталіонъ. Баталіонъ раздѣляется на 8 ротъ, вѣрнѣе взводовъ, по 4 въ каждомъ полубаталіонѣ. Роты управляются капитанами, имѣющими подъ своимъ начальствомъ одного поручика, одного помощника и такъ-называемый *кадръ*, составленный изъ лучшихъ воспитанниковъ старшаго класса. Баталіонъ имѣетъ знамя, съ громкою надписью: «Они учатся для того, чтобы побѣждать» (*Ils s'instruisent pour vaincre*), и замѣчательнъ своею ловкостью во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ. Вновь поступающіе поручаются для обученія воинскому строю старымъ воспитанникамъ, такъ-что каждый изъ нихъ имѣетъ своего учителя. Кромѣ-того, всѣ цѣшіе учатся

(*) Исключая солдатъ, которые могутъ поступать до 25 лѣтъ.

(**) Комплектъ ея 250 человекъ.

ѣздить верхомъ. Воспитанники конной части составляютъ въ строю эскадронъ; они производятъ свои воинскія упражненія отдѣльно отъ пѣшей школы; но во всемъ остальномъ находятся вмѣстѣ. Что до ученаго образованія, то въ Сень-Сирской школѣ оно довольно поверхностно и военная или, вѣрнѣе, фронтовая сторона образованія развита въ ущербъ образованію общему. *Политехническая школа* имѣетъ цѣлю подготовку воспитанниковъ къ различнымъ спеціальнымъ школамъ, которыя уже оканчиваютъ ихъ образованіе и даютъ государству артиллеристовъ, военныхъ морскихъ инженеровъ, моряковъ вообще, гидрографовъ, инженеровъ путей сообщенія, офицеровъ генеральнаго штаба, мастеровъ пороха и селитры, телеграфическихъ чиновниковъ и т. п. Правила приѣма и устройства сходны съ правилами и устройствомъ Сень-Сирской школы (*); только научныя занятія развиты здѣсь гораздо болѣе и въ ущербъ воинскому образованію. Программа предметовъ преподаванія также гораздо обширнѣе сообразно съ особеннымъ назначеніемъ этой школы. Школа *генеральнаго штаба* имѣетъ цѣлю приготовленіе офицеровъ къ службѣ въ генеральномъ штабѣ, и составляется изъ лучшихъ воспитанниковъ Сень-Сирской и политехнической школъ, а также и подпоручиковъ арміи, выдержавшихъ установленный экзаменъ (**). Полный курсъ продолжается два года, какъ и въ школахъ, о которыхъ я говорилъ выше. Кромѣ этихъ школъ, къ военно-учебнымъ спеціальнымъ заведеніямъ Франціи принадлежатъ еще артиллерійская и инженерная школы въ Метцѣ, для окончательнаго приготовленія воспитанниковъ, поступающихъ изъ политехнической школы къ этимъ родамъ службы. Я не упоминаю здѣсь о другихъ школахъ, какъ то гимнастической, верховой ѣзды, которыя не имѣютъ курса наукъ. Въ Сень-Сирской школѣ проходятся преимущественно предметы исключительно военнаго содержанія, въ политехнической же все, что можетъ приготовить воспитанника къ разнымъ спеціальнымъ родамъ государственной службы и къ обязанностямъ, требующимъ основательнаго знанія математики, физики и химіи. Распредѣленіе часовъ дня въ Сень-Сирской школѣ, которое, хотя и оставляетъ воспитанникамъ какой-нибудь одинъ рекреативный часъ во весь день, однако не мѣшаетъ имъ работать во время года вообще мало, по собственному же ихъ сознанію. Это доказы-

(*) Комплектъ ея 100 человекъ.

(**) Комплектъ ея 60 человекъ.

ваетъ старый и вразумительный законъ, что чѣмъ строже требованія при данной возможности, тѣмъ слабѣе они исполняются, — законъ, на который, впрочемъ, часто не обращаютъ вниманія.

Вотъ это распредѣленіе :

Воспитанники встаютъ въ 5 часовъ утра.

Отъ $5\frac{1}{4}$ до 7 часовъ — приготовленіе къ лекціямъ.

Отъ 7 до 8 — уборка спаленъ и самихъ себя.

— 8 — $9\frac{1}{4}$ — лекціи наукъ.

— $9\frac{1}{4}$ — $9\frac{1}{2}$ — отдыхъ.

— $9\frac{1}{2}$ — 11 — повтореніе.

— 11 — 1 — рисованіе, черченіе и т. п.

Въ часъ обѣды.

Отъ 2 до 4 — фронтовое ученье и другія упражненія.

— 4 — $4\frac{1}{4}$ — отдыхъ.

— $4\frac{1}{4}$ — 7 — изученіе воинскаго устава.

— 7 — $8\frac{1}{2}$ — повтореніе.

Въ $8\frac{1}{2}$ ужиня, а въ $9\frac{1}{2}$ ложатся спать.

Кромѣ краткости рекреационныхъ часовъ, вы замѣтите, что въ этомъ распредѣленіи чтенію наукъ посвящается только $1\frac{1}{4}$ часа въ день. Но надо сказать при этомъ, что профессоры почти не дѣлаютъ повтореній прочитаннаго; они читаютъ свои предметы безъ всякой остановки, а ученики, кто какъ можетъ, записываютъ съ ихъ словъ и занимаются уже составленіемъ болѣе подробныхъ и отчетливыхъ записокъ въ часы повтореній. Въ политехнической школѣ распредѣленіе дня отличается назначеніемъ нѣсколькихъ часовъ болѣе для чтенія наукъ и повторенія ихъ, на счетъ времени для устава и воинскихъ упражненій. Но что касается собственно занятія наукою, то воспитанниковъ политехнической школы нельзя и сравнивать съ воспитанниками Сенъ-Сирской. Первые работаютъ серьезно, съ опредѣленною цѣлью впереди, съ основательною подготовкою и гораздо большимъ запасомъ знаній, потому что вступительный экзаменъ значительно требовательнѣе. Вторые ждутъ только офицерскаго званія, и получаютъ его почти всегда въ линейныхъ полкахъ, только очень не многіе изъ нихъ поступаютъ въ школу генеральнаго штаба, ведя какъ это задніе счеты, что тамъ производство въ чины скорѣе, а здѣсь медленнѣе, что тамъ будешь капитаномъ во столько-то лѣтъ, а тутъ однимъ годомъ позже: грѣхъ, не чуждый многимъ и изъ нашихъ. Что до подчиненности воспитанниковъ ихъ начальникамъ,

то они безусловно исполнительны и покорны въ дѣлахъ службы; но внѣ ея между ними и офицерами скорѣе существуютъ отношенія полной дружбы, чѣмъ подчиненности. Казалось-бы, что въ служебныхъ отношеніяхъ ближайшихъ начальниковъ къ такому взрослому и близкому къ полной самостоятельности люду (*), должно существовать нѣкоторое стѣсненіе, невольная поблажка нѣкоторымъ полугласнымъ отступленіямъ отъ правилъ. Въ дѣйствительности, однако, всѣ порядки исполняются съ замѣчательною точностью. Это происходитъ, безъ-сомнѣнія, и потому, что офицеры опредѣляются въ школы съ большимъ разборомъ, что не существуетъ вербовки всѣхъ охотниковъ, каковы-бы они ни были, потому-что эти заведенія, по выраженію одного умнаго человѣка, не должны быть мирною пристанью для всякаго рода блудниковъ житейскаго моря. Само-собою разумѣется, что и между этими офицерами попадаютъ такіе, которые, по недостатку такта или соображенія, вооружаютъ противъ себя воспитанниковъ; подобныя отношенія разрѣшаются иногда какимъ-нибудь скандаломъ, что однако всегда ведетъ за собою очень строгую мѣру. Такимъ образомъ многимъ, вѣроятно, извѣстно, что за прошлагодную исторію съ офицеромъ въ политехнической школѣ, состоящую въ томъ, что воспитанники не хотѣли слушать его выговоровъ и подняли шумъ во время его замѣчаній, императоръ отправилъ виновныхъ вонъ изъ школъ на три мѣсяца. Впрочемъ, дѣло это составляетъ исключеніе и подобные случаи бываютъ вообще очень рѣдко. Въ преданіяхъ школъ сохраняются еще грубые казусы, но они принадлежатъ временамъ давно минувшимъ. Что до школы генеральнаго штаба, а также артиллерійской и инженерной школъ въ Метцѣ, то хотя онѣ и состоятъ изъ подпоручиковъ, но, получая ихъ преимущественно изъ школъ политехнической и Сень-Сирской, во многомъ сходны съ этими послѣдними».

Въ Инженерномъ журналѣ напечатаны: *О желѣзныхъ амбразурахъ, устраиваемыхъ въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ*, Де-Струве (*№* 2); *Объ очищеніи воздуха въ минахъ*, М. Петрова (*ibid.*); *О постройкахъ изъ саманнаго кирпича*, В. Ушакова (*ibid.*); *Разборъ погрѣшностей, имѣющихъ вліяніе на точность мензульной съемки*, А. Лѣве (*ibid.*); *Различные способы нивелиро-*

(*) Въ Сень-Сирскую школу поступаютъ многіе изъ солдатъ, а въ политехнической школѣ есть въ настоящее время одинъ воспитанникъ, участвовавшій солдатомъ въ Крымской кампаніи и имѣющій медали за нее.

ванія, его-же (ibid.); *Описание военного телеграфа Гиппа*, М. Мух—на (ibid.); *О применении электрическаго свѣта къ крепостной войнѣ*, Ѳ. Гамма (ibid.); *Проектъ казематовъ Бельгийскаго инженера Моккеля*, А. Квиста (ibid.); *Амбразуры щиты въ казематахъ крепости Кобленцъ*, его-же (ibid.); *Туры, предложенныя Англійскимъ майоромъ Джонсомъ*, его-же (ibid.); *Вентиляторъ Уатсона для зданій и кораблей* (ibid.); *Вещества, уричтожающія дурной запахъ* (ibid.); *Употребленіе жидкаго стекла*, (ibid.); *Непромокаемая бумага или картоны* (ibid.); *Гальваническая батарея Менконса* (ibid.); *Столбы изъ желѣза и камня для проволоки воздушнаго телеграфа* (ibid.); *Артезианскіе колодцы во Французской Африкѣ* (ibid.); *Магнито-электрическая машина Шеппорта* (ibid.); *Сухой гальваническій столбъ Лакассаня и Тьерра* (ibid.); *Цѣнность главныхъ металловъ, полученныхъ въ 1854 г. въ цѣломъ свѣтѣ*, Уайтнея (ibid.); *Описание опытовъ надъ сокращеніемъ желѣза ударами снарядовъ*, А. Квиста (№ 3); *Описание разныхъ способовъ рванія гранитныхъ скалъ порохомъ*, Флавипкаго (ibid.); *Организація Испанскаго инженернаго корпуса*, А. Квиста (ibid.); *Определеніе мѣста порчи изолировки телеграфическихъ проводниковъ и способъ Гиппа для уничтоженія вреднаго вліянія такой порчи при подводныхъ проводникахъ*, И. Черниловскаго-Сокола (ibid.); *Пороховые погреба, безопасныя отъ дѣйствія напѣснаго огня, защительныхъ снарядовъ и сырости*, военнаго инженера Западной сибиря (ibid.); *Описание опыта, произведеннаго въ 1852 г. въ Кронштадтѣ для определенія дѣйствія снарядовъ на гранитную облицовку форта Павелъ I*, А. Корвизно (ibid.); *Объ углубленіи взрывами форватера рѣкъ и лимановъ*, М. Борескова (ibid.); *Обжигательныя печи Ганда* (ibid.); *Фундаменты подъ устоями Кельскаго моста* (ibid.); *О новомъ цементѣ въ Царствѣ Польскомъ* (ibid.); *Составъ, посредствомъ котораго можно по желанію измѣнять время твердѣнія гипса*, М. Казенята (ibid.); *Степень нестараяемости кровельнаго толя* (ibid.); *Самостоятельныя извозы* (ibid.); *Комнатныя израсцовыя печи для топки каменнымъ углемъ, предложенныя Эд. Шмидтомъ* (ibid.); *Растительный перламунъ* (ibid.); *Определеніе вѣса твердыхъ тѣлъ по способу Шиффера* (icid.); *Электрическіе телеграфы и электрическое освѣщеніе во время Италіанской войны* (ibid.); *Шкрытіе телеграфическихъ проволокъ каучукомъ* (ibid.).

— «Таблица приблизительной цѣнности главныхъ металловъ, полученныхъ въ 1854 г., въ цѣломъ свѣтѣ». —

СТРАНЪ.	Золото.		Серебро.		Ртуть.		Олово.		Мѣль.		Цинкъ.		Свинець.		Желѣзо.		Сумма цѣнностей.	
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
Россия.....	19,844,000	1,206,400	—	—	—	—	—	—	5,070,000	372,000	119,600	119,600	6,500,000	32,812,000	—	—	—	—
Швеція.....	650	72,800	—	—	—	—	—	—	1,170,000	5,720	30,000	30,000	4,875,000	6,154,170	—	—	—	—
Норвегія.....	—	353,600	—	—	—	—	—	—	429,000	—	—	—	162,500	944,600	—	—	—	—
Великобританія.....	32,250	1,456,000	—	—	—	—	5,460,000	—	11,310,000	143,000	9,120,000	9,120,000	97,500,000	125,021,250	—	—	—	—
Бельгія.....	—	624,000	—	—	—	—	—	—	1,170,000	2,288,000	149,500	149,500	9,750,000	12,187,500	—	—	—	—
Пруссія.....	—	624,000	—	—	—	—	—	—	117,000	4,719,000	1,196,000	1,196,000	4,875,000	12,584,000	—	—	—	—
Гарцъ.....	1,940	1,248,800	—	—	—	—	78,000	—	36,000	1,430	747,500	747,500	—	1,491,870	—	—	—	—
Саксонія.....	—	62,500	—	—	—	—	—	—	—	—	300,000	300,000	227,500	1,889,000	—	—	—	—
Прочая Германія.....	—	1,887,700	—	—	—	—	—	—	—	—	149,500	149,500	8,250,000	8,491,900	—	—	—	—
Австрія.....	—	1,872,000	—	—	—	—	—	—	—	—	1,046,500	1,046,500	8,613,000	16,518,700	—	—	—	—
Швейцарія.....	—	104,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	487,500	487,500	—	—	—	—
Франція.....	—	2,600,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19,500,000	19,738,300	—	—	—	—
Испанія.....	13,540	1,625,000	—	—	—	—	7,800	—	390,000	—	4,485,000	4,485,000	1,300,050	10,421,340	—	—	—	—
Италія.....	—	—	—	—	—	—	—	—	195,000	—	—	—	813,000	1,082,800	—	—	—	—
Африка.....	1,290,000	—	—	—	—	—	—	—	468,000	—	—	—	—	1,758,000	—	—	—	—
Ю. Азія и Остъ-Индія.....	8,060,000	—	—	—	—	—	—	—	2,845,000	—	—	—	—	14,300,000	—	—	—	—
Австралія и Океанія.....	48,360,000	—	—	—	—	—	—	—	2,730,000	—	—	—	—	51,256,400	—	—	—	—
Хилія.....	967,000	166,400	—	—	—	—	—	—	10,920,000	—	—	—	—	17,087,000	—	—	—	—
Болівія.....	386,000	5,200,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Перу.....	612,500	2,704,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Экваторъ, Новая Грена- да и пр.....	4,836,000	6,240,000	180,000	—	—	—	—	—	1,170,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бразилія.....	1,985,000	270,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мексика.....	3,224,000	14,500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Куба.....	—	96,400,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Соединенные Штаты.....	64,480,000	458,000	650,000	—	—	—	—	—	1,560,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—
									2,730,000	715,000	2,242,000	2,242,000	32,500,000	103,775,000				
	155,380,880	61,676,100	2,730,000	10,651,800	44,379,000	8,668,650	19,794,700	190,352,500	498,628,330									

Слѣдующая таблица показываетъ болѣе наглядно цѣнность металлургическихъ произведеній всѣхъ странъ; она заключаетъ, вмѣстѣ съ общими цѣнами произведеній каждой страны, отношенія ихъ къ цѣнамъ произведеній Соединенныхъ Штатовъ.

Страны:	Общая цѣнность произведеній.	Отношеніе ея
		къ цѣнѣ произведеній Соединен. Штатовъ.
Соединенные Штаты.....	103,775,000	1
Великобританія.....	125,021,250	1,205
Австралія.....	51,256,400	0,494
Мексика.....	39,624,000	0,382
Россія.....	32,812,000	0,316
Франція.....	19,738,300	0,191
Хили.....	17,087,000	0,165
Прочая южная Америка.....	19,468,000	0,203
Австрія.....	16,518,500	0,147
Бельгія.....	12,187,500	0,118
Испанія.....	10,421,540	0,100
Швеція и Норвегія.....	7,098,770	0,068
Саксонія.....	1,889,000	0,018
Гарцъ.....	1,491,870	0,014
Италія.....	1,082,800	0,010
Швейцарія.....	487,500	0,005

Въ Артиллерійскомъ журналѣ помѣщены: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета въ 1858 году* (кн. 3 и 4); *Перечень занятій въ засѣданіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета за мартъ, апрѣль и май 1859 г.* (ibid.); *Перечень занятій комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей за мартъ, апрѣль и май 1859 г.* (ibid.); *Артиллерійскія лекціи, Ферсмана* (ibid.); *Литѣ мѣдныхъ орудій въ Россіи, Николая Шрамченко и Александра Энгельгардта* (ibid.); *Приборъ для опредѣленія дѣйствительной плотности пороха посредствомъ ртути, Кульвеца* (кн. 3); *Проектъ изданія журнала для артиллерійскихъ солдатъ, Н. Ф. Дубровина* (ibid.); *Нѣсколько словъ о юнкерахъ въ артиллеріи, Ѳ. Гикена* (ibid.); *Замѣтка на замѣтки П. К. Яковлева «Объ образованіи нижнихъ чиновъ въ артиллеріи»*, Петра Мамонтова (ibid.); *Описаніе электробалистическаго маятника Наве, Я. Луневскаго* (кн. 4); *О прицѣль для на-*

вѣской стрѣльбы изъ 12-ф. гранатной пушки, употребляемомъ въ Саксонской артиллеріи, В. Лугинина (ibid.); О командировкахъ офицеровъ въ образцовую батарею, Э. О. (ibid.); Зимовья квартиры, В. (ibid.); Зимній тормазъ и зимнія подковы, А. Берлинскаго (ibid.); Мелкая артиллерійская замѣтка по поводу дѣла подъ Эпаторією 2 марта 1855 г., его-же (ibid.).

Въ Русскомъ цнвалидѣ помѣщены: *Копія съ отвѣта графа Сумарокова начальнику штаба Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера по предмету калибровъ* (№ 91); *Обзоръ распоряженій по продовольствію нашихъ войскъ въ Персидскую и Турецкую войны 1828 и 1829 годовъ* (№ 92 и 94); *Австрійцы въ Италіи* (№ 95, 96 и 97); *Литвики и Тула* (№ 99); *Матеріалы для исторіи нынѣшней войны* (№ 101, 102, 121 и 132); *Отвѣтъ на «Замѣтки» Карпова* (№ 103); *Составъ полковъ Австрійской арміи по національностямъ* (№ 111); *Англійская армія, ея духъ и организація* (№ 116); *По поводу настоящей войны* (№ 121); *Обзоръ продовольственной части Русскихъ войскъ отъ древнихъ временъ до 1813 года* (№ 122, 123 и 124); *Война 1812 года* (№ 129 и 130); *Французскій солдатъ въ Африкѣ* (№ 131 и 142); *Мнѣніе Англійскаго артиллерійскаго офицера объ амбаркаціи и дебаркаціи Французскихъ войскъ въ Тулонъ и Марсель* (№ 132); *Перечень военныхъ событій въ Дагестанѣ* (№ 133); *Война наша въ 1813 году* (№ 134 и 135); *Краткое описаніе продовольствія войскъ у древнихъ народовъ, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени* (№ 135, 136 и 137); *Мѣстность между Минчіо и Адиджемъ* (№ 139); *Вооруженія Англій* (№ 140); *Мошенничество и казнокрадство въ военномъ управленіи соединенныхъ Американскихъ Штатовъ* (ibid.); *Къ друзьямъ-почитателямъ князя Александра Николаевича Голицына* (№ 143, 144 и 145); *Краткій обзоръ о составѣ дѣйствующихъ войскъ въ тактическо-стратегическомъ отношеніи* (№ 148); *Маджента* (№ 150); *Условія, отъ которыхъ зависитъ продовольствіе арміи во время войны*, (№ 151, 152 и 153); *Англійчане въ Индіи въ 1859 г.* (№ 158 и 159); *О подвозѣ къ арміи припасовъ* (№ 163); *Нѣсколько словъ о дороговизнѣ въ Крыму въ продолженіе прошедшей войны* (№ 164, 165 и 166); *Очеркъ военныхъ событій въ Верхней Италіи отъ вторженія Австрійцевъ въ Пьемонтъ* (№ 167, 168, 169, 170 и 171); *Битва между Минчіо и Кіезе* (№ 178); *Военныя письма Германскаго офицера* (№ 182); *Лагерь въ Сент-Мо-*

рь, (№ 184); *Де-Метра о военномъ счастьи* (ibid.); *Сраженіе при Маджентъ* (ibid.).

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Защита укрѣпленія Ахтыне Самурскаго округа*, (№ 549 и 550); *Очерки службы на Малаховомъ курганѣ* (№ 552); *Керченскій походъ* (№ 555)

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ военнымъ наукамъ относятся статьи: *Сардинская армія. Способъ ея набора и содержанія* В. Тунѣева (Совр. № 6); *Вульвичскій арсеналъ и пушка Эрмстронга* (ibid.); *Война за независимость Италіи въ 1848—49 годахъ* (От. зап. № 6 и 7); *Взятіе Вены* (Библ. для чт. № 5); *Война Пьемонта съ Австріей въ 1849 г.*, И. О. С—го (Русск. вѣстн. № 11 и 12); *День сдачи Венгровъ* (Изъ воспоминаній о походѣ въ Венгрію въ 1849 г.), Н. М. Фатѣева (Русск. бес. № 4); *Современные Австрійскіе генералы* (С. Пб. вѣд. № 112); *Замѣчанія на помѣщенію въ Русскомъ инвалидѣ статью Н. Бутовскаго подъ заглавіемъ: «Третья достопамятная эпоха борьбы Александра съ Наполеономъ 1812 г.»* (ibid. № 115); *Нужна-ли Россіи большая армія?* (Сѣв. пч. № 133); *Откликъ солдата* (ibid. № 140); *Полемика по проекту слабженія арміи провіантомъ и фуражемъ* (ibid. № 174); *Біографическіе очерки современныхъ генераловъ* (Одесск. вѣст. № 65 и 66); *Дневникъ изъ Салатавскаго зямлю похода* (Кавк. № 60 и 62).

XV. НАУКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ МОРЕПЛАВАНІЮ.

Въ Морскомъ сборникѣ явились статьи: *Между дѣломъ, Excelsior* (№ 5, 6), *Морская записка во Франціи*, кн. Львова (№ 5, 7 и 8); *О преподаваніи географіи, учителя Разина* (№ 5); *Примѣчаніе къ предыдущей статьѣ*, Н. Соковника (ibid.); *Корабль «Ретвизанъ»*, Д. Григоровича (ibid.); *Замѣчанія Французскихъ офицеровъ о корабль «Ретвизанъ»*, Фесуна (ibid.); *Русскій коммерческій флотъ по 1 января 1858 г.*, В. Мельницкаго (ibid. № 6); *Лоцманскія замѣтки* (ibid. № 7 и 8); *Воспоминанія о Парижѣ*, П. Кузнецова (№ 6); *Мореходныя наставленія и замѣчанія о плаваніи въ Китайскихъ и Японскихъ водахъ*, Н. Тресковскаго (ibid.); *Вынутіе мачты помощію стеновъ, на фрегатѣ «Аскольдъ»*, кн. Э. Ухтомскаго (ibid.); *Очеркъ исторіи некоторыхъ судовъ Русскаго флота*, Зейделя (ibid.); *О способахъ укомплектованія Англійскаго флота*, Чванова (ibid.); *Морской бюджетъ Англійи* (ibid.); *Пренія въ Англійскомъ парламен-*

тъ о морскомъ бюджетѣ (ibid.); О преобразованіи государственнаго контроля и нѣкоторыхъ частей финансовой администраціи въ Россіи (ibid.); Поездка по низовьямъ Днѣпра, Аванасьева-Чужбинскаго (№ 7 и 8); Разборъ нѣкоторыхъ статей объ Амурь, Дм. Завалишина (ibid.); Объ употребленіи и злоупотребленіи хлѣбнаго вина, преимущественно въ-отношеніи къ сословію матросовъ, доктора Буша (№ 7); О денежномъ счетоводствѣ и отчетности морскаго вѣдомства въ Голландіи, Б. Глазенапа (ibid. № 8); О плаванин, Ф. Бежера (ibid.); Морскія смѣты (1852—1858) Великобританіи (ibid.); О магнитныхъ свойствахъ желѣза, П. Коршева I (ibid.); О судоходной полиціи въ обширномъ смыслѣ, Бочечкарова (№ 8); Штормъ-компасъ или руководство мореплавателю во время урагана, С. Самохвалова (ibid.).

Сверхъ-того въ отдѣлѣ Смѣси помѣщено 59 статей, а въ отдѣлѣ библіографіи рассмотрѣно 18 новыхъ изданій на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

— «Морской бюджетъ Англіи».—Помѣщенные въ этой статьѣ свѣдѣнія о морскомъ бюджетѣ Англіи заимствованы изъ Times и Saturday Review. Вотъ что, между прочимъ, сказано въ послѣдней газетѣ: «Послѣ громкихъ объявленій, предшествовавшихъ представленію морскаго бюджета, требованіе морскаго министра оказалось гораздо умѣреннѣе, чѣмъ ожидали; сумма не превышаетъ 10,000,000 ф. ст. Министръ могъ-бы спросить почти какую угодно сумму безъ опасенія отказа, а теперь ему труднѣе, можетъ быть, доказать достаточность своего требованія, нежели получить согласіе парламента на какіе угодно расходы, лишь-бы возстановить флотъ въ полной силѣ. Еслибъ мы не привыкли не удивляться куда дѣваются деньги въ рукахъ адмиралтейства, то на такую значительную сумму, какъ 10,000,000 ф. ст., можно-бы сдѣлать много хорошаго. При бережливости, она, можетъ статься, была-бы достаточна для всѣхъ требованій флота; но, сколько можно судить по подробностямъ смѣты, сомнительно, могутъ-ли быть приведены въ исполненіе широкія обѣщанія королевской рѣчи. Давно уже обратилось въ привычку утверждать смѣты изъ года въ годъ, и принимать все требуемое—на-слово. Первый лордъ адмиралтейства проситъ восемь, десять или двѣнадцать милліоновъ, какъ случится, и парламентъ утверждаетъ, какъ водится, но никогда не сдѣлаетъ существеннаго вопроса: «Что адмиралтейство сдѣлаетъ съ этими милліонами?» Нынѣшній годъ заранѣе данъ отвѣтъ, но онъ доказываетъ, какъ нужно парламенту требовать болѣе опредѣлительныхъ

объясненій, нежели какъ это до-сихъ-поръ велось. Еслибъ у адмиралтейства требовали обыкновенно показанія дѣйствительной работы, какую оно надѣется исполнить за деньги, отданныя въ его распоряженіе, то мы-бы не слышали такого негѣлаго проекта о *перестройкѣ* Британскаго флота на сумму менѣе чѣмъ въ 1,000,000 ф. ст. Смѣта дѣйствительно не даетъ никакого полезнаго свѣдѣнія о томъ, на что будутъ употреблены излишніе расходы по верфямъ. Намъ говорятъ, правда, что издержки на рабочихъ, на матеріалы и новыя работы составятъ 4,000,000 ф. ст., вѣсто 3,000,000, какъ было въ 1858. Но не видно, что приобрѣтемъ мы за этотъ излишній расходъ. Почему-бы у адмиралтейства не потребовать хотя грубой смѣты того, что оно намѣрено исполнить? А по прошествіи года, почему-бы не потребовать у него отчета въ сдѣланныхъ успѣхахъ, чтобъ видѣть какъ далеко или близко исполненіе сходится съ обѣщаніемъ? Пока не будетъ подобнаго надзора, напрасно будемъ ожидать бережливости въ морской администраціи. Еслибъ с. Дж. Пакингтонъ зналъ, что черезъ 12 мѣсяцевъ онъ долженъ дать отчетъ нижнему парламенту въ томъ, что дѣйствительно перестроилъ Британскій флотъ, то научился-бы быть скромнѣе въ своихъ обѣщаніяхъ, и имѣлъ-бы сильное побужденіе придумать дѣйствительное средство къ предупрежденію расточительности, которая господствуетъ на каждой верфи. Но парламентъ не надзираетъ за адмиралтействомъ, а потому и адмиралтейство не надзираетъ за своими чиновниками. Кажется то правда, что практической надзоръ за расходами миллионъ, утверждаемыхъ на постройку кораблей, находится большею частью въ рукахъ безответственныхъ лицъ. Вся организація верфей, кажется, устроена такъ, чтобъ исключить всякую возможность повѣрки. Адмиралъ или капитанъ отличился искусствомъ въ управленіи флотомъ, или отважностію на войнѣ; въ награду за храбрость и морское искусство, его отрываютъ отъ знакомой ему стихіи, и помѣщаютъ въ контору для надзора за гигантскимъ мануфактурнымъ заведеніемъ и за правильнымъ расходою миллионъ общественныхъ денегъ. Подъ его начальствомъ находятся чиновники, которые знаютъ всѣ подробности дѣла, въ которомъ онъ почти ничего не смыслитъ. Они составляютъ контракты, чертятъ планы, и дѣйствительно управляютъ всѣмъ заведеніемъ, а начальникъ ихъ, какъ-бы ни былъ усерденъ, ничего больше не можетъ сдѣлать, какъ только подписывать бумаги, подносимыя на

его утверждение. Теоретическая отвѣтственность за дурной расходъ находится въ одномъ лицѣ, а дѣйствительная власть контроля въ другомъ; а когда власть и отвѣтственность такимъ образомъ раздѣлены, то легко предвидѣть послѣдствія. Но эти и многіе другіе недостатки въ организаціи адмиралтейства никогда не будутъ устранены, пока не нарядятъ слѣдствія по всему дѣлу. Отношенія адмиралтейства къ парламенту, внутренній распорядокъ верфей, свойство контроля надъ подчиненными чиновниками, защита общественныхъ интересовъ при составленіи контрактовъ на поставку матеріаловъ и машинъ, и сосредоточеніе отвѣтственности и власти въ однихъ рукахъ,—вотъ тѣ предметы, которыми коммиссія можетъ съ пользою заняться. При нынѣшней системѣ, извѣстно, что парламентъ и публика не имѣютъ никакого средства удостовѣриться сколько адмиралтейство дѣлаетъ бесполезныхъ расходовъ. Мы не думаемъ, чтобы самъ адмиралтейскій департаментъ имѣлъ возможность открыть растрату или содержать ее въ предѣлахъ, и безъ совершеннаго преобразования нѣтъ надежды на какое-нибудь дѣйствительное обезпеченіе противъ неосмотрительныхъ расходовъ. Въ управленіи флотомъ страна требуетъ, чтобы не было напрасной растраты денегъ, чтобы число кораблей соотвѣтствовало требаваніямъ военнаго времени, и чтобы силы Ламаншскаго флота были постоянно содержимы въ готовности. Если мы не увѣрены въ исправности первой статьи, то бюджетъ не можетъ успокоить насъ насчетъ прочихъ».

XVI. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ напечатаны: *Древесная флора Мадейры по Шахту*, Н. Калиновскаго (№ 5); *Орхотворка*, А. С. Тарачкова (ibid.); *Астеризмъ*, Отто Фольгера (ibid.); *Актинія*, Льюза (ibid. и № 6); *Естественно-историческія извѣстія* (ibid. и № 7 и 8); *Морскіе слоны*, д'Орбиньи (№ 6); *Объ ураганѣ*, И. И. Тихѣева (ibid.); *Меллоны и его изслѣдованіе о лучистой теплотѣ*, Ж. Жамена (ibid. и № 7); *Миражъ* (№ 6); *Блѣхвостикъ*, Н. А. Сѣверцова (№ 7); *Электрическія рыбы*, Кеферштейна (ibid.); *Бобры*, В. Н. Радакова (ibid. и № 8); *Морская экскурсія въ Ситхинскую губу, въ июль 1858 г.*, Китлица (ibid.); *Собака*, Пеше (№ 8); *Ловля кефаги при сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря*, К. Э. Кесслера (ibid.); *Капскій ориксъ*, Андерсона (ibid.).

Въ Химическомъ журналѣ: *О соединеніяхъ глиція* (№ 5); *Объ отдѣленіи глиція отъ глиня.* Анализы двухъ берилловъ (ibid.); *О тиоуксусной и тиомасляной кислотахъ* (ibid.); *О крезилевои алькоголь* (ibid.); *О соединеніяхъ валеральдеида съ ангидридами кислотъ* (ibid.); *О нѣкоторыхъ новыхъ производныхъ феноля* (ibid.); *О скаммоніи* (ibid.); *О хлористой кислотѣ* (ibid.); *О капництвѣ и вавеллитѣ* (ibid.); *Объ употребленіи молибденово-кислаго амміака для открытія фосфорной кислоты* (ibid.); *Объ азотистомъ селенѣ* (ibid.); *Составныя части метеорического камня изъ Кабы* (ibid.); *О приготовленіи платиновой черни* (ibid.); *О сѣрнокислой закиси мѣди, закиси желѣза, окиси желѣза и натра* (ibid.); *О гематокислинѣ* (ibid.); *О хлорпикринѣ* (ibid.); *О дѣйстви металлической мѣди на угольную кислоту при высокой температурѣ* (ibid.); *О химической конституціи молочной кислоты* (ibid.); *О дѣйстви іодистаго этиля на муравьинокислыя, уксуснокислыя и щавелевокислыя соли* (ibid.); *Превращеніе молочной кислоты въ пропионовую* (ibid.); *О дѣйстви пятихлористаго фосфора на гликолевую и яблочную кислоты* (ibid.); *Ученые диспуты въ С. Петербургскомъ университетѣ* (ibid.); *О дѣйстви безводной сѣрной кислоты на нѣкоторыя органическія соединенія, А. Энгельгардта* (№ 6 и 7); *О нѣсколькихъ новыхъ фосфорическихъ основаніяхъ* (№ 6); *О броженіи* (ibid.); *О соединеніяхъ хибиновой группы* (ibid.); *Объ одноуксусномъ этилгликоль* (ibid.); *О дѣйстви нѣкоторыхъ металловъ на іодистый этиль* (ibid.); *О дѣйстви азотистаго кислоты на амиды 2 и 3 степени* (ibid.); *О нѣкоторыхъ продуктахъ сухой перегонки уксуснокислыхъ солей* (ibid.); *О дѣйстви пятихлористаго фосфора на нѣкоторыя неорганическія соединенія* (ibid.); *О дѣйстви ртути и азотной кислоты на растворимую и нерастворимую сѣру* (ibid.); *Объ азотистомъ кремнѣ* (ibid.); *Объ открытіи небольшихъ количествъ азотной кислоты* (ibid.); *О фосфористомъ молибденѣ* (ibid.); *Объ опредѣленіи фосфорной кислоты посредствомъ уксуснокислаго урана* (ibid.); *О ванадіевокисломъ стронціанѣ* (ibid.); *О дѣйстви различныхъ газовъ на хлористый палладій* (ibid.); *О приготовленіи перекиси свинца* (ibid.); *О превращеніи желѣзистоціанистаго калия въ желѣзцоціанистый* (ibid.); *О дѣйстви муравейнокислыхъ щелочей на хлористую ртуть* (ibid.); *О соединеніяхъ азотнокислаго калия съ азотнокислымъ серебромъ* (ibid.); *О крапцѣ* (ibid.); *Объ иттрианитѣ* (ibid.); *Анализъ естественной сѣрнокислой окиси мѣди и закиси желѣза* (ibid.); *О сѣрнистомъ мышьякѣ и сѣрнистомъ оловѣ*

(*ibid.*); *О прокаливани осадковъ* (*ibid.*); *О двойныхъ соляхъ цианистаго каля съ цианистою мѣдью* (*ibid.*); *О платиноцианистомъ магнезѣ* (*ibid.*); *О соединеніи цианистой ртути съ апетонитрилемъ* (*ibid.*); *О дѣйстви различныхъ эфировъ на алкогольмъ натрія и объ угле-этилевой кислотѣ* (*ibid.*); *О желчи кекуру* (*ibid.*); *О кристаллизованный валеріановокислый атропинъ* (*ibid.*); *О соляникъ* (*ibid.*); *О молочной кислотѣ*, Н. Соколова (*№* 7); *О нѣкоторыхъ явленіяхъ возстановленія*, Н. Бекетова (*ibid.*); *О соединеніи сыры съ хлоромъ и дѣйстви ихъ на сытный алкоголь* (*ibid.*); *Объ аустонъ* (*ibid.*); *О нѣсколькихъ новыхъ производныхъ аустона* (*ibid.*); *О дѣйстви хлора на аустонъ и метилевый спиртъ* (*ibid.*); *О хининой кислотѣ* (*ibid.*); *О такъ называемомъ цианоформѣ* (*ibid.*); *Объ атамантинѣ* (*ibid.*); *Объ ассимиляціи изо норфныхъ веществъ* (*ibid.*); *Превращеніе аустона въ альдегидъ* (*ibid.*); *О гликоляхъ или двуатомныхъ алкоголяхъ*, Вюртца (*№* 8); *О замѣщеніи водорода азотомъ* (*ibid.*); *О новомъ продуктѣ разложенія тринитрофеновой кислоты* (*ibid.*); *О нѣсколькихъ новыхъ сложныхъ амміакахъ* (*ibid.*); *О хлористомъ яворъ-этилѣ* (*ibid.*).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ естественнымъ наукамъ принадлежать статьи: *Теорія питанія растеній Либача и политико-экономическій вопросъ, возбуждаемый ею* (Отч. зап. *№* 7); *О Сибирскихъ птицахъ*, С. Н. Черепанова (Библи. для чт. *№* 7); *Извѣстія о собраніи череповъ разныхъ народовъ въ С. Петербургской академіи наукъ*, академика Бэра (Русск. вѣстн. *№* 9); *Недостатокъ и потребность современнаго естествознанія*, В. И. Шѣвничаго (Русск. бес. *№* 2); *Въ память Александра Ф. Гумбольдта*, Бэра (С. Пб. вѣд. *№* 112); *Микроскопъ и его чудеса* (Русск. янв. *№* 155, 156 и 157); *Начало земли* (Сытъ от. *№* 20); *О вліяніи теченій и вѣтровъ Средиземнаго моря на климаты прибрежныхъ странъ* (*ibid.* *№* 33); *Древовидная эвфорбія средней Африки* (Живоп. Русск. библи. *№* 20).

XVII. МЕДИЦИНСКІЯ НАУКИ.

Въ Военно-медицинскомъ журналѣ явились статьи: *Отчетъ профессоровъ Императорскаго университета св. Владимира С. Алферьева и Ф. Меринга, командированныхъ въ 1856 году въ южную армію, въ Крымъ и Константинополь* (*№* 5 и 6); *Курсъ лекцій физики и патологій центральной нервной системы*, Е. Бро-

унъ-Секара (ibid.); *О вылученіи голени въ колынномъ суставѣ*, І. Мазановскаго (№ 5); *Гипсовая повязка на полъ сраженія. Проектъ улучшенія средствъ для транспорта раненныхъ*, Квашко-Жгерскаго (№ 6); *Наблюденія по части оперативной хирургіи*, И. Ф. Гейфельдера (ibid.); *Врачебныя вещества изъ ряда ртути*, Финке (№ 7 и 8); *Нѣсколько новыхъ замѣтокъ объ ампуціяхъ*, Шимановскаго (№ 7); *Годовой отчетъ 11 стрѣльцоваго баталіона за 1858 годъ*, А. Тобина (ibid.); *О катарактахъ въ практическо-хирургическомъ отношеніи*, В. А. Каратаева (№ 8); *Вылученіе бедра (exarticulatio femoris) съ исходомъ въ выздоровленіе*, В. Семешко (ibid.); *Переломъ лѣвой плечевой кости вблизи локтеваго сустава; резекція; выздоровленіе*, Пупарева 2; *Руководство къ изученію ветеринарныхъ операцій*, Эдуарда Геринга (№ 5); *Разстѣненіе сухожилій у жеребенка*, Вернелля (№ 7); *Озонъ и наблюденія надъ нимъ при Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ*, Э. Островскаго (ibid.); *О холерѣ у дворовыхъ птицъ*, Стржедзинскаго (ibid.); *Изслѣдованія о вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на мышечную дѣятельность*, Е. Пеликана и А. Килликера (№ 6); *Различныя способы отапливанія и провѣтриванія, употребляемые въ публичныхъ зданіяхъ, преимущественно въ госпиталяхъ, и на судахъ*, А. Виреніуса (№ 7); *Отчетъ объ ученомъ путешествіи за границей, съ 12 мая по 25 августа*, Здекауера (№ 8). Сверхъ-того въ отдѣлѣ Сѣвси этого журнала помѣщено 14 статей, а въ отдѣлѣ Библіографіи разсмотрѣно 4 новыя изданія. Въ приложеніи-же помѣщено: *Положеніе о климическомъ отдѣленіи душевныхъ бользней, устроенномъ при Варшавскомъ сухопутномъ госпиталѣ* (№ 7).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ здравія, замѣтимъ слѣдующія: *Этіологическія изслѣдованія на-счетъ натуральной оспы и вакцины*, Глюче (№ 12); *Письма Дисле о происхожденіи перепончатой жабы и о предохранительномъ и лечебномъ свойствѣ сѣры* (ibid.); *Физиологическія основанія гидротерапіи*, Гржимазо (№ 13, 15, 19, 20); *Новѣйшія операціи наложенія лигатуры на первоначальную сонную артерію* (№ 13); *Отношеніе страданій внутреннихъ органовъ къ хирургическимъ бользнямъ*, П. Заблоцкаго (№ 14); *Постепенная мышечная атрофія, сифилитическаго происхожденія, излеченная іодистымъ калиемъ* (ibid.); *Беременность тройнями, распознанная a priori; благоприятный исходъ для матери и дѣтей* (№ 15); *О виноградномъ леченіи* (ibid.); *Лоожная травматическая, неограниченная аневризма лок-*

тевой артерій; перевязка этой артерій; выздоровленіе, Кіаковскаго (№ 17); *Времена года, возрасты и важность натуральной осы предъ введеніемъ оспрививанія и послѣ того* (ibid.); *Камень мочевого пузыря, камнестъченіе; мочевое зараженіе крови, смерть*, Кіаковскаго (№ 18); *Изученіе тѣлецъ, носящихся въ атмосферѣ* (ibid.); *Введеніе лекарственныхъ веществъ въ молоко животныхъ чрезъ пищеварительныя пути* (№ 19); *О минеральныхъ водахъ Франціи, по сравненію ихъ съ минеральными водами другихъ странъ* (№ 20, 21, 22 и 23); *Искусственное воспроизрожденіе костей посредствоиъ костныхъ прививокъ* (№ 20); *Ракъ ручной кисти, сръзываніе еіо, благоприятное теченіе*, Кіаковскаго (№ 21); *Предохранительное леченіе припадковъ, дѣлающихся иногда послѣ кори и scarlatины* (ibid.); *Записка о дѣйствіяхъ общей фардизаціи, производимой надъ животными*, Вульпіана (№ 22); *Объ отношеніи обыкновенной чувствительности къ чувству ослзанія въ бользняхъ* (ibid.); *Примъненіе фардизаціи къ распознаванію смъщенной лопатки*, Эйленбурга (№ 23); *Мышьякъ, еіо физиологическія и терапевтическія дѣйствія*; *Разсужденія о соотношеніяхъ между собою нъкоторыхъ бользней, ихъ общее происхожденіе и ихъ леченіе* (ibid.); *О цѣлебномъ дѣйствіи постоянного гальваническаго тока въ пораженіяхъ слуха и обонянія*, О. Ковалевскаго (№ 24); *Шанкръ уретры у мужчинъ* (ibid.); *Бользни, доступныя идрическому леченію*, Гржималло (№ 25, 27, 29, 31 и 33); *Случай, доказывающій могущественную цѣлебную силу каленаго желъза*, Жуковскаго (№ 25); *О предсказаніяхъ въ падучей бользни и о леченіи этой бользни валеріанно-кислымъ атропиномъ* (ibid.); *Записка объ относительной смертности возрастовъ съ 20 до 25 лтъ и съ 25 до 30 лтъ во Франціи и другихъ странахъ* (ibid.); *О большой смертности между людьми, находящимися въ военной службѣ; Свойства и причины эпидемическихъ чахотокъ въ арміяхъ; Средство уменьшить смертность въ арміяхъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время*, Толорана (№ 26, 28, 30 и 32); *О законѣ мышечныхъ содроганій подѣ влияніемъ электрическаго тока* (№ 26); *Трудное мочеиспусканіе и мочевой песокъ* (№ 31); *Пупырчатая сыль — зопя; ея леченіе мазью изъ сѣрнокислаго желъза* (№ 32); *Нъсколько словъ Флурана о жизненномъ узлѣ* (№ 33); *Леченіе подагры и ревматизма* (ibid.); *Два случая внутренняго ущемленія кишокъ*, Кіаковскаго (№ 34); *Впрыскиванія подкожинъ* (ibid.); *Хорошія дѣйствія неочищеннаго хинина въ мизрени* (ibid.).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Московскою медицинскою газетѣ, замѣчательны слѣдующія: *О вліяніи блуждающихъ нервовъ на движеніе сердца у птицъ*, Эйбродта (№ 17, 18, 19 и 20); *О песчаныхъ ваннахъ*, Дубницкаго (№ 18, 19 и 24); *Специалисты*, П. Иванова (№ 19); *Аренбургскія купанья въ 1858 году* (№ 20); *Гигиеническія правила для беременныхъ*, А. Зиссермана (ibid. и № 21); *Отношеніе между притокомъ крови и питаніемъ. Дискразія и ея значеніе*, Вирхова (№ 21 и 22); *О смертности грудныхъ дѣтей въ Императорскомъ Московскомъ воспитательномъ домѣ*, А. И. Блументаля (ibid. и № 24, 25, 26); *Нѣсколько словъ по поводу статей о сельскихъ лечебницахъ и священникахъ-врачахъ*, Соболевцова (№ 22 и 23); *Замѣтки о глазѣ, какъ гидродинамическомъ аппаратѣ*, П. Рудановскаго (№ 23 и 24); *Медико-статистическое описаніе Ярославскаго уѣзда*, Торопова (№ 24, 25—27); *Случай самопроизвольнаго изворота матки послѣ перевязки пупка*. Н. Тольскаго (№ 25); *Лѣтній катарръ*, Фебуса (№ 26); *Кажущееся воспаленіе брюшины*, Ивоземпева (№ 27—31); *О родильцѣ беременныхъ и его отношеніи къ Брайтовой болѣзни*. В. Л. (№ 27 и 28); *Мѣста для леченія кумысомъ, его приготовленіе и употребленіе*, Н. Варадинова (№ 28—30); *Объ упрощенномъ устройствѣ офтальмоскопическаго аппарата*, Дрейера (№ 29); *Воспаленіе околоушной слюнной железы; патологическая анатомія* — Вирхова и леченіе — Опольдера (№ 31); *Очки и глазъ*, Э. Еше (ibid. и № 32—35); *Частичное вырваніе бровей*, Алеско (№ 32 и 33); *Три случая успѣшнаго употребленія челибухи противъ икоты*, С. Смирнова (№ 32); *Объ икотѣ въ этиологическомъ и терапевтическомъ отношеніи*. Изъ лекцій Опольдера (ibid.); *Желчный камень, образовавшій себѣ извилистый ходъ въ брюшныхъ стѣнкахъ и вышедшій наружу*, Кричевскаго (№ 33); *Объ употребленіи Амбихова мяскаго экстракта (бульона) для грудныхъ дѣтей* (№ 34 и 35); *О свойствахъ припадковъ общей сифилитической болѣзни*, Вирхова (ibid.).

Въ Гигиѣ: *О иженъ и макробіотикъ вообще* (№ 1); *О долготѣ человеческой жизни* (ibid.); *О вліяніи табака на здоровье человека* (ibid. и № 2 и 3); *О воспитаніи*, А. И—го (№ 1, 2 и 4); *Объ условіяхъ, способствующихъ сокращенію жизни*. Гигіена старости, Новашина (№ 3—6); *О тѣлодвиженіяхъ въ гигиеническомъ отношеніи*, Зиссермана (№ 6); *Популярная физиологія. Вступленіе. Общій взглядъ на анатомическое устройство человеческого тѣла*,

главныхъ тканей и системъ, входящихъ въ составъ его. *О различныхъ системахъ человеческого тѣла. Частная физиологія* (№ 1 — 6); *Письма старика къ своимъ дѣтямъ* (№ 1, 3 и 4); *Способъ достигнуть глубокаго сна, по Корнаро и аббату іезуиту Лессію*. Перев. съ Франц., исправленный и дополненный по началамъ новѣйшей науки Ив. Ильинскимъ (№ 2—6); *Гигіена души*. Соч. барона Фейстерслебена, пер. съ Франц. Ивана Ильинскаго (№ 6); *О вліяніи фабрикаціи спичекъ на здоровье работниковъ* (№ 1); *О порцѣ и подмѣсяхъ кофе* (ibid.); *Нѣчто о косметическихъ средствахъ* (ibid.); *На чемъ основано сбереженіе питательныхъ веществъ* (ibid.); *Таблица историческихъ честолюбцевъ и властолюбцевъ, указывающая на родъ ихъ смерти* (ibid.); *О порцѣ и поддѣлкѣ винъ* (№ 2); *Перечень профессій, съ обозначеніемъ качествъ, недостатковъ, выгодъ и невыгодъ каждой изъ нихъ* (№ 3); *О времени, въ теченіе котораго перевариваются различныя питательныя вещества* (ibid.); *О числѣ умершихъ отъ различныхъ болѣзней въ больницахъ гражданскаго вѣдомства* (ibid.); *Нѣчто объ обществахъ трезвости* (№ 4); *Нѣсколько словъ о значеніи естествознанія, особенно въ отношеніи къ воспитанію* (ibid.); *Таблица различныхъ промышленныхъ и фабричныхъ заведеній и вообще заведеній, неблагопріятствующихъ здоровью, съ обозначеніемъ въ краткихъ словахъ вреднаго вліянія ихъ* (№ 6); *О примѣсахъ ядовитыхъ веществъ въ конфектахъ* (ibid.). Въ отдѣлѣ библіографіи этого журнала разсмотрѣно пять новыхъ изданій.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на это полезное изданіе; особенно-же можно рекомендовать его родителямъ и воспитателямъ.

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ наукамъ медицинскимъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Попѣдка во внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду, съ ветеринарною цѣлію* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 5); *Начертаніе правилъ, соблюдаемыхъ при составленіи и обсужденіи, сообразно съ законными постановленіями, психологико-врачебныхъ свидѣтельствъ*, Блосфельда (Учен. зап. Казан. унив. кн. II); *Питательныя вещества и напитки*, Соколовскаго (ibid.); *Результаты чумопрививанія* (Отеч. зап. № 7); *Нѣкоторыя условія служебнаго быта врачей уездныхъ городовъ*, Д. К. (Моск. вѣд. № 113); *Социалмическія солено-минеральныя воды*, В. А. Кокорева и Г. А. Бородина (Моск. вѣд. № 130); *Нѣсколько замѣчаній на статью: «О нѣкоторыхъ условіяхъ служебнаго быта уездныхъ и городскихъ врачей»*, М. С. (ibid. № 165); *О сѣрнистомъ*

Александровскомъ источникѣ въ Пятигорскѣ (Кавк. № 41); *Современныя замѣтки врача* (Сынъ от. № 19, 20 и 31).

XVIII. Промышленность, технология и сельское хозяйство.

Укажемъ на болѣе замѣчательныя статьи, явившіяся въ спеціальныхъ газетахъ и журналахъ, по разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности, а именно:

— По теоретической части сельскаго хозяйства: *Очеркъ проекта объ основаніи хлѣбнаго банка для устройства хлѣбной торговли и помощи земледѣльцамъ*, Ф. М. (Ж. с. х. № 7); *Сельскохозяйственныя работы необязательнымъ трудомъ* (ibid.); *Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка*, П. Мулюва (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 3); *О способахъ къ распространенію въ Россіи высшаго агрономическаго образованія*, Фалькова (ibid. № 6).

— По земледѣлію: *О современномъ состояніи земледѣлія въ Великобританіи* (Ж. м. г. им. № 6); *Очеркъ исторіи дренажа въ западной Европѣ*, А. Козловскаго (ibid. № 8); *Простое и популярное описаніе дренажа* (Земл. газ. № 44—50); *Дренажныя работы при Горьгорецкомъ институтѣ въ 1858 г.* (ibid. № 51).

— По скотоводству: а) по скотоводству вообще: *Надежи рогатаго скота и ветеринарная часть въ Казанской губерніи*, Сакена (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 8); б) по коннозаводству: *Объ укрощеніи и дрессировкѣ лошадей по способу Рареля* (Земл. газ. № 61—69); в) по части охоты: *Охота и охотники въ окрестностяхъ Парижа* (Ж. конноз. и охоты № 5, 6, 7).

— По лѣсоводству: въ Журн. лѣс. и охоты: *Таксидермія или способъ набиванія животныхъ* (№ 19); *Бузулукскій боръ* (№ 21); *Очеркъ лѣснаго управленія во Франціи*, В. Цюндзевникаго (№ 22, 23, 24, 25); *Статистическія свѣдѣнія объ устроенныхъ дачахъ*, Н. Зобова (№ 24, 25, 26, 27); *Нѣсколько мыслей объ управленіи крестьянскими лѣсами, его-же* (№ 28); *Климатъ Европейской Россіи*, Н. Зобова (№ 32, 33, 34).

— По садоводству: *Исторія разведенія далин или георинны* (Ж. сад. № 6); *Китайскій золотой корень жень-шенъ* (№ 6); *Возможна-ли акклиматизація растений*, А. фонъ-Гутцейга (ibid.).

— По технологіи: *Важнѣйшія фабрики и заводы Тверской губерніи*, С. Калмыкова (Ж. ман. и торг. № 5); *Марена въ техни-*

ческомъ и экономическомъ отношеніи, П. Андреева (№ 5, 6, 7, 8); *Обработка барита* (ibid.); *Обзоръ литературы писчебумажнаго производства*, А. Рейхеля (ibid. № 5); *Шелкопрядильное заведеніе А. Келлера, въ мѣстечкахъ Монделло и Виллановеттъ, въ Ломбардіи*, Магрини (ibid. № 6); *Развитіе Англійской торговли съ начала нынѣшняго столѣтія* (ibid. № 6, 7); *Мануфактурная промышленность Костромской губерніи въ 1858 г.*, В. Потѣхина (ibid. № 6); *Похожденія по сахарнымъ заводамъ* (Ж. гор. и сел. стр. № 1—5); *Бѣленіе льняныхъ, пеньковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей* (ibid. № 8).

— По хозяйству вообще: *Хлопчатникъ въ историческомъ, ботаническомъ и промышленномъ отношеніяхъ*, Ф. Гребнера (Ж. с. х. № 6); *Русская печь, какъ средство къ приготовленію консервовъ*, М. Киттары (ibid. № 5); *Отчетъ о состояніи индиговой плантаціи Анеттино, г. Козицаго, близъ Ленкорана* (ibid. № 6 и 7); *Природа саранчи и средство къ истребленію ея*, А. Дейчмана (Зап. Кавк. общ. с. х. № 4); *О сельскихъ жилыхъ зданіяхъ и хозяйственныхъ постройкахъ вообще* (Ж. сел. и горн. стр. № 3); *О разведеніи куръ* (Земл. газ. № 32—42).

— По разнымъ и нѣсколькимъ виѣстѣмъ отраслямъ хозяйства и промышленности: *О Бордосскомъ винодѣліи*, Д. Струкова (Ж. м. г. вм. № 5); *Сельско-хозяйственные очерки Франціи*, А. де-Лаверна (ibid. № 8); *Вятская очередная выставка сельскихъ произведеній, въ 1858 г.*, Н. Барановскаго (Зап. Имп. Каз. эк. общ. № 5 и 6); *Таможенныя пошлины на суровъ въ Англій, Франціи и Россіи*, А. Степанова (ibid.); *Опытъ географическаго и хозяйственнаго описанія Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи*, Н. Русановскаго (ibid. № 8); *Нѣсколько мыслей о Посошковѣ, какъ экономистъ XVIII столѣтія* (ibid. № 7); *Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи въ 1858 году* (Зап. сего общ. № 6 и 7).

— По части распространенія грамотности въ простомъ народѣ и улучшенія быта крестьянъ: *О нравственномъ улучшеніи быта крестьянъ* (Земл. газ. № 41); *Мысли нехозяина по поводу толковъ о введеніи грамотности у крестьянъ* (ibid. № 43); *О народномъ образованіи* (ibid. № 48); *Что можетъ служить улучшеніемъ народной нравственности?* (ibid. № 52); *О необходимости семейнаго чтенія въ нынѣшнее время больше, чѣмъ въ прежнее* (ibid. № 55); *Управленіе семьей* (ibid. № 56).

— «Очеркъ проекта объ основаніи хлѣбнаго банка для устройства хлѣбной торковли и помощи земледѣльцамъ». — Редакція Журн. сельскаго хоз. извлекла эту интересную статью изъ «Roczniki Gospodarstwa Krajowego» (т. XXXIV, кн. I, 1859 г.), въ той увѣренности, что она, по важности вопроса и для земледѣлія собственно въ Россіи, обратитъ на себя вниманіе читателей и вызоветъ ихъ мнѣнія. Чтобы познакомить съ сущностію дѣла, сдѣлаемъ извлеченіе изъ этой статьи: «Между причинами, вредно дѣйствующими на успѣхъ и хорошее состояніе земледѣлія, главное мѣсто, безспорно, занимаютъ: слишкомъ непостоянныя цѣны на хлѣбъ, внезапно иногда упадающія и уничтожающія всякія надежды и расчеты земледѣльца, какъ это недавно имѣло и теперь еще имѣетъ мѣсто. Пока подобное состояніе будетъ продолжаться, пока земледѣлецъ не будетъ имѣть возможности съ достовѣрностію рассчитывать на постоянный средній доходъ, равняющійся каждый годъ только 10—30%, особенно при обыкновенныхъ урожаяхъ, на доходъ, покрывающій въ самыхъ плохихъ случаяхъ продуктивныя издержки и доставляющій по-крайней-мѣрѣ самую малую прибыль отъ земли, до-тѣхъ-поръ состояніе нашего земледѣлія не можетъ считаться устроеннымъ и обезпеченнымъ. Важна поэтому задача: обдумать и употребить средства, предотвращающія непостоянность цѣнъ на хлѣбъ и стѣсняющія крайнія цѣны, предѣлы которыхъ никогда не должны быть переступаемы внутри государства. Эта задача была почти невозможною для рѣшенія, пока способы самаго продолжительнаго сохраненія хлѣба были дороги, невѣрны и неусовершенствованы; нынѣ-же, когда этотъ важный вопросъ почти уже пересталъ быть задачей (ибо открытые за границей способы сохраненія хлѣба уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи и суть такого рода, что вездѣ во всякомъ, даже наименьшемъ амбарѣ могутъ быть устроены, не требуя большихъ издержекъ) можно приступить къ рѣшенію предложенной здѣсь задачи. Богѣе или менѣе извѣстно, и по-крайней-мѣрѣ приблизительно можетъ быть вычислено количество хлѣба, нужное ежегодно для внутренняго продовольствія государства. Положимъ, что это количество ржи и пшеницы, о которыхъ здѣсь и можетъ быть рѣчь, равно 3 милліонамъ четвертей. Если-бы оно всегда было постояннымъ, то каждый согласится, что цѣны этимъ видамъ хлѣба были-бы почти всегда одинаковы внутри государства, ибо только потребность въ немъ за границей можетъ

имѣть вліяніе на его дороговизну; но мы здѣсь говоримъ о внутреннихъ отношеніяхъ государства, не принимая въ расчетъ вліянія заграничныхъ торговъ. Такимъ образомъ только та разность, которая происходитъ отъ большихъ или меньшихъ урожаевъ противъ нормальнаго, повышаетъ или понижаетъ цѣну на оный. Отсюда ясно слѣдуетъ, что для поддержанія одинаковости цѣнъ достаточно было-бы: въ случаѣ неурожая, снабдить всѣ торговыя мѣста въ государствѣ этимъ недостающимъ для нормальнаго продовольствія количествомъ хлѣба по установленной нормальной цѣнѣ; въ случаѣ-же большихъ урожаевъ, коль скоро цѣны на хлѣбъ начнутъ упадать ниже нормальной, достаточно было-бы закупить, тоже по нормальной цѣнѣ, на этихъ мѣстахъ хлѣбъ и сохранить въ устроенныхъ для этого запасныхъ магазинахъ все его количество, остающееся отъ внутренняго продовольствія. Количество это приблизительно у насъ не превышаетъ 1 милліона четвертей ржи или пшеницы. Цѣль эта можетъ быть достигнута заведеніемъ хлѣбнаго банка земскаго кредитнаго общества или Польскаго банка. Соучастниками этого банка были-бы, безъ взноса начальныхъ капиталовъ, всѣ землевладѣльцы, нуждающіеся въ помощи его и крѣпко соединенные въ общество слѣдующимъ образомъ. Хлѣбный банкъ имѣлъ-бы главною обязанностью устройство складочныхъ мѣстъ для хлѣба и приготовленіе такой консервациа, какая была-бы признана за самую дешевую и выгодную въ цѣломъ государствѣ, такъ-чтобы каждый уѣздъ, каждая мѣстность имѣла свои складочныя мѣста, которыя-бы оставались, какъ и до-сихъ-поръ, частною собственностью, а только были-бы поручены надзору предполагаемаго банка. Всякій, даже самый малый частный амбаръ можно было-бы записать въ реестръ кладовыхъ хлѣбнаго банка, какъ-скоро владѣлецъ онаго захочетъ снабдить оный консервационнымъ аппаратомъ и подчиниться уставамъ банка. Всѣ внесенныя въ реестръ складочныя мѣста и амбары содержались-бы по установленіямъ, какія хлѣбный банкъ объявитъ, и находились-бы подъ присмотромъ и контролемъ помѣщичьихъ комитетовъ, установленныхъ въ каждомъ уѣздѣ и состоящихъ изъ однихъ землевладѣльцевъ. Кромѣ такихъ амбаровъ и мѣстныхъ кладовыхъ, хлѣбный банкъ учредилъ-бы магазины въ мѣстахъ, признанныхъ имъ за наилучшія, напр. на Вислѣ, на другихъ сплавныхъ рѣкахъ и при желѣзныхъ дорогахъ, съ цѣлью сохранения хлѣба въ видѣ запасовъ и назначеннаго для загранич-

ной торговли. Послѣ основанія хлѣбнаго банка, для чего, какъ мы сказали, не нужно никакого основнаго капитала, а только извѣстная сумма на первыя издержки при устройствѣ учрежденія (эту сумму могло-бы дать кредитное общество изъ запаснаго капитала съ условіемъ возвращенія оной изъ собираемыхъ банкомъ кладовыхъ магазинныхъ, т.-е. за консервацию хлѣба въ магазинѣ) тотчасъ могли-бы быть внесены въ реестръ частные амбары и отданы подъ надзоръ предполагаемыхъ помѣщичьихъ комитетовъ; эти послѣдніе пришлось-бы устроить одновременно, по одному въ каждомъ уѣздѣ. Устроенный такимъ образомъ хлѣбный банкъ установилъ бы прежде всего нормальную цѣну на рожь и пшеницу. Положимъ, что эта цѣна 5 р. с. за четверть пшеницы и 3 за рожь. Такая цѣна, кажется, самая обыкновенная. Послѣ этого позволено было-бы каждому помѣщику, арендному содержателю или землевладѣльцу, признанному таковымъ со стороны комитета, положить въ одинъ изъ амбаровъ, записанныхъ въ реестръ хлѣбнаго банка, количество хлѣба, не превышающее $\frac{1}{4}$ его годичнаго урожая. Вслѣдствіе учрежденія хлѣбнаго банка, во-первыхъ, каждый земледѣлецъ имѣлъ-бы весьма большое удобство снабдить себя во всякое время капиталомъ, необходимымъ ему въ хозяйствѣ, или на уплату податей и срочныхъ платежей кредитному обществу; поэтому онъ не будетъ имѣть необходимости продавать за безцѣнокъ свой урожай. Далѣе хлѣбные рынки не были-бы преисполнены и цѣны на оный никогда-бы слишкомъ противъ нормальныхъ не понижались, ибо хлѣбный банкъ своими операціями имѣлъ-бы возможность удерживать ихъ на одинаковой степени. Привозъ на рынки во-время большихъ урожаевъ и низкихъ цѣнъ уменьшился-бы уже и оттого, что $\frac{1}{4}$ годичныхъ произведеній поступала-бы въ хлѣбные магазины банка, который былъ-бы обязанъ сохранить ихъ на время неурожая и такимъ образомъ поддержалъ-бы равновѣсіе между производствомъ хлѣба и потребленіемъ оного; и, обратно, никогда цѣна не поднималась-бы слишкомъ выше нормальной, ибо во время дороговизны и неурожая хлѣбный банкъ сейчасъ поставилъ-бы на торги недостающее количество хлѣба по цѣнамъ немного выше нормальной. Для предотвращенія могущихъ имѣть мѣсто злоупотребленій, дабы хлѣбъ изъ магазиновъ банка не переходилъ въ руки спекулянтовъ и монополистовъ, предпринимаемы были-бы банкомъ приличныя средства, напр. онъ былъ-бы только продавцемъ хлѣбникамъ и

потребителямъ въ количествѣ, на мѣстныя потребности приблизительно расчитанномъ. Въ этомъ отношеніи самое правительство, вѣроятно, поспѣшило-бы на помощь хлѣбному банку, ибо главная обязанность правительства: «предотвращать голодъ, могущій быть слѣдствіемъ недостатка хлѣба и дороговизны».

— «О способахъ къ распространенію въ Россіи высшаго агрономическаго образованія». — Содержаніе этой статьи имѣетъ особенно-близкое отношеніе къ предмету нашего журнала, а потому мы долгомъ почитаемъ сдѣлать изъ нея по-возможности полное извлеченіе: «Въ настоящее время, говоритъ г. Фальковъ, у нашихъ Русскихъ землевладѣльцевъ совершается преобразование обязаннаго, крѣпостнаго труда на трудъ свободный, вольнонаемный. За этимъ преобразованиемъ наступитъ въ Россіи новый періодъ сельско-хозяйственной промышленности, которая навсегда избавится отъ застоя и рутинны и способна будетъ на всякаго рода улучшенія. Не далеко уже та, всѣмъ желанная, пора, когда взаимныя отношенія между землевладѣльцами и ихъ земледѣльцами будутъ приведены въ ясность и строгую опредѣленность. Тогда прекратится способъ считать выгоды имѣній числомъ крѣпостныхъ душъ. Сельско-хозяйственные доходы будутъ исключительно зависѣть отъ благоразумія, труда, расчетливости и образованности самого хозяина. Пройдетъ невозвратно старая система Русскаго хозяйства, при которой все искусство владѣльца и верхъ его знаній состояли въ исправнѣмъ и бездоимочномъ собираніи съ крестьянъ значительнаго оброка, или въ умѣньи доставлять имъ во всякое время выгодную по деньгамъ работу. Наступитъ новое время должнаго участія науки и ея результатовъ въ Русской сельской промышленности. При обязанномъ трудѣ извлекали доходъ отъ самыхъ крестьянъ, а не отъ земли, обращали вниманіе на трудъ крѣпостныхъ людей, а не на почву и условія ея плодородія, строго учитывали дни, въ которые крестьянинъ долженъ былъ неопустительно являться на барскую работу, а оставляли безъ значенія истощеніе почвы и безтолковое распредѣленіе работъ, не дорожили временемъ и считали трудъ крестьянъ даровымъ и ничего для себя нестоющимъ и при всемъ этомъ немало терпѣли убытковъ. При новомъ порядкѣ землевладѣнія не возможно будетъ вести хозяйство по старымъ понятіямъ безъ быстраго разоренія и полнаго банкротства. Трудъ будетъ наемный, а если и обязанный, то строго-оцѣненный и ограниченный. Вся

стоимость имѣній сосредоточится на землѣ и ея угодьяхъ. Тогда нельзя будетъ безъ убытковъ опускать срочное время работъ и вознаграждать ошибки въ ихъ распредѣленіи однимъ только строгимъ приказаніемъ воспѣшить въ другое время. Нужно будетъ аккуратно и съ точностію напередъ соображать и знать, на какую работу и сколько потребуется рабочей силы и когда ее должно безъ потери выгодъ исполнять, — словомъ, вести свое хозяйство такимъ образомъ, чтобы получать отъ него высшій доходъ, съ меньшими издержками, не истощая почвы и не разоряя имѣнія, а напротивъ заботясь, чтобы плодородіе земли годъ-отъ-году возвышалось и все имѣніе становилось цѣннѣе и цѣннѣе. Новый образъ хозяйства потребуетъ новыхъ дѣятелей, которые-бы основательно были знакомы съ его правилами и умѣли-бы вѣрно постигать выгоды имѣній, организовать ихъ на истинныхъ основаніяхъ и распорядиться работами съ знаніемъ дѣла. Никому не захочется неправильными и ошибочными приемами разстроивать свое хозяйство и лишаться тѣхъ выгодъ, которыя оно можетъ давать подъ управленіемъ опытнаго и образованнаго распорядителя. При наемномъ трудѣ всякое малѣйшее упущеніе по работамъ будетъ сопровождаться чувствительными потерями въ доходахъ. Безъ полного знанія науки сельскаго хозяйства, какъ свода практически-доказанныхъ положеній и законовъ земледѣлія, скотоводства и домоводства, не возможно будетъ выгодно управлять имѣніемъ и извлекать изъ него вѣрные и постоянные доходы. Нужно будетъ или самому владѣльцу первоначально систематически изучить сельское хозяйство и потомъ приступить къ завѣдыванію своимъ имѣніемъ, дабы въ своихъ распоряженіяхъ не впадать въ тѣ ошибки и промахи, которые уже дознаны наукою. Или-же, при недостаткѣ времени, или просто по нерасположенію къ сельской жизни, владѣлецъ долженъ будетъ поручить свое хозяйство людямъ опытнымъ, знающимъ и добросовѣстнымъ. Пройдетъ тогда пора ввѣрять управленіе имѣніемъ старостамъ, бурмистрамъ или иностраннымъ выходцамъ, не имѣющимъ понятія ни о Русскихъ нравахъ, ни о Русскихъ потребностяхъ. Явится обширный запросъ на людей, знающихъ не только одну рутинную практику, но достаточно-знакомыхъ съ самою наукою и теоріею хозяйства. Уже и въ настоящее время замѣтно уваженіе и должное вниманіе къ людямъ, теоретически и практически-свѣдущимъ къ агрономіи. Помѣщики стали чаще обращаться къ нимъ за совѣтами и не-

рѣдко приглашаютъ ихъ къ себѣ въ управляющіе. Даже богѣе. Само дворянское сословіе стало чувствовать для себя нужду въ агрономическомъ образованіи. Тенерь не рѣдкость видѣть молодыхъ дворянъ, охотно вступающихъ въ учебныя сельско-хозяйственныя учрежденія. Въ 1857 г. въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ изъ 157 студентовъ было 87 дворянъ. Чтѣ-же будетъ, когда совершенно измѣнятся владѣльческія отношенія и придется учитывать въ хозяйствѣ каждую копейку расхода и каждый день работы? Тогда желающихъ изучать науку сельскаго хозяйства, при обширности Россіи и многочисленности имѣній, вѣроятно, будетъ не меньше, если даже не больше, чѣмъ ищущихъ теперь медицинскихъ знаній. Одни будутъ стремиться приобрѣтать агрономическія свѣдѣнія для самихъ себя и своихъ имѣній, другіе-же для тѣхъ, кто самъ не въ-состояніи, по какимъ-либо обстоятельствамъ, завѣдывать своимъ хозяйствомъ, — разумѣется, съ должнымъ за то вознагражденіемъ. Если предстоитъ обширная потребность у насъ, въ Россіи, въ сельско-хозяйственномъ просвѣщеніи, то столько-же обширны и доступны должны быть и средства къ ея удовлетворенію. Необходимо, чтобы желающій изучить науку сельскаго хозяйства въ полномъ ея составѣ могъ легко находить исполненіе своего желанія, не совершая длинныхъ, дорого-стоющихъ и потому не всякому доступныхъ переѣздовъ и не отдаляясь на значительныя пространства отъ мѣста своего обитанія. Въ настоящее время этому условію не могутъ соотвѣтствовать наши учебныя заведенія». Разсмотрѣвъ за симъ нынѣ существующія у него средства къ приобрѣтенію основательныхъ агрономическихъ познаній, и показавъ неудовлетворительность сихъ средствъ, г. Фальковъ предлагаетъ учрежденіе при университетахъ особыхъ агрономическихъ разрядовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: «Теперь всякій почти убѣжденъ, что спеціальныя учебныя учрежденія не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы, когда они разъединены съ образованіемъ общимъ, не слиты съ нимъ и не основываются на немъ. Вотъ уже третій годъ какъ наша Русская литература проповѣдуетъ это мнѣніе за г. Пироговымъ, рѣшившимся въ первый разъ печатно высказать его. На сторонѣ этого-же мнѣнія и большая часть литературы иностранной. Даже Франція, этотъ центръ и источникъ спеціальностей, порожденныхъ Наполеономъ I, возстаетъ противъ нихъ и склоняется на сторону образцовой Англіи, не имѣющей спеціаль-

ныхъ учебныхъ заведеній, а между-тѣмъ славящейся своими спеціалистами по всѣмъ отраслямъ реальныхъ и техническихъ наукъ. Само правительство наше въ послѣднее время приняло, кажется, правиломъ не размножать болѣе специальныхъ учебныхъ заведеній, а по-возможности совмѣщать ихъ съ общими учрежденіями министерства народнаго просвѣщенія, уменьшая число кадетскихъ корпусовъ и закрывъ педагогическій институтъ. Дѣйствительно, воспитанники специальныхъ учебныхъ заведеній, имѣя мало соприкосновенія съ образованіемъ общимъ, и занятые почти исключительно главными предметами, слишкомъ сильно въ нихъ увлекаются, немного интересуясь сущностію вещей и законами явленій, болѣе обращаютъ вниманіе на технику занятій, чѣмъ на научную и теоретическую сторону предмета. Оттого хотя и выходятъ они иногда мастерами своего дѣла, но не вполне знаютъ его основанія и мало способны бываютъ къ его улучшенію. Не таково должно быть высшее спеціальное образованіе. Необходимо, чтобы оно прежде всего основывалось на образованіи общемъ, изъ него исходило и на немъ утверждалось. Общее образованіе, совмѣщая въ себѣ всѣ предметы, познаніе которыхъ нужно всякому человѣку, какого-бы онъ званія и занятія ни былъ, развиваетъ въ немъ логичность, даетъ прочность его убѣжденіямъ и утверждаетъ въ немъ правильность взгляда на міръ и его отдѣльныя явленія, — словомъ, дѣлаетъ его человѣкомъ, развиваетъ въ немъ его чело-вѣчность. За тѣмъ уже лице, жалающее посвятить себя какой-либо спеціальности, должно изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, какъ теоретически, такъ и практически, какъ относительно технического исполненія, такъ и научнаго объясненія. Оно должно стараться обнять свой предметъ во всей обширности и во всѣхъ соприкосновеніяхъ съ тѣми науками, которыя находятся съ нимъ въ связи и взаимной зависимости. При этомъ только условіи можно быть полнымъ знатокомъ своего дѣла и достаточно способнымъ на его дальнѣйшее усовершенствованіе. Въ противномъ случаѣ, факты и законы изучаемаго предмета будутъ представляться не вполне ясными и не совсѣмъ понятными. Открытіе особыхъ земледѣльческихъ институтовъ, по образцу Горыгорецкаго, не можетъ не навлечь на себя, въ большей или меньшей степени, означенныхъ упрековъ. Кромѣ-того, основаніе новыхъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ не можетъ быть произведено въ скоромъ времени, съ малыми издержками, и большою пользою. Обратимся

теперь въ другой мѣрѣ, которая въ этомъ случаѣ можетъ замѣнить открытіе институтовъ, и посмотримъ, — какія она имѣетъ на своей сторонѣ выгоды и невыгоды. Для этого напередъ представимъ самый способъ, какъ она можетъ быть осуществлена и приведена въ исполненіе. Въ Горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ, по положенію о немъ, преподаются слѣдующіе предметы: а) *общіе*: законъ Божій, Русская словесность и хозяйственная статистика Россія и другихъ важнѣйшихъ государствъ; б) *спеціальныя*: сельское хозяйство со всѣми отдѣльными отраслями, какъ-то: полеводствомъ, лѣсоводствомъ, скотоводствомъ, огородничествомъ, садоводствомъ, лѣсоводствомъ и полеводствомъ; домоводство съ изложениемъ правилъ организаціи хозяйствъ и управленія помѣстьями; оцѣнка поземельныхъ угодій; сельская бухгалтерія; сельско-хозяйственная технологія и механика; сельская архитектура и геодезія съ практическимъ упражненіемъ въ съемкѣ, нивелировкѣ и черченіи архитектурныхъ плановъ в) *вспомогательныя*: математика, физика съ метеорологіею и климатологіею, химія, минералогія, ботаника преимущественно хозяйственная; зоологія съ примѣненіемъ къ скотоводству и ветеринарной наукѣ; начала правовѣдѣнія и изученіе Россійскихъ законовъ съ примѣненіемъ къ сельскому быту; энциклопедія камеральныхъ наукъ, въ томъ объемѣ и той подробности, какъ это необходимо въ видахъ спеціальнаго образованія по части сельскаго хозяйства; рисованіе и Нѣмецкій языкъ. Съ открытіемъ, при университетахъ, особыхъ агрономическихъ разрядовъ, нѣкоторыя изъ исчисленныхъ наукъ могутъ быть не вводимы въ число предметовъ преподаванія. Таковы: Русская словесность, математика, физика и рисованіе. Науки эти положено было читать въ Горыгорецкомъ институтѣ по прежнимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя въ университетахъ не могутъ встрѣтиться. Да и въ институтѣ, кажется, предположено ихъ исключить. Тѣмъ болѣе можно это сдѣлать въ университетахъ, усиливъ только требованія на знаніе означенныхъ наукъ отъ вступающихъ въ студенты. Познанія въ нихъ, равныя гимназическимъ программамъ, вполнѣ достаточны для спеціальнаго изученія всей науки сельскаго хозяйства. Что касается главныхъ предметовъ, то изъ нихъ легко могутъ быть переведены въ число вспомогательныхъ: сельская архитектура и механика. Главнымъ предметомъ долженъ быть только тотъ, который стоитъ во главѣ всего спеціальнаго образованія и имѣетъ

съ нимъ самую тѣсную и ближайшую связь, или какъ часть цѣлаго, или какъ необходимое дополненіе къ цѣлому, въ видѣ дальнѣйшаго его развитія и изъясненія. А постройки и механическія занятія составляютъ не главный и существенный элементъ хозяйства, а только случайныи и побочный. Вполнѣ будетъ достаточно для ученаго агронома знать эти предметы, какъ вспомогательные, которыми онъ могъ-бы при случаѣ пользоваться, подѣ руководствомъ архитектора и механика. Архитектура и механика—науки очень обширныя. Каждая изъ нихъ требуетъ, для успѣшности знанія, особаго спеціальнаго изученія. Трудно совмѣстить въ короткое время изученіе ихъ съ другою спеціальностію, которая сама-по-себѣ тоже имѣетъ значительные размѣры. Реальныя науки тѣмъ особенно замѣчательны, что знаніе ихъ тогда и бываетъ вполнѣ полезно, когда каждая изъ нихъ изучается, какъ отдѣльная спеціальность. При устройствѣ земледѣльческихъ разрядовъ въ университетахъ не нужно имѣть особыхъ профессоровъ по кафедрамъ общихъ и вспомогательныхъ наукъ, необходимыхъ для ученаго агронома. Всѣ эти предметы существуютъ уже въ университетахъ и читаются всегда специалистами, въ надлежащемъ объемѣ и полнотѣ. За тѣмъ потребуются только преподаватели главныхъ предметовъ, кромѣ технологіи, кафедра которой имѣется въ университетахъ, и одинъ и тотъ-же профессоръ удобно можетъ совмѣстить преподаваніе какъ всей технологіи, такъ и отдѣльно сельско-хозяйственной, назначивъ для этого или особые часы, или обязавъ студентовъ земледѣльческихъ разрядовъ слушать технологію въ то время, когда будутъ излагаться производства, имѣющія приложеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Всѣ прочіе главные предметы, для успѣшности преподаванія, могутъ быть размѣщены по-крайней-мѣрѣ между шестью наставниками, именно между 3 профессорами и 3 адъюнктами такимъ образомъ: 1) полеводство и луговоеводство; 2) огородничество, садоводство, виноградарство и шелководство; 3) лѣсоводство и пчеловодство; 4) домоводство, оцѣнка земельныхъ угодій и сельская бухгалтерія; 5) скотоводство, и 6) геодезія съ черченіемъ плановъ. Въ дѣлѣ изученія сельскаго хозяйства, кромѣ теоріи, вторую и существенную часть составляетъ практика. Мало-того, чтобы учащіеся выслушали полный курсъ всего сельскаго хозяйства, со всѣми теоретическими описаніями производства работъ и потребныхъ для того орудій,— нужно еще, чтобы они видѣли, какъ на самомъ дѣлѣ производятся

хозяйственныя работы, какъ онѣ распредѣляются въ продолженіе года, какъ ведется должное управленіе рабочими силами и всѣмъ хозяйствомъ, и въ то-же самое время приучили-бы свой глазъ видѣть достоинства и недостатки самой работы и ея произведеній. Практика, и очень обширная, необходима для полнаго и всесторонняго изученія сельскаго хозяйства. Этому условію легко будетъ удовлетворить съ открытіемъ земледѣльческихъ разрядовъ при университетахъ: Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ. Вблизи Москвы есть практической хуторъ, принадлежащій тамошнему обществу сельскаго хозяйства. А неподалеку отъ Казани и Харькова находятся учебныя фермы министерства государств. имущ. Стоитъ только названныя учрежденія привести въ тѣсную и взаимную связь съ земледѣльческими разрядами университетовъ и цѣль будетъ достигнута. Для этого не нужно исключать ихъ изъ прежнихъ вѣдомствъ и присоединять къ составу и полному завѣдыванію университета. Они вполне могутъ остаться на прежнихъ основаніяхъ и въ томъ-же видѣ, какъ существуютъ теперь. Достаточно будетъ, если каждая вѣтвь фермерскаго хозяйства, въ учебномъ отношеніи, будетъ находиться въ вѣдѣніи профессора того предмета. Хозяйственная же часть и исполнительная пусть останутся въ распоряженіи управляющаго фермою. Каждый профессоръ, занимаясь особою частію хозяйства, имѣетъ больше времени и средствъ слѣдить за своимъ предметомъ и знать, — какіе по его части должны производиться опыты и изслѣдованія для дальнѣйшаго усовершенствованія науки, — чѣмъ одинъ управляющій фермой, по всѣмъ отраслямъ вдругъ. Поэтому профессора университета, имѣя близкое прикосновеніе къ фермѣ, должны составить вокругъ ея управляющаго совѣтъ. съ утвержденія и согласія котораго будутъ производиться всѣ опыты и хозяйственныя работы и распоряженія матеріальными средствами фермы. Чтобы доставить студентамъ университетовъ возможность практически изучать сельское хозяйство, для этого годичныя ученія должны состоять изъ двухъ главныхъ семестровъ: зимняго и лѣтняго, теоретическаго и практическаго. Зимній семестръ долженъ начинаться сентябремъ и оканчиваться половиною апрѣля, или вообще пасхою. Въ продолженіе его должно происходить теоретическое чтеніе лекцій въ аудиторіяхъ университета. Послѣ-же пасхи, съ открытіемъ полевыхъ и слѣдовательно существенныхъ въ хозяйствѣ работъ, студенты вмѣстѣ съ профессорами должны отправляться на фер-

му и все лѣто заниматься тамъ практикою. Каждый профессоръ, по своей части, долженъ быть главнымъ руководителемъ студентовъ въ ихъ практическихъ занятіяхъ. Онъ можетъ при этомъ даже читать иногда лекціи, особенно по тѣмъ отдѣламъ своего курса, гдѣ требуется наглядность и практичность. Самые курсы ученія должны начинаться и оканчиваться новымъ годомъ. Тогда студенты, прослушавъ начальныя лекціи предмета въ январскую треть, будутъ имѣть возможность, въ продолженіе цѣлаго лѣта, повѣрить все это на практикѣ и даже увидѣть то, что имъ будетъ читаться въ слѣдующую сентябрьскую треть. Во время-же сентябрьской трети, дослушавъ весь теоретическій курсъ, они въ состояніи будутъ лучше подготовиться къ экзамену и давать на немъ отвѣты въ декабрѣ какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ своемъ знаніи. Иначе, если сдѣлать экзамены въ общепринятое время, въ маѣ, тогда студенты должны будутъ пропускать важное весеннее время для практическихъ занятій, а съ другой стороны могутъ сдавать экзаменъ только въ теоретическомъ знаніи предмета, безъ пракческаго изученія. Правда, по окончаніи экзамена, студенты могутъ практиковаться на фермѣ; но тогда мало будетъ для нихъ побудительныхъ причинъ тщательно заниматься практикою безъ повторенія вновь экзаменовъ. На повтореніе экзаменовъ потребуется лишнее время, и все-таки, пожалуй, цѣль не будетъ достигнута. Весенніе балы студентовъ немало могутъ располагать и предубѣждать экзаменатора въ пользу одного изъ экзаменующихся и противъ другаго. Чтобы профессорамъ удобнѣе было производить ученые опыты по своей части и слѣдить за ихъ ходомъ на фермѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ должно будетъ придать въ помощь особыхъ ассистентовъ, по мѣру ассистентовъ въ университетскихъ клиникахъ. Ассистенты эти должны бѣть избираемы изъ кончившихъ курсъ студентовъ, оказавшихъ лучшіе противъ другихъ успѣхи въ агрономіи и признанныхъ способными занять въ послѣдствіи профессорскія кафедры въ университетѣ. Прикомандировка ихъ къ фермѣ дастъ имъ средства къ дальнѣйшему изученію сельскаго хозяйства и возможность съ успѣхомъ подготовиться къ магистерскому экзамену. Ассистенты должны жить постоянно на фермѣ и быть по экономической части въ завѣдываніи управляющаго фермою, а во всемъ прочемъ зависѣть отъ своего профессора. Ихъ по-крайней-мѣрѣ должно быть четверо, именно: а) по полевдству, б) по огородни-

честву и садоводству, с) по скотоводству и d) по лѣсоводству и пчеловодству. Описанное устройство агрономическихъ разрядовъ при университетскѣхъ и предполагаемая связь ихъ съ фермами не заключаетъ въ себѣ ничего особенно-необычлагаго. Такой способъ соединенія двухъ вѣдомствъ существуетъ уже по медицинѣ. Почему-же не допустить его въ отношеніи къ сельскому хозяйству? Практикуются-же медики-студенты Московскаго университета въ городской Екатерининской больницѣ, хотя она подлежитъ другому вѣдомству. Образование при университетахъ сельско-хозяйственныхъ разрядовъ и доставленіе студентамъ возможности практиковаться на фермахъ представляютъ важныя выгоды. Во-первыхъ, не будетъ нужды въ возведеніи особыхъ помѣщеній для этихъ разрядовъ. Наличное число университетскихъ зданій, особенно послѣ разрѣшенія казеннымъ студентамъ жить на вольныхъ квартирахъ, вполне можетъ удовлетворить предстоящей потребности. Нужно будетъ только устроить на фермахъ помѣщенія для постоянного житья ассистентовъ и лѣтняго пребыванія профессоровъ и студентовъ земледѣльческихъ разрядовъ. На это не потребуются, вѣроятно, въ общей сложности болѣе 30,000 руб. сер., т.-е. по 10,000 р. на каждую ферму. Такимъ образомъ сохранится по-крайней-мѣрѣ до 570,000 руб., или болѣе изъ 600,000 руб., которыя необходимы на первоначальное устройство трехъ земледѣльческихъ институтовъ. Во-вторыхъ, содержаніе земледѣльческихъ разрядовъ при трехъ университетахъ (Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ) обойдется въ годъ немного болѣе содержанія одного Горыгорецкаго института, хотя вліяніе этихъ разрядовъ будетъ несравненно обширнѣе. Жалованье профессоровъ и адъюнктовъ земледѣльческихъ разрядовъ должно быть выше противъ жалованья другихъ университетскихъ преподавателей, потому-что на нихъ будетъ лежать больше обязанностей. Въмѣсто 9 мѣсяцевъ въ году, посвящаемыхъ въ университетѣ на чтеніе лекцій, профессора земледѣльческихъ разрядовъ должны будутъ круглый годъ заниматься со студентами, то чтеніемъ теоретическихъ лекцій въ аудиторіяхъ, то практикою на фермѣ. Они не могутъ пользоваться лѣтними вакаціями въ такомъ размѣрѣ, какъ профессора другихъ факультетовъ. Профессоры земледѣльческихъ разрядовъ должны въ продолженіе лѣта жить на фермѣ и руководить студентами въ практическихъ занятіяхъ. Въ число ихъ жалованья необходимо должны входить расходы на проѣзды на ферму и обратно, ко-

торую они должны посѣщать даже зимою, хотя разъ или два въ мѣсяцъ, для общихъ совѣщаній о дѣлахъ фермы и для наблюденій за учеными опытами, производимыми ихъ ассистентами. Поэтому каждому профессору должно положить жалованья по крайней-мѣрѣ 1,800 руб. и адъюнкту по 999 руб., а всѣмъ шести 8,100 руб. серебромъ. Жалованье ассистента не можетъ быть менѣе 300 р., при настоящей дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ и при обширности его круга дѣйствій. По этому расчету на четверыхъ приходится 1,200 р. Сообразно со штатомъ Горыгорецкаго института, необходимо положить на расходы по содержанию на фермѣ образцоваго скота, по опытной запашкѣ, питомнику, саду и пр. 1,500 р., на увеличеніе учебныхъ пособій при университетѣ для земледѣльческихъ разрядовъ, какъ-то: на библіотеку, модели, инструменты, на выписку періодическихъ земледѣльческихъ изданій, на медали студентамъ и пр. 1,500 руб. и на содержаніе и ремонтъ новыхъ зданій на фермѣ 1,200 р. Такимъ образомъ на содержаніе одного земледѣльческаго разряда при каждомъ изъ трехъ поименованныхъ университетовъ потребуется въ годъ около 13,500 р. с., а на всѣ три до 40,500 р. с. Нельзя думать, чтобы менѣе этой суммы обошлось содержаніе предполагаемаго земледѣльческаго института въ Москвѣ, тогда какъ результаты дѣйствія трехъ земледѣльческихъ разрядовъ сравнительно съ однимъ Московскимъ институтомъ должны быть по крайней-мѣрѣ въ три раза обширнѣе. Открытіе земледѣльческихъ разрядовъ при университетахъ будетъ имѣть и ту выгоду, что образованіе гуманное не будетъ отдѣлено отъ реального, хотя въ-отношеніи къ сельскому хозяйству. Только въ соединеніи реального направленія съ гуманнымъ, по вѣрному слову г. Пирогова, лежитъ настоящее достоинство университетскаго преподаванія». Въ заключеніе своей статьи г. Фальковъ высказываетъ весьма основательныя мысли о развитіи въ университетахъ реального направленія: «Давно уже говорятъ, пишетъ онъ, что нашимъ университетамъ не достаетъ въ преподаваніи реальности и практичности. Помимо медицинскихъ факультетовъ, они наполняютъ общество почти исключительно только чиновниками и учеными, или по крайней-мѣрѣ учащими. Для промышленности и торговли университеты Русскіе, въ учебномъ отношеніи, немного еще сдѣлали. Если сосчитать всѣхъ, кто по окончаніи университетскаго курса посвятилъ себя промышленнымъ занятіямъ, сознавая къ тому свои силы и знанія, то не-

большое наберется число такихъ избранныхъ и передовыхъ людей, хотя при всѣхъ почти университетахъ существуютъ кафедры сельскаго хозяйства, технологіи и практической механики, а при нѣкоторыхъ находятся даже цѣлыя камеральныя разряды. Причина тому заключается, съ одной стороны, во всемъ Русскомъ обществѣ, и съ другой—въ устройствѣ самыхъ университетовъ. Доселѣ образованное Русское общество находило приличнымъ и достойнымъ для своей дѣятельности одно только поприще казенной службы, гдѣ видѣло для себя обезпеченіе, независимость и значеніе. Всѣ прочіе роды занятій, особенно промышленныхъ, считало низкими и свойственными только классамъ необразованнымъ, какъ-бы самую природою къ тому назначеннымъ за ихъ узкость понятій и неразвитость стремленій. Въ университетскомъ образованіи, даже по предметамъ реальнымъ, преобладаетъ теорія надъ практикой, науковая сторона предмета надъ техникой, а нѣтъ счастливой среды между тою и другою. Реальныя науки не отдѣлены строго отъ наукъ чисто-теоретическихъ, не поставлены во главу особаго спеціальнаго изученія, а слиты съ ними въ одно, какъ напр. сельское хозяйство или технологія находятся на одной параллели или съ зоологіей и минералогіей, пли-же съ государственнымъ правомъ и финансами. Извѣстное дѣло, теорія сильнѣе дѣйствуетъ на умъ, особенно молодой, и больше его увлекаетъ живостію своего изложенія, легкостію усвоенія и поразительностію выводовъ, чѣмъ сухая и строгая къ исполненію практика. Студенты больше и охотнѣе занимаются теоретическими науками, чѣмъ реальными, которыя при изученіи отставляются ими на второй планъ, хотя и считаются въ числѣ главныхъ предметовъ. Въ послѣдніе годы образованное Русское общество начало перемѣнять свои стремленія и убѣжденія. Оно не такъ уже сильно поражается блескомъ призрачнаго чина и значеніемъ тошаго чиновника, стало подумывать о болѣе существенномъ, говорить объ акціяхъ, компаніяхъ, ихъ выгодахъ и невыгодахъ, само въ нихъ принимаетъ участіе, уважаетъ частную службу и даже иногда предпочитаетъ ее всякой другой. Но частная служба, предлагая хорошее вознагражденіе, требуетъ должнаго труда и знанія дѣла. Многіе промышленники, и земледѣльческіе и фабричныя желаютъ принимать къ себѣ на службу людей образованныхъ, но что-же имъ дѣлать, когда эти образованные люди не въ-состояніи взяться за предлагаемыя имъ порученія. Промышленность наша сознала свою

отсталость и, желая исправиться, ищеть мастеровъ и исполнителей, но, къ-несчастію, мало еще ихъ находить. Пора, кажется, Русскимъ университетамъ, какъ руководителямъ общества и хравителямъ наукъ, принять участіе въ его направленіи и постараться удовлетворять его желанія, измѣнивъ настоящую систему преподаванія и распредѣленія разрядовъ. Для этого нужно образовать при университетахъ, по-крайней-мѣрѣ Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ, на первый разъ хотя особые сельско-хозяйственные разряды, или въ связи съ разрядами камеральными или съ естественными, потому-что въ высшемъ агрономическомъ образованіи Россія, какъ государство способное преимущественно къ земледѣлію, больше всего нуждается, а вскорѣ нужда эта почувствуется очень настойчиво. При такомъ только условіи, вступающіе въ сельско-хозяйственный разрядъ увидятъ себя въ благопріятной обстановкѣ, не будутъ въпродолженіе своего образованія развлекаться разнообразіемъ предметовъ и станутъ непосредственно готовить себя къ промышленности, а не къ чиновничеству. Сама сельская промышленность сознаетъ ихъ значеніе, охотно будетъ обращаться къ нимъ, какъ специалистамъ, и съ радостію приглашать къ своимъ занятіямъ». «Предлагая на судъ публики свои мысли о способахъ къ распространенію въ Россіи агрономическаго образованія, должно въ-заключеніе сказать, что цѣль настоящей статьи собственно показать необходимость и выгоды открытія при университетахъ особыхъ сельско-хозяйственныхъ разрядовъ. Подробности устройства этихъ разрядовъ, ихъ связь съ фермами и расходы на ихъ содержаніе составляютъ здѣсь второстепенное значеніе. Все это можетъ быть или приведено въ исполненіе въ томъ видѣ, какъ изложено въ статьѣ, или можетъ подвергнуться измѣненіямъ по усмотрѣнію правительства. Поэтому въ настоящей статьѣ нѣтъ рѣчи и объ источникахъ, изъ которыхъ должно заимствовать средства для содержанія при университетахъ сельско-хозяйственныхъ разрядовъ. Одно здѣсь можно только сказать объ этомъ предметѣ. Если имѣются въ виду средства на открытіе и содержаніе въ Москвѣ особаго земледѣльческаго института, то несравненно будетъ выгоднѣе и полезнѣе для Россіи распредѣлить эти средства на три сельско-хозяйственные разряда, нежели употреблять ихъ на одинъ институтъ. Въ такомъ случаѣ три разряда принесутъ и въ три раза больше пользы».

Digitized by Google

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

I.

Н О В О С Т И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ЗНАЧЕНІЕ ГЛИКОГЕНА ПРИ РАЗВИТІИ ЗАРОДЫША (1). — «Въ предъидущей статьѣ (2) я показалъ, что гликогенъ является уже при началѣ зародышной жизни и что онъ является, прежде развитія печени, въ послѣдѣ и другихъ прибавочныхъ и временныхъ органахъ плода (3). Къ этому я присоединилъ, что въ эту эпоху организаци гликогенъ находится также въ другихъ частяхъ зародыша и что, каково-бы впрочемъ ни было его распредѣленіе, онъ постоянно встрѣчается въ нѣкоторыхъ зародышныхъ тканяхъ въ теченіе извѣстнаго времени ихъ развитія. Этотъ интересный

(1) Статя Клода Бернара. *Comptes rendus* 4 Avril 1859, стр. 678.

(2) См. сентябрьскую книжку Ж. м. н. пр., статью: *Новое отяраженіе плода*.

(3) Наблюденія, на которыхъ это основано, были сдѣланы главнымъ образомъ надъ зародышами коровъ и кроликовъ. Съ-тѣхъ-поръ я распро- странилъ свои изслѣдованія на зародыши человѣка, а также на зародыши свиней, собакъ, кошекъ и пр. У разныхъ видовъ я нашелъ довольно много- численные различія въ расположеніи гликогена послѣда, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ было трудно его найти. Впослѣдствіи я сообщу эти новыя наблюденія, еще неоконченныя по-причинѣ трудности доставать зародыши въ значительномъ количествѣ, притомъ разныхъ возрастовъ и неповре- жденныя.

фактъ повелъ меня къ сближенію животныхъ и растеній въ этомъ отношеніи; на самомъ дѣлѣ, и у тѣхъ и у другихъ гликогенъ и крахмалъ представляютъ какъ-бы составное начало плотоплазмы, въ нѣдрѣ которой совершается органическое развитіе.

«Во всякомъ случаѣ достойно примѣчанія, что не всѣ ткани зародышнаго животнаго организма представляютъ одинаковыя явленія; и наблюденія, которыхъ результаты я хочу теперь сообщить, имѣли цѣлью опредѣлить, каковы именно гистологическіе элементы, которыхъ развитіе сопровождается гликогеномъ.

«Органы, изслѣдованные мною, можно раздѣлить на двѣ большія группы: 1) наружныя или пограничныя органы, состоящіе изъ тканей кожныхъ и слизистыхъ; 2) внутренніе или содержимые, куда относятся ткани — костная, мускульная, нервная, жилѣзистая и пр. Мы увидимъ, что преимущественно въ развитіи пограничныхъ тканей гликогенъ играетъ важную роль.

«1) *Ограничивающія ткани; кожные и слизистые покровы; эпителии.* Всѣ наружныя эпителиальныя оболочки, составляющія кожныя или слизистыя поверхности, въ-теченіе извѣстнаго времени зародышной жизни могутъ содержать гликогенъ въ различныхъ формахъ.

«*Кожная поверхность.* Гликогенъ проникаетъ самую ткань кожи и находится также въ клѣточкахъ эпителия, ее покрывающаго. Нѣкоторыя животныя представляютъ этотъ послѣдній случай болѣе ясно, чѣмъ другія. Такъ у свиньи это расположеніе обнаруживается очень рѣзко, между-тѣмъ-какъ его гораздо труднѣе замѣтить у кролика, у кошки и даже у коровы (4). Чтобы доказать

(4) Можно смотрѣть на гликогеническія клѣточки кожи, какъ на продолженіе клѣточекъ, которыя я указалъ прежде на амниосѣ жвачныхъ и которыя я встрѣтилъ также на амниосѣ свиньи. Эти гликогеническія клѣточки амниоса свиньи существуютъ въ-особенности на пушвинномъ канатѣ и на сосѣдней части амниоса. Ихъ гликогенъ измѣняется очень быстро, и чтобы доказать его присутствіе, нужно изслѣдовать очень свѣжіе зародыши. Я никогда не находилъ подобныхъ клѣточекъ въ амниосѣ человѣка, кошки, собаки или кролика, хотя искалъ ихъ въ очень свѣжихъ зародышахъ.

Безъ сомнѣнія, очень трудно въ настоящее время точно характеризовать эпителиальныя формы и ясно различить ихъ отъ желѣзистыхъ элементовъ. Вотъ почему я въ послѣдней моей статьѣ, указывая на гликогеническія клѣточки послѣда и амниоса, безразлично называлъ ихъ *желѣзистыми* и *эпителиальными* клѣточками; я нашелъ гликогеническія клѣточки внутри послѣда у кроликовъ; но я часто находилъ также у этихъ животныхъ глико-

присутствіе гликогена въ кожѣ, достаточно поскоблить лезвеемъ остраго инструмента ея поверхность у молодаго зародыша и разсматрѣть въ микроскопъ отдѣленные части. Тогда легко распознать клѣточки и разнообразныя гистологическіе продукты, представляющіе внутри и снаружи вещество, иногда зернистое и окрашивающееся въ виннокрасный цвѣтъ отъ дѣйствія кислой іодовой тинктуры. При помощи признака окрашиванія можно легко изучить расположеніе гликогена въ кожѣ во всѣ періоды ея развитія. Я долженъ, впрочемъ, поспѣшить прибавить, что никогда не должно останавливаться на одной этой реакціи, потому-что, если судить по одному этому признаку, то можно принять существованіе гликогена тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, или отвергнуть его тамъ, гдѣ онъ есть на самомъ дѣлѣ (5). Я постоянно употреблялъ всѣ

геническія пластинки на слизистой оболочкѣ маточныхъ роговъ, рядомъ съ прикрѣпленіемъ послѣда, такъ, какъ-бы гликогеническія клѣточки были первоначально эпителиальнымъ произведеніемъ. Между-тѣмъ я полагаю, что должно будетъ различить гликогеническія клѣточки отъ эпителиевъ; потому-что на кожѣ можно видѣть, что гликогеническія клѣточки исчезаютъ, когда эта перепонка мало-по-малу вполне развилась и когда показывается ея окончательный эпителий. Физиологическій вопросъ вовсе не будетъ уясненъ, если принять, что здѣсь происходитъ превращеніе эпителия. По моему мнѣнію, отправленіе, т.-е. образованіе особеннаго и опредѣленнаго отправленія въ клѣточкѣ, одно уже достаточно, чтобы отличить ее отъ другихъ. Слѣдовательно произведеніе гликогена соответствуетъ опредѣленному отправленію. У голубя, во время вылаупленія птенцовъ, является въ зубу толстый слой клѣточекъ, которые отдѣляютъ жиръ и вещество, подобное казеину. Анатомъ на извѣстныхъ основаніяхъ можетъ допустить, что это есть превращенный эпителий зоба; тѣмъ не менѣе физиологъ долженъ видѣть особенные органы тамъ, гдѣ происходитъ образованіе новыхъ продуктовъ.

(5) Если кипятить въ водѣ кожную ткань, въ-особенности ткань зародыша, то изъ нее извлекается большое количество желатины, которую потомъ невозможно отдѣлить отъ гликогена: потому-что я замѣтилъ, что животный уголь, который имѣетъ способность останавливать мнѣгія бѣлковинныя вещества, не удерживаетъ желатины. Но уголь можетъ однакожъ отнять вещество, способное превратиться въ желатину вслѣдствіе кипяченія. Для этого нужно тщательно стереть сырую животную ткань съ углемъ и сдѣлать родъ тѣста, прибавивъ нѣсколько воды, потомъ оставить смѣсь въ покой на нѣсколько часовъ, чтобы уголь лучше подѣйствовалъ. Потомъ смѣсь варятъ съ достаточнымъ количествомъ воды и получаютъ опаловидный наваръ, не заключающій въ себѣ желатины и содержащій гликогенъ, надъ которымъ можно легко пробовать всѣ реакціи, какія нужны для того, чтобы убѣдиться въ его природѣ. Этотъ приемъ можно примѣнить и къ мускуламъ, также какъ

реакціи вмѣстѣ, т.е. вмѣстѣ съ микроскопическимъ изслѣдова-ніемъ, я также вываривалъ ткань кожи. Когда она содержитъ гликогенъ, то получается опаловидный растворъ, окрашиваемый въ фіолетовый, или въ виннокрасный цвѣтъ іодовою водою, дающій осадокъ отъ примѣси алкоголя или кристаллизующейся уксу-сной кислоты въ избыткѣ. Кромѣ-того, это вещество имѣетъ суще-ственный признакъ въ томъ, что способно весьма легко измѣ-няться въ сахаръ дѣйствіемъ энергическихъ кислотъ и подѣ влия-ніемъ діастазическихъ ферментовъ животныхъ и растительныхъ. Однимъ словомъ, этотъ гликогенъ, извлеченный такимъ образомъ изъ кожи, представлялъ мнѣ всѣ признаки, которые я указалъ въ другихъ мѣстахъ для гликогена печени и послѣда (6).

«Какъ продолженія эпителиальныхъ частей кожи, намъ оста-ются еще различныя роговыя образования: рога, копыта, ногти и пр. Эти органы дѣйствительно содержатъ въ себѣ гликогениче-скія клѣточки и это вещество исчезаетъ въ нихъ постепенно по мѣрѣ развитія ткани. Въ коровьихъ, овечьихъ, свиныхъ и пр. зародышахъ рогъ копытъ — мягокъ, желтоватъ, какъ-бы раз-мягченъ амніотическою жидкостью. Если дѣлать тонкіе разрѣзы, то можно видѣть, что мягкая часть заключаетъ въ себѣ глико-генъ, а въ болѣе организованныхъ частяхъ его нѣтъ. Въ этихъ случаяхъ, кажется, очевидно, что гликогенъ служитъ для органи-

и ко всѣмъ другимъ тканямъ, способнымъ отдѣлать желатину, и можно даже принять его за общій способъ извлеченія гликогена.

(6) Чтобы удобно открыть различныя части зародыша, заключающія гликогенъ, нужно погрузить совершенно свѣжій зародышъ въ кислую тинктуру іода. Тогда легко можно замѣтить, что нѣкоторыя части окрасятся въ винно-красный или въ бурый цвѣтъ. Роговыя оконечности, кожныя отвер-стія, задній проходъ, ноздри, вѣки окрашиваются въ болѣе густой цвѣтъ, точно такъ-же, какъ уши и зачатки роговъ. Зараждающіяся пластинки амніоса также окрашиваются, и тогда можно легко изучить ихъ распредѣленіе. Точно тѣмъ-же способомъ можно изслѣдовать расположеніе гликогена на разрѣ-захъ послѣда. Такимъ образомъ я нашелъ, что въ послѣдѣ кролика глико-генъ въ большомъ обиліи встрѣчается въ окружности матерней части послѣда и что это вещество дагѣ распространяется въ видѣ лучей въ пло-довой части. Можно употреблять тотъ-же способъ для того, чтобы доказать присутствіе гликогена на внутреннихъ слизистыхъ поверхностяхъ зародыша; десны также окрашиваются очень густо. Зародыши, предварительно находившіеся въ спирту, можно также изслѣдовать такимъ образомъ; нужно только, чтобы они сохранялись въ крѣпкомъ спирту, потому-что при про-должительномъ пребываніи въ слабомъ спирту гликогенъ разрушается.

заціи частей. Открываемый іодовымъ реактивомъ и извлекаемый кипяченіемъ, онъ не является только въ тѣхъ мѣстахъ роговыхъ органовъ, которые уже вполне организованы.

«Чтобы доказать присутствіе гликогена въ кожѣ и ея прибавкахъ, можно еще распускать ткани въ спиртовомъ растворѣ кали; гликогенъ не растворяется и обнаруживается или въ клѣточкахъ, или въ видѣ мелкозернистыхъ массъ, не имѣющихъ опредѣленной формы (7).

«Гликогенъ довольно быстро исчезаетъ во временной эпителиальной поверхности кожи. Какъ-скоро появляется окончательный эпителий, около третьяго или четвертаго мѣсяца утробной жизни, у коровьихъ зародышей въ 25 и 30 сантиметровъ, то обыкновенно уже нельзя найти гликогена. Только роговыя части конечностей и кожа отверстій, отдѣляющихъ кожу отъ слизистыхъ оболочекъ, представляютъ части, въ которыхъ гликогенъ остается долѣе. Но когда гликогенъ исчезъ изъ кожицы, его можно еще найти долгое время въ кожной ткани въ видѣ проникающаго ее раствора.

«Если теперь мы перейдемъ отъ кожи къ слизистымъ перепонкамъ, то найдемъ, что эти перепонки также въ своемъ раз-

(7) Гликогенъ на самомъ дѣлѣ нерастворимъ въ спиртовомъ кали, тогда какъ большая часть бѣлковыхъ веществъ въ немъ растворяются или распаются. Изъ этого выходитъ, что можно, при помощи этой жидкости, отдѣлять гликогенъ и обнаруживать его реактивами, въ тѣхъ случаяхъ, когда постороннія вещества его маскируютъ.

Вотъ какъ я przygotowляю спиртовой растворъ кали. Я наливаю въ стеклянку алкоголя 38 или 40 градусовъ, потомъ всыпаю туда ѣдкаго кали, истолченнаго въ мелкіе куски, — насыпаю его столько, чтобы оно было въ избыткѣ, чтобы спиртъ былъ насыщенъ. Этотъ растворъ потомъ портится и окрашивается въ бурый цвѣтъ, но онъ можетъ однакоже сохраняться въ теченіе нѣкотораго времени, если стеклянка хорошо заперта. Чтобы растворить различныя ткани, содержащія въ себѣ гликогенъ, нужно поступать слѣдующимъ образомъ: въ трубку, закрытую съ одного конца, кладутъ нѣсколько кусковъ изслѣдуемой ткани и потомъ вливаютъ въ нее въ большомъ избыткѣ растворъ кали (отъ пятнадцати-до-двадцати разъ больше объема ткани). Потомъ плотно закрываютъ трубку и оставляютъ ее при обыкновенной температурѣ, забывая отъ времени до времени. Черезъ двадцать четыре часа или около, ткань уже растворена и гликогенъ падаетъ на дно трубки въ видѣ зернистаго вещества. Посредствомъ пипетки вынимаютъ этотъ осадокъ и рассматриваютъ въ микроскопъ, прибавляя однакоже уксусной кислоты, для того, чтобы насытить избытокъ кали. Можно также, отдѣливши осадокъ, распустить его въ водѣ и показать тогда всѣ свойства гликогена въ растворѣ.

развитіи представляют гликогеническія клѣточки въ -теченіе извѣстнаго времени зародышной жизни.

«Поверхность кишечной слизистой оболочки.» Въ молодыхъ зародышахъ коровъ, овецъ и свиней, длиною отъ 3 до 6 сантиметровъ, оказываются гликогеническія клѣточки на поверхности перепонки рта, языка, глотки, желудка, тонкой кишки и различныхъ частей толстой кишки. Чтобы убѣдиться въ ихъ присутствіи, достаточно налить на слизистую оболочку кислой іодовой тинктуры или поскоблить поверхность оболочки лезвиемъ бистурія и изслѣдовать отдѣлившіяся части подъ микроскопомъ посредствомъ уже указанныхъ реакцій. Гликогеническія клѣточки представляютъ здѣсь все тѣ-же признаки, но только въ кишкѣ они являются въ видѣ сосочковъ, т.е. они встрѣчаются въ эпителиѣ, покрывающемъ ворсины.

«Гликогенъ никогда не встрѣчается, какъ мы увидимъ, въ желѣзахъ, составляющихъ прибавки кишечнаго канала. Но наблюдение показало тотъ замѣчательный фактъ, что въ эпителиѣ протоковъ желѣзъ есть гликогенъ, такъ-что въ этомъ отношеніи эпителий протоковъ составляетъ дѣйствительно продолженіе эпителия слизистой оболочки. Если у очень молодого зародыша вынуть околоушную желѣзу и разсматривать ее подъ микроскопомъ, прибавляя къ ней кислой іодовой тинктуры, то протоки, въ видѣ развѣтвленій, окрашиваются въ виннокрасный цвѣтъ и можно очень хорошо наблюдать, какъ оканчиваются эти протоки. Каналы поджелудочной желѣзы, печени и мочевой пузырь, безъ сомнѣнія, представляютъ то-же самое. Но ни въ какую эпоху развитія я не нашелъ гликогена въ самой ткани слюнныхъ желѣзъ, поджелудочной желѣзы, Либеркниевыхъ кишечныхъ желѣзъ и пр. Микроскопическія реакціи, вывариваніе желѣзистой ткани и ея вымачиваніе въ спиртовомъ растворѣ кали давали мнѣ постоянно отрицательные результаты.

«Гликогеническія клѣточки существуютъ на поверхности слизистой оболочки кишечнаго канала только въ-теченіе извѣстнаго времени зародышной жизни, и исчезаютъ постепенно снаружи внутрь, то есть исчезаютъ сперва во рту и въ слюнныхъ протокахъ, въ желудкѣ-же и въ кишкахъ исчезаютъ позднѣе.

«Дыхательные пути.» Слизистая оболочка дыхательныхъ путей представляетъ намъ также гликогеническія клѣточки. Если изъ очень молодаго бараньяго зародыша (длиною въ 1 или 2 сантиме-

тра) взять легкія и подъ микроскопомъ налить на нихъ кислой іодовой тинктуры, то видно, какъ бронхи со всѣми вѣтвями окрашиваются въ виннокрасный цвѣтъ, и замѣтно, что они совершенно наполнены гликогеномъ. Остальная часть легочнаго органа имѣетъ видъ студенистой массы, остающейся безцвѣтною. Въ это время гликогеническія клѣточки встрѣчаются также на слизистой перепонкѣ носовыхъ полостей. Мало-по-малу, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія, они исчезаютъ здѣсь и въ бронхахъ, гдѣ тоже ихъ можно найти только въ-теченіе довольно ограниченнаго періода зародышной жизни. Гликогенъ однакожь остается въ растворѣ; проникающемъ другія части дыхательныхъ органовъ: потому - что посредствомъ вывариванья можно показать, что гликогенъ существуетъ въ ткани легкихъ до самаго рожденія и исчезаетъ вскорѣ послѣ рожденія (8).

«Половые и мочевые пути. Они точно также представляютъ во время развитія зародыша гликогеническія клѣточки; я нашелъ ихъ на слизистой оболочкѣ матки, трубъ, пузыря, мочеточниковъ и даже въ мочевыхъ каналахъ почекъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гликогеническія клѣточки существуютъ только временно и исчезаютъ, когда образуются окончательные эпителии.

«Какъ слѣдствіе изъ предъидущихъ наблюденій можно вывести, что въ зародышѣ всѣ внѣшнія ограничивающія поверхности представляютъ, какъ общій характеръ, гликогеническое развитие и продолженіе перваго времени организаци, когда окончательный эпителий еще не существуетъ (9). Внутренніе эпителии повидимому сюда не относятся; я не нашелъ гликогеническихъ клѣточекъ въ сывороточныхъ перепонкахъ, какъ напримѣръ легочная плева, брюшина и паутинная оболочка.

«2. Внутреннія ткани. Костяная, нервная, мускульная и железяистая системы. Если теперь мы изслѣдуемъ внутреннія, или

(8) Въ человѣческомъ зародышѣ пяти или шести мѣсяцовъ утробной жизни, который былъ выкинутъ вслѣдствіе припадковъ эпилепсїи, я нашелъ гликогенъ въ легкихъ, въ печени и въ мускулахъ. Въ другомъ зародышѣ, мертворожденномъ или умершемъ не долго спустя послѣ рожденія, я совсѣмъ не нашелъ гликогена, ни въ печени, ни въ легкихъ (которыя были, какъ говорятъ, гепатизированы). Но въ мускулахъ было много гликогена.

(9) Въ это-же время встрѣчается сахаръ въ аллантоидной и амниотической жидкости, а также въ мочѣ зародыша. Позднѣе, когда печень начинаетъ свое отправление, сахаръ здѣсь исчезаетъ.

содержимыя ткани, то мы тотчасъ увидимъ, что онѣ образуютъ совершенно особенную группу, въ томъ смыслѣ, что за нѣкоторыми исключеніями, которыя я укажу, онѣ не сопровождаются гликогеномъ во-время своего развитія.

«Костная и нервная системы.» Ни въ какую эпоху развитія я не могъ найти гликогена въ нервной и въ костной ткани. Я испыталъ и кипяченіемъ, и разными другими, выше указанными средствами, головной мозгъ, спинной мозгъ и кости, лишенныя ихъ надкостной плевы, дагѣ — хрящи въ зародышахъ человѣка, коровы, овцы, кролика и нивъ какомъ возрастѣ я не нашелъ ни малѣйшаго слѣда гликогена.

«Мускульная ткань по-видимому составляетъ исключеніе въ томъ отношеніи, что она содержитъ гликогенъ, но расположенный вообще говоря не такъ, какъ мы его видѣли въ ограничивающихъ тканяхъ.»

«Мускульная система.» У очень молодыхъ зародышей коровъ и овецъ, напр. длиною отъ 2 до 4 сантиметровъ, когда мускульная ткань еще не появлялась, въ мускулахъ находятся только зародышныя клѣточки и я убѣдился, что эти клѣточки не крашуются отъ кислой іодовой тинктуры. Но нѣсколько позднѣе, у зародышей длиною отъ 15 до 20 сантиметровъ, когда гистологическіе элементы мускула обрисовываются, мускульное волокно появляется въ видѣ трубочки, содержащей ядра и зернистое промежуточное вещество, которое есть не что иное, какъ гликогенъ. На самомъ дѣлѣ, если изслѣдовать въ микроскопъ зародышныя мускульныя волокна въ этотъ періодъ развитія и если прилить къ нимъ кислой іодовой тинктуры (10), то тотчасъ-же зернистое вещество окраши-

(10) Для того, чтобы приготовить этотъ реактивъ, нужно въ равныхъ частяхъ, именно въ то время, когда нужно употреблять реактивъ, смѣшать насыщенную іодомъ спиртовую тинктуру съ кристаллизующеюся уксусною кислотою. Потомъ нужно смачивать микроскопическіе препараты прямо этою кислотою тинктурою, не прибавляя воды, потому-что вода растворяетъ гликогенъ и дозволяетъ ему напитывать части, которыя нормально его не заключаютъ. Всего лучше дѣйствовать на части совершенно свѣжаго зародыша; тогда реакція очень ясна и зернистое мускульское вещество только одно окрашивается. Если-же послѣ смерти прошло значительное время, то гликогенъ, кажется, отчасти растворяется и напитываетъ сосѣднія ткани. Препараты, сохраняемые въ спирту, мало удобны для такого изслѣдованія, — потому-что мускульская ткань сморщена и въ ней замѣчается только неправильное окрашиваніе. Прибавивъ предварительно воды или глицерина къ

вается въ винно-красный цвѣтъ, между-тѣмъ-какъ оболочка трубки дѣлается слегка желтою, а ядра остаются безцвѣтными.

Вмѣстѣ съ докторомъ Кюне (Kühne), который помогалъ мнѣ во всѣхъ этихъ изысканіяхъ химической гистологіи, мы изслѣдовали множество зародышей и самое ясное расположеніе мы нашли въ мускульныхъ фибрахъ кошечьяго зародыша. Мускульная трубка содержала ядра въ очень правильныхъ разстояніяхъ и каждый промежутокъ былъ совершенно наполненъ гликогеномъ. Въ болѣе позднюю эпоху развитія, стѣнка трубки, сперва гладкая, мало-по-малу получаетъ полоски на нѣкоторыхъ мѣстахъ; потомъ ядра становятся рѣже, гликогенъ мало-по-малу теряетъ свой зернистый видъ, наконецъ мускульное волокно послѣдовательно принимаетъ всѣ свойства вполне развитаго полосатаго мускульнаго волокна. Въ это время гликогенъ однакожь не исчезъ, но, кажется, въ растворѣ напитываетъ вещество волокна. Ни въ какомъ случаѣ однакожь гликогенъ, содержащійся въ мускульномъ волокнѣ, не является организованнымъ, или заключеннымъ въ клѣточкахъ. Если дѣйствовать на мускулы въ различныя эпохи ихъ развитія спиртовымъ растворомъ кали, то мускульное вещество распускается или распадается и гликогенъ осаждается въ видѣ аморфныхъ или округленныхъ зернистыхъ массъ, не представляющихъ никакой особенной организаціи.

«Гликогенъ присутствуетъ во-время развитія гладкихъ мускуловъ сердца и кишекъ, точно такъ-же, какъ и въ полосатыхъ мускулахъ оконечностей и грудобрюшной преграды. Впрочемъ, въ гладкихъ мускулахъ очень трудно подъ микроскопомъ отличить признаки гликогена; чрезвычайно тонкія волокна дурно отдѣляются, реактивы дѣйствуютъ съ трудомъ и вообще обнаруживаютъ гликогенъ только въ состояніи раствора, а не въ видѣ зернистой массы, содержимой въ мускульныхъ трубочкахъ. Если микроскопическія реакціи гликогена трудно обнаруживаются въ гладкихъ мускулахъ, то совсѣмъ иначе идетъ дѣло при вывариваніи. Оно даетъ опаловую жидкость, въ которой съ величайшею ясностію можно

препарату, можно, безъ сомнѣнія, возстановить форму фибръ; но тогда гликогенъ растворится и окрашиваніе часто бываетъ неопредѣленное. Спиртъ, который я употреблялъ для тинктуры, былъ 38-градусный. Я нахожу удобнѣе не прибавлять іодистаго потассія; я замѣтилъ, что съ этимъ прибавленіемъ тинктура можетъ иногда повести къ ошибкамъ, потому-что окрашиваніе тканей бываетъ слишкомъ густо.

доказать всё свойства гликогена, весьма обильнаго въ этихъ мускулахъ, также какъ и въ мускулахъ животной жизни.

«Что касается до количества гликогена, заключающагося въ мускулахъ въ различные періоды ихъ развитія, то я не могу дать никакого точнаго опредѣленія. Могу сказать только, что это вещество находится въ мускульной ткани въ теченіе всей утробной жизни (11); кромѣ того, что оно быстро исчезаетъ послѣ рожденія, подъ вліяніемъ дыхательныхъ и мускульныхъ движеній. Я могъ подтвердить эти факты на молодыхъ котятъ. Въ самое мгновеніе рожденія, у котенка, который родился только нѣсколько минутъ назадъ и не успѣлъ еще сосать молока, я нашелъ, что мускулы еще заключаютъ гликогенъ, такъ же, какъ во время утробной жизни. Но на другой день я пожертвовалъ другимъ котенкомъ, рожденнымъ въ одно время съ первымъ, и убѣдился, что его мускулы не заключали уже въ себѣ гликогена и что ихъ фибры, вмѣсто того, чтобы окрашиваться въ винно-красный цвѣтъ, окрашивались просто въ желтый.

«*Желѣзистая система.* Желѣзистая ткань, такъ же, какъ костная и нервная, не заключаетъ въ себѣ гликогена. За исключеніемъ эпителія выводящихъ каналовъ, я не нашелъ гликогена ни въ ткани печени, ни въ желѣзахъ, составляющихъ прибавки кишечнаго канала, въ какое-бы время развитія я ихъ ни изслѣдовалъ. Я изслѣдовалъ въ этомъ отношеніи слюнные желѣзы, поджелудочную желѣзу, либеркиниевы желѣзы, селезенку и лимфатическіе углы.

«*Печень.* Одинъ только органъ между всѣми желѣзами составляетъ исключеніе и это исключеніе заслуживаетъ особеннаго указанія, потому что дѣло идетъ о желѣзѣ, которая, по своему частному назначенію, должна стать пріемникомъ гликогена у взрослыхъ, въ то время, когда временное гликогеническіе органы уже исчезнутъ. Эта желѣза, какъ мы уже знаемъ, есть печень. И замѣчательно, что печень, какъ и всѣ желѣзистые органы, при своемъ развитіи сперва не обнаруживаетъ присутствія гликогена. Только около середины утробной жизни, когда ея гистологическое развитіе кончено, печень начинаетъ дѣйствовать, какъ желчный ор-

(11) Въ 1854 г. я полагалъ, что гликогенъ исчезаетъ въ мускулахъ у коровъ около пятого или шестаго мѣсяца утробной жизни. Это произошло отъ того, что я основывался на гликозномъ брженіи мускула, которое дѣйствительно исчезаетъ въ это время и впоследствии переходитъ въ молочное брженіе (Leçons de Physiologie t. I.)

ганъ и какъ гликогеническій органъ. Не могу съ точностію сказать, начинаются-ли оба отправления въ одно время; во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что желчное отправление начинается раньше гликогеническаго. Но по-мѣрѣ-того, какъ развивается печеночное гликогеническое отправление, оно начинаетъ исчезать во всѣхъ временныхъ органахъ зародыша, постепенно пропадая въ послѣднихъ оболочкахъ и въ его ограничивающихъ органахъ; между этими послѣдними въ эпителиѣ желудка и тонкой кишки оно исчезаетъ позже, чѣмъ во всѣхъ другихъ; оно иногда продолжается здѣсь даже тогда когда, печень уже дѣйствуетъ (12). Наконецъ при рожденіи всѣ переходящія строенія утробной жизни исчезаютъ и печень, подобно многимъ другимъ питательнымъ органамъ, начинаетъ исполнять въ-теченіе всей жизни свое опредѣленное отправление: Но здѣсь недолжно забывать, что печень кажется отличается отъ другихъ желѣзъ тѣмъ, что гликогеническое отправление, исполняемое ею у взрослога, не является въ то мгновеніе, когда печень можетъ его исполнять. Гликогеническое отправление существовало уже прежде, въ другихъ временныхъ органахъ и потомъ нѣкоторымъ образомъ передается ей, такъ чтобы она была органомъ его у взрослога животнаго. Отсюда слѣдуетъ, что печень по-видимому назначена для продолженія у взрослога животнаго зародышнаго отправления, первоначально размѣщеннаго болѣе или менѣе спорадически, смотря по животнымъ, въ послѣдѣ и въ другихъ временныхъ органахъ, предшествующихъ образованію окончательныхъ органовъ.

«Въ заключеніе, изъ всего здѣсь сказаннаго позволительно вывести слѣдствіе, что у зародыша гликогенъ играетъ важную роль въ органическомъ развитіи. Съ другой стороны, у взрослога (13)

(12) До нѣкоторой степени можно разсматривать внѣшнія гликогеническія клѣточки зародыша и клѣточки кишокъ, какъ аналогическія съ клѣточками печени, потому-что онѣ исчезаютъ только тогда, когда клѣточки печени начинаютъ дѣйствовать. Сравнительная анатомія, какъ кажется, подтверждаетъ этотъ взглядъ. Я нашелъ, что напр. у насѣкомыхъ, у которыхъ нѣтъ клубчатой печени, существуютъ гликогеническія клѣточки въ кишкѣ; также точно у дождевыхъ червей есть гликогенъ на кишечной поверхности и можетъ быть также въ тканяхъ. Такимъ образомъ постоянное устройство насѣкомыхъ представляетъ переходное состояніе у млекопитающихъ.

(13) Факты, указанные здѣсь, относятся только къ зародышной жизни. У взрослога, какъ я уже давно высказалъ, образованіе гликогена сосредоточено въ печени и не встрѣчается уже въ тѣхъ органахъ, гдѣ оно встрѣчается у зародыша. Впрочемъ, двѣ ткани, мускульская и легочная, въ нѣко-

гликогеническое отравление прямо связано съ физиологическимъ исполненіемъ явленій питанія. На самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что гликогенъ перестаетъ появляться въ печени, какъ-скоро какое-нибудь болѣзненное обстоятельство останавливаетъ явленія питанія. И такъ вещество, сопровождающее развитіе органовъ въ зародышѣ, продолжаетъ участвовать въ ихъ питаніи у взрослага. Такой фактъ указываетъ на явную связь между органическимъ развитіемъ и питательными явленіями, которыя въ различныхъ отношеніяхъ составляютъ только продолженіе питанія. Безполезно-бы было въ предметъ столь темномъ пускаться въ преждевременныя теоретическія соображенія. Нужно терпѣливо подождать, пока новые опыты не уяснятъ этихъ вопросовъ, которые мы едва различаемъ. Въ настоящее время я хотѣлъ только изложить результаты опытовъ и показать, что явленія питанія у взрослага, какъ мнѣ кажется, могутъ быть уяснены изученіемъ явленій зародышнаго развитія.»

НИЗКИЕ ОРГАНЫ СЛУХА НАСѢКОМЫХЪ. — Вопросъ о слухѣ насѣкомыхъ принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ въ сравнительной физиологіи. Поэтому мы сообщили нашимъ читателямъ изслѣдованія г. *Леснеца*, о которыхъ благосклонно отозвалась комиссія

торыхъ опредѣленныхъ обстоятельствахъ могутъ у взрослага представлять гликогенъ — въ растворѣ. У животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, оказывается весьма большое количество гликогена, скопляющееся въ печени и содержащееся въ печеночныхъ клеточкахъ. Но кромѣ-того находятъ не организованный гликогенъ, пропитывающій мускульскую и легочную ткань. Какъ-скоро животное пробуждается, начинаетъ двигаться и дышать болѣе дѣятельно, гликогенъ потребляется и исчезаетъ изъ этихъ тканей, продолжая образовываться только въ печени. У хорошо питаемыхъ млекопитающихъ и птицъ, когда мускульная ткань остается въ покоѣ произвольно или искусственно (когда перерѣзанъ нервъ какого-нибудь члена), точно также иногда является гликогенъ въ недѣятельныхъ мускулахъ и исчезаетъ потомъ вслѣдствіе возобновленнаго отравленія. Вопросъ, какимъ образомъ это вещество отлагается въ мускулахъ и въ легкихъ, кажется, трудно рѣшить въ настоящее время. Скажу только, что въ зародышѣ нѣтъ причины отвергать предположеніе, что гликогенъ кишекъ или даже послѣда поглощается, когда печень еще не дѣйствуетъ. Я нашелъ у коровъ гликогеническія амбиотическія пластинки въ желудкѣ и замѣтилъ, что желудочная жидкость этихъ животныхъ распускаетъ гликогенъ, не всегда сообщая жидкости опаловидности. У взрослага, не можетъ-ли гликогенъ въ этомъ состояніи, избыточный гликогенъ, проникать въ организмъ? Вопросъ, который

Парижской академіи наукъ (14). Къ-сожалѣнію, авторитеты не всегда надежны. Побуждаемый важностію предмета, Женевскій ученый *Клапаредъ*, уже извѣстный многими прекрасными трудами, взялся за изслѣдованіе новооткрытыхъ органовъ и нашелъ, что они ни въ какомъ случаѣ не суть органы слуха (15). Клапаредъ показалъ при этомъ свое полное мастерство въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, передъ которымъ выказалась рѣзко грубость приемовъ Леспеса. Леспеевъ только отдѣлялъ верхнюю и нижнюю кожицу пластинокъ усиковъ и рассматривалъ ее при проходящемъ свѣтѣ. Клапаредъ показалъ, что и при такомъ рассматриваніи по нѣкоторымъ оптическимъ явленіямъ можно было-бы убѣдиться, что мнимый *отолитъ* Леспеса есть не болѣе, какъ пустое мѣсто. Но кромѣ-того Клапаредъ сдѣлалъ и рассмотрѣлъ разрѣзы — параллельно и перпендикулярно къ поверхности кожицы, при томъ не только у пластинчато-усыхъ, а для сравненія, и у другихъ жесткокрылыхъ, и такимъ-образомъ вполне разъяснилъ дѣло.

Уже Эриксонъ описывалъ эти органы, какъ ямочки конической формы, на днѣ которыхъ натянута перепонка. Въ этомъ случаѣ онъ былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Леспесъ, который думалъ, что перепонка натянута сверху. На поперечныхъ разрѣзахъ кожицы пластинокъ *Melolontha vulgaris* можно видѣть, что ея поверхность представляетъ множество углубленій или ямочекъ, которыя на днѣ шире, чѣмъ при отверстіи. Наибольшая ихъ ширина соответствуетъ половинѣ глубины или высоты. Эти углубленія совершенно свободно сообщаются съ внѣшнимъ міромъ и окружность ихъ есть ни что иное, какъ край мнимой барабанной перепонки Леспеса.

На днѣ каждой ямочки у *Melolontha vulgaris* подымается сосочекъ, или слегка-коническій, или даже цилиндрическій, наконецъ иногда почти грушевидный, такъ-что широкой своей частью онъ обращенъ кверху. Этотъ сосочекъ, вообще говоря, не подымается до уровня отверстія ямки. На разрѣзѣ видно съ перваго взгляда, что этотъ сосокъ есть трубочка, которой полость продолжаетъ

нужно еще рѣшить. Ограничиваюсь напоминаніемъ, что у взрослога не мѣнѣе, какъ и у зародыша, гликогенъ не организованъ ни въ мускулахъ, ни въ легкихъ.

(14) См. Ж. м. н. пр.

(15) Sur les pretendus organes auditifs des insectes etc. Ann. de sc. nat. 1858. T. X. p. 286.

ся далѣе дна ямки, такъ-что насквозь проникаетъ кожицу. Однимъ словомъ, кожица пластинокъ усика усѣяна маленькими трубчатыми каналами, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ центру одной изъ ямокъ на поверхности кожицы. Діаметръ этихъ трубокъ незначителенъ въ самой кожицѣ, но увеличивается въ сосочкахъ. У обыкновеннаго майскаго жука они похожи на рюмку, но такъ, что отверстіе рюмки закрыто тонкою и прозрачною хитиною оболочкою.

У Леспеса сосочекъ есть слуховой мѣшокъ, а внутренній каналъ сосочка есть его отолитъ. Такъ-какъ этотъ каналъ не вездѣ одного діаметра, то Леспесу показалось, что его отолитъ представляетъ концентрическіе слои. Впрочемъ въ такомъ случаѣ это былъ-бы престранный отолитъ. У всѣхъ животныхъ отолиты или представляютъ совершенно-правильные кристаллы арагонита или же известковыя скопленія, которыхъ составныя части, судя по оптическимъ свойствамъ, кристаллизованы въ системѣ арагонита. *Neritina Nuviatilis* есть единственное животное, въ которомъ указываютъ на отолитъ совершенно-органическаго свойства.

Поверхность кожицы, по изысканіямъ Клапареда, состоитъ, согласно съ мнѣніемъ Келликера, Семпера, Эрнста Геккеля и другихъ, изъ вещества, отдѣленнаго наружными клѣточками и составляющаго хитиновый покровъ такого рода у всѣхъ суставчатыхъ.

Перпендикулярные разрѣзы показали, что у *Rhizotrogus* нѣтъ средняго сосочка въ ямкахъ, или онъ вовсе незамѣтно подымается надъ поверхностію дна. За то его каналъ очень широкъ. У *Aptomala Iulii* каналъ оканчивается какъ-разъ на уровнѣ поверхности дна. Вообще не у всѣхъ пластинчатоусыхъ эти органы устроены подобно семейству майскихъ жуковъ. У многихъ вовсе нѣтъ ямокъ, такъ-что остаются только трубчатые каналы, проходящіе сквозь пластинку хитина. Таково напр. устройство у *Ogrytes nasicornis*.

Какое-же значеніе этихъ особенныхъ органовъ? Трудно сказать что-нибудь о физиологическомъ ихъ назначеніи, но съ морфологической стороны Клапаредъ считаетъ ихъ за видоизмѣненные волосы. У насѣкомыхъ, къ которымъ относятся предыдущія наблюденія, пластинки усиковъ образуютъ плотную булаву, такъ-что между ними не остается достаточно мѣста для развитія нормальныхъ волосъ; и вообще эти органы встрѣчаются только на поверхностяхъ, прижатыхъ одна на другой. Свободная поверхность наружныхъ пластинокъ лишена ихъ, иногда гладка, иногда воло-

систа; если-же разсмотрѣть сяжки такихъ пластинчато-усыхъ какъ рогачи-олени, у которыхъ булава состоитъ изъ сяжковыхъ пластинокъ, значительно отстоящихъ, то окажется, что дѣло здѣсь совсѣмъ другое. У рогачей поверхности пластинокъ не гладки, а усѣяны маленькими волосками, между которыми на краю члениковъ попадаются и большіе. Поперечный разрѣзъ показываетъ, что основаніе каждаго волоса лежитъ на каналѣ, насквозь проникающемъ кожицу, какъ это всегда бываетъ у волосъ суставчатыхъ, — такъ что вездѣ, гдѣ существуетъ волосъ, непременно существуетъ и каналъ. Дѣйствительно, Семперъ показалъ, и Клапаредъ подтверждаетъ, что волоски суставчатыхъ образуются въ ту эпоху, когда хитиновая оболочка еще не существуетъ. Въ-особенности у насѣкомыхъ эти прибавочные органы, образуются прежде хитиновой кожицы взрослого насѣкомаго. Нѣкоторыя клѣточки перепонки, отдѣляющей хитинъ, болѣе объемистыя, чѣмъ остальные, производятъ продолженіе, принимающее форму или волоска, или чешуйки. Когда впослѣдствіи хитиновый пластъ начнетъ отлагаться, эти продолженія окружаются веществомъ этого пласта. Такъ какъ этотъ пластъ всегда является *оилъ* клѣточки, то понятно, что подъ каждымъ волоскомъ существуетъ каналъ, проходящій насквозь черезъ хитиновую кожицу, — каналъ, въ которомъ, во-время происхожденія покрова, проходило продолженіе клѣточки, служившей маткою волоса.

И такъ углубленія, встрѣчающіяся на хитиновыхъ пластахъ усиковъ пластинчато-усыхъ, вѣроятно, суть зачаточные волосы, отъ которыхъ осталось только основаніе или углубленіе, въ которомъ они должны сидѣть. Это становится совершенно-очевиднымъ, если изслѣдовать сяжковыя ямочки нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ. На членикахъ пилообразно зубчатыхъ усиковъ Бупрестидовъ многіе энтомологи замѣтили существованіе ямочекъ, подобныхъ ямочкамъ пластинчато-усыхъ. Леспесъ сравниваетъ ихъ также съ этими мнпмыми органами слуха. При тщательномъ изслѣдованіи оказывается, что, дѣйствительно, здѣсь существуютъ углубленія, но что въ каждомъ изъ нихъ вмѣсто соска сидитъ на днѣ настоящій, слегка-согнутый волосокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются углубленія, содержащія по пяти, шести и восьми волосковъ, и даже болѣе.

Мысль, что слухъ у насѣкомыхъ имѣетъ сѣдалище въ сяжкахъ не нова и была даже поддерживаема Ньюпортомъ. Но су-

ществуютъ уже давнишніе опыты, опровергающіе эту мысль. Леманъ пятьдесятъ восемь лѣтъ тому доказывалъ, что кузнечики продолжаютъ слышать, когда лишены усиковъ. Сверхъ-того есть суставчатая, именно пауки — лишены усиковъ, но не лишены слуха.

И. СТРАХОВЪ.

ИЗУЧЕНІЕ НИСШИХЪ ВОДОРОСЛІЙ. — Второе семейство, которое изучалъ *Прингстеймъ*, есть *сапролегии* (16). Это безцвѣтныя, чужеядныя растенія самого простаго устройства, разрастающіяся густымъ дерномъ на умершихъ животныхъ или растеніяхъ, попавшихъ въ воду. Отдѣльныя растенія такого дерна состоятъ изъ длинныхъ, одноклѣтчатыхъ, вѣтвистыхъ трубочекъ, входящихъ корневыми вѣтвями въ часть животнаго или растенія, на которомъ онѣ живутъ. Они не содержатъ въ себѣ ни хлорофиля, ни крахмала и во время размноженія дѣлаются многоклѣтчатыми, потому-что части трубочекъ, гдѣ развиваются споры, отдѣляются отъ другихъ перегородками.

По отсутствію въ этихъ растеніяхъ крахмала и хлорофиля, нѣкоторые ботаники причисляютъ ихъ къ грибамъ; но ихъ развитіе въ водѣ и подвижныя споры заставляютъ отнести эти растенія къ водорослямъ.

Сапролегии размножаются двоякимъ образомъ: (1) безполовымъ и (2) половымъ.

I. Образование подвижныхъ споръ безъ помощи половыхъ органовъ происходитъ у различныхъ родовъ этого семейства нѣсколько отлично.

У рода *Saprolegnia* нѣсколько вздутые концы трубочекъ, наполнившись большимъ количествомъ содержанія, отдѣляются каждый перегородкою отъ остальной части растенія и обращаются въ сумочку (*sporangium*) или маточную клѣточку подвижныхъ споръ. Содержаніе распадается одновременнымъ дѣленіемъ на множество подвижныхъ споръ, которыя выходятъ изъ отверстія на концѣ сумочки и тотчасъ разбѣгаются въ разныя стороны, не будучи связаны ничѣмъ вмѣстѣ. Какъ-скоро первая сумочка освободится отъ своихъ споръ, конецъ трубки, лежащей подъ нею, вырастаетъ, проходитъ сквозь пустую трубочку и образуетъ новую сумочку, и это повторяется нѣсколько разъ, такъ-что получается нѣсколько сумочекъ, вложенныхъ другъ въ друга, или нанизан-

(16) *Jahrb. für Wissensch. Bot.* 1858. Lief. II. стр. 284—306.

ныхъ на трубку; иногда, впрочемъ, трубка не проростаетъ сквозь пустую сумочку, а новая сумочка развивается непосредственно подъ старою; но тогда она открывается сбоку. На подвижныхъ спорахъ этого рода замѣчаются иногда двѣ рѣснички, а иногда только одна.

У рода *Achlya* подвижныя крупинки образуются также, какъ и у *Saprolegnia*; только, по выходѣ изъ сумочки, онѣ не разбѣгаются тотчасъ, а долго лежатъ передъ отверстиемъ сумочки, образуя шаръ. Потомъ каждая спора спускаетъ съ себя наружную оболочку и уходитъ, а оболочки остаются передъ отверстиемъ сумочки, образуя какъ-бы шарообразную ткань; также концы нитей не проростаютъ сквозь пустыя сумочки, а даютъ боковыя вѣтви, такъ-что сумочки здѣсь лежатъ рядомъ.

У рода *Pythium* сумочка открывается прежде, нежели образуются подвижныя споры, и все содержаніе ея выходитъ наружу въ видѣ шара протоплазмы, одѣтаго тонкою оболочкою. Чтѣ это за оболочка, будетъ ли она внутренній слой сумочки, или образуется во время выхода содержанія? — *Пригислеймъ* не могъ рѣшить. Потомъ въ этомъ шарѣ, сначала на поверхности, а потомъ и въ срединѣ, начинается образованіе подвижныхъ крупинокъ, которыя прорываютъ перепонку шара и расходятся во всѣ стороны, не оставляя своихъ оболочекъ, какъ споры ахліи. По строенію своему, споры *Pythium* совершенно похожи на споры *Saprolegnia* и *Achlya*, только онѣ съ одною рѣсничкою.

II. Строеііе и взаимное положеніе половыхъ органовъ сапролегній напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ вошеріи, съ которыми сапролегній сходны и потому, что у нихъ сумочки развиваются на концахъ вѣтвей и потому, что все растеніе состоитъ изъ одной кѣточки.

У *Saprolegnia* и *Achlya* концы короткихъ вѣтвей раздуваются въ видѣ шара и, отдѣляясь перегородкою, образуютъ *оогоніи*, которыя наполнены большимъ количествомъ содержанія. Вскорѣ потомъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ протоплазма отстаетъ отъ стѣнокъ оогоніи; эти круглыя мѣста становятся все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и наконецъ обращаются въ отверстія, черезъ которыя входятъ живчики къ оплодотворительнымъ шарамъ.

Почти въ то же время содержаніе оогоніи начинаетъ болѣе сгущаться во многихъ мѣстахъ, которыя становятся темнѣе, получаютъ болѣе рѣзкія очертанія и принимаютъ шарообразную

форму; такимъ образомъ происходитъ въ одной оогоніи нѣсколько, иногда весьма много, оплодотворительныхъ шаровъ.

Около того-же времени отъ ножки оогоній вырастаютъ у *Saprolegnia monoica* тонкія вѣтви, обвертывающія оогоніи и плотно-прилегающія къ нимъ сначала въ свѣтлыхъ мѣстахъ, а потомъ въ отвѣрстіяхъ. Эти вѣтви — *антеридіи*. Онѣ даютъ отъ себя внутри оогоніи весьма тоненькія вѣточки, которыя нерѣдко развѣтвляются и концами входятъ въ кучку оплодотворительныхъ шаровъ. По этому самый актъ оплодотворенія здѣсь почти не возможно видѣть. Но послѣ оплодотворенія можно легко примѣтить содержаніе антеридій, которое пристало къ оплодотворительнымъ шарамъ и которое весьма отлично отъ темной массы послѣднихъ. Кромѣ того въ пустыхъ антеридіяхъ иногда остается въ задней части небольшое количество ихъ содержанія. Такимъ образомъ можно узнать, что живчики этой сапролегнии весьма малы (менѣе $\frac{1}{500}$ милиметра), имѣютъ видъ плотнаго и сильно-блестящаго тѣла и погружены въ слизь. Вѣроятно, они также, какъ живчики сошерій, передъ открытіемъ антеридіи и во-время оплодотворенія, имѣютъ сильное движенія, потому что и въ открытыхъ антеридіяхъ они еще слабо движутся. Послѣ оплодотворенія, на оплодотворительныхъ шарахъ развивается твердая перепонка и они обращаются въ *ооспоры*.

У *Saprolegnia ferax* (*Achlya prolifera* прежнихъ авторовъ) — оогоніи развиваются, какъ у предыдущаго вида; но антеридіи на другихъ экземплярахъ, потому что у ней нѣтъ вѣтвей, какъ у предыдущей водоросли. Антеридіи здѣсь имѣютъ видъ яйцеобразныхъ клѣточекъ весьма различной величины, которыя развиваются свободнымъ образованіемъ на концахъ нитей. Ихъ содержаніе обращается во множество живчиковъ (около $\frac{1}{150}$ милиметра величины) съ двумя рѣсничками; живчики эти чрезвычайно быстро движутся и выходятъ изъ концовъ нитей водорослей черезъ трубочку антеридіи, которая прорываетъ эти концы и открывается отверстіемъ. По выходѣ изъ антеридій, живчики также движутся съ чрезвычайною быстротою. Разумѣется, здѣсь оплодотвореніе случайно, и его видѣть весьма трудно. Поэтому нѣтъ прямого доказательства, что эти клѣточки суть антеридіи, а подвижныя тѣла въ нихъ — живчики, но *весьма вероятно*, что это дѣйствительно такъ.

Что касается до рода *Achlya*, то здѣсь еще многое не изслѣдовано; *Принимая* видѣлъ формы съ неразвитыми вѣтвями, какъ

у первой сапролегнии (и тогда оогонии не развиваются) и совершенно-развитыя оогонии съ сомнительными антеридіями, какъ у второй сапролегнии.

У *Rythium monoperthum* антеридии развиваются изъ боковой вѣтви оогонии, но никогда не окружаютъ ее, и въ ней развивается одинъ оплодотворительный шаръ и изъ него одна ооспора. Во всемъ-же прочемъ развитие ихъ ооспоръ сходно съ развитіемъ этихъ органовъ у *Saprolegnia monoica*.

У *Rythium entophyllum*, живущемъ въ клѣточкахъ спирогиры, органы оплодотворенія съ достовѣрностью не извѣстны; однакожь *Прингсгеймъ* видѣлъ у этого растенія тѣла, весьма похожія на живчики.

Ооспоры *Saprolegnia*, *Achlya* и *Rythium* проростаютъ спустя долгое время послѣ своего образованія и даютъ нити, подобныя маточному растенію, или производятъ подвижныя споры.

III. Далѣе *Прингсгеймъ* говоритъ о сродствѣ этого семейства съ другими и родахъ и видахъ, сюда принадлежащихъ.

Третье семейство, изслѣдованное авторомъ, есть *Caloeschaeeteae* (7). Эти водоросли живутъ въ стоячихъ и слабо текучихъ водахъ и образуютъ круглыя пластинки и подушки или слои неправильнаго вида, которые растутъ на частяхъ водныхъ растеній, погруженныхъ въ воду. Какъ всѣ водоросли, растущіе въ прѣсной водѣ, они имѣютъ весьма простое клѣтчатое строеніе и отличаются тѣмъ, что на нѣкоторыхъ изъ ихъ клѣточекъ въ особыхъ влагалищахъ сидятъ длинныя щетинки.

I. При проростаніи споръ *Caloesch. scutata* и сходныхъ съ нею видовъ, спора дѣлится горизонтальною перегородкою на двѣ клѣточки, лежащія другъ надъ другомъ. На верхней клѣточкѣ выростаеетъ вскорѣ послѣ того щетинка и эта клѣточка остаеется безъ дѣленія; нижняя-же начинаеетъ дѣлиться вертикальными перегородками сначала на двѣ клѣточки, потомъ каждая изъ дочернихъ опять на двѣ, но перегородки въ дочернихъ перпендикулярныхъ перегородкамъ въ маточныхъ, такъ-что четыре клѣточки расположены около одного центра. Далѣе эти клѣточки опять послѣдовательно дѣлятся перегородками, тангентіальными и радіальными, и образуютъ круглую платинку, состоящую изъ одного слоя клѣточекъ, расположенныхъ около морфологическаго

(7) Jahrb. für Wiss. Bot. Zweit. Band. 1 Heft. 1859, стр. 1—38.

центра, который находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ другъ надъ другомъ двѣ первыя клѣточки.

У *Coleoch. soluta* и сходныхъ съ нею видовъ спора дѣлится на двѣ клѣточки, лежащія рядовъ, а не другъ на другѣ, какъ у предыдущей, и составляющія морфологическій центръ будущаго растенія. Изъ этихъ клѣточекъ вырастаютъ въ бокъ сосочки, которыя отдѣляются отъ нихъ перегородками. Сосочки эти растутъ въ ширину и обхватываютъ собою маточныя клѣточки. Потомъ на внѣшнемъ ихъ краю дѣлаются выемки и они радіальными перегородками дѣлятся послѣдовательно на 4—6 дочернихъ клѣточекъ, которыя на своихъ концахъ раздвоены выемкою. Выдающіеся концы удлинняются и перегородками отдѣляются отъ клѣточекъ, ихъ образовавшихъ. Такимъ образомъ эти водоросли растутъ виллообразнымъ дѣленіемъ клѣточекъ и состоятъ изъ отдѣльныхъ рядовъ клѣточекъ.

У *Coleoch. pulvinata* спора развивается такимъ-же образомъ, какъ у *Coleoch. soluta*, и первыя клѣточки растутъ также, какъ у послѣдней; но потомъ изъ нихъ выходятъ вѣтви не только въ одной плоскости, но и вверхъ подъ различными углами, отчего происходитъ полушарообразная форма водоросли.

Расположеніе и число щетинокъ на клѣточкахъ водорослей этого семейства зависитъ въ нѣкоторой степени отъ возраста, потому что щетинки вырастаютъ на старыхъ клѣточкахъ, неспособныхъ уже къ дѣленію. Этимъ объясняется, почему напр. у *Coleoch. scutata* въ срединѣ больше щетинокъ, нежели на краяхъ. Но съ другой стороны на одномъ и томъ-же экземплярѣ, часто на болѣе старыхъ клѣточкахъ нѣтъ щетинокъ, а на болѣе молодыхъ онѣ встрѣчаются. На обѣихъ первыхъ клѣточкахъ *Coleoch. soluta* и *pulvinata*, и на верхней первой клѣточкѣ *Coleoch. scutata* всегда есть щетинки.

Щетинки суть длинныя, необыкновенно-тонкія, полныя цилиндрическія нити, сидящія въ особыхъ влагалищахъ или цилиндрическихъ продолженіяхъ клѣтчатой стѣнки, которыя впоследствии на концахъ открыты, самыя-же щетинки суть продолженія внутренней оболочки стѣнки. Иногда они выходятъ изъ середины клѣточки, какъ у *Coleoch. scutata*, иногда ближе къ переднему концу, какъ у *Coleoch. irregularis*, иногда-же на самомъ переднемъ концѣ, какъ у *Coleoch. pulvinata* и *divergens*.

. II. Подвижныя споры у Колеохетъ могутъ образоваться во

всѣхъ растительныхъ клѣточкахъ. Маточныя клѣточки споръ не отличаются отъ другихъ ни формою, ни содержаніемъ. Только у *Coleoch. pulvinalis* споры развиваются въ нѣсколько раздутыхъ конечныхъ клѣточекъ.

У всѣхъ видовъ безъ исключенія, въ каждой маточной клѣточкѣ развивается только одна спора изъ всего содержанія. При началѣ образованія споры пластинка хлорофиля, распредѣленная во всей клѣточкѣ, правильно или неправильно стягивается и такимъ образомъ клѣточка раздѣляется на двѣ половины: одну не зернистую, окрашенную равномерно въ зеленый цвѣтъ, и другую безцвѣтную и наполненную безцвѣтными зернышками, которыя окрашиваются іодомъ въ желтый цвѣтъ, а все содержаніе ея отдѣляется особою оболочкою, отстающею отъ стѣнокъ въ углахъ. Готовыя споры выходятъ черезъ отверстіе или на верхней стѣннкѣ, или на боковой или на переднемъ концѣ клѣточки. По выходѣ спора весьма быстро движется и имѣетъ на переднемъ концѣ двѣ длинныя подвижныя рѣсницы; у *Coleoch. scutata* и *soluta* споры раздѣлены на двѣ половины: зеленую, окрашенную хлорофилемъ, и безцвѣтную. Пластинка хлорофиля здѣсь лежитъ сбоку, и потому иногда закрываетъ передній конецъ споры. Красной точки, такъ называемаго глаза, *Pringsheim* на нихъ не замѣтилъ.

III. Оогоніи развиваются у *Coleoch. pulvinata* изъ конечныхъ клѣточекъ, которыя раздуваются шарообразно и съ верхней стороны даютъ цилиндрической отростокъ, наполненный безцвѣтною жидкостью и сначала на вершинѣ закрытый; но потомъ онъ открывается на верхнемъ концѣ и выпускаетъ свое содержаніе, которое, не имѣя дальнѣйшаго назначенія, падаетъ на дно и разрушается. Тогда оогонія имѣетъ видъ бутылки, у которой брюшная часть шарообразна и наполнена зернистымъ содержаніемъ съ одною или нѣсколькими пластинками хлорофиля, и иногда съ замѣтнымъ ядромъ, но безъ всякаго слѣда оболочки, а горлышко цилиндрическое и пустое.

Во время развитія оогоніи, зеленыя клѣточки, поддерживающія эти органы, или клѣточки сосѣднихъ нитей даютъ сосочки съ безцвѣтнымъ содержаніемъ, которые потомъ отдѣляются перегородкою и удлинняются, концы ихъ бывають нѣсколько уже основанія. Это антеридіи. Онѣ обыкновенно развиваются по двѣ и по три вмѣстѣ изъ одной клѣточки. Въ каждой антеридіи образуется изъ всего ея содержанія по одному живчику, имѣющему

овальную форму и замѣтному уже въ антеридіи, которая въ зрѣлости разрывается и выпускаетъ его. Живчикъ, величиною въ $\frac{1}{132}$ м. м., совершенно безцвѣтенъ или съ слабымъ оттѣнкомъ зеленого цвѣта, съ совершенно однороднымъ, мелкозернистымъ содержаніемъ и двумя длинными рѣсницами, которыя во-время движенія таятся сзади.

Моментъ оплодотворенія *Prinsleya* не наблюдаѣтъ, но часто видѣтъ живчиковъ въ горлышкѣ оогоніи. Тотчасъ послѣ оплодотворенія, содержаніе оогоніи одѣвается особою перепонкою и превращается въ ооспору. Около самой оогоніи клѣточки сосѣднихъ вѣтвей образуютъ покровъ, плотно прилегая къ ея поверхности и срастаясь между собою. Вначалѣ этотъ покровъ зеленого цвѣта, но впослѣдствіи бурѣетъ и клѣточки, его составляющія, умираютъ; только ооспора остается живою. Горлышко отпадаетъ. Такіе плоды образуются отъ половины мая до конца іюля, къ осени они уже бурѣютъ, а слѣдующею весною разрываются отъ развитія ооспоры, которая послѣдовательнымъ дѣленіемъ обращается въ паренхиматическую ткань. Въ каждой клѣткѣ этой ткани происходитъ подвижная спора обыкновеннаго строенія и обыкновеннымъ путемъ развитія. Потомъ уже изъ подвижныхъ споръ вырастаетъ самая водоросль.

У *Coleoch. divergens* оогоніи, антеридіи и ооспоры развиваются совершенно такъ-же, какъ у *Coleoch. pulvinata*.

У *Coleoch. soluta* въ оогоніи превращаются не конечныя клѣточки, а предпоследнія или лежащія еще болѣе сзади, и горлышки ихъ выходятъ со спинной стороны, косвенно вверхъ и гораздо короче, нежели у предыдущаго вида. На конечныхъ клѣточкахъ, равно, какъ и на другихъ клѣточкахъ и на другихъ вѣтвяхъ-развиваются антеридіи. Во всемъ прочемъ размноженіе половымъ образомъ совершенно сходно съ размноженіемъ *Coleoch. pulvinata*.

У *Coleoch. scutata* оогоніи развиваются въ одномъ или въ нѣсколькихъ кругахъ и съ нижней стороны, также какъ и у *Coleoch. soluta*, но не покрываются близъ лежащими клѣточками, образующими наружную оболочку плода. Антеридіи у этого вида не на тѣхъ экземплярахъ, гдѣ оогоніи, а на другихъ, находящихся вблизи первыхъ и расположенныхъ въ одномъ или нѣсколькихъ концентрическихъ кругахъ, изъ которыхъ состоитъ растеніе. Клѣточки, которыя уже давно прекратили свое дѣленіе и выросли щетинки, дѣлятся на четыре; изъ послѣднихъ въ каждой развивается тѣло,

очень пожее на живчика, только зеленого цвѣта, но не проростающее; поэтому *Принсгеймъ* и принимаетъ эти клѣточки за антериди, а тѣла, въ нихъ происходящія, за живчики.

У *Coleoch orbiculata* и *Coleoch irregularis*. *Принсгеймъ* не наблюдалъ антериди, оогонии же похожи на предыдущія, только онѣ не совершенно одѣты или вовсе не одѣты покровомъ изъ близъ лежащихъ клѣточекъ.

Первыя подвижныя споры, которыя происходятъ весною изъ плода, образовавшагося осенью, даютъ недѣлимыхъ, которыя не развиваютъ половыхъ органовъ, а размножаются, какъ и ѣдогонии, посредствомъ подвижныхъ споръ; изъ этихъ споръ вырастаютъ опять безполовыя недѣлимыя. Это продолжается нѣскольکو поколѣній, и только послѣ того наконецъ уже появляются экземпляры съ половыми органами, которые и заключаютъ циклъ поколѣній.

Превращеніе ооспоръ въ паренхиматическую ткань напоминаетъ такое-же явленіе у мховъ. Оогонии этихъ водорослей также во многихъ случаяхъ имѣютъ аналогію съ архегоніями и урночками мховъ. Со мхами еще сходны топвяки (*Charae*), даже они еще ближе ко мхамъ, нежели колеохеты. Поэтому *Принсгеймъ* думаетъ, что колеохеты должно поставить на концѣ водорослей и начать мхи съ топвяковъ.

Далѣе авторъ разсматриваетъ мнѣнія различныхъ писателей объ этомъ семействѣ и описываетъ родъ *Coleochaete* и виды, къ нему принадлежащія, именно: *Coleoch. pulvinata*, *divergens*, *soluta*, *scutata*, *orbiculatis irregularis*.

О ПРОДУШНИКАХЪ СОСУДОВЪ И ДРЕВЕСНЫХЪ КЛѢТОЧКАХЪ *Шахта* (8). —
Продушники составлены не изъ продушничныхъ каналовъ, раздѣленныхъ чечевицеобразнымъ пространствомъ, лежащимъ между ними и образующимъ какъ-бы маленькую промежуточную клѣточку, а изъ *продушничныхъ каналовъ съ широкими основаніями*. Если обѣ клѣточки, которымъ онѣ принадлежатъ, наполнены сокомъ, то одинъ продушничный каналъ отдѣляется перегородкою отъ соответствующаго ему канала въ другой клѣточкѣ. Перегородка эта исчезаетъ, какъ-скоро клѣточки теряютъ свой сокъ. Такимъ образомъ *продушничное пространство происходитъ изъ расширеннаго основанія обихъ вѣтвящихся каналовъ отъ исчезанія перегородки*.

(8) Bot. Zeit. № 27. 1859.

родки, узкая-же часть каналовъ, которая представляется сверху въ видѣ отверстія, не отдѣлена отъ продушничнаго пространства никакою перепонкою. Поперечная перегородка первыхъ продушничныхъ каналовъ молодого побѣга ясеня (*Fraxinus excelsior*) соотвѣтствуетъ, по своему образу развитія и по своему строенію, настоящей продушникѣ; раздѣляющая перепонка исчезаетъ здѣсь также вмѣстѣ съ сокомъ клѣточки; позже развивающіеся-сосуды, которые гораздо шире первыхъ, имѣютъ также, какъ сосуды *Sargisa Paraya*, нѣжную поперечную стѣнку съ кольцеобразнымъ очертаніемъ; нѣжная часть исчезаетъ вмѣстѣ съ сокомъ совершенно также, какъ въ продушинкахъ, но уже когда сосуды всеміи готовы. Поэтому поперечныя перегородки такихъ сосудовъ можно сравнить съ широкими продушинками. Сосуды *Ephedra* имѣютъ на своихъ косвенныхъ перегородкахъ одинъ или нѣскольکو рядовъ настоящихъ продушинокъ, которыя отличаются отъ продушинокъ боковыхъ стѣнокъ только болѣе широкимъ отверстіемъ своихъ поръ. Косвенныя перегородки лѣстничныхъ сосудовъ *Bhizophora* имѣютъ продушинки въ видѣ щелей, которыя отличаются отъ продушинокъ боковыхъ стѣнокъ этихъ сосудовъ только болѣею величиною и составляютъ переходъ къ проводящимъ перегородкамъ сосудовъ другихъ растений. Продушничное пространство, происходя отъ всасыванія перегородки изъ расширенныхъ основаній двухъ сходящихся каналовъ, находится только тамъ, гдѣ обѣ сосѣднія клѣточки въ равной степени утолщены и обѣ въ одно время теряютъ свой сокъ, по этому оно встрѣчается между двумя сосѣдними сосудами, между двумя древесинными клѣточками, или между сосудомъ и древесинною клѣточкою. Если же напротивъ сосудъ или древесинная клѣточка прилегаетъ къ клѣточкѣ сердцевинныхъ лучей или къ паренхиматической клѣточкѣ древесины, то со стороны сосуда или древесинной клѣточки находится только расширение продушничнаго канала, но недостаетъ стѣнки другой-слабо, утолщенной клѣточки и остается перегородка, потому-что клѣточки сердцевинныхъ лучей или паренхимы древесины долѣе сохраняютъ свой сокъ. Только въ наружномъ рядѣ клѣточекъ сердцевинныхъ лучей всѣхъ настоящихъ видовъ рода *Pinus* есть настоящія продушины, но клѣточки середины сердцевинныхъ лучей характеризуются большими порами, которыя похожи на круглыя отверстія на продольномъ разрѣзѣ по радіусу, но они всегда затянуты тонкою клѣтчатою перепонкою.—

Недостатокъ перепонки между порами и продушничнымъ пространствомъ *Шазтъ* доказываетъ необыкновенно-тонкими поперечными разрѣзами сосудовъ *Rhizophora* и древесинныхъ клѣточекъ *Pinus sylvestris* и *Agaucaria brasiliensis* и кромѣ-того инъекціями распущеннаго стеарина съ карминомъ. Въ древесинѣ Бразильской араукаріи продушинки окрашиваются карминомъ, между-тѣмъ-какъ клѣточки сердцевины сирени, хотя наполняются стеариномъ, но не окрашиваются въ красный цвѣтъ, по этому представляютъ родъ фильтра. Продушинки, какъ отверстія въ стѣнкахъ клѣточекъ, объясняютъ вытекание сока весною изъ старыхъ сосенъ, а также наполненіе ядра древесины смолою. Продушничныя клѣточки никогда не содержатъ въ себѣ крахмала. Клѣточки древесины *Boeckmeria gibba*, въ которыхъ есть крахмалъ и паренхима древесины, всегда имѣютъ поры, но онѣ всегда затянута перепонкою. Настоящія же продушины встрѣчаются только на тѣхъ родахъ клѣточекъ, которыя рано теряютъ свой сокъ. Древесинная клѣточка съ продушинками можетъ замѣщать продушничныя сосуды (у хвойныхъ и у *Drasaena*).

А. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЫЛАЕМЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ВРАЧЕЙ. — Государь Императоръ 15 августа 1859 года соизволилъ Высочайше утвердить слѣдующія правила для посылаемыхъ медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства за границу врачей, для усовершенствованія ихъ въ практическихъ наукахъ:

I. Посылаемые за границу отъ военно-медицинскаго департамента врачи обязываются: а) Подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ по избраннымъ ими спеціальнымъ отраслямъ практической медицины совершенствоваться въ терапіи и хирургіи со включеніемъ офтальміатріи, какъ въ діагностическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, при томъ слѣдить за всѣми современными усовершенствованіями въ врачебной наукѣ, преимущественно въ-отношеніи новыхъ методовъ леченія болѣзней, вновь открываемыхъ и вводимыхъ въ употребленіе врачебныхъ средствъ, хирургическихъ и діагностическихъ орудій, а равно постепеннаго улучшенія и измѣненія послѣднихъ. б) Изучать въ подробности, какъ теоретически, какъ и на практикѣ, военную гигиену во всѣхъ примѣненіяхъ ея къ жизни солдата, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, преимущественно въ-отношеніи размѣщенія войскъ въ казармахъ, лагеряхъ и бивуакахъ, ихъ продовольствія, формы военной одежды и аммуниціи, занятій, видовъ движенія и гимнастики, вліянія разнородныхъ мѣстностей, на которыхъ войска расположены, на развитіе въ нихъ болѣзненности и смертности, какъ вообще всѣхъ условій, имѣющихъ какое-либо вліяніе на здоровье и болѣзненность арміи. с) Вполнѣ ознакомиться съ лучшими системами внутренняго устройства военныхъ госпиталей и лазаретовъ во всѣхъ его подробностяхъ, съ ихъ администраціею, а также съ мѣрами снабженія ихъ необходимыми врачебными и хирургическими пособіями въ мирное и военное время и со способами транспортированія больныхъ и переноски раненыхъ съ поля сраженія.

II. Въ-отношеніи всѣхъ вышеизложенныхъ вопросовъ посылаемые за границу врачи обязываются, отнюдь не ограничиваясь

теоретическимъ изученіемъ подлежащихъ предметовъ, осматривать и изслѣдовать все къ нимъ относящееся по мѣрѣ возможности на самомъ дѣлѣ.

III. Въ видахъ облегченія къ тому способовъ, они имѣютъ быть снабжаемы официальными рекомендаціями къ посланникамъ нашимъ при тѣхъ изъ иностранныхъ державъ, гдѣ какъ врачевныя науки, такъ въ-особенности военная гигиена и госпитальная часть находятся на высшей степени совершенства, какъ-то: въ Пруссіи, Бельгіи, Франціи и Англии. Въ отношеніяхъ своихъ къ представителямъ этихъ частей посылаемые за границу врачи должны имѣть постоянно въ виду, чтобы и по возвращеніи въ Россію ученые между ними сношенія могли продолжаться.

IV. О ходѣ ученыхъ занятій своихъ посылаемые для усовершенствованія за границу врачи обязываются доставлять въ медицинскій департаментъ военнаго министерства подробные отчеты по истеченіи каждаго полугода. Но, не стѣсняясь этимъ срокомъ, они должны доносить сему департаменту о всѣхъ важнѣйшихъ какъ новыхъ открытіяхъ въ практической медицинѣ, такъ и тѣхъ значительныхъ усовершенствованіяхъ въ ней, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на успѣхи ея, дабы таковыя могли быть безъ замедленія сообщаемы военнымъ врачамъ.

V. Срокъ пребыванія за границею назначается для каждаго врача двухгодовой, считая со дня отправленія.

VI. Время это засчитывается посылаемымъ врачамъ въ дѣйствительную службу.

VII. Во все время путешествія они удерживаютъ получаемое ими на службѣ содержаніе, а равно и выслуженныя прибавки за пятнадцатіи.

VIII. Сверхъ-того, каждый изъ посылаемыхъ врачей получаетъ отъ военно-медицинскаго департамента по 1,200 рублей серебромъ въ годъ изъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ Высочайшимъ повелѣніемъ 29-го января 1859 года.

IX. По возвращеніи изъ заграницнаго путешествія, врачи обязываются отслужить въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, считая за каждый годъ по 2 года, 4 года, по назначенію военно-медицинскаго департамента.

Примѣчаніе. Получившіе воспитаніе на-счетъ казны должны прослужить въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ вышеозначенный срокъ сверхъ обязательнаго срока службы за воспитаніе.

Х. Выборъ врачей для отправленія за границу съ цѣлю усовершенствованія во врачебныхъ занятіяхъ, преимущественно необходимыхъ для военнаго врача, предоставляется военно-медицинскому департаменту, который въ этомъ отношеніи съ строгою разборчивостію будетъ руководиться не лѣтами службы, а способностями и степенью врачебнаго образованія находящихся въ вѣдѣніи его врачей, избирая для этой цѣли имѣющихъ высшую ученую степень доктора, преимущественно изъ числа тѣхъ, которые до того были прикомандированными для усовершенствованія къ университетамъ или академіи. При прочихъ необходимыхъ условіяхъ, отъ посылаемаго за границу будутъ требоваться извѣстная степень служебной опытности и знаніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго.

Военно-медицинскій департаментъ съ своей стороны надѣется, что военные врачи, которые будутъ имѣть счастье воспользоваться этимъ новымъ благодѣяніемъ Государа Императора, ревностнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ возлагаемаго на нихъ порученія оправдаютъ выборъ департамента и по возвращеніи своемъ сдѣлаются достойными руководителями молодыхъ врачей и живыми проводниками всѣхъ полезныхъ современныхъ знаній для охраненія здоровья храбрыхъ воиновъ нашихъ.

Примѣчаніе. Сверхъ посылаемыхъ военно-медицинскимъ департаментомъ, дозволяется военнымъ врачамъ отправляться за границу для усовершенствованія въ врачебныхъ наукахъ и на собственный ихъ счетъ. Время, проводимое ими съ этой цѣлю за границею, не долѣе впрочемъ трехлѣтняго срока, засчитывается имъ въ дѣйствительную службу по военному вѣдомству въ томъ только случаѣ, если они, отправляясь въ путешествіе, обязываются, по возвращеніи въ Россію, продолжать службу въ этомъ самомъ вѣдомствѣ, не менѣе 2-хъ лѣтъ сряду, но отъ казны ни жалованья, ни другихъ денежныхъ довольствій во все время пребыванія за границею они не получаютъ.

Военнымъ врачамъ, совершившимъ такое путешествіе за границу на собственный ихъ счетъ, предоставляются совершенно равныя права на полученіе высшихъ мѣстъ по военно-медицинскому вѣдомству, если они удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ отправляемыхъ на-счетъ казны.

ЗАПИСКА О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМЪ СТАТСКОМЪ СОВѢТНИКѢ ОНДОРѢ ИВАНОВИЧѢ ТИТЧЕВѢ. Въ V-мъ томѣ «Ученыхъ записокъ» II-го отдѣленія Импера-

торской академіи наукъ напечатана слѣдующая записка о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ *Федоръ Ивановичъ Тютчевъ*, составленная ордин. акад. *П. А. Шлетневскимъ*:

«Исторія литературы представляет иногда явленія, совершающіяся по законамъ умственной дѣятельности не общимъ, а какъ-бы исключительнымъ. То, что называется постепенностію развитію, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ талантовъ нерѣдко ускользаетъ отъ наблюденія. Ж.-Ж. Руссо сорока лѣтъ вышелъ въ первый разъ на поприще писателей — и занялъ между ними первое въ своемъ родѣ мѣсто. Этому нельзя иначе изъяснить, какъ глубокимъ въ раннемъ возрастѣ постиженіемъ важности призванія писателя. Безъ явнаго и полнаго проникновенія въ тайны изящнаго искусства, молодому человѣку трудно, почти невозможно защититься отъ соблазна извѣстности и преждевременнаго похваленовія къ славѣ.

«Подобный примѣръ предохраненія себя отъ первоначальныхъ опытовъ поэзіи представилъ въ нашей литературѣ *Ф. И. Тютчевъ*. Онъ только въ послѣдній годъ жизни Пушкина въ первый разъ напечаталъ въ «Современникѣ» нѣсколько своихъ стихотвореній, хотя, конечно, могъ-бы съ нимъ вмѣстѣ начать этотъ путь счастливой дѣятельности. Еще живы свидѣтели того изумленія и восторга, съ какими Пушкинъ встрѣтилъ неожиданное появленіе этихъ стихотвореній, исполненныхъ глубины мыслей, яркости красокъ, новости и силы языка. Во всемъ была опутительна свѣжая кисть художника. Онъ каждому предмету сообщаетъ ясный образъ, привлекательное положеніе и удивительную грацію. Въ изданіяхъ его нѣтъ того повторенія приготовленныхъ предшественниками формъ поэзіи, которое, свидѣтельствуя о безсиліи дарованія, успокоиваетъ автора близостію труда его къ современному успѣху.

«Не станемъ поддерживать парадокса, что на подобныхъ людей только во второй половинѣ ихъ жизни нисходитъ вдохновеніе, и вдругъ изъ окривленнаго ихъ ума вызываетъ вполне возмужавшіе образы наподобіе баснословной Минервы. Вся тайна, какъ замѣчено выше, объясняется раннею жаждою истиннаго совершенства, настойчиво-властвующаго надъ мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ-образомъ и *Ф. И. Тютчевъ* умѣлъ устроить изъ первоначальныхъ своихъ опытовъ потаенную лѣстницу, по которой поднялся на высоту прочнаго успѣха. Съ своею раннею любовію къ

трусамъ умственнымъ, онъ ими питалъ умъ свой въ тишинѣ и размышленіяхъ. Дипломатическая служба, еще въ первой его молодости, увлекла его за границу. Тамъ онъ еще болѣе почувствовалъ необходимость самосовершенствованія. Находясь долгое время близъ лучшихъ источниковъ прѣсвѣщенія и образованности, естественно онъ становился и къ себѣ строже. Иностранные языки, усвоенные имъ какъ отечественный, представили ему средства не только извлекать изъ нихъ сокровища души, но и развѣрнуть разнородныя силы ума въ собственныхъ работахъ, воплощая мысли въ этихъ новыхъ формахъ мышленія.

«Въ литературѣ нашей смотрять на Ѳ. И. Тютчева только какъ на одного изъ лучшихъ Русскихъ поэтовъ. Но молодое поколѣніе писателей успѣло уже убѣдиться, какой тонкій и высокій критическій умъ соединяется въ немъ съ поэтическимъ талантомъ. Его проницательный взглядъ, указывая на самыя живыя красоты всякаго новаго произведенія, въ то-же время обнимаетъ значеніе общей идеи творчества, планъ исполненія ея, соразмѣрность и связь частей и всѣ необходимыя принадлежности искусства вообще. Еслибы когда-нибудь можно было, въ дополненіе къ небольшому числу изданныхъ имъ сочиненій, присоединить все, чѣмъ онъ увлекаетъ внимательный умъ какъ публицистъ, какъ философъ, какъ историкъ и даже юристъ, то, безъ-сомнѣнія, въ его лицѣ представился-бы намъ замѣчательнѣйшій человекъ нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современныхъ знаній.

«Второе отдѣленіе академіи наукъ почитаетъ своею обязанностію обратить вниманіе прочихъ отдѣленій на дарованія и литературныя успѣхи Ѳ. И. Тютчева, желая украсить списокъ членовъ академіи новымъ блистательнымъ именемъ, особенно послѣ того, какъ изъ среды нашей невозвратно выбыли Крыловъ и Жуковский. Никто не усомнится, что это имя, будетъ-ли поставлено между почетными членами академіи, въ ряду-ли дѣйствительныхъ академикомъ, или на степени членовъ-корреспондентовъ втораго отдѣленія, не можетъ пріобрѣсти, или утратить что-нибудь въ собственномъ своемъ значеніи, прочно утвердившемся для современниковъ. Между-тѣмъ поощрительный голосъ академіи, всегда и вездѣ пріятно-отзывающійся въ сердцѣ истинно-образованнаго человека, конечно, вызоветъ на новые умственные труды столь замѣчательное дарованіе».

ВОЗВОСНОВЛЕНІЕ РОМАНОВСКИХЪ ПАЛАТЪ. — Въ С. Пб. вѣд. напечатано: «Какъ извѣстно, недавно происходило въ Москвѣ торжество открытія и освященія палатъ, принадлежавшихъ царскимъ прародителямъ, боярамъ Романовымъ. Для востановленія палатъ Высочайше утверждена была особая комиссія, членъ которой, извѣстный нашъ археологъ г. *И. Снегиревъ* сообщилъ недавно въ Московскихъ вѣдомостяхъ весьма-любопытныя подробности о началѣ и послѣдовавшей судьбѣ этихъ боярскихъ палатъ, составляющихъ нынѣ едва-ли не единственный памятникъ гражданскаго зодчества XVI вѣка. Для ознакомленія читателей съ устройствомъ этого замѣчательнаго зданія и нѣкоторыми подробностями реставрированія его, извлекаемъ изъ статьи г. Снегирева слѣдующее описаніе. По древнему Русскому обычаю, обращенъ во дворъ главный, болѣе украшенный фасадъ зданія, занимающаго высокое мѣсто. Внутреннее расположеніе палатъ, освобожденное отъ пристроекъ и передѣлокъ, обнаружило намъ прежнее помѣщеніе нашихъ бояръ. Въ верхнемъ ярусѣ крестовая или столовая, съ двумя боковыми комнатами на югъ, коихъ окна обращены къ Новоспасскому монастырю—родовой усыпальницѣ Романовыхъ; одна изъ этихъ комнатъ должна быть образная, а другая опочивальня; на востокъ висячее крыльце въ родѣ балкона. Одна дверь ведетъ къ терему, на узкую каменную лѣстницу, въ стѣнѣ подъ сводами, другая черезъ сѣни въ горницу, обращенную на западъ. Въ среднемъ ярусѣ подклѣты съ тайникомъ; тамъ хранилась боярская казна и всякіе съѣстные запасы для домашняго обихода и тамъ должна быть и поварня, или стряпуцая; въ подвальномъ этажѣ, складенномъ изъ бѣлаго камня, съ коробовыми сводами, съ приспѣшными печурами въ стѣнахъ и съ узкими окнами подъ пятами сводовъ, ставились бочки съ квасами, медами, пивомъ и фряжскими винами. При реставрированіи этого зданія, опытный зодчій *Ө. Ө. Рихтеръ*, членъ комиссіи о возобновленіи палатъ Романовскихъ, старался, сколько возможно, удовлетворить законнымъ требованіямъ археологіи. Всѣ массы и детали, уцѣлѣвшія въ частяхъ и цѣломъ, востановлены вполне, не пренебрегая и самыми мелкими остатками для составленія общаго согласія. Основываясь на этомъ, старыя стѣны были притянуты; своды, болѣею частію, сохранились древніе съ исправленіемъ, трещины въ нихъ пробраны, а главный, разрушенный сводъ вновь возведенъ на прежнихъ своихъ пятахъ и по прежнимъ центрамъ,

оставшимся на стѣнахъ. Здѣсь еще замѣтимъ, что вся неправильность первоначальной наружной постройки, неотвѣсное положеніе карнизовъ, несимметриальное размѣщеніе оконъ съ восточной стороны не подверглись ни малѣйшему измѣненію. По образцамъ удѣлѣвшихъ отъ передѣлокъ оконъ, дверей и угловыхъ колоннъ, восстановлены прочія, поврежденныя. Подставы и петли обнаружили форму и способъ навѣшиванія дверей и ставней; желѣзныя рѣшетки оставлены старыя. Внутри стѣны кирпичная лѣстница съ коробовымъ сводомъ, подобно дубовой, сохранила свой первобытный видъ. Мѣсто новыхъ печей, замѣнившихъ старинныя, вновь сдѣланы съ кафельными дымницами (печными трубами), по древнимъ образцамъ, найденнымъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ покояхъ царя Михаила Феодоровича. Основаніемъ къ построенію деревяннаго терема, или вышки надъ палатами была незначительная толщина каменныхъ стѣнъ верхняго яруса, кои давали возможность устроить не иначе, какъ деревянный верхъ. Образцами ему послужили: 1) на Годуновскомъ чертежѣ Москвы изображенная вышка надъ палатою Романовыхъ и 2) теремъ Коломенскаго дворца на рисункахъ архитектора Гваренги. Такимъ образомъ коммиссія возобновленія палатъ Романовскихъ старалась въ этомъ памятникѣ сохранить, сколько возможно, монументальный характеръ».

ОТКРЫТІЕ ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ ХВАЛЫНСКѢ. — Въ Моск. (универ.) вѣд. напечатано слѣдующее извѣстіе объ открытіи этого училища, сообщенное г. штатнымъ смотрителемъ Хвалынскаго уѣзднаго училища *Иванисовымъ*: «16-го іюня происходило у насъ открытіе женскаго училища. Наканунѣ этого дня, по распоряженію штатнаго смотрителя Хвалынскихъ училищъ, въ классной комнатѣ женскаго училища, вмѣщающей до 25-ти ученицъ и находящейся въ отдѣльномъ каменномъ флигелѣ при домѣ уѣзднаго училища, довольно прилично отдѣланной изъ кладовой на добровольнымъ приношенія дворянства и купечества, совершена была законоучителемъ Хвалынскаго уѣзднаго училища протоіереемъ *Любомудровымъ* всенощная. Здѣсь находились 10 ученицъ, поступившихъ уже въ училище, и нѣкоторые изъ нихъ съ родителями; изъявившія желаніе быть почетнымъ блюстителемъ Хвалынскій

3-й гильдіи купецъ *И. Т. Колесовъ* (*), штатный смотритель Хвалынскихъ училищъ, учителя уѣзднаго училища, которые объявили желаніе безвозмездно преподавать въ женскомъ училищѣ, исправляющая должность домашней надзирательницы жена штатнаго смотрителя *А. И. Иванисова* и нѣсколько учениковъ уѣзнаго училища. Къ этому собственно времени изготовленъ образъ Благовѣщенія, довольно изящной отдѣлки, написанный Греческою иконописью живописцемъ *П. П. Гагасымъ*, крестьяниномъ княгини Белосельской-Бѣлозерской, принесенный имъ въ даръ женскому училищу, и стоющій по работѣ до 10 руб. серебр. Ко дню открытія роздано было самимъ смотрителемъ и разослано до 75-ти пригласительныхъ билетовъ, какъ дворянству, такъ и купечеству города Хвалынска. 16-го числа, къ 8-ми часамъ, собрались въ домъ уѣзнаго училища поступившія ученицы съ родителями, чиновники уѣзнаго училища и до 40 учениковъ. Послѣ литургіи въ соборномъ храмѣ, гдѣ присутствовали тѣ-же лица и кромѣ-того градской глава съ членами Думы, законоучителемъ, протоіеремъ *Любомудровымъ*, сказано слово, и всѣ присутствовавшіе въ храмѣ и духовенство съ хоругвями и образами отправились въ домъ уѣзнаго училища. Къ молебну прибыли г. командиръ 17-й артиллерійской бригады, подполковникъ *Владиміровъ* съ адъютантомъ *Гейцымъ*, гг. городничій, судья, исправникъ, многіе чиновники города и г-жа попечительница женскаго училища *Е. Е. Пономарева*, попечитель Хвалынской градской больницы 2-й гильдіи Хвалынской купецъ *И. Д. Пономаревъ* и нѣкоторыя дамы. Здѣсь отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ и колѣнопреклоненіемъ, а потомъ всѣ посѣтители приглашены были въ залу училищнаго дома, гдѣ уже ожидалъ небольшой оркестръ музыки, и гдѣ читано учителемъ Русскаго языка *Петропавловскимъ* сочиненіе въ прозѣ: «О пользѣ образованія женщины». Передъ обѣдомъ *И. Д. Пономаревъ* предложилъ пожертвовать $\frac{1}{4}$ коп. сер., одновременно, съ рубля объявленнаго капитала, на распространеніе помѣщенія женскаго училища, что единогласно было принято. Тутъ-же штатнымъ смотрителемъ былъ составленъ актъ, утвержденъ подписью градскаго головы и другихъ лицъ купческаго званія, присутствовавшихъ на обѣдѣ. Обѣдъ былъ данъ попечительницею женскаго училища и изъяс-

(*) Г. Колесовъ обязался вносить въ пользу училища ежегодно 100 р. сер., по предложенію штатнаго смотрителя.

вившимъ желаніе занять мѣсто почетнаго блюстителя *Колесовымъ*, съ участіемъ и другихъ лицъ. За столомъ провозглашены были тосты за здоровье: Государя Императора и Государыни Императрицы, Его Высочества Принца Ольденбургскаго, г. министра народнаго просвѣщенія и другіе. Съ 17-го числа начато ученіе, и тогда состояло въ училищѣ 14 ученицъ.

ПРОГРАММА КОНКУРСА ДЛЯ ЗАМѢЩЕНІЯ ВАКАНТНОЙ КАЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. — На основаніи § 78 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденнаго въ 26-й день іюля 1835 года, совѣтъ Казанскаго университета на упразднившееся мѣсто профессора всеобщей исторіи объявляетъ конкурсъ. Желающій занять означенную каеэдру обязанъ представить къ 1-му августа 1860 года, въ совѣтъ Казанскаго университета: 1) дипломъ на степень доктора или магистра историческихъ наукъ; 2) докторскую, или магистерскую диссертацию и какое-либо другое печатное, или рукописное сочиненіе по предмету всеобщей исторіи; 3) подробную программу университетскихъ лекцій по всеобщей исторіи; сверхъ того, 4) на основаніи § 78 вышеупомянутаго устава, дать три пробныя лекціи въ одномъ изъ Россійскихъ университетовъ.

По штату Императорскаго Казанскаго университета получаютъ: ординарный профессоръ — жалованья 1,142 руб. 85⁵/₁₀₀, коп. сер., квартирныхъ 142 руб. 84⁵/₁₀₀, коп. сер.; экстраординарный профессоръ — жалованья 857 руб. 14²/₁₀₀, коп. сер., квартирныхъ 114 руб. 28 коп. сер. По именному Высочайшему указу, данному правительствующему сенату въ 6-й день ноября 1852 года, чиновникамъ, состоящимъ въ учебномъ вѣдомствѣ, за усердную и безпорочную службу, назначено производить: за 20 лѣтъ — половинную, а за 25 лѣтъ — полную пенсію.

Примѣчаніе: имѣющій степень магистра получаетъ должность адъюнкта по вышеозначенной каеэдрѣ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЪ КИЕВѢ. — Нельзя не порадоваться развитію у насъ публичныхъ лекцій, которыя начинаютъ привлекать слушателей и не въ однѣхъ столицахъ. Вотъ между прочимъ объявленіе о публичныхъ лекціяхъ въ Кіевѣ, напечатанное въ Кіевск. телегр.: «Многіе изъ образованныхъ жителей

Кіева, безъ-сомнѣнія, помнѣть публичныя чтенія г. *Судовщикова*, происходившія въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ одной изъ залъ Подольскаго дворянскаго училища. Чтенія эти привлекали довольно-многочисленную публику и доставляли удовольствіе слушателямъ. Г. Судовщиковъ пришелъ къ счастливой мысли читать для публики образцовыя произведенія лучшихъ изъ современныхъ Русскихъ авторовъ, что, при мастерскомъ чтеніи и умѣнны выбрать лучшее изъ имѣющагося въ литературѣ, конечно, можетъ быть гораздо пріятнѣе для каждаго слушателя, чѣмъ чтеніе разныхъ журнальныхъ статей у себя дома, безъ надлежащаго выбора и часто безъ особаго умѣнья читать съ искусствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Судовщиковъ старался дѣлать характеристику каждаго избраннаго имъ для чтенія автора, впрочемъ въ самыхъ краткихъ, общихъ чертахъ. Поэтому чтенія г. Судовщикова имѣли довольно значительный успѣхъ, хотя выборъ времени года и самое помѣщеніе, въ которомъ они происходили, должны были не совсѣмъ благоприятствовать такому успѣху. На дняхъ мы узнали, что г. Судовщиковъ желаетъ и въ нынѣшнюю зиму открыть подобныя-же чтенія для публики, только въ гораздо обширнѣйшемъ объемѣ и совершенно въ другомъ видѣ. Онъ именно желаетъ дать характеристикъ избранныхъ авторовъ гораздо большій объемъ и, для уясненія этой характеристики, думаетъ приводить лучшія изъ произведеній авторовъ. Вообще онъ намѣренъ лекціи свои подчинить болѣе строгой, научной системѣ. Такимъ образомъ г. Судовщиковъ обращаетъ теперь свои чтенія въ настоящій курсъ современной Русской словесности, въ которомъ систематической обзоръ и характеристика произведеній избранныхъ авторовъ будутъ стоять на первомъ планѣ, а чтеніе полныхъ образцовъ будетъ служить только къ подтвержденію и объясненію вѣрности выводовъ и взглядовъ. На нынѣшній разъ предметомъ чтеній будутъ *Пушкинъ и Гоголь и отношеніе къ нимъ современной Русской словесности*. Намъ доставлена слѣдующая программа:

А. *Пушкинъ*. 1) Начало *подражательной* поэтической дѣятельности (до 20 годовъ); отношеніе его поэзіи къ романтизму Жуковскаго и къ *нравоучительнымъ* стихотворцамъ XVIII в. 2) Періодъ *отрицательнаго* отношенія къ жизни (до 30 годовъ) — разочарованіе. Сравненіе съ Баратынскимъ и Лермонтовымъ. 3) Періодъ *положительнаго* отношенія къ обществу; *чистое* искусство (Борисъ Годуновъ, Скупой рыцарь, Каменный гость, Моцартъ и

Сальери, Русалка). 4) Пушкинскій типъ въ жизни (Сравненіе Овѣгина съ Печоринымъ, Тамаринымъ и Рудинимъ).

Б. *Гоголь*. 5) Отношеніе Гоголя къ предшествовавшимъ сатирикамъ: Кантемиру, Фонъ-Физину и Грибоѣдову, и къ романтикамъ 30 годовъ: Марлинскому, Лажечникову, Булгарину и пр. 6) Періодъ *веселаго смѣха*, или *положительное* (наивное) отношеніе къ жизни (Вечера на хуторѣ, Тарась Бульба, Старосвѣтскіе помѣщики и пр.). 7) Періодъ *грустнаго смѣха*, *отрицательное* (сентиментальное) отношеніе къ обществу (Шинель, Ревизоръ, Мертвыя души). 8) Гоголь какъ мыслитель, моралистъ и проповѣдникъ. 9) Типы Гоголя въ нашемъ обществѣ (Ноздревъ, Маниловъ, Собакевичъ, Бетрищевъ, Тентетниковъ и пр.).

В. *Русская словесность послѣ 1848 года*. 10) Соціальное направленіе литературы: литература, какъ *средство* для выраженія общественныхъ вопросовъ (положеніе женщины и крестьянина). Отличіе этого *дидактическаго* направленія отъ чистаго комизма Гоголя. 11) *Тургеневъ* и его отношеніе, какъ къ беллетристамъ (Панаеву и др.), такъ и къ второстепеннымъ художникамъ, Григоровичу и Писемскому. 12) *Обличители*: Островскій, Печерскій, Некрасовъ и пр. 13) *Чистое искусство* послѣ Пушкина: Кольцовъ, Фетъ, Майковъ и Толстой. 14) *Гончаровъ*. Обыкновенная Исторія и Обломовъ; жизненность Обломова и женскихъ характеровъ Гончарова вообще. 15) Злоупотребленіе искусствомъ — *уголовная* литература: Щедринъ, Елагинъ и др. 16) *Заключеніе*: — Обзорѣніе Русскихъ современныхъ журналовъ, преимущественно со-стороны изящной словесности.

«Г. Судовщиковъ исходатайствовалъ уже у начальства разрѣшеніе открыть свой курсъ и испросилъ въ университетѣ весьма удобную и обширную залу, извѣстную подъ названіемъ *сборной* для студентовъ, въ которой читалъ публичныя лекціи словесности профессоръ *Селивъ*.

О ПРИКРАЩЕНІИ ИЗДАНІЯ ВОЕННАГО ЖУРНАЛА.— Во второй книжкѣ этого журнала на текущій годъ объявлено, что, вслѣдствіе преобразованія военно-ученаго комитета, отдѣленіе его по части генеральнаго штаба упраздняется, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается второю книжкою изданіе Военнаго журнала. Къ этому, въ особомъ приложеніи, присовокуплено отъ редакціи слѣдующее: «Для будущаго историка отечественной военной литературы считаемъ

нужнымъ представить нѣсколько данныхъ объ этомъ періодическомъ изданіи, которыя съ тѣмъ вмѣстѣ могутъ послужить мѣриломъ дѣятельности «Военнаго журнала» въ послѣднія *тринадцать съ половиною лѣтъ*. Только за эти годы отвѣтствуетъ предъ публикою закрытое нынѣ отдѣленіе по части генеральнаго штаба военно-ученаго комитета. Для полноты фактовъ слѣдуетъ упомянуть, что еще въ 1810 году появилось періодическое изданіе подъ названіемъ «Военнаго журнала», предпринятое *Рахмановымъ*. Оно продолжалось годъ (1810—1811), и всѣхъ книжекъ вышло въ свѣтъ двадцать четыре. Въ 1817 году сталъ издаваться «Военный журналъ» при гвардейскомъ штабѣ, продолжавшійся до 1819 года включительно. Число выданныхъ книжекъ простиралось до двадцати осьми. Нынѣшній «Военный журналъ» сталъ выходить при военно-ученомъ комитетѣ въ 1827 году, по шести книжекъ въ годъ; онъ существовалъ *тридцать два съ половиною года*. По первоначальному плану, въ немъ помѣщались статьи по предметамъ всѣхъ *трехъ* отдѣленій военно-ученаго комитета (*генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго*); впоследствии образовались особый *Артиллерійскій журналъ*, продолжающійся донинѣ, и *Инженерныя Записки*, вмѣсто которыхъ основанъ недавно *Инженерный журналъ*. Въ 1846 году начальство военно-ученаго комитета признало нужнымъ преобразовать «Военный журналъ», давъ ему большій объемъ и сообщивъ характеръ, согласный съ современными требованіями и съ состояніемъ военныхъ наукъ. Не легко было выполнить эту задачу. Русская военная литература и до-сихъ-поръ не существуетъ въ томъ самостоятельномъ видѣ, въ какомъ находимъ ее у народовъ, опередившихъ насъ въ просвѣщеніи; число нашихъ военныхъ писателей такъ невелико, что всѣ они извѣстны на-перечеть; въ нашемъ военномъ сословіи не преобладаетъ *общаю* стремленія къ военно-научному образованію и военная литература не составляетъ для большинства его членовъ насущной умственной пищи, безъ которой они не могли-бы обойтись. При такомъ положеніи, «Военный журналъ» не могъ, во-первыхъ, стать на ту степень удовлетворительности, которой онъ могъ-бы достигнуть при другихъ, болѣе благоприятныхъ, условіяхъ; не могъ онъ также рассчитывать и на многочисленный кругъ читателей. Къ этому должно присоединить матеріальныя затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться журналъ: на изданіе его могла быть расходована лишь самая незначительная сумма, еже-

годно дополнявшая собою скудный сборъ съ подписчиковъ. Наконецъ — обстоятельство весьма важное — до 1846 года «Военный журналъ» почти вовсе не былъ извѣстенъ въ публикѣ, равнодушіе которой къ этому изданію было такъ велико, что не могло быть уничтожено до настоящаго времени. Тринадцать съ половиною лѣтъ боролся «Военный журналъ» со всѣми этими препятствіями, парализующими всякое періодическое изданіе, и со множествомъ другихъ затрудненій, но, положа руку на сердце, «Военный журналъ» имѣлъ право объявить во всеуслышаніе, что исполнялъ свои обязанности передъ публикою усердно, честно, по крайнему своему разумѣнію — по средствамъ. Судить о какомъ-бы то ни было періодическомъ изданіи, тѣмъ болѣе специальномъ, нельзя не только по одной книжкѣ, но иногда по цѣлому годовому изданію: духъ, характеръ и направленіе журнала, его внутреннія достоинства могутъ найти справедливую оцѣнку лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ принято въ соображеніе нѣсколько лѣтъ изданія. Мы позволимъ себѣ сказать не обвиняясь, что *тридцать четыре* тома «Военнаго журнала», изданные съ 1846 года, выдержатъ строгую оцѣнку правдивыхъ знатоковъ дѣла. Не желая утруждать вниманія читателей исчисленіемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднихъ *тридцати четырехъ* томахъ «Военнаго журнала», считаемъ однако своимъ обязанностію указать на тѣ изъ нихъ, которыя, въ большей или меньшей степени, могутъ быть названы уважительнымъ достояніемъ нашей бѣдной военной литературы». Не касаясь статей по наукамъ исключительно военнымъ, мы помѣщаемъ здѣсь перечень статей по военной исторіи, географіи и статистики.

Статьи по военной исторіи:

Оригинальныя: Походъ Суворова въ Италиі и Швейцаріи (генераль-маіора *Бодановича*). — Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи (*его-же*). — Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1774 году (полковника *Саковича*). — Военное обозрѣніе похода Русскихъ войскъ въ Европейской Турціи въ 1829 году (генеральнаго штаба генераль-лейтенанта *Вершинна*). — О началѣ безпокойствъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ (генеральнаго штаба генераль-маіора *Неспровскаго*). — Историческій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ до уничтоженія вліянія Лезгиновъ на Закавказьѣ (*его-же*). — Истребленіе Аварскихъ хановъ въ 1834 году (*его-же*). — Описаніе военныхъ дѣйствій въ сѣвер-

номъ Дагестанѣ въ 1839 году (генеральнаго штаба генераль-лейтенанта *Милюткина*)—Экспедиція въ Дарго въ 1845 году.—Описание походовъ графа Радецкого въ Итали въ 1848—1849 годахъ (генераль-маіора *Богдановича*).—Алжирія въ новѣйшее время (*его же*).—Описание Наполеонова похода 1806 года въ Пруссію (*его же*).—Описание экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ (*его же*).—Очеркъ исторіи генеральнаго штаба въ западной Европѣ и въ Россіи (генеральнаго штаба генераль-маіора князя *Голицына 6-го*).—Походныя записки артиллериста въ Азіи съ 1829 по 1831 годъ (полковника *Радожницкаго*).—Описание войны между Россіей и Швеціей въ 1741, 1742 и 1743 годахъ (*Н. Шпилевской*). *Переводныя*: Суворовъ въ Итали и Швейцаріи (изъ записокъ графа *Толя*, изданныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ *Бергарди*).—Война императора Александра I съ Наполеономъ въ 1805 году (*оттуда-же*).—Воспоминанія Герцога Евгенія Виртембергскаго о кампаніи 1812 года въ Россіи (переводъ всего сочиненія).—Взглядъ на кампаніи 1812 и 1813 годовъ (изъ записокъ маршала *Сенъ-Сира*).—Королевство Вестфальское и разрушеніе его генераль-адъютантомъ Чернышевымъ (переводъ съ Нѣмецкаго, генераль-маіора *Богдановича*).—Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ (переводъ генераль-маіора *Богдановича* и полковника *Лебедева*).—Война Англичанъ съ Сейками.—Война Англіи съ Китаемъ.

Статьи по военной географіи и военной статистикѣ:

Оригинальныя: Критическое изслѣдованіе назначенія военной географіи и военной статистики (генераль-лейтенанта *Милюткина*).—Основанія политической и военной системы Германскаго Союза (*его-же*).—Королевство Прусское (*его-же*).—Сѣверный и средній Дагестанъ въ топографическомъ и статистическомъ отношеніи (генераль-маіора *Невпровскаго*).—Замѣтки Русскаго путешественника о Прусской арміи.—*Переводная*: Прусская система ландвера.

Даже въ упомянутомъ приложеніи къ Военному журналу сказано: «Мѣсто не позволяетъ намъ упомянуть здѣсь даже о важнѣйшихъ статьяхъ по военной литературѣ. Скажемъ только, что съ 1846 года этотъ отдѣлъ былъ постояннымъ во всякой книжкѣ *Военнаго журнала*, и мы имѣемъ доказательства, что онъ удовлетворялъ ожиданіямъ читателей, знакомя ихъ со всѣми замѣчательными произведеніями отечественной и иностранной военной литературы. Статьи этого отдѣла никогда не были голословными от-

зываются о достоинствахъ и недостаткахъ книги, но всегда посвящали читателя въ духъ и характеръ разсматриваемаго сочиненія, и приведенными выписками ставили его самого въ возможность усвоить себѣ мнѣніе о значеніи книги. Нѣкоторымъ важнымъ твореніямъ было посвящаемо по нѣскольку статей, какъ напримѣръ *Запискамъ маршала Мармона*, съ которыми «Военный журналъ» первый познакомилъ Русскую публику. Думаемъ, что *библиографія* «Военнаго журнала» за послѣднія тринадцать съ половиною лѣтъ не утратила своего достоинства, и что всякой любознательный челоувѣкъ можетъ руководствоваться ею, какъ надежнымъ указателемъ. Остается упомянуть объ отдѣлѣ *смѣси*, также постоянно помѣщавшейся въ каждой книжкѣ. Онъ, по справедливости, можетъ быть названъ живою военною лѣтописью: ибо не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго факта, который здѣсь не находилъ-бы себѣ мѣста. Слова сіи легко повѣрить, прослѣдивъ нѣсколько лѣтъ этого отдѣла. Не смотря на крайнюю ограниченность своихъ средствъ, «Военный журналъ» постоянно заботился о *приложеніяхъ*, состоявшихъ въ картахъ, планахъ, чертежахъ, полнотипажныхъ рисункахъ и т. д., зная, какими важнымъ пособіемъ служатъ они при чтеніи статей. Позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя приложенія». Изъ перечней сихъ приложеній мы помѣщаемъ слѣдующій перечень картъ: 1) Окрестностей Вероны. 2) Сѣверной Италіи, съ показаніемъ пути дѣйствій Суворова. 3) Швейцаріи, съ показаніемъ того-же. 4) Карта для объясненія дѣйствій при взятіи Суворовымъ Семъ-Готара и перехода чрезъ Чортовъ Мостъ. 5) Карта завоеваній Монголовъ. 6) Общая карта Европейской Турціи, съ показаніемъ пути дѣйствій Русскихъ войскъ въ 1829 году. Карты: 7) Германскаго Союза. 8) Пруссіи (военно-статистическая). 9) Средней Европы. 10) Пенджаба. 11) Сѣвернаго и средняго Дагестана. 12) Монархіи Александра Македонскаго, съ показаніемъ пути дѣйствій его. 13) Италіи для объясненія походовъ 1-й Пунической войны. 14) Театра войны въ Алжиріи. 15) Театра дѣйствій Австрійскихъ войскъ съ 15-го апрѣля (7-го мая) по 1-е (13-е) іюня 1848 года. 16) Военныхъ дѣйствій главнаго Чеченскаго отряда въ 1839 году. 17) Театра войны въ Венгріи. 18) Трансильваніи. 19) Дѣйствій Австрійскихъ войскъ со 2-го (14-го) по 9-е (21-е) іюня 1849 года. 20) Пространства между Дунаемъ и Балканами, служившаго главнымъ театромъ дѣйствій въ походахъ Румандова и Суворова противъ Турокъ 21) Движенія

генералъ-адъютанта Чернышева къ Касселю. 22) Большой Кабили. 23) Малой Азіи, съ показаніемъ пути 1-го крестоваго похода. 24) Для объясненій дѣйствій перваго періода кампаніи 1806 года. 25) Переправы Русскихъ войскъ чрезъ Дунай въ 1854 году. 26) Экспедиціи въ Дарго 1845 года. 27) Окрестностей Севастополя. 28) Три карты къ статьѣ: «О масштабахъ» и проч.

СТЕПАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ УСОВЪ (*). — 26 іюня 1859 года скончался профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета Степанъ Михайловичъ Усовъ, болѣзнь котораго не продолжалась и сутокъ. С. М. Усовъ род. 23 декабря 1797 г. въ С. Петербургѣ. Окончательное образованіе получилъ онъ въ С. Петербургскомъ университетѣ, гдѣ удостоился ученыхъ званій кандидата и магистра философіи. По выходѣ изъ университета, въ 1822 году С. М. Усовъ остался при торговыхъ дѣлахъ своего отца, наперекоръ всеобщему стремленію къ канцелярской службѣ. Между-тѣмъ склонность заставила его заняться естественными и техническими науками, и съ этой цѣлью С. М. сталъ посѣщать лекціи профессоровъ. Въ 1834 г., когда графъ Канкринъ, тогдашній министръ финансовъ, прискивалъ редактора для основанія и изданія «Земледѣльческой газеты», ему представили Усова, который и былъ утвержденъ въ этой должности. Гр. Канкринъ и гр. Н. С. Мордвиновъ, принимая живое участіе въ «Земледѣльческой газетѣ», удостоивали Усова самымъ искреннимъ расположеніемъ, которое не измѣнялось до самой кончины этихъ государственныхъ людей. Въ томъ-же году Усовъ избранъ былъ членомъ Императорскаго вольнаго экономическаго Общества, а въ слѣдующемъ ему поручено было публичное чтеніе агрономіи въ залѣ этого Общества. Столь новое тогда явленіе въ С. Петербургѣ привлекло многочисленныхъ слушателей, и съ того времени чтенія отъ Общества каждагодно приходили въ зимніе мѣсяцы. Въ 1836 году Усовъ занялъ мѣсто преподавателя сельскаго хозяйства въ С. Петербургскомъ университетѣ. Черезъ годъ избранъ членомъ Обществъ сельскаго хозяйства Московскаго и южной Россіи. Онъ былъ также членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Въ 1842 году былъ командированъ отъ министра государственныхъ имуществъ въ Малороссію и Но-

(*) Изъ статьи г. Д. Реутовича, помѣщенной въ № 6 Трудовъ И. В. Э. О.

вороссійскій край, для собранія свѣдѣній о мѣстномъ хозяйствѣ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Отчетъ о своемъ путешествіи онъ представилъ министерству, и лучшею наградою за этотъ трудъ С. М. считалъ то, что многія, предложенныя имъ въ отчетѣ мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства, были постепенно принимаемы министерствомъ. Краткое описаніе его путешествія помѣщено въ газетѣ «Посредникъ». Въ 1843 г. онъ утвержденъ былъ адъюнктомъ С. Петербургскаго университета, и въ томъ-же году былъ командированъ для изслѣдованія Заволжскаго края и Сибирскихъ губерній въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Описаніе этого путешествія не издано въ свѣтъ. Въ 1846 г. Усовъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ сельскаго хозяйства въ томъ-же университетѣ. Усовъ былъ также нѣсколько лѣтъ редакторомъ ординарнаго календаря, издаваемого академіею наукъ. Изъ литературныхъ трудовъ Усова, сверхъ множества статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ, и особенно въ «Библиотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ запискахъ», замѣчательны: основанный имъ въ 1841 году и издаваемый имъ до 1856 года журналъ «Посредникъ, газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ»; дагѣ: 1) «Таблицы для вычисленія процентовъ на денежныя капиталы» (два изданія, первое въ 1827 г.). 2) «Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ», соч. В. А. Крейсига, въ переводѣ (С. Петербургъ 1836 г.); второе изданіе въ 1839 г., а третье въ 1856 году. 3) «Правила скотоводства и проч.» (С. Петербургъ, 1836 г.). 4) «Курсъ земледѣлія, съ приложеніемъ къ полеводству, читанный въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ и пр.» (С. Петербургъ, 1837 г. (*)) 5) «О капиталѣ въ отношеніи въ сельскому хозяйству» (С. Петербургъ, 1839 г.). Приготовленъ имъ къ печати курсъ сельскаго хозяйства, и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ. С. М. Усовъ исправлялъ должности предсѣдателя отдѣленій вольнаго экономическаго Общества. Въ послѣдніе годы былъ онъ также преподавателемъ сельскаго хозяйства въ Императорскомъ Александровскомъ лицей. Въ области избранной науки Степанъ Михайловичъ преимущественно любилъ заниматься изслѣдованіемъ теоріи плодосѣяности Либ-

(*) Сочиненіе это удостоено Императорскою академіею наукъ Демидовской преміи.

ха, котораго ни одна замѣчательная статья не осталась безъ перевода въ издаваемыхъ покойнымъ журналахъ. Увлекаясь этимъ писателемъ, онъ въ бесѣдахъ часто говаривалъ: «вникайте какъ можно болѣе въ дѣйствіе навозовъ; крѣпко заблуждаются тѣ, которые кладутъ въ землю больше, нежели сколько нужно для лучшей производительности; не пренебрегайте минеральными частями удобрения». Кромѣ-того, любимыми предметами практическихъ изслѣдованій Степана Михайловича были дикія растенія, сходныя по однородности землистыхъ частицъ съ хозяйственными. Ему непремѣнно хотѣлось уяснить это дѣло до простоты практическаго примѣненія. Преслѣдуя правильную плодосмѣнность, онъ желалъ дойти до того, чтобы, по явленію дикой травы на погѣ, можно было навѣрное знать, какое слѣдуетъ сѣять хозяйственное растеніе, подобно тому, какъ являющійся на степныхъ залежахъ ковыль указываетъ пору посѣва пшеницы, василекъ — посѣвъ ржи, горчакъ — посѣвъ овса, торица — посѣвъ гороха, вики и пр. Многія взысканія и заключенія Степана Михайловича о распознаваніи почвы по дикимъ растеніямъ будутъ напечатаны въ посмертномъ его курсѣ сельскаго хозяйства. О возможности сбыта хозяйственныхъ произведеній покойный часто говаривалъ: «не хвастайтесь количествомъ добытыхъ вами продуктовъ, а скажите мнѣ, сколько вы выручили денегъ». Въ практикѣ его всегда восхищало Англійское направленіе, и онъ не могъ налюбоваться Англійскимъ плугомъ и его работою. «Ведите дѣло такъ, чтобы каждое распоряженіе по хозяйству или сокращало работу или увеличивало доходъ; дѣлайте все сегодня, если нѣтъ необходимости откладывать до другаго дня; *время — деньги!*» Это были постоянныя его завѣщанія. Кромѣ всѣхъ естественныхъ и математическихъ наукъ, онъ зналъ основательно технологию, статистику Россіи, торговлю. Онъ говорилъ на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ, понималъ Польскій, Шведскій, Италіянскій, Испанскій; Латинскій языкъ зналъ классически. Однажды сталъ-было посѣщать и лекціи Китайскаго языка. Онъ основательно зналъ Русскіе законы, медицину вообще; но во всѣхъ своихъ знаніяхъ отличался крайнею скромностью и безъ спроса не выказывалъ ихъ. Степанъ Михайловичъ, въ противоположность направленію своему къ предметамъ сухимъ и точнымъ, въ душѣ былъ артистъ. Онъ игралъ на скрипкѣ, флейтѣ, фортепіано. Усиленные труды, въ соединеніи съ случайными огорченіями, порожденными нѣкоторыми мѣстами

и лицами, много содѣйствовали смертельной его болѣзни. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

(Землед. газ.)

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (*). — Нынѣшнее годичное засѣданіе академіи представляло особый интересъ: двѣ ораторскія, ученые и литературныя знаменитости, *Гизо* и *Вильменъ*, принимали въ немъ участіе. Вильменъ, послѣ краснорѣчивой вступительной рѣчи, провозгласилъ имена писателей, удостоившихся наградъ: первая изъ нихъ, въ четыре тысячи франковъ, присуждена г. *Жильберу*, за сочиненіе въ похвалу Реньяру (*Eloge de Regnard*), комическому поэту, котораго произведенія сохранили досихъ-поръ несомнѣнныя достоинства, тогда-какъ современники его: *Скарронъ*, *Данкуръ*, *Монфлери* давно забыты. Премія за поэзію досталась на долю молодой воспитательницы юношества, m-lle Эрнестины *Друзъ*, за написанное ею, на заданную тему, стихотвореніе, подъ названіемъ «*La soeur de charité*». Членъ академіи г. *Легуе* (авторъ извѣстной драмы «*Адріэнна Лекувреръ*»), одинъ изъ послѣднихъ адептовъ въ искусствѣ декламации по стариннымъ, классическимъ традиціямъ, прочиталъ увѣнчанную пьесу. Несмотря на нѣкоторую небрежность въ фактурѣ стиха и бѣдность иныхъ рифмъ, многія мѣста этого стихотворенія, проникнутыя истиннымъ чувствомъ, выраженнымъ граціозно и сообщительно, заслужили одобреніе слушателей. Особенное впечатлѣніе произвело описаніе бесѣды между свѣтскою наставницею, занятою воспитаніемъ дѣтей богатыхъ родителей, и сестрою милосердія, посвятившею себя образованію неимущихъ, безродныхъ сиротъ. Первая изъ нихъ говоритъ:

— Ma soeur, ainsi que vous je suis institutrice:
Moi, c'est profession; mais vous, c'est sacrifice!
— Oh! votre rôle est beau!

— Le votre est généreux!

A moi les fronts brillans, les visages heureux,
La jeunesse, d'amour et de soins entourée!
La terre, quand je sème, est déjà labourée!

(*) Эта и слѣдующая за нею статьи заимствованы изъ еженедѣльнаго фельетона С. Петерб. вѣд., который печатается подъ названіемъ: *Взростей съ запада*. Этотъ фельетонъ постоянно отличается свѣжестью и разнообразіемъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній и живостью изложенія.

Une mère, au besoin, me prête encor secours.
 — Cela chez nous, hélas! n'arrive pas toujours.
 — Mais comment voyez-vous, sans nulle répugnance,
 Ces enfants, depouillés des charmes de l'enfance,
 Flétris, hâves, couverts d'un grossier vêtement?...
 — On les trouve plus beaux, madame, en les aimant».

Говорятъ, что покойный Берамже руководствовалъ первыми опытами m-lle Друэ. Этому можно вѣрить, судя по приведеннымъ стихамъ.

Золотыя медали, каждая въ двѣ тысячи франковъ, присуждены: Шарлю *Лафону* — за собраніе стихотвореній «*Légendes de la charité*», и Симеону *Шеконталю* — за томъ поэтическихъ произведеній, подъ названіемъ: «*Légendes et poésies*». Извлекаемъ одно изъ нихъ, посвященное памяти Шатобриана, котораго прахъ успокоился, послѣ бурь житейскихъ, на приморскихъ утесахъ его родной страны:

«Quand la terre des rois manque même à leur cendre,
 Quel est donc cet homme puissant
 Qui dit: «Voilà la tombe où j'aspire à descendre.»
 Et qui, plein de gloire, y descend?
 Cet homme, il est de ceux dont le génie ordonne,
 De ces monarques sans Etats,
 Qui portent le seul sceptre et la seule couronne
 Que les siècles ne brisent pas.
 A travers le granit sa volonté s'est faite;
 Et s'y creusant son dernier port,
 A la mer qu'il domine il a pris la tempête,
 Pour être gardé dans sa mort.
 Et qu'importe au génie ou faveur ou disgrâce,
 Alors qu'il sait s'appartenir?
 Le poète est peu fait pour la gloire qui passe;
 Son règne à lui, c'est l'avenir».

Прочія награды, предназначенныя для поощренія полезныхъ и нравственныхъ сочиненій, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: три тысячи франковъ г. *Желие* — за книгу: «*Histoire de la philosophie morale et politique dans l'antiquité et dans les temps modernes*»; двѣ тысячи франковъ аббату *Конья* — за «*Исследование о жизни и*

ученіи св. Климента Александрійскаго»; медаль въ двѣ тысячи франковъ г. *Ксавье-Марме* — за романъ: «*Les Fiancés de Spitzberg*»; медаль въ 1,500 франковъ г-жѣ *Панъ-Карпанте* — за книгу для первоначальнаго чтенія дѣтей, подъ названіемъ: «*Leçons des choses pour les enfans*»; медаль въ тысячу франковъ г. Себастиену *Реамо* — за переводъ Данта, обогащенный учеными комментаріями. Историческій трудъ о Французской литературѣ во время революціи доставилъ автору, его, г. *Жерюзе*, награду въ три тысячи франковъ, учрежденную г. Борденемъ для поощренія произведеній высшаго литературнаго достоинства. Премія, установленная Ламбертомъ за поэзію, присуждена умершей недавно г-жѣ *Дебордъ-Вальморъ*.

РАЗДАЧА МОНТІОНОВСКИХЪ ПРИМІЙ. — Г. *Гизо* предпослалъ своему отчету о присужденіи Монтіоновскихъ наградъ за подвиги добродѣтели замѣчательную рѣчь, изъ которой сообщаемъ наиболѣе выдающіяся мѣста:

«Мы смотримъ отчасти усталымъ, печальнымъ взоромъ на наше время, какъ-бы ожидая многого отъ челоуѣчества, а между тѣмъ не имѣя къ нему большой вѣры. Но не таковы были, конечно, чувства благодѣтельнаго мужа, котораго волю исполняемъ мы здѣсь каждый годъ, съ признательностію вспоминая его память. Г. Монтіонъ жилъ въ эпоху безпредѣльнаго довѣрія и надежды къ людямъ; онъ сочувствовалъ ихъ злополучію, не теряя вѣры въ ихъ добрыя качества и лучшую будущность. Въ его глазахъ они достойны были того добра, которое онъ хотѣлъ имъ сдѣлать, и именно потому, что онъ вѣрилъ въ добродѣтель, г. Монтіонъ нашелъ особенное наслажденіе въ учрежденіи, которое воздаетъ ей должную дань чрезъ посредство академіи. Онъ желалъ почтить добро какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, разсчитывая на нравственныя сочиненія въ такой-же мѣрѣ, какъ и на подвиги добра.

«Семьдесятъ-семь лѣтъ назадъ, по великодушному желанію учредителя, оставшагося тогда подъ покровомъ неизвѣстности, академія присудила двѣ установленныя имъ награды. При учрежденіи ихъ (какія воспоминанія, господа, и какой урокъ довѣренности къ людямъ!) онъ помѣстилъ на имя короля Лудовика XVI и его юнаго сына, сумму, предназначенную на издержки по наградамъ за добродѣтель. Ни страшная трагедія въ королевскомъ семействѣ, ни испытанная имъ глубокая горестъ, потому-что онъ

любилъ короля наравнѣ съ добродѣтелью, не поколебали въ душѣ Монтіона благородной вѣры въ людей, и, послѣ возстановленія падшей династїи, въ 1815 году, готовый спуститься въ могилу, онъ также пожелалъ возстановить, свое благодѣтельное учрежденіе, которое съ-тѣхъ-поръ не потерпѣло никакихъ измѣненій». Затѣмъ знаменитый ораторъ, въ трогательныхъ словахъ, изобразилъ подвиги, которые, въ настоящемъ году, удостоились Монтіоновскихъ премій. Первая награда присуждена аббату *Галлюэну*, за учрежденіе въ городѣ Арра заведенія, въ которомъ воспитываются сто-семьдесятъ дѣтей, прежде того лишенныхъ пристанища и всякихъ способовъ къ существованію. Нѣтъ сомнѣнія, что почтенный аббатъ употребитъ на созданное имъ заведеніе и тѣ три тысячи франковъ, которые присудила ему академія. Двѣ премїи по 2,500 франковъ назначены двумъ пожилымъ женщинамъ, Аннѣ *Сюре* и Маргаритѣ *Монье*, посвятившимъ всю свою жизнь заботамъ о престарѣлыхъ больныхъ, увѣчныхъ и слабоумныхъ. Медали въ тысячу франковъ опредѣлены: Шарлю *Буато*, винодѣлу изъ Шампанїи, за спасеніе восемнадцати человѣкъ отъ потопленія; Франсуазѣ *Сейзакъ*, содержащей 40 лѣтъ школу для бѣдныхъ дѣвочекъ; вдовѣ *Паллорде*, превратившей свой домъ, въ городѣ Буржѣ, въ прїютъ для покинутыхъ дѣтей, служителей безъ мѣстъ и бѣдныхъ путешественниковъ. Заведеніе существуетъ болѣе тридцати лѣтъ. Кромѣ-того, академія присудила 13 малыхъ медалей за различные подвиги благотворительности и человеколюбія, оказанные людьми бѣднѣйшихъ классовъ, гдѣ даже не имѣютъ никакого понятія о Монтіоновомъ учрежденіи.

«Вы видите, господа», сказалъ въ-заключеніе ораторъ, «наше время не оскудѣло въ добродѣтеляхъ, которыя приносятъ честь націи, говорятъ за ея будущность. Въ различныхъ слояхъ общества, между великими и малыми, между сильными и слабыми, между богатыми и бѣдными, на поляхъ сраженій, въ мирныхъ селахъ, въ арміи и въ академіи, вездѣ мы находимъ прекрасные, поучительные примѣры безкорыстія, мужества, великодушія, симпатїи, самопожертвованія. Оставаясь строгими къ себѣ, не будемъ однако падать духомъ; сохранимъ вѣру въ человечество и нашу родину: настоящая и будущая ихъ судьба тѣсно связаны между собою».

ГАВАШЪ ВѢДЪ-ХАЙ-ВѢЙ ВЪ ИЛІАТОМЪ МОРѢ. 1-го іюля 1859 года. — Сего-

дня графъ *Муравьевъ-Амурскій*, на пароходѣ «Америка», подошелъ на пути изъ Японіи и Кореи къ Китайскимъ берегамъ, и бросилъ якорь въ гавани Вей-хай-вей, близъ Печилійскаго залива. Тотчасъ же начальникъ нашей демаркаціонной комиссіи, подполковникъ *Будюосскій*, отправляется въ Пекинъ для утвержденія окончательной пограничной черты Русскихъ владѣній въ Маньчжуріи. По этой чертѣ весь приморскій берегъ Маньчжуріи, прикасающійся Японскому морю и, какъ по изслѣдованіямъ оказалось, никому не принадлежащій, замечеванъ въ черту Русскихъ владѣній. Южная часть этого берега, близъ Кореи, значитъ въ широтѣ Закавказскихъ провинцій, оказывается изрѣзанною такимъ множествомъ самыхъ отличнѣйшихъ бухтъ и гаваней, что едва-ли можно найти другой берегъ въ мірѣ, гдѣ-бы на такомъ маломъ пространствѣ прекраснѣйшія гавани слѣдовали одна за другою въ такомъ количествѣ, что трудно выбрать и опредѣлить, которая изъ нихъ лучше. Знаменитая Севастопольская гавань и «Золотой Рогъ» въ Босфорѣ должны уступить первенство здѣшнимъ гаванямъ и бухтамъ. Вблизи этихъ гаваней мѣстность покрыта дѣвственными тропическими лѣсами, перевитыми лианами, въ которыхъ дубы достигаютъ діаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительны и никогда нами не были еще видимы; подобное что-нибудь можно встрѣтить только въ лѣсахъ Америки. Какая великая будущность таится въ этихъ дарахъ природы, въ этихъ доисторическихъ лѣсахъ въ-связи съ великолѣпнѣйшими гаванями міра! Не даромъ этотъ лабиринтъ заливовъ, острововъ и островковъ носитъ названіе залива *Петра Великаго*, не даромъ лучшей изъ портовъ названъ *Владивостокъ*, потому-что здѣсь колыбель нашего флота на Тихомъ океанѣ, Русскаго значенія на его широкомъ лонѣ, не запертомъ пушками Зунда, Гибралтара и Дарданеллъ, и нашего владѣнія востокомъ. Здѣсь всѣ дары природы сосредоточены въ одну группу, и способны развить сильную колонизацію и сильное торговое движеніе. Это посланіе пойдетъ до Пекина съ нашимъ комиссаромъ, а оттуда съ Китайскимъ курьеромъ чрезъ Монголію до Кяхты. Изъ сего вы можете судить о скорости сношеній и сухопутнаго сообщенія С. Петербурга съ Пекиномъ и Печелійскимъ заливомъ.

БРАКЪ И БЕЗВРАЩІЕ ВЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ИХЪ ВЪ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ.
Статья *Поснера* (изъ Schmidt's Jahrb). — Въ 1851 г., во Франціи было

слишкомъ 36 миллионовъ жителей; изъ нихъ, соединенныхъ бракомъ находилось 13,935,046 человекъ, безбрачныхъ 8.564,049 (4.014,105 мужчинъ и 4.549,944 женщины); вдовыхъ 2.524,092 чел. (836,509 мужч. и 1.687,583 жен.). У соединенныхъ бракомъ, которые были моложе 20 лѣтъ отъ роду, смертность оказалась весьма значительною; она была у женщинъ = 14,0 на 1,000, между тѣмъ-какъ у безбрачныхъ особъ женскаго пола того-же возраста, составляла только 8, 0 на 1,000. У женатыхъ мужчинъ, не достигшихъ еще 20 лѣтъ отъ роду, смертность равнялась 9, 0 на 1,000, а у не женатыхъ того-же возраста 7 на 1,000. Этотъ результатъ разительно подтверждаетъ, что ранніе браки вредны. У замужнихъ женщинъ, въ возрастѣ между 20—30 год., содержаніе смертности гораздо значительнѣе, чѣмъ у женатыхъ мужчинъ,—что зависитъ главнее отъ опасностей при разрѣшеніи отъ бремени, которыя во Франціи увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ помощь при родахъ подаютъ женщины (большею частію неискusstныя въ своемъ дѣлѣ. Начиная съ 50 лѣтъ и выше, у мужчинъ смертность значительнѣе, нежели у женщинъ, хотя разность эта и не велика.

Возрастъ.	Люди женатые.	Замужнія женщины.
50 — 60	18,3	16,3
60 — 70	35,4	35,4
70 — 80	88,6	84,9
80 — 90	183,6	180,4

Въ-отношеніи къ безобрачнымъ, которымъ отъ роду менѣе 20-ти лѣтъ, умирало изъ 1,000: мужчинъ 6, женщинъ 7. Начиная съ 29-ти лѣтъ и старѣе, число умирающихъ мужчинъ гораздо болѣе между 20—30-ю годами, смертность ихъ составляетъ 11.3, а женщинъ только 8.7 на 1,000; тутъ во всякомъ случаѣ имѣетъ вліяніе у мужчинъ во Франціи военная служба въ Алжирѣ и вредное дѣйствіе казарменной жизни. Но и въ болѣе позднихъ лѣтахъ, разность неблагопріятна для мужчинъ.

Возрастъ.	Женщины.	Мужчины.
30 — 40	12,4	10,3
40 — 50	17,7	13,8
50 — 60	29,5	23,5

Если женщинъ незамужнихъ сравнить съ замужними, то между 20—25-ю годами, смертности гораздо менѣе у первыхъ, а именно

умираетъ изъ 1,000, первыхъ 8,5, а послѣднихъ 9,8. Тутъ пропорція выходитъ слѣдующая:

Возрастъ.	Замужнія.	Незамужнія.
25 — 30	9,0	9,2
30 — 40	9,1	10,3
40 — 50	10,0	13,8
50 — 60	16,3	23,5
Свыше 60	35,4	49,8

Подобнымъ образомъ, но еще разительнѣе, выходитъ пропорція смертности у женатыхъ и холостыхъ мужчинъ, такъ-какъ послѣднихъ умираетъ нѣсколько менѣе въ молодые годы, за то въ позднѣйшемъ возрастѣ гораздо болѣе. Смертность *одесъ* во всѣ годы ниже 40 лѣтъ гораздо значительнѣе, чѣмъ смертность незамужнихъ; начиная съ 40 лѣтъ и выше, смертность между вдовами менѣе нежели между незамужними, но во всѣ возрасты болѣе, чѣмъ между замужними женщинами. Пропорція смертности у вдовцевъ, которые моложе 40 лѣтъ, довольно благоприятна, но позже этихъ лѣтъ гораздо болѣе, чѣмъ такая-же пропорція смертности между женатыми и 50-лѣтними холостяками.

Слѣдовательно, вышеприведенными вычислениями снова доказывается, что бракъ, заключенный не въ слишкомъ юномъ возрастѣ, составляетъ обстоятельство, благоприятное для долголѣтія. Конечно, при этихъ статистическихъ выводахъ, надобно принимать въ разсужденіе то, что у Французовъ понятія о бракѣ и безбрачїи не довольно ясно разграничены, и весьма распространено наложничество.

(Другъ здравїя).

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

СОХРАНЕНІИ ВИДА ВЪ НИЗШИХЪ ОТДѢЛАХЪ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА. — Въ годовомъ публичномъ засѣданіи Бельгійской академіи наукъ, словесности и искусствъ, 16 декабря 1858, *Ванъ-Бенеденъ* читалъ статью о предметѣ, столь много занимающемъ натуралистовъ въ послѣдніе годы, — о размноженіи и развитіи низшихъ животныхъ. Такъ-какъ эта статья написана изящно и содержитъ связный обзоръ многихъ открытій послѣднихъ лѣтъ, то мы приведемъ здѣсь большое извлеченіе изъ нея, помѣщенное въ журналѣ *L'Institut* (1).

«Образовать растенія, или маленькихъ животныхъ изъ ничего, или произвести ихъ посредствомъ обыкновенныхъ силъ вещества, по нашему мнѣнію, есть одна изъ тѣхъ химеръ, которыя съ любовью принимаются во времена невѣжества, но которыя свѣточъ наблюденія давно уже поставилъ въ число нелѣпныхъ сказокъ древности. *Omne vivum ex ovo* — вотъ лозунгъ всѣхъ, которые наблюдаютъ, которые имѣютъ глаза, чтобы видѣть, и которыхъ разумъ не помраченъ предрассудками (2).

«Все имѣющее жизнь носить на себѣ печать чего-то высшего между изобрѣтеніемъ человѣка и твореніемъ Божиимъ — цѣлая бездна!

«Все, что живетъ, воспроизводится; непрерывное воспроизведе-

(1) *L'Institut* 1859, стр. 425.

(2) Я старался указать (*Ж. м. н. пр.* мартъ 1859. *О произв. зарожденіи*) на то, что столь твердое убѣжденіе совершенно не основательно. Наблюденіе не открыло произвольнаго зарожденія, точно такъ-же-какъ не успѣло раздѣлить простыхъ тѣлъ. Но что-же изъ этого?

ніе, вотъ печать божественнаго орудія. Но одинаково-ли это воспроизведеніе у рыбы и у насѣкомаго, у полипа и у растенія? Зародышъ, производимый каждымъ яйцомъ, долженъ-ли проходить всѣ фазы развитія, и должны-ли всѣ зародыши подвергаться одинаковымъ метаморфозамъ, прежде чѣмъ получать видовую взрослую оболочку?

«Натуръ-философы думали, что они разрѣшили эти вопросы, и славу знаменитаго фізіолога І. Миллера, недавно потеряннаго науками, составило то, что онъ первый возсталъ противъ надменной школы. Эта бесплодная философія завладѣла-было всѣмъ (3). Кювье упрекали въ томъ, что онъ ради наблюденія пренебрегалъ философіею, и, безъ І. Миллера, можетъ быть, намъ пришлось-бы еще дѣлать всѣ наши великія и прекрасныя наблюденія надъ развитіемъ низшихъ животныхъ. Объ этихъ-то открытіяхъ я буду говорить.

«Всѣ мы испытываемъ тайное удовольствіе при видѣ превращеній грубыхъ матеріаловъ, которые входятъ въ наши фабрики въ видѣ тряпья, а выходятъ изъ нея въ видѣ богатой ткани. Мы съ удовольствіемъ слѣдимъ шагъ-за-шагомъ за различными измѣненіями, производимыми промышленностію, а между-тѣмъ у нашихъ ногъ, вокругъ насъ, надъ нами, внутри насъ находятся тысячи такихъ фабрикъ, въ видѣ сѣменъ или яицъ, и эти фабрики несравненно удивительнѣе. Не только изъ нихъ выходятъ богатѣйшія ткани, но въ нихъ зарождаются органы и жизнь, и между-тѣмъ съ какимъ равнодушіемъ люди смотрятъ на эти вседневныя чудеса!

«А какое великолѣпіе! Немножко питательнаго вещества вмѣстѣ съ прозрачнымъ пузырькомъ, неизвѣстная сила, переданная матерью, и сотрясеніе, произведенное ласками плодотворной нити, — вотъ все, что нужно для того, чтобы произошли — полипъ, рыба, обезьяна... человѣкъ.

«Сколько создано первоначально формъ, столько существуетъ воспроизводящихся видовъ; одни виды воспроизводятся сѣменами, другіе яйцами, и какъ сѣмя, такъ и яйцо имѣютъ нужду въ при-

(3) Здѣсь несправедливо названа эта философія бесплодною, точно такъ-же, какъ выше сказки древнихъ несправедливо названы нецѣпными. Такія великія явленія ума никакъ не могутъ быть нецѣпными, и также не могутъ быть совершенно бесплодными. С.

косновенія или въ проицианіи оплодотворяющаго элемента: таковъ законъ для всего живаго.

«Такъ-какъ всякій зародышъ сперва представляетъ только пузырькъ, то, прежде чѣмъ онъ станетъ плодомъ или взрослымъ животнымъ, онъ долженъ подвергнуться измѣненіямъ формы, или прежде вылупливанія, или послѣ него, при-чемъ рожденіе происходитъ ранѣе или позднѣе, смотря по обилію питательныхъ веществъ, заключенныхъ въ яйцѣ. Въ тѣхъ, которые рождаются рано, или въ-состояніи недоноска, видимыя метоморфозы должны быть всего полнѣе и всего разнообразнѣе.

«Независимо отъ этого способа воспроизведенія, виды размножаются также на низшихъ степеняхъ безъ участія половъ, отростками или почками, и животныя, размножающіяся такимъ образомъ, названы нами *дигенетическими* въ противоположность *моногогенетическимъ*, воспроизводящимся только однимъ способомъ, именно половымъ.

«Безполныя поколѣнія часто предшествуютъ половымъ и мы называемъ словомъ *Scolex* эти переходныя и какъ-бы приготовительныя формы.

«Разсмотримъ ближе эти маленькіе организмы. Если большіе представляютъ чудеса, то маленькіе еще чудеснѣе. Гораздо болѣе нужно удивляться быстротѣ полета мухи, чѣмъ тяжелому хожденію слона или быка, говорилъ двѣсти лѣтъ тому назадъ остроумный наблюдатель Годдаертъ (4)

«Кому не извѣстны эти зеленыя крупинки, величиною въ булавочную головку, которыя какъ облако покрываютъ почки и листья розы, и отъ которыхъ эти листья свертываются и портятся отъ вершины до основанія. Зеленыя бываютъ на розахъ и персикахъ; черныя, блестящія какъ жемчугъ—на бузинѣ; бурныя и даже бѣлыя—на другихъ растеніяхъ. Для свѣтскихъ людей это вши и они едва рѣшаются дотронуться до нихъ концами пальцевъ. Для натуралиста это *Aphis*, или скорѣе цѣлыя міры чудесъ. На самомъ

(4) И говорилъ несправедливо. Уже Галилей очень хорошо зналъ, что маленькимъ животнымъ гораздо легче двигаться, чѣмъ большимъ. Большія животныя во всякомъ отношеніи выше малыхъ. Млекопитающія, наиболѣе совершенныя, представляютъ и наибольшую величину. И человекъ, самое удивительное изъ животныхъ, имѣетъ наибольшую величину, каковая для него возможна. С.

дѣлѣ—наведемъ на эту ходящую пыль увеличительное стекло: оно откроетъ намъ прелестное насѣкомое, голова котораго имѣетъ шарообразные, выдающіеся глаза, блеститъ яркими цвѣтами, украшена двумя маленькими рожками вмѣсто сяжковъ, и которое назади имѣетъ два резервуара сладкаго вещества, изящно укрѣпленные на гладкихъ ножкахъ и постоянно наполненные. Длинныя и тонкія лапки поддерживаютъ шарообразное тѣло насѣкомаго.

«Много занимались этими маленькими сахарными фабриками, столь извѣстными муравьямъ и заслужившими этимъ живонимъ, со стороны Линнея, эпитетъ *муравьиныхъ королей*. Среди любопытныхъ явленій, представляемыхъ этими оживленными крупинками пыли, то, которое наиболѣе интересуется насъ здѣсь; относится къ тайнѣ ихъ удивительной плодовитости. Природѣ нужно произвести миллионы ихъ въ нѣсколько часовъ, для того, чтобы остановить излишекъ растительности, или для того, чтобы образовать пищу для маленькихъ птицъ, и, какъ-бы не довѣряя пособію самцовъ, она выключаетъ этотъ полъ въ продолженіе многихъ поколѣній, и такъ, что самки при этомъ бываютъ болѣе плодовиты! (5).

«Высчитываютъ, что размноженіе *Aphis lanigera* восходитъ среднимъ числомъ до сотни въ одно рожденіе и такъ-какъ послѣ выгуливанія изъ яицъ происходитъ десять послѣдовательныхъ рожденій, то одно яйцо въ-теченіе одного лѣта производитъ многіе миллионы недѣлимыхъ. Такъ-что эти насѣкомыя такъ-сказать не имѣютъ времени жить своею индивидуальною жизнью: едва являются они на свѣтъ, какъ новое поколѣніе, образовавшееся внутри ихъ, уже готово замѣнить ихъ, а это въ свою очередь заключаетъ въ себѣ опять новое поколѣніе. Р. Лейкартъ наблюдалъ у нихъ три поколѣнія, заключенныя одно въ другомъ. Мать, въ мгновеніе рожденія, уже представляетъ въ себѣ дочь, готовую слѣдовать за него, а въ этой дочери можно замѣтить внука, уже начавшую развитіе. Мать, дочь и внука являются на свѣтъ почти въ одно время.

«У *Gyrodactylus elegans* г. Зибольдъ уже давно наблюдалъ подобное явленіе. Впрочемъ, оно не должно насъ очень удивлять. Уже давно извѣстно, что самки, даже и высшихъ классовъ, вообще

(5) Все это олицетвореніе природы противно духу естествознанія. *Aphis* размножается такъ для удовлетворенія *собственной* своей природѣ, а не ради какой-то внѣшней для нихъ природы, и не для птицъ. С.

имѣютъ яйца въ своихъ яичникахъ, еще прежде чѣмъ родятся.

«Нельзя найти фактовъ болѣе благоприятныхъ для знаменитой *теоріи заключенныхъ зародышей*, по которой первая чета заключаетъ въ миниатюрѣ всѣ поколѣнія, которыя отъ нея произойдутъ; но эта занимательная гипотеза Боннета уже давно опровергнута наблюдениемъ. Если существуетъ заключеніе зародышей, то въ каждомъ изъ нихъ не происходитъ прямого образованія зачатковъ и въ сущности рождаются-ли эти яйца раньше или нѣсколько позже, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: для природы нѣтъ ни вѣковъ, ни минутъ.

«Въ интересномъ классѣ насѣкомыхъ вообще мать умираетъ въ то время, когда положила свои яички. Бракъ для нихъ есть конецъ жизни. Но ихъ заботливость, если возможно, болѣе чѣмъ материнская, простирается за предѣлы гроба и нѣтъ заботъ и трудовъ, которые не предпринимала-бы мать, выбирающая мѣсто колыбели для своего потомства. Мы знаемъ, какъ крылатая насѣкомая, ихневмона, выбираетъ на жертву гусеницу, какъ они прокалываютъ кожу ея своимъ сверломъ, вносятъ свои яички въ ея нѣдра, и какъ дѣтеныши, не довольствуясь гостеприимствомъ, медленно пожираютъ свою жертву. Понятно поэтому удивленіе первыхъ натуралистовъ, которые, какъ Гѣдаертъ, увидѣли, что вмѣсто бабочки изъ гусеницы выходитъ цѣлый рой мушекъ.

«Въ яйцо укрывается видъ для того, чтобы перенести зимній холодъ, точно-такъ, какъ нѣжное растеніе теплой страны ставится въ теплицу; тли, также какъ другія насѣкомыя, оставляютъ свое зимнее жилище при первыхъ теплыхъ дняхъ весны и нападаютъ на рождающіеся листья своего любимаго растенія.

«Осенью мы вовсе не находимъ живыхъ насѣкомыхъ, в ласточка, также какъ пѣвчая птица нашихъ кустарниковъ, оставляетъ насъ осенью и проводитъ дурное время года подъ менѣе суровымъ климатомъ. Онѣ останавливаются въ сосѣдствѣ Средиземнаго моря и достигаютъ даже до Сенегала, ища удобнаго убѣжища; при своемъ возвращеніи онѣ находятъ опять насѣкомыхъ, служившихъ имъ пищею до отлета. Подъ вліяніемъ весенней теплоты эти насѣкомыя выходятъ изъ своей скорлупы въ то-же время, какъ развертываются листья и гармонія природы начинается свой гимнъ. Все возрождается. Жизнь повсюду! Понятно поэтому

откуда являются мириады мухъ, бабочекъ и всякаго рода звѣрковъ при первомъ призывѣ благовоннаго дыханія апрѣля и мая. Всѣ они выходятъ изъ яицъ, заботливо положенныхъ ихъ матерью въ колыбель моха и земли, въ защитѣ отъ холода и отъ вражескихъ зубовъ и въ сосѣдствѣ съ былинкою травы или тѣмъ веществомъ, которое должно питать новорожденныхъ.

«Итакъ, зимою, травяныя вши (тля) находятся въ обыкновенныхъ условіяхъ; другое дѣло, когда онѣ выйдутъ изъ своихъ яицъ. На самомъ дѣлѣ, первое вылупленіе происходитъ такъ, что въ цѣломъ этомъ поколѣніи нѣтъ ни одного самца. Эти вши однакожь не бесплодны; напротивъ, они плодятся, но вмѣсто-того, чтобы класть яйца, они производятъ живыхъ дѣтенышей, которые всѣ рождаются одинаковымъ образомъ, выходя задомъ изъ гѣла матери; слѣд. эти вши—живородящія. Во второмъ, поколѣніи точно-также нѣтъ самцовъ, какъ и въ первомъ, и плодовитость продолжается; третье поколѣніе слѣдуетъ вскорѣ вслѣдъ за вторымъ, четвертое за третьимъ и т. д. до восьмага и даже до десятаго поколѣнія. До этихъ поръ въ мужскомъ полѣ нѣтъ никакой нужды. Такимъ образомъ вѣсколько поколѣній идутъ одно за другимъ sine concubitu.

«Но вотъ наступаетъ осень. Листья падаютъ; скоро ѣдистый холодъ зимы начнетъ свои опустошенія. Является послѣднее, осеннее поколѣніе; оно состоитъ изъ маленькихъ и большихъ недѣлимыхъ; есть самцы и самки; часто являются вмѣстѣ съ этою брачною одеждою крылья и дрожанія ихъ, вмѣстѣ съ граціею позъ, совершенно измѣняютъ фізіономію насѣкомаго. Они уже не расположены становъ, какъ ихъ дѣды, и не осуждены на сидячую жизнь. Свободно летая, полы ищутъ взаимнаго сближенія съ лихорадочною поспѣшностію, по причинѣ краткости жизни; кладка слѣдуетъ непосредственно за бракомъ и на этотъ разъ являются прекрасныя яйца, оплодотворенныя самцомъ, которыя кладутся матерью и кладутся заботливо въ совершенно-безопасное убѣжище.

«Въ слѣдующую весну начинаются тѣ-же явленія и вотъ полный циклъ ихъ годоваго развитія.

«Понятно, что отсутствіе мужскаго пола, не только не ограничивая, но увеличивая плодовитость (6), есть одно изъ тѣхъ яв-

(6) Здѣсь совершенно непонятно, почему отсутствіе самцовъ увеличиваетъ плодовитость. Для плодовитости не все-ли равно-происходить оплодотвореніе или нѣтъ? С.

леній, которыя столько-же интересуютъ философа, какъ и натуралиста; поэтому не должно удивляться, если уже богѣ столѣтія этотъ маленькій міръ чудесъ возбуждаетъ вниманіе ученыхъ. Любопытство, возбуждаемое имъ, далеко еще не потеряло своей важности.

«Левенгукъ, котораго почти нельзя избѣжать, когда идетъ дѣло объ открытіи помощію микроскопа, уже наблюдалъ въ началѣ прошлаго вѣка, что травяныя вши — живородящія и не размножаются подобно другимъ насѣкомымъ.

«Философъ-натуралистъ Бонне и энтомологъ Де-Геръ доказали, спустя сорокъ лѣтъ, что въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ нѣтъ самцовъ. Бонне видѣлъ такихъ поколѣній восемь, если не ошибюсь.

«Другой наблюдатель Киберъ (Kyber) недавно видѣлъ, что женскія поколѣнія смѣнялись непрерывно четыре года на растеніяхъ, воспитываемыхъ въ теплицахъ, и что плодовитость ихъ нимало не истощилась.

«Это тайна изъ всѣхъ тайнъ рожденія, говорили мы нѣсколько лѣтъ назадъ.

«Само-собою разумѣется, что натуралисты старались представить объясненіе этого исключенія; но до самаго послѣдняго времени они не нашли ничего, что-бы удовлетворяло философіи и наукѣ.

«Сначала предполагали, что эти живородящія травяныя вши были андрогины, что они соединяли въ себѣ оба пола; но скальпель скоро обнаружилъ здѣсь ошибку. Позднѣе, выстѣ съ Трамблеемъ, допускали, что дѣйствіе одного оплодотворенія можетъ передаваться черезъ многія поколѣнія,—теорія, которая была воспроизведена въ послѣднее время какъ новая, но которая по моему мнѣнію объясняетъ также мало; наконецъ говорили, что здѣсь происходитъ произвольное развитіе; между-тѣмъ здѣсь точно также нѣтъ ничего произвольнаго, какъ въ обыкновенномъ явленіи оплодотвореннаго яйца.

«Знаменитый Копенгагенскій натуралистъ, г. Стенструпъ, замѣчая нѣкоторыя сходныя стороны въ различныхъ отдѣльныхъ явленіяхъ, которыя не получили еще своего объясненія и изъ которыхъ самое замѣчательное было наблюдено Шамиссо надъ *Salpa*, старался группировать ихъ и замѣтилъ смѣну въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Для обозначенія явленія онъ предло-

жилъ названіе *попеременныхъ поколѣній* (*generation alternante*). Нѣсколько поколѣній живородящихъ травяныхъ вшей слѣдуютъ за яйцероднымъ и половымъ поколѣніемъ, такъ-что эти половыя вши похожи не на своихъ родителей, а на своихъ прадѣдовъ. Иногда оказываются значительныя внѣшнія различія въ двухъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, и животныя одного и того-же вида были внесены натуралистами въ разныя семейства или отряды.

«По нашему мнѣнію, вотъ въ чемъ состоитъ сущность явленія. Многія животныя воспроизводятся какъ растенія, посредствомъ почекъ или отростковъ, не имѣющихъ пола, и посредствомъ цвѣтотвъ, или половыхъ недѣлимыхъ, производящихъ семена, или яички. Напр. гидра въ-теченіе всего лѣта производитъ почки, какъ мы это тотчасъ увидимъ, а осенью она напротивъ производитъ яички: вотъ явленіе такое-же, какъ у травяныхъ вшей. Это есть ничто иное, какъ двойное размноженіе,—почками и яичками, и, какъ недѣлимыхъ, производящія яички и почки, то бывають сходны между собою, то различны, то уже нѣсколько лѣтъ назадъ мы предложили называть эти явленія *дисгенезисомъ*. Такимъ образомъ живородящія лѣтнія поколѣнія производять отростки, или почки внутри тѣла, точно такъ, какъ въ пазухѣ листьевъ извѣстныхъ растеній образуются падушія почки; только послѣднее, яйцеродное поколѣніе имѣетъ нужду въ оплодотвореніи; это травяныя вши, которыя цвѣтутъ и производять яйца. Поэтому травяныя вши суть *дисгенетическія* животныя, или имѣютъ попеременныя поколѣнія: въ нихъ—растительное размноженіе введено въ животное царство.

«Между-тѣмъ одинъ изъ натуралистовъ,—ученый, котораго труды внушаютъ величайшее довѣріе, представилъ новое наблюденіе, которое даетъ по видимому другой взглядъ на явленіе.

«Г. Де-Гейденъ (*de Heyden*) видѣлъ, что травяныя вши *Lachnus quegus* производять живорожденіемъ (почками) самцовъ, и что эти самцы, судя по другимъ недѣлимымъ, подобнымъ тому, рожденіе котораго онъ наблюдалъ, могли оплодотворять свою мать, которая потомъ клала яйца. Такимъ образомъ одно и то-же животное рождало сперва посредствомъ почекъ, потомъ посредствомъ оплодотворенія. Листовая почка переходила въ цвѣточную.

«Если наблюденіе г. Де-Гайдена вѣрно, а въ вѣрности его наблюденій сомнѣніе очень трудно, то явленіе снова запутывается.

Не важно даже, дѣйствительно-ли самца видѣлъ наблюдатель на спинѣ своей матери, или своихъ тетокъ; фактъ удивителенъ и безъ того. Недѣлимое, производящее почку, остается обыкновенно безполымъ и потомъ не производитъ яицъ. Г. Лейкартъ, въ недавнемъ своемъ сочиненіи, сомнѣвается въ точности наблюденія г. Гейдена и въ живородящихъ поколѣніяхъ видитъ только явленіе почекъ.

«Травяныя вши не суть единственныя насѣкомыя, размножающіяся безъ посредства самцовъ: извѣстно даже двоякое размноженіе безъ оплодотворенія; размноженіе травяныхъ вшей, которое, какъ мы видѣли, представляетъ *диснезисъ* и размноженіе пчелъ, которое есть явленіе *партеногенезиса*, т.-е. дѣвственнаго рожденія. При этомъ послѣднемъ, настоящая самка, имѣющая всѣ свои органы вполне, кладетъ *sine copulatu* — плодоносныя яички.

«Сопровождаемая блестящими вымыслами, исторія пчелы стала популярною, говоритъ Катрфажъ въ своей любопытной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія натуралиста* (*Souvenirs d'un naturaliste*). Эти красивыя насѣкомыя, воспѣтыя Виргилиемъ, блестящія на солнцѣ и скопляющія свои богатства въ восковыхъ ячейкахъ, представляютъ намъ вмѣстѣ съ необыкновенною плодовитостію—явленіе высшаго порядка. Мы говоримъ все-таки объ ихъ размноженіи.

«Извѣстно, что эти *перепончато-крылыя*, какъ ихъ называютъ зоологи, живутъ многочисленнымъ обществомъ, и что каждый улей имѣетъ царицу, нѣсколько сотенъ трутней и нѣсколько тысячъ безполыхъ. Царица есть единственная совершенная самка во всей общинѣ; трутни суть самцы, а безполые, которыхъ также называютъ работницами, образуютъ рабочее сословіе; это несовершенныя самки. Матка и трутни занимаются только размноженіемъ; остальные исполняютъ всѣ обыкновенныя труды общины. Заботы, которыя принимаются трутнями для сохраненія вида, впрочемъ, очень непродолжительны. Въ прекрасный лѣтній день подымается высоко на воздухъ матка, сопровождаемая своею блестящею свитою, принимаетъ ласки того, кого изберетъ изъ этой свиты, и, возвратившись въ улей, она уже представляетъ неизгладимый признакъ исполняемаго процесса. Это единственное любовное увлеченіе дѣлаетъ ее плодовитою на цѣлые два года; она способна положить многія тысячи яицъ. Вотъ факты, извѣстные всѣмъ натуралистамъ.

«Но вотъ-что менѣе извѣстно.

«Если царица какъ-нибудь искалечена въ ульѣ; если отъ рожденія или случайно она лишена возможности подняться на воздухъ для свиданія, отъ котораго зависитъ благосостояніе улья; то она тѣмъ не менѣе кладетъ яйца, безъ всякаго предварительнаго соединенія съ какимъ-нибудь трутнемъ, и, что особенно достойно вниманія, яйца, которыя она кладетъ, не только не бесплодны, но производятъ самцовъ, и только самцовъ! Царица также не бываетъ поражена бесплодіемъ, когда послѣ оплодотворенія, плодотворная жидкость теряетъ свои свойства, или когда какими-нибудь механическими средствами препятствуютъ витямъ мужской жидкости достигнуть яицъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, всѣ яички производятъ также только самцовъ.

«То-же самое относится къ яичкамъ, приносимымъ бесполоыми пчелами, несовершенными самками, которыя физически не могутъ принять вліянія другаго пола. Съ давняго времени пчеловоды сдѣлали это замѣчаніе и Аристотель уже зналъ, что рабочія пчелы, при отсутствіи царицы, кладутъ яички,—такъ-что содѣйствіе половъ требуется для произведенія самокъ, между-тѣмъ-какъ самцы производятся безъ отца.

«Старалась-ли наука найти объясненіе этого удивительнаго исключенія? Да, и—что важнѣе—рѣшеніе, ею найденное, удовлетворительно совершенно.

«Замѣтимъ сперва, что яички насѣкомыхъ не оплодотворяются, пока находятся въ яичникѣ; оплодотвореніе совершается только непосредственно передъ снесеніемъ, при прохожденіи ихъ передъ совокупительнымъ пузырькомъ, изъ котораго выходятъ на яички сѣменные нити, полученныя отъ самца. Теперь, если яйцо проходить этотъ перекрестокъ слишкомъ скоро и клапанъ во-время не подымется, то царица положитъ яйцо такъ, какъ будто чары гимenea надъ нею вовсе не совершались. Происходить-ли это устраненіе крещенія вслѣдствіе дѣйствіе инстинкта, или же кака-нибудь механическая причина препятствуетъ правильной дѣятельности прибора—все равно; яйцо производитъ самца, потому-что сперматозонды не достигли до его желтка.

«Итакъ, смотря по движенію клапана, царица положитъ или мужскія или женскія яйца.

«Какъ ни удивительно это однодомное оплодотвореніе, у этихъ любимцевъ природы, которыхъ простые и многогранные глаза

помрачаютъ блескъ жемчуга, есть явленія еще болѣе удивительныя. Вотъ въ чемъ они состоятъ.

Царица оплодотворена. Въ этомъ убѣждаются съ точностію, что очень легко. Она идетъ класть яички, но всѣ колыбели полны. Нѣтъ мѣста для остатковъ новаго поколѣнія. Нарочно ставятъ въ улей новыя ячейки и тогда, смотря по размѣрамъ ихъ, царица положить или мужскія или женскія яйца. Колыбель своими размѣрами опредѣляетъ, произойдетъ-ли трутень или самка. Итакъ, положительно извѣстно, при какомъ условіи образуются самцы или самки и весьма возможно, что царица, смотря по нуждамъ общества, инстинктивно производить тотъ или другой полъ.

«Одинъ изъ отличныхъ натуралистовъ, знаменитый точностію своихъ наблюденій, Губеръ отецъ, уже болѣе полувѣка назадъ зналъ, что есть царицы, производиція только самцовъ, и что есть также такія царицы, которыя нечувствительно теряютъ способность производить женскія яйца. Онъ наблюдалъ также фактъ, уже извѣстный Аристотелю, что рабочія пчелы, въ ульяхъ безъ царицы, кладутъ яички.

Въ 1845, пчеловодъ Цирцонъ, священникъ въ Карлсмарктѣ, въ Силезіи, предложилъ въ числѣ другихъ предположеній гипотезу, что яички мужскія не имѣютъ нужды въ оплодотвореніи; что въ этомъ предварительномъ дѣйствіи нуждаются только яички рабочихъ пчелъ и царицъ.

«Наука обнаружила сперва надменное презрѣніе къ подобной теоріи. Наоборотъ, пчеловоды нашли въ этой теоріи объясненіе многихъ явленій, которыхъ прежде этихъ открытій здравая физиологія не допускала.

«Баронъ Берлепшъ, образованный пчеловодъ, который въ Зеебахѣ владѣетъ великолѣпнымъ заведеніемъ для разведенія пчелъ, сдѣлалъ любопытный опытъ, заслуживающій упоминанія. Сперва открытый противникъ теоріи Цирциона, онъ вдругъ, послѣ этого опыта, сталъ жаркимъ ея защитникомъ. Онъ читалъ въ физиологіи I. Миллера, что холодъ уничтожаетъ дѣйствіе сперматозоидовъ: поэтому онъ хотѣлъ сколько возможно охладить оплодотворяющую жидкость, не умерщвляя царицы. Онъ помѣстилъ съ этою цѣлью въ ледникъ трехъ плодоносныхъ матокъ на тридцать шесть часовъ; двѣ изъ нихъ умерли вслѣдствіе холода, третья выдержала и нѣсколько времени спустя стала класть яички. Изъ нихъ вышли только самцы. А прежде опыта эти матки клали женскія яйца.

«Впрочемъ, многіе другіе опыты подтвердили теорію Силезскаго священника, но, въ-теченіе многихъ лѣтъ, почти одни только пчеловоды знали объ этихъ фактахъ. Только очень недавно гг. Лейкартъ (въ Гиссенѣ) и Де Зибольдъ (въ Мюнхенѣ) (7), вооруженные скалпелемъ и съ помощію микроскопа, подтвердили теорію знаменитаго пчеловода. Итакъ не наука сдѣлала указанія практикѣ, но, обратно, практика, т.-е. здравый смыслъ пчеловодовъ указалъ дорогу наукѣ.

«Изъ всего этого слѣдуетъ, что самки могутъ рождать вполне сохраняя свое дѣвство; но дѣвственное рожденіе ограничивается только самцами. Самецъ нуждается только въ матери; самка напротивъ должна имѣть и мать и отца.

«Способность производить настоящія, не безплодныя яйца безъ содѣйствія самки называется *партеногенезисомъ*; способность рождать самцовъ составляетъ явленіе, названное *аррентокією*.

«Явленія подобныя тѣмъ, которыя происходятъ у пчелъ, повторяются и въ другихъ обществахъ перепончато-крылыхъ, какъ напр. у осъ, шмелей и у трудолюбивыхъ муравьевъ. Впрочемъ, Губеръ сынъ, проведеній часть своей жизни въ изученіи нравовъ этихъ насѣкомыхъ, также какъ его отецъ въ изученіи пчелъ, замѣчаетъ, что маленькія самки шмелей и осъ, образующія рабочее населеніе этихъ колоній, также кладутъ мужскія яйца.

«Вѣроятно, явленіе партеногенезиса гораздо болѣе обыкновенно у этихъ насѣкомыхъ, чѣмъ думали до-сихъ-поръ.

«Извѣстны уже многіе случаи партеногенезиса между бабочками; дѣтеныши не всегда бываютъ мужскаго пола, какъ у пчелъ; извѣстны примѣры самцовъ и самокъ, рожденныхъ безъ оплодотворенія, и также примѣры рожденія однихъ самокъ.

«Воспроизведеніе безъ оплодотворенія у чешуекрылыхъ было уже давно наблюдаемо въ отдѣльныхъ случаяхъ. Де-Геръ въ продолженіе многихъ лѣтъ сохранялъ самокъ *Solenobia* (*Talaeroria*) *lichenella*, которыя рождали постоянно безъ самцовъ. Г. Карлье, членъ Французскаго энтомологическаго Общества, получилъ три поколѣнія *Liparis dispar* безъ совокупленія; послѣднее поколѣніе, представлявшее только самцовъ, окончило опытъ. Были также случаи, что шелковичныя бабочки, *Eurpgeria casta* и многіе другіе виды

(7) Carl. Th. E. von Siebold, Wahre Parthenogenesis bei Schmetterlingen u. Bienen. Leipz. 1856.

воспроизводились такимъ-же образомъ. Зибольдъ первый изучалъ *Психей* сравнительно съ травяными вшами, и такъ-какъ онъ напелъ у нихъ всѣ половыя условія, то онъ сначала не допускалъ у нихъ размноженія *sine concubitu*. Но г. Реутти спустя нѣсколь-ко времени доказалъ, что *Solenobia lichenella* рождаетъ только са-мокъ, которыя производятъ безъ содѣйствія самцовъ, снова жен-скихъ гусеницъ, и онъ повторилъ то-же самое наблюденіе надъ *Psyche helix*: эти психей, причисленные Реомюромъ къ *Teignes à fourreau*, суть ночныя чешуекрылыя, которыхъ самки остаются гусеницами во всю жизнь и не знаютъ удовольствій подвижной жизни мотылька. Есть виды, которыхъ самцы еще неизвѣстны, и есть такіе, въ которыхъ крылатый самецъ оплодотворяетъ без-крылую самку. Мы сами видѣли *Psyche pulla* обоихъ половъ со-вершенно развитыхъ въ-отношеніи къ половымъ частямъ; одни самцы имѣютъ крылья, а самки остаются безкрылыми. Въ 1852 г. Р. Лейкартъ доказалъ со скампелемъ въ рукѣ, существованіе дѣй-ствительныхъ яицъ, образующихся въ яичникахъ и производя-щихъ новое поколѣніе безъ помощи самцовъ. Это первый примѣръ настоящаго партеногенезиса, доказанный научнымъ образомъ. Р. Лейкартъ сдѣлалъ это наблюденіе надъ *Solenobia lichenella*.

«Примѣры такого размноженія безъ половъ встрѣчаются у дафній—маленькихъ микроскопическихъ, ранообразныхъ, водящих-ся въ прѣсной водѣ; они дали до шести поколѣній безъ содѣй-ствія самцовъ (8).

«Въ растительномъ царствѣ точно также были найдены многіе примѣры. Итакъ ошибочно мнѣніе, котораго держатся всѣ физио-логи, начиная съ Гиппократы, что новое существо есть всегда ре-зультатъ совокупнаго дѣйствія самца и самки.

«Оставимъ теперь травяныхъ вшей и улей пчелъ и бросимъ быстрый взглядъ на водный міръ; не менѣе удивительныя явле-нія происходятъ въ глубинѣ этого жидкаго горизонта; они заслу-живаютъ нѣсколькихъ мгновеній созерцанія.

«Большая часть этихъ странныхъ существъ, называемыхъ по-липами, и которыя являются также подъ названіемъ зоофитовъ или животно-растеній, въ огромномъ числѣ естественно-историче-скихъ сочиненій, были въ срединѣ XVIII вѣка внесены, какъ ра-

(8) Lievin, Neu. Schrift. d. nat. Gesch. zu Dantzig, IV Heft.

стенія въ ботаническія книги. Нѣкоторыя изъ нихъ даже почитались минералами.

«Въ началѣ прошлаго вѣка былъ рѣшаемъ вопросъ: что такое *коралль*—растеніе, или минералъ? Кто могъ предугадать животную природу этого красиваго краснаго камня, со-временъ древности обтачиваемаго и вырѣзываемаго въ видѣ украшеній, и съ такимъ искусствомъ обрабатываемаго Сициліянами? Для свѣтскаго чело-вѣка, какъ и для натуралиста, этотъ вопросъ существовалъ до начала прошлаго столѣтія.

«Графъ Марсильи, родомъ изъ Болонья, послуживши въ военной службѣ противъ Турокъ, извѣдавши всѣ бѣдствія рабства и всѣ упоенія власти, возвратился, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, къ любимому занятію своей юности. Это было въ 1706 г. Однажды онъ присутствовалъ при добываніи коралловъ. Вытаскиваютъ великолѣпныя коралловыя вѣтви, съ усиліемъ оторванныя отъ подводныхъ скалъ. Какъ истинный натуралистъ, онъ погружаетъ одну изъ вѣтвей въ бокалъ, наполненный морскою водою. Каково же его удивленіе! Послѣ минутнаго покоя, вѣтвь трогается въ водѣ, коралль распускается, развертывая свои перистыя шупальцы, подобно прекрасному лучистому цвѣтку; Марсильи и рыбаки, которые его окружаютъ, въ полномъ восторгѣ.

«Одинъ остроумный натуралистъ сказалъ: наука идетъ непредвидѣнными скачками. Здѣсь мы видимъ новый этому примѣръ. Вопросъ былъ между минеральною или растительною природою. Какъ ни ясно видѣлъ Марсильи, что полипъ качается въ своей ячейкѣ, распускается и втягивается, онъ заключилъ только, что у него передъ глазами не минералъ, и написалъ Парижской академіи наукъ: *я видѣлъ коралль съ цвѣту*. Отличные натуралисты, за-сѣдавшіе въ этомъ знаменитомъ собраніи, замѣтили, что это открытіе будетъ навѣки славно въ морской ботаникѣ.

«Нѣсколько лѣтъ спустя, Трамблей открылъ пресноводнаго полипа въ одной изъ ямъ въ окрестностяхъ Науе. Какъ Марсильи, Трамблей также думалъ, что онъ видитъ растеніе. Онъ разрѣзываетъ полипа на нѣсколько кусковъ и каждый кусокъ снова становится полипомъ. Это растеніе, говоритъ самъ себѣ Трамблей, размножается черепками. Далѣе онъ разсматриваетъ свое растеніе, онъ открываетъ у него ротъ съ руками, сидящими вокругъ и хватающими добычу; онъ видитъ даже пищеварительную полость; животная природа несомнѣнна. Трамблей пишетъ Реомюру: *Исто-*

рїя феникса, возрождающагося изъ своегъ ещопла. какъ она ни баснословно, не заключаетъ ничего болѣе чудснаго, чѣмъ то открытіе, о которомъ мы будемъ говорить. На самомъ дѣлѣ—это удивительно! Трамблей не только навсегда подтвердилъ открытіе Марсилы, но кромѣ-того онъ рождалъ, думая разрушать, давалъ жизнь въ то время, когда думалъ принести смерть. Сколько онъ ни рѣзалъ на куски своего полипа, каждый кусокъ опять становился полипомъ.

«Это открытіе надѣлало въ ученомъ мірѣ много шума! Поэтому тогдашній законодатель въ естественной исторїи далъ этимъ страннымъ существамъ родовое названіе гидры, намекая на баснословную гидру, которой головы постоянно вырастали.

«Такъ-что всѣ эти мнимыя морскія растенія однимъ почеркомъ пера были перенесены изъ одного царства въ другое и, какъ будто натуралистовъ мучило угрызеніе совѣсти, были названы зоофитами или животно-растеніями, какъ-будто чтобы избѣжать смѣлаго рѣшенія.

«Въ этихъ-то организахъ, повидимому растеніяхъ и въ сущности животныхъ, самыя непредвидѣнныя явленія развитія были наблюдаемы въ послѣдніе годы. Не только недѣлимыя подвержены превращеніямъ, но цѣлыя поколѣнія измѣняютъ форму и образъ жизни: матери часто вовсе не похожи на дочерей и внуковъ; между братьями и сестрами часто меньше сходства, чѣмъ между попугаемъ и газелью (9).

«Войдемъ въ область фактовъ.

«Часто въ открытомъ морѣ, рѣже близъ береговъ, замѣчаютъ, особенно во время длинныхъ лѣтнихъ дней, цѣлые ряды плавающихъ зонтиковъ, движущихся скачками, прозрачныхъ какъ кристаллъ или окрашенныхъ разными цвѣтами, и граціозно распускающихся не далеко отъ морской поверхности; это—медузы. Они бываютъ различной величины, отъ булавочной головки до самаго широкаго блюда.

«Образованіе этихъ медузъ, или, лучше сказать, ихъ превращенія, составляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій, какія только открыты наукою въ послѣдніе годы.

(9) Очевидно Ванъ-Бенеденъ здѣсь преувеличиваетъ; разница въ наружной формѣ дѣйствительно бываетъ и даже больше, чѣмъ между попугаемъ и газелью; но въ существенномъ, въ анатомическомъ отношеніи разница вовсе незначительна. С.

«Отъ-времени-до-времени на нашихъ берегахъ появляется большой и красивый видъ — *Suaea sarillata*. Часто она имѣетъ величину баллоновъ самаго большого размѣра. Края изящно окаймлены бахромою, и въ ней, въ видѣ бубенчиковъ и жемчужинъ, являются органы чувствъ. Къ концу гѣта легко можно различить полы: на самомъ дѣлѣ самцы и самки имѣютъ свои особые признаки.

«Яички, опущенныя въ аквариумъ, представляютъ, нѣсколько времени спустя послѣ семеннаго воздѣйствія, видъ сходный съ ягодами малины и изъ каждаго яйца выходитъ маленькое животное, покрытое волосками и подобное инфузоріи. Молоденькое животное свободно плаваетъ въ сосудѣ, колебля ресничками его, покрывающими, и послѣ нѣкотораго времени такой свободной и незасимой жизни, избираетъ себѣ убѣжище на голышѣ, раковинѣ или на днѣ бокала и сбрасываетъ съ себя свою волосистую одежду. Онъ оставляетъ навсегда бродячую жизнь и осуждаетъ себя на неподвижность. Когда онъ входитъ въ эту фазу своего существованія, онъ имѣетъ продолговатую форму, однимъ концомъ прикрѣпляется къ твердому тѣлу, на другомъ скоро образуется ротъ, окруженный длинными, легко-сокращающимися руками. Черезъ нѣсколько дней, маленькое инфузоріе-видное тѣло становится полипомъ, подобнымъ гидрѣ Трамбляя.

«Этотъ сцифистомъ (такъ названо животное открывшимъ его ученымъ Норвежскимъ натуралистомъ Сарсомъ) хватаетъ свою добычу своими длинными руками, снабженными убійственными петлями и колючками. Скоро на бокахъ его являются почки, которыя удлинняются, какъ усы земляники, и на которыхъ являются новыя сцифистомы. Впослѣдствіи усы атрофируются, всасываются, и дѣтенышъ совершенно отдѣляется отъ матери. Мать продолжаетъ давать новыя усы и все, что ее окружаетъ, раковины, камни, морскія растенія все покрывается молодыми животными.

«Сцифистомы, маленькія существа, которыя очень живучи не смотря на нѣжность ихъ тканей, и которыя живутъ въ нѣсколькихъ капляхъ воды въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, производятъ потомъ новый родъ почекъ внутри своего тѣла. На самомъ дѣлѣ являются рубцы, рисующіеся все яснѣе и яснѣе; иногда тѣло принимаетъ совершенно кольчатую форму, какъ у цестонидовъ, и изъ средины полипа подымается цѣлый столбъ кружковъ, которые постепенно образуются и отдѣляются одни отъ другихъ, и наконецъ

отрываются совершенно и плавают свободно, какъ медузы. Животное въ то время, когда тѣло его имѣетъ кольчатый видъ Сарсъ назвать *стробиломъ*.

«Чтобы понять, какъ образуются эти медузы, представьте себѣ, что внутри пищеварительной полости является сосокъ и что съ вершины его поднимаются кружки, какъ мыльные пузыри на концѣ соломенки, что они отдѣляются послѣдовательно или нѣсколько разомъ, подвигаются въ водѣ и разсѣваются. Дѣйствительно, сифистомъ извергаетъ медузъ изнутри.

«Такимъ образомъ, родивши сыновей, подобныхъ себѣ, сифистомъ можетъ также произвести дѣтей совершенно другой формы, которая достигаютъ большаго роста и становятся похожими на свою бабушку-медузу, положившую яйца.

«Таковы факты во всей своей простотѣ. Но натуралисты не вполне согласны въ ихъ объясненіи».

И. СТРАХОВЪ. ●

(Окончаніе *отрѣдь*).

ОРГАНЫ, ОТДѢЛЯЮЩІЕ СМОЛУ. *Исслѣдованія Моля* (10). — Кора хвойныхъ, также какъ и кора другихъ деревьевъ, состоитъ изъ коркового вещества, зазелени и луба. Въ корковомъ слоѣ, какъ въ умершей части растенія, нечего искать органовъ, отдѣляющихъ смолу; въ молодыхъ стволахъ главное мѣсто, гдѣ находятся эти органы, есть паренхиматическая зеленая часть коры; по обращеніи этой части въ корковое вещество, отдѣленіе смолы можетъ иногда имѣть мѣсто и въ лубѣ.

Органы, заключающіе въ себѣ смолу, какова-бы ни была ихъ форма и положеніе, всегда состоятъ изъ широкихъ полостей, помѣщенныхъ между паренхиматическими клѣточками коры и ограниченныхъ однимъ или нѣсколькими слоями маленькими, плотносоединенныхъ клѣточекъ, которыя готовятъ смолу и выдѣляютъ ее въ эти полости. Уже *Мейенъ* доказалъ, что приемники смолы происходятъ отъ разъединенія паренхиматическихъ клѣточекъ коры, которыя составляли передъ тѣмъ плотную ткань (*Ueber d. Secretionsorgane der Pflanzen*, 16); къ этому нужно только прибавить, что маленькія клѣточки, образующія стѣнки приемниковъ, развиваются посредствомъ дѣленія расходящихся клѣточекъ коры.

Эти полости или приемники смолы бываютъ трехъ родовъ:

(10, Bot. Zeit. 1859, № № 39 и 40.

Часть CIV. Отд. VII.

А. Вертикальные каналы, прямые или въ многолѣтнихъ стебляхъ нѣсколько извилистые и открывающіеся другъ въ друга, лежащіе всегда внѣ лубоваго слоя и по большей части столь широкіе, что ихъ можно видѣть простымъ глазомъ. Они образуютъ или простой кругъ, или двойной, но тогда въ наружномъ кругѣ ихъ гораздо больше, они лежатъ безъ порядка и имѣютъ гораздо меньшій діаметръ, чѣмъ во внутреннемъ кругѣ. Большой части ботаниковъ извѣстны только эти каналы, какъ органы, отдѣляющіе смолу, потому-что ихъ легче всего наблюдать; при разрѣзѣ молодыхъ вѣтвей, которыя обыкновенно исслѣдуютъ, изъ этихъ каналовъ вытекаютъ крупныя или мелкія капли смолы. Если исслѣдовать молодые побѣги, находящіеся въ развитіи, напр. *Pinus nigricans*, то оказывается, что поперечный разрѣзъ этихъ смолевыхъ каналовъ круглый, или эллиптической, и длинная ось эллипса лежитъ по направленію радіуса. При утолщеніи побѣга и кора дѣлается толще, а каналы расширяются, такъ-что въ поперечномъ разрѣзѣ большіе діаметры эллипсовъ ихъ параллельны поверхности побѣговъ. У *Pinus nigricans* діаметръ большіхъ смолевыхъ каналовъ, лежащихъ во внутреннемъ кругѣ, въ побѣгѣ длиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, $\frac{1}{14}$ линіи, въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{8}$ лин., въ четырехлѣтнемъ— $\frac{1}{4}$ лин.; у *Pinus sylvestris* въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{10}$ лин., въ пятилѣтнемъ— $\frac{1}{16}$ лин., въ десятилѣтнемъ— $\frac{1}{4}$ лин., у *Picea excelsa* (ели) въ однолѣтнемъ побѣгѣ— $\frac{1}{12}$ лин., въ трехлѣтнемъ— $\frac{1}{9}$ лин., въ тридцатилѣтнемъ 1 лин.; у *Abies sibirica* (Сибирской пихты) въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{9}$ лин., въ десятилѣтнемъ— $\frac{2}{5}$ лин. Эти смолевые каналы у *Abies pectinata*, *sibirica* и *balsamifera* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ значительные пузыри, наполненные смолою. Обыкновенно это случается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько каналовъ сходятся вмѣстѣ; поэтому на стѣнкахъ такого пузыря, есть нѣсколько отверстій въ каналѣ, числомъ отъ 2 до 4; отверстия эти открываются въ пузырь, какъ со стороны, обращенной къ вершинѣ ствола, такъ и съ противоположной стороны.

В. Вторая форма органовъ, отдѣляющихъ смолу, состоитъ изъ отдѣльныхъ полостей, шарообразныхъ или въ старыхъ стволахъ чечевицеобразныхъ, расположенныхъ перпендикулярно къ радіусу, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ, разсѣянныхъ въ паренхимѣ коры и въ молодомъ соетояніи едва примѣтныхъ простому глазу; называемъ ихъ *пріемниками смолы*. Они находятся или между смолевы-

ми каналами или замѣщаютъ ихъ и лежатъ также, какъ и послѣднiе, въ зеленой паренхимѣ коры. На поперечномъ разрѣзѣ коры изъ нихъ вытекаютъ маленькiя капли смолы, потому-что здѣсь количество терпентина, заключающагося въ отдѣльномъ приемникѣ, весьма незначительно. Они распространены гораздо менѣе, нежели смолевые каналы; ихъ нѣтъ напр. у *Pinus nigricans* и *Sylvestris*, *Picea excelsa*, *Abies pectinata*. Они развиваются гораздо позже, нежели смолевые каналы, поэтому ихъ не находятъ, кромѣ *Larix*, и въ двухлѣтнихъ побѣгахъ; у *Abies Sibirica* *Моль* наблюдалъ ихъ только въ 8-лѣтнихъ вѣтвяхъ, у *Pinus Strobus* только въ 10-лѣтнихъ. Они, также какъ и смолистые каналы, съ возрастомъ чрезмѣрно, увеличиваются въ ширину; такъ у *Larix europaea* поперечный діаметръ ихъ на первомъ году равенъ $\frac{1}{10}$ лин., на двѣнадцатомъ— $\frac{1}{7}$ лин., на пятнадцатомъ— $\frac{2}{3}$ лин.; у *Abies Sibirica* на девятомъ году ихъ діаметръ весьма малъ, у только-что происшедшихъ въ $\frac{1}{20}$ лин., у большихъ—въ $\frac{1}{6}$ лин., у восемнадцатилѣтнихъ—въ $\frac{3}{5}$ лин. У *Pinus Strobus* приемники смолы образуются, также какъ и у предыдущихъ деревъ, въ паренхимѣ коры, въ лубоваго слоя; однакожь ихъ появленіе идетъ снаружи внутрь, такъ-что наконецъ они развиваются и въ лубѣ.

С. Наконецъ органы, отдѣляющіе смолу, являются въ видѣ горизонтальныхъ каналовъ, расположенныхъ по направленію радиусовъ, и не имѣющихъ сообщенія другъ съ другомъ. Они лежатъ въ лубовомъ слоѣ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя состоятъ изъ паренхимы и прилегаютъ къ сердцевиннымъ лучамъ; эти каналы составляютъ продолженіе смолевыхъ каналовъ, находящихся въ сердцевинныхъ лучахъ, но отличаются отъ нихъ большею полостью. Ихъ не бываетъ въ корѣ тѣхъ деревъ, которыя не имѣютъ смолевыхъ каналовъ въ сердцевинныхъ лучахъ, какъ напр. у *Abies pectinata*, *sibirica*. Въ противоположность вертикальнымъ смолевымъ каналамъ, которые отпадаютъ вмѣстѣ съ чешуйками коркового вещества, горизонтальные каналы появляются въ зрѣломъ возрастѣ деревъ, когда сильно развивается лубъ и, какъ вертикальные каналы и приемники смолы, имѣютъ большій діаметръ въ ширину. До-сихъ-поръ объ этихъ каналахъ не упоминалъ еще ни одинъ авторъ. Изъ изслѣдованныхъ *Молемъ* деревъ, эти каналы имѣютъ самую большую величину у *Picea excelsa*, въ 50-лѣтнемъ стволѣ ихъ вертикальный діаметръ былъ равенъ $\frac{1}{12}$ лин., а поперечный — $\frac{1}{7}$ лин.; также у *Larix europaea* они дости-

каютъ довольно значительной величины; ихъ вертикальный диаметръ равняется $\frac{1}{26}$ лин., а поперечный $\frac{1}{11}$ лин., между тѣмъ какъ у *Pinus nigricans* ихъ поперечный диаметръ имѣетъ отъ $\frac{1}{11}$ до $\frac{1}{46}$ лин., у *Pinus sylvestris* — $\frac{1}{46}$ лин.

Уже изъ предыдущаго видно, что у хвойныхъ строеніе органовъ, отдѣляющихъ смолу, разнообразно; но это разнообразіе увеличивается еще болѣе отъ разницы въ продолжительности жизни различныхъ слоевъ коры различныхъ видовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важна продолжительность жизни перидермы. У всѣхъ нашихъ хвойныхъ деревьевъ, дающихъ смолу, образуется въ продолженіе многихъ лѣтъ болѣе или менѣе однородная перидерма, ограничивающая снаружи зазелень; у всѣхъ образуются въ старости перидерматическіе пласты, глубоко-входящіе въ кору, посредствомъ которыхъ происходитъ образованіе коркового вещества, и тогда мало-по-малу вся кора засыхаетъ до самаго луба. При этомъ происходятъ особенныя перемѣны, которыя бывають различны у различныхъ видовъ. Двѣ крайности въ этомъ отношеніи представляютъ *Larix* и *Abies sibirica*.

У *Larix europaea* (а также и у *Larix microcarpa*) въ каждомъ пластѣ недалеко отъ его поверхности находятся два смолевые канала средней ширины (около $\frac{1}{12}$ лин.) и за ними въ зазелени у однолѣтней вѣтви простой кругъ чечевицеобразныхъ пріемниковъ смолы, имѣющихъ въ диаметрѣ около $\frac{1}{16}$ лин. Въ продолженіе перваго года между пластомъ, содержащимъ въ себѣ смолевые каналы, и зеленою паренхиматическою корою образуется перидерма, которая умерщвляетъ части, лежащія съ наружной ея стороны. Поэтому кора лиственницы отличается отъ коры другихъ хвойныхъ деревьевъ тѣмъ, что она, кромѣ перваго года своего существованія, не содержитъ въ себѣ смолевыхъ каналовъ, и потому, при поперечномъ разрѣзѣ молодыхъ побѣговъ лиственницы, нѣтъ истечения смолы изъ коры, какъ это бываетъ у всѣхъ другихъ деревьевъ. Перидерма утолщается и пластъ, прилегающій къ ней, начинаетъ отпадать не ранѣе, какъ на пятомъ году. Сдѣлавшаяся свободною, перидерма состоитъ до 18 года изъ чередующихся слоевъ толстостѣнныхъ и тонкостѣнныхъ клѣточекъ, которые остаются въ видѣ тонкихъ пластинокъ. Въ теченіе этого времени въ зазелени значительно увеличивается число пріемниковъ смолы, которые въ свою очередь расширяются; диаметръ ихъ измѣняется отъ перваго года до 15 съ $\frac{1}{16}$ лин. на $\frac{2}{3}$ лин. Съ 18-го года от-

ношеніе перидермы къ корѣ измѣняется, потому-что теперь начинается образованіе коркового вещества, состоящаго изъ толстыхъ чешуекъ, и въ него превращается вся паренхиматическая часть коры съ пріемниками смолы, въ ней заключающимися, а также и внѣшніе слои луба, весьма развитые у лиственницы. Послѣ такого превращенія въ живой корѣ лиственницы, состоящей только изъ слоевъ луба, нѣтъ никакихъ органовъ, отдѣляющихъ смолу, кромѣ горизонтальныхъ каналовъ сердцевинныхъ лучей, которыхъ ширина довольно значительна.

По строенію коры ближе всего къ лиственницѣ ель (*Picea excelsa*). Уже къ концу перваго года наружный очень толстый слой пласта умираетъ и отдѣляется отъ зеленой коры явственною перидермою. Разница состоитъ только въ томъ, что перидерма развивается здѣсь не внутри круга смолевыхъ каналовъ, а внѣ его, и смолевые каналы лежатъ во многихъ рядахъ. Только около 6-го года начинаетъ отпадать въ видѣ чешуй наружная умершая часть пласта. Съ этого времени перидерма, какъ у *Larix*, умирая съ наружной поверхности, сбрасываетъ умершія части въ видѣ тоненькихъ чешуекъ, и это продолжается почти до 20-лѣтняго возраста: но тогда перидерматическіе слои образуются глубоко въ корѣ, и паренхиматическая кора, вмѣстѣ съ смолевыми каналами, лежащими въ ней, обращается въ растреснувшееся корковое вещество. Въ это-же время у ели лубъ достигаетъ значительной толщины и включаетъ въ себѣ множество горизонтальныхъ смолистыхъ каналовъ.

Съ корою ели имѣетъ большое сходство кора сосенъ: *Pinus sylvestris* и *P. nigricans*. Разница у однолѣтнихъ вѣтвей только въ томъ, что перидерма, образующаяся въ пластѣ зазелени, лежитъ очень близко къ поверхности. Дальнѣйшія измѣненія коры очень сходны съ измѣненіями въ корѣ ели. Около 5 или 6 года отпадаетъ пластъ, затѣмъ наступаетъ періодъ, когда перидерма сбрасываетъ тонкія чешуйки, что продолжается до 8—10 лѣтняго возраста, когда образуются толстыя чешуйки коркового вещества, происходящаго изъ паренхиматической коры съ смолевыми каналами, а позже и изъ наружныхъ слоевъ луба. Живая часть луба у *Pinus nigricans* имѣетъ довольно-значительную толщину; напротивъ-того, у *Pinus sylvestris* большая часть луба уже въ раннемъ возрастѣ преобразуется въ корковое вещество. Въ лубовомъ слоѣ лежатъ горизон-

тальные смолевые каналы, но ширина ихъ гораздо меньше, чѣмъ у ели.

Замѣчательный переходъ отъ коры сосны (*Pinus sylvestris*) къ корѣ Сибирской пихты (*Abies sibirica*) составляетъ кора Веймутовой сосны (*Pinus Strobus*). Уже форма однолѣтней вѣтви послѣдней болѣе приближается къ формѣ пихтового, нежели соснового побѣга, потому-что въ ней отъ основанія листовыхъ пучковъ не спускаются выдающіеся и рѣзко-отдѣленные другъ отъ друга листовые пласты. Къ этому присоединяются еще большія различія во внутреннемъ устройствѣ коры. Прежде всего образование перидермы отлично отъ перидермы сосны: ибо здѣсь перидерма, начиная отъ перваго года, до 12 и даже до 20-го, остается совершенно гладкою, и не отдѣляется замѣтнымъ образомъ пластинокъ, съ наружной стороны, отчего поверхность коры имѣетъ блестящій видъ, какъ у падуба (*Ilex aquifolium*). Въ зазелени лежитъ кругъ широкихъ смолевыхъ каналовъ, и нѣсколько узкихъ, разсѣянныхъ безъ порядка. Околѣ 10-го года въ паренхимѣ между каналами развивается большое число пріемниковъ смолы, которые позже встрѣчаются и въ лубѣ довольно глубоко. У здоровыхъ деревьевъ, растущихъ сильно, только на 12—15 году, а у слабыхъ деревьевъ и позже, образуется корковое вещество и то мѣстами, потому-что перидерматическіе слои образуются также мѣстами и тотчасъ проникаютъ глубоко до самаго луба, между-тѣмъ-какъ возлѣ нихъ лежитъ зазелень, еще молодая и свѣжая. Черезъ нѣсколько лѣтъ образование коркового вещества распространяется по всей поверхности дерева и разрушаетъ всю паренхиматическую часть коры, и лубовой слой такого дерева разительно отличается присутствіемъ множества пріемниковъ смолы. Кромѣ-того въ немъ есть также горизонтальные каналы.

Въ нѣкоторомъ отношеніи подобное строеніе коры имѣетъ Сибирская пихта (*Abies sibirica*). Перидерма начинаетъ образоваться уже въ первый годъ, но остается нѣсколько лѣтъ совершенно гладкою. Въ зазелени лежитъ кругъ изъ многихъ широкихъ смолевыхъ каналовъ, передъ которымъ разсѣяно нѣсколько отдѣльныхъ узкихъ. Какъ на особенность, отличающую пихту отъ предыдущихъ деревьевъ, мы должны указать на присутствіе органовъ, которыхъ нѣтъ у нихъ. Эти органы лежатъ между клѣточками, зазелени и состоятъ изъ многихъ большихъ круглыхъ клѣточекъ, наполненныхъ веществомъ, разбухающимъ въ водѣ, но не раство-

возлѣ друга. Въ каждомъ большомъ сердцевинномъ лучѣ находящимся въ ней, и сжимающимся и мутящимся въ алкоголь. *Шахтъ* описалъ эти клѣточки у пихты подъ названіемъ *бассориновыхъ клѣточекъ*. Такое строеніе коры остается неизмѣннымъ до 8 лѣтъ и въ продолженіе этого времени смолевые каналы увеличиваются въ ширину, а бассориновыя клѣточки по всѣмъ направленіямъ и весьма значительно. Теперь, также какъ у *Pinus Strobus*, въ зазелени, но не въ лубѣ, начинаютъ образоваться отдѣльные круглые приемники смолы, которые при дальнѣйшемъ развитіи коры значительно увеличиваются въ ширину. Приемники смолы попадаютъ уже и прежде, именно на 5-мъ году, и преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сходятся другъ съ другомъ смолевые каналы, и образуютъ тамъ комки смолы. Въ какое время начинаетъ образоваться корковое вещество, — *Моль* не можетъ рѣшить, потому-что онъ имѣетъ подъ руками только деревья, которыя не старше 20 лѣтъ, и которыя покрыты еще совершенно-гладкою коркою. Горизонтальныхъ смолевыхъ каналовъ нѣтъ.

Обыкновенная пихта (*Abies pectinata*) почти во всемъ сходна съ Сибирскою (*Abies sibirica*) и кора ея разнится незначительно отъ послѣдней. Если не значительное, то бросающееся въ глаза различіе составляетъ перидерма, потому-что она имѣетъ не гладкую, блестящую поверхность, какъ у *Abies sibirica*, а покрытую тонкими чешуйками, которыя происходятъ отъ того, что здѣсь чередуются тонкостѣнные клѣточки съ толстостѣнными. Главное различіе состоитъ въ томъ, что у *Abies pectinata* нѣтъ приемниковъ смолы ни въ зазелени, ни въ лубѣ. Образование коркового вещества наступаетъ поздно. Разрѣзъ коры съ 48-лѣтняго дерева, росшаго правильно, показалъ *Моль*, что корковое вещество образуется въ это время, только мѣстами, между-тѣмъ-какъ оставшаяся кора остается неизмѣнною и состоитъ изъ паренхимы, одѣтой бѣлою перидермою. Горизонтальныхъ каналовъ нѣтъ въ лубѣ.

Если обратимся теперь къ изслѣдованію древесины деревьевъ, кору которыхъ мы рассмотрѣли, то увидимъ, что въ ней находятся у всѣхъ деревьевъ, кромѣ *Abies sibirica* и *pectinata*, какъ горизонтальные, такъ и вертикальные смолевые каналы.

Древесина съ горизонтальными смолевыми каналами имѣютъ сердцевинные лучи двухъ родовъ: большіе и малые. Послѣдніе состоятъ изъ одного ряда клѣточекъ; большіе-же изъ многихъ рядовъ, лежащихъ не только другъ надъ другомъ, но в другъ

дится горизонтальный смолевой каналъ, окруженный выдѣляющими тонкостѣнными клеточками. Эти каналы составляютъ продолженіе горизонтальныхъ каналовъ коры, но отличаются отъ послѣднихъ гораздо меньшею шириною. Диаметръ горизонтальныхъ каналовъ коры у ели *Picea excelsa* имѣетъ около $\frac{1}{4}$ лин., а диаметръ каналовъ сердцевинныхъ лучей около $\frac{1}{62}$ лин., у *Larix europaea* каналы коры шириною около $\frac{1}{11}$ лин., а каналы сердцевинныхъ лучей около $\frac{1}{70}$ лин.; у *Pinus sylvestris* каналы коры $\frac{1}{43}$ лин., а каналы сердцевинныхъ лучей около $\frac{1}{73}$ лин., а у *Pinus nigricans* около $\frac{1}{13}$ лин. Такое суженіе смолевыхъ каналовъ, при переходѣ изъ коры въ древесину, показываетъ, что они приносятъ гораздо болѣе смолы во внутренніе слои коры, нежели въ древесину; однакожь, замѣчательно, что у деревь, отличающихся богатствомъ смолы, какъ у *Pinus sylvestris* и особенно у *Pinus nigricans*, эти каналы самые узкіе. Поэтому, если снять кольцомъ часть коры съ дерева во-время восхожденія соковъ, то въ обнаженной части ствола изъ горизонтальныхъ каналовъ вытекаетъ смола весьма медкими каплями.

Кромѣ горизонтальныхъ каналовъ, приносящихъ смолу, въ древесинѣ хвойныхъ есть и вертикальныя; но они расположены безъ порядка, однакожь, болѣе въ среднихъ и наружныхъ частяхъ годичнаго слоя. Они гораздо шире, нежели горизонтальные каналы, и самые широкіе въ древесинѣ *Pinus nigricans* (средніе шириною около $\frac{1}{2}$ лин., самые большіе около $\frac{1}{10}$ лин.); менѣе широкіе у *Pinus sylvestris* (средніе $\frac{1}{3}$, до $\frac{1}{60}$ лин., большіе $\frac{1}{24}$ лин.) и у *Larix europaea* (средніе отъ $\frac{1}{34}$ до $\frac{1}{60}$ лин., большіе $\frac{1}{2}$ лин.); самые узкіе у *Picea excelsa* (средніе отъ $\frac{1}{50}$ до $\frac{1}{40}$ лин., большіе $\frac{1}{25}$ лин.). Уже отсюда объясняется, почему изъ поперечнаго разрѣза *Pinus nigricans* вытекаютъ капли смолы гораздо крупнѣе, нежели изъ другихъ видовъ. Но количество вытекающей смолы изъ древесины зависитъ не только отъ величины каналовъ, но и отъ ихъ числа. На поперечномъ разрѣзѣ одной и той-же величины *Моль* опредѣлилъ число каналовъ у *Pinus nigricans* 190, у *Pinus sylvestris* 124, у *Larix europaea* 128, а у *Picea excelsa* только 78 каналовъ. Если принять во вниманіе, что у *Pinus nigricans* самые широкіе каналы, а у *Picea excelsa* самые узкіе, то дѣлается совершенно-яснымъ, отчего первая богата смолою, а послѣдняя сравнительно бѣдна. Въ томъ и другомъ отношеніи *Pinus sylvestris* и *Larix europaea* занимаютъ средину.

Если перепилить поперег стволъ хвойнаго дерева во-время восхожденія соковъ, то смола вытекаетъ изъ перерѣзанныхъ каналовъ въ видѣ капель, вообще сильнѣе изъ заболони, чѣмъ изъ ядра древесины, какъ это видно у *Pinus sylvestris*, *Strobus*, *Picea excelsa* и *Larix euroraëa*, а по наблюденіямъ *Палласа* и у Сибирской лиственницы.

Ошибочно было-бы думать, что смола въ нашихъ хвойныхъ деревьяхъ встрѣчается только въ смолевыхъ каналахъ. Конечно, въ живыхъ частяхъ дерева это такъ; но въ старыхъ годичныхъ слояхъ она является, какъ инфильтрирующее вещество, которое проникаетъ кѣтчатая оболочка, мѣстами совершенно наполняетъ полости прозенхиматическихъ кѣточекъ и собирается въ трещинахъ древесины. Это имѣетъ мѣсто не только у такихъ хвойныхъ, у которыхъ есть смолевые каналы, но и у такихъ, у которыхъ нѣтъ ни вертикальныхъ, ни горизонтальныхъ каналовъ, какъ у *Abies pectinata*, у которой не только засохшіе сучки, оставшіеся на стеблѣ, но и внутренніе слои нижней части живыхъ вѣтвей совершенно насыщены смолой. Такъ-какъ въ древесинѣ пихты нѣтъ органовъ, отдѣляющихъ смолу, то смола, насыщающая умершіе внутренніе слои древесины, должна получаться или изъ коры или изъ листьевъ. Трудно сказать, какъ смола доходитъ до этихъ внутреннихъ слоевъ древесины; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея отложеніе находится въ связи съ прекращеніемъ жизни этихъ частей и съ уменьшеніемъ водянистаго сока кѣточекъ, которое происходитъ отъ того.

Такое насыщеніе смолой, встрѣчающееся у пихты только въ сучьяхъ, у *Pinus sylvestris* и у сродныхъ видовъ имѣетъ мѣсто въ известной степени въ ядрѣ древесины всего ствола. Скопленіе смолы во внутреннихъ слояхъ древесины происходитъ не вслѣдствіе жизненной дѣятельности дерева, а, напротивъ-того, вслѣдствіе уменьшенія или уничтоженія ея, потому-что инфильтрація смолы дѣлается гораздо сильнѣе въ срубленныхъ стволахъ сосны, чѣмъ въ живыхъ, и смола по-мѣрѣ замиранія наружныхъ слоевъ скопляется во внутреннихъ слояхъ и обращаетъ ихъ въ ядро. Почти нельзя сомнѣваться, что переходъ смолы изъ коры и заболони происходитъ, хотя отчасти, черезъ посредство горизонтальныхъ каналовъ.

Опыты надъ деревьями, изъ которыхъ получена смола, и которыя снова дѣлаются смолистыми, доказываютъ, что ослабленіе

жизненной дѣятельности деревъ условливаетъ насыщеніе древесины смолою. Съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ, что извлеченіе смолы имѣетъ такое послѣдствіе; но если принять въ расчетъ, что здѣсь дѣло идетъ о деревѣ, чрезвычайно-богатомъ этимъ веществомъ,—о деревѣ, изъ котораго извлечена только часть его смолы, что этою операціей дерево чрезвычайно ослаблено (приростъ дерева уменьшается почти въ три раза), что въ немъ значительно уменьшено количество восходящаго сыраго сока посредствомъ поперечныхъ разрѣзовъ заболони, сдѣланныхъ для извлеченія смолы: то становится понятнымъ, что эта операція вызываетъ недостаточное питаніе дерева, уменьшеніе притока соковъ въ его древесину, раннюю старость всего дерева, преждевременное умираніе внутреннихъ слоевъ древесины и инфильтрацію этихъ слоевъ, лишнею смолою. Уже *Дюгамелло* было извѣстно, что въ стебляхъ сосенъ, изъ которыхъ добывали смолу, смола скопляется въ частяхъ, смежныхъ съ надрѣзами древесины. Къ частямъ древесины, лежащимъ прямо надъ надрѣзомъ, невозможенъ прямой доступъ питательнаго сока, и потому они весьма удобно насыщаются смолою.

Скопленіе смолы въ ядрѣ древесины лиственницы также мало можно приписать, образованію этого вещества въ горизонтальныхъ каналахъ внутреннихъ слоевъ древесины, какъ и переходы его сюда изъ коры и наружныхъ слоевъ древесины. Большая масса смолы, ежегодно собирающаяся внутри древесины лиственницы, не находится-ли въ связи съ ежегоднымъ опаданіемъ ея листьевъ? Вслѣдствіе листопада у лиственницы должна совершенно прекращаться растительность зимою, между-тѣмъ-какъ у вѣчно-зеленѣющихъ хвойныхъ непрерывно поддерживается восхожденіе соковъ, конечно, весьма слабое, и въ холодное время года, вслѣдствіе непрерывной дѣятельности листьевъ.

Если обратимъ вниманіе на различія въ строеніи коры и древесины нашихъ хвойныхъ деревъ, то намъ будутъ понятны различные способы добыванія смолы или терпентина.

У всѣхъ хвойныхъ въ паренхимѣ коры молодыхъ побѣговъ есть вертикальные смолевые каналы, изъ которыхъ при разрѣзѣ вѣтвей вытекаютъ болѣе или менѣе крупныя капли терпентина. Поэтому терпентинъ можно получать, перерѣзывая молодыя вѣтви всѣхъ хвойныхъ, кромѣ лиственницы, у которой эти каналы уже въ первый годъ переходятъ въ корковое вещество; при этомъ ко-

личество полученнаго терпентина не обуславливается большимъ или меньшимъ увѣчемъ дерева. Этотъ способъ употребляется въ Карпатахъ для доставанія такъ-называемаго Венгерскаго бальзама изъ *Pinus Pumilio*.

Въ позднѣйшемъ возрастѣ деревъ этотъ способъ нельзя употреблять потому, что у большей части хвойныхъ вертикальные каналы довольно рано переходятъ въ корковое вещество. Изъ этого составляетъ исключеніе только пихта (*Abies pectinata*) и сродные съ нею виды, потому-что у ней не только сохраняются долго вертикальные ходы, но и раздуваются и образуютъ смолистые шары. Поэтому употребляется одинъ и тотъ-же способъ и въ Европѣ для добыванія Стразбургскаго терпентина изъ *Abies pectinata* и въ Америкѣ для добыванія Канадскаго бальзама изъ *Abies balsamifera*. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что открываютъ шары, наполненные смолою, и собираютъ ее въ сосуды, которые кверху заострены. Для добыванія терпентина выбираютъ пихты среднего возраста, потому-что въ молодыхъ еще не образовались шары, а въ старыхъ они уже уничтожились и каналы превратились въ корковое вещество. Поэтому добывать терпентинъ можно только изъ деревъ, имѣющихъ діаметръ отъ 3 до 10 дюймовъ. Естественно, что изъ молодыхъ вѣтвей и верхушекъ старыхъ деревъ можно получать терпентинъ совершенно также, какъ изъ нижнихъ частей стебля молодыхъ деревцовъ.

У *Pinus Strobus* и *Abies sibirica*, кромѣ смолевыхъ каналовъ, есть еще приемники смолы, а у *Larix europaea* эти приемники закрываютъ каналы, отпадающіе уже въ первомъ году. Но эти приемники не могутъ служить для добыванія терпентина, по причинѣ ихъ малости и отдѣльнаго положенія; при открытіи ихъ смола не вытекаетъ изъ нихъ.

Горизонтальные смолевые каналы могутъ доставлять смолу только у тѣхъ деревъ, у которыхъ они довольно широки и у которыхъ лубовой слой значительно толстъ. И то и другое имѣетъ мѣсто у *Picea excelsa*. На этой анатомической особености основывается способъ добыванія ея смолы, который состоитъ въ томъ, что изъ ея коры вырѣзываются продольныя полоски до самой дрѣвесины. Смола, вытекающая изъ краевъ полосокъ коры, течетъ изъ разрѣзанныхъ горизонтальныхъ каналовъ. Такъ-какъ эти каналы лежатъ во внутреннихъ слояхъ коры и при отложеніи новыхъ слоевъ луба они удлиняются и дѣлаются шире, то смолу

можно добывать изъ этого дерева не только въ молодомъ и среднемъ возрастѣ, но и въ самомъ старомъ; надрѣзыная вновь края ранъ и открывая вновь-образовавшіеся каналы, мы можемъ получить непрерывное истеченіе этого вещества.

Изъ большаго сходства коры лиственницы съ корою ели можно заключить, что при разрѣзѣ коры первой вытекаетъ значительное количество терпентина, хотя ея каналы гораздо уже, чѣмъ у послѣдней. Но это количество должно быть гораздо меньше, нежели у ели, потому-что узкость каналовъ здѣсь не вознаграждается ихъ числомъ. Но такой способъ добыванія терпентина изъ лиственницы теперь не употребляется по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что терпентинъ, вытекающій изъ лиственницы, весьма скоро превращается въ смолу отъ дѣйствія воздуха; во-вторыхъ, потому, что дерево лиственницы гораздо дороже стоитъ, нежели терпентинъ, полученный изъ нея, добываніе котораго истощаетъ и разрушаетъ дерево.

Хотя существованіе шаровъ смолы не доказано въ корѣ лиственницы, но нельзя отвергать, что они существуютъ. Однакожъ, они попадаютъ весьма рѣдко и не могутъ служить для правильнаго добыванія Венеціанской смолы.

Если уже изъ коры лиственницы, у которой горизонтальные каналы довольно широки, нельзя получать смолу, то тѣмъ болѣе это невозможно изъ коры *Pinus sylvestris* и *nigricans*, у котораго эти каналы чрезвычайно узки.

Добываніе смолы изъ древесины невозможно у такихъ деревъ у которыхъ нѣтъ въ этой части смолевыхъ каналовъ, какъ у *Abies pectinata*, напротивъ-того, оно имѣетъ мѣсто у *Pinus*, у которой горизонтальные каналы луба малы, а вертикальные древесины велики и многочисленны. Здѣсь должно отличать истеченіе смолы изъ смолевыхъ каналовъ заболони отъ истеченія инфильтрированной смолы изъ умершихъ слоевъ древесины. Изъ ранъ дерева вытекаетъ и та и другая смола, а въ иныхъ случаяхъ болѣе одной смолы, въ другихъ—другой.

При распиливаніи сосенъ смола вытекаетъ преимущественно изъ смолевыхъ каналовъ заболони; на этомъ основанъ способъ получать терпентинъ въ Канадѣ, въ западной Франціи, имѣнно въ Провансѣ—Бордосскій терпентинъ изъ *Pinus Pinaster* и въ Австріи изъ *Pinus nigricans*. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что на заболони дѣлають зарубку, глубиною дюйма въ три. Изъ верхнихъ

каналовъ надъ зарубкою вытекаетъ смола. Чтобы смола текла непрерывно, верхнюю поверхность зарубки подновляютъ, сръзывая тонкій слой ея. Здѣсь смола вытекаетъ не только изъ заболони, но и та, которая уже отложилась въ ядрѣ древесины, и послѣднее обстоятельство особенно вредитъ дереву.

Наконецъ изъ лиственницы, у которой ядро древесины въ высшей степени насыщено смолою и смола собирается въ трещинахъ древесины, ее добываютъ, просверливая дерево буравомъ до половины. Конечно, здѣсь терпентинъ (такъ-называемый Венеціанскій) вытекаетъ изъ смолевыхъ каналовъ заболони, но главная масса его изъ ядра древесины, гдѣ отлагается смола въ огромномъ количествѣ. При пробуриваніи лиственницы сначала вытекаетъ терпентинъ изъ смолевыхъ каналовъ заболони въ видѣ капель, а изъ ядра еще не показывается; но потомъ начинаетъ течь и изъ этой части, и количество послѣдняго несравненно болѣе количества перваго.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЙ УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. — 30 августа Высочайше утвержденъ новый Уставъ Императорской академіи художествъ. Сообщаемъ извлечение изъ сего Устава

Въ Императорской академіи художествъ преподаются: живопись, скульптура, архитектура, гравированіе и медальерное искусство. Образовывая художниковъ, академія, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчаетъ имъ, по мѣрѣ возможности, способы къ дальнѣйшему усовершенствованію и вообще заботится объ успѣхѣ художествъ, даетъ свои отзывы и заключенія разнымъ мѣстамъ и лицамъ, кои пожелаютъ представить на ея обсужденіе предметы, до художествъ относящіяся. Она состоитъ подъ ближайшимъ начальствомъ президента, въ вѣдѣніи министра Императорскаго Двора. Дѣла, относящіяся до художественной и учебной частей, рѣшаются властію президента; дѣла по части административной, хозяйственной и счетной подлежатъ рѣшенію министра Императорскаго Двора. Уставомъ академіи опредѣляются: 1) управленіе, 2) предметы преподаванія, распредѣленіе ихъ въ экзамены, 3) назначеніе преподавателей, 4) приемъ учениковъ, 5) главные конкурсы на золотыя медали и посылка дансіонеровъ за границу и 6) возведеніе художниковъ въ почетныя званія.

Обученіе въ академіи заключаетъ въ себѣ: 1) классы предметовъ художественныхъ и 2) классы вспомогательныхъ для художествъ предметовъ наукъ. Какъ художественные классы, такъ и классы наукъ раздѣляются на *общіе* и *спеціальныя*. Общія суть тѣ, въ коихъ должны обучаться всѣ безъ изъятія ученики различныхъ отраслей художествъ; спеціальныя назначаются только для одного рода искусствъ.

Художественные классы суть: *Общія для всѣхъ отраслей искусствъ*: первый рисовальный классъ (съ античныхъ гипсовыхъ головъ), второй рисовальный (съ античныхъ гипсовыхъ фигуръ), эстампный (для рисованія съ классическихъ фигуръ).

Спеціальныя: а) *Для живописцевъ, скульпторовъ, медальеровъ и граверовъ*: высшій рисовальный классъ (натурный) для упражненія рисованьемъ съ натуры; манекенный для изученія драпировокъ. б) *Собственно для живописцевъ*: живописный, для копированія оригинальныхъ картинъ извѣстныхъ школъ; живописный этюдный (натурный) для упражненія въ живописи съ натуры. в) *Для скульпторовъ и медальеровъ*: лѣпленія съ антиковъ; лѣпной этюдный (натурный) для лѣпленія съ натуры. г) *Для архитекторовъ*: черченія архитектурныхъ частей и орнаментовъ всѣхъ стилей, высшій архитектурный для составленія архитектурныхъ проектовъ. д) *Для граверовъ*: классъ граверный. е) *Для медальеровъ*: классъ медальерный.

Классы наукъ суть: а) *Общія для всѣхъ*: законъ Божій (для православныхъ); священная исторія; исторія изящныхъ искусствъ, эстетика и археологія; всеобщая и Русская исторія; перспектива и теорія тѣней; Русскій языкъ и словесность. б) *Спеціальныя*: а) *Для живописцевъ, скульпторовъ, медальеровъ и граверовъ*: анатомія; б) *для архитекторовъ*: строительное искусство; математика; физика, химія въ примѣненіи къ архитектурѣ, статика и строительная механика; специальное законовѣдѣніе по строительной части и правила составленія смѣтъ и отчетовъ.

Курсъ ученія въ академіи художествъ распредѣляется на три отдѣленія.

Въ первомъ отдѣленіи: ученики всѣхъ отраслей искусствъ занимаются въ первомъ рисовальномъ классѣ (гипсовыхъ головъ) и въ классѣ эстампномъ; слушаютъ лекціи закона Божія (православные), Русскаго языка и словесности. Ученики архитектуры посѣщаютъ, кромѣ-того, классъ математики.

Во второмъ отдѣленіи: ученики по всѣмъ-же отраслямъ искусствъ занимаются во второмъ рисовальномъ классѣ (гипсовыхъ фигуръ) и кромѣ-того, живописцы копируютъ въ живописномъ классѣ оригинальныя картины, скульпторы и медальеры упражняются въ классѣ лѣпленія съ антиковъ, архитекторы—въ классѣ черченія архитектурныхъ частей и орнаментовъ, граверы—въ классѣ граверномъ. Всѣ они слушаютъ лекціи: священной исторіи; исторіи изящныхъ искусствъ, эстетики и археологій; перспективы и теоріи тѣней; Русскаго языка и словесности, общей и Русской исторіи. Архитекторы, кромѣ-того,—математики, физики, химіи (въ примѣненіи къ архитектурѣ), статикѣ и архитектурной механики.

Въ третьемъ, высшемъ, отдѣленіи: ученики живописи, скульп-

туры, гравированія и медальернаго искусства рисуютъ съ натуры (въ натурномъ рисовальномъ классѣ), а живописцы и скульпторы, сверхъ-того, занимаются въ этюдномъ натурномъ и манекенномъ классахъ; граверы посѣщаютъ классъ граверный, медальеры — классъ медальерный. Всѣ они упражняются, по задачамъ профессоровъ, сочиненіемъ эскизовъ по роду своихъ художествъ, а ученики архитектуры въ составленіи проектовъ. Всѣ ученики сего отдѣленія слушаютъ лекціи: исторіи изящныхъ искусствъ, эстетики и археологіи; общей и Русской исторіи; Русскаго языка и словесности. Кромѣ-того живописцы, скульпторы, медальеры и граверы слушаютъ курсъ анатоміи, архитекторы — математики, физики, химіи (въ примѣненіи къ архитектурѣ), статки и строительной механики, специальнаго законовѣдѣнія по строительной части и упражняются въ составленіи смѣтъ и отчетовъ.

Ученикъ одного отдѣленія, смотря по степени знанія и успѣховъ, можетъ, по одному изъ предметовъ, посѣщать, съ разрѣшенія начальства, классъ другаго отдѣленія. Распредѣленіе часовъ преподаванія предметовъ въ каждомъ отдѣленіи назначается особымъ росписаніемъ и по рассмотрѣнію въ совѣтѣ утверждается президентомъ. Ученики академіи художествъ могутъ, по желанію, посѣщать курсы другихъ учебныхъ заведеній, насколько сіе, по расположенію времени, совмѣстимо съ классами академіи. Учащіеся въ академіи имѣютъ собственные учебные припасы, бумагу, карандаши, краски. Только бѣднѣйшіе и при томъ тѣ изъ нихъ, кои оказываютъ успѣхи, снабжаются сими вещами отъ академіи или получаютъ пособіе.

Ученики академіи подвергаются экзаменамъ по части художествъ и наукъ. Экзамены по художественнымъ классамъ бываютъ: ежемѣсячные, третные и годичные. Къ концу каждаго мѣсяца ученики всѣхъ трехъ отдѣленій представляютъ свои работы, кои обсуживаются совѣтомъ. Работа, признанная лучшею по каждому классу, даетъ право исполнявшему ее выбрать въ наступающій мѣсяцъ мѣсто, соотвѣтствующее номеру, полученному на испытаніи. Кромѣ означенныхъ выше ежемѣсячныхъ экзаменовъ, производятся тѣмъ-же порядкомъ третные экзамены, на которые представляются: составленные учениками третьяго высшаго отдѣленія, рисунки и этюды рисовальнаго и живописнаго натуральныхъ классовъ; этюды скульптурные и архитектурные проекты. Сии этюды и проекты выставляются безъ подписи именъ. Совѣтъ разсматриваетъ и даетъ свое мнѣніе о луч-

пихъ работахъ. Для поощренія учащихся академія покупаетъ у нихъ, по-возможности, первые лучшіе нумера. За означенные выше рисунки, этюды и проекты, исполненные учениками высшаго отдѣленія по сюжетамъ профессоровъ, выдаются серебряныя медали, сперва втораго достоинства (*малая*), а потомъ перваго (*большая*). Число сихъ медалей не опредѣляется и зависитъ отъ числа удостоенныхъ работъ. Годичные экзамены въ художествахъ производятся также выставкою на обсужденіе совѣта произведеній учениковъ, безъ подписи ихъ именъ; причѣмъ сіе распредѣляется такимъ образомъ, чтобы третная выставка послѣдней трети академическаго года совпадала съ годичною. Изъ преподаваемыхъ вспомогательныхъ предметовъ наукъ экзамены бывають годичные и окончательные, по совершеніи академическаго курса. Тѣ и другія производятся въ совѣтѣ. Результаты экзаменовъ означаются баллами, высшее число коихъ есть *пять*. Ежели ученикъ на годичномъ экзаменѣ изъ предметовъ, кои ему преподавались, получить въ сложности менѣе трехъ балловъ на каждый предметъ: то, не смотря на успѣхи въ художественныхъ классахъ, не переводится въ слѣдующее по старшинству отдѣленіе. При хорошихъ успѣхахъ ученикъ тѣмъ не менѣе долженъ оставаться въ первомъ и второмъ отдѣленіи (т-е. въ классахъ гипсовыхъ головъ и гипсовыхъ фигуръ) не менѣе двухъ лѣтъ въ совокупности, для достаточнаго изученія антиковъ. Въ третьемъ высшемъ отдѣленіи ученикъ остается до окончанія своего академическаго образованія, болѣе или менѣе, смотря по способностямъ своимъ. Академическій курсъ считается конченнымъ, когда ученикъ выдержитъ экзаменъ въ предметахъ наукъ, кои слушалъ, получивъ въ общей сложности не менѣе трехъ балловъ на каждый предметъ, а въ обоихъ натуральныхъ классахъ (рисовальномъ и живописномъ) удостоится получить малыя серебряныя медали, не иначе какъ за классныя академическія работы съ натуры. При академическомъ курсѣ ученику живописи не воспрещается заниматься какою-либо спеціальною отраслью живописи по направленію таланта своего (ландшафтною, баталическою и проч.) и для сего избрать себѣ наставника изъ профессоровъ академіи или постороннихъ художниковъ; но такія занятія могутъ составлять лишь частныя его упражненія, независимо отъ установленнаго академическаго курса, который долженъ совершиться во всей классической полнотѣ. По полученіи малыхъ серебряныхъ меда-

лей, ученики, продолжая совершенствоваться въ классахъ третьяго высшаго отдѣленія, исполняютъ по конкурсу работы для полученія большой серебряной медали; при чемъ живописцы могутъ предъявлять свои конкурсныя, на большую серебряную медаль, работы, уже по всѣмъ отраслямъ и родамъ живописи, по свойству таланта своего (ландшафтной, баталической, народныхъ сценъ и проч.) и большая серебряная медаль дается безразлично по всякому роду искусства, обнаруживающему талантъ. Ученикъ, получившій большую серебряную медаль, допускается къ конкурсамъ на золотыя медали по правиламъ, которыя излагаются ниже. Ученикъ, который, пробывъ въ третьемъ высшемъ отдѣленіи шесть лѣтъ, не окажется успѣховъ настолько, чтобы удостоиться полученія большой серебряной медали, долженъ оставить академію, и только при особыхъ уваженіяхъ можетъ быть допущено нѣкоторое въ семь отношеніи отступленіе.

Къ конкурсамъ на золотыя медали допускаются лишь ученики, окончившіе курсъ по изложеннымъ выше правиламъ, и получившіе большія серебряныя медали. Сии конкурсы производятся по заданнымъ программамъ. Предметы программъ разсматриваются совѣтомъ и утверждаются президентомъ. Въ назначенный день ученики академіи, желающіе участвовать въ конкурсѣ, собираются въ академію; ихъ снабжаютъ подробными объяснительными записками о программѣ и потомъ размѣщаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ для сочиненія сюжетовъ и эскизовъ. Всѣ представленныя такимъ образомъ сюжеты и эскизы разсматриваются въ совѣтѣ и, по утвержденіи оныхъ, поручается каждому исполнять свою работу согласно съ утвержденнымъ эскизомъ,—при чемъ нѣкоторыя отступленія допускаются въ небольшихъ подробностяхъ, но не въ общемъ сочиненіи и расположеніи предмета. Исполненныя работы разсматриваются въ совѣтѣ; несогласныя въ главномъ основаніи своемъ съ эскизомъ отстраняются отъ конкурса, и за симъ совѣтъ дѣлаетъ свое заключеніе о достойнѣйшихъ, заслуживающихъ медали, и представляетъ президенту.

Золотыя медали, выдаваемые за лучшія по конкурсу произведенія, суть: *перваго достоинства* (большія) и *втораго достоинства* (малыя). Золотыхъ медалей перваго достоинства (большихъ) назначается по одной для каждой отрасли художествъ. Въ-случаѣ особенныхъ исключеній, могутъ быть назначены двѣ большія медали по одной отрасли искусства. Для полученія золотой медали перваго

достоинства недостаточно, чтобы представленное на конкурс произведение было только лучшее между другими, но должно, чтобы оно само-по-себѣ заключало всѣ условія, заслуживающія высшей награды. Посему выдача золотыхъ медалей перваго достоинства не есть непрѣмное условіе каждаго конкурса. Число золотыхъ медалей втораго достоинства (малыхъ) не опредѣляется, а зависитъ отъ представленныхъ на конкурсъ работъ, заслуживающихъ награжденія. Медали даются не иначе, какъ въ постепенномъ порядкѣ. Не имѣя серебряныхъ медалей, нельзя получить золотыхъ. Кто не получилъ по конкурсу медали втораго достоинства (малой), тому не можетъ быть присуждена медаль перваго достоинства (большая). Форма, достоинство и штемпель серебряныхъ и золотыхъ медалей сохраняются тѣ-же, кои нынѣ установлены. Участвовать въ конкурсѣ можно по одному только разу, т.-е. однажды на золотую медаль втораго достоинства и однажды-же на золотую перваго достоинства. Ученикамъ, работающимъ по конкурсу на золотыя медали, назначаются въ зданіи академіи отдѣльныя мастерскія на время исполненія конкурсныхъ работъ.

Получившій золотую медаль перваго достоинства посылается, съ разрѣшенія президента, за границу пансіонеровъ академіи на казенный счетъ, для усовершенствованія въ искусствѣ. Ученики исторической живописи, скульптуры и архитектуры оставляются за границею пансіонерами академіи отъ трехъ до шести лѣтъ, смотря по ихъ успѣхамъ. Ученики другихъ родовъ живописи (ландшафтной, баталлической, народныхъ сценъ) остаются пансіонерами за границею три года и потомъ на три слѣдующіе года посылаются, съ пансіонерскимъ-же содержаніемъ, путешествовать по Россіи для произведенія картинъ изъ народной жизни. Пансіонеръ обязанъ послѣ первыхъ шести мѣсяцевъ доставить въ академію журналъ о своихъ наблюденіяхъ и приготовленіяхъ къ работамъ; за сими каждый годъ отдавать отчетъ академіи о производимыхъ работахъ и кромѣ-того присылать, ежегодно-же, какое-либо произведеніе свое въ томъ именно родѣ, по которому получилъ золотую медаль; рисунки и эскизы, ежели онъ занимается работою, которая не можетъ быть окончена въ одинъ годъ, или самыя исполненные имъ предметы, оконченные въ-теченіе года. Независимо отъ исполненія художественныхъ работъ, находящійся за границею пансіонеръ, избирая удобнѣйшее, по своимъ занятіямъ, время, посѣщаетъ извѣстныя галереи Европы и сообщаетъ академіи о ре-

зультатахъ своихъ посѣщеній, описывая, какія именно произведе- нія искусства выбралъ онъ предметомъ своего изученія, какое вліяніе имѣло это на развитіе его и вообще стараюсь сознавать въ самомъ себѣ и представлять доказательный отчетъ о своихъ художественныхъ впечатлѣніяхъ. При отправленіи, каждый пансіонеръ снабжается отъ академіи инструкціею, въ коей опредѣ- ляется цѣль его художественнаго путешествія и требованія, кои онъ обязанъ исполнить. Инструкція сія должна быть соображена съ родомъ занятій и талантомъ каждаго пансіонера, рассмотрѣна и обсужена въ совѣтѣ. Совѣтъ разсматриваетъ присланные изъ-за границы этюды, эскизы, рисунки, картины, и тѣ изъ нихъ, кои признаются лучшими, помѣщаются, съ разрѣшенія президента, на годичную выставку. Пансіонеръ, не приславшій въ-теченіе года никакой работы (конченной или приготовительной) по тому роду, по коему получилъ золотую медаль, или приславъ работу, доказы- вающую, что онъ не занимается съ надлежащимъ прилежаніемъ, перестаетъ считаться пансіонеромъ академіи и ему прекращается казенное содержаніе. Сумма, потребная на отправленіе и содержа- ніе пансіонеровъ, ассигнуется ежегодно изъ государственнаго казначейства на каждаго по триста червонцевъ въ годъ и едино- временно по двѣсти червонцевъ на путевыя издержки въ каждый конецъ.

Почетныя званія, коими по журналамъ совѣта и съ утвержде- нія президента удостоиваетъ академія, суть: неклассный худож- никъ, классные художники первой, второй и третьей степеней, академикъ, профессоръ. Классному художнику *третьей степени* присваивается чинъ четырнадцатаго класса, *второй степени* — чинъ двѣнадцатаго класса, *первой степени* — чинъ десятаго класса. Званіе академика даетъ чинъ девятаго класса, званіе профес- сора — чинъ восьмаго класса. Званіе некласснаго художника дается ученику академіи, который, кончивъ академическій курсъ по предметамъ художествъ и наукъ, получилъ на экзаменѣ изъ сихъ послѣднихъ въ сложности не менѣе трехъ балловъ на каж- дый предметъ, а по художествамъ удостоился малыхъ серебря- ныхъ медалей. Званіе классныхъ художниковъ пріобрѣтаютъ тѣ ученики академіи, кои получаютъ большую серебряную и золотыя медали, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ слушанныхъ предметовъ наукъ выдержать экзаменъ, получивъ въ сложности по четыре балла на каждый предметъ. При семъ послѣднемъ условіи ученикъ, на-

гражденный большою серебряною медалью, имѣть званіе класснаго художника третьей степени; заслужившій малую золотую медаль получаетъ званіе класснаго художника второй степени, а при большой золотой медали дается званіе класснаго художника первой степени. Имѣющій званіе класснаго художника третьей, или второй степени можетъ, не прежде какъ черезъ годъ, получить, въ послѣдовательномъ по старшинству порядкѣ, званіе класснаго художника слѣдующей высшей степени, т.-е. послѣ третьей—вторую, а послѣ второй—первую, если представить художественное произведение, которое, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ и съ утвержденія президента, признается заслуживающимъ такой награды. Званія неклассныхъ и классныхъ художниковъ могутъ получать и лица, необучавшіяся въ академіи, выдержавъ слѣдующее испытаніе: желающій долженъ исполнить, по роду своего художества, заданную совѣтомъ программу и выдержать экзаменъ изъ предметовъ, положенныхъ для такой отрасли художествъ, получивъ такое-же число балловъ, какое требуется отъ учениковъ академіи. Исполненная программа представляется, съ заключеніемъ совѣта, на одобреніе президента. Званія классныхъ художниковъ даются при семъ въ послѣдовательномъ-же порядкѣ, т.-е. сперва третья, потомъ вторая и наконецъ первая степень, и не прежде, какъ черезъ годъ одна послѣ другой. Классный художникъ первой степени можетъ черезъ три года получить званіе академика, а академикъ черезъ три-же года званіе профессора за отличное исполненіе заданной программы, одобренной въ совѣтѣ и президентомъ. Званія академиковъ и профессоровъ могутъ получать прямо, по особымъ уваженіямъ, не принадлежаще къ академіи, извѣстные по славѣ художники за высокія произведенія искусствъ. Лица, получившія почетныя званія академіи, имѣютъ право носить академическій мундиръ по классу званія.

ДАННЫЯ ИЗЪ ОТЧЕТА ВО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ ЗА 1857 Г. — Извлеченіе изъ отчета по министерству юстиціи за 1857 г. напечатано въ октябрьской книжкѣ журнала этого министерства, откуда мы и заимствуемъ нижеслѣдующія данныя:

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства министерства юстиціи, низшихъ, среднихъ и высшихъ, производилось въ 1857 г. дѣлъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ: уголовныхъ 237,721, гражданскихъ 217,251 и распорядительныхъ 23,302, всего

478,274. Изъ этого числа въ теченіе 1857 г. разрѣшено: уголовныхъ 181,645, гражданскихъ 148,056 и распорядительныхъ 19,553, всего 349,254. За сими къ 1 января 1858 г. осталось въ производствѣ: уголовныхъ 56,076, гражданскихъ 69,195 и распорядительныхъ 3,749, всего 129,020. Въ 1857 г. общее число дѣлъ, производившихся въ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства министерства юстиціи, было противъ 1856 г. болѣе на 6,219, а остатокъ на 3,266.

Наибольшее число вступившихъ уголовныхъ дѣлъ было въ уголовныхъ палатахъ: Вятской (2,957), С. Петербургской (2,366), Пермской (2,122) и Курской (1,709).

Наибольшее поступленіе гражданскихъ дѣлъ оказалось въ слѣдующихъ гражданскихъ палатахъ: въ 1-мъ департаментѣ С. Петербургской (9,250), въ 1-мъ департаментѣ Московской (5,743), во 2-мъ департаментѣ С. Петербургской (3,864).

Спорныя имущества и капиталы, по производившимся во всѣхъ коммерческихъ судахъ дѣламъ, простирались на сумму 35,552,755 р. 8¼ к. Въ вѣдомствѣ всѣхъ коммерческихъ судовъ состояло 398 конкурсовъ надъ несостоятельными должниками. Изъ числа этихъ конкурсовъ по 116 ликвидація долговъ несостоятельныхъ должниковъ въ теченіе года кончена, и затѣмъ къ 1858 году осталось 282 конкурса.

Общее число лицъ, о коихъ, по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ въ Имперіи, производились уголовныя дѣла, простиралось въ 1857 г. до 383,213, изъ нихъ 69,654, т.-е. болѣе пятой части, содержалось подъ стражею, а прочіе находились на свободѣ. Сравнительно съ 1856 годомъ, число подсудимыхъ вообще увеличилось на семнадцать человекъ, а число арестантовъ—болѣе чѣмъ на 5,000 (*). Между содержащимися подъ стражею было лицъ женскаго пола 10,515,—что составляетъ около седьмой части всѣхъ арестантовъ. Изъ общаго числа подсудимыхъ оправдано 98,754, обвинено 60,443 и освобождено по Всемилостивѣйшему манифесту 40,866. Такииъ образомъ число оправданныхъ составляетъ почти четвертую, а обвиненныхъ—седьмую часть общаго числа подсудимыхъ. Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ наказаніямъ съ лишеніемъ правъ состоянія 5,553, и безъ лишенія правъ состоянія 54,890.

(*). Въ 1856 году освобождено много арестантовъ по Всемилостивѣйшему манифесту.

Въ числѣ лишенныхъ правъ состоянія находилось присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы 1877, присужденныхъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь 3,460 и къ ссылкѣ на поселеніе за Кавказъ 216. По сословіямъ, въ числѣ преступниковъ, лишенныхъ правъ состоянія, было: дворянъ потомственныхъ 16, дворянъ личныхъ 27, духовнаго званія 17, купцовъ 5, прочихъ сословіи 5,608. По главнѣйшъ родамъ преступленій, обвиненныхъ какъ съ лишеніемъ, такъ и безъ лишенія правъ состоянія, было: по воровству-кражѣ 6,706, бродяжничеству 4,029, порубкѣ лѣсовъ 1,341, нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ 1,325, смертоубійству 1,147, воровству-мошенничеству 551, грабежу 551, зажигательству 310, святотатству 169, поддѣлкѣ монеты 111, разбою 66.

По нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ и по корчемству обвинено по одной Вятской губерніи почти половина (605) всего количества изблеченныхъ въ семь нарушеній законовъ въ совокупности по всемъ прочимъ губерніямъ; затѣмъ значительное количество обвиненныхъ было въ Пермской губерніи (184).

По грабежу, точно такъ-же, какъ и въ 1856 году, количество обвиненныхъ по одной Пермской губерніи (375) составляетъ болѣе половины преступниковъ по всемъ прочимъ губерніямъ въ совокупности; по губерніямъ-же Гродненской, Полтавской и Эстляндской вовсе не возникало въ 1857 г. дѣлъ о совершеніи сего рода преступленій.

Къ судебнымъ сборамъ относятся: пошлыны съ актовъ, гербовый сборъ и штрафныя деньги. Во всехъ судебныхъ мѣстахъ въ 1857 г. явлено и совершено крѣпостнымъ порядкомъ разнаго рода актовъ 131,131, т.-е. противъ 1856 года болѣе чѣмъ на 19,000 актовъ. Определенная въ сихъ актахъ цѣнность имущества простиралась на сумму свыше 243,822,000 р. и превышала подобную сумму 1856 г. на 43,185,645 руб. 93¹/₄ к. При совершеніи актовъ взыскано: крѣпостныхъ четырехпроцентныхъ пошлынъ 3,191,332 р. 69¹/₂ к., сбора ¹/₄-процентнаго въ городскую пользу 142,677 р. 38³/₄ к. и канцелярскихъ за написаніе актовъ пошлынъ 148,667 р. 28 коп.; сумма перваго изъ сихъ сборовъ превышаетъ сумму 1856 года на 888,251 р. 94 к., втораго — на 31,339 р. 44 к. и третьяго на 12,074 р. 21 коп.

Гербовый сборъ. Крѣпостной бумаги для написанія разнаго рода актовъ, а также обыкновенной гербовой бумаги, по дѣлопроизводству употреблено въ судебныхъ мѣстахъ въ 1857 г., на

14,991 руб. 83 коп. менѣе, нежели въ предшествовавшемъ году, и именно на 681,204 р. 53 коп. Сумма эта по количеству распредѣляется между судебными мѣстами въ слѣдующей постепенности: въ судебныхъ мѣстахъ средней инстанціи 486,145 р. 63 коп., въ судебныхъ мѣстахъ низшей инстанціи, какъ-то: уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и ратушахъ 185,781 р. 80 к. и въ прочихъ низшихъ мѣстахъ министерства юстиціи 9,277 р. 10 $\frac{1}{4}$ к. Въ числѣ общей суммы 681,204 р. 53 к., заключалось представленной въ судебныя мѣста крѣпостной актовъ бумаги на 407,929 р. 71 $\frac{1}{2}$ к., обыкновенной гербовой для дѣлопроизводства на 135,989 р. 20 к. Остальныя-же суммы (37,285 руб. 61 $\frac{3}{4}$ к.) взысканы самими судебными мѣстами за простую бумагу, употребленную вмѣсто гербовой.

Штрафныя деньги. Рѣшеніями судебныхъ мѣстъ опредѣлено въ 1857 г. взыскать съ тяжущихся штрафныхъ денегъ за неправильную апелляцію и вчинаніе неправильныхъ исковъ 379,898 р. 5 $\frac{1}{2}$ к., болѣе нежели въ 1856 г. (257,738 р. 80 $\frac{1}{4}$ к.) на 122,159 р. 46 $\frac{1}{4}$ к.

Дѣйствительно-же взыснано въ 1857 году штрафныхъ денегъ 349,593 р. 99 к., сравнительно съ 1856 годомъ менѣе на 80,143 р. 10 к. Причину сего уменьшенія можно полагать въ томъ, что значительная часть опредѣленныхъ въ прежнее время штрафныхъ взысканій оставалась въ недоимкѣ въ 1857 г. и сложена на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г. Количество такого рода суммъ, сложенныхъ по манифесту, простиралось: по гражданскимъ палатамъ—свыше 248,243 р., по уѣзднымъ судамъ—до 4,857 р. и по магистратамъ—до 1 897 р., всего 254,996 р. 15 $\frac{1}{4}$ к. Изъ числа штрафныхъ денегъ, взысканныхъ въ 1857 г., 220,754 р. 80 $\frac{1}{2}$ коп., на основаніи закона, обращены въ доходъ казны, а 128,839 р. 18 $\frac{1}{2}$ к. взысканы въ пользу судей, которые участвовали въ рѣшеніи дѣлъ.

МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ ВЪ ВАРШАВѢ. — Въ Моск. мед. газ. одинъ изъ редакторовъ оной, *С. Смирновъ*, напечаталъ слѣдующую статью: «Война 1830 унесла съ собою университеты Варшавскій и Виленскій, пріобрѣтшіе извѣстность дѣятельностію своихъ ученыхъ профессоровъ, въ-особенности *Ш. Франка*. Польскій край оставался 27 лѣтъ безъ высшихъ учебныхъ заведеній и глубоко чувствовалъ лишеніе ихъ, особливо былъ опутителемъ недостатка медицинскихъ факультетовъ, недостатокъ врачей, близкихъ къ своей странѣ по крови и по образованію. Это лишеніе отража-

лось въ высокой и любящей душѣ Монарха и въ ней нашло для себя средство. Указомъ 1857 г. была восстановлена медико-хирургическая академія; полуразрушившіеся остатки нѣкогда ученаго коллегіума снова вызваны къ жизни. Устройство вновь-формирующейся академіи было возложено на человѣка, давно уже сдѣлавшагося извѣстнымъ у насъ въ Россіи и своимъ медицинскимъ образованіемъ, и счастливымъ приложеніемъ своихъ обширныхъ способностей къ практической дѣятельности. Съ января 1858 назначенъ президентомъ академіи профессоръ Кіевскаго университета *Ө. С. Цицурина*. Призваніе на этотъ разъ было столь-же велико, какъ и счастливо. Не просто быть президентомъ предстояло почтенному профессору, но строителемъ до малѣйшихъ подробностей того зданія, котораго ждала дѣлая страна и которое указывали святое чувство и благотворная воля Монарха. Не легко было добросовѣстно принять на себя это призваніе и еще труднѣе выполнить его безупречно, безъ самонадѣянности и страха. Намъ извѣстна борьба, совершавшаяся въ душѣ почтеннаго профессора, искушенной годами опыта и ученія. Подкрѣпленный запасомъ свѣдѣній по административной части подобныхъ учреждений за границею и лично ознакомившись со многими иностранными преподавателями, на которыхъ могла разсчитывать возникающая академія, онъ приступилъ къ исполненію своего высокаго призванія. Теперь не прошло еще двухъ лѣтъ, но академія уже на пути къ полному развитію своей дѣятельности. Мы читаемъ уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ описаніе ея вѣшняго благоустройства и водвореніе внутреннихъ порядковъ, слышимъ похвалы ея устройству и строителю отъ многихъ иностранныхъ медицинскихъ органовъ и слышимъ сказать наше слово искренняго, живаго сочувствія. Легко можно себѣ вообразить, что дѣятельность столь обширная и разнородная, прикасавшаяся къ столь многимъ личнымъ интересамъ, не могла не встрѣтить людей, неудовлетворенныхъ ею. Мелкій эгоизмъ и неблагородныя страсти столкнулись съ дѣятельностію проф. Цицурина и не разъ уже выразились нареканіями и даже клеветою на него; но подобныя страсти несутъ въ самихъ себѣ свое обличеніе. Вѣнская газета «*Medicinische Wochenschrift*», вообще не отличающаяся особеннымъ благорасположеніемъ въ Россіи (припомнимъ читателямъ нашимъ ея прошлогоднюю статью: «Нѣмецкіе врачи въ Россіи»), явилась органомъ подобныхъ возраженій, напечатавъ въ одномъ изъ номеровъ своихъ

(1858, № 40) письмо одного из безъвианныхъ своихъ корреспондентовъ съ Польской границы. Не стоитъ входить въ подробности обвиненій, но надобно сказать, что недовольный корреспондентъ тотчасъ-же нашелъ для себя сильныхъ и открытыхъ противниковъ въ другихъ органахъ гласности. Д-ръ *Шрейсъ* немедленно опровергъ его замѣчаніе въ другой Вѣнской газетѣ: «Oesterreichische Zeitschr. f. pract. Heilk.», № 43, 1858. Лестные отзывы другихъ уважаемыхъ журналовъ, напр. «Arch. gener.» 1859. II и др., и въ-особенности «Wochenschrift», отзывъ Краковскаго проф. *Дитля*: «Einige Worte über den dermaligen Zustand der K. K. medicinischen Akademie in Warschau», пролили достаточно свѣта на истинное положеніе дѣла и обрисовали и президента, и возрождающуюся академію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, приглашены преподавателями въ Варшавскую академію д-ра: Нейгебауеръ, Висюцкій (для патологической анатоміи), Гиршфельдъ (изъ Парижа, для анатоміи), Гойеръ (изъ Бреславля, для физиологіи), Гейфельдеръ (изъ Мюнхена) и Тейхманъ (изъ Геттингена). Въ этомъ-то приглашеніи и въ этомъ-то выборѣ повидимому заключалось для многихъ зерно недовольства и горькихъ жалобъ. Русскій *гонимый*, какъ извѣстно, до-сихъ-поръ сохраняетъ свою обаятельную прелесть за границею и о немъ-то повелась рѣчь прежде всего. Възвѣшены трудности экспатріаціи, суровость нашего климата и нашихъ нравовъ, близость отъ Азіи, дороговизна жизни и т. п., и, не смотря на то, Богъ не безъ милости, — нашлось охотниковъ нѣсколько больше, чѣмъ намъ было нужно. Это *больше*, конечно, и стало въ ряды недовольныхъ порицателей нашихъ. Но, слава Богу, мы цѣлы, мы живы, мы дѣйствуемъ, не упадая духомъ, и возрождающаяся академія наша вступаетъ съ честію въ свой новый періодъ случайно-прерваннаго существованія. Мы братски привѣтствуемъ развитіе юнаго ученаго организма и не можемъ пожелать ему ничего лучшаго, какъ того, чтобы онъ выполнилъ свое естественное назначеніе, чтобы новая академія была — *академією страны своей*, общаго нашего отечества. Не пересаженными экзотическими растеніями хотимъ мы ее видѣть; не рукою только опытнаго садовника привитой чужеземный плодъ желали-бы мы видѣть зрѣющимъ на ней; нѣтъ, вся страна жаждала ее и въ ней ожидаетъ найти отвѣтъ своему чаянію, удовлетвореніе своихъ ученыхъ потребностей, — свою *Польскую медицину*. Мы не сомнѣваемся: что искусное

прививаніе привьетъ къ ней науку, что сѣмена ея воспримутъ и оплодотворятся въ приложеніи; но желаемъ, чтобы это оплодотвореніе шло дальше, совершенствуясь въ самомъ себѣ самостоятельно и давая отъ себя сѣмена, могуція оплодотворять другіе зародыши. Край нуждается не въ однихъ медикахъ-практикантахъ: недостатокъ ихъ можно-бы пополнить извнѣ; но ему нужна (и онъ имѣетъ всѣ права на то)—*своя медицина*. Мы слышали о томъ благородномъ рвеніи, съ которымъ уже собралось вокругъ профессорскихъ кафедръ около 400 студентовъ; искренно желаемъ, чтобы это рвеніе симпатически отозвалось высоко-нравственнымъ союзомъ преподавателей съ учащимися. Желаемъ имъ этого кровнаго родства, во имя науки, которое, къ сожалѣнію, не всегда видимъ въ исторіи отечественнаго нашего преподаванія. На кафедрѣ могутъ быть свѣтила науки; но безъ симпатіи къ слушателямъ, безъ живой, органической связи съ ними, эти свѣтила могутъ оставаться совершенно безплодными. Въ нашешъ Московскомъ университетѣ бывали періоды, въ которыхъ сидѣли на кафедрахъ люди высоко-заслуженные въ наукѣ, Европейскіе ученые; но для университета, но для слушателей они оставались бесполезны единственно по недостатку живой связи съ ними. Сѣздить въ университетъ, прочитать лекцію для нихъ бывало легкимъ дѣломъ чисто-официальнаго исполненія своихъ обязанностей, переводившихся просто: вросидѣть отъ звонка до звонка. И они сидѣли добросовѣстно, не убавляя и не прибавляя ни минуты, и были сами высоки въ наукѣ, а слушатели... слушатели уходили отъ нихъ, не вынося ни знанія, ни даже уваженія къ наукѣ, сухо и недоступно-рисувавшейся предъ ними въ лицѣ Европейскихъ ученыхъ. При такомъ преподаваніи наука усваивается трудно и еще труднѣе ожидать послѣдовательной, самостоятельной дѣятельности на ея поприщѣ. Къ-счастью, президентъ Варшавской академіи самъ былъ профессоромъ и профессоромъ, симпатизировавшимъ съ своими слушателями, слѣдовательно знаетъ, что успѣхи преподаванія не покупаются высокимъ гонораромъ, и гдѣ для нихъ нѣтъ основъ въ душѣ преподавателя, тамъ напрасны будутъ всѣ гонорары. Этихъ-то основъ желаемъ мы юной Варшавской академіи — на новоселье.

ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — 3 октября происходило засѣданіе Императорскаго археологическаго Об-

щества по отдѣленію Русской и Славянской археологій, подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: М. И. Броссе, кн. П. П. Вяземскаго, Г. Н. Геннадіи, П. И. Мельникова, Д. В. Шольнова, П. И. Саввантова и членовъ-корреспондентовъ: П. С. Билярскаго, Г. С. Дестуниса, В. И. Ламанскаго, М. Я. Морошкина и П. П. Чекарскаго. Предсѣдательствующій отдѣленіемъ сообщилъ, что товарищъ покойнаго члена-основателя археологическаго общества, П. С. Савельева, потеря котораго такъ долго останется невознаградивою для Общества, В. В. Григорьевъ, изъявилъ согласіе написать воспоминанія о немъ, но не какъ о чиновникѣ или ученомъ, а какъ о человекѣ, и приготовилъ для своей статьи около трехъ листовъ печатныхъ. Затѣмъ И. И. Срезневскій представилъ собранію издателя Сербскихъ пѣсень — И. И. Смоляра, изслѣдователя и путешественника по Славянскимъ землямъ—А. В. Рачинскаго, собирателя древностей и народныхъ пѣсень въ Македоніи, и издателя «Пермскаго сборника» — Д. Д. Смышляева. Первый изъ нихъ предложилъ собранію отъ имени Сербской Матицы обмѣнъ книгъ, печатанныхъ ею, на изданія археологическаго Общества. Отдѣленіе Русской и Славянской археологій не только изъявило на то полное согласіе, но, по предложенію члена, Г. Н. Геннадіи, опредѣлило доставить въ даръ Сербской Матицѣ всѣ ученныя сочиненія, изданія и брошюры, написанныя кѣмъ-либо изъ членовъ отдѣленія. А. В. Рачинскій сообщилъ на разсмотрѣніе собранія нѣсколько любопытныхъ памятниковъ, добытыхъ имъ въ Македонской Болгаріи, и привезъ въ даръ Обществу рукописный отрывокъ четвероевангелія, относящагося, по отзыву И. И. Срезневскаго, къ XIII—XIV вѣку. Д. Д. Смышляевъ довелъ до свѣдѣнія отдѣленія о намѣреніи своемъ приступить къ разрытію кургановъ Пермской губерніи съ тѣмъ, чтобы открываемыя имъ древности передавать въ распоряженіе археологическаго Общества; виѣстѣ-съ-тѣмъ г. Смышляевъ просилъ опредѣлить значеніе изображеній на представленной имъ серебряной чарѣ, найденной въ пещерѣ у г. Кунгура. И. И. Броссе-взялъ на себя трудъ сравнить эту древность съ подобными памятниками, хранящимися въ Императорскомъ эрмитажѣ, и о выводахъ своихъ сообщить потомъ Обществу. Предсѣдательствующій сообщилъ на разсмотрѣніе собранія нѣкоторые изъ присланныхъ ему снимковъ съ древнихъ памятниковъ. Изъ нихъ вниманіе собранія особенно обратилъ полный снимокъ съ мозаической написи Золото-

верхо-Михаловскаго собора, сообщенный высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ Киевскимъ. Это драгоцѣнное свидѣтельство сочувствія архипастыря къ успѣхамъ науки отечественныхъ древностей тѣмъ болѣе важно, что надпись Золотоверхо-Михаловская, начала XII вѣка, доселѣ оставалась совершенно-неизвѣстною въ ея подлинномъ видѣ. Собраніе положило издать эту надпись въ фотографически-уменьшенномъ видѣ. Очень любопытными найдены фотографическіе снимки съ рукописей, доставленные архимандритомъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, Амѣлохіемъ, и между ними особенно снимки съ Антихова пандекта XI вѣка. Предсѣдательствующій представилъ, кромѣ того, собранію фотографическіе оттиски восьми страницъ Зографскаго Евангелія, предложенныя къ изданію при описаніи этого важнаго памятника глаголической письменности, уже приготовленномъ. Изъ статей, извѣстій и древностей, о которыхъ доложено было собранію секретаремъ отдѣленія, *П. П. Цекарскимъ*, заслуживаютъ вниманія: статья *Г. С. Дестуниса* съ замѣчаніями на помѣщенное Дидрономъ въ «*Annales archéologiques*» описаніе одного древняго Византійскаго складня, и извѣстіе члена-корреспондента *Г. Д. Гедгонова* (изъ Тульской губерніи) объ оловянномъ ковчегѣ для св. даровъ, на которомъ сохранилась надпись: «сооруженъ к. Шуйскимъ 1594 г.». Въ-заключеніе, членъ-корреспондентъ *В. И. Ламанскій* предоставилъ въ распоряженіе Общества разныя матеріалы, относящіяся преимущественно къ жизни нашихъ предковъ въ XVIII столѣтіи и извлеченныя имъ изъ официальныхъ дѣлъ, доступныхъ весьма-немногимъ. Между матеріалами г. Ламанскаго особенно-важна переписка о мозаическихъ работахъ и проектахъ по этому предмету нашего славнаго Ломоносова.

ОСВЯЩЕНІЕ ДОМА ТВЕРСКОЙ ГИМНАЗІИ. — Въ Моск. (унив.) вѣд. напечатано: «15 сентября совершено въ Твери освященіе огромнаго новаго дома гимназіи и Тверскаго дворянскаго пансіона, съ находящеюся въ немъ церковію во имя преподобнаго Макарія, игумена Калязинскаго. Домъ построенъ иждивеніемъ Тверскаго дворянства. 16 лѣтъ строилось это зданіе, въ которомъ такъ нуждалась Тверская гимназія по тѣснотѣ и малости прежняго гимназическаго дома, съ трудомъ и большими неудобствами вмѣщавшаго постоянно-возрастающее число учащихся. Хотя зданіе находится и не

въ центрѣ города, но разстоянія переходовъ въ Твери такъ не велики, что не представляютъ большаго затрудненія. Относительно возведенія его, продолжавшагося 16 лѣтъ, общезвѣстно то, что первоначальнымъ архитекторомъ его былъ г. Гейденрейхъ, которому не посчастливилось; потомъ работы были продолжаемы подъ распоряженіемъ губернскаго архитектора г. Львова. Дальнѣйшія работы производились подъ надзоромъ архитектора г. Федорова и окончены имъ, — чему способствовало неотлагаемое доставленіе средствъ Тверскимъ дворянствомъ, при дѣятельномъ участіи представителей его—губернскаго предводителя А. М. Унковскаго и Тверскаго уѣзднаго предводителя А. М. Балкашина. Чтобы имѣть понятіе о величинѣ зданія, замѣчательнаго по своей помѣстительности, необходимо сказать о частяхъ его: оно состоитъ изъ главнаго корпуса въ 3 этажа, не включая подвального этажа, и двухъ боковыхъ двухъ-этажныхъ флигелей, каждый въ 10 сажень длины и ширины и въ 7 саж. высоты; флигеля построены по сторонамъ огромнаго двора, огражденнаго красивою желѣзною рѣшеткою, и назначены для квартиры директора, канцелярія, преподавателей и служащихъ; для этой-же цѣли сзади главнаго корпуса выстроены два небольшіе одно-этажные флигеля, по обѣимъ сторонамъ огромнаго сада, окруженнаго высокою каменною стѣной и представляющаго отличное мѣсто отдыха и играни дѣтей. Въ подвальныхъ этажахъ главнаго корпуса и двухъ большихъ флигелей устроены Амосовскія печи; всѣ этажи корпуса и флигелей снабжаются водою чрезъ водопроводныя трубы съ помощію паровой машины. Главный корпусъ имѣетъ 39 сажень длины и по 11 сажень въ ширину и высоту; въ подвальномъ этажѣ его, кромѣ Амосовскихъ печей, устроены кухни, баня, паровая водопроводная машина, кладовыя и служительскія комнаты; въ 1-мъ этажѣ—столовая въ 12 сажень длины и 4 саж. ширины, съ огромнымъ буфетомъ, квартира инспектора, больница, сборная и пріемная залы; во 2-мъ этажѣ—классныя комнаты, актовая зала, зала для физическаго кабинета и библиотеки; въ 3-мъ этажѣ находятся церковь, двѣ залы для дортуаровъ, двѣ учебныя залы и двѣ рекреационныя, имѣющія по 11 саж. длины и $\frac{1}{2}$ саж. ширины; въ одной изъ залъ устроена гимнастика. Высота комнатъ въ 1-мъ этажѣ 7 аршинъ, высота оконъ 3 арш.; во 2-мъ этажѣ высота комнатъ 8 арш., оконъ 4 арш., въ 3-мъ этажѣ комнаты имѣютъ высоты 7 аршинъ, окна $3\frac{1}{4}$ аршима; всѣхъ оконъ въ главномъ корпусѣ 360.

Въ-отношеніи изящества отдѣлки зданія, кажется, ничего нельзя желать лучшаго: свѣту и простору много, полы въ главномъ корпусѣ вездѣ паркетные, въ корридорахъ—мозаичные, красивые и прочные, лѣстницы чугунныя, съвозныя, легко и красиво-отлитыя на Тверскомъ чугунномъ литейномъ заводѣ г. Астранда и комп. На сухость и теплоту зданія вполне можно надѣяться; паровая машина, вѣроятно, устроена надежно. Соразмѣрность частей и превосходная отдѣлка ярко бросаются въ глаза каждому; особенно хороша пансіонская церковь по простотѣ и изяществу иконостаса замѣчательной кисти художника А. О. Корицкаго; какъ Тверской дворянинъ, онъ принесъ высокій даръ искусства въ храмъ зданія, выстроеннаго Тверскимъ дворянствомъ для просвѣщенія науки и искусства, во благо настоящаго и будущихъ поколѣній. Освященіе было совершено соборнѣ отцемъ архимандритомъ Желтиковскаго монастыря *Платономъ*, въ присутствіи начальника губерніи графа *П. Т. Баранова*, губернскаго предводителя дворянства *А. М. Унковскаго*, начальства гимназіи, учащихся и многихъ изъ почетныхъ лицъ города, представителей всѣхъ сословій, приглашенныхъ Тверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства присутствовать при совершеніи священнодѣйствія, во время котораго законоучитель гимназіи, *Н. С. Сокольскій*, произнесъ приличное торжеству поучительное слово. По окончаніи священнодѣйствія, посѣтителы и всѣ учащіеся были приглашены къ закускѣ, приготовленной въ одной изъ залъ и пансіонской столовой; въ послѣдней помѣстились всѣ ученики гимназіи, болѣе 250 человекъ, и помѣщеніе оказалось очень достаточнымъ: между столами можно было свободно ходить. Во время завтрака изъ залы, занятой посѣтителями, раздавалось «ура!» за здоровье Государя Императора, дружно повторенное много разъ учащимися. Тверское дворянство въ лицѣ представителей своихъ искренно было привѣтствуемо всѣми присутствовавшими за счастливое окончаніе полезнаго дѣла.—Въ 1804 г. ученіе въ Тверской гимназіи началось, по преданію, съ 4-мя учениками, теперь число ихъ приближается къ тремъстамъ; въ 55-лѣтній промежутокъ времени изъ классовъ ея вышло немало юношей, подготовленныхъ къ высшему образованію и полезной дѣятельности на поприщѣ служебномъ, какъ показываютъ фактическія данныя. Почетъ-же и тебѣ, маленькій старый донъ, какъ вѣстому заслуженному знамени! Дядя Богъ твоему, новому большому собрату. жить долго, и видѣть въ старости

нахъ своихъ какъ можно больше юношей, жаждущихъ знанія и добра, для блага и славы отечества»!

ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КИЕВѢ. — Въ Кіевск. телегр. напечатано: «Въ 25 № Кіевск. тел. помѣщено извѣстіе о слухахъ, что будутъ открыты въ разныхъ частяхъ нашего города воскресныя школы для ремесленнаго класса и вообще для неграмотныхъ людей, не имѣющихъ возможности заняться чтеніемъ и письмомъ въ рабочіе дни. Тамъ-же высказано душевное желаніе, чтобы слухи эти подтвердились самымъ дѣломъ. Съ радостію извѣщаемъ, что слухи эти, какъ это положительно намъ извѣстно, приводятся въ исполненіе. 17 студентовъ университета св. Владиміра и одинъ студентъ Кіевской академіи уже получили отъ начальства разрѣшеніе открыть воскресную школу въ дворянскомъ училище на Подолѣ. Въ школу будутъ принимаемы всѣ изъявляющіе желаніе учиться, но не имѣющіе къ тому средствъ и возможности заняться чтеніемъ и письмомъ въ рабочіе дни. Не только обученіе, но и средства къ нему въ этой школѣ даровыя. Наше общество уже находится на той ступени развитія, что говорить о полезности и необходимости подобнаго рода заведеній было-бы оскорбленіемъ для него, анахронизмомъ. Теперь всѣ сознають, что человѣку необходимо воздать человѣческое, и что на этомъ только основаніи можетъ быть прочно создано общественное благо. Исторія доказала, что другіе фундаменты для этого блага зыбки и преходящи. Надѣмся, что воскресная школа встрѣтитъ сочувствіе общества; надѣмся также, что представители промышленнаго класса не замедлятъ присовѣтовать своимъ неграмотнымъ труженикамъ воспользоваться даровою школою. Впрочемъ, по поводу этого, имъ (т.-е. представителямъ) скоро будутъ разосланы печатныя приглашенія, гдѣ будетъ сказано и о времени открытія школы. Время отъ времени будутъ публикуемы отчеты о состояніи воскресной школы: все касающееся блага общества не должно быть тайною для него. Мы имѣемъ положительныя извѣстія, что подобная же школа будетъ открыта на Новомъ Строеніи другимъ обществомъ студентовъ. Это полезная и много-говорящая конкуренція! Нельзя не пожелать ей полнаго успѣха».

О КОНКЕРТОВАНІИ ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ДОКЦЪ ЗАХАРЬЧЕНСКАГО. — Почетный членъ Императорскаго

Харьковского университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Донецъ-Захаржевскій*, движимый побужденіемъ, чтобы носимое имъ званіе почетнаго члена сказаннаго университета было соединено съ посильною пользою для ввѣреннаго этому высшему учебному заведенію юношества, изъявилъ, въ 1853 г., желаніе, чтобы въ университетѣ всегда находилось на его иждивеніи два воспитанника изъ бѣднѣйшихъ дворянскихъ фамилій, одинъ Изюмскаго, а другой Зміевскаго уѣздовъ Харьковской губерніи, на содержаніе которыхъ тогда-же ассигновалъ капитальную сумму 8,571 руб. 43 к. с. Предложеніе это восходило установленнымъ порядкомъ на Высочайшее усмотрѣніе и по журналамъ комитета гг. министровъ, 15 и 29 декабря 1853 г., ходатайство университета объ учрежденіи при немъ двухъ стипендіатовъ фамиліи *Донецъ-Захаржевскаго* удостоено Высочайшаго утвержденія. Между тѣмъ, по случаю возвышенія суммы, опредѣленной на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ и стипендіатовъ отъ прѣжней нормы, т.-е. отъ 143 р., до настоящей, т.-е. до 175 р., означенный капиталъ г. *Донецъ-Захаржевскаго*, при общемъ уменьшеніи процентовъ, оказывался для содержанія двухъ стипендіатовъ недостаточнымъ. Посему г. *Донецъ-Захаржевскій*, по первому ему о томъ сообщенію, отнесся въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія объ отчисленіи изъ обращающихся въ ономъ, принадлежащихъ ему г. *Донецъ-Захаржевскому* капиталовъ необходимой суммы, по требованію университета, въ количествѣ 3,811 р. 13 к. О столь-великодушномъ новомъ пожертвованіи почетнаго члена своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. А. *Донецъ-Захаржевскаго*, на пользу воспитывающагося въ университетѣ юношества, совѣтъ Харьковского университета поставляетъ для себя пріятною обязанностію и съ чувствомъ живѣйшей признательности довести до всеобщаго свѣдѣнія.

ВЪ ВОСПОМИНАНІИ ЛѢТЬ-МЕДИКА Н. Ѳ. АРЕНДАТА. — Докторъ *Гейне* почтилъ память этого замѣчательнаго человѣка слѣдующими строками: «14 октября текущаго года смерть похитила, изъ среды нашего медицинскаго сословія, человѣка, котораго многоважаемое имя имѣло завидный откликъ не только во всѣхъ кругахъ нашего великаго государства, но и во всѣхъ заграничныхъ медицинскихъ обществахъ. *Н. Ѳ. Арента* скончался послѣ продолжительной болѣзни, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, но тѣмъ не менѣе

сохранивъ неутомимую дѣятельность и восторженную любовь къ наукѣ почти до конца своей правдивой жизни. Сколько тысячъ и тысячъ нашихъ согражданъ, при этой печальной вѣсти, посвящаютъ искреннюю слезу памяти почившаго,—человѣку, посѣщавшему съ одинаковымъ рвеніемъ, съ одинаковой любовью къ ближнему и ненарушимымъ терпѣніемъ, блестящій дворецъ Государя, и самую печальную и бѣдную хижину, не дѣлавшему различія между страдальцемъ, украшеннымъ величественною діадемою, и покрытымъ лохмотьями нищенскаго одѣянія, принимавшему одинаковое участіе истиннаго друга, некорыстолюбиваго совѣтника, въ первомъ, какъ и въ послѣднемъ случаѣ! Мы страшимся оскорбить тѣнь, въ скромности своей безграничнаго, въ потребовательности своей достойнаго удивленія, и въ безкорыстїи своемъ никѣмъ не превзойденнаго корифея нашего сословія, еслибы захотѣли единымъ очеркомъ нарисовать весь его образъ, какъ онъ въ продолженіе болѣе полувѣка служилъ съ дѣятельностью и пользою своему отечеству и призванію. Два поколѣнія тому свидѣтели, вся наша столица высказываетъ громко свое сочувствіе усопшему, и потеря его въ-особенности должна быть чувствительна одной изъ отраслей нашей науки, которая теперь почти осиротѣла. Гдѣ найдется между нами второй, который, подобно Аренту, соединяетъ въ себѣ способности Грефе, Ларрея, Кувера? имя котораго свѣтитъ такъ ясно въ исторїи оперативной хирургїи? Говорить-ли объ его отличной діагностикѣ, его, на величайшемъ опытѣ основанной терапіи, его безпредѣльномъ счастьи какъ оператора? Кому неизвѣстны его удивительныя операціи, его экзартикуляціи цѣльныхъ оконечностей, его перевязи большихъ артерій, какъ напр., лигатура *Piacae externaе, carotidis subclaviae*,—операціи, которыя чтутся триумфомъ искусства во всѣхъ учебныхъ книгахъ всѣхъ націй? Говорить-ли намъ объ его осьми-стахъ ампутаціи, результаты которыхъ приводили въ удивленіе самого Лисфранка? Цѣлый фоліантъ иришлое-бы намъ наполнить, еслибы захотѣли мы описывать, что Арентъ совершилъ, бывши главнымъ военнымъ медикомъ во-время походовъ 1806 и 1807 годовъ въ Пруссїи, 1808 и 1809 въ Швеціи, 1812 въ Россїи, 1813 въ Германїи и 1814 во Франціи. Объ его дѣятельности, какъ старшаго врача артиллерійскаго госпиталя съ 1821 по 1826 годъ, повѣствуютъ его современники съ восхищеніемъ, и настоящее не забыло еще, чѣмъ былъ Арентъ въ Божѣ почившему Государю Николаю Павловичу,

какъ лейбъ-медикъ, проводникъ въ вояжахъ и вѣрнѣйшій служитель государства. Высокія заслуги подобнаго врача не остались безъ награды. Высокій чинъ, главнѣйшія мѣста врачебныя, множество орденскихъ звѣздъ отличали человѣка, который всегда искалъ и находилъ лучшее вознагражденіе въ исполненіи своего долга—въ уваженіи своихъ собратій, въ любви страждущаго человѣчества. Имя Арендта будетъ жить незатѣваемымъ блескомъ въ лѣтописяхъ хирургіи; будущій хирургъ найдетъ ободреніе и подпору въ огромныхъ результатахъ самыхъ отчаянныхъ операцій Арендта; имя его, какъ человѣколюбиваго врача и благодѣтеля бѣдныхъ, сохранится еще долго въ благодарной памяти и перейдетъ изъ рода въ родъ. Мы глубоко сочувствуемъ потерѣ собрата и истинно-добраго, честнаго человѣка! Земля не стѣснитъ его праха!»

(Сверн.: Ш.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ УЧАСТІЮ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И КУЛЬТУРЫ ВЪ ПАМЯТЬ А. ГУМБОЛЬДАТА. — Императорское Русское географическое Общество получило нижеслѣдующее приглашеніе, которое и сообщаетъ на страницахъ своего журнала во всеобщее свѣдѣніе, съ полнымъ сочувствіемъ къ этой прекрасной мысли, къ этому ученому предпріятію, имѣющему достойно почтить память одного изъ величайшихъ людей нашего времени, оказавшаго незабвенныя услуги и Русскому землевѣдѣнію.

«Если только вѣками рождаются люди, которые, подобно Аристотелю или Лейбницу, изслѣдывая и совокупляя, представляютъ собою многостороннюю науку своего времени, то Александръ фонъ-Гумбольдтъ, смѣлый и старательный, глубокомысленный и всеобъемлющій, богатый идеями и исполненный ясности, принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ, могучихъ умовъ человѣчества, какъ гордость и радость современниковъ на обоихъ земныхъ полушаріяхъ. Въ наукахъ не умираетъ то, что возбуждено имъ, но собственною силою подвигается впередъ. Но въ жизни мѣсто его опустѣло и та вспомошествовавшая, всегда готовая любовь, та неутомимая, возбуждающая ревность, какія встрѣчали въ немъ развивающіяся ученые силы каждой страны, угасли. Никто не въ состояніи оказать такой помощи и съ такимъ успѣхомъ, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ; тѣмъ не менѣе естественно жалаііе сохранить, и по смерти его, эту благородную сторону его великой дѣятельности, учрежденіемъ Общества.

«Вслѣдствіе сего родилась мысль основать, подъ названіемъ *Общества въ память Гумбольдта*, учрежденіе, вызванное благодарностію съ назначеніемъ — помогать всѣмъ выступающимъ дарованіямъ, гдѣ-бы они ни находились, *во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ развивалась ученая дѣятельность Александра фонъ-Гумбольдта, именно по части естествознанія и большихъ путешествій*. При этомъ предлагается вѣрить все это дѣло тому ученому собранію, къ которому онъ принадлежалъ дѣятельно и неизмѣнно почти 60 лѣтъ, до самаго конца своей жизни, и въ которомъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти раздавалось его живительное слово — королевской Прусской академіи наукъ въ Берлинѣ. На предложенный ей вопросъ она отвѣчала готовностію составить уставъ Общества сообразно съ количествомъ собраннаго капитала, утвердить его съ содѣйствіемъ комитета и заботиться о достойномъ вспоможеніи уже испытанныхъ и подающихъ надежды талантовъ.

«Стремясь къ подобной цѣли, мы сознаемъ всѣ трудности, удвоиваемыя современными обстоятельствами. Но мы безъ опасенія, въ бурное военное время, продолжаемъ вѣчную мирную задачу науки, связующей народы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы почтить признательностію память Александра фонъ-Гумбольдта, и потому вовсе не представляется невозможною мысль — дѣятельно соединить государей, его уважавшихъ, членовъ сословія, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію, образованныхъ людей, ему удивлявшихся, ученыхъ, которыхъ привлекалъ къ себѣ его центральный духъ, міръ торговли и промышленности, которымъ онъ приносилъ пользу своими изслѣдованіями и связями, передовыхъ людей всѣхъ образованныхъ народовъ, среди которыхъ онъ творилъ, и въ тѣхъ странахъ обоихъ полушарій, которыя онъ открылъ научнымъ образомъ и которымъ указалъ будущность, — всѣхъ ихъ соединить для основанія живаго памятника его имени, чтобы дѣйствовалъ онъ изъ рода въ родъ на пользу науки.

«Въ такомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ приглашать къ подпискѣ на учрежденіе Гумбольтова Общества. Мы просимъ отсылать предназначаемыя на сіе суммы въ банкирскій домъ *Мендельсона и К^о* въ Берлинѣ. Нижеподписавшіеся также готовы принимать пожертвованія и передавать ихъ этому банкирскому дому. Собранный капиталъ будетъ помѣщенъ самымъ выгоднымъ образомъ и

проценты будутъ употребляемы для вышензложенныхъ цѣлей. По истеченіи полугода, мы отдадимъ публичный отчетъ.

«Такимъ образомъ съ полнымъ довѣріемъ предлагаемъ мы участіе въ предпріятіи, имѣющемъ до отдаленныхъ временъ дѣйствовать въ духѣ Александра фонъ-Гумбольдта и свидѣтельствовать объ его имени, предлагаемъ дѣятельной заботливости всѣхъ тѣхъ, которые съ благодарностью признаютъ въ истинѣ величіе усопшаго».

• Берлинъ 28 іюня 1859 г.

Комитетъ Гумбольдтова Общества естествознанія и путешествій: *Абекенъ, ф. Бетманъ-Голлверъ, Бѣкъ, ф. Бузенъ, ф. Берхъ, Дове, Дю-Буа-Ремонъ, Эренбергъ, Энке, Флоттвелль, Грауптъ, Краусникъ, Лепсіусъ, Г. Маиусъ, Мендельсонъ, князь Б. Радзисиль, Рейхенгеймъ, К. Риттеръ, Штюлеръ, Тренделенбургъ, Фирховъ, Вагнеръ, ф. Виллизенъ.*

Совѣтъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, вполне сочувствуя этому приглашенію, положилъ, открыть въ Обществѣ для всѣхъ членовъ подписку добровольнымъ пожертвованіямъ и предложить всѣмъ частнымъ лицамъ, желающимъ принять участіе въ составленіи капитала предполагаемаго Гумбольдтова учрежденія, присылать свои денежные приношенія въ канцелярію Общества, которое уже приметъ на себя заботы о доставленіи оныхъ въ Берлинъ.

ИЗВѢСТІЯ О ФРАНКЛИНѢ. — Винтовое судно Fox, ходившее въ полярныя страны по порученію леди Франклинъ, на поиски экспедиціи сэра Джона Франклина, воротилось къ острову Вайту въ среду $9/_{24}$ сентября. — Капитанъ M'Clintock отправился прямо въ Лондонъ, взявъ съ собою два сундука съ вещами, принадлежавшими людямъ экспедиціи Франклина. $10/_{22}$ сентября было напечатано въ Англійскихъ газетахъ слѣдующее:

Яхта Fox.

Сэръ, прошу васъ извѣстить лордовъ комиссаровъ адмиралтейства о благополучномъ возвращеніи экспедиціи, ходившей подъ моею командою, по порученію леди Франклинъ, для открытія слѣдовъ экспедиціи сэра Франклина. Лордамъ, вѣроятно, пріятно будетъ слышать, что поиски наши были вполне успѣшны. У мыса Виктори, на сѣверо-западномъ берегу острова Короля Вильгельма, найденъ былъ рапортъ, подписанный капитанами Крозье (Crozier) и Фицджерсомъ (Fitzjames), $13/_{25}$ апрѣля 1848 года. Въ немъ ска-

зано, что корабли *Erebus* и *Terror* были покинуты 10/22 апрѣля 1848, во льдахъ, отсюда на NNW въ пяти миляхъ и что люди, оставшіеся въ-живыхъ, числомъ до 105 человекъ, подъ командою капитана Крозье, направились къ рѣкѣ Греть-Фишъ (*Great-Fish*); также, что Франклинъ умеръ 30 мая (11 іюня) 1847 года. Много было найдено чрезвычайно интересныхъ вещей, принадлежавшихъ нашимъ погибшимъ соотечественникамъ на западномъ берегу острова Короля Вильгельма, другія были получены отъ Эскимосовъ, которые сказали намъ также, что одно изъ покинутыхъ судовъ было раздавлено и пущено на дно льдами, а другое выкинуто на берегъ, гдѣ и теперь лежитъ, доставивъ тогда жителямъ источникъ богатства. Фокъ не могъ перейти за проливъ Белло, а потому зимовалъ въ Брентфордскомъ заливѣ; поиски въ эту зиму дѣлались у устья рѣки Греть-Фишъ и простирались на 800 миль вдоль берега; этими открытіями мы соединили поиски, сдѣланные прежними экспедиціями къ сѣверу отъ насъ, съ тѣми, которые произведены сэромъ Джемсомъ Россомъ (*James Ross*), гг. Дизъ (*Dease*), Симпсонъ (*Simpson*) и Рэ (*Roe*) къ югу отъ нашего положенія; поиски наши дѣлались на саяхъ подъ начальствомъ лейтенанта Гобсона (*Hobson*), капитана Алленъ Юнга (*Allen Young*) и моихъ. Такъ-какъ подробный рапортъ о нашихъ дѣйствіяхъ и поискахъ будетъ, конечно, интересенъ лордамъ, то я посылаю его; при первой-же возможности, явившись самъ въ адмиралтейство, я вручу лордамъ рапортъ, найденный у мыса Виктори. Имѣю честь быть...

G. L. M. Clintock.

(*Морск. сборн.*.)

ПРИГЛАШЕНІЕ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ ДАРЪ БИБЛИОТКѢ АѢНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Библіотека АѢнскаго университета, образовавшаяся въ недавнее время, содержать уже замѣчательное собраніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ ей западными учеными обществами и университетами, которые съ благороднымъ соревнованіемъ спѣшили подѣлиться съ Греціей сокровищами своихъ книгохранилищъ и принести въ даръ столицѣ Греческаго классическаго міра лучшія произведенія Европейской науки. Только въ Русскихъ книгахъ оказывается въ АѢнской библіотекѣ недостатокъ, тѣмъ болѣе поразительный, что Россія преимущественно предъ всѣми другими народами обязана Греціи тѣмъ, что отъ ней воспріяла божественный свѣтъ

православно-христіанскаго ученія. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ недавнюю бытность свою въ Аѣнахъ, обративъ вниманіе на недостатокъ Русскихъ книгъ въ Аѣнской библіотекѣ, сдѣлавъ распоряженіе о снабженіи ея книгами и картами отъ морскаго вѣдомства и предложилъ духовному вѣдомству легчайшій и удобнѣйшій способъ къ пересылкѣ книгъ въ Аѣины чрезъ морское министерство. Святѣйшій синодъ, постоянно заботясь о скрѣпленіи узъ духовнаго братства между обоими единовѣрными народами: Русскимъ и Греческимъ, послѣшилъ съ любовію воспользоваться этимъ предложеніемъ и отправилъ уже въ Аѣины по экземпляру всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ, хранящихся въ его запасахъ. Сей способъ духовнаго и умственнаго общенія съ Греціей, конечно, встрѣтитъ живое сочувствіе въ нашемъ православномъ отечествѣ, и, безъ сомнѣнія, всѣ просвѣщенные дѣятели духовной литературы не откажутъ обогатить своими произведеніями Аѣинскую библіотеку; съ сею цѣлію жертвуемыя книги могутъ быть доставляемы въ учрежденное при святѣйшемъ синодѣ хозяйственное управленіе, которое, при содѣйствіи морскаго министерства, будетъ отправлять ихъ по назначенію на военныхъ судахъ нашихъ, ежегодно посылаемыхъ въ Средиземное море и Архипелагъ.

АНДРЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧЪ БАБИЧЕВЪ. — 4 іюня скончался, на 62 году отъ рожденія, замѣчательный Русскій юристъ, Андрей Кондратьевичъ *Бабичевъ*. До послѣдняго вздоха своего съ необыкновенною энергіею трудился онъ на пользу общественную, какъ истинный Русскій. Покойный Андрей Кондратьевичъ (родившійся 19 августа 1797 года) происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, и съ дѣтства обнаружилъ страсть къ труду и занятіямъ. Помѣщенный въ Харьковскій университетъ, онъ въ 1818 году окончилъ курсъ наукъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Званіе-же дѣйствительнаго студента въ то время въ Харьковскомъ университетѣ доставалось очень трудно, потому-что всѣ науки преподавались на Латинскомъ языкѣ, и, сверхъ-того, требовалась диссертация на томъ-же языкѣ. Покойный не только изучилъ Латинскій языкъ, но, какъ человекъ способный отъ природы, кромѣ Русскаго, Малороссійскаго, Польскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ, зналъ еще въ совершенствѣ

Греческій языкъ и отчасти Еврейскій. По окончаніи курса наукъ, поступилъ онъ на службу въ Слободско-Украинское губернское правленіе, съ откомандированіемъ къ дѣламъ канцеляріи тамошняго гражданскаго губернатора, 27 декабря 1818 года. Не считая гражданскаго служебнаго поприща сферою дѣятельности, для него предназначенною, онъ 2 сентября 1820 года оставилъ службу и держалъ въ Харьковскомъ-же университетѣ экзаментъ на степень кандидата, которую и получилъ 27 декабря 1820 года. 12 марта 1821 года, по избранію Ришельевского лица, утвержденъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія надзирателемъ за воспитанниками сего заведенія и адъюнктомъ философскихъ наукъ. Въ 1828 году опредѣленъ учителемъ Русской словесности и историческихъ наукъ въ землемѣрное училище, при департаментѣ, удѣловъ состоящее, откуда въ 1830 году опредѣленъ въ Харьковский университетъ адъюнктомъ, а потомъ (въ 1833 г.) назначенъ директоромъ Таганрогской гимназіи, гдѣ и оставался до 20 апрѣля 1837 года. При отправленіи всѣхъ этихъ обязанностей, А. К. Бабичевъ трудился съ примѣрною добросовѣстностію, стремясь единственно къ распространенію просвѣщенія по частямъ, ему вѣреннымъ, не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Какъ лицо, исполнѣ самостоятельное по своему образованію и свѣдѣніямъ, почерпнутымъ не только изъ науки, но и изъ опыта труженической жизни, онъ сдѣлался извѣстенъ мѣстнымъ начальствамъ, уважавшимъ его неутомимую, полезную дѣятельность. Въ главѣ такихъ лицъ стоялъ кн. М. С. Воронцовъ, о которомъ покойный безъ особеннаго восторга говорить не могъ. Въ 1837 году, будучи уволенъ отъ должности директора Таганрогской гимназіи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, онъ въ 1846 году опредѣлился старшимъ учителемъ Латинскаго языка въ Псковскую губернскую гимназію, а въ 1847 году, оставя службу по министерству народнаго просвѣщенія, перешелъ въ С. Петербургское губернское правленіе старшимъ секретаремъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ своего служенія онъ съ 1849 по 1852 неоднократно исправлялъ должность совѣтника, а въ 1854 году назначенъ старшимъ совѣтникомъ и нѣсколько разъ исправлялъ должность вице-губернатора. Переимѣнивъ, въ 1847 году, на 50 году жизни, родъ своей дѣятельности, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ, на служебныя занятія, къ которымъ онъ въ себѣ еще въ 1820 году не находилъ призванія, А. К. Бабичевъ, хотя чрезвычайно-усердно

и ревностно исполнял ихъ, но душа его искала другой дѣятельности. Часы досуга съ 1847 по 1850 годъ онъ посвящалъ изученію иностранныхъ законодательствъ, и по этой части приобрѣлъ вскорѣ обширныя познанія. Не было ни одного иностраннаго кодекса, юридическаго сочиненія, болѣе или менѣе замѣчательнаго, которое ускользнуло-бы отъ его пытливаго вниманія. Наконецъ, въ 1851 году у него блеснула счастливая мысль: основываясь на 62 статьѣ I тома *Основныхъ законовъ* (изданія 1842 года), изучить наше законодательство, и съ этой поры онъ становится личностію, предъ которою слѣдуетъ благоговѣть всякому истинно-Русскому. Мысль изученія нашего законодательства, съ полнымъ сознаніемъ чувства долга гражданина — знать всѣ законы своего отечества, привела его къ Египетскому труду, надъ которымъ слѣдовало-бы работать цѣлымъ комиссіямъ, а не одному человѣку. Съ 1851 по самый день кончины, т.-е. до 4 іюня 1859 года, онъ не покидалъ этого труда. Начавъ со «Свода законовъ», изданія 1832 года, онъ прочиталъ его отъ доски до доски, сравнилъ его со вторымъ и третьимъ изданіями 1842 и 1857 годовъ, не исключая продолженій сихъ Сводовъ, издаваемыхъ своевременно; не ограничиваясь этимъ, изучилъ всѣ источники, которыми руководствовалась при составленіи Свода 1832 года комиссія, Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ графа Сперанскаго, а именно труды Ловцова, Хавскаго, Троцинскаго и другихъ, которые только находилъ случай доставать для просмотра. Прочиталъ все «*Полное собраніе законовъ*», пересмотрѣлъ весь «Сводъ военныхъ постановленій», постановленія, касающіяся Остзейскихъ губерній, всѣ постановленія, существующія и не вошедшія въ Сводъ законовъ, а также мѣстныя узаконенія для управленія присоединенными къ Россіи народами. Результатомъ таковаго разумнаго и вполнѣ-юридическаго изученія нашего законодательства были замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ съ 1851 года, и подробный отчетъ коихъ, по его словамъ, состоялъ изъ 800 листовъ, — кромѣ отмѣтокъ, сдѣланныхъ на поляхъ книгъ, которыхъ онъ насчиталъ до 4 милліоновъ. Работая столь долгое время и столь добросовѣстно, онъ, не смѣя считать такой трудъ своею личною собственностію, заявилъ объ немъ какъ ближайшему начальству, такъ и гг. министру внутреннихъ дѣлъ и статсъ-секретарю барону М. А. Корфу, прося дозволенія, по приведеніи труда своего къ окончанію, представить на дальнѣйшее разсмотрѣніе.

Краткія выписки столь добросовѣстнаго труда онъ читалъ неоднократно ббльшей части своихъ знакомыхъ, и нельзя было не сочувствовать правдѣ, съ которою онъ излагалъ свои мысли на-счетъ обширности и неоконченности нашего законодательства, — которому, по его словамъ, недостаетъ главнаго редакціоннаго изложенія. Въ настоящемъ году онъ собирался дать надлежащій ходъ своему труду, усердно исправляя сдѣланныя имъ краткія выписки, — но смерть застала его врасплохъ и пресѣкла дни его, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его и чтившихъ въ немъ чувства истиннаго патріота и необыкновеннаго труженика. Тяжела утрата такого человѣка; но еще тяжелѣе думать, что со смертію его долженъ погибнуть столь честный, безкорыстный трудъ на пользу общую! Будетъ-ли обращено на него должное вниманіе? Главнаго двигателя нѣтъ въ-живыхъ; но за то живутъ люди, которые, сочувствуя его труду, вникали въ его работу, и если только ихъ спросятъ, то, конечно, они не откажутся указать на приблизительныя средства къ окончанію ея: Во всякомъ случаѣ память о трудѣ Андрея Кондратьевича Бабичева не должна погибнуть для современниковъ, но перейти и въ отдаленное потомство.

Н. Бороздинъ.

ЖИЛИЩЕ И МОГИЛА АЛЕКСАНДРА ФОНЪ-ГУМБОЛЬДА. — Пріѣхавъ въ Берлинъ 1го/₁₀ іюня, я счелъ первою обязанностію посѣтить тотъ домъ, въ которомъ столько лѣтъ неутомимой жизни провелъ А. фонъ-Гумбольдтъ, величайшій естествоиспытатель настоящаго столѣтія. Я находился наконецъ у давно-желанной цѣли. Прискорбно мнѣ было подумать, что нѣтъ уже его; но меня нѣсколько утѣшала мысль — увидѣть по-крайней-мѣрѣ тѣ мѣста, гдѣ обиталъ знаменитый ученый до послѣдняго дня своей жизни. Я отправился пѣшкомъ къ этому знаменитому дому. Ораніенбаумская улица (Oranienburger-Strasse) съ своимъ 67-мъ № долго будетъ жить не только въ памяти знавшихъ Гумбольдта, но и всѣхъ Берлинскихъ жителей. И вотъ я дошелъ до этого скромнаго дома. Возлѣ него возвышаются огромныя зданія въ 3, 4 этажа съ разными архитектурными украшеніями. Но домъ, въ которомъ жилъ Гумбольдтъ столько лѣтъ, небольшое двухъ-этажное, каменное зданіе, съ незатѣшливою наружностію и какого-то желто-розоваго цвѣта. Мои глаза какъ-то не вѣрилось, что стою предъ жилищемъ знаменитаго мужа, и только дощечка подъ звонкомъ, съ надписью

«Seifert», разсѣяла послѣднюю тѣнь сомнѣнія. Извѣстно, что Зейфертъ въ продолженіе 33-хъ лѣтъ неотлучно находился при немъ въ качествѣ камердинера. Гумбольдтъ предоставилъ ему въ распоряженіе всѣ свои домашнія дѣла и смотрѣлъ на него скорѣе какъ на преданнаго друга, нежели какъ на слугу. Личность Зейферта невольно припоминается при мысли о Гумбольдтѣ. Не безъ нѣкотораго волненія позвонилъ я въ этотъ колокольчикъ. Къ-счастью, Зейфертъ былъ дома. Узнавъ мое имя и цѣль моего посѣщенія, онъ принялъ меня очень радушно и тотчасъ-же повелъ въ комнаты, принадлежавшія Нестору наукъ. Особенное чувство овладѣло мною, когда я пошелъ туда, — чувство сожалѣнія объ уtratѣ такого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ тихая отрада находится въ покояхъ величайшаго ученаго.... Все въ нихъ было еще въ томъ положеніи, какъ при жизни Гумбольдта. Четыре комнаты втораго этажа были доступны любопытнымъ посѣтителемъ, а пятая, въ которой онъ умеръ, была еще запечатана и въ ней сохранялись его рукописныя сочиненія, въ томъ числѣ неизданное большое географическое сочиненіе. Каждая изъ этихъ комнатъ представляетъ посѣтителю огромное научное богатство. Необходимо много часовъ, чтобы составить себѣ о немъ хотя нѣкоторое понятіе. Уже въ первой комнатѣ встрѣчаетъ посѣтителя множество набитыхъ птицъ изъ отдаленныхъ странъ и разные другіе замѣчательные предметы. Между ними выдаются болѣе всѣхъ огромный орелъ съ распростертыми крыльями, разнообразныя грифы, фламинги и оранжевый удождъ изъ Новой-Гвиней. Тутъ-же огромное яйцо, отъ допотопной птицы *Erigonis*, величиною съ тыкву, рѣдкіе по размѣрамъ и красивому строенію лосиные рога, а позади ихъ, на окнѣ, Американскій идолъ, доставшійся Гумбольдту по завѣщанію отъ графа Росса. Этому идолу однажды принесли въ жертву четырехъ откормленныхъ людей, которыхъ потомъ и съѣли жрецы. Около стѣны находится открытая этажерка съ огромными фоліантами, въ 3 фута вышиною. Они принесены Гумбольдту въ даръ королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ и стоятъ 25 т. фр. Изъ этой комнаты входишь въ обширную библіотеку. Вдоль окошекъ, какъ и посреди комнаты, стоятъ длинныя столы. На нихъ помѣщались книги, альбомы, ландкарты, брошюры, разные бюсты: кн. Меттерниха, короля Прусскаго Вильгельма IV — друга Гумбольдта, Варнгагена, Рауха, Араго и др. Здѣсь лежали и тѣ астрономическіе снаряды, которыми онъ измѣрялъ земной шаръ.

Въ 3-й комнатѣ Гумбольдтъ обыкновенно принималъ своихъ гостей. Она служила ему и кабинетомъ. Въ немъ онъ писалъ свои безсмертныя творенія, сидя на дубовой табуреткѣ, стоящей еще теперь на томъ-же мѣстѣ, у окна. Тутъ и зеленый кожаный диванъ, на которомъ онъ такъ часто бесѣдовалъ съ посѣщавшими его изъ всѣхъ странъ свѣта. Посреди комнаты стоитъ небольшой столъ съ разными портфелями, книгами, письменнымъ приборомъ и т. д. Множество картинъ развѣшано по стѣнамъ. Меня болѣе всѣхъ привлекъ превосходный портретъ самого Гумбольдта, въ натуральную величину, писанный годъ тому назадъ извѣстнымъ профес. Шрадеромъ. Зейфертъ мнѣ замѣтилъ, что, смотря на него въ извѣстномъ разстояніи, я могу себѣ вообразить живаго Гумбольдта — такъ вѣрно и живо онъ написанъ. И я вполне могъ убѣдиться въ истинѣ его словъ. Считаю не бесполезнымъ передать объ этой картинѣ слова самого Гумбольдта, тѣмъ болѣе, что они были сказаны за нѣсколько дней до его кончины, когда болѣзнь уже не позволяла ему покидать постель. Онъ попросилъ Зейферта показать ему этотъ портретъ. Поглядѣвъ на него пристально минутъ пять, онъ сказалъ: «Nehmen Sie es weg, es eripert mich zu sehr an meinen Tod.» (*) — «Это были послѣднія знаменательныя слова, которыя мнѣ сказалъ его превосходительство», прибавилъ Зейфертъ. Вообще про Гумбольдта онъ говоритъ всегда съ искреннимъ чувствомъ и большимъ уваженіемъ, и называя его обыкновенно не иначе, какъ Excellenz. Въ четвертой комнатѣ особенно интересныхъ предметовъ не заключалось, исключая колоссальнаго мраморнаго бюста А. фонъ-Гумбольдта, работы Давида д'Анжé. Разсматривая столько замѣчательнаго и разговаривая съ Зейфертомъ, я не замѣтилъ какъ прошло часа три. Зейфертъ показывалъ мнѣ и находившіяся тамъ книги на Русскомъ языкѣ, и часто просилъ меня перевести ему заглавіе той или другой изъ нихъ. Конечно, не только Русскіе ученые, но ученые и писатели всего образованнаго міра считали за счастье переслать свои сочиненія великому Гумбольдту. Библиотека его представляетъ огромнѣйшее собраніе многихъ рѣдкихъ и драгоценныхъ твореній по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Но преимущественно она богата сочиненіями по естественной исторіи. Многія изъ нихъ сохраняютъ на своихъ страницахъ непрерывный рядъ замѣтокъ.

(*) Возьмите его прочь — онъ слишкомъ живо мнѣ напоминаетъ мою смерть.

писанныхъ собственною рукою Гумбольдта. Вся эта библіотека и большая часть картинъ, бюстъ и др. вещи достались по завѣщанію Зейферту. Онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ продать всю драгоценную библіотеку и прочіе предметы за 50 т. талеровъ. Кто понимаетъ значеніе библіотеки А. фонъ-Гумбольдта, тотъ, конечно, сочтетъ эту цѣну за весьма-умѣренную. Къ-сожалѣнію, она не сдѣлалась общественнымъ достояніемъ Берлина и не могла такимъ образомъ остаться здѣсь живымъ памятникомъ великаго человѣка. До-этихъ-поръ еще, сколько мнѣ извѣстно, она не куплена, но вѣроятно вскорѣ будетъ приобрѣтена Соединенными Штатами, гдѣ всегда питали къ Гумбольдту большое сочувствіе. По приглашенію Зейферта, я поѣхалъ съ нимъ на другой день въ Тегель, родовое имѣніе умершаго Гумбольдтова брата, министра Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Находящійся тутъ замокъ, оригинальной архитектуры, видѣется уже издали. Большая липовая аллея ведетъ до самаго парка, въ которомъ семейное кладбище, съ могилами Вильгельма фонъ-Гумбольдта, его семейства, а теперь и Александра фонъ-Гумбольдта. Между кустовъ и деревьевъ тѣнистаго парка ведетъ изъ этой аллеи дорожка прямо къ могиламъ. На небольшой четырехугольной, продолговатой полянкѣ, огражденной желѣзною рѣшеткой, находится это знаменитое кладбище. На одномъ его концѣ высоко подымается гранитная колонна съ бѣлоснѣжною статуей «Надежда» (Spes), ваянія извѣстнаго Торвальдсена. На этой полянкѣ видѣются нѣсколько могилъ. Но направо отъ колонны двѣ могилы, одна подлѣ другой, поросшія ползучимъ густымъ плющемъ. Одна изъ нихъ, ближайшая въ колоннѣ, могила Вильгельма фонъ-Гумбольдта, другая, недавно-усопшаго, Александра фонъ-Гумбольдта. Кругомъ рѣшетки гряды съ прелестнѣйшими цвѣтами; по угламъ — вѣчно-зеленые кипарисы. Кругомъ кладбища растутъ густыя ели и темною зеленью своихъ вѣтвей довершаютъ достойнымъ образомъ впечатлѣніе всего мѣста. Посреди тѣнистаго парка и благоуханія цвѣтовъ, вдали отъ городского шума и вѣчныхъ заботъ, покоится великій естествоиспытатель. Лучшей могилы нельзя было найти для него. Къ этой могилѣ, какъ богомольцы къ святынь, странствуютъ каждый день многіе и многіе изъ почитателей бессмертнаго Гумбольдта и съ обновленною и укрѣпленною силою возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ....

Ал. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ. (Моск. Вѣд.)

ПОСѢЩЕНІИ ШАМИЛЬ ИМАМА КАЛУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ. — Корреспондентъ С. Петерб. вѣд. сообщаетъ между прочимъ изъ Калуги слѣдующее: «Шамиль посѣтилъ губернскую гимназію; въ физическомъ кабинетѣ было произведено нѣсколько опытовъ съ электрическою машиною и воздушнымъ насосомъ. Опытъ надъ птичкою, которую посадили подъ колоколъ и потомъ вытянули изъ него воздухъ, возбудилъ въ горцѣ живѣйшее любопытство. Еще съ бѣльшимъ вниманіемъ разсматривалъ онъ магнитъ и электро-магнитъ, и самъ испытывалъ ихъ свойства. Сферическое вогнутое зеркало поразило его; увидѣвъ въ немъ свое лицо въ увеличенномъ размѣрѣ, онъ не могъ удержаться отъ хохота. Изъ кабинета повели его въ классы, гдѣ происходило ученіе. При входѣ въ первый классъ, наполненный мальчиками, фізіономія имама приняла то добродушное выраженіе, съ которымъ онъ всегда встрѣчаетъ дѣтей. Въ классѣ происходилъ тогда урокъ Русскаго языка; узнавъ о томъ, Шамиль выразилъ удивленіе, что Русскіе учатся своему родному языку; но когда ему объяснили, что знать языкъ по рутинѣ и по правиламъ — двѣ вещи разныя, онъ пѣнялъ и вполне согласился. Имамъ очень любитъ разсматривать духовныя картины, въ особенности же изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Углубляясь въ созерцаніе этихъ картинъ, о которыхъ онъ отзывается съ благоговѣніемъ, Шамиль погружается въ задумчивость и лицо его принимаетъ необыкновенно-кроткое, привлекательное выраженіе. То-же случается и при встрѣчѣ его съ дѣтьми. При одномъ взглядѣ на ребенка, серьезная фізіономія имама мгновенно принимаетъ самое пріятное выраженіе, и онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не выразить чѣмъ-либо своею ласки.»

I.

Н О В О С Т И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

СОХРАНЕНІЕ ВИДА ВЪ НИЖНИХЪ СТУПЕНЯХЪ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА. (Окончаніе).

«Г. Сарсъ первый нашелъ сцифистомъ; позднѣе, почти въ одно время съ Зидольдомъ, онъ открылъ размноженіе этихъ полиповъ. Сарсъ того мнѣнія, что самое тѣло сцифистомы сегментируется и что ея собственная ткань превращается въ раждаемыхъ ею животныхъ. Мы не согласны съ этимъ. Сцифистома — мать остается цѣлкомъ, продолжаетъ жить и послѣ этихъ родовъ и не теряетъ ни одного изъ своихъ органовъ. Столбъ молодыхъ медузъ, дѣлающій стробилъ изъ сцифистомы, развивается почкообразно въ пищеварительной полости.

«Мы сохраняли живыми сцифистомъ, которыя годъ тому назадъ произвели медузъ и которыя въ настоящее время имѣютъ ту-же форму, какъ и прежде.

«Стробилъ развивается также не вслѣдствіе превращенія сцифистомы, потому-что, произведши медузъ, она снова можетъ производить полиповъ — усами, какъ и прежде.

«И такъ вотъ матери, дочери и внуки, представляющія между собою величайшія несходства и различіяся другъ отъ друга болѣе, чѣмъ обезьяна разнится отъ летучей мыши или отъ другаго какого-нибудь млекопитающаго. Такимъ образомъ нѣсколько формъ раждаются отъ одного и того-же родоначальника и слѣдовательно составляютъ одинъ и тотъ-же видъ, хотя натуралисты, не изучивши ихъ родства, ставили ихъ въ различные роды и даже отряды.

«И такъ мать — медуза кладетъ яйца, оплодотворяемые мужскими нитями; изъ этихъ яицъ выходитъ цѣлая армія подвижныхъ

животныхъ, покрытыхъ волосистою и мерцательною кожею, играющихъ въ глубинѣ моря и проводящихъ свою первую молодость въ видѣ инфузорій. Эти животныя становятся потомъ болѣе степенными, совершенно измѣняютъ свой образъ жизни и избираютъ себѣ на покой мѣсто, котораго уже не покидаютъ. Тогда у нихъ является ротъ, потому что до этого времени они ѣли только кожей; руки возвышаются около рта для схватыванія добычи; однимъ словомъ они живутъ, какъ полипы. Наконецъ у нихъ снаружы вырастаютъ почки, которыя потомъ принимаютъ видъ подобный матернему, далѣе—внутри поднимаются другія почки, выходятъ черезъ ротъ и превращаются въ большихъ и красивыхъ медузъ, которыхъ можно назвать птицами Океана.

Другой родъ полиповъ, который называется у натуралистовъ *кампануляріями*, по причинѣ кампанулъ или колокольчиковъ, оканчивающихъ ихъ вѣтви, представляетъ явленіи, подобныя явленію медузъ.

Тѣ, которые бывали въ Остенде, знаютъ, что между голубыми береговыми камнями, во время отлива, образуются настоящіе аквариумы, дно которыхъ населено микроскопическими деревцами, похожими на кедры или ели въ миниатюрѣ: это колоніи полиповъ. Помѣстивши ихъ въ стаканъ или въ трубку, наполненную морскою водою и оставивъ нѣсколько минутъ въ покой, можно увидѣть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія только дано созерцать человѣку; въ теченіе двадцати лѣтъ я доставлялъ удовольствіе этого зрѣлища весьма многимъ лицамъ, посѣщавшимъ меня въ моей лабораторіи на Остендскихъ дюнахъ.

«Къ числу самыхъ интересныхъ изъ этихъ полиповъ принадлежатъ кампанулярія.

«Какъ-скоро онѣ придутъ въ покой, ихъ вѣтви граціозно расправляются и вмѣсто почекъ и листьевъ являются маленькія стекловидныя коническія клѣточки, въ которыхъ помѣщаются полипы. Изъ каждой клѣточки скоро выходитъ тѣло, которое, будучи чаще всего похоже на древнюю урну, постоянно измѣняетъ свою форму и распускаетъ цѣлый пучекъ рукъ, тонкихъ какъ волосъ, узловатыхъ и снабженныхъ крючками и убійственными иглами, выбрасываемыми на враговъ.

«Каждый полипъ, можно-бы сказать каждый ротъ, пріадается удовольствію охоты, и такъ-какъ каждый ротъ ведетъ въ желудокъ, а всѣ желудки колоніи сообщаются между собою искусною

ирригацию, то всё они получаютъ свою долю въ добычѣ; имъ не-известна частная бѣдность; ихъ можетъ постигнуть только общая нужда.

«Наступаетъ время любви: тогда новыя недѣлимыя являются въ паузѣ вѣтвей; колокольчики, въ которыхъ они помѣщаются, болѣе обширны и не открыты, какъ другіе; полипы, ихъ занимающіе, не имѣютъ ни рта, ни щупальцевъ. На нихъ возложено воспроизведеніе, а остающаяся колонія снабжаетъ ихъ пищею.

«Эти безротые полипы рождаютъ медузъ, точно такъ, какъ спидеистомы, о которыхъ мы говорили. Такимъ образомъ внутри ихъ разомъ является монисто почекъ, сперва имѣющихъ форму морской звѣзды, потомъ форму быстро растущей медузы, въ которыхъ уже замѣтны біенія, и которыя вдругъ разрываютъ колокольчикъ и въ видѣ маленькихъ медузъ распространяются по океану.

«Въ 1842 году этихъ превращеній еще не знали и предполагали, что вся жизнь этихъ кампануларій проходитъ въ состояніи колокольчиковъ.

«Въ этомъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, мы отправились въ Остенде для изученія низшихъ организмовъ и скоро мы нашли много видовъ кампануларій, живущихъ въ отдѣльныхъ аквариумахъ.

«Однажды, желая для дальнѣйшаго изученія вынуть стебель кампануларій, оставленный нами накануне, мы увидѣли, что аквариумъ наполненъ микроскопическими медузами, подымающимися и опускающимися, бѣгающими во всѣхъ направленіяхъ, подобно живымъ звѣздочкамъ или, лучше, тѣмъ сѣменамъ, снабженнымъ волосками и летящимъ во всѣ стороны отъ одного дуновенія.

«Легко понять наше изумленіе. Весь этотъ міръ медузъ возникъ во время ночи. Откуда онѣ явились? Аквариумъ содержалъ только вѣтку кампануларій.

«Вынувши одну изъ вѣтокъ этого полипа, чтобы продолжать наши вчерашнія изслѣдованія, и полагая, что мы оставляемъ вопросъ о медузахъ, мы напротивъ нашли его разгадку. Подъ микроскопомъ эта вѣтка представляла медузъ въ ходу ихъ развитія; однѣ еще были въ своихъ тѣсныхъ вмѣстилищахъ, другія уже выскакивали въ видѣ полныхъ медузъ, такихъ-же, какія свободно плавали въ водѣ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что кампануларіи рождаютъ медузъ.

«Но эти медузы, представляютъ ли онѣ личинокъ кампануларій,

какъ мы сперва полагали, или-же напротивъ они составляютъ взрослую форму, половой предѣлъ?

«Въ настоящее время въ этомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнiя и уже нѣсколько лѣтъ назадъ мы исправили наше первоначальное мнѣнiе относительно этого предмета: маленькiя медузы суть половой предѣлъ, а кампанулярии суть приготовительная безполая форма. Медуза — есть цвѣтокъ съ его тычинками и пестиками и ведетъ бродячую жизнь, какъ ея предки при выходѣ изъ яйца. Не безъ удивленiя поэтому мы смотримъ на натуралистовъ, занимающихъ высокое мѣсто въ наукѣ и не оставляющихъ нашего певраго истолкованiя.

«Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ г. Кость говорилъ объ этомъ предметѣ въ Парижской академiи наукъ и вотъ по какому случаю: въ-теченiе лѣта, покинувъ Остенде, чтобы присутствовать на одномъ изъ нашихъ засѣданiй, мы привезли живыхъ кампануляриѣ, которыхъ показывали нѣкоторымъ изъ нашихъ сочленовъ, какъ мы это дѣлывали часто и прежде. Послѣ прiѣзда наши кампануляриѣ продолжали производить медузъ, точно также, какъ и на желѣзной дорогѣ. Оставляя Брюссель, мы передали нѣсколько вѣтокъ съ медузами г. Шрамму для отличныхъ аквариумовъ, устроенныхъ имъ съ такимъ успѣхомъ; часть ихъ онъ отправилъ въ Парижъ и, нѣсколько дней спустя, г. Кость предложилъ институту разсужденiе о кампанулярияхъ и о личинкахъ медузъ, которыхъ воспроизведенiе началось въ Бельгiйскихъ аквариумахъ.

«Мы съ удовольствiемъ видѣли, какую важность приписываетъ г. Кость этимъ полипамъ и ихъ размноженiю, но мы просимъ позволенiя указать на маленькую неточность.

«Явленiе размноженiя дѣйствительно началось въ Бельгiи, но началось въ морѣ, а не въ аквариумахъ и продолжалось на желѣзной дорогѣ, въ Брюсселѣ, Лувенѣ и Парижѣ, безъ всякаго перерыва. Порожденныя медузы не только не суть личинки, но напротивъ представляютъ полныя, взрослыя формы, въ которыхъ мы наши половые органы.

«Видъ, къ которому г. Кость относитъ эту кампанулярию, вовсе не производитъ у насъ медузъ: эта форма въ немъ недо-растаетъ, не достигнувъ своего полнаго развитiя. Какъ мы увидимъ, можно сказать, что у *Campanularia dichotoma* свадьба происходитъ безъ содѣйствiя новобрачныхъ.

«Во всей группѣ полиповъ встрѣчаются виды, производящiе

медузъ рядомъ съ видами, которые ихъ не производятъ. Кампанулярии, какъ и тубулярии, представляютъ многочисленныя примѣры этого. Найдено даже, что въ одномъ видѣ развитіе останавливается на трехъ четвертяхъ, въ другомъ на половинѣ или даже на трети; есть наконецъ виды, гдѣ остановка развитія происходитъ въ самомъ началѣ и гдѣ медузу представляетъ простой мѣшокъ.

«Это цвѣтокъ безъ вѣнчика, цвѣтокъ, въ которомъ однакожъ тѣмъ не менѣе является сѣмя.

«Справедливо выражаются, что нѣкоторые пѣвцы—тенора суть только футляры для своего горла: здѣсь безъ всякаго уподобленія можно сказать, что извѣстныя кампанулярии и многія тубулярии составляютъ только футляры для своихъ яицъ или для плодотворной жидкости.

«На самомъ дѣлѣ, хотя форма ихъ не достигаетъ полнаго развитія, тѣмъ не менѣе являются яйца и происходитъ половое размноженіе безъ участія взрослыхъ. Здѣсь то-же самое, что у нѣкоторыхъ чешуекрылыхъ, у которыхъ одинъ или другой полъ никогда не развивается далѣе состоянія гусеницы. Отъ этого происходитъ то странное явленіе, что иногда дѣтеныши рождаются прежде своей матери, которая вянетъ и умираетъ не живши, и такъ-какъ она не отдѣляется отъ колоніи, то можно сказать, что ея дѣтеныши предваряютъ ее въ жизни.

«Мы нарочно употребляемъ родовое названіе *Campanularia*, а не *Laomedea*, потому-что этотъ послѣдній родъ не имѣетъ никакой цѣны. Мы видѣли, какъ прямостоячіе и развѣтвляющіеся стебли превращались въ ползучіе и лежачіе.

«Мы не оставимъ полиповъ, не сказавъ еще нѣсколько словъ о группѣ животныхъ близкихъ къ предыдущимъ, но живущихъ въ совершенно-различныхъ условіяхъ. Мы говоримъ о гидростатическихъ акалефахъ.

«Они встрѣчаются въ открытомъ морѣ въ видѣ настоящихъ гирляндъ живыхъ цвѣтовъ. Ни въ отношеніи къ формамъ, ни въ отношеніи къ цвѣтамъ растительное царство не представляетъ намъ ничего столь изящнаго и граціознаго.

«Эти полипы какъ будто украшены рубинами и топазами и представляютъ такую-же прозрачность, какъ чистѣйшій кристаллъ.

«Представьте себѣ, говоритъ Катрфажъ объ стефаноміяхъ, гибкую хрустальную ось, длиною болѣе метра, вокругъ которой при-

крѣплены также на прозрачныхъ ножкахъ маленькія тѣла удлиненныя или приплюснутыя въ видѣ цвѣтной почки; къ этой гирляндѣ прибавьте перловъ ярко-краснаго цвѣта и безчисленное множество нитей различной толщины; дайте всѣмъ этимъ частямъ жизнь и движеніе и вспомните, что каждая изъ нихъ есть не органъ, а отдѣльное животное, имѣющее свое особенное отправление, такъ-что одно изъ нихъ назначено для схватыванія пищи, другое для ея перевариванія, третье для размноженія, четвертое для дыханія, пятое можетъ быть для зрѣнія; тогда вы получите все еще только слабое представленіе о всѣхъ чудесахъ этой организаціи.

«Г. Карфажъ совершенно правъ; на самомъ дѣлѣ—это колонія и приверженцы Фамагастера, вѣроятно, и не представляютъ, что ихъ идеалъ столь совершенно осуществляется въ классѣ полиповъ. Есть много подобныхъ явленій у другихъ полиповъ, но ни въ какой группѣ раздѣленіе труда не учреждено столь ясно.

«Такимъ образомъ — сколько отпрямленій нужно исполнять въ общинахъ, столько и различныхъ сортовъ недѣлимыхъ. Не у всѣхъ есть ротъ, но у кого онъ есть, на тѣхъ возложено ѣсть за двоекъ или за четверыхъ, смотря по нуждамъ колоніи; есть недѣлимые, имѣющіе весла, или плавники и на которыхъ можно смотрѣть, какъ на дюжихъ гребцовъ, на которыхъ лежитъ обязанность вести галеру; другія недѣлимые, не менѣе важныя для общины, содержатъ въ себѣ сѣмя, изъ котораго должны произойти новые полипы, и слѣдовательно заботятся исключительно объ размноженіи.

«Прежде чѣмъ кончимъ, скажемъ также нѣсколько словъ объ этихъ зависимыхъ существахъ, судьба которыхъ связана съ жизнью другаго животного.

«Животныя и растенія развиваются во всѣхъ средахъ. Они встрѣчаются какъ на поверхности, такъ и во внутренности земли, какъ въ соленой, такъ и въ прѣсной водѣ (*); есть и такія, которыя находятъ свою почву въ тѣлѣ какого-нибудь животного, или растенія и вымѣкаютъ изъ нихъ свои главныя средства существованія.

«Такіе организмы называются паразитами. Они встрѣчаются во всѣхъ классахъ животнаго царства, начиная отъ полипа и до

(*) Весьма справедливо замѣчаніе, что организмы развиваются преимущественно на границѣ между стихіями, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ взаимное дѣйствіе воздуха и почвы, или океана. Организмы, живущіе внутри же или, составляютъ исключеніе.

человѣка; каждый видъ питаетъ своихъ собственныхъ паразитовъ. Форма ихъ приспособлена къ средѣ, въ которой они живутъ, и въ своемъ развитіи, также какъ въ своемъ устройствѣ, они подчинены однимъ и тѣмъ-же законамъ. Паразиты обыкновенно производятъ множество яицъ и, руководимые инстинктомъ, не смотря на множество препятствій, они усиѣваютъ привести свое потомство въ тѣ мѣста, въ которыя оно должно попасть, чтобы исполнить свое назначеніе. Часто можно держать тысячу противъ одного, что зародышъ не достигнетъ своего назначенія, но за то, вслѣдствіе удивительнаго поддержанія равновѣсія, мать будетъ класть тысячу яицъ вмѣсто одного и такимъ образомъ сохранить видъ. Цѣлыми мильонами можно считать яйца нѣкоторыхъ изъ этихъ червей, не говоря уже объ ихъ размноженіи помощію дѣленія или почекъ.

«Если въ высшихъ родахъ животныхъ мы находимъ, что, вообще говоря, рождается только одинъ или два дѣтеныша, то это потому, что дѣтеныши здѣсь бываютъ цѣлыя недѣли и мѣсяцы окружены заботами материнской любви и что смерть дѣтеныша здѣсь чистая случайность (*). Поэтому одно или два яйца достаточны. У паразитовъ природа должна была прибѣгнуть къ необыкновеннымъ наборамъ, чтобы имѣть въ строю недѣлимое; она поняла, что нужно производить ихъ тысячами.

«Возможно-ли понять, что передъ столь краснорѣчивыми цифрами могли однакожъ мечтать о произвольномъ зарожденіи внутренностныхъ червей, или какого бы то ни было другаго животнаго?

«Черви-паразиты и непаразиты производятъ, какъ все живущее, свои яйца и свои зародыши и, что особенно должно возбудить наше удивленіе, шансы смерти премудро и точно исчислены, такъ-что все гармоническое цѣлое удерживается въ совершенномъ равновѣсіи.

«Всѣ зачатки паразитовъ входятъ въ организмы извнѣ и помещаются въ томъ или другомъ органѣ, попадая сюда или прямымъ путемъ черезъ кожу, или-же вмѣстѣ съ пищею, — что всего обыкновеннѣе.

«Здѣсь являются нѣкоторыя затрудненія. Какимъ образомъ

(*) Съ этимъ трудно согласиться, если обратимъ вниманіе на то огромное множество, въ которомъ умираютъ дѣти. Очевидно и на человѣка, и на самыхъ высшихъ животныхъ распространяется общій законъ: тѣмъ ближе организмы къ зачатию, тѣмъ смертность ихъ значительнѣе.

можетъ быть зараженъ левъ или тигръ, волкъ или кошка, которые ѣдятъ только сырое мясо? Переходъ совершается чрезъ посредство добычи. Природа умѣетъ воспользоваться этимъ живымъ кормомъ и, говоря ходячимъ выраженіемъ, она вложить пилюлю въ лакомство. Дѣйствительно это такъ и бываетъ.

«Овца виѣстѣ съ травомъ, которую она щиплетъ, проглатываетъ яйцо, которое произведетъ пузырчатую глисту и которое мимоходомъ выброшено волкомъ или собакою; зародышъ, который изъ него выходитъ, достигаетъ мозга своего домовладѣльца и отлагаетъ на его поверхности цѣлую армию пузырчатыхъ червей, назначенныхъ для волка или собаки.

«Волкъ и собака составляютъ предѣлъ ихъ странствія и тѣ изъ нихъ, которымъ удастся достигнуть этого предѣла, становятся плоскими глистами, теніями или солитерами. Глисты, производящіе своимъ раздраженіемъ мозга, круженье барановъ, должны проникнуть въ кишки того, для кого бараній мозгъ составляетъ лакомство.

«Баранъ, кромѣ червей, которые помѣщаются въ немъ ради другихъ животныхъ, питаетъ также червей, назначенныхъ собственно для него. Пузырчатая-же глуста есть только странникъ, которому онъ даетъ гостепріимство.

«Такимъ-же образомъ мыши и крысы содержатъ и питаютъ жильцовъ, назначенныхъ для самки, и кролики и зайцы заключаютъ въ себѣ пузырчатыхъ глистовъ, превращающихся въ теніи въ собакѣ.

«Да будетъ позволено мнѣ напомнить, что въ 1848 г. этихъ переселеній червей вовсе не знали. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда пушки гремѣли въ Парижѣ, я открылъ природу лингватулъ, а въ декабрѣ того-же года г. Миллеръ, захватившій за мною въ Лувенъ, чтобы отправиться вмѣстѣ въ Остенде, на другой день сказалъ мнѣ въ моемъ рабочемъ кабинетѣ: природа тетраринховъ и лингватулъ въ настоящее время составляетъ два важнѣйшіе вопроса въ наукѣ. Въ-отношеніи къ лингватуламъ я могъ отвѣчать ему: это уже сдѣлано; вотъ статья, которую я напечаталъ. Что-же касается до тетраринховъ, то я могъ показать ему рисунки, представлявшіе въ ихъ развитіе и ихъ мѣстопробываніе сперва въ костистыхъ рыбахъ, потомъ въ хрящевыхъ.

«Въ январѣ 1848 г. я объявилъ академіи, что успѣлъ вполне разоблачить исторію этихъ паразитовъ. Полтора года спустя (іюль

1850 г). Зибольдъ издалъ свою статью о тетрааринхахъ и по самому заглавію этой статьи видно, что ученый Мюнхенскій профессоръ принялъ мои мнѣнія, противъ которыхъ возставагь нѣсколько ранѣе.

«Послѣ того уже, какъ я выразилъ мысль, что всѣ пузырьчатая глисты переходятъ въ ленточныя или въ тени, были приняты опыты, вполне подтвердившіе мое положеніе.

«Эти паразиты, которые живутъ въ животныхъ, предназначенныхъ въ добычу хищнымъ, представляютъ сперва форму *пузырчатую*, она измѣняется потомъ въ *ленточную*, когда они достигнутъ предѣла своего странствія. Въ пузырьчатой формѣ они пользуются временнымъ гостепріимствомъ; въ формѣ лентъ они занимаютъ уже окончательное жилище. Тутъ происходитъ явленіе метаморфозы, соединенное съ явленіями дигенезиса и переселенія. Въ послѣдней жертвѣ, когда червь достигъ предѣла своего странствія, развиваются яйца, которыя должны быть разсѣяны на пути травоядныхъ животныхъ.

«Кроликъ находитъ эти яйца на травѣ, которую съѣдаетъ, изъ нихъ выходитъ зародышъ съ шестью крючками и проникаетъ въ ткани кролика; этотъ зародышъ устроенъ такъ, что онъ роется въ органахъ, какъ кротъ въ землѣ, проникаетъ ихъ, образуя галереи, которыя потомъ тотчасъ-же заростають. Когда онъ достигаетъ той части, которая должна питать его, крючки, ставшіе лишними, опадаютъ и является пузырекъ большей или меньшей величины, который иногда рождаетъ многія сотни и тысячи другихъ пузырьковъ, своимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ подвергающихъ нерѣдко опасности даже жизнь укрывающаго ихъ животнаго. Такой пузырекъ не можетъ въ кроликѣ развиваться далѣе и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, если не бываетъ съѣденъ. Но, какъ-скоро пузырекъ, называемый *цистицеркомъ*, попадетъ въ желудокъ собаки, въ немъ обнаруживается новая дѣятельность, червь выворачивается, переходитъ изъ желудка въ кишки, прикрѣпляется къ ихъ стѣнкамъ посредствомъ своихъ крючковъ и присосковъ, производитъ множество сегментовъ, представляющихъ собою столько-же полныхъ и взрослыхъ червей, и вся совокупность ихъ представляетъ ту лентовидную и сегментованную форму, которую обыкновенно называютъ *солитеромъ*.

«Такъ-что этотъ мнимый солитеръ есть ни что иное, какъ колонія, состоящая изъ одного рода недѣлимыхъ, именно изъ головы,

развившейся въ кроликѣ, и еще изъ другого рода, именно изъ сегментовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ оба пола.

«Когда въ первый разъ я изложилъ этотъ результатъ въ Парижѣ, мнѣ отвѣчали: это романъ. Все, что я могъ сказать въ отвѣтъ, было: не я сочинилъ этотъ романъ; онъ есть твореніе Всемогущаго.

«Люди, занимающіе высокое положеніе въ наукѣ и имѣющіе нѣкоторое вліяніе, утверждали нѣсколько гѣтъ назадъ, что опыты, сдѣланные подъ ихъ наблюденіемъ, дали результатъ противный тому, который я нашелъ. Но то, что удавалось въ Ливенѣ, должно было удался и въ Парижѣ. Мы постарались убѣдить этихъ ученыхъ рѣшительнымъ опытомъ (*). Другую категорію, еще болѣе космополитную и не менѣе непостоянную въ своемъ образѣ жизни, представляютъ намъ двуротки, *дистомы*; онѣ не падаютъ ни одного изъ классовъ животнаго царства и встрѣчаются во всѣхъ органахъ. Самъ человекъ служитъ мѣстомъ и пищей для многихъ видовъ. Вотъ ихъ генеалогія:

При выходѣ изъ яйца молодая дистома вообще бываетъ покрыта волосистой одеждою и, подобно инфузоріи, предается всей свободѣ бродячей жизни, описывая тысячу прихотливыхъ кривыхъ линій; жизнь очень коротка, даже для дистомы; за молодостью быстро слѣдуетъ зрѣлый и дряхлый возрастъ, но прежде смерти съ тѣмъ удивительнымъ инстинктомъ, который представляетъ какъ будто исполненіе нѣкоторой обязанности, дистома избираетъ живое обиталище, въ которое вводитъ свой единственный зародышъ. Она обыкновенно избираетъ какое-нибудь мягкотѣлое, напр. озерника (*Lumnaeus*) или катушку (*Planorbis*); она посѣляется въ ихъ раковинѣ, кладетъ свой зародышъ въ кожу законнаго хозяина и такимъ образомъ достигаетъ предѣла своего эфемернаго существованія. Она исполнила свое назначеніе.

«Этотъ зародышъ столько-же не похожъ на свою мать, какъ и на свою бабушку. Онъ представляетъ мѣшокъ, безъ всякаго другого спеціальнаго органа; долгое время его называли *спероцистомою*; онъ есть настоящій мѣшокъ зародышей. Здѣсь именно мать играетъ совершенно роль футляра. Цѣлое поколеніе, состоящее изъ сотенъ и тысячъ маленькихъ животныхъ, выйдя изъ этого фут-

(*) Фанъ-Бенедекъ дѣлалъ опыты надъ собаками въ присутствіи Валаксьени, Мильнъ-Эдвардса и др. въ 1855 г. и опыты вполне подтвердили его мнѣніе.

ляра, разсѣвается по животному, избранному матерью, и питается его внутренностями. Мать, производя свое потомство, какъ-будто знала, что сохраненіе его возможно только на счетъ ея жертвы.

— «Часто такое размноженіе бываетъ недостаточно: спороцисты производятъ иногда одно или нѣсколько поколѣній спороцистовъ-же, которые въ свою очередь производятъ обильное потомство, и тогда цѣлая армія этихъ потомковъ, такъ называемыхъ церкарій, снабженныхъ стрѣлами и колючками, безжалостно роется въ тѣлѣ живого и злѣдѣйски захваченнаго убѣжища.

«Это послѣднее поколѣніе имѣетъ форму совершенно-отличную отъ формы предковъ; какъ это видно уже изъ названія, церкаріи имѣютъ ясно-отличающійся подвижной хвостъ и нѣсколько похожи на головатиковъ лягушекъ.

«Рано или поздно эти церкаріи, достигши полнаго возраста, оставляютъ своего домовладѣльца и снова ведутъ свободную бродячую жизнь своей бабушки, которая тоже плавала, если не по мощью хвоста, то посредствомъ ресничекъ.

«Наконецъ церкарія, повинувась своему назначенію, находитъ новую жертву, на которой и поселяется; она знаетъ, какое мѣстество начинаетъ животное, избираемое ею, какъ экипажъ, или, лучше, она знаетъ убѣжище, куда должна выбросить его буря и она желаетъ только найти въ немъ помѣщеніе. Она образуетъ коконъ, какъ гусеница, превращающаяся въ бабочку, и засыпаетъ въ этомъ состояніи почти на цѣлые дни, недѣли и даже годы, для того, чтобы, когда ея хозяинъ будетъ погранъ, проснуться въ одно прекрасное утро въ желудкѣ новаго амфитріона.

«Здѣсь она достигаетъ своей цѣли. Она отбросила свой хвостъ еще прежде, чѣмъ заключилась въ цисту на своемъ предпоследнемъ содержателѣ, и для нея начинается новая жизнь. Церкарія становится дистомомъ. Среди обильной пищи, она быстро толстѣетъ; являются половые органы и тысячи яицъ наполняютъ матку, которая часто занимаетъ собою все пространство тѣла.

«Такимъ образомъ дистомъ въ двухъ различныхъ формахъ ведетъ свободную и бродячую жизнь, и въ двухъ другихъ формахъ (по-крайней-мѣрѣ) живетъ сперва въ предварительномъ жилищѣ, потомъ въ окончательномъ, въ настоящей своей родинѣ.

«Между этими волосистыми зародышами сколько такихъ, которые, плавая среди своего океана безъ коричаго и безъ руля, достигнуть земли, т.-е. найдутъ свой островъ или свою гавань,

гдѣ должно быть положено ихъ потомство? Очевидно, ихъ будетъ очень мало, даже если не принимать въ расчетъ многочисленныхъ враговъ, которые нападуть на нихъ дорогою: они подобны купеческимъ кораблямъ, которыхъ благоприятный вѣтеръ долженъ прогнать черезъ флотъ вражескихъ судовъ. Очень счастливъ будетъ тотъ, который успѣетъ вернуться. Этотъ первый зарыпшнй періодъ всего опаснѣе; но если хотя одно недѣлимое спасается и достигаетъ пристанища, то все спасено, потому-что оно раждаетъ многочисленное потомство, которое уже не подвергается опасностямъ. Это потомство живетъ посреди изобилія и такъ-какъ ему не нужно совершать путешествія, то оно можетъ обойтись безъ орудій передвиженія, бывшихъ у его матери, и можетъ принять форму совершенно-отличную.

«Такимъ-образомъ размноженіе бываетъ пропорціонально опасностямъ, разсѣяннымъ на пути потомства, и живучесть соотвѣтствуетъ образу жизни. У однихъ — одно или два яйца достаточны для правильнаго поддержанія вида; у другихъ ихъ нужны тысячи, но исключаются особенныя заботы, нужныя для сохраненія каждаго изъ нихъ. Достаточно вытянуть кролика или зайца, чтобы разорвать у него спинной мозгъ; нужны неслыханныя усилія для того, чтобы повредить жизни настоящаго хищнаго, на примѣръ кошки.

«У нѣкоторыхъ низшихъ организмовъ, на примѣръ у паразитовъ, не только яйца въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ или годовъ выдерживаютъ полнѣйшее высыхание, но даже поавши въ анатомическіе препараты, въ самый крѣпкій алкоголь или даже въ хромовую кислоту, возвращаются изъ жизни, какъ-скоро будутъ поставлены въ обыкновенныя условія; различныя фазы зародышной жизни проявляются у нихъ во всей своей полнотѣ, какъ-будто они и не оставляли своего естественнаго мѣстопребыванія.

«Понятна поэтому вся трудность хорошаго опыта, имѣющаго цѣлью исключеніе всякаго органическаго зародыша. Воздухъ часто наполненъ животными или растительными формами, если не цѣлыми организмами, то яичками или спорами, которыя въ видѣ тонкой, неосязаемой пыли попадаютъ въ самые точные наши инструменты.

«Кому въ настоящее время неизвѣстны эти удивительныя *ротиферы*, встрѣчающіеся на крышахъ домовъ и на вершинахъ горъ, сухіе во время сухой погоды и оживающіе послѣ каждаго дождя.

Ихъ можно оставлять цѣлыя годы гдѣ-нибудь въ ящикѣ и потомъ капля воды можетъ возвратитъ ихъ къ жизни; вообще небольшое количество влажности тотчасъ-же возобновляетъ всѣ отправления ихъ тканей.

«*Anguillulae* также живутъ въ хлѣбномъ зернѣ, развиваются, потомъ высыхаютъ и воскресаютъ каждый разъ, когда влажность возвращаетъ ихъ органамъ гибкость.

«Отсюда видно, что нѣкоторыя животныя, имѣющія всего десять или пятнадцать дней жизни, могутъ истратитъ ее¹ спустя нѣсколько лѣтъ, и что, еслибы человѣкъ могъ останавливать свою жизнь подобнымъ образомъ, то онъ могъ-бы родитъся въ какой-нибудь вѣкъ, заснуть на долгіе годы и продолжать свою жизнь спустя вѣкъ или два».

Прибавимъ въ-заключеніе къ словамъ Фанъ-Бенедена, что для человѣка такія остановки жизни совершенно-невозможны. Известно, что чѣмъ ниже животное, тѣмъ эти остановки легче и тѣмъ долѣе могутъ продолжаться. У высшихъ-же животныхъ, у которыхъ развитіе достигло наибольшей правильности и определенности, оно не можетъ быть останавливаемо на сколько-нибудь значительное время. Сонъ не есть полная остановка жизни; въ самомъ глубокомъ снѣ происходятъ дыханіе, кровообращеніе и пр., а слѣдовательно совершается и развитіе.

НОВАЯ ГИПОТЕЗА ЛЕВЕРЬЕ (*). — Леверье въ письмѣ къ г. Фе (Faue) изложилъ новую гипотезу, которой вѣроятно суждено имѣть блестящую будущность.

«Вы, думаю, еще не забыли; пишетъ онъ, сколько трудностей я встрѣтилъ при изученіи движеній нашей планетной системы, именно въ точномъ соглашеніи теоріи съ наблюденіями. Согласіе теоріи съ наблюденіемъ, говорилъ уже Бессель тридцать лѣтъ назадъ, всегда указывается, какъ несомнѣнное, а между-тѣмъ до-сихъ-поръ его не провѣрили съ надлежащею точностію.

«Отступленія, найденныя въ движеніи Урана, были объяснены открытіемъ Нептуна.

«Изученіе трудностей, представленныхъ солнцемъ, было длинно и сложно. Нужно было сперва пересмотрѣть каталогъ основныхъ звѣздъ, чтобы не оставить въ немъ никакой систематической ошибки. Потомъ я изучилъ всю теорію неравенствъ земли и послѣ

(*) Comptes rendus. 1859. 12 septembre. p. 379.

того я былъ послѣдовательно приведенъ къ разбору 9,000 наблюдений солнца, сдѣланныхъ въ разныхъ обсерваторіяхъ. Тамою трудъ показалъ, что меридіональныя наблюдения не всегда имѣли ту точность, какую имъ приписывали, и что отклоненія, которыя прежде относили къ теоріи, должны быть окончательно отнесены къ неточности наблюдений.

«Когда теорія солнца была пересмотрѣна, можно было съ пользою приняться за изученіе Меркурія.

«Между-тѣмъ, какъ въ-отношеніи къ солнцу мы владѣемъ наблюдениями весьма-подверженными сомнѣнію, въ-отношеніи къ Меркурію въ-теченіе полутора вѣковъ получены наблюдения, отличающіяся большою точностію. Я говорю о внутреннихъ прикосновеніяхъ диска Меркурія съ дискомъ солнца. Въ этихъ случаяхъ трудно ошибиться болѣе чѣмъ на секунду въ дугѣ, и съ 1697 до 1848 г. мы имѣемъ двадцать-одно наблюдение этого рода, которымъ нужно удовлетворить съ большою точностію, если неравенства движеній Земли и Меркурія хорошо вычислены и возмущающія массы точно извѣстны.

При вычисленіи однакожь оказывалась разница, которая доходила до 9 секундъ въ дугѣ и даже употребленіе исправленныхъ таблицъ солнца не устраняло такихъ большихъ ошибокъ. Такія ошибки нельзя было приписывать неточности наблюдений; иначе нужно-бы было допустить, что астрономы такого рода, какъ Лаландъ, Кассини, Бугеръ и пр. могли дѣлать ошибки въ нѣсколькихъ минутахъ времени, притомъ ошибки постепенно измѣняющіяся.

«Но, говоритъ Леверье, всего замѣчательнѣе то, что достаточно увеличить на 38 секундъ вѣковое движеніе перигелія Меркурія, чтобы согласить вычисленія съ наблюдениями, такъ-что разница выходила менѣе секунды, даже большею частію меньше полу-секунды. Столь-рѣзкій результатъ, дающій всѣмъ сравненіямъ точность, какой до-сихъ-поръ не встрѣчалось въ астрономическихъ теоріяхъ, показываетъ ясно, что необходимо увеличить движеніе перигелія Меркурія.

«Посмотримъ теперь, къ чему приводитъ насъ это увеличеніе. Такъ-какъ движеніе перигелія зависитъ отъ массъ, возмущающихъ планетъ, то нужно разсмотрѣть нельзя-ли принять другія массы для нихъ. Въ такомъ случаѣ оказывается, что необходимо увеличить массу Венеры по-крайней-мѣрѣ на одну десятую ея величины.

Здѣсь Леверье разсматриваетъ различныя причины, по которымъ нельзя принять такого движенія массы Венеры. Частію это противорѣчиво-бы наблюденіямъ, частію повело-бы къ затрудненіямъ при объясненіи другихъ возмущеній, производимыхъ Венерою. Такимъ образомъ здѣсь является важное затрудненіе, достойное вниманія астрономовъ.

Леверье разрѣшаетъ его своею гипотезою.

«Возможно, говорить онъ представить себѣ причину, способную дать перигелію Меркурія желаемое вѣковое движеніе въ 38 секундъ и непронизводящую въ солнечной системѣ никакого другаго замѣтнаго дѣйствія.

«Вообразимъ, для большей опредѣлительности, планету, которая находилась-бы между Меркуріемъ и солнцемъ и, такъ-какъ мы не замѣтили въ движеніи узла Меркурія никакого измѣненія, то вообразимъ, что орбита новой планеты параллельна орбитѣ Меркурія и (такъ-какъ задача неопредѣленная) что эта орбита — круговая.

«Такъ-какъ предполагаемая планета должна давать перигелію Меркурія движеніе въ 38 секундъ, то между ея массою и разстояніемъ отъ солнца существуетъ такое отношеніе, что чѣмъ меньше мы положимъ разстояніе, тѣмъ больше должна быть масса и наоборотъ. Такъ-что на разстояніи менѣе чѣмъ въ половину средняго разстоянія Меркурія, искомая масса будетъ равна массѣ Меркурія.

«Но можно-ли предполагать, чтобы существовало такое свѣтило и не было замѣчено? Безъ сомнѣнія, оно сіяло-бы очень-ярко; можно-ли предполагать, что оно постоянно терялось въ солнечномъ свѣтѣ? Какъ объяснить, что его яркій свѣтъ не былъ замѣченъ во время какого-нибудь полнаго затмѣнія солнца? Отчего происходитъ, что его никогда не наблюдали при проходѣ черезъ дискъ солнца?

«Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, если допустить вмѣсто одной планеты существованіе цѣлой группы малыхъ тѣлъ, движущихся между Меркуріемъ и солнцемъ.

«Такъ между Юпитеромъ и Марсомъ вращается кольцо малыхъ тѣлъ, изъ которыхъ только самыя большія замѣчены нашими трубами; и также все заставляетъ насъ принять, что въ окрестностяхъ земной орбиты пролетаютъ группы безчисленныхъ астероидовъ.»

По этому случаю Фе предлагают дѣлать наблюденія во время полныхъ солнечныхъ затмѣній, напр. во время полнаго затмѣнія будущаго іюля въ Испаніи. Но для успѣха онъ предлагаетъ новый приѣмъ, именно — астрономъ не долженъ слѣдить за всѣми фазами затмѣнія, даже долженъ оставаться въ совершенной темнотѣ вѣскольکو времени до наступленія мгновения полнаго затмѣнія. Тогда глаза его, неутомленные свѣтомъ, будутъ въ-состояніи замѣтить малѣйшую искру въ окружности ореола.

Самъ Леверье указываетъ на то, что предполагаемая тѣла можно замѣтить при проходѣ ихъ черезъ дискъ солнца; а Фе напоминаетъ при этомъ предложеніе Джона Гершеля — фотографировать солнце много разъ въ день посредствомъ какого-нибудь большаго инструмента. Такимъ-образомъ можно получить почти непрерывную исторію диска этого свѣтила.

II. СТРАХОВЪ.

СТАТЬИ X ТОМА ANNALES DES SCIENCES NATURELLES. — Этотъ томъ, заключающій въ себѣ шесть книжекъ за второе полугодіе 1858 года, открывается прекрасною статью *Гобмейстера*: «Восхожденіе сока въ растеніяхъ», съ которою мы уже давно познакомили читателей (*).

Потомъ слѣдуетъ пространная статья *Треюля*: «О пузырчатыхъ образованіяхъ въ растительныхъ клѣточкахъ» (отъ 20 до 75 отъ 127 до 184 и отъ 205 до 376 стр., слѣдовательно всего 263 стр.), къ которой приложено 12 таблицъ со множествомъ рисунковъ. Статья эта начинается изслѣдованіемъ ядра (nucleus) и собственнымъ наблюденіемъ автора предпосланъ историческій обзоръ мнѣній писателей, занимавшихся до *Треюля* этимъ предметомъ. Ядро извѣстно со времени появленія въ 1838 г. труда знаменитаго *Роберта Брауна*: «Объ органахъ и способѣ оплодотворенія архидныхъ и листовневыхъ (Asclepiadeae) (Transact. of the Linnean Soc. of London, 1833, стр. 710), въ которомъ этотъ знаменитый писатель доказалъ присутствіе ядра въ клѣточкахъ различныхъ семействъ односѣменодольныхъ и многихъ растений изъ двусѣменодольныхъ. Еще прежде ядро было изображено *Мейеномъ* въ его «Фитотоміи» (таблица 3, фиг. 9, 6, 6) и описано, какъ бородавчатое возвышеніе на оболочкѣ клѣточекъ. *Бауеръ* наблюдалъ его въ клѣ-

(*) См. Ж. м. н. п. 1858, мартъ и Нов. ест. наукъ за 1858, стр. 70.

точкахъ устьицъ у *Bletia Tankervilleae* и думалъ, что оно дѣлается видимымъ только послѣ оплодотворенія. *P. Броунъ* назвалъ его *ядромъ клѣточки* (*nucleus cellulae*) и доказалъ, что оно существуетъ какъ въ клѣточкахъ кожицы, такъ и въ клѣточкахъ паренхимы, и образуетъ слегка выпуклую площадку, болѣе или менѣе явственно-зернистую и прикрѣпленную ко внутренней поверхности оболочки или иногда около центра клѣточки. Образование крупинокъ цвѣтени *P. Броунъ* приписываетъ увеличенію и послѣдовательному дѣленію ядра въ маточныхъ клѣточкахъ цвѣтени, поэтому уже здѣсь можно видѣть зачатокъ теоріи размноженія клѣточекъ при посредствѣ ядра.

Шлейденъ (*Beitrag zur Phytogenesis* и пр. *Müller's Archiv*, 1838) приписывалъ ядру, которое онъ называетъ *цитобластомъ*, непремѣнное участіе въ происхожденіи всякой клѣточки. По его мнѣнію, прежде всего образуется ядро: оно начинается зернышкомъ, около котораго скоро скопляется зернистая масса, составляющая собою цитобласть. Послѣдній растетъ потомъ и какъ-скоро достигнетъ своей окончательной величины, одѣвается тонкой и прозрачной оболочкой, которая мало-по-малу отстаетъ отъ него съ одной стороны: это—молодая клѣточка; она вначалѣ очень плоска и имѣетъ видъ сегмента, плоскую сторону котораго занимаетъ цитобласть; потомъ она дѣлается болѣе и болѣе выпуклою и студенистыя стѣнки ея твердѣютъ; цитобласть составляетъ ихъ часть. Клѣточка растетъ очень быстро, такъ-что вскорѣ цитобласть кажется очень маленькимъ тѣломъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнкамъ клѣточки. По совершенномъ ея развитіи, цитобласть остается на стѣнкахъ клѣточекъ, образованію которой онъ способствовалъ. Когда клѣточка дѣлается неспособною къ дальнѣйшему развитію, — ядро растворяется или всасывается, оставаясь на стѣнкахъ или упавъ въ полость клѣточки, какъ ненужное тѣло. Тотчасъ послѣ его уничтоженія начинается отложеніе вторичныхъ образованій на внутренней поверхности стѣнокъ клѣточки.

Карстенъ отвергалъ это значеніе ядра. Онъ утверждаетъ, что развитіе клѣточки совсѣмъ не зависитъ отъ предшествующаго образованія твердаго ядра; но что она происходитъ изъ однообразной жидкости, вслѣдствіе причинъ, которыхъ не могутъ объяснить физическіе законы. (*De cella vitali*. Berlin, 1843, стр. 72).

По *Уммеру* (*Grundzüge der Anat. und Physiol.*), ядро имѣетъ особенное значеніе, потому-что заключаетъ въ себѣ протеинныя сое-

диненія, Ядро есть пузырекъ съ очень тонкими стѣнками, наполненный азотистымъ веществомъ, которое бываетъ весьма часто зернисто, и содержитъ въ себѣ одно или нѣсколько ядрышекъ (сомнительно-пузырчатыхъ) (стр. 45). Въ однородномъ содержаніи маточныхъ клѣточекъ отдѣляются прежде всего круглыя тѣла (ядра, ядрышки), которыя, вѣроятно, состоятъ изъ азотистаго вещества. Около нихъ отлагается слой студени, который вскорѣ принимаетъ видъ пузырька и отдѣляется совершенно или отчасти отъ ядра. Студенистый пузырекъ дѣлается стѣнкою молодой клѣточки, а ядро остается или на стѣнкахъ или въ полости клѣточки до ея совершеннаго развитія, а потомъ исчезаетъ.

Нагели (*Zeitschrift für wissenschaft. Bot. von Schleiden und Naegeli, Zürich, 1847*) допускаетъ, что ядро есть пузырекъ съ самаго своего появленія и окружено оболочкою, хотя ея сначала и не замѣтно. Онъ принимаетъ также, что ядро происходитъ двоякимъ образомъ: 1) свободно изъ содержанія клѣточки и 2) дѣленіемъ ядра маточной клѣточки. Въ первомъ случаѣ, повидимому, образуется прежде ядрышко (стр. 103), около него отлагается слой слизи и на поверхности послѣдняго появляется оболочка ядра. Дѣленіе ядра происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ маточномъ ядрѣ, заключающемъ въ себѣ два ядрышка, содержаніе дѣлится на двѣ части, скопляется около ядрышекъ и каждая половина одѣвается оболочкою. Оболочки новыхъ ядеръ, прилегающія отчасти къ оболочкѣ маточнаго ядра, а отчасти другъ къ другу, скоро отдѣляются перегородкою одна отъ другой и отъ маточнаго ядра. *Нагели* проводитъ параллель между клѣточкой и ядромъ и находитъ въ нихъ сходныя черты, какъ напр. развитіе ядра оканчиваетъ свое существованіе, или дѣленіемъ на новыя ядра или раствореніемъ, вслѣдствіе ослабленія отъ старости. Относительно значенія ядра при происхожденіи клѣточекъ, *Нагели* выражается слѣдующимъ образомъ (стр. 41): «появляется ядро, которое притягиваетъ къ себѣ значительную часть, слизистаго содержанія маточной клѣточки и покрывается имъ совершенно; на поверхности этого слизистаго содержанія образуется оболочка клѣточки».

Въ третьемъ изданіи *Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik, 1849, Шлейденъ* перемѣнилъ мнѣніе о происхожденіи ядра и развитіи клѣточекъ. Сначала онъ описываетъ свободное образованіе клѣточекъ и говоритъ, что протоплазма скопляется въ болѣе или менѣе округлое тѣло, подъ конецъ рѣзко-очерченное, и состав-

ляющее ядро (цитобласть), на которомъ отлагается слой протоплазмы; этотъ слой растягивается въ пузырькѣ и образуетъ оболочку клѣтки; послѣдняя одѣвается весьма рано оболочкою изъ клѣтчатки; кажется, это имѣетъ мѣсто въ зародышномъ мѣщечкѣ и зародышныхъ пузырькахъ. Далѣе Шлейденъ описываетъ размноженіе клѣточекъ посредствомъ дѣленія и сначала безъ участія ядра: «Содержаніе клѣтки, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ азотистою оболочкою раздѣляется на двѣ части, отдѣленные другъ отъ друга свѣтлою полосою; вокругъ каждой части образуется стѣнка изъ клѣтчатки». Далѣе допускается дѣленіе клѣточекъ съ участіемъ ядра, которое или дѣлится (на двѣ или на нѣсколько частей) или исчезаетъ и въ каждой вновь образующейся клѣткѣ происходитъ новое ядро.

Гофмейстеръ (Die Entstehung des Embryo der Phanerogam., Leipzig, 4849, стр. 11), говоритъ: «Повсюду, гдѣ можно было наблюдать начало ядра, я находилъ, что первая степень его образованія есть всегда слизистыя пузырьки съ тонкою перепонкою, и, въ большей части случаевъ, безъ твердаго образованія (ядра) внутри. Если есть ядрышки, то они образуются послѣ ядра». На 62-й страницѣ *Гофмейстеръ* пополняетъ свое наблюденіе, говоря, что ядровой пузырекъ всегда развивается изъ шарообразной капли слизи. Относительно развитія клѣточекъ онъ утверждаетъ, что «ядро рождается прежде образованія клѣтки. Часть клѣточного содержанія сгущается около ядра и одѣвается чрезвычайно-тонкою оболочкою бѣлковиннаго состава, которая выдѣляется изъ себя стѣнки клѣтки».

По *Моллю* (Die vegetabilische Zelle, 1850) массы протоплазмы, въ рѣзко ограниченныя, и которыхъ плотность увеличивается къ срединѣ, скопляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны появиться ядра. Позже замѣчаютъ, особенно при помощи іода, въ каждой массѣ шарообразное тѣло, состоящее изъ зернистаго вещества, такое-же однородное, какъ и окружающая протоплазма, и часто весьма блестящее: это ядро. Скоро оно получаетъ рѣзкія очертанія и въ немъ дѣлаются замѣтны многія круглыя тѣла съ рѣзкими краями (ядрышки). *Молль* не могъ увѣриться, дѣйствительно-ли на ядрѣ есть оболочка, или только болѣе плотный слой того вещества, изъ котораго оно состоитъ. Ядрышки-же вначалѣ суть сплошныя зерна, но потомъ въ нихъ часто образуются полости и они обрастаютъ въ пузырьки.

При свободномъ образованіи клѣточекъ два или четыре ядра образуются въ каждой маточной клѣточкѣ, около нихъ сгущается протоплазма, которая вначалѣ не рѣзко ограничена, но потомъ одѣвается первичнымъ мѣшечкомъ, а послѣдній тотчасъ-же покрывается клѣтчатой оболочкою. Когда клѣточки размножаются дѣленіемъ, то образованію перегородокъ предшествуетъ образованіе новыхъ ядеръ или дѣленіе прежде существовавшихъ.

Шазтъ (Die Pflanzenzelle) въражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: зернистое вещество скопляется на внутренней поверхности стѣнокъ маточныхъ клѣточекъ цвѣтени или зародышева мѣшечка; большіе шарики, чаще всего прозрачныя (ядрышки?), образуются въ этой зернистой массѣ; потомъ являются совершенныя цитобласты и наконецъ около послѣднихъ первичный мѣшечекъ въ видѣ тонкой кожицы или оболочка новой клѣточки. Гдѣ появляется новое ядро, тамъ около него позже образуется, можетъ быть послѣдовательнымъ отвердѣніемъ слоевъ протоплазмы, первичный мѣшечекъ. *Шазтъ* думаетъ, что ядра происходятъ по большей части дѣленіемъ прежде существовавшихъ ядеръ.

Гартманъ (Entwicklungsgeschichte des Pflanzenkeims. Leipzig, 1858) полагаетъ, что ядро необходимо для образованія клѣточекъ. Клѣточки, по его мнѣнію, суть пузырьки, состоящіе изъ двухъ тонкихъ и сократимыхъ оболочекъ, заключенныхъ другъ въ другъ, и изъ двухъ различныхъ жидкостей. Одна изъ этихъ жидкостей наполняетъ внутреннюю полость пузырька, другая-же заключается межд. оболочками, составляющими стѣнки клѣточки. Ядро находится также между оболочками и состоитъ изъ наружной кожицы, ядроваго вещества и ядрышка. Ядровое вещество образовано изъ множества сжатыхъ, многогранныхъ крупиннокъ съ собственною оболочкою.

Стѣнки клѣточекъ происходятъ изъ ядра двоякимъ образомъ: 1) Подъ оболочкою ядра одна изъ крупиннокъ ядроваго вещества увеличивается, обращается въ пузырекъ, наполненный сокомъ (монофизалиду), и растетъ вмѣстѣ съ оболочкою ядра, которую она выстилаетъ съ внутренней стороны, содержаніе ядра распределяется между этими двумя оболочками, которыя составляютъ стѣнки клѣточки или птиходду. Остальныя крупинки ядра обращаются въ мелкіе пузырьки, наполненные сокомъ (микрoфизалиды), изъ которыхъ развиваются зерна хлорофіля, крахмала, алейронъ или тѣла клѣтчатки, которыя своимъ соединеніемъ обра-

зуютъ обыкновенныя стѣнки клѣточекъ. 2) Въмѣсто одной крупинки, какъ въ предыдущемъ случаѣ, развиваются нѣсколько и выполняютъ полость ядра; онѣ образуютъ ткань съ весьма тонкими стѣнками, изъ которыхъ внутреннія всасываются, а остаются только тѣ, которыя прилегаютъ къ оболочкѣ ядра; такимъ образомъ происходитъ клѣточка; вещество, оставшееся отъ содержанія ядра, и распределенное между двумя оболочками, прежде нежели отвердѣетъ въ клѣтчатку, образуетъ новое ядро, которое развивается описаннымъ образомъ.

Треколь объясняетъ теорію *Гартма* фактами, которые можно наблюдать въ сочныхъ плодахъ пасленовыхъ (*Lycopersisum esculentum*, *Salapum nigrum*), гдѣ внутри маточной клѣточки развивается ложная дочерняя клѣточка, стѣнки которой удвояютъ стѣнки маточной. Иногда протоплазма этихъ клѣточекъ, не успѣвая развиваться вмѣстѣ съ клѣточкою, остается на ея стѣнкахъ и одѣвается оболочкою, которая покрываетъ ядро, а также и хлорофилъ; этимъ объясняется мяѣніе *Шлейдена*. Если, вмѣсто одной клѣточки, въ маточной развивается нѣсколько дочернихъ, внутреннія стѣмки которыхъ потомъ всасываются, то получимъ объясненіе втораго случая, который *Гартми* принялъ за развитіе одной клѣточки.

Изъ наблюденій *Треколя* слѣдуетъ, что названіе ядра до сихъ поръ давали тремъ различнымъ образованіямъ, именно: 1) скопленію протоплазмы, которое находится и вырабатывается въ центрѣ клѣточки и которое доставляетъ периферической протоплазмѣ элементы, необходимые для произведенія клѣтчатыхъ перепонокъ; 2) пузырькамъ, происшедшимъ изъ центральной протоплазмы, и служащимъ для выдѣленія различныхъ веществъ, потребляемыхъ въ продолженіе жизни клѣточки, и 3) пузырькамъ, совершенно-похожимъ на предыдущія, но которые происходятъ нѣсколько иначе и которые способствуютъ размноженію клѣточекъ. Эти пузырьки даютъ мѣсто двумъ видоизмѣненіямъ размноженія клѣточекъ: 1) клѣтчатая перепонка развивается только послѣ всасыванія маточной клѣточки, когда пузырьки сдѣлались свободными; 2) клѣтчатая оболочка образуется на пузырькахъ въ полости маточной клѣточки.

Далѣе *Треколь* рассматриваетъ пузырьки, образующіе въ себѣ кристаллы. Когда ядро не продолжаетъ своего развитія въ клѣточку, оно превращается иногда въ настоящій кристаллъ, въ ромбодръ или группу ромбодровъ, или въ шестигранныя пластин-

ки, заостренныя ромбедами. Иногда въ такіе кристаллы обращается самое ядро, иногда-же ядрышко. Это превращеніе происходитъ около того времени, когда прекращается размноженіе клѣточекъ. Образовавшіяся ядра, неразвивающіяся въ клѣточки, продолжаютъ расти; одни изъ нихъ дѣлаются пузырьками, наполненными по-видимому протоплазмическимъ веществомъ; они обыкновенно не шарообразны, но съ нѣсколькими плоскими гранями происшедшими вѣроятно отъ давленія; другія принимаютъ форму кристалловъ. Если ядро стоитъ на низкой степени развитія, то оно само обращается въ кристалъ; если-же оно уже значительно развилось, то ядрышко претерпѣваетъ это превращеніе.

Кристаллы, развивающіеся такимъ образомъ, въ началѣ бываютъ совершенно правильны съ рѣзкими ребрами, но вслѣдствіе растительности на ихъ граняхъ появляются возвышенія; иногда даже встрѣчаются формы, въ которыхъ одна половина есть клѣточка, а другая кристалъ. Эти возвышенія происходятъ изъ новыхъ шестигранныхъ пластинокъ, выходящихъ, какъ почки, изъ маточной пластинки, или размноженіемъ, какъ настоящія клѣточки.

Интересный фактъ происхожденія кристалловъ изъ ядра не одинъ въ своемъ родѣ. *Треколь* наблюдалъ ихъ развитіе въ особенномъ пузырькѣ, совершенно отличномъ отъ ядра и существующимъ рядомъ съ нимъ. Но этотъ пузырекъ развивается также, какъ и ядро, т.-е. начинается шарикомъ, который желтѣетъ отъ іода и обращается въ пузырекъ или нѣтъ прежде образованія кристалловъ. Эти пузырьки бываютъ двухъ родовъ: или такіе, которые даютъ простые кристаллы, имѣющие возможность впоследствии размножаться, или такіе, которые даютъ цѣлую группу кристалловъ, расположенныхъ лучами отъ одного центра.

Потомъ *Треколь* переходитъ къ пузырькамъ, которые онъ называетъ *пузырьками ложными волостями*. Извѣстно, что если протоплазма не увеличивается въ объемъ такъ-же быстро, какъ растетъ клѣточка, то она растягивается и образуетъ внутри себя полости, наполненныя водянистымъ сокомъ, а по мнѣнію *Нэгелли* даже и чистою водою. *Нэгели* и *Моль* считаютъ эти промежутки за настоящія полости, неограниченныя особенными стѣнками, хотя это иногда и кажется; но это происходитъ, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, отъ того, что протоплазма въ прикосновеніи съ водою густѣетъ. *Карстона* и *Гиртманъ* напротивъ-того считаютъ эти по-

лости за настоящія клѣточки. *Треюль* наблюдалъ слѣдующіе факты, которые объясняютъ и то и другое мнѣніе и которые открываютъ кромѣ-того новый способъ размноженія, именно: если клѣточка узка и растеть въ длину, то полости протоплазмы располагаются также въ одинъ рядъ и бывають вытянуты по длинѣ клѣточки; протоплазма, оставшаяся между ними, имѣетъ видъ перегородки и впоследствии образуетъ клѣтчатую стѣнку или въ средней своей части, или по краямъ, обращеннымъ къ полостямъ. Такимъ образомъ полости обращаются въ настоящія клѣточки. Этотъ способъ размноженія *Треюль* наблюдалъ въ *Toliffia africana* въ кожицѣ молодаго зародыша *Orobis variegatus*, въ бѣлкѣ различныхъ растений, напр. *Pisum sativum*, въ листьяхъ *Pleurothallis circumplexus*, въ плодахъ *Cucurbita Pepo*, *Lycopersicum esculentum*. Въ началѣ эти клѣточки наполнены безцвѣтнымъ водянистымъ сокомъ; но впоследствии этотъ сокъ иногда дѣлается розовымъ, а потомъ все темнѣетъ и наконецъ принимаетъ фіолетовый цвѣтъ. Мало того: въ этомъ соку наблюдается зернистое окрашивающее вещество, чего не могло-бы случиться, еслибы это были полости, а не клѣточки.

Кромѣ пузырьковъ — ядеръ и пузырьковъ — ложныхъ полостей, *Треюль* открылъ въ клѣточкахъ еще пузырьки, которые онъ называетъ *ложно-ядровыми*.

Эти пузырьки начинаютъ свое существованіе въ видѣ сѣроватаго шарика, величиною отъ 0,004 до 0,0175 милим. Потомъ такой шарикъ дѣлается пузырькомъ; на внутренней поверхности стѣнокъ его появляется чечевицеобразное тѣло, похожее на сжатое ядро; оно вначалѣ безцвѣтно или сѣроватаго цвѣта, какъ и остальное содержаніе пузырька, которое дѣлается мало-по-малу зернистымъ; но потомъ постепенно окрашивается въ зеленый цвѣтъ. Это тѣло съ боку имѣетъ видъ серпа. Остальное содержаніе сохраняетъ свой первоначальный цвѣтъ. Часто такіе пузырьки бывають не простые, а сложные. Въ послѣднемъ случаѣ въ первоначальномъ пузырькѣ развиваються два, три, шесть, десять и даже двадцать такихъ-же пузырьковъ съ такимъ зеленымъ тѣломъ и сѣрымъ содержаніемъ. Иногда между вторичными пузырьками встрѣчается ядро, большое, пузырчатое и съ ядрышкомъ. Иногда вторичные пузырьки бывають наполнены розовымъ содержаніемъ. Ложноядровые пузырьки *Треюль* находилъ въ пло-

дах пасленовыхъ (*Solanum nigrum*, *Dulcomara* и *Berterii*), въ сочной цвѣточной кожкѣ *Podocarpus sinensis*.

Послѣ того *Треюль* обращается къ изслѣдованію *хлорофила* и представляетъ историческій очеркъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Изъ этого очерка видно, что одни писатели принимаютъ хлорофилъ за сплошные шарики, а другіе — за пузырьки. Въ послѣднее время хлорофилемъ занимались *Артуръ Гри* и *Эдуардъ Морренъ*. Первый (*Ann. d. sc. nat.* 1857 г. т. VII), вслѣдствіе своихъ изслѣдованій, приходитъ къ слѣдующему результату: «Что касается до строения зеренъ хлорофила, то мы думаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ это бѣлковинно-жирные сплошные шарики, происходящіе отъ преобразования первоначальнаго аморфнаго хлорофила, между-тѣмъ-какъ у *Phajus* и *Acanthorhiprium* мы склонны допустить, что это простые пузырьки такого-же химическаго состава. По мнѣнію *Гри*, хлорофилъ образуется изъ студени, выдѣляемой ядромъ; студень эта распространяется по всей кѣлочкѣ и выстилаетъ ея стѣнки; послѣ того она разрывается на зерна, которыя обертываютъ крахмалники или нѣтъ. *Эдуардъ Морренъ* въ диссертациі о зеленыхъ и окрашенныхъ листьяхъ (1858) согласенъ съ *Гри* о происхожденіи хлорофила и виѣстѣ съ тѣмъ остается на сторонѣ *Мейена*, *Моля* и другихъ писателей, отвергающихъ перепончатую оболочку на зернахъ хлорофила.

По мнѣнію *Треюля*, вещество хлорофила въ молодыхъ кѣлочкахъ находится въ растворѣ не только въ ядрѣ, но во всей протоплазмѣ, наполняющей совершенно эти кѣлочки. Поэтому хлорофилъ можетъ образоваться или въ слоѣ протоплазмы, окружающемъ стѣнки кѣлочки, или въ ядрѣ, или въ маленькихъ массахъ, отдѣльныхъ или сливающихся, и происходящихъ изъ первичнаго мѣшечка, или около ядра. Въ этихъ-то маленькихъ массахъ, образующихся на поверхности содержанія кѣлочекъ или выдѣляемыхъ ядромъ, развиваются пузырьки хлорофила. Первый случай т.-е. образованіе хлорофила изъ всей протоплазмы, *Треюль* наблюдалъ въ кѣлочкахъ кожицы зародыша *Phaseolus vulgaris* и *Orobis variegatus*, также у *Vicia serratifolia*, *Pisum sativum*, *Cytisus Laburnum*, *Caragana Altagana*, *Astragalus falcatus* и пр.; второй случай т.-е. на поверхности содержанія: у зародыша *Phaseolus vulgaris*, *Vicia pisiformis* и пр. Въ томъ и другомъ случаѣ молодые кѣлочка не имѣютъ ядра, поэтому никакъ нельзя допустить образованіе хлорофила изъ этого органа. Наконецъ образованіе хлоро-

филя около ядра и при его содѣйствіи у *Vanilla planifolia*, *Physalis Alkekengi* и пр. Во многихъ случаяхъ зерна хлорофиля суть сплошные шарики, но во множествѣ другихъ они суть настоящіе пузырьки съ особою оболочкою (*Pleurothalis circumplexus*, *Elyngium maritimum*, и пр.). Нужно впрочемъ замѣтить, что вначалѣ эти пузырьки бываютъ шариками. Иногда зеленое вещество наполняетъ всю полость пузырька, иногда выстилаетъ его оболочку на-подобіе первичнаго мѣшечка, иногда занимаетъ только часть его полости, иногда въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой полости, окружая двѣ, три крахмалинки. Всѣ эти случаи очень хорошо видны въ ягодныхъ плодахъ пасленовыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется, пузырьки хлорофиля развиваются изъ особыхъ шариковъ протоплазмы, какъ ложно-ядровые пузырьки.

Плоды пасленовыхъ, нѣкоторыхъ розоцвѣтныхъ (*Rosa*, *Rugosa*, *saucragia*, *americana*), ландыша, аронника и проч. начинаютъ краснѣть, отъ измѣненія цвѣта хлорофиля. Въ клѣточкахъ ихъ встрѣчаются пузырьки, которые имѣютъ всѣ переходные цвѣта отъ зеленого до краснаго. Но впоследствии въ молодыхъ клѣточкахъ, а иногда и на округности старыхъ, развиваются прямо изъ протоплазмы или изъ первичнаго мѣшечка красные или оранжевые пузырьки, которые состоятъ изъ безцвѣтной перепонки и зернистаго окрашеннаго содержанія. Часто перепонка всасывается и содержаніе дѣлается свободнымъ. Иногда окрашенное содержаніе находится не во всей полости, а выстилаетъ внутреннюю поверхность пузырьковъ въ видѣ слоя (*Capsicum*, *Lucium vulgare*, *Lonicera etruscum* и пр.); иногда на двухъ противоположныхъ концахъ пузырька нѣтъ этого слоя и они безцвѣтны (*Lonicera Caprifolium*). Окрашенный слой весьма рѣзко очерченъ съ внутренней стороны, такъ-что онъ какъ-будто ограниченъ и внутри перепонкою. Это доказывается слѣдующимъ явленіемъ. Когда пузырьки достигнутъ полнаго развитія, то онѣ лопаются на тонкихъ безцвѣтныхъ концахъ, каждая половина пузырька образуетъ веретенообразное тѣло, которое заключаетъ въ себѣ окрашивающее вещество.

Но не всѣ веретенообразныя тѣла происходятъ такимъ образомъ. Въ клѣточекъ *Physalis Alkekengi* окрашивающее вещество окружаетъ крахмалинки и повидимому не одѣто особою оболочкою; потомъ это вещество въ промежуткахъ между крахмалинками удлиняется и образуетъ веретенообразныя тѣла, кажется здѣсь неограниченныя оболочкою и состоящія изъ протоплазмы.

Кромѣ-того въ клѣточкахъ этихъ встрѣчаются еще желтые пузырьки, образующіеся изъ протоплазмы на поверхности содержанія; розовые пузырьки, которые часто заключаются въ ложно-ядровыхъ и впоследствии переходятъ въ синіе, послѣдніе иногда и прямо разбиваются, когда посинѣетъ содержаніе клѣточекъ въ зрѣлости плодовъ, или когда должно скоро наступить это время.

О наблюденіяхъ *Треголя* надъ развитіемъ и строеніемъ крахмала мы уже гонорили (1).

Пузырьки клейковины или алейрона открыты *Гартмомъ* въ 1855 (2) и описаны въ 1856 году (3).

Алейронъ, по наблюденіямъ *Гартма*, сходенъ съ крахмаломъ по величинѣ, формѣ и цвѣту своихъ зеренъ; но отличается отъ него, равно-какъ и отъ другихъ образований, встрѣчающихся въ клѣточкѣ, быстротою, съ которою онъ растворяется въ водѣ. Эта быстрая растворимость въ водѣ и была причиною, почему клейковинные пузырьки до-сихъ-поръ ускользали отъ наблюденій. Они характеризуются своимъ содержаніемъ, а не оболочкою, и окрашиваются въ нѣсколько минутъ въ кирпично-красный цвѣтъ отъ дѣйствія азотнокислой окиси ртути въ водѣ съ небольшимъ количествомъ азотной кислоты; іодомъ окрашиваются въ желтобурый цвѣтъ; нерастворимы въ маслѣ, алкогольѣ и эфирѣ; но растворяются въ слабыхъ кислотахъ и щелочахъ. Ихъ можно обмыть въ маслѣ, какъ крахмалъ въ водѣ, и получить въ видѣ бѣлой муки. Они отличаются еще поверхностью, покрытою какъ-бы отверстіями, которыя происходятъ отъ множества полостей подъ ихъ оболочкою.

Что касается до химическаго состава, то, по *Гартму*, алейронъ заключаетъ въ себѣ фибринъ, бѣлковину, гліадинъ, казеинъ (легуминъ), камедь, сахаръ, и остатки золы; очень вѣроятно, что въ немъ есть сѣра и фосфоръ.

По мнѣнію *Гартма*, зерна алейрона состоятъ изъ двухъ оболочекъ. Только въ небольшомъ числѣ зеренъ внутренняя оболочка выстилаетъ наружную и все зерно наполнено клейковиннымъ веществомъ, по большей-же части внутренняя оболочка отстаетъ отъ наружной и полость лежитъ съ одной стороны зерна и сообщается

(1) Ж. м. н. п. 1859 г. февраль, отд. VII стр. 65.

(2) Bot. Zeit. 1856, стр. 881.

(3) Ibid. стр. 237.

щается съ наружной оболочкой маленькимъ каналцемъ. Клейковинное вещество находится между обѣими оболочками. Въ полости-же зеренъ находятся различныя тѣла определенной формы, которыя отличаются нерастворимостью въ водѣ и амміакѣ и тѣмъ, что не бурѣютъ отъ дѣйствія іода. Эти тѣла суть: 1) *шарики*, группирующіеся около одного центрального шарика (*Corylaceae*, *Amygdaleae*, *Vitis* и пр.); 2) *кристаллоиды*, характеризующіеся симметрией ихъ плоскихъ граней; 3) *альбины*—тѣла, образующія узловатости въ видѣ неправильныхъ кистей. Иногда зерно заключаетъ въ себѣ одно изъ этихъ тѣлъ, иногда по нѣскольку вмѣстѣ.

Кристаллоиды и альбины не окрашиваются ни іодомъ, ни растворомъ кармина. Кромѣ-того въ зернахъ встрѣчается *кристаллическое ядро*, которое отличается отъ кристаллоидовъ тѣмъ, что окрашивается и іодомъ и карминомъ и лежитъ не въ полости ядра, а между обѣими оболочками. Въ нѣкоторыхъ растеніяхъ еще встрѣчаются *кристаллы алейрона*, т.-е. зерна съ острыми ребрами. Иногда между обыкновенными зернами алейрона встрѣчается большое, которое *Гартвигъ* называетъ *одиночнымъ*; иногда-же одно весьма большое зерно алейрона наполняетъ всю полость клѣточки и называется *выполняющимъ* (*Myrtus Pimenta*, *Laurus Pichurim*, *Pangium edule*, *Juglans Carya*, *Theobroma Casao*, *Diprterix odorata*). Во многихъ случаяхъ оно отличается густымъ краснымъ, бурымъ или желтымъ цвѣтомъ.

Гартвигъ замѣтилъ также, что алейронъ не всегда безцвѣтенъ, что онъ бываетъ зеленаго цвѣта въ *Pistacia*, индиговаго въ разновидности *Cheiranthus annuus* съ кожурою сѣросиняго цвѣта, розово-краснаго въ *Hibiscus*, бураго въ *Arachis*, желтаго въ *Ailanthus*, *Frangula*, *Myristica*, *Lupinus luteus*.

Алейронъ распространенъ въ растеніяхъ такъ-же обширно, какъ и крахмалъ.

Трекуль думаетъ, что въ зернахъ алейрона можно различить различныя органы, назначенныя для различныхъ отправленій; что у однихъ изъ нихъ отправленіе неизвѣстно (*Myristica*, *Theobroma*, *Myrtus*); другія служатъ для запаса бѣлковинныхъ веществъ (*Lupinus*, *Colutea*, *Medicago* и пр.); третья выдѣляютъ масю (*Moringa*, *Cardiospermum*, *Corylus*, *Nicines* и пр.)

Далѣе *Трекуль* утверждаетъ, что различныя формы алейрона имѣютъ и различный химическій составъ, и наконецъ, что въ

этихъ зернахъ нѣтъ двойной оболочки, какъ утверждаетъ *Гартвигъ*.

Исслѣдованія о семействѣ Амарилловыхъ Гал. Это первый мемуаръ, заключающій въ себѣ историческій очеркъ изслѣдованій объ отдѣлѣ нарциссовыхъ, раздѣленіе ихъ на роды, описаніе рода *Narcissus* съ видами *elegans*, *viridiflorus*, *serotinus*; здѣсь предложенъ и описанъ новый рода *Aurelia* съ видомъ *Broussonnetii*; далѣе слѣдуетъ описаніе рода *Carthageno* съ видомъ *humilis*, который прежде былъ отнесенъ къ другой группѣ. Въ заключеніе авторъ разсуждаетъ о морфологическомъ значеніи вѣнчика нарциссовъ, который, по его мнѣнію, есть прибавокъ, занимающій при основаніи листьевъ околоцвѣтника то же мѣсто, какъ внутренніе прилистники при основаніи обыкновенныхъ листьевъ, аналогія, которую уже предвидѣлъ *Делль*. Эти прилистники свободны и отдѣльны при основаніи листочковъ околоцвѣтника въ махровомъ цвѣткѣ, но сростаются и образуютъ трубку вѣнчика въ простомъ цвѣткѣ.

Gnetaceae Americae australis. Тюлана. Здѣсь описано семейство *Gnetaceae* (или отдѣлъ семейства хвойныхъ) и роды: *Gnetum* съ видами: *paniculatum*, *Tooa*, *Leyboldi*, *amazonicum*, *nudiflorum*, *venosum* и *microstachyum*; *Ephedra* съ видами: *americana*, *Tweediana*, *humilis* и *triandra*.

О ненормальномъ возрастаніи стеблей мениспермовыхъ. Радлькофера. Съ этою статьею мы уже познакомили читателей (*).

Исслѣдованія объ образованіи кльточекъ въ корешкахъ и корневыхъ мочкахъ, ихъ возрастаніи и сбрасываніи кожицы Гарро и Боверса. Линкъ въ 1850 г. обратилъ вниманіе ботаниковъ на отдѣленіе коры концами корешковъ гіацинта, на способъ ихъ возрастанія и на липсое раздутіе на концахъ прибавочныхъ корней ивъ. Чтобы повѣрить его наблюденія, *Гарро* и *Боверсъ* предприняли изслѣдованія надъ проростаніемъ сѣменъ. Для этой цѣли необходимо было помѣстить сѣмена въ такія условія, чтобы постороннія тѣла не приставали къ корешкамъ и не измѣняли ихъ поверхности. Сѣмена были смочены дождевою водою и положены на волосяное рѣшето, закрытое мокрымъ сукномъ. Эти рѣшета были поставлены надъ чашками съ водою, доставлявшею сырость, необходимую для проростанія. Сѣмена при такихъ условіяхъ пророста-

(*) Ж. м. в. п. 1858, июнь. Нов. ест. наукъ за 1858 г. стр. 179.

ли быстрѣе, нежели въ землѣ, что происходило вѣроятно отъ свободнаго доступа къ нимъ воздуха.

Когда корешокъ начинаетъ показываться, онъ бываетъ обыкновенно гладокъ на всей поверхности; но если сѣмена проростаютъ при 20—25 градусахъ, то отдѣленіе кожицы на ихъ концахъ начинается весьма рано.

Корешокъ *Triticum sativum* при своемъ появленіи имѣетъ видъ цилиндра съ коническою вершиною. Средину этого цилиндра занимаютъ четырехугольныя короткія клѣточки желтоватаго цвѣта, а поверхность продолговатыя и безцвѣтныя. Въ началѣ проростанія клѣточки коры гладки и плотно пристають другъ къ другу; но по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ корешокъ, въ этихъ клѣточкахъ кожицы появляется азотистое вещество, состоящее изъ весьма мелкихъ зернышекъ, и скопляется въ центрѣ клѣточки. На стѣнкѣ клѣточки образуется бугорокъ, который вытягивается въ тонкій отростокъ длиною въ два раза болѣе толщины корешка.

По мѣрѣ того, какъ корешокъ развивается, его конецъ раздувается и принимаетъ видъ слезы. Эта часть липка на ошупь, легко распускается въ водѣ, растворъ похожъ на яичный бѣлокъ и имѣетъ сладковатый вкусъ.

При смачиваніи и самомъ легкомъ давленіи стекломъ, наружный слой корешка пшеницы спадаетъ; клѣточки, его составляющія, и соединенныя липкимъ веществомъ, теперь раздѣлились и плаваютъ совершенно свободно. Эти клѣточки имѣютъ, какъ сказано, особенную форму и развиваются на вершинѣ корня подъ вязкой каплей. Вначалѣ онѣ бываютъ округлы, но по мѣрѣ того, какъ отталкиваются вбокъ вновь развивающимися клѣточками, дѣлаются длиннѣе и длиннѣе и отстаютъ отъ корешка или остаются на немъ, образуя эпидермическій слой. Иногда каждая изъ такихъ клѣточекъ дѣлится на двѣ, три дочернія.

Клѣточки оси корешка уменьшаются отъ основанія къ вершинѣ и изъ четырехъгранныхъ призмъ дѣлаются кубическими и досчатыми; послѣднія на границѣ корня размножаются на 2 или 4 дочернія клѣточки, какъ клѣточки цвѣтени. Надъ этими клѣточками лежатъ удлиненыя, которыя дѣлятся поперечными перегородками на нѣсколько новыхъ, нѣкоторые изъ этихъ дочернихъ клѣточекъ удлиняются, а другія дѣлятся вертикальными перего-

родками на новыя клѣточки. Такимъ образомъ происходятъ ряды клѣточекъ, между которыми находятся межклеточные ходы, наводненные воздухомъ и идущіе почти до вершины корешка. Такъ развиваются корешки не только у пшепцы; но и у многихъ другихъ растений; какъ напр. у ячменя, проса, вика, трилистника, гороха, чечевицы, розы, риса и пр. У мака, кресса, горчицы, кользы, жимолости и пр. клѣточки мало прилегаютъ другъ къ другу, проникнуты липкимъ веществомъ и составляютъ колпачекъ. У укропа кожица отпадаетъ въ видѣ лоскутковъ, состоящихъ изъ клѣточекъ, плотно прилегающихъ къ внутренней ткани. У манника колпачекъ состоитъ изъ клѣточекъ, очень плотно соединенныхъ между собою. У ряски отдѣляющійся слой существуетъ уже въ то время, когда корень одѣтъ еще колпачкомъ; потому что если нажимать стеклышкомъ корешокъ ряски, то колпачекъ разрывается на вершинѣ и корешокъ выходитъ изъ него уже одѣтый новымъ колпачкомъ.

Замѣтка о девяти новыхъ видахъ рода Ascolobus братьевъ Круановъ. Здѣсь описаны слѣдующіе виды, растущіе около Бреста: *Ascolobus albidus*, *Kerverni*, *Creshqueraulti*, *cinereus*, *sexdecimsporus*, *granuliformis*, *pulcherrimus*, *insignis* *miniatus*.

Наконецъ послѣдняя статья этого тома: *О присутствіи безформеннаго крахмала въ грибѣ изъ группы трюфельныхъ* принадлежитъ Кёррею. Она извлечена изъ *Proceedings of the Boyal Soc. of London*, 1858. Безформенный крахмалъ, не имѣющій обыкновенной формы зеренъ, встрѣчается довольно рѣдко въ растеніяхъ. Одинъ Шлейденъ наблюдалъ его въ клѣточкахъ бѣлка (околосѣменника) *Cardatum minus* и корневища сальсапариллы и *Carex arenaria*, гдѣ онъ имѣетъ видъ клея, окружающаго обыкновенныя зерна крахмала. Саніо и Шенкъ (*) открыли его въ *Gagea lutea* и *Ornithogalum nutans* и *lanceolatum*.

Но въ грибахъ до-сихъ-поръ еще не было открыто крахмала. Исключение составляетъ фактъ, подмѣченный Шалтомъ (*Die Pflanzenzelle*, стр. 39): въ одномъ нитчатомъ грибѣ грибница окрашивалась іодомъ въ слабый синеватый цвѣтъ. Но Шалтъ не могъ рѣшить, окрашивается-ли въ этомъ случаѣ оболочка или содержаніе клѣточекъ.

(*) Нов. ест. наукъ за 1857 г. стр. 69 отд. II.

Вида. Ниландеръ (Ann. d. sc. nat. 4 серия, томъ III стр. 148) говоритъ объ окрашиваніи іодомъ въ синій цвѣтъ верхнихъ концовъ въ сумочкахъ нѣкоторыхъ сферій и приписываетъ это явленіе присутствію въ нихъ вещества сходнаго съ лихениномъ. Но растворъ лихенина, по словамъ *Жерара* (Gerhardt), окрашивается іодомъ въ желтоватый цвѣтъ. Въ сферіяхъ-же открылъ присутствіе крахмала и *Тюланъ*.

Странно, по мнѣнію *Кёррея*, что никто изъ ботаниковъ не упоминаетъ о крахмалѣ въ лишаяхъ. Извѣстно, что сумочки и паразиты у нихъ погружены въ слизи, которая, равно-какъ и названные органы синѣютъ отъ дѣйствія іода.

Моль (Die vegetabil. Zelle) допускаетъ существованіе крахмала во всѣхъ растеніяхъ, кромѣ грибовъ; поэтому особенно важно найти грибы, въ которыхъ-бы было крахмалъ. *Кёррей* нашелъ такой грибокъ, который кромѣ-того замѣчательнъ, какъ особый родовой типъ изъ семейства трюфельныхъ. Этотъ грибокъ растетъ весною на кускахъ дерева, разбросанныхъ по песку на морскомъ берегу; имѣетъ шарообразную, нѣсколько сжатую форму блѣдно-желтаго цвѣта, поверхность его неровная; діаметръ самыхъ большихъ экземпляровъ не болѣе $\frac{1}{8}$ дюйма. Оболочка его довольно толста, имѣетъ множество складокъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ клѣточекъ, изъ которыхъ наружныя широки и округлены, а внутреннія узки и длинны. Подъ этой оболочкой множество голыхъ споръ и съ большимъ трудомъ можно отыскать тамъ-и-сямъ нѣсколько отдѣльныхъ сумочекъ со спорами. Сумочки булавовидны или овальны, на весьма короткихъ ножкахъ, и почти всегда съ остриемъ на вершинѣ. Споры шарообразны, безцвѣтны и покрыты волосками, расходящимися во всѣ стороны, каждая заключаетъ въ себѣ ядро, которое, кажется, есть ни что иное, какъ капля масла различной величины, или нѣсколько капелекъ, соединенныхъ между собою. Средній діаметръ споръ около 0,02 линіи.

Если положить тонкій разрѣзъ этого гриба въ іодовую воду, то споры его въ нѣсколько секундъ окрашиваются въ синій или темнокрасный цвѣтъ, совершенно также, какъ зерна крахмала. Прозрачная слизь, которая одѣваетъ эти споры, также окрашивается въ густой синій цвѣтъ; только ядра споръ не окрашиваются. Хотя споры и окрашиваются іодомъ, какъ крахмалъ, но не даютъ креста, какъ послѣднее вещество; кипятокъ и сѣрная кислота не оказываютъ на нихъ такого дѣйствія, какъ на крахмалъ, но отъ

жара или отъ дѣйствія алкоголя они теряютъ свой синій цвѣтъ, какъ крахмалъ.

Кёррей назвалъ найденный имъ грибокъ *Amulocarpus encerhaloides* грибокъ этотъ принадлежитъ къ семейству трюфельныхъ. Ближе всего къ роду *Endogone*.

Д. НИКАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРЕМІИ ЗА СОЧИНЕНІЯ О ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРѢ И ЦЕРКВИ. — Преосвященный *Григорій*, митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій, донесъ святѣйшему синоду, что онъ находитъ весьма нужнымъ: 1) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко была доказана словомъ Божиимъ, опредѣленіями св. соборовъ и свидѣтельствами св. отцовъ церкви истина православной церкви, такъ чтобы всякій безпристрастный и разсудительный, читая такое сочиненіе, могъ видѣть, что именно она есть истинно-православная Христова церковь; 2) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано, что патріархъ западной церкви, или папа не есть глава, или властитель всей Христовой церкви. Доказательства должны быть заимствованы изъ слова Божія, опредѣленій св. соборовъ и свидѣтельствъ св. отцевъ церкви восточной и западной съ яснымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какія въ наше время паписты употребляютъ для доказательства властительства папы во всей Христовой церкви; 3) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано словомъ Божиимъ и церковною исторіею православіе православной церкви для лютеранъ, съ твердымъ, обстоятельнымъ, яснымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какими лютеранство защищаетъ свои мнѣнія. Каждый изъ сихъ трехъ предметовъ долженъ быть обработанъ особо. Желающіе принять на себя обработать который-либо изъ сихъ трехъ предметовъ имѣютъ представить свои сочиненія къ 1 октября слѣдующаго 1860 года. Именно: всѣ сочиненія, написанныя лицами, находящимися въ С. Петербургскомъ учебномъ округѣ, имѣютъ быть представлѣны въ конференцію С. Петербургской духовной академіи, а сочиненія, написанныя лицами, находящимися въ другихъ учебныхъ округахъ, въ конференціи духовныхъ академій своихъ округовъ. Академическія конференціи, рассмотрѣвъ при-

сланныя имъ сочиненія безъ замедленія и опредѣливъ, которое изъ нихъ лучше и заслуживаетъ преміи, пересылаютъ всѣ разсмотрѣнныя ими сочиненія, для окончательнаго рѣшенія, въ конференцію С. Петербургской академіи. Сочинители за каждое лучшее изъ сихъ трехъ сочиненій получаютъ премію. Каждое сочиненіе будетъ напечатано особо подъ именемъ сочинителя и съ выдачею ему ста экземпляровъ изъ напечатаннаго числа. При чемъ преосвященный митрополитъ представилъ три тысячи пятьсотъ руб. сер. какъ въ награду авторамъ означенныхъ сочиненій, такъ и въ обезпеченіе напечатанія оныхъ, съ тѣмъ, чтобы деньги сіи до времени хранились въ казнохранилищѣ С. Петербургской академіи.

Святѣйшій синодъ, съ глубокою признательностію сочувствуя настоящему предложенію преосвященнаго митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, а равно и сдѣланному имъ при этомъ пожертвованію, опредѣлилъ: публикацію и дальнѣйшее приведеніе въ исполненіе предположеній преосвященнаго митрополита возложить на конференцію С. Петербургской духовной академіи, przeprowadивъ въ академію, для храненія, и представленные преосвященнымъ 3,500 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы изъ денегъ сихъ выдано было въ свое время, согласно изложеннымъ выше указаніямъ преосвященнаго, сочинителямъ за каждое лучшее изъ трехъ сочиненій по 650 руб. каждому, а остальные 1,550 руб. употреблены были, по мѣрѣ надобности, на изданіе означенныхъ сочиненій.

Вслѣдствіе сего опредѣленія святѣйшаго синода, академическая конференція, съ утвержденія его высокопреосвященства, положила слѣдующее: 1) Сочиненія могутъ быть представлены въ академическую конференцію съ подписью имени автора, или такъ, какъ обыкновенно представляются писанныя на конкурсъ сочиненія, авторы которыхъ желаютъ остаться неизвѣстными до присужденія, т.-е. съ какимъ-нибудь девизомъ на сочиненіи и съ тѣмъ-же девизомъ на особомъ запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора. 2) Для разсмотрѣнія сочиненій въ С. Петербургской академической конференціи имѣетъ быть составленъ въ свое время особый комитетъ изъ членовъ конференціи, преимущественно знакомыхъ съ предметами означенныхъ сочиненій. 3) По окончаніи сего порученія, къ сроку, назначенному академическою конференціею, комитетъ представить мнѣніе свое въ конференцію, которая въ экстренномъ общемъ со-

браніи выслушаетъ докладъ комитета и сдѣлаетъ заключеніе касательно присужденія премій сочинителямъ. 4) Заключение свое конференція представитъ преосвященному митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому на архипастырское усмотрѣніе, и, съ его утвержденія, приступитъ какъ къ напечатанію сочиненій, такъ и къ выдачѣ премій сочинителямъ. 5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, если оно было представлено съ девизомъ, конвертъ съ означеніемъ имени автора распечатается въ собраніи академической конференціи, и на заглавномъ листѣ сочиненія, при печатаніи, будетъ означена, вмѣстѣ съ именемъ автора, и награда, которой оно удостоено. 6) Изъ напечатанныхъ экземпляровъ, которыхъ количество опредѣляется назначенною для того суммою, по выдачѣ изъ нихъ ста экземпляровъ каждому сочинителю, остальные имѣютъ быть обращены въ продажу, и вырученныя за нихъ деньги, равно и проценты, могущіе составиться на хранящійся до того времени капиталъ, присоединятся къ суммѣ, собранной по случаю пятидесятилѣтняго юбилея С. Петербургской академіи и назначенной на преміи за лучшія ученые и учебныя сочиненія по предметамъ духовнаго образованія. 7) Въ-случаѣ, если къ назначенному сроку не будутъ представлены вополнѣ удовлетворительныя и заслуживающія премій сочиненія по какому-нибудь изъ трехъ указанныхъ предметовъ, или ни по одному изъ нихъ, академическая конференція имѣетъ вновь объявить конкурсъ для представленія таковыхъ сочиненій, на тѣхъ-же основаніяхъ. 8) Изъ сочиненій, недостойныхъ преміи, представленные съ подписью автора имѣютъ быть возвращены по принадлежности, иныя (болѣе удовлетворительныя) съ указаніемъ исправленій, какія могутъ быть въ нихъ сдѣланы, и объ авторахъ ихъ будетъ опубликовано въ духовныхъ журналахъ и доведено до свѣдѣнія высшаго начальства; а другія (менѣе удовлетворительныя)—безъ указанія такихъ исправленій; представленные-же съ девизомъ не возвращаются, и конверты съ означеніемъ имени автора сжигаются нераспечатанными.

(Дух. бес.).

ДВАДЦАТИНАТИЛѢТІЕ АРХИГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. — 27 декабря 1859 года, въ одной изъ залъ дома, занимаемаго г. министромъ народного просвѣщенія, по случаю совершившагося, 24 числа того-же

мѣсяца, *двадцатипятилѣтія* со времени учрежденія археологической комиссіи, было публичное собраніе, которое почтили своимъ присутствіемъ высокопреосвященный *Исидоръ*, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, преосвященный *Димитрій*, епископъ Херсонскій и Таврической, графъ *Д. Н. Блудовъ*, князь *А. С. Меншиковъ*, баронъ *М. А. Корфъ*, баронъ *Ф. Н. фонъ-Врангель*, *П. А. Шлетиневъ*, *И. Д. Деляновъ*, предсѣдатель комиссіи *А. С. Норовъ* и многіе изъ гг. академикомъ, профессоромъ и другіе любители просвѣщенія. По открытіи собранія прочтены: членомъ *П. И. Савваитовымъ*: «Отчетъ о дѣятельности комиссіи за двадцать пять лѣтъ ея существованія»; членомъ *А. Ѳ. Бычковымъ*: «Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи», и членомъ *Н. В. Калацовымъ*: «Очеркъ царствованія Θεодора Алексѣевича, по актамъ, собраннымъ археографическою комиссіею». Ко дню празднованія двадцатипятилѣтія приготовлены комиссіею слѣдующія изданія: 1) VIII томъ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 2) VII томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ», 3) I томъ «Новгородскихъ писцовыхъ книгъ», 4) I отдѣлъ перваго тома писцовыхъ книгъ на Шведскомъ языкѣ, относящихся къ нѣкоторымъ областямъ древняго Новгорода, и 5) второе изданіе сочиненія Котошихина «О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Къ тому-же дню почетный гражданинъ *С. Ѳ. Лыткинъ*, сочувствуя дѣятельности комиссіи, привнесъ въ даръ пять тысячъ руб. сер., на каковое пожертвованіе определено продолжать изданіе актовъ, относящихся до исторіи западной Россіи.

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ ВОСТОЧНЫХЪ РУКОПИСЕЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКѢ. — Со-времени изданія въ свѣтъ, въ 1852 году, каталога восточныхъ рукописей Императорской публичной бібліотеки, коллекція ея постепенно обогащалась множествомъ новыхъ, частію весьма примѣчательныхъ, восточныхъ манускриптовъ. Между этими приобрѣтеніями, которыя всѣ, въ свое время, были исчисляемы въ годичныхъ отчетахъ бібліотеки, находились манускрипты: *Еврейскіе, Сирійскіе, Вѣіопскіе, Арабскіе, Татарскіе, Турецкіе, Армянскіе, Грузинскіе, Санскритскіе, Сіамскіе, Бирманскіе, Тамульскіе, Китайскіе, Яванскіе и Баттскіе.* Но въ-теченіе настоящаго года, къ собранію этому, уже весьма-богатому, недавно прибавилось еще цѣлое новое, до того важное, что съ нимъ могутъ

соперничать развѣ только знаменитыя коллекціи, поступившія въ публичную бібліотеку въ 1828 и 1829 годахъ, изъ *Ардебиля*, *Ахалцыха* и *Эрзерума*, и отъ приношеній шаха Персидскаго, черезъ сына его Хозрева-Мирзу. Князь Д. И. *Долморукій*, въ долгое пребываніе свое посланникомъ при Персидскомъ дворѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти значительное количество восточныхъ рукописей, столько-же примѣчательныхъ по своему научному достоинству, сколько и по красотѣ каллиграфическаго выполненія. Большая часть между ними—*Ново-Персидскія*, но есть также одна на священномъ языкѣ *Парсовъ*, до-сихъ-поръ, сколько мнѣ извѣстно, единственная въ Россіи, и нѣсколько *Арабскихъ* и *Джагатайскихъ*. Прежній владѣлецъ, правда, весьма обязательно сообщалъ эти сокровища свои ученымъ, желавшимъ ихъ разсматривать и изучать, но все-же доступъ къ нимъ никогда не могъ быть такъ свободенъ, а самое существованіе такъ общезвѣстно, какъ въ большомъ публичномъ книгохранилищѣ. Теперь вся эта коллекція, по Высочайшему повелѣнію, куплена у князя Долгорукаго (за 10,000 р.) и обращена въ Императорскую публичную бібліотеку, чѣмъ и исполнилось давнишнее желаніе многихъ изъ числа ученыхъ нашихъ ориенталистовъ. Разсматривая новое пріобрѣтеніе бібліотеки со-стороны его научнаго содержанія и достоинства, мы находимъ здѣсь знаменитѣйшія и превосходнѣйшія произведенія Персидской исторической литературы. Въ доказательство тому достаточно будетъ привести встрѣчающіяся здѣсь имена: *Мирхонда*, *Ландемира*, *Гафизъ-Абру*, *Казвини*, *Рашидъ-Эддина*, *Джувайни*, *Лари*, *Вассафа*, *Али-Иезди*, *Абдуръ Реззакъ-Самарканди*, *Искендеръ-Мунши*, *Мехды-Хана*, *Мухаммедъ-Садика* и др.; и изъ числа представителей Арабской литературы: *Табари* (въ Персидскомъ переводѣ) и *Ибнъ-Халликана*. Сверхъ всеобщей исторіи, эти сочиненія представляютъ богатые, до-сихъ-поръ малоизвѣстные, или и совсѣмъ неизвѣстные источники и матеріалы для спеціальной исторіи Газневидовъ, Монголовъ, Тимуридовъ, Сефидовъ, Керимъ-Хана, Феть-Али-Шаха, Кервана, Герата и т. д. Между книгами географическаго содержанія особенно-важны сочиненія: *Гамдуллаха-Мустафы-Казвини* и *Заинъ-Эль-Абидинъ-Ширвани*. Если-же прочія отрасли наукъ представляютъ менѣе образцовъ и матеріаловъ для изученія, хотя и тутъ можно указать на сочиненія филологическія (напр. знаменитый Арабскій лексиконъ *Камуса*) и астрономическія (интересное Арабское сочиненіе *Абуль-Гассана-*

Суфи), то, въ-замѣнъ, это вполне вознаграждается богатой коллекціею сочиненій всѣхъ знаменитѣйшихъ Персидскихъ поэтовъ, въ роскошно-написанныхъ и иллюстрированныхъ экземплярахъ. Между ними главное мѣсто занимаютъ сочиненія: *Фирдаузи*, *Енегри*, *Низами*, *Феридъ-Еддинъ Аттара*, *Джесалаль-Еддинъ-Руми*, *Саади*, *Гафиза*, *Эмиръ-Гассана-Дехлеви*, *Катиби*, *Джами* и др. Публичная библиотека обогатилась, изъ того-же источника, превосходнѣйшими экземплярами недостававшихъ ей біографій поэтовъ *Даулетшаха* и *Лутфъ-Али-Бега*, а новые экземпляры сочиненій Джагатайского поэта *Миръ-Али-Шира* или *Незайи*, хотя уже и находившихся въ библиотекѣ, тѣмъ не менѣе чрезвычайно-интересны и важны. Наконецъ, должно еще упомянуть о Персидскомъ переводѣ евангелистовъ, о которомъ, впрочемъ, только по дальнѣйшему розысканію можно будетъ рѣшить: новый-ли это, можетъ-быть, еще оставшійся донинѣ неизвѣстнымъ переводъ, или-же тождественный съ прежде-изданнымъ. Если въ каллиграфической красотѣ экземпляровъ и въ роскоши переплетовъ своихъ восточныхъ рукописей Императорская публичная библиотечка уже и прежде, какъ извѣстно, не уступала ни одной изъ прочихъ Европейскихъ библиотекъ, то коллекція, нынѣ вошедшая въ ее составъ, много прибавляетъ къ ея блеску даже и въ этомъ отношеніи. Говоря вообще, уже съ перваго взгляда позволено утверждать, что этотъ новый Монаршій даръ составляетъ одно изъ значительнѣйшихъ приобрѣтеній библиотечки за послѣдніе годы; но нѣтъ сомнѣнія, что болѣе-подробныя изслѣдованія означенныхъ рукописей, которыхъ всего 99, откроютъ такіе результаты, которые еще далеко превзойдутъ ожиданія, возникающія изъ всего сказаннаго выше.

Б. ДОРНЪ.

ВЫСТАВКА ТИШЕНДОРФОВСКАГО СОБРАНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКѢ. — Извѣстный всему ученому міру обширными путешествіями, совершенными по Европѣ и по востоку, не менѣе какъ и многочисленными своими трудами въ области археологіи, палеографіи, филологіи и богословія, Лейпцигскій ученый Константинъ *ТышENDORFЪ* въ прошломъ году предложилъ предпринять, подъ покровительствомъ и на изживеніи Русскаго правительства, новую поѣздку на востокъ, для отысканія въ Греческихъ, Сирійскихъ, Коптскихъ и Абиссинскихъ монастыряхъ, равно-какъ и въ част-

ныхъ собраніяхъ, древнихъ памятниковъ письменности и, въ-случаѣ возможности, для пріобрѣтенія ихъ въ собственность Россіи. По принятіи нашимъ правительствомъ этого предложенія, г. Тишendorfъ отправился на востокъ, и, послѣ годового тамъ пребыванія, пріѣхалъ въ Петербургъ. Результаты этой его поѣздки превзошли всѣ ожиданія и должны привлечь на себя общее вниманіе. Путешественникъ имѣлъ счастье представлять болѣе замѣчательныя изъ своихъ находокъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, а потомъ устроена была, въ рукописной залѣ Императорской публичной библиотеки, выставка этихъ драгоцѣнностей, къ осмотру которой допускались всѣ желающіе. Въ составѣ этой выставки мы назовемъ, сперва, *палимпсесты* (*), которые во всѣхъ Европейскихъ бібліотекахъ причисляются къ величайшимъ драгоцѣностямъ. Ихъ здѣсь—*двѣнадцать* и, въ томъ числѣ, нѣсколько Сирійскихъ, которыхъ стертое Коптско-Греческое письмо, въ три столбца, свидѣтельствуешь объ ихъ глубочайшей древности. Далѣе въ одномъ палимпсестѣ первоначальное письмо представляетъ отрывки на Греческомъ языкѣ изъ *Пятикнижія*, переписаннаго въ VII вѣкѣ, а второе письмо Арабскій текстъ, конца IX вѣка, житія одного изъ святыхъ, подвизавшихся на востокѣ. Въ другомъ палимпсестѣ евангельскій текстъ на Сирійскомъ языкѣ, V вѣка, былъ очищенъ въ X, для написанія сочиненія на Грузинскомъ языкѣ. Есть также нѣсколько церковно-Славянскихъ палимпсестовъ, какъ извѣстно, особенно рѣдкихъ: въ однихъ и первоначальный и позднѣйшій тексты писаны Кирилловскими письменами; въ другихъ-же изъ-подъ Кирилловскихъ буквъ видны стертые глаголическія. *Греческіе манускрипты* Тишendorfовскаго собранія написаны, частью, унциальнымъ (крупнымъ) шрифтомъ, употреблявшимся въ первыя столѣтія по Р. Х., частью-же позднѣйшимъ, менѣе крупнымъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ нѣсколько текстовъ священнаго писанія въ спискахъ IX вѣка и отрывокъ изъ евангелія и изъ посланій апостола Павла, VI вѣка, къ числу послѣднихъ—нѣсколько рукописей Ветхаго и Новаго Завѣта, красивѣйшаго почерка,

(*) Извѣстно, что *палимпсестами* называются такія рукописи на пергаментѣ, съ которыхъ дороговизна его въ средніе вѣка заставляла считать прежніе тексты, чтобы писать на мѣсто ихъ что-нибудь другое. Извѣстно также, что только въ наше время открыто искусство возстановлять, посредствомъ химическихъ способовъ, уничтоженное такимъ образомъ прежнее письмо.

конца IX или начала X вѣка. Чрезвычайно важны также *рукописи восточныя*. Нѣсколько *Сирійскихъ* и *Коптскихъ* написаны тому назадъ болѣе тысячи лѣтъ. Между Коптскими очень замѣчательны: отрывки на *Сасидійскомъ* нарѣчїи, изъ житїя св. Виктора, найденные въ христіанской мумійской гробницѣ V столѣтія, близъ древняго Мемфиса. Въ числѣ Арабскихъ манускриптовъ, одинъ, принадлежащій, по означенному на немъ числу, къ 279 г. геджры (892 г. по Р. X.), содержитъ въ себѣ посланїя апостола Павла, переведенныя съ древнѣйшаго Сирійскаго переложенїя. Очень замѣчательна еще дарственная записъ, около 20 аршинъ длиною, выданная, 350 лѣтъ назадъ, въ Іерусалимѣ, одной мечети на земляныя угодыя. Сверхъ многихъ *Абиссинскихъ*, *Еврейскихъ* и *Армянскихъ* рукописей, которыя почти всѣ на пергаментѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе два листа, также на пергаментѣ, *Самаританскаго* Пятикнижїя, приобрѣтенныя въ Неаполѣ, или Наплюсѣ (древнемъ Сихемѣ). Самаританскій почеркъ, какъ извѣстно, первоначальный между всѣми Еврейскими, употреблялся, по преданїямъ, самимъ Моисеемъ и былъ удержанъ Самаританами и тогда, когда Евреи, по возвращенїи изъ плѣненїя, приняли введенную Эздрою новую азбуку. Немало труда и пожертвованїй потребовалось, чтобы склонить живущихъ теперь въ Наплюсѣ немногихъ Самаританъ разстаться съ этою завѣтною ихъ стариною. Еще къ отдаленнѣйшей эпохѣ принадлежатъ происходящїя изъ Египта древности. Первое мѣсто между ними занимаютъ два *папирусные свитка*: одинъ іератическій, другой Греческій, послѣдній—время императора Адріана и касается замѣчательнаго, досихъ-поръ еще неполнѣ разъясненнаго историческаго факта, именно философа Секунда, наложившаго на себя обѣтъ вѣчнаго молчанїя и будто-бы за то, что не захотѣлъ его нарушить, приговореннаго Адріаномъ къ смерти. Любопытны также: нѣсколько небольшихъ, деревянныхъ, Греческихъ надгробныхъ памятниковъ, между которыми одинъ былъ поставленъ надъ прахомъ собаки, умершей на 6 году; *Коптскїя* начертанїя на камнѣ и *демотическїя* на черепкахъ; наконецъ, по всему вѣроятїю, единственная своею древностїю *Греческая астролябія*, едва-ли не IV вѣка. Но мы еще не назвали драгоцѣннѣйшей жемчужины изъ всего собранїя, привезеннаго Тишендорфомъ, — древнѣйшей и для всего христіанскаго міра необычайно-важною Греческою рукописи, заключающей въ себѣ, сверхъ значительныхъ отрывковъ Ветхаго

Завѣта, по переводу 70 Толковниковъ, весь Новый Завѣтъ. Въ Европейскихъ библіотекахъ довольно рукописей Библии, ко ни одна изъ тѣхъ немногихъ, которыя уцѣлѣли отъ эпохи, предшествовавшей X вѣку, не содержитъ въ себѣ *всего* Новаго Завѣта. Изъ числа двухъ, хранящихся въ Римѣ и Лондонѣ и почитавшихся донынѣ полнѣйшими и знаменитѣйшими въ мірѣ, Римской недостаетъ четырехъ посланій апостола Павла и половины пятого, а также всего Апокалипсиса; въ Лондонской-же нѣтъ почти пѣлаго Евангелія отъ Матвея и разныхъ частей въ Евангеліи отъ Іоанна и въ посланіяхъ Павла. Кодексъ, привезенный теперь съ Синайской горы въ Петербургъ, сверхъ совершенно-полнаго текста Новаго Завѣта, заключаетъ въ себѣ еще два сочиненія—одно вполне, другое въ отрывкѣ, которыя во II и III столѣтіяхъ равномѣрно были причисляемы къ книгамъ священнаго писанія. Первое изъ нихъ есть посланіе Варнавы въ Греческомъ унциальномъ текстѣ; второе—такъ-называемый *Пастырь Гермаса*, открытое тому только три года, въ наполненномъ ошибками Греческомъ спискѣ XV столѣтія. Эпоху найденнаго нынѣ списка библии Тишендорфъ, въ настоящее время едва-ли не первый авторитетъ по части Греческой палеографіи, относитъ къ IV вѣку, слѣдственно къ временамъ Константина Великаго и перваго вселенскаго собора. Такимъ-образомъ этотъ списокъ есть *древнѣйшій изъ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ*, не исключая и знаменитаго Ватиканскаго кодекса. Настоящая рукопись, являющаяся, по прошествіи тысячи пятисотъ лѣтъ, живымъ свидѣтельствомъ великаго значенія апостольскаго благовѣствованія между первоначальными христіанами, предназначена Синайскимъ братствомъ въ даръ Его Императорскому Величеству, какъ покровителю и оплоту православной церкви. Приобрѣтеніе этого сокровища доставляетъ нашей сѣверной столицѣ безкровную побѣду надъ Римомъ и Лондономъ, и Россія, вѣроятно, неслучайно избрана хранить въ себѣ эту завѣтную святыню, древнѣйшую хартію священнаго писанія, какъ-бы чудомъ Промысла пережившую, у подошвы Моисеевой горы, всѣ бури пятнадцатипяти столѣтій.

ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—Императорское Русское географическое Общество имѣло 7 октября свое первое, послѣ каникулярнаго времени, засѣданіе, подѣ

предсѣдательствомъ вице-президента *Ө. П. Литке*, въ которомъ присутствовали 110 дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Въ началѣ засѣданія секретарь *Е. И. Ламаискій* доложилъ о занятяхъ совѣта Общества въ послѣднее время и о поступившихъ въ даръ книгахъ, рукописяхъ и картахъ, между коими обращаютъ на себя особенное вниманіе богатыя статистическія изданія, присланныя изъ Америки, Американскимъ географическимъ и статистическимъ Обществомъ, военнымъ министромъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и обществомъ *Smithsonian Institution* въ Вашингтонѣ, а также одинъ экземпляръ роскошнаго изданія путешествія *Р. Маака* по Амуру, доставленный членомъ-соревнователемъ *С. Ф. Соловьевымъ*. Представленъ Обществу второй томъ Русскаго перевода *П. П. Семенова* «Географіи Риттера», причемъ *П. П. Семеновъ* объявилъ, что печатаніе третьяго тома уже значительно подвинулось, такъ-что можно ожидать его выхода въ свѣтъ въ-теченіе предстоящей зимы. Засимъ *Р. Э. Ленцъ*, членъ экспедиціи Хорассана, сообщилъ нѣсколько интересныхъ данныхъ объ ученыхъ результатахъ, добытыхъ имъ во время путешествія и 16-мѣсячнаго пребыванія въ Персіи и Афганистанѣ. Работы *г. Ленца* имѣли цѣлю опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ и возвышенія ихъ надъ уровнемъ моря, изслѣдованіе трехъ элементовъ земнаго магнетизма, т.е. склоненія, наклоненія и напряженія, измѣреніе высотъ горъ и наблюденіе метеорологическихъ явленій. Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1858 года экспедиція прибыла въ Астрабадскую провинцію, въ городъ Астрабадъ. *Г. Ленцъ* воспользовался здѣсь временемъ поѣздки отсюда начальника экспедиціи, *г. Ханыкова*, въ Тегеранъ, для опредѣленія хода хронометровъ и абсолютной долготы города Астрабада. Кромѣ-того, въ Астрабадѣ и Зіаредѣ онъ опредѣлилъ всѣ три элемента земнаго магнетизма, измѣрилъ нѣсколько высотъ Альбурскаго хребта и занимался опредѣленіемъ метеорологическихъ явленій. Около половины мая экспедиція оставила Астрабадъ и, перейдя, въ два перехода, Альбурскій хребетъ, остановилась въ городѣ Шахрудѣ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ мѣстахъ остановки, *г. Ленцъ* занимался опредѣленіемъ хода хронометровъ и, кромѣ-того, имъ опредѣлены здѣсь всѣ три элемента земнаго магнетизма и измѣрено значительное число Альбурскихъ горъ. Перваго іюня, послѣ пребыванія *г. Ханыкова*, экспедиція отправилась далѣе, въ городъ Мешедъ, столицу нынѣшняго Хо-

рассана. На пути г. Ленцъ старался опредѣлить какъ можно болѣе астрономическихъ пунктовъ и измѣрять элементы земнаго магнитизма. Подобнымъ-же измѣреніемъ, а также опредѣленіемъ географическаго положенія мѣста, г. Ленцъ занимался въ-теченіе пяти-недѣльнаго пребыванія въ Мешедѣ; кромѣ-того, онъ предпринималъ экскурсіи въ окрестности, для астрономическихъ и барометрическихъ наблюденій. Оставивъ Мешедъ въ началѣ августа, экспедиція прибыла въ началѣ сентября въ Хератъ, причемъ опредѣлено значительное число до-тѣхъ-поръ неизвѣстныхъ пунктовъ. Въ Хорассанѣ главная задача г. Ленца состояла въ точномъ, по-возможности, опредѣленіи абсолютной долготы этого мѣста, какъ самаго восточнаго пункта путешествія. Предпринявъ изъ Херата экскурсію въ городъ Теббесъ, находящійся на восточной границѣ соляной пустыни Хорассана, и въ городъ Бердянскъ, г. Ленцу удалось-собрать объ этой мѣстности, почти вовсе неизвѣстной, богатые данныя для науки. Въ февралѣ 1859 г. экспедиція оставила Хорассанъ и отправилась въ замокъ Лашъ, столицу Лашскаго владѣнія. Особенно интересны сдѣланныя здѣсь барометрическія наблюденія, показывающія повышеніе поверхности земли отъ Херата до перевала Сенгиге-Сіа, лежащаго близъ Хератскаго города Сабзора и достигающаго до 5,000 Англ. фут. высоты; отсюда начинается постепенное пониженіе, до самаго озера, поверхность котораго находится на высотѣ около 1,200 ф. Слѣдуя далѣе, экспедиція остановилась у озера Заре, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Харудъ или Адрасканъ втекаетъ въ сѣверо-западный заливъ его. Г. Ленцъ опредѣлилъ высоту и географическое положеніе этого мѣста. Видъ и величина этого озера измѣняются постоянно; часто сѣверная его часть высыхаетъ и остается одна южная; часто бываетъ противное, смотря потому, сколько приносятся воды три главныя втекающія въ него рѣки: Харудъ и Феррарудъ въ сѣверную часть, и въ южную Хилмендъ, протекающій близъ Кандагара; случается также иногда, что озеро раздѣляется на двѣ части, на южную и сѣверную, раздѣленные узкою сухою полосою, какъ это было во время нашего путешествія; это, по-крайней-мѣрѣ, рассказывали Персидскіе путешественники, возвращавшіеся съ восточнаго берега озера и увѣрявшіе, будто они прошли по этой полосѣ. За деревнею Нехъ, экспедиція прошла 250-верстную пустыню въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ между деревнями Серри-Чахъ и Дехи-Сейфъ, гдѣ на протяженіи 200 верстъ не

встрѣчается воды; а потомъ, въ четыре перехода дошла до города Кирмана. Эту мѣстность можно было считать до-сихъ-поръ совершенно-неизвѣстною. Изъ барометрическихъ измѣреній оказывается, что поверхность земли поднимается отъ озера Заре (1,200) до деревень Нехъ и Серри-Чахъ (лежащихъ на высотѣ отъ 4,000 до 5,000 фут.); потомъ, постепенно понижаясь, достигаетъ наименьшей высоты (около 900 фут.), въ томъ мѣстѣ пустыни, которое называется Шахри-Лютъ, поднимается снова до Хюббиса, лежащаго у подошвы горы на высотѣ 1,500 ф., получаетъ наибольшую высоту на перевалѣ этихъ горъ (отъ 8,000 до 9,000 фут.) и опускается снова до Кирмана, лежащаго на высотѣ около 5,500 Англ. ф. Все пространство между Ездомъ и Исфаганомъ, куда экспедиція затѣмъ направила путь, и дальше до Тегерана, ограничивающее съ юга и запада большую соляную пустыню, лежитъ на высотѣ отъ 3,000 до 4,000 фут., какъ и все пространство отъ Шахруда до Мешада, примыкающее съ сѣвера этой пустыни. Въ двухъ только мѣстахъ встрѣчены перевалы, достигающіе болѣе значительной высоты. Изъ Исфагана, черезъ Зергенде, въ 10 верстахъ отъ Тегерана, и деревню Фируску, экспедиція перешла затѣмъ въ Мазандеранскую и Астрабадскую провинціи, слѣдуя теченію рѣки Таларъ, впадающей въ Каспійское море. Во время всего путешествія по Персіи и Афганистану, г. Ленцъ опредѣлялъ положеніе около 100 пунктовъ. Всѣ три магнитные элемента: силу, склоненіе и наклоненіе онъ опредѣлялъ въ 28 пунктахъ, а въ 29 опредѣлены только 2 элемента. Тригонометрическимъ способомъ онъ измѣрилъ около 200 вершинъ горъ, барометромъ опредѣлено имъ и его спутниками около 400 высотъ, которыя дадутъ профиль всего ими пройденнаго пространства. Изъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ г. Ленцомъ во все время путешествія, можно предвидѣть теперь уже нѣсколько интересныхъ результатовъ. Барометръ показываетъ чрезвычайно-малыя и удивительно-правильныя измѣненія давленія атмосферы; температура ея также мѣняется очень правильно, и замѣчательно то обстоятельство, что она достигаетъ наибольшей величины около 4 часовъ по-полудни, а не около 2-хъ, какъ это среднимъ числомъ бываетъ у насъ. Влажность по всему Хорассану весьма мала и заключается обыкновенно между 20 и 30%; въ Шахрудѣ г. Ленцъ опредѣлялъ разъ влажность въ 17%, въ пустынѣ около Кирмана только въ 14%.—Секретарь Е. И. *Ламапскій* представилъ

собранию карту озера Иссык-Куля, верховьевъ рѣки Чу и части Заилійскаго края, составленную и присланную штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба *Венюковымъ*, вмѣстѣ съ запискою, которая была прочитана секретаремъ.—Затѣмъ избраны были на двѣ открывшіяся вакансіи въ члены совѣта, вслѣдствіе сложенія съ себя этой должности графомъ *Е. В. Путятинымъ* и смерти *П. С. Савельева*, дѣйств. члены *А. К. Гирсъ* и *К. С. Веселовскій*. Въ дѣйствительные члены избранъ единогласно *М. И. Венюковъ*. Въ заключеніе доложено Обществу о сложеніи *Е. И. Ламанскимъ* съ себя званія секретаря, по причинѣ многочисленныхъ служебныхъ занятій, и порученіи Его Императорскаго Высочества *Августѣйшаго* предсѣдателя Общества благодарить отъ его имени *Е. И. Ламанскаго* за полезные труды въ-теченіе пятилѣтней его дѣятельности на этомъ поприщѣ. По приглашенію г. вице-предсѣдателя, гг. члены, присутствовавшіе въ общемъ собраніи, изъявили также *Е. И. Ламанскому* благодарность и сожалѣніе объ оставленіи имъ должности секретаря. *Е. И. Ламанскій* отнесся къ Обществу съ слѣдующими прощальными словами: «Сегодня я имѣю честь въ послѣдній разъ присутствовать между вами въ званіи вашего секретаря. Другія обязанности, которыхъ я не имѣю права отклонить отъ себя, заставляютъ меня посвятить имъ все свободное время, удѣляемое мною на служеніе Обществу. Оставляя нынѣ мои занятія и передавая должность другому достойному премнику, а не могу не выразить предъ вами сожалѣнія, съ которыми я расстаюсь съ обязанностями, столь почетными, дававшими мнѣ возможность употреблять свои труды на общую пользу и доставлявшими мнѣ утѣшеніе. Должность секретаря нашего Общества принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ обязанностей, которыя облакаютъ принимающаго ихъ лестною довѣренностью, которыя даютъ благородное побужденіе оправдать ее и которыхъ, скажу по совѣсти и по опыту, нельзя покидать безъ самаго глубокаго сожалѣнія и крайней необходимости. Привыкнувъ, въ-теченіе пяти слишкомъ лѣтъ, трудиться съ вами, я не могу не сознать себя обязаннымъ распоряженію и указаніямъ, которыми не оставляли меня ни вице-предсѣдатель, ни совѣтъ, ни всѣ вы, мм. гг., тѣмъ, что я полюбилъ трудъ и науку, сохранялъ къ нимъ почтеніе и любовь—эти главныя побужденія въ общественной дѣятельности, которыя, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и сдѣланной привычкѣ, надѣюсь, я не утрачу никогда. Позвольте мнѣ

выразить вамъ чувства искренней моей благодарности за ваше расположеніе ко мнѣ и за тѣ многочисленныя знаки одобренія, которые встрѣчалъ въ васъ постоянно въ продолженіе моей дѣятельности, какъ секретаря вашего. Оставляя занятія по этой должности, я сохраняю прежнее желаніе быть полезнымъ Обществу и принимать участіе въ трудахъ его, насколько время позволитъ мнѣ приносить ему пользу. Воспоминанія о времени исправленія должности секретаря вашего останутся для меня лучшими воспоминаніями жизни, проведенной среди новыхъ интересовъ науки, въ кругу почтенныхъ ея дѣятелей, въ сношеніяхъ съ людьми, преданными успѣхамъ мысли и знанія». Засимъ г. вице-предсѣдатель сообщилъ о выборѣ совѣтомъ въ секретари *Ө. Г. Тернера*, который благодарилъ Общество за сдѣланную ему честь и оказанное довѣріе.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. —

Недавно обнаружено представленіе статистической комиссіи Варшавскаго земледѣльческаго Общества объ устройствѣ земледѣльческой статистики въ Царствѣ Польскомъ. Мѣры, изложенныя въ этомъ документѣ, удобопримѣнимы къ сельско-хозяйственному дѣлу и собственно Русскихъ губерній. Вотъ заключенія этого представленія комиссіи, которыя мы извлекаемъ изъ «Указателя политико-экономическаго»: 1) Такъ-какъ наибольшая часть матеріаловъ для познанія края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи находится въ рукахъ правительственныхъ властей, то земледѣльческое Общество должно, по мѣрѣ признаваемой имъ надобности, относиться къ этимъ властямъ съ выраженіемъ желанія, чтобы упомянутыя матеріалы стали для него доступны, и чтобы ему ежегодно сообщаемы были статистическія данныя, относящіяся къ земледѣлію, и по-мѣрѣ полученія этихъ свѣдѣній, стараться узнавать, въ чемъ они требуютъ дополненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ производить сношенія съ кѣмъ нужно. 2) Такъ-какъ нѣкоторыя части земледѣльческой статистики, а именно считающіяся самыми важными, могутъ быть начаты и подвигаемы силами земледѣльческаго Общества, то необходимо съ этою цѣлію учредить въ краѣ отдѣльныя *статистическія комиссіи*, по-возможности обнимающія небольшія мѣстности, такъ-чтобы въ каждомъ округѣ могла заниматься этимъ предметомъ какъ можно большая часть членовъ

Общества, и этимъ делегаціямъ поручить прежде всего правильное изслѣдованіе пространства земли воздѣланной и посѣвовъ, а также представленіе приблизительныхъ свѣдѣній о хозяйственныхъ урожаяхъ—на томъ основаніи, что свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ находятся въ тѣсной связи со свѣдѣніями о пространствахъ земли. Къ дальнѣйшимъ, но долженствующимъ немедленно начаться дѣйствіямъ статистическихъ комиссій можно также отнести и статистику сельско-хозяйственныхъ животныхъ; а по достаточномъ развитіи трудовъ комиссій, распространить ея дѣйствія на населенность и различныя другія части земледѣльской статистики. Для убѣжденія-же въ томъ, какъ далеко мысль собиранія статистическихъ свѣдѣній въ краѣ соответствуетъ желаніямъ и намѣреніямъ членовъ общества, сдѣлать отъ комитета общему собранію представленіе, показывающее важность этой задачи и приводящее къ соображенію, чтобы, по сношеніи съ корреспондентами, въ цѣломъ Царствѣ отъ комитета были учреждены статистическія комиссіи, съ препровожденіемъ имъ приличныхъ инструкцій и указаній. Затѣмъ комитетъ долженъ опредѣлить, какіе можно придумать способы полученія статистическихъ данныхъ посредствомъ упомянутыхъ комиссій, какъ устроить дальнѣйшее сближеніе и обобщеніе присылаемыхъ чиселъ, наконецъ, какъ достигнуть до постоянно-большаго развитія объема земледѣльской статистики и до полнаго и правильнаго устройства, а также большаго веденія ея. 3) Тѣ отдѣлы статистики, какъ чистой, такъ и прикладной, которые относятся къ связи естественныхъ и физическихъ наукъ съ земледѣліемъ, комитетъ можетъ самъ ближе изслѣдовать и узнать, насколько окажется возможнымъ, при помощи и съ содѣйствіемъ мѣстныхъ ученыхъ, не только получать и собирать свѣдѣнія и научныя наблюденія, но и излагать и обрабатывать сочиненія, касающіяся до естественныхъ наукъ въ ихъ приложеніи и къ мѣстному земледѣлію. Такія дѣйствія со стороны сельско-хозяйственныхъ обществъ, веденныя добросовѣстно и дружно съ различными властями, конечно, поведутъ къ желаннымъ результатамъ и помогутъ развитію самаго сельскаго хозяйства, которое, подобно торговой промышленности, при современныхъ условіяхъ, требуетъ большаго оживленія, болѣе прогрессивной обстановки. Раціональныя начала изложенной земледѣльской статистики доставятъ, между прочимъ, возможность болѣе уяснить причины и условія, отъ которыхъ зависить постепенный и возможный успѣхъ сельскаго хо-

зайства,—что весьма-важно въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ. Условія, видоизмѣняющія ходъ сельско-хозяйственной и торговой промышленности, разнообразны, но, конечно, могутъ быть подведены подъ основныя правила. Между-прочимъ, по этому поводу мы имѣемъ небольшое извѣстіе о перемѣнѣ, происшедшей въ торговыхъ операціяхъ Сибири съ Великороссійскими губерніями, вслѣдствіе присоединенія Амурской области. «Сибирь, говорится въ письмѣ, помѣщенномъ въ журналѣ «Посредникъ промышленности и торговли», издавна вела съ Москвою огромную торговлю, и представляла выгодный сбытъ Русскимъ мануфактурнымъ и разнымъ иностраннымъ товарамъ, которые покупались Сибиряками у нашихъ торговцевъ здѣсь и, болѣею частію, на Нижегородской ярмаркѣ. Въ семь году они купили на ярмаркѣ гораздо меньше прежняго, и мы старались разузнать причину этого уменьшенія въ требованіи. Результатъ нашихъ изслѣдованій обнаруживаетъ слѣдующія обстоятельства: по присоединеніи Амурскаго края къ Россіи, таможенныя заставы на бывшей границѣ Сибири уничтожены, а для быстрѣйшаго развитія присоединеннаго края, правительство разрѣшило подарить тамошній главный приморскій городъ Николаевскъ правами порто-франко, дозволяя поселившимся въ этомъ городѣ Англійскимъ и Американскимъ купцамъ продавать привозимые ими товары по всему краю, не подвергая эти товары никакимъ пошлинамъ. Легко можно понять, что въ такомъ случаѣ Николаевскіе торговцы будутъ снабжать всю Сибирь своими привозными товарами, и Москвѣ съ ними невозможно соперничать. Провозъ изъ Англіи до Николаевска обходится около 3 рублей за пудъ, отъ Николаевска до Иркутска—неболѣе 2 рублей, а отъ Москвы до Иркутска — около 6 рублей, слѣдовательно, провозъ изъ Англіи до Иркутска, чрезъ Николаевскъ, дешевле, нежели изъ Москвы до Иркутска. Сверхъ-того, иностранныя ткани, привозимыя въ Россію, подвергнуты платѣ привозныхъ пошлинъ, вліяніемъ которыхъ поддерживаются и высокія цѣны на Русскія мануфактурныя произведенія; настоящія пошлины составляютъ: на шелковыя матеріи на пудъ 160 р. — 280 р., шерстяныя матеріи на пудъ 20 р. — 160 р., бумажныя матеріи на пудъ 16 р. — 56 р., а доставка ихъ изъ Англіи до Москвы рубль съ пуда. Означенные факты довольно-ясно доказываютъ, что наша торговля съ Сибирью должна уменьшиться при такихъ обстоятельствахъ, а принявъ въ соображеніе,

что доставка товара изъ Англїи въ Москву чрезъ Николаевскъ обходится двѣнадцать рублей за пудъ, считая рубль съ пуда на перегрузку, то выгоднѣе выписывать иностранныя ткани симъ путемъ, нежели чрезъ Европейскія границы, гдѣ одна пошлина составляетъ отъ 130 до 2,500 процентовъ болѣе».

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ДѢВЪЦЫ УЧИЛИЩЕ. — Въ Арханг. губ. вѣд. напечатано: «Мы съ справедливою гордостію можемъ указать на Архангельское училище дѣвицъ. Оно существуетъ у насъ уже 11 лѣтъ, тогда-какъ во многихъ губернскихъ городахъ только теперь начинаютъ заботиться объ устройствѣ подобныхъ заведеній; оно существуетъ самыми ничтожными средствами, нисколько не стѣсняя родителей воспитанницъ, для которыхъ все обученіе обходится въ 6 р. ежегодной платы, и не смотря на то, оно стойтъ высоко и по успѣхамъ обученія и по духу заведенія и по довѣрїю, которое питаетъ къ нему общество. Лучшее доказательство этого довѣрїя — пожертвованіе 12,000 руб. с., сдѣланное потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ *Куйкинымъ*, на покупку каменнаго дома для училища. Съ именемъ П. К. Куйкина давно уже соединяется у насъ мысль о постоянныхъ, скромныхъ и безкорыстныхъ дѣлахъ и пожертвованіяхъ на пользу общую. Последнее значительное пожертвованіе его окончательно упрочило существованіе училища дѣвицъ, которое въ-особенности нуждалось въ удобномъ помѣщенїи, и принуждено было до-сихъ-поръ, по недостатку средствъ, тѣсниться въ небольшомъ наемномъ домѣ. На эти деньги купленъ и отстроенъ двухъ-этажный домъ казенной аптеки, оставшійся въ развалинахъ послѣ послѣдняго пожара. Благодаря трудамъ и безкорыстному усердію нашего городского головы Е. А. *Плотникова*, домъ отстроенъ и отдѣланъ прекрасно: на мѣстѣ безобразной развалины возвышается теперь зданіе, украшающее городъ. 16 августа назначенъ былъ переходъ училища на новоселье. Съ 11 часовъ утра залы новаго училища стали наполняться посетителями, между которыми было много дамъ. Вскорѣ прибыли г. военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Б. А. *Глазенапъ* съ супругою и г. начальникъ губерніи, дѣйств. ст. сов. Н. И. *Арандаренко* съ супругою. По прибытіи его преосвященства епископа *Александра*, началось молебствіе въ первой залѣ училища, гдѣ

стройными рядами стояли дѣти. По окончаніи молебствія, съ униженіемъ прочитавъ молитву и благословивъ дѣтей, преосвященный окропилъ св. водою пожертвованный г. Куйкинымъ для этого училища образъ Нерукотвореннаго Спаса, потомъ стѣны зданія. Послѣ сего г. директоръ училищъ въ той-же залѣ прочелъ отчетъ о состояніи Архангельскаго училища дѣвицъ за 11 лѣтъ его существованія. Раздѣляя вполне убѣжденія г. Яниша, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько строкъ изъ его отчета, въ которыхъ изложилъ онъ взглядъ на правильное устройство женскихъ школъ. Вопросъ этотъ одинъ изъ весьма важныхъ въ настоящее время въ нашемъ краѣ, такъ-какъ мы ожидаемъ въ скоромъ времени открытія женскихъ училищъ по уѣздамъ Архангельской губерніи, о чемъ начальникъ губерніи, совмѣстно съ директоромъ училищъ, особенно заботятся.

Раскрывъ успѣхи Архангельскаго училища дѣвицъ, г. Янишъ продолжаетъ: «Что-же за причина такихъ успѣховъ училища? отчего, возникнувъ почти незамѣтно, изъ самыхъ ничтожныхъ средствъ, оно такъ удачно пошло, такъ много принесло пользы и заслужило довѣріе. Вотъ вопросы, мм. гг., которые являются сами собою и я ненадолго остановлю на нихъ ваше благосклонное вниманіе, имѣя въ виду, что они уяснятъ намъ нѣчто для будущей пользы училища.

«1) Главная причина успѣха Архангельскаго училища дѣвицъ есть та, что оно возникло само собою, изъ коренныхъ потребностей нашего общества, а не привито къ нему искусственно, взвнѣ. Если справедливо приложеніе экономическаго закона, что всякое предпріятіе въ частности должно возникнуть само собою, безъ навязыванія со стороны, что за всякое дѣло ручается его польза, безъ всякихъ стороннихъ искусственныхъ мѣръ возбужденія къ дѣятельности,—то исторія Архангельскаго училища дѣвицъ блестящимъ образомъ оправдываетъ этотъ законъ. Нельзя не отнести къ чести здѣшнихъ гражданъ, что они учрежденіемъ женскаго училища опередили многіе губернскіе города, которые только съ недавняго времени принялись за учрежденіе у себя женскихъ учебныхъ заведеній.

«2) Далѣе, основательность образованія, сообщаемаго училищемъ дѣвицъ, полное приноровленіе къ потребностямъ нашего большаго частію небогатаго общества, отсутствіе всего моднаго,

сообщеніе дѣвицамъ истинно-нужныхъ и полезныхъ для жизни и будущихъ обязанностей ихъ знаній, безъ всякаго опасенія ихъ родителей, много способствовали развитію въ обществѣ довѣрія къ училищу.

«3) Много, очень много пользы и въ томъ, что оно есть незакрытая школа, не отчуждаетъ дѣвочку отъ семьи, не закрываетъ отъ нея домашнихъ нуждъ и обязанностей, заставляетъ ее жить и учиться жить въ той-же сферѣ, которая есть самая высокая и законная сфера женщины. Женское училище свѣтомъ знанія и развитаго изящнаго чувства должно осмыслить, облагородить нравственную сторону и виѣшность дѣвочки, но не должно создавать ей другую искусственную сферу, замыкая ее отъ родной семьи. Этого требуетъ и теорія и опытъ современнаго воспитанія.

«4) Наконецъ успѣхи обученія, нельзя не признать, въ нашемъ училищѣ много завистѣли отъ отсутствія многихъ формальностей въ учебномъ курсѣ. У насъ нѣтъ опредѣленнаго однажды навсегда срока учебнаго курса, нѣтъ строгаго раздѣленія на классы, обязательнаго перехода изъ класса въ классъ; весь ходъ образованія дѣвочки, болѣе или менѣе быстрый или медленный, опредѣляется ея умственнымъ развитіемъ, ея способностію заниматься тѣмъ или другимъ дѣломъ. Нѣтъ у насъ обязательныхъ руководствъ, программы предметовъ даны только общія, нестѣсняющія преподавателя объемомъ, порядкомъ и содержаніемъ курсовъ. Предметовъ преподаванія немного, за то каждый изъ нихъ читается основательно, при единодушномъ стремленіи всѣхъ преподавателей дѣйствовать преимущественно на развитіе въ дѣвочкѣ ума и вкуса, при употребленіи методовъ практическихъ, наглядныхъ.

«Вотъ, по моему убѣжденію, причины настоящихъ успѣховъ училища и ручательство за его будущее процвѣтаніе.

«5) Но каковы-бы ни были успѣхи его по учебной части, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что многое его ожидаетъ впереди и многое изъ настоящей организациі училища требуетъ измѣненія.

«Въ этомъ отношеніи представляется на первомъ планѣ необходимость: а) въ преобразованіи его устава, сообразно съ современными требованіями и съ указаніемъ опыта; б) въ открытіи практическаго педагогическаго курса для тѣхъ дѣвицъ, которыя имѣютъ въ виду, по выходѣ изъ заведенія, открытіе частныхъ

школь; и наконецъ в) въ заведеніи при училищѣхъ библіотеки, которой недостатокъ весьма ощутителенъ и можетъ быть восполненъ только при частной благотворительности. Не сомнѣваюсь, что она и въ этомъ благомъ дѣлѣ не замедлитъ явиться на помощь, по-крайней-мѣрѣ это будетъ лучшимъ доказательствомъ, какъ дороги для общества интересы Архангельскаго училища для образованія дѣвицъ».

Въ-заключеніе своего чтенія, г. Янищъ отъ лица всего общества обратился къ г. Куйкину съ выраженіемъ признательности и сочувствія къ его прекрасному поступку; нѣсколько простыхъ словъ, полныхъ горячаго дѣтскаго чувства, произнесены были и отъ лица воспитанницъ училища дѣвицею *Е. Мариескою*. Минута, когда маленькій ораторъ сошелъ съ кафедры, была вполне хороша: раздались дружные аплодисменты, многіе плакали; сочувствіе, которое неволью возбуждаетъ къ себѣ всякое благородное дѣло,—видимо овладѣло обществомъ. Что сказать о самомъ виновникѣ праздника въ эту минуту? Въ его тихой и мирной жизни мало удавалось переживать подобныхъ минутъ; онѣ — мы вполне увѣрены — будутъ лучшимъ воспоминаніемъ его жизни, лучшимъ украшеніемъ его старости. ●

Рѣчи кончились; дѣти перешли во 2-й залъ, гдѣ всѣмъ имъ сюрпризомъ приготовлены были маленькіе подарки на новоселье отъ лица г. гражданскаго губернатора. За тѣмъ подали шампанское, дружное «ура!» раздалось въ стѣнахъ новаго зданія за здоровье Августѣйшаго Покровителя народнаго воспитанія. Послѣ тоста за здоровье г. Куйкина, общество, по приглашенію г. начальника губерніи, перешло въ домъ имъ занимаемый; здѣсь въ два часа пополудни предложенъ былъ завтракъ, на которомъ, послѣ новаго тоста за здоровье Государя Императора, хозяинъ обратился къ г. Куйкину съ нѣсколькими теплыми словами привѣтствія и сочувствія. Послѣ завтрака, по предложенію начальника губерніи, открыта была между гостями подписка, на устройство уѣздныхъ женскихъ училищъ, и въ нѣсколько минутъ было собрано до 800 руб. — Самый благородный способъ праздновать благородное дѣло!

Праздникъ кончился; съ 17 числа начались занятія въ обновленномъ училищѣ. Отъ души желаемъ ему успѣха, отъ души желаемъ его будущимъ женскимъ училищамъ по уѣздамъ Архангель-

ской губерніи. Ручательство за успѣхъ — глубокое сооувствіе общества къ великому, непростительно-забытому до послѣдняго времени, дѣлу женскаго воспитанія; ручательство — благородный примѣръ г. Куйкина. С.

ВЫПУСКЪ ВОСПИТАНИЦЪ ИЗЪ УЧИЛИЩА ФЕЛЬДШЕРИЦЪ. — Въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательнаго дома С. Петербургскаго опекунскаго совѣта происходилъ, 21 октября, первый выпускной экзаменъ воспитанницамъ училища *фельдшерницъ*. Первоначальная мысль учрежденія училища принадлежитъ бывшему директору писмоводства П. И. Соломону, который, убѣдившись, по дѣламъ воспитательнаго дома, въ необходимости учредить, для женскихъ лазаретовъ его, разсадникъ хожатыхъ, представилъ совѣту соображенія по этому предмету. Стоило только заявить эту благую мысль, дабы встрѣтить въ совѣтѣ самое теплое и просвѣщенное участіе къ ея осуществленію. Такъ возникло въ 1855 г., при С. Петербургскомъ воспитательномъ домѣ, училище хожатыхъ (фельдшерницъ), имѣющее цѣлю отстранить общій, до-сихъ-поръ, недостатокъ женскихъ больницъ и особенно лазаретовъ женскихъ учебныхъ заведеній — отсутствіе такихъ приготовленныхъ къ занятію хожатыхъ за больными, которыя-бы не ограничивались однѣми обязанностями госпитальной прислуги, но были ближайшими помощницами палатнымъ врачамъ, слѣдя вѣрно, на основаніи науки и опыта, за перемѣнами въ ходѣ болѣзни и разумно передавая ихъ медику. Мы знаемъ о существованіи еще только одного подобнаго училища въ Европѣ: оно основано, въ 1856 году, въ Манчестерѣ, чтителями извѣстной подвигами челоуѣколюбія миссъ Нейтингаль, послѣ возвращенія ея изъ Крыма. Общественное сочувствіе къ одной мысли учрежденія его было чрезвычайное: на митингѣ, происходившемъ по сему случаю въ Манчестерѣ, подъ предсѣдательствомъ мера этого города, была открыта подписка добровольныхъ приношеній, назначенъ комитетъ, а рѣчи, произнесенныя тамъ членами парламента, г. Сидней-Гербертомъ, лордомъ Стенли и г. Мильнеромъ, сопровождалась жаркими рукоплесканіями. Изъ этого видно, что мысль объ училищѣ хожатыхъ или фельдшерницъ возникла и осуществлена у насъ годомъ прежде чѣмъ въ Англіи. Въ какой степени наше училище достигаетъ бла-

готворной своей цѣли, можно судить по первому публичному испытанію, происходившему въ присутствіи нашихъ медицинскихъ авторитетовъ, начальницъ заведеній, подъ вѣдомствомъ коихъ состоятъ женскія больницы, и другихъ лицъ, съ любовію слѣдящихъ за каждымъ проявленіемъ отечественнаго развитія. Экзаменъ начался вступительною краткою рѣчью г. преподавателя, доктора *Семенова*, который объяснилъ собранію цѣль и курсъ ученія, общее предназначеніе воспитанницъ и добровольное поступленіе ихъ въ заведеніе изъ разныхъ свободныхъ состояній. Послѣ того были предложены, по билетамъ, вопросы. Первый вынужденный вопросъ касался обзорѣнія вывиховъ въ человѣческомъ организмѣ, второй—составныхъ частей груди и брюшной полости, третій—обращенія крови и различія артерій отъ венъ, четвертый—способа оспопрививанія, предосторожностей при ходѣ оспы, случайныхъ ея уклоненій и перехода къ выздоровленію; далѣе вынимались вопросы о вывихахъ стопы, приготовленіи и употребленіи горчичниковъ, шпанскихъ мушекъ, разнаго рода перевязкахъ, обязанностяхъ, при этихъ операціяхъ, самихъ фельдшерницъ и пр. Сверхъ того, двѣ изъ воспитанницъ разъяснили на скелетѣ вынутые ими вопросы; другія читали по-Латыни, въ удостовѣреніе, что онѣ въ состояніи, въ случаѣ нужды, разбирать и различать рецепты; инныя писали на доскѣ, съ тою-же цѣлью, по-Латыни, подъ диктовку г. преподавателя, и всѣ разъуживали, по виду, запаху и вкусу, показанныя имъ лекарственныя вещества. Кажется, образованіе фельдшерницъ полное, кажется, курсъ ученія задуманъ правильно и глубоко. Но, конечно, ни полнота предписаннаго уставомъ образованія, ни правильно-придуманнныи курсъ не удовлетворяютъ цѣли, если ограничиваются рутиннымъ заучиваніемъ наизусть уроковъ, безсознательнымъ усвоеніемъ неполнѣ понятыхъ познаній, однимъ словомъ, если воспитанницы заучиваютъ мертвую букву, безъ живаго сознанія предмета, безъ практическаго примѣненія къ дѣлу своихъ уроковъ и безъ собственнаго нравственнаго развитія. Но экзаменъ 21 октября доказалъ, что молодыя фельдшерницы не только занимались теоріею, но и постояннымъ примѣненіемъ ея къ дѣлу въ женскихъ отдѣленіяхъ больницы воспитательнаго дома; отвѣты ихъ были незаученные, а видимо составлялись въ умѣ, на основаніи наглядности и опыта. Особенно поразилъ собраніе отвѣтъ, разъясненный одною изъ фельдшерницъ

на скелетъ ноги: замѣтно было, какъ она припоминала видѣнные ею неправильности въ человѣческой стопѣ и изъ неправильнаго, на скелетъ ею самой установленнаго положенія выводила отвѣтъ о томъ, что долженъ, въ подобныхъ случаяхъ, дѣлать медикъ и что приходится на долю фельдшерицы. Также до крайности интересовало присутствовавшихъ разузнаваніе лекарственныхъ веществъ. Извѣстно, что это очень трудно и что не каждый медикъ опредѣлитъ сразу медикаментъ.. Такъ было и съ молодыми фельдшерицами: онѣ то разглядывали какой либо корень, порошокъ, или жидкость, то обнюхивали ихъ, то пробовали на языкъ. Замѣтно было, какъ иногда затруднялись дать названіе, но потомъ съ полною увѣренностію произносили его. Одна изъ воспитанницъ, опредѣливъ такимъ образомъ какой-то корень, отказалась наотрѣзъ попробовать его на языкъ, объяснивъ, что онъ очень горекъ. Такіе сознательные отвѣты произвели общее оживленіе между присутствовавшими: одни изъ врачей приняли участіе въ распознаніи лекарственныхъ вещей, другіе вмѣшивались въ экзаменъ, требуя своими вопросами полнаго развитія отвѣта, иные предлагали сами вопросы, и всѣ невольно высказывали лестное одобреніе. При такихъ вполне-удовлетворительныхъ объясненіяхъ ни одна изъ воспитанницъ не обнаружила признаковъ явнаго сомнѣнія, напротивъ, всѣ онѣ оставили въ посѣтителяхъ то пріятное впечатлѣніе, которое скромность молодыхъ дѣвицъ производитъ на человѣка, сочувствующаго нравственному преуспѣванію. Это обстоятельство, важное само-по-себѣ какъ въ общечеловѣческомъ отношеніи, такъ и по-отношенію къ ихъ обязанностямъ, становится особенно-отраднымъ, если принять въ соображеніе то, что молодыя дѣвицы вступили въ училище ббльшею частью не изъ сиротскихъ заведеній опекунскаго совѣта, а со стороны, изъ семействъ бѣдныхъ родителей, едва умѣя читать и писать по-Русски, и въ-теченіе четырехъ лѣтъ приобрѣли превосходныя познанія, сохранивъ нравственную простоту, въ которой онѣ возрасли. Отдавая полную справедливость г. преподавателю, доктору Семёнову, за способъ его преподаванія и успѣхи фельдшерицъ въ теоріи, слѣдуетъ практическое ихъ направленіе приписать гг. директору и главному доктору воспитательнаго дома и гг. врачамъ, въ палатахъ которыхъ онѣ занимались, а нравственное преуспѣваніе — начальницамъ ихъ, и именно: главной надзирательницѣ *К. И.*

Клейнъ и старшимъ надзирательницамъ: бывшей, *М. К. Зенбуиъ*, и нынѣшней, *Ю. В. Левстаиъ*. Чрезвычайная важность этого заведенія составляетъ причину, по которой, принимая горячо къ сердцу благую мысль его учрежденія, я, быть можетъ, и непризванный къ этому дѣлу, рѣшаюсь высказать печатно свои наблюденія надъ экзаменомъ 21 октября, и надѣюсь, что всѣ бывшіе его свидѣтелями подтвердятъ мои слова и замѣчанія. Не могу также умолчать, что отъ поступающихъ въ это заведеніе требуется только знаніе въ чтеніи и письмѣ по-Русски и первоначальныхъ правилахъ ариѳметики.

Н. ВАРАДИНОВЪ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ ИЛИМЕННИ ЯКУТОВЪ БОГОСЛУЖЕНІЕМЪ НА ИХЪ ЯЗЫКЪ И ПЕРЕВОДОМЪ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ НА ЯКУТСКІЙ ЯЗЫКЪ. — Вопросъ распространенія основныхъ началъ истиннаго просвѣщенія дополняется еще одною замѣчательною новостію. Изъ далекаго угла Россіи, изъ Якутска, пишутъ въ «Московскія вѣдомости» о совершившемся недавно тамъ крайне-знаменательномъ фактѣ на пути духовнаго развитія племени Якутовъ, составляющихъ самую многочисленную часть населенія Якутской области. За 200 слишкомъ лѣтъ Якуты уже начали обращаться въ православіе, а въ настоящее время всѣ они принадлежатъ къ одной православной церкви. Къ чести Русскаго духовенства должно прибавить, что до этого результата оно дошло путемъ самымъ мирнымъ, вполне достойнымъ святости Христова ученія, не употребляя ни хитростей, ни фанатизма. Вѣтченіе столькихъ лѣтъ господства Русскихъ надъ Якутами, послѣдніе ни въ чемъ не измѣнились: они остались вѣрны своимъ обычаямъ, своему языку, образу жизни и одеждѣ. Понятно, что, не имѣя собственной грамоты и не владѣя Русскимъ языкомъ, они не могли-бы ничего уразумѣть о дѣйствіяхъ, къ которымъ ихъ обязывало присоединеніе къ православію, еслибы не способствовали тому словесныя наставленія священниковъ, знающихъ или изучившихъ ихъ языкъ. Но словесныя наставленія часто остаются безплодными даже и не на такой каменистой почвѣ, какъ Якутское племя! Пресвященный *Иннокентій*, архіепископъ Камчатскій, достойный насадитель вертограда Христова, опытомъ дознавъ всю пользу, которую можетъ принести туземцамъ переложеніе священныхъ книгъ на ихъ родной языкъ и введеніе между

ними церковной службы на родномъ ихъ языкѣ. Съ этою цѣлю избранныя имѣ лица духовнаго званія, и даже нѣкоторые изъ мірянъ, хорошо-владѣющіе Русскимъ и Якутскимъ языками, занялись переводомъ священнаго писанія. Потомъ все это пересмотрѣно въ особомъ комитетѣ, который былъ составленъ изъ опытныхъ знатоковъ Якутскаго языка. Такимъ образомъ, къ 1857 г. переведены были слѣдующія книги: всѣ книги Новаго Завѣта, включая Апокалипсиса, изъ Ветхаго — двѣ: Бытія и Псалтирь, изъ богослужебныхъ — служебникъ съ требникомъ, канонникъ, часословъ, а для поученій — «Указаніе пути въ царствіе небесное» и нѣсколько поученій на разные случаи. Для правильности чтенія составлена азбука и грамматика. Главнѣйшими дѣйствителями въ переводѣ книгъ на Якутскій языкъ были: протоіереи — Е. В. *Протопоповъ*, Д. В. *Хитровъ*, Н. Н. *Запольскій* и священники: М. С. *Ощепковъ*, П. К. *Шоповъ* и Д. Д. *Шоповъ*. Но письменныхъ переводовъ было недостаточно и пользоваться ими не совсѣмъ удобно: а потому ихъ необходимо слѣдовало замѣнить печатными. Для сего отправленъ былъ преосвященнымъ *Иннокентіемъ* въ Москву протоіерей Д. В. *Хитровъ*, который, какъ составитель Якутской грамматики, долженъ былъ наблюдать за правильнымъ печатаніемъ Якутскихъ книгъ при синодальной типографіи. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что сумма, необходимая для напечатанія книгъ и вообще на типографскія издержки, отнесена на счетъ св. синода, а между-тѣмъ изъ пожертвованій, внесенныхъ разными лицами, преимущественно Якутами, сочувствующими пользѣ предпринятаго труда, готовится новый капиталъ для новаго изданія. Наконецъ, столь важное дѣло, начавшееся съ благословенія св. синода, окончилось: въ настоящемъ году протоіереемъ Д. В. Хитровымъ привезены были печатныя книги, потребныя для богослуженія на Якутскомъ языкѣ. Типографскій трудъ исполненъ чрезвычайно-добросовѣстно, и лучшаго изданія всѣхъ вообще вышедшихъ книгъ нельзя было ожидать. Текстъ напечатанъ обыкновенными Славянскими буквами; немногіе звуки, неимѣющіе мѣста въ Русскомъ языкѣ, изображены особыми, весьма понятными знаками. 19-й день іюля назначенъ былъ его высокопреосвященствомъ для отправленія въ первый разъ божественной литургіи на Якутскомъ языкѣ. Съ ранняго утра толпы народа спѣшили къ соборной церкви, которая едва-ли когда вмѣщала

столько молящихся, какъ въ тотъ день. Тутъ были Якуты, были и Русскіе, бѣльшая часть которыхъ знаетъ Якутскій языкъ, а нѣкоторые даже предпочитаютъ. Обѣднѣ предшествовалъ благодарственный Господу Богу молебенъ, отправленный его высокопреосвященствомъ, архіепископомъ Иннокентіемъ, который самъ читалъ и евангеліе на Якутскомъ языкѣ. По окончаніи молебна, владыка обратился съ краткою рѣчью къ инородцамъ. Затѣмъ служащіе приняли отъ архіепископа благословеніе и послѣдовала литургія. Первые звуки Якутскаго языка, на которомъ отправлялось рѣшительно все богослуженіе, казались удивительными для самихъ Якутовъ. Имъ, вѣроятно, казалось невозможнымъ передать на ихъ родномъ языкѣ то, что они теперь слышали. Хотя служеніе происходило въ первый разъ, но оно шло чрезвычайностройно, обычнымъ порядкомъ. Мы удостовѣрились посредствомъ разспросовъ, что инородцевъ чрезвычайно заняло читанное на тотъ разъ Евангеліе (Іоан. XVII, 1—24) и читанная во-время запричастнаго взъ евангелія Матѳея глава V. Якутовъ до того тронуло это событіе, что родоначальники ихъ, отъ лица всѣхъ своихъ собратій, представили владыкѣ покорнѣйшую просьбу, чтобы 19 іюля навсегда было днемъ праздничнымъ, потому что въ этотъ день они въ первый разъ услышали божественное слово во храмѣ на своемъ родномъ языкѣ.

МЫСЛЬ О ПОЛЬЗѢ И НЕОБХОДИМОСТИ УСТРОЕНІЯ ВЪ РОССИИ ОБЩЕСТВА ИЗОБРЕТЕНІЯ ДАРОВАНІЙ.—Заемствуемъ изъ Указателя полит.-экон. нижеслѣдующую статью г. *Болентьева*: «Въ наше счастливое время, когда всѣ умственные и нравственные силы Русскаго общества дружно стремятся къ одной цѣли—благу любезнаго отечества, взяли и мы на себя смѣлость выразить свою душевную мысль, исполненіемъ которой думаемъ принести обществу хотя сотую долю пользы, и этимъ показать свое участіе въ общемъ стремленіи къ просвѣщенію. Извѣстно всѣмъ и каждому, что въ великой семьѣ Русской, въ средѣ мелкой провинціальной жизни, въ малообразованномъ и бѣдномъ классѣ народа немало встрѣчается личностей съ прекрасными природными дарованіями по всѣмъ частямъ нравственно-разумной человѣческой дѣятельности. Къ-сожалѣнію, эти рѣдкія дарованія часто преждевременно гибнутъ отъ недостатка сочувствія

и отъ борьбы съ бѣдностью; отъ этой борьбы они скоро растрачиваютъ свои физическія и нравственныя силы, и переходятъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей или преждевременно сходятъ въ могилу. Безспорно, что необходимо воспитывать и развивать обыкновенныхъ людей; но воспитывать и развивать, а слѣдовательно поощрять и покровительствовать личности, отмѣченныя печатью особенныхъ природныхъ дарованій, еще необходимѣе: съ людьми обыкновенными далеко не уйдешь, люди необыкновенные и гениальные суть мощные двигатели общества на пути къ прогрессу. Долгъ cadaго благомыслящаго человѣка и образованнаго гражданина—доводить о такихъ талантливыхъ личностяхъ до всеобщаго свѣдѣнія посредствомъ органовъ литературной гласности, т.-е. посредствомъ газетъ и журналовъ; особенно полезно и необходимо извѣщать о нихъ ученую публику и правительство. Между тѣмъ, сколько намъ извѣстно по многолѣтнему опыту, означенныя мѣры оказываются весьма недостаточными, почему, для усиленія способовъ, настоятъ вопіющая необходимость учредить въ Россіи, въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и многочислѣннѣйшихъ селеніяхъ нашихъ, по примѣру Высочайше утвержденнаго Общества поощренія художниковъ—Общества поощренія и покровительства отечественныхъ дарованій, въ какомъ-бы родѣ эти дарованія ни были: будетъ-ли это врачъ, музыкантъ, механикъ, живописецъ, техникъ—каждый изъ нихъ долженъ находить въ означенномъ Обществѣ сочувствіе и покровительство и, при просвѣщенномъ содѣйствіи его, развивать и совершенствовать способности свои на благо и во славу родной страны и всего челоувѣчества; этого учрежденія ждетъ Русская семья во имя цивилизаціи. Проживъ 30 лѣтъ въ сферѣ Русской провинціальной жизни, и, во все это время, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми классами нашего провинціального общества, мы имѣли случай вполне убѣдиться въ томъ—сколько богатъ народъ Русскій самоучками, т.-е. самобытными дарованіями по всѣмъ предметамъ умственной и нравственной дѣятельности, и сколь часто эти дарованія, только дивя свой муравейникъ, остаются безъ сочувствія, и гибнутъ. Нашли-же возможность основать у насъ разныя промышленныя, ученныя и хозяйственныя общества поощренія и покровительства отечественныхъ дарованій во всѣхъ родахъ. Цѣлью означеннаго общества должно быть ревностное и просвѣщенное стремленіе къ

отысканію и поддержанію родныхъ самобытныхъ талантовъ, къ развитію и покровительству ихъ. Общество поощренія дарованій въ разныхъ родахъ всѣми мѣрами да печется о приобрѣтеніи въ массѣ народа Русскаго полезныхъ и даровитыхъ дѣятелей для искусствъ, ремеслъ и для науки, въ чемъ и состоитъ главная задача современнаго Русскаго общества; а возвышенно-высокая цѣль и великая польза, которой это общество достигнетъ, будетъ укрѣплять его силы въ этомъ многотрудномъ предпріятіи

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА ВЪ ЯПОНИИ. — Японская монетная система во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ монетныхъ системъ. Въ обращеніи у Японцевъ три рода золотыхъ монетъ, два серебряныхъ и три мѣдныхъ. Главная золотая монета, называемая *кобанъ* или *кобанъ*, овальной формы, длиною около двухъ съ половиною дюймовъ, а шириною полдюйма. Монета эта очень тонка, легко сгибается и видомъ своимъ походитъ на самое чистое золото. Поверхность ея испещрена разными фигурами, смыслъ которыхъ не совсѣмъ понятенъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, совокупность этихъ фигуръ изображаетъ гербъ духовнаго владыки имперіи, а фигура, помѣщенная въ центрѣ монеты, есть особый знакъ главнаго инспектора монетнаго двора. Всѣ этой монеты, по двумъ одинаковымъ образчикамъ, составляетъ 0,372 унціи или около 174 грановъ. Затѣмъ слѣдуетъ *золотой итзебу*, всѣмъ въ 43½ грана. Монета эта толще предыдущей и имѣетъ четырехъугольную форму. Длина ея $\frac{3}{4}$ дюйма, ширина $\frac{1}{2}$ дюйма. Самая малая золотая монета, называемая *полу-итзебу*, имѣетъ соответствующіе своему названію размѣры. Серебряныя монеты четырехъ-угольной формы. Большая монета называется *серебряный итзебу*; всѣхъ ея 0,280 унціи или 134½ грана. Малая серебряная монета называется *четверть-итзебу*. Монета изъ красной мѣди, называемая *сто п'сенни*, имѣетъ овальную форму. Это монета толстая, посредніѣ просверленная; длина ея 2 дюйма, а ширина немного болѣе $\frac{1}{2}$ дюйма. Кромѣ-того есть монеты въ *четыре* и *одинъ п'сенни*. Эти монеты круглы, посредніѣ просверлены. *Кобанъ* и *итзебу*, какъ сказано, имѣютъ видъ монетъ изъ чистаго золота и таковыми считаются въ Японіи. Но поскобливъ немного поверхность ихъ, тотчасъ приходишь къ убѣжденію, что въ под-

дѣлкѣ драгоцѣнныхъ металловъ Японцы не уступаютъ Американскимъ и Азіатскимъ ювелирамъ. Они даже не прибавляютъ нѣкотораго количества мѣди для лучшаго маскированія примѣси серебра. Такъ-называемыя золотыя монеты состоятъ на самомъ дѣлѣ почти изъ равныхъ частей золота и серебра. При пробѣ двухъ образчиковъ найдено чистаго золота: въ *кобангѣ*— $0,567\frac{1}{2}$ и $0,568\frac{1}{2}$ частей, въ *итзебу*— $0,566$ частей. Эти цифры указываютъ на опредѣленную, но вѣроятно хранящуюся въ тайнѣ, пропорцію. Такимъ образомъ дѣйствительная стоимость, со включеніемъ серебра, составляетъ для кобанга 4 доллара 44 цента, для итзебу — около 1 дол. 11 центовъ (*). Замѣчательны успѣхи Японцевъ въ поддѣлкѣ золотыхъ монетъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія *кобангъ*, при совершенно той-же формѣ и томъ-же видѣ, какіе онъ имѣетъ въ настоящее время, вѣсилъ 272 грана, содержалъ 0,854 ч. чистаго золота и по стоимости своей равнялся 10-ти долларамъ. Спустя столѣтіе, дѣйствительная стоимость кобанга понизилась до 5 дол. 78 ц., а въ настоящее время составляетъ всего только 4 дол. 44 ц. Другая золотая монета, *золотой итзебу*, не была подвергаема пробѣ, но по всему видно, что она также не имѣетъ нарицательной цѣнности. При пробѣ серебряной монеты оказалось, что она состоитъ почти изъ чистаго серебра, а именно содержитъ его 0,991, что свидѣтельствуетъ объ искусствѣ Японцевъ очищать серебро. Дѣйствительная стоимость ея 37 цент. Приведенные факты могутъ быть интересны для нумизмата и металлурга. Но слѣдующій фактъ обратитъ на себя, вѣроятно, всеобщее вниманіе. Дѣло идетъ объ установленномъ законѣмъ отношеніи между различными Японскими монетами. Устраненные отъ сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ, Японцы опредѣлили отношеніе золота къ серебру на основаніи понятій ихъ объ относительной пользѣ этихъ металловъ. По нашимъ понятіямъ, золотой и серебряный итзебу не могутъ быть взаимно обмѣняемы, т.-е. монета, стоящая для насъ 111 центовъ (и которая стоитъ для Японцевъ около двухъ доллар., потому-что они считаютъ свое золото гораздо высшей пробы противъ дѣйствительной), соответствуетъ монетѣ, стоящей для насъ только 37 ц. Японцы считаютъ Испанскій и Мексиканскій долларъ равнымъ 3-мъ итзебу, т.-е. $\frac{3}{4}$ -мъ кобанга, стоящаго 3 дол.

(*) Долларъ состоитъ изъ 100 центовъ и равняется 1 руб. $31\frac{1}{2}$ коп.

33 ц. При такой несоразмѣрности между стоимостью золота и серебра иностранные спекуляторы могли-бы получить огромныя выгоды. Но, къ-сожалѣнію, Японскіе законы воспрепятствуютъ вывозъ монеты подъ опасеніемъ чрезвычайно-суровыхъ наказаній, вслѣдствіе чего бываетъ очень трудно достать даже нѣсколько штукъ Японской монеты. Отношеніе между *итзебу* и овальной мѣдной монетою въ *сто п'сенни* неизвѣстно. Но такъ-какъ эта монета вѣсится только въ шесть разъ болѣе мѣдной монеты въ одинъ *п'сенни*, то по этому можно полагать, что цѣнность ея есть только воображаемая. Впрочемъ, можетъ быть, что красная мѣдь, изъ которой дѣлается упомянутая монета, имѣетъ въ глазахъ Японцевъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ сплавъ свинца и мѣди, изъ котораго приготавливаются монеты въ одинъ *псенни*.

(Комм. газ.).

КОНЕЦЪ CIV ЧАСТИ.

ВЪ ИЗДАНІИ

ЖУРНАЛА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ,

РУКОВОДСТВА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ,

ВЪ 1860 ГОДУ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

Трехлѣтнее существованіе «Журнала для воспитанія», безъ-составляя, достаточно уже ознакомило съ его цѣлью и направленіемъ тѣхъ родителей и наставниковъ, которые смотрятъ на воспитаніе дѣтей, какъ на свою священнѣйшую обязанность; поэтому, объявляя о продолженіи этого изданія и въ будущемъ 1860 году, редакція считаетъ достаточнымъ повторить свое обѣщаніе, что, слѣдующимъ указаніямъ опыта, она употребитъ всѣ усилія, дабы помещаемыя въ журналѣ статьи удовлетворяли существеннѣйшимъ вопросамъ домашняго и общественнаго воспитанія и образованія. Всѣ ученныя и отвлеченныя разсужденія будутъ допускаемы на страницахъ нашего журнала лишь въ видѣ особаго исключенія.

Такъ-какъ изданіе наше своимъ названіемъ не разъ уже ввело въ заблужденіе тѣхъ изъ подписчиковъ, которые полагали найти въ немъ чтеніе для юношества, то редакція, желая точнѣе опредѣлить назначеніе «Журнала для воспитанія», вынуждена озглавить его съ будущаго года: «Воспитаніе, журналъ для родителей и наставниковъ».

Въ составъ журнала Воспитаніе, по примѣру предыдущихъ годовъ, будутъ входить статьи слѣдующаго содержанія:

I. *Собственно воспитаніе.* Воспитаніе тѣлесное; уходъ за дѣтьми въ здоровомъ и больномъ состояніи. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, эстетическаго вкуса и правилъ нравственности въ дѣтяхъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для дѣтей обоего пола. Обзоръ педагогическихъ системъ. Исторія воспитанія.

II. *Образованіе общественное и домашнее, мужское и женское.* Наставленія и руководства какъ для элементарныхъ занятій, такъ и систематическаго обученія (дидактика и методика). Обзоръ извѣстѣйшихъ методовъ преподаванія. Опыты и приемы преподаванія, почерпнутые изъ практики извѣстныхъ педагоговъ. Проекты для организаціи новыхъ учебныхъ заведеній. Исторія просвѣщенія и исторія учебныхъ заведеній.

III. *Разказы педагогическаго содержанія, физиологическіе очерки наставниковъ и воспитанниковъ.* Воспоминанія изъ школьной жизни. Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ.

IV. *Открытые вопросы и ответы.* Критическія статьи, касающіяся различныхъ современныхъ вопросовъ въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія, съ дѣлюю противодѣйствовать рутинѣ и указывать на злоупотребленія. — *Педагогическіе курсы.*

V. *Смѣсь.* Мелкія статьи, заключающія въ себѣ общепользныя свѣдѣнія для родителей и наставниковъ. Педагогическіе анекдоты и афоризмы.

VI. *Критика и бібліографія.* Критическая оцѣнка лучшихъ произведеній современной педагогической литературы: разборъ сочиненій по части воспитанія, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія, Русскихъ и иностранныхъ.

VII. *Педагогическое обозрѣніе.* Подробное изложеніе, съ критическою оцѣнкою, лучшихъ произведеній педагогической литературы.

VIII. *Педагогическія вѣстимости.* Всякаго рода извѣстія по части воспитанія, какъ отечественныя, такъ и иностранныя. Нововведе-

нія, касающіяся воспитанія, устройства и содержанія учебныхъ и воспитательныхъ заведеній за границей. Акты и замѣчательнѣйшія рѣчи. Лѣтопись всѣхъ правительственныхъ узаконеній и распоряженій по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ.

Къ тексту по мѣрѣ надобности будутъ прилагаться рисунки и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ :

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, въ 8 листовъ каждая, 6 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 8 руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отъ гг. иногородныхъ, кромѣ Москвы, *исключительно* въ редакціи журнала «Воспитаніе».

Въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. А. Исакова, на Невскомъ проспектѣ, противъ католической церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Ф. О. Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ.

Редакція проситъ желающихъ подписаться на журналъ «Воспитаніе» объявлять свои требованія заблаговременно, надписывая на нихъ единственно слѣдующій адресъ: *въ Редакцію журнала «Воспитаніе» въ С. Петербургѣ*; казенныя вѣдомства могутъ присылать деньги въ теченіе будущаго 1860 г.

Редакторъ-издатель А. А. ЧУШНИКОВЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DIVISION OF THE PHYSICAL SCIENCES
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5708 SOUTH CAMPUS DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

RESEARCH REPORT

REPORT NO. 1000
DATE: 1960

RESEARCH REPORT

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DIVISION OF THE PHYSICAL SCIENCES
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5708 SOUTH CAMPUS DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DIVISION OF THE PHYSICAL SCIENCES
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5708 SOUTH CAMPUS DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60637

ОГЛАВЛЕНИЕ
СТО ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

—♦—
ОТДѢЛЕНИЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за августъ, сентябрь и октябрь
1859 годѣ.

	Стран.
32. (27 августа) О назначеніи въ совѣтъ народнаго просвѣщенія Варшавскаго учебнаго округа одного члена изъ юристовъ.....	3
33. (3 августа) О назначеніи военныхъ врачей въ университетскія и академическія клиники съ научною цѣлію...	9
34. (2 сентября) Объ устройствѣ при клиникѣ Харьковскаго университета отдѣленія гальвано-магнитныхъ леченій, подъ названіемъ «Маньковскаго».....	11
35. (20 октября) Объ учрежденіи школъ для образованія дѣтей горскихъ племенъ Кавказа.....	23
36. (20 октября) Проектъ устава горскихъ школъ.....	24
37. (20 октября) Штатъ горскихъ школъ.....	38
38. (25 октября) Объ утвержденіи штатовъ Новочеркасской гимназіи и окружныхъ училищъ Войска Донскаго.....	42
39. (25 октября) Штатъ Новочеркасской гимназіи.....	43
40. (25 октября) Штатъ окружныхъ училищъ Войска Донскаго.....	45

41. (29 октября) О предоставленіи генералу-отъ-артиллеріи Глинкѣ 1-му права выбора стипендіатовъ на стипендію его имени..... 47
- Высочайшіе приказы за 1859 годъ: № 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39..... 6, 12, 47

Министерскія распоряженія за августъ, сентябрь и октябрь 1859 года.

16. (24 августа) О введеніи преподаванія Англійскаго языка въ Московской четвертой гимназійи..... 6
17. (27 августа) О сохраненіи статскимъ совѣтникамъ Благовѣщенскому и Штейнману званія ординарныхъ профессоровъ..... —
18. (28 октября) Объ учрежденіи при благородномъ пансіонѣ 1-й С. Петербургской гимназійи должности восьмага комнатнаго надзирателя..... 51
- Приказы министра нар. просв. за 1859 годъ: № 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26..... 7, 15, 51 ✓

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

- Идея. *И. Д. Юркевича*. 1 и 87
- Иппіасъ бѣлшій. Разговоръ Платона. Перев. съ Греч. проф. *В. Н. Карпова*. 36
- Педагогическія наблюденія надъ практическою методою преподаванія Русскаго языка и критическій взглядъ на нее. *А. Ш. Добротворскаго*. 126 и ~~252~~ ²²¹ ✓
- Отчетъ о дѣйствіяхъ археографической комиссіи въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія ея..... 167 ✓

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

- Выписки изъ протоколовъ засѣданій археографической комиссіи..... 1 ✓

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Обзоръ большихъ библиотекъ Европы въ началѣ 1859 года.

В. И. Соболецъкова..... 1 и 53 ✓

ОТДѢЛЕНИЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Книги, изданныя въ Россіи:

Начала политической экономіи. Соч. Ивана Горлова (рец. *Д. М.*). 73
 Воспоминанія поклонника Святаго Гроба (рец. *И. Н. Березина*). 118

Обозрѣніе газетъ и журналовъ:

Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за первую треть 1859 года: VIII. Критика. IX. Библиографія и исторія литературы. X. Изящная словесность. XI. Свободныя художества. XII. Математическія науки. XIII. Военныя науки. XIV. Науки, относящіяся къ мореплаванію. XV. Горныя науки. XVI. Естественныя науки. XVII. Медицинскія науки. XVIII. Промышленность, технологія и сельское хозяйство. 1

Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за вторую треть 1859 года: I. Богословіе. II. Философія. III. Педагогика. IV. Правовѣдѣніе. V. Политическія науки. VI. Географія, этнографія и путешествія. VII. Исторія Русская и всеобщая. VIII. Языкознаніе. IX. Критика. X. Библиографія и исторія литературы. XI. Изящная словесность. XII. Свободныя художества. XIII. Математическія науки. XIV. Военныя науки. XV. Науки, относящіяся къ мореплаванію. XVI. Горныя науки. XVII. Естественныя науки. XVIII. Медицинскія науки. XIX. Промышленность, технологія и сельское хозяйство.... 125 и 189

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

Новости и Смысь.

I. Новости естественныхъ наукъ.

Значеніе гликогена при развитіи зародыща.....	1
Мнимые органы слуха насѣкомыхъ.....	12
Изученіе нисшихъ водорослей.....	16
О продушинкахъ сосудовъ и древесинныхъ клѣточекъ.....	23
Сохраненіе вида въ низшихъ отдѣлахъ животнаго царства	51, 113
Органы, отдѣляющіе смолу.....	67
Новая гипотеза Леверье.....	125

II. Разныя извѣстія.

Правила для посылаемыхъ за границу врачей.....	26
Записка о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ Тютчевѣ.....	28
Возобновленіе Романовскихъ палатъ.....	31
Открытіе женскаго училища въ Хвалыинскѣ.....	32
Программа конкурса для замѣщенія вакантной каѳедры все- общей исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ уни- верситетѣ.....	34
Публичныя лекціи въ Кіевѣ.....	—
О прекращеніи изданія «Военнаго журнала».....	36
Степанъ Михайловичъ Усовъ.....	41
Годичное засѣданіе Парижской академіи наукъ.....	44
Раздача Монтионовскихъ премій.....	46
Гавань Вей-хай-вей въ Желтомъ морѣ.....	47
Бракъ и безбрачіе въ отношеніяхъ ихъ къ продолжительно- сти жизни.....	48
Новый уставъ Императорской академіи художествъ.....	80
Данныя изъ отчета по министерству юстиціи за 1857 г.....	87
Медико-хирургическая академія въ Варшавѣ.....	90
Засѣданіе Императорскаго археологическаго Общества.....	93
Освященіе дома Тверской гимназіи.....	95
Воскресныя школы въ Кіевѣ.....	98 ✓
О пожертвованіи почетнаго члена Императорскаго Харь- ковскаго университета Донецъ-Захаржевскаго.....	98

Въ воспоминаніе лейбъ-медика Н. Ѳ. Арендта	99
Приглашеніе къ участию въ Обществѣ естествознанія и путешесствій въ память А. Гумбольдта.	101
Извѣстія о Фраяклинѣ.	103
Приглашеніе Русскихъ духовныхъ писателей къ пожертвованію своихъ произведеній въ даръ библіотекъ Аѳинскаго университета.....	194
Андрей Кондратьевичъ Бабичевъ	105
Жилище и могила Александра фонъ-Гумбольдта.....	108
Посѣщеніе Шамилемъ Калужской гимназіи.....	112
Преміи за сочиненія о православной вѣрѣ и церкви.....	145
Двадцатипятилѣтіе археографической комиссіи.....	147
Новая коллекція восточныхъ рукописей въ Императорской публичной библіотекѣ	148
Выставка Тишендорфовскаго собранія въ Императорской публичной библіотекѣ.....	150
Засѣданіе Императорскаго Русскаго географическаго Общества.....	153
Объ устройствѣ земледѣльческой статистики въ Царствѣ Польскомъ	158
Архангельское дѣвичье училище.....	161
Выпускъ воспитанницъ изъ училища фельдшерницъ.....	165
Просвѣщеніе племени Якутовъ богослуженіемъ на ихъ языкѣ и переводомъ церковныхъ книгъ на Якутскій языкъ..	168 ✓
Мысль о пользѣ и необходимости учрежденія въ Россіи Общества поощренія дарованій	170
Монетная система Японіи.....	172

GENERAL LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA—BERKELEY

RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

STORAGE
ANNEX

17 JUL '63 KL

17 Aug.

REC'D LD

JUL 19 1963

LD 21-100m-1,'54(1887s16)476

YC 69405

845605

**STORAGE
ANNEX**

*L457
100
2004*

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

